- архидиакон Павел Алеппский
  - Выпуск 1. От Алеппо до земли казаков
    - Предисловие переводчика
    - Введение
    - Книга I. От Алеппо до Молдавии
    - Глава I. Алеппо.-Антиохия.-Монастырь св. Симеона.-Бор
    - Глава II. Кония.-Монастырь св. Харитона
    - Глава III. Брусса. — Мраморное море
    - Глава IV. Константинополь. — Приезд
    - Глава V. Константинополь. — Патриаршая церковь
    - Глава VI. Константинополь. — Кум-Капу. Св. София
    - Глава VII. Константинополь. — Ат-Мейдан, или Гипподром
    - Глава VIII. Константинополь. — Сераль. Сожженная колонна
    - Глава IX. Константинополь. — Сулейманиэ. Хас-Кёй. Ок-Мейдан
    - Глава X. Константинополь. — Галата
    - Глава XI. Константинополь. — Пожар. Поездка в Кум-Кану
    - Глава XII. Константинополь.-Махалле-Ассамата
    - Глава XIII. Константинополь. — Семь Башен. Живоносный Источник
    - Глава XIV. Константинополь. — Босфор. Терапия
    - Глава XV. Константинополь. — Служение в Фанаре
    - Глава XVI. Константинополь. — Отлучение от церкви
    - Глава XVII51. Черное море
    - Глава XVIII. Болгария
    - Книга II. Молдавия
    - Глава I. Молдавия. — Галац
    - Глава II. Молдавия. — Жилища и одежда
    - Глава III. Молдавия. — Васлуй
    - Глава IV. Молдавия. — Скинтей
    - Глава V. Молдавия.-Яссы. Въезд патриарха в город
    - Глава VI. Яссы. — Церковь св. Саввы
    - ГлаваVII. Яссы. — Приём при двор. Подарки
    - Глава VIII. Яссы. — Монастырь Голия
    - Глава IX. Яссы. — Пир при дворе. Характеристика господаря
    - Глава X. Яссы. — Монастыри86
    - Глава XI. Яссы. — Великий пост. Съестные припасы
    - Глава XII. Яссы.-Служения патриарха.93
    - Глава XIII. Яссы. — Панихида и отпевание
    - Глава XIV. Яссы. — Восстание великого логофета
    - Глава XV. Яссы. — Война. Прибытие казаков в Молдавию и поражение нового господаря
    - Глава XVI. Яссы. — Возвращение Василия
    - Глава XVII. Яссы. — Выступление в поход. Служение патриарха
    - Глава XVIII. Яссы. — Неудача Василия
    - Глава XIX. Яссы. — Троицын день. Монастырь св. Иоанна Нового. Плоды
    - Глава XX. Яссы. — Окончательное поражение
    - Глава XXI. Яссы. — Грабеж
    - Глава XXII. Яссы. — Вторичное прибытие Тимофея с казаками в Молдавию

- Глава XXIII. Молдавия.-Осада Сучавы.-Смерть Тимофея
- Глава XXIV. Молдавия.-Василий.-Татары.-Отъезд патриарха
- Глава XXV. Молдавия. — Роман
- Книга III. Валахия
- Глава I. Валахия. — Бузео. Тырговишт
- Глава II. Тырговишт. — Дворец. Служения в дворцовой церкви
- Глава III Тырговишт. — Праздник Богоявления
- Глава IV. Тырговишт. — Митрополичий дом
- Глава V. Тырговишт. — Климат. Нравы и обычаи
- Глава VI. Тырговишт. — Описание похоронного обряда
- Глава VII. Тырговишт.-Великий пост. Чин умовения ног. Святая неделя
- Глава VIII. Тырговишт. — Кончина господаря Матвея
- Глава IX. Тырговишт.-Описание чина поставлена нового господаря
- Глава X. Тырговишт. — Похороны господаря Матвея
- Глава XI. Тырговишт. — Описание чина крестного хода но четвергам в Валахии
- Глава XII. Тырговишт. — Соляный копи. Рудники. Посольство в Стамбул. Праздник Вознесения
- Глава XIII. Тырговишт. — Отъезд. Монастырь в Филипешти
- Глава XIV. Проезд чрез Молдавию. — Прут

- Выпуск 2. От Днестра до Москвы
  - Книга IV. Украина и Киев
  - Глава I. Украина. — Переправа через Днестр. — Рашков. — Набожность жителей. Церковное пение. — Грамотность — Дети-сироты. — Протяжение казацкой земли.
  - Глава II. Украина. — Дмитрашевка. — Торжественная встреча патриарха. — Причина подчинения Малороссии царю.
  - Глава III. Украина. — История войны казаков с ляхами.
  - Глава IV. Украина. — Продолжение истории войны казаков с ляхами.
  - Глава V. Украина. — Дальнейший путь. — Многолюдство. — Обилие городов. — Укрепления. — Татарские набеги.
  - Глава VI. Украина. — Дальнейший путь. Разоренные местечки. Хмельницкий и казаки. Дворцы польских вельмож. Умань. Особенности церковной службы.
  - Глава VII. Украина. — Дальнейший путь. Торжественные встречи патриарха. Дворец Калиновского в Маньковке. Польские правители. Церковь. Армяне и евреи.
  - Глава VIII. Украина. — Дальнейший путь. Мельницы. Леса. Дети. Домашние животные. Породы свиней.
  - Глава IX. Украина. — Богуслав. Свидание патриарха с гетманом Хмельницким.
  - Глава X. Украина. — Административное устройство. Посещение патриархом казацкого лагеря и прощание с гетманом.
  - Глава XI.. Украина. — Триполье. Описание церкви. Евреи.
  - Глава XII. Украина. — Васильков. Описание иконы. Живопись. Угодья Печерского монастыря.
  - Глава XIII. Киев. — Печерский монастырь. Приезд и встреча. Святые ворота. Келии. Монахи. Трапеза.
  - Глава XIV. Киев. — Печерский монастырь, Описание великой церкви. Монастырский сад. Колокольни.

- Глава XV. Киев. — Печерский монастырь. Описание Ближних и Дальних пещер.
- Глава XVI. Киев. — Вознесенский монастырь. Типография Печерского монастыря.
- Глава XVII. Киев. — Печерский монастырь. Служения в праздник апостолов Петра и Павла. Отъезд из монастыря. Колокол Св. Софии.
- Глава XVIII. Киев. — Рассказ о городе Киев и о том, как казаки устроили церкви и монастыри 243 . Отец Илия и французский философ.
- Глава XIX. Киев. — Описание церкви св. Софии.
- Глава XX. Киев. — Златоверхо-Михайловский монастырь. Крепость. Описание города. Братский монастырь.
- Книга V. От Киева до Коломны
- Глава I. Украина. — Выезд из Киева. Переправа через Днепр. Дальнейший путь. Быков. Икона Рождества Богородицы. Прилуки. Описание крепости. Вишневецкий. Баня.
- Глава II. Прилуки. — Густынский Троицкий монастырь.
- Глава III. Украина. — Дальнейший путь. Крапивна, Красный, Корыбутов. Освящение церкви. Приюты для сирот и нищих. Известия о нетерпеливом ожидании патриарха в Москве.
- Глава IV. Путивль. — Торжественная встреча патриарха Подношения. Греческие монахи.
- Глава V. Путивль. — Иностранцы в России. Отношение к ним русских. Сербский митрополит. Посещение патриарха воеводой.
- Глава VI. Путивль. — Описание города и крепости. Церкви.
- Глава VII. Путивль. — Одежда духовенства. Набожность русских.
- Глава VIII. Путивль. — Служение патриарха в крепостной церкви. Татарские рабы.
- Глава IX. Путивль. — Кир Иеремия. Монастырь Богоматери.
- Глава X. Путивль. — Путевые меры. Монета. Дорожное содержание патриарха и его свиты. Молельщики. Архиепископы Кипра и Охриды. Сербский митрополит Гавриил.
- Глава XI. Московская земля. — Выезд из Путивля. Плохое состояние дороги. Татарская граница.
- Глава XII. Московская земля. — Севск. Воевода. Угощение им патриарха. Крепость в церкви.
- Глава XIII. Московская земля. — Земледельческие орудия. Различные роды посевов. Гумна и скирды.
- Глава XIV. Московская земля. — Леса. Липа и поделки из нее. Пожары. Жилища. Женщины и их одежда. Мужчины, их одеяние и бороды.
- Глава XV. Московская земля. — Карачев. Монастырь Воскресения. Болхов. Кузницы. Польские пленники. Молебствия и крестные ходы по случаю войны. Лесные засеки. Белев и рева Ока. Известие о моровой язве. Скверные дороги и дожди. Переправа чрез Оку.
- Глава XVI.. Московская земля. — Калуга. Крепость и церкви. Хлебы. Дыни. Новые известия о моровой язве. Выезд из Калуги и дорожные трудности. Возвращение в Калугу и приготовления к путешествию по Оке. Праздник Преображения. Характеристика воевод.
- Глава XVII. Московская земля. — Путешествие по р. Оке. Патриаршее судно. Алексин, Таруса, Кашира. Остановка у Каширы и праздник Успения. Источники в

Кашире. Воевода из арабов.
- Глава XVIII. Московская земля. — Монастырь Троицы. Дальнейшее плавание и остановка у Голутвина монастыря. Наивное изумление жителей. Мелководье на Оке. Москва-река. Беглецы из Москвы. Посещение монастыря. Приезд в Коломну.
- Книга VI. Коломна
- Глава I. Коломна. — Описание города. Церкви.
- Глава II. Коломна. — Архиерейский дом. Приказ и тюрьма. Коломенская епископия. Причина ссылки епископа Павла.
- Глава III. Коломна. — Водосвятие и крестный ход по случаю моровой язвы.
- Глава IV. Коломна. — Набожность русских. Особенности церковных служб.
- Глава V. Коломна. — Церковное пение. Духовенство. Мощи. Новый Год.
- Глава VI. Коломна. — Описание моровой язвы.
- Глава VII. Коломна. — Рассказ о походе царя под Смоленск. Гетман Радзивил.
- Глава VIII. Коломна. — Продолжение рассказа о походе. Богатый московский купец. Пожертвования на военные нужды. Численность царского войска. Результаты похода.
- Глава IX. Коломна. — Служения патриарха. Зимние холода. Перевозка припасов и их дешевизна. Собаки. Действие сильных морозов.
- Глава X. Коломна. — Ставленники. Николин день.
- Глава XI. Коломна. — История Петра митрополита. Рождественские праздники.
- Глава XII. Коломна. — Положение духовенства. Праздник Крещения и крестный ход на воду. Рассказ о крестном ходе в Москве.
- Глава XIII. Коломна. — Рассказ о Туле и тамошних железных заводах. Посещение патриарха архиепископом рязанским.
- Глава XIV. Коломна. — Неопределенность положения патриарха и просьбы его о дозволения ехать в Москву. Прибытие драгоманов. Отъезд из Коломны. Зимний путь. Остановка в Выхине. Приезд в Москву.

- Выпуск 3. Москва
  - От переводчика
  - Книга VII
  - Глава I. Москва, — Въезд патриарха в столицу. Остановка и пребывание его в монастыре свв. Афанасия и Кирилла в Кремле.
  - Глава II. Москва. — Возвращение патриарха Никона. Торжественный въезд царя.
  - Глава III. Москва. — Сбор войска. Вторжение в Украину поляков и подвиг Хмельницкого. Ратники из кочевых племен.
  - Глава IV. Москва. — Перепись подарков, привезенных патриархом Макарием.
  - Глава V. Москва. — Торжественный прием патриарха Макария царем. Свидание его с патриархом Никоном.
  - Глава VI. Москва. — Архиепископ сербский. Угощение патриарха Макария за царским столом.
  - Глава VII. Москва. — Подарки Макария патриарху Никону и московским боярам. Боярские палаты. Постройки в Москве. Обычаи бояр. Церковь московского богача.
  - Глава VIII. Москва. — Царская милостыня патриарху Макарию и его спутникам. Приезжие греки и их хитрости.
  - Глава IX. Москва. — Торжество в неделю мясопустную.
  - Глава X. Москва. — Служение патриархов в дворцовой церкви. Царская трапеза. Патриарх Никон и перенесение им мощей св. Филиппа митрополита.

- Глава XI. Москва. — Заупокойное служение в Успенском соборе.
- Глава XII. Москва. — Обед у патриарха Никона. Появление на обеде людоедов. Их обычаи. Разговор с нимии Никона и угощение их.
- Книга VIII
- Глава I. Москва, — О царе Иоанне Грозном и завоевании им Казани, Астрахани и Сибири.
- Глава II. Москва, — О сибирских мехах.
- Глава III. Москва. — О завоевании восточной Сибири, о тамошних народах и произведениях.
- Глава IV. Москва. — Завоевания казаков в восточной Сибири. Москва под владычеством татар и митрополит Петр. Дань татарам. Укрепления на южной границе.
- Глава V. Москва. — Татарские послы в Москве. Отношение русских к иностранным послам и вообще к иностранцам. Патриарх Никон и богатый армянин. Торговля англичан.
- Глава VI. Москва. — Известия о Грузии, о царе Теймуразе и царице Елене.
- Глава VII. Москва. — Крещение иноверцев. Касимовский царевич и польский пан. Конец обеда у патриарха Никона.
- Глава VIII. Москва. — Содержание духовенства. Набожность царя. Алексей Михайлович и бояре.
- Глава IX. Москва. — Описание Успенского собора441.
- Глава X. Москва. — Архангельский и Благовещенский соборы.
- Глава XI. Москва. — Описание Ивановской и других кремлевских колоколен. Порядок звона в колокола. Приготовления к отливке колокола в 12.000 пудов.
- Глава XII. Москва. — Служение в воскресенье Сыропуста. Известия с театра войны. Назначение воевод.
- Книга IX
- Глава I. Москва. — Первая неделя Великого Поста. Строгость поста. Жестокие наказания за его нарушение. Монастырские подарки.
- Глава II. Москва. — Подарки от патриарха Макария митрополитам Новгородскому и Ростовскому. О епархиях и монастырях. О слюде.
- Глава III. Москва. — Торжественное служение патриархов в Неделю Православия. Осуждение икон нового письма и двуперстия.
- Глава IV. Москва. — Огорчение по поводу решенного отъезда царя. Заупокойное служение патриархов в Вознесенском монастыре.
- Глава V. Москва. — Служение патриархов в Успенском соборе. Подарок от царя патриарху Макарию. Просьба его отпустить их на родину. Проводы царя и отъезд его.
- Глава VI. Москва. — Численность и состав русского войска на месте военных действий. Союз со шведами. О государях вообще и о султане турецком в особенности.
- Глава VII. Москва. — Затруднительное положение поляков. Тщетные просьбы их о помощи. Еще сведения о числе русских войск. Донские казаки. Русская артиллерия.
- Глава VIII. Москва. — Отношения к крымским татарам. Причины их безнаказанности. Пророческие слова митрополита Исы о татарах. Настоящее политическое положение.

- Глава IX. Москва. — Средства для содержания войска. Выпуск новой монеты. Беглецы из войска. Наказания за разные преступления.
- Глава X. Москва. — Порядок управления в отсутствие царя. Прием у патриарха Никона. Патриарший приказ и тюрьма. Патриаршие бояре. Доходы патриарха Никона. Его строгость к духовенству. Ссылка келаря Троицкого монастыря. Арсений Суханов.
- Глава XI. Москва — День тезоименитства царя. Служение в Алексеевском монастыре. Отпевание монахини в Новодевичьем монастыре. Описание монастыря.
- Глава XII. Москва. — Великопостные служения. Скудная пища. Собор в Москве. Служение патриарха Макария у грузинской царицы Елены.
- Глава XIII. Москва. — Лазарева суббота. Вербное воскресенье. Шествие на ослити.
- Глава XIV. Москва. — Служения в среду и четверг Страстной недели в Успенском соборе.
- Глава XV. Москва. — Чин омовения мощей в Великую пятницу. Чин плащаницы в Великую субботу.
- Глава XVI. Москва. — Светлое Воскресение. Обычай христосоваться. Закрытие питейных домов.

- Выпуск 4. Москва, Новгород и путь от Москвы до Днестра
  - От переводчика
  - Книга X. Москва и Троице-Сергиев монастырь
  - Глава I. Москва. Вскрытие и разлив Москвы-реки. Мосты. Москворецкий мост. Торговые ряды. Лавочные мальчики. Базары
  - Глава II. Москва. Описание Кремля, Китай-города и Белого города Земляной вал. Наказание шпиона
  - Глава III. Москва. Предосторожности от пожаров. Устройство пожарной части. Два боярина из турок. Сведения, сообщенные ими о приказах, областях и доходах
  - Глава IV. Москва. Календарные сведения. Служение патриарха Макария. День именин царевны Ирины. Обилие ставленников. Служения и крестные ходы. Троицын день
  - Глава V. Москва. Троицын день. Рукоположение епископа Коломенского. Подарки новопоставленного архиерея. Власть архиереев
  - Глава VI. Москва. Поднесение редисок патриарху Макарию. Длинные летние дни. Летние жары и холодные напитки. Поминовение на „убогих домах“
  - Глава VII. Троицкий монастырь. Выезд патриарха из Москвы. Остановки и ночлег на дороге. Царские путевые дворцы. Встречи патриарха под монастырем. Остановка в Клементьеве. Поднесение еды и напитков от монастыря. Прием и встреча в монастыре. Торжественное служение в Троицком соборе
  - Глава VIII. Троицкий монастырь. Церковь св. Троицы. Ризница. История препод. Сергия. Успенский собор. Святой колодезь
  - Глава IX. Троицкий монастырь.Трапезная и трапеза. Подарки от монастыря патриарху и его спутникам. Осмотр монастырских строений под руководством Арсения Суханова. Колодец. Стены. Погреба. Почки св. Сергия. Колокольня. Тюрьма и заключенные в ней. Главные ворота. Прощание и отъезд из монастыря
  - Глава X. Москва. Свежие огурцы. Служение и крестные ходы. Московские иконописцы. Поминовение по царе Михаиле

- Глава XI. Москва. Транспорт ружей из Швеции. Испытание ружейных стволов. Известия с театра войны. Празднование побед в Москве. Служения. Дикари. Шутка патриарха Никона
- Глава XII. Москва. Торжество в Новодевичьем монастыре. Разговор с патриархом Никоном. Женский монастырь св. Саввы. Поездка в загородный дворец Никона. Крестный ход на воду 1 августа
- Глава XIII. Москва Любовь патриарха Никона к постройкам. Икона Иверской Божией Матери. История её. Снятие списка с неё для Москвы. Иверский Валдайский монастырь
- Книга XI. Новгород и Москва
- Глава I. Путь в Новгород. Успенский монастырь близ Клина. Прием в Твери. Торжок. Вышний-Волочек. Прибытие в Иверский Валдайский монастырь
- Глава II. Иверский монастырь. Озеро. Встреча в монастыре. Трапезная и убранство ее. Монастырские часы. Служения. Соборная церковь. Дары монастырю от патриарха Никона. Монастырские угодья. Торжество закладки престолов
- Глава III. Путь в Новгород. Трудности дороги. Известия о войне. Плавание но реке Мсте и озеру Ильменю
- Глава IV. Новгород. История Новгорода. Апостол Андрей. Торжественная встреча патриарха в Юрьевом монастыре. Прибытие в Новгород
- Глава V. Новгород. Описание Софийского собора
- Глава VI. Новгород. Значении его. Власть новгородского митрополита. Посещение монастырей. Антониев монастырь. Сырков монастырь и крестный ход. Вяжицкий монастырь
- Глава VII. Новгород. Хутынский Варлаамиев монастырь. Возвращение в Новгород. Свято-духов монастырь. Знаменский собор.
- Глава VIII. Новгород. Торжество новолетия. Отъезд из Новгорода. Остановка в Юрьевом монастыре и описание его
- Глава IX. Обратный» путь в Москву. Прощальный обед в имении митрополита. Остановка в Иверском монастыре. Тверь и монастырь св. Арсения Тверского. Волга. Встреча с патриархом Никоном
- Глава X. Москва. Служения. Известия от царя. Встреча послов австрийского и шведского. Возвращение войска. Польские пленники
- Глава XI. Москва. Николин день. Слух о возвращении царя. Отливка большого колокола
- Глава XII. Москва. Приезд царя в Москву и торжественная встреча его
- Глава XIII. Москва. Прием австрийского и шведского послов. Венецианский посол. Причина и цель этих посольств
- Глава XIV. Москва. Служение патриархов в Успенском соборе в присутствии царя и царицы. Новые патриаршие палаты
- Глава XV. Москва. Праздник св. Петра митрополита. Перемена клобука
- Глава XVI. Москва. Новоселье у патриарха Никона
- Глава XVII. Москва. Праздник Рождества. Христославы. Обедня в Успенском соборе. Описание царского одеяния
- Глава XVIII. Москва. Известия о действиях Бутурлина п Хмельницкого. Гетман Павел Потоцкий
- Глава XIX. Москва. Праздник Богоявления. Известие о победе. День св. Татияны
- Книга XII. Саввин монастырь и Москва. Украйна

- Глава I. Саввин монастырь. Пять монастырей, где служат приезжие патриархи. Обновление Саввина монастыря царем. Поездка туда патриарха Макария. Зимний путь. Торжественная встреча и обед. Разговор царя с патриархом и с его архидьяконо
- Глава II. Саввин монастырь. Всенощная. Эпизод с чтецом. Царь в роли уставщика. Он рассматривает арабский служебник. Обедня. Архидьякон Павел возбуждает общее удивление. Царь показывает мощи св. Саввы. Сосланный греческий дьякон. Обед у царя
- Глава III. Саввин монастырь. Осмотр монастыря. Стены и башни. Соборная и другие церкви. Монастырская трапезная. Больничный монастырь. Царь и патриарх посещают больных. Отъезд царя. Подарки от монастыря патриарху Макарию н отъезд его
- Глава IV. Москва. Появление польских вельмож. Потоцкий. Возвращение натр. Никона. Приготовления к войне со шведами. Сибирские инородцы в Москве. Ревень и мускус. Набор. Свадьба сибирского царевича
- Глава V. Москва. Встреча креста, привезенного из Люблина. Донские казаки в Москве. Завоевание ими Тамани. Их набег на Турцию
- Глава VI. Москва. Письмо от шаха. Челобитные и решения но ним. Царский титул в посланиях от шаха п султана. Печати. Служение. Трапеза у патриарха. Юродивый
- Глава VII. Москва. Служение патриарха Макария в Новоспасском монастыре. Описание монастыря Служение в Чудовом монастыре. Посещение Симонова монастыря и описание его
- Глава VIII. Москва. Служение патриарха Макарии в Чудовом и Вознесенском монастырях. Обычай просить прощения пред наступлением поста. Служение патриарха Макария в Новодевичьем монастыре. Служение в неделю Православия. Смерть Радзивила
- Глава IX. Москва. Просьбы патриарха об отпуске. Задержки Прощальный прием у царя Сербский архиепископ. Подарки. Посещение визиря. Хрисовулы. Раздача разрешительных грамот
- Глава X. Москва. Сборы в дорогу. Отделка и упаковка соболей. Беличьи меха. Царское хранилище икон. Стихарь архидьякона. Подводы
- Глава XI. Москва. Прощание с патриархом Никоном. Отъезд из Москвы. Трудное путешествие до Волхова. Праздник Пасхи в Волхове. Архидьякон в гостях у воеводы
- Глава XII. Волхов. Письмо от царя с просьбой возвратиться в Москву. Огорчение и недоумение путешественников. Обратный путь
- Глава XIII. Москва. Остановка в Симоновке Слухи о ссоре царя с Никоном. Указ об убое скота. Патриарх Макарий и архидьякон Навел у царя. Рассказ о приеме царем греческих купцов на Пасхе и знаменательные слова царя о восточных делах. Польский посол. Послы от Молдавского господаря Стефана
- Глава XIV. Москва. Посвящение Иосифа, архиепископа Астраханского. Приготовления к войне с Швецией. Царь готовится к отъезду. Собор по вопросу о крещении поляков. Причины возвращения в Москву патриарха Макария
- Глава XV. Москва. Отъезд царя из Москвы и проводы его. Письмо царя из Можайска к патриарху Макарию. Отлучение протопопа. Освящение храма на подворье Иверского Валдайского монастыря

- Глава XVI. Обратный путь. Летняя картина местности. Озимые посевы. Севский воевода. Прибытие в Путивль. Путь чрез Малороссию. Ярмарка в Прилуках. Приближение к Киеву. Радость путешественников
- Глава XVII. Киев. Торжественная встреча. Посещение Софийского собора. Разрешительные грамоты. Стечение народа. Посещение патриархом митрополита. Портреты патриархов в его покоях. Златоверхо-Михайловский монастырь. Мощи св. Варвары. Прибытие в Печерский монастырь. Посещение Никольского монастыря. Выдубецкий монастырь. Отъезд
- Глава XVIII. Малороссия. Борисполь. История свв. Бориса и Глеба. Переслав. Церковь Успения. Черкассы. Прибытие в Чигирин. Описание города. Монастырь св. Троицы. Свидание с гетманом. Субботов. Вдова Тимофея Хмельницкого. Лисянка. Освящение церкви в монастыре. Посещение казацкого табора. Опасный путь по границе. Прибытие в Рашков на Днестре

- Выпуск 5. Обратный путь: Модавия и Валахия. Малая Азия и Сирия
  - От переводчика
  - Из Дамаска.
  - Список других моих печатных работ в хронологическом порядке.
  - Книга XIII. Молдавия и Валахия.
  - Глава I. Молдавия. — Прибытие в Яссы. Служения. Содержание, назначенное патриарху. Отъезд господаря. Поездка патриарха в новостроящийся монастырь. Роман. Бакеу. Трудности дороги. Прибытие в монастырь. Описание его. Прощание с господарем и отъезд в Валахию. Прибытие в Тырговишт.
  - Глава II. Тырговишт. — Свидание с господарем. Торжество в праздник Крещении. Пир у господаря. Обилие здравиц. Поездка патриарха в монастырь Арджиш. Описание монастыри. Пребывание в Кымполунге. Возвращение в Тырговшит.
  - Глава III. Тырговишт. — Суровая зима. Монастырь Дялуль. Церемония прощения перед великим постом. Служение в воскресенье Православии. Кончина госнодарыни и погребение её. Вербное воскресенье. Церемония умовения ног в великий четверг. Служения патриарха.
  - Глава IV.712 Тырговишт. — Известия о войне царя со шведами. Союз их с Ракочи. Заносчивость Ракочи и поражение его войска татарами. Рассказ архидиакона о насилиях, совершенных венграми в Валахии.
  - Глава V. Валахия. — Причина промедлении патриарха в Валахии. Поездка его по монастырям. Рымник. Путь в монастырь Козия. Описание монастыря. Отшельник.
  - Глава VI. Валахия. — Редкая книга толкований на псалтирь. Хлопоты архидиакона о снятии с неё списка. Пана Яни, искусный писец. Благополучное довершение дела. Паисий Газский и его книга. Список с неё.
  - Глава VII. Валахия. — Отъезд из монастыря Козия. Монастырь Остров. Золотые россыпи. Цыгане-золотопромышленники. Соляные копи. Монастырь Моноксило. Монастырь. Быстрица. Посещение пещеры.
  - Глава VIII. Валахия. — Монастырь Ариота. О главе св. Михаила, епископа Синодского. Мощи. Дальнейший путь. Римешти. Посещение отставного постельника. Тыргошил.
  - Глава IX. Валахия. — Монастырь Тисманский. Описание его. Тисовое дерево.
  - Глава X. Валахия. — Посещение медного рудника. Описание плавилен. Окрестные города. Придунайские пашалыки. Дальнейший путь.
  - Глава XI. Валахия; — Монастыри Стрехайе, Гурамотро, Цинцарен.

Необыкновенное обилие комаров. Страдания путешественников.
- Глава XII. Валахия. — Посещение патриархом одного вельможи. Похороны. Поминальный обед. Описание свадьбы.
- Глава XIII. Валахия. — Крайова. Монастырь Буковец. Селение Бранковани. Великий ворник Преда. Его богатство. Характеристика его. Гостеприимство и здравицы.
- Глава XIV. Валахия. — Монастырь Хотерен. Заметка о монастырях Св. Горы. Проводник из евреев. Его рассказы.
- Глава XV. Валахия. — Форташ. Каракаль. Монастырь Садова. Монастырь Калуйу. Описание его. Сокровища монастырские. Монастырь Станещь. Усердие жителей к монастырям. Портреты строителей. Дальнейший путь и прибытие в Букарешт.
- Глава XVI. Букарешт. — Дворец. Посещение монастырей. Отъезд. Описание мельницы. Монастырь Комана. Селение Койень и дворец великого постельника.
- Глава XVII. Валахия. — Продолжение поездки по монастырям. Селение Верещь и дворец в нем. Фрундзенещь. Монастырь Тинган и другие. Возвращение в Тырговишт.
- Книга XIV. Валахия.
- Глава I. Тырговишт. — Заметка о погоде. Свадьба господаря.
- Глава II. Тырговишт. — Низложение господаря Константина и причина этого. Прибытие аги казначейства и отправление дани в Константинополь. Непомерные требования великого визиря.
- Глава III. Тырговишт. — Приближение турок и нового господаря. Тревога и бегство жителей. Приготовления к войне.
- Глава IV. Валахия. — Отъезд патриарха в Кымполунг. Вступление татар и турок в Валахию. Нерешительность господаря Константина. Он покидает Тырговишт. Занятие и сожжение Тырговишта татарами. Монастырь Сталия. Отступление господаря в Венгрию.
- Глава V. Валахия. — Патриарх скрывает свое имущество в горных тайниках и уезжает далее в горы. Положение беглецов. Горцы. Мнение великого ворника.
- Глава VI. Валахия — Новый господарь и Букарешт. Его первые действия. Архидиакон на разведках. Постепенное возвращение жителей. Обмен письмами между патриархом и господарем. Набожность господаря. Возвращение патриарха в Букарешт.
- Глава VII. Букарешт. — Свидание патриарха с господарем. Крестные ходы. Коронация. Освящение церкви.
- Глава VIII. Букарешт. — Приготовления к войне с венграми. Затруднительное положение патриарха. Архидиакон Павел отвозит кладь в Галац.
- Глава IX. Валахия. — Возвращение архидиакона из Галаца и новая его поездка для собирания долгов. Свидание его с господарем у Плоешти. Препирательство с вестиарием. Заговор вестиария. Умерщвление его и некоторых других бояр. Возвращение архидиакона в Букарешт. Отъезд патриарха в Галац. Слободзея.
- Глава X. Галац. — Продолжительная остановка за неимением судов. Сведения о ходе войны с венграми.
- Глава XI. Галац. — Наем судна патриархом и отплытие его из Галаца. Рени. Исмаил.
- Глава XII. От Исмаила до Килии. — Способ рыбной ловли. Торговля осетром и икрою. Выход в Черное море.

- Книга XV. Черное море, Малая Азия, Сирия.
- Глава I. От устья Дуная до Синопа. — Каварна, Варна, Сизеболи. Гераклея, Амастрис, Инеболи.
- Глава II. Синоп. — Описание города и церквей. Местные обычаи.
- Глава III. Синоп. — Известия о событиях в Сирии. Битва Муртезы-паши с Хасаном-пашою. Осада Алеппо Сеид-Ахмедом-пашою и неудачная попытка Хасана-паши овладеть этим городом. Отъезд из Синопа. Самсун. Прибытие в Энос.
- Глава IV. Описание Эноса. — Занятие его жителей. — Город Аргости.
- Глава V. Описание Неокесарии. — Деревня Омала. — Комана. — Токат.
- Глава VI. Описание Токата. — Паолос. — Сивас. — Казнь Хасана-паши в Алеппо и истребление его сторонников.
- Глава VII. Отъезд из Сиваса. — Улаш. Кангал. Эльмагайр. Описание города Дерендэ.
- Глава VIII. Город Алъбистан. — Опасная переправа через реку Джихан. — Место поклонения Сурб-Карапет. — Зейтун.
- Глава IX. Мараш. — Осман-Дада. — Бурдж. — Митрофан, митрополит алеппский. — Прибытие в Келиз.
- Глава X. Торжественный въезд в Алеппо. — Поведение митрополита Эмесского. — Прибытие митрополитов.
- Глава XI. Отъезд в Хаму. — Прибытие в Дамаск. — Перестройка патриаршего дома.
- Глава XII. Перестройка патриаршего хана в Дамаске. — Смерть митрополита Алеппского. — Постройка диван-ханэ в Алеппо.
- Глава XIII. Приготовление св. мира. — Шесть отдельных варок.
- Глава XIV. Освящение мира. — Сооружение нового амвона. Касыда Ибн-уд-Диба.
- Глава XV. Синод для суда над митрополитом Эмесским. — Отлучение и смерть его.
- Глава XVI. Патриарх объезжает свою епархию. — Чрезвычайная дороговизна жизненных припасов. — Новая перепись в Дамаске для харача.
- Глава XVII. Назначение визирского сына великим визирем. — Упорядочение различных церковных дел архидиаконом. Прибытие его в Алеппо к патриарху.
- Приложения. К истории Антиохийских патриархов
- Арабская рукопись путешествия антохийскаго патриарха Макария в Россию. (Описание рукописи, принадлежащей библиотеке Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел.)858

- Примечания
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10

- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57

- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104

- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151

- 152
- 153
- 154
- 155
- 156
- 157
- 158
- 159
- 160
- 161
- 162
- 163
- 164
- 165
- 166
- 167
- 168
- 169
- 170
- 171
- 172
- 173
- 174
- 175
- 176
- 177
- 178
- 179
- 180
- 181
- 182
- 183
- 184
- 185
- 186
- 187
- 188
- 189
- 190
- 191
- 192
- 193
- 194
- 195
- 196
- 197
- 198

- 199
- 200
- 201
- 202
- 203
- 204
- 205
- 206
- 207
- 208
- 209
- 210
- 211
- 212
- 213
- 214
- 215
- 216
- 217
- 218
- 219
- 220
- 221
- 222
- 223
- 224
- 225
- 226
- 227
- 228
- 229
- 230
- 231
- 232
- 233
- 234
- 235
- 236
- 237
- 238
- 239
- 240
- 241
- 242
- 243
- 244
- 245

- 246
- 247
- 248
- 249
- 250
- 251
- 252
- 253
- 254
- 255
- 256
- 257
- 258
- 259
- 260
- 261
- 262
- 263
- 264
- 265
- 266
- 267
- 268
- 269
- 270
- 271
- 272
- 273
- 274
- 275
- 276
- 277
- 278
- 279
- 280
- 281
- 282
- 283
- 284
- 285
- 286
- 287
- 288
- 289
- 290
- 291
- 292

- 293
- 294
- 295
- 296
- 297
- 298
- 299
- 300
- 301
- 302
- 303
- 304
- 305
- 306
- 307
- 308
- 309
- 310
- 311
- 312
- 313
- 314
- 315
- 316
- 317
- 318
- 319
- 320
- 321
- 322
- 323
- 324
- 325
- 326
- 327
- 328
- 329
- 330
- 331
- 332
- 333
- 334
- 335
- 336
- 337
- 338
- 339

- 340
- 341
- 342
- 343
- 344
- 345
- 346
- 347
- 348
- 349
- 350
- 351
- 352
- 353
- 354
- 355
- 356
- 357
- 358
- 359
- 360
- 361
- 362
- 363
- 364
- 365
- 366
- 367
- 368
- 369
- 370
- 371
- 372
- 373
- 374
- 375
- 376
- 377
- 378
- 379
- 380
- 381
- 382
- 383
- 384
- 385
- 386

- 387
- 388
- 389
- 390
- 391
- 392
- 393
- 394
- 395
- 396
- 397
- 398
- 399
- 400
- 401
- 402
- 403
- 404
- 405
- 406
- 407
- 408
- 409
- 410
- 411
- 412
- 413
- 414
- 415
- 416
- 417
- 418
- 419
- 420
- 421
- 422
- 423
- 424
- 425
- 426
- 427
- 428
- 429
- 430
- 431
- 432
- 433

- 434
- 435
- 436
- 437
- 438
- 439
- 440
- 441
- 442
- 443
- 444
- 445
- 446
- 447
- 448
- 449
- 450
- 451
- 452
- 453
- 454
- 455
- 456
- 457
- 458
- 459
- 460
- 461
- 462
- 463
- 464
- 465
- 466
- 467
- 468
- 469
- 470
- 471
- 472
- 473
- 474
- 475
- 476
- 477
- 478
- 479
- 480

- 481
- 482
- 483
- 484
- 485
- 486
- 487
- 488
- 489
- 490
- 491
- 492
- 493
- 494
- 495
- 496
- 497
- 498
- 499
- 500
- 501
- 502
- 503
- 504
- 505
- 506
- 507
- 508
- 509
- 510
- 511
- 512
- 513
- 514
- 515
- 516
- 517
- 518
- 519
- 520
- 521
- 522
- 523
- 524
- 525
- 526
- 527

- 528
- 529
- 530
- 531
- 532
- 533
- 534
- 535
- 536
- 537
- 538
- 539
- 540
- 541
- 542
- 543
- 544
- 545
- 546
- 547
- 548
- 549
- 550
- 551
- 552
- 553
- 554
- 555
- 556
- 557
- 558
- 559
- 560
- 561
- 562
- 563
- 564
- 565
- 566
- 567
- 568
- 569
- 570
- 571
- 572
- 573
- 574

- 575
- 576
- 577
- 578
- 579
- 580
- 581
- 582
- 583
- 584
- 585
- 586
- 587
- 588
- 589
- 590
- 591
- 592
- 593
- 594
- 595
- 596
- 597
- 598
- 599
- 600
- 601
- 602
- 603
- 604
- 605
- 606
- 607
- 608
- 609
- 610
- 611
- 612
- 613
- 614
- 615
- 616
- 617
- 618
- 619
- 620
- 621

- 622
- 623
- 624
- 625
- 626
- 627
- 628
- 629
- 630
- 631
- 632
- 633
- 634
- 635
- 636
- 637
- 638
- 639
- 640
- 641
- 642
- 643
- 644
- 645
- 646
- 647
- 648
- 649
- 650
- 651
- 652
- 653
- 654
- 655
- 656
- 657
- 658
- 659
- 660
- 661
- 662
- 663
- 664
- 665
- 666
- 667
- 668

- 669
- 670
- 671
- 672
- 673
- 674
- 675
- 676
- 677
- 678
- 679
- 680
- 681
- 682
- 683
- 684
- 685
- 686
- 687
- 688
- 689
- 690
- 691
- 692
- 693
- 694
- 695
- 696
- 697
- 698
- 699
- 700
- 701
- 702
- 703
- 704
- 705
- 706
- 707
- 708
- 709
- 710
- 711
- 712
- 713
- 714
- 715

- 716
- 717
- 718
- 719
- 720
- 721
- 722
- 723
- 724
- 725
- 726
- 727
- 728
- 729
- 730
- 731
- 732
- 733
- 734
- 735
- 736
- 737
- 738
- 739
- 740
- 741
- 742
- 743
- 744
- 745
- 746
- 747
- 748
- 749
- 750
- 751
- 752
- 753
- 754
- 755
- 756
- 757
- 758
- 759
- 760
- 761
- 762

- 763
- 764
- 765
- 766
- 767
- 768
- 769
- 770
- 771
- 772
- 773
- 774
- 775
- 776
- 777
- 778
- 779
- 780
- 781
- 782
- 783
- 784
- 785
- 786
- 787
- 788
- 789
- 790
- 791
- 792
- 793
- 794
- 795
- 796
- 797
- 798
- 799
- 800
- 801
- 802
- 803
- 804
- 805
- 806
- 807
- 808
- 809

- 810
- 811
- 812
- 813
- 814
- 815
- 816
- 817
- 818
- 819
- 820
- 821
- 822
- 823
- 824
- 825
- 826
- 827
- 828
- 829
- 830
- 831
- 832
- 833
- 834
- 835
- 836
- 837
- 838
- 839
- 840
- 841
- 842
- 843
- 844
- 845
- 846
- 847
- 848
- 849
- 850
- 851
- 852
- 853
- 854
- 855
- 856

- 857
- 858
- 859
- 860
- 861
- 862
- 863
- 864
- 865
- 866
- 867

Введение

Содержание

архидиакон Павел Алеппский
Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века

Выпуск 1. От Алеппо до земли казаков

Предисловие переводчика

В царствование Алексея Михайловича дважды приезжал в Антиохийский патриарх Макарий, родом араб из города Алеппо, в первый раз для сбора пожертвований, во второй — десять лет спустя — по приглашению царя для суда над патриархом Никоном. В первый приезд с ним был его родной сын архидиакон Павел Алеппский, который, по просьбе одного из своих дамасских друзей, как он объясняет во введении, составил подробное и чрезвычайно любопытное описание трехлетнего путешествия своего отца.

Человек весьма любознательный и начитанный, хотя лишенный правильного образования, Павел Алеппский в своих записках касается всего, что мог видеть и слышать во время своего продолжительная путешествия: описывает страну, нравы и обычаи жителей, селения и города, замечательные здания, по преимуществу церкви и монастыри, торжественные служения, в коих участвовал вместе с отцом, приёмыі и пиры при дворах, политические события, которых был свидетелем или о которых мог знать по рассказам других, и мимоходом дает яркую характеристику государей и политических и церковных деятелей, с которыми приходил в соприкосновение его отец — патриарх. Восьмимесячное пребывание их в Молдавии совпало с одним из интереснейших происшествий в истории этой страны: падение господаря Василия Лупула, сопровождавшееся междоусобной войной, в которой погиб зять его, Тимофей Хмельницкий, сын гетмана Богдана Хмельницкого, нашло себе живого рассказчика в лице очевидца этих событий, Павла Алеппского, повествование коего, по словам Костомарова, представляет единственный источник для изучения тогдашних отношений Малороссии к Молдавии. В Россию дамасские путники попали в самую цветущую пору царствования Алексея Михайловича, когда он вел счастливую войну с Польшей и когда патриарх Никон, достигнув высшей степени могущества, приступил к устроению церковных дел, в чем весьма желанным являлось для него авторитетное содействие святителя древнейшей из восточных патриархий. [1]

Самая значительная часть сочинения Павла Алеппского занята описанием долговременного пребывания его с отцом в России и рассказами о событиях, происходивших в ней около того времени. По полноте и разнообразию содержания, это один из самых лучших и ценных письменных памятников о России средины XVII века и во многих отношениях превосходит записки тогдашних западно-европейских путешественников. Последние являлись в Россию по большей части в качестве послов на короткое время и по необходимости ограничивали свои наблюдения одною внешнею стороной гражданского быта. Как иноверцы, они с предубеждением смотрели на богослужение и уставы нашей церкви, только отчасти, изредка могли видеть одни обрядовые действия, совершенно отличные от усвоенных их церковью и потому казавшиеся им странными и бессмысленными. С другой стороны двор московский всегда очень недоверчиво смотрел на иноземных послов: под видом почета к дому посла приставлялась стража, которая получала тайный наказ следить за действиями чужеземцев и обо всем доносить; горожанам строго воспрещалось входить в разговоры с прислугой посольства. Таким образом послы почти ни с кем не могли вступать в непосредственный сношения, кроме сдержанных и скрытных бояр и дьяков Посольского Приказа. Ко двору послы являлись по приезде с дарами от своих государей и при этом случае двор царский облекался в торжественность, чтобы не уронить себя в глазах иноземца отсутствием величественности. Вообще можно думать, что европейцы, во время пребывания в России, делали свои наблюдения и расспросы только украдкой, случайно, двор видали всегда в праздничном уборе, но будничная, ежедневная жизнь царя п вельмож оставалась для них сокрытою.[2]

Не таково было положение Павла Алеппского. Патриарх приехал за сбором при царе

Алексее Михайловиче, отличавшемся необыкновенною набожностью и особым уважением к духовенству. Патриарх Никон, для достижения своих намерений, имел нужду в сомыслии восточных патриархов, а потому заискивал в них и принял Макария с почтительным радушием. Кроме высокого сана своего, как лицо духовное, Макарий, и как человек, видимо, пришелся царю весьма по сердцу, и его спутник и родной сын, Павел Алеппский, мог знать не только то, что сам видел и слышал, но и многое из того, что было говорено с глаза на глаз между царем, Никоном и патриархом Макарием. Как лицо духовное, Павел имел возможность всюду свободно ходить и ездить; зная греческий язык, мог слышать многое от греков, мирян и духовных, постоянно или подолгу живших в Москве; как православного, его живо интересуют наши церковные обряды и служения, которые он имел случай близко видеть, сам нередко участвуя в них в качестве архидиакона приезжего патриарха, и надо видеть, с каким умилением и даже изумлением то-и-дело говорит, Павел о глубокой набожности русских, о необычайном терпении их в отстаивании продолжительных служений, которые доводили до полного изнурения восточных гостей, к ним очевидно непривычных и не видавших ничего подобного у себя на родине.

Арабский подлинник этого любопытного и важного в историческом отношении произведения Павла Алеппского доселе не напечатан. В тридцатых годах, по поручению Комитета Переводов с восточных языков в Лондоне, оно было переведено на английский язык Бельфуром, членом Королевского Азиатского Общества Великобритании и Ирландии, по рукописи, вывезенной с востока в начала нынешнего столетия. Перевод появлялся выпусками (в течете 1829 — 1836 г.), которые потом составили два тома. Английский перевод не везде точен [3] и неполон: Бельфур, как иноверец, затруднялся и скучал переводом нередких у нашего автора описаний церквей и церковных служений и по большей части их выпускал. При всем своем несовершенстве перевод Бельфура остается до сих пор единственным источником, по которому незнающий арабского языка может ознакомиться с записками Павла Алеппского. Появление в свет этого перевода послужило в свое время поводом к составлению г. Савельевым статьи, которая была напечатана в *Библиотеке для Чтения* 1836 г. Автор её, имевший в руках очевидно только первые пять выпусков Путешествия (всех было девять), пересказывает содержание их своими словами, приводя в переводе выдержки наиболее любопытных мест. Впрочем, с самого начала г. Савельев впал в странное заблуждение, смешав первое путешествие патриарха Макария, описанное Павлом, со вторым, и ожидал в дальнейших выпусках найти описание суда над патриархом Никоном. Лет двадцать тому назад от. Димитрий Благово предпринял было перевод записок Павла с английского, но, переведя лишь половину первого выпуска, не продолжил своего труда, который начал печататься в *Чтениях в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских* за 1875 г. Около того же времени появилась в Трудах Киевской Духовной Академии 1876 г. статья г. Аболенского, составленная на основании перевода Вельфура и озаглавленная: *Московское государство при царе Алексее Михайловиче и патриарх Никон по запискам архидьякона Павла Алеппского*. Соловьев, митр. Макарий, Костомаров («Богдан Хмельницкий»), Белокуров («Арсений Суханов») также пользовались записками Павла[4].

Давно интересуясь и занимаясь этим памятником, из которого нами напечатано в переводе нисколько отрывков [5], мы возымели намерение перевести его вполне и издать вместе с арабским текстом, но встречаем пока препятствие к выполнению своего намерения. В России имеются три списка Макариева путешествия: один в Москве, Архива Министерства Иностранных Дел, и два в Петербурге, в Учебном Отделении при Азиятском Департаменте и в Императорской Публичной Библиотеке, куда список поступил вместе с другими рукописями Преосв. Порфирия Успенского. Что касается здешней рукописи, списанной с дамасской

рукописи 1700 г., то в ней, как оказывается, пропущено с самого начала описание переезда из Алеппо по Анатолии и пребывания в Константинополе, но зато вставлен перечень антиохийских патриархов со времени перенесения кафедры в Дамаск с жизнеописанием патриарха Макария до вступления его на патриарший престол.[6]

Получив, благодаря обязательной любезности Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел и Императорской Публичной Библиотеки, как Порфирьевскую рукопись, так и рукопись Учебного Отделения (которому считаем долгом принести нашу глубокую благодарность за предоставление нам возможности пользоваться ею при наших занятиях рукописью М. Гл. Арх. М. Ин. Д.), мы нашли их во всем согласными с здешней; поэтому предположенное нами издание текста невыполнимо до получения лондонской рукописи, в коей, судя по переводу Вельфура, и описание обратного пути патриарха Макария изложено гораздо полнее чем в наших.

Не желая однако откладывать печатание своего перевода, мы пополняем упомянутый пропуск по английскому переводу, опустив помещенную вслед за введением вышеуказанную вставку, которая нами тоже переведена и будет напечатана отдельно с особым исследованием. Хотя арабский подлинник не имеет делений, находящихся в переводе Бельфура, тем не менее мы приняли их ради удобства и в соответствие с частью, переведенной с английского. Кроме того, для пополнения своего перевода с арабского, заимствуем у Бельфура некоторые, немногие впрочем, места, отделяя их прямыми скобками для отличия от остального текста.

Знаменитый ориенталист Сильвестр де-Саси в целом ряде небольших статей об английском переводе Путешествия Макария, печатавшихся в *Journal des Savants* по мере появления выпусков Бельфурова перевода, дает в высшей степени ценные исправления как собственных имен, так и греческих и иных слов, искаженных арабским автором или не понятых английским переводчиком. Нельзя не удивляться обширной эрудиции и глубокой проницательности высокоталантливого ориенталиста, если принять во внимание, что он делал эти поправки, не имея под руками арабского текста. Его указаниями мы пользовались также при наших исправлениях.

ЮГ. Муркос

Введение

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, Единаго Бога. Аминь.

Хвала Богу, который украсил небеса, утвердив их без столпов, распростер землю, назначив ее обиталищем для своих рабов, и размножил сынов Адама так, что они сделались несчетными народами, расплодились по земле, построили села, города и столицы во всех климатах, странах и концах ея, на юге и севере, востоке и западе. Будем же воздавать Ему хвалу, приличествующую Его владычеству и достойную Его божественности, всегда, во все времена, ныне, и присно, и ко веки веков.

Я, убогий раб и из всех людей наиболее нуждающейся в милости Господа моего, по имени Павел архидиакон, православной веры, родом из Алеппо, был родным сыном всечестного, святейшего, возвеличенного и всемилостивого отца кир кир Макария, патриарха антиохийского, сына в Бозе почившего священника Павла, сына священника Абдулмасиха (Христодула) Альпрокс, известного под прозвищем Бейт Аззаим. Я был воспитан при отце, в тесной привязанности к нему, и ничье общество не было для меня сладостнее его общества, с того времени как я, отторгнутый от груди матери моей ея кончиной, был обречен на горе и печали и кроме отца не имел никого, пред кем бы мог изливать свое огорчения. Я непрестанно питался пищей его оживляющих слов и утолял жажду водой его освежающих наставлений, подчиняясь ему во всем и следуя за ним безотлучно и неотступно, где бы он ни был и когда бы то ни случилось.

Сначала он был возведен в сан митрополита алеппского и оставался им в течении 12 лет, а потом вступил на священный патриархат антиохийский престол Св. Петра, пребывающий теперь в сирийском городе Дамаске. Во все это время непрестанно занимался он устроением церковных дел, держа бразды правления с твердой рассудительностью и непреклонной решимостью, пока рука Провидения не направила его к посещению отдаленных стран, селений и островов, не с целью их осмотра и прогулки, или в качестве гостя, но по нужде, по причине трудных и стесненных обстоятельств. Поехал он против воли, не по собственному хотению, а потому, что долги, тяготевшие над упомянутым престолом, и перешедшие от времен покойного патриарха, хорошо известного кир Евθимия Хиосского, удвоились, возросши от прибавления больших процентов. Паства его престола была не в состоянии уплатить этих огромных долгов. Тогда он впал в раздумье, и удрученный горем при виде такой беды, скорбел душой, ища избавления от этой горькой неволи, но не нашел иного средства, никакой помощи с чьей-либо стороны, ни иного способа, как, подобрав полы с ног старания, сесть на коня трудов и усилия. Он вознамерился направиться по славной и трудной дороге, идти по тягостным тропам к оазисам с приятной водой и к великим и полноводным морям, т.-е. к обладателям высоких совершенств и драгоценных качеств, прибежищу просящих и покрову умоляющих, к могущественным и победоносным царям, к благочестивым князьям и правителям, славным своей истинною религией и правою верой (да продлит Бог их могущество и да увековечит их владычество, да укрепит их бытие и да утвердит навсегда их созвездия на высоком небосклоне!), дабы испросить от обилия их щедрот и милостей того, чем бы он мог уплатить свои долги и что помогло бы ему поддержать свою веру. Тогда я рассудил за благо быть ему спутником и разделять с ним труды и тягости путешествия и дороги. С Божией помощью мы изготовились и порешили двинуться в путь.

В это время один выдающийся человек из моих приятелей и любезных друзей, неподдельно искрений в любви и приязни ко мне, брат благородный, образованный, совершенный и достославный, редкость своего века и времени, единственный своего столетия и эпохи, диакон

Гавриил, сын покойного Константина, золотых дел мастера, исполненный совершенства и превосходнейших качеств, чрезвычайных познавший и глубокого образования, выразил мне сильное желание, чтобы я составлял записки, кои заключали бы в себе обстоятельства нашего отправления и путешествия, день за день, без исключения, во все время нашего отсутствия, чтобы я описывал все события стран, по которым мы будем проезжать, дабы все могли проверить то, что слышали о них по указаниям и намекам повествования. Я извинялся перед ним недостатком сил для подобной работы, тем более, что я сам нуждаюсь в необходимых для нея средствах: в умении составлять и связывать речения, употреблять слона с грамматическою точностью и красиво располагать фразы по образцу достопочтенных и славных мастеров науки. Я просил его избавить меня от непосильного труда, в особенности потому, что мы будем путешествовать с затруднениями и поспешностью. Он не принял этого извинения и, повторяя беспрестанно свое желание, настоял на его исполнении.

Тогда я возбудил свою слабую энергию и протянул к цели нерешительные руки не для того, чтобы занять место в ряду историков, но чтобы подтвердить многочисленные факты, кои отрицались, когда их передавали, и коим никто не верил, думая, что люди, их излагающее и передающее, сообщают вздорные вещи. Так думали, пока я не проверил точно всего, что встречалось моим взорам во время нашего путешествия по христианским странам, или видя вещи собственными глазами, или слыша о них своими ушами, так что их правдивость стала для меня несомненною не только отчасти, по и в полной совокупности. Итак, мы будем рассказывать все, что подтвердилось в наших глазах в продолжение путешествия и пребывания нашего в разных странах до возвращения на родину.

С детства у меня было обыкновение приобретать и внимательно читать исторические книги; оттого-то я особенно углубился в свою работу, прилагая к ней все старания по мере сил своих, собирая, что только мог собрать, и употребляя на нее все свое рвение, насколько у меня хватало сил и возможности, в надежде, что она доставит усладу читателю и отдохновение для его ума, и что всякий, кто, выслушав или прочтя ее, усвоит содержащиеся в ней описания и занимательные рассказы, прославить за них Всевышнего Творца.

Да получат от нея христиане обильную пользу, когда услышат о благородных обычаях истинно-верующих, об их постоянстве и безграничной твердости в богопочитании, о строгом соблюдены ими установленных постов и церковных служб, об их замечательной набожности, об их искренней вере и доброй нравственности, о чистоте их намерений, сокровенных мыслей и тайных помыслов. Все это мы опишем за сим, разъясняя и истолковывая то, чему были очевидцами.

Книга I. От Алеппо до Молдавии

Глава I. Алеппо.-Антиохия.-Монастырь св. Симеона.-Бор

Наш отец и владыка патриарх, с благою целью и твердым решением, вознамерился направиться в Константинополь, почему мы снарядились в дорогу и, взяв все нужное для подарков и подношений и запасшись всем прочим необходимым, возложили надежду на Всемогущего Бога, уповая на Его заступление.

В четверг вечером 9 (8?) июля владыка патриарх (да продлит Господь дни его!) выехал из Алеппо к Ладикие и Джебиле, чтобы сделать там свой годовой сбор и потом возвратиться в Антиохию, я же, его убогий летописец, и прочее его спутники, отправились во вторник утром, в день пророка Илии, и прибыли вечером в город, именуемый *Мааретван* (Мертаван). Утром, вставши, мы поехали на *Хадим* (Ха́рим) и *Готрарин*; последний есть селение по близости Нового моста, Джиср аль-Джедид[7], на берегу реки Аси. Тут мы ночевали. В четверг 22 июля мы прибыли в Антюхию, где слушали обедню в седьмое воскресенье по Пятидесятнице. Затем мы поехали на богомолье в монастырь св. Симеона чудотворца, покровителя плавающих[8], следуя по прямой древне-римской дороге, совершенно забытой в течете долгого времени и открытой лишь недавно в последние годы. Как часто в прежние года, когда мы ездили на богомолье в этот монастырь, нас возили по Суейдийской дороге, мимо церкви св. Спиридона, построенной на том месте, где ослы его были обезглавлены его врагами; проведя ночь в городе Зейтуне, мы, бывало, на следующее утро продолжали свой путь в монастырь по весьма трудной дороге, идущей чрез огромный лес. Этот же путь, напротив, ровный, прямой и более короткий. Наш владыка патриарх, почерпнув о нем известие из жития святого, часто об нем расспрашивал; однако до нынешнего года он не был ни исследован, ни открыт. Теперь же (благодарение Богу!) мы ему весьма порадовались, ибо к вечеру того дня достигли великой обители святого, где совершили всенощную и молебен в тамошней соборной церкви, ибо всех церквей числом семь. Постройки большею частью каменные, а в окружающей монастырь стене четверо ворот: самые большие обращены к Суейдийскому заливу. Место сильно укреплено от природы: река Аси протекает с восточной стороны его по дну долины. Река эта, как кажется, впадает в море у самой горы Окра́ и корабли запасаются из неё пресной водой.

Отслужив литургию, мы возвратились в Антакие (Антиохию), куда в четверг 29 июля прибыл и наш владыка патриарх. Здесь, во время шестидневного пребывания, он каждый день служил обедню. Затем мы наняли лошадей и в четверг вечером 5 (4?) августа выехали из города. Миновав на следующее утро Байлан, прибыли после полудня в Искандерун[9]. Был канун Преображения, и киприоты [10] приняли нас с великим почетом. Мы присутствовали в их церкви за всенощным бдением. Во время Входа (*исодос*) вошло все духовенство и приняв благословение (от патриарха), облачилось и по обычаю шествовало кругом на Входе с пением „Свете тихий“. На утро наш владыка патриарх совершил литургию. Вечером мы выехали и на следующий день, который был суббота, рано утром приехали в Паяс, где патриарх служил обедню в воскресенье, восьмое по Пятидесятнице, потом в понедельник и среду. К вечеру мы отправились, на следующее утро останавливались в *Джиср Альбарнас* и доехали до *Карн Капы*. Дорога здесь ужасная: идет узким ущельем и сопряжена со всевозможными опасностями.

На другой день, мы прибыли в хан (постоялый двор) Курд — Кулак, т.-е. Волчьи уши, ибо в хане есть мечеть с двумя куполами, точь в точь похожими на уши волка. Отсюда мы выехали в полночь в сопровождении 18 стрелков, христиан из Паяса, и рано поутру прибыли в *Миссейису* (Миссис)[11]. Крепость *Хейят* осталась у нас вправе. В полночь мы опять пустились в путь и переезжали мост на реке *Джихун*[12], называемой *Эль — Джихан*. Утром в субботу 14 августа мы прибыли в Адану и остановились в садах нашей греческой общины, которая образует город

довольно большой и заключающий в себе много садов. В каждом саду от трех до четырехсот апельсинных деревьев, толщиной с самое большое тутовое дерево, дающих каждое 3 пиастра дохода. Сладких лимонов и других сортов апельсинов также великое обилие. Что касается нашего владыки патриарха, то он поехал собирать свой доход в Тарс, в малые города *Тримор* и *Джафер — Паша* и в города киприотов, лежащее в том же направлении. Потом он вернулся в Адану, и тогда мы отправились, в ночь на 29 августа, в сопровождении аги туркмен из Дамаска. Пред полуднем мы прибыли в хан Байрам-Паша и сделали привал на берегу реки *Джакут*. Вечером мы встали и ехали всю ночь лесами и по каменистой дороге. Было очень темно, и мы немало натерпелись страха. Утром мы достигли укрепления *Колик*[13] и миновали *Козлук хан*, то есть хан орешников, ибо кругом него растет орешник в великом множестве. Пред полуднем мы пристали в *Такире*, который есть знаменитый *Эйлет Ибн-Рамазана*[14].

На утро мы встали рано и проехали Султан-хан, причем укреплешс *Анаша*[15] осталось у нас вправе; потом проехали Ак — Кёпри, т.-е. Белый мост, бывший прежде границей владений государей черкесских (грузинских?) и османских. После того мы переехали реку Кырк-Гечид, или реку Сорока́ бродов, ибо мы переезжали её в брод по счету ровно сорок раз. Пред полуднем мы прибыли в *Чифта-хан*, или Парный хан. Нет сомнения, что зимой здешние дороги непроходимы, как потому, что они узки, так и потому, что заливаются водой многочисленных рек. Мы останавливались на два часа, потом встали и отправились в путь к хану Мухаммед-Паша, он же Ени-хан или *Олен-Кушлук* (Улу-кышлак); но наступил вечер, прежде чем мы успели доехать до хана. Поэтому мы пристали в нескольких домах туркмен, так как с нами был их ага, о чем я уже упомянул, и у них провели эту ночь.

Рано утром в среду, первый день сентября, начало 7161 года от сотворешя Мира (1653 г. от Р. Х.), мы встали и поехали к Бору, совершая путь по его области, которая по справедливости именуется бор (невозделанный): на расстоянии целого дня пути, вдоль и поперек, не увидишь зеленой травки, земля выжженная, черная. В этот день мы терпели великую скорбь, пока не прибыли вечером в Бор, прекрасное селение, где припасы дешевы, где обилие водных потоков и великое богатство. Здесь все дешево. Ритл[16], или фунт, алеппскаго веса мяса стоит 4 пара́, ритл хлеба — три. Ритл лучшего старого вина стоит пять пара, а новое продается по одному пара. Тут обилие в сыропе, или патоке, и винограде. Есть также удивительный пороховой завод, работающий колесами, подобными колесам водяной мукомольной мельницы: они очень велики, и по мере того как поток воды вращает их, они поднимают и опускают деревянные чурбаны, столящие в ряд для толчения пороха; помешиванием и пересыпанием его занят один человек днем, другой ночью. Это выдумка хорошая и достигающая цели при малом труде. Здешние христиане очень набожны и говорят по-турецки. Они пожелали, чтобы мы у них остановились, и оказали нам прекраснейший приём.

Мы совершили литургии в их церкви во имя пяти мучеников, Евгения и дружины его[17], в тринадцатое воскресенье по Пятидесятнице. Под алтарем этой церкви есть небольшой склеп. Пробыв восемь дней у здешних жителей, мы отправились накануне праздника Рождества Богородицы, 8 сентября, с конвоем из туркмен, которых наняли, с этого вечера до полудня следующего дня, проводить нас на расстояние 20 часов пути. Это был длинный и ужасный переезд по стране, выгоравшей от засухи, где мы страдали от сильной жары п жажды, которые чуть не погубили нас и наших животных. Мы уже приходили в отчаяние, но по милости Создателя (да будет благословенно имя Его!) и заступлением Девы Богоматери, мы прибыли после полудня в селение туркмен, называемое Кирван. Мы были готовы испустить дух, а в особенности паши животные были при последнем издыхании, но нас всех немедленно свели к воде и жизнь вернулась к нам. Ради изобилия води в этом месте, мы пробыли у них пятницу;

вечером отправились с ними далее по ужасным дорогам и па следующий день прибыли в *Кара-Енар* (Кара-Бунар). От Чифта-хана мы ехали царскою константинопольскою дорогой, ведущей чрез хан Мохаммед-Паша-Епи-хан, а затем чрез Эрегли и Кара-Бунар, откуда, выехав до полуночи, прибыли перед полуднем в Исмил.

Глава II. Кония.-Монастырь св. Харитона

Из Исмиля мы выехали опять вечером и к полудню, в четырнадцатое воскресенье по Пятидесятнице, 11 (12?) сентября, прибыли в Конию, где справляли праздник Воздвижения Креста в церкви, принадлежащей нашей греческой общине и имеющей деревянную крышу. После того мы посетили монастырь св. Харитона, коего память совершается 26 сентября. Монастырь лежит в расстоянии только 2 часов пути от города. Все строение, церкви и кладовые, из дикого камня, добываемого в горе. Главный храм, чрезвычайно обширный и величественный, выстроен со всеми приделами также из дикого камня. За престолом есть пещера, в которую сходят по лестнице; в ней святой предавался молитвенным трудам; тут показывают длинный камень на подобии подушки, служивший, как нам говорили, для него изголовьем. В этом храме есть гробница, с греческою надписью на порфире: „Кто родил Сына?". Соображая по счислении времени, мы заключили, что этому памятнику в настоящее время пятьсот лет. Равным образом на дверях храма есть греческая надпись о времени его основания. Все остальные церкви малы. На недальнем расстоянии за монастырем находится древняя пещера, куда спускаются по лестнице: в ней разбойники держали святого в заключении. Тут есть обильный источник, который он извел для них (монахов?): вода его чрезвычайно вкусна.

Переночевав в монастыре на среду 15-го сентября, мы утром возвратились в город. Он окружен большой стеной и заключает в себе удивительные здания и много картин и изображений разных лиц, которые только-что не говорят.

Мы ходили осматривать учреждение Муллаханэ святого муллы *Хандкара*, где есть замечательно красивые здания и великое множество серебряных и золотых подсвечников и лампад, собранных из сокровищниц царей и императоров. Один из подсвечников, в форме цветочного стебля, весит 90 ок золота и серебра. Ступени, ведущие к гробнице, серебряные. Подле ней находится гробница монаха, сподвижника святого, на коей возложено черное одеяние и большая черная чалма. Настилка лестницы состоит из цельных мраморных плит, очень тонких, как будто это серебряные пластинки. При виде таких диковинок всякий посетитель этого места поражается изумлением. Начальник и прочие дервиши питают великую любовь к христианам и монахам. Они впустили нас, всюду водили и все нам показывали, между тем, как мы были исполнены благоговейным страхом. Что касается племени туркмен, то они сочли бы себя проклятыми, если б не были впущены[18].

Мы присоединились к обществу одного кади из Алеппо и к каравану, шедшему из этого города, и выехав в четверг, прибыли на следующее утро в *Ладак* (Ладик), который в синаксарии именуется *Литавернией* (Лаодикия?) и кроме римских построек заключает в себе великолепную церковь во имя св. Михаила и много других церквей.

Мы оставили его при наступлении вечера и прибыли рано поутру в деревню, называемую *Альгам* (Балкам), за которой есть хаммам, или баня с горячего водой, именуемая *Каблуджа* (Каплыджа)[19], а рядом другая с холодною водой. Вечером мы опять пустились в путь и на следующее утро, в субботу 18 сентября, приехали в селение, по имени Ак-Шехр, знаменитое гробницей ходжи[20]. Пропутешествовав опять всю ночь, на утро достигли *Саклы* (Исаклы), что было в первое воскресенье по Воздвижении Креста.

В полночь поехали далее и утром добрались до *Белайдона* (Булвуден). Вся дорога от Исаклы до Булвудена снабжена мостами и вымощена камнем. Отправившись вечером и миновав ночью станцию *Хан Беяз* (Беят?) прибыли на следующий день к хану Хосрев-Паша, откуда опять выехали темным вечером и на другой день, в среду, приехали в *Сейид-Гази*[21], к ночи оставили это место и в четверг, 24 сентября, прибыли в Эски-Шехр, который славится своими

желтыми арбузами; они очень сладки й при своей крепости, будучи повешены, сохраняются до зимы. Здесь мы отдыхали всю пятницу и, выехав вечером под субботу, прибыли на утро в *Юз-Хок* (Буз-оюк).

В субботу вечером мы двинулись далее и на другой день приехали в *Базоджик* (Беледжик?). Это было второе воскресенье по Воздвижении. Вся дорога в последний переезд от начала до конца узкая: справа — горы и леса, слева — река, на которую страшно смотреть вниз.

Мы выехали вечером и в понедельник утром прибыли в Ени-Шехр. На следующую станцию, хан *Ак-Бейик*, приехали ночью. Здесь мы расстались со стамбульским караваном и ночевали в хане. Во вторник утром мы оставили это место и в полдень достигли многолюдного города, по имени *Базавенг* (Базарджик), на полпути между Епи-Шехром и Бруссой. Здесь мы пили турецкое молоко неописуемо сладкое и ели такой же превосходный хлеб и дыни. Тут есть источник пресной воды, холодной на удивление.

Глава III. Брусса. — Мраморное море

Наконец, вечером того же вторника, 28 сентября, мы вступили в Бруссу и остановились в Ени-хане, среди алеппских уроженцев, встреча с которыми исполнила радостью наши сердца. У них мы переночевали, а в среду поутру явилось в хан всё духовенство и все (христиане) старшины Бруссы и повели нас в часть города *Кая-баши*, где находится их церковь во имя Владычицы нашей Богородицы. Церковь эта такая же, как все их церкви. В конце улицы, где священники и дьяконы встретили нас со свечами и кадилами, вашего владыку-патриарха облачили в мантию, а певчие пели все время, пока мы не вошли в церковь. Здесь сперва было провозглашено имя государя, потом имя патриарха Антиохии и всего Востока, а затем следовали все обычные прошения. Нас поместили в доме подле церкви, а в субботу утром, 2 октября, сводили нас, в обществе алеппских гостей, в горячие бани Эски-Каплыджа, где мы выкупались в теплой, укрепляющей силы воде, а оттуда пошли в сад *Кесента*.

Вечером по возвращении домой мы служили вечерню накануне воскресенья, третьего по Воздвижении, в вышеупомянутой церкви. Начиная с Бруссы до Константинополя и далее в Валахии и Молдавии, включая и прилегающие страны, христиане не имеют обыкновения совершать всенощную (*агрипния*), как это водится у нас, но когда случится большой праздник, совершают её накануне пред полунощницей и не перестают кадить на „Господи воззвах” до самой „Славы”; между тем стекается собрание. На ектеньях поминали первым нашего владыку патриарха, а потом их митрополитов. При входе присутствующее священники приняли благословение[22] (от патриарха) и, облачившись в ризы, по своему обычаю, шествовали на Входе с пением „Свете тихий“. Когда священник участвует на Входе, это значит, что на следующий день он будет совершать литургию. Знай, что первенствующий, или главный из иереев, обязан произнести молитву на захождение солнца „Свете тихий“ и „Ныне отпущаеши раба Твоего”; равно на утренней молитве он должен произносить утренние псалмы и затем „Слава Тебе, показавшему нам свет“ и проч. На утро вышеупомянутого воскресенья наш владыка патриарх в той же церкви совершал литургию. Во всей греческой стране начинают (утреню?) с канона, а по седьмой песне и чтении синаксария поют „Всякое дыхание“, читают евангелие и „Спаси Господи люди Твоя”, и служащий священник подносит евангелие к первенствующему для целования, после чего прикладываются все присутствующее; потом подносит евангелие и женщинам и, когда они приложатся, возвращается в престолу. Что касается часов, то они отправляются у греков весьма небрежно, исключая первого часа на рассвете дня, и тем заключают богослужение, но священник во время литургии прочитывает их про себя. Впрочем, в стране казаков и в Московии их читают громко, во всеуслышание, как у нас. Во время великого выхода со Св. Дарами, впереди идут дьяконы, а позади священники. Во всех этих странах, кроме Московии, все присутствующие в церкви входят в алтарь для принятия антидора из рук первенствующего или служащего священника; он выходит к женщинам и детям и их также оделяет.

В субботу, 9 октября, нас возили в теплыя бани Ени-Каплыджа, похожие на бани Бехрам-Паша и Мустафа-Паша в Дамаске и Алеппо. Мы осмотрели источник этих вод, который кипит, выбиваясь из скалы, и извергает пары в туманный воздух. Запах воды серный и никто не в силах держать в ней руку, ибо она ошпаривает живность и варит яйца, чему мы сами были свидетелями; поэтому, чтобы привести эту воду к умеренной температуре, в нее три или четыре раза подливают холодной воды. Эти бани громадное здание.

На утро, в четвертое воскресенье по Воздвиженш, наш владыка патриарх был приглашен служить обедню священниками и почетными обывателями части города, называемой Балык-

Базар, в их церкви во имя Св. Евангелиста Иоанна. Поэтому он туда отправился и совершил литургию. Церковь эта двойная[23], как и другие. Под вторник он опять был приглашен жителями части города Демир-Джиби в их церковь, где совершил водоосвящение (*агиасмос*), и тут переночевал.

В среду, 12 октября, шестнадцатый день нашего пребывания в Бруссе, мы отправились в путь, простившись с почетными жителями, которые провожали нас до *Моданира* (Мудании), откуда все население вышло встречать патриарха на большое расстояние. Они провели нас прямо в собор во имя Успения Пресв. Богородицы, и диакон помянул (на ектении) первым имя патриарха константинопольского, вторым — патриарха антиохийского, но не поминал своего митрополита Климента (да изгладить Господь имя его из книги живота!), так как за свое высокомерие он был всеми ненавидим, а в особенности в настоящем случае, когда он уклонился от встречи патриарха и не захотел поздравить его с приездом. По этой причине мы пробыли здесь весьма короткое время и не отслужили ни одной обедни. Но жители нас очень чествовали, потому что они чрезвычайно ревностные христиане и весьма набожны. Нас поместили в дом старшины *Криши-Турти* на берегу моря. В городе около двадцати церквей. В митрополичьем доме есть малая церковь во имя Богоявления, а под нею источник. Церковь украшена изображением Св. Горы и всех ея обителей. Отсюда мы отправились посетить церковь св. Θеодора, которая весьма благолепна, а потом осматривали церковь св. Георгия. Прочих церквей осмотреть не успели, ибо спешили сесть на корабль и плыть в Константинополь до наступления бурного времени около Дмитрова дня.

Нам наняли судно за 800 османисов и мы оставили Муданию 16 октября. Отплыв с нами до вечера около 12 миль, корабельщики бросили якорь, а в полночь снова поплыли. Но едва мы вышли на средину моря, как поднялся порывистый ветер и волны забушевали. Буря до того усилилась, что судно чуть не потонуло с нами от напора громадных пенящихся валов; мы совершенно упали духом, кричали и плакали, как дети. Считая себя погибшими, мы прощались друг с другом и во всеуслышание исповедывали свои грехи, а наш владыка патриарх читал над нами молитву прощения, разрешения и отпущения, в то время как мы ежеминутно ожидали приближающейся смерти. Но Создатель (да будет прославлено имя Его!), не презревший рабов своих, не оставил и нас, и предстательством за нас Пресв. Девы, Его Матери, святителя Николая, спасения и прибежища всех одержимых напастью, св. Симеона, алеппского чудотворца, покровителя плавающих, св. Георгия, ездящего на коне по морю и по суху, и св. Димитрия, коего праздник приближался (ибо как перед ним, так и после него бури эти страшны для мореплавателей), волны утишились и после непомерного утомления и великого страха, наши корабельщики успели пристать с нами к земле и спустили парус, после того как мачта едва не сломалась от яростно дувшего порывистого ветра. Сперва нам даже не верилось, что мы уцелели, пока люди не выпрыгнули на берег, и мы могли на свободе убедиться в своем плачевном состоянии. На утро повезли нас на веслах к хорошо известному хану Бузбурун и здесь бросили якорь. Тут мы нашли много кораблей, стоявших на якоре из опасения бурной погоды. Мы пробыли в Бузбуруне с утра субботы до полуночи на вторник; когда же погода улучшилась, мы отплыли и на утро пристали к селению, по имени *Катерли*[24]. Мы высадились на берег, чтобы посетить здешнюю церковь во имя св. Кириака. Вечером мы приплыли к многолюдному городу, лежащему на отлогом берегу острова, упоминаемого в синаксарии и в истории под именем Проти, т.-е. первый; теперешнее его имя Бириджи[25]. Он заключает в себе памятники патриархов константинопольских до сего дня. В нем три церкви: одна — во имя Владычицы, другая-во имя св. Димитрия, третья-во имя св. Георгия. В полночь мы опять пустились в путь и утром прибыли в *Эскудар* (Скутари). Мы проплыли мимо Халкидонии и „виноградинка вдовицы», который отстоял Иоанн Златоуст; он существуешь доселе и имеет вид

острова. Город называется теперь *Кады-Гюн* (Кады-Кёй), то есть по звуку почти то же, что Халкидония.

Глава IV. Константинополь. — Приезд

Мы вступили в Константинополь пред полуднем в среду 20 октября. В этот день исполнилось ровно три месяца со времени нашего отбытия из Алеппо. Мы пристали в монастырь Воскресения, что за Кабрскими[26] воротами, вблизи патриарших палата. Наш владыка патриарх послал из Бруссы письмо к кир Паисию, патриарху константинопольскому, и к его митрополитам, испрашивая у них, по древнему обычаю, разрешения посетить Константинополь. Они были чрезвычайно довольны, что он, не в пример тому, как поступали его предшественники, оказал им должное внимание, и немедленно прислали нашему владыке патриаршую грамоту (*систатикон*), с дозволением прибыть со всею пышностью. Итак, вечером наш владыка патриарх испросил разрешение посетить их на следующий день. Поэтому в четверг утром патриарх константинопольский прислал к нему своих митрополитов, которые, представ пред лицо его в назначенное им для выхода время, сопровождали его в патриаршие палаты. При входе во врата, его встретили два священника, один с евангелием, другой с иконой, а также диакноы с кадилами, все в облачениях; владыка, по обычаю, приложился к евангелию и к иконе, диаконы же ему кадили. Тогда один из митрополитов вручил ему серебряный посох, а хор певчих запел „Достойно есть“, и так вошли с ним в патриаршую церковь, которая освящена во имя св. Георгия, и вот в то время, как наш владыка прикладывался к иконам, что на царских вратах, сошел (из своих покоев) патриарх константинопольский и, войдя в церковь в мантии, остановился впереди своего места. Нашего владыку патриарха возвели на другое патриаршее место, на противоположной стороне. Диакон возгласил: „Помилуй нас Боже, но велицей милости Твоей», поминал Алексия, царя московского, и царицу Марию, господаря молдавского Василия и супругу его Екатерину, валашского Матфия и супругу его Елену, потом кир Паисия, патриарха константинопольского, и кир Макария, патриарха антиохийского, а певчие при каждом имени три раза пели „Господи помилуй!”

По заключении службы служившим священником, оба патриарха сошли со своих мест и, испросив друг у друга прощения в своих прегрешениях, пошли рядом, в предшествии двух свещеносцев, которые несли большие серебряные подсвечники с восковыми свечами, а митрополиты следовали позади, пока они не взошли в патриарший диван (покои). Здесь они сели за трапезу, между тем как певчие продолжали петь. Константинопольский патриарх оказывал нашему владыке всевозможное внимание и любвеобильное благоволение. Подавали столько всякого рода кушаний и столько сортов вин, что описать невозможно. К вечеру патриархи сошли (в церковь) совершить вечерние молитвы и потом попрощались друг с другом. Наш владыка патриарх возвратился в монастырь, предшествуемый и сопровождаемый митрополитами и духовенством, с Капу Кахиями молдавским и валашским [27] и другими лицами, который за ним следовали, пока оп не отпустил их с благословением. Именитые люди из христиан беспрестанно приходили приветствовать его.

Накануне воскресенья о Гадаринцах[28] наш владыка патриарх, по приглашению константинопольского, шествовал в патриаршую церковь. Оба пат риарха вошли вместе в мантиях и одновременно прикладывались к иконам, и пред каждым из них во все время богослужения свещеносец держал два серебряных подсвечника с восковыми свечами. Кафизмы были прочитаны одним из дьяконов, который стоял между обоими патриархами. Во время „Славы“ священники начали попарно совершать метании[29] пред константинопольским патриархом, потом пред антиохийским, повторяя дважды; всех их было пять пар. Затем они вошли (в алтарь), облачились в ризы и шествовали кругом на Входе, а потом стали около патриарха полукругом. После того как дьякон, размахивая кадильницей, окадил царские врата,

потом обоих патриархов и священников и прочих присутствовавших в алтаре, священники громогласно запела „Свете тихий“. Тогда дьякон возвратился и снова кадил патриархам, а священники, подходя попарно, испрашивали у них благословение, а затем входили в алтарь, где разоблачались. Такой у них обычай накануне воскресного дня или большого праздника. Эти священники-из окружных церквей вблизи патриарших палат, и это признак, что они готовятся с вечера к совершенно литургии, как мы о том заметили раньше. При конце службы патриархи, приняв друг у друга благословение, пошли из церкви, предшествуемые двумя свещеносцами, со всем собором, ставшим рядами. Тогда один из свещеносцев возгласил громогласно: „Святейшему Паисию, архиепископу Константинополя, Нового Рима и патриарху всей вселенной, многая лета!“ повторяя это трижды, между тем как патриарх, подняв правую руку, благословлял народ. Подобным образом другой свещеносец возгласил трижды: „Блаженнейшему Макарию, патриарху града Божия великой Антиохии и всего Востока, многая лета!» в то время как антиохийский патриарх также поднял правую руку и благословлял народ. Затем они сняли мании и константинопольский патриарх повел нашего владыку к себе в палаты, где они трапезовали вместе. После того он провожал своего гостя до дверей нижней части дома, где они расстались, и владыка наш возвратился в свой монастырь в радостном настроении духа.

В утро вышеупомянутого воскресенья мы снова явились в ту же церковь, и митрополиты вышли на двор встретить нашего владыку, облекли его в мантию и сопровождали его впереди и позади при шествии в церковь, причем перед ним несли два серебряных подсвечника. При входе владыка преподал благословение собравшимся и, подойдя к своему патриаршему месту, на нем стал. После „Всякое дыхание» патриарх константинопольский сошел с своего места, прикладывался к иконам и благословлял предстоящих, затем антиохийский, потом высшее духовенство попарно, напоследок священники и все собравшиеся прикладывались к иконам, ибо во всей греческой земле, в Молдавии и в Валахии нет человека, который бы не прикладывался ранним утром к иконам; позднее, в конце обедни, по принятии антидора, прикладывались женщины и дети. Как и у нас, они выходят из церкви по окончании литургии, но здесь выходят и после утрени и возвращаются чрез два часа. Диакон, покадив при „аллилуия”, выходит из алтаря и кадит патриарху, стоящему на своем месте, и потом получает от него благословение на чтение евангелия. Затем, окадив царские врата и иконы, выходит с ним чрез северные двери и вступаешь на амвон,[30] находящейся на северной стороне храма. Певчие поют весьма протяжно „Ис-полла̀ эти деспота”, в то время как диакон, сойдя с амвона, подносит евангелие патриарху для целования. В конце ектении несколько раз повторяется „Елицы оглашеннии, изыдите!”. В средине ектении бывает *синепете* (синапти[31]), то есть, когда диакон в конце прошения о мире возглашает „Господу помолимся”, он присовокупляет к этому: „О свышнем мире”, „О мире всего мира”, „О святом храме сем”, „О патриархе”, „О государе и государыне”, „О пособити” и пр. и „Премудрость” и всё остальное, между тем как священник читает молитву. После возгласа он повторяет снова „Заступи, спаси” и пр., „О плавающих”, „О избавитися нам”, „Заступи” и „Премудрость” и так далее, в то время как священник доканчивает молитвы. Здесь велики и последование и смирение, их метании даже до земли многочисленны: я говорю о греческом духовенстве, присутствующем за литургией, и в особенности об их благоговении в минуту принятия св. Таин. Диакон поминаешь патриарха во время перенесения св. Даров. В конце литургии оба патриарха раздавали антидор, каждый на своей стороне. При выходе их из церкви свещеносцы возглашали те же слова, что и накануне вечером, а патриаршие янычары (кавасы), с саблями и жезлами, постоянно предшествовали им, очищая путь. В этот день снова было пиршество, с которого мы вернулись домой не раньше вечера.

Накануне праздника св. Димитрия мы были за вечерней в монастырской церкви во имя св.

Георгия. Утром патриарх прислал к нашему владыке двух митрополитов, простосингела [32] и старшего из диаконов, которые сопроводили его в патриаршую церковь, и после обедни патриарх опять пригласил его к своему столу. Следует заметить, что наши греческие о Христе братья везде, где бы они ни были, соблюдают Дмитровский пост, начиная с первого октября и воздерживаются совершенно от скоромной пищи до дня празднества святого. Равным образом постятся они ради св. Михаила с 1 ноября в течение восьми дней. Кроме этих постов у них установлены еще многие другие в честь иных святых, о чем, если Богу угодно, мы упомянем впоследствии.

Глава V. Константинополь. — Патриаршая церковь

Вот описание патриаршей церкви в Константинополе во имя св. великомученика Георгия. Перед нею двор, а с северной стороны ряд пристроек, где живут патриаршие писцы. С передней стороны примыкает к церкви обширная паперть, с которой в нее спускаются по ступеням. Церковь по образцу всех соборных храмов, с тремя отделениями, увенчанными каждое куполом. Она имеет еще дверь с паперти на северной стороне. Над этим отделением стоят женщины, для которых устроена наружная дверь, выходящая на улицу. Церковь имеет три алтаря и весьма обширна. Клиросные места идут двумя равными рядами, достигая от пред-алтарья до самых церковных дверей. За ними есть еще ряды седалищ, а также кругом всей церкви. Патриаршее место находится между рядами седалищ с правой стороны; оно весьма возвышенно со ступенчатым всходом, всё связано в лапу и высокохудожественной работы. С противоположной стороны, в ряду слева, подобное же место, но немного пониже, предназначено для патриарха посетителя. Иконостас весьма величественный и большие иконы над царскими вратами обширных размеров и писаны в Москве. Икона св. Георгия всецело работа рук царица [33]. Подсвечники высоки и великолепны. Паникадило, которое они называют *хорос*, все из желтой меди, кованой венецианской работы и сходно с тем, которое находится в храме Воскресения. Алтари пространны; позади алтаря, что с северной стороны, есть дверь, ведущая в книгохранилище, откуда имеется выход за церковь на двор, примыкающий к улице. Это устроено с тою целью, чтобы священник, если случится ему естественная нужда, мог удовлетворить ей, не проходя мимо народа. На арке южного алтаря написаны изображения Авраама и Мельхиседека. У последнего борода белая и длиннее чем у Авраама. Его голова окружена красной повязкой, как у пророка Даниила, а волосы распущены. Он облечен в одежду, похожую на фелонь св. Григория, епископа Армении, по армянскому уставу с парчевым оплечьем. Он держит в руках нечто в роде белой ладьи, наполненной чем-то красным, как бы вином, а на этом изображены три, белых круглых хлебца с двумя красными крестами на верхушке. Это те хлебы и вино, которые он поднес Господу (Аврааму?). Сверху написано: праведный Мельхиседек. Над жертвенником два изображения: патриарха александрийского и Христа, стоящего перед ним в образе юноши под сенью, поддерживаемой двумя столпами; Его одеяние разодрано и патриарх говорит Ему: „Господи, кто разодрал ризы Твои?”. Из уст Господа исходить ответь: „во истину Арий восстал на Меня. Устье адово ниже ли (того места, куда он ввержен)?”. Там, где служащий священник умывает руки, стоит небольшой мраморный водоем с ручкой, из которого вода изливается в другой, стоящий под ним на столбе. Что касается двух вышеупомянутых изображений, то подобие их встречается во всех церквах Константинополя и его округа, также и описанного сейчас умывальника. Амвон, или кафедра, который, как мы уже упоминала, находится на северной стороне, весьма возвышен и поднимается выше места, которое занимал в настоящем случае патриарх антиохийский.

В углу церкви, направо от входа, есть хранилище, огражденное решеткой из железной проволоки, где находятся мощи святых, коим мы просили позволения поклониться и приложиться. Поэтому нас провели внутрь. Пришли старосты с ключами от запоров и сперва сломали печати, а потом открыли ковчеги, которых числом три. Первый заключаешь мощи св. Θеофании царицы, совершенно нетленные, облеченные во все ея одежды и с её пряжею в ногах. Приложившись и ним, мы прикладывались к мощам св. Соломонии матери семи Маккавеев. Она престарелая, совершенно нетленная, в своей одежде, застегнутой как у франков. В третьем ковчеге мощи св. мученицы Евфимии, цельные, за исключением головы, которой не достает. В углу этого помещения за железной решеткой хранится половина того столба, к которому был

привязан Господь наш Спаситель, когда его бичевали. Цвет столба зеленоватый, над ним лампада, горящая днем и ночью. В то время как мы прикладывались к нему, один из присутствовавших сообщил нам, что другая половина столба находится в Риме и что он сподобился к ней приложиться. Следует заметить, что все сокровища, принадлежащие патриаршей церкви, находятся в руках её старост, а не вверяются самому патриарху; они же выдают всем содержание и ведают все прочие расходы патриаршего двора.

Палаты и диван патриарха построены на возвышенности вне церковной ограды; из них открывается вид на Галату, Скутари, Мраморное море и пр. В верхней части есть потаенная дверь, ведущая в монастырь Воскресения. Между патриаршими палатами и этим монастырем есть городские ворота во внутренней стене; а как существует обычай по запоре вечером константинопольских ворот относить ключи к аге янычар и по причине отдаленности не отпирать их до утра, то мы, когда случалось, стучали в эту калитку и чрез нее проходили в церковь.

Места для митрополитов внутри церкви идут по левую сторону от патриаршего места до церковных дверей; по другую его сторону располагается клир и певчие почти до дверей алтаря, так что северная сторона церкви совершенно предоставлена простым священникам и дьяконам. На южных дверях алтаря, по обыкновению, изображен херувим с пламенным мечем.

Глава VI. Константинополь. — Кум-Капу. Св. София

Накануне воскресенья о богатом и Лазаре патриарх константинопольский пригласил нашего владыку в церковь к вечерней молитве. В этот же день он прислал ему грамоту (*систатикон*), подписанную им самим и владыками, с разрешением совершить назавтра литургию в церкви св. Иоанна Крестителя в Кум-Капу, по чину всех патриархов; в то же время он приказал духовенству других церквей этой части города не совершать литургии по своим церквам, а собраться всем в упомянутую церковь для сослужения с нашим владыкой. Вследствие этого священники немедленно к нам явились и пригласили патриарха с вечера на завтрашнее торжество. Итак, в воскресенье мы сели в лодку и, обогнув султанский Серал, проехали позади него. Здесь указали нам Романовские ворота, упоминаемые в синаксарии, ныне заложенные. Подле них находится святой источник, посещаемый христианами в день Богоявления. Эта часть городской стены построена Императором Феофилом и доселе цела на ней надпись с его именем крупными греческими буквами: „Феофил, во Христе верный царь римский и самодержец”[34].

Близ Кум-Капу между башнями на набережной нам показывали башню императора Льва Мудрого, где находилось чудесное зеркало, которое разбил Михаил, сын Феофила. У самой башни стоить древняя мечеть, или собор (джами), который, сказывали, первоначально был христианским храмом и постоянным местопребыватем Иоанна Златоустого.

Мы продолжали путь, пока не достигли *Ска́лы* (Искеле), или пристани Кум-Капу, где высадились из лодки. Кум-Капу в древности называли по-гречески Кондоскали. Все христиане со своим духовенством нас ожидали и, встретив нашего владыку патриарха сопроводили его со свечами, кадильницами и со всеми знаками почета и уважения в вышеупомянутую церковь, где торжественно была совершена литургия.

Во всех здешних странах существуете обычай во время „Достойно есть“ подносить патриарху частицы сухой просфоры, которые он берет в руку одну за другой и, сотворив каждою крестное знамение над чашей и дискосом с поминовением имени приносящего её, произносит: „да будет прославляемо имя Пресвятой Троицы!”. Это то, что они называют Панагия, которая пользуется среди них великим почтением: и они берут ее с собою в путешествие, дабы употреблять вместо причащения св. Тайн в случае, когда грозит опасность утонуть или погибнуть иным образом.

После того как наш владыка роздал антидор, все стали класть деньги на блюдо. Потом они приглашали нас к себе в дома, где предлагали патриарху угощение, и мы провели под их кровом две ночи. Мы посетили и прочие их церкви: вторая церковь во имя Богоматери вся белая; третья-во имя св. Кириака; на дверях её изображено живописью сотворение неба и земли, то есть „Всякое дыхание да хвалит Господа”; четвертая-во имя святителя Николая. Во всех этих церквах новые паникадила и иконостасы. Пятая церковь также во имя Богоматери и смежна с церковью армян, которые имеют два храма в Кум-Капу.

Во вторник, 2 ноября, в день праздника Курбан-Байрам, мы все ходили на площадку перед воротами Сераля и видели его величество султана Мохаммеда (да хранить его Бог!) со свитой и войсками, при его шествии в Св. Софию и возвращении оттуда. Затем мы осматривали Св. Софию со всеми её помещениями и притворами. Мы поднимались на второй ярус, потом па третий, обозревали её колонны из желтого, зеленого, серого и пестрого камня и мрамора различных прекраснейших и ярких цветов, рассматривали мраморный плиты, идущие от колонны к колонне, с доселе уцелевшими на них изображениями креста, каковые видны равным образом на чудном помосте, на всех камнях и мраморах, на агиасме, или святом источнике,

внутри храма и на столах из прозрачного мрамора. Приделы и притворы храма устроены дивно, и красноречивейшему человеку невозможно достойно восхвалить красоту его белых мраморов, величественный навес его куполов, прекрасно написанное изображение нашего Господа Христа благословляющего наверху арок и алтарей, множество крестов по стенам и карнизам, разнообразие ликов и изображений господских праздников, украшающих своды куполов; пестроту цветов мозаичных изображений, позолоченных и раскрашенных, число дверей храма, размерь бронзовых крестов на них, множество окоп. Но что я говорю? Невозможно уму человеческому описать в подробности красоты его.

Глава VII. Константинополь. — Ат-Мейдан, или Гипподром

Из Св. Софии мы пошли осматривать мечеть покойного султана Ахмеда, столь известного своею строптивостью. Пол её вымощен нешлифованным мрамором в том виде, как он добывается из каменоломни. После того мы прошлись по площадке, или общественному гульбищу Константинополя, знаменитому во всем свете. Оно называется Ат-Мейдан, т.-е. конское ристалище, и находится напротив мечети. Мы видели на каменном подножии удивительную пирамиду, называемую Нев-Текелли-Даш[35] . Она из цельного куска камня, четырехгранная, красновато-серого цвета; на четырех сторонах её иссечены какие-то ученые знаки, или образы и подобия животных, кои все суть философские слова[36]. Пирамида поставлена на четырех медных кубах, а под ними куб из белого мрамора, цельный кусок, который в длину, ширину и высоту имеет по 14 пядей с каждой стороны квадрата и украшен изваянными изображениями людей, на каждой стороне различными. Высота пирамиды от основания до вершины, то есть высота столба и его подножия, равняется высоте минаретов мечети султана Ахмеда.

На расстоянии перелета камня от этой пирамиды есть столб из толстой меди, свернутой в три жгута на подобие трех змей или драконов, свившихся друг с другом; на верхушке три змеиные головы с открытыми зевами, обращенные к трем частям города; у одной головы обломана нижняя челюсть[37]. Утверждают, что покойный султан Осман отбил ее булавой и что этот столб со времен императора Константина один служил охраной городу от вторжения в него змей, и приводят, как историческое событие, что когда при этом случае одна голова была отшиблена, та часть города, к которой она была обращена, немедленно наполнилась змеями, но они не делают вреда.

Далее, еще на расстоянии перелета камня, стоит второй столб, выстроенный из камня и также называемый *Текелли-Даш*.

Потом мы пошли осматривать гробницы усопших султанов, то есть османлисов, со времени завоевания ими Константинополя да сего дня; между прочим, гробницу султана Мурада и его девятнадцати задушенных сыновей, потом гробницу его матери Коса-Ка- зон[38]. Мы обошли все эти гробницы. Над ними висят золотые лампады, и богатство жертвованных украшений выше всякого удивления. Надсмотрщик впускает посетителей ради подаяний.

Гробницы султанов Мустафы и Ибрагима находятся в другой усыпальнице, близ ограды Св. Софт на пути к Дивану. Снутри и снаружи она сооружена из твердого белого мрамора и недавней постройки, восхитительной для глаз. Насупротив другая усыпальница, устроенная подобным же образом

Здесь путь к Дивану, здесь имеют пребывание сочинители прошений и чиновники, выдающие дозволения и пропуски для свидания с их начальниками.

Отсюда мы повернули и осмотрели Аслан-Ханэ, или Львиный дом, который занимает древнюю низменную церковь и другую, над нею находящуюся, с высоким куполом, где .видны еще следы мозаичных картин и образов Господа и четырех евангелистов, уцелевших доныне. В первой, нижней, помещаются дикие звери: четыре льва — один из Алжира (или Африки), другие из нашей страны (Азии), четыре барса из разных стран, шакал, лисица, три волка, гиена; голова древнего слона, древний остов жирафы и древний крокодил В этой нижней церкви также уцелели следы икон и образов Премудрости. Она была освящена во имя св. Иоанна Крестителя и глубоко чтима. Думают, что это была церковь св. Иоанна Златоуста.

Вблизи Аслан-Ханэ находится Джеба-Ханэ, или Оружейная палата, на дверях которой висит необыкновенно большая и удивительная *джазма*, пли боевая секира; такая же висит и на

дверях Топ-Ханэ. Кроме того, тут множество драгоценных редкостей.

Глава VIII. Константинополь. — Сераль. Сожженная колонна

После того мы пришли и вступили в Сераль, хранимый Всевышним на веки вечные. Да будут прославлены его обитатели! На дворе есть церковь, называемая ныне Силях-Ханэ, или Оружейная. Она не потерпела ни малейшего повреждения: алтари и всё прочее осталось в ней как было прежде, но двери заперты. Мы поднялись к знаменитой арке или куполу, что есть Высокая Порта, где заседают военные судьи и семь визирей. Султан смотрит на них из окна. Здесь они имеют Диван, или приемную палату, для всего света.

Между Сералем и Св. Софией есть малая церковь во имя св. Иоанна Крестителя, сооруженная императором Юстинианом до построения Св. Софии; сюда приходил он искать успокоения. Она остается в своём первоначальном виде.

Потом мы пошли осмотреть третий *Текелли-Даш*, что на Таук-Базаре, или Птичьем рынке, близ бань Валидэ и Посольского хана. Столб этот так высоко поднимается в воздухе, что па него трудно смотреть; он треснул от огня и потому стянут железными обручами. Рассказывают, будто какие-то евреи наговорили одному султану из османлисов, что греческие императоры скрыли в нем сокровища, почему султан велел поджечь его и он треснул. Опасаясь, чтобы оп не упал ночью, его опоясали железом сверху до низу. Нам сообщали греки, что этот Текелли-Даш, или столб, тот самый, который воздвигнул император Константин Великий, положив под его основание двенадцать черепов и нечто из святынь Господа нашего Иисуса Христа.

Затем мы пошли дальше осмотреть столб на Аврет-Базаре, или Женском рынке. Этот столб величайший изо всех, упомянутых нами, сделан из белого мрамора, с изваянными изображениями крестов, ангелов и святителей, от вершины до основания[39]. Внутри он пустой и место его падения (?) Махаллэ-Ассамата.

Мы спросили греков о местонахождении храма свв. Апостолов и они ответили нам, что он находится внутри Эски-Серая, или Стараго Сераля, который предназначен исключительно для женщин. Мы видели этот святой храм, когда еще были на море близ Галаты, и из окрестностей Скутари, ибо он высок и примечателен по своим двенадцати куполам. Нам казалось, что он находится близ Сулейманиэ, и однако, когда я пришел и искал его близ этой мечети, то не мог найти. Причина этому та, что окружные стены Сераля чрезвычайно высоки, а храм внутри их стоит на вершине холма, одного из семи холмов, заключенных в окружность стен Константинополя; оттого верхушка храма видна из Галаты и Скутари, будучи значительно выше купола и главы Св. Софии, как мы и полагали, когда впервые увидели его при въезде в Стамбул. При новых расспросах о нем, я добился дальнейших сведений от портного вышеупомянутого Эски Серая, что храм существует там в своем первобытном виде и что образа и картины Премудрости еще целы на стенах его; но решительно никому не дозволен вход в этот дворец без доказательству что имеешь там знакомых.

Мы расспрашивали еще о храме Халкопратея, где он находился, и получили в ответ, что он был там, где ныне мечеть султана Баязета.

Глава IX. Константинополь. — Сулейманиэ. Хас-Кёй. Ок-Мейдан

Мы ходили осматривать обширную и знаменитую мечеть, называемую Сулейманиэ, которая составляет одно из чудес света по великому числу своих желтых, зеленых п коричневых колонн, по обширным размерам разноцветного помоста, по своей величественности, по своим высоко взлетающим минаретам. На дворе есть высокий мраморный купол, поддерживаемый такими же столбами, с крыши которого стекает вода, потому что столбы внутри пустые и вода изливается из них затейливо-красиво. Она вкуснее и приятнее алеппской.

Вслед затем мы осматривали мечеть султана Мохаммеда, которая стоит выше патриаршего дома, на вершине холма в Фапаре.

Мы спустились из Фанара и в лодке переехали в Хас- Кёй, куда были приглашены. В этом селении много домов еврейских и христианских. Мы посетили церковь во имя св. Параскевы, нареченной Пятницы. Нашего владыку патриарха сводили помолиться над могилой покойного Павлаки, который был Капу-Кяхием господаря молдавского Василия. Он оказался виновным в измене, и господарь послал людей с повелением его умертвить. Нас водили в его палаты, или, вернее, в прекрасный дворец, построенный над водой на огромных деревянных сваях, как это принято при построены зданий в Константинополе. Дворец заключает в себе изумительное множество помещений и покоев и баню, всю выстроенную из мрамора. Сады его восхитительны и снабжены оросительными каналами из разноцветного цемента. В имении есть и церковь. Все здания обращены лицевою стороной к морю.

Из этого дворца на лодке, ему принадлежащей, мы спустились вниз по течению и были перевезены к отдаленнейшей части пристани Галаты, где вошли в большую реку с пресною водой и, поднявшись по ней па некоторое расстояние, вышли осмотреть пороховой завод, подобный виденному нами в Боре, весьма примечательный, с колесами, приводимыми в движете водой. Это место называется Кяад-Ханэ[40].

Отсюда мы отправились сухим путем и подеялись па Ок-Мейдан, т.-е. поле для стрельбы из лука, с каковой целью поставлен на нем столб. Это веселая лужайка, откуда открывается вид на противолежащий Константинополь. Здесь радостно и весело справляют христиане праздник Пасхи. Нам рассказывали при этом случай, что в прошлом году его величество султан Мохаммед (да хранит его Бог!) еще до праздника велел раскинуть здесь для себя шатер, приезжал и любовался на их праздничное веселье и за великое удовольствие, ему доставленное, подарил им два кошелька, по тысяче турецких пиастров в каждом.

Потом мы побывали в монастыре Силяхдара, или оруженосца, покойного султана Мурада, совершенно заново выстроенном этим вельможей.

Глава X. Константинополь. — Галата

Мы спустились в предместье, называемое Касим-Паша, в Галату и в Топ-Ханэ; потом ходили в Терс-Ханэ, где строят корабли. В Топ-Ханэ мы видели пушки такие большие, что в них можно вползти человеку, и еще другие, из коих каждая равняется (по весу) трем верблюжьим вьюкам. Затем мы вернулись, чтобы посмотреть на удивительные корабли английские и французские, и возвратились домой.

Под воскресенье мы служили вечерню в монастыре, что в Галате, ибо константинопольский патриарх прислал нашему владыке грамоту, подобную прежней, дабы он на другой день совершил литургию в монастырской церкви. Поэтому мы со спутниками переехали на лодке в Галату к означенной церкви, где, по обычаю, была устроена патриарху встреча и торжественно совершена литургия по чину, на сей . день установленному. За богослужением последовало угощение, и я воспользовался благоприятным случаем, чтобы походить одному и осмотреть остальные церкви Галаты.

Первая церковь во имя Богоматери Хрисопиги, или Золотого Источника. Источник внутри церкви: это колодец, каким его изображают на иконах Богоматери, сидящей в купели [41] из него течет вода, исцеляющая недужных. Эта церковь великолепна и имеет два больших подсвечника из желтой меди. Нам сообщали, что по образцу их патриарх Карама[42] заказывал подсвечники для алеппской церкви. Те и другие венецианской работы. Живопись в этой церкви высокохудожественная.

Из неё мы пошли в третью церковь во имя Богоматери Милосердной и св. Иоанна Богослова. Там три больших иконы, изображающие Откровение св. Иоанна с семью печатями. Под зданием находится место, где ученики погребли его.

Отсюда мы прошли в очень обширную церковь, которая была одною из великолепнейших церквей православных во времена греческой империи, а теперь в руках франкских иезуитов. Она весьма древняя и величественная и вся изукрашена мозаичными изображениями господских праздников с надписью греческими буквами. Колокольня высокая и древней постройки.

Затем мы проследовали в четвертую церковь, вблизи предыдущей, во имя Господа нашего Иисуса Христа. В ней есть агиасма, или святой источник.

Оттуда мы прошли к пятой церкви во имя св. Димитрия. На стене вокруг двери изображено „Всякое дыхание”, т.-е. „Хвалите Господа с небес....хвалите Господа все твари, звери и твердь.... мраз, снег“ и пр.

Шестая церковь, в которую мы пришли, посвящена Богоматери и находится близ стен; седьмая-во имя св. Иоанна Крестителя и имеет агиасму; восьмая-во имя святителя Николая; девятая-во имя св. Иоанна Златоуста. Все они выстроены из дерева и покрыты кровлей, украшены иконостасами и паникадилами, также золотыми надписями внутри и снаружи.

Наконец, мы осмотрели сгоревшую церковь франков. Вышиной и размерами, формой и построением она равнялась Св. Софии и была украшена внутри и извне мозаичными с золотом изображениями господских праздников. Над дверьми на стене изображено мозаикой Успение Богоматери. Все надписи на франкском языке. На месте её и из её материала сколько бы можно выстроить малых церквей! Но она разрушена и покинута и к тому же в руках франков.

Глава XI. Константинополь. — Пожар. Поездка в Кум-Кану

Под среду, 10 ноября, в Константинополе случился большой пожар, длившийся до четверга, причем выгорело самое сердце города: я разумею рынки и безистаны (суконные ряды). Пожар распространялся далее, пока не достиг Кум-Капу, части города в ближайшем соседстве с Одун-Чарши, или Дровяным рынком, и Мейдана Катир Гильман, или площадки погонщиков мулов. Сгорело по счету до сорока, если только не до пятидесяти тысяч лавок, пятнадцать тысяч больших и малых домов частных лиц, триста пекарен, нисколько бань и тридцать два хана, или караван — сарая. Хан *Эльюсра*, или Райский, был истреблен со всем в нем находившимся; то же случилось и с ханом Пири-Паша. Балтаджи и бостанджи (стражи Сераля) были не в силах справиться с работой по сломке окололежащих зданий, пока не вызвали себе на подмогу простой народ. Огонь крутился вихрем, перелетая с места на место, как птица па крыльях. Усыпальницы и богоугодные заведения, выстроенные из мрамора, во множестве пострадали; обгорели даже верхушки минаретов. Где вчера, как мы знали, были базары, ханы и многолюдные дома, там, па рассвете сегодняшнего утра, оказалось опустелое место, исторгающее слезы у зрителя и окруженное толпой плачущих. Избави, Боже, родину нашу от такого бедствия!

Но строители были немедленно призваны к делу, и не прошло месяца времени, как, глядишь, все уже вернулось к прежнему, и от пожара не осталось ничего, кроме места, где он был. И могло ли быть иначе в этом средоточении царства?

В этот день я посетил знаменитую церковь св. Николая у Агия-Капу, или врат св. Евфимии. Эта церковь обращена в мечеть. Потом я осматривал преславную церковь Владычицы нашей, стоящую выше первой; в ней есть агиасма, или святой источник, исцеляющий всякие недуги.

В день праздника св. Иоанна Златоуста я оправился в Топханэ, нанял здесь лодку и переплыл к Кыз-Кулеси, или Девичьей башне построенной на небольшой скале среди моря, напротив Скутари, и мы пили вкусную воду тамошнего источника, Отсюда вы проехали в Кады-Кёй, т.-е. в Халкедонию, и я посетил здешнюю церковь во имя Господа нашего Иисуса Христа; это собор с высокими куполами, весь каменный и очень древний. Потом чрез Скутари и Топханэ я вернулся к себе домой в Фанар.

Накануне воскресенья перед рождественским постом мы служили вечерню в монастырской церкви. За три дня перед этим духовенство и именитые граждане из Кум-Капу приходили к нашему владыке патриарху и, принеся ему разрешение от своего патриарха, пригласили его совершить вторично литургию в их церкви во имя Владычицы нашей Богородицы в Пустыне по тому случаю, что они весьма радовались, что вышеупомянутый пожар, свирепствовавший со всех сторон и очень близко к ним подступавший, их однако не коснулся, и они были уверены, что, конечно, он был отстранен от них силой молитв нашего владыки. Итак, рано утром в означенное воскресенье мы поехали к ним водой в лодке. Всякий раз как нам приходилось переплывать море в этом направлении, мы испытывали сильный страх, как только подходили к местности за Сералем, именуемой *Бурну-Серай*[43], и наше положение казалось нам беспомощным, потому что море здесь чрезвычайно опасно, вследствие черного потока [44] воды из Богаза, или Босфора, в Белое (Средиземное) море. И действительно, сколько больших судов пошло здесь ко дну!

По прибытии нашем в их поселение, жители встретили нас с крестным ходом, и литургия была совершена в высшей степени торжественно. Мы пробыли у них до среды, 19 ноября, и возвратились домой.

Мы расспрашивали о церкви Макаристи, т.-е. Богоматери Преблаженной, о которой

сообщается в греческой истории, переведенной нами на арабский язык, что ее переделали в патриаршие палаты, а позднее в храм св. Апостолов. Она стоить на холме, который повыше Фанара и патриаршего дома и почти на полпути между этою частью города и мечетью султана Мохаммеда. Теперь это красивая мечеть, заключающая в себе несколько древних колодцев.

Мы были осведомлены от многих лиц, что за Одун-Чарши, или Дровяным рынком, у задней стены хана Валидэ, есть малая мечеть, бывшая в древности церковью, с высоким четырехугольным куполом, увенчанным крестом, который иногда виден с Одун-Чарши, иногда нет. Я не успокоился, пока не отыскал её, и пошёл к ней. Церковь остается в своем первоначальном виде; я видел и самый крест. Со мной было целое общество, и мы вернулись весьма довольные.

Глава XII. Константинополь.-Махалле-Ассамата

В четверг священники и именитые люди из Махалле-Ассамата приходили пригласить нашего владыку патриарха, с разрешения константинопольского, и просить его пожаловать к ним для совершения литургии в их округе. Мы сопутствовали им водой в лодке около 16 миль, ибо окружность стен Константинополя составляет, как говорят, 12 миль. Махалле (квартал) Ассамата есть узкая полоса земли, вдающаяся в море, так что три четверти его имеют вид острова; остальная четверть примыкает к Адриапопольским воротам позади Фанара. Вся эта местность покрыта виноградниками и садами, где во множестве растут фисташковые деревья. Жители встретили нас с торжеством: в их поселение мы прибыли при закате солнца накануне первого воскресенья рождественского поста. Рано утром мы совершили литургию в церкви императора Константина Великого; она весьма древняя и очень чтимая, величественная и благолепная, выстроенная из камня и украшенная главами. В ней иконы: Господа нашего Иисуса Христа, Владычицы нашей Богородицы, святителя Николая и св. Иоанна Крестителя, все древние, больших размеров и великолепно украшенные; полагают, что оне современны императору Константину. Многочисленное собрание присутствовало за литургией, за коею последовало посвящение диаконов. Мы сподобились приложиться к правой руке императора Константина: это кость, желтая как золото.

Ничто меня так не восхищает в церквах Константинополя и окрестных стран, как пение мальчиков, пение ими „Святый Боже” пред чтением апостола, „Аллилуия” после евангелия и „Господи помилуй” во все время ектении, и прелесть их сладкозвучных напевов.

В древности Махалле Ассамата назывался по-гречески Пасоматия (Псаматия), а по-турецки называется Махалле Караман, ибо султан Мохаммед, сделавшись обладателем города, вызвал жителей из Карамании и, поселив их здесь, дал им церковь, а место назвал по их имени. В этой именно Псаматии случилось, во время появления ересей, что юноша был восхищен на воздух и слышал ангельское пение „Святый Боже” и проч. и, спустившись на землю, повторил слышанное ангельское славословие Господа[45].

После обедни н угощения мы осматривали остальные церкви Саматы. Вторая — во имя святителя Николая — весьма благолепна; третья церковь Богоматери; четвертая — св. Георгия, древняя, с каменными куполами и древним помостом. В ней есть на стене образ св. Георгия, цветной мозаикой по золоту, весьма древний и изумительного художества, и агиасма, каковые имеются, вероятно, во всех церквах Константинополя. Мы прикладывались к мощам св. Анастасии, которая избавляет от чарований. Из всех церквей Константинополя, включая и патриаршую церковь, нет ни одной столь древней из времен христианских императоров, как церковь в Махалле Караман.

Глава XIII. Константинополь. — Семь Башен. Живоносный Источник

В понедельник, 23 ноября, мы встали с рассветом, намереваясь покинуть здешних жителей, выехали с ними и прибыли к Еди-Куле, или Семи Башням. Во всех стенах и укреплениях Константинополя нет красивее и крепче здания, как эти башни и стены, окружающие их тройным рядом, один внутри другого. Оттуда через Топ-Капу, или Пушечные ворота, мы отправились на христианское кладбище, где находится агиасма, или святой источник, называемый в синаксарии *зоотокопиги*, т.-е. Живоносный Источник, посвященный Богоматери, празднество которому совершается в пятницу Пасхальной недели. Теперь он называется Святой Источник в Балыклы, или церкви рыб. Мы спустились к нему по ступеням и пили его благодатную воду, исцеляющую недуги. Здесь христиане проводят понедельник по Воскресении Христовом: едят, пьют и всячески веселятся. После того мы прошли чрез Адрианопольские ворота и возвратились в свое жилище в Фанаре. Я пошел осмотреть источник Влахерны, ныне оставленный в небрежении и почти забытый, находящейся в квартале *Палати* (Балата), насупротив Хас-Кёя и выше Фанара. Я вошел в огороженное здание, обитаемое цыганским табором; оно было церковью, от которой остается, впрочем, мало признаков. Внутри я нашел источник, текущий из пещеры, которая в древности была в ризнице алтаря. Выйдя оттуда, я посетил благолепную и обширную церковь св. Димитрия, находящуюся в той же местности, и потом церковь пашей Владычицы, где мы прикладывались к иконе Её, которая была пронзена копьем, причем из неё истекла кровь.

Накануне второго воскресенья рождественского поста мы присутствовали за всенощной, а утром за литургией, в церкви константинопольского патриарха, потому что наш владыка пожелал проститься с ним и продолжать путешествие. После обедни константинопольский патриарх повел нашего владыку к себе в палаты. Они со слезами прощались друг с другом; оба, преклонив главы, один над другим читали молитвы, и константинопольский дал нашему патриарху пространные и прекрасные письма, как к государям, так и к своим подчиненным.

Глава XIV. Константинополь. — Босфор. Терапия

В понедельник, 29 ноября, мы отплыли из Константинополя в каике н пришли в Неохори, или Ени-Кёй, чтобы нанять судно и плыть по Черному морю в Молдавию. Путешествие сухим путем па Адрианополь было затруднительно для нас по двум причинам: первая та, что потребовалось бы на путевые издержки и наём повозок более 500 пиастров; второю причиной являлся холод и обилие снега и дождя. Этот богаз, или проход Черного моря был проделан в древние времена Александром и плавание по нему весьма затруднительно. От Галаты до Неохори, справа и слева, видны хутора и дома, дворцы и серали, принадлежащее султану, а также сады, виноградники, гульбища, купальни и т. п. Мы остановились в Неохори, в доме Дадьяна Раиса, по прозванию Калокари и Теодори; а сына его зовут Язгаки. Увековечи их, Боже, и продли дни жизни их! ибо их щедрот и благодеяний к нам и к пришельцам вообще не может выразить язык смертного.

В третье воскресенье рождественского поста, которое пришлось 5-го декабря и совпало со днем празднования памяти св. Саввы, наш владыка патриарх совершил для упомянутого селения литургию в церкви свв. Георгия и Саввы, а затем во вторник служил вторую обедню в церкви святителя Николая, так как это был день его праздника.

После полудня в понедельник, по четвертом воскресеньи рождественского поста, наш владыка патриарх совершил в храме Богоматери за всенощным бдением отпевание, по нашему уставу, усопшей Миры, жены хаджи Абдалла (Феодула), сына священника Мансора, в присутствии её детей, а во вторник утром, 14-го декабря, служил по ней заупокойную обедню. Была по их обычаю поминальная трапеза из кутьи с вином и хлебом.

Затем мы снесли наши пожитки па корабль, при появлении попутного ветра, называемого *ношос*, или южный ветер, которого ждали суда, назначенная идти в пристань Галац на Черном море. В тот же вторник, после полудня, нас отвезли на двух лодках к кораблю, стоявшему на якоре в месте, называемом по-турецки Кара-Таш, а по-арабски Сахр-Альасвад, или черная скала, близ входа в Черное море и устья Босфора, повыше второй из крепостей, построенных турками в этом проливе, ибо, прежде чем достигаешь Неохори, видишь справа и слева два больших укрепления. Здесь стоят еще два укрепления, а выше их, на вершине холма, два древних замка обширных размеров, ныне в развалинах, построенные, как говорят, Александром.

Еще выше стоит обитель во имя Успения Богоматери, называемая по-гречески *монастири ту мавромолу*, то есть, монастырь черной скалы. Я ходил его осматривать. Он расположен на вершине холма, обитаем сорока иноками и имеет большую древнюю церковь; вне её святой источник, из которого обильно бьет вода, очень вкусная и целебная. Над ним на стене чудотворная икона Богоматери Пантанаса (Вседержительницы), прославленная исцелением болезней. Внутри церкви есть другая агиасма.

Наконец, мы вступили на палубу корабля. Небо было совершенно ясно, блестели звезды, и капитан решил отплыть в полночь, как вдруг подул сильный ветер, поднялась страшная буря и повалил хлопьями снег, что продолжалось с этой ночи до следующей. В это время четыре корабля, которые осмелились выйти из Босфора, потерпели крушение, а мы, под водительством Всевышнего, искусными передвижениями возвратились на своем корабле от того места, где он стоял, назад к селению, именуемому Терапия, выше Ени-Кёя, и здесь бросили якорь. Тут мы нашли много кораблей, стоявших на якоре, и остановились в одном доме у христиан, которые имеют здесь 120 домов. Между жителями нет ни одного турка, ибо в селении есть церковь во имя св. Георгия, и ныне не престающего чудодействовать: как только кто-либо из них отступит от веры, того святой истребляет. Вот почему ни один неверный не живет среди здешних

христиан.

В пятницу, 17 декабря, наш владыка патриарх служил обедню в упомянутой церкви Терапии и варил миро, хотя было чрезвычайно холодно и стоял крепкий мороз. Также и в канун воскресенья св. Отец мы были там за всенощной, а на утро он совершил литургию и варил миро. Мы прочли четыре евангелия, по обычаю нашему, на персидском, турецком, арабском и греческом языках. Присутствовало множество народа с кораблей, стоявших на якоре.

Накануне пятницы и предпразднества Рождества Христова, кир Паисий, патриарх константинопольский, прислал нашему владыке патриарху грамоту с приглашением от себя и от большинства архиереев, — ибо они весьма полюбили нашего владыку патриарха, будучи не очень расположены к своим и ко всякому другому- дабы оба патриарха соборне служили литургию. Они говорили: „к счастью для нас антиохийский патриарх был задержан, пока не совершит среди нас литургию в праздник Рождества Христова, и мы получим в этот день из рук его Св. Дары“.

Глава XV. Константинополь. — Служение в Фанаре

Итак, наш владыка патриарх поехал в лодке, в сопровождении присланных за ним священников, и мы прибыли в Константинополь в пятницу утром.

Мы поместились в покоях Кирилла александрийского, бывшего впоследствии патриархом константинопольским. Они отменной красоты и были построены им собственно для себя и изукрашены всякими мраморами, цветными изразцами и хрусталем; находясь в самой верхней части здании, они входят в состав патриарших палат. Патриарх не имеет обыкновения выходить к часам в ночь на предпразднество: их откладывают до рассвета; и при первых проблесках зари оба патриарха, в мантиях и с посохами, сошли вместе в церковь. Немедленно чтецы начали часы и паремии из пророчеств и пр. По раздаче антидора патриархи вышли из церкви и, преподав благословение присутствовавшим в то время как свещеносец с серебряным подсвечником возглашал каждому из них многолетие, поднялись в диван, в предшествии янычар (кавасов) с жезлами, и сели оба на тропы, в мантиях, окруженные архиереями, священниками и именитыми людьми. На столе стояли две хрустальных чаши с вином и водкой и, по числу апостолов, двенадцать блюд индийского изделия, доверху наполненных кушаньем. Первым пил патриарх константинопольский, причем певчие пели ему многолетие. Тогда он прочел молитву за митрополитов и прочих присутствующих и по очередно каждому пожелал доброго здоровья. Тоже самое сделали потом патриарх антиохийский, архиереи и пр. После того оба патриарха раздавали собравшимся частицы (панагии), и мы перешли к трапезе в палату, находящуюся над диваном, со множеством окон, обращенных к морю, из которых открывается великолепный вид. Патриархи во время обеда сидели каждый на отдельном седалище, один подле другого, а митрополиты разместились от них вправо и влево. Выйдя из-за стола, мы пошли отдохнуть. Когда дворцовые часы пробили десятый час ночи (4 часа утра), константинопольский патриарх сам пришел к нашему владыке, и оба вместе сошли в церковь и пр.

После непрерывных трехдневных торжественных служений[46] в церкви и пышных угощений в диване, во вторник, следовавший за праздником Рождества Христова, наш владыка патриарх простился с константинопольским, который сопроводил его в церковь, где прочел напутственную молитву. Потом он вышел с ним на наружный двор и послал митрополитов в предшествие его, священникам и диаконам велел нести концы его мантии, а капиджиям с жезлами идти впереди, пока не привели его на каик, где они вторично попрощались с ним и возвратились к себе. А мы проследовали в Ени-Кёй, где пробыли до утра пятницы, последнего дня декабря, и тогда отправились в Терапию, чтобы быть поближе к нашему кораблю. Вечером слушали вечерню. В субботу утром 1 января, когда приходится праздник Обрезания Господня, мы совершали литургию в тамошней церкви, а после полудня вечерню накануне воскресенья пред Крещением. Когда стемнело, приехал к нашему владыке патриарху на лодке протосингел патриарха константинопольского с почетной грамотой от него и от архиереев, в которой расточались ему великие похвалы и говорилось, что Всемогущий удержал его, дабы он мог в третий раз почтить их своим посещением и присутствовать в их синоде. С нами случилось быть кир Давиду, митрополиту кадишскому, который был возведен в этот сан в тот самый день, когда мы впервые въехали в Константинополь, а теперь намеревался ехать в свою епархию, но подобно нам был задержан противными ветрами.

Глава XVI. Константинополь. — Отлучение от церкви

Итак, в назначенное воскресенье утром мы отправились вместе в патриаршие палаты, где нас поджидали и ради нас медлили с началом литургии. Все встали, приветствовали нашего владыку и повели его, в мантии и с посохом, в церковь со свечами. Здесь он стал впереди своего патриаршего места. Константинопольский патриарх также присутствовала. Как только окончилась служба, проповедник *Сириг* (Мелетий), второй священник церкви Хрисопиги (Золотого Источника) в Галате, ученейший муж своего времени, превосходящий своих современников, поборник истинной веры и защитник православия, взошел на кафедру, долго проповедывал и немного поплакал: „Что значить это волнение? Что за смута и нестроение в церкви Божией?“ как проповедывал Златоуст, вернувшись после изгнания своего врагами Христовой церкви, которую он уподоблял кораблю среди моря, со всех сторон осаждаемому врагами. „И мы, ея чада, также готовы потопить ее!“ В таком духе и в подобных выражениях он продолжал долго свою речь и затем сошел с кафедры. После него отверз уста патриарх константинопольский и, встав с своего места, произнес слово, приличное случаю: по убиению патриарха Парфения кир Иоанникий был избран ему преемником и некоторое время пользовался патриаршим достоинством. Затем появился Кирилл *Испанец* или *Коса*[47], митрополита тырновский, и низложил его. И когда он вступил в патриаршие палаты, ни единый человек не явился к нему, ни епископ, ни священник, ни мирянин, потому что он был всем ненавистен. Тут он пробыл три дня и, не имея средств одарить визиря и других, как обещал им, был низложен ими с великим позором, а на его место возвели Афанасия, обыкновенно называемого Пателярием[48]. Этот человек был прежде митрополитом фессалоникским, потом сделался патриархом по низложении Кирилла александрийского при султане Мураде. Низведенный с престола, он перешел к Василию, господарю молдавскому, который дал ему в Яссах церковь и монастырь со всеми угодьями, а равно имущество и жителей городов Браилова и Исмаила с их доходами, всего до шести тысяч домов. Там он проживал до последнего времени, когда, без дозволения господаря, прибыл в Константинополь и опять сделался патриархом, как мы сказали выше, из соперничества против Кирилла Коса; но не имея, чем бы мог купить милость правителей, он продержался только 15 дней, был низложен и бежал обратно в Молдавию. Тогда епископы и все духовенство, по своей собственной воле и выбору, возвели патриаршество кир Паисия, митрополита Лариссы, заставив его уступить епархию ларисскую и её доходы за 12,000 пиастров, или кошельков, тому лицу, которое ее получало. Этот Паисий был наш друг, при нем мы прибыли в Константинополь. Он был человек уважаемый всеми от мала до велика, кроткого нрава и простой души. Что же касается синьора Кирилла Испанца, то он пребывал в доме одного знатного человека, который ему покровительствовал. Также и низложенный Иоанникий проживал в доме другого вельможи в Галате, и я, убогий повествователь, посетил его там, где он жил скрытно, нося на голове белую чалму.

И потому теперь владыки и духовенство составили собор и изрекли на Кирилла анафему и проклятие за многие гнусные действия, в коих он оказался виновен, о чем обвинительные статьи были положены в алтаре патриархии и при настоящем случае прочитаны, в заключении речи патриарха, с кафедры перед лицом всего собора протоактуарием, или начальником писцов. Статьи эти были следующие: во-первых, что вышеупомянутый Кирилл поднял смуту против митрополита *карнатийского* (коринфского?) и содействовал его смерти, дабы незаконно завладеть его престолом; во- вторых, что он снова незаконно и насильственно занял престол филиппопольский, еще при жизни архиерея означенной епархии, без разрешения тогдашнего патриарха, а лишь по произволу областных правителей; в третьих, что он овладел престолом

халкидонским таковым же способом, при пособии светской власти; в четвертых, теми же самыми средствами сделался митрополитом тырновским, и в пятых, что он, прибыв (в Константинополь), самовольно провозгласил себя патриархом и был виновником умерщвления Кирилла Александрийского[49] при султане Мураде. По этим причинам его предали проклятию и отлучили от святой (Соборной) Церкви, которая осуждает его деяния. У владык константинопольских такой обычай, что каждый из них может быть в первый раз митрополитом одной епархии и потом во второй раз митрополитом другой, но не более, хотя в последнее время случалось, что занимали и третий престол. По удалении с престола, таковой владыка проживает па покое с титулом архиерея, не имея уже права занять еще престол, согласно их новым узаконениям, так как по их мнению это равнозначаще с браком. Может случиться, что он из этого состояния возводится в патриарха; но ежели бы он занял четвертый престол, то попал бы в положение человека, женившегося на четвертой жене, и был бы предан анафеме и отлучению.

После того как чтец сошел с амвона, патриарх константинопольский произнес на Кирилла анафему по бумаге, которую он читал, говоря: „я сделался патриархом не посредством денег или волею правителей, но по желанно всех вас. Этот же презренный строит против нас козни и старается нам вредить, а потому всяк, кто пособляет ему, да будет проклята!”.

Потом попросили и нашего владыку патриарха анафемствовать Кирилла, и он произнес речь на арабском языке, которую пояснял переводчик, что продолжалось около часа, и изрек анафему на Кирилла и пособников его, причем был в епитрахили и омофоре. Тогда я передал бумагу присутствовавшим тут митрополитам, облаченным также в епитрахили и омофоры, числом двенадцать, и они все поочередно прочли ее и провозгласили анафему. Кончив, занесли это второе заседание в протокол патриарха, который подписал его и скрепил печатью, что сделали и все вышепомянутые владыки, а затем встали и пошли к трапезе.

Мы остались в палатах до утра среды, сочельника, или навечерия Богоявления, когда оба патриарха сошли в церковь при первом проблеске рассвета, и певчие запели и пр.[50] Потом они прошли в диван и справили торжества подобное бывшему накануне Рождества: пили здравицы и пр. Когда пробило 10 часов ночи, они снова сошли в церковь и совершили служение по уставу праздника Крещения. После того они трапезовали до полудня и простились друг с другом в третий раз. Константинопольский патриарх послал своих капиджи, дьяконов и епископов проводить нашего владыку до берега, где они попрощались с нами и вернулись. Мы же поплыли в лодке и, миновав Ени-Кёй, спешно прибыли в Теранию, ибо дул попутный южный ветер. Там мы присутствовали у обедни в пятницу, во второй день Крещенья.

Глава XVII[51]. Черное море

После полудня наш корабль снялся, и мы вместе с другими кораблями пришли и бросили якорь близ *Фанари*, или маяка, места знаменитого, ибо здесь Александр вырыл пролив, так что Черное море стало вливаться в Белое (Средиземное). Пролив этот есть прорез в горе, поражающий изумлением ум человеческий. Мы вышли из судна и поднялись к укреплению, расположенному на горе, где стоить столб из превосходного белого мрамора, воздвигнутый Александром; на нем начертаны греческие письмена на древне-эллинском языке, которых никто не мог разобрать. Восхождение туда очень трудно. Спустившись вниз, мы поднялись к близ лежащей деревне Фанар, где осматривали древнюю величественную башню, существующую со времен Александра. На верхушке её устроены три фонаря, каждый побольше факела; их зажигают ночью, заправляя смолой, дегтем, маслом и т. п., для указания кораблям безопасного пути в башне, ибо море здесь (спаси нас, Боже!) весьма опасно, на что указывает самое имя башни, по которой и местность и деревню называют Фанар. Жители её христиане и имеют церковь во имя св. Георгия, в коей мы слушали девятый час и вечерню.

В пятницу вечером наш корабль снялся с якоря и мы шли в хорошую погоду при южном ветре, который потом усилился до того, что мы едва не потонули, по промыслом Божиим причалили к пристани, именуемой по-гречески Лимания Костанза, а по-турецки Кюстендже, и выгрузили свои вещи. Это было в полдень в воскресенье по Богоявлении. Первоначально мы имели намерение плыть еще триста миль, войти в Дунай и подняться по нему в Молдавскую землю, по высадились в этом месте. Таким образом все пространство, пройденное нами досюда от Константинополя, составляет более трехсот миль.

Тут мы пробыли два дня, потому что у нас голова шла кругом от великого страха и ужаса, испытанного среди бушевания огромных валов, врывавшихся в наш корабль, который то падал в долину, то взбирался на гору. Так было при попутном ветре, но что, если-бы, сохрани Боже! ветер был противный? Нам показывали близ упомянутой пристани до 120 разбитых кораблей, потонувших с людьми и со всем грузом [в ту ночь, когда перед наступлением праздника св. Димитрия буря налетела на нас со стороны Бузбуруна]. Море это от одного конца до другого лежит в долине, окаймленной высокими горами и оттого волны не разливаются по его берегам, а остаются внутри их. Нам видны были его берега с обеих сторон и редко бывало, чтобы они скрывались от наших взоров. Это не то, что Белое (Средиземное) море — пространное, с отлогими берегами, о которые разбиваются его волны. Говорят, что Черное море имеет в окружности восемь тысяч миль [так что от того места, где корабли вступают в Дунай, приходится плыть еще около 500 миль, то есть почти столько же, если не больше, сколько до того места от Константинополя.] Но плавание по нему крайне затруднительно: все изгибы и объезды, а часто и мелководье и сверх того великое множество морских разбойников.

Справа от нас были: Трапезунт, Синоп, Кастамун и бухта *Микрара* (Мингрелии), через которую можно проникнуть в Грузию; насупротив нас находились: Кафа, страна татар и хана, слева: Румелия, Силистрия и Добруджа, к которой мы пристали. Все её жители татары-мусульмане, ибо султан Мохаммед, покорив эти страны, вывел из них христианских жителей и заселил этими татарами, народом враждебным христианам. Большая часть их из Карамании и нашей страны. Это было сделано с тою целью, чтобы они охраняли берега Дуная от врагов своих — христиан, так как эта степная страна составляет границу Румелии по сю сторону Дуная против Молдавии и Валахии. Татарские жилища до самых берегов Дуная выстроены из дерева и крыты соломой.

Мы пробыли два дня в вышеупомянутой Лимании и наняли пять арб и десять верблюдов,

кои все с горбами, ибо таковы все здешние верблюды, которые летом [и зимою] ходят без седел, ничем не покрытые. Для нашего владыки патриарха мы взяли карету с лошадью. Наем всех повозок до реки Дуная обошелся в 400 османских (пиастров).

Глава XVIII. Болгария

Мы выехали из Кюстендже в среду утром 12 января и ехали но низменным местам, где не видно ни камушка. Ночи проводили в повозках около деревень или в открытом поле. В субботу утром мы прибыли в христианское болгарское селение, по имени *Иниклица*[52] на средине Дуная. К нему есть путь и сушею. Оно состоит под властью мусульман, однако мы видели деревянные кресты вдоль дорог и на могилах. В селении есть церковь. Свиньи у жителей прирученные[53] и ходят стадами.

Выехав оттуда, прибыли в город, называемый Мачин, на берегу Дуная. В нем 420 домов болгар-христиан. Это последний город, принадлежащий мусульманам и находящиеся под управлением силистрийского паши. В нем есть чиновники и судья. Здесь мы провели воскресенье о Хананеянке, а в понедельник по утру наняли судно и, сев на него, поплыли на веслах по течению Дуная, потому что на этой неделе лед растаял, после того как по нему ездили в повозках и забавлялись конными ристаниями.

Книга II. Молдавия

Глава I. Молдавия. — Галац

Перед закатом солнца мы приехали в Галанзу, или Галац, первое владение Молдавии. Что касается реки Дуная, то она очень велика и глубока и в некоторых местах до того широка, что с берега на берег не видать строений и нельзя не только разобрать слов, но и расслышать голоса человеческого. Между Мачином и Галацем стоит город и крепость мусульманская, по имени Браилов, которая в прежнее время была во владении валахов, но отдана ими мусульманам и также составляет границу силистрийского пашалыка.

Мы высадились в Галаце перед закатом солнца в понедельник 17 января. Как только мы въехали в город, было послано известие господарю[54] с каларашем, то есть гонцом. Городские власти и прочие жители города вышли встретить нашего владыку патриарха и повели его в церковь во имя св. Димитрия, которую недавно выстроил высокопочтенный господарь Василий[55] и подарил Афанасию Паталаропу [56], о коем мы упоминали выше. Когда этот последний вторично уехал в Константинополь и сделался патриархом, господарь, разгневавшись на него, отдал церковь монахам Святой Горы. Этот же Паталарон, при самом прибытии нашем в Молдавию, уехал в Московию, ибо господарь был очень сердит на него, и, пробыв там полтора года, возвратился в землю казаков, где умер на третий день Пасхи. При входе нашего владыки патриарха в церковь, а также при выходе, по принятому у них обычаю, звонили в медные колокола, заменяющие била. Это было в первый раз, что мы их слышали (да не лишит нас Бог приятных их звуков!). Мы пропали владыке „Достойно есть“, а священники встретили его в облачениях, со свечами и кадильницами, возгласили ектению „Помилуй нас, Боже“ до конца, поминая его имя, а также имя господаря и его супруги, и закончили служение многолетием господарю, его супруге и сыну, как это у них принято всегда в конце службы. Затем наш владыка патриарх вышел вперед всех, в предшествии священников со свечами, и стал у врат церковных, где благословлял присутствовавших, при выходе их, по-одиночке, по принятому у них обычаю. Мы остановились в доме, принадлежащем упомянутой церкви. Вечером опять пошли в церковь, после того как зазвонили во все колокола по случаю празднования памяти свв. Афанасия и Кирилла, патриархов александрийских, и отстояли вечерню. Поутру были за утреней, уходили к себе, а потом возвратились к литургии и вышли из церкви, пробыв там четыре с половиной часа.

В Галаце восемь церквей, большая часть их каменные: две во имя Владычицы, две во имя Святителя Николая, две во имя св. Димитрия, одна — св. Михаила и восьмая во имя св. Параскевы и св. Георгия. Самая благолепная из них — во имя Владычицы: вся она из тяжелого камня, с тремя высокими стройными куполами, увенчанными великолепными золочеными крестами. Внутри большая башня для колоколов. Вся церковь имеет бойницы и была вновь выстроена одним вельможей-христианином, греком из крепости Браилова.

В среду мы выехали из Галаца в каретах на данных нам лошадях, а наша поклажа и спутники были отправлены вперед на арбах, запряженных быками. *Баркалам* (пырколабу[57]) Галаца, что по-валашски значить субаши или правитель, городские власти и другие знатные лица города поехали провожать нас на далекое расстояние и вернулись домой. А мы ехали около четырех часов вместе с каларашем, то есть конакджи, которого назначили нас проводить, и остановилось в маленьком селении. Выехав рано поутру в четверг, в день памяти св. Евфимия Великого, вечером прибыли в большой базар, т.-е. торговый город по имени *Вастанакоджу*[58]. В нем имеется большая река и три церкви, над вратами коих висят колокола. Пырколабу этого города привел нам кареты, запряженные господарскими лошадьми, и также назначил конакджи нам сопутствовать, а тот, который приехал с нами, возвратился назад с каретами и лошадьми,

ибо у них такой обычай, что кареты и лошади назначаются из каждого базара.

Выехав отсюда, мы поздно вечером прибыли в другой большой базар, по имени Бырлад. В нем три храма: церковь Владычицы, вновь выстроенная из камня господарем, св. Димитрия и св. Кириака.

Глава II. Молдавия. — Жилища и одежда

Что касается домов в этих странах, то с приезда нашего в Молдавию мы видели, что все они как в этой стране, так равно в Валахии и в стране казаков, включая и Московию, выстроены из дерева и досок и имеют высокие кровли на подобии верблюжьего горба, для того чтобы снег на них не оставался. Внутри домов сиденья идут вдоль стен, а столы, как во франкских домах, раскинуты на подпорках посредине комнаты. Постельные принадлежности состоят из ковров и тканей, растянутых вдоль стен. В каждом доме есть печь, которая снаружи представляет четыре стены из обожженной глины зеленой или красной, а у богатых из изразцов, чтобы задерживать дым. Печи утверждаются на двух столбах и сверху имеют железную крышку, которая зовется на их языке *каптур* (а если много-*капатыр*). Оттого в доме бывает теплее бани.

Молдавские и валашские женщины носят одежду, похожую на одежду франкских женщин, косы заплетают и закручивают на голове в виде кренделя, прикрывая их белой тканью, богатые-розовой шелковой; поверх этого надевают еще белое покрывало. Все носят на плечах синие алеппские шали, а богатые — черные шелковые брусские.

Девицы причесывают волосы подобным же образом, но покрывала не носят, так что можно отличить девицу от замужней. Дети их ходят голые: на них совершенно ничего не надевают. Утром и вечером детей моют теплой водою, а когда бывает снег, то часто натирают их снегом. Все женщины ходят с открытыми лицами, даже царицы.

В Константинополе и его округе вдовы носят на голове оранжево-желтые покрывала, а в Молдавии, Валахии и у казаков они носят и покрывала и все платье черного цвета, как монахини. В Московской же земле носят они черные шерстяные кафтаны, очень широкие и длинные, с большими рукавами.

Глава III. Молдавия. — Васлуй

Возвращаемся к нашему рассказу. Область господаря молдавского разделяется на 24 судебных округа, и средоточием каждого из этих округов служить торговый город-базар-округа.

Мы выехали из Бырлада, когда нас снабдили каретами и лошадьми, в субботу 22-го января, и прибыли с наступлением ночи в другой большой торговый город, по имени *Василури* (Васлуй), т.-е. царский, ибо в нем прежде находился престол стран молдавских, во дни покойного Стефана воеводы, 160 лет тому назад. Он был знаменитый на войне герой, всеми почитаемый, совершил двадцать четыре похода на турок, татар, ляхов и венгров, много раз их отражал и всех победил, так что имя его прославилось всюду, и все стали его бояться. Этого он достиг своею ловкостью и проницательным умом. К числу его сооружений и деяний его благотворительности принадлежать сорок четыре каменных монастыря и церкви. Здесь в Васлуе имеются его дворцы, бани и загородные дачи, также обширная, высокая, величественная церковь с очень возвышенным куполом, окруженная аркадами и сводами, па которых находятся изображения и иконы всех святых. Над вратами церкви во всю стену сверху до низу нарисован страшный суд, с золотом и лазурью, где представлен Моисей, ведущий к Господу Анну, Каиафу и других иудеев с отталкивающей наружностью; позади них другая толпа, состоящая из турок [в белых шалях и чалмах, в широких развевающихся зеленых кафтанах с висящими назади длинными рукавами, в *харимах*, или нижних праздничных платьях, из желтой шерсти. Их сопровождают дервиши. Позади и среди них черти, которые их подталкивают и дразнят. Во главе их идет *кашидбари* в шапке, и один из злых чертей карабкается к нему на плечи и срывает с него шапку]. Внутри церковь также вся расписана изображениями. Она красивой постройки; в куполе на самом верху изображен Господь Мессия. В ней есть особое место с высоким троном для господаря. Снаружи над дверьми висит большой колокол.

Церкви этих стран имеют три отделения: первое -наружное, предназначено для женщин; второе, отделенное стеною с дверью, для простого народа, а третье, также отделенное стеною с дверью, исключительно назначено для господаря и вельмож. Хорос [59] заключен между полукруглыми арками с северной и южной стороны и имеет сиденья.

Кроме только что описанной церкви в городе есть нисколько других. Армяне, в нем проживающие, имеют свою церковь. Мы пробыли здесь воскресенье Закхея. Нам дали кареты, лошадей и конакджи, и мы выехали из города в понедельник утром.

Глава IV. Молдавия. — Скинтей

Хотя мы ехали быстрее птицы, однако лишь при закате солнца прибыли в другой маленький базар, по имени *Скентай* (Скинтей). На пути переезжали в экипажах через реку, покрытую льдом н имеющую каменный мост. В городе есть великолепная новая церковь во имя св. Параскевы с двумя высокими куполами, с золочеными крестами, с прекрасным иконостасом и распятием. Она воздвигнута тем же господарем, благотворителем и ревнителем построения церквей во всем мире.

Мы выехали из города во вторник утром. В ночь перед этим поднялся сильный ветер при большом холоде, отчего земля и грязь оледенели и дорога стала труднопроходимой. На нас падало много снегу. Переезд этот известен по своей трудности: тут один путь, который проходить через лес и страшен для путешественника. С полудня, после того как мы вязли в снегу, погода потеплела, стало таять, и мы увязали в грязи по брюхо лошадям на желтой солончаковой почве. Эго был последний и самый трудный перегон; лошади останавливались, и только с большими усилиями мы прибыли перед закатом солнца в окрестности большого пруда, называемого на их языке *халистау*[60] Он выкопан по приказанию господарей для разведения рыбы и пожертвован монастырю Владычицы, известному под именем *Барноска* (Бырновского[61]).

К нам явились почетные жители и привели лошадей для нашего владыки патриарха и для нас. Мы сели, и нас привезли к мельнице, составляющей жертвованное угодье того же монастыря. Здесь посадили нашего владыку патриарха в царскую карету, запряженную шестью лошадьми. Я же, смиренный сочинитель этой книги, поместился в дверях, держа серебряный посох. В это время приблизился доверенный господаря, Ивани *сальджар* (великий служарь)[62], что значить на их языке касаб-баши. Ми подружились с ним еще в Иерусалиме, где встретились с ним в то время, когда он был послан господарем для исчисления долгов святых монастырей[63] и монастыря св. Михаила. После того он посетил нас, возвращаясь чрез Алеппо с упомянутыми деньгами. Его преосвященство местный митрополита с прочими вельможами и войском вышел для встречи владыки патриарха, так как господаря не было в столице. Он был в отсутствии, уехав в город, по имени *Саджао* (Сучава), для примирения *Ахмиля* (Хмеля, Хмельницкого) и казаков с ляхами. Получив известие из Галаца о нашем прибытии, он дал приказ устроить патриарху самый пышный приём. Все настоятели монастырей[64] выехали ему навстречу в каретах. Твоим взорам, читатель, представились бы на далеком расстоянии блестевшие купола церквей и кресты монастырей-зрелище усладительное для глаз! Когда мы приблизились к знаменитому монастырю Галата, находящемуся довольно далеко от города, в нем зазвонили во все колокола, большие и малые, и звонили до тех пор, пока мы не скрылись из виду. То же было, когда мы проезжали мимо монастыря св. Георгия, который теперь в руках синайских монахов. Затем перед нами выстроились войска.

Глава V. Молдавия.-Яссы. Въезд патриарха в город

Мы въехали в город *Яш* (Яссы), столицу Молдавии, во вторник вечером 25 января, причем во всех церквах и монастырях звонили в колокола, так что в городе поднялся сильный гул. Нас подвезли к вратам церкви монастыря св. Саввы и Михаила и высадили из кареты нашего владыку патриарха, которого мы облачили в манию. В это время вышли священники с евангелием и дьякон с кадильницей в преднесении свечей, и наш владыка патриарх, приблизившись, приложился к евангелию, а дьякон кадил ему и певчие пели „Достойно есть" во все время, пока он не дошел до средины церкви и не остановился под паникадилом. Сотворив здесь крестное знамение, он помолился перед дверями алтаря, а также перед образами Господа и Владычицы и всеми прочими святыми иконами, находящимися у алтарных дверей, потом пред иконою св. Григория Богослова, которому празднуют в этот день, положенной на высоком аналой, покрытом пеленой, как это принято во всех церквах греческих стран. Затем он занял свое патриаршее место, и дьякон возгласил ектению: „Помилуй нас, Боже!" и проч., поминая сначала имя владыки патриарха, потом имя возвеличенного господаря Василия воеводы, домины (господарыни) Екатерины и сына его Стефана воеводы. После того пропели господарю многлетие, а патриарху *тон деспотин*, в то время как он благословлял народ. Мы вышли из церкви, при чем патриарх был в мантии и держал посох. Его поместили в настоятельских келлиях. Все знатные люди приходили приветствовать его.

Накануне четверга, день праздника перенесения мощей св. Иоанна Златоуста, зазвонили в колокола. Мы прослушали вечерню, за которой не было освящения хлебов. Когда пробило десять часов ночи[65], опять ударили в колокола, и мы пошли в церковь, откуда вышли после утрени рано поутру.

Знай, что во всех этих странах: у валахов, молдаван, казаков, включая Московию, всегда стоят в церкви с начала до конца службы, вечером и утром, во всякое время (года), не иначе как с открытыми головами, особенно в присутствии патриарха, архиерея, игумена и священника, ибо в этих странах все носят суконные колпаки с мехом, даже цари и вельможи. Жены богатых людей в Молдавии также ходят в бархатных красных колпаках с соболем, но в стране валахов и казаков не так: там носят белые платки, которые у богатых бывают шиты жемчугом.

Священник[66], прежде чем окадить патриарха, кадит пред местом господаря. В навечерие и в утро праздников, при всякой литургии, зажигается пред местом нашего владыки патриарха свеча в красивом деревянном позолоченном подсвечнике, которая горит от начала до конца службы. Когда патриарх во время утрени после пения „Всякое дыхание", будет-ли то праздник или воскресенье, сходит прикладываться к иконе праздника или к другим святим иконам, архидиакон подносит к нему эту икону, а также по окончании службы несет ее впереди него за церковные врата, и пока не выйдут все, включая и женщин, патриарх благословляет каждого при выходе, после чего архидиакон отдает икону экклесиарху.

Через три часа (после утрени) возвращаются в церковь к литургии, откуда выходят около шести часов, все равно, будет-ли то праздник святого, или Успение, или праздник Пасхи. Перед благовестом к обедне бывает звон к проскомидии, дабы всякий, кто имеет что-либо принести, приносил, ибо время приспело.

Глава VI. Яссы. — Церковь св. Саввы

Вот описание вышеупомянутой церкви св. Саввы в Молдавии. Она выстроена вся из камня снутри и снаружи, имеет одну дверь с южной стороны, над которой написан образ св. Саввы, как принято во всех церквах этой страны. Здание церкви продолговатой формы, как соборные храмы. Стены тверды и несокрушимы и заключают в себе одно обширное пространство. Над церковью возвышаются два огромных купола в турецком стиле, то есть подобные куполам нашей страны, единственные во всей этой земле. Покойный строитель этой церкви, по имени Янаки, был родом из Константинополя и служил *бостеникосом* (постельником[67]) у господарей молдавских. По окружности каждого купола тринадцать окон со стеклами, округленной формы и очень красивых. Куполы крыты жестью, которая издали блестит на солнце; на вершине их большие превосходные золоченые кресты. Также вся крыша церкви сделана из жести. Один купол находится над хоросом[68], другой над нарфексом[69]. Они опираются только на два столба, к которым с внутренней стороны примыкает иконостас и на которых с наружной поставлены образа Господа и Богоматери. Таким устройством отличаются все церкви в этой стране. Позади правого столба стоить трон господаря возвышенный, с навесом на деревянных колоннах, обращенный к востоку. Насупротив него, у второго столба другой трон попроще для его сына или для его супруги. Архиерейское место помещается у стены, справа от трона господаря, между другими местами, идущими вдоль стен. Правее архиерейского места занимают места настоятели монастырей, священники и прочие клирики, почти до дверей алтаря. Так же устроено с противоположной стороны.

Паникадило, которое они называют хоросом, очень велико и висит в куполе над хоросом. Оно позолочено, состоит из 24 частей и заключает внутри другое маленькое паникадило, похожее на купол. Иконостас во всех церквах этой страны состоит из трех ярусов: тот, что над дверьми алтарей, заключает изображения всех господских праздников, тот, что повыше его, имеет в средине образ Господа, сидящего на престоле в саккосе и митре: справа и слева от Него стоят апостолы, причем ап. Павел изображается непременно на левой стороне, а ап. Петр на правой, а около Него Владычица и Иоанн. Над этим ярусом имеется посредине изображение св. Троицы, а по сторонам — пророков. Над всем этим стоит распятие.

Алтарь весьма обширен, имеет три больших высоких окна со стеклами и с большими железными решетками. С левой стороны алтаря у стены есть лестница, по которой всходят на амвон очень высокий, каменный, украшенный резьбой, с каменным же куполом, на котором водружен крест; амвон поддерживается каменными, витыми сверху до низу колоннами. Внутри его устроено помещение со многими тайниками для церковной утвари и прочего на случай тревоги.

В южной стене церкви имеются три очень больших окна со стеклами и с железными решетками. Близ церковных дверей, где находится могила покойного строителя церкви Янаки, есть нечто в роде окна, уставленного иконами с неугасимой лампадой. В северной стене есть также пять окон со стеклами. Пол церкви настлан плитами из обожженной глины, и вообще во всех церквах этих стран, от Бруссы до Московии, пол делается большею частью из таких плит.

Что касается икон, находящихся при царских вратах, то, по принятому во всех упомянутых странах обычаю, на иконе изображается в средине Господь, на широких краях её — все страсти, а вокруг Него — апостолы; по окружности же иконы Богоматери изображаются 24 похвалы и пророки. Непременно имеется икона св. Николая с его чудесами. Иконы св. Саввы и св. Михаила, которым посвящена церковь, поставлены по левую сторону иконы Богоматери. Также всегда имеется икона трех патриархов (святителей).

Место, где стоят женщины, находится наверху в передней части церкви, закрыто решеткой и также уставлено иконами. Лестница туда идет в стене от церковных дверей.

Колокольня примыкает к дверям церкви и имеет два входа: один с наружной стороны церкви и другой, выходящий на монастырь. Это — очень большая, высокая, четырёх-угольная башня, чрезвычайно крепкая, вся выстроенная из камня; в ней несколько камор и тайников для склада имущества на случай тревоги. Большая лестница ведет на верх колокольни, где высятся огромные арки, господствующие над окрестностями. К потолку её подвешены колокола, числом пять; наибольший из них датской работы. Языки у колоколов железные. Монастырские келлии и пристройки деревянные, как вообще все монастыри в этих странах.

Накануне воскресенья[70] Мытаря и Фарисея, с которым совпал праздник трех святителей, день ангела господаря, построившего в честь их монастырь, мы слушали в монастырской церкви вечерню, а рано поутру утреню. В день этого праздника бывает царская трапеза для всех без исключения, богатых и бедных. Целование евангелия бывает у них после пения седьмой (песни) и даже после чтения синаксаря [71]. Мы вышли от утрени, после того как всем присутствовавшим дали приложиться к иконам, по всегдашнему их обычаю. Позднее мы возвратились в церковь к обедне. При чтении диаконом евангелия ставят для него под паникадилом красивый аналой, покрытый шитою пеленою; на него он кладет орарь под евангелие и троекратно творит крестное знамение. Он же кадить в царских вратах при пении „Иже херувимы”. Существует обычай в Молдавии и Валахии, что вечером накануне воскресений и праздников бедняки, как только услышать звон большого колокола, ходят по церквам (для сбора милостыни).

Знай, что всякий раз, когда поют „Блаженны”, ударяют в большой колокол, также ударяют при девятой (песне), затем при „Достойно есть” за литургией, а равно звонят к утрене и обедне.

Домина, супруга господаря, разослала во все монастыри подносы с царской пшеничной кутьей вместе с просфорами, свечами, ладаном и вином, ибо этот праздник есть день тезоименитства господаря. После того как наш владыка патриарх роздал антидор, сошли священник и дьякон, и последний стал кадить кругом упомянутых приношений, разложенных на блюдах, и сосудов с вином и с медовой кутьей на подносе для господаря. Наш владыка патриарх прочел обычную молитву над кутьей, поминая имена господаря, его супруги и сына, сделавших эти приношения.

Что касается праздника трёх святителей в монастырь св. Саввы, то здесь он справляется на иждивение одного мужа, по имени Василия, который прежде назывался Мустафа, происходит от отцов и дедов турок и родом из Камышхана. Мы видели с его стороны горячую веру и великую ревность к православию и ожесточенные нападки на иноверцев. Патрон его имени, его ангел, есть св. Василий, коего память совершается в этот день. Подобных ему людей в Молдавии и Валахии тысячи.

ГлаваVII. Яссы. — Приём при двор. Подарки

Перед закатом солнца мы смотрели на въезд его высочества господаря, когда он вступал в город при звоне всех колоколов. Вечером он прислал известить нашего владыку патриарха, что приглашает его к себе поутру. В понедельник утром, последний день января, прибыл боярин Ивани, великий служарь, доверенный господаря, имея при себе до 50 драбантов[72], то есть янычар, в красных суконных одеждах и в полном вооружении. С ним же приехала царская карета, запряженная шестью темно-серыми лошадьми. Он посадил в нее нашего владыку патриарха, на которого мы надели мантию, я же, как всегда, сел в дверях кареты, держа его посох. Драбанты построились отрядом перед нами по два в ряд и таким образом мы въехали в корту, что на их языке значит дворец, и остановились у лестницы дивана, где были выстроены рядами войска. Нашего владыку патриарха высадили из экипажа, и он поднялся наверх, поддерживаемый под руки, а я шел впереди него. Все сановники вышли встретить его к переднему дивану и ко второму, господарь же принял его, выйдя из внутреннего собственного дивана, и поцеловал у него правую руку, а наш владыка патриарх поцеловал его но обычаю в голову и благословил, и когда они сели, то он, от избытка радости при виде его и по любви к нему, дважды прослезился. Все мы отдали господарю глубокий поклон и, поцеловав у него правую руку, вторично поклонились. То же сделали и при уходе. Около часа господарь вел беседу с нашим владыкой, выражая ему свое участие и успокоивая его, после чего патриарх благословил, его и, попрощавшись, вышел. Его отвезли обратно в монастырь в той же карете и возвратились назад.

Во вторник утром, 1-го февраля, мы доставили господарю подарки от нашего владыки патриарха. Все вещи были уложены на подносах, покрытых расшитыми платками, как водится во всех этих странах, хотя бы подарок состоял из одного хлеба. Когда мы вошли в большой диван, явился вышеупомянутый доверенный господаря, служарь, с писцом, который записал названия всех подарков поодиночке. [Вот список подарков, поднесённых славному господарю:[73] пара шитых наволочек, кусок розового ситца, две сахарницы пальмового дерева, коробка мускусного мыла, две коробки душистого мыла, небольшое количество алеппского мыла, два горшка имбирного варенья, коробка сушеных итальянских плодов, миндальное масло, сушеные абрикосы, фисташки, приготовленные с солью и без соли и пр.]. Затем служарь вышел и представить подарки великому логофету[74], то есть дефтердарю. Тогда нас ввели к господарю, который встал с кресла из уважения к нашему владыке патриарху, а мы отдали ему глубокий поклон как при входе, так и при выходе, и представили подарки на блюдах, причем писец говорил: „патриарх антиохийский подносит царю то-то и то- то” до конца, и господарь выразил свою благодарность.

После; того мы вернулись и, известив также сына господарева, Стефана воеводу, который живет отдельно, подобным же образом сделали ему подношение. Затем мы принесли третьи подарки для домины, супруги господаря, которой мы отдали также большой поклон, при входе и выходе, поцеловав у ней правую руку. Она сидела в креслах, имея на голове бархатный красный колпак с соболем. Сначала вошел её кяхия и доложил о нас, после чего вошли мы. Она также нас благодарила и вставала с кресла при нашем входе. Равным образом мы поднесли дары всем сановникам. Но все это пошло прахом: как жаль наших трудов!

Глава VIII. Яссы. — Монастырь Голия

В четверг 3-го февраля прибыл пригласить нашего владыку Гюзель-Эфенди, или Папа Теодоси, игумен монастыря Голия.

[Вот содержание, называемое на их языке *мертек*, которое назначил нам славный господарь: четыре лучших белых хлеба для нашего владыки патриарха, два-для его свиты, два ока[75] лучшего вина для него и два — для свиты: одно око масла, одно око хлеба, два ока мяса, одно око восковых свеч и одно сальных; каждую неделю два воза дров и деньги на наши ежедневные расходы. Если бы у нас были лошади, нам бы отпускали ячменя и сена].

Монастырь Голия — во имя Богоматери и принадлежать домине, супруге господаря, которая построила его вновь, в подражание монастырю, сооруженному господарем. Мы отправились туда в экипаже и там помолились. Он представляет издали величественный и весьма благолепный вид. Куполы очень высоки и, покрытые белою жестью, блестят как серебро; увенчаны весьма большими, красивыми крестами, сияющими позолотой, величиной в две меры человеческого роста. Вот описание церкви[76]. Вся она снаружи и снутри построена из тесаного камня, так же как и её своды, и очень высока. Мы видели много монастырей в стране молдаван и валахов и великолепных церквей до самой Москвы, но все они выстроены из мелкого необтесанного камня, обмазаны известкоё снаружи и снутри и с течением времени разрушаются от обильных дождей и снегов. Единственно, кто стал впервые возводить постройки из тесанного с изваянными фигурами камня, был ревнитель построения церквей и монастырей во всем мире, Василий воевода. Он вызвал для постройки своего и этого монастыря ученых мастеров из Польши. Стены церкви ниже карниза украшены разнородной ваятельной работой: под самым карнизом кругом всего здания высечены из камня большие звезды. Церковь эта по своей постройке и по наружным украшениям похожа на церкви *Ханака*[77]. Она имеет два выхода с юга и с севера, которые ведут к западным дверям церкви. Формы она продолговатой, как соборные храмы, представляет одно обширное пространство и разделена на две части стеною, в которой имеется вторая дверь. Место для женщин, куда ведет лестница снаружи, находится над сводом притвора. Церковь весьма благолепна и светла, ибо имеет много окон со стеклами. Над хоросом поднимается большой высокий купол, а над этим другой еще более высокий, и такой же купол находится над нарфексом; оба восьмиугольные.

Алтарь весьма высок, с тремя очень длинными, узкими окнами со стеклами, и имеет весьма красивый купол. Между куполами хороса и нарфекса тянется удивительный свод на подобии опрокинутого корабля. Вся крыша церкви из блестящей жести. Четвертый купол, где поставлены часы, находится над местом для женщин, куда ведет винтовая лестница. Всех крестов числом пять; они красивы, велики, не имеют себе подобных во всем мире и от обильной позолоты блещут ярче солнца. Один из них на куполе нарфекса, другой — на куполе хороса; два креста на своде между хоросом и нарфексом, а пятый на куполе алтаря. Хорос замкнут в двух кругах (купола) и двух арках с северной и южной сторон. Сиденья прекрасной работы, из кипарисового дерева гладко оструганного, с прорезными украшениями; их выписала из Константинополя супруга господаря. В этом же роде архиерейское место, помещающееся в передней части южной арки хороса. Трон господаря еще не отделан. Беломраморная настилка пола также не доведена до конца. Мрамор был выписан и привезен на большом корабле из местечка Мармар, близ Константинополя; он восхищает взоры своею белизной, каждый кусок вдвое, даже втрое больше надгробных камней франков в Алеппо, но тоньше их, так как предназначен для мощения. Были привезены также колонны и дверные столбы, которые в то время еще обтесывались и отшлифовывались. Как жаль, что их не окончили! Великие труды и

мучения претерпели люди, доставившие их из Галаца на арбах, запряженных быками, по тяжелым и неудобным дорогам.

Иконостас и тябла[78] превосходны, чудесны: подобных мы никогда не видывали. Это работа умелого, искусного художника, который своим невиданным мастерством превзошел все произведения критской (?) живописи. Иконостас четырех-ярусный, с арками; в поясе над алтарными дверьми изображены господские праздники, во втором — чудеса Спасителя, в третьем-апостолы с Господом посредине, в четвертом, самом верхнем-пророки со св. Троицей в средине; над всеми поясами стоит распятие. На иконе Спасителя Он изображен сидящим на престоле в великолепном зеленом саккосе, а на краях иконы вокруг Него написаны господские праздники. Икона Богоматери чудотворная и очень древняя; по краям её изображены 24 похвалы. Руки и кисти у Богоматери из чистого литого золота, ибо домина, имея к ней великое усердие, не щадила ничего на её украшение: когда сын её Стефан воевода страдал тяжкою болезнью, она привела его к этой иконе, и он немедленно получил исцеление. Впереди лампад, висящих перед этой иконой, есть еще другие, серебряные вызолоченные, неугасимо горящие. Перед дверями алтарей стоят четыре подсвечника датской работы, из желтой меди, более блестящей и благородной чем золото; говорят, будто они обошлись на вес серебра. Они покрыты красным сукном. Между ними стоят еще два больших серебряных подсвечника. Алтарь снизу до верху украшен чудесною живописью на золотом фоне; такою же живописью расписана церковь от притвора до внутренней её части, равно и отделение для женщин. Подобным образом написаны все чины святых с их чудесами. Говорят, иконописец получил в вознаграждение 3500 пиастров. В куполе над хоросом есть величественное изображение Господа на золотом фоне, а в куполе над нарфексом изображение Богоматери. Лазури так много, что она служит взамен штукатурки.

Позади трона господаря до угла изображены: Василий воевода во весь рост в парчевой одежде на меху с соболем, в руках у него вышеописанная церковь, которую он вручает благословляющему его Господу, окруженному ангелами; за Василием домина, его супруга, в парче с соболем, в золотых украшениях, с собольим колпаком на голове; за нею дочери, из коих одна замужем у ляхов, а другая недавно выдана за сына казака Хмеля; ниже Стефан воевода и три брата его[79], умершие один за другим, все в красивых одеждах. Они нарисованы, как живые.

Выйдя из церкви, мы отправились в трапезу, а потом поднялись на величественную древнюю колокольню, подобной которой по высоте, размерам и величине нет ни в Молдавии, ни в иных местах. Она очень высока и имеет вид крепости. Возвратившись в свой монастырь, мы отстояли вечерню, а в воскресенье Мытаря владыка служил в нашем монастыре.

Глава IX. Яссы. — Пир при дворе. Характеристика господаря

Во вторник утром 8 февраля, в день св. Феодора Стратилата, его высочество господарь дал знать нашему владыке патриарху, чтобы он приготовился к нему приехать. Около полудня прибыл вышеупомянутый служарь в экипаже, называемом на их языке *саня*, с полозьями вместо колес, так как случилось много снегу и льда и в колесном экипаже нельзя было проехать, сани же скользят быстро, не причиняя беспокойства. По обыкновению впереди нас ехали драбанты и мы вступили в *корту* (двор). Владыка патриарх нашел господаря одного и вручил ему рекомендательные письма от патриархов константинопольских, Паисия и низложенного Иоанникия, и от патриарха иерусалимского. Всякий раз когда логофет прочитывал одно письмо, господарь, вставши с кресла, вскрывал другое[80]. Наш владыка патриарх поднес ему великий дар: подлинную нижнюю челюсть св. Василия Великого; она желтого цвета, твердая, увесистая, блестящая как золото, с запахом благовоннее амбры; в ней в целости сохранились передние и коренные зубы. Эта драгоценность была приобретена нами в Константинополе от родственников кир Григория, бывшего митрополита Кесарии, и куплена дорого, на вес золота. Владыка поднес еще другие предметы из разных мест, между ними некоторые весьма ценные, как-то: святыни Господа нашего Иисуса Христа, мощи святых и всехвальных апостолов. В царице городов (Константинополе) можно найти все, [и между священными сокровищами, кои мы там приобрели, были[81]: частица коня св. Димптрия, капли крови св. Георгия, несколько волос мученицы Анастасии, избавляющей от чарования, перст матери мученика Евстафия, несколько кусков камня с кровью Иисуса Христа от Святого Гроба, несколько кусков Древа Креста, темного цвета, подобно черному дереву, очень тяжелых: мы испытывали их на огне и они становились подобны ему, а по вынутии охлаждались и принимали прежний вид; испытывали их и на воде, и они падали на дно.

Челюсть была помещена в круглой коробке индийской работы, разукрашенной разнородными тонкостями искусства, под челюстью была положена вата, а поверх кусок парчи во всю коробку, которая была покрыта чехлом из розовой тафты, перетянутым синими шелковыми шнурками. При виде её господарь изумился и весьма обрадовался, когда наш владыка патриарх сказал ему: „эта святыня для тебя: она будет тебе охраной”, и ещё дал ему стклянку с миром. Тогда господарь исполнился великой любви к нашему владыке патриарху и начал рассказывать ему о греческих патриархах и их митрополитах, открыв пред ним свою сердечную обиду, причиненную ими и их поступками.

Вслед за тем он вышел вместе с нашим владыкой в передний диван к царской трапезе, убранной золотыми и серебряными блюдами и такими же ложками и вилками. Господарь сел в кресла, обитые бархатом, с серебряно-вызолоченными гвоздями, а для нашего владыки патриарха было поставлено другое кресло по правую его руку. Владыка благословил трапезу и господаря и, взяв ломоть хлеба и обмакнув в кушанье, встал, причем встали и все присутствовавшие вельможи, и выразил господарю благопожелания, как принято в подобных случаях, после чего все сели. Все блюда были накрыты такими же блюдами, пока не принялись за еду; тогда их сняли: у них такой обычай, что блюда к столу подаются покрытыми. Ашджи, или великий келарь, он же таббах-баши, всякий раз как слуги вносили блюда, каждое подавал господарю, снимая крышку; если оно нравилось господарю, то ставил пред ним безмолвно и, взяв вилку, проходил ею по всему блюду и отведывал кушанье; потом подносил другое блюдо. Если же оно не правилось, то господарь поднимал глаза[82], и тот убирал и ставил блюдо под стол. По левую руку господаря стоял слуга в красивой одежде: он брал некоторые блюда и ставил их пред самым господарем; другой слуга брал его хрустальный в серебряной оправе

кубок и, поставив на его место другой, вытирал и приносил обратно. Силяхдар, или великий спафарий[83], все время стоял по правую руку господаря с короной, осыпанной драгоценными камнями, опоясанный мечем и держа в руке царский скипетр. Виночерпий с своими подручными также стоял близ него, имея перед собою высокий деревянный сосуд с водой на трех ножках, в коем находились стеклянные бутылки с разноцветным вином, водкой и пивом; подле стояла скамья, покрытая белою скатертью, на которой были расставлены хрустальные кубки и серебряные и фарфоровый чаши. Виночерпий подавал пить господарю и патриарху из одного и того же кубка, и всякий раз как они пили, все присутствующие вставали. Прочие пили из других кубков и другое вино. Поднося господарю чашу, виночерпий всякий раз отведывал из неё и потом подавал. Остальные сановники, по назначению, находились тут же, а бостанджии (привратники) стояли подле господаря с серебряными жезлами. После нескольких рюмок вина, он выпивал чашу пива, как напиток прохладительный. Всякий раз как он осушал рюмку, виночерпий клал её в воду и подавал другую. Где сидит господарь, или его сын, или домина, или кто-либо из придворных сановников, как в Молдавии, так и в Валахии и в земле казаков, непременно над его головой стоит икона с пеленою и с горящею постоянно пред ней свечёй. Что касается меня, то я, держа посох, стоял некоторое время насупротив нашего владыки вместе со своими товарищами и придворными священниками и дьяконами. Его высочество господарь дал знак глазами бостанджию, который отвел нас в буфетную, где мы пообедали, а посох отдал держать на это время одному из придворных (певчих) мальчиков [84]. Потом я возвратился и взял посох. Беспрестанно подавались многочисленные блюда, а поданные раньше уносились, и так было до самого вечера, когда наконец встали из-за стола и прочли послеобеденную молитву. Патриарх благословил господаря, простился и вернулся в карете в монастырь.

Величия господаря, его познаний, превосходства его здравого смысла, начитанности в книгах древних, новых и турецких, его искусства в прениях не может постигнуть ум человеческий. По истине он равнялся прежним греческим царям и даже превосходил их. Его слово беспрекословно исполнялось во всей стране, по причине его обильных щедрот и достохвальных деяний не только по отношению к патриархам, митрополитам, священникам, монахам, мирянам, церквам и монастырям; даже аги, купцы и прочие турки, дервиши и торговцы клялись его головой, однако ж по многим обстоятельствам питали к нему ненависть; но здесь не место исчислять эти причины. Словом, он был известен во всем мире. Цари и вельможи московские почитали за великое счастье получить от него письмо и привезшего таковое осыпали всякими щедротами.

Это происходило от того, что они слышали о его любви к построению церквей и монастырей и о том добре, которое он оказывает всем людям. Король Польши и её вельможи равно его уважают; Хмель и казаки взяли его дочь; хан и татары почитают его ещё того больше; император немецкий, король венгерский и дож венецианский также дружат с ним. В его время было напечатано в Молдавии на валашском языке много книг церковных, научных и толкований. Его подданные раньше читали на сербском языке, который одинаков с русским, ибо везде, начиная с Болгарии и Сербии, в Валахии и Молдавии, в стране казаков и в Московии, читают на сербском языке, на котором написаны все их книги; но язык валахов и молдаван валашский и они не понимают того, что читают по-сербски. По этой причине господарь построил для них свой монастырь и большое каменное училище и напечатал книги на их языке. У сербов, болгар, казаков и московитов язык один, лишь разнствующий по месту, но книжный язык у них один и тот же.

В среду поутру 9 февраля господарь прислал нашему владыке патриарху с вышеупомянутым служарем, на которого была возложена забота о всех его нуждах, фарджию[85] из черного сукна, подбитую соболем, атласный подрясник и денег на расходы и обещал

уплатить все его долги. Эти подарки были перенесены из дворца в монастырь на руках.

Глава X. Яссы. — Монастыри[86]

Накануне субботы пред мясопустною неделей в церквах совсем не было торжественного служения по усопшим. В субботу настоятель монастыря господарева, что во имя трех патриархов (святителей), пригласил нашего владыку патриарха, и мы отправились туда в карете. Монастырь этот единственный в своем роде, великолепный, на подобие крепости окружен двумя каменными стенами. Над воротами колокольня и городские часы, которые все из железа, с большими колесами. Колокола привешены сверху на деревянных брусьях. Часы находятся в каморке в средине колокольни и имеют железную цепь, проходящую чрез потолок на верх к краю большого колокола; к ней прикреплен увесистый железный молоток. Для указания, что наступило время боя, существует длинный деревянный шест, выходящий из отверстия колокольни и имеющий приспособления, которые приводят в движение маленький колокол, висящий на наружном конце шеста; имя этого колокола будильник: его назначение — пробудить внимание людей. Потом звонит большой колокол, при чем цепь стягивается под колесами, молоток поднимается и падает на край колокола. Получается густой звук, слышный отовсюду в городе.

Что касается святой церкви, то она стоит посреди монастыря, вся из тесаного камня и снаружи украшена иссеченными из камня фигурами со всевозможными тонкостями искусства, приводящими в изумление ум: нет на ней места в палец, где бы не было изваяний. Под карнизом она окаймлена двумя поясами из черного камня также с изваяниями. Имеете два высоких купола. В неё входят двумя дверьми, как принято в здешних церквах, южной и северной. Над каждою дверью очень высокое и узкое окно со стеклами. В западной стене есть еще два окна, подобные первым, со стеклами. Здесь свод крестообразный; на нем изображена св. Троица. Над западными дверьми церкви нарисована картина страшного суда, лучше виденной нами в Васлуе: турки идут толпой в разноцветных кафтанах, в чалмах и шапках. На прочих стенах изображено „Всякое дыхание”: все без исключения твари земные от людей до животных, дикие звери, птицы, деревья и растения. Все изображения таковы, что зритель приходить в восхищение. Кроме того изображено: „Хвалите Господа во святых Его, хвалите Его в тимпане, в псалтире“: юноши и девы и все сыны человеческие и люди увеселяющие по степеням своим; потом ἐπὶ σοὶ χαίρει (о Тебе радуется): девы, князи и судии по степеням своим. Все изображения с золотом и лазурью. Входя западными дверями церкви, видишь образ трех святителей. Двери эти обиты железом с резными фигурами тонкой искусной работы; они ведут в парфекс, в стенах которого имеются ниши, где стоят гробницы детей господаря и его первой супруги — домины; на гробницы возложено много покровов парчевых и шелковых, а над ними висят серебряные лампады, которые горят днем и ночью, равно как и свечи, стоящие в подсвечниках. Здесь четыре окна со стеклами, по два в каждой стене. Тут же имеются портреты господаря и упомянутой покойной домины, так как церковь построена им до её кончины; затем портреты трех умерших сыновей его погодков, представленных в красивой одежде, в собольих колпаках с султанами. Портреты находятся на стене слева от выходящего в дверь. В руке господаря церковь с изображением на ней трех святителей: он вручает её Христу, благословляющему его, окруженному ангелами и апостолами. В высоком куполе нарфекса висит очень большая редкостная медная люстра. В этом месте есть удивительные пзображения и чудесные вещи, столь поразительная, что, сколько я ни старался, не мог их обнять умом. Затем входишь в хорос между двумя колоннами в виде восьмиугольных столбов, окрашенными в фисташково зелёный цвет, ничем не отличающийся от зеленого камня; между украшениями снизу до верху золотые ветви. Трон господаря стоит позади одного из столбов, обращен по обыкновении к востоку,

имеет высокую лестницу и купол; весь он из листового золота и превосходной работы. Внутренность вся из красного бархата, лестница и пол покрыты алым сукном. На верхушке его купола крест, над которым два чудных орла; он ничем не отличается от литого из золота. Справа от трона в южной стене большая арка с колоннами из белого мрамора, иссеченного со всеми тонкостями искусства; туда поднимаешься также по мраморной лестнице. Посреди арки ковчег, снутри и снаружи обитый красным бархатом, с серебряными гвоздями и с красивым замком. Нам его открыли: мы сделали земной поклон и приложились к мощам новоявленной болгарской святой Параскевы, которые господарь выписал из Константинополя из хранилища патриаршей церкви, где находятся мощи святых, к коим мы прикладывались, о чем нами упомянуто выше. Он уплатил за патриархию более двухсот, трехсот тысяч, чтобы улучшить её положение, но это не удалось. Святая лежит как живая и покрыта парчевыми и иными покровами; над ней висят лампады серебряные и золотые, горящие днем и ночью. На стене арки изображено её мучение и место её погребения: как ее доставил к господарю патриарх, как великую драгоценность, ибо, когда привезли ее архиереи, он назначил для большего почета быть при них своим капиджиям, из тщеславия перед другими.

Что касается хороса, то он подобен хору церкви монастыря домины: заключен в двух закругленных арках, южной и северной. Места для сиденья преизящные, из кипариса и черного дерева, стамбульской работы, гладко оструганные, с резьбой; во главе их архиерейское место. На каждой стороне хороса есть книжный шкаф с инкрустацией из кости, черного дерева и т. п. — услада взора! — покрытый красным сукном. Купол хороса очень высок: наверху изображен Христос благословляющий. Куполы этой церкви стройны и высоки. В куполе висит полиелей, состоящий из шестнадцати частей: весь он серебряно-вызолоченный, с чеканными украшениями, художественной работы, приводящей ум в изумление: внутри его другой полиелей на подобие купола с арками. В каждой стене хороса два окна со стеклами. Перед алтарными дверьми четыре подсвечника из желтой меди, редкостные по своим украшениям и устройству; кроме них еще два большие серебряные. Также и четырехъярусный иконостас чрезвычайно красив и не имеет себе подобного: иконы Господа, Владычицы, трех святителей и св. Николая московской работы, в серебряных и золотых окладах. Алтарь очень красив и благолепен: по абсиду идут одна за другой для украшения разновидные арки, наведенные золотом. В передней его части три больших окна со стеклами, и колонки по сторонам их также покрыты золотом. На верху абсида икона Богоматери. Изображения и иконы, кои находятся на стенах внутри и вне алтаря, наведены золотом и лазурью: красота их непостижима. Перед алтарными дверьми весьма большие серебряные лампады.

Словом, ни в Молдавии, ни в Валахии, ни у казаков совершенно нет церкви, которая могла бы сравниться с этой, с её живописью и благолепием, ибо она поражает изумлением ум входящего в нее. Бог да сохранит ее в целости во веки веков!

Серебряные подсвечники этой церкви и расшитые жемчугом занавесы и пелены, облачения, фелони, стихари, потиры, лампады и вся её утварь не поддаются описанию. Её пол внутри и снаружи из белого и черного мрамора. Все постройки этого монастыря и трапеза имеют каменные своды. Неподалеку от него, близ бани, находится великая школа, построенная господарем на берегу большого пруда, то есть *халестау* (хелештеу), или садка для рыб.

Накануне воскресенья недели мясопустной мы слушали вечерню, а поутру утреню, в своем монастыре.

Затем прибыл пригласить нашего владыку патриарха настоятель монастыря, известного под именем Галата, в честь Вознесения Господня, из числа построек воеводы Петра. Наш владыка патриарх отправился в санях, заряженных четырьмя черными лошадьми, так как выпало много снегу и был такой сильный холод, что от него немели у нас кончики пальцев[87]. Монастырь

отстоит от города почти на полтора часа пути. Когда мы подъехали к нему, звонили во вей колокола, пока мы не вошли в церковь, где слушали обедню, после чего пошли к трапезе.

Вот описание монастыря и церкви. Он очень велик, обведен деревянною стеной, и все его кельи и помещения также деревянные; тем не менее он услаждает и радует душу. От него открывается вид на дворец и церковь на берегу *халестау* (хелештеу), пред тобою башни монастырей и города. Церковь выстроена из камня и обожженой глины, имеет два стройных купола и две двери, северную п южную; над каждою из них высокое окно. В западной стене еще два тоже высоких окна. Затем входишь во второе отделение с четырьмя большими окнами; это отделение — нарфекс с одним куполом. Потом входишь между четырьмя восьмиугольными колоннами, выведенными из камня, в хорос. Во втором куполе висит полиелей. С лицевой стороны правого столба есть место покойного господаря, позолоченное, с куполом, над коим крест, по сторонам креста два орла с коронами на головах, все золоченое. Справа от него архиерейское место. Перед ним на стене изображены воевода Петр, его супруга домина и дочери, с коронами на головах: они держать церковь и вручают ее Христу, их благословляющему, вокруг коего сонм ангелов и Владычица. По сторонам хороса тоже есть две арки, с севера и с юга. Алтарь обширный, с тремя окнами, в которых вставлены разноцветные стекла. С обеих сторон хороса шесть таких же окон. Над престолом деревянная сень на столбах, снаружи и снутри изукрашенная всяким художеством польским: цветами, лилиями и прочим, на удивление смотрящих; все это золоченое. В ней висят деревянные лампады, тоже позолоченные, ничем не отличающиеся по искусной работе от золотых. Иконостас всего только в два пояса изображений в одном — апостолы с Господом посредине, в другом — господские праздники; над ним распятие с сияниями кругом: одно-серебряное, другое-золотое. Перед алтарными дверьми стоят четыре деревянные золоченые подсвечника превосходной работы. В хоросе тоже имеются два книжных шкафа с разными золочеными фигурами. Между колоннами, кои позади господарева места, есть две большие великолепные иконы московской работы. На одной-св. Димитрий Солунский, конь которого топчет лошадь Лия [88]: кровь выступает из её ноздрей подобно пламени, копье святого изломано в куски, а в руке его меч. Вся задняя сторона иконы покрыта изображениями, представляющими „Единородный Сыне и Слове Божий, бессмертен сый“ — предметы, уму непостижимые но причине тонкости замысла. На другой иконе, насупротив, изображен св. Георгий, а с задней её стороны Рождество Христово: наверху ряды ангелов и святых, на лоне Богоматери белый продолговатый сосуд, в средине которого Господь, окруженный множеством солнечных лучей.

Отстояв здесь вечерню, мы возвратились в свой монастырь; колокольный звон не прекращался, пока мы не скрылись из виду. Колокольня находится над воротами монастыря.

В четверг, перед неделей сыропустною, пригласил нашего владыку патриарха игумен монастыря Успения Богоматери, известного под именем монастыря воеводы Бырновского. Мы отправились туда в санях также на монастырских лошадях. Ничто никогда меня так не волновало, как поездки нашего владыки патриарха в карете; или в санях: перед ним посох, справа и слева настоятели монастырей, руки его благословляют толпы народа на рынках и улицах, а турки глазеют.

[В Яссах есть здание бань, выстроенное Василием воеводою по плану турецких, с куполами и множеством мрамора, и разделенное на красивые кабинеты. Мы так мылись несколько раз. Он построил также в одном из своих дворцов подле покоев домины другие великолепные бани, для своего собственного пользования и своей супруги, с мраморным полом и несколькими фонтанами; вода в них привозится из озера на телегах. Когда он в третий раз был разбит врагами и семья его покинула дворцы, эти бани топили для аги казначейства, и мы несколько раз ими пользовались].

Мы вступили в упомянутый монастырь. Церковь с двумя высокими восьмиугольными, округленными куполами на подобие куполов церкви домины, и между ними такой же как и там горбообразный свод. Над алтарем другой красивый купол. На церкви пять больших золоченых крестов. Оба купола, свод и крыша — все из блестящей жести. Такие крыши появились лишь при господаре Василии раньше они были деревянным и сгорели во времена татар. Тогда изобрели подобные крыши, так как они не горят и нельзя их украсть. Церковь имеет одну дверь с западной стороны, разделяется на три части и вся из камня, покрытого известью снаружи и снутри. Первое отделение её назначено для гробниц. Нарфекс, имеющий другую дверь, заключает в себе гробницы господарей и вельмож. В нем висит изящный полиелей, есть лампадки, подсвечники со свечами и иконы. Над ним находится место, где стоят женщины. Затем входишь в хорос, над которым написан портрет воеводы Бырновскаго, построившего этот монастырь: он сидит на белом коне. Когда султан Мурад умертвил его, в ту самую минуту портрет треснул. Под портретом находится место, где он стоял (во время службы), все позолоченное. В куполе хороса висит красивый полиелей с медною массивною, цепною люстрой внутри. Хорос тоже окружен арками. Иконостас весьма благолепен: все иконы ценные, московской работы. Колонны у алтарных дверей украшены резьбой в виде виноградных лоз: ветви золотые, гроздья зеленые, а фон яркокрасный. Алтарные двери все резные, позолоченные, как и в других церквах. Сень над престолом похожа на сень в монастыре Галата. Пол церкви из черных плит. Колокольня весьма высока и очень прочна.

Мы пошли к трапезе. У них принято, что за всякой трапезой пьют здравицу господаря, причем владыка патриарх вставал и, держа бокал в руке, возглашал: „предстательством Владычицы нашей Приснодевы Марии”, а присутствующие отвечали: „предстательством Ея помилуй и спаси нас, Боже!”. Затем он говорил: „силою креста”, а они ответствовали: „молитвами ангелов и сонма святых и мучениковъ”, как это предписано в служебнике при проскомидии: на всякий возглас его отвечают: „их предстательствомъ” и т. д. до конца. Затем владыка возгласил:„ да подаст Бог здравие и благоденствие христолюбивому государю, воеводе Василию, его домине и сыну” и прибавил к этому многие благожелания. Выпив стоя бокал, он садился, мы же стояли. Всякий раз, когда он выпивал бокал, садился, и так шло до конца. Эти монастыри, то есть св. Саввы, Галата и этот-Бырновского, отписаны в пользу патриарха иерусалимскаго, а потому и за него пили чашу так же, как мы рассказали; при этом наш владыка патриарх стоял до тех пор, пока не была кончена здравица, а потом сел. Под конец пели многолетие Макарию, патриарху Антиохии и всего Востока[89]. Оно подобно многолетно господарю. После того мы стоя пили за его здоровье. Вечером мы сошли в церковь, отстояли вечерню и возвратились в карете в свой монастырь. Здесь никогда не бывает, чтобы патриарх делал выезд без мантии и не в экипаже.

Глава XI. Яссы. — Великий пост. Съестные припасы

В пятницу утром мы смотрели на торжественный поезд господаря, когда он приезжал посетить здешнего митрополита Варлаама, который был болен.

Знай, что его высочество господарь Василий каждый день держал заседание, и субботнее исключительно назначалось для суда над ворами. Одних он казнил, других освобождал. Всевышний Бог не создавал на лице земли людей порочнее жителей страны молдаванской: все мужчины воры и убийцы. Считают, на основании документов, что с того времени, как Василий сделался господарем, около 23 лет тому назад, он казнил более 14.000 воров, несмотря на то, что с первого раза не казнил, а бил кнутом, клеймил и выставлял к позорному столбу и затем отпускал. Во второй раз он отрезывал правое ухо, в третий раз другое, а в четвертый казнил. Мы видели среди них нечто такое, от чего Боже сохрани! именно, что их священники даже являются главарями разбойничьих шаек. При всем том он оказался бессильным их обуздать. Жены и дочери их лишены всякого стыда и приличия. Господарь устал резать им носы, выставлять на позор и топить, так что уничтожил их тысячи, и ничего не мог с ними поделать.

Возвращаемся к нашему рассказу. В субботу пред неделей сыропустною у них принято освобождать всех заключенных в тюрьмах, ибо на первой неделе поста прекращаются всякие судебные дела и тяжбы. Господарь никому не показывается, разве только в церкви, ибо и он, и вельможи его, и придворные строго держат пост. В воскресенье накануне сыропуста после „Ныне отпущаеши раба Твоего”, сделали только три больших поклона и, совершив отпуст, многолетствовали господарю. Здесь не имеют обыкновения в продолжение поста читать по вечерам в церквах молитвы на сон грядущим, по читают у себя в кельях. Присутствующие архиереи, священники и все бывшие в церкви делали земные поклоны нашему владыке патриарху по-двое до последнего.

Поутру, в чистый понедельник, мы вышли поглядеть на торгового смотрителя, который ходил по городу, имея при себе фаляку[90] и розги, чтобы наказывать ударами тех, у кого питейные заведения открыты и кто дозволяет себе есть; он также назначает съестным припасам наименьшую цену. Знай, что все съестные припасы в здешних странах продаются женщинами.

В монастырях сделали новые деревянные била. Когда часы пробили восемь, кандиловозжигатель трижды ударил в било и мы вошли в церковь. Прочитали третий час. В конце его кандиловозжигатель вышел и, ударив три раза, остановился, потом ударил еще три раза: это знак, что читают шестой час. При окончании его, он опять вышел, ударил трижды и остановился, потом еще три раза и остановился, потом еще три, а всего девять — для девятого часа. Но окончании „Блаженн“ он взошел на колокольню, ударил в обыкновенное деревянное било, потом в малое, для указания начала вечерни. Так поступали во весь пост до конца его. Все греческие купцы неукоснительно присутствовали за часами до окончания вечерни в течении всего поста. Выйдя из церкви, мы возвращались туда опять через два часа. Тогда начинали читать великое повечерие. При чтении канона Андрея Критского его пели на обоих клиросах с канонархом. Читающий повечерие читает также молитву Владычице „И даждь нам, Владыко”, хотя бы это был мальчик. Наш владыка патриарх читал молитву: „Владыко Господи Иисусе Христе, Боже наш“, как у них это принято; при чтении её все падали ниц н оставались так до самого конца её. В заключении все, даже дети, попарно подходя, делали поклон патриарху и затем удалялись. При выходе его из церкви все женщины также делали ему низкий поклон. Так поступали в продолжении всего поста. Во вторник мы вошли в церковь и вечером происходило тоже. Все монашествующие, большинство греческих купцов, даже господарь, супруга его и все, при нем состояние, от бояр до придворных певчих мальчиков, постились все три дня и не ели до

вечера среды, до окончания литургии преждеосвященных Даров. Вина вовсе не пьют в течении этой недели и во весь пост, кроме суббот и воскресных дней. Вечером упомянутой среды, в начале седьмого часа, ударили в било, в которое бьют к часам. Кандиловозжигатель также выходил и при каждом часе трижды ударял до конца „Блаженн", после чего взошел на колокольню и ударил в деревянное било, а потом в большой медный колокол — это был благовест к преждеосвященной литургии, которая и началась. При „да исправится молитва моя" сначала пропел это священник в алтаре, потом пропали попеременно на обоих клиросах четыре раза; затем священник в шестой раз до половины, а окончили на клиросе. Читавший паремии не сделал ни одного поклона перед дверьми алтаря, а поклонился только нашему владыке патриарху. При выходе с Дарами, священник не дошел до хороса, а, выйдя из северных дверей, прошел между подсвечниками и образами к царским вратам. При пении причастного стиха наш владыка патриарх, сойдя (с своего места), приложился к иконе св. Иоанна Крестителя, которую выложили на аналой по причине предстоявшего на другой день его праздника, а потом благословил народ по обычаю, как делал это всякий раз, когда прикладывался к иконам. Затем все присутствующее получали от него антидор и прикладывались к иконе, ибо у них такой обычай в продолжении всего поста, что народу раздают антидор, хотя бы не было преждеосвященной обедни: священник сохраняет антидор от воскресной литургии и раздает его народу. Присутствующее стояли, пока наш владыка патриарх не вышел вперед их по обыкновению, затем и они стали выходить попарно, причем он, подняв десницу, благословлял, пока не вышли и женщины, но все оставались в ожидании, чтобы он вторично преподал им общее благословение, и тогда разошлись. Так совершался описанный обряд в течении всего поста. В нашей стране не дождутся даже открытая завесы...[91].

На этой неделе купцы приходили в церковь к вечерне и другим службам. Священник выходил в епитрахили и читал над ними разрешительные молитвы, за что они давали ему деньги, ибо в церкви монастыря св. Саввы (Бог да продлит её процветание!) молятся только купцы, из коих многие женаты. Жители же города лишены стыда и веры: они христиане лишь по имени; их священники еще раньше их чуть-свет спешат в питейные дома: это мы видели в земле молдаван, но не то в стране валахов (Бог да дарует ей процветание за их набожность и воздержность!).

Мы сели за трапезу: за ней не было ничего кроме моченых турецких бобов, фасоли, сваренной без масла, похожей на горох, шинкованной капусты с водой и солью, которая заготовляется на целый год — и больше ничего. Что мы сказали о вине, тоже относится и к маслу: его употребляют только по субботам и воскресеньям. Но они пьют яблочную воду. Нам же господарь назначал по средам и пятницам всего поста и для этой первой недели пиво и мед, ибо во всей здешней стране воду пьют лишь в малом количестве. Кунжутного теста и масла и кунжутного семени они вовсе не знают. Купцы доставляют им из Румелии даже оливковое масло, маслины, красную икру, октоподов (восьминогов), лимонную воду, горошек, рис, вермишель в виде ячменных зерен п пр. Мы покупали око оливкового масля за полпиастра, око маслин за ¼ пиастра, око красной икры за 1½ пиастра, око сушеных октоподов за реал (талер), око горошка за четверть (реала?). В здешних странах всего этого не производят и никто, кроме богатых, не имеет об этом понятия.

Что касается зелени, как-то: свекла, петрушка, зеленый лук, чеснок, то она поспевает здесь только после Пасхи, так как в течении всего поста снег не перестает падать ни ночью, ни днем, и земля по утрам бывает тверда как плитная мостовая, в особенности канавы. Когда солнце поднимется повыше и день станет потеплее, начинается таяние и образуется слякоть и грязь глубиной по колена. В монастырях и в домах богатых людей есть большие погреба с каменными сводами, называемые на их языке *бенимча* и *бениса*, куда ставят бочки вина; в них же имеются

места для посадки (овощей): перед наступлением зимы и снега выдергивают из земли петрушку, лук и лук порей, растущие в изобилии и сладкий на вкус, и другие овощи и сажают их в упомянутых погребах. От свежего воздуха они не вянут; их вынимают из погреба, когда хотят, зелеными и едят в течете этого поста.

В монастырях после ужина в среду вечером оставляюсь часть для вечера пятницы. Мы вошли в церковь после седьмого часа. Во время причастного стиха наш владыка патриарх, сойдя, приложился к иконе св. мученика Феодора и к его персту, тут же выставленному: он пожертвован монастырю. При получении антидора присутствующее также прикладывались к персту. После десятого часа ударили в один маленький колокол и мы вошли в церковь. Поставили аналой, покрытый пеленою, и свечи пред иконой Владычицы. Игумен прочел шесть похвал из акафиста Богоматери, читаемого в субботу (5-ой недели): у них принято накануне каждой субботы (первых четырех недель) поста читать по шести похвал.

В первую субботу поста мы вышли от заутрени рано поутру. После 3-го часа ударили в большой колокол и мы вышли от обедни только около пяти часов. В этот день принесли много блюд с медовым коливом с пряностями в память мученика Феодора (Тирона). По окончании литургии священник вышел и окадил коливо, при чем пели тропари святому и заупокойные, а наш владыка патриарх прочел над ним молитву с прошением за тех, кои принесли его в честь мученика, и за упокой души их сродников. Получив от владыки антидор и приложившись к иконе мученика, они возвратились и стали в своих сидалищах, а под конец каждый из них подносил свое блюдо с коливом нашему владыке патриарху, который вкушал из каждого блюда по порядку серебряною или костяною ложкой. Затем обносили им всех присутствующих до последнего. Наш владыка патриарх по обыкновению вышел вперед их к дверям церкви и благословлял, в то время как они благочинно выходили из храма, до тех пор, пока не вышли и женщины, кои все, словно царицы, благовоспитаны, стыдливы: молодые не уходили раньше старых, но всегда пропускали их вперед. О, какое у них долготерпение и какая вера! Ни от кого не слышно ни досады, ни ропота, несмотря на то, что они в такой холод и стужу стоят без шапок с открытыми головами, не разговаривая, от начала до конца службы. Даже их нищие ходят по церкви в полном спокойствии и молчании. Они кладут множество поклонов даже по субботам, и в пост, и в другое время, не теснятся при получении антидора или прикладывании к иконам, не спешат при выходе из церкви, но идут по двое. Несомненно Бог справедливо и правосудно хранит царство их до сего дня.

В этот день после литургии мы прикладывались также к челу мученика Иакова, разрезанного на уды[92]: оно оправлено в серебро и лежит в ковчеге также серебряном; пожертвовано в этот монастырь вместе с перстом мученика Феодора. Затем мы пошли к трапезе, за которой пили вино.

После вечерни его высочество господарь прислал своего доверенного, (великого) служаря, спросить о здоровье нашего владыку патриарха и объявить ему, чтобы он, с его соизволения, приготовился к служению литургии на другой день в монастыре Галата. Он прислал с служарем своего повара, бочёнок оливкового масла для поста, бочёнок лимонной воды, мешок сушеных октоподов, мешок рису, мешок ячменоподобной вермишели, мешок чечевицы, мешок горошка, мешок турецких бобов и мешок фасоли; все это принесли драбанты на плечах.

Глава XII. Яссы.-Служения патриарха.[93]

В первое воскресенье поста рано поутру, когда зазвонили в колокола, мы встали к службе. Хода с иконами не совершали при пении „Святый Боже“, как это принято у нас, но положили икону на аналой, покрытый красным сукном. При „Всякое дыхание” наш владыка патриарх, сойдя, приложился к (местным) иконам и к этой. То же сделали остальные присутствующие. Мы вышли из церкви и спустя два часа прибыл упомянутый служарь с господаревым экипажем, крытым красным сукном с серебряными шариками [94], шестериком гнедых лошадей. В нем мы поехали со своими облачениями в упомянутый монастырь Галата. Войдя в церковь, облачились вместе со всеми настоятелями монастырей, для которых существует такой наказ, что, куда бы ни отправлялся господарь к обедне, все они должны туда же прибыть и служить. Нам дали знать, чтобы мы облачали нашего владыку патриарха, так как его высочество господарь не любит продолжительной службы. Мы вышли из алтаря. У них соблюдается такой обычай: всякий игумен или священник выходит из алтаря, неся в руках какую-либо часть облачения владыки патриарха, от подризника до митры, и все становятся в ряд кругом него. Справа от владыки патриарха стоял Гюзель-эфенди, игумен монастыря домины, слева игумен монастыря св. Саввы; эти двое передавали части облачения одну за другой и помогали мне при возложении их на патриарха. Так они делали при всяком служении вашего владыки. По окончании облачения наш владыка патриарх воссел на своем месте, и только что сел, как начался звон во все колокола, что означало прибытие господаря. Когда он вступил в ворота монастыря, вышли два архиерея, участвовавшие в служении, со свечами, за ними священники и дьяконы с кадилами, предшествуя нашему владыке патриарху, и все стали в ряд за вратами церковными. По левую руку нашего владыки священник держал фарфоровую чашу со святою водой и кропило из пахучего растения, другой священник по правую его руку держал евангелие, а крест был в руках нашего владыки патриарха. Сначала прибыл сын господаря Стефан воевода и, выйдя из экипажа, ожидал, пока не подъехала царская карета его отца, которая была покрыта золотом шитой материей, а внутри обита алым бархатом с серебряно-вызолоченными шариками. Господарь вышел из кареты: ему предшествовали шестеро шатырбашей в одинаковой одежде и в розовых узорчатых головных уборах; в руках они держали скрещенные секиры. Все его бояре, вельможи и свита, сойдя с коней, шли около него. Сейманы[95] и солдаты стояли рядами вне и внутри монастыря. Эго был один из тех дней, каких мало можно насчитать в жизни. Однако нас обуял сильный страх и трепет по причине внушительного величия господаря, тем более, что это была первая литургия (в его присутствии). а мы не знали его церемониала, подобного обычаю царей, узнанному нами впоследствии. Когда господарь шествовал в церковь, наш владыка патриарх, встретив его, дал ему приложиться к евангелию и кресту и окропил ему лицо святою водой, равно и сыну его, и дважды благословил обоих, а дьякон их окадил. Затем мы шествовали впереди него, пока он не вошел и не остановился перед своим местом, причем совершил крестное знамение и, обращаясь направо и налево, поклонился присутствующим кои все ответили ему поклоном, и наконец поднялся и стал на свое место, которое все уже было покрыто алым бархатом. То же сделал его сын. Наш владыка, благословив их обоих в третий раз, также стал на своем месте. Затем вошли высшие сановники и стали на левой стороне хороса; впереди их постельник с серебряным жезлом и силяхдар с короной над головой, опоясанный мечем н с булавой па левом плече. Прочие вельможи стали в нарвексе, все с открытыми головами, ибо всякий в присутствии господаря должен стоять с открытою головой, хотя бы во время трапезы. Дьякон окадил двери алтаря и (местные) иконы, потом господаря на его месте, сына его и нашего владыку патриарха и наконец вельмож и, став на своем месте, обычно

возгласил: „Помилуй нас, Боже, по велицей милости Твоей, молим Тя, услыши и помилуй!” „Еще (молимся) о христолюбивом, богохранимом государе, эфенди Иоано Василии воеводе, о супруге его, государыне домине Екатерине, и о сыне его, государе Стефане воеводе”, „о мире, здравии и спасении”, „да Господь Бог наш споспешествует благоустроению всех дел его и покорит под нозе его всякого врага и супостата”. У них принято, что всякий раз, когда господарь входит в церковь, дьякон кадит ему и возглашает эту ектению. Придворные мальчики-певчие все были в красной суконной одежде и стояли на обоих клиросах: на правом пели по-гречески, на левом — по-валашски стройно и согласно. Пение это трогало сердце и оживляло душу. Во время ектении дьякона пели попеременно многократное „Господи, помилуй”. Священник сделал возглас и совершил отпуст. Придворные певчие по обычаю пропели многолетие господарю, его супруге и сыну. Затем дьякон, сделав легкий поклон господарю, его сыну и нашему владыке патриарху, но принятому у них перед ектенией и после неё обычаю, стал, несколько повернувшись лицом в сторону господаря, и возгласил: „Благослови владыко”. Священник начал литургию. Потом дьякон говорил ектинию: при всяком „Господу помолимся”[96], мальчики пели „Господи помилуй”, раз по-гречески другой — на левом клиросе — по-валашски. Затем дьякон, сделав поклон, вошел в алтарь задом. Так же поступали и мы, чувствуя, однако, при этом сильный трепет. Потом пели „Блаженны” и совершили малый вход: по обычаю впереди дьякон с трикириями, другой — с кадилом, а я с евангелием. Тогда владыка патриарх встал с седалища, я же по обычаю остановился под полиелеем[97]: он благословил вход, а я, как это у них принято, поднес евангелие к господарю для целования, причем поцеловал его правую руку, также подносил сыну его, а затем владыке патриарху, и мы вошли в алтарь. Наш владыка патриарх, произнеся: „Спаси нас, Боже”, обернулся к господарю и благословил его и сына его, затем силяхдара и прочих придворных сановников; потом приложился по обычаю к (местным) иконам и, войдя (в алтарь), окадил престол. Он не кадил в царских вратах, ибо здесь такого обычая нет, но в конце „и во веки веков” вышел и благословил предстоящих трикириями. Затем придворные мальчики-певчие пели попеременно „Святый Боже” весьма приятным напевом, пока не пропели с *динамис*[98]. Ни владыка патриарх, ни священники не пели Трисвятого в алтаре ни разу и не возглашали также многолетия. Потом дьякон вышел с евангелием и, сделав господарю и его сыну издали легкий поклон, прочел евангелие под полиелеем. Окончив чтение, он поднес евангелие господарю и сыну его для прикладывания, причём целовал у них руку. Во время каждения при „Иже херувимы” наш владыка патриарх вышел с кадильницей и, остановившись между подсвечниками, окадил господаря и предстоящих, потом обратился к алтарным дверям и (местным) иконам (окадил их) и вошел (в алтарь). Я вышел с дискосом и Телом. Тогда был постлан для господаря перед его местом весь расшитый золотом ковер, среди которого оставлено небольшое местечко из красного бархата; такой же, но поменьше, был постлан перед местом его сына. Сойдя, они простерлись на них до земли. Дойдя до них, я обернулся к ним по обыкновению и произнес: „да помянет Господь Бог государя Иоано Василия воеводу, супругу его домину Екатерину и сына его Стефана в небесном царствии своем всегда”... То же сделал священник, несший потир. Перед этим наш владыка патриарх снял с себя митру, с которой по обычаю шел один из священников при великом входе; все в нем участвующее держат в руках какую-нибудь вещицу, хотя бы служебник литургийный. В присутствии господаря, как мы упомянули раньше, стараются сократить службу. Во время причастного стиха господарь, сойдя, прикладывался, по обыкновению, к иконам, что сделал затем и сын его, и возвратился на свое место. Знай, что священник, при чтении молитвы „Благослови благословящия Тя, Господи”, всегда поминает господаря, его супругу и сына, что бывает не только в этой стране, но и в валашской и у казаков и в московской. Затем вышел из алтаря наш владыка со священником;

дьякон окадил царскую кутью на подносе, доставленную от господаря вместе с вином в серебряном сосуде, ибо у них такой обычай, что, когда за литургией присутствует господарь, все бывает от него, даже трапеза. Наш владыка прочел над кутьей положенную молитву с прошением за господаря, его супругу и сына. Затем господарь, сойдя с своего места, принял из рук владыки антидор; тоже сделал его сын, после чего оба стали на своих местах. Также подходили бояре и приближенные вельможи один за другим, получали антидор и прикладывались но обыкновенно к иконам. Священник вышел с другим подносом раздать (антидор) стоявшим вне (хороса). Затем поднесли господарю поднос с кутьей. Наш владыка патриарх вместе с архиереями и присутствовавшими священниками, держа над кутьей руки, прочел большую молитву за господаря, доставившего кутью. Первый отведал её наш владыка патриарх, потом господарь с сыном и прочие присутствующие; затем пили также вино из сосуда. После этого наш владыка патриарх, встав под полиелеем, выразил господарю чрез драгомана многочисленные благожелания и совершил отпуст. Войдя в алтарь, он стал разоблачаться, а придворные певчие пели господарю многолетие, пока владыка не снял облачения, после чего мы надели на него мантию. Господарь стоял на своем месте. Затем владыка патриарх, за которым следовали и мы, вышел за врата церковный и стоял, пока не вышел господарь, которого он благословил по обыкновению, равно и всех присутствовавших в храме (при выходе их). Господарь и владыка патриарх сначала удалились в отдельный покой, где беседовали, пока не накрыли обеденный стол, и тогда они пошли за трапезу. Как выше упомянуто, где бы господарь ни присутствовал за литургией, кушанье и вино, в количестве достаточном для стольких тысяч войска и народа, доставляются от него. Пред закатом солнца пошли в церковь и слушали вечерню. Наш владыка патриарх опять вышел вперед господаря, чтобы благословить его при выходе. Он сел в свой экипаж и уехал, причем звонили в колокола, пока он не скрылся из виду. Это был, как я уже сказал, по истине достопамятный день: ничто так меня не трогало, как пение и приятные напевы придворных певчих мальчиков и их взаимное соревнование.

Затем мы возвратились в свой монастырь и на пути любовались большим прудом, что позади господарева дворца, именуемом хелештау; это — садок для высшего сорта рыбы, называемой *эфендико* (господская), редкостной, мясистой, с зернами икры в брюхе. В этот день пруд был покрыт льдом. Всадники на своих лошадях ехали по нему от дворца в монастырь Галата. Когда желают почерпнуть из него воды или напоить животных, прорубают кирками нечто в роде колодца во льду, пока не покажется вода, которую тогда и берут. Потом она опять замерзает. Также поступают рыболовы, когда хотят ловить в нем рыбу для господаря при помощи разных ухищрений.

В этот день нам подарили крупных яблок, превосходных по запаху, цвету и вкусу; их называют *василико*, т.-е. царскими, и бережно хранят в погребах в сене, где они остаются до времени созревания новых плодов. Также подарили нам персиков, слив и вишен засахаренных, столь вкусных, что подумаешь, будто они только что сорваны с дерева.

Во второй понедельник поста после 6 часов ударили в било к часам, а из церкви мы вышли около 8 часов. Согласно этому порядку поступали во весь пост.

Близ монастыря св. Саввы есть монастырь во имя св. Параскевы. В нем красивая церковь. Он находится в обладании синайских монахов. Икона св. Екатерины и прочие иконы со всем иконостасом, алтарные двери и образа апостолов — русской работы. Во всю стену, в коей дверь церкви, написано изображение горы Божией Синая, монастыря горы Моисея, где он наедине говорил с Богом, горы св. Екатерины и других тамошних монастырей, бедуинов и пр., как это есть в действительности; все это принадлежит синайским монахам. Насупротив монастыря Галата есть монастырь св. Михаила. Церковь св. Николая, что близ дворца, похожа на церковь в

Васлуе из сооружений воеводы Стефана: она величественна, обширна, с высокими куполами; с наружной её стороны есть здание, к ней примыкающее, выстроенное, как говорят, турками. Рассказывают, что в Яссах тридцать церквей и монастырей. В этом городе легко дышится: его воздух и вода превосходны и очень приятны, лучше чем во всех других городах этой страны.

Литургию во вторую субботу поста, а во второе воскресенье вечерню, утреню и литургию мы слушали в монастырской церкви. В среду 3-ей недели поста 9 марта, когда приходится праздник 40 мучеников, мы вышли от преждеосвященной литургии после половины 8-го, всего па полчаса раньше обыкновенной обедни. В церковь принесли множество просфор, блюда с хлебом и печеньем в виде венчиков и разных разностей, много свечей и кутью. Часть этого была роздана в виде благословения присутствовавшим. Утром в третье воскресенье поста при „Всякое дыхание“, в конце „Святый (Боже)”, священник вышел из алтаря, неся на голове блюдо, на котором лежал крест; пред ним шел дьякон с кадильницей и свечами. Он подвигался шаг за шагом, пока не подошел к аналою для евангелия, поставленному под полиелеем и покрытому узорчатою бархатною пеленой с зеленой бархатной же каймой с кистями внизу. На него он положил крест и, взяв у дьякона кадильницу, стал кадить кругом аналоя, поя „Кресту Твоему поклоняемся”, пока не обошел его кругом; то же пропели при втором и третьем обхождении. Наш владыка патриарх, сойдя (с своего места), сделал перед крестом три земных поклона и, приложившись к нему, благословил им народ по обыкновению. За ним подходили подвое и прикладывались игумены, священники и весь народ. Мы вышли из церкви.

Его высочество господарь, по своему обычаю, прислал с вечера известить нашего владыку, чтобы он готовился к обедне на другой день в вышеупомянутом монастыре домины. Он прислал за ним экипаж шестериком рыжих лошадей, и мы поехали. Войдя в церковь, мы по обыкновению облачились и облачили владыку. Прикладывались к большому позолоченному кресту, в котором заключена частица Древа Креста Господа нашего Христа: она черного цвета и не скрыта от взоров. Крест этот есть вклад на Афонскую гору, но теперь на время положен на хранение в этом монастыре, ибо оба монастыря[99] отписаны господарем в пользу Афона, откуда и все их игумены и монахи. Когда приближался господарь, зазвонили во все колокола. Он явился с поездом еще более блестящим, чем в тот раз. По обыкновенно мы вышли к нему на встречу: владыка патриарх окропил его святой водой, как это было и раньше. По завершении божественной литургии опять вкушали кутью. Наш владыка также вышел вперед господаря, чтобы благословить его. Господарь, сев в экипаж, ждал, пока наш владыка патриарх не сел в свой, и оба отправились вместе во дворец. В этот день господарь доставил нашему владыке за трапезой полное удовольствие и приятное времяпрепровождение.

Накануне четвертого воскресенья поста господарь известил нашего владыку, чтобы он готовился к литургии в монастыре Бырновского. Утром после заутрени господарь прислал экипаж, и владыка отправился в сказанный монастырь. Мы облачили его. Зазвонили в колокола, и господарь прибыл с поездом еще лучшим и красивейшим прежних: он сидел на сером турецком коне, убранном золотым шитьем и множеством драгоценных каменьев. Мы сделали ему обычную встречу и, войдя в храм, совершили литургию. Евангелие в этот день читал я и подносил господарю и сыну его для прикладывания, причем целовал у них правую руку. Во всех этих странах очень дивились, что мы читаем по-гречески, ибо имя наше среди них в презрении. После того как наш владыка патриарх роздал антидор и мы вкусили кутьи, он вышел в мантии вперед господаря и благословил его.

В этот день присутствовали четыре архиерея: епископ, постоянно пребывающий при дворе, митрополит Софии Власий, митрополит Навпакта в Морее и один грузинский епископ, только что прибывший из Московии с обильной милостыней. По его словам, он епископ церкви в стране Дадьян, в коей находится хитон Владычицы Божией Матери, а потому царь (московский)

дал ему кроме обильной милостыни венец на подобии митры и полное архиерейское облачение. Это был притворщик, носивший на виду власяницу вроде мешка. Нашего владыку патриарха опять повезли в экипаже во дворец к царской трапезе и мы возвратились в свой монастырь вечером.

Накануне четверга покаяния[100] совершили торжественное всенощное бдение, к которому зазвонили во втором часу ночи. Кадиловозжигатель сначала ударил в деревянное било триста раз по счету, останавливаясь по окончании каждой сотни; затем многократно ударяли во все медные колокола. Мы вошли в церковь. Священник вышел кадить до начала службы в молчании и затем, остановившись под хоросом (паникадилом), возгласил: „Владыко благослови!" и окончил каждением нашему владыке патриарху. Войдя в алтарь чрез царские врата, он возгласил по обыкновенно: „слава святей". Наш владыка патрbарх прочел шестопсалмие без „Святый Боже" в начале, потом троекратное аллилуия и Трисвятое. Затем читали кафизмы из псалтири, потом „помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей" и начали канон, который пропели весь приятным напевом. В здешних странах принято, что первенствующий читает шестопсалмие на утрени, потом „слава Тебе, показавшему нам свет", „слава в вышних Богу" до конца, „Христе свете истинный», вечерний псалом, „Свете тихий", „сподоби Господи», „ныне отпущаеши раба Твоего". После светильна кончили службу по обыкновению первым часом. Мы вышли от неё после 6-го часа ночи. После полудня служили преждеосвященную обедню, причем выставили икону Благовещения, коего празднование приходилось на другой день. Наш владыка патриарх, сойдя, приложился к ней по обыкновению, равно и остальные присутствующие после раздачи антидора. Затем мы пошли к трапезе, за которой пили вино. В этот вечер не читали молитв на сон грядущий и не ударяли в било; но ударили в пятницу в полночь, и мы вошли в церковь и начали великое повечерие. При „помилуй нас, Боже, помилуй нас" начали литию: на столик под хоросом положили пять хлебов и поставили сосуд с маслом, вином и пшеницей и два подсвечника. После каждения дьякон прочел ектению пяти хлебов: „спаси, Господи, люди Твоя" и пр., затем кадил вокруг хлебов и один из них поднес нашему владыке патриарху, который его благословил. Потом начали утреню. Шестопсалмие было прочитано без „помилуй мя Боже", славословие трижды, затем „Бог Господь", псалтирь, стихиры и канон. Хвалитн не пели, а читали: „Владычице, приими молитвы раб Твоих и избави нас»....[101]. После „Всякое дыхание" наш владыка патриарх сошел и приложился к иконе Благовещения, равно и прочие служащие, и мы вышли от утрени рано поутру.

Господарь прислал известить нашего владыку, дабы он приготовился к служению литургии в церкви св. Николая, что подле дворца, известной под именем церкви господарской. Он прислал за нами экипаж, и мы туда отправились. Облачившись и облачив владыку патриарха, мы начали литургию, ибо так пожелал господарь. Я возгласил „благослови Владыко", а священник „благословенно..." и начали вечерню псалмом „Благослови душе моя Господа"; затем следовала великая ектения[102], после неё положенные стихиры, потом вход. В это время вошел господарь, прибывший из дворца пешком. Мы не делали ему встречи, так как уже начали литургию, но лишь только он стал на своем месте, наш владыка благословил его и сына его троекратно. Окончив литургию, вкусили царской кутьи по прочтении над нею положенной молитвы с прошением за господаря, как выше упомянуто, и выпили немного вина. Господарь, оставаясь на своем месте, ждал, пока не разоблачился наш владыка патриарх, на которого мы по обыкновению надели мантию. По прежнему он вышел вперед господаря, чтобы благословить его, и вместе с ним пошел во дворец. В этот день, по случаю господского праздника, трапеза отличалась большею против обыкновенная торжественностью; так, при перенесении блюд из кухни на верх, били в барабаны и играли на рожках и флейтах. В этот день было великое веселье: султанская музыка и турецкие песни не умолкали до вечера. В том же экипаже мы

возвратились в свой монастырь. Этот день был последним радостным днем[103].

Вечером, на субботу Похвалы Богородицы, не ударяли в било и не было повечерия, но после 7-го часа ночи совершили торжественно утреню. Ударили в деревянное било 300 раз, как выше упомянуто, а потом в большой колокол сто раз. После каждения священника, шестопсалмия, „Господь Бог и явися нам” и кафизм, поставили покрытый аналой пред иконой Богородицы и зажгли свечи в подсвечниках. Наш владыка патриарх, сойдя с своего места, возложил на себя епитрахиль и омофор и прочел шесть (первых) похвал из акафиста, после чего встал на своем месте. По прочтении второй кафизмы, епископ читал следующие 6 похвал, при чём повторяли ирмосы. Игумен монастыря прочел еще 6 похвал, а остальные шесть — чередной священник. Пропели канон опять без хвалитн, но читали: „Владычице приими”[104]. Мы вышли от утрени рано поутру.

Глава XIII. Яссы. — Панихида и отпевание

В этот день, который был субботним недели Похвалы Богородицы, наш владыка патриарх служил в монастыре св. Саввы по желанию всех купцов. Эта обедня была совершена истово и торжественно с полным соблюдением нашего устава. Окончив её около полудня и надев по обыкновению на владыку мантию, мы пошли из церкви, причем ему предшествовали со свечами, к могилам, находящимся вне церкви, ибо один человек обратился к нашему владыке патриарху с такою просьбой: „отец мой перед своей кончиной наказывал мне, говоря: до истечения трех лет со дня моей смерти открой мою могилу, пригласи архиерея, который тогда будет, или патриарха, если случится, пусть он прочтет надо мною молитву отпущения и разрешения". Тогда мы возложили на владыку омофор и начали службу. Пропеты были обычные заупокойные стихиры, затем наш владыка прочел разрешительную молитву с прошением об отпущении грехов и окропил кости усопшего святой водой. Потом мы пошли в монастырскую трапезу. Родственники покойного устроили ему поминки. Они доставили к трапезе множество всевозможных яств с кутьей и вином и всем присутствующим роздали большие сечи. Наш владыка патриарх встал со всеми служащими н возгласил: „благословен Бог наш", потом следовало „Святый Боже" и пропели заупокойные стихи. Дьякон в стихаре окадил всех присутствующих из серебряной кадильницы без цепочек с ручкой и возгласил: „Помилуй нас, Боже, по велицей милости Твоей!" и затем: „о упокоении усопшего раба Божия такого-то» до конца. Наш владыка патриарх прочел молитву за усопших: „Боже духов". Совершили отпуст, потушили свечи, и все мы вкушали кутьи с молитвой в Господу о помиловании усопшего. По окончании обеда сын его роздал всем присутствующим дары, ибо таков их обычай в Молдавии и Валахии. Вот каков обряд поминок, который называется у нас *сабахийе*[105] н повторяется на третий и девятый день.

Когда мы встали из-за стола, ударили в большое било; это знак, что у них кто-нибудь умер: в том монастыре, где родственники умершего желают его похоронить, они приказывают кандиловозжигателю ударить в било, чтобы городские священники собрались к отпеванию. Так бывает, когда умерший богат или среднего состояния; если же он беден, его хоронят без била, чтобы никто об этом не знал. Из этого монастыря отправились шестеро священников в фелонях и два дьякона с кадилами в дом покойника, чтобы его привезти. В здешней стране есть обычай, что умершего хоронят только спустя 2, 3 дня и при этом он лежит без савана с открытым лицом и вокруг него ночью и днем горят свечи. Кто из священников пожелает, может идти к нему и читать над ним евангелие от начала до конца, не один раз, а многократно, во все время от его кончины до похорон, хотя бы сошлось пятьдесят священников и дьяконов ради щедрых даров.

Покойный (да помилует его Бог!) был муж преклонных лет и наш приятель. Родом он из Копии, янычар от отцов и дедов и сам был янычаром; приехав сюда, крестился и женился. Брат господаря гетман, то есть визирь, был его восприемником. Такой набожности, какою он отличался, и такого усердия к службам не было ни у кого из нас. Когда он скончался, за ним были долги купцам из турок, и потому гетман тотчас послал опечатать его имущество, взяв из него предварительно 20 золотых для его обряжения и похорон, а после заимодавцы пусть делят его имущество[106]. Он же предложил всем купцам совершить торжественно погребение усопшего в укор находившимся в городе туркам. Когда шли с его гробом в предшествии священников и преднесении свечей, то, всякий раз как проходили мимо турецкой квартиры, ставили его тут и пели над ним громким голосом молитвы, наконец внесли его в церковь, где поставили посредине. В это время било гремело, потом оно смолкло. Мы надели мантию на нашего владыку патриарха и вошли в церковь, где облекли его в епитрахиль и омофор. Он стал у

изголовья усопшего, который лежал с открытым лицом, с образом на груди. Дьякон подал кадильницу владыке, который по их обыкновению крестообразно окадил кругом покойника, потом окадил двери алтаря, произнося: „благословен”, и начали отпевание. Затем он окадил правый и левый клиросы и предстоящих священников и весь народ, потом кадил вокруг гроба во второй раз; обратившись к востоку, перекрестился три раза и, взойдя, стал на патриаршем месте. В это время пели „блажени” и „помилуй мя раба Твоего” с канонархом попеременно, а потом канон. Первый возглас сказал наш владыка патриарх. Затем присутствующий епископ, взяв кадильницу, окадил вокруг покойника два раза, царские двери и всех предстоящих; совершив также крестное знамение, дважды поклонился нашему владыке патриарху, стал на своем месте и сказал в свое время второй возглас. Так делали все присутствовавшие священники по старшинству до самого времени последнего целования. После них кадил служащий дьякон. Подходя с кадильницей к каждому из священников по старшинству, он кадил два или три раза, тогда тот, выступив, брал у него кадильницу и, вернувшись (после каждения) на свое место, также кадил два, три раза дьякону и отдавал ему кадильницу. При каждении всякий священник делал в свое время следуемый возглас, и так до последнего. При этом всегда неупустительно кадили пред местом господаря. Затем наш владыка патриарх, сойдя, встал у изголовья усопшего и прочел евангелие. У них такой обычай, что жена, дети и родственники покойника при чтении евангелия стоять под ним на коленях. Потом он прочел разрешительную молитву и, подойдя к иконе, которая лежала на груди усопшего, сделал три поклона, обратившись лицом к востоку, приложился к иконе, сделал еще три поклона и взошел на патриаршее место. Затем подошли епископ и игумен монастыря с двух сторон, сделали поклоны к востоку и также приложились к иконе. Потом подходили попарно священники, дьяконы и монахи. Двое из семьи или друзей покойного стояли с обеих сторон и раздавали всему собранию бедняков дары, завернутые в бумагу или в расшитые платки. Потом подходили знатные люди по-двое по степеням. Покойника вынесли и погребли вне монастыря. Мы не пошли с ними, ибо нет такого обычая. Если умерший очень богата, приглашают всех присутствующих к трапезе в его дом. Приносят блюдо с кутьей, раздают присутствующим свечи, священник говорить: „благословен”, потом поют заупокойные стихи; дьякон после каждения и „помилуй нас Боже“ и пр. поминает покойника, архиерей читает молитву. Берут кутьи, призывая на усопшего милость Божию.

Глава XIV. Яссы. — Восстание великого логофета

В воскресенье 5-ой недели поста мы стояли службу в монастырской церкви. Ещё раньше его высочество господарь пригласил нашего владыку патриарха служить обедню в монастырь Аарона воеводы за городом. Но в это утро он был крайне раздражен, не знаем, почему.

Следует тебе знать, что железные часы в монастыре Эфенди (господаря), от 1-го до 10-го марта, били 12 часов ночью и 12 часов днем поровну, а после 10-го числа стали бить 14 часов днем и 10 часов ночью.

Вот что случилось после рассказанных событий. Причина того, что господарь в этот день мало выходил[107] из своих покоев, была следующая. Он получил записку чрез священника-духовника, извещавшую, что вельможи его страны изменили ему и согласились с великим логофетом его убить. За десять дней перед этим последний под каким-то предлогом отправился к венгерскому королю и к Матвею, господарю Валахии, и искал у них убежища, обвиняя Василия в намерении завладеть при помощи меча и силы казаков странами венгров и валахов. По этой причине они сильно рассердились на Василия и дали великому логофету с своей стороны большую силу, около 30.000 войска, чтобы он пошел на Василия и убил его. Он подчинился им и согласился быть с ними заодно. Между великим логофетом и высшими военными начальниками молдавскими было сделано условие, чтобы они внезапно напали на Василия в Вербное воскресенье во время литургии в его монастыре, так как он всегда имел обыкновение проводить в нем праздник Ваий в увеселениях и ликовании, затем овладели бы его сокровищами, а самого убили. Но Творец не попустил этого, раскрыв Василию их замысел чрез упомянутую записку, ибо его щедроты и благодеяния, содеянные во всем мире, отвратили от него несчастие. Узнав об этом, господарь тотчас вывез из дворца сокровища и отправил супругу свою и все свои богатства в крепость, называемую Хотин, что на самой ляшской границе. Он собрал свое войско, по все оказались изменниками. Тогда он отправился в упомянутую крепость и оттуда в субботу света (великую) перешел реку и вступил в страну ляхов, в крепость, по имени Каманица (Каменец). Отправив письма в Константинополь с извещением о случившемся, он послал затем просить помощи у Хмеля (Хмельницкого), казацкого гетмана, и у сына его, недавно сделавшегося его зятем. Он просил также помощи у татарского хана. Прежде чем оставить Яссы, он казнил троих из высших начальников своего войска, из коих один был войсковым сердарем[108]. [Василий был ему крестным отцом, а домина — крестной матерью, и они любили его чрезвычайно. Господарь не скрывал от него никакой тайны и находился с ним в самой близкой и дружеской связи. Он отправил его однажды послом к королю венгерскому Ракоту[109]; а тот прежде всего постарался заключить с королем договор, чтобы прогнать господаря с престола, утверждая, что Василий послал к туркам и предложил им денег, чтобы поставить венгерским королем его брата. Ракот вполне ему поверил. Другой раз он отправил его послом к Матвею, воеводе Валахии; тут он опять лживо и коварно утверждал, что господарь подкупил турок, чтобы получить позволение овладеть престолом Валахии для своего сына Стефана. И этот поверил ему, как поверил тот; вступил в сношения с королем венгерским и они заключили договор с вышеупомянутым логофетом, что он сделается господарем Молдавии их средствами и могуществом, вспомоществуемый их силами.

Поэтому логофет не переставал отправлять послания, хитрить и употреблять всевозможные усилия, до тех пор пока не привлек на свою сторону знатнейших людей Молдави, которые ужасно ненавидели Василия, его вельмож и всех греков. Особенною причиною их ненависти было то, что племянник Василия, которого имя не помню, обесчестил четыре тысячи девиц: когда их семейства на него жаловались, то были не в состоянии установить очевидность его

преступлений, ибо он обыкновенно врывался в их дома во мраке ночи и похищал девиц. Он был виновен и во многих других подобных жестокостях.

Три года логофет не переставал вести в тайне свои интриги, пока не довершил замысла, послав в Константинополь и получив оттуда одобрение и согласие турок на свои затеи. Василий, в последний раз, призвал его к себе и дал ему на сохранение 10.000 динаров (червонцев). Тогда он составил план: отослал свою жену в дальнюю деревню, а чрез несколько дней представил господарю письмо, уверяя, будто его жена очень больна и плоха. Господарь позволил ему отправиться к ней. Предварительно он хитро провел и одурачил господаря, распустив у него все иноземные войска из уроженцев Греции, Сербии, Болгарии и других стран, которых господарь держал на жаловании уже много лет; он представил такой предлог и уверение, что у господаря, как он сказал, нет неприятелей, которых нужно бы остерегаться. Поэтому, расточая на них деньги, которые господарь вверил ему на сохранение, он в течениие этого великого поста каждую субботу утром распускал известное число их знамен, пока не уволил всех, и его план удался, ибо туземные войска все отказались от повиновения своему государю[110]].

Выступление Василия из Ясс произошло в четверг на Вербной неделе. Если бы он не послал своего племянника с войском и не разрушил большого моста на пути своего врага, то этот последний настиг бы его в городе. Но он был задержан на два дня, пока не восстановил моста, и по прибыли своем (в Яссы) уже не застал Василия. Твоим взорам, читатель, представился бы страх и ужас, овладевшие всеми, после того как лев покинул город: все жители его сделались разбойниками и доносчиками. Купцы и горожане собрались вместе и снесли свое имущество в монастыри, где и укрепились, устроив из телег заграждения вокруг каждого монастыря. Их и нас обуял сильный страх и ужас, ибо мы на своем веку не видывали ничего подобного. Тогда прекратились службы и литургии, потому что церкви и алтари были до потолков наполнены скарбом и товарами.

Накануне Вербного воскресенья мы слушали вечерню в трапезе своего монастыря, а рано утром заутреню, но без обедни. В этот день перед закатом солнца вступил в Яссы вышеупомянутый великий логофет с большим войском и остановился в своем доме. Утром в великий понедельник он вошел во дворец, причем в честь его звонили во все колокола, и воссел на трон господарей. Уже три года, как он подготовлял это дело, пока не достиг желаемого. Он назвал себя Иоано Георгица Стефанос воевода, ибо у господарей Молдавии и Валахии в обычае ставить перед своим именем „Иоано“: в здешних странах это есть прозвище. Печать их всегда голова теленка. Новый господарь раньше назывался Георгием; отец его и прадеды в прежнее время были господарями и прозывались Стефанос. Вельможи, войско и весь народ признали его и подчинились ему, так как он был одного с ними племени. Причиною же их ненависти к Василию служило то, что он был родом грек и всех своих приближенных имел из греков, кои поработили молдаван и держали их в таком презрении и унижении, что те совсем обнищали. По этой причине греки и молдаване питали друг к другу великую ненависть.

Что касается нас, то наш владыка патриарх готовился было варить божественное миро, так как все необходимое для него мы привезли из Константинополя. Он обещал господарю Василию сварить миро на страстной неделе, чему тот очень радовался. Все его составные части мы уже растолкли, начавши с первых дней поста. Несмотря на случившиеся события, мы приступили к варению мира, опасаясь, чтобы не пропали без пользы его составные части, и начали в понедельник страстной недели. Мы варили миро ежедневно до пятого раза в великий четверг, причем наш владыка патриарх, присутствующие архиереи и прочие иереи стояли вокруг очана, читая св. Евангелие с начала до конца мироварения. По окончании его в великий четверг, мы положили в миро бальзамного масла, мускуса, амбры, благовонного алое и иных драгоценных

веществ. Разлив его по сосудам, мы понесли их в церковь монастыря домины, в которой наш владыка патриарх служил литургию (в воспоминание) Тайной вечери. При великом входе каждый из служащих иереев нёс в руках один из этих сосудов, идя с ним пред св. Дарами, после чего поставили их за престолом. При окончании *диптихов* [111] (поминовения) патриархов владыка освятил миро по чину.

Накануне великой пятницы во втором часу ночи ударили в колокола ко всенощной. Мы стояли службу в трапезе, в ней же слушали ее накануне субботы света (великой) и там же совершили по обычаю чин плащаницы.

Накануне Пасхи звонили во все колокола с вечера до утра. Мы слушали пасхальную утреню и „Христос воскресе" опять в трапезе. Это был праздник мрачный со страхом и трепетом: все греки, священники и миряне, ждали ежечасно смерти от меча. Что касается нас, то новый господарь, как только вступил на престол, прислал нашему владыке патриарху денег на расходы, испрашивая его молитв. Он обещал ему всяких благ и много приятного доставил его сердцу, так как знал его еще прежде, и мы один раз уже поднесли ему подарок; когда же он вступил на престол, поднесли во второй раз. Я пошел к церкви св. Николая, что близ дворца, поглядеть на обряд Воскресения, совершенный по обычаю пред новым господарем местными епископами и настоятелями монастырей. Для господаря вне церкви было поставлено кресло[112].

По окончании церемонии вошли в храм и довершили службу. Господарь, выйдя из церкви, отправился во дворец пешком с большой свитой. Позднее возвратились к обедне. Когда пробило 3 часа дня, ударили в колокола и мы отправились с нашим владыкой патриархом слушать пасхальную обедню в церкви домины. Евангелие читали попеременно очень маленькими отрывками сначала священники в алтаре, затем дьяконы вне алтаря по-гречески. В этот день по здешнему обычаю принесли в церковь множество блюд, наполненных яйцами, раскрашенными и расписанными всякими фигурами и красками, а также ветчину и хлеб па скоромном масле с шафраном и пахучими веществами. Наш владыка прочел над ними молитву благословения яиц и сыра, потом молитву разрешения мяса, после чего их роздали присутствующим. В этот день мы прикладывались к плащанице, т.-е. шитому изображению Господа, лежащего во гробе: она находилась на престоле упомянутой церкви; принесена в дар святой горе Афонской царем Иоанном Кантакузеном. Мы вышли из церкви (не позже), чем выходили всегда от воскресной обедни.

Глава XV. Яссы. — Война. Прибытие казаков в Молдавию и поражение нового господаря

В понедельник и вторник пасхальной недели совсем не было обедни по причине страха и ужаса. Новый господарь раньше присылал известить нашего патриарха, чтобы он отслужил для него обедню на Пасхе; но сам был сильно занят заготовлением провианта для войска и отправлением его в поход. В день нового (Фомина) воскресенья тоже не было обедни.

В этот день пришло известие, что Тимофей, сын Хмеля, зять господаря Василия, перешел Днестр, составляющий границу между странами молдавской и казацкой, с войском казаков, чтобы вести войну с новым господарем, и разбил войско, высланное последним для охраны границы на упомянутой реке. Получив об этом известие, господарь стал снаряжать войско навстречу казакам. Он было отпустил войско венгров и валахов, но теперь послал вернуть их. В это время передовой отряд казаков, называемый на их языке *сатража* (стража), в числе 300 человек, двигаясь вперед, разбил господарево войско, против них снаряженное. У господаря было тогда в сборе по записям около 40000 ратников из молдаван, венгров, немцев, карабалахов, сербов и других народов. Все кругом трепетало (Бог нам прибежище!): о страхе и ужасе умолчим.

Господарь выступил со всеми этими людьми в среду после нового (Фомина) воскресенья; на войну потащили насильно купцов и греков. Он встретил казацкое войско и они сражались от полудня среды до полудня четверга. Казаки разбили войско господаря, перебив большую часть его. Вот как произошло это сражение. Казаки находились внутри своих таборов, за рвами и окопами: в средине помещались телеги, а в самом центре лошади. Казаки сидели спокойно во рвах, так что не было заметно ни одной души. Молдаване подумали, что они перемерли. Отряд драбантов, численностью около 800 человек, в красной суконной одежде, вышел (на разведки). Когда Стефан воевода выстрелил по казакам из шести пушек [а драбанты из всех своих ружей], казаки вскочили, выпалили из своих одиннадцати пушек и, выступив вперед, дали залп из ружей, затем, обнажив сабли, изрубили всех драбантов. Пушки рассеяли многочисленное войско неприятелей, которым ничего не оставалось, кроме поспешного бегства. Тимофей тотчас бросился вперед. Поражение их стало еще сильнее, ибо казаки мощны на войне, никогда не отступают и не обращаются в бегство. Они обладают большим искусством в устройстве таборов, научившись этому у ляхов в последние два года. Эти таборы суть нарытые из земли окопы, называемые по-турецки *матарис*; их проводят кругом войска, чтобы никто не мог напасть на казаков нечаянно. У каждого из них свой отдельный табор, т. е. яма в земле. Встав на ноги, они стреляют из ружей, выпуская заряд; когда же неприятель начинает палить по ним из своих ружей, они прячутся в ямах и ни одна пуля их не задевает: сами они попадают, а в них не попадают. Они много бедствуют в своей жизни и в походах довольствуются чрезвычайно малым: кроме сухого черного хлеба и воды ничего не знают, не имеют ни палаток, ни красивых одежд, ничего иного (подобного) и при этот очень выносливы.

Возвращаемся к нашему рассказу. Господарь Василий удержался благодаря тем, кто поддержал его. Они прибыли в окрестности Ясс, и здесь произошло сражение, на которое мы глядели с колоколен. Вдруг послышался гром барабанов и звуки рожков; сказали, что приближается Тимофей, сын Хмеля, который своё войско по обыкновению выслал вперед. Тогда явилась к ним[113] помощь и враги обратились в бегство, так что ни одного не осталось; (новый) господарь со своими вельможами бежал в сторону Венгрии, покинув дворец со всем, что в нем было. Все имущество, награбленное им в эти дни у бояр и купцов, также осталось во дворце и досталось на долю Хмелева сына.

Твоим взорам, читатель, враги представились бы разбитыми, рассеянными на клочки, бежавшими по десяти, двадцати, пятидесяти, бросив свои знамена, и стремившимися к горам и пустыням. Все это происходило на наших глазах. Казаки гнались за ними, пока не настигли их в горах, где перебили, сколько могли, награбив имущества без счета.

Глава XVI. Яссы. — Возвращение Василия

Тимофей, сын Хмеля, вступил в Яссы, благодаря силе своих казаков, и проезжал мимо монастыря св. Саввы, направляясь во дворец. Наш владыка патриарх в мантии, омофоре и епитрахили, со крестом, вышел встретить его у монастырских ворот. С Тимофеем было несколько тысяч людей, которые наперерыв друг перед другом спешили получить благословение от нашего патриарха, преклоняясь перед ним, н прикладывались ко кресту.

Казаки разбрелись по горам и степям, грабя жителей городов, к которым бежали враги, обирали даже женщин и разграбляли церкви и монастыри, потому что в них укрывались неприятели, — всё это за то, что они стали изменниками своему господарю и эфендию, Василию воеводе. Тимофей немедленно послал *сотникоса* (сотника) т. е. юзбаши, с отрядом, который пришел для охраны нашего монастыря и водрузил на воротах знамя с крестом.

Между тем турки и евреи были в страхе и ужасе от казаков, подвергаясь мучениям, грабежу и беспримерным жестокостям; их постигло великое бедствие, и не будь нашего владыки патриарха, казаки совсем бы их уничтожили: и как могло быть иначе, когда они их враги? Бедствия молдаван были еще больше. Евреев заключали в оковы и мучили в продолжении целых ночей, как говорят, для того чтобы они крестились и указали свои богатства, и наши сердца всего больше надрывались горем от плача их детей и младенцев. Турки немедленно прибегли к защите нашего владыки патриарха; мы поместили их в своих кельях, а сами сели снаружи, н они спаслись со всем имуществом. Между ними находился один янычар, который тоже убежал; у него был маленький невольник-казак, и то, что этот последний сделал с самого начала с вещами и деньгами своего хозяина, не имело себе примера: он указал их поодиночке казакам, которые и разграбили всё вместе с имуществом товарищей янычара. Мы видели дела, приводнения в оцепенение.

В этот вечер во всех монастырях зазвонили в колокола и отслужили торжественную всенощную за гетмана Хмеля и сына его, гетмана Тимофея. Мы также присутствовали за ней. Дьякон возгласил: „помилуй нас, Боже, по велицей милости Твоей” и пр., „еще молимся о Василии воеводе, о гетмане Зиновии, о государе Тимофее и о супруге его, домине Роксанде”. (Заметь, что она дочь Василия и что именно эта дочь была в Константинополе заложницей, и отцу стоило громадных денег выручить её оттуда и выдать замуж). „О продолжении мира, здравии и спасении их“, „о еже Господу Богу нашему наипаче споспешити во всех делех их и покорити под нозе их всякаго врага и супостата”. Потом пропели весь пасхальный канон и параклисис (молебен) и мы вышли из церкви пред полуночью.

В субботу, в которую приходился праздник св. Георгия, и в следующее за ней воскресенье литургии не было. В понедельник вечером гетман Тимофей прислал известить нашего владыку патриарха, чтобы он готовился к литургии в монастыре господаря. Во вторник утром мы отправились в этот монастырь и слушали утреню. Поздним утром в церковь прибыл гетман и взошел на место своего тестя господаря; он был опоясан мечом, с которым никогда не расставался. Наш владыка патриарх благословил его, и мы докончили литургию. Это был великий день. При выходе из церкви нашего владыки патриарха, гетман поддерживал его сзади под руку, пока не усадил на лошадь, и держался за его стремя до выезда из монастыря, где они простились и разошлись.

Как только разбили (нового) господаря, известие об этом было послано Василию, который в то время находился в Каменце, и он немедленно сел на лошадь. Пришла весть, что оп едет и народ радовался его прибытию. Он вступил в Яссы в четверг 28 апреля. Наш владыка патриарх и мы отправились в монастырь господаря ждать его приезда. Когда он прибыл, мы встретили его

за монастырскими воротами. Игумены монастырей и священники были в облачениях, а дьяконы с кадильницами попарно. Сойдя с коня, он облобызался с нашим владыкой патриархом и они вошли в церковь. Когда он занял своё место, дьякон подошел и, окадив его, возгласил: „помилуй нас, Боже, по велицей милости Твоей” и пр., поминая господаря, гетмана Зиновия, Тимофея и домину Роксанду; „о мире, здравии и спасении” и пр. до конца. Затем они[114] сошли (со своих мест) и прикладывались к местным иконам; наш владыка патриарх благословил господаря, который обнял его со слезами, говоря: „постигшее меня было за грехи мои”. Мы вышли с ним за монастырь, где он сел на коня и поехал во дворец. При этом по обычаю гудели колокола.

Лишь только он вступил во дворец и воссел на трон, все его войска и казаки дали залп из ружей и выстрелили из одиннадцати привезённых ими с собой пушек и из шести других, отнятых у нового господаря, так что город как бы поднимался и опускался.

Глава XVII. Яссы. — Выступление в поход. Служение патриарха

В воскресенье Расслабленного мы смотрели на сына Хмеля, когда он приходил проститься с господарем, так как у них было решено сообща идти на господаря валашского. Господарь пожаловал ему с своих плеч соболью шубу. Он сел на коня, имея позади себя барабанщиков и трубачей, осенил свое чело крестным знамением и отправился.

В понедельник утром наш владыка патриарх поехал проститься с господарем и просил у него позволения готовиться в дальнейший путь. Но господарь отказал, говоря: „подожди, пока я тебе пришлю ответ”. Он сделал это потому, что боялся за нас, ибо вся страна казаков была в тревоге от (движения) войск казацких и татарских. До сего года хан был в союзе с Хмелем для ведения войны против ляхов. По этой причине нас задерживали, пока дороги не сделаются безопасными. Во вторник господарь отправился нагонять своего зятя с молдавскими войсками, которые издревле постоянно изменяли своим государям.

В среду пред четвергом Вознесения настоятель монастыря Галата прибыл пригласить нашего владыку патриарха отслужить обедню в четверг Вознесения, так как монастырь в честь этого праздника. Мы отправились туда, отстояли вечерню, потом утром заутреню. Поздним утром зазвонили в колокола. Наш владыка патриарх отслужил обедню, за которой рукоположил иерея в присутствии всех игуменов монастырей и богомольцев. Затем после литургии по обыкновению принесли кутью, все (служащие) возложили на нее руки и наш владыка патриарх прочел молитву за упокой души строителя монастыря, Петра воеводы, в память коего была принесена кутья. Мы вышли от обедни не раньше полудня. Нас повели за трапезу, которая была подана по-царски и насытила знатных и простых. В конце её пили чашу за здоровье господаря, потом за здоровье Хмеля и его сына, а затем патриарха иерусалимского, коему принадлежит монастырь[115].

Вечером мы слушали вечерню, причем опять была предложена кутья и сосуд с вином. Священник и наш владыка патриарх читали над ними (установленные) молитвы в память строителей монастыря. Здесь такой обычай, что обедня и трапеза в (храмовой) праздник бывает в честь этого праздника, а обедня и трапеза на следующий день — в память строителей монастыря, ибо при таком условии делаются пожертвования. Мы также были за заутреней в пятницу рано поутру. Затем заблаговестили к обедне. При нашем входе в церковь поставили поднос с кутьей и вином и два больших серебряных подсвечника на столик, покрытый дорогой пеленой. Взяв кадильницу, наш владыка патриарх кадил вокруг (столика), затем перед дверьми алтаря, местом господаря, архиереям, настоятелям и прочим присутствующим. Дьякон возгласил: „благослови, владыко”! а наш владыка патриарх: „благословенно”[116]. Певчие начали петь „Помилуй нас Боже!” затем „Блаженны” до конца, а после заупокойный канон, приятным напевом. При всякой „славе” дьякон говорил: „Помилуй нас Боже!” и поминал строителей монастыря поименно. Также кадили все присутствующие настоятели монастырей по обыкновению. При каждении, как наш владыка патриарх, так и прочие, говорили (положенный) возглас, пока наш владыка патриарх не прочел молитву кутьи, после того как все возложили на неё руки. Затем снесли её вместе со столиком со средины церкви в сторону и начали литургию, при чем поминали: „еще молимся о благочестивейшем и богохранимом господине нашем Иоано Василии воеводе, о благочестивом, светлейшем и великом гетмане господине Зиновии и о благочестивейшем сыне его гетмане Тимофее и о всей палате»[117]. Их поминали также на многолетии по окончании службы. Мы вышли от обедни лишь около полудня. Литургии в субботу мы слушали в том же монастыре и возвратились в свой. [Мы видели в садах монастыря Галата абрикосовое дерево и ели его плоды, также миндальное дерево, всё покрытое свежими

цветами. Вишня, дамаскина, или птичье сердце, айва и слива очень изобильны в этих странах и чрезвычайно хороши. В здешних садах множество гвоздики простой и мясокрасной, жасмина и лилий. Желтая лилия, называемая франкской, встречается во всех этих странах до Москвы и так же обыкновенна как трава, без всякой цены. От Молдавии п Валахии до Москвы большая часть травы на полях- полынь].

Глава XVIII. Яссы. — Неудача Василия

В этот день пришло к нам известие, что господарь Василий и зять его с войском казаков разбиты и бежали. После того как мы уже находились в безопасности и ежедневно получались известия, что они четыре раза разбили войска венгров и валахов и множество их перебили, теперь стали приходить дурные, страх наводящие, вести и народ снова вернулся (под защиту) монастырей. В это время начали появляться один за другим отряды казаков, бежавших и разбитых. Возникли слухи, что господарь и зять его пропали, но во вторник пред Пятидесятницей они неожиданно прибыли и вошли во дворец в самом жалком положении. Донесение о случившемся было отправлено к Хмелю. Тогда подтвердилось известие, что они четыре раза разбили венгров и войска валахов и сербов. Никто не мог устоять против них. Они подошли на расстояние одного дня к городу Доргашту (Тырговишту), подвластному господарю валашскому. Матвей господарь вышел им навстречу с большим войском валахов, венгров, сербов, арнаутов, болгар и турок. Греческие сейманы Василия напали на них и пробившись до матерчатой ставки господаря, разграбили часть имущества. Самого Матвея они ранили в ногу пулей, которая убила под ним коня. Он терпел (боль) раны почти до самого вечера и тогда только снял обувь, которая была полна крови. (Получив рану), Матвей, однако, тотчас сел на другого коня и продолжал защищаться. В это время все его войско уже готово было поддаться и покориться Василию и казакам.

Но Господь наш, „пременяяй времена”, в тот час наслал громы, молнии и грозу, дождь и крупный, подобно камням, град на людей Василия и на казаков, ибо ветер был против них. Молдаване пришли в страх и были побеждены. Казаки приостановили стрельбу из ружей по причине бывшего тогда сильного дождя. Войско валахов начало палить из пушек и ружей и бросилось на неприятелей. Молдаване бежали первыми, за ними последовали казаки и, разбитые, обратили тыл. Неприятели, с мечами в руках, гнались за ними, пока не перебили их множество. То был час достойный плача. Они преследовали их на расстояние трехдневного пути, взяв многих в плен живьем. Те, которые спаслись бегством и пришли в Яссы, побросали для облегчения все свое оружие. Господарь Василий и его зять спаслись с немногими людьми и пришли в Молдавию по дороге к Галацу, по путям труднопроходимым, из опасения погони. Поражение произошло во вторник перед закатом солнца, пред четвергом Вознесения. Извете об нём получилось в Яссах на третий день, ибо от Валахии до (столицы) Молдавии расстояние десять дней хорошей ходьбы.

Приезд господаря, как мы упомянули, случился во вторник пред закатом, на восьмой день (битвы). Войско казаков, которое еще оставалось в живых, пробыв три дня, отправилось в свою страну, по причине наступившей тогда великой дороговизны, ибо им продавали большой хлеб за один пиастр. Тимофей, сын Хмеля, оставался еще некоторое время и затем уехал к отцу, от которого ожидал помощи, но не получил, так как тот был на него сердит. Василий остался один, не имея при себе никого. Ежечасно доносили, что неприятель идет на него с войском, чтобы напасть неожиданно в одну из ночей. Последний обман был хуже первого. Он и мы были в страхе во все время ночью и днем. Что касается домины и сына господаря и всего его богатства и имущества, то он вывез их из страны ляхов из Каменца и поместила в каменной неприступной крепости в своем владении, по имени *Сатжао* (Сучава), где сложил много съестных припасов и напитков из опасения того, что могло случиться и что потом действительно случилось.

Глава XIX. Яссы. — Троицын день. Монастырь св. Иоанна Нового. Плоды

Мы слушали великую литургию Троицына дня в своем монастыре. По окончании службы разостлали ковер в алтаре перед престолом для нашего владыки патриарха. Мы надели на него епитрахиль и омофор, и он прочел молитвы коленопреклонения, обратившись лицом к народу. В воскресенье Всех Святых прибыл игумен монастыря св. Иоанна Нового, известного под именем монастыря Дщери. Он находится на окраине Ясс и составляет метох, приписанный к монастырю св. Саввы. Мы туда отправились и, отстояв обедню, вышли к трапезе, а вечером возвратились в свой монастырь. Монастырь красив; с наружной стороны имеет галереи, откуда открывается вид на весь город, так как местоположение его высокое; церковь его благолепна; над галереями колокольня. Нам рассказывали об этом мученике Иоанне Новом, что он более ста лет тому назад пострадал в Трапезунте. Господари молдавские посылали за ним, употребляя всякие ухищрения, пока им не удалось привезти его к себе. Его поставили на месте этого монастыря, чтобы видеть, где ему угодно быть положенным. Он отправился, находясь в царском экипаже, по своей воле в Сучаву и здесь остановился. За ним следовали и тогда построили ему монастырь и церковь внутри крепости, где он и почивает для всегдашнего её охранения. Жители здешней страны имеют к нему большую веру и из отдаленнейших окраин стремятся на богомолье к его празднику, который приходится в четверг после Пятидесятницы. Дочь одного вельможи построила во имя его этот красивый монастырь, носящий по ней свое прозвище.

Знай, что девицы в этой стране имеют обыкновение плести венки из цветов пахучих растений и надевать себе на голову; также и далее, до земли московской, женщины украшают себя венками.

Знай, что новые огурцы в этой стране поспевают к празднику апостолов (Петрову дню); они маленькие и без слизи. Дамаскина, или птичье сердце[118], (по своему изобилию) походит на море, выходящее из берегов; она разного вида и цвета: белая, желтая, алая и красноватая, н очень вкусна. Что касается красной вишни, то её целые леса. Сорта груши восхитительны.

Накануне Петрова дня долго ударяли в большой колокол и украсили храмы, по здешнему обыкновению, цветами и пахучими растениями, равно и иконы.

Знай, что железные часы в начале апреля стали бить 15 часов днем и 9 ночью; в июне и июле-16 днем и 8 ночью.

[Мы ходили осматривать в господаревом дворце церковь господаря, которая очень красива и освящена во имя св. Георгия, а также церковь домины, посвященную тому же святому. Покой, в которых живут государь и его супруга, все выстроены из кирпича и черепицы: их крыши удивительны и построены самим Василием. Подле них прекрасная теплая баня, также воздвигнутая Василием, вся из мрамора; вода в нее привозится. В господарском саду мы видели сладкое тутовое дерево, много абрикосовых и миндальных деревьев и маленькие гранатовые деревья, растущие в кадках; также сладкие лимоны, растущие подобным же образом].

Глава XX. Яссы. — Окончательное поражение

Возвращаемся к нашему рассказу. Подтвердилось известите, что враг господаря Василия, новый господарь, прибыл в свои деревни, что близ границы Венгрии и Валахии, в местах неприступных, на вершинах гор и среди лесов. При нем было войско из венгров и валахов. Он набирает еще новых людей и жители той местности ему подчиняются.

Опять стали приходить дурные вести, и мы были встревожены всем, происходившим вокруг нас. У Василия не было войска: все молдаване ему изменили. Он послал просить помощи у татар, но они ему не помогли, и он, против желания, начал набирать новое войско из жителей страны и назначать капитанов и юзбаши (сотников), издерживая на них большие деньги и припасы. В это время получилась радостная весть, что Хмель послал ему несколько тысяч войска казаков. Когда они пришли, Василий роздал им деньги и подарки, назначив для всех (выдачу) съестных припасов и напитков. Для них устроили кругом города табор, в котором они расположились. Между тем господарю Василию были присланы с агами три почётных халата и (новая) утвердительная грамота. Последним прибыл к нему Кадыри-ага, ага казначейства, с халатом, который несли на руках, и с утвердительной грамотой. Господарь выехал к нему навстречу с войском казаков и они вступили (и город) с большим поездом. Затем господарь стал готовиться в поход против своего врага. Мы же и монастыри во все это время с позднего вечера до утра совершали молебствия и всенощные по чину всенощной четверга покаяния и субботы недели акафиста (Божией Матери). Но все это пользы не принесло.

Наконец господарь выступил из Ясс во вторник 5 июля; с ним пошли все купцы и греки, по своей привязанности к нему. Вместе с казаками их было около 4000. Из молдаван собралось к Василию около 11000 и он двинулся против своего врага, о ко- тором чрез лазутчиков стало известно, что он имел тогда при себе только две — три тысячи человек. В эти ночи были сильные громы, молнии и грозы, дожди и великие потоки, так что мы говорили: „по истине час настал“. От падения громовых стрел рушился большой деревянный купол церкви монастыря св. Параскевы, которым владеют монахи Синайского монастыря; верхушка его и крест глубоко зарылись в землю. Также разрушилась большая дворцовая конюшня и сгорело множество домов. Блистали молнии, подобные мечам; на небе появились в облаках знаки, похожие на крепости и битвы. Все это служило предзнаменованием нового поражения Василия.

Когда оба войска построились для сражения, ратники Василия могли бы перебить войско его врага поленьями, не мечами, по причине его малочисленности: но последнее твердо стояло, ибо было осведомлено об измене молдаван, которые тотчас опустили свои знамена и перешли к новому господарю, вероломно покинув Василия. Согласившись с войсками нового господаря, венграми, валахами и молдаванами, они сообща напали на остальное войско Василия — казаков и греков, и так как этих было мало, то новый господарь их победил и сокрушил мечём. Во главе Василиева войска стояли греческие купцы и их ратники с гетманом, братом господаря, сыном последнего и его (другими) детьми. Когда они увидели, что, быв сначала победителями, они побеждены своими врагами и поражаются мечём, то пришли в расстройство и обратились в бегство. Их поражение произошло в среду 6 дня в полдень. Все это случилось к нашему злополучию [и все наши надежды были окончательно потеряны, ибо основывались на Василии и его вельможах. Подарки, взятые нами для них и стоившие нам несколько сот пиастров, теперь были брошены напрасно и бесцельно. Василий обещал нашему владыке патриарху уплатить все его долги и издержки и изъявил готовность отпустить его далее на север, назначив посла сопутствовать ему к царю московскому и обязавшись снабдить его всем потребным для путешествия, как-то: повозками, лошадьми и тому подобным. Об этом он говорил ему и

публично и частным образом. Также и от вельмож мы ожидали больших сумм, но теперь все было в конец потеряно[119]].

Что касается господаря Василия, то он тотчас бежал на своем быстром коне с немногими людьми, бросив свою ставку и палатки, лошадей и богатство на жертву врагу, как покидал их раньше, когда его разбили валахи, и отправился в страну казаков, где он успокоился, ибо там не было ни врагов, ни противников. Немедленно он послал в крепость Сучаву, где поместил для безопасности свою жену, детей, имущество и сокровища, успокоить их, чтобы они, вооружившись терпением и твердостью, воевали, пока оп не придет к ним с большим подкреплением.

Что касается злополучных купцов и других ратников греческих и казаков, то они бежали, ибо не находили убежища. Враги погнались за ними, взоры их помрачились, и они попали в поле, засеянное пшеницей, которая в этих странах бывает обыкновенно выше человеческого роста. Их лошади резали себе в ней ноги; враги их настигли и перебили мечами и копьями. Упомянутые купцы заранее нагрузили на лошадей свое богатство в золоте и серебре в переметных сумках, говоря: „если мы будем разбиты, то можем с ним убежать”; но это не принесло им пользы: они сделались жертвой пистолетов и копий, а их сумки захвачены врагами. Они попали в горестное положение, достойное слез и рыданий. Будучи поражаемы из пистолетов и тяжко страдая, они взывали: „о если бы кто пришел и, сжалившись над нами, отрубил нам головы, чтобы душа покинула нас; он тем избавил бы нас от страданий и мучений, нами претерпеваемых, и пусть бы взял золото из наших поясов“. Но не было им ни избавителя, ни помощника.

Лошадь гетмана, брата господарева, который был в летах преклонных, поранилась в посеве, как и другие. Тогда враги его венгры настигли и ранили его: лошадь его ткнулась на землю, он был схвачен и взят в плен. Венгры отправили его в свою страну и он, быв царем, стал пленником. Тоже случилось с остальными греческими вельможами Василия. Дети упомянутого гетмана, Стефаница и его товарищи (братья), спаслись на своих быстрых конях из рук врагов и, бросившись сверху горы, упали в реку, погрузились в воду, но выбрались и ускакали также в землю казаков. Это был час, достойный плача, слез и рыданий.

Что касается войска казаков, то те из них, которые умели хорошо управлять конем и имели быстрых лошадей, убежали в свою сторону и спаслись; пешие же и другие попали под острие меча и были перебиты своими врагами венграми, предавшись милосердию Господа своего. И как могло быть иначе, когда венгры враги веры и ненавистники креста и евангелия и носят имя, им подходящее, именно, *кальбиин* [120] по-гречески *кальвин*, и лютеране.

Молдаване уже стали казакам большими врагами и убивали их, когда они в первый раз были разбиты валахами и проходили тысячами по их стране. То же самое было (с ними) и теперь, потому что они явились на помощь их врагу Василию. Тогда и те, кои были привержены к нему с начала его несчастий до сего времени, обратилась против него, и он был испытан подобно Иову, Евстафию и им подобным. Он потерял тогда всех своих родственников, друзей, даже жену и детей и все свои богатства, как об этом скажем далее. Потом он лишился также своего зятя, сына Хмеля, того смелого наездника. Где теперь твоя рассудительность, о Василий? где твоя способность различения? где обилие твоих богатств? Ты всеми теперь покинут. Правду говорил тот, кто сказал: „когда сходит определение (свыше), слепнут очи“. Если бы Василий не был хорошим наездником, то не мог бы спастись от рук своих врагов. Он ушел к казакам и поселился в первом городе их владений, по имени *Рашко* [121]. Отсюда он послал известие о случившемся с ним Хмелю и своему зятю.

Глава XXI. Яссы. — Грабеж

Тогда для нас возобновились наши горести и страхи, ибо венгры тотчас пришли в Яссы и заграбили все, что нашли вне монастырей. Нас обуял сильный страх пред ними: ночью мы не могли заснуть, а днем ютились в надежной башне. Враг Василия, новый господарь, едва прибыв в Яссы, тотчас устремился на крепость Сучаву и, окружив ее, начал осаду. Он не замедлил прислать (письмо) нашему владыке патриарху для успокоения его духа и назначил нам *мертек*, т. е. содержание — съестные припасы и напитки, в бóльшем количестве, чем при Василии. То же он сделал для аги казначейства. Он послал от себя начальников для управления Яссами и прочими городами. Они прибыли и начали мстить своим врагам грекам. Последние были в положении, достойном слез, потому что враги отняли у них все имущество и ежедневно подвергали их всякого рода унижениям, даже убивали их мечами на больших улицах, резали у них уши, стегали бичами. На них напал большой страх; многих из них спас от казни наш владыка патриарх. Мусульмане и евреи появлялись публично без всякого опасения, греки же не выходили из своих жилищ по причине сильной вражды между ними и молдаванами, ибо архонты (сановники) Василия греки, как мы сказали выше, сильно поработили молдаван и унижали их, так что нам приходилось видать самых знатных из них в дрянной одежде из фланели. День и ночь они принуждены были работать, чтобы платить грекам, подобно тому как мы по отношение к туркам. Но бедные купцы, в чем была их вина? Здешняя страна без купцов никак не может существовать, ибо все, что здесь есть, привозное, а из жителей никто не умеет торговать. Что касается аги казначейства, то и он очень боялся и послал в Стамбул известие о случившемся.

Накануне праздника мар (св.) Илии ударяли в большой колокол. Мы были у обедни. Церковь украсили, как мы уже упоминали, цветами и пахучими травами и принесли блюда со свежими плодами: арбузами, огурцами, сливами, яблоками, грушами и вишнями, которые раздаются присутствующим в дни созревания плодов. Заговенье поста Владычицы (Успенского) пришлось в восьмое воскресенье по Пятидесятнице. После вечерней службы кандиловозжигатель ударял также в большой колокол к молебствию, которое совершали каждый вечер во весь пост.

Глава XXII. Яссы. — Вторичное прибытие Тимофея с казаками в Молдавию

Утром в понедельник Успенского поста казаки с Тимофеем, сыном Хмеля, перешли реку *Ниστрос* (Днестр), которая составляет границу земель казацкой и молдавской, причем перебили большое число из войска венгров и молдаван, охранявшего границу. Затем они подошли к крепости Сучаве, чтобы подать ей помощь, и раскинули свой табор вокруг крепостной степы, отведя к себе протекающую там реку. Они имели при себе 20 пушек. Новый господарь, услышав об их прибытии, удалился от крепости, и казаки вступили в нее; затем он возвратился и его войско окружило крепость. Он имел тогда более 40.000 человек, казаков же было 14.000.

Вечером в десятое воскресенье по Пятидесятнице, т. е. под понедельник праздника Успения Владычицы, ударили в большой колокол. Мы пошли в церковь. При „Славе” её пели попеременно на обоих клиросах, на каждом клиросе каждый стих со своим особенным напевом. На другой день принесли блюда с плодами: виноградом, персиками, дамаскиной, или птичьим сердцем, вишнями и другими; над ними прочли молитву и роздали их присутствующим вместе с базиликой, цветами и иными (растениями), которые лежали на блюдах, но не с теми, коими были украшены образа.

В 12-е воскресенье по Пятидесятнице наш владыка патриарх отправился совершить литургию в церкви монастыря домины по приглашению постельника нового господаря, который, позвав нашего владыку к себе на дом, предложил ему великолепную трапезу. Он был очень расположен к нам. О, сколько греков наш владыка патриарх во дни его спас от казни, после того как их уже приобщили св. Таин и, приведя под виселицу, положили им на шею веревку, [чтобы вздернуть их, по нанесении им оскорблений]! Ибо во всех странах христианских, когда хотят казнить преступника, *армаш*, т. е. субаши, со своими людьми приводит его сначала к какой-либо церкви, откуда выходить священник, исповедует его и приобщает св. Таин, затем берут его и казнят где желают, как мы сами видели. Таков их обычай.

Накануне четверга, когда пришлось 1-е сентября, начало 7162 г. (1654 г.) от сотворения мира, ударили в большой колокол для празднования памяти мар Симеона Столпника Алеппца. На другой день мы не выходили от обедни до полудня, как бывает обыкновенно в великие праздники, в которые звонят в большие колокола. В стране[122] молдаван и валахов во все праздники, когда бывает *каталисис* (разрешение вина и елея), поздно начинают обедню. То же происходить в праздник Рождества Богородицы 8 сентября и на следующий день, т. е. в праздник Её родителей. Их справили очень торжественно и приносили блюда со множеством фруктов.

Накануне праздника Воздвижения также ударили в большой колокол, равно и к заутрене. Вынос креста совершали не так торжественно, как мы: его нёс священник на блюде и положил на аналой. Все поклонялись ему, как делали в воскресенье Православия и по его чипу.

Что касается нашего положения, то во все это время мы были как бы связаны в Молдавии, томясь духом и болея душой. Страхи, ужасы и опасности, от которых поседели бы младенцы, были причиною тягостных болезней и лихорадки с приступами озноба и жара, в коей я, убогий, пишущий эти строки, оставался с конца июля до дня следующей Пятидесятницы: в тяжкую пору сильных холодов я вынес от неё большие страдания. У нас не было возможности отправиться ни в землю казаков, ни назад, ибо все жители страны сделались разбойниками и бродягами и убивали по дорогам всякого, кто спасался бегством, даже нападали на караваны бежавших греческих купцов, избивали их и грабили их товары.

Смятение окружало нас со всех сторон. Доколе будут продолжаться эти страхи и ужасы

нощно и денно? Во дни Василия господаря, по причине его суровости к жителям, женщина могла носить золото и шла, куда хотела, без опасения; при этом же господаре среди городов грозили опасности.

Глава XXIII. Молдавия.-Осада Сучавы.-Смерть Тимофея

Со стороны крепости происходили беспрестанные стычки между осажденными и войском господаря в течение долгого времени. Тимофей, сын Хмеля, ежедневно делал вылазки на врагов и убивал из них тысячи. Никто не имел силы противостоять ему по причине великой его храбрости. [Действительно и поистине он был доблестный муж, о каком мы не читывали в истории, которая не представляет ни одного подобного примера мужества и силы]. Он ежедневно выезжал из табора на светло-жёлтом коне, которого очень любил, лишь с немногими людьми, убивал неприятелей, ранил их и обращал в бегство. Люди, достойные веры, рассказывали о нем, что он в один день убил собственною рукою 1300 немцев, которые нагромождались перед ним друг на друга.

Он то стрелял из лука правой рукой, то действовал им левой, потом колол мечем, стрелял из ружья, так что обеими руками метал орудия войны из-под брюха своего коня и убивал врагов. Ага казначейства, прибывший из Стамбула от султана, чтобы уладить дела страны, ездил с капиджи-пашей к новому господарю, который в то время осаждал крепость; они возвратились изумленные наезднической ловкостью и храбростью Тимофея и призывали благословение Божие на него и его молодость[123]. Никто не мог попасть в него из ружья или другого оружия: такой он был превосходный наездник и подобно молнии вертелся на спине лошади. Сколько горя причинил он полякам, как знатным, так и простым! Он один собственною рукою убил несколько тысяч, как рассказывали нам об нем некоторые лица, прибавляя, что он своим мечом избил 7000 евреев.

Ежедневно привозили к нам в Яссы [в госпитали и монастыри] по нескольку арб с тысячами раненых; что же касается убитых там, то от их множества земля издавала зловоние. Пушки крепости сверху, а пушки казаков снизу уничтожали множество людей из (неприятельского) войска, рассеивали их и обращали в бегство.

Наконец, когда однажды Тимофей сидел в своей палатке внутри табора и пил (вино), попали ему в голень из пушки его враги ляхи, прибывшие на помощь новому господарю Стефану на зло Хмелю, его сыну и казакам. Они заметили Тимофея и поразили его. Он сильно страдал от раны и чрез несколько дней умер. Тогда положение казаков, которые были вне крепости, и людей, находившихся внутри её, стало гибельным после смерти их государя, вернее сказать, их льва-хранителя. Нас, уверяли люди, на слова коих можно полагаться, что общее число всех погибших от меча, с начала этой смуты до сей поры, молдаван, валахов, греков, венгров, сербов, арабов и турок, было около 100.000 человек. Причиной этого был новый господарь. Да будет прославлен Бог (за Его долготерпение)! Дело Василия было потеряно навсегда. Домину н бывших с ней постигало горе за горем, ибо не осталось у ней ни опоры, ни помощника.

Тимофея похоронили, после того как вынули его внутренности и, набальзамировав его, положили в гроб, обитый бархатом снаружи и снутри. Скорбное известие было сообщено его отцу и тестю Василию. Перед своей кончиной он получил радостную весть, что его жена родила двух мальчиков, но не успел насладиться счастьем иметь их, ибо не прожил с женой и полного года.

Раньше он разрушил армянский монастырь в Сучаве, убил *вартапета*[124], священников и монахов и всех армян, искавших в нем убежища. Они были очень богаты; он захватил все их имущество и все украшения, золото с жемчугом и драгоценными каменьями в бессчетном количестве: одного золота было две полных бочки. Увы! скорблю о нем, о его мужества, о сказанном им нашему владыке патриарху, когда он прибыл в первый раз в Молдавию: „я

пришел не только для того, чтобы отвоевать трон моего тестя, но чтобы избавить Великую Церковь от рук врагов“[125]. Читатель поймет его слова.

Тогда наступил большой голод среди казаков и находившихся в крепости купцов и иных и довел их до того, что они стали питаться мясом своих лошадей. Бедствие окружало их со всех сторон: ни от Василия, ни от Хмеля не приходила помощь. Наконец по причине сильного голода они просили мира у Стефана и он даровал им безопасность, подтвердив клятвой; снарядил к возвращений на родину в полной безопасности, ни в чем им не препятствуя: они взяли с собой гроб своего государя, свои сокровища и пушки и отправились. Тогда в земле казаков был по Тимофею большой плач.

Затем господарь на основании мирного договора завладел упомянутой крепостью со всем в ней находившимся, захватив все имущество Василия и его сокровища, золото, серебро без счета, также оружие, драгоценные сёдла, серебряную посуду, собольи меха, жемчуг и проч. — все такие вещи, что и цари их не имели. Те из наших соотечественников, которые находились при Василии в собственном его конвое, когда он переезжал со своим имуществом из крепости Хотин в крепость Каменец, передавали нам, что с ним перешло через реку сто арб, из коих каждую везли 12, 10 или 8 лошадей: все они были нагружены золотом, серебром и предметами роскоши. У него было несколько кладов под землёю, скрытых уже двадцать лет; все это он вынул: тут было 35 собольих *капаниц*. Его приближенные рассказывали нам об одной из них, которую он сделал к пасхе, что вся она расшита жемчугом и драгоценными каменьями и стоила ему 35.000 динаров. Все это он имел сверх того, что захватил у бояр. И как могло быть иначе, когда огромные сокровища скоплялись в течение 24 лет с того времени, как Василий сделался господарем? Кроме того, он до сих пор владеет сокровищами в Польше, Германии, Венеции и в других местах. Господарь вывел из крепости домину с детьми её и всех бояр и вельмож. Дав им ранее клятву, он поступил с ними вероломно: казнил большую часть их, а домину с детьми, задержав в плену, поселил в деревне как заложников, поставив кругом деревни стражу, чтобы никому не было ни входа, ни выхода. Все бывшее в крепости (богатство) он переправил в Венгрию, где купил крепкий замок; роздал войскам содержание и распустил их.

Глава XXIV. Молдавия.-Василий.-Татары.-Отъезд патриарха

Вот что происходило со стороны Василия и Хмеля. Услыхав о случившемся с Тимофеем и о стесненном положении, в котором находились казаки и люди, бывшие в крепости, Хмель снарядил с Василием 40.000 казаков ему на подмогу. Было 28.000 от татар, ибо султан татарский, везирь *алхан* (калган), по имени Шериф-бей, был свояком Василия, так как домина Василия черкешенка, а Шериф-бей женат на её сестре, и потому лично по шел к нему на помощь. В этом году татары были еще в союзе с Хмелем.

Когда они целым полчищем, проходя по Молдавии, достигли р. Прута, отстоящей от Ясс около 4 часов, вдруг встретились здесь с казацким войском, которое возвращалось из-под крепости и известило их о взятии её: сердца их охладели и они повернули назад, говоря: “Василий нам обещал содержание, по его богатства взяты; из чего же он нам заплатит?“ и они тотчас вернулись по своим следам. Так было дело.

Между тем стали приходить известия об их приближении, прежде чем они начали свой обратный путь. Тогда все жители страны из страха удалились и рассеялись по пустынным местам и горам. В Яссах не осталось ни одного человека, но все уехали по дороге в Галац. Неописанная тревога и ужас распространялись все больше и больше, так что и монастыри опустели. Обстоятельства вынудили и нас отправиться вместе с другими. За что мы попали в такое положение и доколе оно будет продолжаться?

Еще раньше наш владыка патриарх посылал спросить совета у господаря, не снарядит-ли он его в путь внутрь (России). Но тот не пустил, опасаясь за него по причине венгерского войска, охранявшего границу Молдавии, и сильного смятения, вызванного казаками и татарами. Потом во второй раз он просил совета у господаря касательно поездки в страну валахов; тот отвечал: „потерпи, пока я не свижусь с твоею святостью и ты не отслужишь мне обедню. Я снаряжу тебя, как приличествует твоей святости и как ты ожидал того от Василия; если Богу угодно, я заменю его для тебя“. Письма получались от него беспрестанно.

Все товары, сложенные в монастырях, были разграблены, за исключением нашего монастыря св. Саввы, который, по случаю пребывания в нем нашего владыки патриарха, не потерпел вреда. Вследствие такого положения дела купцы покидали другие монастыри и перебирались к нам до теперешнего времени, когда все население бежало, и мы были вынуждены ехать вместе с другими. Патриарх снова послал просить совета у господаря, который с трудом дал письменное разрешение и письмо к Матвею, господарю Валахии, которого называл своим отцом; снабдил нас также деньгами на дорогу. Он однако ж очень скуп.

Наем каждой арбы с быками до г. Фокшан, который лежит на полпути между (столицей) Молдавии и (столицей) Валахии, обошелся в 25 пиастров, тогда как прежде стоил 3, 4 пиастра. С трудом мы могли найти 3, 4 арбы и, наняв их, выехали из Молдавии в четверг 13 октября.

Глава XXV. Молдавия. — Роман

Мы проехали Скнитей, Васлуй и Бырлад и отсюда взяли в сторону по пути к Галацу. Одному Богу ведомо, каких мы натерпелись страхов и ужасов. Мы прибыли в базар (торговый город), по имени Текуч, и здесь переехали на судах широкую реку Серет.

В четверг 21 октября мы приехали в Фокшаны. Все эти базары и селения были пусты: их жители бежали в горы и степи. Дороги были очень опасны. Фокшаны город большой; по средине его течёт маленькая река. Он составляет последнее место на границе Молдавии, а по ту сторону реки идет граница Валахии. Здесь мы пробыли 31 день, совершив заговенье рождественского поста. Причиной было то, что до господаря дошли слухи, что Яссы покинуты даже монахами и игуменами монастырей. В сильном гневе он тотчас послал, в особенности к настоятелям монастырей, приказ на границу, в Галац и Фокшаны: „когда приедет к вам патриарх антиохийский, чествуйте его и снарядите в путь вместе с его людьми, кроме иностранцев с ним находящихся”. По этой причине обстоятельства привели к тому, что наш владыка патриарх отправился в гор. Роман, который также служит резиденцией, к господарю, с которым еще не имел личной встречи и не видался. Он сделал это во внимание к иностранцам, которые нам сопутствовали. Мы виделись с господарем, для которого взяли четвертый подарок[126], а он сделал нашему владыке патриарху угощение после обедни в праздник св. Михаила. Мы были там за службой в праздник св. Иоанна Златоуста. В этот день устроили большое торжество. Епископ, занимающей тамошнюю кафедру, облачился в фелонь Иоанна Златоуста золотисто-жёлтого цвета, по принятому обычаю надевать ее каждый год в этот день ради снискания благословения. Эту фелонь некогда прислали патриархи константинопольские в подарок Стефану воеводе Старшему, который пожертвовал ее в упомянутую епископию в великий монастырь Параскевы.

В стране молдаван есть лишь один митрополит, а под его ведением только три епископа, из коих один-упомянутый епископ Романа, второй-епископ округа Хуш, третий — епископ *Орхани*[127] и его округа; под ведением последнего два других епископа в стране унгров, т. е. мадьяр. Под начальством всех епископов состоит 800 иереев.

В стране *Немса* (Немцев) есть большой город, по имени Иванополис, т. е. город Иоанна, так как там находится подлинное тело Иоанна Милостивого[128].

Окружность страны молдавской составляет 800 миль, величиною она с остров Кипр, население её бессчетно. Несмотря на это, татары постоянно делают на неё внезапные нападения и грабят. Во дни Василия, за пять лет перед сим, они невзначай появились и забрали жителей 75.000 душ.

Мы возвратились по чрезвычайно трудной дороге из Романа в Фокшаны и, выехав отсюда в понедельник 22 ноября, вступили в Валахию.

Книга III. Валахия

Глава I. Валахия. — Бузео. Тырговишт

Вступив в Валахию, мы прибыли в большой базар (торговый город), по имени *Римнико* (Рымник)[129]. Оттуда приехали в большой город, называемый *Бутза* (Бузео). В нем имееет пребывание епископ и есть архиерейский дом, великолепный каменный монастырь и превосходная каменная церковь, весьма возвышенная, с высокой лестницей и очень высокими куполами. В церкви имеется величественное распятие. Она во имя Успения Богоматери. Мы отстояли тут всенощную, потом обедню в праздник св. Екатерины. Здешние богослужебные обряды и напевы восхитительны, ибо христиане страны валашской очень набожны и щедры. Бывало, всякий раз как мы проезжали мимо какой-нибудь деревни или базара, священники, старшины и народ выходили навстречу нашему владыке патриарху получить от него благословение, затем приглашали нас к трапезе и приходили к нам на поклон; пробыв короткое время, мы уезжали.

Эта страна благоустроенная: каждая деревня равняется городу. Жители любезны к чужеземцам, не так, как в стране молдаван, ибо у этих, когда, бывало, патриарх проезжал мимо них, никто его не принимал и не угощал даже лепешкой: татары религиознее их. По этой-то причине; и было избито столько тысяч их, а имущество и домашний скот разграблены казаками, татарами и венграми. Сколько жестокостей они терпели от Василия! несколько раз изменяли ему, склоняясь на сторону нового (господаря). Но этот обманул их, пообещав в свое время освободить их на три года от податей и поборов; когда же стал властелином и завоевал крепость (Сучаву), сердце его ожесточилось на них и он тотчас разослал к ним сборщиков податей и правителей и взял с них втройне, так что они стали сожалеть о Василии и его правлении.

Возвращаемся (к рассказу). Когда мы приближались к городу *Торгашту* (Тырговишту), который служит в зимнее время столицей господарю Валахии, навстречу нашему владыке выехал кир Игнатий, митрополит этого города. Он муж преклонных лет, почтенной наружности, знает языки турецкий, персидский, греческий и валашский. Наш владыка патриарх поместился в его превосходной карете и вместе с ним въехал в город, который окружен деревянной стеной, вновь выстроенной господарем Матвеем. Город весьма обширен и омывается со всех сторон несколькими реками. Навстречу владыке выезжали и вельможи. Нас привезли в монастырь, построенный из камня господарем Василием, когда его помирили с Матвеем, господарем валашским, для укрепления дружбы. Этот монастырь во имя Преображения Господня и известен на их языке под именем монастыря *Сталия*; он обширен и окружен каменной стеной. При нашем приближении к нему, на колокольне ударили в колокола; нас ввели в церковь, где было устроено большое торжество. Мы поместились в этом монастырь. Церковь его весьма благолепна, высока, имеет два стройных купола со многими крестами; говорят, что на одну позолоту их понадобилось 700 венецианских червонцев. Иконостас в ней русской работы; она обилует светом и имеет три двери.

Наш въезд в Тырговишт произошел во вторник 29 ноября. Вечером зазвонили в колокола по случаю праздника св. ап. Андрея. В этой стране обедня идет дольше, чем в Молдавии. Знай, что накануне всякого значительная праздника, т.-е. *каталисиса*[130], звонят во все колокола и весьма торжественно совершают литургию. Господарь Матвей имел обыкновение в такие праздники предлагать всегда трапезу священникам, монахам, беднякам и чужеземцам. После стола дают каждому милостыню.

День свят. Николая был отпразднован с большим торжеством. Господарь прислал свой экипаж за нашим владыкой патриархом. Мы отправились в дворцовую церковь, где наш владыка патриарх отслужил обедню вместе с кир Гавриилом, архиепископом сербским, и митрополитом

валашским. Все трое были в митрах и благословляли одновременно тремя трикириями [131]. При пении „Достойно есть“ прибыл господарь и занял свое место. После того как ему и вельможам поднесли по обычаю антидор, а также царскую кутью, мы поднялись к его трапезе, которая продолжалась до вечера. Он роздал нам всем почетные платья и мы возвратились в карете в свой монастырь. То же было накануне праздника св. Игнатия, когда бывает предпразднество Рождества Христова. В день его праздника в стране валахов есть обыкновение закалывать свиней и вывешивать[132]. Их вывешивали к празднику или для заготовления сушеного мяса. Ты мог бы слышать, читатель, их крики, доходящие до небес.

Наконец наш владыка патриарх свиделся с господарем Матвеем, который прислал за ним экипаж. Он очень радушно его принял. После того как мы отвезли уже ему подарки, наш владыка патриарх подарил ему прекрасную часть чела ап. Филиппа и еще сосуд с новым миром. Однако господарь сначала было обижался по той причине, что мы раньше поехали к его врагу — Василию воеводе, но потом он полюбил нашего владыку патриарха и сильно к нему привязался.

Накануне Рождества господарь произвел тревогу своему войску, стоящему в городе, боем барабанов, с которыми ходили по городу: это служит у них знаком для сбора. Они собрались к нему со своими знаменами. Он выехал в своем экипаже и они устроили перед ним большой парад, причем позади господаря били в барабаны и играли на флейтах и трубах. Такой обычай у господарей Молдавии и Валахии, в подражание туркам. Потом поехали на охоту, ибо издревле это принято у них накануне Рождества и в Субботу Света (Великую), дабы праздничные кушанья за трапезой государя состояли из добычи его охоты. Войска было числом более 10000 — все отборные, из самых храбрых молодцов: сербов, болгар, арнаутов, греков, венгров, турок и валахов. Вечером возвратились с великим ликованьем: за каретой господаря ехали арбы, наполненные дичью: дикими свиньями, зайцами, лисицами и медведями для забавы, и еще дикими птицами: журавлями, дикими курами, голубями и пр. Во всей этой стране, до земли казаков и московитов, во всяком доме у архиерея или вельможи непременно имеется для забавы медведь или иной зверь. Вельможи валашского государства имеют обычай, за три дня до праздника, подносить господарю праздничные подарки, каждый по своему достоинству, а господарь в утро праздника одевает их в почетные платья.

Что касается порядка службы в канун Рождества, то ее совершали по чину константинопольскому. Ударили в колокола; при звоне их пошли в церковь и не выходили до вечера. Все чтения и молитвы были исполнены приятным тоном.

Знай, что в этой стране есть такой обычай, что накануне Рождества священники городские и приезжие, а также школьники и певчие, собираясь толпами, носят иконы и ходят в городе, в течении всей ночи, по домам правительственных лиц, поздравляя их с праздником. Сначала они идут в дом архиерея, потом к господарю. Это они делают ради сбора милостыни. Они приходили и к нашему владыке патриарху во всю ночь, пели ирмосы на Рождество [133] и другие рождественские песнопения; потом первое многолетие господарю, второе — нашему владыке патриарху и поздравительную молитву. При этом владыка прикладывался к иконе, давал им милостыню и они уходили; потом приходили другие, (что продолжалось) с вечера до утра. То же делали увеселители, барабанщики, флейтисты и трубачи: они также ходили толпами всю ночь накануне Рождества и под второй день (праздника) по домам государственных сановников, приходили и к архиерею и к пребывавшему в это время (в городе) патриарху. Большинство музыкантов — из турецких стран.

Мы очень удивлялись многочисленности солдат в Валахии: они из разных племен. Несмотря на то, что в Валахии тысячи тысяч кабаков с вином, водкой, пивом и иными напитками и все пьют, мы ни разу не видали, чтобы кто-нибудь из них был пьян или кого

поранил или убил, или совершил какой-либо гнусный поступок, но все ведут себя тихо, спокойно и благоразумно. Какой же смысл имеет то, что говорят[134] в нашей стране, будто христианам не приличествуешь власть, ибо они пьянствуют, совершают преступления и не умеют поддерживать порядок в своей стране?

В субботу утром, в праздник Рождества, мы слушали утреню в монастырской церкви. Когда наступило время обедни, господарь прислал свой экипаж и мы отправились в его церковь.

Глава II. Тырговишт. — Дворец. Служения в дворцовой церкви

Знай, что дворец господаря Валахии велик и обведен кругом каменной стеной. С одного краю его течет река, а посредине есть церковь и большая каменная башня, очень высокая, для военных целей; на ней городские часы. Здесь стоит многочисленная стража; при наступлении вечера бьют в барабан, как у нас в Аль-Халилийе[135] в знак того, чтобы ночью не ходили. Потом зажигают на башне большой огонь, и пока он горит, никто не смеет ходить по городу. На утренней заре опять бьют в барабан, тушат огонь и стреляют из пушки, чтобы всем городским жителям было слышно, в знак того, что люди могут ходить по городу. Таков их обычай. Если же, Боже избави, кого застанут ночью идущим по улице, стража его убьет. Где же справедливость того, что говорится в нашей стране, будто христиане не умеют ни поддерживать порядка, ни творить суд и расправу?

Церковь (дворцовая) велика и благолепна: в нее входят по лестнице. Она состоит из трех отделений. Наружное отделение с аркой составляет внешний парфекс: потом входишь чрез вторую дверь в следующее отделение, где гробницы господарей, наконец вступаешь через третью дверь в открытую часть церкви. Церковь эта очень обширная и древняя, с высокими куполами и кругом обставлена сиденьями.

Место господаря высокое, золоченое. Позади него лестница ведет в тайник с решеткой, где становится домина со своей свитой. Отсюда есть ход к месту, где стоит господарь, который чаще всего проходит здесь. Туда же ведет другая лестница из того отделения, где находятся гробницы господарей. В этом месте у верхнего конца лестницы есть окно: в господств праздники или по воскресеньям господарь имел обыкновение, стоя у этого окна, смотреть вниз на войско и бедный люд, бросал им неоднократно монеты и смеялся, когда они теснились, спеша их подобрать. Такова была всегдашняя его привычка. Когда господарь идет молиться, то у ворот (церковных) всегда становятся стражи с кольями и кроме его вельмож в это время никого не пускают в церковь.

Наш владыка патриарх служил (обедню) и было большое торжество. Господарь, по причине старости, не имел сил стоять на ногах от начала обедни до конца, но при „Достойно есть” сходил (с своего места) в предшествии постельника с серебряным жезлом, а спафарий, опоясанный мечом и с булавой в руках, стоял позади его места и держал колпак господаря, ибо у господарей валашских в обычае стоять с начала службы до конца с открытой головой, а также пред архиереем и патриархом; но господарь Матвей[136] не[137] так часто снимал свой колпак. Наш владыка патриарх, стоя на кафедре (горнем месте), пред чтением Апостола поминал, по обыкновению, имя господаря, которое пели протопоп, а (потом) певчие вне алтаря. Затем я, архидиакон антиохийский, возгласил диптих (поминание) нашего владыки патриарх, что пропели священники внутри алтаря, а певчие вне, на одном клиросе по-гречески, на другом — по-валашски. То же сделал архидиакон сербского архиепископа и то же возгласил своему митрополиту архидиакон митрополита валашского. Во время причастного стиха господарь сходил прикладываться к иконам. За этой обедней наш владыка патриарх раздавал антидор ему и его вельможам. Затем мы вышли и прочли молитвы на могиле его супруги домины, которая недавно скончалась и погребена в усыпальнице господарей, как мы упомянули. Возвратившись в храм, мы прочли молитву над подносом с царской кутьей и вкушали от неё вместе с прочими присутствующими, равно и от вкусного кренделя, который также им раздавали. Затем наш владыка патриарх, преподав благословение господарю, который поднялся по описанной лестнице, вышел в мантии с местным митрополитом, священниками и присутствовавшими вельможами и дожидался господаря под упомянутым высоким окном. Когда господарь, по

обычаю, разбросал монеты войску и бедным, наш владыка патриарх опять его благословил по обыкновению; затем нас повели и мы поднялись тогда по упомянутой лестнице из церкви к господаревой трапезе. В этот час он облачил сановников своего государства в царские одеяния, как принято у царей в большие праздники. В тот день они прислуживали за трапезой с начала до конца, ибо таков у них обычай в праздники Рождества, Обрезания, Богоявления и Пасхи. На другой же день праздника вельможи садятся за трапезу вместе с господарем, а служат другие люди, как во все дни года. Всякий раз как блюда приносились из кухни наверх, били в барабаны и гремели флейты, трубы и другие инструменты, а также, всякий раз когда после музыки господарь пил вино, стреляли три раза из пушки, так что земля содрогалась. В таком удовольствии [138] они пребывали до вечера, причем господарь сидел с непокрытой головой. Пили много здравиц из больших кубков, вмещавших в себе целое око вина: во-первых, каждому подносились три кубка зараз в честь праздника, во-вторых, еще три в честь нашего владыки патриарха, в третьих, больше и больше зараз в честь господаря. Никто решительно не освобождался от питья, ибо это обычай всем известный, что всякий, кто сидит за столом с господарем, обязан пить таким образом. Это продолжается, пока не подадут свечи, что служит знаком удаления.

Господарь дарил также почетные платья архиереям и игуменам монастырей, бывшим за его трапезой: прежде всего присутствующему патриарху он подарил кусок бархату, такой же местному митрополиту, который бывает за трапезой у господаря постоянно во весь год, ибо кроме него никто никогда не может читать застольную молитву. Настоятелям монастырей, бывшим налицо, он дарил куски атласа получше и похуже; священникам и нам, дьяконам, куски хиосской камки. Для остальных священников, монахов и многочисленных бедняков накрывали отдельно большой стол, в конце которого раздавали им деньги, завернутые в платки. Таков был обычай господаря во все господские праздники.

Знай, что митрополита валашский имеет под своею властью двух епископов: один вышеупомянутый епископ Бузео, другой- епископ большого Рымника. В стране валахов 400 каменных благолепных монастырей, коих все настоятели-епископы. У них в обычае приезжать перед Рождеством; каждый подносит господарю маленький подарок: просфоры, вино, фрукты и поздравляет его с праздником. Они остаются до после праздника Богоявления, на его столе, пользуясь его дарами, и затем уезжают. Они приезжают также к Пасхе и к четвергу Вознесения, во имя коего митрополичья церковь, как об этом будет сказано.

Возвращаемся к нашему рассказу. Вечером мы вернулись в экипаже в свой монастырь в сопровождении сейманов и драбантов с копьями, впереди н позади, а кругом экипажа шли шатыры (скороходы) господаря; певчие господаря и их ученики, придворные мальчики, пели и выводили трели (во весь путь) от дворца до монастыря. Все они получили обычную милостыню и ушли, после того как сейманы выстрелили из ружей.

Знай, что по обычаю, принятому у господарей молдавских и валашских, накануне праздника Обрезания, все государственные сановники, от правителей и пырколабов[139] до субашиев [140], и все должностные лица диванов (судебных мест), являются вечером к господарю и складывают перед ним знаки своих должностей, будет-ли то меч, булава, серебряный жезл, серебряная цепь или иное что, и уходят. Ночью господарь посылает назначение или отставку. Кого он повышает, тому посылает знак вместе с почетным платьем, также и тому, кого оставляет в должности. Кого желает отставить, тому ничего не посылает: это знак отставки. В течение всего года не бывает ни назначений, ни увольнений, а только в праздник Обрезания, начало года. После того все (должностные лица) рано утром приходят в церковь по всегдашнему своему обыкновенно ежедневно бывать у заутрени; потом являются к господарю, поздравляют его с праздником и целуют его правую руку. После обедни они прислуживают за столом в этот

день до вечера, одетые в почетные платья; на другой же день садятся за стол вместе с господарем, а служат другие люди, как во все дни года. В это же время они присылают господарю подарки, каждый соответственно своему положению. Также и супруга господаря, домина, дарит их женам и дочерям почетные платья, а они ей отдаривают.

В этот праздник Обрезания владыка служил опять у господаря литургию Василия Великого. Потом они поднялись в трапезу, где было устроено торжество еще большее, чем в праздник Рождества, с питьем здравиц, пальбой из пушек и громом музыки. Вечером господарь раздавал почетные платья. Мы возвратились в экипаже в сопровождены сейманов, драбантов, шатыров и певчих, которые, получив по обыкновению на водку, удалились.

Глава III Тырговишт. — Праздник Богоявления

Накануне Богоявления соблюдали порядок службы, подобно как и кануне Рождества, и совершили чин водоосвящения по обычаю во всех церквах.

Знай, что во всех христианских странах, в начале каждого месяца, священники святят в церкви воду и, обходя, окропляют ею дома ради дохода. В здешней стране, Валахии, они особенно старательны.

Знай, что в этот праздник Богоявления в стране валахов собираются (в столицу) тысячи игуменов, священников, монахов и дьяконов из Валахии и других стран; приезжает митрополит тырновский по своему обыкновению, но и кроме него всегда бывают архиереи. Это делается ради дохода и к этому они готовятся от одного года до другого. Дело происходит так. По освящении воды вечером, они наполняют ею свои сосуды и ведерки, надевают фелони и с крестами в руках отправляются сначала к господарю и окропляют его, каждый отдельно, при чем он дает им обильную милостыню. Потом они идут к местному митрополиту, обходят все дома богатых государственных сановников и окропляют их. Они приходили также к нашему владыке патриарху в течение всей ночи, распевая: „Спаси, Господи, люди Твоя” [141].• Владыка брал базилик (кропило), окроплял крестообразно дом, себя и прочих присутствующих, прикладывался ко кресту и бросал милостыню им в посуду. Точно также музыканты с барабанами, флейтами, трубами, с факелами ходили во всю эту ночь и в ночь на второй день Богоявленья, поздравляя государственных сановников, приходили и к нам и поздравляли с праздником нашего владыку патриарха. Все они турки. [Они считали за честь быть допущенными к нам]. Владыка давал им милостыню.

Такого величия, такой пышности и веселья, какие мы видели в этой стране валахов в праздник Богоявления, не бывает даже у царей христианских, судя по тому, что мы наблюдали и слышали.

Утром в день праздника мы слушали утреню в монастырской церкви. Когда наступило время литургии, господарь прислал для нашего владыки патриарха свой экипаж и мы поехали с великим почетом, ибо в это время от монастыря до дворца стояли рядами справа и слева войска с развернутыми крестными знаменами. Внутри же дворца (было такое множество войска, что), если бы пустить курение, то дым не дошел бы до земли, а остановился бы над головами людей. Всего войска по счету было, как мы слышали, около ста тысяч, ибо у господаря валашского имеется около 150.000 человек, коих он содержит на своем продовольствии, так как его страна (Бог да увеличит её благоустройство!) переполнена народом: всякий, кто бежит из турецких земель, селится в его стране, ибо в ней можно получить много выгод. Такое сборище войска всегда бывает в праздники Богоявления и Пасхи. Мы вошли в церковь и наш владыка патриарх облачился вместе с местным митрополитом и кир Гавриилом, архиепископом сербским, и прочими старшими настоятелями монастырей. Каждый из них держал в руках редкостный крест. Пришли и стали на свои места. Тогда принесли целые воза больших свечей и роздали их всем присутствующим. Затем посреди церкви поставили нечто в роде большого стола, на котором разостлали скатерти[142] и потом поставили (на него) в ряд великолепные чаши и серебряные тазы с водой, а также большой ковчег, наполненный мощами святых, из коего вынули правую руку св. Михаила, епископа Синадского, и правую руку св. Марины, обделанную в чистое золото. В это время пришел в церковь господарь и стал на своем троне. Спафарий взял в руку большую позолоченную свечу и такие же поставили в двух подсвечниках. Наш владыка патриарх, сойдя (со своего места), прочел молитвы над водой. По окончании их, мы вышли за церковные врата, дабы наш владыка патриарх погрузил крест также и в реке.

Впереди несли размещенный рядами попарно знамена и хоругви, увенчанные крестами, за ними свечи, потом шли священники попарно, а позади них наш владыка патриарх с митрополитами, направляясь к реке. Когда наш владыка патриарх дошел до берега реки, держа в руке крест, (оказалось, что) река покрыта льдом, ибо в тот день случился сильный мороз, от которого трескались камни. У них (валахов) был обычай совершать водосвятие посреди корты (двора), но как господарь был преклонных лет, то по причине сильного холода совершили этот обряд внутри дворца. Лед разбили и патриарх трижды погрузил крест при пении: „во Иордане крещающуся Тебе Господи". Тотчас весь присутствующий народ стал наполнять из реки свои сосуды, а священники окрестили в ней многих детей, и когда разбивали лед на небольшом пространстве, это место, спустя короткое время, опять замерзало. Мы скорбели, слыша плач детей, погружаемых в воду при такой сильной стуже. Наши глаза слепли по той причине, что мы держали открытыми свои головы, и в течении многих дней мы недомогали, лишившись слуха. Затем мы возвратились в церковь. Наш владыка патриарх окропил ее на все четыре стороны, потом алтарь и наконец подошел к господарю и окропил его, и когда тот приложился ко кресту, дали знать войскам, которые выстрелили из всех своих ружей, так что в воздухе дрогнуло, и мы боялись, чтобы церковь на нас не обрушилась, и наши уши били совсем оглушены. Затем он стал окроплять присутствующих вельмож, которые представлялись бы твоим взорам, читатель, подобно цветам весенним, в разноцветных платьях из тонкого сукна, подбитых все соболем, ибо никакому другому меху они не придают цены кроме соболя. Потом мы вышли за церковные врата, пред которыми были поставлены два кресла: на одно сел господарь, другое для нашего владыки патриарха. Священники расположились в ряд справа и слева. Тогда стали приводить ценных породистых лошадей, украшенных великолепным своим убором из материи, расшитой золотом, жемчугом п драгоценными каменьями-услада взора! Наш владыка патриарх, кропя их святой водой, освящал одну за другой. Их было до двадцати, самых лучших, каждая ценой в тысячу динаров. Под конец появился невольник верхом на маленьком муле, и другой — на осле: это было устроено для потехи. Присутствующие над ними посмеялись, а патриарх брызнул на них водой. Потом мы вошли (в церковь) к литургии, после чего пошли к трапезе. В этот день было устроено торжество больше и величественнее, чем в прошлые праздники, с питьем здравиц, громом музыки, барабанов, бубнов, стрельбой из ружей и многих пушек, и были радость и веселье великое. Вечером роздали нам по обычаю почетные платья и мы возвратились в том же экипаже, окруженные шатырами, сейманами и драбантами, которые стреляли на всем пути, а певчие пели, пока мы не достигли своего монастыря. Здесь они получили (на водку) и ушли. Мы же были совершенно трезвы.

В утро субботы, второго дня Богоявления, всякие увеселители со своими барабанами, бубнами и флейтами, а также музыканты — турки и валахи — ходили по всем домам богатых людей и все приходили также к нам. Они забавляли игрою на инструментах и поздравляли нашего владыку с праздником, выражая ему свои благожелания; он одарял их и они уходили. Точно также являлись к нам целыми толпами сейманы и прочие военные, стреляли из ружей и поздравляли; он одарял их и они уходили. Так шло непрестанно до вечера.

Знай, что все вельможи валашского царства очень набожны: каждое утро во все дни года они ходят в дворцовую церковь, где слушают утреню, после чего идут к господарю, у которого держат диван для разбирательства дел. Затем, сойдя (в церковь), слушают в присутствии господаря обедню, от которой выходят около полудня. Таков их обычай во все дни года.

Глава IV. Тырговишт. — Митрополичий дом

Тырговишт — город большой, может быть, подобно Дамаску н Алеппо. Господарь Матвей с большими трудами устроил вокруг него деревянную стену и ров. Нам рассказывали, что во владениях валахов 26 таких городов. Знай, что в Тырговиште более 80 церквей и монастырей, по большей части каменных, лучший из них — монастырь господаря Василия.

Дом митрополита Валахии находится на краю города внутри городских стен. Он весьма великолепен, обнесен трема деревянными стенами и имеет три двора. Внешний двор служить для откармливания гусей, уток и кур, второй — для лошадиных конюшен и кухонь. Третий двор весь каменный, дорогой стройки: в него входишь чрез большие ворота н напротив тебя величественная церковь, которая не имеет себе подобной в этой стране, кроме церкви казацкой митрополии, похожей на св. Софии. Также и эта церковь велика, обширна, возвышается на многочисленных столбах и имеет величественный вид, подобно св. Софии. Она состоит из трех отделений: первое составляете внешний нарфекс, который очень обширен, со многими куполами; затем чрез вторые двери входишь в другой красивый нарфекс, а потом чрез третьи двери- в среднюю часть церкви, очень просторную; её купол величествен по своей высоте и объему, в нем висит хорос (паникадило) весьма большого размера. Церковь имеет три алтаря, высоких и благолепных, из коих средний весьма обширен, с высокою кафедрою (горним местом) кругом. Иконостас, тябла и распятие весьма благолепны. Деревянные золоченые подсвечники очень изящной работы. Окон в церкви весьма много, идут они кругом и все, равно и окна в куполах, со стеклами. Место господаря находится справа от входа с лицевой стороны столба и близ него архиерейское место на котором всегда стоял наш владыка патриарх[143]. Напротив него, близ другого столба, есть еще место, где становится местный митрополит. Кругом всей церкви идут места для сиденья[144]. Все её стены покрыты старой живописью. Место домины и её приближенных находится во втором нарфексе. Вокруг этого места[145] разбит красивый цветник с розами и иными цветами, не очень широкий, отгороженный решеткой. Но близости северного алтаря есть дерево кедр: да благословится Творец! как оно красиво, высоко, велико и обременено плодами! Число куполов этой церкви, больших и малых, двенадцать, с 12 золочеными крестами. Пред вратами церковными есть красивый общественный бассейн текучей воды; такой же красивый бассейн есть и за воротами.

Что касается келий митрополичьего дома, то те, что на восточной стороне, очень высоки и к ним поднимаешься по высокой лестнице чрез внешнюю галерею с арками, обращенную к церкви, двору и большому саду. Все стены расписаны чудесными изображениями тварей земных и морских, также изображениями Иерусалима и его монастырей, всей горы Божией Синая и св. Горы с её 24 монастырями и морем — все это точно и ясно. Затем входишь сперва в обширную и длинную митрополичью палату с огромным обеденным столом, большой изразцовой печью и многочисленными стеклянными окнами, выходящими в большой сад. Далее входишь в другое красивое помещение, еще лучше первого, также с изразцовым каптуром. Здесь есть место, где вешают собольи шубы и прочее. Вся внутренность этих келий расписана вновь разнообразными изображениями святых. Из вышеупомянутого сада входишь в казнохранилище, где сберегаются облачения митрополита, его короны, называемыя митрами, посохи, серебряная утварь и проч.; тут же висят седла, расшитые и украшенные золотом и серебром, узды, мечи, пистолеты и всякие военные принадлежности, ибо, когда митрополит выезжает для встречи патриарха или иного гостя, то нужные вещи находятся у него под рукой: в этом случае впереди и позади едут верхом его конвойные, каждый в хорошем платье с собольим вехом и проч. То же у митрополита страны казацкой.

Знай, что одежда женщин от Константинополя до Молдавии и Валахии имеет вид длинной суконной фарджии[146] с полами до земли, подбитой мехом, смотря по состоянии.

Возвращаемся (к рассказу). Из казнохранилища входишь в наружную крытую галерею на арках, выходящую в сад, с фонтаном текучей воды. Здесь бывает обеденный стол в летние дни. Отсюда спускаешься в огромный сад, в котором не видать начала от конца; вся его изгородь из больших ореховых деревьев. Половина его засажена виноградом и отчасти розами, другая половина — яблонями, грушами, айвой, вишнями, дамаскиной, т.-е. птичьим сердцем, и иным; [есть зеленеющие насаждения гороха, бобов, артишоков и пр.].

Башня Весов находится за церковными воротами. Словом сказать, окружающая митрополичий двор и сад стена величиною будет со стену большого города.

В здешних странах митрополиты и настоятели стоят на высоте своего положения. Митрополиты этой страны имеют обыкновение ежедневно ездить в экипаже к господарю и присутствовать в диване, где кладут крест и евангелие; когда же освободятся от заседания, сходят в церковь слушать обедню, потом идут к господарю, читают молитву и благословляют трапезу. Все дела в руках митрополита, в особенности если он щедр.

Знай, что мужчины и женщины в этой стране, приходя судиться к господарю или архиерею, становятся на колена и в таком положении ведут свою речь до конца. Самый дорогой подарок их господарю — блюдо с хлебом.

Здешние митрополиты не получают годового сбора с паствы, а получают со священников, состоящих под их властью, с каждого определенную сумму золотом, кроме того доходы с пожертвованных владений и деревень, а также с виноградников, садов и иных угодий, отказанных митрополии. Вот что мы наблюдали, начиная с этой страны и до земли московитов.

Со времени нашего вступления в Валахию до отъезда из неё, все вельможи приходили к нашему владыке патриарху за благословением и непременно с подарком для него на блюде, покрытом платком, (подносе), смотря по времени года, лимоны, померанцы, яблоки, груши, изюм, винные ягоды, орехи, чаще всего хлеб и рыбу и непременно также вино. Все их жены, даже невесты и девицы, являлись к патриарху с открытыми головами, (приезжая) в экипажах, в сопровождении служанок и многочисленной прислуги и вершников. Они привозили ему подарки подобные вышеупомянутым, прося у него благословения и разрешения грехов. У них много жемчуга, соболей, дорогих сукон и пр.

Знай, что все жители страны валашской очень набожны и богобоязненны и весьма остерегаются всего незаконного, в особенности правительственные лица, так как они являлись к нашему владыке патриарху ради того, чтобы он поставил собственноручную подпись и приложил печать на грамотах, данных им господарями касательно их достоинств и поместий. Они испрашивали у него также грамоты отлучения для решения тяжбы, дабы никто не оказывал пристрастия, и когда, бывало, простолюдины приводили кого-нибудь к нашему владыке патриарху, чтобы он его отлучил, то сами выбегали вон, думая, что отлучение — огонь и что при этом им не следует быть. Многие торговцы испрашивали также у патриархе разрешительную грамоту.

Глава V. Тырговишт. — Климат. Нравы и обычаи

В этом городе в нынешнем году с начала месяца января и в феврале до конца марта не переставало выпадать много снегу, который не сходил вплоть до Пасхи, а также бывали ветры, стужа и холод, — подобного мы никогда не видывали, — так что вино замерзало в посуде, а равно маслины, сохраняемые в воде, и соленья. Что касается лимонов и яиц, то они сделались крепкими как камень и совсем испортились. Твоим взорам представлялись длинные палки из стекла, т.-е. льда, спускающаяся кругом с крыш домов; также, когда снег таял от огня, разводимого внутри домов, то от действия мороза всякая капля, спускаясь, обращалась в лед: это было удивительно для зрителей из наших стран.

Знай, что большинство конюхов при лошадях господарей и государственных сановников — уроженцы нашей страны и Египта, мусульмане и христиане. Здесь держат множество черных рабов, которых валахи называют *арапидес*, т.-е. арабами, думая, что все жители нашей страны такие же чёрные рабы или конюхи. По этой причине на нас смотрят оком большого презрения. Когда же мы прибыли к ним и они увидели нашего владыку патриарха, наши обычаи и (услышали) наше прекрасное чтение по-гречески, то приходили в великое удивление.

В дни заговений мы любовались их свадьбами, которых в это время у них бывает весьма много. Накануне свадьбы жених со своими приятелями ходит по улицам города в продолжение всей ночи с барабанами, флейтами и свечами. Невеста с другими девицами, сидя в экипажах и имея позади себя музыкантов, также объезжает городские кварталы, с открытой головой, по обычаю девиц здешней страны. В этот день девицы, держась за руки, кружатся кольцом по двору, украшенные разнородными уборами: на волосах они носят венцы, сплетенные из золотых нитей и желтой жести, искусственные розы венецианской и немецкой (австрийской) работы, тюльпаны (?), жасмины и т. п.; кружась, они танцуют и хлопают в ладоши. Когда невеста повенчается с женихом в церкви, надевают ей на голову белый платок в знак того, что она стала замужней женщиной. С вечера жених со своими приятелями и музыкантами, а невеста с другими замужними женщинами в экипажах позади жениха ездят по городу с весельем, днём и ночью, в течение двух, трех дней. Таков их обычай. Нет ни ока вероломства, ни завистника.

Знай, что жены и дочери в стране валахов скромны, непорочны и весьма целомудренны. Всякого, о ком станет известно что-либо позорное, если это мужчина, то ссылают в рудники разбивать каменную соль, откуда нет спасения, женщин же непременно подвергают потоплению.

Мы видели, что в этой стране валахов, во дни больших заговений, оставляют мясную пищу и наперерыв друг перед другом закупают рыбу, которая в это время бывает мерзлая и похожа на дерево, и цена её возвышается. Ее носят охапками, что возбуждало наше удивление к ним. То же самое можно наблюдать во всякой христианской земле.

Глава VI. Тырговишт. — Описание похоронного обряда

Обряд отпевания усопших у валахов походит на описанный нами обряд в Молдавии; но здесь делаются большие расходы при всяких похоронах. Приглашали нашего владыку патриарха в дом покойника, при чем колокол церкви, где намеревались его похоронить, звонил с утра до самого опущения в могилу. Обыкновенно собиралось много священников, дьяконов, монахов и бедняков, ибо в этой стране валахов пребывает несметное число чужеземных священников и дьяконов, кои исключительно живут подобными покойниками. Всякий (священник) приходит с своей епитрахилью и книгой, а дьякон со стихарем. Все присутствующее дьяконы надевают свои стихари и всем тут находящимся, от священников до бедняков, раздаются большие свечи. Архидиакон берёт в руки кадильницу и кадит патриарху, произнося: „благослови, владыко!“ Патриарх, взяв у него кадильницу, кадит покойнику, возглашая: „благословенно”.... и тогда певчие поют приятным напевом: „помилуй мя Боже”, потом Блаженны до конца, попеременно с канонархом. Окадив священников и прочих присутствующих, патриарх кадит вторично вокруг похоронных носилок, потом кадит дьякону и, передав ему кадильницу, идет и подле усопшего творит трижды крестное знамение на своем челе, обратившись к востоку, затем возвращается на свое место. Во время первой „Слава Отцу” при Блаженных архидиакон произносил, держа в руке вторую кадильницу: „помилуй мя Боже” и т. д. „Еще молимся об усопшем таком-то, да упокоит Господь душу его” и т. д. до конца. Наш владыка патриарх сказал первый возглас. Потом начинают вторую „Слава Отцу” из Блаженн: „руце Твои сотвориша мя и создаша“. В это время присутствующий архиерей или старший священник кадит вокруг покойника, потом нашему владыке патриарху и прочим присутствующим, под конец кадит дьякону и, отдав ему кадильницу, идет также, творит на челе крестное знамение и, вернувшись на свое место, произносит второй возглас после: „воззри на мя и помилуй мя” и после того как второй дьякон возгласит: „помилуй мя Боже по велицей милости Твоей” и пр. Все дьяконы по порядку возглашали: „помилуй мя Боже” и пр. и подносили кадильницу, в порядке старшинства, священникам, которые говорили возглас за возгласом и под конец кадили дьяконам.

При последнем целовании наш владыка патриарх прикладывался к иконе, творя крестное знамение прежде и после, благословил народ и возвратился на свое место, прочтя евангелие над головами родственников усопшего. Потом подходили священники по старшинству попарно, один справа, другой слева, одновременно делали земной поклон прежде и после (целования), и так до последнего. Затем подходили дьяконы, после них монахи, под конец бедняки. Присутствовавшие тут родственники усопшего стояли по обе стороны, и всякий раз как священник прикладывался к иконе, они давали ему милостыню в расшитом платке, каждому по его достоинству, также дьяконам, монахам и беднякам. Затем подходят вельможи, а за ними прочие присутствующие. Потом мы пошли пред похоронными носилками в церковь: впереди все священники попарно, затем наш владыка патриарх, а за ним носилки, за коими следовал народ, при чем певчие пели. Всякий раз, пройдя небольшое расстояние. клали носилки на землю и становились в ряд вокруг них: дьякон, с кадильницей в руке, возглашал: „помилуй мя Боже“ и пр., а наш владыка патриарх читал молитву за усопших. Потом носилки поднимали и шли дальше. Это не переставали делать, пока не принесли покойника на церковный двор к его могиле. Тут сняли его с носилок, положили в гроб, обитый внутри красным сукном, зарыли и ушли. Знай, что в этой стране родственники умершего соблюдают такой обычай: мужчины ходят постоянно с открытыми головами в продолжение 15 дней, женщины же и девицы только распускают волосы. Ни громкого плача, ни криков не бывает, но сдержанность и скромность. При чтении евангелия архиереем или священником над лежащим в носилках покойником

женщины и девицы стоят на коленях под евангелием до конца чтения. После того как присутствующие дадут целование покойнику, женщины также подходят и целуют его с сдержанным плачем.

На третий, девятый и сороковой день до конца года совершают *мнимосинон* (поминки). После того как служащим священникам и прочим бывшим в церкви роздали свечи, начали (службу) возглашением „помилуй мя Боже” и пением Блаженн попеременно, потом пели канон. Первым кадил наш владыка патриарх, потом служащие иереи. Он же прочел евангелие. По раздаче милостыни всем присутствующим, разошлись. Отпевание, подобное описанному, обходится во сто, двести золотых, менее или более. Некоторые после погребения или поминок приглашают присутствующих к трапезе.

Накануне суббот заговений не бывает торжественной заупокойной службы как у нас, причиной тому — обилие церквей. В воскресенье на маслянице поутру приходили к нашему владыке патриарху большая часть жен государственных сановников, прося его прочитать над ними разрешительную молитву. Они повергались пред ним на землю в своих дорогих платьях, пока он не кончал чтения. То же делали их мужья до самой ночи.

Накануне поста после вечерней молитвы не совершалось молитвы на сон грядущим, ибо нет в этой стране обычая совершать ее даже накануне понедельника, но все, от сановников до богатых купцов, со своими женами и детьми пришли в церковь. Наш владыка патриарх сошел с своего патриаршего места и стал между обоими подсвечниками в епитрахиле и омофоре. Все простерлись на землю и он прочел над ними разрешительную молитву, после чего подходили к нему под благословение сначала присутствовавшие архиереи, потом игумены, священники, вельможи и прочие бывшие в церкви. Его светлость господарь также присылал чрез местного архиерея попросить у нашего владыки прощения, ибо к нашему владыке патриарху уже возымели большую веру, что было очевидно.

В этот великий пост посетил нашего владыку патриарха один православный игумен, который сказывал, что он с островов *Брутания*[147], о коих упоминает Иоанн Златоуст, из города по имени *Херван*, и сообщил, что в этой стране до 25000 домов, все православные, что правитель поставляется из их среды и что язык их греческий[148]. Архиепископ сербский сказывал, что они бежала из его страны, живут они в пределах австрийской земли с северной стороны венецианской области. Игумен просил поставить его архиереем над ними, имея при себе их собственноручные подписи. Но он оказался лжецом и господарь Матвей немедленно сослал его в соляные копи. Говорят, что они уверовали чрез проповедь патриархов антиохийских, к коим питают великую веру.

Глава VII. Тырговишт.-Великий пост. Чин умовения ног. Святая неделя

Возвращаемся (к рассказу). На этой неделе жители постились, соблюдая тот же самый чин, какой совершался в Молдавии, и даже более того: по субботам поста выходили от обедни только около полудня.

В первое, а также в четвертое воскресенье великого поста наш владыка патриарх совершал литургию в монастырской церкви. Накануне четверга покаяния[149], который совпал с праздником сорока мучеников, зазвонили в колокола и служили всенощную в течение всей ночи, как принято совершать ее в Молдавии. То же было накануне субботы Похвалы Богородицы. В Лазареву субботу богослужение совершалось с большой торжественностью. В день праздника Ваий рано поутру наш владыка патриарх роздал присутствующим Вайи из доставленных (нам) древесных ветвей, еще не покрывшихся листьями, но с белыми дикорастущими цветами, и совершил литургию там же[150].

В великий четверг господарь прислал утром свой экипаж и мы отправились в дворцовую церковь для совершения чина умовения (ног) и литургии. Мы надели свои облачения и облачили нашего владыку патриарха по обыкновению. Зазвонили по обычаю в большой колокол. Патриарх стал на своем (патриаршем) месте, а впереди него митрополит города. Прежде всего начали готовить приборы для умовения, затем поставили пред левым клиросом очень длинную скамью, назначенную для сиденья священникам, а пред левым большим подсвечником маленькую для Иуды. Привели иерея из монашествующих, старца преклонных лет, очень бедного, который по причине своей бедности согласился принять на себя эту роль, ибо господарь после дает ему милостыню. Его рост, лицо, борода, грязный колпак, спускающийся ему на глаза, таковы, что у зрителя от смеха лопается желчный пузырь, в особенности потому, что на него надели очень старую, изветшавшую фелонь и посадили на упомянутую скамью. Затем поставили посредине большой стол на подобие аналоя[151], покрыли его ковром и поставили на него с одной стороны в ряд большой серебряный таз и такой же кувшин с крышкой, в виде чаши, с другой стороны другой, подобный ему, с водой для умовения. Потом митрополит города с двумя чередными священниками этой церкви подошел и взял благословение у нашего владыки патриарха на подготовление священников, назначенных для умовения, кои все надели свои ризы. Митрополит возвратился и стал на свое место у левого клироса. Тогда из алтаря вышли оба чередные священника, имея промежду себя двух священников в ризах и направились все вместе в ряд к нашему владыке патриарху, которому сделали малый поклон, также митрополиту. Посадив их на длинную скамью близ Иуды, пошли в алтарь и привели других двух, сделали то же и посадили их около тех двух, пока не кончились все пять пар, т.-е. десять человек. Старшие игумены сели на конце. Затем привели епископа Бузео, назначенного быть Петром и посадили его в конце всех отдельно. Певчие запели стихиры на умовение и пели чин его до конца.

Знай, что певчие господаря всегда поют в его церкви или у него (на дому) на правом клиросе по-гречески, на левом по- валашски.

Я начал чтение Евангелия вне алтаря, для чего поставили аналой перед подсвечником. Когда я дошел до слов: „востав.... и положи ризы своя.... и начат умывати ноги”.... владыка патриарх встал и снял свое облачение; у него приняли саккос и омофор. Он взял кувшин и ему повязали бумажный передник. Сойдя со своего места, он начал умывать ноги первому Иуде и продолжал, пока не кончил Петром, которому он сказал то, что напитано (в Евангелии). Этим окончили. Принесли таз и поставили на своем месте на столе. Надев саккос, наш владыка

патриарх сошел с своего места, подошел к тазу и, сделав три поклона по обычаю, вложил свой перст в воду и провел между глазами изображение креста. Потом подошел митрополит города и сделал то же, за ним остальные служащие священники и вельможи подвое до последнего. Тогда я взял таз и вместе со священником поднялся по лестнице к господарю, чтобы он также освятил себя водою. Будучи в преклонных летах, он не имел силы отстоять (службу) и не присутствовал за ней. Он освятил себя водою и дал священнику милостыню; также освятили себя все при нем бывшие и мы сошли и начали обедню.

Все находившиеся в церкви вельможи просили нашего владыку патриарха прочитать над их головами разрешительную молитву: они пали ниц на землю и он прочел над ними молитву. Знай, что каждый из них, входя в церковь, подходил сначала к нашему владыке патриарху, делал ему земной поклон и, облобызав его правую руку, становился затем на свое место.

При „Достойно есть“ господарь сошел в храм и стал на своем троне. При выносе Даров он прикладывался к местным иконам и, поддерживаемый под руки, вошел в алтарь, где причастился из рук нашего владыки патриарха, после чего опять стал на своем месте. Точно также приходили все сановники, прикладывались к иконам и также причастились из рук нашего владыки патриарха, который затем раздавал им антидор. Мы вкусили кутьи и окончили службу. Господарь и вельможи продолжали стоять на своих местах, пока наш владыка патриарх, войдя в алтарь, не разоблачился и не надел мантии, по всегдашнему обыкновению, после чего шествовал впереди господаря и потом благословил его и вельмож. Мы возвратились в свой монастырь после полудня.

Накануне великой пятницы совершили большую всенощную, которая продолжалась с вечера до шестого часа ночи; вся она была исполнена протяжным напевом. То же было в субботу света (великую), с которой в этом году совпало Благовещение. Встали в глубокую ночь и на заре совершили чин плащаницы, обойдя с нею вокруг всего монастыря по улицам. Когда мы вышли от обедни в этот день, мальчики не переставали звонить в деревянные (била) и медные колокола в течете всей ночи, по принятому у них обычаю. В эту пасхальную ночь народ совсем не спал. Дети каждого квартала и улицы собирались в своем монастырь или у церкви своего квартала, зажигали костры на церковном дворе; поднимая радостный шум, и били в колокола до шестого часа ночи (12 ч.), когда зазвонили во все колокола в церквах и монастырях, за исключением дворцовой церкви, и встали к молитве. Был совершен по обычаю *анастасис* (чин Воскресения). Рано утром вышли из церкви и вскоре возвратились к литургии.

По окончании чина Воскресения господарь прислал свой экипаж и мы отправились во дворец. Мы надели на владыку патриарха облачение. Господарь сошел в церковь и стал на своем господарском месте. Ему было преподано благословение. Затем (все) вышли впереди нас на дворцовый двор насупротив церковных дверей. Посредник впереди был поставлен трон для господаря, слева от него другой — для нашего владыки патриарха и еще один по близости слева же для митрополита. Все священники и монахи стали в этом ряду слева, а государственные сановники составили большой круг. Твоим взорам, читатель, представились бы в этот час тысячи разноцветных тонких дорогих сукон, все опушенные соболем. Затем поставили посредине большой стол, покрытый ковром, и на него положили Евангелие. Всем присутствующим роздали большие свечи: сначала господарю большую золоченую свечу, которую держал силахдар, затем патриарху и митрополиту. Дворец в это время был битком набит солдатами, которые все были вооружены крестообразными копьями[152] и алжирскими ружьями. Взяв кадильницу, я окадил нашего владыку патриарха, произнося: „благослови владыко”, а он, приняв её, кадил вокруг упомянутого стола с Евангелием, трижды возглашая „Христос воскресе”, потом кадил господарю, митрополиту и всем присутствующим и, возвратившись, стал на своем месте. Певчие докончили положенный чин и потом пели канон,

один хор по-гречески, другой по-валашски. Наш владыка патриарх сказал первый возглас. Таким же образом кадил митрополит и, возвратившись на свое место, сказал второй возглас. Точно также кадили епископы и старейшие настоятели монастырей до окончания канона, причем каждый из них говорил возглас. Не было открытия царских дверей, как это принято у нас, ибо, так как церковь не вмещает такого множества людей, чин этот был совершен вне её. По окончании канона наш владыка патриарх приложился к Евангелию и понес его к господарю, который, выйдя на средину, сделал земной поклон и поцеловал Евангелие и правую руку владыки, причем последний сказал ему трижды: „Христос воскресе” и поцеловал его в голову. В эту минуту все солдаты выстрелили из ружей, так что мир содрогнулся и наши уши были оглушены. Кончили службу. Взяв патриаршее кресло, поставили его справа от трона господаря по близости. Наш владыка сел, держа в руках Евангелие. Тогда подошел митрополит, приложился к Евангелию и поцеловал правую руку патриарха, говоря: „Христос воскресе!” затем подошел к господарю, приложился к золотому, осыпанному жемчугом и драгоценными каменьями кресту, который тот держал в правой руке, и сказал ему то же. Господарь поцеловал его в голову и он сел на свое место слева от него. Потом подходили епископы, за ними игумены и прочие священники и монахи: они сначала прикладывались к Евангелию у нашего владыки патриарха и целовали его правую руку, говоря: „Христос воскресе“, затем подходили к господарю, прикладывались к его кресту и целовали его в грудь, повторяя то же, наконец подходили к митрополиту и становились в ряд подле него. Все сановники и прочие присутствовавшие подходили по своим степеням и делали то же. Мы освободились поздним утром. Господарь пошел во дворец, а мы к обедне. Мы прочли три Евангелия: наш владыка патриарх в алтаре по-гречески, митрополит по-валашски, а я по-арабски. Когда я окончил чтение, меня охватил лихорадочный озноб, который продолжался до вечера: это случилось от бывшего тогда сильного холода. Вошли в алтарь, я снял стихарь и там заснул. Затем мы пошли к трапезе, причём я чувствовал себя скверно: все веселились, я же был в печали и лихорадке. В этот день было устроено большое торжество; мир сиял, весна в это время вступала в свои права и зелень распускалась. Много раз стреляли из пушек, пили большими полными чашами, была музыка из барабанов, флейт и труб, пение, скоморошьи Потехи и иное. Затем следовали подарки. Мы приехали в свой монастырь в экипаже, окруженном сейманами и драбантами, которые стреляли из ружей, скороходами и певчими. Получив (на водку), они ушли. В течение этой недели литургию совершают рано утром вместе с утреней; по утрам и по вечерам звонят в большие колокола; не бывает пи продажи, ни купли и не открывают лавок кроме мучных и мясных, да еще только продавцы съестных припасов.

Глава VIII. Тырговишт. — Кончина господаря Матвея

Знай, что в этой стране есть обычай в каждый четверг Пасхи совершать за городом литанию, т.-е. большой крестный ход, обходя вокруг города с хоругвями и иконами, при участии священников в облачениях, а также господаря и всего войска. Бывает большое стечение (народа). Это делается в честь великого четверга и отдания его, а также для встречи четверга Вознесения.

В течете последних двух лет валашский господарь Матвей отменял этот крестный ход, ибо, войдя в очень преклонные лета, он совсем не имел силы в нем присутствовать. Но в четверг пасхальной недели он пригласил к себе нашего владыку патриарха, прислав экипаж. Войдя в церковь, мы облачились и надели на нашего владыку патриарха полное облачение. Поставили сосуды для водосвятия и серебряные чаши на подставке. Наш владыка патриарх совершил освящение воды, с которой мы поднялись к господарю и окропили его; затем разоблачились и пошли к трапезе. Патриарх простился с господарем, ибо мы вознамерились отправиться в дальнейший путь. Возвратившись в монастырь, мы начали заготовлять дорожные припасы. Господарь прислал нашему владыке лишь назначенную милостыню, ибо под конец своей жизни он стал большим скрягой, возымел к туркам и татарам чрезвычайную любовь, расточив на них все свое богатство: всякого из них, кто только приходил к нему, он наделял почетным платьем с соболем; возненавидел священников, монахов и игуменов, кои являлись к нему за милостыней, которую он им назначил в начале своего правления, и отпускал их обманутыми в своих ожиданиях.

На этой неделе пришла весть, что московский царь отправил к нему посла с великими дарами. Матвей велел немедленно вернуть его с дороги, говоря: „не хочу видеть лица его“, ибо ненавидел род казаков и московитов до чрезвычайности. При поражении Василия и Тимофея, сына Хмеля, он убил большое число казаков и еще больше взял в плен. Когда к нему приехал ага казначейства и он вышел к нему навстречу, то велел отрубить перед ним головы множеству казаков, говоря, что он ненавидит их и что он друг гаджирийцев[153], и отправил с агой множество пленных в цепях к визирю для работы веслами [154]. Когда визирь спросил их: „кто вы такие?“ и они отвечали: „мы казаки из войска Хмеля и были разбиты в Валахии” то он тотчас подарил всем им почетные халаты из красного сукна и, дав денег, отправил на родину к Хмелю, ибо между ним и казаками была большая дружба и посольства между ними не прекращались. Тогда возникла большая вражда между Хмелем с казаками и Матвеем, господарем валашским, а по возвращении посла московитов вражда еще больше усилилась. По этой причине до сего времени все жители страны валашской были в страхе и трепете пред Хмелем и казаками, и ежедневно приходили вести: „казаки идут! показались! пришли!”. Они не спали по ночам, так что подданные (московского царя) [155], которых он (Матвей) чрезвычайно угнетал и которые бежали из его страны, собрались с его войском и всеми вельможами убить его, говоря: „как? с давних пор до сего времени не приходил к нам ни один посол от нашего царя, и ты его отослал назад”. Но Господь наш устроил иначе, взяв его к себе, ибо на этой неделе он занемог смертельною болезнью, будучи весьма дряхл и впав в слабоумие.

В день нового (Фомина) воскресенья наш владыка патриарх служил обедню для купцов в церкви нашего монастыря. Рано поутру в воскресенье Жен (мироносиц) скончался господарь Валахии Матвей после 23-летнего правления. В начале своего царствования он очень любил делать добро и милостыню: от щедрот и сооружений в стране, ему одному принадлежащих, существует полтораста прекрасных каменных монастырей и церквей; к числу их относится церковь епископии Бузео. Еще прежде чем он испустил последнее дыхание, пришел кир

Игнатий, митрополит города, и собрались все государственные сановники; они держали совет и избрали немедленно одного архонта, по имени Константин Эфенди-копуло, т.-е. из потомков эфендиев, господарей. Он сын Щербаня, который был некогда воеводой в Валахии. Затем они пошли из церкви во дворец, и митрополит, взойдя на возвышенное место, сказал народу: „ваш эфенди скончался; кого желаете, чтобы мы поставили над вами правителем на место него?“. Единогласный крик вельмож, войска и всего народа был: „никого не желаем кроме Константина, сына Щербаня воеводы”. Тогда поднялся радостный шум, ибо его избрание в господари было от Бога и некоторые из государственных сановников видели его во сне стоящим на господарском месте. Он был прежде при господаре Матвее вторым сердарем войска. У Матвея был племянник, сын сестры, которого он сделал великим спафарием, т.-е. сердарем всех войск. Он отличался большою гордостью и надменностью во всю свою жизнь. Когда он ехал из своего дома во дворец, перед ним и за ним, как мы всегда видали, шло более пяти-шестисот человек, и то же было, когда он уезжал (домой). Он был тот самый, который привел войско из валахов и венгров к новому господарю Молдавии Стефану, в первый раз в праздник Пасхи, когда хотел напасть врасплох на Василия воеводу. Его дядя, господарь Матвей, послал его тайно, чтобы никто из вельмож о том не знал, ибо, если бы они узнали, то убили бы их обоих и не позволили бы поднять на них остававшееся недвижным зло. Много раз господарь Матвей выражал желание сделать его на место себя господарем и употреблял всевозможные хитрости, но никто на это не согласился, ни из государственных сановников, ни из народа, по причине его высокомерия. Константин же, сын Щербаня воеводы, был вторым сердарем под его начальством. У здешних вельмож есть обычай, что, когда двое одного ранга бывают вместе, то не снимают своих колпаков, но ежели один выше рангом другого, то этот снимает свой колпак. Константин же обыкновенно всегда стоял перед своим агой, старшим сердарем, не с открытой головой. Однажды тот сделал ему выговор, сказав: „почему ты стоишь передо мною с покрытой головой?”. Он отвечал: „я из потомков господарей, а ты сын мужика, не обнажу головы перед тобой”. Тот рассердился на эти слова, пошел и бросил свое оружие перед дядей, который, узнав обстоятельства дела, уволил этого Константина от должности. Константин уехал в свои дворцы и усадьбы, кои были построены его отцом для себя при жизни своей во многих местах в земле валашской, и там жил до сего времени. Когда заболел господарь Матвей, он приехал, не имея о том известия, по своим делам в город Тырговишт. Произошли рассказанные события и вельможи избрали его.

Что касается упомянутого старшего сердаря, то в неделю праздника (Пасхи) к нему пришло известие, что сын его в опасном положении в одной отдаленной от города деревне. Он отправился навестить его, а в его отсутствии умер его дядя. Вот что случилось.

Глава IX. Тырговишт.-Описание чина поставлена нового господаря

Глашатай возвещал по городу; все подданные собрались и явились во дворец, единодушно изъявляя свое согласие на избрание Константина, который, получив о том известие, испугался и скрылся. Его разыскали и привели, причем он все еще был в страхе. Его повели в церковь. Митрополит надел полное архиерейское облачение. Константина ввели в св. алтарь, возглашая трижды: „повели! повелите! повели, Владыко!". Он преклонил колена, и митрополит прочел над ним молитву, положенную при посвящении иерея, т.-е. „божественная благодать, во всякое время исцеляющая недужных и несовершенных довершающая, возводит нашего брата кир Константина со степени сердаря на высшую степень эфендия; помолимся теперь о нем, дабы благодать Духа Всесвятаго сошла на него". При этом мы воскликнули трижды: „аксиос!" и это пропели как вне алтаря, так и внутри его. Затем, сняв его платье, надели на него царское одеяние: тонкое нижнее парчевое платье, поверх него такой же кафтан с собольим мехом и весьма дорогой соболий колпак с золотым султаном, осыпанным превосходными драгоценными каменьями, приличествующими царям. Затем возвели его на трон господарей и посадили на него, и все подходили целовать его правую руку: сначала митрополит, потом священники и игумены, тут бывшие, после них один за другим государственные сановники, под конец все высшие военные начальники. О удивление! столько тысяч народа признали его единогласно, и ни один из них не сказал: „нет"! Восшествие его на престол произошло утром в воскресенье Мироносиц, которое было 19 апреля. Немедленно господарь прислал рыбы и прочего нашему владыке патриарху, прося его молитв, так как он уже раньше был с нами дружен.

В то время как все богачи и купцы, по причине смерти господаря Матвея, опасались, что войско его будет грабить город, Господь наш рассеял это опасение и все единогласно говорили: „этот мир является только вследствие пребывания среди нас патриарха антиохийского и по причине того, что он теперь отложил свою поездку", ибо мы с понедельника Фоминой недели намеревались уехать, и наша задержка была от Бога, так что мы могли быть свидетелями случившего.

Поутру в понедельник, после воскресенья Мироносиц, новый господарь кир Константин прислал экипаж за нашим владыкой патриархом в сопровождены великого множества пеших ратников с ружьями, которые шли впереди и позади. Мы въехали на дворцовый двор. Улицы и дороги и все открытое пространство внутри дворца были битком набиты толпами народа. Мы вошли в церковь, облачились и облачили нашего владыку патриарха и митрополита, которые стали на свои места. Сошел господарь и стал на своем господарском месте. Наш владыка патриарх благословил его и поздравил с восшествием на престол, тот сделал поклон и поцеловал его правую руку. Господарь Матвей не знал никакого другого языка кроме валашского, этот же знает валашский и греческий языки, турецкий язык красноречия и венгерский. Не было надобности в драгомане между нашим владыкой патриархом и им, так как мы в течение этого времени вполне научились по-гречески при беседах с греками, ибо большинство жителей Валахии и Молдавии и все купцы были греки. Затем все вельможи собрались в церковь, а военные начальники, капитаны, полковники, сотники и прочие чины войска во дворец. Поставили в церкви два аналоя, один перед правым подсвечником, другой перед левым, покрыли их пеленой и на каждый положили драгоценное позолоченное евангелие и золотой крест. Наш владыка патриарх стал перед правым аналоем, а митрополит города подле другого. Тогда начали приносить присягу все вельможи и дворцовые чины. У каждого аналоя стоял *грамматикос* (секретарь), держа в руках исписанную бумагу. Сначала подходили высшие

сановники: они клали руку на святое евангелие и честной крест, причем секретарь читал по бумаге: „вы клянетесь этим святым евангелием и этим честным крестом быть с кир Константином воеводой, сыном Щербаня воеводы, одной души и одного мнения, подчиняясь ему, соглашаясь с ним, действуя прямодушно и въяве и втайне, не скрывая от него какой-либо злой тайны, во все дни жизни его и вашей, не изменять ему и не продавать его“. При каждом слове они говорили: „да”. „Когда вы измените ему или продадите его и не будете с ним прямодушны, то будете отлучены и отвержены от Св. Троицы и от семи святых соборов устами владыки патриарха кир Макария Антиохийского: что постигло стены Иерихона, Содом и Гоморру, Иуду и Ария, то же постигнет вас и ваша доля будет с Анной, Каиафой и распявшими Христа”. Они же при каждом слове говорили: „аминь, аминь”. Потом все целовали правую руку нашего владыки патриарха и шли к господарю, стоявшему на троне, целовали его правую руку и полу одежды и уходили. Тоже сделал и митрополит. Вельможи государства продолжали подходить. Затем последовали служащие при господаре и дворцовые служители, потом придворные певчие, все по своим степеням: они давали присягу от всего сердца, „едиными уст”. После того подходили военные начальники: во главе их старший сердарь, за ним ага, т.-е. ага сейманов, потом капитан, за коим следовали прочие капитаны и сотники войска по своим степеням; каждый капитан подходил со своим отрядом, а каждый сотник со своей сотней. Под конец все они целовали правую руку у нашего владыки патриарха, а у господаря правую руку и полу платья и уходили. Так продолжалось почти до полудня. Только часть войска (да благословить его Бог!) успела подойти, а мы уже чувствовали недовольство и скуку и чуть не умирали от стояния на ногах, пока Бог не послал нам облегчение, ибо присяга остальных была отложена до завтрашнего и последующих дней. С той минуты, как господарь воссел на престол, он тотчас разослал каларашей, т.-е. гонцов, возвестить всему государству о своем восшествии. Твоим взорам, читатель, представились бы тысячи народа, ежедневно приходившего в течение сорока дней (для принесения присяги); все игумены, священники, монахи, даже епископы являлись с дарами поздравить нового господаря. Войско приводилось к присяге в течение долгого времени. Наконец это наскучило. Тогда господарь послал нового сердаря, который с своим войском обошел все области и всех привел к присяге, ибо — да будет благословение Божие над владениями господаря Валахии — их более 400.000 домов.

Глава X. Тырговишт. — Похороны господаря Матвея

Мы вышли из церкви для отпевания скончавшегося господаря Матвея. На дворцовой площадке воздвигли большую палатку и поставили кресло для господаря, около него с левой стороны другое для нашего владыки патриарха и еще одно для митрополита. На этой же левой стороне стали прочие присутствовавшие епископы, а также игумены, священники, дьяконы и монахи, коих число было, может быть, до тысячи. Вельможи образовали большой круг, а остальная часть площадки была занята войском под ружьем и народом. Затем пригласили нашего владыку патриарха и нас с ним, и мы поднялись для совершения молитв над саваном усопшего в сопровождены нового господаря. Мы нашли усопшего положенным на столе на том месте, где он давал пиры при торжествах: лицо его было открыто по их обыкновенно, он был облачен в царское одеяние из тонкой парчи с дорогим соболем, с петлицами и серебряно-вызолоченными пуговицами. На голове его был дорогой соболий колпак. Весь он был покрыт с головы до ног белым атласом на подобии савана с (вытисненным) из золота крестом. Вокруг стояли свечи. Жены вельмож плачут и рыдают над ним. Наш владыка патриарх, окадив его, прочел над ним молитву (возложения) савана и другие молитвы. Мы пошли впереди; его положили на носилки и понесли на двор, где поставили посредине под палаткой. Господарь стал на своем троне. Роздали большие свечи: сначала господарю, потом нашему владыке патриарху, митрополиту, игуменам, священникам, монахам и бедным, затем вельможам и всем присутствующим без исключения, так что все окружающее замелькало от яркого света. Тогда я, архидиакон антиохийский, взяв кадильницу, кадил нашему владыке патриарху, возглашая: „благослови Владыко“, а потом он окадил вокруг носилок усопшего, говоря: „благословенно”... Певчие начали службу пением „помилуй мя Боже“ и Блаженн; за сим следовал пасхальный канон, спетый на одном клиросе по-гречески, на другом по-валашски. Патриарх кадил господарю, митрополиту, священникам, вельможам и прочим предстоящим и вторично усопшему, перекрестил по обыкновению чело и, возвратившись, стал на свое место. В конце первой „Слава“ из Блаженн я произнес: „помилуй мя Боже, по велицей милости Твоей, молим Тя, услыши и помилуй. Еще молимся о упокоении души раба Божия государя христолюбивого, Матфия воеводы, о еже отпустити ему согрешения вольная и невольная”, до конца. Наш владыка патриарх сказал первый возглас. По обыкновению кадил митрополит, потом епископы своими кадильницами, затем настоятели монастырей, и всякий раз, как дьякон говорил: „помилуй мя Боже”, тот, кто кадил, произносил возглас. Так продолжалось до евангелия, которое наш владыка патриарх прочел, подойдя к покойнику, причем все жены вельмож стали на колена. Потом он прочел над ним разрешительную молитву, после чего началось прощание: наш владыка патриарх поцеловал его, затем митрополит, потом господарь, которого плач был смешан с радостью; после того прощались епископы и священники попарно, коим всем роздали обильную милостыню в платках. Затем подходили, плача, сановники и прочие знатные люди попарно. После того понесли усопшего и обошли с ним вокруг церкви, причем священники шли по старшинству попарно, внесли его во второй нарфекс церкви и погребли напротив его супруги домины и сына. Наш владыка патриарх вторично прочел над ним разрешительную молитву, и его положили в гроб, украшенный как прилично царям. Мы освободились лишь незадолго перед закатом солнца, изнемогая от усталости и стояния. Нас повели к трапезе нового господаря, который сел с нашим владыкой патриархом и пировал до вечера, был очень весел с ним и роздал нам почетные платья. Мы с большой пышностью, еще лучше прежней, вернулись в свой монастырь в господаревом экипаже в сопровождены солдат, скороходов и певчих.

Глава XI. Тырговишт. — Описание чина крестного хода но четвергам в Валахии

После того как мы уже решились отправиться в путь, новый господарь просил нашего владыку патриарха сделать милость пробыть у него еще месяц, обещая ему лишнюю милостыню, ибо полюбил его чрезвычайно, во время его присутствия сделавшись господарем. Подарки господаря, в виде разного съестного, не прерывались ни на один день, помимо того, что было назначено нам при жизни умершего господаря.

Утром в первый четверг со времени своего вступления на престол, он приступил к совершенно *литании*, т.-е. крестного хода за городом, по обычаю господарей. За нами он прислал экипаж в сопровождении многих ратников. Мы вошли в церковь, облачились и надели архиерейское облачение на нашего владыку патриарха.

Он вошел в алтарь и окадил вокруг престола, поя „Христос воскресе". Начали пасхальный чин, и певчие продолжали его вне алтаря по обыкновенно, после того как наш владыка патриарх окадил господаря и предстоящих. Затем следовало „Воскресения день" до большой ектении, которую я сказал, поминая имя нового господаря. Потом начали канон приятным напевом по нотам. Мы вышло из церкви, причем войско стояло в полном параде. Господарь и наш владыка патриарх шли вместе, а впереди их все священники городские попарно в облачениях и с крестами. Большой колокол гудел с вечера и до сих пор, как знак для сбора священников и народа к этому событию. Церковные хоругви с крестами двигались впереди всех попарно, и шелковые знамена, также с крестами, были бесчисленны. Солдаты тысячами и сотнями тысяч в полном вооружении, скороходы и государственные сановники шествовали впереди господаря и нашего владыки патриарха, а я, держа в руке трикирий, шёл подле них. Мы вышли из дворца, направляясь к текущим чрез город рекам, и прошли по деревянному очень длинному мосту[156]. Мы шли медленным шагом. Певчие пели по-гречески и по-валашски канон и другие песнопения по нотам. Мы пришли к обширному зеленому лугу: на этой неделе снег на нем растаял и показалась трава. Для господаря был поставлен трон, на который он и стал, а для нашего владыки патриарха другой, посредине же род большого покрытого аналоя, на который поставили чаши, серебряный таз и кувшин с водой. Я кадил нашему владык патриарху, произнося: „благослови Владыко!" а он окадил вокруг воды, говоря: „благословенно..." затем кадил господарю и прочим предстоящим, ибо вельможи образовали большой круг, а знамена и хоругви размещались в ряд позади них, священники же стояли перед ним кругом. Певчие начали канон малого водосвятия. Наш владыка патриарх прочел евангелие, а я сказал ектению. Потому для нашего владыки патриарха постлали ковер перед водой, а другой ковер перед троном господаря. Наш владыка стал на колена, и весь народ склонился к земле и прежде всех господарь. Наш владыка патриарх прочел молитву о дожде по их обычаю, а потом молитву на освящение воды. При словах: „спаси, Господи, наших благоверных царей", он говорил: „спаси, Боже, раба Твоего, христолюбивого государя Иоано Константина воеводу." Затем все встали. Владыка трижды погрузил крест в воду при пении певчими „во Иордане" и кропил на все четыре стороны. Когда он окропил господаря и дал ему поцеловать крест, солдаты выпалили из ружей. Потом он окропил присутствующих священников, вельмож и приближенных лиц. Мы возвращались при пении певчих и ружейных выстрелах, пока не вступили во дворец, где сняли свои облачения. Господарь повел нашего владыку патриарха к трапезе. В этот день пролился обильный дождь. Господарь в этот день, во время хода туда и обратно, роздал множество монет *банат* (бани) войску, бедным и тем, кто подносил ему подарки, ибо со времени выхода нашего из дворца до возвращения в него сначала являлись женщины и расстилали перед господарем

куски полотна, на которые они сыпали пшеницу, ячмень и другие зерновые хлеба, по их обычаю, так как это было начало нового года и (вступлении) нового господаря. Камараш, т.-е. казначей, бывший подле господаря, бросал на полотно монеты бани, которые женщины собирали и уходили. Другие подносили ему в дар прежние колосья пшеницы, иные — яблоки, иные — груши, иные — белые цветы и зеленые древесныя ветви, иные — лимоны и померанцы, иные — яйца, иные — кур, гусей и уток, иные — рыбу, иные — маленьких ягнят, иные — козлят, иные закалывали перед ним барана и всем им камараш раздавал монеты горстями. Вечером господарь оделил священников и нас почетными платьями, кусками атласа и камки, а государственных сановников шелковой материей, бархатом и парчей, и мы возвратились с большим почетом в карете в свой монастырь.

Глава XII. Тырговишт. — Соляный копи. Рудники. Посольство в Стамбул. Праздник Вознесения

Знай, что в странах валахов и молдаван есть рудники соли, которую выламывают в виде больших камней в горах и пещерах под землею. Она похожа на черный алеппский камень, но, будучи обращена в порошок, становится подобна снегу. Женщины продают её на рынках всегда в порошке. Выламывать ее очень трудно. Всякого, на кого прогневаются эти господари, ссылают выламывать соль: это вещь общеизвестная. В этой стране валахов есть превосходный рудник меди, которую добывают из очень глубоких колодцев под землею в виде черных камней, и из них вырабатывают очень хорошую медь. Здесь есть также много золотых и серебряных рудников, но их скрывают из боязни турок и увеличения податей. Но домина, супруга господаря, имеет обыкновение ежегодно брать с некоторых лиц по тысяче червонцев арендной платы за то, что они добывают золото из рек Тырговишта: это вещь хорошо известная.

Митрополит города был в отсутствии, потому что господарь отправил его послом к силистрийскому паше Сиявушу, который раньше был визирем, умертвил султаншу — валидэ, Бекташ-агу и иных, и потому его сместили и дали ему силистрийский пашалык, составляющий очень большую область. Он имеет надзор над господарями Молдавии и Валахии и ни одна просьба не отправляется в Константинополь, как только чрез него и с его согласия. Господарь послал в Константинополь нескольких из своих сановников привезти ему трон и знамя по обычаю господарей. Они отправились, взяв с собою просьбу, подписанную, во-первых, рукою митрополита, затем епископами и всеми настоятелями монастырей с приложением печатей, а также вельможами и прочими подданными: „мы согласились признать Константина, сына Щербаня воеводы, и поставили его господарем над собой.” Когда они приехали в Стамбул, его величество султан (да хранит его Бог!) дал свое согласие, равно визирь Дервиш Мохаммед паша и сановники. Тогда постарались удовлетворить их за наследство умершего господаря Матвея, а также за восшествие на престол нового господаря и за новую казну тысячью пятьюстами кошельков, или 750.000 пиастров, и те дали им трон и знамя, отправив с ними капиджи для сбора этих денег. Радостную весть об этом прислали господарю и тогда тотчас стали палить из пушек и устроили большое торжество. Господарю нужно было уплатить паше силистрийскому и его приближенным, а также хану татарскому и его приближенным, еще 250.000, (а всего) полный миллион, т.-е. 10 раз сто тысяч[157]. Он роздал войску в подарок тройное жалованье и простил всем подданным недоимки и подати за шесть месяцев. Но богатства, оставленные умершим господарем, были очень велики, помимо каменных оштукатуренных домов, полных (всяким добром) до потолков. Однако и расходы в Валахии весьма велики, как говорил при жизни умерий господарь нашему владыке патриарху. „Нам нужно, сказал он, в год количество равное казне, получаемой из Египта, а именно 600.000 золотых: туркам, татарам, на содержание войска, на подарки, благотворительный дела и пр.“

В воскресенье Самаряныни, с коим совпал праздник св. Георгия, после того как господарь, по их обыкновенно, совершил крестный ход к церкви св. Георгия, находящейся вне города, пришло известие, что приехал митрополит города и с ним великий ага от паши силистрийского. Это обстоятельство заставило господаря выехать им навстречу с очень большой свитой.

В воскресенье Слепого наш владыка патриарх поехал в карете к господарю, чтобы с ним попрощаться, но тот не дал ему разрешения отправиться в путь. Тогда мы вместе с ним сошли и его церковь к литургии. По окончании службы он поручил нашему владыке прочитать над всеми вельможами, бывшим на лицо народом и отсутствующими жителями валашской страны разрешительные молитвы, что он и исполнил. Затем нас опять повели к трапезе. Вечером мы

возвратились в свой монастырь.

В ночь на вторник 25 апреля скончался Богом помилованный священник Сулейман (Соломон), сын Аз-Захра, наш спутник, дамаскинец, от той же болезни, какою мы страдали в Молдавии, именно от переменного озноба и жара, который постигал нас два или три раза в день, в особенности во время холодов н морозов [и по ночам]. Мы были не в состоянии исцелиться, ибо не было и ни доктора, ни лекаря, ни (целебных) напитков, ни помощника кроме Бога, а в особенности потому, что вся вода в этом городе была скверная и вредная. Мы совсем перестали есть, но выпивали глоток воды по утрам в те горькие дни, по той причине, что у нас горели внутренности. Мы готовы были душу отдать за один гранат, пока не нашли привозных из Румелии, по ¼ реала за пару. Мы покупали око миндалю за 1 ½, пиастра, а око сахара за 2 реала. Вследствие этого мы терпели тяжкие страдания. Когда скончался помилованный Богом (наш спутник), во мне, пишущем эти строки, возобновились боли, страх и трепет. Мы похоронили его в (своем) монастыре: были устроены прекрасные похороны, лучше чем у валахов, с обильной раздачей денег.

Накануне четверга Вознесения митрополит города прислал приглашение нашему владыке патриарху рано утром отслужить обедню в его церкви, что во имя Вознесения, как мы об этом упомянули выше. Поутру он прислал ему свой экипаж, в котором мы и отправились. Все мы облачились. Когда прибыл господарь, наш владыка патриарх вышел к нему навстречу за врата церковный и окропил его святой водой. Приехала также домина. После обедни ми вышли к трапезе, за которую сел господарь и подле него наш владыка патриарх, а все вельможи сидели в летней столовой, выходящей в сад. Домина и бывшие с нею жены вельмож поместились во внутренней столовой, а солдаты и народ в саду сидели рядами под ореховыми деревьями и им подавали вино в бочёнках. Увеселители, барабанщики, флейтисты, трубачи, тамбуринисты, арфисты и певцы турецкие, вместе с шутами, сидели под навесами столовой в саду, чтобы их мог видеть господарь. Это был великий день, какие можно сосчитать в жизни. К вечеру встали из-за стола и пошли в церковь, где отстояли вечерню. Затем наш владыка патриарх шествовал впереди господаря, пока не благословил при выходе его и вельмож, а также домину и жен вельмож, которые заняли шесть карет. Мы простились с митрополитом и в (том же) экипаже возвратились в свой монастырь. Господарь опять не дал нашему владыке патриарху дозволения уехать в этот день.

На другой день четверга Вознесенья была трапеза для епископов и настоятелей монастырей Валахии.

Что касается прежнего спафария, т. е. сердаря войск, то по возвращении его из своих поместий господарь оказал ему большой почет и возобновил ему жалованье, одарив его почетным платьем. Впоследствии, узнавши, что он говорит неприличные слова по своей обычной гордости, высокомерно и тщеславно, господарь его призвал и отставил от начальствования, назначив другого на его место новым спафарием. Потом он намеревался его казнить, но за него ходатайствовали, и господарь велел разрезать ему нос и тем уничтожил его хвастовство. „Какою мерою мерите, такою и вам будут мерить и прибавят”, как сказано в св. евангелии, ибо дядя его, господарь Матвей, некогда велел разрезать нос этому Константину в его детстве, так как он был сын господаря. В этих странах обыкновенно тот, у кого разрезан нос, остается отверженным и не может сделаться господарем. Но у Константина с течением времени разрез носа сросся и стал неприметным. Точно также новый господарь Молдавии Стефан, взяв в плен сына господаря Василия и мать его, немедленно разрезал ему нос, чтобы он не мог сделаться господарем. Но кто знает?

В этом городе Тырговиште есть хорошая турецкая баня с куполами, на берегу реки, на которой устроено подъемное колесо, поднимающее воду в баню. В ней два отделения: одно для

мужчин, где сеть купальня, другое для женщин. Средняя комната служит для раздевания мужчин и женщин; отсюда уходят мужчины в свое отделение, женщины в свое, так как двери смежны. Топят бани от Константинополя до сих мест дровами, а не пометом. Баня пожертвована в собственность монастыря св. Николая.

Глава XIII. Тырговишт. — Отъезд. Монастырь в Филипешти

Возвращаемся (к рассказу). В воскресенье Пятидесятницы господарь был занять, а потому мы слушали обедню в своем монастырь. По окончании её, без перерыва, также (как у нас) совершили службу с коленопреклонением, при чём наш владыка патриарх прочел молитвы по обыкновению по-арабски и по-гречески.

В пятницу после Пятидесятницы наш владыка патриарх отправился попрощаться с господарем. Оставшись наедине с ним и с доминой, он дал им разрешительные грамоты, после того как мы надели на него епитрахиль и омофор: оба они простерлись на землю и он прочел над ними эти грамоты. Господарь прислал ему милостыню, ранее обещанную. В это время мы уже приготовили, занимаясь этим с Пасхи до сих пор, все необходимое для дороги, как приличествует в этих странах путешествующим патриархам и даже епископом. Мы истратили около 600 пиастров на приобретение 21 лошади и 5 экипажей, по 4 лошади для каждого, с их принадлежностями, упряжью, сёдлами и всем необходимым для экипажей. Карета нашего владыки патриарха стоила 70 пиастров, считая стоимость её железных принадлежностей, покрытие кожей, суконные покрывала и пр. Теперь у нас было 15 служителей, из коих большая часть были пленные казаки и московиты, которые бежали и были захвачены господарем Матвеем при их поражении, но освобождены нашим владыкой патриархом.

В воскресенье Всех Святых мы простились с церковью нашего монастыря, а в понедельник, начало Петрова поста, поутру мы смотрели, как его светлость господарь отправился с большим поездом в летнюю резиденцию господарей, город Бухарешт, со всеми своими вельможами и их женами, для встречи там знамени и трона, которые везли от султана. В половине этого дня, 22 числа месяца мая, мы выехали из Тырговишта, после того как простились с церковью и владыка патриарх прочел всем монахам и купцам разрешительные молитвы. Нас провожали за город. Нашими спутниками были семь настоятелей монастырей страны валашской, которые направлялись в московское государство. Мы прибыли к горе и лесу, труднопроходимым по причине обилия дождей и потоков, которые были так сильны в эти дни, что вода в реках чрезвычайно поднялась.

Во вторник утром мы приехали в монастырь св. Николая, известный под именем монастыря постельника кир Константина, который был нашим приятелем. Говорят, что он потомок Кантакузенов, царей греческих, любит творить добрые дела и милостыню, любит наш народ и наш арабский язык: он находил большое удовольствие в нашем чтении. Господарь кир Константин ему родственник. Когда он сделался новым господарем, этот постельник, его родственник, получил для своего единственного сына должность камараша, т. е. великого казначея, и, отказавшись от своей должности, жил у себя дома в удалении от дел. Это было действием его обширного ума, ибо постельник есть только служащий, который должен стоять (при господаре), но он сделался средоточением власти и управлял всеми делами господарства: все вельможи являлись к нему на дом просить совета и каждое утро он водил их к господарю. Ничто не делалось без его совета. Он очень любил творить добрые дела и был самым близким нашим другом. Он вновь выстроил этот монастырь, архитектура которого приводит в изумление зрителя. Церковь его, с двумя высокими куполами, крытыми жестью, имеет три алтаря, каждый с красивым куполом. Перед вратами её есть круглый обширный купол со многими арками, под коими посредине находится бассейн воды с высоким фонтаном. Вода проведена издалека постельником, который один в этой стране придумал устраивать водоемы, т. е. бассейны. Но окружности этого купола изображено ἐπὶ Σοὶ χαίρει Κεχαριτομένη πᾶσα (о Тебе радуется, Благодатная, всякая....) в разнообразных видах, а также „Хвалите Господа с небес“ со всеми

породами животных и зверей вселенной, морских и земных, „хвалите Бога во святых Его“: девы пляшут, судьи, старцы, юноши, тимпаны, флейты и пр.-предметы изумительные для ума, работы искусного мастера, того самого, который расписывал монастыри Василия, воеводы молдавского. Вся работа на стенах с золотом. Смотря на его работу на досках, удивляешься яркости живописи, но на стенах она ещё лучше. На верху того же купола изображен Господь наш Христос, окруженный девятью чинами ангельскими. На вратах церкви с одной стороны есть изображение Господа Христа, а с другой — св. Девы, (наведенное) чистым золотом. Входят в церковь по высокой лестнице. Дверь вся позолочена. Вся внутренность церкви и даже верхи куполов и потолки расписаны вновь. Есть полное изображение всех семи соборов, изображение Господа Христа, ведущего верховое животное с человеком, который впал в руки разбойников: как Он привез его в гостиницу, разговаривает с хозяином её в присутствии раненого и как Он возливает масло и вино. Что касается иконостаса, тябл и икон, то они не имеют подобных, кроме как в монастырях Василия. Колокольня поражает ум разнообразием наружных орнаментов из извести: подумаешь, что они сделаны не из иного чего, как из цветного и белого мрамора и мозаики разных видов п цветов. Она (отчасти) круглой постройки, отчасти восьмиугольная, и наверху её восемь арок, где висят колокола.

В монастырь есть другая красивая новая церковь, а в ряду галерей, при келиях монастыря, есть еще третья. Трапеза помещается близ церкви, в верхнем этаже и возвышается над монастырем и лесом. Она длинная, обширная, со многими окнами стеклянными и вся кругом расписана подходящими изображениями. В конце её на всей стене изображен страшный суд; на трёх других стенах круг неба и земли: Творец — да возвеличится имя Его!-в момент творения, Адам, Ева, выходящая из бока его во время сна; все животные, хищные звери, птицы, деревья, плоды п произрастения земные и всё прочее; как Ева берет плод и дает Адаму, как они покрывают себя листьями смоковницы, как изгоняются на землю, и херувим стоить с пламенным мечом; как ангел учит Адама копать землю железной лопатой и пр. На других стенах нарисовано изображение блудного сына, во-первых, когда он, взяв свою долю имущества от отца, отправился путешествовать, во-вторых, когда он охвачен страстью к блудницам, в третьих, когда он пасёт свиней и пьет воду из дождевой лужи, в четвертых, когда он приходит к отцу в своей жалкой одежде: как отец радостно его принимает и надевает на него царскую одежду и перстень па правую руку, как закалывает откормленного теленка, а его старший брат стоит за дверьми и спрашивает о нем. Нарисовано также изображение трапезы богатого и Лазаря: тот ест и пьет в удовольствии и весельи, а Лазарь лежит и собаки лижут его раны; а также: богач в геене огненной, держа палец во рту, обращается к Аврааму, а Лазарь на лоне Авраама в раю. Есть и другие изображения пиров.

Монастырь построен среди гор и лесов, и в прудах, его окружающих, ловится много рыбы. Мы пробыли в нём час. Приехали в селение, принадлежащее упомянутому постельнику, по имени *Филиешти* (Филипешти), весьма цветущее. В нем много речек и садов. Мы вошли в церковь в честь Успения Богородицы, которую построил вновь тот же постельник. Она имеет нарфекс с наружными галереями и все стены её расписаны изображениями работы того же мастера: все мучения св. Георгия, семь братьев спящих в пещере, медный бык, в котором несколько мучеников, и палачи разводят под ними огонь; изображен св. Игнатий, брошенный львам, и другие мученики, которым надевают железные раскалённые сапоги железными крючками, и прочее, о чем долго рассказывать.

Выйдя из церкви, мы остановились во дворце постельника, который состоит из княжеских построек, поражающих ум изумлением и лучше городских зданий. Есть там красивая баня из превосходного мрамора: вода доставляется туда колесами, устроенными на реке; она же орошает фруктовые сады и великолепные цветники и вертит многочисленные мельницы. Есть

там дома совершенно одинаковые со стамбульскими постройками, ибо все вельможи Валахии имеют поместья с превосходными зданиями. У каждого из них непременно есть дом и большой монастырь со многими угодьями, и каждый старается превзойти другого красотою архитектуры своих сооружений. Этим они очень гордятся. Когда кто из них бывает отставлен от должности, то поселяется в своем дворце и поместье на всю жизнь, имея монастырь вблизи себя.

Мы выехали отсюда в среду и в полдень прибыли в большой базар, по имени Плоешти, а вечером в Бузео, местопребывание епископа, в пятницу вечером в Рымник.

Глава XIV. Проезд чрез Молдавию. — Прут

Накануне второго воскресенья по Пятидесятнице мы прибыли в Фокшаны и переехали на сторону Молдавии. В то же воскресенье перед закатом солнца мы переехали реку Серет на судах и ночевали близ неё в большой деревне. В понедельник в полдень прибыли в Текуч и, выехав отсюда, вечером остановились на ночлег в деревне, населенной греками, коих Василий в свое время привел из Румелии. Когда постигли их случившиеся события, враги их молдаване ограбили их и уничтожили. Во вторник в полдень мы приехали в Бырлад, а в среду в полдень в Васлуй. Мы проводили ночь в поле ради пастьбы животных, ибо летом во всех этих странах (да благословен будет Создатель!) все зеленеет от случающихся обильных дождей. Поутру в четверг мы прибыли в Скинтей, проехали чрез труднопроходимую гору и лес и вечером остановились на ночлег близ хелештеу монастыря Бырновского, т. е. великого пруда близ Ясс. В пятницу утром мы въехали в Яссы и остановились опять в монастыре св. Саввы. В третье воскресенье по Пятидесятнице после обедни господарь пригласил нашего владыку патриарха и мы поехали в его экипаже к трапезе, захватив с собою ещё третий подарок для него и для домины, его супруги. Они попрощались друг с другом. Господарь назначил нам 11 человек каларашей, которые должны были проводить нас по опасным дорогам до границы.

Во вторник утром 6 дня мы выехали из города, имея впереди себя упомянутых ратников, и чрез два часа переехали широкую реку *Зиза* (Жижа) по длинному деревянному мосту. Проехав еще два часа, мы переплыли на судах большую реку Прут. Она очень глубока и имеет высокие берега. Здесь с обеих сторон реки расположена деревня, жители которой занимаются перевозом через реку; имя её *Титзура* (Цецора). Тут мы простились с провожавшими нас каларашами и перед нами поехали другие. Мы ехали до вечера по длинной и широкой степи, необитаемой и безводной, и ночевали подле колодца. На другой день, встав на заре, прибыли на вершину высокой горы и в большой лес, откуда мы видели город Яссы. Мы остановились в селении по имени *Миджашт*. Отсюда впереди нас поехали опять другие калараши. Вечером мы прибыли в селеше близ леса, по имени *Браиджа*, составляющее жалованное поместье[158]. Переночевав здесь, выехали рано поутру и проезжали мимо огромного озера, называемого *халистау* (хелештеу), длинного и широкого. Мы ехали его берегом около 4 часов и в полдень прибыли в город, известный базар на конце озера, по имени *Орхай* (Оргеев). Здесь епископская кафедра, как мы о том упоминали. Мы проехали на тот конец города по деревянному шлюзу озера и по дорогам, сделанным из связок хвороста, под коими текут протоки воды вертящихся мельниц. Это места и работы изумительные для ума; они принадлежат к числу шлюзов, которые устроил в свое время господарь Василий на десяти озерах в молдавской стране. Добываемая ежегодно из этого озера рыба продается на сумму в 3000 золотых. Тут есть также монастырь, построенный Василием. Мы тронулись отсюда в пятницу утром и в полдень прибыли в село, по имени *Трифешти*. Мы проезжали по этой стране с большим страхом, трепетом и поспешностью, ибо (жители) постоянно твердили: „пришли казаки грабить нас!“ и были в непрестанном страхе. Отсюда мы прибыли в селение *Сарко* (Сороки), где переночевали. Всех жителей этой страны от Молдавии до сего места забрали в плен татары и пожгли их жилища, появившись неожиданно во дни Василия, как мы о том упомянули, ибо граница их страны (Бог да разрушит ее!) отсюда недалеко.

Выпуск 2. От Днестра до Москвы

Книга IV. Украина и Киев

Глава I. Украина. — Переправа через Днестр. — Рашков. — Набожность жителей. Церковное пение. — Грамотность — Дети-сироты. — Протяжение казацкой земли.

На другой день поутру, в субботу 10 июня (1654 г.), мы подъехали к берегу великой реки *Ниструса* (Днестра), которая составляет крайний предел страны молдавской и начало границы земли казаков. Мы переправились через реку на судах. Наш владыка патриарх был одет в мантию и держал в правой руке крест, ибо, по существующему в земле казаков и московской обычаю, благословлять можно не иначе, как только с крестом. В левой руке он держал серебряный посох. Накануне этого дня, по принятому обычаю, наш владыка патриарх известил письмом о своем прибытии. Высадившись на берег, мы подняли деревянный позолоченный крест, заказанный нами в Молдавии, на высоком красном шесте; его нес один из священников, по принятому в земле казаков обычаю; здесь только пред патриархом носят крест на шесте. Навстречу ему вышли тысячи народа, в несметном множестве (Бог да благословит и умножит их!). То были жители города, по имени Рашков. Это очень большой город, построенный на берегу упомянутой реки; в нем есть крепость и деревянный замок с пушками. В числе встречавших были: во-первых, семь священников в фелонях с крестами, ибо в городе семь церквей, затем дьяконы со многими хоругвями и свечами, потом сотник, то есть начальник крепости и города, сердар (войсковой начальник), войско и певчие, которые, как бы из одних уст, пели стихиры приятным напевом. Все пали ниц пред патриархом и стояли на коленях до тех пор, пока не ввели его в церковь. В городе никого не оставалось, даже малых детей: все выходили ему навстречу. Нас поместили в доме одного архонта (знатного человека).

Накануне четвертого воскресенья по Пятидесятнице мы отстояли у них вечерню, также утреню поутру, а затем обедню, затянувшуюся до полудня. Тут-то впервые мы вступили в топи и борения, и настало для нас время пота и труда, ибо во всех казацких церквах до земли московитов вовсе нет стасидиев (сидений), даже для архиереев. Представь себе, читатель: они стоят от начала службы до конца неподвижно, как камни, беспрестанно кладут земные поклоны и все вместе, как бы из одних уст, поют молитвы; и всего удивительнее, что во всем этом принимают участие и маленькие дети. Усердие их в вере приводило нас в изумление. О, Боже, Боже! как долго тянутся у них молитвы, пение и литургия! Но ничто так не удивляло нас, как красота маленьких мальчиков и их пение, исполняемое от всего сердца, в гармонии со старшими.

Начиная с этого города и по всей земле русских, то есть казаков, мы заметили возбудившую наше удивление прекрасную черту: все они, за исключением немногих, даже большинство их жен и дочерей, умеют читать и знают порядок церковных служб и церковные напевы; кроме того, священники обучают сирот и не оставляют их шататься по улицам невеждами.

Как мы приметили, в этой стране, то есть у казаков, есть бесчисленное множество вдов и сирот, ибо со времени появления гетмана Хмеля и до настоящей поры не прекращались страшные войны. В течение всего года, по вечерам, начиная с заката солнца, эти сироты ходят по всем домам просить милостыню, поя хором гимны Пресвятой Деве приятным, восхищающим душу напевом; их громкое пение слышно на большом расстоянии. Окончив пение, они получают из того дома (где пели) милостыню деньгами, хлебом, кушаньем или иным подобным, годным для поддержания их существования, пока они не кончат ученья. Вот причина, почему большинство из них грамотно. Число грамотных особенно увеличилось со времени появления Хмеля (дай Бог ему долго жить!), который освободил эти страны и избавил эти миллионы

бесчисленных православных от ига врагов веры, проклятых ляхов.

А почему я называю их проклятыми? Потому, что они выказали себя гнуснее и злее, чем лживые идолопоклонники, мучая своих христиан, думая этим уничтожить самое имя православных. Да увековечит Бог царство турок во веки веков! ибо они берут харач[159] и не входят ни в какие счеты по делам веры, будет ли она христианская или нусерийская[160], еврейская или самарянская. Но эти проклятые не довольствовались харачем и десятиной с братьев Христа, которых они держали в рабстве, а отдавали их во власть врагов Христа, жестоких евреев, как мы впоследствии об этом расскажем по достоверным данным. Оно не только препятствовали им строить храмы и удаляли священников, знающих тайны веры, но даже совершали насилия над их благочестивыми и непорочными женами и дочерьми. Бог, видя их надменность, коварство и жестокость к их братьям христианам, послал на них своего верного служителя и раба Хмеля, который отмстил им, нанес решительный удар их кичливой гордости, и их несчастием порадовал врагов их, подверг их унижению и презрению, как мы впоследствии расскажем обо всем, их касающемся.

Возвращаемся (к рассказу). По их исчислению, нам предстояло проехать от этого Рашкова, границы государства казаков, до *Бутиблия* (Путивля), начала пределов московских, около 80 больших казацких миль[161]. В этих странах длина дорог измеряется милями, а миля у них тянется на расстояние более трех часов быстрой езды верхом или в экипаже со скоростью, большей скорости гонца. Так мы всегда и ездили, по принятому у них обычаю. Польская, или казацкая, миля равняется пяти малым[162] милям нашей страны. Эти 80 миль составляют протяжение земли казаков от юга к северу, как мы это впоследствии объясним.

Глава II. Украина. — Дмитрашевка. — Торжественная встреча патриарха. — Причина подчинения Малороссии царю.

Мы выехали из Рашкова в упомянутое воскресенье после полудня с десятью казаками, назначенными нас проводить. Сделав около двух больших миль, к вечеру прибыли в другой город, по имени *Димитрашкобо* (Дмитрашевка). Мы спустились по склону в большую долину, где встретила нас немалая толпа людей из города, которые помогли нашим экипажам подняться на гору, на коей расположен город. Тысячи тысяч его жителей (да благословит и умножит их Бог!) вышли нам навстречу; тут были: во-первых, семь священников семи церквей города с хоругвями и свечами, затем старейшины города и войско. Когда процессия к нам подошла, наш владыка патриарх, из благоговения к крестам и иконам, вышел из экипажа. По обыкновению, мы надели на него мантию и собрались все вокруг него, поддерживая его полы[163]. После того как он, приложившись к иконам и крестам, преподал всем благословение, они пошли впереди него, при звучном хоровом пении, которое — а всего более пение мальчиков — колебало гору и долину. Когда мы поднялись в гору и, войдя в ворота городской стены, пошли по улицам города, то увидали многие тысячи мужчин, женщин и детей в таком несчетном количестве, что пришли в изумление от их множества (Бог да благословит и умножит их!) В то время как наш владыка патриарх проходил мимо них, все падали ниц пред ним на землю и оставались в таком положении, пока он не прошел, и тогда только поднимались. Умы наши поражались изумлением при виде огромного множества детей всех возрастов, которые сыпались, как песок. Мы заметили в этом благословенном народе набожность, богобоязненность и благочестие, приводящие ум в изумление. Так мы дошли до церкви св. Димитрия, в которую нас ввели. Протоиерей вошел в алтарь и возгласил: «помилуй нас Боже» и пр., поминая имя христолюбивого царя Алексия, царицы Марии и детей их; потом имя патриарха антиохийского и своего митрополита Сильвестра. При каждом возгласе все в церкви присутствовавшие пели хором трижды: «Господи помилуй!» Протоиерей окончил молебствие. Нашему владыке патриарху поднесли святую воду, и он окропил ею церковь и предстоящих, а потом брызнул и на всех остальных. С пением и свечами они пошли впереди нас и проводили до дома протоиерея, где нас поместили. Вечером дети-сироты, по обыкновению, ходили по домам, воспевая гимны; восхищающий и радующий душу напев и приятные голоса их приводили нас в изумление.

Что касается упоминания в молитвах во всех этих русских, то есть казацких, землях московского царя Алексия, то причина этому та, что в нынешнем году казаки, в согласии с гетманом Хмелем, присягнули царю и подчинили ему свою землю.

До сего времени хан и татары были в союзе с гетманом Хмелем и действовали с ним заодно в войне против ляхов. Во время праздников прошлого Богоявления у ляхов было в сборе до 200.000 войска, а у гетмана Хмеля было более 300.000, да хан имел более 120.000. Союзники напали на ляхов и с Божией помощью одержали победу. Устроив вокруг них *язак* [164] , то есть окружив их со всех сторон и замкнув в средине, они отрезали подвоз к ним съестных припасов. Говорят, что только от голода умерло их около сорока тысяч. Затем казаки и татары со всех сторон ринулись на них, смяли их полчище и действовали мечом до тех пор, пока не устали и не надоело им. Огромная добыча досталась обоим союзникам, а татары сверх того захватили бесчисленное множество в плен живьем. Никто из ляхов не спасся, кроме тех, кому суждено было долго жить, и эти вместе со своим кралем, то есть государем, бежали в свою столицу, называемую Краков, построенную из камня и окруженную семью стенами, где и укрепились. Хмель с ханом преследовал и осадил их. Рассказывают, что король и польские вельможи, видя,

что положение их безнадежно и что они, восемь лет воюя с Хмелем, не имеют сил и средств его одолеть, решились послать к хану и обещали ему и татарам 200 тысяч динаров (червонцев), только бы он оставил Хмеля и, вместо того чтобы быть с ним заодно, стал против него. Хан, получив такое предложение, согласился, и татары, отделившись от Хмеля, ушли в свою землю, уведя с собою в плен из земли казаков до 10,000 человек[165]. Когда Хмель удостоверился в случившемся, то пришел в сильное негодование и, не видя другого прибежища, кроме московского царя, послал к нему некоторых из своих вельмож, прося и умоляя его, из любви к православной вере, принять его (в свое подданство) и не дать врагам издеваться над ним. С самого начала своей деятельности гетман обнаруживал храбрость и ум, имел чин сотника, то есть юзбаши, и по наследству от предков пользовался для своего пропитания доходами одного города. Прежний польский король питал к нему сильную любовь и, кроме собственного его имени *Зенобиос* (Зиновий), назвал его еще *Ихмилем* (Хмелем), что на их языке значит «ловкий».

Глава III. Украина. — История войны казаков с ляхами.

Вся эта страна, называемая Малою Россией, с давних пор и по настоящее время управлялась своими государями. По свидетельству истории, жители ее в правление греческого императора Василия Македонянина были обращены чрез него в христианство. Государем их в то время был Владимир, а столицей город *Киюф* (Киев)[166], и они составляли независимое государство. Но так как ни одному народу невозможно вечно сохранять свою независимость, всеславный Творец отдавал один народ во власть другому для его искоренения, как это происходит с древних времен и по настоящее время. Рассказывают, что этот народ, то есть ляхи, вышел из земель франкских и завоевал все эти страны; доказательство этому ясное: лях по-латыни значит «лев» [а имя страны ляхов на латинском языке Полония]. По этой причине печать их короля, а равно печати их и страны[167] носят изображение льва и, кроме того, орла. Оттого же они чеканят монету *груш* (грош)[168] собачий с изображением льва в соответствие своему имени, а свои *залтаты* (злоты)[169] с изображением двукрылого орла. Они хвастают этим, говоря: «мы сыны Александра (Македонского) и его потомков», и еще по настоящее время украшают себя и своих коней крыльями больших птиц. Все это происходит от их заносчивости, кичливости и гордости, ибо нет на всей земле народа, равного им по гордости, надменности и высокомерию, как впоследствии это разъяснится из того, что мы расскажем из их истории, если Богу будет угодно.

Завоевав эти страны, ляхи, по непомерной своей гордости, не захотели поставить им царя, который бы властвовал над ними, но каждый из них, завоевав и покорив какую-либо землю, становился ее правителем, и так шло от отцов и дедов до сего времени. Над собою они поставили чужестранца и назвали его кралем, то есть большим беем, назначив ему земли для прокормления. Положение его таково, что он не может вершить никаких дел, ни важных, ни малых, кроме как по их совету и приказу. Когда захотят, смещают его и ставят другого по своей воле, но не из своего народа, а чужестранца, дабы он не мог утвердить у них свой род. Такое положение продолжается с того времени доселе.

Потом ляхи овладели множеством городов, увеличив ими свое государство, ибо все окраины его отвоеваны ими от чужих государств. Произошло это потому, что вследствие своего чрезвычайного высокомерия и своей храбрости они победили всех окрестных правителей, навели на них страх и при их помощи завладели частью земель германского государя — он же государь *Немса* (Австрии), именуемый кесарем, — с большим числом городов и крепостей, овладели, как говорят, пятнадцатью городами государства шведского, что близ государств французского и немецкого, частью земли венгерской и вторглись во владения молдавские. Тридцать лет тому назад они завоевали большой город во владениях московского царя, по имени Смоленск, коего область славится своею неприступностью, и покорили его не мечом, а хитростью. Дело произошло так: дед царя (Алексея), которого Иерусалимский патриарх Феофан в недавнее время рукоположил патриархом над Москвой и который назывался Феодором и был переименован Филаретом, раньше этого поехал к ляхам послом для заключения дружбы от своего сына, царя Михаила; но как ляхи всегда были вероломны и клятва для них ничего не значит, то они держали его у себя заложником до тех пор, пока (обе стороны) не согласились между собою на том, чтобы город этот отдать им, ляхам, и таким средством его избавили от их рук. Словом сказать, они были врагами всем окрестным государям, из коих ни один никогда не нападал на них и не воевал с ними.

Покорив всю землю казаков, они не довольствовались харачем и десятиной с них, но стали отдавать их во власть евреям и армянам и под конец дошли до насилий над их женами и

дочерьми, так что казаки, быв государями и властелинами, сделались рабами проклятых евреев. Это первое. Вторым было то, что издревле у ляхов существовало установление обращать 40.000 казаков в (регулярное) войско, дабы они стерегли их от татар. Однако дело дошло до того, что ляхи совершенно отменили это установление, дабы не оставлять у казаков силы. Затем они все увеличивали свое тиранство, и наконец казаки должны были слушать обращенные к ним речи священников-иезуитов, вернее, езидов[170], которые стремились всех (православных) искоренить и сделать подобно им, франкам, последователями папы. Сорок лет тому назад они дошли до того, что разрушили все их церкви и прекратили у них священство, и довели свое безбожие и тиранство до такой степени, что сожгли митрополита земли казаков вместе с одиннадцатью его епископами и священниками, изжарив их в огне на железных прутьях, думая этим устрашить и запугать казаков, — нечестие и ужасы, каких не совершали в свое время идолопоклонники.

В эту пору наши братья казаки терпели великие страдания, и смельчаки из них бежали из-под власти ляхов на остров в устье великой реки *Ниброса* (Днепра), впадающей в Черное море. Тут они построили большую неприступную крепость, в которой стали селиться храбрые юноши из чужеземцев, но без женщин, и теперь их собралось около 50 тысяч. Они называются Донскими казаками, по-турецки Тонун-казакы[171]. Своим промыслом они сделали разбой и грабежи на Черном море.

Между тем все казаки терпеливо сносили притеснения и обиды ляхов и испытывали от них тиранство, подобно перенесенному в свое время мучениками, но не роптали и не обращали на них внимания, в терпении покоряясь определению Всевышнего Бога.

Лет тридцать тому назад среди казаков появились три брата в одно время и, поднявшись на ляхов, воевали с ними и разбили их наголову, и собралось вокруг братьев множество войска из казаков[172]. Они поселились в городе Киеве и построили себе монастырь[173]. Когда покойный патриарх Иерусалимский Феофан вознамерился ехать в эту страну, они выслали до 5.000 казаков, чтобы провести его из Молдавии, и привели к себе с великим почетом и уважением. Он рукоположил тогда для них митрополита, епископов[174] и множество священников, после чего они отправили его в Московию. Ляхи, не имея силы одолеть этих трех братьев, стали вести с ними дружбу с хитростью и вероломством, пока не подослали отравить всех троих ядом, и, умертвив их, пришли и захватили у них все, что могли, истребив их войско всякого рода горькими и гнусными убийствами. Они превзошли меру в тиранстве и насилии над своими подданными и угнетали их до последней степени. На покойного Феофана, находившегося в Москве, они пылали гневом, и потому он, узнав об этом, отправился по дороге чрез страну татар и тем спасся от ляхов.

Вскоре затем султан Осман (II)[175] появился более чем с семьюстами тысяч, чтобы отвоевать у ляхов крепость Хотин, которая находится около Молдавии, и известную крепость Каменец, лежащую насупротив. Тогда ляхи смирились пред казаками и просили их, обещая жалованье[176], оказать им помощь и отразить от них султана. Казаки охотно стали воевать с ним, ибо они мощны в битвах, и заставили его уйти назад с небольшим числом людей, как это хорошо известно. Под конец войско умертвило его. Между ляхами и турками установилась дружба, и первые отдали туркам крепость Хотин, которою должен владеть господарь Молдавии, а эти наложили на них ежегодную дань в 70.000 грошей и в 30.000 голов крупного и мелкого скота. Но ляхи этого не выполнили.

За добро, оказанное им казаками, ляхи отплатили еще большими гонениями, рассчитывая этим разрушить их единение. Бог, видя их высокомерие, гордость и клятвопреступление, разгневался на них и воздвиг верного раба своего Хмеля для отмщения им и освобождения избранного своего народа от рабства и неволи ляхам, даровал ему крепость и помог уничтожить

их всех мечом и пленением, как сказано[177]: «когда народ превозносится, Бог даст над ним власть другому, чтобы искоренить его».

Когда Зиновий, которого краль ляхов назвал Хмелем, явился и возымел ревность к вере, но не имел ни силы, ни помощника, ни опоры, то сначала послал просить Василия, господаря молдавского, и Матвея, господаря валашского, помочь ему избавить православных казаков от порабощения евреям и проклятым армянам. Вместо того чтобы пособить и вступиться за него во имя веры, они отплатили ему злом, ибо Василий отослал его собственное письмо к своим друзьям ляхам в доказательство верности своей дружбы и вражды к ним Хмеля; а Матвей немедленно отправил к своим друзьям туркам известие о содержании его письма. Хмель, обманувшись в своих надеждах на обоих, неоднократно посылал просить помощи у царя московского Алексея, но последний не захотел внять его просьбе, ибо Хмель был бунтовщиком. Таков обычай государей. Когда его надежды на всех рушились, Творец устроил его дело удивительным образом. Именно, его друг краль условился с ним в тайне, что Хмель поднимет восстание, а он, краль, будет помогать ему войском, дабы истребить всех вельмож ляшской земли и ему сделаться государем самодержавным, править самому, а не быть управляемым ими. Как мы сказали, вельмож было много, и каждый владел большою областью (по наследству) от отцов и предков. Были среди них такие, которые имели свыше ста тысяч войска и менее — до десяти тысяч. Но в своих стремлениях они не были согласны (между собой), и каждый действовал самостоятельно, а потому они и погибли один за другим.

Что же сделал Хмель? Взяв с собою своего сына Тимофея, он, лет восемь тому назад, отправился к казакам, живущим на острове[178], и сговорился с ними. Они обрадовалась и отправили его к хану татарскому, чтобы также вступить с ним в соглашение. Прибыв к татарам, он обещал им много добычи, но они ему не верили и опасались его. Тогда он оставил у них своего сына заложником, и они заключили с ним клятвенный договор и, став заодно, послали с ним около двадцати тысяч человек; да из казаков острова к нему примкнуло около пятисот, ибо (и эти) еще боялись. Союзники сделали нападение на пределы ляшской земли. Правитель той области, узнав об этом, выслал против них около сорока тысяч. С помощью Божией казаки напали на них и одержали победу, причем взяли в плен большую часть и захватили много добычи. При виде этого татары чрезвычайно обрадовались[179], отослали пленных в свою страну и пошли воевать с этим же правителем, который относился к ним с пренебрежением. И Бог даровал казакам победу над ним. Они завладели всей его землей по прежде состоявшемуся уговору между ними и татарами: «земли и добыча нам, а пленники вам». Так как все подданные были казаки, страдавшие под гнетом тирании и рабства, то они восстали вместе с Хмелем и захватили множество городов. У Хмеля стало до пяти тысяч человек. К нему присоединилось много тысяч татар, когда они увидели большую добычу. Они завоевывали все новые и новые города, избивая их правителей, пока не выступил против них великий гетман, или визирь, называемый на их языке *комиссарий*, то есть мирахор (шталмейстер) короля, более чем с 200 тысяч войска, исполненный надменности, высокомерия и гордыни.

Рассказывают, что ляхи очистили все свои жилища и отправились на войну с Хмелем. Раскинув табор и палатки, они вели себя так, как будто вышли на веселую прогулку, послав сказать Хмелю: «вот мы вышли к тебе навстречу со своими женами и детьми и со всею пышностью, золотом, серебром, экипажами, лошадьми, со всеми нашими сокровищами и с тем, что есть в наших жилищах». Это было справедливо, потому что они сидели в своих палатках, ели, пали, пьянствовали и смеялись, и хохотали над своим хлопом Хмелем, говоря: «мы все предстали пред тобою, пожалуй к нам и забери сундуки с золотом: вот они все тут». Бог, видя их гордыню и тщеславие, внушил Хмелю хитрость, которую он и привел в исполнение. Именно, в одну ночь казаки отправились туда, где паслись польские кони и, перебив слуг, захватили всех

лошадей. Затем удалились и наделали себе знамен по числу своему, то есть у каждого всадника в руке было по знамени, а всего до 5.000 знамен и еще до 50.000 маленьких барабанов. Так они пошли и напали на врагов при утренней заре, когда те спали, считая себя в безопасности. Казаки крикнули среди них и забили во все барабаны; ляхи проснулись, увидали, что со всех сторон их окружают знамена, бросились искать коней, но слуги сообщили им о случившемся. Тогда они потеряли всякую надежду на спасение, и гнев Божий постиг их, ибо они стали избивать друг друга. Казаки докончили резню, всех истребили и захватили их имущество и богатства. Военачальник польский спрятался под телегу, и слуги прикрыли его навозом. Но он не скрылся от казаков: они отрыли его и разрубили на куски, насмехаясь над ним стихами и говоря: «вчера ты смеялся над нами и упрашивал нас завладеть твоим имуществом и богатством, а ныне ты зарыт в навозе, несчастный! Встань, воссядь на трон, великий наш государь! да не горюй!»

Глава IV. Украина. — Продолжение истории войны казаков с ляхами.

Таким образом казаки завладели всей страной и возвратили ее себе, искоренив в ней весь род ляхов, армян и евреев, и Хмель по отношению к ним проявил такие примеры храбрости и воинской хитрости, каких никто не совершил кроле него. Бог даровал ему силу и вспомоществовал его делу с начала до конца его деятельности и своим мечом сокрушил их следствие их великой гордыни и несогласий между собою.

Как мы упомянули, каждый вельможа был самостоятельным и оборонял свою землю сам по себе, не желая, чтобы кто-либо из прочих владетелей помогал ему своими войсками: в их глазах это считалось позором, и никто на это не соглашался. При таких обстоятельствах они вдались в обман и были потерпели поражение; иначе, если бы все они заодно соединились со своим кралем, как это делается у царей и как они сделали раньше при нападении турок на Каменец, совокупив все свои силы, никто бы не сравнялся с ними в могуществе, кроме одного Бога.

Краль их был втайне другом Хмеля, посылал к нему, ободрял и подкреплял его намерения, имел целью уничтожить всех своих вельмож. Познав наконец об этом, они перехитрили его, опоили ядом, и он умер. Увы! как жаль его! На его место посадили его брата. Когда ляхи под конец убедились, что бессильны сладить с Хмелем, то заключили с ним дружеский договор, с целью обмануть его и отравить; но не могли. Пробовали всякие ухищрения, чтобы умертвить его, но тщетно, ибо Бог был с ним.

В таких отношениях он находится к ним и по сие время. Когда татары охладели к Хмелю и покинули его, последний послал изъявить свою покорность царю московскому. Наконец дело было слажено при посредстве патриарха и по причине ревности московитов к православной вере. Царь прислал Хмелю и всем его вельможам царские кафтаны и пожаловал его в князья по важности его государства. Потом он отправил двух воевод, т. е. министров, с 60 тысяч войска в город Киев. Они построили вокруг него крепость, вооружили и утвердились в ней, чтобы отражать от казаков врагов их ляхов. Царь записал на службу 40,000 казаков с ежегодным жалованьем от казны, присоединив их к своему войску. Между царем и ляхами и их кралем была большая дружба, а потому он отправил своего посла сказать им так: «да будет вам известно, что я требую от вас трех вещей, если желаете, чтобы старая дружба сохранилась между нами: во-первых, так как земля русских, т. е. казаков, стала моею, то вы более не ходите на них войной и не причиняйте им никакой обиды, и как у вас есть татары — и имеют мечети, евреи — и имеют молельни, армяне — и имеют церкви, то наравне с ними считайте и братьев Христа казаков, которые, подобно мне, православные; во-вторых, вы должны именовать меня царем Великой и Малой России; в-третьих, вы должны возвратить мне город моих предков Смоленск со всеми в нем находящимися пушками, военными снарядами и оружием. Если вы согласны на это, прежняя дружба между нами и вами останется; в противном случае знайте, что я пойду на вас войной».

Рассказывают, что ляхи, выслушав это, воспротивились, в особенности один, по имени Радзивил, зять Василия, господаря Молдавии, который был великим гетманом и независимым в той стране, а также и многие другие. Говорят, что краль давал свое согласие, да те не захотели.

Смотри же, что сделали эти негодяи, не имеющие над собою главы. В нынешнем году на Пасхе, именно в ночи на великую пятницу, субботу света и Пасху, они пришли и напали неожиданно на 70—80 базаров[180] в стране казаков, зная, что жители их (в эти дни) заняты молитвами в своих церквах и что казаки никогда не берутся за оружие в великий пост. Ляхи (сделали это) главным образом с целью досадить царю, к которому казаки прибегли под защиту.

При этом нападении они избили мечом всех, кого застигли, даже грудных младенцев, распарывали животы у беременных женщин и убежали. Услыхав об этом, Хмель послал за ними войско, но их не настигли, а разбили их арьергард, который был весь истреблен вместе с одним из иезуитов, их подстрекавшим. Потом казаки напали на некоторые ляшские базары, перебили всех, кого там нашли, и предали огню, в возмездие за то, что те с ними сделали.

Рассказывают, что царь, сведав впоследствии об этом, чрезвычайно разгневался и снарядился в поход против ляхов, ибо кровь мучеников, ими избиенных, смешавшаяся с кровью Христа, их Господа, накануне Его честнаго распятия, вопияла о них к Богу. Христолюбивому царю было внушено идти на ляхов войной более чем с 600 тысяч. Он вышел из своей столицы, города Москвы, в понедельник, в который было начало Петрова поста, именно в тот самый день, в который мы выехали из Валахии, как мы в этом удостоверились впоследствии. Он пошел на Смоленск и осадил его, послав Хмелю 90,000 ратников, а одного из своих визирей со 100,000 всадников отправил к границам татарской земли, чтобы стеречь тамошние места и не допускать татар выйти на помощь ляхам. Но хан татарский, растратив большие богатства, взятые у ляхов, послал к ним с извинением: «я не имею возможности выступить из своей земли к вам на помощь по причине множества московитов, которые стоят на стороже». Вскоре он умер и на место него стал ханом другой. Вот что произошло.

Глава V. Украина. — Дальнейший путь. — Многолюдство. — Обилие городов. — Укрепления. — Татарские набеги.

Возвращаемся (к рассказу). Мы выехали из упомянутого Димитрашкова чрез его знаменитую деревянную крепость и мосты. Проехав полторы мили, прибыли в другой базар, по имени *Хораджкоука* (Горячковка). При нашем приближении, также вышли за город навстречу нашему владыке патриарху все его жители, большие и малые, и женщины. Они обыкновенно становились в два ряда; когда приближался к ним наш владыка патриарх, все падали ниц на землю, пока он не благословлял их и не проходил: тогда они вставали. Все мужчины в этой стране носят в руках палки. После того как владыка приложился к иконе и кресту, они пошли впереди нас [с пением] и ввели нас при звоне колоколов в свою церковь во имя св. Михаила. Потом нас повели в трапезу, а нашим лошадям дали травы. Мы пробыли здесь недолго. Нас вышли проводить за город.

Проехав еще две мили, мы прибыли в другой базар, по имени *Лясковска* (Мясковка?)[181], который имеет деревянную стену и крепость. Теперь копают рвы вокруг этих городов из опасения того, что сделали ляхи в ночи перед Пасхой. Навстречу нам также вышли все жители этого города, священники в облачениях, с хоругвями и свечами, при пении детей, и *боркоуникос* (полковник) Михаил, который стоял вне города с 12000 войска для надзора за границей страны ляхов, Молдавии и страны татар. Нас ввели в церковь во имя Владычицы. В городе есть еще другая церковь во имя св. Николая. В нем мы переночевали. Рано поутру все вышли нас провожать и снарядили с нами несколько ратников.

Проехав две мили, мы прибыли в другой базар, окруженный укреплениями и имеющий внутри деревянную крепость; имя его *Жабокриз* (Жабокрич). Все также вышли нам навстречу. У них принято петь перед патриархом стихиру: «Царю (небесный?)», а когда он войдет в церковь, поют «Достойно есть», пока он прикладывается к местным иконам, а протопоп возглашает: «помилуй нас Боже». Ничто так не трогало наше сердце, как пение мальчиками от всей души «Достойно есть» и пр. В этом городе две церкви: во имя Рождества Богородицы и св. Михаила.

Наш путь в этот день и далее шел лесом (из деревьев) *малул* (дуб?). Ляхи, во время своего владычества, имели в нем свою силу, пользуясь им для постройки крепостей, городов и жилищ. Казаки, овладев страной, разделили земли между собою и теперь этот лес рубят, выжигают корни и засевают землю зерном.

Всякий базар и местечко в земле казаков обилуют жителями, в особенности маленькими детьми. Каждый город имеет, может быть, до 40, 60 и более тысяч душ; но дети многочисленнее травы и все умеют читать, даже сироты. Вдов и сирот в этой стране множество; их мужья были убиты в беспрерывных войнах. Но у них есть хороший обычай: они женят своих детей юными, и по этой причине они многочисленнее звезд небесных и песка морского.

Вблизи каждого города или селения непременно бывает большой пруд, образуемый дождевой водой или текущими реками; он называется *халистао* (хелештеу)[182], т.е. садок для рыбы. Посредине он имеет деревянную плотину, на которой лежат связки хвороста, покрытые навозом и соломой; под нею текут протоки, которые вертят мельницы, так что жители имеют вместе и воду, и рыбу, и мельницы, и ни в чем не нуждаются. Все это непременно есть в каждом базаре и маленьком селении. Приспособления, употребляемые ими для вращения мельниц, изумительны, ибо мы видели мельницу, которая приводилась в движение горстью воды.

Знай, что начиная с Валахии и Молдавии в стране казаков и земле московской все дороги проходят чрез средину городов и деревень, при чем путешественник вступает в одни ворота и выезжает в другие, а потайных дорог мимо городов вовсе нет. Это большая охрана.

Мы выехали из Жабокрича, после того как священники в облачениях с хоругвями проводили нас за город по своему всегдашнему обыкновению. По дороге мы переезжали чрез большую реку, на которой чрез небольшие промежутки устроены запруды для скопления рыб и для мельниц, так что мы приходили в изумление: в своей стране мы называем друзов удерживающими землю[183], а эти казаки задерживают воду. Проехав две мили, мы прибыли в базар, или вернее город, больше и лучше пройденных нами; имя его *Ободоука* (Ободовка). В нем есть большое высокое укрепление. Мы въехали таким же образом, как уже рассказывали, по мосту, что над прудом посредине города. Навстречу нам вышли, по обыкновению, священники в облачениях, с крестами и хоругвями, а так же правители города и все его население, не исключая детей и женщин. В городе две деревянные церкви: во имя Успения Богородицы и св. Михаила, величественные и высокие, с куполами и открытыми высокими колокольнями, которые мы видели издалека. Нам случалось посещать величественные церкви зимние и летние, с многочисленными, сердце веселящими, стеклянными окнами; все они выстроены недавно, со времени правления гетмана Зиновия Хмеля (да продлит Господь жизнь его!). Имена у казаков, мужчин и женщин, все даются в честь самых уважаемых святых.

Священники их имеют особый знак: они носят колпаки из черного сукна с черной меховой опушкой, не отличающиеся от бархатных. У богатых из них колпаки из черного бархата с собольим мехом. Протопоп носит суконную шляпу с крестом; богатые — черную бархатную. Пред архиереями они стоят с открытой головой, равно и в церкви.

Мы отправились отсюда в среду утром 14 июня и ехали между многочисленными садами, коим нет счета, и реками справа и слева. Виднелись разнородные посевы вышиною в рост человека, подобные огромному морю по длине и ширине. Проехав одну милю, мы прибыли к довольно большому городу с деревянною обширною крепостью, со стенами кругом, со рвами и пушками; его имя *Балаоука* (Балановка). Вокруг каждого города, т. е. за крайними домами, бывает деревянная стена, а внутри другая. Над крепостными воротами стоит высокий деревянный брус с изображением распятого Христа (да будет прославлено имя Его!) и орудий Его распятия, т.е. молотка, клещей, гвоздей, лестницы и пр. Распятие существует со времен ляхов. И здесь также вышли нам навстречу. Через час мы выехали отсюда и, проехав еще милю, достигли трех других местечек, лежащих рядом на берегу реки, с тремя деревянными укреплениями и тремя рвами; имя их *Самока* (Сумовка). Нас повели в церковь в честь св. Параскевы.

Знай, что на дверях каждой из церквей казацких бывает железная цепь, вроде той цепи, которую налагают на шею пленникам. Мы спросили о ней, и нам сказали, что всякому, кто приходит в церковь на рассвете после звона[184], вешают эту цепь на шею на целый день, и он остается распятым на дверном косяке, не имея возможности шевельнуться. Это его епитимья.

Через час мы выехали и переправились на судах близ этого города чрез упомянутую широкую реку, называемую *Бухо* (Буг). Затем мы проехали еще две мили и вечером прибыли к двум базарам с укреплениями, рвами и высокими крепостями внутри. Они называются *Соболонка* (Соболевка). В одной из крепостей есть одна церковь во имя Господа Христа, в другой — две величественные церкви во имя св. Николая и св. Михаила. Поблизости находятся два большие озера. Ради нас устроили большой крестный ход с хоругвями. Утром в четверг мы встали рано. Проехав менее двух миль, мы достигли другого местечка. Оно возвышенное, с укреплениями и прудами воды вокруг и называется *Можука* (Мочулка). В нем две высокие церкви во имя Успения и св. Николая. Проехали еще милю и прибыли к трем другим большим местечкам, которые имеют укрепления, каждое отдельно; имя их *Стебаноука* (Степановка); в каждом из них есть хорошая церковь: одна — во имя Владычицы, другие — св. Михаила и св. Николая. Но они пострадали от огня, ибо эти местечки из числа тех, на кои напали ляхи в

пасхальные дни, перебили жителей и сожгли. Вслед за тем мы прибыли к другому местечку неподалеку от тех, с хорошим укреплением, по имени *Фажна* (Важна). Подле упомянутых местечек находятся пруды, на истоках которых стоят мельницы. Тут есть прекрасная церковь во имя св. Николая. Проехав еще милю, мы прибыли в другое местечко с укреплением и церковью во имя св. Николая. Оно называется *Янио* (Янов). Тут мы ночевали.

Все эти базары лежат в недалеком друг от друга расстоянии: и так по всей земле казаков. О, какая это благословенная страна! Не успеешь пройти расстояние, равное расстоянию между Алеппо и ханом Туман[185], как встретишь по дороге десять, восемь или пять селений. Так на больших дорогах, а что справа и слева от них, то бессчетно. Каждый город непременно имеет три деревянные стены, содержимые в исправности: внешняя связана из отдельных частей[186], чтобы конница не могла ворваться; две другие, со рвами между ними, находятся внутри города. Непременно бывает крепость с пушками, так что, в случае если жители будут побеждены неприятелем, который проникнет чрез все три стены, то они могут уйти в крепость и в ней обороняться. Подле городской стены находится большое озеро воды, наподобие огромного рва, и дорога проходит чрез него по узкому мосту. При великой опасности мост разрушают и потому не боятся врага.

Большая часть этих укреплений была построена только из опасения татар, которые появляются в этой стране неожиданно. Обыкновенно, выступая из своей страны, они не сообщают своим ратникам, куда идут, чтобы весть о том не распространилась. Они проходят расстояние пяти, шести дней пути в один день конными отрядами. У каждого всадника четыре, пять заводных лошадей и, когда какая-нибудь из них устанет, он садится на другую. Пройдя таким образом на расстояние месячного пути, они прячутся в горах и степях, ночью неожиданно нападают и убегают, ибо вовсе не имеют силы для войны. Таковы их действия в этой стране. Когда она находилась в руках ляхов, то каждые двадцать, тридцать, сорок или пятьдесят базаров были во власти одного бея, а казаки были его подданными, вернее рабами: их заставляли работать днем и ночью над сооружением этих укреплений, копаньем рвов и прудов для воды, очищением земель и прочим. Когда же овладел правлением гетман Зиновий Хмель (дай Бог ему долго жить!), то они получили все права и власть над тем самым, над чем в работе томились и страдали: враги обманулись в своих расчетах.

Глава VI. Украина. — Дальнейший путь. Разоренные местечки. Хмельницкий и казаки. Дворцы польских вельмож. Умань. Особенности церковной службы.

Вставши утром в пятницу, мы проехали одну милю и прибыли в местечко, или базар, по имени *Явбаз* (Обозовка?). Оно окружено прудами воды с мельницами. В нем есть красивая церковь. Крепость же и все стены сгорели, ибо это местечко из числа тех, которые были сожжены безбожными ляхами в ночи перед Пасхой. Так как этот город был хорошо укреплен, то жители соседних базаров бежали в него. Неверные осадили их, и как люди были не готовы в обороне, то враги одолели их, набросились на них и всех избили мечом; таким образом они сделались соучастниками Господа их Христа в страданиях. Их было тысячи. Вокруг этого города есть еще четыре базара, с которыми было поступлено так же.

Не останавливаясь, мы проехали еще одну малую милю и прибыли в местечко, по имени *Талалайока* (Талалаевка), с которым было сделано то же. Вскоре затем мы достигли другого базара, вблизи первого, по имени *Городока* (Орадовка). Укрепление его сожжено, но в нем осталось небольшое число людей. Наши сердца разрывались за них и по причине случившегося. Однако они вышли нас встретить по обычаю и привели нас в великую церковь, во имя св. Михаила. До сих пор мы не видели в земле казаков подобной ей по высоте и величественности ее пяти куполов. Решетка галереи, окружающей церковь, вся точеная, и колокольня над ее вратами также имеет решетку. Церковь эта новая, но жителям не удалось порадоваться на нее. Все мы много плакали по тем тысячам мучеников, коих убили враги веры и обманщики в этих сорока или пятидесяти местечках, в числе, может быть, 80 или 90 тысяч душ. О, неверные! О, нечистые люди! О, жестокие сердца! Что сделали женщины, девицы, дети и младенцы, чтоб их убивать? Если у вас есть мужество, идите воевать со старцем (да продлится его жизнь!), который сделал вас посмешищем мира, избил ваших вельмож и князей, истребил ваших храбрецов и отважных мужей и обратил вас в предмет презрения и посмеяния смотрящего. Его имя Хмель[187]. Какое это прекрасное имя: ловкий! Сами ляхи назвали его Хмелем, а слово «хмель» у них значит: ловкий. Так его назвал краль. Они применили к нему это прозвище «Хмель», по имени растения, которое у них произрастает; оно похоже на фасоль цветами и листьями, но вьется по деревьям подобно *лефляфэ* [188] . Этот род *лефляфэ* они сеют во всей этой стране в своих огородах и садах, где оно вьется по длинным жердям, которые они ставят для сей цели. Его плоды собирают после увядания цветов, которые испещрены зелеными пятнами, и кладут их в кипящую жидкость, которую они обращают в спиртной напиток, именно (кладут) в отвар овса[189] (семени, похожего на пшеницу), из коего выгоняется крепкий спирт]. Зимою оно обыкновенно вянет и засыхает, а когда наступает весна на Пасхе, оно дает росток и поднимается. Поэтому они и сравнивали с ним Хмеля, ибо во время поста он прекращаете войну и битвы, слагает меч и ведет мирную жизнь у себя дома. Тогда являются те, у которых лет ни главы, ни веры, жгут, разоряют и убивают вплоть до Пасхи, а он сидит спокойно. Но когда наступит светлая Пасха [с ее цветами], он поднимается и к нему собирается 500.000 бойцов, воителей за веру православную, ратующих до самопожертвования по любви к Господу их, а не из желания получать содержание или иные выгоды. Хмель теперь может гордиться этим пред царями всей земли, ибо у него более 500.000 ратников, которые служат без всякого содержания. По его зову они являются к нему на помощь со своим запасом съестного и всего им необходимого. И они все, и он, от праздника Пасхи до великого заговенья [190], обитают в степях, в разлуке с женами и детьми, в целомудрии и совершенной чистоте. В таком положении они

находятся из года в год до сих пор, вот уже восемь лет. Какой это благословенный народ! Как он многочислен! Какая (строго) православная вера! Как она велика! Столько тысяч их убито [в сражениях или при нечаянном нападении], столько тысяч татары увели в плен, и все-таки они теперь насчитывают такое огромное множество войска (да будет благословен их Творец!).

Но сколько ляхов перебили казаки! сотни тысяч с женами и детьми, не оставляя из них ни единого. Мы усматривали дворцы их вельмож и правителей, находящиеся внутри крепостей, с большого расстояния, по той причине, что их высота с куполами и решетками громадна. Кто их осматривает и входит туда, восхищается их изяществом и устройством, а также их каптурами, кои много выше кипарисов; это места для огня, который разводят зимою. Теперь эти дворцы в развалинах, безлюдны и служат убежищем собакам и свиньям. Что касается породы жидов и армян, то их вконец истребили. Красивые дома, лавки и постоялые дворы, им принадлежавшие, теперь сделались логовищем для диких зверей, ибо Хмель (да будет долга его жизнь!), завладев этими многочисленными городами, истребил в них целиком все чужие народы, и теперь эта страна занята чисто-православными казаками.

Возвращаемся (к рассказу). Жители упомянутого города просили нашего владыку патриарха освятить их церковь, ибо проклятые ляхи в нее входили, разбили образа и осквернили ее. От Пасхи по сию пору в ней не служили, ожидая проезда чрез город архиерея, который бы освятил ее для них. Наш владыка патриарх совершил водосвятие и освятил церковь.

Тотчас после этого мы выехали и, сделав еще две (большие) мили, прибыли в большой город, разделенный на три крепости, из коих каждая на одной стороне. Третье из этих укреплений представляет огромную деревянную цитадель на возвышении, которую в настоящее время строят вновь: копают рвы, укрепляют прочными башнями и снабжают пушками. Имя города *Хумано* (Умань). Все по обыкновению вышли встретить нас с хоругвями и свечами, священники и дьяконы в облачениях, вместе с полковником Симеоном и его войском. Он стоял вне этого города со своим многочисленным отрядом для надзора за границей татар и ляхов.

Замечено нами, что на шеях лошадей вельмож в стране казаков висит серебряный крест, а на шеях лошадей воевод в Московии и между глазами и на уздечках все пространство покрыто золочеными крестами.

Нас привели в величественную высокую церковь с железным куполом красивого зеленого цвета. Она очень обширна, вся расписана и построена из дерева. Ее серебряные лампады со свечами прекрасного зеленого цвета многочисленны. Над нарфексом красивая звонница. В нем есть высокая решетка, обращенная к хоросу; за нею стоят певчие и поют по своим нотным книгам с органом[191]; голоса их раздаются подобно грому. Этот город есть первый большой город в земле казаков; его дома высоки и красивы, большая часть принадлежала ляхам, евреям и армянам; они со многими округлыми окнами из разноцветного стекла, над которыми висят иконы. Горожане одеты в очень хорошее платье. В городе девять великолепных церквей с высокими куполами: во имя Воскресения, Вознесения, св. Троицы, Рождества Богородицы, Успения, св. Михаила, св. Николая, Воздвижения Креста, а также в честь св. Пасхи; ибо этот город был центральным и столичным при ляхах и заключает много их царских дворцов.

В субботу мы слушали у них литургию, от которой вышли не раньше, как наши ноги стали никуда не годны от долгого стояния, ибо, как мы упоминали, в церквах у них нет сидений. Они очень растягивают свои молитвы, пение и литургии: в особенности, когда говорит ектению священник или дьякон и певчие, стоящие наверху, поют на их языке: *« Хосбуди бумилуй»*, то есть Кирие элейсон, то каждое поется по нотам около четверти часа. Мы сосчитали, что при «έπωμεν πάντες», то есть «рцем все», священник в земле казаков и в стране московитов возглашает это в пятнадцати прошениях и при каждом прошении «Господи помилуй» поется много раз. Мы насчитали, что они пели «Господи помилуй» при этой ектении до ста раз и точно

так же при других ектениях. Читают непременно два апостола и два евангелия. Чтец произносит апостол лучшим напевом, чем мы читаем евангелие, слово за слово. Непременно читают с пением псалмы Давида и прокимен со стихирами на каждый день в течение всего года, также при чтении[192] евангелия, «слава Тебе, Господи, слава Тебе», как в начале, так и в конце, поют с органом. Что касается прекрасного пения ими «Достойно есть», то все присутствующие священники с клиросными мальчиками собираются на середину (церкви) и поют эту песнь хором от всего сердца. При упоминании Богородицы все делают земные поклоны, имея голову обнаженною, даже священники. Ты мог бы видеть их, читатель, стоящими в церкви недвижимо, подобно камням. Мы же много страдали от усталости, так что душа у нас разрывалась от изнеможения и тоски. Но с их стороны, как нами упомянуто, мы видели чрезвычайную набожность, богобоязненность и смирение. Они являлись толпами, спеша друг перед другом, чтобы получить благословение и приложиться ко кресту из рук нашего владыки патриарха. Когда мы проезжали по дорогам, то они, видя поднятый на шест крест, хотя бы были заняты в это время жатвой, обращались лицом к востоку, с женами и детьми, и творили крестное знамение; мужчины и юноши бросали серпы и работу и спешили бегом для получения благословения от нашего владыки патриарха. Проезжающие сходили с коней и из экипажей еще издали, отходили от дороги и стояли в ряд с обнаженными головами, пока не проедет мимо них наш владыка патриарх в своем экипаже. Они кланялись до земли, потом подходили, прикладывались ко кресту и его правой руке и уходили.

Возвращаемся. Мы вышли от обедни около полудня. Упомянутый полковник Симеон со своим киайей[193] поддерживал под руки нашего владыку патриарха по их обычаю, пока не ввел его в свой дом. Наш владыка совершил для него водосвятие и прочел над ним и его супругой молитву отпущения грехов. Мы сели за трапезу. Когда мы встали, он нас проводил до места нашей остановки.

Глава VII. Украина. — Дальнейший путь. Торжественные встречи патриарха. Дворец Калиновского в Маньковке. Польские правители. Церковь. Армяне и евреи.

Мы выехали из Умани. Полковник проводил нас за город и назначил нам отряд, как раньше. Мы сделали одну милю и прибыли в другой базар с укреплениями и цитаделью, по имени *Краснобула* (Краснополка). По обыкновению нам была устроена встреча; ибо всякий раз как мы уезжали из какого-нибудь города, один из ратников, нас сопровождавших, опережал нас, везя письмо от полковника ко всем его подчиненным с оповещением им, чтобы они приготовили помещение, кушанья и напитки в количестве, достаточном для всех наших спутников, — нас было около сорока человек: мы и наши служители, наши спутники, игумены монастырей, и их слуги — а также приготовили бы лошадей для наших экипажей и накосили свежей травы для лошадей, ибо, как мы упомянули, в этой стране во все лето до октября бывает зелень и цветы, и мы чрезвычайно удивлялись весенним цветам в летнее время.

Нас обыкновенно встречали за городом, по их обычаю, с хлебом, ради благословения; также, когда мы садились за стол, прежде всего клали хлеб. Жители города вышли нам навстречу на некоторое расстояние за город, как мы уже рассказывали. Бывало, когда приближались хоругви и кресты, наш владыка патриарх, из благоговения к ним, выходил (из экипажа), по своему всегдашнему обыкновению, и шел в мантии на большое расстояние, пока не входили в церковь, откуда мы таким же образом шли до (приготовленного нам) помещения, у ворот которого водружался крест на шесте.

Посетив церковь св. Михаила, мы тотчас уехали и, сделав еще милю, вечером в пятое воскресенье по Пятидесятнице прибыли в большой город с тремя укреплениями и тремя цитаделями, по имени *Макука* (Маньковка). Он имеет четыре большие пруда; дома его великолепны, красивы: они принадлежали евреям и армянам. В нем четыре церкви: во имя Преображения Господня, св. Михаила, Владычицы и св. Николая. За городом есть монастырь во имя св. Георгия, который теперь строят вновь.

Мы были встречены по обычаю за городом священниками и дьяконами с хоругвями, крестами и многочисленными свечами. Нас ввели в церковь с пением, которое продолжалось, пока протопоп не сказал ектению, поминая имя нашего владыки патриарха антиохийского, их митрополита Сильвестра, гетмана Зиновия и царя Алексия, по всегдашнему обыкновению. Они вышли впереди нас в облачениях со свечами и пением, пока не поместили нас в (приготовленном для нас) доме. Наш владыка патриарх преподал им благословение, и они ушли.

Знай, что в этой земле казаков нет вина, но взамен его пьют отвар ячменя, очень приятный на вкус. Мы пили его вместо вина: что же было делать? Но этот ячменный отвар прохладителен для желудка, особенно в летнее время. Что касается меда, который также варят, то он опьяняет. Варится еще водка, которая делается из *фариза* [194] (ржи), походящей на зерна пшеничного плевела; она дешева и в большом изобилии.

Вставши поутру в это воскресенье, мы отстояли у них утреню, а потом обедню. Затем я пошел осматривать дворец правителя этого города, которого звали *Калиноске* (Калиновский). Он был из числа значительных правителей страны ляхов. Главных между ними было четверо: один назывался *Потоске* (Потоцкий), второй — *Комиссари*; это тот самый, о котором мы рассказывали, как он был убит в начале правления казаков; он имел 200,000 войска. Третий — этот Калиновский. От города Умани до Рашкова, включая этот последний, все, с другими городами в значительном числе, принадлежало ему и составляло его владение. Ом имел сорок

голов лучших ценных турецких коней и двенадцать тысяч собственных храбрецов, одетых все в дорогие платья, да кроме них у него было много тысяч войска. Когда пришел Хмель и воевал с ним и он был разбит, татары взяли его пленником в свою страну вместе с Потоцким. Тогда молдавский господарь Василий поручился за них, пока они не откупились, каждый восемьюдесятью тысяч золотых. Четвертый архонт (вельможа) назывался *Фишнафаске* (Вишневецкий). Он был третьим правителем по ту сторону реки Днепра.

Василий, освобождая их, имел в виду сделать им доброе дело, чтобы потом они воздали ему лучшим. И точно, они воздали, ибо именно ляхи послали помощь его врагу Стефану воеводе, когда тот шел войной под крепость Сучаву, попали, стреляя из пушек, в Тимофея, сына Хмеля, его зятя, и убили его, как мы о том рассказывали. Василий обманулся в своих предположениях, да и Хмель за это сильно разгневался на него, ибо те двое, вернувшись в свою страну, возобновили войну с Хмелем и казаками, но храбрый Тимофей выступил против них, сразился с ними и, убив обоих своим мечом, стер память их с лица земли.

Что касается палат Калиновского, то они находятся на краю города и видны с большого расстояния по причине своей высоты. Между ними и городом большая река и огромный пруд с мостом. Палаты представляют крепость на вершине высокого холма; вокруг них большой ров и деревянная стена; наружная — связана (из кольев) против нападения конницы, а другая, внутренняя, сплошная. Перед воротами стоят большие пушки, а над воротными столбами с обеих сторон малые пушки. По окружности крепости устроены прочные деревянные башни. Внутри двора есть обширная площадка, в передней стороне которой возвышается великолепное здание — дворец, весь из крепкого, несгораемого дерева *малуль* (дуб?), гладко обтесанного с четырех сторон, отполированного и совершенно сплошного, так что не заметно склейки, а подумаешь, что весь дом или стена из одного куска в длину и ширину. Длина каждой доски, или четырехугольного бруса, пятьдесят локтей и более, по нашему измерению, а в ширину четыре локтя. По всему громадному дворцу в каждой стороны четыре таких бруса лежат вдоль один на другом до потолка. В этом здании множество помещений, над которыми еще есть комнаты этажами, один на другом. Что касается каптуров и печей, то есть мест для огня в зимнее время, то они громадны, и по высоте много больше кипарисов, проникают до самого верхнего этажа и весьма широки. Близ этого дворца есть огромные конюшни. Мы поднялись по нескольким лестницам на самый верх другого летнего дворца, что над воротами крепости. Это целые дворцы, один над другим, имеющие множество окон со всех сторон. Они походят на постройки горы св. Симеона[195] у нас и округа Маарра[196]; весьма красивы и изукрашены резьбой. Сидящему в верхнем этаже видно, может быть, на расстояние одного дня пути и более, места и дороги, куда он думает направляться. Теперь эти палаты в развалинах, никем не обитаемы и будто плачут по своим прежним владельцам.

Затем мы спустились и пошли к великой церкви, что перед крепостью, во имя св. Николая; так ее назвали теперь казаки. В настоящее время они работают над ее куполами. Она из числа самых великолепных церквей по своей архитектуре, величественности, высоте и размерам. Внутри ее есть отгороженные места наподобие креста, то есть, оба клироса находятся в углублении. Алтарь благолепный, большой; в нем, там, где кафедра (горнее место), стоят четыре огромные деревянные колонны, с резьбой и раскраской, все в позолоте, ничем не отличающиеся от кованых (из золота); над ними возвышается род купола. Что касается тябла, то его делают вновь. На обоих клиросах есть места, где стоят священники и певчие: они остались со времен ляхов. Все колонны и деревянные части церкви, а также аналои, на которые кладут книги, покрыты резьбой и позолотой. Над большим нарфексом есть места с решетками, выходящие на хорос; там стоят певчие и поют с органом. Высота лестницы, ведущей в это место, очень велика. За церковными вратами находится колокольня. Церковный двор окружен деревянной стеной и

садиками[197].

Равно и все дома этого города красивы и дерево их гладко обтесано и отполировано, ибо, как мы упомянули, они принадлежали армянам и евреям, коих казаки стерли в лица земли, завладев их добром и богатством, их домами, имуществом, садами и землями. Они стоят того, ибо в дни ляхов они-то были правителями и господами, заведовали таможнями и в конец поработили казаков. Когда Творец даровал власть этим последним, то они стерли и самую память об них с лица земли. О, какой это благословенный народ! и какая это благословенная страна! Великое достоинство ее в том, что нет в ней совершенно ни одного чужого иной веры, а только чисто православные, верные и набожные. Какая ревность, свойственная святой душе и чистой вере, поистине православной! Блаженны глаза наши за то, что они видели, уши наши за то, что они слышали, и сердца наши за испытанную ими радость и восхищение. Быв в плену и рабстве, казаки теперь живут в радости, веселье и свободе; построили соборные церкви, соорудив благолепные иконы, честные и божественные иконостасы и знамена с крестами (хоругви). Как мы заметили, церкви одна другой благолепнее, лучше, прекраснее, выше и больше; иконостасы, тябла и иконы одни других красивее и превосходнее; даже сельские церкви одна лучше другой. Люди начали громогласно исповедовать свою веру с новым рвением и предались с большою страстью учению, чтению и церковному пению приятным напевом. И они достойны этого, ибо живут, довольствуясь весьма малым, едят, что случится, и одеваются, во что придется.

Глава VIII. Украина. — Дальнейший путь. Мельницы. Леса. Дети. Домашние животные. Породы свиней.

Встав поутру в понедельник 19 июня, мы проехали две мили и прибыли в другой большой базар, находящийся между горами, с укреплениями и цитаделью, устроенной из обрыва одной из гор, с большим озером, протекающим в долине, на плотине которого стоят четыре мельницы с удивительными двигательными снарядами, как и во всех других мельницах этих стран: поток воды низвергается сверху и приводит во вращение наружные колеса, коих ось вертит мельницы для измельчения пшеницы. Есть также снаряды, которые приводят в действие толчеи для ржи и ячменя, при чем песты то поднимаются, то опускаются в ступы. Рожь употребляют истолченной и размельченной для выкуривания водки, а ячмень варят и извлекают его сок. Имеются еще толчеи для льна, который сеют для изготовления из него сорочек. Между колесами снаружи находятся большие деревянные чаны, в которых во времена ляхов валяли сукна, после того как вода протекала по ним в течение многих дней.

Возвращаемся. Имя упомянутого города Буки. В нем три церкви: во имя Успения Богоматери, св. Михаила и св. Илии. После того как нас встретили по обычаю с хоругвями (жители) и священники и мы побывали в церкви, нашего владыку патриарха попросили освятить для них новую, четвертую церковь, еще неоконченную. Нас новели туда с крестным ходом. Мы вошли. Наш владыка патриарх, совершив водосвятие, окропил всю церковь и алтарь, утвердил престол и жертвенник, освятил их божественным миром, прочел над ними положенные молитвы и наименовал церковь в честь Святого Рождества, затем окропил всех присутствующих св. водой. Бывало, всякий раз как мы вступали в какую-нибудь деревню или город, нас встречали священники с сосудом св. воды, и когда наш патриарх выходил из экипажа и прикладывался ко крестам и образам, которые они держали в руках, а они лобызали его крест и правую руку, то ему подносили сосуд со св. водой и он крестообразно окроплял присутствующих базиликом. Точно так же, когда мы входили в церковь, то после ектении и совершения отпуста обыкновенно ставили для него кресло, дабы он окропил св. водой всех присутствующих одного за другим. При выходе из церкви, он окроплял всех жителей города направо и налево, пока мы не доходили до (приготовленного нам) помещения.

С того времени как мы вступили в землю казаков и до нашего выезда из нее, мы, по их обычаю, безвозмездно пользовались каруцами[198] и лошадьми на подмогу для перевозки нашей клади из города в город, ибо наши лошади выбились из сил на этом долгом пути.

Не медля, мы выехали из этого города и сделали четыре мили. Весь наш путь лежал по громадному лесу из деревьев *малуль* (дуб?). Его рубили, выжигали корни, вспахивали землю и делали на месте него посевы. Так поступали жители во всей этой стране; а в дни владычества ляхов, как нам рассказывали, путешественник не мог видеть Солнца: так были громадны и густы леса, потому что ляхи очень заботились о них и выращивали как сады, о чем нами упомянуто, нуждаясь в лесе для постройки городских стен, укреплений и домов. Казаки же, завладев лесом, разделили землю (на участки), устроили изгороди и межи и рубят его ночью и днем.

Вечером мы прибыли в большой город также с укреплением, водами и садами, ибо эта благословенная страна подобна гранату по своей величине и цветущему положению. Имя города *Лисинка* (Лисянка). В нем четыре церкви. Ту, что во имя Преображения Господня, мы посетили. Над ее вратами висит новый, весьма большой медный колокол, коего звон мы слышали на расстоянии часа езды. Куполы ее из железной жести. Великую церковь у них называют соборною. Остальные три церкви — во имя Владычицы, св. Михаила и св. Николая.

Еще есть большой монастырь во имя св. Троицы; в его церкви мы видели икону Владычицы в образе увенчанной невесты. По всей же дороге сюда мы видали Ее изображения в виде девственницы, непорочной девы с розовыми щеками. В этой церкви висит также люстра из оленьих рогов, наподобие тех, в которых явился Христос Евстафию и говорил с ним.

Из этого города мы отправили к Богом хранимому Хмелю, гетману Зиновию, письмо, в котором извещали его, по обычаю, о своем прибыли, ибо он с войском своим стоял на расстоянии четырех больших миль от этого города.

Во вторник, выехав из города, мы проехали одну большую милю и прибыли в другой базар с укреплением, новым рвом и с прудом, по имени *Мадфадкан* (Медвин). В нем три церкви: во имя Владычицы, св. Николая и св. Георгия. Тут бывает ярмарка для купли и продажи в праздник Рождества Иоанна Крестителя 24 июня.

Выступив отсюда, мы проехали еще две большие мили по обширному лесу между двумя горами, дорогой узкой и трудной, идущей по долине. Чрез небольшие промежутки дорога перегорожена связанными бревнами для воспрепятствования нападению конницы. С правой и с левой стороны находятся благоустроенные дома, числом около трехсот. На дне долины у них идут один за другим до десяти прудов для рыбы; вода течет из одного пруда в другой, т. е. из протока плотины первого ко второму, от второго к третьему... На прудах мельницы; плотины обсажены многочисленными ветлами.

Заметь, что по озерам всех этих стран растет обыкновенно во множестве желтый цветок *нинуфар* (кувшинка), а также двойной белый.

Ничто так не удивляло нас, как изобилие у них запасов и птиц, именно: кур, гусей, уток, индюшек, которые во множестве гуляют в полях и лесах, кормясь вдали от городов и деревень. Они кладут свои яйца среди леса и в скрытых местах, потому что некому их разыскивать по причине их множества. В этой стране нет и не знают ни хорьков, ни хищных зверей, ни пресмыкающихся; а если изредка и попадаются змеи, как мы видели одну по пути из Валахии до столицы Московии и убили ее, то они безвредны. Нет у них ни воров, на грабителей.

Знай, что в домах этой страны мы видали людей, животных и птиц (вместе) и весьма удивлялись изобилию у них всяких благ. Ты увидишь, читатель, в доме каждого человека по десяти и более детей с белыми волосами на голове; за большую белизну мы называли их старцами. Они погодки и идут лесенкой один за другим, что еще больше увеличивало наше удивление. Дети выходили из домов посмотреть на нас, но больше мы на них любовались: ты увидел бы, что большой стоит с краю, подле него пониже его на пядень, и так все ниже и ниже до самого маленького с другого края. Да будет благословен их Творец! Что нам сказать об этом благословенном народе? из них убиты в эти годы во время походов сотни тысяч, и татары забрали их в плен тысячи; моровой язвы они прежде не ведали, но в эти годы она появилась у них, унеся из них сотни тысяч в сады блаженства. При всем том они многочисленны, как муравьи, и бессчетнее звезд. Подумаешь, что женщина у них бывает беременна и родит три, четыре раза в год и всякий раз по три, по четыре (младенца) вместе. Но вернее то, как нам говорили, что в этой стране нет ни одной женщины бесплодной[199]. Это дело очевидное, для всякого несомненное и испытанное.

Что касается их домашних животных и скота, то ты увидишь, читатель, в доме каждого хозяина (да благословится Творец!) десять родов животных: во-первых, лошади, во-вторых, коровы, в-третьих, овцы, в-четвертых, козы, похожие на газелей, в-пятых, свиньи, в-шестых, куры, в-седьмых, гуси, в-восьмых, утки, в-девятых, индюшки во множестве, у некоторых, в-десятых, голуби, для которых есть места над потолками домов. Держат также собак.

Больше всего нас удивляли различные породы свиней разного цвета и вида. Они бывают черные, белые, красные, рыжие, желтые и синие; также черные с белыми пятнами, синие с

красными пятнами, красные с желтыми пятнами, белые с рыжими пятнами; некоторые из них пестрые, а иные полосатые в разных видах. Как часто мы смотрели и смеялись на их детенышей! Нам ни разу не удавалось удержать хоть одного из них; несомненно, у них в брюхе дьяволы: они ускользают, как ртуть, их голоса отдаются эхом на дальнее расстояние. Самки их рождают три раза в году: первый раз в своей жизни приносят одиннадцать поросят, во второй раз девять, в третий — семь, в четвертый — пять, в пятый — три, в шестой раз в своей жизни только одного, т.е. нечет; затем они совершенно перестают нести и становятся бесплодными, годны только на убой. Режут обыкновенно самцов, а самок оставляют. Для них есть отдельные пастухи. Что касается кур, гусей и уток, то каждая порода держится отдельно.

Что касается их разнородных посевов, то они удивительны и многочисленны и бывают всевозможных видов. О них скажем в своем месте.

Возвращаемся к описанию трехсот домов в долине. У жителей две церкви. Имя этого места *Исай* (Исайки). Каждый дом окружен садиком, изгородь которого состоит из вишни, сливы и иных деревьев. Земля в них засажена капустой, морковью, репой, петрушкой, латуком и прочим.

Глава IX. Украина. — Богуслав. Свидание патриарха с гетманом Хмельницким.

Весь упомянутый лес окружен изгородью, и каждая сторона его принадлежит кому-либо из жителей. Выбравшись из леса и узкой дороги, мы проехали еще одну милю — а всего четыре в этот день — и приблизились к большому городу с укреплениями и цитаделью, по имени *Богуслафи* (Богуслав). Мы переехали на судах большую реку, называемую *Рош* (Рось). Все шестеро священников упомянутого города в это время уже ожидали нас в облачениях и с хоругвями, а также певчие с прочим народом; с войском было знамя христолюбивого, воинственного гетмана Зиновия из черной и желтой шелковой материи полосами с водруженным на нем крестом. Все они ожидали нас на берегу реки. Когда наш владыка патриарх вышел на берег, они пали ниц перед ним. Он приложился по обыкновению к их крестам и иконам, они же целовали его крест и десницу. Нас повели с великим почетом и уважением в церковь Богородицы, ибо она первая из трех церквей, находящихся в этом городе; вторая — во имя Троицы, а третья — св. Параскевы. В этой церкви Богородицы вместо люстры висит больших размеров олений рог со многими разветвлениями: концы его обделаны и в них вставлены свечи.

Что касается гетмана Хмеля, то он со своими полками стоял вне этого города. Ему послали известие о нашем прибытии. В среду поздним утром пришла весть, что гетман едет приветствовать нашего владыку патриарха. Мы вышли встретить его вне нашего жилища, подле которого пролегает путь в крепость, где для гетмана было приготовлено помещение. Он подъехал от городских ворот с большой свитой, среди которой никто не мог бы его узнать: все были в красивой одежде и с дорогим оружием, а он был одет в простое короткое платье и носил малоценное оружие. Увидев нашего патриарха издали, он сошел с коня, что сделали и другие, бывшие с ним, подошел к нему, поклонился и, дважды поцеловав край его одеяния, приложился ко кресту и облобызал его правую руку, а наш владыка патриарх поцеловал его в голову. Где глаза ваши, господари Молдавии и Валахии? Где ваше величие и высокомерие? Каждый из вас ниже любого из полковников, его подчиненных: Господь по правосудию и справедливости осыпал его дарами и наделил счастием в мере, недостижимой царям. Он тотчас взял под руку нашего владыку патриарха и пошел с ним шаг за шагом, пока не ввел его вовнутрь крепости, при чем плакал. Они сели за стол и вместе с ними полковники. О, читатель! ты мог бы быть свидетелем разумности его речей, его кротости, покорности, смирения и слез, ибо он был весьма рад нашему владыке патриарху, чрезвычайно его полюбил и говорил: «благодарю Бога, удостоившего меня перед смертью свиданием с твоею святостью». Он много разговаривал с ним о разных предметах и все, о чем просил его наш патриарх, он покорно исполнил. Именно, господарь Валахии кир Константин и вельможи валашские были в большом страхе перед гетманом, ожидая, что он невзначай появится у них со своим войском по причине избиений, пленения и прочего, совершенного господарем Матвеем, когда войско его разбило казаков; они очень просили нашего владыку патриарха ходатайствовать за них перед гетманом и прислать им от него письмо, которое успокоило бы их умы. Гетман исполнил его просьбу и послал им желаемое. Также и новый господарь Молдавии Стефан сильно его боялся по причине убиения сына его Тимофея и других гнусных убийств, кои молдаване совершали над казаками. Он их также простил и послал им письмо в ответ на их письма к нему.

Затем гетман расспрашивал нашего патриарха о многих предметах. Потом мы поднесли ему подарки на блюдах, покрытых, по их обычаю, платками; они суть: кусок камня с кровью Господа нашего Иисуса Христа со святой Голгофы, сосуд со святым миром, коробка мускусного

мыла, надушенное мыло, мыло алеппское, коробка леденцов, ладан, финики, абрикосы, ковер большой и ценный малый, рис, сосуд с кофейными бобами, то есть, с кофе, так как он любитель его, и кассия.

Насупротив него сидели его визирь и высшие из его приближенных: *бисарай* (писарь) — грамматикос и десятеро из его полковников. Все они, по их обычаю, с бритыми бородами. Таково значение имени «казак», то есть: имеющий бритую бороду и щеголяющий усами, а значение имени «полковник» то же, что паша или эмир.

Этот Хмель муж преклонных лет, но еще бодр; бесхитростный, спокойный, молчаливый, не отстраняющийся от людей; всеми делами занимается лично, умерен в еде, питье и одежде, подражая в образе жизни великому из царей, Василию Македонянину, как о нем повествует история. Всякий, кто увидит его, подивится на него и скажет: «так вот он, этот Хмель, коего слава и имя разнеслись по всему миру». Как нам передавали, во франкских землях сочиняли в похвалу ему поэмы и оды на его походы, войны с врагами веры и завоевания. Пусть его наружность невзрачна, но с ним Бог, — а это великая вещь. Молдавский господарь Василий был высок ростом, сурового, внушительного вида, слово его исполнялось беспрекословно, он славился во всем свете и обладал большим имением и богатством, но все это не помогло ему, и как в первый свой поход, так и во второй и в третий и много раз, он обращал тыл. Какой контраст, Хмель, между твоим (громким) именем и деяниями, и твоим внешним видом! Поистине, Бог с тобою, Он, который поставил тебя, чтобы избавить свой избранный народ от рабства языкам, как древле Моисей избавил израильтян от порабощения Фараону: тот потопил египтян в Красном море, а ты уничтожил и истребил ляхов, кои сквернее (египтян), своим острым мечом. Хвала Богу, совершившему чрез тебя все эти великие дела!

Если, случалось, кто-нибудь приходил к нему с жалобой во время стола или обращался к нему с речью, то он говорил обыкновенно потихоньку, чтобы никто не слыхал: таков всегдашний их обычай. Что касается того, как он сидел за столом, то он сел ниже, а нашего владыку патриарха посадил на первом месте, согласно почету, который ему приличествует в собраниях: не так, как господари Валахии и Молдавии, кои сами занимали первые места, а архиерея сажали ниже себя. Затем подали к столу миски с водкой, которую пили ложками (чарками?) еще горячей. Гетману поставили высший сорт водки в серебряном кубке. Он сначала предлагал пить нашему владыке патриарху, а потом сам пил и угощал каждого из нас, так как мы стояли перед ним. Воззри на эту душу от праха земного! Да продлит Бог ее существование! У него нет виночерпиев, ни особых людей для подачи ему кушаньев и питья, как это водится у царей и правителей. Затем были поданы на стол расписные глиняные блюда с соленой рыбой в вареном виде и иное в малом количестве. Не было ни серебряных блюд и кубков, ни серебряных ложек, ни иного подобного, хотя у каждого из слуг его есть по нескольку сундуков, наполненных блюдами, чашами, ложками и сокровищами ляхов из серебра и золота. Но они всем этим пренебрегают, находясь в походе; когда же бывают дома, на родине, тогда иное дело.

Перед закатом солнца гетман простился с нашим владыкой патриархом, проводив его за крепостные ворота, и сел в свой экипаж, запряженный в одну только лошадь. Не было царских карет, украшенных драгоценными тканями и заложенных большим числом отличных лошадей, хотя у гетмана таких тысячи. Он тотчас уехал под проливным дождем, направляясь к своему войску. На нем был белый дождевой плащ. Он удалился, прислав нам денег на дорогу с извинением, а также дал письмо во все подвластные ему города для (получения) пищи и питья, даровых лошадей и повозок, и еще письма к царю московскому и к воеводе Путивля. Вот что произошло.

Глава X. Украина. — Административное устройство. Посещение патриархом казацкого лагеря и прощание с гетманом.

Знай, что государство ляхов состояло из трех частей: одна часть — та, которую отнял у них и захватил гетман Зиновий; она имеет протяжение на месяц (пути) в длину и столько же в ширину, вся полна жителями, крепостями и укреплениями, как гранат (семенами); вторая часть — та, которая остается в их руках теперь; третья часть — средняя, которую гетман совершенно опустошил: сжег ее города и селения, перебил там мужчин, причем большая часть жителей сделались пленниками татар, и обратил ее в пустую степь, границу между ним и ляхами на протяжении нескольких дней.

Знай, что у Хмеля теперь восемнадцать полковников, то есть пашей, из коих каждый правит многими городами и крепостями с несметным числом жителей. Между ними есть четверо, пятеро, из коих каждый имеет под своею властью сорок, пятьдесят и шестьдесят базаров; войска, обязанного службой, у них 60, 50, 40 тысяч; наименьший из них имеет под своею властью тридцать, сорок базаров, а войска 30, 20 тысяч. Те, что пониже их чином, имеют под властью каждый по двадцати базаров и меньше, а войска по 20 тысяч и менее. Все эти тысячи войска собираются у Хмеля при походе, составляя более 500 тысяч. Они в совершенстве обучены знанию различных военных хитростей. В настоящее время у гетмана оказывается около ста тысяч храбрых молодых людей, искусных в верховой езде и джигитовке. Прежде эти войска были просто поселяне[200], не обладавшие никакой опытностью в войне, но постепенно обучились. Упомянутые же молодые люди все обучались с малых лет наездничеству, храбрости, стрельбе из ружей и метанию стрел. Заметь, что все эти воины не получают содержания, но сеют хлеб, сколько пожелают, затем жнут его и убирают в свои дома. Никто не берет с них ни десятины, ни иного подобного: они от всего этого свободны; и в таком положении находятся все подданные страны казаков: не знают ни налогов, ни харача, ни десятины. Но Хмель отдает на откуп весь таможенный сбор с купцов на границах своего государства, а также доходы с меда, пива и водки, за сто тысяч динаров (червонцев) содержателям таможен. Этого хватает ему на расходы на целый год. Кроме этого он ничего не берет.

Эти сведения о Хмеле и казаках, кои мы передали подробно, старательно и в точном изложении, после многих расспросов и проверки, я собрал с трудом и утомлением, удостоверяясь в их правдивости. Сколько ночей я просиживал над записыванием, не заботясь об отдыхе!

Что касается упомянутой крепости Богуслава, то она очень сильна, окружена двумя стенами и двумя рвами, одна внутри другой. Башни ее многочисленны и с южной стороны она тянется по закраине горы. Под ней протекает вышеупомянутая река города, в которой выдаются огромные скалы. В крепости есть высокие и великолепные дворцы, принадлежавшие ляхам, и вблизи них церковь, также им принадлежавшая. Наш владыка патриарх дал разрешение освятить ее и служить в ней, ибо казаки раньше разрушали все церкви ляхов и сравняли их с землею, думая этим искоренить самую память о ляхах; по этой же причине они оставили на произвол судьбы их постройки и их царские жилища (нет вражды сильнее религиозной), сделав их даже местом для нечистот.

Мы выехали из Богуслава в четверг 22 июня. Путь наш приходился среди табора войска казаков и Хмеля. Они было уже выступили все в поход, но гетман послал пригласить в себе нашего владыку патриарха, отложив по этой причине свое выступление. Мы въехали в средину войска. Ты мог бы видеть тогда, читатель, как тысячи и сотни тысяч их, стараясь опередить друг друга, спешили толпами, чтобы приложиться в деснице и кресту нашего владыки патриарха,

бросались на землю, так что лошади (патриаршего) экипажа остановились, и мы были этим недовольны и раздосадованы по причине их многочисленности, но наконец доехали до палатки гетмана Хмеля, маленькой и невзрачной. Он вышел навстречу нашему владыке патриарху и сделал ему земной поклон. Тогда наш владыка патриарх прочел над ним молитву о войне и победе, призывая благословение Божие на него и его войско. Гетман, поддерживая патриарха под руку, ввел в свою палатку, где не было дорогих ковров, а простой половик. Он раньше сидел за столом, на котором стояло кушанье, и обедал: перед ним не было ничего, кроме блюда с вареным укропом, хотя в то же время мы видели, что служители из его войска и ратники ловили для себя рыбу в близлежащих прудах. Смотри же, какова воздержность! Затем он попотчевал нас водкой, мы встали, и он вышел с нашим патриархом, чтобы опять проводить его. Мы отправились.

Ратники не имеют палаток, но ставят кругом себя деревья или ветви, наподобие шатра, покрывая их своими плащами для защиты себя от дождя: они довольствуются чрезвычайно малым. Да будет над ними благословение Божие!

Глава XI.. Украина. — Триполье. Описание церкви. Евреи.

В этот день (четверг, 22 июня) мы проехали еще 4 большие мили[201] по низменной местности, покрытой высокою густою травой, и вечером прибыли в деревню, по имени *Кокари* (Когарлык). Прежде она имела укрепление, но оно разрушено во время войн. В пятницу мы выехали отсюда, проехали чрез две большие деревни и, сделав три мили, прибыли в большой город, называемый *Триполис* (Триполье), ибо он состоит из трех городов с укреплениями. Прежде чем подъедешь к нему, видишь табор, состоящий из трех земляных холмов с очень узкими проходами, в которые можно входить не иначе, как поодиночке. Жители вышли нас встретить. Город представляет большую, неприступную крепость на вершине горы, с двумя стенами и двумя рвами. Большая часть ее домов пусты, потому что прежде город был центральным местом для евреев, коих красивые дома, лавки и постоялые дворы пусты и безлюдны. Нас повели к находящейся в нем церкви в честь Преображения Господня, великолепной, большой, пространной и красивой, превосходящей своею красотою, размерами и обилием окон все церкви стран казацких, ибо, когда мы вошли в нее, наши умы были поражены изумлением. Она очень высока, с двумя всходами, с большими стеклянными окнами кругом; имеет купол весьма высокий, широкий, пространный, круглый на восьмигранном основании, наподобие куполов нашей страны, покрытый блестящей жестью. Над апсидой алтаря есть другой красивый купол, и еще купол с тремя крестами над дверьми. Что касается божественного алтаря, то он великолепен: тябла (иконостас) приводят ум в изумление своей высотой и блеском, образами и позолотой. Впрочем, в этой стране не так заботятся о величине распятия (на иконостасе), как греки, но оно превосходно: изображения Иоанна и Богородицы по сторонам его стоят отдельно, под ними не видать досок и они имеют подобие цельной человеческой фигуры. Двери алтаря великолепные, большие, со сквозной резьбой и позолотой. В этой стране такое обыкновение, что непременно бывает икона Нерукотворного образа и всегда над царскими вратами. Над нею постоянно бывает образ Господа, в полной фигуре, сидящего на троне, в великолепном саккосе и митре; по сторонам Его Иоанн Креститель и Владычица, справа от Него Петр с ключами и пять содругов его, а слева Павел с мечом и пять его содругов, ибо на всех иконостасах в этой стране их изображают не иначе, как в таком виде, и непременно, из числа двенадцати апостолов, Павел изображается перед Петром.

Посредине хороса находится деревянный круг с двумя ступенями, покрытый красным сукном: на нем дьякон говорит ектению и читает евангелие. Пол церкви весь из каменных плит. Она выстроена из сосновых бревен, связанных удивительно искусно. Снаружи кругом нее идет весьма изящный навес с точеной решеткой, с высокими куполами над каждой из двух ее дверей.

Церковь эту построил блаженной памяти архонт, по имени *Бано*, во время побед Гетмана, именно восемь лет тому назад. Мы молились в ней в этот вечер, в канун праздника Рождества Иоанна Крестителя, а поутру отстояли утреню.

Близ церкви находится вторая крепость очень обширная, красивая и в высшей степени сильная; внутри ее есть царский дворец, который уже наружным видом своим радует душу смотрящего, еще прежде чем войдешь в него. Высокая куполообразная надстройка дворца над воротами крепости очень красива и величественна; над нею другая надстройка с куполом — услада для взоров зрителя! — с изящною решеткой вокруг; стоящий там видит на расстояние одного дня пути. Дворец этот много лучше сооружений Калиновского. Перед ним расположены дома ляхов и евреев, их лавки и красивые постоялые дворы, ныне заброшенные.

Нам рассказывали в этом городе, что, когда появился Хмель и, очистив землю от многих тысяч евреев, пришел в эту местность, то все оставшиеся в живых евреи, их богачи и вельможи,

собрались и ушли в крепость, по имени *Тульжини* (Тульчин)[202], со своим имуществом и богатством, и там укрепились, имея пушки, порох и съестные припасы. Казаки подступили, осадили их и, покорив мечом, вошли в крепость и избили не мечами, а палками и поленьями, всех там находившихся, коих было около двадцати тысяч душ; даже младенцев казаки вытаскивали копьями из живота беременных женщин и убивали; таким образом уничтожили их всех и захватили себе в добычу их сокровища. Они делили между собой мерами золото, заключавшееся в бочонках, и продавали за пустяки самые ценные вещи: за грош серебряное блюдо или чашу, подсвечник, кадильницу или иное — предметы, цены которым они не знают. Неверные евреи, видя себя уже захваченными, бросили, по своему коварству, все свое золото и серебро, драгоценные украшения и уборы ночью в озеро, обтекающее крепость, но казаки, со свойственною им смышленостью и проницательностью, все это вытащили, и таким образом надежда и намерение неверных были обмануты.

Нам рассказывали, что в одном городе[203]… казаки избили 70 тысяч евреев, так как неверные не довольствовались угнетением их, но совершали насилия над их женами и дочерьми. По этой причине прогневался Бог на них и на ляхов, давших им власть.

Мы спрашивали еврея *Яки* [Янаки, который нашел убежище в Молдавии], что сделал Хмель с евреями в стране ляхов, и тот отвечал, что он больше причинил им зла и больше совершил избиений среди них, чем в древности Веспасиан. На это мы рассмеялись.

Перед описанною церковью, внутри другой крепости, есть благолепная церковь во имя св. Николая. Что касается великой реки Днепра, то она протекает поблизости этого города, и здесь на ней строятся суда, ходящие в Черное море.

Глава XII. Украина. — Васильков. Описание иконы. Живопись. Угодья Печерского монастыря.

Выехав из этого города в субботу 24 июня, мы проехали одну милю и прибыли в другой большой базар, называемый *Обухоя* (Обухов), также с высоким укреплением. В нем две церкви; в одной из них мы отстояли литургию (праздника) Крестителя; любовались на ярмарку, то есть на куплю и продажу, которая бывает ежегодно в этот праздник. Церкви — одна в честь Воскресения, другая — св. Михаила. Выехав из города, сделали еще милю и прибыли в разрушенное укрепление с церковью во имя святителя Николая. Проехав третью милю, прибыли в другое селение, по имени *Хомока* (Ханьбиков?), близ которого протекает большая, широкая река. На нашем пути в этот день встречались в изобилии сосновые деревья. Изгороди садов и полей все состоят из ивы, ибо ее очень много в этой стране, также, как и греческой ивы; она переплетена кругом ветвями других растений, служащих для изгородей. Мы проехали четвертую милю и, быв встречены сотником с 50 всадниками, прибыли к городу, называемому *Василико* (Васильков), коему действительно приличествует такое имя[204], ибо он велик и крепок и составляет не один, а три большие города с цитаделями и укреплениями, один внутри другого, на вершине неприступной горы. Но все они пусты, потому что два года тому назад появилась моровая язва и истребила их жителей. Нас встретили за городом священники и народ с хоругвями, поднялись с нами к самому высокому месту города и привели нас в благолепную церковь, внутри третьей крепости, во имя свв. Антония и Феодосия Великих, то есть двух святых земли казаков; эти два святые были первыми, которые ввели у них монашескую, ангельскую жизнь, именно, устроили кельи и пещеры для отшельников, монашество и монастыри, и потому они у них в большом уважении.

Это церковь красивая, высокая; иконостас ее очень велик, подобно иконостасам греческим, но икона Владычицы там, большая, великолепная, поражает удивлением умы; подобной мы и раньше не видывали и после никогда не видали. Богоматерь так прекрасно написана, что как будто говорит; риза Ее как бы тёмно-красный блестящий бархат, — мы никогда не видывали подобного изделия — фон темный, а складки светлые, как складки (настоящего) бархата. Что касается убруса, который покрывает Ее чело и ниспадает вниз, то тебе кажется, как будто он переливается и колеблется. Ее лик и уста приводят в изумление своею прелестью: им не хватает только слова. Мир Божий над ними! Господь, сидящий на Ее лоне, прекрасен в высшей степени: Он как будто говорит. Как уже упомянуто, я много видал (икон), начиная с греческих стран до сих мест и отсюда до Москвы, но нигде не видал подобного или равного этому (образу). Казацкие живописцы заимствовали красоты живописи лиц и цвета одежд от франкских и ляшских живописцев-художников и теперь пишут православные образа, будучи обученными и искусными. Они обладают большою ловкостью в изображении человеческих лиц с совершенным сходством, как мы видели это на портретах Феофана, патриарха Иерусалимского, и других.

Нам рассказывал архимандрит этого великого монастыря[205], что его угодья составляют теперь тридцать базаров, то есть больших многолюдных городов, о коих мы упоминали, и четыреста благоустроенных селений, даже в стране ляхов по сие время, ибо эти последние очень почитают обитель и имеют к ней большую веру.

Нас поместили в подворье монастыря *Бажарска* (Печерского), то есть монастыря в честь Успения Богородицы вне Киева. Имя его знаменито во всем мире, он — слава земли казаков, как мы увидели это впоследствии. Весь этот город вместе с сотней таких же составляет издревле владение упомянутого монастыря, из-за этого монастыря превзошло то, что постигло ляхов от

злых деяний священников-иезуитов, или, вернее, езидов[206], кои стремились отнять его у православных, и он стал причиной их гибели и конечного рассеяния.

В этом городе есть еще две церкви: во имя Входа Господня во Храм и св. Николая. В вышеупомянутой церкви мы отстояли службу вечером накануне 6-го воскресенья по Пятидесятнице, а рано поутру утреню и затем обедню, после чего вышли в близлежащий сад этой церкви, где в изобилии растут вишни, сливы, ореховые деревья и виноградные лозы, которых мы не видели от самой Молдавии, а также рута и европейский тёмно-красный левкой.

Глава XIII. Киев. — Печерский монастырь. Приезд и встреча. Святые ворота. Келии. Монахи. Трапеза.

В понедельник, вставши рано поутру, мы проехали пять больших миль. Упомянутый сотник и его отряд провожали нас со знаменами. Мы проезжали по дорогам трудным и узким и чрез большой лес и приблизились к озеру *халестау* (хелештеу)[207] и к мельницам, составляющим угодье упомянутого монастыря. Еще не доезжая до этого места, мы издали видели блестевшие куполы монастыря и церкви Св. Софии. Когда мы поднялись на склон горы, нашего владыку патриарха встретил игумен этого монастыря, именуемый у них архимандритом[208], ибо таков обычай касательно настоятелей монастырей в этой стране до Московии, что их называют не иначе как архимандритами. С ним был епископ, проживавший в его монастыре, и монахи. Патриарха посадили в монастырский экипаж, имеющий вид царского, покрытый позолотой, а внутри весь обитый красным бархатом, и нас повезли по направлению к монастырю. Мы ехали среди бесчисленных садов, где были несчетные тысячи ореховых и шелковичных деревьев и множество виноградных лоз. В каждом саду находятся жилище его владельца; всего около 4—5 тысяч домов с 4—5 тысячами садов, и все они составляют владение упомянутого монастыря. Затем мы прибыли к большому городу со стеной, рвом и множеством садов и, въехав в царскую, широкую улицу, проезжали сначала мимо монастыря для монахинь из благородных семейств, потом подъехали к огромной, высокой каменной башне, выбеленной известью, — то были ворота монастыря; над ними как бы висит церковь, со многими округлыми окошками и высоким граненым куполом; она в честь Св. Троицы, ибо внутри ее есть изображение трапезы ангелов и Авраама.

Тут высадили из экипажа нашего владыку патриарха, из уважения к святой обители, ибо, если даже царь придет, то сходит и отсюда идет пешком. Здесь крепкие железные ворота и стоят привратники. В предшествии встречавших нас мы вступили в великий монастырь Успения Богоматери, известный на их языке под именем Печерский, что значит «монастырь пещер», ибо святые Антоний и Феодосий, кои соорудили его, ранее обитали в пещерах и подземельях, служивших убежищем затворников и кельями отшельников. Слева от входящего в эти ворота находится вышеупомянутая церковь Троицы, куда поднимаются по высокой лестнице. На одной двери их изображен св. Иоанн Милостивый, патриарх александрийский: он стоит одетый в мантию, с клобуком[209] на голове [какой обычно носит в этой стране патриарх; и мы возили с собой клобук, сделанный из черного бархата, но наш владыка отказался надевать его, хотя в этом не было ничего дурного и он был, может быть, наиболее подходящим головным убором], святого окружают нищие, бедняки и больные, которым он бросает динарии правою рукой, а в левой держит пустой кошелек. На второй двери изображение богатого и Лазаря: богатый сидит за столом, окруженный друзьями и разряженными женами; они пьют вино; Лазарь стоит у дверей, прося милостыню, его отталкивают и прогоняют; он идет и садится внизу насупротив них в воротах, и собаки лижут его раны, тут же ангел смерти с ужасным видом. Между этими двумя дверями стоит пустой внутри деревянный столб, обитый железом, с замком, дабы всякий входящий, у которого сердце жестоко, при виде этих двух изображений, бросил туда милостыню для бедных.

Отсюда идет далее широкая царская[210] дорога к тому месту, где стоит святая церковь; справа и слева многочисленные красивые и чистенькие кельи монахов с прекрасными стеклянными окнами, которые дают обильный свет со всех четырех сторон и выходят на дорогу, в палисадники и сады, в коих расположены кельи. Каждая келья содержит три комнаты с тремя дверями, которые крепко запираются удивительными железными замками. Кельи разрисованы и

раскрашены красками и украшены всякими картинами и превосходными изображениями, снабжены столами и длинными скамьями, кантурами, печами, то есть очагами, с красиво расписанными изразцами. При них находятся прекрасные комнаты с книгами. Каждая келья изукрашена всякого рода убранством, красива, изящна, опрятна, так что веселит душу входящего и прибавляет жизни своим обитателям. С наружной стороны у келий прекрасные палисадники с цветами, базиликом и иными пахучими и восхитительными растениями, окруженные изящными решетками.

Два года тому назад в этом монастыре было около пятисот монахов, но в упомянутую моровую язву из них умерло до трехсот а осталось теперь двести. Они представляются твоим взорам, читатель, очень ласковыми, опрятными, с ясными лицами одеты всегда в шерстяные мантии, кротки, тихи, крайне воздержаны и целомудренны. У каждого в руках четки. Что касается их пищи, то они едят только раз в сутки. Из кельи в церковь — вот в чем проходит вся их жизнь. Все они носят черные суконные колпаки с черным искусственным мехом, сделанным из шерсти, на подобие бархата. Крепы у них очень большие, спускаются на глаза и застегиваются пуговицами под подбородком когда при богослужении или перед своим игуменом или архиереем монахи обнажают голову, то клобук остается висящим у них за спиной, как это в обычае у капуцинов, только еще красивее, чем у них и езуитов; впрочем, их одеяния и мантии схожи.

Так же одеваются их архимандриты, митрополит и епископы, только у них на шее всегда висят золотые кресты на цепочках и мантии их имеют синие полосы[211] на груди и у ног и белые, как это обычно бывает на мантиях архиереев, но они одеваются в них постоянно во всю жизнь. Старшие монахи, настоятели и епископы всегда носят в руках толстые бамбуковые трости с серебряным набалдашником и с наконечником в виде копья. Таков их обычай.

Возвращаемся (к рассказу). Когда мы приблизились к великой церкви из нее вышло восемь пар иеромонахов, из коих каждая пара была в одинаковых фелонях, за ними четыре иеродиакона, из которых каждая пара в одинаковых стихарях; они держали в руках кадила, а священники евангелия, иконы и золотые восьмиконечные кресты. Мы сошли по лестнице в церковь. Наш владыка патриарх при пении вошел в хорос, приложился к святым иконам и стал на своем патриаршем месте. Тогда вышел дьякон и возгласил ектению на круглом помосте (амвоне), лежащем среди хороса: «Помилуй нас Боже по велицей милости Твоей», «Еще молимся о отце, господине, патриархе кир Макарии Антиохийском, о архимандрите Иосифе, о гетмане Зиновии и о богохранимом царе Алексии», но не упомянул имени их митрополита, потому что этот монастырь самостоятельно управляется и никому не подчинен. Затем совершили отпуст, патриарх благословил присутствующих и ему спели по-гречески «Исполла эти деспота», ибо в здешних больших монастырях обыкновенно знают это наизусть по-гречески и поют, когда приезжает к ним патриарх. Затем подали ему святую воду, и он окропил ею церковь и присутствующих монахов.

Нас повели в трапезную, где помещаются прекрасные и благополучные келлии настоятеля. Сначала подали сласти и варенья, именно: варенье из зеленых сладких грецких орехов, цельных, в обвертке, варенье из вишен и иные сорта со многими пряностями, которых мы не видывали в своей стране; еще подавали хлеб на меду с пряностями и водку. Потом это убрали и подали обед, состоявший из постных блюд, ибо это было в понедельник, в котрый они не едят рыбы, также как по средам и пятницам. Подавали постные кушанья с шафраном и многими пряностями всякого сорта и вида, печеные из теста в масле блины, то есть *зунгул* [212] , сухие грибы и пр. Для питья подавали сначала мед, потом пиво, затем отличное красное вино из собственных виноградников.

Сначала поставили на стол по нескольку блюд разного кушанья, затем отодвигали их

понемногу и приносили другие. Так продолжали делать до конца по обычаю турок, а не молдаван и валахов, которые оставляют блюда одно на другом до вечера. Каждое подаваемое блюдо ставили сначала перед нашим владыкой патриархом и оставляли, пока он не поест с него немного, затем его двигали дальше по столу до самого конца стола, где его снимали. Всякий раз, как поднесут ему блюдо, подают его потом другому, так что он ел с блюд первым, раньше всех, а присутствующие после. Убрав кушанья, подали разнообразные фрукты, царскую вишню сладкую и кислую, сладкие кисти, похожие на лисий виноград, как бы кораллы, вроде апрельских семечек[213], и другой сорт, подобный незрелому винограду, по имени *икрист* (агрест, крыжовник), и иное.

В таком порядке и виде бывает у них трапеза. Все приборы: тарелки, кубки, ложки, которые клали перед нами, как в этом монастыре, так и в других, всегда были из серебра.

Мы встали из-за стола и возвратились в свое помещение.

Глава XIV. Киев. — Печерский монастырь, Описание великой церкви. Монастырский сад. Колокольни.

Знай, что вокруг этого монастыря есть двадцать три церкви, в коих служат монахи; из них те, которые находятся среди садов, назначены для мирян.

Вот имена церквей, которые мы успели посетить и святыням коих поклонились: во-первых, в келиях настоятеля красивая церковь в честь Петра и Павла; во-вторых, вне (келий) церковь в честь свв. Антония и Феодосия; в-третьих, в честь Поклонения Честному Кресту (Воздвижения), где почивают мощи тысячи святых отшельников и затворников; в-четвертых, церковь, в коей также находятся мощи древних святых, в подземелье среди их келий; в нем еще три малые церкви: одна — в честь Рождества, другая — Благовещения, третья — Антония и Феодосия вблизи их келий, внутри подземных ходов; восьмая церковь в честь Славного Воскресения; девятая — Рождества Богородицы; десятая — Троицы, о которой мы упоминали, в башне монастыря; одиннадцатая — во имя св. Параскевы; двенадцатая — монастырь во имя св. Николая; тринадцатая — св. Георгия; затем еще три церкви при церкви Воздвижения Креста.

Вот описание великой церкви[214]. Вся она из камня, кирпича и извести внутри и снаружи, имеет высокий свод и девять высоких куполов, покрытых блестящей жестью, с девятью позолоченными крестами. Она построена четырехугольником; имеет в длину, по нашему измерению, 140 шагов и столько же в ширину; высота ее более 60 локтей. В нее сходят по лестнице. С западной стороны большая дверь, подле которой другая, малая; с южной стороны три двери, из коих средняя больше двух других; с северной стороны одна только дверь. Церковь имеет четыре алтаря, наибольший — посредине. Над упомянутой западной дверью находится изображение Успения Богоматери, справа и слева от него изображены два царя, построившие эту церковь; подле каждого из них большое высокое окно; выше Богоматери дерево, на ветвях которого сидят святые, а над ним еще три больших окна; между ними изображение Петра и Павла, над коими изображены новые святые Антоний и Феодосий, слава земли казаков; выше них еще три окна, над которыми поднимается огромная арка на двух больших пилястрах, стоящих по сторонам дверей. Знай, что поверх этой арки есть балки и навес, то есть высокий выступ наружу, из красивого красного кирпича с полосками между ним из белой извести. Выше этого поднимается большой купол, именно купол нарфекса, и над ним другой, красивый восьмиугольный, крытый блестящей жестью, с восемью окнами.

Над другою, малою дверью церкви изображена Богородица с ангелами, держащими над Нею уготованные для Нее венцы; выше них три окна, а над всем красивый горбообразный свод[215] на углу церкви, покрытый жестью, с позолоченным крестом; выше свода два окна, одно над другим; над всем небольшая арка из красного кирпича, изукрашенная всяческими хитростями искусства. На углу церковной крыши возвышается красивый полукупол, обитый жестью, с крестом.

Что касается северной от дверей церкви стороны, т. е. большого угла, то все это место до северных дверей церкви представляет очень высокую башню, чрезвычайно крепкую, назначенную для военных целей: в ее стенах множество бойниц. Здесь помещается церковная ризница. Дверь в нее на западной стороне церкви, в одном ряду с большою дверью; над ней изображен Иоанн Креститель. Итак, с западной стороны церковь имеет три двери в ряд. От верхней части этой последней двери и далее вверх до крыши — двенадцать больших окон с железными решетками, а надо всем этим — две арки, подобный вышеописанным, и навес из красного кирпича с резьбою, как в церковных постройках Ханака; над арками большой восьмиугольный купол с восемью окнами по окружности его. Здесь, над этими западными

дверями, у самой крыши расписано зеленым, золотым и иными цветами на удивление уму.

Что касается южной стороны церкви, то над большой средней дверью находится узкое окно, около десяти локтей, над которым еще три окна; над ними большое распятие, выше коего арка и купол, подобные вышеописанным. Также над второю дверью два окна внизу и одно наверху; между ними изображены Господь и Иоанн, а под ними три патриарха (святителя); и над этой дверью также большая арка и купол с крестом. В том же роде третья дверь. Между этими тремя дверями есть нечто вроде двух башен с очень высокими окнами.

С северной стороны церкви только одна дверь; над ней изображен св. Стефан, а выше до кровли — десять больших окон со стеклами; надо всем огромная арка, больше всех других, ибо она занимает пространство от края крыши упомянутой большой церковной башни до края крыши четвертого крайнего алтаря. Над аркой возвышается восьмиугольный купол, красивее тех куполов.

Над великим алтарем есть большой купол, самый красивый из всех, а также над другими двумя алтарями по куполу одинаковой вышины, четвертый же алтарь очень низок. Что касается огромного купола над хоросом, то он похож на купол св. Софии; он обширный, (частью) круглый, (частью) восьмиугольный, с высоким подъемом. Этот огромный купол имеет кругом окна со стеклами, числом двенадцать. Над ним для украшения сделана глава, и все покрыто жестью, блестящей, как серебро. Купол и глава чрезвычайно высоки, их крест больше всех других и блестит, как золото. Знай, что все стены этой церкви скреплены железными связями изнутри наружу. Итак, всех куполов церкви девять, а число всех больших окон в стенах этой церкви, вместе с окнами куполов, около восьмидесяти, и все они с железными решетками, с прозрачными хрустальными стеклами. Число дверей церкви семь, они с решетчатыми створами из чистого железа.

Что касается главного внутреннего пространства великой церкви, то оно представляет в ширину три нефа.

Первое отделение нарфекса имеет над собою купол. Здесь находятся иконы Господа и Владычицы, весьма большие, в длину и ширину около 15 локтей, сообразно величине и высоте церковных стен. Они стоят напротив входа с правой и с левой стороны в тройных широких киотах, в полтора локтя шириною. Киот с трех сторон украшен резьбой и позолотой, а среди резьбы изображены сверху вниз шесть апостолов с этого края и шесть других с того края. В другом ряду изображены Страсти Господни, а в третьем, ближайшем к Господу, все господские праздники. На нижней части киота есть также изображение: Господь, пред коим множество овец с пастухом впереди, ведущим их вверх; Господь обращается назад и прогоняет от них волков копьем. В таком же роде икона Владычицы: в одном ряду изображены пророки, кои прорекли о Ней; в других двух изображены 24 похвалы Богородицы. На главе Господа венец из золота, серебра и драгоценных каменьев и точно такой же на главе Владычицы, с бахромой и жемчугом. На этих двух иконах много привесов из золота и серебра: крестики, образки и драгоценности. С высоты купола свешивается перед ними большой медный, позолоченный фонарь со стеклами.

Во втором отделении нарфекса огромные, высокие, прочные столбы. Наверху его висит большая, великолепная люстра из желтой меди со стоячими статуями, которые несут ее на себе, держа в правой руке свечи, а в левой удивительные гроздья винограда. Здесь, справа от входящего, очень высокая, большая арка, которая заходит за архиерейское место; внутри она вся из мрамора с письменами; косяки с той и с другой стороны покрыты блестящим мрамором с резными украшениями (барельефами): на нем изображены люди, кони, битвы, колесницы и пушки тонкою, отчетливою работой, приводящей ум в изумление[216]. На половине этой арки имеется изображение продолговатого стола, на коем спит человек с бородой, в железной

кольчуге; он сделан из твердого красного камня, похожего на порфир, и ничем не отличается от полной человеческой фигуры. Он лежит на боку, облокотившись, подложив правую руку под голову; одно колено его положено на другое; на голове золоченая корона, на груди золоченые же цепи. Это работа, поражающая удивлением умы[217]. Нам рассказывали, что он был царем над русскими, уверовал во Христа около 600 лет тому назад и построил эту церковь. Насупротив него, с северной стороны, находится изображение сына его с длинною белою бородой.

Хорос церкви весь вымощен твердыми, красными плитами вроде порфира. Говорят, что этот камень[218] добывают из реки Днепра. Таков же и пол церкви, на котором доселе остаются следы удивительной древней, многоцветной мозаики. Посредине (хороса) помещен деревянный круг с двумя всходами, покрытый красным сукном: на нем дьякон говорит ектению и читается Евангелие. Архиерейское место весьма красиво; подле него четырехугольный клирос с местами (формами), где стоят священники и певчие, и точно такой же насупротив него с левой стороны. Наверху большего купола изображен Господь — да будет прославлено имя Его! Место органа, то есть место, где стоят певчие, очень высоко: оно помещается над наружным нарфексом и выходит по обыкновению на хорос.

Что касается иконостаса, то он великолепен, но стар. Над ним распятие: опоясание Спасителя из кованого чистого золота. Иконы при вратах алтаря весьма благолепны, в особенности иконы Господа и Владычицы, ибо они больше и лучше находящихся в нарфексе, с венцами и многочисленными привесками: золотыми и серебряными крестиками, образками, жемчугом и драгоценными каменьями; книга Господа, то есть Его Евангелие, из кованого серебра, а письмена золотые. На левой стороне от иконы Господа икона Успения Богородицы, весьма благолепная. Точно также справа от иконы Владычицы икона свв. Антония и Феодосия. Такие же иконостасы при вратах других алтарей.

Перед дверями великого алтаря стоят два большие великолепные подсвечника из желтой меди, из коих каждый утвержден на четырех львах и весит около одного алеппского кинтара [219] или даже более. Перед дверями других алтарей стоят подсвечники точеные из дерева и позолоченные. На верху медного подсвечника есть пять мест для вставления свечей, в один ряд, и то же на другом, подобном ему; но место для свечи, ближайшее к (царским) вратам, выше остальных четырех, рядом с ним находящихся, которые постепенно понижаются по направлению к клиросу. Когда зажгут, с обеих сторон, вставленные в них свечи, то над одним подсвечником получается вид полуарки и над другим, насупротив него, полуарка. Это очень красивое устройство. Также за святым престолом подсвечники размещены в ряд на ступеньках из досок: средний выше всех, а те, которые по сторонам, ниже и ниже, в виде арки. Они представляют великолепный вид, когда зажгут в них свечи. Что касается многочисленных серебряных лампад пред алтарями, то во всех них вставлены свечи, которые зажигают взамен масла.

Знай, что свечи как в этой церкви, так и в монастырях и больших церквах у казаков, бывают все прекрасного зеленого цвета.

Святой алтарь очень высок и возносится в пространство. От верху полукруглой его арки до половины ее изображены: Владычица, стоя благословляющая, с платом у пояса, а ниже Ее Господь, окруженный архиереями, — мозаикой с золотом, как в св. Софии и в церкви Вифлеема. В передней (восточной) части алтаря три больших окна со стеклами. Пол его сделан из чудесной мелкой мозаики. По окружности алтаря идет кафедра (горнее место) с тремя ступенями; над нею, на высоту роста, также мозаика из превосходная мрамора. Позади святого престола стоят шкафы с ящиками и замками, где хранятся священные сосуды. Точно так же позади образа Господа есть большое помещение тоже с ящиками и замками; в каждом ящике полное священническое и дьяконское облачение, дорогое, расшитое золотом, стоимостью

каждое во сто динаров (червонцев) и более.

Купол алтаря имеет стеклянные окна и находится над тем местом, где стоит священник перед престолом; точно так же над другими двумя алтарями. В северном алтаре священник совершает проскомидию на святом престоле. На самом верху арки этого алтаря написан образ Иоанна Крестителя с двумя крылами, ибо престол в честь его. Здесь место, где священники умывают руки; оно чудесной работы; около него большое, хорошее зеркало.

Заметь, что во всех монастырях и церквах земли казаков, находящихся в городе Киеве и его округе, а также во всех церквах в монастырях земли московитов непременно бывает одно или два зеркала в каждом алтаре церкви.

Перед дверьми этого северного алтаря стоит драгоценная рака, покрытая дорогими покровами: в ней мощи святой, по имени Иулиании[220], новой праведницы. На стене всего этого места, начиная от верху, изображено Успение Богородицы и апостолы, восхищаемые в облаках; каждый апостол имеет при себе ангела. Внизу же изображены апостолы, собравшиеся вокруг мраморного гроба Св. Девы; саван раскрыт, и они, в изумлении, поднимают руки к небу, говоря: «Она вознеслась!» Насупротив этого места они также в сборе, и хитон ее среди них[221].

Великолепные царские хоругви водружены у обоих клиросов. Чрез северные двери входишь в четвертый алтарь во имя св. Николая.

Вот, что мы рассказали об устройстве всей великой церкви, которая утверждена на фундаментах и огромных, величественных колоннах. По окружности ее сделаны сиденья (формы).

Что касается келий архимандрита, то они представляют большой, великолепный дом. Кельи, где он помещается, находятся в верхнем этаже и имеют высокий купол; вокруг него красивая решетка, выходящая на великую реку Днепр, которая течет внизу монастырских садов.

Архимандрит водил нас в свои сады, куда мы спустились из его келий по лестнице. Входят в сад дверью в виде высокой арки с куполом. С боков она вся состоит из решетки, сплетенной из тонких ветвей изнутри и снаружи, и имеет один локоть в толщину. Внутри ее какое-то растение с зелеными ветками и многочисленными шипами, похожее на желтый жасмин или ветви жасмина Хамы; поднимаясь из земли, оно проникает в это удивительное произведение и наполняет решетку. Всякую веточку, как только она выступит наружу из решетки, обрезают ножницами. Из того же растения сделаны изгороди гряд этого сада. Ты видишь, что его стволы, выходя из земли, бывают шириной в локоть, поднимаются над землей не более как на два локтя и в своей совокупности образуют по ширине как бы стену. Растение приносит плоды. Мы их ели: оно похожи на незрелый виноград, зеленый и сладкий. Его называют *икрист* [222] . Столь искусное устройство есть дело рук садовников, которые подрезают и выращивают это растение, делая его таким красивым. В этом саду есть абрикосовые деревья и очень много шелковичных. Говорят, что прежний митрополит казаков[223] разводил на них шелковичных червей, и получался отличный шелк. Есть множество больших ореховых деревьев и еще более виноградных лоз; вино из них темно-красное; его развозят из этого монастыря по всем церквам земли казаков.

Знай, что здесь во всяком большом монастыре, у митрополита казаков и у всех его епископов есть служилые люди из важных сановников; из них каждый чином равен полковнику. Их зовут монастырскими слугами. Когда митрополит, или епископ, или архимандрит монастыря едет в своем экипаже, они скачут впереди и позади него на отличных дорогих конях, в пышных одеждах и в полном драгоценном вооружении. Такой у них обычай.

Знай, что во всех кельях: у митрополита, епископа, архимандрита, у дьякона или монаха имеется бессчетное множество дорогого оружия, именно: малые алжирские и черкесские ружья, сабли, пистолеты, луки со стрелами и пр.

За вратами великой церкви две колокольни, одна насупротив другой, с западной стороны. Они деревянные, высокие, четырехугольные. Одна из них очень высокая и подъем на нее равняется всходу на минарет Исы (Иисуса) в Дамаске[224]. Она громадна и имеет много камор внутри; на верх ведет большая витая лестница. Наверху висят на деревянных брусьях пять больших и малых колоколов; там же находятся, скрытые в каморе, большие железные часы, бой которых слышен на большом расстоянии. Они возвещают каждую четверть часа одним ударом в малый колокол; когда пройдет час, они ударяют четыре раза тихо, потом бьют известное число часов в большой колокол. В то время, 24 июня, они били до вечера 24 часа, таким образом, день имел 17 1/2 часов, а ночь 6 1/2. У них есть извне, на стене колокольни, круг для солнечных часов. Другие часы висят снаружи каменной колокольни церкви Троицы, о коей мы упоминали. Когда большие часы вечером пробьют 24 часа, эти ударяют много раз в железную доску с сильным боем, дабы слышали находящиеся вне монастыря, вошли и заперли ворота. Другая колокольня, насупротив, ниже первой. На ней висит огромный колокол [225], подобного которому мы еще не видывали: он величиной с небольшой шатер и весит около 50 алеппских кинтаров[226].

Глава XV. Киев. — Печерский монастырь. Описание Ближних и Дальних пещер.

Во вторник перед праздником апостолов (Петра и Павла) мы отправились на поклонение в церковь Воздвижения Креста, где почивают тысячи мощей отшельников-иноков, удалившихся от мира, коих имя знаменито во вселенной. Церковь эта находится ниже великой церкви на уступе горы, имеет два высоких купола, крытых жестью, с крестами, и новый прекрасный иконостас. Резьба и позолота царских врат таковы, что они ничем не отличаются от златокованых. Когда мы отстояли в ней обедню, нас повели вниз в подземелье, вырытое в длинной горе, потом в пещеру, где вели отшельническую жизнь святые Антоний и Феодосий, кои были первыми, явившими в этой земле образ ангельской, отшельнической жизни. У нас было с собой много свечей. Мы осматривали многочисленный помещения и узкие, убогие кельи и места, где почивает большое число отцов и владык: они до сих пор остаются в своих гробах, отшельнических одеяниях, в железных узких поясах и мантиях — все в том же виде со времени (их кончины) доселе, как сказано о них: «дивен Бог во святых своих, и вся хотения Его в них». В этом мы удостоверились воочию, быв свидетелями ясных тому доказательств, видели изумительные чудеса, и наши умы были поражены этими необычайными вещами, ибо каким образом тела их, подобные нашим, доселе остаются нетленными, не распавшимися, в своем природном виде? их бороды и русые волосы на голове держатся крепко и прекрасны, несмотря на то, что они постоянно находятся в этой мрачной пещере, но светлой от их пребывания в ней. Вся эта пещера представляет норы и келийки, не вмещающие даже ребенка: как же они могли вмещать кого-либо из них? О чудо! Там они провели годы своей жизни без хлеба, питаясь только злаками. Одни затворились в своих кельях, и им подавали пищу и питье чрез отверстие; другой вскопал себе яму в земле до половины своего роста, и ней провел годы своей жизни и скончался, оставшись доселе, как он был[227]: стоя в ней будто живой, с лицом, обращенным к востоку. Один, затворившись в пещере, провел в ней годы жития своего и по кончине был погребен в могиле. У него был брат, отшельник на Святой Горе, который, придя навестить брата, нашел его умершим, занял его келью и провождал здесь отшельническое житие до своей кончины. Его понесли похоронить подле брата и — о чудо! — так как могила была очень тесна, брат его, умерший за много лет, повернулся на бок, чтобы дать место брату, и до сих пор остается с приподнятыми коленями, на удивление смотрящим и во славу Бога нашего[228].

Что же касается великих святых, их начальников, Антония и Феодосия, то их кельи вместе, и подле келий стол, высеченный из камня. Над кельями в скале место, откуда капала для питья им вода, которой было достаточно для всех этих святых. Близ келий красивая церковь с иконостасом, который кажется новым, хотя ему сотни лет. В ней они совершали литургию, и до сих пор иереи монастырские продолжают в ней служить обедню. В этой пещере есть еще три церкви с иконостасами, для прочих отшельников, и в них доселе совершают литургию.

Подле кельи упомянутых святых стоит деревянный столб; к нему привязывают умалишенных, и они тотчас исцеляются.

Мы помолились и приложились к отдельным главам, из коих источается миро: они желты, как золото, и лежат в стеклянных сосудах. В одной гробнице находятся 12 отшельников [229] вместе, друг подле друга. Нам рассказывали, что они были родом из Румелии. Когда, во дни царя Василия Македонянина, они прибыли от него сюда и чрез них эти страны уверовали (во Христа), то они сделались учителями (веры) и построили эту великую церковь и иные. Под конец они уединились в этой пещере и в ней скончались.

Словом, я не имею сил исчислить их (всех): их множество, около тысячи; половина их

открыта, остальные сокрыты внутри их келий и ход к ним забит. Мир Божий над всеми ними! Они славны во всем свете. Да поможет нам Бог их молитвами!

Затем мы прошли на небольшое расстояние от этого места к подножию горы, под которою течет великая река Днепр, к другой церкви, где почивают мощи древних святых[230]. Упомянутые святые Феодосий и Антоний, превзошедшие тезоименитых им святых, славных Антония Великого и Феодосия Великого, кои были светочами, один — пустыни Скитской, другой — Палестинской, и явившиеся в позднейшие времена, первые явили этот ангельский образ жизни и стали светом земли казаков и московитов. Они пришли сюда и, ископав эту церковь и пещеру под горой, долгое время вели отшельническую жизнь вместе со своими многочисленными учениками. Когда же возникло у них сильное желание устроить киновию, монастырь и церковь, дабы собрать отшельников, — ибо у подножья этой горы, выходящей на Днепр, который течет под нею, было множество келий, в коих доселе обитает великое число отшельников, а место, где теперь великая церковь, было вершиной горы с большим лесом — явилась им тогда наша Владычица, Пресвятая Дева, среди деревьев леса, в огненном сиянии, а деревья были как бы объяты пламенем, подобно тому, как Она[231] явилась Моисею в купине. Она сказала им ясно: «постройте здесь монастырь и великую церковь во имя Мое». Тогда они, изумленные, вышли из пещеры и начали строение церкви, которую докончил бывший в то время христолюбивый царь. Они же устроили эту пещеру и в ней почили. По этой причине доселе изображают на многочисленных иконах Св. Деву среди деревьев, объятых пламенем, и Антония, и Феодосия, стоящих и молящих о Ее предстательстве. Этот великий монастырь присвояется им, и потому среди иконы помещают между ними изображение монастырского строения, как оно есть. По той же причине в земле казаков священники, совершая отпуст, всякий раз непременно прибавляют: «молитвами святых Антония и Феодосия монастыря Печерского».

Возвращаемся. В упомянутой пещере множество ходов, и внутри их доселе остаются три церкви с иконостасами и иконами: одна — во имя Рождества, другая — Благовещения, третья — Антония и Феодосия, близ коей находятся их кельи и еще сохраняется стол, подобный вышеописанному. Здесь так же почивают многочисленные мощи, однако, весьма истлевшие, ибо, как мы упомянули, они древнее тех и столько времени лежат под землей в сырости и холоде. Большая часть их закрыта. Тут есть тела двух отроков [232]: их головы желты и до сих пор источают миро. Есть мощи епископа, которого привезли из Московии, в гробе, выдолбленном из дерева[233].

Мы вышли из пещер со слезами, пораженные удивлением и изумлением. Да поможет нам Бог предстательством всех их! Аминь.

В это время архимандрит прислал за нами экипаж, в который мы сели, и прибыли в монастырь (по дороге) между садами, ибо подъем в этом месте труден и длинен. Мы сели за трапезу по обыкновению.

Глава XVI. Киев. — Вознесенский монастырь. Типография Печерского монастыря.

В среду перед праздником апостолов (Петра и Павла) приехала игуменья женского монастыря в честь Вознесения Господня и пригласила нашего владыку патриарха присутствовать у них за литургией, прочесть им молитву отпущения грехов и благословить девственных монахинь.

Мы отправились туда. Все монахини вышли навстречу владыке. Это монастырь благоустроенный: в нем более 50 или 60 монахинь, и все они знатного происхождения; лица их как солнце, на них шерстяные черные мантии до земли. Мужчины совершенно не могут к ним входить. В монастыре есть большой колодец, снабженный колесом с двумя целями, которое вращается рукой: одна цепь поднимается, другая опускается.

[Большинство этих монахинь из богатых и старинных польских родов; игуменья принадлежит к семейству самого польского короля. Побуждаемые любовью к этому монастырю, где большая часть из них получили воспитание, они возвращаются в него, постригаются и остаются там монахинями].

Монастырь окружен описанными садами, а в средине его святая церковь, деревянная, красивая, с шестью куполами и крестами. Мы вошли в нее. Монахини пели во время литургии «Достойно есть» и другие молитвы, а также все, исполняемые попеременно (на клиросах). В церкви большая серебряная люстра и из того же металла два напрестольных подсвечника. На иконах Господа, Владычицы, Вознесения и мучениц множество венцов, крестиков, образков, привесов, золотых и серебряных цепочек с жемчугом и драгоценными каменьями. На стенах изображения десяти дев и праведниц: мучениц и святых.

Нас поместили в левой стороне хороса, а монахини стояли, скучившись, в правой, их священник начал литургию, а около него стояла кандиловозжигательница. Монахини пели и читали молитвы приятным напевом и нежными голосами, разрывающими сердце и исторгающими слезы: это было пение трогательное, хватающее за душу, много лучше пения мужчин. Мы были восхищены приятностью голосов и пения, в особенности девиц взрослых и маленьких. Все они умеют читать, знакомы с философией, логикой и занимаются сочинениями. Они пели «Святый Боже», «Аллилуйя» и «Господи помилуй» как бы одними устами; одна из них прочла апостол весьма отчетливо. Псалом и прокимен они поют с переливами. При «Достойно есть» ударили в колокол, и монахини вышли из своих мест на (средину) хороса и пропели это сладостным напевом, стоя на коленях.

По принятии ими Св. Даров и раздаче им антидора, они просили нашего владыку патриарха прочесть над ними молитву отпущения грехов. Все они припали к земле, и он прочел ее над ними и потом окропил их святою водой.

У них много девиц взрослых и маленьких, которые носят меховые колпаки: их воспитывают для монашества, ибо большая часть их сироты.

По выходе из церкви, игуменья повела нас в свою келью, где нам подали на завтрак сладкое, прекрасные варенья, медовый хлеб и водку. Затем, с дозволения нашего владыки патриарха, монахини написали на большом листе молитву отпущения для всех монахинь. Наш владыка патриарх приложил к ней свою руку, по вере их. Мы возвратились в свое помещение.

Близ великой церкви есть превосходный, знаменитый печатный дом, служащий для

этой страны. Из него выходят все их церковные книги удивительной печатью разного вида и цвета, а также рисунки на больших листах, примечательности стран, иконы святых, отвлеченные сюжеты и пр. По обычаю патриархов, мы напечатали в нем множество разрешительных грамот с именем нашего патриарха на их языке красными буквами и с изображением св. ап. Петра. Грамоты были трех родов: в целый лист для вельмож, средняя — для народа и маленькие — для женщин.

В этот день кир Сильвестр, митрополит Киева и всей земли казаков, что есть Малая Россия, приехал к нашему владыке патриарху в экипаже, обитом красным сукном. С ним были двое епископов и настоятели монастырей. У всех них висели на груди золотые кресты на цепочках, и они были одеты в свои всегдашние мантии. Его сопровождали обязанные к тому служилые люди, впереди и позади, на прекрасных конях, в дорогих одеждах и оружии. Когда они приветствовали нашего владыку патриарха, мы возложили ему на шею крест по их обычаю.

Глава XVII. Киев. — Печерский монастырь. Служения в праздник апостолов Петра и Павла. Отъезд из монастыря. Колокол Св. Софии.

Накануне праздника св. апостолов сначала сделали несколько ударов в колокол великой церкви только для того, чтобы дать знак окружным церквам, и те зазвонили в свои колокола. Все собрались в церковь Петра и Павла при кельях настоятеля и там отслужили великое повечерие. По окончании его, священник, дьякон и кандиловозжигатель подошли к нашему владыке патриарху, взяли у него благословение, пошли и зазвонили во все колокола и в большой, который по его тяжести могут раскачивать только восемь мужчин, по четыре в каждой стороны, при помощи толстых веревок, употребляя всю свою силу. Его звон гремел, достигая, может быть, на расстояние трех часов, ибо он весьма чист, и железный язык колокола весит около 15 ритлов алеппских[234]. От его тяжести весь купол и леса описанной огромной башни шатались, качались и дрожали. Мы вошли в церковь. По окончании малого повечерия, мы ушли. Через два часа, по наступлении ночи, зазвонили опять во все колокола и в большой. Мы пошли в церковь ко всенощной.

Зажгли паникадила и свечи, поставили красивый аналой, и канонарх начал читать (а певчие пели) псалом вечерни стихами попеременно на обоих клиросах, наподобие полиелея у нас и также нараспев. Его пели весьма приятным напевом, пока не кончил канонарх. Пели также «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу» до конца. Затем вышел дьякон и сказал большую[235] ектению. Потом пели «Подобны»[236], затем «Слава Отцу», при чем монахи вышли из своих форм и встали в хоросе кругом, по их всегдашнему обычаю при каждой «Славе» и при каждом «Достойно есть». Потом выходили на малый вход и пели «Свете тихий», по их обыкновению, громким голосом. Диакон сказал ектению и прочел «Сподоби»; потом он произнес: «исполним вечернюю молитву». После этого вышли на великий вход во внешний нарфекс шесть пар священников — каждая пара в одинаковых фелонях — и два дьякона с кадильницами. Наш владыка-патриарх, сойдя, стал на своем месте близ больших, главных[237] дверей, а священники стали кругом него. После того как оба дьякона окадили образа и патриарха в первый и во второй раз, потом предстоящих, один из них начал прошение литийное: «спаси, Боже, люди твоя», затем отошел, а его товарищ сказал: «еще молимся о государях наших», упоминая имя нашего владыки патриарха и архимандрита, и ушел, первый же прочел остальное, при чем «Господи помилуй» пели сладостным и протяжным напевом. Наш владыка патриарх прочел положенную молитву. Мы подвинулась вперед, и наш владыка патриарх кадил вокруг пяти хлебов в хоросе, расположив их крестообразно по обыкновению. Окончили молитву и начали утреню, после того как вторично звонили во все колокола. Прочли псалмы, дьякон кадил при полиелее, священник прочел евангелие утрени, а дьякон: «спаси, Господи, люди твоя». Затем последовал по обычаю канон. По седьмой песне и синаксаре первенствующий священник прочел поучение Афанасия, патриарха Иерусалимского. Потом пропели на обоих клиросах «Слава в вышних Богу», как поют армяне[238], приятным напевом, все вместе с певчими, заменяющими орган, т.е. с маленькими мальчиками. Это трогательное пение продолжалось в течение всей всенощной и обедни следующего дня и совершалось по нотам. Мы вышли из церкви ранним утром.

С вечера просили нашего владыку патриарха отслужить у них литургию. До благовеста в ней дали знак несколькими ударами в большой колокол с остановками, вследствие чего во всех церквах зазвонили в колокола и отслужили обедню, а затем поспешили к литургии в великую церковь: монахи и миряне, мужчины и женщины, а также игуменья женского монастыря со своими монахинями. Сначала взяли благословение священник и дьякон, потом кандиловозжигатель, и зазвонили во все колокола. Мы пошли и облачились с несколькими их священниками и дьяконами. Нас не допустили надеть свои облачения, но дали нам из своих ценных облачений, ибо они думают, что их облачения освятятся, так как мы прибыли из Святой Земли. Затем мы все вышли с кадилами и свечами встречать нашего владыку патриарха вне храма. Мы стали его облачать на круглом помосте в хоросе, причем все священники стояли в ряд кругом него. Мы выходили на вход. В этот день вынули много позолоченных евангелий, дорогих кадильниц и восьмиконечных[239] крестов. Во время Апостола вышел один из дьяконов и прочел его, а я прочел Евангелие апостолам по-арабски и, по их обычаю, Владычице по-гречески. После того, как наш владыка патриарх совершил положенное при литургии каждение, вельможи монастыря, т.е. его служилые люди, вместе с другими стали перед царскими вратами: один держал серебряный кувшин, другой — серебряный таз, прочие, стоя с той и другой стороны, развернули большое, дорогое полотенце, и наш владыка патриарх после умыванья им утерся. То же они сделали в конце литургии. При возглашении имени архиерея, мы поминали нашего владыку патриарха, а они — Паисия Константинопольского и своего архимандрита. Когда наш владыка патриарх умыл руки, ему поднесли антидор, и он вкусил его, потом подали ему серебряное ведерко с вином, и он отпил по обычаю. Также подавали и нам. При явлении чаши подошла игуменья со своими монахинями и другие, чтобы причаститься; при этом вышли из алтаря два дьякона и развернули *калимму*, т.е. большой покров, перед чашей, дабы ни одна капля не упала на землю: обрати внимание на это благоговение! Каждому причастнику давали антидор и пить немного вина. Затем вышел наш владыка патриарх и раздал им, по обыкновению, антидор, даже младенцам.

От обедни мы пошли в трапезе. После сладкого и водки подавали царские кушанья, каких мы никогда в жизни не видывали: супы с яйцами, начиненными пряностями, и рыбные с миндальным молоком, соусы же все с чистым шафраном, хотя у них он очень дорог, а миндаль еще дороже: око[240] стоит, быть может, червонец и дороже; также и многочисленные пряности (очень дороги). Такого рода кушанья в их стране всегда подаются, ибо они переняли щедрость у ляхов.

Накануне субботы, после вечерни, вход был совершен четырьмя священниками в черных облачениях; дьякон был в черном же стихаре и ораре. Один из священников, первенствующий, взяв благословение, пошел и кадил вокруг столика, на котором стояло блюдо с кутьей, потом кадил образам и нашему владыке патриарху в первый и во второй раз, священникам и прочим предстоящим, вернулся и стал на свое место. То же сделали три сослужащие ему священника и под конец дьякон; при этом певчие пели заупокойный канон, ибо у них принято накануне каждой субботы совершать это для поминовения усопших и строителей церкви. Наш владыка прочел молитву за усопших и совершили отпуст. После этого они просили нашего владыку патриарха прочесть над ними всеми молитву отпущения грехов; они пали ниц на землю, и он прочел ее над ними. Затем прочли молитву на сон грядущим, и мы вышли. Была совершена служба и в субботу утром, после чего мы простились с ними, намереваясь отправиться в путь. Они повели нашего владыку патриарха в церковь, подали святую воду, и он окропил их всех. Мы

вышли за монастырь, в котором наше пребывание длилось с понедельника до субботы. Архимандрит посадил владыку с собой в свой экипаж, а служилые люди следовали впереди и позади, пока мы не прибыли в монастырь церкви св. Софии, которая есть кафедра митрополии Киевской и всей земли казаков и[241] Малой России. Архимандрит простился с ним и вернулся к себе. Наш переезд продолжался с полчаса, ибо расстояние очень коротко.

Нас встретил митрополит кир Сильвестр со своими епископами и настоятелями монастырей. Мы остановились у него. Нас ждали, дабы мы присутствовали у них за литургией. В то время как ударяли в большой колокол, мы вышли посмотреть (на него) и увидели нечто изумительное. Он гораздо больше колокола Печерского монастыря, в семь, восемь раз: наверно он будет с большой шатер. Железный язык его весит около 1 1/2 алеппских кинтара; двенадцать юношей с большим трудом могли его раскачать, и без того, чтобы кто-нибудь не раскачивал его внутри, он не мог бы дойти до краев колокола по причине его ширины. Когда ударяли в него, наши уши были оглушены его сильным, громоподобным звоном: я говорил своему спутнику громким голосом, и он не слышал. Прочная, высокая деревянная колокольня, которая больше всех, виденных нами, шаталась и дрожала. Но звук колокола монастыря Печерского резче и выше, а звук этого колокола мягче и ниже; по-видимому, он из эмесского состава[242].

Мы пошли к обедне в благополучную церковь, вторую св. Софию, ибо она по справедливости достойна этого имени, как мы видели это воочию и опишем ее в своем месте, как она есть. При «Достойно есть» также ударяли в этот колокол. Мы вышли от обедни к трапезе, а вечером, т.е. в канун седьмого воскресенья по Пятидесятнице, пошли в вечерне. Лития была совершена во внешнем нарфексе, и дьякон прочел «Спаси, Господи, люди Твоя» без освящения хлебов. На другой день была отслужена литургия.

Глава XVIII. Киев. — Рассказ о городе Киев и о том, как казаки устроили церкви и монастыри [243] . Отец Илия и французский философ.

Знай, что древний город Киев был здесь, и доселе заметны следы его ворот, земляных валов и рвов. До сих пор целы в нем большие ворота с каменною башней, называемый Золотыми, ибо они были позолочены, их сожгли татары в последнее время, когда напали на этот город невзначай и зажгли его. Город был великолепен. Печерский монастырь находился вне стен его, а эта церковь св. Софии — посредине его вместе с Михайловским монастырем, что насупротив него, коего купол еще покрыт позолотой, и вокруг них обоих было множество больших благолепных церквей, так как этот город в древности был столицей царства здешних стран, как они сами нам рассказывали.

Когда воссиял свет веры во Христа во дни упомянутого царя Василия, по счислению, 651 год тому назад, как это обозначено на вратах здешних церквей и монастырей, и Владимир, царь русских, женился на сестре царя Василия, по имени *Олиха* (Ольга)[244], после того как прибывшие с ней митрополит и епископы окрестили царя и всех жителей его страны, которые были огромным народом, как повествуют летописи, не принадлежали никакому закону и не исповедовали никакой веры, тогда царица соорудила у них много церквей и монастырей, строителями которых были мастера из Константинополя. По этой причине все надписи сделаны на греческом языке. В то время племена, окружавшие область Киевскую, были язычники, неверные, именно: ляхи, московиты, татары и иные, и постоянно воевали с царицей, но она их победила, пока чрез нее не воссиял на них свет веры во Христа, и они уверовали, за исключением татар. Митрополит Киева имел тогда под своею (духовною) властью также страну московитов, но 60 лет тому назад кир Иеремия Константинопольский, прибыв, сделал архиепископа московитов патриархом, дабы править самостоятельно, ни от кого не завися, ибо вся эта страна подчинена Константинопольскому патриарху, и они поминают имя его в определенных случаях, говоря: «из Константинополя воссиял к нам свет веры во Христа, оттуда мы приняли обряды». Константинопольский патриарх всегда присылает к ним, т.е. в страну казаков, экзарха, и они дают ему милостыню. Он имеет точные сведения об их монастырях, как нам рассказывали.

Мы нашли у архимандрита Печерского монастыря древние грамоты прежних патриархов константинопольских, почти за 500 лет назад, на пергаменте; содержание их в том, что монастырь независим. Мы нашли также у него грамоту покойного Феофана, патриарха Иерусалимского, и позднейшую — теперешнего Паисия. Была также написана для него грамота на их языке, к которой наш владыка патриарх приложил свою подпись и печать; содержание грамоты в том, что архимандрит действует (канонически) правильно, что монастырь этот независим и пр.

Среди этих настоятелей монастырей есть люди ученые, законоведы, ораторы, знающие логику и философию и занимающиеся глубокими вопросами. Но они не называют Константинопольского (патриарха) вселенским, а только архиепископом. Касательно этого существует у них много наследований и обильные свидетельства, так что они привели нас в большое удивление. Как они, так и вся эта страна до Московии твердо веруют, что патриарх Антиохийский есть обладатель власти вязать и решить, что он — наследник апостола Петра, коему одному поручил Господь Христос вязать и решить

на небе и на земле, и что он древнейший из патриархов. От него они брали листы отпущения грехов с великою верой и с полным упованием.

По этому предмету я приведу, уместный здесь, занимательный рассказ. К нашему владыке патриарху в этом городе Киеве, который мы опишем, явился священник, на коего возложено важное поручение, грек родом, живущий в городе Париже, во Франции. Мы с большим удовольствием с ним встретились. Он в настоящее время прибыл послом от царицы великого шведского народа, девственницы, к гетману Хмелю. Она еще раньше, давно отправляла к нему двух послов, кроме этого, и так как ее страна смежна со страной ляхов, то эти узнали их и схватили. Тогда она послала этого священника в Константинополь, откуда он прибыл в землю казаков к Хмелю с посланием от царицы к нему в похвалу его подвигов и прославление его деяний и того, что он с делал ее врагам ляхам, ибо, как мы упоминали раньше, они завоевали многие из ее городов и владений. Она писала ему: «да будет тебе несомненно известно, что я снаряжу из пограничных моих областей 60 тысяч ратников тебе на помощь, дабы ты сокрушил моих врагов». После того, как этот священник повидался с гетманом, последний также отправил с ним посла от себя с письмами в ответ ей. Тогда упомянутый священник с послом Хмеля поехал к московскому царю также с письмом к нему от нее, опять по той причине, что граница ее страны близка от границы московитов, и между нею и царем большая дружба. В ее стране много подданных из московитов.

Невольно мне приходится сказать: «кто ты, о, Хмель, носящий лапти, как о тебе говорят твои враги ляхи, что цари и царицы присылают к тебе послов и великие дары? Слава Единому Богу, Который воздвиг тебя и покорил врагов твоих под ноги твои!»

Возвращаемся. Рассказал нам этот священник, именуемый папа (отец) Илия, следующее: «В последнее время появился во французской земле один ученый муж, великий философ, лютеранского исповедания, и ему последовало множество народа. Он начал жестоко нападать на папу многими действиями, из коих одно состояло в том, что он отправил к нему послание в Рим, говоря ему: «вопрос: был великих достоинств государь, который имел пять сыновей и всех их любил одинаково. Он разделил между ними поровну свое государство. Случилось так, что один из них отделился и отвратился от них и стал жить своим умом, прочие же четверо остались верны взаимной любви и отцовскому завещанию. Кому из них следует повиноваться? тому ли, который отделился от своих братьев, или тем четырем, которые остались во взаимном согласии?» Далее он дал ответ на это, говоря: «четыре патриарха и пятый папа стали таковыми со времени апостола Петра и прочих апостолов и со времен вселенских соборов. Как известно, они оставались долгое время в единении правой веры; напоследок папа отклонился от них, т.е. отделился (как член) от тела, или как палец от длани. Итак, подобает повиноваться четырем, но не сему». Рассказчик продолжал: когда папа выслушал это послание, и не нашлось решительно никого, кто бы смог сделать возражение, то в чрезвычайном гневе он немедленно послал к французскому королю, повелевая ему казнить этого мужа, дабы этот его трактат не распространился по свету и он не возмущал церковь своими мнениями. Король ему ответил: «я не могу этого сделать и возбудить против себя зло, которое теперь бездействует, так как в моем государстве 200 тысяч домов исповедуют теперь это учение и все любят этого мужа. Враги, окружающие мою страну, многочисленны, не считая тех. кои внутри страны; они суть: народ английский, фламандский, нация шведская и другие. Твое же святейшество пребывает в Риме, и ни кругом тебя, ни у тебя нет никого, кроле римлян. А потому не могу его казнить».

Упомянутый философ дал другой ответ: «если папа изъявляет притязание на то, что

он наследник ап. Петра, то это притязание более приличествует патриарху Антиохии, потому что ап. Петр в ней сделался патриархом и пользовался великим уважением, в Риме же он был распят».

Нам также рассказывал этот священник, что во всех франкских странах любят патриарха антиохийского и имеют к нему великую веру, не так, как к другим; после него (почитают) патриарха александрийского; но константинопольского и Иерусалимского ненавидят, одного — по причине своих теперешних отношений, а другого — вследствие его пререканий с франками в Иерусалиме.

Глава XIX. Киев. — Описание церкви св. Софии.

Возвращаемся к тому, на чем мы остановились, к известиям о Киеве. Церковь св. Софии построена по плану подлинной знаменитой св. Софии: такие же, как в той, арки, окружность и крыша. Ум человеческий не в силах обнять ее по причине разнообразия цветов ее мрамора и их сочетаний, симметричного расположения частей ее строения, большого числа и высоты ее колонн, возвышенности ее куполов, ее обширности, многочисленности ее портиков и притворов. То была (св. София) по имени и в подлинности, а эта по имени и по подобию.

Здание ее четырехугольное и все сводчатое, из камня, кирпича и извести внутри и снаружи. Но со стороны западного нарфекса она наполовину в развалинах. Рассказывали, что татары в давнее время ее разрушили и сожгли, и она оставалась в разрушении около ста лет, убежищем для скота и вьючных животных. Потом она была отстроена, но ее разрушили *гуньяты* (униаты), т.е. русские последователи папы: они выломали все плиты ее пола и мозаику и поместили в своих церквах. Нам рассказывали, что вся церковь со всеми своими притворами и галереями вверху и внизу была украшена мозаикой. Говорят, в ней было семьдесят алтарей вверху и внизу. Когда ее разрушали упомянутые ляхи, она оставалась в развалинах около 70 лет, пока не появился вечной памяти Петр, по прозванию Могила, брат Моисея, господаря Молдавии. Сделавшись митрополитом стран русских, он постарался по силе возможности реставрировать ее и привести в ее теперешний вид. Бог да помилует его!

Справа от входящего в западные двери в настоящее время находятся два покинутые алтаря: один во имя Богоявления, т. е. Крещения, где стоит купель для почетных людей из твердого красного камня, похожего на порфир, а внутри другого алтаря сохранились сооружения. Подле этих больших западных врат есть еще две малые двери справа и слева. На каждом из западных углов круглая огромная башня — высокое строение со множеством бойниц. Каждая башня имеет дверь с запада; от нее исходишь по широкой, поместительной и длинной лестнице со многими ступеньками к самой верхней бойнице, чрез которую выходишь на вторую, верхнюю окружную галерею церкви.

С южной стороны пять дверей в ряд, с северной теперь две двери, из коих одна служит в настоящее время для прохода всем. Над ней по штукатурке изображение св. Софии: Христос, лучи Духа Его Святого нисходят на церковь; *кашидьяри* [245] с персиянами в кисейных тюрбанах натягивают луки и стрелами метят на церковь, франки с пушками и ружьями на нее нападают.

С восточной стороны церковь имеет семь абсид больших и высоких: четыре из них одинаковы, а три низкие. В верхней галерее есть также два алтаря, один против другого. Во всех абсидах церкви много больших окон, все с чистыми стеклами, даже круглые оконца. Каждый из алтарей имеет над собой высокий купол с золоченым сияющим крестом. Великий же алтарь очень высок и возносится в пространство. С обеих сторон его два большие, высокие пилястра с гладкими откосами. Вся наружная стена имеет окна, замазанные известью и гипсом, с изображениями и иконами святых внутри. Число столбов и пилястров с каждой стороны стен церкви десять. Длина церкви 210 футов, а ширина больше, потому что ее нефы многочисленны. На верхних частях ее стен устроены подобия арок с удивительно тонким искусством, по точному образцу решетки св. Софии. Что касается нефов церкви с запада на восток (?), то они многочисленны, числом двенадцать, в один ряд, с восьмиугольными столбами и многими арками. Когда входишь

в храм чрез западные двери, то глазам твоим открывается пол хороса, сделанный из удивительной многоценной мозаики с разнообразными тонкостями искусства. Такой же пол внутри алтарей и перед ними. В хоросе, по его окружности, четырехугольный деревянный помост с тремя ступеньками, покрытый превосходным красным сукном. Над хоросом упомянутый высокий купол со многими стеклянными окнами: их кругом двенадцать. В верхней части его изображен Господь Христос с ангелами, а по окружности двенадцать учеников Его; в четырех же углах купола четыре евангелиста — все это из прекрасной позолоченной мозаики с удивительными орнаментами и греческими надписями. Так же (украшены) четыре арки и портики с этой стороны.

Величественный алтарь подобен прославленному алтарю Св. Софии по своей длине, обширности, ширине и подбору цветов мозаики на его стенах и на полу. В нем, от верху абсиды до низу, по всей ее длине, в высшей степени прекрасное изображение Владычицы во весь рост, которая стоит, с платом у пояса, с раскрытыми дланями, подняв руки. Она сделана из разноцветной блестящей мозаики с позолотой. В подлинном храме Св. Софии мы видели Господа Христа, стоящего во весь рост и благословляющего, изображенного с великим совершенством и красотой. Здесь же под Непорочной Девой изображен стол Тайной вечери, окруженный ангелами; Господь передает направо Петру и его содругам божественный хлеб, говоря (а существенные слова исходят из его божественных уст большими греческими буквами): «Приимите, ядите: сие есть Тело Мое», до конца; и вторично Его же изображение; Он дает пить из чаши налево, говоря: «Пийте от нея вси», до конца. Ниже упомянутого божественного стола находятся три больших окна. Между двумя окнами изображены древние святые Алексий и Петр, митрополиты киевские, в своих облачениях и белых клобуках, расшитых золотом; при них написаны по-гречески их имена. Направо от них изображены: архидиакон Стефан с кадильницей и, как подобает архиереям, в светлых облачениях Григорий Чудотворец, Григорий Нисский, Иоанн Златоуст и Василий. Налево подле окна изображены: диакон Лаврентий, Николай Мирликийский, Григорий Богослов, Климент, папа римский, и Епифаний Кипрский. Все их изображения сделаны из позолоченной мозаики с греческими надписями. Весь полукруг кафедры (горнего места) с тремя высокими ступеньками, а посредине его трон с шестью такими же ступенями. Вокруг него, на высоте около пол-роста, выложено (по стене) всевозможными породами мрамора и чудеснейшей цветной мозаикой. Чудные арки алтарей и высокого купола все украшены позолоченною мозаикой и изображениями святых.

Кругом святой абсиды начертано мозаикой по-гречески, как мы списали, следующее: ὁ Θεός ἐν μέσῳ Αὐτής καί οὐ σαλευθήσεται βοήθησει Αὐτή ὁ Θεός...[246], что значит на нашем языке: «Бог посреди Ее и Она не поколеблется: поможет ей Бог от утра до утра». Рассказывают, касательно сооружения Св. Софии, что царь Юстиниан написал то же на всех кирпичах ее.

Святой престол очень велик, сообразно с величиной алтаря, и утвержден на основании. С задней стороны его есть род арки из досок ступеньками; на них стоят в ряд подсвечники с зелеными свечами, которые, когда их зажигают, образуют вид красивого полукруга — приятная утеха взору. На правой стороне (главного) алтаря есть дверь с очень высоким окном над ней; чрез нее входишь в первый алтарь, высокий, с куполом и двумя стеклянными окнами в передней (восточной) его стене; он во имя Рождества Богородицы. Близ него другой, подобный ему, алтарь во имя св. Михаила. С северной стороны (главного алтаря) находятся четыре алтаря; из них два, с высокими куполами, в честь Положения Господа во гроб[247] и Нерукотворного Образа; четвертый — во имя св.

Николая[248].

Иконостас при вратах этих алтарей благолепен и величествен; он новый, чрезвычайно большой, поражает изумлением зрителя. Никто не в силах его описать по причине его красоты и разнообразия его резьбы и позолоты. Царские врата, вышиной в шесть локтей, с аркой наподобие городских ворот: ширина их в 2 1/2 локтя. Они, по обыкновению, в два створа и углублены в подобие свода; все резные и позолоченные. На одном створе изображен аист из серебра: он пронзает свой бок клювом и кровь течет на его птенцов, находящихся под ним; никто не отличит его от чеканной работы. Иконы, числом двенадцать, благолепные, большие; у всех них по сторонам толстые колонны с резьбой и позолотой, углубляющиеся в подобие ниши. Колонны при иконах Господа и Владычицы велики и очень высоки, с резьбой и глубокими вырезами: на них изображены виноградные лозы с блестящими гроздьями, зелеными и красными. Над иконостасом и всеми тяблами идет весьма широкая рама, вся с резьбой и позолотой; она начинается и кончается на протяжении дверей четырех алтарей и идет не прямою линией, а образует впадины. Над ней распятие Господа весьма изящной работы; вокруг него, сверху донизу, род резной рамы, на коей маленькие круги с изображениями святых и апостолов, закрытые стеклами.

По левую сторону от иконы Господа стоит икона Св. Софии, работы мудрого и искусного мастера: в средине иконы церковь с колоннами, при основании которой кругом род свода; над церковью Христос, и Его Дух Святой нисходит на нее в сиянии; внизу изображение геенны; *кашидьяри* с очень большим носом держит в руке лук и стрелы, подле него множество персиян в кисейных тюрбанах с луками и стрелами стреляют на церковь; толпа франков в своих шляпах и костюмах с ружьями и пушками, из которых они стреляют; все ведут брань против нее[249].

Затем мы поднялись во второй ярус церкви по лестнице одной из ее внешних башен. Это восхитительное место, с которого отовсюду открывается вид на хорос и алтари. Оно имеет два нефа: один — с пятью куполами; в передней (восточной) его стороне один из алтарей во имя св. Николая; другой неф также с пятью куполами, и в передней стороне его второй алтарь во имя св. Димитрия. Они выходят на нижние алтари. Перила здесь перед арками состоят из одного куска красного камня и идут от основания одной арки до другой; на них изображены кресты и фигуры, по точному образцу перил св. Софии. Над этими двумя алтарями два купола со стеклянными окнами. Число арок этой галереи тридцать, а куполов десять. Другие два алтаря близ северных дверей, направо от выходящего из церкви, в низких нишах. Взамен тябл сделана железная высокая клетка, которая украшена всевозможными фигурами и расписана: на ней изображены ангелы и святые, коих лица, по обыкновению, белы, а одеяния покрыты позолотой, кресты и греческие надписи, цветы разными красками, зеленой и красной, и прочее, — все это поразительно для ума и сделано из тонких железных листов с закрепами.

В одном из упомянутых алтарей находится большой беломраморный саркофаг с горбообразной крышкой, с крестами; он походит на ступу св. Илиана в Эмессе[250]. О удивление! Откуда они привезли этот мрамор, эти большие колонны, которые снаружи церкви, ибо в этой стране, несомненно, нет мраморных ломов? Вероятно, его привезли на судах из Мармара, что близ Константинополя, по Черному морю, потом вошли в реку Днепр, которая в него впадает, и выгрузили мрамор здесь в Киеве. Из Киева и иных городов красивые корабли ходят по реке Днепру и выходят в Черное море.

Заметь, что все число куполов этой церкви восемнадцать, а число больших золоченых крестов на куполах, зубцах и горбообразных сводах[251] тридцать шесть. Великий купол

находится посредине и над ним другой изящный и легкий купол для украшения, на удивление смотрящим. Все куполы крыты блестящею жестью.

Вот что мы собрали и изложили — над чем я прилежно трудился, бодрствуя по ночам, с усилиями и беспокойством — касательно описания строения св. Софии, которая находится в земле казаков и не имеет себе подобной, кроме соименитой.

Глава XX. Киев. — Златоверхо-Михайловский монастырь. Крепость. Описание города. Братский монастырь.

Затем кир Феодосий, архимандрит Михайловского монастыря, что близ этой церкви, насупротив, пригласил нашего владыку патриарха, прислав за ним экипаж. Мы отправились к нему. Это очень недалеко. Наш владыка патриарх вышел из экипажа перед воротами, и мы вошли в монастырь. Он весь деревянный, но св. церковь, благолепная, высокая и красивая, из камня и извести; ее купол высокий и весь покрыт позолотой. Церковь состоит из одного нефа; по окружности ее многочисленные окна со стеклами. Постройка трех описанных церквей одинакова и одновременна. Архиерейское место великолепно и красиво. Перед ним, налево, изображение Феофана, патриарха Иерусалимского, в мантии, клобуке[252] и с наперсным крестом. Великий алтарь похож на алтарь св. Софии и монастыря Печерского, с тремя большими окнами. На передней (восточной) его стороне есть изображение Владычицы, стоящей, воздев свои руки с открытыми дланями, — из позолоченной мозаики; также изображение Господа, который подает своим ученикам, стоящим с обеих сторон, хлеб и кровь божественные. Под ними кругом изображенья архиереев — все из мозаики. Направо от этого алтаря второй алтарь с высоким куполом, а налево — третий. Святая церковь имеет три двери: одну, большую, с запада, а другие две ведут в оба хороса. С задней стороны северного хороса изящный алтарь, лицом к левой стороне входящего в хорос. Он имеет решетку с двумя створами, сверху донизу из железа, сплетенную со всевозможным искусством, разрисованную цветами и изображениями ангелов и святых, наподобие описанной нами в церкви св. Софии. Внутри этого алтаря красивая рака с мощами св. Варвары Баальбекской (Илиопольской). Направо от входящего в церковь другой алтарь в западном углу, вне которого еще шестой алтарь. Весь пол церкви сделан из больших красных плит.

Близ этого монастыря, в смежности с ним, монастырь для монахинь.

Что касается иконы св. Михаила, то она весьма благолепна и благоговейно чтима. Кольчуга, оружие, наручи, наличник и шлем — все из чистого серебра чеканной работы, а выступы и прочее позолочено. Это работа искусного мастера.

Мы отстояли в этой церкви обедню, потом были за трапезой, любовались монастырскими садиками и колокольней[253] над воротами и вернулись к св. Софии.

Стена и рвы крепости проходят подле этого монастыря и врат Св. Софии. Ее только что выстроил богохранимый царь Алексей. Она укреплена деревянными стенами, рвами и крепкими башнями. Москвитяне обладают светлым умом, подобно франкам, ибо они изобрели такие приспособления для укрепления этой крепости, каких мы не видели в их стране. Она поставили кругом рва бревна вроде длинной оси водяного колеса, очень большие, и переплели их жердями, заостренными наподобие кинжалов и копий, торчащими с четырех сторон оси в виде креста, как вороты наших колодцев. Бревна эти положены в два яруса, будучи протянуты над землей на высоте около полутора роста. Если неприятель сделает нападение, то не находит пути ни по земле, ни сверху, и если повиснет на верхних бревнах, то от этого погибнет, потому что упадет на заостренные нижние колья, которые вонзятся в его тело и члены, и могила станет его обиталищем. Мосты при воротах этого города в крепости поднимаются на цепях. Вся земля вокруг них имеет подземные ходы, наполненные большим количеством пороха. На каждых воротах висит большой колокол: если что-нибудь случится, то в него ударяют, чтобы дать знать всем находящимся в крепости. То же во всех крепостях московитов. В этой крепости

много пушек, одни над другими, вверху и внизу. В ней двое воевод, уполномоченные от царя. У них 60 тысяч войска, из коего одна часть стоит под ружьем днем, а другая ночью.

Древний город Киев доходил до сего места. Когда его покорили враги, то с течением времени он разрушился, и его перенесли в долину на низменность на берегу великой реки Днепра. Путь к нему таков: ты входишь в одни ворота крепости и выходишь в другие, затем с трудом съезжаешь в город по крутому и узкому спуску, где дорога весьма затруднительна и дает место только одной лошади с экипажем. Крепость же, теперь вновь построенная, стоит наверху горы, откуда виден весь город, расстилающийся внизу у ее подножия.

В этот день приходил к нам один из воевод поклониться нашему владыке патриарху и поздравить его с приездом.

Возвращаемся. Св. София и этот монастырь уцелели до настоящего времени. Вокруг них построили монастыри и укрепили их, после того как город был разрушен, ибо все города этой страны деревянные, и если они сгорят, то следы их исчезают и не остается ничего, кроме каменных построек.

Знай, что шейхи в городах и деревнях этой страны именуются старостами.

Нам рассказывали, что, начиная с монастыря Печерского и окружающих его, св. Софии и церквей, кои вокруг нее в развалинах, а также каменных церквей, которые теперь в крепости, разрушенных и уцелевших, до Киева и окружающей его местности, — всего есть около ста церквей и монастырей.

Во вторник 3 июля мы простились с митрополитом и съехали в город Киев, после того как митрополит раньше посылал туда известие и нам приготовили большое помещение. По обычаю, он послал перед нами своих людей, вельмож и сановников, на конях и вооруженных. Когда мы спустились в город, нас встретили его многочисленные священники и дьяконы в облачениях, с хоругвями и свечами. Нас ввели в благолепную каменную церковь, что среди рынка, с пятью куполами, крестообразно расположенными, во имя Успения Богородицы. Затем они пошли впереди нас в обширное жилище, где мы поместились.

В этом городе Киеве вельможи также носят в руках разновидные толстые трости бамбуковые и иные. В городе есть много людей знатных, почтенных, господ и богачей. Нам привозили мед и пиво в больших бочках на каруцах (телегах). Водки много. Хлеб доставляли возами, а рыбу кинтарами, по причине изобилия всего этого у них. Рыба дешева и обильна на удивление, всяких сортов и видов, ибо великая река Днепр, как мы упоминали, находится близ них и по ней ходит много кораблей. Что касается вида судов, плавающих по этой реке, то они огромны, ибо мы смерили по длине, от одного конца до другого, один кусок дерева в 150 пядей. На этой реке есть много судов, длиной в 10 локтей, выдолбленных из одного огромного куска; на них ездят в Черное море, как мы сказали выше.

Дома в этом городе великолепны, высоки и построены из бревен, выстроганных изнутри и снаружи. При каждом доме, как при дворцах, имеется большой сад, где есть все плодовые деревья, какие только у них растут; бессчетное множество больших тутовых деревьев алеппских (из породы) *аль хаззаз*, с белыми и красными листьями; но их ягодами пренебрегают; есть также большие ореховые деревья; очень много в этих садах виноградных лоз. [Среди своих превосходных огуречных гряд они сеют очень много крокуса, руты и гвоздики разных цветов].

Купцы привозят сюда оливковое масло, миндаль, оливки, [рис, изюм], смоквы, табак, красный сафьян, шафран, пряности, персидские материи и хлопчатобумажные ткани —

в большом количестве из турецких земель, на расстояние 40 дней пути. Но все это очень дорого. Женщины продают на красивых базарах и в отличных лавках все необходимое из материй, соболей и пр.; они нарядно одеты, заняты своим делом, и никто не бросает на них нахальных взглядов.

Нам рассказывали, что в этой стране казаков, когда захватят в прелюбодеянии мужчину или женщину, тотчас собираются на них, раздевают и ставят целью для ружей. Таков у них закон, которого никто никогда не может избегнуть.

В этом городе среди казацких живописцев есть много искусных мастеров, которые обладают большою изобретательностью ума в изображении людей, как они есть, также в изображении всех страстей Господних с их подробностями, как об этом будет сказано.

Сколько вздохов и скорби, сколько стонов в сердцах ляхов, вельмож и простолюдинов, об этом городе Киеве, ибо он был престольным городом их краля и большою столицей, был весь занят жилищами их вельмож! Все эти прекрасные дворцы, великолепные дома и сады принадлежали им и богатым евреям. Они имели в нем две благолепных церкви из камня и извести, со сводами на высоких столбах. Одна из них древняя, другая новая, изящная, украшенная всеми архитектурными красотами. Но будучи доведена до конца, она теперь плачет по людям (которые ее посещали), но которых сокрыли судьба и время. Впрочем, ни изображения на верхних частях ее красивых потолков, сделанные из гипса, подобного тесту, ни разнородные украшения еще не довершены художниками. В настоящее время она в разрушении и служит местом для нечистых дел и обиталищем для скота и вьючных животных. Неблагообразная, потрескавшаяся, она только держится и утверждается на своих столбах и основаниях [и покрыта темно-серою зеленью густого мха].

В этих двух церквах города и в его окрестностях было несколько тысяч иезуитских, вернее, езидских священников. Когда появился в этой земле Хмель и, обходя по всем направлениям страну, избивал из них всех попадавшихся ему в руки, то оставшиеся в живых бежали сюда, говоря: «для нас нет спасения, кроме как здесь», ибо этот город представляет (осаждающим) трудности и для стоянки и для передвижений и окружен крепостями и горами. Но Хмель и казаки проникли к ним, связали их веревками, которыми они были опоясаны, и побросали в реку Днепр для потопления, подвергнув их сначала сильнейшим истязаниям; наконец тела их были съедены псами.

Иезуиты[254] не довольствовались тем, что уже имели ляхи, но хотели уничтожить весь род казаков, отнять Печерский монастырь и св. Софию и обратить их в свои церкви. Тогда Хмель возревновал, подобно пророку Илии, отмстил им, избавил избранный народ Божий из рук неверных и мерзких людей, у которых много голов, но нет главы, и освободив его от порабощения безбожным евреям и от власти злых армян-еретиков. О, неверные! о, враги истинной веры! Вы ставите врагов веры господами над христианами, правителями над избранным, божественным народом православным, дабы, угнетая их, насильно притянуть к своей вере, дабы, поработив их и мучая чрез их врагов, заставить принять вашу религию. Почему вы не проповедуете безбожным евреям и не крестите их в свою веру, чтобы обратить их на истинный путь и сделать их христианами посредством проповеди и учения? Армян-еретиков вы принимаете к себе в сообщество. Вы принуждаете казаков, кои суть христиане, к молитве с вами в ваших церквах. Но апостолы в древности проповедовали только народам заблудшим и неверным и израильтянам; вы же поступали тогда вопреки проповеди святых апостолов и дали врагам Божиим, еретикам, возобладать над православными, так что Господь возревновал о них и истребил многие тысячи из вас, дав силу каждому из них обращать в бегство

сотни вас, а сотням — тысячи, а вас, надменных, подверг презрению и уничижению, как обещал устами древних своих пророков. Он избавил их от рабства, и они стали лучшими, избранными сынами. Чрез свое терпение они напоследок сделались наследниками Его царствия; вас же Он сделал пищею их мечей, а в будущей жизни народом заблудших и злых, согласно с тем, как Он обещал, что будет противиться горделивым и дарует свою благодать смиренным, злые же будут клевретами проклятого Иблиса[255].

Возвращаемся. Накануне четверга, мы отстояли службу в благолепной церкви с тремя алтарями: в честь Славного Воскресения, Петра и Павла и мученика Евстафия, коего образ находится на двери его алтаря: он сходит с коня, олень, а в рогах оленя Христос, беседующий с Евстафием. В каждой из церквей киевских есть изображение гнусного сборища против Господа нашего: евреи сидят на креслах, держа в руках письменные свидетельства, и Никодим то, что он написал; Пилат, сидя на троне, умывает руки, а жена его говорит ему на ухо; внизу Господь, нагой, связанный; Каиафа без бороды, в одеянии, похожем на облачение армян, и с подобным же, как у них, (убором) на голове, стоит выше всех и раздирает свою одежду.

В пятницу мы слушали литургию в большом монастыре, называемом на их языке *Сайташни* (Сагайдачного)[256], именно, монастыре трех братьев-царей, которые его построили. Он в честь Богоявления и имеет игумена и монахов. Перед его воротами стоят два деревянные столба, как бы закрученные и свитые с удивительным искусством; на них — место для часов. В Киеве часы на колокольне. В самых воротах помещается красивая церковь с куполами и окнами во имя Благовещения. Кругом великой церкви идет навес; в ней три двери с тремя куполами. Она обширна, велика и имеет амвон с лестницей. В хоросе есть также деревянный круглый помост; места для стояния (формы) идут рядами справа и слева и обращены к востоку, перед ними на правой стороне хороса красивое архиерейское место, задняя сторона которого решетчатая. Куполы церкви величественные и очень большие.

По выходе от обедни, нас повели в трапезную. Она в один неф, из камня и извести, с длинным сводом; дверные косяки мраморные. В ней два стола и множество окон со стеклами. В передней (восточной) ее части имеется алтарная абсида, вся расписанная изображениями. В нижнем поясе абсиды изображение Господа (да будет прославлено имя Его!), постящегося на горе; дьявол, стоя перед ним, искушает его; он держит в руке три камня и говорит: «если ты сын Божий, скажи этим камням, чтобы они сделались хлебами». Другое изображение на другом месте: Господь говорит ему: «отойди от меня, сатана!» Третье изображение: Господь сходит с верхового животного и возливает вино и масло на попавшегося разбойникам. Четвертое: Он несет на плечах заблудшего агнца, а другая овца на привязи на вершине горы между деревьями. Пятое — на арке алтаря: во-первых, изображен Господь, два воина бьют Его по голове тростями, а третий подает ему зеленую трость с листьями и полевыми цветами; второе изображение: Господь связанный и два воина ведут Его; один одет как воин, у другого на голове большой белый кисейный тюрбан; третье изображение на верхней части арки: Господь нагой, израненный сидит на стуле, виноградная лоза выходит из Его утробы и осеняет Его голову; в руках Его свешивается кисть, которую он выжимает в чашу, согласно со словами Его (да будет прославлено Его имя!) в евангелии: «я буду пить новое в царстве Отца Моего». Под этим четвертое изображение: Господь привязан к столбу; двое бьют Его бичом с железными колючками и метлой из терновника. Под этим пятое изображение: Пилат в круглой, белой кисейной чалме, как у муллы, перед ним Господь, судимый, окруженный воинами. На передней части арки шестое изображение: Господь несет крест

и в изнеможении припадает к земле, потом крест возлагают на Симона Киринейца; воины окружают Христа, Мария — не мать Его — утирает пот с Него платком. На самом верху седьмое изображение: Господь распят с разбойниками, Пресвятая Дева в обмороке, Ее поддерживают Саломия и Мария. В нижней части северной стороны арки восьмое изображение: Господь, ведомый на распятие, Пилат умывает руки, на голове его такая же чалма. Живописец нарисовал распятие на верху передней части арки с тою целью, чтобы его мог видеть входящий. С правой стороны ведут наверх ее Господа, несущего свой крест, слева ведут Его также наверх осужденным. Расписана также и вся трапеза.

В восьмое воскресенье по Пятидесятнице наш владыка патриарх служил обедню в церкви Успения Богородицы, по приглашению жителей города. Было большое торжество. Святой престол украсили серебряными сосудами с базиликами и (другими) цветами. Наш владыка патриарх роздал всем присутствующим в церкви антидор, даже мальчикам и девочкам. Знай, что дочери киевских вельмож носят на волосах кружок в виде кольца из черного бархата, расшитый золотом, украшенный жемчугом и каменьями, наподобие короны, стоимостью в 200 золотых — больше или меньше. Дочери бедных делают себе венки из разных цветов.

В этот вечер пришелся у них канун праздника св. Антония Нового, славы земли казаков, почивающего вместе со своим другом Феодосием в пещере, что в Печерском монастыре, ими сооруженном. Начиная со времени перед закатом солнца этого дня до полудня следующего, понедельника 10 июля, они повергли в тревогу весь мир беспрестанным звоном во все колокола. В эту ночь они вовсе не спали, по причине множества служб, ими совершенных, и колоколов, в которые они звонили.

В эту ночь и после того шел дождь, случилось большое наводнение и сильный холод и туман, так что у нас было как будто 10 декабря.

Книга V. От Киева до Коломны

Глава I. Украина. — Выезд из Киева. Переправа через Днепр. Дальнейший путь. Быков. Икона Рождества Богородицы. Прилуки. Описание крепости. Вишневецкий. Баня.

Мы выехали из города Киева в понедельник (10 июля) и прибыли на берег знаменитого Днепра у самой окраины города. Мы переехали его на большом судне вместе со своими экипажами и лошадьми, плывя вдоль по нему около двух часов, пока не вышли на землю на другом берегу, ибо он больше Дуная. При этом мы любовались справа от себя на святые монастыри и церкви, что наверху горы, именно монастыри: св. Михаила, св. Николая, Печерский с церквами, его окружающими, монастырь, построенный здесь молдавским господарем Василием, а также кельи отшельников в пещерах, кои следовали одна за другой. Затем мы проехали две большие мили по узким дорогам, обильным водами и песками, и по огромному лесу, который состоял весь из сосен[257], подобных кипарису, поражающих ум изумлением. Вечером мы прибыли в небольшой базар, называемый *Бробари* (Бровары). В нем красивенькая церковь во имя Петра и Павла и есть метох (подворье), обитаемый монахами и принадлежащий Печерскому монастырю, как его угодье. Мы поднялись отсюда во вторник, проехали две большие мили и прибыли в большой базар с укреплением, замком и двумя рвами с проточной водой. Он называется *Хохола* (Гоголев). В нем две церкви: одна — во имя Преображения, другая — Рождества Богородицы. Есть также церковь для ляхов, еще недостроенная; наш владыка патриарх велел жителям освятить ее, достроить и совершать в ней службу, назвав ее во имя св. Георгия. Выехав отсюда, мы сделали еще одну милю и прибыли в селение с церковью, по имени *Росано* (Русанов); близ него громадное озеро и очень большие мельницы и сукновальни. Проехали еще полмили и прибыли в небольшой базар с красивой крепостью, по имени *Ядлока* (Ядловка). В нем прекрасная церковь во имя Рождества Богородицы. Здесь мы ночевали. Поднявшись в среду утром, мы проехали три мили и прибыли в большой базар с тремя крепостями и тремя рвами, один внутри другого. Имя его *Басани* (Басань). В средней крепости есть церковь с куполами во имя Рождества Богородицы; ее иконостас тонкой работы, изящный: смесь лазури с золотом дает подобие парчи. Насупротив нее заброшенная церковь ляхов. В третьей крепости находятся великолепные дворцы ляхов, дорогостоящие, высокие, но покинутые. Выехав отсюда, мы сделали еще одну милю и прибыли в другой базар так же с тремя крепостями и с прудом, называемый *Баксфи* (Быков). Жителей в нем осталось очень мало по причине моровой язвы.

Этот базар весьма велик, подобно Василькову с его опустелыми строениями; но сильная моровая язва, в нем бывшая, истребила всех его жителей, и теперь он в запустении: людей мало, и они очень бедны. Внутри второй крепости церковь во имя Рождества Богородицы, образ которой стоит налево от образа Господа, по принятому в этих странах обычаю. Икона велика и хорошего письма: Анна лежит, а св. Деву моют; из предстоящих ангелов один держит в руке кувшин, другой — таз, третий — полотенце; Иоаким смотрит на Нее в отверстие комнаты. Справа от иконы Владычицы благолепная икона Троицы: трапеза Авраама и ангелов, пред коими на блюде жареный поросенок; Сара и Агарь несут кувшины с питьем; над головами ангелов изображение Содома и Гоморры, весьма отчетливо исполненное: на эти города падает с неба огонь, и ангел разрушает их, башни опрокидываются и падают; Лот и его две дочери бегут, а жена его

обернулась и стоит в виде соляного столба. Это чудесная икона. Начиная от (границы) земли казаков и в стране московской имеют всегда великое тщание об иконе Троицы, которая непременно бывает в каждой церкви, равно как и икона Нерукотворного Образа над царскими вратами. На их драгоценных, красивых хоругвях также бывает изображение Троицы с трапезой и Сарой, смеющейся за занавесью.

Мы выехали из этого города в четверг на рассвете, проехали три большие мили по безлюдным степям и прибыли в разрушенный базар, по имени *Батфуди* (Поддубовка?), с церковью в честь Рождества Богородицы. Людей в нем весьма немного. Затем, сделав четыре большие мили, прибыли вечером в большой благоустроенный город, называемый *Бриллука* (Прилуки), с большим укреплением. Цитадель внутри его удивительна по своей вышине, укреплениям, башням и пушкам, по своей облицовке и глубине рва с проточною водою. Она имеет на южной стороне скрытый резервуар, куда собирается для нее вода из громадного озера и текущих рек. К цитадели ведут потаенные подземные ходы. Внутри нее находится величественный и очень высокий дворец, вверху и внизу удивительный по обширности, высоте, громадности бревен и полированных внутри и снаружи досок, плотно прилаженных друг к другу, по огромным, высоким печам, превышающим кипарисы. Дворец не достроен. Дата его написана наверху его горбообразной крыши, похожей на такие же крыши построек Ханана и области Маарры по резным украшениям и устройству; эта дата, написанная по-гречески (?), есть 1647-ой год; следовательно, дворец существует семь лет с того времени, как его завоевали казаки, спустя год после своего появленья, ибо теперь 1654 год от Рождества Христова. Этот дворец принадлежал четвертому правителю ляхов, по имени *Фишнафаска* (Вишневецкий). Значение этого имени объясняется так: *фишна* есть род вишни, а *иска* или *аска* прилагается ко всем наименованиям в языке этой страны; следовательно, это означает «краснолицый», также как они говорят «антиохиска», т.е. из Антиохии, и «московиска», т.е. из Москвы. Его власть простиралась от реки Днепра до реки Путивля[258], границы Московии. У него было под начальством 60 тысяч отборных ратников из молдаван, греков, арнаутов, немцев и многих других народов. Татары прозвали его *кучук шайтан*, т.е. маленький дьявол, потому что он много раз внезапно нападал на их страну, жег и разорял, ибо граница его области близка от татарской. Когда появился Хмель и завоевал земли по ту сторону Днепра до Киева, этот правитель посылал к нему, стараясь его обмануть, и выказывал ему дружбу, между тем как вероломство скрывалось в засаде его сердца. Его намерением было, когда Хмель вступит с войском в страну ляхов и углубится в нее, двинуться за ним со своим войском и таким образом его охватили бы в двух сторон. Но Хмель, обладатель большого ума, это понял и послал к нему сказать: «если ты желаешь мира, встань, очисти свою страну и отдай мне ее без войны, потому что я не оставлю тебя врагом позади себя». Тогда возникла война, и правитель послал свое многочисленное войско навстречу Хмелю. Старец Хмель напал на него с тысячами своих ратников и все истребил мечом. Правителя известили об этом, но никто не хотел верить сообщению. Он сидел и пьянствовал внутри крепости в своем дворце с сорока приближенными, как вдруг показались знамена казаков. Тогда он опамятовался, отрезвился от опьянения, вскочил на коня и бежал со своей гордыней, сбросив с себя царскую одежду и надев простую; но лошадь выбросила его из седла, он упал и сломал себе шею; казаки настигли его и, отрубив ему голову, поднесли в дар Хмелю, который наткнул ее на длинный шест и поставил на верхушке его высокого дворца[259]. Построение дворца так и осталось неоконченным, ибо (по пословице) он съел его голову; теперь он в запустении, служа местом для нечистот, свиней и собак. Вслед за Вишневецким бежал и киайя (наместник)

его, в то время как казаки уже окружили город. Он спустился чрез потаенную дверь, направляясь к озеру по мосту. Заметив его, казаки погнались за ним. При нем было две переметные сумки с золотом и серебром, и когда они его настигали, он отрезал сумки в надежде, что они займутся подбиранием рассыпавшихся денег и он успеет убежать; но казаки и деньги подобрали и его догнали на своих конях. От страха он заехал на лошади в озеро, но они захватили его и убили, вытащив его из воды копьями, отрубили ему голову и, подняв ее на шесте, поставили рядом с головою его начальника.

В этом городе было много евреев и ляхов, коим не удалось убежать; те из них, которые окрестились, избрали благую часть, а кто отказался, тех избили и отослали в лоно Сатанаила.

Возвращаемся. С южной стороны этой крепости находится озеро, огромное, как море, в которое впадает много рек. Тут в изобилии растет белая и желтая махровая кувшинка. На озере длинный мост с большим числом мельниц; при начале его находится скрытый водоем крепости. Поблизости от этого места стоит деревянный дом, служащий баней для общего пользования. Снаружи его имеется желоб из длинного бревна, над которым стоит человек и накачивает в него воду из реки хитрым снарядом, для наполнения медного котла, где она нагревается. Мужчины и женщины моются в бане вместе без передников, но каждый из них берет от банщика род метлы из древесных ветвей, коей они прикрывают свою наготу, по их обычаю. О удивление! в момент выхода из бани они погружались и плавали в холодной реке, текущей перед баней.

Возвращаемся. Жители этого города, священники и миряне, вышли, по обыкновению, встречать нас на дальнее расстояние. Нас ввели в большую, высокую, величественную новую церковь с еще недостроенными куполами, в честь Преображения Господня. Насупротив нее другая церковь в честь Рождества Богородицы. Колокольня высока и весьма красива. Нас поместили в просторном доме, имеющем балконы с навесами, которые выходят на большое озеро и баню. Здесь мы пробыли до утра понедельника.

Глава II. Прилуки. — Густынский Троицкий монастырь.

Потом мы отправились на поклонение в монастырь поблизости города, называемый *Кустини Троица* (Густынский Троицкий), то есть монастырь во имя Троицы[260]. Он принадлежит к числу сооружений Василия, воеводы Молдавского, упомянутый же дом[261] составляет подворье этого монастыря. Протопоп послал предупредить настоятеля, и тот немедленно приехал в своем экипаже и пригласил нашего владыку патриарха, благодаря Бога и говоря: «хвала Богу, удостоившему нас лицезреть третьего истинного патриарха», — именно, они видели Иерусалимского патриарха Паисия и константинопольского Афанасия Пателлярия низложенного, о коем мы упоминали, что он, убежав из Константинополя и прибыв в Молдавию, уехал оттуда раньше нас в Московию и заезжал в этот монастырь, а затем скончался близ столицы Хмеля, называемой *Хижирини* (Чигирин), на третий день Пасхи сего года — «так что мы зрим твою святость, блаженнейший кир Макарий, патриарх Антиохи». Мы оставили в городе свои вещи, лошадей, слуг и экипажи, и в субботу отправились с настоятелем, захватив свои облачения, так как мы намеревались отслужить в монастыре обедню. Он отстоит от города около одной большой мили. Его блестящие куполы видны на значительном расстоянии. Не доезжая до него, приходится спуститься в долину по узкой дороге и густому лесу, который весь состоит из ореховых, вишневых и сливовых деревьев. Близ него большой пруд и мельницы; дорога по плотине сделана из переплетенных ветвей и трудно проходима.

На пути, поблизости от монастыря, мы проехали, имея ее справа от себя, мимо красивой церкви во имя св. Николая. Там, по рассказам, раньше был монастырь; когда же он сгорел, его перенесли и построили на его теперешнем месте. Снаружи он имеет две деревянные стены и два рва; над воротами красивая колокольня с огромными, весьма дорогими часами.

Здесь наш владыка патриарх вышел из экипажа. Архимандрит, священники и дьяконы в своих царских[262] облачениях со свечами, хоругвями, крестами и божественными иконами вышли ему навстречу. Мы вступили в монастырь св. Троицы. Его двор просторен и широк. Куполов на святой церкви пять; они стоят вместе, в виде креста, средний больше (других). Кругом церкви идет навес с решеткой и тремя дверями, над которыми три купола, расположенные параллельно. Мы вошли в святую церковь. Ее иконостас приводит в изумление зрителя. Патриарх окропил всех святою водой, и мы вышли, исполненные удивления, ибо ни величественный иконостас св. Софии, ни Печерский — оба не могут сравниться даже с малою долей полных совершенств этого иконостаса. Когда монастырь сгорел несколько времени тому назад, — а тогда уже распространилась слава о любви господаря молдавского Василия к построению церквей и монастырей и о щедрых его пожертвованиях — то настоятель и монахи поспешили к Василию и просили у него пожертвований и милостыни, дабы он помог им и отстроил для них монастырь от своих щедрот. Он вполне оправдал их надежды и дал им золота, сколько они просили, на построение монастыря. Возвратившись, они построили монастырь на этом месте, говоря: «это место лучше для нас». Когда до слуха богохранимого царя Алексия, государя Божьего града Москвы, дошло известие о том, что сделал Василий воевода, то и он также прислал им 1.600 золотых на расписание и позолоту иконостаса, на украшение его благолепных икон и возвышение его ценности[263].

Так и было сделано. Теперь он превосходнее всех других, ибо доселе мы не видывали

ничего лучше и красивее его позолоты и живописи.

Что касается святой церкви, то ее куполы из блестящей жести, и позлащенные кресты испускают светлые лучи. Купола, числом пять, расположены крестообразно, высоки; средний больше и выше остальных четырех. Церковь имеет три внутренних двери, кроме трех дверей внешних. Когда войдешь в большую западную дверь, то церковь представляется в виде закругленного креста: нарфекс внутри его, алтарь насупротив, оба клироса, подобно алтарю, в нишах. По окружности церкви идут формы. Оба клироса четырехугольные с формами, отделенными от других; они стоят посредине и вокруг них два прохода. Архиерейское место, весьма изящное, находится подле правого клироса; а также близ церковной двери в нарфексе есть другое архиерейское место, подобное первому. С края обоих клиросов есть еще два возвышенных места, а в хоросе восьмиугольный помост, покрытый красным сукном. Место органа, где стоят певчие, очень высоко и красиво, и обнесено решеткой.

Иконостас и тябла услаждают взоры и изумляют смотрящего. Доселе мы не видели им подобных и равных; ни один человек не в силах описать этот иконостас, его громадность, высоту, обилие его позолоты, вид и блеск. Он поднимается от земли до верхней части большого купола; святые иконы, весьма больших размеров, являют крайний предел совершенства; они углублены в ниши, дабы лучше обнаруживались красота и зеркальный блеск их позолоты. Над ними находится удивительно блестящая рама, в виде карниза, большого размера, так что к ней привешены на блоках лампады. При благолепных иконах Господа и Владычицы есть весьма большие, высокие, толстые колонны с резьбой, которые внутри полы, но кажутся цельными, будучи спаяны с тонким искусством, не так, как колонны в св. Софии, которые сзади пусты. Их обвивают лозы: золотые ветви с листьями поднимаются вверх, гроздья, одни — красные и блестящие, другие — незрелые, зеленые, свешиваются, как будто они неподдельное творение Божие; фон гладкий. Колонны возвышаются от земли на высоту роста. Под иконой Господа есть также изображение Его (да будет прославлено Его имя!) и Его учеников отчетливой работы: Он несет на раменах заблудшего от стада ягненка, а за Ним следует великое множество овец, пред коими пастух, входящий в дверь овечьего загона. Налево от этой иконы высокая южная дверь алтаря с изображением св. архидиакона Стефана больших размеров, во весь рост, в царском стихаре, с золотой кадильницей в правой руке. Близ него в том же ряду икона св. Троицы: трапеза Авраама и Сарры; под нею икона Благовещения, подле которой икона Успения Богородицы, благолепная, позолоченная и новая. Эти три благолепные иконы находятся в правом ряду. Под ними изображены апостолы, кои, собравшись, смотрят, изумленные, в гроб Богоматери, который пуст; Ее саван виден на краю мраморной раки справа; они устремили на нее взоры и поднимают руки к небу (как бы говоря): «Она вознеслась». Под иконами этого ряда четырехугольные, позолоченные, блестящие столбы, между которыми изображены архиереи, патриархи и православные римские папы в их облачениях. В левом ряду большая, прекрасная икона Владычицы, блещущей красотою. Под нею изображено Введение Ее во храм; тут девы с зажженными свечами. Подле этой иконы северная дверь с изображением св. Михаила и около нее в ряд икона св. Николая преславного, благолепная, большая, чудеснейшая, работы весьма искусного мастера, который писал эти образа, изумляющие зрителя жизненностью лиц, их цветом и очертанием, как будто это живопись критских[264] греков. Подле этой святой иконы стоит икона Антония и Феодосия, между коими изображено подобие здания Печерского монастыря, а над ними изображение св. Девы среди леса в огненном сиянии. Под этим рядом икон

четырехугольные золоченые столбы и изображения мучеников и диаконов. Колонны при больших иконах, числом десять, велики, резной работы, витые. Над ними второй ряд икон и колонн: 12 апостолов, Владычица и Креститель. Начинается этот ряд сверху царских врат Нерукотворным Образом, над коими Великий Четверг (Тайная Вечеря), еще выше Господь, сидящий на троне в митре и драгоценном саккосе; вокруг Него ангелы, св. Дева, Креститель и апостолы справа и слева от Него: на правой стороне Петр с ключами, на левой — Павел с мечом. Число резных, позолоченных колонн, по сторонам этих икон, двенадцать, но они тоньше нижних. Над карнизом и над ними идут изображения пророков. Над образом Господа образ св. Девы, именуемый Платитера [265]: Сын на лоне Ее; они внутри круга, среди солнечных лучей из золота с выступающими краями; лучи деревянные, но ничем не отличаются от златокованых. Направо и налево от Владычицы ряд двенадцати пророков, кои прорекли о Ней. Над Нею изображение распятия. Наверху купола написан Господь в Троице, окруженный ангелами и святыми. Над карнизом больших местных икон находятся изображения главных господских праздников. Резьба царских врат удивительна, позолота роскошная; они сработаны со всевозможным искусством и ничем не отличаются от (злато) кованых, сияют и блещут прекрасной позолотой и ночью сверкают как молния. Кругом их рамы изображены диаконы в стихарях с кадильницами и священники в фелонях. Высота этих дверей и других двух — семь локтей. Алтарь, божественная трапеза и ризница весьма обширны и чисты. Хранящиеся там облачения и утварь — царского великолепия. В алтаре, в церкви и куполе 20 больших окон с превосходными стеклами.

Вот что мы смогли описать из некоторых лишь красот этого иконостаса, на удивление слуха людей и услаждение ведущих приятную беседу. Пусть они помолятся за пишущего, который составил это описание с большим трудом и старанием, занимаясь не ради развлечения и отдохновения, но в поте и труде.

Трапезная длинна и велика со многими стеклянными окнами; в ней два стола с обеих сторон. Внутри ее большая дверь с решетчатыми створами, которые вдвигаются в стену; она ведет в красивую церковь со многими стеклянными окнами, во имя Владычицы, иконы в ней в высшей степени прекрасны, блестящи и внушают благоговение. Церковь эта также имеет жестяные куполы. Ее прекрасный алтарь сияет блеском.

Накануне девятого воскресенья по Пятидесятнице ударили в деревянные, железные и медные била и мы вошли в церковь. Пред чтением кафизм из псалтиря пришел, по их обыкновению, юный монах, поставил посредине высокий красивый аналой, наподобие шкапчика для книг[266], покрытый шелковой пеленой, положил на него псалтирь, — ибо у них обычно не читают никакой книги, важной или неважной, иначе, как на аналое, — и начал канонаршить псалом за псалмом попеременно, а на обоих клиросах их пели. Перед входом священники подходили под благословение и вышли (на вход) в облачениях попарно, затем прошли в нарфекс и совершили литию, при чем каждый из двух дьяконов кадил с обеих сторон[267], и также они оба попеременно прочли: «Спаси, Господи, люди Твоя», но благословенья пяти хлебов не было.

Мы вышли из церкви к трапезе. Наш владыка патриарх сел во главе ее, мы справа и слева от него, а прочие отцы монастыря в конце. Поставили на стол кружки с пивом и солонки попарно, по обычаю иерусалимских монастырей. Перед нами ставили на некоторое время блюда, которые затем снимали и ставили на конце стола или убирали, и подавали новые и новые до конца. Что касается отцов монастыря, то пред каждым из них поставили тарелку каши[268] с маслом и больше ничего. Таков их обычай. Никто не ест

изысканных кушаний, кроме приезжих и поклонников. Они несомненно святые и ведут жизнь по уставу св. Саввы. На другом столе подавали мясные кушанья для поклонников и наших служителей из мирян. Тогда чтец стал посредине, положил перед собою большую книгу на аналой и начал внятно читать. По прочтении молитвы над трапезой, наш владыка патриарх трижды ударил по обычаю в находившееся справа от него маленькое било для начала еды. Мы достаточно поели и попили к нашему совершенному удовлетворению, тогда как этот бедный чтец все читал из Патерика. Затем наш владыка ударил в било вторично, после чего выпил сначала сам, при чем мы встали, а потом каждый из нас выпил одну из стоявших перед нами кружев. Наконец он ударил в третий раз, для того чтобы мы все встали из-за стола. Ему поднесли маленькую просфору на блюдце, т.е. Панагию в честь Владычицы. Он поднял ее обеими руками, по афонскому обычаю, трижды, произнося: «да возвеличится имя Св. Троицы!» Вслед затем священники и иеромонахи подошли к нему и пропели «достойно есть», имея головы открытыми, а по окончании поклонились земно. Они получили от нее малую часть, и наш владыка роздал ее также всем присутствующим. Потом принесли корзину для собирания ломтей и каждый из нас положил в нее свои ломти, по примеру Того, Кто благословил хлебы. Были собраны все ломти.

Затем ударили в колокол к молитве на сон грядущим. Мы пошли в церковь и стали вместе с другими в нарфексе, по их всегдашнему обыкновенно. Наш владыка патриарх стал на своем (архиерейском) месте подле дверей. Когда чтец окончил канон, молитву и *писание* [269] , все подходили и испрашивали прощение у нашего владыки патриарха с земным поклоном, попарно до последнего. Потом мы вышли, чтобы предаться сну, но сна не было, ибо клопы и комары, более многочисленные, чем их мириады в воздухе, не дали нам даже и попробовать сна и покоя: их в этой стране изобилие — море, выходящее из берегов.

Еще раньше пригласили нашего владыку патриарха совершить служение, и мы готовились к литургии; но как возможно служить ее, не спавши? В четвертом часу ночи ударили в била, — ибо ночь была только 8 часов — и мы встали в полночь. Впрочем, в этих святых, ангельских монастырях есть хороший обычай, что сначала ударяют долгое время в один колокол раздельно, давал знать, чтобы спящие пробудились и, встав от сна, оделись не спеша: не так, как в стране валахов и молдаван, где входят в церковь в момент звона колоколов. Мы пошли в церковь, не вкусивши сна. Начали пение на утрени, чтение псалмов и молитв нараспев. Вышли мы только после рассвета, чувствуя головокружение.

Затем ударили в колокола к литургии. Мы вошли в церковь, облачились и облачили нашего владыку патриарха в архиерейские ризы. По окончании обедни, к коей прибыло большинство жителей города и многие другие, мы пошли в трапезе, за которой соблюдался тот же порядок, что и накануне, в чтении и перемене блюд и десерта. Под конец служивший дьякон принес употребляемый при литургии дискос, покрытый воздухом, и поставил его пред нашим владыкой патриархом, который снял покров: внутри его был другой дискос, серебряный, с таковой же крышкой и замочком. Он отпер его. Там было изображение Владычицы Платитера и лежала одна просфора, т.е. Панагия. Под всем этим была большая чаша с медом вместо вина. Наш владыка трижды поднял просфору, как сделал накануне, взял от нее частицу, после пения «достойно есть», и затем передал другим, которые передавали друг другу, сидя за столом. Также пили из чаши и он и остальные. Встав из-за стола, мы простились с ними и вернулись в город Прилуки, где оставили свой багаж.

Глава III. Украина. — Дальнейший путь. Крапивна, Красный, Корыбутов. Освящение церкви. Приюты для сирот и нищих. Известия о нетерпеливом ожидании патриарха в Москве.

Мы оставили этот город в понедельник утром 17 июля и, сделав полторы мили, проехали чрез большое, благоустроенное селение, по имени *Ольшана*, с плодовыми садами и палисадниками, с проточным озером, наподобие реки. Проехав еще одну милю, достигли другого цветущего селения с большим озером. Сделали еще одну милю и прибыли в небольшой базар с маленьким красивым укреплением и с очень большим озером, называемый *Яваница* (Иваница); в нем изящная церковка во имя св. Георгия. Все жители этих мест были в то время, с конца июня до сих пор, заняты жатвой. Мы поднялось отсюда во вторник утром. Сделав две с половиною мили, проехали чрез большое благоустроенное селение с садами, по имени Крапивна; в нем церковь в честь Успения Богородицы. Когда мы проехали еще милю, нас встретил сотник со знаменем и большим числом ратников. Они ехали перед нами еще две мили по многочисленным изгибам, горам и долинам, по узким и трудным дорогам, через плотины, мосты и заставы. Сколько раз приходилось нам в этой стране казаков ломать заставы на дорогах и деревянные засовы, по причине большой ширины наших экипажей! Мы подолгу стаивали на мостах, кои весьма узки, потому что здешние повозки маленькие, [и весьма многочисленны по причине обилия водных потоков].

Базар, из коего прибыл сотник, находился очень близко влево от нас, но перед ним было большое, длинное, широкое озеро, все болотистое; поэтому (дорога) делала много поворотов, мили в две или даже более. Затем нас привезли в город, называемый Красный, с большим укреплением и цитаделью, висящей на краю горы, больше той, на вершине которой расположен город. По обычаю, нас вышли встречать священники, клир и прочий народ и ввели в церковь во имя Св. Рождества. При этом три раза выпалили из больших пушек. Здесь есть еще две церкви: во имя св. Троицы и новая — св. Николая. Близ этого города другой базар с церковью в честь Воскресения. Выехав отсюда в среду, мы проехали три мили и прибыли в маленький базар *Корабута* (Корыбутов), вокруг которого два больших болотистых озера. Нас ввели в благолепную, большую, высокую церковь, вновь построенную и еще неосвященную. Нашего владыку патриарха просили освятить ее. Он совершил в ней водосвятие и освятил ее: окропил алтарь снаружи и изнутри и прочел над ней установленные молитвы, освятил престол и алтарь божественным миром, наименовав церковь в честь св. Николая. Бывало, при освящении всякой церкви нашим владыкой патриархом, брали от него грамоту за его подписью и печатью во свидетельство того, что он ее освятил, дабы их архиерей поверил и не упрекал их.

Знай, что во всей стране казаков в каждом городе и в каждой деревне выстроены для их бедняков и сирот дома, при конце мостов или внутри города, служащие им убежищем; на них снаружи множество образов. Кто к ним заходит, дает им милостыню — не так, как в стране молдаван и валахов, где они ходят по церквам и по причине своей многочисленности мешают людям молиться, — ибо в этой стране казаков бедных так много, что один Всевышний Бог знает их; это большею частью осиротевшие дети, нагие, при взгляде на которых разрывается самое жестокое сердце. Всякий раз, как мы подходили к ним, они собирались вокруг нас тысячами за милостыней. Наш владыка патриарх много сострадал им. Нас удивляло, что они находятся в таком положении, живя

во дни Хмеля, когда царит правосудие и справедливость: каково же было их положение во времена ляхов, которые брали с каждой души по 10 грошей в месяц! А теперь и чужестранцы оказывают им помощь — да будет благословен Бог!

Знай, что этот Корыбутов — последний предел земли казаков, а за ним нет населения: одни покинутые земли, развалины и необработанные поля. Отсюда до Путивля шесть больших миль.

Путивльский воевода, по имени кир (господин) Никита, присылал, за три дня перед сим, в Корыбутов одного из своих служителей разузнать о нашем владыке патриархе в этих селениях; посланный расспрашивал о нем, переходя из места в место, ибо, по их мнению, мы сильно запоздали. Тогда наш владыка патриарх послал чрез него письмо с благословением его господину, извещая, что приедет к нему завтра. С ним же он отправил наш багаж и тяжести при наших служителях, ибо, как мы упомянули, мы брали безвозмездно от города до города повозки и лошадей, так как из бывших с нами несколько лошадей искалечились и сделались негодны.

Знай, что при самом нашем въезде в Константинополь, к нашему владыке патриарху являлись многие купцы, приехавшие из Москвы, и передавали нам, что благополучный царь и новый патриарх с большим нетерпением ожидают его святость и что весть о его поездке дошла до них, как только он выехал из своего престольного города, и прибавляли: «они имеют к тебе большую веру и великое желание тебя лицезреть». Проезжая по Молдавии, мы встретили одного митрополита с несколькими монахами, которые нам также сказали: «в Москве *карт рун* (это — греческое слово, означающее «ожидают») — ожидают твою святость с большим нетерпением». Во время нашего пребывания в Молдавии приезжали из Москвы архиерей, настоятели монастырей, многие монахи и купцы, и речи их всех были в таком же роде. Когда случилось происшествие с господарем Василием, дороги в тех странах были отрезаны, вследствие чего мы поехали в Валахию, а потом вернулись. Всякий раз, как мы встречали кого-нибудь из монахов или купцов в земле казаков, нам говорили: «почему вы медлили до сих пор? богохранимый царь несколько раз спрашивал о твоей святости и с большим нетерпением ожидает. До него дошло известие о том, что случилось с тобою в Молдавии, и о тамошних происшествиях. Он дал наказ воеводе Путивля, два года тому назад, чтобы тотчас по прибытии к ним твоей святости, проводили тебя внутрь страны, и до сих пор они ждут твою святость. Как только въедешь в Путивль, тебя проводят далее, ибо благополучный царь, прежде чем отправиться в поход, повторил им свой наказ».

Выехав из Корыбутова, мы проехали одну большую милю и вечером остановились на ночлег в открытом месте в полном спокойствии и безопасности: зелени было вдоволь и так безопасно, что каждый путешествует один, хотя бы имел с собою возы золота.

Глава IV. Путивль. — Торжественная встреча патриарха Подношения. Греческие монахи.

Рано утром в четверг 20 июля, в праздник св. прор. Илии, ровно через два года после нашего выезда из Алеппо, мы поднялись и проехали пять миль по безлюдным степям и обширным лесам, лишенным воды. Город Путивль показывался ясно издали. Мы переехала границу земли казаков и прибыли на берег глубокой реки, называемой *Саими* (Сейм), которая составляет предел земли московской. Тогда приехал на этот берег уполномоченный воеводы путивльского со многими вельможами; они сделали земной поклон нашему владыке патриарху и переправили на судах на тот берег нас и нашу карету. В нее посадили нашего владыку; на берегу уже были тысячи ратников и множество жителей, коих он благословил. Ратники с ружьями выстроились впереди нас длинным строем, так что от начала не видать было конца. Мы стали взбираться по крутому подъему на большую гору, — от земли валахов до сего места нам не встречалось трудного пути, а только равнины и многочисленные низменности — пока не въехали на ровное место. Впереди нас двигались в полном параде пешие ратники по два в ряд. Воевода ожидал нас вдали, потому что от реки до города очень далеко, но ежечасно посылал, для встречи на дороге нашего владыки патриарха, по одному из своих приближенных, который, сойдя с коня, кланялся до земли на самом деле и говорил: «воевода, твой ученик, спрашивает твою святость, как ты себя чувствуешь и как совершил путь. Слава Богу, что ты прибыл в добром здоровье. Мысли воеводы с тобою». Наконец, когда мы приблизились к воеводе на некоторое расстояние, он сошел с коня, а наш владыка патриарх вышел из кареты; воевода поклонился ему до земли два раза, а в третий стукнул головою о землю — таков их всегдашний обычай. Наш владыка патриарх благословил его крестообразно, по тому обычаю, как благословляют у московитов, ибо он поднимал благословляющую руку, изображая ею (крест) на его лице, обеих руках и груди, и дал ему облобызать крест и потом свою десницу; так же (благословил) и всех его приближенных. Так принято благословлять в этой стране в особенности; благословение человека архиереем издали им неизвестно; он должен их стукнуть пальцами, чтобы они удостоверились.

Воззри на эту веру, это благоговение, эту набожность! Поистине, царство приличествует и подобает им, а не нам. Мы были очевидцами, как они бросались на землю и становились на колени в пыль, будучи одеты в свои дорогие кафтаны из превосходной ангорской шерсти и сукна с широкими, обильно расшитыми золотом, воротниками, с драгоценными пуговицами и красивыми петлицами, от шеи до подола всегда застегнутыми, — таков обычай у всех них, даже у простолюдинов. Ворота рубашек у воеводы и его приближенных были из крупного жемчуга, величиною с горошину, круглого, белого, как мраморные бусы четок, жемчугом же были расшиты макушки их суконных шапок розового и красного цвета.

Затем они обменялись приветствиями и после продолжительных расспросов о здоровье и многократного выражения взаимной дружбы, наш владыка патриарх сел в свой экипаж, а воевода на своего коня; его приближенные ехали частью впереди, частью позади, а вышеупомянутые ратники, статного роста, в красивых одеждах, шли впереди и сзади, пока мы не подъехали к городу, откуда вышло много священников в ризах и дьяконы в стихарях, совершавшие каждение, с хоругвями и иконами, унизанными жемчугом, с крестами и множеством фонарей. Число священников в облачениях было

тридцать шесть и четыре дьякона. Было множество монахов в больших клобуках[270], в длинных, наброшенных на плечи, мантиях. Тогда наш владыка патриарх вышел из экипажа, а воевода и правительственные сановники сошли с коней. Сделав земной поклон, наш владыка приложился к святым иконам, к животворным евангелиям и к золотым крестам, унизанным жемчугом. Затем старшие белые священники и игумены простых монастырей лобызали его десницу, делая земной поклон, и поздравляли с благополучным приездом, говоря: «чрез твое прибытие снизошло благословение на всю московскую землю». Они вошли перед нами в город. По обычаю мы шли пешком, воевода со своими приближенными следовал позади нашего владыки, войско шло впереди, а священники посредине, перед нашим владыкой, попарно, благочинно и не теснясь. Только тот, кого постиг гнев Милосердного, попадался едущим по тем улицам (по которым мы проходили): его до изнеможения били плетками и кнутами, говори ему: «как! царь идет пешком, а ты разъехался во всю ширину!» и сбрасывали его с лошади на землю. Всякий раз, как мы проходили мимо церкви, ребятишки и церковнослужители звонили в колокола, пока нас не ввели в высокую, как бы висячую, прекрасную и привлекательную церковь: ее куполы высоко приподняты, тонки, стройны, кресты ее, наподобие креста Господня, с поперечинами вверху и внизу, богато позолочены, как обычно для церквей этой страны и как строят люди благотворительные и щедрые. Она во имя св. Георгия великомощного. Нас поместили в большом доме протопопа. Воевода, попрощавшись с нами, удалился.

Спустя немного времени явились почетные лица города и поднесли нашему владыке патриарху большой дар от имени царя, который несли многочисленные янычары[271]; именно: хлеб и рыбу разных сортов, бочонки с медом и пивом, также водку, вишневую воду и много вина. Старший из них выступил и, став на колени, стукнул головою о землю, (что сделали) и товарищи его; наш владыка патриарх преподал им московское благословение. Потом он взял обеими руками сначала хлеб и, держа его перед собою, сказал: «богохранимый государь князь Алексей Михайлович подносит тебе от своего добра эту хлеб-соль». При этом наш владыка патриарх вставал и отвечал благожеланиями при всяком поднесении чрез переводчика, которого мы наняли в Молдавии, как делают архиереи и монахи и даже все купцы: каждый привозит с собою драгомана, знающего русский язык. Мы говорили с ним по-турецки и по-гречески, а он передавал им по-русски, ибо язык у казаков, сербов, болгар и московитов один.

Возвращаемся. Затем он подносил прочее и прочее до конца — все, что принес, — и ушел. Воевода также прислал от себя главных из своих служилых людей с царской[272] трапезой, состоявшей из сорока, пятидесяти блюд, которые несли янычары; тут были: разная вареная и жареная рыба, разнородное печеное тесто с начинкой таких сортов и видов, каких мы во всю жизнь не видывали, разнообразная рубленая рыба с вынутыми костями, в форме гусей и кур, жареная на огне и в масле, разные блины и иные сорта лепешек, начиненные яйцами и сыром. Соусы все были с пряностями, шафраном и благовониями. Но как описать царские кушанья? В серебряных вызолоченных чашах были различные водки и английские вина, а также напиток из вишен, вроде густого сока, приятный на вкус и благовонного запаха, и еще маринованные лимоны: все это из стран франкских. Что же касается бочонков с медом и пивом, то они были в таком изобилии и так велики, как будто наполнены водой.

Старший из служилых людей выступил впереди, сделав земной поклон со своими товарищами, сказав: «Никита Алексеевич бьет челом твоей святости, испрашивая твоих молитв и благословения, и подносит твоей святости и твоему отцовству эту хлеб-соль».

При этом он подносил обеими руками сначала хлеб белый и темный, затем остальные блюда и бочонки, называя каждое из них, до конца. Наш владыка патриарх стоял и при каждом подношении благословлял, выражал благожелания воеводе, и под конец много благодарил за его щедрость. Они удалились.

Обрати внимание, читатель, на это смирение и благочестие, ибо, во-первых, этот воевода саном равен визирю, так как город Путивль обширен и область его велика, однако его не называли перед нашим владыкой патриархом воеводой, как бы следовало его величать, а просто именем Никита (Алексеевич), т. е. сын Алексея, по имени его отца, ибо у них принято называть мужчину или женщину не только их именем, но с прибавлением имени отца, даже у крестьян; во-вторых, значение «Алексеевич»[273], прибавленное к его имени, быть может, то, что он поставлен недавно царем Алексеем. Он был из служилых людей патриарха, который за него ходатайствовал, и царь пожаловал ему правление Путивлем. Обыкновенно в стране московитов все воеводы бывают преклонных лет из домов могущественных по знатности и родовитости. По обычаю, всякий воевода остается в должности три года, после чего его сменяют[274].

Их слова: «бьет челом твоей святости» имеют (точный) смысл, ибо так именно поступали все знатные люди; когда они кланялись земно нашему владыке в первый и во второй раз, то ударяли головой о землю так, что мы слышали стук: обрати внимание на это благочестие! Есть неизменный обычай во всей этой стране московитов, что ежели кто имеет дело к царю или к вельможам, к патриарху или к архиерею, кланяются ему несколько раз большим поклоном до земли и просят об исполнении своей нужды; буде тот ее исполнит, хорошо; если же нет, то он не перестает кланяться и бить головой о землю, пока не исполнят его просьбы. Это они называют «бить челом», как мы увидели впоследствии: к нашему владыке патриарху приходили священники, знатные люди и поступали именно так, не переставали бить головой о землю, пока он не удовлетворял их просьбы.

Слова, во-первых: «подносит твоей святости хлеб-соль» и затем: «(подносит) это обильное добро» суть выражения исключительно наши и употребительные в нашей стране. Кто же принес их сюда?

Потом явился с даром к нашему владыке патриарху протопоп города в епитрахили, со святой водой и крестом и сказал ему, после дружеских приветствий: «это от благословения праздника св. Илии». Церковь в этом городе во имя его: в ней сегодня собирались и совершили торжество его праздника. Окропив себя, владыка окропил дом и нас, и священник удалился. Во всех этих странах принято, как мы упомянули, что священник в начале каждого месяца и в каждый праздник совершает водосвятие и, обходя дома, окропляет их.

Затем мы вступили, читатель, во вторые врата борьбы, пота, трудов и пощения, ибо все в этой стране, от мирян до монахов, едят только раз в день, хотя бы это было летом, и выходят от церковных служб всегда не ранее, как около восьмого часа[275], иногда получасом раньше или позже. Во всех церквах их совершенно нет сидений. После обедни читают девятый час, причем все миряне стоят, как статуи, молча, тихо, делая беспрерывно земные поклоны, ибо они привычны к этому, не скучают и не ропщут. Находясь среди них, мы приходили в изумление. Мы выходили из церкви, едва волоча ноги от усталости и беспрерывного стоянья без отдыха и покоя. За утренней службой непременно читают каждый день три *анагносис*, то есть чтения из толкований на евангелие, и иное из Патерика. Точно также вечером после повечерия читают канон *кафимеринос* (ежедневный). Поста до девятого часа[276] они не знают, ибо во все праздники,

как большие, так и малые, они и без того постятся до после девятого часа. Что касается нас, то, как нам советовали, учили и предостерегали нас друзья, которые уже бывали в этой стране и знали, каков нрав у жителей, мы волей-неволей к ним приноравливались и что они делали, тому подражали и мы. Сведущие люди нам говорили, что если кто желает сократить свою жизнь на пятнадцать лет, пусть едет в страну московитов и живет среди них, как подвижник, являя постоянное воздержание и пощение, занимаясь чтением (молитв) и вставая в полночь. Он должен упразднить шутки, смех и развязность [и отказаться от употребления опиума][277], ибо московиты ставят надсмотрщиков при архиереях и при монастырях и подсматривают за всеми, сюда приезжающими, нощно и денно, сквозь дверные щели, наблюдая, упражняются ли они непрестанно в смирении, молчании, после и молитве, или же пьянствуют, забавляются игрой, шутят, насмехаются или бранятся. Если бы у греков была такая же строгость, как у московитов, то они и до сих пор сохраняли бы свое владычество. Как только заметят со стороны кого-либо большой или малый проступок, того немедленно ссылают в страну мрака, отправляя туда с конвоем, сопровождающим преступников, — оттуда нельзя убежать, вернуться или спастись — ссылают в страны Сибирии добывать многочисленных там соболей, серых белок, черно-бурых лисиц и горностаев, — в страны, удаленные на расстояние целых трех с половиною лет, где море-океан и где уже нет населенных мест. Так сообщали нам люди, достойные веры и писавшие об этом предмете. Московиты никого (из провинившихся иностранцев) не отсылают назад в их страну, из опасения, что они опять приедут, но видя, что приезжающие к ним греческие монахи совершают бесстыдства, гнусности и злодеяния, пьянствуют, обнажают мечи друг на друга для убийства, видя их мерзкие поступки, они, после того как прежде вполне доверяли им, стали отправлять их в заточение, ссылая в ту страну мрака, в частности же за курение табаку предавать смерти. Что скажешь, брат мой, об этом законе? Без сомнения, греки достойны того и заслуживают такого обхождения. По этой причине и мы были в страхе. Но мы непрестанно испрашиваем у Бога нашего помощи и терпения до конца, успокоения и исполнения того, чего мы ищем на пути Его, да не погибнут втуне наши труды и злополучия, да дарует Он нам возможность уплатить наши долги с процентами, да не введет Он никого в беды и долги и не даст ему испытать те страхи и ужасы, коих мы были свидетелями, да не удалит Он никого на чужбину от его города, семейства и племени, где и черствый хлеб с водой кажется ему всего слаще!

Глава V. Путивль. — Иностранцы в России. Отношение к ним русских. Сербский митрополит. Посещение патриарха воеводой.

Знай, что чрез этот Путивль идет дорога в землю московскую из всех наших стран, и другого пути нет. Это очень важный проход. Сколько трудов и злополучий, испытанных многими архиереями и монахами, остались тщетными! они были возвращаемы назад, проездив попусту и понапрасну. Что касается купцов, то московиты всех их вообще знать не хотят и не пускают в свою страну для торговых дел. Но те проникают при помощи разных хитростей, из коих одна состоит в том, что собираются несколько торговцев и достают себе письмо от одного из патриархов на имя царя по делам, для него приятным. Прибыв в Путивль, они выдают себя за послов от такого-то патриарха к царю с письмом. Одного из своей среды они ставят начальником и таким образом проникают внутрь страны и представляют письмо царю, а между тем тайком покупают то, что им нужно, и затем возвращаются тою же дорогою, после прощания с царем. Но такой способ немногие умеют привести в исполнение, только те, которые ездили неоднократно и знают каждую пядень дороги, большинство же, как-то: настоятели монастырей, монахи и торговцы, ждут кого-нибудь из патриархов или из известных архиереев и с его согласия присоединяются к его свите. Приехав в Путивль, он выдает их за своих людей и составляет роспись их должностей: настоятелей и монахов причисляет к своим приближенным, а торговцев к служителям. По въезде внутрь страны, каждый из них представляет в свое время удостоверение и испрашивает подаяние; торговцы же покупают, что им нужно, на свои деньги. Также и при отъезде отправляются вместе. Но чтобы настоятель монастыря или значительный купец, приехав, был впущен, это вещь совершенно невозможная, что всем хорошо известно. Все это происходит от ненависти московитов к вере нашей страны и к нашему языку[278]. Заметь, что строгость в этом огромном государстве очень велика. Царь не нуждается в торговцах, которые приезжают из стран турецких и тайком покупают соболя и другие меха, быть может, на сумму в миллион золотых, — не нуждается потому, что к нему приезжают послы из страны шаха, то есть кизильбашей, на судах, везя с собою в подарок редкости своей страны, каких здесь нет, на сумму в тысячи золотых и подносят их царю в дар; он же дает им взамен лучших соболей на большую сумму. Точно также приезжают к нему послы из страны *Немса* (Австрии). Что же касается франков инглизов, которые наиболее дорожатся, то они также приезжают тысячами в пристань, называемую *Архангелос* (Архангельск), с редкостями своей страны, привозя вино, оливковое масло, лимоны и иное, и покупают соболей и прочее, как об этом будет сказано в своем месте.

Знай, что московский царь вовсе не имеет обыкновения брать пошлину на границах своей страны, но дает купцам, взамен их подарков ему, царские дары: соболей и прочее и назначает им содержание на все время до отъезда их в свою страну — я говорю о греческих купцах. В пристани же Архангельска берут пошлину с франкских кораблей, с каждых ста пиастров десять, а также берут пошлину с московских купцов, которые ездят торговать по всему государству.

Знай, что воевода, тотчас по нашем приезде, послал письмо к царю, который в это время воевал под Смоленском, и к патриарху, уведомляя их о нашем прибытии. Затем он прислал к нашему владыке патриарху своего грамматикоса, то есть писаря, переписать имена его приближенных и всех бывших с ним людей. Он записал наши должности и имена, одного за другим. При этом патриарх имеет возможность записать, сколько

пожелает. Нас и наших спутников было около сорока человек. Бедняков и торговцев, которые прибегли к нашему покровительству, мы записали в числе служителей; настоятели же монастырей, нам сопутствовавшие, записались как семь архимандритов, из коих при каждом был, по обычаю, келарь, или повар.

В пятницу после обедни пришел к нашему владыке патриарху воевода. По обыкновению, кто бы ни пришел, хотя бы выше воеводы, ждет у дверей, пока мы не сходим и не доложим нашему владыке патриарху, чтобы он приготовился и надел мантию, ибо в этой стране московитов патриарх никогда не снимает мантии и никто не может его видеть без нее, даже когда он в дороге, дабы он не умалился в их глазах. Также и монахи никогда не снимают своих клобуков, и когда въезжают внутрь страны, тотчас приобретают себе черные мантии и надевают их, ибо без мантии не могут выходить, согласно постоянному обыкновению здешних монахов. А если увидят, что кто-нибудь из них расхаживает без мантии или без клобука, немедленно ссылают его в сибирские страны ловить соболей. Еще прежде чем мы приехали в Путивль, нам рассказывали, что один сербский митрополит приехал в эту страну. Мы знали его в Валахии: он взял от нашего владыки патриарха письмо, которое дало ему возможность сюда проникнуть. В то время как московский патриарх совершал молебствие за царя, идя в крестном ходу по городу, этот бедняга митрополит, переменив архиерейскую мантию на шерстяную монашескую, пошел немного прогуляться и поглазеть, думая про себя: «никто меня не узнает»; а чужестранного архиерея и других монашествующих лиц не пускают бродить по городу, разве только с дозволения царя для исполнения необходимых дел. Как только он вышел, его сейчас же узнали и донесли патриарху, и он немедленно был сослан в заточение в страну мрака, где есть такие монастыри, что умереть лучше, чем жить в них. Приехав за тем, чтобы получить пользу, он сгубил самого себя — капитал и прибыль.

Также, когда кто смотрит — избави Боже! — на пушки или крепость, того немедленно отправляют в заточение, говоря: «ты шпион из турецкой страны». Словом сказать, московиты крепко охраняют свою страну и свои владения.

Возвращаемся. Мы вышли и пригласили воеводу, и он вошел. Вот каким образом являются они к архиерею, и знатные, и простолюдины — как это хорошо! Сначала воевода в молчании сотворил крестное знамение и поклонился иконам, ибо в каждом доме непременно есть иконостас[279]; также, где бы ни садился наш владыка патриарх, мы, по их обычаю, ставали над его головою иконостас. Затем он приблизился к нашему владыке патриарху, чтобы тот благословил его московским благословением, поклонился ему до земли два раза и сделал поклон присутствующим на все четыре стороны, а потом начав речь. Он насилу согласился сесть по приглашению нашего владыки патриарха и всякий раз, как наш владыка обращался к нему чрез переводчика, он вставал и, дав ответ, садился. Наш владыка патриарх завел с ним речь о настоятелях монастырей. Воевода отвечал ему: «я имею приказания только о том, чтобы, как скоро твоя святость прибудет, отправить тебя внутрь страны. Мы ждем уже около двух лет. Но кроме твоих людей, мне о других не приказано». Наш владыка стал уговаривать его, и он записал их имена для пропуска. С нами было несколько бедняков, для которых ничего нельзя было сделать, кроме того, что воевода дал им милостыню и вернул назад: их труды и злополучия, беспокойства и расходы во время пути от Валахии пропали даром. Вот что случилось.

Воевода приготовил для нас конак[280] и большое помещение для лошадей, повозок с их принадлежностями и для служителей при них. По своему обыкновению, они никогда не позволяют, чтобы кто-либо брал с собою лошадей и каруцы внутрь страны, —

исключение было сделано для экипажа и лошадей нашего владыки патриарха — но воевода дает каждому каруцу с лошадью, или казенные арбы, называемым по-турецки *улаклак,* а на их языке *фодфодис* (подводы). Они даются безвозмездно, но от города до города, и это превосходная предусмотрительность, ибо лошади наши или других совершенно не в состоянии справиться со здешними дорогами и трудными, опасными местами, как об этом будет сказано. Что касается прочих наших спутников, то некоторые из них продали своих лошадей за четверть цены, а иные оставили их на хранение при своих служителях, чтобы те ходили за ними на их иждивении, пока они не возвратятся; при этом всякое животное съедает вдвое или втрое более своей стоимости. Было решено с воеводой, что он приготовит сорок три каруцы с лошадьми для нас и наших спутников. Так и было сделано. Под конец он попросил нашего владыку патриарха отслужить у него в воскресенье обедню в крепостной церкви, а в понедельник отправиться в путь. Так и было. Затем воевода удалился.

Знай, что здесь воевода Путивля есть наместник царя в подобных случаях, и сколько бы ни оказал он почета и какие бы траты ни делал, это входит (в круг его обязанностей), но в его власти сделать больше, и счастлив тот, к кому он благорасположен!

Глава VI. Путивль. — Описание города и крепости. Церкви.

Знай, что этот Путивль — город обширный, расположен на высоком месте и поднимается над окрестностями; близ него протекает река. В нем множество плодовых садов и много садиков при домах, целые леса яблонь с прекрасными плодами, более обильными, чем дикие желуди; есть вишни и птичье сердце (сливы); виноградников множество, но виноград дорог. Есть также садовый тимьян, груши и царские вишни.

Крепость этого города стоит наверху высокой горы: в земле казаков мы ни разу не видали подобной, и не мудрено — эти крепости царские; они построены из дерева, неодолимы, с прочными башнями, имеют двойные стены с бастионами и глубокими рвами, коих откосы плотно обложены деревом; входные концы мостов поднимаются на бревнах и цепях. Крепость (Путивля) большая и великолепная, неодолима и крепка в высшей степени, высоко и прочно устроена на высоком основании; вся наполнена домами и жителями. Она расположена на отдельной круглой горе и заключает внутри водоем, в который вода скрытно накачивается колесами из реки. Внутри ее есть другая крепость, еще сильнее и неодолимее, с башнями, стенами, рвами, снабженная множеством пушек больших и малых, кои расположены одни над другими в несколько рядов.[281]

В крепости четыре церкви: во имя Славного Воскресения, Успения Владычицы, Божественного Преображения и новая во имя святителя Николая.

По причине неприступности и твердости этой крепости и вследствие того, что ее так сильно укрепляли, ляхи, приходившие в прежнее время в числе сорока тысяч и осаждавшие ее в течение четырнадцати месяцев, употребляя всевозможные ухищрения, были совершенно не в состоянии ее взять и вернулись разбитые. О, как велико их сокрушение о ней!

Число церквей в городе двадцать четыре и четыре монастыря на углах его. Первая церковь[282] во имя Троицы, вторая — Святого Духа, третья — во имя распятия (Страстей Христовых), четвертая — Вознесения, пятая — Успения Владычицы, шестая — Рождества Богородицы, как в Седнае[283], (празднование) 8 сентября, седьмая — также в честь Ее Рождества; три церкви во имя св. Николая, одиннадцатая церковь во имя св. Георгия, двенадцатая — также в честь его, тринадцатая — евангелиста Иоанна, четырнадцатая — Афанасия и Кирилла, патриархов александрийских, пятнадцатая — Косьмы и Дамиана, шестнадцатая — св. Параскевы и семнадцатая — также св. Параскевы, восемнадцатая — пророка Илии, девятнадцатая — Никиты мученика, двадцатая — Флора и Лавра, покровителей лошадей; они были из этой страны, каменщики, уверовали во Христа, построили церковь и мученически окончили жизнь; память их совершается 18 августа; двадцать первая — во имя Паисия, нового их святого, которого они называют на своем языке *халиба*, т.е. милостивый[284]; двадцать вторая — во имя Феодосия, который был большим сановником и принял мученичество, двадцать третья — еще в честь Троицы; двадцать четвертая[285] — еще в честь Славного Воскресения. Из четырех монастырей три для монахов, четвертый — для женщин.

Возвращаемся. Что касается вида их церквей, то все они, выстроены ли из дерева, или из камня, или из кирпича, бывают как бы висячие и отличаются излишней пестротой. К ним всходят по высокой лестнице, ведущей на возвышенную окружную галерею, согласно тому, как Господь Христов говорит в Своем святом, избранном Евангелии: «два человека *взошли* в храм помолиться, один — фарисей, другой —

мытарь». Каждая церковь имеет три двери: с запада, юга и севера, по одной с каждой стороны. Таков вид всех здешних церквей до крайнего севера. Что касается их икон и иконостасов, то все они удивительно тонкого письма, (в окладах) из серебра чеканной работы с позолотой. Большею частью иконы бывают ветхие, древние, ибо в этой стране питают большую веру к старым иконам. В каждой большой их церкви непременно имеется икона Владычицы, творящая великие чудеса, как мы воочию видели, быв свидетелями и очевидцами чудес и несомненных доказательств. Колокола на колокольнях их церквей все из превосходной желтой, тазовой меди, и уже от маленького удара звук разносится на далекое расстояние. Но их не раскачивают веревками люди, как в Молдавии и в земле казаков, а к их железным языкам привязаны бечевки и в них звонят снизу подростки и дети, ударяя языком о края: получается приятный и сильный звук, сладостный для слуха — устройство прекрасное и остроумное. Колокольни и башни бывают круглые и восьмиугольные, красивой архитектуры, с приподнятыми, высокими куполами. Таков вид куполов их церквей: они приподняты, тонки, не похожи на куполы земли казацкой, которые, подобно как в нашей стране, широки и круглы.

Глава VII. Путивль. — Одежда духовенства. Набожность русских.

Что касается одежды их священников и дьяконов, то верхняя делается из зеленого или коричневого сукна или из цветной ангорской шерсти, со стеклянными или серебряными вызолоченными пуговицами от шеи почти до ног; она свободно висит и снабжена застежками из тонкого крученого шелка. Воротник этой верхней одежды, суконной или шерстяной, бывает шириною в пядень; он отложной и охватывает шею, доходя до нижней части груди, свободно висит, наподобие того, как надевается епитрахиль, только немного выше груди. Такова же одежда жен дьяконов и священников, дабы знали, что они попадьи. Протопоп делает этот воротник из тяжелой материи, для того, чтобы люди отличали его. На голове они носят высокие суконные колпаки, но во все время службы и перед архиереем стоят с открытыми головами.

Вот как миряне входят в церковь: сначала каждый делает несколько земных поклонов, затем кланяется присутствующим, хотя бы их было много, на восток и запад, север и юг. Также и дети, большие и малые, знают этот обычай и делают (земные) поклоны и кланяются присутствующим даже с большею ловкостью, чем мужчины. Что касается их крестного знамения, то достаточно назвать его московским: оно совершается ударом пальцев о чело и плечи. С начала службы до конца они не прекращают своих поклонов, отбивая их один за другим. При произнесении умилительного имени Богородица[286], то есть Матерь Божия, все они стукают лбами о землю, становясь на колени и делая поклоны, по любви к умилительному имени Девы. Точно так же, когда входят в дом, прежде всего творят крестное знамение пред иконостасом и затем кланяются присутствующим: так же поступают их мальчики и девочки, ибо вскормлены молоком веры и благочестия. Смотря на таковые их действия, мы удивлялись не на взрослых, а на маленьких, видя, как они своими пальчиками творят крестное знамение по-московски. Как они умеют, будучи маленькими, творить такое крестное знамение? Как умеют кланяться присутствующим? А мы не умели креститься подобно им, за что они насмехались над нами, говоря: «почему вы проводите каракули на груди, а не ударяете пальцами о чело и плечи, как мы?» Мы радовались на них. Какая это благословенная страна, чисто православная! Ни евреи, ни армяне, ни другие иноверцы в ней не обитают и неизвестны. У всех них на дверях домов и лавок и на улицах выставлены иконы и всякий входящий и выходящий обращается к ним и делает крестное знамение; также, всякий раз когда они проходят мимо дверей церкви, издали творят поклоны пред иконой. Равно и над воротами городов, крепостей и укреплений непременно бывает икона Владычицы внутри и икона Господа снаружи в заделанном окне и перед ней ночью и днем горит фонарь; на нее молятся входящие и выходящие. Также и на башнях они водружают кресты. Это ли не благословенная страна? Здесь, несомненно, христианская вера соблюдается в полной чистоте. Бывало, когда они приходили к нашему владыке-патриарху за получением благословения, то, помолившись на иконы и поклонясь присутствующим, они приближались к нему, дабы он благословил их по-московски; при этом меня всего более умиляло, как они изгибали плечи[287]; но они уже так научены от блаженной памяти своих отцов и дедов. Исполать им! О, как они счастливы! ибо все дни их радостны как праздник: нет заботы о хараче, о потерях, о долгах, а есть забота лишь о том, чтобы спешить из дома в церковь, из церкви домой, в благодушном настроении, ликующими и радостными. Впрочем, это народ

непросвещенный и умственно неразвитый, и что касается зависти и иных пороков, всех вообще, то они этого не знают.

Глава VIII. Путивль. — Служение патриарха в крепостной церкви. Татарские рабы.

Возвращаемся. В десятое воскресенье по Пятидесятнице воевода Никита прислал самых важных из своих приближенных пригласить нашего владыку патриарха к обедне. Мы отправились вслед за ними к крепости. Множество ратников шли в два ряда впереди нас в полном параде, пока мы не вступили в крепость, после того как сделали несколько поклонов пред иконами, стоящими наверху. Мы вошли во внутреннюю крепость, где воевода Никита встретил нашего владыку патриарха и поклонился ему. Мы поднялись в высокую церковь во имя Божественного Преображения. Кругом нее идет галерея. Тут стояли жены вельмож вместе с женою воеводы, подле третьей северной двери; то были жены важнейших сановников, в роскошных платьях с дорогим собольим мехом, в темно-розовых суконных (верхних) одеждах, унизанных драгоценным жемчугом, в красивых колпаках, шитых золотом и жемчугом, с опушкой из очень длинного черного меха. При них было множество служанок из татарок, что было видно по их лицам и маленьким глазам; они пленницы и находятся в положении унизительном. Мы видели их тысячи в этой стране, ибо цена их ничтожна и они продаются дешево, равно как и мужчины-татары: у всякого вельможи бывает их сорок, пятьдесят. Ты увидел бы, читатель, что волосы у них черные и свободно висят, как у московитов, но глаза маленькие и прищуренные. Имена у них христианские, ибо они чисто православные: их набожность и знание ими вашей веры поистине велики. Имена их суть имена главнейших (святых): Феодосий, Евстафий, Василий, Аврамий, Феодор, Григорий — в таком роде имена мужчин. Имена девиц и женщин рабынь суть: Фекла, Феодора, Юстина, Евфимия, Юлиана, Варвара, Марана (Марина?), Кира, Евпраксия. Этими и подобными именами, кои суть отличнейшие из (христианских) имен, называют татар, которые прежде были нечистыми и бесстыдными, но по принятии крещения обратились в избранный народ Божий. Бывало, когда они приходили к нашему владыке патриарху по поручениям своих господ, воевод и вельмож, мы, обрадовавшись им, заговаривали с ними по-турецки, но они стыдились и улыбались, оттого что мы узнавали в них татар, окрестившихся и сделавшихся христианами. Богу известно, что мы говорили и какие речи вели с ними не ради пустого любопытства.

Татар часто берут в плен войска московитов, охраняющие границу поблизости от них; нападая на их страну внезапно, разоряют, жгут и захватывают жителей. В стране московской их продают по самой низкой цене: их можно купить не за двадцать или за тридцать золотых, но не более как за десять, ибо цена им так установилась издревле. Приобретая их за ничтожную цену, тотчас крестят их и обращают в христианство.

Возвращаемся. Мы вошли в вышеназванную церковь и немедленно совершили в ней водосвятие, по известному их обыкновению. Затем наш владыка патриарх, окропив воеводу с его семейством и всех вельмож, стал служить литургию. На ектении мы поминали сначала имя патриарха Никона, потом христолюбивого царя, тишайшего и возлюбленнейшего, князя Алексея Михайловича, благочестивейшую царицу кирию Марию августейшую и чадо их, благополучного Алексея Алексеевича[288]. После них мы поминали (воеводу) Никиту, который, однако, не имеет в церкви особого места, как это в обычае у воевод Валахии и Молдавии. В этой стране воеводы стоят среди народа как придется: ибо в них, как в тех, ни гордости, ни высокомерия, но они исполнены смирения, благоговения, мудрости и скромности, им были бы пристойны величие и

гордость тех, потому что они повинуются своим царям, а те платят харач и повинуются чужим.

Возвращаемся. При северной двери этой церкви есть изображение св. Христофора, в виде мученика-воина, с лицом как у собаки.

По выходе из церкви от литургии, воевода простился с нашим владыкою патриархом, и мы вернулись в свое помещение, при чем все ратники шли в два ряда, как раньше. Воевода немедленно прислал царскую трапезу роскошнее, лучше и обильнее первой, с различными напитками в серебряных чашах; все это принесли многочисленные янычары (стрельцы).

Глава IX. Путивль. — Кир Иеремия. Монастырь Богоматери.

В этом Путивле скончался помилованный Богом кир Иеремия, митрополит Аккарский (Аркадийский), алеппец, которого послал в эти страны в Бозе почивший патриарх Евфимий Хиосский. Когда он прибыл в Путивль, в то время в нем был воевода беззаконник и обидчик, любящий взятки: скольких архиереев и священников он изобидел и вернул назад без ведома царя, которому никто не сообщал о происходившем! Воевода не пустил его въехать внутрь (страны), но послал — так по крайней мере он утверждал — известить царя о его прибытии. Так как время было зимнее и посланец замешкал, то в его отсутствие воевода потребовал от покойного митрополита взятку. Если бы покойный знал это раньше, то дал бы ему взятку, как делали другие, и въехал бы внутрь страны. Но по скудости его средств у него ничего не было, чем бы он мог удовольствовать воеводу, и потому он отдал ему в дар от себя свой посеребренный крест. Кто не бывал в этой стране, тот не знает, какие требуются расходы от Молдавии сюда и как велики издержки, в особенности потому, что земля казаков тогда была в обладании и порабощении у ляхов, и бывало, когда проезжали чрез нее монахи или архиереи, то в них брали много денег и подарков, кроме взыскания за клейма; главным образом в пользу правителя (из) проклятых евреев, кои распоряжались приезжающими и отъезжающими и чинили им притеснения. Происходило это, в частности, оттого, что в той стране архиереи не имеют значения, не ценятся, ибо они сотнями и тысячами бегут в Московию за милостыней, покрывая таким способом свои расходы. Посланец не возвращался с ответом около сорока дней, и средства покойного, несомненно, оскудели, так что он распродал все свои вещи и что при нем было, на содержание свое и своих спутников; а время тогда было весьма холодное — истекало двенадцать дней, кои отделяют праздники Рождества и Богоявления, был снег и лед; и как митрополит с давнего времени был слаб здоровьем, то от испытанных им огорчений и холода скончался мучеником, перейдя в райские селения и к благости Господа своего милосердного. Тогда взяли его с великою честью и погребли в каменном царском, большом монастыре во имя Богоматери[289], а на другой день похоронили с ним другого митрополита[290] одного из греческих городов, по имени также Акар (Аркадия?); подобно ему, он скончался от притеснений и обид. Этот рассказ достоверен: нам сообщили его в Путивле настоятели монастырей, кои вместе с покойным ждали ответа и возвратились назад, находя это единственно возможным исходом, ибо воеводы в Путивле, во дни Михаила, отца теперешнего царя, были притеснители, обидчики и взяточники, потому что царь был милосерден, не жесток и скуп на пролитие крови. Но богохранимый Алексей герой, воцарившись, казнил всех этих неправедных воевод и правителей, кои были изменниками его отцу, и поставил на их место новых, которые постоянно трепещут перед ним, ибо он склонен к пролитию крови и весьма грозен. Известившись о том, что произошло в Путивле, он послал сместить того проклятого воеводу и привести в себе вместе с его клевретами. В Москве огласили их (преступления). Царь подверг их всевозможным губительным мучениям и наконец лишил их жизни острием горькой смерти, в назидание другим, дабы они не поступали как же, и прислал воеводу Никиту, который принадлежал к числу служилых людей патриарха и был мудр, милосерден и великодушен. Вот что произошло.

Наш владыка патриарх возымел намерение посетить в этот день монастырь Богоматери, где находится могила помилованного Богом митрополита, чтобы помолиться на его гробнице. Мы поехали туда в экипаже. Монастырь находится на краю города на

высоком холме, поднимающемся над окрестностями, а перед ним внизу течет вышеупомянутая река. Он весь каменный. По обычаю, вышли встречать нашего владыку, и мы вступили в монастырь. Знай, что над воротами каждого монастыря в этой стране бывает иконостас снаружи и изнутри. При пении мы поднялись по высокой лестнице в святую церковь. Она имеет обширный, весь сводчатый, купол, окруженный большой галереей, откуда открывается прелестный вид на реку и поля. Подле этой церкви есть другая, малая — во имя Нерукотворного образа[291] и близ нее красивая колокольня. Кругом (большого купола) есть еще приподнятые высокие куполы. Что касается ее иконостаса, то он весь состоит из маленьких древних икон тонкой работы, приводящей в изумление зрителя. В церкви есть чудотворная икона Владычицы, очень больших размеров, на коей имеются привески золотые и серебряные и жемчуг — вещи диковинные. Подле этой — другая, подобная ей, древняя икона. Нам рассказывали, что она находилась в одном доме, который разрушился, и она была засыпана землей. Она явилась три раза в одну ночь одному важному сановнику, и он вырыл ее на том месте, где она ему показалась, взял и поместил в этом монастыре. Ей было установлено большое празднество, она творит много чудес и к ней имеют великую веру. Есть еще икона Троицы, — трапезы и Авраама — которая, как мы заметили, должна быть непременно. Под этой церковью много подвалов, склепы и монастырская трапеза с церковью во имя св. Антония. Склепы в этой стране имеют вид красивых жилых помещений с горбообразным каменным сводом; внутри их окошечки, где ставят свечи в утро воскресений и праздников.

Отслушав вечерню в упомянутой церкви, мы спустились туда, где находится могила помилованного Богом митрополита Иеремии, в сопровождении священников и дьяконов в облачениях, со свечами и кадильницами. Мы совершили по нем большую панихиду. Наш владыка патриарх прочел над ним молитвы отпущения и разрешения, после того как мы омочили землю своими слезами от великого плача, прежде всего, о своем положении, ибо все мы были чужестранцы: кто знает, что может случиться с нами? Тот, Кто изрек над ним свой суд, имеет силу произнести свой суд и над нами. Кто знает, когда состоится наше возвращение и куда? Чужеземец останется чужеземцем, хотя бы он был Александром двурогим (Македонским). Боже, даруй нам прощение перед кончиной и уплату наших долгов! прости и помилуй иноземца, находящегося в чужой стране! Поистине, Ты милосерднейший из милосердных и в Твоей власти возвратить путников на родину.

Затем мы поднялись на верхнюю галерею, откуда любовалась, как городское стадо переходило через реку. Пастухи с утра созывают его звуками рожка; оно выходит из своих жилищ и его гонят вброд через реку, чтобы пасти на той стороне. От Путивля до Москвы коровы у жителей малы. Пастух пасет коров, баранов, козлов, свиней и лошадей вместе: таков их обычай. Это большое облегчение. В земле же казаков каждый пастух пасет одну породу. Нас больше всего удивляли пастухи свиней.

Затем мы возвратились в свое жилище, после того как попрощались с монахами и они с нами.

Глава X. Путивль. — Путевые меры. Монета. Дорожное содержание патриарха и его свиты. Молельщики. Архиепископы Кипра и Охриды. Сербский митрополит Гавриил.

Знай, что от Путивля до столичного города Москвы семьсот верст, как нам сообщили. Верста на их языке то же, что турецкая миля, то есть одна из наших миль, и равна трем тысячам локтей, стало быть, расстояние от Путивля до Москвы составляет 140 больших казацких миль и почти равняется пути от Валахии до Путивля, который считается на полдороге. В этой области и во всей московской стране считают дорогу не иначе, как верстами, хотя бы деревня находилась на расстоянии одной версты; так напр., они говорят: такое-то место отстоит на одну, две, двадцать, пятьдесят, сто верст, пятьсот или несколько тысяч. Так у них принято всегда. Заметь, какая большая точность! В зимние, морозные дни сани, запряженные лошадьми, несутся быстро, верст по сто в день.

Знай, что вся монета в стране московитов составляет богатство, которое исходит от царя; она чеканится царем. Монеты носят название *кабикат* (копейки), в единственном числе *кабика*. Пятьдесят копеек составляют один пиастр-реал. Из всех стран также привозят полновесные орлиные реалы разного рода, но не слитки, а царь приказывает их разбивать и чеканить из них копейки. Никто не смеет истратить ни одного пиастра, не разменяв его предварительно на копейки; хотя бы сделка была на тысячи пиастров, но платеж производится не иначе, как копейками, по причине большой пользы для царской казны. Все их драгоценные украшения, сосуды, оружие, серебряные вещи и серебряные оклады икон делаются из полновесных орлиных реалов и львиных пиастров[292], ибо они дешевы, так что иногда, случается, отдают три львиных пиастра за два пиастр-реала. Что же касается собачьих грошей[293], то их не знают, ибо те не имеют полного веса. Динары (червонцы) всех стран у них в ходу, кроме турецких динаров, коих они не терпят. Динар они называют рублем. Купля и продажа у них совершается на копейки. Они говорят: за двадцать алтын, за сто, за тысячу алтын; а алтын на их языке значит три копейки вместе. Пойми!

В понедельник пришел воевода проститься с нашим владыкой патриархом, который дал ему и бывшим с ним разрешительную грамоту. Воевода назначил на дорогу *бириста боса* (пристава), т.е. конакджи (квартирмейстер), который должен был ехать впереди нас. Затем он удалился и прислал всем нам копейки на продовольствие, на имя каждого, за четырнадцать дней — расстояние пути до Москвы — на каждый день отдельно: нашему владыке патриарху ежедневно 25 копеек, архимандриту — десять, дикеосу, т.е. протосингелу, семь, архидиакону семь, казначею шесть, келарю шесть, второму келарю и одиннадцати служителям — каждому ежедневно по три, драгоману четыре копейки[294]. В этой стране обыкновенно дают каждому копейки, а не провизию, и он ест и пьет, что пожелает, на счет упомянутого (денежного) содержания, не так, как в Молдавии и Валахии, где назначают еду и питье ежедневно. По всей дороге от Путивля до Москвы никто не давал нам и одного хлебца ни в городах, ни в деревнях, ибо у них нет такого обычая, а взамен служит упомянутое (денежное) содержание. Воевода прислал нам также отличных припасов на дорогу: хлеба, дорогой сушеной рыбы, бочонки с водкой, пивом, медом и иное. Затем привели *фодфодис* (подводы), т.е. каруцы, в которые мы сложили свой багаж.

Знай, что, так как здесь в Путивле скупы на пропуск внутрь страны архиереев,

настоятелей монастырей и монахов, то, когда кто-либо из архиереев и монахов обманется в своей надежде на въезд в страну, говорит воеводе: «мы входим во имя царя», и тот немедленно снаряжает их внутрь страны без всяких разговоров. Значение «войти во имя царя» то, что они остаются во имя царя, кормятся от его добра во всю свою жизнь и постоянно молятся о нем; их называют молельщиками. За то они никогда уже не могут выехать из его страны; это становится невозможным. Царь и придворные его любят тех, кто это говорит, и держат в большом почете. Эту хитрость придумали в нынешнее время греки.

Знай, что за два года перед сим приезжал в Путивль архиепископ кипрский, который выдавал себя за патриарха, желал этим придать себе больше величия. Путивльский воевода задержал его, послав спросить совета относительно него. Немедленно приказали вернуть его назад, говоря: «в течение пятисот лет, с тех пор как мы сделались христианами, мы доселе не слыхивали, что есть в мире еще патриарх, кроме четырех: антиохийского, александрийского, иерусалимского и константинопольского; под конец, с разрешения четырех патриархов, мы поставили у себя пятого, на место римского папы». Тогда важная особа послала просить прощения, сознаваясь в своей вине и даже выдавая себя менее чем за архиерея. Над ним сжалились и дозволили приехать. Напоследок, по выезде от них, он скончался в их стране. Это случилось в то время, когда мы прибыли в Молдавию.

Нас опередил архиепископ Охриды, города царя Юстиниана; подпись этого архиепископа зеленого цвета[295]. Прибыв в Путивль, он заявил такое же притязание, и его постигло то же, пока он не послал с извинением в своем грехе и с просьбой о прощении. Тогда он был допущен и потом уехал.

В бытность нашу в Валахии, там находился кир Гавриил, архиепископ стран сербских, коего престол есть главный город пашалыка, называемый Ипек. Этот архиепископ сначала был под ведением архиепископа охридского, но сделался самостоятельным и теперь платит ежегодную дань бостанджи-баши. И этот архиепископ высокомерно и хвастливо утверждал, что он патриарх. По этому поводу мы много раз спорили с ним и с его учениками; мы говорили им: «если антиохийский престол ведет свое начало от апостола Петра, александрийский от Марка, константинопольский от евангелиста Иоанна и Андрея, а Иерусалимский от Иакова, брата Господня, то ваше патриаршество от кого из апостолов ведет свое начало?» На это они не дали никакого ответа, ибо сами сообщали нам, что сербские страны приняли христианство лет за пятьсот пред сим, быв в идолопоклонстве и язычестве. После них обратились в христианство казака, а затем московиты, и все это случилось при Василии Македонянине, да помилует его Бог! Аминь.

Мы прикладывались к мощам, находившимся у этого архиерея, именно: к ноге св. Марины удивительной сохранности величиною с ногу маленькой девочки, к кости св. Златоуста и к другой — св. Григория Богослова, к частице мощей св. Георгия, к кости св. Софронии, к крови Анастасия Персеянина и Власия, епископа Севастии[296].

Этот архиепископ уехал вперед нас из Валахии, направляясь в Московию, и достиг Путивля около половины великого поста, во время снегов и льда, и больших холодов неописуемой силы. Въехал он с чванством и великой гордыней: с заводными лошадьми, богато убранными седлами, посеребренным оружием, с большим триумфом. Поистине, Бог противится горделивым. В Путивле он также выдал себя за патриарха и послал уведомить патриарха и царского наместника, ибо царь в то время уже отправился в поход. Подкупив вышеупомянутого воеводу деньгами, он въехал в страну до получения

ответа. На дороге его встретил посланец, который вез с собой такой ответ, что его высылают из страны, так как шестой патриарх отлучен. Его вернули назад на расстоянии трехдневного пути. Тогда он стал упрашивать их, пока не позволили ему послать письмо к патриарху, в котором он умолял его простить ему грех и объявлял, что входит во имя царя. По получении его письма, послали вернуть его на таком условии. Воззри на это возвеличение и высокомерие, на это падение и уничижение!

Московиты известны своими знаниями, мудростью, проницательностью, ловкостью, сметливостью и глубокомысленными вопросами, которые ставят в тупик ученых и заставляют их краснеть. Да поможет Бог нашему владыке патриарху на них! и всем нам да поможет Он и да дарует разумение! Аминь.

Глава XI. Московская земля. — Выезд из Путивля. Плохое состояние дороги. Татарская граница.

Мы выехали из Путивля в понедельник, 24 июля, поздним утром. Все войско в полном параде с высшими служилыми людьми воеводы шло впереди нас на большое расстояние от города, пока не остановил их наш владыка патриарх; тогда они все подошли, приложились ко кресту и к его правой руке и вернулись домой. Пристав двинулся перед нами. Крест на шесте мы оставили в Путивле, потому что обычай нести его пред патриархом существует только в земле казаков. Мы проехали около двадцати верст, то есть около четырех больших миль, по обширному лесу, все поднимаясь в гору; проезжали мимо множества деревень и озер и вечером прибыли в селение, по имени *Имадикина* (Емадыкино). В нем есть церковь у дороги во имя св. Николая. Мы ночевали вне селения.

Знай, что от Путивля до столичного города Москвы все идет большой подъем, ибо мы и ночью и днем взбирались все время на большие горы; а также ехали густыми лесами, которые своею чащей скрывали от нас небо и солнце. Ежедневно мы въезжали в леса новой породы: в один день ехали среди деревьев *малуль* (дуб?), в другой — среди тополей, диких и персидских, одинаковой высоты, как в саду — вид прелестный! в иной день — среди высоких кедровых (сосновых) деревьев, в другой — среди елей, похожих на кедр, из которых делают корабельные мачты, — диковинные, удивительные деревья!

Одному всевышнему Богу известно, до чего трудны и узки здешние дороги: мы, проезжая по разным дорогам от своей страны до сих мест, не встречали таких затруднений и таких непроходимых путей, как здешние, от которых поседели бы и младенцы. Рассказать — не то, что видеть собственными главами: густота деревьев в лесах такова, что земли не видят солнца. В эти месяцы, в июле и августе, дожди не переставали лить на нас, вследствие чего все дороги были покрыты водой: на них образовались ручьи, реки и непролазная грязь. Поперек узкой дороги падали деревья, которые были столь велики, что никто не был в силах их разрубить или отнять прочь; когда подъезжали повозки, то колеса их поднимались на эти деревья и потом падали с такою силой, что у нас в животе разрывались внутренности. Мы добирались к вечеру не иначе, как мертвые от усталости, ибо одинаково терпели и ехавшие в экипаже, и всадники, и пешие.

От Путивля до Москвы справа от нас, на расстояние месячного пути, была страна татар, а слева, на таком же расстоянии, страна ляхов, которая доселе остается в их руках вместе с областью Смоленска. Мы путешествовали, проезжая как бы по узкому проливу, ибо здесь проход в страну стран до самой столицы. От столицы же далее простирается обширная, великая страна, по которой путешественник должен ехать четыре года вдоль и поперек, как об этом будет подробно рассказано.

Пред отправлением в поход царь назначил воеводу, именем Василия, по прозвищу *Шеременд* (Шереметев), со стотысячным войском на границу татар объезжать ее из конца в конец, дабы они не могли выступить ни на помощь ляхам, ни в пределы его страны. Узнав про доблесть этого Шереметева, татары рассеялись. На границе страны татар, что справа от нас, этот богохранимый царь выстроил тридцать крепостей, кроме тысячи башен. После того, как татары раньше проходили сюда расстояние месячного пути в пять, шесть дней, появляясь нечаянно, во время больших холодов и льда, и, захватив пленных, возвращались, теперь московиты берут пленных у них: стоя на верху

крепостей, они наблюдают, так как путь татар проходит вблизи от них, и как только заметят едущих, часть их сходит, мчится на своих конях и, опередив татар, становится в засаду в стороне от дороги. При приближении к ним татар, они тотчас хватают их караван, будут ли это мужчины, женщины, девочки или мальчики, уводят в свою страну и продают на рынке уничижения за десять, пятнадцать или двадцать пиастров. Поэтому у каждой богатой женщины бывает пятьдесят, шестьдесят (рабынь) и у каждого важного человека семьдесят, восемьдесят (рабов). Они их не оставляют так, но тотчас обращают в христианство, хотят ли они или нет; их крестят даже насильно. Если потом увидят, что они хорошо себя ведут и усердны в вере, то их женят между собою и детям их дают наилучшие имена. Мы замечали в них набожность в смирение, каких не встречали и среди лучших христиан: они научились тайнам веры и обрядам и стали такими, что лучше и быть нельзя.

Глава XII. Московская земля. — Севск. Воевода. Угощение им патриарха. Крепость в церкви.

Возвращаемся. Мы поднялись во вторник на заре и прибыли поутру в большое селение с маленьким укреплением и озером, называемое *Каруба* (Крупец). Затем мы въехали в огромный лес и проезжали мимо селения, по имени *Бабок* (Поповка), с церковью во имя св. Николая. Потом прибыли в другое селение с большим озером, называемое *Брутики* (Прудки?). Проехав по длинному деревянному мосту, который проходит над водой, болотами и большими зарослями, мы прибыли в город, по имени *Измиников* (Позняковка?), где и ночевали. Протяжение нашего путешествия в этот день составляло восемьдесят верст, то есть шестнадцать больших миль, по той причине, что лошади были казенные и их хозяева летели на них, чтобы поскорее возвратиться домой; так бывало ежедневно. Они каждый день кормили их ячменем два, три раза, имея при себе запас, достаточный на путь туда и обратно. Мы встали на заре и утром прибыли к двум очень большим озерам; одно из них, с плотиной, лежит выше другого, подобно Эмесскому озеру, и имеет исток в нижнее. Затем мы проехали еще, что оставалось до десяти верст, то есть до двух миль, и прибыли в большой город с величественною крепостью, с большою рекой и озером, по имени *Сивска* (Севск). Мы остановились перед зданиями, назначенными для казенных лошадей, и немедленно переменили все экипажи и лошадей, которые были с нами и которые теперь отправились обратно. Константин Михайлович, тамошний воевода, прислал нашему владыке патриарху со своими служителями в подарок хлеба разных сортов, рыбы свежей и сушеной всякого рода, и напитков: водки и всяких иных. Его киайя (доверенный), бывший во главе служителей, сказал: «воевода такой-то бьет челом до земли твоей святости и подносит эту хлеб-соль». Затем прибыл и сам воевода со многими ратниками и, сделав земной поклон нашему владыке патриарху, приветствовал его весьма дружелюбно. Это был муж преклонных лет, внушающий расположение и почтение к себе: таковы все эти воеводы. Он сел и сообщил множество известий об их стране, которым не всякий поверит, и подробности о походе царя. Знай, что как все франкские народы питают большую любовь к папе и имеют в нему великую веру, так мы видели и слышали от всех этих воевод, от других вельмож, священников и всех, вообще, московитов благожелания, хвалы, благодарения и большую веру к их патриарху, которого имя не сходит у них с языка, так что они, кажется, любят его, как Христа. Все боятся его и, бывало, постоянно просят нашего владыку, чтобы он похвалил их пред патриархом, когда с ним свидится, ибо тот с царем одно. Что касается любви их к царю, то ум не может постичь ее: от большого до малого она все больше и больше.

Воевода послал принести большое количество напитков: водки, вина и проч. и принуждал нашего владыку патриарха, а также и нас, много пить, хотя мы еще не завтракали, так что довел нас до изнеможения. Один из его слуг обходил нас с тарелкой огурцов, другой с тарелкой редиски, поднося нам закуску, Сначала пили стоя здравицу за их патриарха после молитвы за него, потом за царя и всех его приближенных. Затем воевода, выказав большое дружелюбие нашему владыке, удалился.

Мы поднялись и проехали чрез средину крепости, где проходит дорога. Крепость великолепна, с чрезвычайно прочными башнями и с многочисленными большими пушками, размещенными одна над другой, с широкими и глубокими рвами, скаты которых обложены деревом, с деревянною двойною стеной. Мы дивились на эти

укрепления и постройки, ибо крепость эта прочнее каменной: и как могло быть иначе, когда это крепости царские и укрепляются постоянно? Затем нас ввезли во вторую крепость, также со стенами, башнями, рвами, потом в третью, которая еще больше, крепче и неприступнее первых двух; в ней есть потаенная дверь, чрез которую сходят к ее большой реке черпать воду, ибо крепость стоит на верху высокого холма. Перед ней наш владыка патриарх вышел из экипажа, а из крепости вышли ему навстречу священники и дьяконы с кадильницами в царских облачениях, с древними иконами, унизанными жемчугом, и с золотыми крестами. Воевода шел пешком, пока не ввели нас в высокую церковь, как бы висящую на прочных основаниях, во имя Успения Владычицы; кругом нее идет галерея, господствующая над окрестностями; на ней стоят женщины. В церкви три двери, как обыкновенно бывает в их церквах, о чем мы уже упоминали. Наш владыка окропил их святою водой и мы вышли; при этом колокола всех церквей, что внутри этих крепостей, гудели. Вот имена церквей в этой третьей крепости: (кроме упомянутой) еще две — в честь Владычицы Платитера (Знамения?) и св. Николая. В других крепостях и вне их еще семь церквей, а всего десять; в числе их: монастырь в честь Вознесения, церковь в честь Воскресения, церковь в честь Входа Христа во храм, еще в честь Введения Владычицы во храм, во имя св. Михаила, св. Параскевы и св. Николая.

Затем воевода простился с нашим владыкой патриархом, проводив его за крепостные ворота; священники же прошли на значительное расстояние. С той стороны мы видели на обоих краях рвов удивительные приспособления из заостренных, связанных между собою бревен, к которым человеку невозможно приблизиться; мы видели также высокие круглые башни и большую реку, нами упомянутую, которая течет вокруг крепостной горы. За городом есть еще две деревянные стены для задержки конницы. Мы спустились по большому, трудному скату и переехали чрез деревянный мост, длиною в час пути, под которым много воды, болота и большие заросли, длинные и широкие. Затем мы проехали тридцать верст, т.е. шесть миль, по лесу из кедровых (сосновых) и иных деревьев, проезжали чрез многие деревни, воды и мосты и ночевали в лесу.

Глава XIII. Московская земля. — Земледельческие орудия. Различные роды посевов. Гумна и скирды.

Мы встали на заре в праздник св. Пантелеймона и проехали чрез большую деревню, называемую Захарово, где есть пять-шесть озер с плотинами; вода течет из верхних в нижние до последнего. Нам приходилось видать в этой стране московитов, что, вырубая, лес, очищают землю и немедленно засевают ее; причиною тому плодородие почвы.

Мы видели в это время, как они пахали на одной лошади, потому что коровы[297] в этой стране очень малы, с теленка, по причине сильного холода, как нами упомянуто: у них нет силы для пахоты, и они служат только для получения молока летом и зимой. Сошник плуга непременно возится на двух колесах, и у этого сошника имеется заостренный железный резак, который входит в землю и вырезывает до основания корни лесных растений и траву. Мы видали, что другой человек привязывал к лошади сзади род решетки: это плетеная четырехугольная клетка, на одной стороне которой вставлены длинные деревянные гвозди; она употребляется для уравнивания земли: когда пахарь действует, эта клетка делает землю ровною, как ладонь. Она быстро движется и удивительно легка. Мы видали, что жители в Валахии, Молдавии и в земле казаков пашут на пяти, шести парах быков при пяти, шести погонщиках с большими хлопотами: колеса необходимы. Очень удивительно то, что они засевают поля с теперешнего времени и посев остается в земле около девяти месяцев, пока не растает снег в конце марта.

Что касается рода посевов в этой стране, то их много. Первый — пшеница двух пород: у одной колос с остями, у другой без остей. Она хорошо растет в этой стране, достигая высоты около трех аршин. Сеют также очень позднюю (яровую) пшеницу, т.е. летний посев: мы были в конце июля, а она еще не колосилась, но была зелена, как изумруд, по причине обильных дождей, которые не прекращаются даже летом. Второй посев называется *фариза* [298] (рожь) и походит на пшеницу; мы зовем его плевелами — то, что обыкновенно веяльщики отбрасывают из пшеницы. Это тонкая пшеница; хлеб из нее бывает черный и его любят больше белого; бывало, когда воевода присылал нашему владыке патриарху подарок, то сначала подносили этот черный хлеб, потому что он у них в большой чести, а потом уже белый. Посев ее очень высок, как пшеничный посев, около трех аршин, так что в нем может скрыться всадник. В земле казаков — да будет благословен Творец! — посев этот очень изобилен, ибо, случалось, мы ехали часа два, три полем ржи, по длине и ширине подобным морю. Эту рожь крупно мелют, дают ей стоять в воде и варят из нее водку вместе с цветком растения, называемого *ихмиль* (хмель), который делает водку весьма острою. По указанной причине водка в земле казаков очень дешева, как вода; в этой же стране московитов она весьма дорога, ибо *мадра* (ведро?), т.е. десять ок[299], продается за один золотой и дороже. Третий посев — ячмень. Четвертый — *шуфан* (овес?); он очень изобилен и идет на корм вьючным животным, которые от него крепнут и жиреют; он не вредит, как ячмень. Пятый посев — *мазари* на их языке, похож на *жульбан(*род гороха), его варят взамен чечевицы. Сколько раз нам приходилось есть его без постного масла, как лекарство от боли желудка! Шестой посев — просо; оно изобильно и имеет плод початками, как у кукурузы. Седьмой посев — красная трава с многочисленными веточками и с белыми цветками еще более обильными; ее называют по-русски[300] *хрышка* (греча); плод ее подобен зерну проса, но он белый и мягкий и идет в начинку взамен риса, которого они не любят. Восьмой посев имеет желтый цветок,

похожий на цвет репы; его листья варят и едят[301]. Девятый посев имеет синий цветок, плод его — черное зерно, которое примешивают к пшенице при печении: он придает хлебу сладкий вкус и белизну; по-валашски он называется *лякина*, а по-гречески *гонгили* (круглая репа). Десятый посев — конопля и конопляное семя; ее много; из плодов добывают масло, а из нее пряжу для сорочек и для веревок. Одиннадцатый посев — лен, которого очень много; цветок его голубой. Изо льна делают рубашки: его белят и изготовляют одежду, чем занимаются женщины. В этой стране московитов он прекрасного качества, чрезвычайно дешев и долго носится. Двенадцатый посев — просо, которое у нас сеют между огурцами; оно употребляется поджаренным для приготовления бузы[302], вкусной и чудесной, точь-в-точь как молоко, в особенности в земле казаков; по-гречески называют его *аравико ситари*, т.е. арабская пшеница.

Ты мог бы видеть у них, читатель, в конце лета подобие весны, как праздник Благовещения у нас: поле спелой желтой ржи, поле зеленой пшеницы, еще большее поле белых цветов, поле синих цветов, поле желтых и иные — услада для взоров!

Заметь, что бобы, горошек и чечевица вообще неизвестны в этой стране. Соломы здесь во всей стране не знают, ибо у них нет таких молотилок, как в нашей стране, но они ставят посредине длинное бревно, вокруг которого кладут сжатый хлеб; привязав к бревну за повод лошадей, покрикивают на них, и они бегают кругом, сначала в одну сторону, потом в другую, и таким образом обмолачивается весь хлеб на гумне. Они молотят только прежний хлеб, сжатый года за два. Мы видели, как они в эту пору связывали сжатый хлеб в связки (снопы) [которые складывали крест-накрест][303], потом отвозят его на телегах домой, где кладут рядами друг на друга, составляя нечто вроде изб с горбообразною крышей — при чем колосья бывают обращены внутрь — и покрывают досками. Он остается в таком виде зиму и лето. Что касается запасов для всех их вьючных животных, то они состоят из сухой травы, которую косят летом и оставляют на месте, как запас на зиму. Снаряды, употребляемые ими при жатве: их серпы, грабли, коими собирают сжатый хлеб и траву, очень удивительны. Безопасность, господствующая во всех этих странах, кроме Молдавии, полнейшая.

Глава XIV. Московская земля. — Леса. Липа и поделки из нее. Пожары. Жилища. Женщины и их одежда. Мужчины, их одеяние и бороды.

Мы переехали чрез большую реку, называемую *Надрус* (Неруса), чрез которую весной переправляются на судах, а мы переехали чрез нее по огромному длинному мосту, тянущемуся на значительное расстояние. Число больших досок только на поверхности его, от начала до конца, широких и длинных, две тысячи четыреста сорок одна, как мы точно сосчитали. Весь он без гвоздей, лишь из одного дерева.

Затем мы въехали в лес из сосен[304] и елей, из коих делают корабельные мачты. Эти деревья не переставали нам встречаться до ближайших к Москве мест. Все строение их домов и деревянные поделки в здешней стране бывают из этого дерева, по причине его изобилия. Что касается персидского тополя, то ты мог бы подумать, что он правильно рассажен, как в саду, вдоль и поперек: весь он ровен, как будто создан в один день. Мы прославляли Бога при виде высоты сосен и елей и их прямизны, формы тополей и их правильности и красоты.

Знай, что в этих лесах, начиная от Валахии и Молдавии, в земле казаков до внутренних частей Московии есть очень большие деревья, похожие на железное дерево[305] по своим листьям, но выше его. Мы видели его в июне и июле покрытым превосходными цветами благовонного запаха, который распространяется на далекое расстояние. Они белые и сидят пучками. Дерево это называется (по-гречески) *фламур* (липа). С него сдирают верхнюю толстую кору, из которой делают покрышки для экипажей и домов, в защиту себя от дождя и снега. Толщина его более трех локтей. Из него делают также дуги для экипажей, сундуки, коробки, меры, круги для решет, колеса для повозок, дуги для лошадей, которые сгибают из ветвей, и тележные оглобли[306]. Из тонкой внутренней коры этого дерева делают в здешней стране канаты корабельные и иные; из нее же изготовляются у них все веревки, которыми сшивают короба, а также решета, рыболовные сети, лошадиные путы, чудесные циновки, вроде египетских, лапти[307], то есть обувь, и прочее.

Наш путь, большею частью, был чрезвычайно узок, не вмещал больше одной лошади, и представлял как бы большой пролив. Затем мы въехали в село с озером, называемое *Хородиш* (Городище). Близ него небольшая, сильная крепость. В селе у дороги церковь во имя Косьмы и Дамиана. Обрати внимание, читатель, до какой степени страна эта, имеющая столь огромные размеры, строго охраняется, ибо входить нельзя иначе, как только чрез средину города и крепости и селения; непременно бывает узкий проход по мосту, ведущему через озеро, а других, объездных путей вовсе нет. Никакому шпиону, хотя бы он был из туземцев, совершенно невозможно проникнуть. Обрати внимание на эту чрезвычайную строгость!

Затем мы сделали еще верст тридцать, то есть шесть миль, и вечером прибыли в селение, которое теперь вновь строят; оно называется *Жанка* (Чайки?). Мы ночевали на некотором расстоянии от него в поле ради пастьбы животных. Но жизнь у жителей этих стран, от Константинополя до сих мест, очень мрачна, ибо пожары бывают у них беспрестанно. В Молдавии и Валахии, в случае пожара, обыкновенно кто-нибудь ударяет в большой колокол об один из его краев, при чем раздается страх наводящий гул, крайне неприятный и пугающий; это служить знаком людям сбираться для тушения пожара или

на помощь. В московской же земле ударяют в приятный по звуку колокол, висящий над городскими воротами. Но что до нас, мы были в постоянном страхе.

Что касается устройства домов во всей этой стране московитов, то все они строятся из еловых бревен, плотно пригнанных и скрепленных друг в другом; они высоко, с горбообразными крышами, дорого стоящими: все дома этих стран, от Валахии до Москвы, имеют горбообразные дощатые крыши, что необходимо вследствие обилия снега, дабы он не лежал на крышах. В домах непременно бывают каптуры[308] и печи.

Знай, что в земле казаков евреи, во время владычества ляхов, устраивали внутри своих жилищ род постоялых дворов из дерева, обширных и высоких, для путешественников в зимнее время, чтобы, по своей пронырливости, попользоваться от них, продавали им сено для их животных, пищу для них самих, получали за постой, хотя бы на один час, за водку и другие напитки и за все, в чем они нуждаются. В этой же стране московитов ничего подобного лет, но путешественники останавливаются в домах у жителей; по этой причине назначают к патриарху и другим (важным приезжим) пристава, то есть конакджи (квартирмейстера). Когда мы, случалось, путешествовали летом, то останавливались (на ночлег) за городом ради пастьбы животных, но много терпели от обильных дождей и всяких беспокойств.

Знай, что женщины в стране московитов красивы лицом и очень миловидны; их дети походят на детей франков, но более румяны. Головной убор женщин — маленькая грузинская шапочка с отвороченными краями, подбитая ватой; таков убор крестьянок. В больших селениях и городах сверх этой шапочки надевают колпак с чудесным черным мехом, под которым скрываются все волосы, так что шея женщины остается на виду, не скрытою. Девицы в стране московитов носят на голове род очень высокой шапки с меховым отворотом. Что касается убора жен богатых людей, то они носят колпаки, расшитые золотом, украшенные драгоценностями, или же из материи с прекрасным черным мехом (лисьим) или иным, с длинным черным волосом, быть может, в пядень длиною. Одежда мужчины — аба[309] черного или пыльного цвета, или чуха (кафтан), но скроенная по мерке человека, ни больше, ни меньше, и непременно с пуговицами и тонкими петлицами, застегнутыми сверху донизу, которые делаются и у разрезов на полах. Они симпатичны и весьма стройны. Волосы на голове они бреют только раз в год. Их волосы тонки и хорошо расчесаны по всей длине. Начиная же от земли валахов и в земле казаков, все постоянно бреют головы, оставляя над глазами нечто вроде локона, спускающегося на глаза: таков их обычай. Все казаки бреют также бороды, за исключением немногих. Усы у них густые — таково значение их имени. В этой же стране московитов все, простые и знатные, бороды не бреют, но, как бы она ни росла, оставляют ее расти. Даже торговцы, к ним приезжающие, не смеют брить ни головы, ни бород, по своему обычаю, потому что (русские) находят это в высшей степени отвратительным.

Знай, что в земле казаков и московитов мы, вообще, не видали человека, пораженного уродством, телесным недостатком или слепотой, расслабленного, прокаженного или (иного) больного, а если и встречается, то это кто-нибудь из богачей, страдающий болью в ногах — подагрой. Во все время пребывания нашего в этой стране у нас не появлялась на пальцах заусеница; а волосы у нас на голове, которые были жестки, стали очень нежными, как андарийский шелк.

Глава XV. Московская земля. — Карачев. Монастырь Воскресения. Болхов. Кузницы. Польские пленники. Молебствия и крестные ходы по случаю войны. Лесные засеки. Белев и рева Ока. Известие о моровой язве. Скверные дороги и дожди. Переправа чрез Оку.

Мы встали в пятницу рано поутру, проехали десять верст, т.е. две мили, и прибыли на берег большой реки, по имени *Нафля* (Навля). Здесь есть деревня, место остановки для переправы на судах, называемая *Самох* (Сомово). Мы переехали реку на судах. Она очень велика — большей мы не видывали — ибо мы ехали поперек ее около часа; чрезвычайно длинна и широка и посредине имеет острова, где много леса и болот. Прежде через эту реку был деревянный мост от берега до берега, но теперь он разрушен. Лошади переправлялись через реку вплавь. Затем мы проехали около тридцати верст, т. е. шесть больших миль, и прибыли в большой город с сильною крепостью, называемый *Каражава* (Карачев). В нем пять церквей: во имя Благовещения, Успения Владычицы, св. Михаила, св. Николая и Косьмы и Дамиана. Посреди этого города два источника вкусной воды. Воевода вышел пешком навстречу нашему владыке патриарху. Но мы немедленно выехали в поле, где и остановились. Раньше, чем достигли города, мы посетили монастырь поблизости него, у самой дороги; он в честь Пасхи, называемой на их языке *Фаскарисанья* (Воскресение). Монастырь окружен рощей кедров (сосен), удивительных по своей высоте и прямизне, и все они ровны — да будет благословен их Творец! Навстречу нашему владыке патриарху вышли, по обычаю, священники и монахи. Мы взошли в церковь по высокой лестнице. Она весьма красива, из кедрового (соснового) дерева, хорошо сплоченного, с новыми связями. На ней три минарета (башенки) в ряд, легких и изящных, с тремя христианскими крестами; такие же минареты и над алтарями. Церковь окружена галереей с тремя дверями и всходами с трех сторон. Что коснется иконостасов в этой стране, то я не в силах описать их так точно, как бы желал, потому что они состоят из маленьких икон тонкой работы, изображающих сюжеты, которые приводят ум в изумление; некоторые из них с позолотой и чудесною резьбой. Колокольня весьма высока, восьмиугольной формы, на ней приподнятый купол[310] с крестом. Под колокольней деревянные, выстроганные, круглые столбы. Вход на нее с церковной галереи; кроме того, она имеет три двери по окружности своей галереи.

В субботу мы поднялись на заре и проехали расстояние в шестьдесят верст, т.е. двадцать больших миль; два раза делали привал у воды и пастбища. Наш путь шел по низменной местности, где мы не встретили ни одной деревни. Вечером прибыли к берегу реки, по имени *Нухри* (Пугрь), где и остановились. Мы ехали быстрее птицы. Выехав рано утром в одиннадцатое воскресение по Пятидесятнице, мы сделали десять верст, т.е. две мили, и прибыли в большой базар, лежащий на возвышенности, с сильною крепостью в стороне, на вершине горы, называемый Болхов. В нем двадцать церквей и два монастыря: один для монахов, другой для женщин. Мы отстояли обедню в церкви во имя св. Николая и затем, повидавшись с воеводой, выехали за город, где и остановились.

Знай, что мы видели в этой стране замечательный снаряд, а именно: кузнецы, которые подковывают лошадей, имеют перед каждой мастерской род прохода, длиною в рост, сделанного из бревен в клетку, и такой величины, чтобы помещалась одна лошадь; ее вводят внутрь, запирают, и кузнец подковывает ее (стоя) снаружи, при чем лошадь не

может ни лягнуть, ни брыкаться, так что кузнец не подвергается никакой опасности.

Начиная от этого Волхова, нам стали встречаться арбы с пленными, которых везли московиты из страны ляхов; тут были только женщины и дети, мужчины же перебиты мечом. Сердца наши разрывались за них. Бог да не даст нам видеть подобное!

Знай, что богохранимый царь Алексей, отправляясь в поход, издал хатти шериф (указ), чтобы по всей его стране священники каждого города собирались в церковь, находящуюся в их крепости, рано поутру в воскресение перед литургией или после нее и совершали за него молебствие, а затем литанию, т.е. крестный ход, вокруг крепости. Мы видели, что они так делали постоянно, каждое воскресение рано поутру.

Мы выехали в понедельник на заре, — это было заговенье поста Владычицы (Успенского), проехали двадцать пять верст, т.е. пять больших миль, по обширному лесу из деревьев *малуль* (дуб?) и тополей, густо растущих, выращенных наподобие стены большого города. Мы въехали в глубь леса по узкой просеке и ехали по нему около одной большой мили, при чем лес был справа и слева от нас. Нам рассказывали, что в этом лесу в старину, когда татары приходили и нападали на эту страну нечаянно, скрывались жители прилегающих к нему селений и спасались от татар, которые возвращались, обманутые в своей надежде, потому что даже пеший, тем более всадник, не может пробраться сквозь этот лес по причине густоты деревьев. С того времени жители запретили кому бы то ни было, под проклятием, вырубать хотя бы одну ветвь в этом лесу, составляющем для них надежное убежище. После того мы въехали в узкий проход чрез ворота и деревянные укрепления с башнями посредине и со стеной из округленных, связанных между собою бревен, идущей справа и слева на большое протяжение; это делается для воспрепятствования нападению конницы. Название этого места по-русски *засека*. Наконец, мы выбрались из этих чрезвычайно тяжелых, узких и трудных дорог, где лили на нас дожди, так что наши животные выбились из сил. Сделав еще две большие мили, а всего сорок верст, т.е. восемь больших миль, мы прибыли вечером в большой город, с сильной крепостью, по имени Белев. Под городом течет огромная река, называемая Ока; на ней большие суда, обитые древесною корой; на этих судах возят припасы в Москву, ибо река туда имеет течение, так что и нам досталась счастливая доля ехать по ней, как об этом будет сказано. Воевода Иов вышел встретить нашего владыку патриарха. В этом городе двадцать церквей и два монастыря: один для монахов, другой для женщин. Не медля, мы выехали из него, проехали десять верст, т.е. две большие мили, и прибыли вечером, в заговенье Успенского поста, в окрестности одного селения, где и остановились. Большая часть нашего пути в этот день проходила чрез деревни, села с церковью при дороге и чрез огромные посевы. Мы встретились с греческими торговцами, возвращавшимися из Москвы. Они нам сообщили, что там появилась сильная моровая язва, которой не знали уже в течение восьмидесяти лет; «мы много натерпелись (говорили они), а патриарх, царица и вельможи покинули город».

Во вторник, в первый день августа, мы поднялись рано поутру и сделали около двадцати верст, т.е. четыре большие мили, по обширному лесу, большая часть которого состоит из кедров (сосен) и елей. Дорога была чрезвычайно трудна, и мы много страдали от усталости и тягостей свыше всякого описания, ибо весь путь состоял из подъемов и спусков, был покрыт древесными корнями, водой и глубокою грязью и так узок, что не вмещал (патриаршей) кареты. Проливные дожди не переставали лить на нас от самого Путивля до ближайших к столице мест. Мы проехали большую часть пути, ничего другого не видя, кроме земли и леса. Среди вышеупомянутого леса также есть ворота, башни и укрепления, чрез которые и птице не пролететь; справа и слева на большое

протяжение идет стена из бревен, связанных в решетку, для отражения нападений конницы; в конце красивая крепостца. Затем мы выехали на низменность и прибыли в город с красивою крепостью, по имени Лихвин. В нем шесть церквей, из них одна соборная внутри крепости, во имя семи Маккавеев, коих память была в тот день. Не останавливаясь, мы сделали еще десять верст, т.е. две большие мили, и, прибыв на берег вышеупомянутой реки Оки, переправились чрез нее на судах. Подле реки есть деревня, составляющая угодье великолепного монастыря во имя Вознесения, который находился вправе от нас. В нем пятьдесят монахов. Сбор за перевоз на судах и с этой деревни составляет жертвованную собственность монастыря. Здесь река много больше, чем там, где мы видели ее вчера. Затем мы проехали еще пять верст, т.е. одну большую милю, — а всего в этот день семь больших миль — по лесам, которые вырубали, чтобы, вспахав землю, делать на месте их посевы. Мы ночевали среди леса. Сколько ночей мы не спали, бодрствуя в течение всей ночи по причине обильных дождей, комаров, клопов и мошек!

Глава XVI.. *Московская земля. — Калуга. Крепость и церкви. Хлебы. Дыни. Новые известия о моровой язве. Выезд из Калуги и дорожные трудности. Возвращение в Калугу и приготовления к путешествию по Оке. Праздник Преображения. Характеристика воевод.*

Поднявшись в среду утром, 2 августа, мы сделали около двадцати пяти верст, т.е. пять больших миль, и, переправившись чрез упомянутую реку на судах в третий раз, подъехали к большому городу, по имени Калуга. Река течет с края города; она очень широка и глубока. Городская крепость стоит на вершине высокого холма, и в настоящее время работают над сооружением другой, новой крепости, ниже первой, на скале холма, с каменными основаниями и прочными башнями, с целью обнести стеной несколько выступающих здесь прекрасных источников с вкусною водой. Начало их находится у самой стены старой крепости со стороны, обращенной к реке; при них устроены удивительные сооружения.

Что касается города, то он весьма велик, больше Путивля, и также расположен на краю горы. В нем тридцать благолепных, прекрасных церквей; их колокольни, легкие, изящные, приподняты как минареты; куполы и кресты красивы. Вблизи церквей два величественных монастыря: один для монахов, другой для монахинь.

Мы поднялись в город и, проехав чрез него, остановились в открытом месте как ради пастьбы животных, так и вследствие затруднительности для проезда (патриаршей) кареты чрез одни из ворот. Тогда пришел к нашему владыке патриарху воевода и приветствовал его, ранее прислав ему, по обычаю, подарки. Знай, что, начиная от Путивля до Москвы, нашему владыке патриарху подносили в подарок прежде всего хлеб, как мы упомянули; но каждый хлеб весит, может быть, десять ратлов алеппских[311] и по объему подобен мельничному жернову; несмотря на это, он хорошо пропечен, что для нас было удивительно: какова должна быть печь, которая его вмещает! Таков их обычай.

Мы промедлили там до раннего утра пятницы из-за лошадей, которых нам давали безвозмездно; от Путивля такие лошади (даются) до Севска, от него до Калуги, (что составляет) около восьми дней пути, а отсюда до Москвы. Этот город очень многолюден, красив и открыт. Тут мы ели дыни, которыми снабдили нас и на дорогу, настоящие султанские, алеппские, такого же цвета и вкуса, ибо здесь в эту пору по утрам бывает роса и большая свежесть, продолжающаяся до позднего утра.

Знай, что калужский воевода, по обыкновению, послал по (приезде) нашего владыки письма к царю и к его наместнику, заступающему его место, т.е. к каймакаму, которого называют государем, а также к патриарху с извещением о его прибытии. Здесь мы также встретились с греческими торговцами, бежавшими от моровой язвы, которые рассказали нам о ее неописуемой и нестерпимой губительности. Сердца наши разрывались, ибо мы едем туда и не знаем, что может с нами случиться. «Мы омыли его от горя, но он не очистился от него»[312]. Недостаточно было того, что мы претерпели в первый год в Молдавии, еще и в этом году настигли нас горе и язва. Но Господь наш — да будет возвеличено имя Его! — хранитель чужестранцев и промыслитель их судьбы, доселе не покидал нас и благоустроял наши дела.

Знай, что от этой Калуги, как нам сосчитали, до столицы Московии сто восемьдесят

верст, т.е. тридцать шесть больших миль. Но дорога чрезвычайно трудна, как мы это впоследствии увидели к нашему крайнему беспокойству и мучению, ибо, выехав на заре в упомянутую пятницу, мы сделали около пятнадцати верст, т.е. три больших мили, по леса и горам, то поднимаясь, то спускаясь, по оврагам, по грязи и воде, образовавшейся от дождя, и, только один Бог всевышний знает, по какой узкой, трудной дороге, так что внутренности разрывались у нас в животе от толчков экипажа и ломались оси колес. Мы терпели великие затруднения. Знай, что по этой причине большинство едущих в эту страну отправляются во время Богоявления и заговений (пред великим постом), так как земля и дороги в ту пору бывают ровны: нет ни подъемов, ни спусков, но они как бы вымощены плитами изо льда и глубокого снега; и по той причине в особенности, что экипажи, называемые санями, т.е. бесколесные, скользят, передвигаясь с быстротой свыше всякой меры. Когда в прошлом году мы были в Молдавии, то несколько монахов приехали в санях из столицы Московии в город Яссы в двадцать четыре дня: так обыкновенно ездят. Впрочем, от случая зависит, в какое из двух времен года (лучше) езда: кто знает, что может постигнуть путников от сильного холода и его лютости, ибо многие лишались ног, рук, пальцев и носов! Мы не были бы в силах перенести что-либо подобное, будучи к тому непривычны: в прошлом году в Валахии сколько мы ни делали себе шуб, подрясников, ряс и штанов, подбитых ватой, и прочего, не могли согреться. Молим у Бога помощи на этот год.

Знай, что от Антиохии до города Москвы, как мы сосчитали, сто двадцать дней усиленной езды, если путешественник будет ехать все это время без перерыва.

Мы еле могли сделать те пятнадцать верст до наступления вечера. Не успели мы достаточно прийти в себя от усталости, говоря: «это только пятнадцать; где же проехать еще сто шестьдесят пять?» как вдруг навстречу нам явилась радость: нас встретил драгоман, знающий по-гречески и по-русски, человек почтенный, пожилой, присланный от патриарха и царского наместника с поручением отправить нашего владыку патриарха на царском судне по реке Оке, текущей подле Калуги, с полным спокойствием и удобством, в каменную крепость, по имени Коломна, известную, как епископская кафедра, в недалеком расстоянии от Москвы, чтобы мы оставались там, пока не прекратится моровая язва. Это было сделано из опасения за нашего владыку патриарха. Мы вернулись в Калугу, где поместились в большом доме. Было приступлено к постройке царского судна с помещениями и каютой с окнами для нашего владыки патриарха.

Накануне двенадцатого воскресенья по Пятидесятнице, в которое пришелся праздник Божественного Преображения, мы отстояли службу в новой церкви, в честь Воскресения, как бы висячей, с окружною галереей, как все их церкви, о чем мы уже упоминали. Прочли молитву на сон грядущим и канон кафимеринос (ежедневный), по их всегдашнему обычаю. Потом мы в ней же слушали утреню и литургию. Принесли блюда с прекрасными яблоками и грушами; наш владыка патриарх прочел над ними молитву благословения винограда и их роздали присутствующим. Затем мы совершили параклисис (молебствие) и моление за богохранимого царя, ибо, как мы сказали, все священники этой страны ходили в крепость перед литургией или после нее и совершали за царя моление и крестный ход.

В этом городе все: воеводы, вельможи и торговцы, дарили нашему владыке патриарху удивительные дыни и блюда яблок; да будет благословен Творец за их красоту, величину, запах, цвет и вкус! С одной стороны они румяны, с другой — белы, чисты, как снег, с тонкою кожицей, цветом и вкусом лучше яблок дамасских. Что касается дынь, то, как мы сказали, они чудесны и исключительно свойственны этой Калуге, ибо во всей стране московской нет подобных по величине и вкусу, как нам говорили.

Когда кончили постройку судна, воевода пришел проститься с нашим владыкой патриархом и проводил его до корабля. Мы поместились на этом судне, к которому были назначены гребцы с веслами, а наши спутники сели на другое. Затем воевода прислал нам провизию на дорогу: хлеба, водки и прочего — сверх того, что мы закупали постоянно в каждом городе. Свою карету с ее принадлежностями мы оставили в одном месте; лошадей же воевода отдал знатным людям на прокорм, записав их возраст, цвет и цену, дабы, если какая из них пропадет, можно было знать, какая именно, и заплатить ее стоимость.

Они сосчитали, что нам предстоит проехать от Калуги до Коломны, куда мы направлялись, около ста девяноста верст по реке.

Знай, что воеводы в этой стране люди ученые, законоведы, философы, логично рассуждающие, любят тонкие вопросы, глубокомысленные споры. Они приобретают знания от наставников, к ним приезжающих, от патриархов и архиереев, коих они обыкновенно расспрашивают и, когда те ответят на их вопросы, подчиняются; если кто из них воспрещает им что-либо, то воздерживаются от этого, не упорствуют, но стремятся увеличить свои знания, ибо мы видели у каждого из них тысячи больших книг, кои они охотно и много читают днем и ночью. Они не имеют пристрастия к вину и веселью. У воевод киевских мы видели целые воза книг, но что Киев в сравнении с Москвой? Все это происходит от их любви к знанию; они знают по пядям даже нашу страну и ее историю.

Нас спрашивал этот калужский воевода, говоря: «от Адама до года воплощения Господа Христа не пять ли тысяч пятьсот лет сполна, без прибавки или убавления? От воплощения Христа до сего года прошло 1654 года, а от Адама до сих пор прошло 7162 года; эти лишние восемь лет, которые не согласуются со счетом воплощения, откуда явились и как их объяснить?» Никого не нашлось, кто бы смог дать ему ответ. Мы раньше немало расспрашивали об этом предмете в Константинополе и тамошних местах, но никто не дал нам ответа, пока, наконец, мы не убедились из древних греческих книг, что воплощение Христа совершилось в 5508 году.

Глава XVII. Московская земля. — Путешествие по р. Оке. Патриаршее судно. Алексин, Таруса, Кашира. Остановка у Каширы и праздник Успения. Источники в Кашире. Воевода из арабов.

В пятницу, 11 августа, перед полуднем корабельщики повезли нас на веслах по течению вышеупомянутой Оки, которую они называют Окарика, — слово рика значит «река» — ибо, как мы сказали, она течет по направлению к Москве.

В этой Калуге стоит множество судов, на коих перевозят продукты в Москву; все они покрыты широкою древесною корой, которая лучше деревянных досок. Так же покрыли и наши суда для совершенной защиты от дождя, а пол устлали (коврами). Над дверью каюты, где поместился наш владыка патриарх, мы поставили образа и занавесили дверь коврами, а также и внутри над его головой поставили, по их обычаю, образа. Издали мы любовались на Калугу, которая обширна и величественна.

Корабль шел с нами. Справа и слева тянулся лес. Река делает множество изгибов, и потому мачт не употребляют, но имеют нечто вроде толстых и длинных копий с железным острием, кои погружают в воду, и корабль быстро идет. Если, случалось, он приближался в берегу и садился на мель, то его сдвигали также этими копьями с большим усилием; а когда поднимался сильный ветер, люди выходили и тащили суда веревками, идя по берегу. Деревни встречались нам беспрерывно, будучи смежны одна с другой. В этот день мы проехали двадцать верст и на ночь стали на якорь в средине реки.

На следующее утро нас провезли около тридцати пяти верст, и мы прибыли к большому базару на берегу реки, с большою деревянною крепостью наверху горы; под ней другая крепость, с ней смежная; она доходит до берега реки и заключает внутри чудесные источники вкусной воды. Здесь стали с нами на якорь. Город называется Алексивка (Алексин), по имени его строителя. В нем четыре церкви.

Бывший при нас старший драгоман, всякий раз как мы доходили до какого-нибудь места вроде этого, немедленно отправлялся известить воеводу. Явился уполномоченный здешнего воеводы, в сопровождении священников и почетных жителей, с поклоном и подарком, состоявшим из съестных припасов и напитков. Не доезжая до этого города и кругом него, мы видели много каменных гор — и так по всей дороге.

Мы проплыли пять верст, проезжали мимо монастыря на берегу реки, называемого Бомбори (Болдарев) во имя Воскресения; потом прошли еще пять верст до вечера, кануна тринадцатого воскресенья по Пятидесятнице, и стали на якорь. Утром рано в упомянутое воскресенье поплыли и, проехав около двадцати верст, прибыли в благоустроенное селение, по имени Таруса, с четырьмя церквами, из коих в одной мы отстояли обедню. Затем проплыли еще десять верст. В понедельник вечером прибыли в другой базар, по имени Кашира, с укреплением и цитаделью на берегу реки, на высоком холме. Мы отстояли вечерню в его церкви, во имя св. Георгия, в канун праздника Успения Богородицы. Раньше мы проезжали на своем пути мимо двух великолепных каменных монастырей, которые называются у них, один — Фладижни (Владычный), т.е. Введения во храм Богородицы, а другой — Фисоски (Высоцкий), т.е. во имя Рождества Богородицы.

В этот вечер пришел воевода приветствовать нашего владыку патриарха; было условлено, что священники прибудут ночью и отведут нас в церковь. В четвертом часу они прибыли, и мы отправились с ними в каменную церковь, в честь сегодняшнего праздника

Успения Богородицы, находящуюся внутри упомянутого укрепления. Мы отстояли всенощное бдение и вышли не ранее зари. От этого укрепления идет источник текучей воды по длинным и толстым деревянным желобам, выдолбленным внутри, подобно узкогорлым глиняным кувшинам для воды; желоба обвиты ветвями и спускаются по склону горы; между каждыми двумя желобами небольшая мельница, и таких мельниц, с удивительными приспособлениями, двенадцать от укрепления до реки. Что касается ручьев и обильных водой источников, текущих с берегов этой реки и в нее впадающих, то они бесчисленны. Мы схватили сильный кашель на долгое время, вследствие студености здешней воды, приятной на вкус.

Так все идет от Калуги до Коломны: бессчетные села и посевы, ибо эта местность хорошо возделана.

Нам случилось потом встретить в Москве воеводу, который был сыном араба нашей страны и сделался воеводой, или правителем, над этим городом, а также был воеводой в Коломне, Сарбсахо (Серпухове) каменистом и в других местах, и все жители этих мест были благодарны ему за его правосудное управление и постоянно молились за его здоровье и благополучие. Он рассказал нам, что его семья родом из Хирдейна, что имя его прадедушки было хури[313] Сулейман (Соломон), отца звали Бшара (Евангелий) бен Габриил, и что последний был в одно время надсмотрщиком монетного двора. Они жили в улице Аль-Жадидэ (Новой), в Дамаске. В то время когда Ибн-Жамблат (Джанбулад-Задэ)[314] прибыл в Дамаск, ему было 15 лет от роду. Он знал патриархов (Иоакима) Ибн-Зиядэ и (Дорофея) Ибн-Аль-Ахмара[315], шейха Жиржиса (Георгия) Ибн-Самора и многих других дамаскинцев, а также хури Атла (Атаулла? Феодор али Дорофей) и хури Насрулла (Елеазар) в Алеппо. Он сообщил нам далее, что когда его отец умер, паша разграбил его дом и увез его, еще маленьким мальчиком, в Алеппо, а оттуда в Стамбул, где подарил его султану Мохаммеду (III), у которого он сделался одним из придворных рабов. Потом он отправился с визирем Окуз Мохаммед-пашой в поход в Персию[316], где попался в плен и сделался одним из придворных рабов шаха. Потом он бежал и вернулся в Стамбул; сначала сделался санджаком (Управляющий частью пашалыка.) Хамы, Хомса и др., потом агой по части пошлинного сбора, затем последовательно пашой Наполи и эмир-уль-хаджем, или начальником каравана пилигримов. По возвращении из Мекки, он сопровождал султана Османа (II) в его походе на Польшу, 35 лет тому назад, и, будучи разбит, попался в плен к полякам и сделался одним из придворных служителей краля. Потом он бежал и прибыл в Киев, а оттуда явился в Москву при царе Михаиле и поступил на службу к теперешнему государю, который заставил его креститься и дал ему сан и должность. Достигнув других высоких степеней, он был назначен воеводой над вышеупомянутыми городами и управлял ими с такою строгою справедливостью, что никогда не слыхано было о нем, чтобы кто-либо жаловался на его поступки с ним. Побуждаемый своим религиозным рвением, которое было велико, он выстроил этот каменный собор[317], или великую церковь, в здешней крепости на свои собственные деньги, издержав на то более двух тысяч золотых. Через год или два взяли от него это воеводство и дали ему Серпухов каменистый. По прошествии некоторого времени, его опять сместили, и он впоследствии присоединился к нам в Москве. Мы часто наслаждались его беседой и нашли в нем совершенства великодушия, набожности и усердия к службе церковной, так что он никогда не пропускал обедни, которая каждое утро совершалась в монастыре Жудаби (Чудове). Вместе с тем, он был знатоком арабского языка[318].

Знай, что граница страны татар находится недалеко, справа от едущего по течению

реки, на расстоянии около ста больших миль, или от 20 до 80 дней пути[319]. Мы проезжали мимо многих селений и каменных монастырей, давно разрушенных татарами и ляхами, ибо последние отсюда также недалеко.

Глава XVIII. Московская земля. — Монастырь Троицы. Дальнейшее плавание и остановка у Голутвина монастыря. Наивное изумление жителей. Мелководье на Оке. Москва-река. Беглецы из Москвы. Посещение монастыря. Приезд в Коломну.

Затем мы переправились на своем судне на ту сторону реки и, высадившись, пошли в каменный монастырь, что насупротив вышеупомянутой крепости, называемый Троица, то есть во имя св. Троицы. Мы поднялись к нему и отстояли в нем праздничную обедню, предуведомив (о своем прибытии). Это большой монастырь, выстроенный из камня и кирпича и весь выбеленный известью. Над его вратами высокая церковь, во имя св. Николая, наподобие башни, с высоким куполом и навесами кругом. Около нее другая башня для колоколов и часов такой же высоты, с таким же куполом и галереей, в каждой арке которой висят по три колокола. К великой церкви поднимаются по лестнице в трех сторон, соответственно ее дверям. Она очень высока, окружена большою галереей и имеет три высоких купола; все кресты Господние густо позолочены.

Потом мы плыли на судне с этого дня, вторника, до вечера следующего дня, среды, и, прибыв к большому каменному монастырю, который называют Галутфуни (Голутвин), в честь Божественного Богоявления, стали подле него на якорь.

Жители этих мест, мимо которых мы проходили по реке, очень дивились на нас, ибо никогда, с самых древних времен, не случалось, чтобы к ним приезжал по этой реке чужестранный архиерей, особенно патриарх антиохийский. Они нас спрашивали: «есть ли у вас женщины и хлеб?» Ибо эти бедняги не имели о нас никакого понятия и приходили в изумление. Мы же, подсмеиваясь над ними, отвечали им: нет. Знай, что от обилия рек и источников, впадающих в эту реку Оку, она в некоторых местах становится очень широка, величиной с египетский Нил и даже больше, как нам говорил один из наших спутников. По причине ее большой ширины случалось, что мы шли иногда на глубине лишь около двух пядей, и часто в таких местах судно становилось на мель и не двигаюсь, так что янычары (стрельцы), раздевшись, входили в воду, и благодаря своей силе, ухищрялись сдвинуть судно, в то время как их товарищи сверху действовали своими канджа [320] , то есть длинными копьями с острыми наконечниками, пока наконец не сдвигали его с места и не отводили на глубину. Когда случался по временам сильный ветер, они также сходили с судна и тащили его на веревках, идя по берегу.

Не доезжая двух верст до упомянутого монастыря, мы расстались с описанною рекой и вошли в известную реку Москву, которая течет от города Москвы и впадает в эту реку. Обе эти реки текут к великой реке, по имени Волга, знаменитой своею величиной, ибо ее ширина, как говорят, около четырех миль. Все эти три реки, вместе с другими, впадают в персидское море, называемое Каспия. Об этом будет подробный рассказ, как может быть желательно. С тех пор как мы вошли в Москву-реку и до высадки нашей, суда тащили веревками в берега, по причине стремительности ее течения и большой глубины. Мы видели на ней много судов, идущих из Москвы, с мужчинами, женщинами и детьми, которые бежали от моровой язвы. Таких беглецов мы видели так же в тамошних деревнях и в лесах.

Возвращаемся (к рассказу). Мы поднялись к упомянутому монастырю, где в то время находился, ожидая нас, воевода города Коломны, в которую мы направлялись и которая видна оттуда, так как между ней и монастырем расстояние всего в две версты по суше и в

четыре версты по реке, что зависит от обычных поворотов рек.

Когда мы вошли в монастырь, нас встретили по обыкновению и ввели в большую церковь в честь Божественного Богоявления, коего образ поставлен[321] вместо иконы Господа, ибо таков их обычай. Всход в эту церковь чудный, высокий, с трех сторон; кругом — галерея с тремя дверями. Церковь весьма древняя. Мы отстояли в ней вечерню и пошли помолиться в другую церковь, которая находится в трапезе отцов. Она весьма древняя и красивая, в честь одного из их новых святых, по имени Сергий; как нам о нем рассказывали, он первый пришел сюда из города Киева, проповедовал здесь Христа и построил эту церковь. Монастырь относится к его же времени. Между этими двумя церквами высокая колокольня с приподнятым высоким куполом, наподобие куполов церковных.

Выйдя из монастыря, мы ночевали вне его, на берегу реки. В четверг, 17 августа, вставши рано поутру, мы прибыли на судне в знаменитую крепость Коломну.

Воевода нас опередил и вышел нам навстречу вместе с почетными горожанами, священниками и всем народом. Нас ввели в каменную крепость, которая издали бросалась в глаза высотой своих стен. Мы помолились пред иконами, помещенными над ее воротами снаружи и изнутри; а также, проходя мимо церкви, мы всякий раз останавливались и молились на ее иконы, которые поставлены над дверью, подражая в этом московитам. Наконец нас ввели в высокую великую церковь, откуда вышли встретить нас священники и дьяконы с иконами и кадильницами, по обыкновению. Мы отстояли в ней обедню, ибо они ждали нас. Церковь эта епископская (кафедральная). По выходе из нее, нас повели вверх, туда, где епископские кельи, в которых нас и поместили, как приказал им царь и его министры, ибо царь и патриарх недавно сослали (здешнего) епископа[322] в заточение в страну, называемую Сибирия, за важный проступок с его стороны, о чем мы потом расскажем.

Мы не нашли налицо уполномоченного, то есть протопопа. В этой стране есть обычай, что, когда случится особенный (храмовой) праздник в каком-либо выдающемся, большом, известном монастыре или в епископской церкви, в этот день совершают водосвятие и царский молебен, вливают св. воду в сосуды из воска и отправляются для поднесения ее в дар царю, всему его дому, патриарху и государственным сановникам, вместе с иконой святого или Господского праздника. Таков их обычай. Если бы епископ был здесь, то он сам бы отправился раздавать воду, потому что эта великая, епископская церковь во имя Успения Богородицы, но по сказанной причине водосвятие совершил вместо него протопоп и поехал раздавать св. воду вместе с иконами туда, где находился царь, осаждавший Смоленск. Потом он вернулся.

Книга VI. Коломна

Глава I. Коломна. — Описание города. Церкви.

Что касается описания этого города, то он представляется в таком виде. Он величиной с город Эмессу, но стены его, выстроенные из больших камней и крепкого, чудесного красного кирпича, страшной высоты. Его башни походят на башни Антиохии — или даже лучше и красивее их по постройке — удивительно крепки и непоколебимы. Каждая башня имеет особый вид: одни — круглые, другие — восьмиугольные, иные — четырехугольные, и все высоки, величественны и господствуют над окрестностями; они в четыре яруса, со многими бойницами и амбразурами. Вокруг каждого яруса имеется снаружи проход, в виде балкона, с зубцами и бойницами, направленными вниз, подобно тем, которые находятся внутри и снаружи крепости Аль-Хусн у нас. Несомненно, это постройка, доведенная до совершенства и достойная удивления зрителя. Потолки в ней имеют вид сводчатых куполов. Окружная стена равно прочна и крепка и также походит на стену Антиохии по высоте, толщине и ширине. Скаты рва широки, огромны и все выложены камнем. Изнутри окружной стены есть арки, подобные тем, которые находятся изнутри стены Антиохии со стороны ворот Аль-Жинам (Садовых), и о которых нам говорили, что в древности в них вставляли зеркала для блеска. Подобно тому как там река Аль-Асн[323] течет с одной стороны города, так и здесь р. Москва течет снаружи этой стены с северной стороны. Внутри окружной стены заключаются большие, обширных размеров сводчатые подземелья, выходящие к реке, дабы можно было брать воду из нее в случае нужды и осады, ибо река частью подходит к подножию стены, где есть потаенная дверь с железною решеткой. Также и с другой стороны протекает другая, маленькая река, по имени Коломна (Коломенка), на которой устроены мельницы; по ней и город получил свое название. Вся местность, где расположена эта крепость, представляет высокую гору. Крепость имеет четверо больших ворот; внутри каждых ворот четыре двери и между ними железные решети, которые поднимаются и спускаются посредством подъемной машины. У каждых ворот много пушек, а на башне их висит колокол, в который, в случае тревоги, немедленно ударяют для оповещения жителей. Теперь в него звонят всякий раз как случится пожар. Вне крепостной стены домов больше, чем внутри ее, и каждая улица представляет как бы отдельное селение, так как жители всегда любят открытые места. Все дома деревянные, и потому, когда случится пожар, люди, которые дежурят по очереди у того колокола и постоянно высматривают, звонят в него, и горожане, услышав его днем или ночью, немедленно спешат с топорами тушить огонь. Все рынки за городом. Над каждыми воротами есть большая икона, написанная на стене в (заделанном) окне, над которым большой навес вокруг иконы для защиты от дождя и снега. Перед иконами большие стеклянные фонари, в коих зажигают свечи. Над главными воротами снаружи изображение Господа Христа в рост, а над внутренними воротами образ Владычицы.

Внутри крепости пять больших каменных церквей и монастырь для девиц во имя Введения Владычицы во храм. Первая церковь благолепная, с куполами; крыша ее крестообразна, ибо ее стены имеют с каждой стороны вид трех арок, из коих средняя выше остальных двух; церковь эта во имя св. Николая. В смежности с нею колокольня высокая, изящная, с арками и четырехугольным продолговатым куполом с крестом наверху, по обыкновению. На четырех ее углах для украшения сделаны резные колонны, наподобие фонарей, очень изящной работы. Вторая церковь, больше и лучше (первой), в честь Воскресения. Третья церковь, маленькая, но весьма красивая, также во имя св. Николая; в ней второй алтарь во имя мученика Антипия[324]. Четвертая церковь, именно соборная,

есть великая церковь, кафедра епископа. Она весьма величественна и высока и как бы висячая; в нее всходят по высокой лестнице с трех сторон, соответственно трем ее дверям. Она вся из тесаного камня, приподнята на значительную высоту и кругом имеет кайму скульптурной работы во всю толщу (?) ее стен. Косяки дверей и окон походят на отшлифованные колонны — работа редкостная, так что косяки кажутся изящными как тонкие колонны. Церковь имеет три высоких купола, снизу приподнятых. Верх большого купола открыт кругом красивыми, четырехугольными, резными из деревянных досок фигурами, в виде крестов, величиною в ладонь. На куполах позолоченные кресты. Большой купол находится над хоросом, остальные два над обоими (боковыми) алтарями, ибо церковь имеет три алтаря, как обыкновенно все их церкви. Один из них во имя св. Димитрия; в нем имеются его иконы. Здесь постоянно совершается литургия. Главный алтарь имеет три больших окна со стеклами, и в нем висят, по их обыкновению, два больших зеркала, к которым священники всегда подходят, смотрятся в них и расчесывают свои волосы. В хоросе, перед (царскими) дверями этого алтаря, помещен большой круг наподобие амвона; он высокий, стоит на деревянных восьмиугольных и круглых колоннах, которые все позолоченные и резные, и имеет две лестницы, из коих одна пред царскими вратами, по ней всходит дьякон для ектении; другая лестница с западной стороны, по ней он всходит для чтения Евангелия. Архиерейское место каменное, с очень большим куполом, помещается близ южных дверей, ибо церковь имеет, но их обыкновению, три двери: две из них выходят на хорос с южной и северной стороны, а с западной — большая дверь. Все эти двери с двумя створами из чистого железа. Над каждой из них наверху образ, над большой дверью образ Успения Богородицы, дабы народ знал имя церкви. Таков у них обычай во всех их церквах, и какой это прекрасный обычай!

Что касается иконостаса, то у них принято ставить икону того (святого или праздника), в честь которого церковь, на место иконы Господа, а напротив нее, на место иконы Владычицы, икону Троицы: три ангела, Авраам и Сарра и трапеза. Так и в этой церкви поставлена икона Успения Владычицы на месте иконы Господа. Около нее стоит икона Владычицы весьма старинная, которая, как нам говорили, всегда творит чудеса. К ней имеют большую веру. На этой иконе висит много привесов из золота, серебра и жемчуга[325].

Верхний иконостас у них устраивается не так, как принято в стране казаков и греков, но Господь помещен в средине, справа и слева Иоанн Креститель и св. Дева, подле них два ангела; завершается правый ряд Петром, Иоанном Златоустом, Василием и двумя другими апостолами; напротив них Павел, св. Николай, Григорий и другие два апостола — с каждой стороны пять больших икон с изображениями во весь рост. Над этим рядом находится изображение Владычицы и пророков, предвозвестивших о Ней, с той и в другой стороны. У них нет, как у нас, лампад с маслом, ибо оно дорого и зимой замерзает, ни больших медных подсвечников, но большие, толстые, расписные свечи в каменных в резьбою столбах, утвержденных (в полу); на верху столба жестяной кружок, в который вставляют большие и малые свечи, так как у них принято, что всякий, кто приходит в церковь, приносит с собою свечу, которую собственноручно ставит перед образом.

Ниже северной двери (соборной) церкви стоит колокольня, достойная удивления по своей красоте, архитектуре и украшениям. Она круглая и восьмиугольная, с чудесною резьбой, походит на башню Эмессы, но еще красивее, высока, со многими арками кругом, над которыми возвышаются другие арки, еще изящнее. Ее купол высокий, приподнятый, восьмиугольный. На этой колокольне висит двенадцать больших и малых колоколов, коих звон гудит подобно грому. Внутри ее есть железные часы в каморке. Когда наступает

время бить полчаса, они ударяют двумя молоточками по двум малым колоколам три раза; когда же истечет час, то оба молоточка ударяют о колокола двадцать шесть раз — это называется будильником; затем бьет известное число часов другой, большой молоток по другому, большому колоколу. Часы дня и часы ночи отбиваются отдельно. В конце текущего августа месяца часы били четырнадцать часов для дня и десять для ночи; в сентябре ночь и день сравнялись.

Крыша как этой церкви, так и всех вышеупомянутых церквей, походит на кедровую шишку или на артишок; она ни плоская, ни горбообразная, но с каждой из четырех стен церкви есть нечто вроде трех арок, над которыми другие, поменьше, потом еще меньше кругом купола — очень красивое устройство. Все покрыто досками для защиты свода от дождя и снега, дабы он не портился. Под этою церковью много склепов и подвалов. Над нарфексом есть еще ярус, где помещается казнохранилище епископа; мы видели его богатство — несколько сундуков полных серебряными и золотыми монетами[326]*. Все это находится в обладании царя, как мы потом об этом расскажем.*

Глава II. Коломна. — Архиерейский дом. Приказ и тюрьма. Коломенская епископия. Причина ссылки епископа Павла.

Архиерейский дом очень велик и обнесен кругом деревянной стеной. Епископ проходит к кельям от южной двери церкви по высокой лестнице и длинной деревянной галерее, находящейся на большой высоте от земли; бывало, когда мы проходили по ней, пред нами открывался вид на поля и деревни на далекое расстояние, ибо галерея совсем открыта. Кельи или, вернее, дворец епископа, выстроены из превосходного камня и дерева и также висячие (как и церкви); из них одни — для зимы, другие — для лета. Летние кельи имеют галереи, выходящие в сад, в коем растут чудесные яблоки, редкостные по своей красоте, цвету т вкусу; они разных сортов: красные, как сердолик, желтые, как золото, белые, как камфора, все с очень тонкой кожицей. Есть другой сорт яблонь с маленькими, сахаристыми плодами. Мы видели — о удивление! — на ветвях его в это время года бутоны и цветы; он приносит обильные плоды. Это не было хорошим знаком для жителей, как мы об этом расскажем.

Зимние покои состоят из многих помещений, из которых одни ведут в другие. Они выстроены из строганного, крепко сплоченного, чудесного дерева и имеют двери, плотно прилаженные и тщательно пригнанные, обитые войлоком и кожей, так что ни одно дуновение ветерка не может проникнуть (в дом). Все окна имеют передвижные ставни, плотно пригнанные; днем их открывают и вставляют в окна рамы с каменными стеклами здешней страны[327]; на ночь же эти рамы снимают и ставят на место их в окна ставни, обитые войлоком, дабы сквозь них не мог проникнуть холодный воздух. В каждой келье есть каптур, т.е. печь из кирпича для разведения огня, с железными дверцами; эти печи топят в зимнее время для нагревания комнат. Также в каждой келье есть иконостас с образами и не только внутри, но и снаружи над дверью, даже над дверью лестницы, ибо таков обычай у московитов, что они вешают иконы на всех дверях своих домов, подвалов, кухонь и лавок. Всякий раз как увидят икону, останавливаются и молятся на нее с большим благоговением; если бы кто из них прошел даже мимо ста икон в течение часа, он останавливается и молится на каждую, не торопясь. Таков их обычай не только у мужчин, но и у женщин и детей.

Здание дивана[328] епископа сводчатое, вновь выстроенное из камня; здесь и казнохранилище его. Это епископство владеет угодьями — деревнями со многими крестьянами. В епископском доме есть большая тюрьма с железными цепями и тяжелыми колодками для преступников. Если кто из крестьян епископа провинится: украдет или убьет, то его приводят сюда, сажают в тюрьму и наказывают, как нам случалось видеть, смертью или ударами, смотря по вине. Воевода не имеет власти над ними. Управители епископа налагают на них штраф и взыскивают с вора за украденную вещь вдвое. Так они поступают. Когда кто-нибудь из епископских слуг напивался пьян, ему также надевали на шею и на ноги тяжелую железную цепь, к коей привешен тяжелый чурбан, которого не в силах стащить и упряжное животное. Бывало, наш владыка патриарх ходатайствовал за многих и избавлял от цепи. Не только в этом епископстве есть тюрьма и оковы, но и в каждом монастыре они имеются для исправления служителей и крестьян. Говорят, что этому епископству принадлежат триста воинов-янычар (стрельцов), коих оно имеет для своей охраны и защиты, для обережения своих выгод и для надзора. Содержание им идет от его угодий. Когда епископ едет куда-нибудь, они сопровождают его всюду, куда бы он ни отправлялся.

В конце вышеописанной галереи есть новая каменная церковь, построенная тем первым епископом[329] для зимнего времени, ибо он устроил ее над кухней и пекарной печью, так что в нее проникает теплота, и в морозное время она становится как баня. Церковь эта в честь видения, которое явилось Андрею Салосу в Константинополе во дни царя Льва Великого: он видел Божию Матерь в облаках. Они называют этот праздник Бокробки Богородица (Покров Богородицы) и празднуют его в первый день октября с большою торжественностью.

Этот праздник был и у греков, но теперь они не знают его и называют EkepaV thV PanagiaV, т.е. Покров Божией Матери, ибо он изображается на иконе так: св. Дева в облаках, Андрей Салос указывает на Нее перстом царю и всему народу города. Внизу этой иконы есть изображение Романа, составителя кондаков: он младенец и спит, а св. Дева кладет ему в рот бумажный свиток наподобие халвы, т.е. источник святых его уст; есть и другое изображение: он стоит на возвышении со свитком в руках и возглашает по нему кондак праздника Рождества, который есть: «Дева днесь Пресущественного рождает...»

Возвращаемся. Купол этой церкви крыт зеленой черепицей и очень красив. Извне ее большой нарфекс, именно место, где трапезует епископ со своими приближенными.

Что касается деревянных церквей, которые находятся внутри и вне этой крепости, то их — около двадцати пяти[330]. Среди улиц находится монастырь в честь Божественного Преображения, весьма древний; трапезная церковь во имя Первого Обретения Главы (Иоанна Крестителя). По ту сторону реки, насупротив города, стоит великолепный монастырь, весь выбеленный, с высокими куполами, во имя Рождества Богородицы, а трапезная церковь в честь Ваий (Входа в Иерусалим).

Эта Коломна — город известный и знаменитый. В ней по понедельникам и четвергам бывает большой базар[331], на который являются крестьяне со своими продуктами из очень дальних мест. Она служит пристанью, куда приходят из Москвы суда, идущие в области, называемые Казания и Астрахания, по другим рекам, кои соединяются с большою рекой (Волгой) и, собравшись семьюдесятью устьями, впадают в Персидское море, называемое Каспием; старинные книги и истории называют его морем Фарсийским. По нему ездят в страну кизильбашей и в Грузию. Оттуда приезжает много купцов, под видом послов, которые привозят в собою товары: материи, крашеный шелк, индиго, хлопок, пряности, сафьян, ладан и прочее, а взамен берут соболий мех, рыбий зуб, отличные сукна и другие товары и редкости московские. В этом городе бывает сборище всех купцов. Здесь всегда стоят на якоре несколько судов для царя, на коих устроено нечто вроде диванов, каюты и комнатки с балконами и многочисленными окнами кругом. На этой реке есть деревянный мост; подходя к нему, суда снимают свои мачты и проходят под ним.

От этого города до Москвы двести верст по реке, а по суше девяносто, ибо, как известно, реки делают повороты.

Возвращаемся к рассказу о епископии. Все угодья церквей и монастырей состоят во власти царя. Архиереи не могут распоряжаться угодьями и доходами, но царь посылает от себя в каждый монастырь и к каждому архиерею людей, которые и заведуют, в качестве надсмотрщиков, всеми угодьями и доходами; архиерей же и настоятель монастыря вправе распоряжаться только собственным имуществом. При каждом епископе уполномоченный его и управляющие назначаются от царя. Монастыри также ведут запись своих доходов, кои они складывают в казнохранилище на нужды царя в случае похода; об этом более подробное разъяснение мы дадим впоследствии. Равным образом они не могут ни возводить новых построек, ни поправлять старых, ни делать вообще каких-либо расходов, не уведомив царя и не испросив его разрешения. Они ведут всему этому счет в книгах с величайшею

точностью, как мы это наблюдали у управителей здешней епископии, кои суть люди пожилые и благонадежные.

Архиерей в этой стране не имеет права производить канонический сбор с паствы, но взимает его ежегодно со священников, с каждого по величине его паствы и доходов его церкви; самый бедный священник платит один рубль[332]. Все это точно определено по книгам епископа. Каждый архиерей при жизни приобретает в свою собственность большое недвижимое имущество, но когда он умрет, оно поступает в распоряжение царя, ибо царь — наследник всех.

Нам говорили, что эта епископия — беднейшая из всех архиерейских кафедр в стране московской. Под ведением ее находится более пятнадцати городов, имеющих воевод как эта Коломна, коих власть простирается более чем на две тысячи больших и малых селений. Многие из этих селений заключают более десяти тысяч домов. В числе тех пятнадцати крепостей находятся: Кашира, воевода которой имеет власть более чем над тысячью селений, Серпухов, подобный ей, Тула со своею областью. Они составляют пятнадцать санджаков (уездов), к коим принадлежит более двадцати тысяч деревень: сочти, сколько в них жителей. Все это паства здешнего епископа. Говорят, будто епархия эта бедна и мала, да поможет ей Бог! а она больше области трех патриархов: антиохийского, александрийского и иерусалимского, и нет тут никого, кто бы причинял потери, подвергал вымогательствам и гнету, но все живут в безопасности и в радости и накопляют золото в изобилии. Епископ распоряжается в воеводствах с властью, не допускающею прекословия. Здесь архиерейское управление ведется хорошо, и возможна жизнь привольная.

Причиной заточения здешнего епископа было следующее. Нынешний благополучный царь и новый патриарх Никон очень любят греческие обряды и имеют большую склонность к рассуждениям и к учению христианскому, в особенности царь, о коем слава распространена по всем странам по причине его благочестия, смирения, скромности, набожности, усердия к службам церковным, почтения к архиереям, священникам, монахам и всему клиру, его великой веры и благодеяний к ним. Мы еще до сих пор не лицезрели его, но нам много рассказывали о его добродетелях и нравственных качествах. Во время покойного Парфения, патриарха константинопольского, умерщвленного не так давно, они, по своей большой любви к нему, послали спросить у него разрешения некоторых вопросов касательно тайн веры и обрядов христианских. Он прислал им ответ в послании, в коем по порядку и в подробности написал о том, что у него спрашивали. Царь принял послание с великою радостью и, когда оно было переведено, поступил согласно с ним. Потом он созвал собор архиереев и настоятелей монастырей, которые утвердили этот акт, засвидетельствовав его собственноручною подписью, внесли в актовую книгу церкви и напечатали с общего согласия, ибо он послужил к исправлению многих, вкравшихся у них (в книги) ошибок. Но коломенский епископ, будучи нрава строптивого, не захотел принять и одобрить тот акт, ни приложить свою руку, не говоря уже о том, чтобы дать свое засвидетельствование; он сказал: «с того времени, как мы сделались христианами и получили правую веру по наследству от отцов и дедов благочестивых, мы держались этих обрядов и этой веры и теперь не согласны принять новую веру». Услышав это, царь и патриарх немедленно сослали его в заточение вместе с его монахами и слугами и со всем, что при нем было, во внутрь Сибири, за полторы тысячи верст, в приморскую область океана, т.е. всеобъемлющего[333]. Там есть монастыри, издревле выстроенные для такой цели, и в одном из них его поместили вестники гнева (царского). Умереть лучше было бы для него, чем жить там, по причине великого стеснения и жалкой жизни, постоянного мрака, голода и

совершенного отсутствия хлеба; оттуда ему невозможно убежать и спастись. Это прекрасный закон, и он, епископ, был достоин того[334]. Напоследок рукоположили на его место другого, как мы расскажем об этом в свое время. Обрати внимание, брат мой, на это управление, эти наказания и строгий порядок! Затем было дано вместо него полномочие протопопу[335] великой церкви. К нему стала обращаться вся паства со своими делами и все священники епархии со своими нуждами. Он заступает место правителя или архиерея, властвуя над ними от имени цари и патриарха.

Глава III. Коломна. — Водосвятие и крестный ход по случаю моровой язвы.

Возвращаемся. Накануне пятницы 18 августа зазвонили во все колокола и совершили торжественное служение по случаю празднования памяти свв. мучеников Флора и Лавра, кои были родом из этих стран, как повествует синаксарь. Они первые уверовали во Христа и, будучи каменщиками, выстроили церковь; за это они были умерщвлены и приняли мученичество. На другой день все также присутствовали за литургией со своими свечами.

В воскресенье, четырнадцатое по Пятидесятнице, пред литургией пришли к нашему владыке патриарху и просили его совершить для них освящение воды, коей иереи освятили бы весь город. Причиной было то, что моровая язва уже началась здесь, и они уповали, что действием этого благословения она будет отвращена от них. Зазвонили во все колокола и собрались все городские священники. Владыка совершил для них освящение воды, освятив ее мощами находящихся у них святых и Господними святынями, кои мы имели с собою. Священники разделили между собою св. воду, освятили ею церкви и весь город и, возвратившись, совершили, как у них это принято, царский молебен. Затем начался звон, и мы пошли к обедне. По окончании ее, подошли воевода и старейшины города вместе с протопопом и всеми священниками и, поклонившись земно нашему учителю, плача, рыдая и горько жалуясь на жестокость моровой язвы среди них, просили его разрешить им, чтобы все жители города без исключения постились одну неделю, в чаянии, что Бог отвратит от них язву. Ом дал им разрешение поститься только три дня. Так и было. Владыка уговорился с ними, что в среду он опять совершит для них водосвятие и пойдет с ними крестным ходом вокруг кремля. Воевода издал приказ, чтобы в течение трех дней не резали скот и не открывали питейных домов, то есть, мест продажи водки и меда. Все постились в течение этих трех дней строго, не вкушая ничего до девятого часа[336], и наперерыв друг пред другом стремились к службам церковным с полным благоговением и страхом, даже маленькие дети.

В среду, 23 августа, зазвонили во все колокола, собрались все городские священники и жители со своими старейшинами, женами и детьми и повели нашего владыку патриарха в церковь. Все священники облачились, также и мы со своими товарищами[337]. Владыка опять совершил для них освящение воды мощами святых и окропил их всех, пока часы не пробили пять часов дня[338]. Затем священники города и дьяконы с кадильницами попарно пошли перед нами, неся всем известную чудотворную икону Владычицы. Каждый священник нес в руках блюдо, на котором лежал крест, ибо в этой стране отнюдь не держат креста в руках, а носят его на блюде. Несли также (другие) иконы и евангелия. Они направились за кремль. Наш владыка патриарх был в мантии, епитрахили и омофоре, с посохом в левой руке, мы же в стихарях поддерживали его[339] под руки; священники и наши товарищи в царских облачениях шли впереди и позади него. Воевода со своими сановниками шел позади, а войска впереди, раздвигая народ. То был крестный ход, который останется памятным на всю жизнь. Мы начали пение параклисис (молебен) и, проходя мимо какой-либо церкви, всякий раз обращались к ней и молились с поклонами, как они. Тогда выходило духовенство этой церкви в облачении — что бывало в церквах как внутри кремля, так и вне его — при чем один держал крест на блюде, другой икону. Подле нашего владыки патриарха шел дьякон, несший сосуд со святою водой, и, бывало, наш владыка патриарх, помолясь на образ и крест и приложившись к ним, благословлял крестом весь народ, брал св. воду и кропил церковь, улицу и народ, потом благословлял священника московским благословением

на чело, плечи и грудь, и тот уходил. Так шло, пока мы не возвратились (в кремль). При этом все колокола гудели без умолку. Когда мы подошли к городским воротам и помолились на икону Владычицы, наш владыка, взяв святой воды, окропил, по их обыкновению, эту икону, брызгая кверху, потом кропил проходы ворот и пушки. Выйдя наружу, обратились лицом к иконе Господа, помолились на нее, и владыка также ее окропил. Все священники стали здесь полукругом, держа икону впереди, лицом к нашему владыке патриарху. Я возгласил ектению — моление за царя, окадив икону и присутствующих. Наш владыка патриарх прочел евангелие молебствия, потом молитву за царя и благословил предстоящих. Они двинулись, и мы обошли кругом рва кремля, в предшествии хоругвей, знамен и крестов; впереди всех несли высокий, большой, деревянный золоченый крест, окруженный фонарями и копьями[340]. Дойдя до вторых ворот города, помолились издали на их образ, при чем предварительно зажгли фонари пред (надвратными) иконами. Священники опять стали в ряд, и дьякон возгласил ектению — моление за царя, царицу и их сына. Вот она[341]: «Помилуй нас, Боже, по велицей милости Твоей, молимся, услыши и помилуй». При этом мы пели «Господа помилуй» много раз, как они. «Еще молимся о милости, жизни, мире, здравии, спасении, прощении, помиловании, благоустроении, споспешествовании и покровении царя христолюбивого, боговенчанного, благочестивейшего, тишайшего, князя Алексия Михайловича, и государыни госпожи Марии августейшей и чада их благополучного, царевича Алексия Алексиевича, о постоянстве славы их и спасении. О еже Господу Богу нашему споспешити совершению всех дел их и покорити под нозе их всякого врага и супостата». При этом упоминаний мы пели «Господи помилуй» с поклонами много раз, по их обыкновению.

Примечание. Эта царская фамилия, известная под именем «князи», как нам говорили, ведет свое происхождение из Рима. Ее родоначальник, около семисот лет тому назад, прибыл в страну московитов морем; он был великим вельможей и с течением времени сделался владетелем (этих стран). Каждый государь со времени того царя именовался князем. Так же они назвали и Хмеля.

Затем протопоп прочел первое евангелие на моровую язву, а второе Владычице и поднес его нашему владыке патриарху для лобызания. Владыка, преподав благословение народу, прочел молитву за царя на время войны, потом молитву по случаю язвы и благословил народ вторично. Помолившись на (надвратную) икону, мы пошли далее при звоне всех колоколов, перешли чрез маленькую реку по мосту и, остановившись против третьих ворот, совершили то же самое. Мы обошли кругом весь кремль и, войдя в те же ворота, из которых вышли, поднялись в свою церковь. Священники, несшие икону, остановились в нарфексе; наш владыка патриарх окадил ее, помолился и приложился к ней, после чего ее поставили на свое место. Мы разоблачились. Потом начали обедню, за которой присутствовал весь народ, и мы вышли только после восьмого часа[342].

Глава IV. Коломна. — Набожность русских. Особенности церковных служб.

Знай, что в конце каждой службы они совершают многолетствование царю, т.е. моление с пением устами священников и певчих. И мы, со времени нашего вступления в землю казаков, поминали царя, подобно им, за каждой ектенией, а в конце каждой службы также совершали ему многолетствование и поминали на ектении патриарха так[343]: «Еще молимся о отце патриархе московском кир Никоне; еще молимся о царе христолюбивом, благочестивом, боговенчанном, тишайшем, князе Алексии Михайловиче, самодержце[344] всех стран русских, и о царице госпоже Марии августейшей, и о чаде их благополучном Алексии Алексиевиче, о всей палате и воинстве их, Господу помолимся». А вот какую форму имеет многолетие в конце каждой службы: «многая лета да даст Господь Бог царю тишайшему, венчанному, богохранимому, величайшему из царей, великому князю, держащему ключи страны московской и всей земли русской, господину кир кир Алексию Михайловичу, и славной царице госпоже Марии августейшей, и чаду их благополучному Алексию Алексиевичу; святейшему, блаженнейшему патриарху богохранимого великого града Москвы, господину кир кир Никону. Господь да сохранит их всех!» Потом мы возглашали нашему владыке патриарху, когда он благословлял: τόν δεσπότην καί άρχιερέα ήμών Κύριε φύλαττε είς πολλά έτη (владыку и архиерея нашего, Господи, сохрани на многая лета).

Возвращаемся. Накануне 20 августа зазвонили во все колокола и совершили весьма торжественную службу в воспоминание Входа (Сретения) иконы Владычицы, писанной евангелистом Лукой, в город Москву. Прочли паремии[345] и совершили, по обыкновению, при двух священниках и дьяконе, литию в нарфексе, молитву благословения хлебов: «спаси, Господи, люди Твоя». Затем прочли молитву на сон грядущим и канон ежедневный, как они делают каждый вечер. На другой день торжественно совершили обедню.

Знай, что большая часть дней здесь, в этой стране московитов, праздники, ибо в большую часть дней звонят в большие колокола, назначенные исключительно для воскресений и великих праздников, а также для праздника особенно почитаемого святого, преимущественно когда совершается память их новых святых, как мы потом это поясним, — не так, как в Молдавии, Валахии и у казаков, где звонят в большие колокола только в канун воскресений и великих праздников.

Ничто не приводило меня в такое умиление, как звон во все колокола накануне воскресений и праздников в свое время и в полночь. Земля дрожала, и гул колокольного звона, подобного грому, восходил до небес. И что им мешает обращать все дни в праздники и торжества? Ежедневно они бывают в церквах за обедней, и в каждом приходе все присутствуют в своей церкви, мужчины, малые дети и женщины, при чем всякий приносит, по их обычаю, для церкви одну или несколько свечей, из коих к каждой приклеена копейка, которая есть их османи[346]. Во всех их церквах выходят от обедни ежедневно только после третьего часа[347], до которого они постятся, а не так, как мы о них слышали, будто у них есть церкви, в которых служат обедни в полночь и на заре для путешественников; (это неправда) ибо все дороги обилуют церквами, и куда бы кто ни поехал, останавливается слушать обедню в ближайшей церкви. Всему этому причиной их великое желание постоянно бывать у церковных служб. В каждом городе непременно есть великая церковь, называемая собором, т.е. католическою. Ежедневно, когда во всех церквах

оканчивается литургия, начинается звон в колокола собора и в нем совершается обедня, которую приходят слушать все городские священники и большая часть мирян: у них это считается обязанностью, которую они ежедневно исполняют. Когда в этом городе появилась сильная моровая язва, то священники приходских церквей, после того как они поминали за обеднями имена скончавшихся в приходе их церквей, приходили с этими списками (в собор) и поминали их при проскомидии. За ектенией, после «рцем вси», дьякон говорил новую ектению, которую мы не знали; это — ектения «помилуй нас, Боже», и пр., возглашаемая по усопшим: «еще молимся о упокоении душ рабов Божиих, братьев наших, всех, скончавшихся в сем граде», и начинает поминать их имена одно за другим, быть может, четыре, пять тысяч имен, а священник читает молитву: «Боже духов и всякия плоти» всю про себя и возглашает: «ибо Ты еси воскресение, и живот, и покой[348] рабов Твоих» таких-то; при этом дьякон передавал списки (усопших) и священник также поминал их всех. После того дьякон говорил: «оглашении, Господу помолитесь!» По такой причине они очень поздно кончали обедню, выходя от нее не раньше шестого или седьмого часа.

Что касается их способа звонить в колокола на этих колокольнях, то это делается так. С лишком за час до начала службы, утром и вечером и перед обедней, люди, для того приставленные и получающие содержание, ударяют в колокола их языками, в один за другим поочередно, до начала службы или обедни, когда начинают звонить во все колокола зараз вместе с малыми, что служит знаком, что пора войти в церковь.

Мы дивились на порядки в их церквах, ибо видели, что все они, от вельмож до бедняков, прибавляли к тому, что содержится в законе, канонах и постановлениях типикона, прибавляли постоянные посты, неуклонное посещение служб церковных, непрестанные большие поклоны до земли даже по субботам и воскресеньям, хотя это не дозволено, пост ежедневный почти до девятого часа или до выхода от обедни, а не так, как повелевает закон поститься только по средам и пятницам. Выходят они (из церкви) в одно время, будет ли это в воскресенье, или в господский праздник, или в будний день.

Что касается чина, соблюдаемого в их церкви, то в каждый канун (праздника) и утром священник начинает службу и выходить кадить не иначе, как в фелони, (не снимая ее) до самого конца (службы). В здешней великой церкви в канун особенных праздников обыкновенно облачались два священника и дьякон и непременно совершался вход и лития в нарфексе и читалась молитва благословения хлебов, но без хлебов, ибо, как мы заметили, во всей этой стране выкладывают хлеб за всенощным бдением только накануне великих праздников, что мы впоследствии поясним. Перед псалмом вечерни непременно читают «Святый Боже», по монастырскому правилу, ибо у них нет различия между чином монастырей и чином мирских церквей — все равно. Накануне воскресений и особенных праздников поют вечерний псалом попеременно на обоих клиросах и тянут его весьма долго, а дьякон канонаршит, стоя посредине, по псалтырю, лежащему перед ним на аналое. Таков их обычай. Евангелие, апостол и псалтырь — все одного размера и большею частью бывают обложены серебром, ибо достоинство всех трех (книг) в их глазах одинаково. Непременно поют аллилуйя трижды и «Славе Тебе Боже»[349] в конце каждого стиха псалма, как мы поем за всенощным бдением при полиелеях. Также и кафизму псалма они поют попеременно и весьма продолжительно, а не так, как мы просто читаем ее. У них нет обыкновения, чтобы кто-нибудь читал, хотя бы Святый Боже, наизусть, но непременно по книге: они думают, что он ошибется и не так прочтет. Так они читали часы, «Помилуй мя Боже», «Благослови Господи» — все по книге, не спеша, а не так, как мы спешно читаем. То же и при отпусте их служб. Но «Господи воззвах» с прочими

стихирами они просто читают (?), равно и все каноны (исполняются) без канонарха и пения, кроме ирмосов. Поэтому они много читают из житий и поучений при кафизмах псалтыря и песнях канона в своем месте. Всякое «Слава и ныне» поют по его гласу, но при этом все, т.е. священники и певчие, выходят и становятся в хоросе полукругом друг против друга, сделав взаимно поклон головою; то же делают при «Честнейшую херувим», когда наступает ее время, равно при девятой песне за заутреней и после канона, т.е. после десятого хвалитна пред «Хвалите Господа с небес», а также в свое время за литургией. Равным образом и при «Слава в вышних Богу» и пр. они выходят в хорос и поют ее армянским напевом, а затем, после Святый Боже, возвращаются на свои веста. Архиерей или протопоп не читает ни «Свете тихий», ни «Сподоби Господи», ни «Верую» и «Отче наш» при литургии, но все это поют священники и певчие на обоих клиросах. Во время ектении, которую говорит дьякон или священник, при всяком прошении «Господи помилуй» поют, так же и «подай Господи», ибо говорящий ектению, сказав прошение, останавливается (и ждет), пока не споют. Так у них принято, согласно с тем, как установлено в книге (служебнике). При окончании каждого возгласа священника непременно поют Аминь. В конце каждой службы непременно поется «Достойно есть» и прочее в надлежащем порядке певчими и священниками. При ектении дьякона или священника отворяют царские двери, которые бывают деревянные, с резьбой и позолотой, а когда тот кончит, затворяют их и они всегда остаются замкнутыми[350]. Если в церкви присутствует архиерей, то священники и дьяконы, после того как войдут (в алтарь), облачатся и, выйдя, сделают несколько земных поклонов пред иконами Господа и Владычицы, по их всегдашнему обыкновению, подходят к нему под благословение. За вечерней дьякон непременно возглашает «Благослови владыко» вне (алтаря), сильно растягивая, и входит (в алтарь), а священник говорит «Благословенно», и чтец читает псалом вечерни. Во время каждения выходят дьякон со свечой, а священник с кадилом. У них принято кадить на все иконы в церкви поодиночке, даже и на те, которые на стенах, при чем поднимают руку высоко, сколько сил хватит. Накануне каждого воскресенья и особенного праздника, перед «Слава и ныне», протопоп с шестью другими священниками подходил взять благословение у нашего владыки патриарха, делал ему земной поклон перед и после; он благословлял их, они входили в алтарь, облачались и выходили на Вход. Протопоп первенствует между священниками: он становится перед престолом на месте архиерея, а они вокруг него. Также, во время обедни, он становится перед кафедрой (горним местом), а они вокруг него. Он же говорит возгласы и читает молитвы, присвоенные архиерею, взамен него. При выходе на литию, он также стоял во главе священников, а они вокруг него. Он благословляет народ и их, и они всегда находятся у него в подчинении. Каждый вечер в течение года после вечерни непременно читают молитву на сон грядущим и ежедневный канон, а также постоянно паремию. После обедни ежедневно читают девятый (час). При воскресной и праздничной утрени звонят в колокола в глубокую ночь и совершают сначала полунощницу, а по окончании ее садятся и читают поучения или жития; затем встают, и начинается звон к утрене. Дьякон выходит со свечой, а священник с кадильницей и кадит всю церковь в молчании, пока не дойдут до царских дверей, в которые входит дьякон, говоря: «Благослови владыко», а священник: «Благословено». При великой ектении дьякон выходит и говорит ее. Также выходили кадить перед каноном, а после евангелия дьякон, выйдя, читал «Спаси, Господи, люди Твоя». Ежедневно во время обедни, при чтении апостола, дьякон непременно говорит псалом Давида и прокимен трижды, а певчие поют его. Непременно читают каждый день два апостола и два евангелия, именно дневное и праздника святого, который приходится (в тот день); хотя бы это был воскресный день,

они не пропускают памяти святого. Во многие дни они читали три апостола и три евангелия, из коих одно непременно евангелие Владычицы. Чтец, хотя бы это был маленький мальчик, читает апостол не иначе, как весьма речисто, и заканчивает его очень протяжно и громким голосом нараспев; затем он говорит трижды прокимен к евангелию, который певчие поют на обоих клиросах его гласом, и оканчивает с ними словом «аллилуиа» голосом сильным и протяжным. Перед евангелием и после него певчие непременно поют на своем языке протяжно «Слава Тебе, Господи, слава Тебе». Дьякон, читавший евангелие, возглашает и ектению «рцем вси». При упоминании царя поют «Господи помилуй» двенадцать раз и все, вместе со священниками и дьяконом, делают по три поклона. При упоминании патриарха, «Господи помилуй» пели три раза, равно и при упоминании царицы, сына их Алексея, трех сестер и трех дочерей царя, так что, по нашему счету, они пропели для них за этой ектенией «Господи помилуй» около ста раз, и всякий раз дьякон, сказав ектению и войдя в алтарь, трижды делал поклон перед престолом, целовал его и делал поклон в сторону священника[351]. Таков их всегдашний обычай. Обрати внимание на это благоговение! Знай, что у них, в этой стране, обыкновенно ничего не кладут на святой престол, ни служебника священника, ни ризы, ни книги, ни священнического облачения — у них это считается за большой грех — ничего, кроме евангелия и креста. Для каждого престола имеется дорогое покрывало, которым священник покрывает его по окончании обедни, и он остается всегда закрытым. При выходе с Дарами все кланяются до земли с великим страхом и благоговением, ибо христиане этой страны весьма набожны: непрестанно с начала службы до конца, делают коленопреклонения и земные поклоны, особливо при «Достойно есть» и упоминании имени Богородицы[352], т.е. Матери Божией, все они стукают лбами о землю, будь это даже в воскресный день.

Войдя в церковь, долго молятся перед иконами, ибо у них нельзя молиться иначе, как пред иконой, устремив на нее взоры, то есть, они действительно преклоняются перед ней, а не так, как мы (молимся) кое-как. По причине великой любви своей к иконам, они, если не видят издали иконы или купола церковного, не молятся. Такова их вера. Помолившись на иконы, они оборачиваются и делают поклон головой присутствующим на все четыре стороны. Так они делают не только в церквах, но и в своих домах, ибо в каждом доме непременно есть иконы не только внутри, но и снаружи над дверьми, как мы выше сказали. Стоят они в церкви неподвижно, как камни, и все с открытыми головами, от священников и властей до простого народа. Их крестное знамение совершается ударом пальцами о лоб и плечи на самом деле, при чем они делают поклон, а не так, как мы чертим каракули. Так (крестятся) не только мужчины и женщины, но и маленькие мальчики и девочки, которые научены (поступать) так же, и мы дивились на них, что они делают поклоны головой присутствующим, как делают их отцы[353].

А что касается нас, то душа у нас расставалась с телом, оттого что они очень затягивают обедни и другие службы: мы выходили не иначе, как разбитые ногами и с болью в спине, словно нас распинали. Но да совершится воля Божия!

Впрочем, они не заботятся прикладываться к иконам, ни к евангелию за воскресной утреней, ни при получении антидора; причиною тому их благочестие, ибо они прикладываются к иконам раз в году, а именно в воскресенье Православия, как мы разъясним впоследствии, после того как они вымоются и наденут чистое платье. Если случится с кем-либо из них осквернение, тот отнюдь не входит в церковь, но становится вне ее. Если муж имел сообщение с женой, то они тотчас омываются, но не входят в церковь, не прикладываются к иконам и не касаются их, как мы это видели своими глазами в Москве у

торговцев иконами, пока священник не прочтет над их головой молитву, нам неизвестную, и не благословит; тогда они входят (в церковь). Мы наблюдали это, краснея за них. В особенности накануне воскресений бывало, что все они, придя, становились вне церкви; священники выходили к ним и читали над ними молитву, дабы они могли войти в церковь.

Когда в церкви[354] присутствовал наш владыка патриарх, то большинство их, от воеводы до простолюдинов, подходили к нему под благословение, при чем кланялись ему до земли перед и после; это делали даже маленькие дети и священники. Таков их обычай. Женщины становятся на одной стороне, а мужчины на другой, и первые не отделены решеткой и стоят без покрывала. Таков обычай их во всей этой стране.

Возвращаемся к завершению литургии. После «Достойно есть» тушат большую часть церковных свечей, а при причастном стиле гасят и все свечи. Во время явления Даров дьякон обращается с ними направо и налево; потом и священник также становится с ними в царских вратах и говорит, обращаясь к народу: «благослови», как это назначено в служебнике, ибо все их обряды изложены точно.

Литургия у них совершается чрезвычайно продолжительно, со всяким страхом и смирением. Они неукоснительно остаются (в церкви) до тех пор, пока священник не совершит отпуста, и уходят по прочтении девятого часа. Священник и дьякон, омыв руки, подходят к престолу, делают трижды земной поклон и, приподняв край покрова престола, целуют его; читают при этом молитвы и благодарения, молясь за царя и весь царский дом, за воинство, за своего патриарха и архиерея и за всех христиан, и уходят.

Священники как здесь, так и во всей стране греков и казаков, имеют обыкновение, в конце отпуста каждой службы, поминать имена святых того дня и непременно также имя патрона церкви. В каждой большой церкви непременно стоят перед подсвечниками два покрытых аналоя; на одном из них лежит икона патрона церкви, на другом — икона святого или господского праздника, память которого совершается, при чем икона остается до тех пор (на аналое), пока не наступит память другого святого: тогда ее снимают и кладут другую икону. Также накануне каждого воскресенья выкладывали икону Воскресения. В здешней (соборной) церкви была выложена икона Успения Владычицы, а подле нее лежала икона Нерукотворного Образа, который они очень любят.

Глава V. Коломна. — Церковное пение. Духовенство. Мощи. Новый Год.

Пение казаков радует душу и исцеляет от печалей, ибо их напев приятен, идет от сердца и исполняется как бы из одних уст; они страстно любят нотное пение, нежные и сладостные мелодии. У этих же (московитов) пение идет без обучения, как случится, все равно: они этим не стесняются. Лучший голос у них — грубый, густой, басистый, который не доставляет удовольствия слушателю. Как у нас он считается недостатком, так у них наш высокий напев считается неприличным. Они насмехаются над казаками за их напевы, говоря, что это напевы франков и ляхов, которые им известны. Так же все они и читают.

Священники их, как мы раньше сказали, носят одеяния из зеленого и других цветов сукна или из ангорской шерсти, и эти последние, будучи любимы у них, носятся большинством. Одеяние это имеет широкий воротник, отвернутый назад, (идущий) кругом шеи и до груди, из шелковой материи или рытого бархата, похожего на осыпанный цветами, и застегивается от шеи до самого подола, по их обычаю, многочисленными, близко насаженными пуговицами серебряно-вызолоченными, или стеклянными, или из красного коралла, или из голубой бирюзы и иных веществ. При этом (они носят) широкую (верхнюю) одежду с большими рукавами, прямую, но не открытую (спереди). Читатель пусть уподобляет их, кому пожелает. Что касается их колпаков, то богатые и протопопы носят колпаки из зеленого, красного и черного бархата, остальные — из сукна; под них надевают шапочки из красного сукна, простроченные желтым шелком, с околышем из розовой шелковой материи. Такова же одежда дьяконов. Так же одеваются и жены духовных лиц, дабы можно было знать, что они жены священников и дьяконов. Кроме них вообще никто не носит такой одежды и таких шапочек. Волос на голове они не бреют, за исключением большого кружка посредине, оставляя прочие длинными, как они есть. Они всегда держат их в порядке и часто расчесывают; при этом они очень любят смотреться в зеркало, которых в каждом алтаре бывает одно или два: в них они постоянно смотрятся, причесываясь и охорашиваясь, без стеснения. Поэтому, при своей статности, благовоспитанности и крайней учтивости, они внушают к себе почтение. Даже деревенские и другие священники, которые подчинены протопопу и стоят перед ним с открытою головой [получая от него благословение, весьма уважаются народом, и люди никогда не стоят перед ними иначе, как с непокрытою головой[355]]. Воеводы и власти равным образом уважают и почитают их и, как нам приходилось видеть, снимают перед ними свои колпаки. Являясь к архиерею, священники также снимают свои колпаки. В церквах стоят от начала службы до конца тоже с открытыми головами. Когда священник идет по улице, то люди спешат к нему с поклоном для получения благословения на чело и плечи, по их обычаю. Обрати внимание на эти порядки: как они хороши!

При великой церкви, подобной здешней, обыкновенно бывает семь священников и семь дьяконов — ни больше, ни меньше. Нам показывали в этой церкви в алтаре сундуки с облачениями здешних архиереев; тут были фелони из тяжелой шелковой материи с дорогим оплечьем, расшитым золотом, четыре митры, то есть короны без зубцов, множество праздничных облачений, серебряные сосуды, много священнических риз и дьяконских стихарей царски роскошных — и как им не быть такими, когда они пожертвованы царями? Мы прикладывались ко многим мощам святых, помещенным у них в золотых и серебряных ковчегах, и клали перед ними земные поклоны, как это им приличествует. Мы были изумлены их блеском. Как в древности, во дни христианских

царей, переносили редкости вселенной, коих большая часть из нашей страны, а именно, Господние остатки и мощи святых, в царствующей град Константинополь, который таким образом приобрел их все, пока не завладели им гаджирийцы (мусульмане), и святыни рассеялись; так, с того времени доселе, угодно было Господу внушить патриархам, архиереям, настоятелям монастырей, священникам и монахам переносить эти сокровища и присланные остатки из тех стран в город Москву, ныне новый Рим, достойный всякой хвалы и чести, и дарить их его царям, которые хорошо знали их достоинство и вознаграждали за них богатствами и милостынными дарами. Благочестивые и блаженные цари, почтив эти Господние остатки и святые мощи оправами из серебра и золота, жертвовали их в кафедральные архиерейские церкви и большие монастыри, что внутри крепостей, дабы они служили охраной городам. В начале каждого месяца совершают водосвятие, освящая воду мощами, и окропляют ею все церкви, город и дома для отвращения от них всяких зол. Когда постигает их испытание или бедствие, священники выносят мощи и идут с ними крестным ходом, моля святых, коим принадлежат эти мощи, о заступлении и ходатайстве за них перед Создателем, дабы Он отвратил от них напасти. Вот наименования этих святынь: во-первых, большой позолоченный крест, осыпанный крупным жемчугом, с Честным Древом внутри, затем, в позолоченных ковчегах: золотое сияние, на коем изображен св. Георгий; внутри частица подлинных мощей его: она блестит как золото, разливая свет; тверда как кремень, желтого цвета и кругом с позолотой; частица мощей[356] *Иоанна Крестителя, перст ап. Андрея, частицы мощей архидиакона Стефана, пророка Даниила, мученика Пантелеимона, муч. Артемия, св. Феодора Тирона, св. Иакова, рассеченного на уды, Евфимия Великого, Иоанна Златоуста, Прокла, Андрея Стратилата и Ефрема Сирина. Все эти мощи в позолоченной оправе, на которой написаны их имена.*

Возвращаемся. Накануне 19 августа совершили большое торжество в воспоминание Усекновения главы Иоанна Предтечи. В этот день они обыкновенно вовсе не едят вареной пищи, а едят только плоды.

В первый день сентября — начало нового 7163 года[357] *и память св. Симеона Столпника Алеппского — совершили большое торжество со звоном во все колокола с вечера и на другое утро, ибо они очень любят этого святого. Икона его была выложена на аналое. На утро все поспешили (в церковь), нарядившись в лучшие свои одежды, так ков по важности этот день, начало года, больше Пасхи. Все городские священники собрались в соборную церковь, облачились и совершили молебствие за царя с особою молитвой, как у них принято, дабы этот год был счастлив для него. Пропели многолетие о долгоденствии ему и его новорожденному сыну Алексию, царице и всему царствующему дому. Они поздравляли также друг друга с пожеланиями счастия на новый год. Затем совершили водосвятие, освятив воду вышеупомянутыми мощами, и окропили ею всех присутствующих.*

Нам рассказывали, что когда царь находится в столице, бывает великое торжество и большой праздник. Он выходит со всею свитой в драгоценном царском одеянии и короне из великой церкви на дворцовую площадку вместе с патриархом, который выражает ему благожелания и многолетствует; то же и царь патриарху. Потом подходят все вельможи и поздравляют обоих, а затем друг друга. Таков их обычай, и какой это прекрасный обычай!

В день Воздвижения Креста обряд их подобен нашему, только они поминают имя царя Алексия в положенных тропарях и выставляют крест на аналое, после того как приложатся к нему, до самого дня отдания.

Глава VI. Коломна. — Описание моровой язвы.

Возвращаемся (к рассказу). Сильная моровая язва, перейдя из города Москвы, распространилась вокруг нее на дальнее расстояние, при чем многие области обезлюдели. Она появилась в здешнем городе и окрестных деревнях. То было нечто ужасающее, ибо являлось не просто моровою язвой, но внезапною смертью. Стоит, бывало, человек и вдруг моментально падает мертвым; или: едет верхом или в повозке и валится навзничь бездыханным, тотчас вздувается как пузырь, чернеет и принимает неприятный вид. Лошади бродили по полям без хозяев, а люди мертвые лежали в повозках, и некому было их хоронить. Воевода перед этим послал было загородить дороги, дабы воспрепятствовать людям входить в город, опасаясь, чтобы кто-нибудь не занес заразы, но это оказалось невозможным. Подобным образом поступил и царь там, где он находился, осаждая Смоленск, запретив приближаться приходившим к нему с письмами гонцам. Все его войско стояло на берегу большой реки, переходить чрез которую к ним не дозволялось никому из их страны, дабы смертность не появилось среди них. Когда приходили письма к царю, то особо назначенные для того люди, стоявшие на том берегу, брали их от гонцов и перевозили на лодках, при чем погружали их в воду, и потом передавали другим для доставления царю: думали, что при передаче из рук в руки зараза уничтожается, и потому письма погружали в воду, передавая их по обычаю франков. Московиты не знали моровой язвы издавна и, бывало, когда греческие купцы о ней рассказывали, сильно удивлялись. Теперь, когда моровая язва появилась среди них, они были сбиты с толку и впали в сильное уныние.

В это время воевода посылал, одного за другим, шестнадцать гонцов к царю и в его наместникам в столицу по важным делам, касающимся нас и его, и, как мы в этом удостоверились, ни один из них не вернулся: все умерли на дороге. Старики нам рассказывали, что сто лет тому назад также была у них моровая язва, но тогда она не была такова, как теперешняя, перешедшая всякие границы. Бывало, когда она проникала в какой-либо дом, то очищала его совершенно, так что никого в нем не оставалось. Собаки и свиньи бродили по домам, так как некому было их выгнать и запереть двери. Город, прежде кишевший народом, теперь обезлюдел. Деревни тоже, несомненно, опустели, равно вымерли и монахи в монастырях. Животные, домашний скот, свиньи, куры и пр., лишившись хозяев, бродили, брошенные без призора, и большею частью погибли от голода и жажды, за неимением, кто бы смотрел за ними. То было положение, достойное слез и рыданий. Мор, как в столице, так и здесь и во всех окружных областях, на расстоянии семисот верст, не прекращался, начиная с этого месяца, почти до праздника Рождества, пока не опустошил города, истребив людей. Воевода составил точный перечень умерших в этом городе, коих было, как он нам сообщил, около десяти тысяч душ[358]. Так как большинство здешних жителей служило в коннице и находилось с царем в походе, то воевода, из боязни перед ними, запечатал их дома, дабы они не были разграблены.

Подлинно, этот народ истинно христианский и чрезвычайно набожен, ибо, как только кто-нибудь, мужчина или женщина, заболеет, то посвящает себя Богу: приглашает священников, исповедуется, приобщается и принимает монашество, (что делали) не только старцы, но и юноши и молодым женщины; все же свое богатство в имущество отказывает на монастыри, церкви и бедных. Хуже всего и величайшим гневом Божиим была смерть большинства священников и оттого недостаток их, вследствие чего многие умирали без исповеди и принятия св. Таин. У многих священников умерли жены; а обыкновенно, здешний патриарх и епархиальные архиереи отнюдь не дозволяют вдовому

священнику служить обедню, но лишь после того как он примет монашество в каком-либо монастыре и пробудет там несколько лет, — дабы, как они полагают, у него всякие мечты исчезли, — они читают над ним молитву и дают ему дозволение служить литургию, да и то после многих ходатайств. Но новый патриарх Никон, любя греческие обряды, уничтожил этот обычай, хотя все-таки никак не оставляет вдового священника жить в городе, но монахом в монастыре, давая ему дозволение служить обедню. Это было большое несчастие (при теперешних обстоятельствах).

Потом бедствие стало еще тяжелее и сильнее, и смертность чрезвычайно увеличилась. Некому было хоронить. В одну яму клали по нескольку человек друг на друга, а привозили их в повозках мальчики, сидя верхом на лошади, одни, без своих семейных и родственников, и сваливали их в могилу в одежде. Часть священников умерла, а потому больных стали привозить в повозках к церквам, чтобы священники их исповедовали и приобщили св. Таин. Священник не мог выйти из церкви и оставался там целый день в ризе и епитрахили, ожидая больных. Он не успевал, и потому некоторые из них оставались под открытым небом, на холоде, по два и по три дня, за неимением, кто бы о них позаботился, по отсутствию родственников и семейных. При виде этого и здоровые умирали со страха. На издержки по погребению приезжих купцы, по их обычаю, делали сбор.

Христиане в Молдавии, Валахии и в земле казаков имеют обычай хоронить своих покойников в дощатых гробах; здесь же обыкновенно хоронят их в гробах, выдолбленных из одного куска дерева, с таковою же горбообразною крышкой, и не только взрослых, но и малых детей, даже однодневных младенцев. По недостатку гробов, за неимением, кто бы привозил их из деревень[359], цена их, бывшая прежде меньше динара (рубля), стала семь динаров, да и за эту цену, наконец, нельзя было найти, так что стали делать для богатых гроба из досок, а бедных зарывали просто в платье.

Умерли все семь священников здешней соборной церкви и шесть дьяконов, в том числе и протопоп и его сыновья — священники, их дети и все его семейство. Прежде литургия иногда прекращалась в некоторых церквах, никогда, однако, ни на один день не прерываясь в этой церкви, теперь же и здесь литургия и другие службы прекратились на долгое время, и церковь осталась покинутою, так что старосты стали нанимать и присылать для служения в ней по воскресеньям кого-либо из деревенских священников.

Умер и барифоджикос (переводчик), т.е. царский толмач, который приехал с нами из Калуги. Тогда наш владыка патриарх ходатайствовал перед наместником, и тот, спустя долгое время, прислал нам другого переводчика, ибо, по принятому обыкновению, в патриаршем приказе[360] постоянно бывает один или два переводчика на случай надобности. Слово «переводчик» по-гречески значит: метафрастис, т.е. переводчик писем с греческого на русский. По прибытии своем, он рассказал нам, что царский наместник и визири точно исчислили, по спискам, умерших в столице с начала язвы до конца ее, и оказалось 480 тысяч по записям, так что большинство дворов и улиц опустели, и столица, прежде битком набитая народом, сделалась безлюдною. Собаки и свиньи пожирали мертвых и бесились, и потому никто не осмеливался ходить в одиночку, ибо от голода и бешенства, если, бывало, они одолеют одинокого прохожего, загрызают его до смерти.

Умерь царский наместник, умерли один за другим три митрополита, которых посылал патриарх на место себя. Священников умерло бессчетное число, и церкви запустели. Оставшиеся в живых священники приобрели огромные богатства, ибо, не успевая погребать поодиночке, они отпевали за раз многих и брали за них, сколько хотели. Обедня священника доходила до трех динаров (рублей) и больше, да и за эту цену не всегда можно было иметь. То был великий гнев и страшное наказание, ниспосланные на рабов Божиих —

Господь Бог да избавит нас от этого! Под конец уже не успевали хоронить покойников; стали копать ямы, куда и бросали их, ибо город наполнился смрадом от трупов, которые даже поедали собаки и свиньи. Переводчик рассказывал, что большая часть городских ворот были заперты, за неимением стрельцов и сторожей. Царь, говорил он, прислал сначала 600 стрельцов, т.е. бёлюк (роту), с их агой, и все они умерли; вторично прислал других, и эти также все умерли; в третий раз прислал, и с этими то же случилось, ибо всякий, кто входил в столицу, тотчас падал мертвым.

Такое положение дел продолжалось с июля месяца почти до праздника Рождества, все усиливаясь, а затем — благодарение Богу! — прекратилось. Многие из жителей городов бежали в поля и леса, но и из них мало кто остался в живых.

Все это причиняло нам большое горе, печаль и уныние и великий страх, и всему этому мы были свидетелями, проживая в верхних кельях. Мы видали, как выносили мертвыми, по нескольку за раз, служителей епископии, которые жили в нижних кельях: не болея, не подвергаясь лихорадке, они внезапно падали мертвыми и раздувались. Поэтому мы никогда не осмеливались выходить из своих келий, но скрывались внутри их ночью и днем, ежечасно ожидая смерти, плача и рыдая о своем положении, не имея ни утешения, ни облегчения в чем бы то ни было, ни даже вина, и усилились наш страх и наша боязнь. Мы отчаивались за себя, ибо, живя среди города, видели все своими глазами. Но особенно наши товарищи, с нами бывшие, т.е. настоятели монастырей из греков, которые и без этого мора всегда трепетали за себя, теперь постоянно рыдали перед нами, надрывая нам сердца, и говорили: «возьмите нас и бежим в поля прочь отсюда!» Мы отвечали им: «куда бежать нам, бедным чужестранцам, среди этого народа, языка которого мы не знаем? Горе вам за ваши мысли! Куда нам бежать от лица Того, в руке Которого души всех людей? Разве в полях Он не пребывает и нет Его там? Разве Он не видит беглецов? Без сомнения, мало у вас ума, невежды». Бывало, мы начинали роптать на Бога, говоря: «о, Господи! что это такое постигало нас, грешных, и постигает теперь? В прошлом году мы испытывали страхи в Молдавии, под конец болели лихорадкой, а в нынешнем году здесь в Московии находим моровую язву». Мы испытывали постоянные страдания, трепет, страх и расстройство, но, по благости Божией, были здоровы и невредимы, как говорит Господь: «поистине, Я — промыслитель чужестранцев и буду с ними». Благодарим Его — да будет возвеличено Его имя! — хвалим Его и, поклоняясь Ему, падаем всегда ниц перед Ним.

Не было для нас иного облегчения и утешения, кроме того, что мало слышалось пронзительных возгласов и криков по умершим, ибо, начиная от области Константинополя, до сих мест, у всех христиан такой обычай, что женщины не оплакивают умерших с громкими криком и не знают пронзительных воплей, как женщины нашей страны, которые, в подражание арабам, кричат громким голосом, надрывая сердце живым и на здоровых наводя болезнь. Здесь же женщины не громко рыдают над своими покойниками и плачут потихоньку; рыдание их вызывает слезы даже у жестокосердных, но их голоса не бывают слышны у соседей. В Молдавии мы видали, что жены ратников, скрывавшиеся в те черные времена в монастырях, при получении известия о том, что их мужья и родственники убиты на войне, собирали, бедные, своих дочерей, распускали, по обычаю, свои заплетенные волосы и, сидя, плакали и рыдали с час времени, а люди на них смотрели, потом они умолкали и вставали, как будто известие было ложно и ничего такого не случилось. Мы дивились на них: столько тысяч воинов погибает в битвах, а их семейные не заботятся о том и не умеют издавать пронзительных воплей, но рыдают и плачут, не произнося ни слова и в слезах покачивая головой; не надевают черной одежды, не марают (лица), не бьют себя по лицу, не красят себя, не меняют своего белого платья. Мы

говаривали о них, что их мужчины не больше ценятся, чем приезжие чужестранцы. Между тем у нас, в нашей стране, умершие весьма милы и дороги (близким). Если кто умрет даже не преждевременно, то его семейные встревожат весь город своим воем и криками, издаваемыми самым высоким голосом, как делают беснующиеся арабы, от которых это переняли и мы. Поэтому в здешних странах нас осуждали и называли в насмешку арабами, ибо у них имя «араб» самое поносное: (они думают, что) между арабами не может быть христиан, а есть лишь враги их, турки и ханифийцы[361]*. Мы нашли у них (русских) множество пленных, бежавших из нашей страны. Эти люди рассказывали им о нашем положении и о наших недостатках, — недостатках потому, что рыдания и плач над умершими христианами недозволительны. Так, мы видали здесь тысячи умерших, но не слыхали криков и воя, словно у них и не было моровой язвы. Мы видали, что женщины, провожая покойников, всякий раз как проходили мимо церкви, несмотря на все свое горе, оборачивались к иконе, висевшей над дверью, и творили крестное знамение, били себя в грудь и клали земные поклоны, плача и рыдая. Также, когда, бывало, по прошествии известного времени, собирались отворить лавку умершего, то его жена или ее родственники молились пред иконой, висевшею над лавкой, плакали и рыдали; не так, как делается у нас, где сердятся на церковь и на священников. О, какое счастие для них такая благодать! Итак, утешением и облегчением служило нам то, что в городе как будто не было моровой язвы. Благодарим и хвалим всевышнего Бога, Который избавил нас и сохранил невредимыми от этого бедствия. Мало того, что мы удалены от родины и уже два года находимся в отлучке из своих домов, от семейных и друзей, в довершение мы еще испытали те горести и бедствия, коих были свидетелями. О, Боже! даруй нам возможность уплатить долги и исполни то, чего мы просим от моря Твоих благостей, о щедрейший из щедрых! Не обманется в своей надежде тот, кто уповает на Тебя, о целитель разбитых сердцем и питатель чужестранцев. Надели нас пропитанием, о лучший из питателей! Наши души растерзаны, наше удаление от родины затянулось надолго; доколе мы будем на чужбине? Не дай кому-либо из нас умереть прежде уплаты долгов, о источник щедрот и благ! Помилуй нас, бедных!*

Глава VII. Коломна. — Рассказ о походе царя под Смоленск. Гетман Радзивил.

Возвращаемся к повествованию о богохранимом царе. Он со своим войском осаждал город Смоленск, крепко обложив его со всех сторон, в течение почти семидесяти дней, при чем не переставал упорно теснить его, пока он не был взят при помощи многочисленных больших пушек, коими разрушили до основания две башни и большой бастион, сделав огромные насыпи из куч земли, Тогда, от имени Радзивила, явился капитан и просил пощады. Царь даровал ее, и город сдался. Внутри его каменной стены находилась очень высокая земляная ограда, в средине которой была устроена высокая деревянная цитадель, весьма крепкая. Московиты подожгли ее извне большими зажигательными снарядами, ибо у царя есть пушки, похожие на банки, длиной каждая около аршина, при поперечнике жерла такого же размера; в них кладут шары из дегтя, смолы, пороха и пр. и стреляют; говорят, что эти шары, поднявшись к небу, низвергаются на город, производят в нем пожары и большие разрушения и даже вырывают землю.

Многие из ратников рассказывали нам об этом городе и его покорении: что это город очень большой и весьма крепкий, что по окружной стене его могут ехать две арбы рядом, т.е. она шириной со стену Антиохии, но постройка ее превосходна, ибо все ее камни — дикие, из скалы, и на них не действуют орудия. Город этот сооружен предками нынешнего царя. Число его башен 73; все они огромны и, как говорят, значительно выступают из стены. Пушки одной башни соответствуют пушкам другой и находятся с ними на одном уровне, дабы никак нельзя было подойти на близкое расстояние к промежуточной стене.

Царские пушкари непрестанно ухищрялись, производя пушками разрушения вокруг города, пока не нашли слабого места, на которое произвели действие пушки, и таким образом были разрушены до основания те две башни и бастионы, на прочие же места даже огромные пушки не могли подействовать. Такого великого завоевания никто не ожидал, в особенности потому, что с нескольких сторон город обтекается большою рекой Днепром. Царь подтвердил клятвой условие, что кто пожелает, может оставаться в городе, а не желающим предоставил свободу уйти, куда хотят. По взятии города, царь нашел в нем много евреев, которые скрывали себя, переодевшись христианами, но московиты узнали их по неуменью делать крестное знамение. По приказанию царя, их всех собрали и истребовали, чтобы они крестились, если хотят спасти себе жизнь; кто уверовал и крестился, тот сохранил свою жизнь, а тех, кто не пожелал, приказано было посадить в деревянные дома, и всех их сожгли. Царь велел разрушить в городе все церкви ляхов и приступил к сооружению других с основания.

Проклятый Радзивил, зять Василия, господаря молдавского, корень всего зла и войны, услышав о выступлении царя на завоевание этого города, пошел с 30.000 войска, чтобы, достигнув города, войти в него и укрепить. Но многочисленная царская рать, неожиданно встретившись ему, окружила со всех сторон и разбила его войско, всех истребив. Он спасся хитростью лишь с немногими людьми, переодевшись в платье бедняка. Все его высшие офицеры со многими другими были захвачены в плен. Люди, достойные веры, говорили, что он большой колдун и спасся волшебною силой; его было догнали, но он скрылся от преследователей в грязной топи и густом тростнике.

Этот проклятый — самый важный из польских вельмож; он — великий гетман, правитель большой, известной области, называемой Мулитфа (Литва?), и этой Смоленской области, которую завоевал его отец. Его владение — лучшая часть страны

ляхов, ибо все оно состоит из сильных каменных укреплений и занимает пространство на два месяца пути, именно, от города Киева почти до известного города Данска (Данцига), который служит портом всей страны ляхов. Его боялся даже краль, и лишь он один противился желанию царя, потому что он великий ненавистник всего рода православных, тиран и упрямец. Вера его, как нам говорили, лютеранская, ибо он постится один только день в году, думая, что таким образом он выполнит великий пост один раз во всю свою жизнь; молитву «Отче наш, иже еси на небесах» он совершает в своей комнате тайно, полагая, что это согласно со словами Господа Христа в его святом Евангелии. Василий ничего не выиграл, выдав свою дочь за этого кальбина (кальвиниста). Он надеялся иметь в нем опору и помощника. Этот же проклятый один был виновником смерти Тимофея, сына Хмеля, ибо между этими двумя свояками была сильная вражда. Три года тому назад он отправился с большою силою на многочисленных судах по реке Днепру и захватил врасплох гор. Киев с его окрестностями, жег, разорял и перебил много народу. Когда дошло это до Хмеля, то он немедленно напал на него и перебил всех, с ним бывших. Ему удалось спастись лишь с немногими людьми. Хмель отобрал у него всех пленных, суда и богатства. Василий истощал все усилия примирить ляхов с казаками, но не мог, по причине злобы этого окаянного, и потому, что он презрительно отозвался о царе в присутствии послов, присланных к кралю, говоря: «он не краль московский и не царь, ступайте, скажите ему, что я иду на него сам лично». Все это от его гордыни и высокомерия; краль же того не желал. Услышав это, царь сильно разгневался и отправил в ляхам других послов во второй и в третий раз, требуя, чтобы они заключили мир: именовали бы его царем Великой и Малой России, оставили бы страну казаков и не причиняли ей никакого вреда, сдали бы ему Смоленск без войны и не возбуждали зла, которое еще покоится. Но тот окаянный не хотел, пока Господь не уничтожил хвастовства его гордыни, как об этом мы впоследствии расскажем.

Глава VIII. Коломна. — Продолжение рассказа о походе. Богатый московский купец. Пожертвования на военные нужды. Численность царского войска. Результаты похода.

Рассказывают, что царь собрал тогда вельмож своего государства, всех купцов и богачей столицы, составив большой совет, сообщил им обо всех этих обстоятельствах и сказал: «я жертвую собою из любви к нашей вере ради моих братьев-христиан, казаков, и для избавления монастыря Печерского и иных от порабощения моим врагам, ляхам». Все были рады этому, особливо патриарх, который немало побуждал царя идти войной на ляхов. Главный из купцов отвечал царю: «мы просим тебя отнюдь не открывать своего казнохранилища на содержание войска и военные расходы: ради пользы веры нашей мы дадим тебе достаточно средств для войны с проклятыми ляхами». Тогда царь немедленно объявил поход. Говорят, что этот купец представил царю от избытка своего богатства 600 тысяч рублей. Стоимость рубля, имя которого на их языке то же, что динар, составляет 2 реала[362]. Он сказал царю: «это я представляю в твое распоряжение из той доли, коей наделил меня Бог от своих щедрот во дни твоего славного царствования». Купец этот — важнейший из купцов столицы. Нам рассказывали о нем, что он вносит ежегодно в казну царя 100 тысяч динаров пошлины со своих товаров, получаемых из стран франкских, из страны кизилбашей и Индии, и со своих торговых оборотов: так велико богатство, которым он владеет и которое бессчетно! Здешние купцы, обыкновенно, считают свое состояние миллионами, по причине громадности своих богатств. Мы видели в Москве роскошное жилище этого купца, которое обширнее, чем палаты министров. Он выстроил у себя чудесную церковь, подобной которой мы не видели даже у царя. Говорят, что он израсходовал на нее более 50 тысяч динаров, по великой любви своей к вере и добрым делам.

Прочие купцы, знатные люди столицы и государственные сановники, видя, что он представил такие богатства, поревновали ему и все представали царю огромные суммы, которых хватило ему в этом году на содержание войска и на весь поход, а потому царь совсем не открывал своей казны. Говорят, что патриарх представил ему до ста сундуков, наполненных большими суммами денег, из своей собственной казны, в помощь ему, но царь их не принял и возвратил ему, говоря: «достаточно для меня и тех сумм, которые поднесли мне мои братья — христиане». Монастыри также представили царю громадные богатства: великий Троицкий монастырь поднес более ста тысяч динаров. Столько же представали ему архиереи и снарядили еще около 20 тысяч вооруженных ратников из служителей своих монастырей. Во главе их были ратники патриарха.

Рассказывают, что царь построил за городом большой киоск и сделал якылма, т.е. исчисление своего войска. Он пробыл тут долгое время. По исчислении его войска, получавшего провиант, оказалось, что оно достигало свыше 700 тысяч, как сообщил московский патриарх Пателярию, низложенному патриарху константинопольскому, когда тот спрашивал его об этом. Из этого числа 144 тысячи было пеших, остальные конные. Собственной гвардии царя было 300 тысяч, из коих 40 тысяч в панцирях окружают его. Гетману Хмелю царь послать царские кафтаны, меч, турецкую булаву и знамя, всем его начальным людям также подарил кафтаны и назначил содержание 40 тысячам из казацкого войска, чрез что их положение много улучшилось. Царь отправился в поход, и Господь под конец даровал ему победу: он завоевал великий город Смоленск и победил

главнейшего из своих врагов, Радзивила, а его военачальники покорили около 49 городов и крепостей силой меча и по добровольной сдаче и избили, одному всевышнему Богу ведомо сколько, евреев, армян и ляхов. Говорят, что их младенцев клали в бочки и бросали без милосердия в великую реку Днепр, ибо московиты до крайности ненавидят еретиков и язычников. Всех мужчин они избивали беспощадно, а женщин и детей брали в плен, опустошали страну и истребляли население. Страна ляхов, которая прежде была подобна гранату и приводилась в образец, была обращена в развалины и пустыню, где не встречалось деревень и людей на протяжении 15 дней пути в длину и ширину. В плен было взято более ста тысяч, так что, как нам рассказывали, семь, восемь мальчиков и девочек продавались за один динар (рубль) и дешевле, и мы сами видели многих из них. Что касается городов, сдавшихся добровольно, то тех из жителей, которые приняли крещение, оставляли, обеспечивая им безопасность, а кто не пожелать (креститься), тех изгоняли. Что же касается городов, взятых мечом, то, истребив в них население, московиты сами селились в них и укрепляли. В числе завоеванных городов был Могилев, известный у купцов под именем города богачей, ибо все его жители очень богатые купцы. Так как воевода, который был поставлен в нем Радзивилом, сдал его по договору, после продолжительной и упорной осады, и, подчинившись царю, согласился принять крещение, то царь, окрестив его, утвердил по-прежнему воеводой в Могилеве, вместе с одним из своих визирей, в разместил в городе около 20 тысяч войска. Все эти завоеванные царем города были из числа подвластных Радзивилу и составляли лучшее его владение. Тогда же царь приказал возобновить то, что было разрушено из башен, городских стен и укреплений Смоленска, назначил туда двух воевод в 30 тысячами войска и снабдил в изобилии продовольствием и военными припасами. Затем он прибыл в город, называемый Вязьма, который раньше был пограничным между его страной и ляшской, и здесь оставался до праздника Богоявления, ожидая прекращения моровой язвы. Со времени отправления в поход до сих пор, он послал охранять всю границу своих владений, дабы отнюдь никто не выезжал из них; это было сделано из опасения, чтобы не распространилась весть о моровой язве. Под конец привезли на судах из Калуги в эту Коломну приближенных проклятого Радзивила, взятых в плен, чтобы отвести их в область Казанскую и там посадить в тюрьму. Было около 800 этих пленников; быв начальными и богатыми людьми, они впали в ничтожество и уничижение, так что наши сердца разрывались от скорби за них.

Глава IX. Коломна. — Служения патриарха. Зимние холода. Перевозка припасов и их дешевизна. Собаки. Действие сильных морозов.

Возвращаемся. В сентябре месяце ночь и день сравнялись, а в конце его ночи стали прибавляться до времени около праздника св. Варвары, когда день сделался 7 часов, а ночь 17. В день праздника св. Димитрия наш владыка патриарх служил обедню в соборной церкви. Начинались холода. Также и в воскресенье мясопуста он служил в ней обедню и рукоположил иерея. Существует обыкновение, что архиерей, когда служит обедню, облачается на высоком помосте в три ступеньки, который ставят в нарфексе, а под ноги ему кладут, где бы он ни стоял, суконный кружок, прекрасно расшитый, с изображением в средине орла, и не одного, а нескольких. Его обыкновенно клали анагносты под ноги нашему учителю, где бы он ни стоял, мы же всегда поддерживали владыку под руки, а анагносты (соборной) церкви стояли вокруг него, при чем один держал позади его посох.

Перед обедней мы совершали царский молебен, после же чтения часов, как у них принято, начинают обедню, за которой Трисвятое пели в алтаре анагносты. Затем покрыли кафедру (горнее место) сукном, при чем мы стояли при владыке наверху. При чтении Апостола один из дьяконов окадил весь алтарь и иконы, в нем находящиеся, а также его двери и кругом него, по порядку, как у них принято; затем кадил на царские врата, патриарху и прочим присутствующим. При чтении Апостола дьякон и священник непременно говорят прокимен — псалом Давида — его гласом, а певчие поют. Мы поддерживали под руки нашего владыку патриарха от начала обедни до конца, переняв это от них. При великом входе оба дьякона возглашали одними устами «да помянет Господь Бог всех нас», также и священники — таков их обычай.

Знай, что существует обычай у всех греков и здесь, что при рукоположении иерея или диакона не выводят его, делая над ним оглашение, как у нас, но два дьякона выходят с ним из царских врат и возвращаются с ним же, при чем возглашают: «повели, да повелит, повели, владыко святый!» а он три раза наклоняет голову, затем обводят его вокруг престола, и при каждом обхождении архиерей преподает ему благословение над его головой. После обхождения он кладет три поклона пред престолом и становится на колени, и архиерей снова благословляет его трижды. Вставая, он целует престол, и архиерей опять благословляет его трижды. После того как он наденет на него облачение, если он священник, то вручает ему служебник литургийный, если же дьякон, то рипиду, а ежели ее нет, то большой воздух.

Знай, что обедня в этой стране совершается с полным благоговением, страхом и уважением (к святыне). Священник произносит возглас или иное что, а дьякон ектению, не высоким голосом, как мы, но тихо, голосом низким и с полным благоговением. Точно так же поют и певчие. В особенности, когда архиерей рукополагал священника, голос его был очень понижен, так что мог быть слышан только бывшими в алтаре; точно так же говорил тогда и дьякон ектению. Таков их обычай. Это и мы переняли от них.

Да будет тебе известно, что дьякон, всякий раз как скажет ектению и войдет в алтарь, делает три поклона перед престолом, целует его и кланяется архиерею или священнику. Точно так же до и после входа он, положив Евангелие на престол, делал земной поклон и целовал престол и Евангелие. Также и священник в конце литургии, потребив остатки (Даров) и сняв облачение, подходил к престолу, делал перед ним три земных

поклона, поднимал край его покрова и целовал его. У архиереев в этой стране такой обычай, что они сами, сойдя с горнего места, отдают Евангелие дьякону. После обедни священнослужители собираются вокруг престола, и архиерей кладет на него крест и Евангелие, которые всегда находятся на нем, потом покрывает его драгоценным покровом, и совершается отпуст.

Заметь, что в этой стране московитов принято отнюдь ничего не класть на престол, даже служебника священнического, — ничего, кроме Евангелия и креста. Мы были очень осторожны в этом: не клали ни трикирия, ни платка, не касались рукой и т. п. После того как наш владыка патриарх снимал облачение и мы одевали его в мантию, диаконы-анагносты в стихарях шли перед ним, поя «Достойно есть», пока же вводили его в архиерейский дом; тогда они пели ему многолетие, он благословлял их, и они уходили. Таков их обычай по отношению к архиереям.

В первое воскресенье Рождественского поста наш владыка патриарх опять служил и рукоположил священника и диакона в верхней церкви, после того как истопили ее каптуры с вечера вследствие наступившего сильного холода. Оттого-то епископ и построил эту церковь, сделав для нее печь снизу, дабы, когда он будет служить в ней в холодное время, нагревали ее каптур с вечера большим количеством дров, а поутру открывали бы отдушники вверху и тепло входило бы в нее, так что в ней становилось словно в бане.

Знай, что погода в этой стране московитов такова, что от праздника Воздвижения до начала Рождественского поста бывают по ночам сильный ветер и дожди, а в начале этого поста идет обильный снег и не перестает идти до апреля месяца. Он замерзает слой за слоем, так что при большом морозе дороги от езды покрываются льдом и становятся похожими на глыбу мрамора. Что касается полей, то они стали непроходимы от обилия слега, который был в несколько раз выше человеческого роста. Сани, т.е. скользящие экипажи, передвигались в это время точно каики в изгибах Константинопольского моря. В течение зимы в этой стране бывает дешевизна и производится торговля зерновым хлебом. Нам случалось видать, что в одних санях сидело человек шесть со всеми своими вещами, и везла их одна только лошадь. Тяжести: зерновой хлеб, камни, которые нагружали на эти сани, удивительны, невероятны; мы приходили в изумление, ибо одна лошадь везла то, чего в наших странах не свезти и двадцати лошадям. В эту пору привозили в Коломну надгробные камни с резьбой, необычайно большие, какие не стащили бы и двадцать лошадей, — привозили по одному или по два в санях, на одной лошади, при чем тут еще сидел хозяин; это ужасно удивительно. Стоимость камней не более трех динаров (рублей). Эта (легкость перевозки) служит причиной благополучия здешней страны и жизненных удобств: в это холодное время продукты дешевы, так как привозятся в Москву и окружные города из отдаленных мест в течение рождественских праздников, в каковую пору из года в год продаются и покупаются их продукты. Сани, очень быстро несясь по льду, проходят около ста верст в этот короткий день. Мы видали, что в эти дни мужчины, женщины или дети клали все закупаемое на рынке на маленькие санки и везли их руками за веревку без труда и усталости, но очень легким движением, идя и таща свои вещи за собою. Так и женщины возят своих маленьких детей.

Уличных собак в этой стране вовсе не видно: собак держат в домах, ибо у них в каждом доме, будет ли то дом начальника, богача или бедняка, крестьянина, бывает по одной и по две собаки, которые словно огонь. Они прикованы за шею на железной цепи и днем остаются в своих деревянных, плотно сбитых конурах, на ночь же их пускают [бегать кругом забора]. Как мы видали, кормят их всегда мясом, а поят молоком. Поэтому каждая собака в силах бороться с толпой и никого не подпустит к себе.

На первой неделе Рождественского поста река Москва, а также другие реки этой страны и даже пруды замерзли и оставались покрытыми льдом до половины апреля. Прежде мы переезжали Москву-реку на больших судах, а теперь стали переходить чрез нее пыльными ногами, т.е. не отличали ее от земли и узнавали место, где она находится, только по прорубям, кои пробивали, чтобы доставать воду при помощи веревок и ведер, сплетенных из липовой коры, которая, напитавшись водой, обыкновенно тотчас сплачивается и делается как бы цельным куском. Таковы все ведра у них в этой стране, удивительные, необыкновенные. Они ездили на санях по этим рекам с большею быстротою, чем ездят по земле, ибо на земле бывают подъемы и спуски, а на реках их нет: они как бы из одного куска полированного мрамора. При замерзании рек, замерзли и все соленья, бывшие в домах, амбарах и лавках; напр. деревянное масло, которое мы покупали, было в кусках, подобно манне или халве. Мед сделался как камень, трудно разбиваемый; также и все яйца замерзли и стали как камни не разбивающиеся. Что касается рыбы, то как только ее вытаскивали из реки, она тотчас замерзала и, подобно поленьям, издавала стук при ударе друг об друга. Она оставалась замерзшею до марта месяца, не подвергаясь никакой порче. Мы клали ее над каптуром, т.е. печью, чтобы лед с нее стаял, промывали и варили с большими хлопотами. Способ ее ловли в это время весьма удивителен; именно, рыбаки, придя к реке, разбивают на ней лед в виде глубокого колодца, рыба приходит к этому месту подышать воздухом; в это время уже опущенным раньше сети вытаскивают и добыча получается обильнее, чем в летнюю пору. Оттого в это время рыба бывает очень дешева. В брюхе у всех рыб этой страны есть мешки с икрой, которая очень вкусна. В крещенские праздники дарили нашему владыке патриарху превосходную живую рыбу в сосудах в водой, похожую на рыбу в реке Алеппо, именуемую абу-шариб (усатый), что очень удивительно. Вместе с тем дарили ему мед с воском, замерзший, белый как снег, ибо его много в это время года; дарили также отличные яблоки.

Знай, что базар в этом городе Коломне бывает по понедельникам и четвергам. В нее собираются жители всех окрестных селений, причем у каждого товар, состоящий из всяких продуктов, находился в санях. Они привозили свиней больших и малых, зарезанных и ошпаренных, уже замерзших, которые стояли в санях как живые, что очень удивительно; они весьма дешевы. Точно так же гусей, уток, индеек продают ощипанными и готовыми.

Сила и лютость холодов неописуемы, ибо, пока везут в бочках воду из реки в дома, она замерзает и оттаивает только внутри натопленных помещений; даже когда ведро опускают в реку, то на нем образуется лед слоями; когда мыли тарелки, то они прилипали друг к другу и становились как бы одним куском, оттаивая только у огня; даже капустные листья замерзали внутри кочана. Капуста в этой стране прекрасная и продается только плотно покрытая листьями и очищении. Мы покупали сани со ста кочнами за пять, шесть копеек, не дороже. Капусту, морковь, редиску вытаскивают из земли до снега, складывают в погреба и привозят в эту пору на продажу по частям. От лютости и силы мороза дыхание, выходящее изо рта и ноздрей человека, замерзало постепенно на его бороде и усах, которые, быв черными, становились белыми; лед сходил с них только подле огня. Когда мы выходили из дому, то даже влага, находящаяся у нас в носу, замерзала, и нос закупоривался. Бывало, если кто мочился на стену или на землю, то моча тотчас же замерзала. Даже водосточные трубы, что наверху наших помещений, совершенно закупорились. Никто из нас не был в состоянии сиять с рук меховые рукавицы и отнять их от носа. Снег и лед проникали сквозь щели дверей и окон, несмотря на то, что они были плотно обиты войлоком и ветер не проникал сквозь них. Слюдяные оконницы вовсе не пропускали света: от покрывавшего их льда, который совсем не сходил с них, они стали похожи на кусок

белого, непрозрачного мрамора. Так как все дома в этой стране деревянные, то по ночам от сильного холода они издавали звуки, наподобие пушечных выстрелов, и трескались, так что наконец чрез них стал виден свет, тогда как раньше они были совершенно плотными. Признаком сильного мороза, если он должен наступить, служило то, что вечером замерзали изнутри дверные гвозди, при чем на них появлялись белые, блестящие кристаллики льда, несмотря на то, что мы нагревали каптуры большим количеством дров по утрам и вечерам, так что становилось тепло как в бане. По этой причине мы совершали утреннюю и вечернюю службу у себя в келье и только по необходимости, в канун воскресенья или праздника и к обедне, ходили в церковь, но совершенно не в силах были выносить стояния на ногах, а поднимали то одну ногу, то другую, хотя на нас было надето трое, четверо чулок из меха, сукна и толстой шерстяной ткани; но все это нисколько не помогало, и однако ж все двери церкви были затворены. Московиты же, к удивлению нашему, не переставали совершать службу постоянно с полуночи. Но они привычны; притом одеждой, как мужчин, так и женщин, и детей, служат чекбаны (чекмени) с длинными, прямыми рукавами, из черного меха снаружи и изнутри, плотно облегающие тело. Они не снимают с рук больших, вязаных из шерсти перчаток с мехом, обтянутых кожей, согревающих, как огонь, зимою, в которых они исполняют все свои работы, даже достают воду и исправляют иные службы. Летом же носят перчатки из одной кожи и в них работают, чтобы не повредить рук. Заметь эту догадливость! Это делают бедные; богатые же носят перчатки из дорогого сукна с собольим и иным мехом. Они ничего не берут руками иначе, как в перчатках, даже вожжи лошадей держат в них.

Что касается полей и дорог, то они стали подобны куску мрамора, и по ним можно было ходить только с трудом, ибо человек тотчас же скользил. Поэтому подошвы их сапог имеют гвозди в виде шипов, выходящие наружу и втыкающиеся в землю; таковы же подковы у их лошадей, дабы они не скользили. Впрочем, все передвигаются в санях, хотя бы от дома до рынка, а также езда гонцов в это время совершается в санях, ибо на них быстрее ехать, чем верхом; притом всадник не в состоянии удержаться на лошади, но непременно искалечится, лишившись какого-либо члена, или замерзнет. Что касается лошадей и скота, то их держат в домах и дают им обычный корм; утром и вечером, по обыкновению, их поили водой; а взамен чистки они всегда валялись по снегу и ели снег, который заменяет им воду.

Глава X. Коломна. — Ставленники. Николин день.

Возвращаемся. В третье воскресенье Рождественского поста наш владыка патриарх служил в верхней церкви и рукоположил иерея и диакона для соборной церкви Успения Владычицы в городе Кашире, по той причине, что от действия теперешней моровой язвы умерло большинство священников, так что и из бывших при кафедральной церкви Коломны семи священников и семи диаконов ни одного не осталось: все перемерли, кроле двух диаконов. После того как в церквах, окружающих соборную, обедня прекратилась, в ней же она до сих пор ни на один день не прерывалась, теперь и в ней, как и в других, обедни прекратились совершенно, и церкви были оставлены за неимением священников, так что под конец стал приезжать один из сельских священников для служения в соборе лишь по воскресеньям. Поэтому они молили нашего владыку патриарха рукоположить для них священников взамен умерших. Когда моровая язва дошла и до Каширы и истребила (часть) ее жителей и ее священников, то (оставшиеся) устремились к нашему владыке патриарху, спеша на санях, запряженных лошадьми, по рекам Оке и Москве, по которым мы ехали на судах; они имели с собой двух диаконов, из коих у каждого в руках было прошение с подписями воеводы, стрельцов, пушкарей и портариев, т.е. привратников, охраняющих кремль, в удостоверение, что такой-то достоин (сана). Сделав нашему владыке земной поклон, они простерлись перед ним на землю, стукая головой по своему обычаю, и говорили: «осударь, помилуй![363] т. е. владыка, смилуйся над нами! и рукоположи нам сих иереями, дабы они пеклись о наших нуждах и открыли для нас церкви». И он рукоположил для них обоих диаконов. Воззри на это смирение и эту веру! В понедельник, следовавший за третьим воскресеньем, он опять служил в той же церкви и также рукоположил священника и дьякона.

Знай, что, когда наш владыка патриарх рукополагал иерея или диакона, один из священников входил в алтарь, надевал епитрахиль, поручи и учил нового священника совершать службу, давал ему наставления; а также кто-либо из диаконов надевал поручи и наставлял нового диакона, и когда этот выходил на ектению, тот выходил вместе с ним и учил его по порядку. Когда архиерей надевал на них присвоенное их сану облачение, те объясняли им значение текстов, относящихся к облачению, поодиночке, чтобы они ничего не пропускали из них. Обрати внимание на эту великую строгость в вере и пламенную любовь к ней!

Знай, что здешние архиереи имеют обычай, рукоположив священника или диакона, не дозволять ему уехать к себе домой, к своей церкви, без того чтобы он не отслужил пятнадцать раз в соборе, дабы священники могли обучить его наилучшим образом, и он уехал бы, только хорошо обучившись, так чтобы никто не мог посмеяться над ним. Обрати внимание на эту заботливость! Знай, что после рукоположения обыкновенно писали им ставленую грамоту на их языке от имени нашего владыки патриарха, что он рукоположил такого-то священника из такого-то города в такую-то церковь, согласно удостоверению жителей его города, ибо каждый из них приносил с собою засвидетельствованное удостоверение в том, что он достоин (сана) и женат первым браком. Наш владыка патриарх прикладывал к грамотам свою подпись и печать; они брали грамоту и уезжали. Это делалось из опасения, что архиерей будет объезжать свою епархию, при чем всякий, у кого нет свидетельства о его священстве от рукоположившего его, подвергается запрещению и наказанию.

Знай, что служилые люди епископии брали с каждого священника, вновь

поставляемого, один динар (рубль) в епископскую казну — таков их обычай; также с каждого, кто хотел жениться, они брали один пиастр в казну и давали ему свидетельство, записывая у себя в книге его имя. Это строгий порядок, ибо никто во всей этой епископской епархии не смеет жениться без их дозволения. Они с большою строгостью наблюдают семь степеней родства, не так, как в Молдавии и Валахии, где поступают подобно животным. Эта строгость существует во всей стране московской.

Возвращаемся. Накануне праздника св. Николая мы слушали малое повечерие в церкви, что внизу соборной. Все уцелевшие в этом городе и его окрестностях мужчины, женщины, мальчики и девочки пришли в эту церковь. Они всегда имеют обычай, приходя в церковь, всякий раз приносить с собою свечи; к каждой приклеивают копейку и ставят свечу пред иконой святого, во имя которого церковь, а также пред иконами, стоящими по окружности церкви.

Есть также обычай: ежели случится, что архиерей передает какую-либо вещь кому-нибудь из мирян, то делает поклон головой тому человеку при передаче, хотя бы то был мальчик или женщина. Также и воевода кланяется нищим, и даже священники кланяются женщинам и детям. Таков их обычай. Они делают поклоны головой друг другу постоянно; таким же образом приветствуют один другого на улице и здороваясь утром и вечером. Все это признак плодов смирения, ибо гордость им совершенно чужда, и гордецов они в высшей степени ненавидят. Так мы видели и наблюдали. Бог свидетель, что мы вели себя среди них как святые, как умершие (для мира), отказавшись от всяких радостей, веселья и шуток, в совершеннейшей нравственности, хотя по нужде, а не добровольно.

В полночь ударили в колокола ко всенощному бдению. Мы встали к службе и, войдя в упомянутую церковь, нашли там молодых женщин и девиц, которые раньше мужчин и мальчиков поспешили придти сюда, имея в руках свечи. Было совершено великое торжество, по любви их к св. Николаю, и так как церковь мала, то большая часть народа стояла вне ее, на сильном холоде, от полуночи до утра, с непокрытою головой, по их обыкновению. Певчие начали великую вечерню, после того как священник облачился и дьякон в стихаре вышел, говоря: «благослови, Владыко!», а священник сказал: «Благословен…» Затем чтец начал вечерний псалом, читая поочередно стих за стихом, и это же пели певчие на обоих клиросах. Потом вышел дьякон, сказал ектению и вошел (в алтарь), после чего вышел со свечой впереди священника, который стал кадить при «Господи воззвах». Затем они возвратились и вышли на литию в нарфекс. Поставили пять хлебов, пшеницу и вино, и дьякон прочел, по обыкновению, «Спаси, Господи, люди Твоя». Затем (следовали) прочие молитвы, по положению, и тропари; священник совершил отпуст, и начали утреню после звона в колокола, как это принято в начале службы. Вышел дьякон со свечой, а священник с кадильницей кадить по обычаю. После шестопсалмия дьякон вышел и сказал большую ектению, затем пропели величание святому, потом читали псалтирь, при чем каждая кафизма сопровождалась чтением, затем следовал полиелей. При седьмой песне[364] читали синаксарь. Мы вышли на заре, измученные до изнеможения и от усталости вследствие стояния на ногах и от сильного холода. После четвертого часа дня возвратились к обедне, по обычном звоне в колокола. Служил наш владыка патриарх, совершив сначала водосвятие и окропив церковь и народ, по обычаю. От сильного холода, тогда бывшего, вода в сосуде замерзла, и мы разбивали лед при погружении креста. Владыка рукоположил иерея, и мы вышли от обедни только около солнечного заката.

Нам рассказывали, что во всей стране московской очень торжественно справляют праздник святителя Николая и празднуют три дня с большим ликованием. В городе Москве

совершают всенощное бдение в течение всей ночи и идут к обедне, только после того как пробьет 5 часов[365], а выходят лишь к вечеру, перед закатом. Таков их обычай. Таким образом, обед обращается в ужин, ибо в эти месяцы, в декабре и январе, день содержите 6 1/2 часов, а ночь 17 1/2. Солнце в это время восходило с юго-востока и заходило к западу. Все дни в эти два месяца бывают очень темны и мрачны: едва отличишь ночь от дня.

В день св. Спиридона чудотворца наш владыка патриарх также служил обедню в верхней церкви и рукоположил иерея и диакона. Причиною было то, что настоятель монастыря Себаси (Спаса), т.е. монастыря Преображения, находящегося среди улиц этого города, имел четырех сыновей — священников, но все они умерли со своими детьми и женами, и их дома и церкви опустели; он просил нашего владыку патриарха поставить для него священников на место них. Также в субботу Праотец наш владыка патриарх служил и рукоположил иерея и диакона; то же и в воскресенье. В день празднования памяти св. Игнатия было большое торжество. Этот день — пора, когда закалывают свиней для бастырма (вяленое мясо), которое они запасают на целый год. Они закалывали также овец и быков для стола в праздник (Рождества), ибо в течение этого праздника скот не режут.

Глава XI. Коломна. — История Петра митрополита. Рождественские праздники.

На другой день вечером было совершено еще большее торжество по случаю праздника св. Петра, архиепископа Киева, Малой России и всех стран московских, Великой России. Это тот самый святой, коего мозаичное изображение мы видели в алтаре св. Софии. Он был первым митрополитом, поставленным в Киеве, во дни царя Василия Македонянина, который прислал его к казакам, когда они уверовали вместе со своим царем; а был он родом из Константинополя, грек, как сказано в его жизнеописании. По прибытии своем, он стал проповедовать Христа. Они подвергли его испытаниям, сказав ему: «мы разведем большой огонь, и если ты пройдешь невредимо сквозь него в священном облачении, с Евангелием, мы уверуем в твоего Бога». Так и было. Он остался невредим, и все они уверовали. Окрестив их в Днепре и утвердив в вере, он построил для них церкви, как-то: св. Софию и иные. Он прибыл (потом) в эту страну московитов и совершил подобное тому чудо, и с того времени они уверовали чрез него во Христа. Он построил для них эти благолепные церкви, уцелевшие доселе, и сам воссел на престол как первый митрополит над городом Москвой и всеми областями Великой России. Его называют прототронос [366] , то есть, первым из митрополитов. Над Киевом он поставил на свое место митрополита. Скончался он здесь, и его тело доселе пребывает в серебряном гробе, окруженном удивительно красивой серебряной решеткой. Мы впоследствии к нему прикладывались. Оно находится в третьем северном алтаре великой церкви, которая есть патриаршая кафедра. К нему имеют великую веру, и непрестанно толпами приходят на поклонение ему мужчины, дети, девицы, цари и князья. Он же построил вторую стену города, вне кремлевской стены, и она называется его именем.

В пятницу, в навечерие Рождества, зазвонили в колокола сначала к часам [367], затем к обедне, от которой все вышли только пред закатом солнца. В воскресенье св. Праотец наш владыка патриарх служил в соборе и посвятил иерея и диакона. В этот день был жестокий мороз, от которого мы леденели, руки у нас трескались внутри меховых рукавов, и мы были не в состоянии высунуть их наружу; ноги отнялись, и мы терпели великую муку. От сильного холода примерзла крышка серебряного кувшина, в то время когда диакон выливал из него воду. Точно так же вино в своем сосуде приняло вид кружка, как бы кусок камня, и растаяло только на огне. Даже Смешение, св. Дары, замерзло в потире и — о удивление! — стало как камень; когда же налили теплоту, которая была горяча как огонь, вино растаяло. У них принято всегда, что диакон, налив теплоту из кувшинчика в потир, покрывает его большим воздухом, и он остается покрытым. Божественное Тело и антидор также замерзли, стали как камень и не крошились.

При всем том мы стояли с непокрытою головой от начала обедни до конца, ибо у греков и здесь есть обычай, что священник и диакон постоянно остаются с открытою головой с начала обедни до конца. По этой причине и мы против воли им подражали и делали как они. Мы выходили от обедни не иначе как слепыми. Бог свидетель, что мы оставалась несколько дней лишенными слуха, и у нас в ушах гудело. Если бы мы не отпустили волосы подобно им, то наверно ослепли бы, но Бог помог нам. Труднее всего было то, что мы выходили от обедни только перед закатом, и когда еще мы сидели за столом, начинали уже звонить в вечерне, мы должны были вставать и идти в службе. Какая твердость и какие порядки! Эти люди не скучают, не устают, и им не надоедают беспрерывные службы и поклоны, при чем они стоят на ногах с непокрытою головой при

таком сильном холоде, не ропща и не скучая продолжительностью служб, которые до крайности длинны.

В ночь праздника Рождества священники и диаконы приходили после службы к нашему владыке патриарху с образом Рождества и с крестами, при пении ирмоса Рождества и других, как это было в Молдавии и Валахии, потом пели многолетие царю и патриарху антиохийскому. Он давал им милостыню, и они уходили. То же делали на другой день, в утро понедельника, праздника Рождества.

В (день) начала нового 1655 года от Божественного Воплощения зазвонили в колокола в полночь и встали к службе. Мы не имели сил быть за службой в церкви по причине жестокого мороза, но молились в своем помещении, зажегши свечи перед всеми образами, что внутри этих келий, и перед теми, что над дверьми, ибо у них такой обычай: если бы в доме у кого-нибудь из них было, хотя бы, сто икон, то зажигают утром и вечером по свечке перед каждой; каждая икона снабжена подсвечником в виде ветви, укрепленным в стене. При наступлении времени обедни, зазвонили в колокола после четвертого часа [и наш владыка патриарх сошел вниз к торжеству, устроенному[368]] по любви к имени царя, и рукоположил иерея и диакона. Мы вышли только около солнечного заката, умирая от сильного холода и стужи. Не успели мы отобедать, как уже ударили в вечерне; мы встали, чтобы идти к службе.

Знай, что, начиная за неделю до праздника Рождества, вплоть до Богоявления бывает в Москве большая ярмарка, то есть продажа и купля всяких предметов. Это есть время дешевизны продуктов у них, ибо они направляются туда из отдаленнейших областей.

На второй день праздника наш владыка патриарх служил в верхней церкви, после того как натопили ее каптуры с вечера, и рукоположил иерея и диакона; в ней же служил на третий день и рукоположил иерея. Когда сделалось известно в стране московской, что патриарх антиохийский рукополагает священников, то поспешили к нему толпами из всех самых далеких, глухих мест и подносили ему подарки: рыбу, масло, мед и проч., вместе с челофита (челобитной), то есть прошением, где умоляли его смилостивиться над ними. Мы немало дивились на новопоставленных священников: только что надев священническое платье, которое составляет верхняя чуха[369] с широким отложным воротником, они выбривают себе на макушке большой кружок по циркулю, приглаживают волосы надо лбом и откидывают их за уши, как делают женщины, так как бреют только макушку; таким образом, они, казалось, были священниками уже много лет, ибо отличаются статностью.

Знай, что есть такой обычай в этой стране: когда кто из них имеет просьбу к царю, правителю, патриарху, архиерею, священнику или к кому другому, и после усердной мольбы и многих поклонов просьба не принята, то он ударяет головой о землю и не поднимает ее, пока просьба его не будет исполнена. Русские переводчики называли это челобитьем.

Глава XII. Коломна. — Положение духовенства. Праздник Крещения и крестный ход на воду. Рассказ о крестном ходе в Москве.

Знай, что священник в этой стране пользуется большим почетом: правители боятся его и стоят пред ним, в то время как он сидит. Каждый священник и диакон получает постоянное содержание, полевые продукты и наделы свыше своих нужд, ибо они имеют рабов-крестьян. Нам говорили, что содержание протопопу от царя в год составляет 15 рублей и кусок дорогого сукна; прочие священники получают все меньше и меньше и сукно им идет дешевле; диаконы же получают половину. Помимо этого содержания, которое идет им от царя, крестьяне привозят также им на дом годовые припасы. Их наделы свободны от налогов. Здешний коломенский протопоп владеет деревней домов во сто, составляющей угодье церкви; произведения ее идут в его пользу; он имеет также большой дом для своего жительства, который, однако, не составляет его собственности, но всякий, кто делается протопопом, получает ту деревню и дом для жилья, ибо они царские.

Когда умер здешний протопоп, один из священников отправился к царю, взяв с собою прошение от общины, что он достоин сана, — отправился для того, чтобы царь назначил его на место покойного.

Когда бывает храмовой праздник собора, то перед обедней совершают освящение воды; протопоп берет часть ее в сосуд и вместе с протодиаконом отправляется к царю и подносит ее в дар ему, а он отдаривает их. Такой у них обычай.

В понедельник, праздник Обрезания, наш владыка патриарх служил в соборе и рукоположил иерея. Перед обедней он совершил водосвятие, при чем от сильного холода вода в сосуде замерзла, быв раньше как кипяток, ибо в эти дни, если совершают освящение воды, то прежде кипятят ее, чтобы она не так скоро замерзла. Когда наш владыка погрузил крест, положив его на пелену, он пристал к ней. Окончив обедню, мы были не в состоянии сложить свои облачения, ибо пальцы у нас свело, и они трескались. При всем том мы стояли с открытой головой, так что сильно пострадали.

В пятницу, канун Крещения, звонили в колокола с утра до выхода нашего от службы вечером. Наш владыка патриарх сошел и прочел молитву над столиком (с чашей воды), по обычаю. Вода, быв кипятком, замерзла, и он с трудом мог разбить лед крестом, когда погружал его, ибо мороз был необычайно силен.

На утро субботы, праздника Крещения, зазвонили в колокола в третьем часу дня и собрались, по обычаю, все бывшие в городе священники и даже деревенские со своими паствами, пришли в собор и облачались. Затем мы облачили нашего владыку патриарха, и они пошли перед нами величественным крестным ходом попарно, неся большие и малые иконы, при чем большие несли двое; диаконы шли с большими крестами, рипидами и фонарями; мы же следовали за ними, пока, выйдя из городских ворот, не пришли к известной реке Москве. Уже вчера была пробита большая яма вроде бассейна — толщина льда в то время была в 5 пядей, — вокруг нее наложили помост из бревен и досок, поверх льда сделали кругом загородку, из предосторожности, чтобы от народной тесноты на льду он не провалился, как это случалось много раз, и положили мостки из досок от берега до ямы. Поперек ямы положили бревно вроде ступеньки, прочно укрепив его, дабы, когда наш владыка патриарх сойдет к воде для ее освящения, он мог опереться об него коленями. Деревенские жители выкопали на реке еще множество ям и стояли около со своими

лошадьми. Священники стали в ряд кругом помоста. Для нашего владыки патриарха постлали ковер, на который он стал, и поставили на ковре кресло. Начали службу. Наш владыка прочел, по обычаю, большую молитву; при словах: «и ниспошли, Царю, Человеколюбче, Духа Твоего Святого и освяти воду сию», владыка вставал с кресла и освящал воду своими перстами трижды, так же и во второй раз. При поминовении царей он говорил трижды: «и сохрани, Боже, раба твоего, царя христолюбивого, князя Алексия Михайловича», и трижды благословил народ. Затем, взяв крест, погрузил его три раза в воду, которая замерзала после каждого погружения, так что приходилось разбивать лед медными кувшинами. Когда он погрузил крест в третий раз, все взяли воды в свои сосуды из пробитых ими ям и напоили своих лошадей. Как мы уже упомянули, народ собрался тысячами из деревень, когда услышал, что антохийский патриарх намерен освятить воду. Затем наш владыка патриарх вышел к мосткам и окропил сначала священников, потом вельмож. О удивление! От сильного холода вода замерзала на щетинном кропиле, коим он окроплял, а также на рукавах саккоса и на их одеждах, принимая вид стекла. От чрезмерной стужи бороды и усы у всех мужчин в толпе побелели, ибо дыхание, от них выходившее, тотчас обращалось в лед, который нельзя было сорвать без того, чтобы не вырвать вместе с ним волос. Солнце в это время сияло. Мы не надеялись, что будем в состоянии выйти из дому в этот день, но Бог нам помог, хотя ноги, руки и носы у нас отнялись, несмотря на то, что мы были защищены двойными меховыми муфтами, надетыми на руки, на ногах имели ботики из бараньего меха, а одеты были в несколько меховых шуб. Всего удивительнее, что все московиты, даже священники, оставались с открытыми головами с утра до нашего выхода от обедни вечером. Потом мы пошли назад, при чем наш владыка патриарх окроплял мужчин и женщин направо и налево, пока не вошли в великую церковь. Колокола всех церквей гремели во все время, пока мы шли туда и обратно. Один из священников стоял внизу лестницы и кадил входящим священникам и диаконам, одному за другим, пока не вошел в собор наш владыка патриарх и мы вместе с ним. Священники стояли в ряд в нарфексе, пока наш владыка патриарх не помолился на иконы, которые несли (в ходу). Диакон, направляясь к служащим, говорил ектению: «помилуй нас, Боже, по велицей милости Твоей» и пр. Затем окончили службу. По причине сильной стужи мы не могли служить обедню в соборе, но поднялись в верхнюю церковь, которую натопили с вечера. Здесь мы совершили литургию, за которой наш владыка патриарх рукоположил иерея и диакона. Мы вышли не ранее заката, не помня себя от усталости и холода. В то время, когда мы сидели за столом, зазвонили к вечерне.

Нам рассказывали, что во всей стране московской особенно торжественно справляют только два праздника в году, именно: Богоявление и Вербное Воскресенье, как мы увидели впоследствии. В царственном граде делают огромный помост над этою рекой, ибо она течет подле стены царского дворца (Кремля). Царь и патриарх вместе с архиереями, настоятелями его (патриарха) монастырей и всеми священниками, кои идут попарно в облачениях, выходят из великой церкви большим крестным ходом к Фодали фрата, т.е. Водяным воротам. Царь следует за ними вместе со всеми вельможами своего государства, идя пешком в короне. Когда начнется служба, он обнажает голову, оставаясь так до конца при здешнем сильном холоде. Нам сообщили, что при прежних царях обыкновенно держали над их головой высокий купол, который несли 30 человек, для защиты от холода и снега; но сей благополучный царь, по своей чрезвычайной набожности, не позволяет этого, а остается с открытою головой, говоря, что холод и снег — милость от Бога, может ли кто отвратить их от царя? При погружении патриархом креста в третий раз, бывает большое ликование. Уже раньше прорубается на этой реке множество отверстий, в коих

священники тотчас же крестят младенцев и мужчин, ибо этого дня ждут от года до года. Когда патриарх окропит царя и вельмож, последний возвращается в царских санях, обитых красным бархатом внутри и снаружи, с серебряными и золотыми гвоздями, попона лошади из сорока соболей; она идет в подарок конюху. Потом патриарх окропляет священников и присутствующих вельмож и возвращается с крестным ходом в церковь в обедне.

В воскресенье, на второй день Боговления, наш владыка патриарх опять служил и рукоположил иерея и диакона. Они были дети одного священника, который был приходским, а потом сделался монахом в монастыре города, называемого Тула, епархии здешнего епископа. Монастырь — во имя св. Иоанна Крестителя. Этот священник явился к нашему владыке патриарху с прошением от настоятеля и монахов такого содержания, что он был белым священником, а по смерти жены пошел в монахи. Как мы упомянули выше, епископы этой страны имеют обычай не дозволять таком священникам совершать литургию, разве только по прошествии многих лет, дабы они забыла мир с его наслаждениями. Услыхав о прибытии нашего владыки патриарха, послали умолять его дать этому священнику дозволение служить, ибо бывшие у них в монастыре священники умерли в последнее время. Ом дал дозволение, и письмоводитель епархии написал священнику бумагу на их языке с разрешением от нашего владыки патриарха, дабы он взял ее с собою. Мы подписали бумагу и проложили печать. Он взял ее и уехал весьма обрадованный.

Глава XIII. Коломна. — Рассказ о Туле и тамошних железных заводах. Посещение патриарха архиепископом рязанским.

Нам рассказывал этот священник и другие из города Тулы, что он отстоит от Москвы на 180 верст, от Каширы на 120 в., и верст на 500 от рва, который в последнее время царь приказал выкопать на границе татар; по краям этого рва вбиты бревна, между собою перекрещивающиеся, представляя как бы городскую стену; на нем выстроены укрепления и непрерывная линия башен; для охранения его назначены царем тысячи ратников. От него далее до страны татар идут земли опустелые и заброшенные, непроходимые по обилию воды, множеству болот и узости дорог. Священник рассказывал, что эта Тула — город с каменною крепостью, больше и крепче Коломны и составляет проход в страну татар, как Путивль — проход в страну турецкую, что при нынешнем царе открыт превосходный железный рудник в виде нескольких холмов; раньше же в этой стране не было железа, а доставляли его франки на судах. Немецкие франки были первыми, открывшими рудники, и они разрабатывают его ночью и днем, взяв на откуп от царя на том условии, что из каждых десяти кусков им идет один, а царю девять. Они имеют удивительные печи, в кои кладут (руду) по вынутии ее из земли, затем разводят огни. В печи руда плавится, делается как вода и течет из отверстия со всей печи в желоба, выкопанные в земле, с формами для пушек, ядер и иных предметов; в каждом желобе 40, 50 ям (форм) с той и с другой стороны. Когда они наполнятся, вынимают (предмета), даже не употребляя молота, без труда и хлопот. Таким способом ежедневно выделывают тысячи предметов. Множество пушек вывозят зимою на санях и везут на расстояние 1700 верст, в течение около 40 дней, к пристани Архангельск, где море-океан, и продают франкам, которые увозят их в свою страну. Они из чистого железа. Это железо очень дешево, и потому все двери каменных домов, дворцов, церквей, складочных подвалов и створы лавок в городе Москве, равно и все окна, сделаны по большей части из чистого железа. Мы немало дивились на громадность церковных дверей, крепостных и дворцовых ворот. Когда каменный пол патриаршей церкви от времени вытерся, царь послал в Тулу (приказ), и вот наделали больших четырехугольных плит, превосходных, блестящих, как серебро, и замостили ими весь пол церкви и алтарей, даже внизу за дверьми и пороги, как мы увидели впоследствии и опишем в своем месте.

Знай, что многие из умерших в моровую язву, оставляя после себя состояние, завещали его на построение церквей. По этой причине настоятели монастырей являлись к нашему владыке патриарху и брали у него разрешение, после чего настроили много церквей. Наш владыка надевал епитрахиль и омофор и читал молитвы, положенные на основание церкви; они брали от него грамоты на их языке за его подписью и печатью, дабы они служили для них удостоверением.

Когда мы жили в Коломне, к нашему владыке патриарху приехал кир Мисаил, архиепископ Рязани, называемый на их языке «рязанский». Проезжая в Москву, он свернул с дороги на расстояние 40 верст, чтобы посетить нашего владыку. Эта Рязань отстоит от Москвы на 90 верст и на столько же от Коломны. Он прислал заранее известие, и мы, по обыкновению, надели на нашего владыку патриарха мантию. Когда он вошел, имея с собою большую свиту, один из его слуг остался за дверьми держать его посох. Наш владыка, обратившись лицом к иконам, пропел тихим голосом[370] «Достойно есть», по принятому в этой стране обычаю, когда один архиерей посещает другого; мы же пропели трижды «Господи помилуй» и «Благослови», после чего владыка, обернувшись, закончил молитву и благословил гостя, который при этом сделал несколько земных поклонов. Всякий раз, как

наш владыка спрашивал его о нем и его обстоятельствах, он делал поклон и насилу согласился сесть. После того как наш владыка благословил его, а он поцеловал владыку в голову, они облобызались. Наш владыка расспрашивал его о многих предметах и о его кафедре и епархии. Тот рассказал, что под его властью состоит более тысячи церквей, что его кафедра — Рязань, город весьма большой, построенный из камня, имеющий деревянную крепость, что кафедральная церковь во имя Успения Владычицы. Далее он нам сообщил, что в последнее время, летом, он проповедовал христианство одному народу, не знающему Бога, перенес от него много бед, но убедил и сделал христианами. Он окрестил из них 4400 человек, что было совершено так: он велел раздеться мужчинам и поставил их в реке в штанах, а женщин в рубашках, налил масла, по прочтении молитв крещения, всех их погрузил вместе, и они просветились и восприняли веру с большою любовью. Он соорудил для них церкви, и они стремились к службам ночью и днем.

Затем он встал и со многими поклонами попрощался с нашим владыкой патриархом, который, как вначале, пропел «Достойно есть» и благословил его; он вышел, а мы пошли его провожать. Дойдя до дверей соборной церкви, он отдал посох одному из своих диаконов, сам же пошел и сделал земной поклон на снегу в своей мантии перед иконой, что над дверьми. То же сделал у вторых дверей. Затем он улегся в сани и отправился, окруженный своими боярами, слугами и приближенными, в сопровождении 50 всадников. Верхняя его одежда под мантией была из зеленой узорчатой, рытой камки, с собольим мехом, с длинными узкими рукавами. Такова обычная их одежда. На голове у него был очень большой черный клобук, ниспадающий на глаза, а под ним суконная шапочка с черным мехом.

Глава XIV. Коломна. — Неопределенность положения патриарха и просьбы его о дозволения ехать в Москву. Прибытие драгоманов. Отъезд из Коломны. Зимний путь. Остановка в Выхине. Приезд в Москву.

Возвращаемся. Что касается нашего положения, то мы сильно скорбели по той причине, что время тянулось без пользы. Мы надеялись, что царь возвратится из похода к празднику св. Николая, о чем прошли слухи, но он не приехал. Говорили также, что он прибудет к празднику Рождества, не прибыл, — к празднику Богоявления, но вести никакой. Поэтому мы находились в большом затруднении, недоумении и беспокойстве, а особливо в сильном огорчении от того, что никого не было, кто бы поведал нам об обстоятельствах царя: где он и в каком положении его дела, ибо московиты все, от больших до малых, имеют пятый темперамент, а именно коварство: ни одному чужеземцу ни о каком предмете ничего не сообщают, ни хорошего, ни дурного, так что, когда наш владыка патриарх спрашивал их, от вельмож и священников до простолюдинов, о делах царя, то никто из них ничего не говорил, кроме слова «не знаем», даже дети. С известных, именитых греческих купцов, к нам приезжающих, они также брали клятву, что те не разнесут вестей о них и никогда не изменят государству. Какая это великая строгость! В устах у всех один язык. Как мы узнали, со всех берется клятва на кресте и евангелии и все находятся под страхом патриаршего отлучения, что своих дел не откроют чужеземцам, но если услышат какое-либо известие, возбуждающее подозрение, то донесут о том царю. В то время, когда царь вступает во власть и воссядет на престол, он посылает привести к присяге в том все области и подданных, как мы видели это при вступлении на престол господаря валашского. При таких обстоятельствах мы находились в полном недоумении. Раньше наш владыка патриарх посылал два, три раза письма к министрам, уполномоченным царя, такого содержания, что мы соскучились (ожиданием) и весьма желаем ехать в столицу. Письма пересылались к царю, но ответа на них мы не получали по той причине, что министры были очень заняты делами. Наконец он отправил к ним своего архимандрита с письмами, упрашивал их прислать за нами, чтобы нам жить в столице, пока не вернется царь. Они отправили эти письма в царю, а нас прислали успокоить тем, что мы скоро получим ответ. Главною причиной нашего долговременного пребывания здесь было то, что патриарх отсутствовал из своего кафедрального города, еще не вернувшись в того времени, как удалился от моровой язвы, иначе, если бы он находился там, то не оставил бы нас до сих пор (в Коломне), как бы ни был занят царь, ибо духовные дела зависят от него. Это было к нашему злополучию, так что жизнь нам надоела и душа с телом расставалась. Мы получали положенное нам и нашим спутникам содержание ежемесячно от сборщика налогов с водки, меда и пива. Драгоман, обыкновенно, отправлялся каждый месяц за получением 150 реалов[371].

В воскресенье Хананеянки наш владыка патриарх служил также в верхней церкви и посвятил иерея и диакона, равно и на другой день и в воскресенье Закхея служил в ней и посвящал иерея и диакона. В то время как мы совершали литургию, пришла к нам радостная весть чрез двух назначенных для того драгоманов, которые привезли с собою царские сани для путешествия нашего владыки патриарха. То было для нас великою, неописуемою радостью и отрадой. Они привезли с собой бочки меда, вишневой воды разных сортов, икры и разного рода рыбы. С ними пришел воевода города, имея в руках приказ царя

отправить нас как можно скорее. По выходе нашего владыки патриарха из церкви, к нему явились оба драгомана и, поклонившись до земли, произнесли титул царя, который есть: «величайший царь и возвеличенный князь, тишайший, высочайший, царь казанский, царь астраханский, царь сибирский, царь новгородский, великий эфенди (господин) псковский и великий князь смоленский». Затем они перечислили все страны и области, которые прежде были независимыми, но покорены царями московскими, как обыкновенно они исчисляют их при всяком случае, о чем будет сказано подробно, пока не дошли до слов: «самодержец Великой и Малой России кланяется твоей святости, блаженнейший, и приглашает тебя в город Москву, дабы ты своим присутствием в нем благословил его престольный град». Тогда наш владыка патриарх, встав на ноги, как обыкновенно он делал из уважения к царю, всякий раз как кто-нибудь являлся к нему от царя или поминали имя царя, помолился Богу за него и сел; потом стал спрашивать их о царе и о его обстоятельствах. Они отвечали: «он намерен, ради твоей святости, приехать скоро в свою столицу, чтобы видеться с тобою, ибо ждет тебя давно, и по этой причине послал гетману Хмелю приказ отправить тебя поскорее». Они сообщили нам также, что он в настоящее время распустил ратников, поместив по всем областям, чтобы многочисленное войско вновь собралось в марте к Смоленску для похода против краля. Воевода приготовил для нас подводы, т.е. арбы, на кои мы нагрузили свои вещи.

Во вторник, 30 январи, наш владыка патриарх пошел, по обыкновению, в собор и совершил в нем царский молебен с водосвятием. Отстояв обедню, мы вышли. Воевода и епископские бояре, поддерживая под руки нашего владыку патриарха, посадили его в царские сани, запряженные четверней, которые конюхи устлали подушками из черной камки, и закрыли его до груди сукном; сукном же были обиты сани и внутри. Воевода и другой боярин, назначенный нам сопутствовать, встали сзади у углов саней, держась за них руками, а прочие бояре кругом, в знак почета и уважения. Посох держал один из вершников, ехавший, по обыкновению, впереди; перед нами шли также отряженные воеводой и боярами стрельцы. Воевода, его подчиненные и бояре проводили нас далеко за город. После того, до самой столицы, оба драгомана и боярин сменялись у углов саней, как в знак почета, так и для того, чтобы сани не опрокидывались при подъемах и спусках.

Мы не переставали таким образом путешествовать с большою быстротою, ибо сани в эту пору несутся быстрее птицы по замерзшим дорогам. Селения следуют беспрестанно друг за другом. Так как дорога была весьма узка, то стрельцы заставляли проезжих отходить в сторону, при чем лошади их, по причине глубины снега, лежавшего на полях, увязали по брюхо. Мы дивились на снег, который покрывал ветви деревьев в лесах, ибо он, примерзая, загибался на ветвях в ту и другую сторону, подобно рубашкам и платкам, вымытым и растянутым для сушки. Мы несколько раз переезжали чрез Москву-реку и чрез многие другие реки, узнавая их только по прорубям, на них пробитым, откуда достают воду при помощи веревок и [бадей]. Наши глаза были ослеплены, ибо поля и деревья — все было бело.

Мы проехали в этот день до вечера около 25 верст и, прибыв в селение, по имени Кусаков (Косякова), ночевали тут, при чем конакджи опередил нас и приготовил помещение. Вставши в среду утром, мы сделали около 55 верст. Проезжая чрез какую-нибудь деревню, мы сходили и останавливались в одном из домов, чтобы дать отдых себе и лошадям. Вечером мы приехали в деревню, по имени Вишино (Выхино), которая отстоит от Москвы не дальше 10 верст. Тут мы остановились, ибо так приказали министры, и один из драгоманов отправился известить их. Мы чувствовали большое утомление, потому что здешние дороги весьма затруднительны по причине подъемов и спусков; сани, словно

корабли на Черном море, качались направо и налево. Поэтому драгоманы в утра до вечера держались за сани (владыки), чтобы они не опрокинулись; наши же сани опрокидывались с нами неоднократно. Никто из нас не был в состоянии двигаться пешком, ибо земля была (скользка), как мыло. Мы переночевали в упомянутой деревне на четверг, 1-ое февраля, и на пятницу, праздник Входа (Сретения). Поутру в день Сретения, вставши, мы въехали в город Москву.

Выпуск 3. Москва

От переводчика

Настоящий, третий выпуск обнимает первые 2½ месяца пребывания патриарха Макария в Москве, со 2 февраля по 15 апреля 1655 г., и содержит, по обыкновению, массу разнообразнейших и интересных рассказов и описаний, собранных любознательным и неутомимым Павлом Алеппским.

При сличении арабского текста с английском переводом оказалось (как это было и в предыдущих выпусках), что английский переводчик сделал местами значительные пропуски, а именно, опустил служение в неделю мясопустную (стр. 41—43), рассказы о приеме грузинской царицы Елены и ее сына (стр. 86—87), о крещении касимовского царевича и польского пана (стр. 87—93), описании Успенского и других кремлевских соборов, Ивановской колокольни и приготовлений к отливке огромного колокола (стр. 97—114) и наконец служение в Великую субботу (стр. 194—196).

Обстоятельное описание Успенского собора, доселе остававшееся неизвестным, имеет, бесспорно, весьма немаловажное значение для отечественной археологии. Оно относится к 1655 г., следовательно, ко времени вскоре после того, как Успенский собор был роскошно поновлен стараниями патриарха Никона[372] и является прекрасным дополнением к дошедшим до нас четырем описям Успенского собора[373], из коих первая относится к началу царствования Михаила Феодоровича, вторая — к 1627 г., третья — к 1638 г. и четвертая — к 1710 г. Описание Павла Алеппского есть единственное в своем роде; тщетно было бы искать подобного в записках других иностранцев, посещавших Россию в XVI и XVII вв.: как иноверцы, они не допускались в наши храмы. Мы не нашли его и в путешествии православного и, подобно Павлу Алеппскому, духовного лица, Арсения, архиепископа Элассонского, который приезжал в Москву в 1588 г. вместе с Константинопольским патриархом Иеремией.

Английский переводчик, против своего обыкновения, не делает указания на пропуск этого описания там, где оно вставлено в нашей рукописи, а именно, при Рассказе о служении в воскресенье сыропуста; по ранее, среди описания служения в четверг на масленице, он делает в сноске заметку о том, что опускает подробное описание служения на тринадцати страницах in folio, как не представляющее, по его мнению, интереса для читателей. Мы полагаем, что английский переводчик ошибся, недостаточно внимательно просмотрев опущенный им отдел: наверно, в нем содержалось описание соборов, Ивановской колокольни и отливки колокола, только листы эти, очевидно, перепутаны в Лондонской рукописи и попали не на надлежащее место, ибо конец опущенного Бельфуром описания у него имеется в переводе (т. II, стр. 29), и именно там же, где и в нашей рукописи, но, странным образом, начинается такими словами: „Возвращаемся. Число ступеней этой колокольни“ и пр., хотя раньше ни одним словом о колокольне не упоминается. Переводчик как будто и не заметил этой несообразности.

Что касается сведений, сообщаемых Павлом Алеппским об отливке огромного колокола, которой он был очевидцем с начала до конца работ, то они представляют историю его в совершенно новом виде. Свои замечания по этому поводу мы поместим в четвертом выпуске нашего перевода, где автор доканчивает свой рассказ о колоколе описанием его отливки и поднятия.

В этот выпуск вошло и все, напечатанное нами раньше в „Московских Ведомостях» и „Русском Обозрении“, где наш перевод печатается с значительными пропусками; в полном же виде издается только в Чтениях в Императорском Обществе Истории и Древностей

Российских.

Книга VII

Глава I. Москва, — Въезд патриарха в столицу. Остановка и пребывание его в монастыре свв. Афанасия и Кирилла в Кремле.

В день Сретения мы въехали в город Москву. Сначала мы вступила чрез земляной вал и большой ров, окружающие город; потом въехали во вторую, каменную стену, которую соорудил дед теперешнего царя, Феодор, коим насыпан также и земляной вал. Окружность вала 30 верст; он снабжен кругом деревянными башнями и воротами. Вторая же, каменная стена имеет в окружности семь верст. Затем мы вступили в третью окружную стену, также из камня и кирпича, а потом в четвертую, называемую крепостью. Она совсем неприступна, с весьма глубоким рвом, по краям которого идут две стены и за которыми еще две стены с башнями и многочисленными бойницами. Эта крепость, составляющая дворец царя,[374] имеет по окружности пять ворот; в каждых воротах несколько дверей из частого железа, а посредине решетчатая железная дверь, которую поднимают и опускают посредством машин. Все бойницы в стенах этого города имеют наклон к земле, так чтобы можно было стрелять в землю, и потому никак нельзя ни скрыться под стеной, ни приблизиться к ней, ибо бойницы весьма многочисленны.

По въезде нашем (в Кремль) чрез царские ворота, нас поместили в каменном монастыре, что близ них, месте остановки патриархов; он во имя свв. Афанасия и Кирилла Александрийских и другого Кирилла, известного под именем Белозерского, из их новых святых.[375] Когда мы въехали в город, наши сердца разрывались и мы много плакали при виде большинства домов, лишенных обитателей, и улиц, наводящих страх своим безлюдием — действие бывшей тогда сильной моровой язвы. Наш владыка патриарх благословлял людей направо и налево, я же, архидиакон, вместе с архимандритом сидели, по обычаю, сзади у углов саней. Приехав на место, мы пали ниц и возблагодарили со многим славословием Всевышнего Бога, Который даровал нам милость и благоволил нам увидеть этот великий град, столицу, новый Рим, город церквей и монастырей, славный во всем мире, о коем мы расскажем, описывая его красоты, в своем месте. С нашей души спала великая забота и мы много радовались; да и как могло быть иначе, когда мы, стремясь сюда, целые три года без десяти дней странствуем среди опасностей, страхов и трудов неописуемых? Теперь же благодарим Бога вторично и молим Его, чтобы Он, как привел нас сюда целыми и невредимыми, так же облегчил нам и возвращение в свою страну обогащенными и дал нам увидеть свои родные места.

Возвращаемся. К нам были приставлены от царя драгоманы для разговора и другие люди для исполнения наших поручений. Нашему владыке патриарху назначалось с царской кухни и царского стола ежедневно, во-первых, хлеб, затем рыба для четырех сортов кушанья, икра и много напитков: вишневая вода темнокрасная и светлая, желтоватая, и большие кувшины меда; для нас же и служителей, кроме меда, доставлялся ежедневно большой боченок кваса, то есть напитка из ржи и вареного ячменя с опьяняющим хмелем.

Знай, что ни архиереи, ни вообще монахи отнюдь не пьют водки явно: на них наложен запрет от патриарха, и когда найдут кого пьяным, то бросают в тюрьму, бьют кнутом или выставляют на позор, ибо питье водки — поступок гнусный, может быть хуже прелюбодеяния. Но торговцам, архиерейским служителям и родственникам назначается по две рюмки ежедневно.

Переводчики учили нас всем принятым порядкам, и кроме них решительно никто к нам не являлся, ибо существует обычай, что до тех пор, пока архиерей или архимандрит не представится царю и не будет допущен к руке, ни сам он не выходит из дому, ни к нему

никто не приходит, так что и мы совсем не могли выходить из дому. Таков обычай. Наш владыка патриарх никогда не снимал с себя мантии и панагии, и никто даже из переводчиков не входил к нему иначе, как после доклада привратника, чтобы предупредить; тогда мы надевали на владыку мантию — посох же висел подле него — и тот человек входил. Таков устав не только у архиереев, но и у настоятелей монастырей, ибо и они никогда не снимают с себя мантии и клобука, даже за столом, и мирянин отнюдь не может видеть их без мантии.

Тут-то мы вступили на путь усилий для перенесения трудов, стояний и бдений, на путь самообуздания, совершенства и благонравия, почтительного страха и молчания. Что касается шуток и смеха, то мы стали им совершенно чужды, ибо коварные московиты подсматривали и наблюдали за нами и обо всем, что замечали у нас хорошего или дурного, доносили царю и патриарху. Поэтому мы строго следили за собой, не по доброй воле, а по нужде, и против желания вели себя по образу жизни святых. Бог да избавит и освободит нас от них!

Глава II. Москва. — Возвращение патриарха Никона. Торжественный въезд царя.

В субботу, 3 февраля, на другой день нашего приезда, прибыл в свои палаты кир Никон, патриарх московский, после того как он с августа месяца находился в отсутствии в степях и лесах, из боязни чумы. Он поехал потом с царицей к царю в Вязьму, куда тот возвратился из страны ляхов и где остался, проведя здесь праздники Рождества и Крещения. Долгое его пребывание там имело ту цель, чтобы совершенно исчезли следы моровой язвы в столице, где она продолжалась до Рождества. Мы очень обрадовались приезду патриарха: это была первая приятная весть и радость после забот и большой тоски. Стали приходить, одно за другим, известия о скором прибытии царя. В пятницу вечером, 9-го февраля, возвратилась в свой дворец царица.

В субботу утром, 10 февраля, бояре и войска, по их чинам, приготовились для встречи царя, так как он провел эту ночь в одном из своих дворцов, в 5 верстах от города. В этот день, рано поутру, царь, вставши, прибыл в монастырь во имя св. Андрея Стратплата, что близ города, где слушал молебствие. По выходе его оттуда, загремели все колокола, ибо то место близко к городу. Тогда вышел патриарх в облачении и митре, поддерживаемый и окруженный, по их обычаю, дьяконами; перед ним священники в облачениях несли хоругви, кресты и многочисленные иконы; позади него шли архиепископ рязанский и четыре архимандрита в облачених и митрах; тут были все городские священники; один из диаконов нес подле него крест на блюде. Все двинулись и встретили царя у Земляного вала. Наш владыка патриарх желал видеть въезд царя, но это было невозможно, пока он не послал спросить разрешения у министра. Мы сели в одной из келлий монастыря, где проживали, и смотрели тайно на торжественное шествие и толпу из окон, выходящих на царскую (главную) улицу. Городские торговцы, купцы и ремесленники вышли для встречи царя с подарками: с хлебом, по их обычаю, с посеребренными и позолоченными иконами, с сороками соболей и позолоченными чашами. Показались в шествии государственные чины и войско. Вот описание их процессии. Сначала несли знамя и подле него два барабана, в которые били; за ним шло войско в три ровных ряда, в ознаменование св. Троицы. Если знамя было белое, то все ратники, за ним следовавшие, были в белом; если синее, то и ратники за ним в синем, и точно также, если оно было красное, зеленое, розовое и всяких других цветов. Порядок был удивительный: все, как пешие, так и конные, двигались в три ряда, в честь св. Троицы, Все знамена были новые, сделанные царем пред отправлением в поход. Эти чудесные, огромные знамена приводят в удивление зрителя своею красотой, исполнением изображений на них и позолотой. Первое знамя имеет изображение Успения Владычицы, ибо великая церковь этого города, она же патриаршая, освящена во имя Успения Богородицы; изображение сделано с двух сторон. Это хоругвь той церкви, и за ней следовали ее ратники. Второе знамя с изображением Нерукотворенного образа, в честь хитона Господа Христа, который находится у них. На прочих знаменах — на одних был написан образ св. Георгия пли св. Димитрия и прочих храбрых витязей-мучеников, на других образ св. Михаила архангела или херувим с пламенным копьем, пли изображение печати царя — двуглавый орел, пли военные кони, земные и морские, для украшения, большие и малые кресты и пр. Более всего поражали нас одежда и стройный порядок ратников, которые ровными рядами шли вслед за своим знаменем. Все они, как только увидят икону над дверями церкви или монастыря или крест, снимали свои колпаки, оборачивались к ней и молились, несмотря на ужасный холод, какой был в тот день. Сотники, т.-е. юзбаши, с

секирами в руках, также шли подле знамени. Таким образом они продолжали двигаться почти до вечера. При приближении царя, все они стали в ряд с двух сторон от дворца до Земляного вала города; при этом все колокола в городе гремели, так что земля сотрясалась. Но вот вступили (в Кремль) государственные сановники; затем показались царския заводные лошади, числом 24, на поводу, с седлами, украшенными золотом и драгоценными каменьями, царские сани, обитые алым сукном, с покрывалами, расшитыми золотом, а также кареты со стеклянными дверцами, украшенные серебром и золотом. Появились толпами стрельцы с метлами, выметавшие снег перед царем. Тогда вступил (в Кремль) благополучный царь, одетый в царское одеяние из алого бархата, обложенное по подолу, воротнику и обшлагам золотом и драгоценными каменьями, со шнурами на груди, как обычно бывает на их платьях. Он шел пешком с непокрытою головой; рядом патриарх, беседуя с ним. Впереди и позади него несли иконы и хоругви; не было ни музыки, ни барабанов, ни флейт, ни забав, ни иного подобного, как в обычае у господарей Молдавии и Валахии, но пели певчие. Обрати внимание, брат, на эти порядки, виденные нами! Всего замечательнее было вот что: подойдя к нашему монастырю, царь обернулся к обители монахинь, что в честь Божественного Вознесения, где находятся гробницы всех княгинь; игуменья со всеми монахинями в это время стояла в ожидании; царь на снегу положил три земных поклона пред иконами, что над монастырскими вратами, и сделал поклон головой монахиням, кои отвечали ему тем же и поднесли икону Вознесения и большой черный хлеб, который несли двое; он его поцеловал и пошел с патриархом в великую церковь, где отслушал вечерню, после чего поднялся в свой дворец.

Жители, как знатные, так и простолюдины, радовалась его прибытию; в особенности же мы, бедные, исполнились великою радостью, ибо никто никак не ожидал, что царь возвратится из похода в этом году, в разгар войны со своими врагами, злыми ляхами. Его войска завоевывали крепости и города, убивали, брали в плен, захватывали добычу. Никто не мог устоять против них. О Радзивиле и крале прекратились всякие вести. Заботой и намерением царя было не давать им отдыха и неотступно преследовать, пока не уничтожит их вконец. Поэтому большая часть его войска зимовала в стране ляхов. Но, как мы впоследствии удостоверились, главного причиной его прибытия было желание повидаться с нашим владыкой, как он сам потом сказал это ему собственными устами, при свидании с ним: „поистине, ради тебя, отец мой, я прибыл, чтобы свидеться с тобою и получить твое благословение“. Впоследствии мы это опишем.

При въезде своем в город, царь увидев его положение, как моровая язва поколебала его основания, привела в смятение жителей и обезлюдила большинство его домов и улиц, горько заплакал и сильно опечалился. Он отправлял вперед посланцев осведомляться у жителей об их положении, утешать их в смерти их близких и успокаивать. Когда он дошел до ворот крепости большого дворца, над коими возвышается громадная башня, высоко возведенная на прочных основаниях, где находились чудесные городские железные часы, знаменитые во всем свете по своей красоте и устройству и по громкому звуку своего большого колокола, который слышен был не только во всем городе, но и в окрестных деревнях, более чем на 10 верст, — на праздниках нынешнего Рождества, по зависти диавола, загорелись деревянные брусья, что внутри часов, и вся башня была охвачена пламенем вместе с часами, колоколами и всеми их принадлежностями, которые при падении разрушили своею тяжестью два свода из кирпича и камня, и эта удивительная редкостная вещь, восстановление которой в прежний вид потребовало бы расхода более чем в 25.000 динаров на одних рабочих, была испорчена — и когда взоры царя упали издали на эту прекрасную сгоревшую башню, коей украшения и флюгера были обезображены и

разнообразные, искусно высеченные из камня статуи обрушились, он пролил обильные слезы, ибо все эти события были испытанием от Творца — да будет возвеличено Его имя!

Глава III. Москва. — Сбор войска. Вторжение в Украину поляков и подвиг Хмельницкого. Ратники из кочевых племен.

По возвращении своем в столицу, царь послал в области наказ войскам поскорее собираться и спешить вперед него в Смоленск со всеми военными припасами и тяжестями, что было сделано с целью облегчить им поход (переездом) на санях, по причине морозов и замерзания рек, ибо весной, летом и осенью вся эта страна непроходима по обилию дождей, топей и грязи. Поэтому разгар войны у них бывает в морозное время, так как военные действия очень облегчаются в эту пору, в особенности покорение крепостей, ибо воды вокруг них и в их рвах замерзают.

В то время как мощь ляхов была так велика, Создатель сокрушил её теперь в конец, даровав (царю) победу и торжество над ними, за великую их гордыню и высокомерие. У них не было силы встретиться с царем лицом к лицу, и посмотри, что они сделали, услышав, что царь возвратился в Москву. Они послали к татарам и дали им золота в таком изобилии, что те были изумлены, и потому от них пришло на помощь (ляхам) в нынешнем феврале около 50 тысяч к пределам земли казаков. От немцев они также испросили на помощь 40 тысяч, а из ляхов, венгров и валахов собралось против московитов еще около 40 тысяч, прельщенных деньгами ляхов и надеждой на добычу; всего же было около 130 тысяч. Они вторглись внезапно в страну казаков, и так как казаки были слабы, особливо в эту пору морозов, когда они имеют обычай возвращаться из похода с Хмелем к своим очагам, то те, придя с большою силой, неожиданно напали на множество базаров, сожгли их, избили часть жителей и многих попленили. Несколько городов они взяли по договору — я говорю о вероотступниках ляхах — но, вступив в них, всех жителей перебили и совершили гнусности и злодеяния, не поддающиеся описанию. Так как вторжение их было неожиданно, то они застали в одном городе гетмана Хмеля, имевшего при себе только три тысячи ратников, и здесь осаждали его три дня. Он послал было звать на помощь полковников с их ратниками, но враги перехватили его письма, так что никто о нем не слышал, и продолжали осаждать его с еще большими усилиями, в то время как никто из его людей или ратников об этом не знал. Будучи стеснен до крайности, он вышел из города, утвердил свой табор с пушками и, призвав на помощь Творца, употребил против врагов уловку, пока не подманил их к себе, и тогда крикнул своим людям: „братья! этот день — наш». Выпалив из пушек по неприятелям, он закричал им громким голосом: „царь Алексей подходит». Когда они услышали это, им ничего не оставалось, как бежать. Да благословен будет Бог! Хмель со своим слабым войском бросился преследовать их с мечами; из пеших ни один не остался в живых, спаслись только всадники на лучших конях. Он не переставал гнаться за ним на три дня пути, пока не истребил из них большую часть. Люди, достойные веры, нам говорили впоследствии, что из всех сорока тысяч немцев ни один не спасся, не спаслись ни жены, ни дети их, с ними бывшие, ибо у немцев есть обычай, как мы неоднократно видали, выходить на войну не иначе, как с женами и детьми, говоря: „если мы спасемся, то спасемся все, а если будем убиты, то будем убиты все“. Неприятели не берут в плен их жен и детей. Обрати внимание на это ложное убеждение!

Тогда Хмель послал известие царю о случившемся. Услышав это, царь пришел в сильный гнев и дал приказ войску поскорее отправиться в поход.

Нам рассказывали, что у царя в этом месяце собралось более 400 тысяч ратников из тех народов, кои не знают Бога. Мы видели их собственными глазами и всматривались в их отвратительные, страшные лица. Это разные роды татарского племени, обитающие в

степях вокруг области Казанской до внутренних частей Сибирской земли. Достойные веры историки рассказывали нам, что под властью нынешнего царя состоит около пятидесяти разных народов и языков, не знающих Творца, но поклоняющихся животным, скоту, небу, солнцу, луне, звездам и пр.

Примечание. Говорят, что татары-калмыки поклоняются огню и в нем сожигают своих покойников, при чем совершают земные поклоны и славословия, радуясь разделению (тела) на четыре стихии: огонь, воду, воздух и землю. Их лица безобразны, морщинисты; в ушах они носят коралловые серьги.

Говорят, что некоторые из этих племен, когда у них родится дитя, зовут московитских священников, чтобы они помолились над ним, окадили его и назвали именем какого-либо святого, после же дают ему имя, какое им хочется, и некоторые, по рассказам, дают новорожденному имя животного, какое встретят, выйдя из дому. Мы расскажем в свое время о положении этих племен. Названия этих татар следующие: черемисы, калмыки, кумыки, башкиры, мордва, монголы, ногаи, черкесы и иные. Все это народы кочевые и живут в степях кругом Казани и Астрахани до отдаленнейших частей Сибири. Самое удивительное из них — племя мученика Христофора, которое ест человечье мясо, как мы увидели это впоследствии. Все эти народы собрались в городе Москве в эти месяцы, февраль и март. Как мы видели собственными глазами, войско царя весьма многочисленно: все эти племена — обитатели степей, как же велики должны быть войска из городов христианских! Число их несчетно. По мнению людей, достойных веры, в нынешнем году у царя соберется более миллиона, т.-е. десять раз сто тысяч, ратников.

Архиереи и священники московитов проповедуют христианство упомянутым народам, и те спешат толпами креститься и принимают веру от всего сердца. Мы видели крещение многих из них в реке, происходившее пред нашими глазами, но большинство приходит (креститься), прельщаемое платьем и царскими подарками в виде денег и припасов.

Нам говорили, что кто был в походе в прошлом году, в нынешнем не идет в поход, так как в этом соблюдается очередь. В нынешнем году очередь пала на эти разнородные племена, которые доставили 400 тысяч, по одному человеку с каждого двора, как мы удостоверились. Патриарх сообщал потом нашему учителю, что ратники царя весьма многочисленны; если бы он пожелал вести войну десять лет, и то до многих округов не дойдет очередь, по их многочисленности. Может быть, никто не поверит этим сообщениям, но неудивительно, брат, что в стране, длиной и шириной на четыре года пути, не может быть мало жителей.[376] *Об этом мы также впоследствии расскажем.*

Глава IV. Москва. — Перепись подарков, привезенных патриархом Макарием.

По прибытии царя, визирь прислал к нам переводчика, т.-е. царского толмача, осведомиться у нашего владыки патриарха, каковы подарки, привезенные им для царя. Мы показали ему их все, и он записал их поодиночке в книгу, начиная с священных предметов до съедобных, платков и прочего, записывая, по своему обычаю, с чрезвычайною точностью. После того как он ушел и представил все это визирю, последний на другой день, в воскресенье, прислал к нам своего секретаря, и этот записал подарки с удивительною точностью в другую книгу. Мы уже приготовили их, каждый предмет отдельно и в приличном порядке, взяв для них деревянные, украшенные резьбой блюда, которые устлало, по их обычаю, бумагой и покрыли все шелковою материей, красною и розовою. На мне, убогом, пишущем эти строки, лежала забота обо всех этих делах: мои собратья и товарищи и иные люди могут засвидетельствовать, как я в эту ночь приготовил более ста блюд с подарками, которые привели потом в изумление всех, даже приближенных царя, ибо никогда не бывало, чтобы кто-либо из патриархов подносил царю подобные многочисленные и разнородные подарки. Они никогда не видывали таких вещей, как: стиракса, манна, финики и финиковые ветви, которые мы привезли из Аданы связанными и тщательно сберегли. По прибытии сюда мы мочили их в текучей воде, разложив их во всю длину в деревянном продолговатом сосуде, за два дня до поднесения; ветви и листья расправились и стали зелеными, как будто свежие, только что срезанные, так что на них все дивились. Еще были: фисташки[377] алеппские в скорлупе и соленые, восточный теревинф, кассия (мед дивий), высокий сорт прославленной мастики; эти предметы приводили их в величайшее изумление, ибо они не знали их даже по именам; разве только кассия и мастика к ним попадали.

Обрати внимание на удивительный порядок, с каким записывал упомянутый секретарь так: „лета 7163 от сотворения мира, в воскресение, 11 февраля, кир кир Макарий, святейший из людей своего времени, патриарх Антиохии и всего Востока, прибыл к его величеству, высочайшему царю и самодержцу. Вот подарки, кои он привез с собою от своего святого престола, и святыни из его священной страны“. Первая из них была превосходная критская икона, нами приобретенная, с изображением лозы, которая выходит из Господа Христа и несет 12 учеников Его; Бог Отец с высоты, над Духом Святым, благословляет. Изображение исполнено кистью, приводящей в изумление зрителя. Далее, икона св. ап. Петра, весьма древняя; сосуд старого мира, покрытый парчой; сосуд нового мира из того, которое мы сварили в Молдавии, чудесный индийский ларец из слоновой кости, с маленьким серебряным замком; внутри его стеклянный прозрачный сосуд, в роде чашки, покрытый парчой и запечатанный; в нем частица подлинного Древа Креста, испытанного на огне и в воде: в огне оно становится, как камень, а, остывая, принимает прежний вид, делаясь черным; в воде опускается на дно, а не плавает, как свойственно дереву; это верный его признак. Вместе с ним был кусок Честного Камня с Голгофы, обагренный кровью Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, подлинный, с признаками и свидетельствами, ибо кровь, когда окрасила камень, изменилась в своем свойстве: камень сделался подобным куску серебра, на котором божественная кровь блестела, как золото, и сверкала, как раскаленный уголь, к изумлению смотрящих. Эти многоценнейшие сокровища приобрели мы в Константинополе при содействии добрых людей, купив за большую сумму золота, ибо царствующий град доселе хранит много

подобных сокровищ. Когда мы там были, явилась в подворье Воскресения (Иерусалимское) одна вдова и подарила настоятелю икону Владычицы, известную под именем Влахернской. Это та самая икона, которую некогда патриарх обносил кругом стен города, причем она обратила в позорное бегство напавших на него врагов. «Женщина рассказала, что нашла ее в стене своего дома, с горящей перед нею лампадой. Мы были тогда в отсутствии в Ени-Кёе. Прибыв в праздник Рождества, по приглашению патриарха, на то подворье, мы услышали рассказ об этой святой иконе, увидели ее и приложились к ней. Она не нарисована красками, но как будто телесная или изображенная мастикой, ибо части ее тела сильно выступают с поверхности доски, к большому удивлению смотрящего.[378] Наш владыка патриарх употреблял все старания, предлагая много червонцев, чтобы получить ее от упомянутого настоятеля, но напрасно. Впоследствии игумен послал ее с одним купцом царю московскому, который принял ее наилучшим образом и всю обделал серебром, золотом и драгоценными каменьями, взял ее с собою на войну и теперь, при возвращении, вез перед собою. Мы видели ее много раз впоследствии и прикладывались к ней. Кроме лика и рук Владычицы и Господа ничего из нея не видно: все остальное покрыто золотом. Она как будто воплощенная. Царь взамен ее послал тому игумену 800 динаров кроме того, что дал человеку, который ее доставил. Поэтому-то игумен и не отдал нам иконы.

Возвращаемся. Секретарь записал, после частицы Креста и Божественного Камня, греческое Евангелие, древний пергамент, которое мы привезли из Антиохии, где оно находилось как вклад; панагия серебряная, вызолоченная, в коей образ пророка Захарии, вырезанный из кости сына его, св. Иоанна Крестителя; пук ярких свечей иерусалимских, благовонный ладан, т. е. стиракса, коробка с царским мускусным мылом, константинопольское мыло с амброй, превосходное небеленое полотно, мыло благовонное иерусалимское, мыло кусками алеппское, называемое антиохийским, ладан вареный и невареный, манна, финики, пальмовая ветвь с листьями, фисташки алеппские, кои они зовут, как греки, кедро; также фисташки цельные, в скорлупе, и они же соленые, кассия, дорогая белая ангорская шерстяная материя, четыре чудесные дорогие платка с золотом. Это подарок для царя. Записав его, секретарь приписал: „антиохийский патриарх кланяется твоему царскому величеству сим подношением“.

Потом под этим он записал таким же образом: этот дар он подносит царице: древняя, прекрасная икона складнем, сосуд с миром, частица Крестного Древа, также кусок Честного Камня в хрустальном сосуде, покрытом парчой, в золоченом ларце, кусок головного покрывала св. Анастасии мученицы, избавляющей от чарований, в ящике из черной кости, обитом снаружи и внутри парчой, пук ярких свечей, стиракса, коробка мускусного мыла, мыла благовонного и алеппского, манна, финики, ладан, кассия, фисташки, жасминное масло в хрустальном сосуде и два дорогих платка с золотом.

Затем он ниже записал: „вот подарок царевичу Алексею, сыну царя Алексея“. Этот мальчик родился у царя в прошлом году в этот именно день, т. е. 12 февраля. Московиты и казаки имеют хороший обычай: когда родится младенец мужеского или женского пола, его называют именем святого или святой того дня; а как по греческому часослову в этот день память Мелетия, патриарха антиохийского, у них же память св. Алексия, который был вторым митрополитом в Москве и называется чудотворцем, то царевича назвали его именем. Вот какие были ему подарки: перст Алексия, человека Божия, и немного волос его в серебряном, вызолоченном сосуде, сосуд с миром, пучок ярких свечей, стиракса, мыло благовонное, манна, ладан, фисташки, миндаль, леденцы и платок с золотом. Далее он записал ниже: вот подарки трем сестрам царя: три частицы мощей святых жен: старшей сестре, по имени Ирина, частица мощей св. Анастасии, второй, по имени Анна,

частица мощей св. Марины, третьей, по имени Татьяна, частица мощей св. Февронии мученицы; каждой по сосуду мира и по платку с золотом и часть из вышеупомянутых подарков: стиракса, мыло двух сортов, манна, ладан, фисташки, теревинф, миндаль, леденцы и пр. Подарок каждой был приготовлен отдельно, по старшинству. Затем он записал ниже: вот подарки трем дочерям царя: старшей Евдокии, средней — Марии и маленькой, которой от рождения 15 дней, Анне. Мы приготовили (подарки), также для каждой отдельно, из всех предметов, как означено для сестер царя, ибо таков обычай.

Секретарь записывал не сокращенно, как я, но со многими подробностями, по одиночке, делая это неспешно и спокойно, к нашему большому удивлению. Мы сильно беспокоились по причине таких больших приготовлений и расстановки блюд с подарками, для каждого лица отдельно, пока всевышний Бог не привел этого дела к благополучному концу. Секретарь покончил запись, и мы покрыли все блюда шелковой материей. Мы насчитали 180 блюд, ибо даже миро и ковчежцы с мощами святых мы поставили на блюда для большого почета и уважения. Секретарь ничего не записывал, не увидев собственными глазами, и отставлял (вещи) в сторону одну за другой. Главная причина, почему они так заботливо записывают, та, чтобы ничто не утратилось и чтобы запись сохранилась для будущих веков, дабы об этом вспоминали, говоря: во дни царя Алексия приезжал антиохийский патриарх и поднес ему то-то и то-то и так далее до конца. Каждый царь имеет отдельное казнохранилище, чтобы видели, какие преславные святыни приобретены в его царствование, — ради соперничества с бывшими до него царями: в этом их тщеславие. В пример большой точности и излишне подробного записывания, у них принятого, служит сообщенное нам в настоящее время драгоманами. В этом году прибыл к ним настоятель одного монастыря с Афона; когда его расспрашивали о нем и его монастыре, он сказал: „восемьдесят лет тому назад мы послали такому-то царю частицу мощей такого-то святого“; открыли казнохранилище и записные книги и нашли так, как он сказал. Обрати внимание на эту великую точность! Так поступили и теперь. Нам рассказывали, что они открыли государственные хроники и нашли, что 95 лет тому назад, при царе Иване, коего имя известно в нашей стране, прибыл к ним антиохийский патриарх Иоаким и что с того времени до сих пор никто оттуда не приезжал. По этой причине, говорили нам, богохранимый царь Алексей приказал, что весь тот почет, который был оказан прежнему патриарху, был оказан вдвойне нашему владыке, — все это сделано им по его большой любви и великой вере к нему. Известно, что александрийский патриарх, а также иерусалимский и константинопольский приезжали несколько раз, но антиохийский патриарх из арабов с того времени к ним не приезжал.

Возвращаемся. Когда секретарь кончил и положил каждый предмет на свое место, мы дали ему подарок и он ушел.

Глава V. Москва. — Торжественный прием патриарха Макария царем. Свидание его с патриархом Никоном.

Вечером, накануне понедельника, визирь прислал к нашему учителю переводчика, т. е. великого драгомана, который сказал: „визирь кланяется твоей святости, приветствует тебя и сообщает тебе радостную весть“. При этом наш владыка патриарх встал, по обыкновению, и пожелал ему от Бога всяких благ. Переводчик продолжал: „и уведомляет тебя, что благополучный, богохранимый царь самодержец кланяется твоей святости, спрашивает о твоем здоровьи и благополучии и просит, чтобы ты приготовился для свидания с ним завтра“. Тогда наш учитель воздал благодарение Всевышнему Богу, сделав земной поклон, и пожелал царю от Бога многих благ. Переводчик удалился. У нас настала великая радость, благодаря многочисленным приятным известиям, кои сообщали нам драгоманы, о любви царя к нашему учителю, которая оправдалась на деле, ибо обыкновенно, по приезде патриархов в Москву, они имеют свидание с царем только спустя две недели времени, что было с кир Паисием иерусалимским и кир Афанасием Пателярием, низложенным (патриархом) константинопольским, наш же учитель (был принят) на третий день. Благодарим Всевышнего Бога, который утешил нас, воззрил на нас и расположил сердце царя любовью к нашему учителю и милостью к нам.

В понедельник утром, 12 февраля, когда бывает память св. Мелетия, патриарха антиохийского, — обрати внимание на это совпадение! — могущественный царь благоволил иметь свидание с отцом кир Макарием, патриархом антиохийским. Да будет благословен Бог! Он прислал к нему рано утром царские сани. Так как в этот день, как мы упомянули, приходится также память св. Алексия чудотворца, второго митрополита, бывшего в Москве, коего монастырь по близости от нас и патриарших палат, и в нем почивают его мощи, к которым мы потом прикладывались, а у них память этих двух святых в великом почете, рождение же царевича, сына царя, как мы упомянули, случилось в этот самый день в прошлом году, то он сделался праздником втройне, ибо у царя был большой сын, по имени Димитрий, скончавшийся несколько времени тому назад, и потому рождению этого сына чрезвычайно обрадовались. У московитов, от царя до простолюдина, есть обычай, что они отмечают день рождения своих детей и ежегодно в этот день устраивают большой пир. Со всем этим совпало прибытие патриарха антиохийского и приглашение его именно в этот день для свидания с царем. Все радовались, в особенности же мы; и как нам было не радоваться, когда мы целых три года со днем, со времени нашего выезда из Дамаска, стремились узреть светлое лицо царя, сына царя, коего благодеяния и добродетели вознеслись превыше Плеяд и тверди небесной. Мы почувствовали облегчение от утомления, забот и всех злополучий, но находились в большом страхе и трепете, да и не могло быть иначе: если мы, представляясь Василию, господарю Молдавии, чувствовали трепет и почтительный страх, что же теперь, при свидании с могущественным царем, коего слава разнеслась повсюду, у коего многие слуги его слуг достоинством и именем важнее Василия!

Возвращаемся. С раннего утра зазвонили в колокола патриархии и в большой, и патриарх Никон отправился служить обедню для царя в упомянутый монастырь в честь св. Алексия. Пришел опять грамматикос, т. е. упомянутый секретарь, имея в руках записную книгу, и привел с собою сто стрельцов в красном одеянии для несения блюд. Он вызывал их внутрь дома по десяти и, читая по книге: во первых, икона такая-то, отдавал ее одному из стрельцов нести; далее читал: ковчежец с древом Креста, миро, Евангелие,

панагия с частицей мощей Иоанна Крестителя, пук ярких свечей, стиракса, ладан, манна, мыло мускусное, мыло благовонное и алеппское, финики, финиковые ветви, фисташки, кассия. Был у нас сосуд с душистою водой, которая замерзла в сосуде и стала, как камень; хрустальный сосуд треснул пополам, а вода осталась, стоя как кусок камня, к удивлению смотрящих. Далее: белая шерстяная материя и четыре платка с золотом. Когда кончено было с подарками царя, мы покрыли их, и секретарь, выслав стрельцов во двор, привел других, пока не покончил со всем, действуя спокойно, по правилам и по порядку, называя по записной книге каждый предмет отдельно, при чем осматривал его вторично, — все это приводило нас в изумление. Все стрельцы устанавливались в ряд на площадке двора.

Царь, выйдя от обедни и воссев во дворце, именно в палате, назначенной для приема патриархов, послал с приглашением к нашему владыке патриарху трех важных сановников из князей, из коих один — судья судей, второй — великий стольник, т. е. начальник чинов царского стола, третий — хиямджи-баши, т. е. имеющий попечение о царских палатках. При входе их в келью, наш учитель, обратившись к иконам, пропел тихим голосом „Достойно есть“, по обычаю их архиереев, когда к ним кто-нибудь приходит. Они поклонились ему до земли, а он благословил их настоящим московским благословением, то есть, на чело и плечи. Первый из них подошел и сказал — а драгоман, тут стоявший, переводил: „благополучный царь, величайший среди царей, автократор, то есть самодержец, всех стран Великой и Малой России, Алексей Михайлович, кланяется твоей святости и приглашает твое блаженство, святой отец, кор кор Макарий, патриарх великого града Божия Антиохии и стран Киликии, Иверии, Сирии, Аравии и всего Востока, чтобы ты благословил его и оказал ему честь своим посещением. Он спрашивает о твоем здоровья и благополучии“. Наш учитель, воздев руки к небу, помолился, как подобает, за царя, с земным поклоном, и выразил много благожеланий. Обыкновенно, когда приходит кто-либо из сановников царских, архиерей встает, равно встает всякий раз, как упоминают имя царя и когда он присылает ему стол. Другие два сановника также подошли и сказали то же. Наш владыка с утра был одет в мантию. Поддерживая его под руки, они спустились с ним во двор и посадили его в царские сани, убранные дорогими коврами, указав ему со всею точностью принятый порядок. У правого их угла стал, держась за них, архимандрит, а у левого архидиакон; один из служителей шел впереди с посохом Стрельцы, неся подарки, предшествовали длинным рядом, один за другим. Когда мы выехали из монастырских ворот, оказалось, что от самых ворот до царского дворца стояли в ряд с обеих сторон стрельцы, каждый со знаменем в руке, как это принято при встрече патриарха и важного посла от кого-либо из государей. Наш владыка патриарх благословлял их, а они ему кланялись, пока мы не поровнялись с великою церковью; тут владыка помолился на икону Владычицы, что над ее дверьми. Когда же приблизилась к церкви Благовещения, которая имеет девять куполов, блестящих густою позолотой, то здесь его высадили, а царь в то время смотрел из окон дивана (приемной палаты), кои выходят на эту площадку и это место. Владыку, который имел в правой руке посох, повели, поддерживая под руки, вверх по лестнице, находящейся в чудесной галерее этой церкви. По обыкновению, он помолился на церковь. Его встретили три визиря, поклонились ему и сказали то же, что говорили первые, взяли его под руки, и когда поднялись с ним по лестнице дивана, его встретили еще три визиря и сделали то же. Когда он приблизился к внутренним дверям дивана, оттуда вышли три самых важных визиря, встретили его и ввели во дворец. Тут вышли ему навстречу все бояре, министры и приближенные царя. Привратники у дверей взяли его посох. Когда он вошел, а мы за ним, и приблизился к высокому трону царя, то, обратившись к иконе, которая над ним находилась, пропел

„Достойно есть“ едва слышным голосом, как учили его драгоманы, сделал поклон перед ней и затем поклонился царю, который, сойдя с трона, встретил его с непокрытою головой и поклонился ему до земли. Когда он встал, наш владыка патриарх благословил его по-московски, на чело, грудь и плечи и поцеловал его, по обычаю, в плечо; царь же поцеловал владыку в голову и облобызал его правую руку. Оба продолжали стоять. Царь спросил его чрез переводчика: „хвала Богу за благополучный твой приезд! как ты себя чувствуешь? как ты совершил путь? как твое здоровье?“ Наш владыка патриарх, как подобает, радостно пожелал ему от Бога многих благ, и царь пригласил его сесть. Владыка сел близ тропа на кресло. Царь же взошел и сел па троп и начал беседу чрез переводчика, расспрашивая о том и о другом. Все вельможи в одеждах, осыпанных золотом, жемчугом и драгоценными каменьями, стояли кругом палаты с непокрытою головой, ибо царь был также с непокрытою головой. Обыкновенно, в присутствии архиерея, он постоянно остается с открытою головой: как же им быть иначе? Нами в тот час овладел великий страх и трепет. Венец царя, похожий на высокий колпак, весь украшенный крупным жемчугом и драгоценными каменьями, держал один из приближенных вместе с его черною тростью, которая походит на монашеский посох, — я полагаю, что это скипетр царства. Его верхнее одеяние, похожее на саккос, было из желтой тяжелой венецианской парчи и кругом, но подолу, прорезам, на груди, воротнике и обшлагах обшито золотом и великолепными драгоценными каменьями, ослепляющими взоры.

Когда царь воссел на трон, один из его приближенных подошел и, приподняв, стал поддерживать его правую руку, а министр пригласил нас поклониться царю и целовать его десницу. Мы шли один за другим, по порядку, кланялись издали, подходили, целовали его правую руку и возвращались, сделав поклон вторично; (так продолжалось,) пока мы не ввели всех своих служителей. Греки называют этот прием φίλημα χέρι „целованием руки“. Всякий, кто целует теперь руку царя, получает от него подарок, смотря по своему положению: если он настоятель монастыря, то получает сорок соболей, камку и милостыню; если диакон, монах или их родственник, то сорок куниц или милостыню. По этой причине с нами вошли все архимандриты, наши спутники, со своею свитой и целовали руку царя после нас. Всякий, кто приезжает в течение года к царю за помощью, архимандриты, монахи, бедняки, даже архиереи, ждут до того дня, когда прибудет патриарх, архиепископ или важный посланник от кого-либо из государей и царь пригласит его к целованию своей руки и свиданию: тогда эти люди входят вслед за ним.

Нам рассказывали, что отец теперешнего царя, в Бозе почивший Михаил, сын Феодора, когда приезжал к нему посол от турок и на приеме целовал полу его одежды, клал, в знак дружбы, правую свою руку на голову посла, и лишь только этот уходил, приносили воду и мыло, и царь умывал руки, полагая, что они осквернились от прикосновения к голове посла. Посмотри на эту набожность и верование! Нам рассказывали также, что в старину, когда к московитам приезжал архиерей или патриарх из греческих земель, они не допускали его к служению в своих церквах, полагая, что он осквернился от турок; а также, когда приезжали греческие купцы, их совсем не пускали в церкви, дабы они не осквернили их, будучи сами осквернеными. Ежели кто из них оставался во имя царя[379], женился и делался драгоманом, то священники ставили его, в течение 40 дней, вне церкви, в положении оглашенного, затем его помазывали миром и по прочтении молитв вводили в церковь, полагая, что он очистился. Впрочем, с того времени как к ним приезжали Иеремия, патриарх константинопольский, Феофан иерусалимский и другие и имели с ними общение, они привыкли к иностранцам; но и до сих пор, когда приедет посол от турок или от франков, его вводят в приемную палату не но лестнице церкви Благовещения, а чрез

наружную дверь, что на средине дворцовой площадки, ибо в деле веры они держат себя весьма далеко от иностранцев, чему мы видали с их стороны удивительные примеры.

Возвращаемся. Архимандриты, поцеловав руку царя, вынули грамоты от своих монастырей или удостоверение от одного из патриархов на имя царя, если таковое имелось, в том, что они достойные люди. Визирь принял их письма и отдал переводчику перевести их на русский язык, для прочтения царю. При нашем учителе были письма от патриарха иерусалимского и его соименника, кир Паисия Константинопольского, как рекомендация и правдивое о нем свидетельство. Он передал их царю, который, вставши, принял их правою рукой и поцеловал. При этом царь сказал ему: „о, батюшка! т. е. о, отец мой! ради тебя я прибыл, чтобы свидеться с тобой и получить твое благословение, ибо давно уже слышал о твоем приезде ко мне и сильно желал лицезреть тебя. Я знаю твою святость и прошу тебя всегда взывать к Богу и молиться за меня“. Наш учитель отвечал: „я человек грешный, но Бог да даст тебе по сердцу твоему и по вере твоей и да исполнит все твои надежды! да дарует тебе победу, как даровал ее великому Константину и да сделает имя твое, вместо автократор, монократор, как именуется он! да наделит тебя наследством его престола во век!“ Услышав эти слова от него, царь был чрезвычайно радостен и, поклонившись ему, поцеловал его десницу вторично. В то время как оба они стояли, ввели внутрь дворца стрельцов, которые несли подарки. Они стали в ряд. Министр подошел и начал брать блюда одно за другим и передавать нашему владыке патриарху, а он вручал их царю. Принимая блюда, царь всякий раз целовал его десницу и то, что было на блюде, и отдавал его казнохранителю, стоявшему справа от него, чтобы он расставлял блюда на окнах. Великий дефтердар, держа в руке записную книгу, читал громким голосом: „патриарх кир Макарий Антиохийский подносит царю то-то и то-то“. Когда царь брал от него блюдо, тот называл, что лежало на нем, не спрашивая нашего учителя. Обрати внимание на эту точность! Царь спросил у нашего учителя только о фисташках, ладане и манне, ибо русские, как мы упомянули, их не знают; он понюхал фисташки и, удивляясь им, сказал: „какая это благословенная страна, Антиохия, что растут в ней подобные плоды!“ Когда министр покончил с подарками царя, приняв все блюда до последнего, царь обратился к казнохранителю и приказал ему поставить их отдельно на одном из окон.

Затем дефтердар начал читать: „и подносит он славной царице, княгине Марии, то-то и то-то“, причем министр передавал подарки нашему учителю, а этот царю, пока не кончились. Царь велел казнохранителю поставить их на другом окне.

Потом дефтердар читал: „подносит царю (царевичу?) Алексею — ибо так его всегда называют — то-то и то-то“, пока не кончил. Царь приказал казнохранителю поставить подарки в другое место, отдельно, чтобы не смешались.

Далее он читал: „и подносит семейству царя: дочери царя Михаила, княжне[380] Ирине, то-то и то-то, дочери царя, княжне Анне Михаиловне, то-то и то-то и дочери царя, княжне Татьяне Михаиловне, то-то и то-то“. Когда он кончил, царь приказал поставить подарки каждой отдельно.

Затем он читал: „подносит дочери царя, княжне Евдокии Алексеевне, то-то и то-то, дочери царя, княжне Марфе Алексеевне, и дочери царя, княжне Анне Алексеевне, то-то и то-то“, пока не кончил всего. Читал он очень громким голосом.

Царь пошел, все осмотрел, отодвинул в сторону подарки каждого и, вернувшись, благодарил нашего учителя и поклонился ему. Наш учитель отвечал поклоном и сказал: „не взыщи на нас, славный государь! страна наша очень далека, и уже три года, как мы выехали из нашего престола. Твое царство велико: прими это малое за большое“. Услышав такие слова, что он в отсутствии три года, царь сильно изумился и начал много утешать его и

хвалить его подарки, сказав: „по истине, они в моих глазах стоят многих сокровищ».

Наш учитель говорил с драгоманом на греческом языке, ибо, как мы упомянули, мы хорошо научились ему в то время, когда находились в обществе людей этого языка. То была нам великая милость от Бога, ибо здесь совсем не терпят турецкой речи и слышать ее не могут, думая, что осквернится их слух. Все драгоманы предостерегали нашего учителя, чтобы он отнюдь не говорил по-турецки. Разговаривая с драгоманом, он несколько запинался, ибо греки говорят быстро, а мы, хотя и научились их языку, не в состоянии говорить на нем так же бегло, как они, так как язык у них очень подвижен. Царь спросил драгомана: „почему патриарх не говорит быстро?“ Тот отвечал: „потому что он стал обучаться этому языку недавно, но он знает турецкий язык и, если царю угодно, будет говорить на нем». Царь сказал: „нет, нет! Боже сохрани, чтобы такой святой муж осквернил свои уста и язык этой нечистой речью!» Ненависть их к туркам очень велика. При вратах царя есть семьдесят переводчиков, знающих все языки, но арабского не знают. Бог оказал нам милость знанием греческого языка, иначе мы попали бы в большое затруднение.

Возвращаемся. Драгоман сделал знак нашему учителю; он поднялся, подошел и, став против иконы, помолился на нее, потом поклонился царю, который также сделал ему поклон ,и попрощался с ним. После того как он благословил царя вторично, этот взял его под руку и проводил почти до дверей, где и простился с ном. Царь послал всех своих сановников проводить его за выходную дверь, так что все присутствовавшие были изумлены этим почетом. Драгоманы говорили нам потом, что почет, оказанный царем в этот день патриарху антиохийскому, никогда не был оказан им другому патриарху. Обыкновенно, когда патриарх приезжает в Москву, то лишь через неделю или две царь его принимает; во-вторых, принимая патриарха кир Папеия иерусалимского, царь сошел до последней, третьей ступеньки трона и приветствовал его; теперь же встретил нашего владыку, отойдя (от трона) на довольно значительное расстояние; когда первый подносил ему подарки, царь взял от него только святыни и, взойдя, сел на трон, остальные же вещи принимали служители; в третьих, простившись с тем, царь не провожал его, как нашего учителя, поддерживая под руку, почти до дверей; в четвертых, он послал всех своих бояр проводить нашего владыку за двери дивана; они возвратились, после того как он всех их благословил; в пятых, после того как усадили его в сани, царь послал с ним сановников отвести его к патриарху для свидания с ним теперь же; а принято, что спустя три дня после свидания с царем патриарх посылает ему чолофита (челобитную), т.-е. прошение, с просьбой разрешить ему поехать к патриарху, и царь посылает последнему приказание изготовиться для его встречи; нашего же учителя он отправил теперь, сам послав дать знать патриарху. Однако, патриарх иерусалимский имел с собою 35 человек: большое число архимандритов, диаконов и монахов, служителей при лошадях, родственников: двух племянников, от сестры и от брата, и брата, и архоитов, кои раньше были греческими купцами, с которых он взял, сколько хотел, чтобы сделать их архонтами. В характере греков крайняя любовь к величию и пышности, ибо, получив со всех, патриарх составил из них несколько групп, записавши одного архимандрита, диакона и келаря голгофскими, других — вифлеемскими, иных — от св. Михаила, иных — от св. Саввы, иных — из Крестного монастыря — все с тою целью, чтобы быть окруженным многочисленною свитой, главным же образом из-за большой выгоды, которая доставалась ему от них в начале и в конце (при отъезде), потому что, какую бы милостыню они ни получили лично для себя или для своих монастырей, патриарх распоряжается ею, как пожелает. Так, купцы, коих он сделал архонтами, обыкновенно получают милостыню от царя соболями и деньгами, а

патриарх брал ее себе, с их согласия. Таким же образом поступали Ителярий и большинство греческих архиереев, кои непременно записывают при себе родственников, ради выгод себе и им, называя их по-гречески ἀνεφιο᾽ ς, а по-русски бляманик (племянник).

Возвращаемся. Когда наш владыка патриарх приблизился к первой лестнице патриарших палат, его встретили два главных архимандрита, поклонились ему до земли и сказали, читая по имевшейся у них бумаге: „отец святой, блаженнейший и владыка кир кир Макарий, патриарх великого града Божьего Антиохии и стран Киликии, Иверии, Сирии, Аравии и всего Востока! брат твой и соучастник в божественных таинствах, господин кир Никон, архиепископ града Москвы и патриарх всех стран Великой и Малой России, послал нас, архимандритов монастыря такого-то в такой-то области и монастыря такого-то в такой-то области, встретить твою святость, по слову Господа нашего Христа в Его святом Евангелии: „кто принимает вас, принимает Меня“, и они опять поклонились ему до земли. Читали они по-русски, а драгоман переводил слово в слово на греческий. Наш владыка патриарх выразил подобающие благожелания и благословил их. Они взяли его под руки, вместо бояр, и повели наверх. Когда он дошел до второй лестницы, его встретили два другие архимандрита, которые, сказав и сделав то же, взяли его под руки. При входе нашем во внешнюю часть палат, где находится третья лестница, вышел патриарх Никон, одетый в мантию из зеленого рытого, узорчатого бархата, со скрижалями из красного бархата, на коих в средине изображение херувима из золота и жемчуга, и с источниками из белого галуна с красною полоской в середине. На голове его был белый клобук из камки, верхушка которого имела вид золотого купола с крестом из жемчуга и драгоценных каменьев. Над его глазами было изображение херувима с жемчугом; воскрилия клобука спускались вниз и также были украшены золотом и драгоценными каменьями. В правой руке он держал посох. Он встретил нашего учителя с великим почетом, сказав: „отец святой, блаженнейший, владыка кир Макарий, патриарх великого града Божьего Антиохии и стран Киликии, Иверии, Сирии, Аравии и всего Востока! Твоя святость уподобляется Господу Христу, а я подобен Закхею, который, будучи мал ростом и домогаясь увидеть Христа, взлез на сикомору, чтобы видеть Его; так и я, грешный, вышел теперь, чтобы лицезреть твою святость“. Драгоман переводил его речь на греческий слово в слово. Затем он облобызался с нашим владыкой и повел его во внутрь своих палат, весь пол которых был устлан большими коврами. Оба они подошли, по обычаю, к иконостасу, который всегда ставится над головой патриарха. Свечи горели. Они пропели „Достойно есть“, сделали земной поклон и поклонились друг другу. Затем патриарх Никон снял свой клобук и просил нашего владыку патриарха благословить его. С трудом, после многих отказов, он благословил его на чело, грудь и плечи, по их обычаю, и они сели беседовать чрез драгомана. Потом он встал и пошел во внутренние покои, где снял свою зеленую мантию и надел другую, всегдашнюю, из рытого узорчатого бархата фиолетового цвета и белый, также всегдашний, клобук с одним вышитым из золота херувимом на челе, снял зеленое бархатное одеяние и надел красное бархатное, по их обычаю, и вышел. В это время подходили все бывшие у него настоятели монастырей, протопопы, священники и дьяконы большие и маленькие (анагпосты) и все его бояре и кланялись нашему владыке патриарху, а он их благословлял. Все стояли, по своему обычаю, с непокрытою головой, как стоят постоянно бояре и народ пред священниками, а священники перед патриархом и архиереем, равно и в церкви.

Глава VI. Москва. — Архиепископ сербский. Угощение патриарха Макария за царским столом.

По выходе нашего владыки патриарха от царя, был приглашен архиепископ сербский, который называл себя также патриархом и о котором мы упоминали в рассказе о Путивле, что он прибыл из Валахии с большим триумфом и путивльский воевода отправил его внутрь страны. Главная его цель была застать царя раньше отъезда его в поход, но застать ему не удалось. Когда он проехал Калугу, министры, наместники царские, послали вернуть его назад на расстоянии трехдневного пути, к большому позору его, говоря; „издревле мы не слыхивали, чтобы во вселенной был патриарх кроме четырех на Востоке и нашего, поставленного с их дозволения: это первая причина, вторая — та, что царь в отсутствии, а потому возвращайся назад; когда же он прибудет, приезжай“. Услышав это, он, в виду испытанной им неудачи, стал бить себя по лицу, плакать и рыдать о своем положении; но как сербы, болгары, казаки и московиты имеют одну и ту же письменность и языки их сходны, — разница между ними небольшая — он написал послание патриарху, умоляя его дозволить ему остаться во имя царя на всю жизнь. Здесь существует обычай, что даже убийца, если скажет это слово, избавляется (от казни) Поэтому послали вернуть его. При свидании его с патриархом, последний сильно бранил его и запретил ему даже произносить своими устами слово патриарх. Тот кланялся ему, просил прощения и остался жить во имя даря. Под конец, ученикам его надоело пребывание здесь, ибо жизнь московитов очень стеснена и никто (из чужестранцев) не в состоянии переносить ее стеснений: человек видит себя постоянно как бы в тюрьме, ибо если кто проступптся в чем — либо или напьется пьян, то подвергается всяческим унижениям, а под конец заточению. Поэтому даже все купцы, хотя бы кто из них был славой своего века, даже персидские, живут в страхе Божием и смирении.

Возвращаемся. После того как этот важный господин был допущен к руке царя, он явился также к патриарху Никону, поклонился обоим патриархам, и они благословили его, по обычаю. В это время царь прислал одного из своих придворных пригласить обоих патриархов вместе к его царскому столу, довершив этим меру великого почета, оказанного им в этот день нашему учителю, — да продлит Господь его царство во век! — ибо, обыкновенно, после допущения патриарха к руке и возвращения его к себе домой, царь посылает ему со своего стола кушанье и напитки, но теперь он пригласил его сесть с ним за его трапезу: это большой почет и великая честь.

Оба патриарха вместе пришли в другую, большую деревянную палату, где были расставлены кругом столы. Благополучный царь сидел на переднем месте и перед ним стоял большой стол, весь покрытый серебром. При входе их, он встал, снял свою корону и встретил их поклоном. Они благословили его и пропели „Достойно есть“ перед иконами, которые были над его головой, сделав земной поклон вместе со всеми присутствовавшими. Слуги приняли от них посохи и, став в отдалении, держали их приподнятыми. Московский патриарх сел по левую руку царя и рядом с ним патриарх антиохийский. Стольники, т . е. служащие за столом, поставили перед царем и обоими патриархами серебряные тарелки с тремя такими же кубками. Министров и приближенных царя посадили за длинным столом, и каждый из них, прежде чем сесть, подходил, кланялся до земли царю, шел и садился. Все они находились с левой стороны нашего владыки патриарха. Архиепископа сербского, вместе с архиепископом рязанским, и архимандритов посадили направо от царя за дальним столом. Мы же, с прочими настоятелями монастырей, священниками и

монахами, сели за столами, расставленными рядами посредине, и прежде чем сесть, кланялись царю издали. Затем оба патриарха встали, прочли молитву над трапезой и благословили царя и стол. Стольники стали подносить царю большие продолговатые хлебы, которые он рассылал для раздачи всем присутствовавшим: сначала патриархам, которые при этом кланялись ему, потом всем своим вельможам, из коих каждый вставал с своего места и кланялся ему издали, пока наконец не прислал и нам. Таков у него обычай за столом. Смысл его такой: „всякого, кто ест этот мой хлеб и изменит мне, оставит Бог». Первое, что все вкусили, был этот хлеб с икрой.

Затем царь встал и подал каждому из патриархов по три кубка вместе. Они поклонились ему и поставили их перед собою. Он рассылал их также всем своим боярам. Стольник, который брал от него кубки, выкрикивал издали громким голосом имя того, кому хотел передать, говоря: „Борис Иванович!“ — это, именно, главный министр царя — причем называл его имя и имя его отца, ибо таков обычай в этой стране, что никого, ни мужчину, ни женщину, не называют иначе как по имени с прибавлением имени отца, говоря: такой-то, сын такого-то, пли такая-то, дочь такого-то. Столовые в этой стране, которые называют палатами, бывают четырехъугольные с одним только столбом посредине, будет ли строение из камня или строганого дерева. Вокруг столба имеются полки, в виде ступенек, одна над другой, покрытые материями. На каждую ступень ставят серебряные вызолоченные кубки разных видов и форм, большие и малые, и чаши восьмигранные, круглые и продолговатые, как корабль. При каждом обнесении, присутствующих потчуют из новой посуды.

Стольники, т. е. чашнигиры[381], и матарджи (?), т. е. шарабдары (виночерпии), числом двести, триста человек, все бояре и аги и носят красивую одежду, грудь которой убрана, по их обычаю, шнурами из крупного жемчуга, драгоценных каменьев и золота. Они хорошо заметны, ибо их верхнее суконное платье бывает цвета голубой лилии, а колпаки светло-зеленого цвета яри или шелковицы. Они стоят, чтобы всем прислуживать. Каждая группа их назначена для одного рода услуг: одни подносят хлеб, другие — блюда с кушаньем, иные — кубки с напитками. Все подносили они сперва царю, а он рассылал с ними всем присутствующим, даже большие хлебы и блюда с кушаньем: сначала патриархам, йотом своим вельможам, затем архиереям, архимандритам и прочим присутствующим. Все берегли то, что он присылал им, и отсылали домой, как великое благословение с трапезы царя и от его милости. Стольник, взяв блюдо для передачи кому-либо, выкрикивал: „такой-то, сын такого-то! Государь царь Алексей[382], т. е. наш господин царь Алексей, жалует тебя этим от своей милости“. При этом тот вставал, кланялся царю издали и, принимая, целовал хлеб и пищу. Перед царем стояло обыкновенно только одно или два блюда: их меняли каждую минуту. Подаваемые кушанья были разнообразны и все рыбные: в этот день мясо вовсе не подавалось за столом царя, по монастырскому уставу, словно он был настоящий монах. Мы видели еще того удивительнее — вещь, приведшую нас в изумление. Это была неделя пред мясопустом; смотри же, что произошло теперь! после того как оба патриарха прочли застольную молитву, явился один из маленьких дьяконов (анагностов) и, поставив посредине аналой с большою книгой, начал читать очень громким голосом житие св. Алексия, коего память празднуется в этот день, и читал с начала трапезы до конца ее, по монастырскому уставу, так что мы были крайне удивлены: нам казалось, что мы в монастыре. Какие это порядки, коих мы были очевидцами! и какой это благословенный день, в который мы лице зрели сего святейшего царя, своим образом жизни и смирением превзошедшего подвижников! О, благополучный царь! Что это ты совершил сегодня и совершаешь всегда? Монах ты или подвижник? Сказать-ли, из уважения к патриархам ты

не велел подавать за своим столом мясных блюд на этой неделе пред мясопустом? Что это совершил ты, чего не делают и в монастырях? Чтец читает из Патерика, певчие время от времени поют перед тобою. Бог всевышний да хранит твое царство и твои дни! да покорит под ноги твои врагов твоих за это смирение и прекрасное имя, которое ты приобрел в своей жизни! Какое сравнение с трапезой Василия и Матвея, кои не стоят быть твоими слугами, — трапезой с барабанами, флейтами, бубнами, рожками, песнями ту рок! какое сравнение с их обычаем сидеть на переднем месте на высоких креслах, а патриарха сажать ниже, направо от себя! За правосудие и справедливость Бог даровал тебе царство и приумножил, ибо, куда бы ты ни пошел, победа идет перед тобою и твоими воинами. Если Господь наш — да будет прославлено имя Его! — не дал бы победы тебе, то кому же Он дарует ее? тебе, превзошедшему отшельников-пустынножителей своим образом жизни и неизменным постоянством в бдениях. И не только это он сделал, но из уважения к патриархам оставался с непокрытою головой от начала трапезы до конца ее в такой сильный холод и треску чий мороз. Он ел мало, но был занят беседою с патриархом Никоном и неоднократно всматривался в нашего учителя, которому много услуживал яствами и питьем, ибо возымел к нему большую любовь, чему мы были теперь очевидцами.

Первое, что подавали нам пить виночерпии, было критское вино, чудесного красного цвета и отличного вкуса, затем вишневую воду и мед разных сортов. Что касается видов кушанья, то подавали приготовленные из рыбы блюда наподобие начиненных барашков, ибо, но изобилию рыбы в этой стране, делают из нее разные сорта и виды кушаньев, как мы об этом слышали давно. Выбирают из нее все кости и бьют ее в ступках, пока она не сделается как тесто, потом начиняют луком и шафраном в изобилии, кладут в деревянные формы в виде барашков и гусей[383] и жарят в постном масле на очень глубоких, в роде колодцев, противнях, чтобы она прожарилась насквозь, подают и разрезают на подобие кусков курдюка. Вкус ее превосходный: кто не знает, примет за настоящее ягнячье мясо. Также есть у них много кушаньев из теста, начиненного сыром и жареного в масле, разных форм: продолговатые, круглые, как клецки, лепешки и пр. Еще есть у них обыкновенные короны из хлеба, начиненные маленькими, как червяки, рыбами и жареные.

Все эти кушанья подносили стольники: сорок, пятьдесят из них вместе бегом входили с блюдами разных видов кушанья, которые царь рассылал с ними присутствующим, (что продолжалось) от начала до конца трапезы, так что мы много печалились, видя их усталость, ибо они стояли на ногах с начала до конца; но еще больше мы жалели царя, который совсем ничего не ел. Переводчик и другие толмачи также стояли на ногах перед царем вдали; когда он желал спросить о чем-либо нашего владыку патриарха, они передавали его слова и сообщали ответ. У того стола, на котором было размещено множество кубков, стояли бояре, и один из них вместе со служителями наполнял беспрестанно сосуды, кои разносили присутствующим.

Так продолжалось от послеполудня почти до полуночи, так что нам стало невмоготу. Затем царь встал и стольники начали подносить ему серебряные кубки с вином; сначала он подал их патриархам, которые выразили ему свои благопожелания, певчие же пропели ему многолетие; потом раздавал их всем присутствующим собственноручно, каждому по кубку, ибо эта круговая чаша за его здоровье и выпивают ее в знак любви к нему. Один из ближних вельмож стоял подле него, поддерживая его правую руку. Всякий подходивший к царю сначала кланялся ему до земли издали, затем приближался, целовал его руку и, приняв чашу, возвращался назад и выпивал ее, потом кланялся ему вторично и уходил. Так шло до последнего. Вместе с ними подходили и мы. Затем патриарх вторично выразил свои благожелания и певчие пропели многолетие царице и ее сыну Алексею. Царь опять раздавал

собственноручно всем присутствующим до последнего другие кубки. Потом, по его приказанию, певчие пропели многолетие патриарху московскому, кир Никону, и царь, сначала выпив его здравицу, также раздавал вино всем присутствующим. Затем, по его приказанию, пропели многолетие патриарху антиохийскому и всем боярам, и была выпита четвертая круговая чаша, которую раздавал патриарх собственноручно, причем архидиакон поддерживал его правую руку.

При первом обнесении подавали царю чудесную вызолоченную чашу, из которой сначала он пил сам, а потом давал пить обоим патриархам. Царь продолжал стоять до тех пор, пока не дал пить всем присутствующим. Если он хотел дать приказание служителю, то подходил сам и говорил ему, так что мы дивились его необычайному смирению. Да продлит Бог его царство во век!

Лишь около полуночи, по благости всевышнего Бога, царь встал из-за стола. Оба патриарха прочли молитву. Протопоп со своими товарищами-священниками и протодиакон с товарищами вышли на средину, неся Панагию в чудесном серебряном вызолоченном сосуде с ангелами кругом, поддерживающими красивое блюдо, на котором лежала Панагия. Совершили над ней обычные молитвы и все получили от нее частицу, после того как архидиакон окадил присутствующих из венцеобразной кадильницы с ручкой.

По прочтении послеобеденной молитвы, принесли сосуды и собрали в них куски, по монастырскому обычаю. Затем царь простился с нашим владыкой патриархом, сделав ему поклон, а он его благословил. Царь назначил с ним своих бояр с большими свечами проводить до нашего монастыря; все же министры и вельможи провожали его за ворота. Бедные стрельцы, расставленные рядами по дороге, все еще стояли со знаменами в руках на таком холоде, на снегу, при сильном морозе, пока не проехал мимо них наш владыка патриарх; тогда они ушли. Мы едва верили, что прибыли в свой монастырь, ибо погибали от усталости, стояния и холода. Но каково было положение царя, который оставался на ногах непрерывно около четырех часов с непокрытою головой, пока не роздал всем присутствующим четыре круговые чаши! Да продлит Бог его дни и да возвысит его знамена славой и победой! Не довольно было ему этого: в минуту нашего прибытия в монастырь ударили в колокола и царь и его бояре с патриархом пошли в собор, где слушали вечерню и утреню, и вышли только на заре, ибо было совершено большое бдение. Какая твердость и какая выносливость! Наши умы были поражены изумлением при виде таких порядков, от которых поседели бы и младенцы.

О, ты, читающий это описание, мною составленное, помолись за меня, немощного раба Павла, по званию архидиакона, да простит мои согрешения Тот, Кто облегчил мне (труд) и открыл способности моего ума, так что разум мой расширился и я написал все это повествование, составление и изложение которого были бы многом не по силам! Я утруждал свои глаза, мысль и чувства, прилагал большия старания и много потрудился, пока не извлек его из черновых тетрадей по истечении года от написания их. Все мое желание в том состоит, чтобы при жизни соорудить себе памятник, дабы впоследствии нашелся кто-нибудь, кто бы сказал: „да помилует его Бог!“ подобно тому, как мы всегда испрашивали милости Божией почившему митрополиту Иса (Иисусу), который сопутствовал патриарху Дау[384], когда тот приезжал в эти страны, — испрашивали всякий раз, как читали его поэму. Но могу сказать, что я, бедный, много превзошел его описание, ибо он составил едва одну тетрадь, а я написал большую книгу. Слава и благодарение всевышнему Богу! Молим Его, да откроет Он очи моего ума и да отдалит срок нашей кончины, чтобы мы могли возвратиться в свою страну и переписать книгу в другой раз. Хотя нам живется здесь как царям, но не сравнится эта жизнь с жизнью среди родных

и друзей: пребывание на чужбине, затянувшись надолго, истерзало наши сердца. Боже, облегчи нам путь, чтобы возвратиться нам в свою страну и возносить Тебе хвалы и благодарения во всю свою жизнь!

Вот что я написал с трудом, утомлением и изнурением, приводя в порядок отдельные листы, о свидании патриарха кир Макария антиохийского с Алексием, царем московским и всех стран русских.

Глава VII. Москва. — Подарки Макария патриарху Никону и московским боярам. Боярские палаты. Постройки в Москве. Обычаи бояр. Церковь московского богача.

Возвращаемся. На другой день после нашего представления царю, мы отправились с подарками для патриарха, в сопровождении своих служителей, которые их несли. Вот их описание: древняя икона, изображающая снятие Господа со креста, ибо в этой стране ничего так не ценят, как древние греческие иконы, к коим они имеют великую веру; затем, сосуд с древним миром и другой с новым, перст архидиакона Стефана, частица мощей св. Антония Великого и немного (источаемого им) мира, посох из черепахи и перламутра, который мы заказали в Константинополе, как советовали нашему учителю митрополиты и патриарх: „твоя святость занимает место апостола Петра, ты имеешь власть дать посох для пасения, кому пожелаешь“; далее, черная пальмовая ветвь с Синая, стиракса, восковые свечи, финики, ладан, мыло благовонное и алеппское, фисташки, леденцы, кассия, шафран, мастика, две банки с имбирным вареньем, шерстяная ангорская материя фиолетового цвета и пояс из черного шелка.

Когда мы вошли к нему, испросив разрешения чрез его бояр и привратников, он встретил нас, помолился на икону и приложился к ней, весьма ей обрадовавшись; под конец он роздал нам, по их обычаю, посеребреные иконы Владычицы вместе с милостыней, благословил всех нас, и мы вышли.

После того мы стали разносить подарки министрам и государственным сановникам, при чем нас сопровождал один из переводчиков. Мы подносили им подарки также на блюдах, покрытых шелковой материей: во-первых, частицу мощей какого-либо святого, затем: миро, яркие свечи, землю из Иерусалима, Вифлеема и с берегов Иордана, частицу от столпа св. Симеона Алеппского, стираксу, финики, ладан, пять шесть кусков благовонного мыла и столько же алеппского — понемногу из всего, что у нас было, ибо они принимают это в виде благословения, порадуются только святыням и древним иконам и насилу брали от нас ангорскую материю, шелковые газские салфетки и мохнатые полотенца из Сарсарлийе (?), так как этого у них много.

Мы могли видеть их только рано поутру. В доме каждого из них есть чудесная, изящная церковь, и каждый тщеславится перед другими ее красотой и наружным и внутренним ее расписанием; при всякой церкви три или четыре священника, кои состоят исключительно при боярине и его семействе, получая от него содержание и одежду. Каждый вельможа ежедневно, в течение всего года, отправляется к царю не раньше, как священник прочтет положенные молитвы, от полунощницы до конца часов, вместе с канонами и девятым часом, а затем отслужит обедню в церкви. У всякого в доме имеется бесчисленное множество икон, украшенных золотом, серебром и драгоценными каменьями, и не только внутри домов, но и за всеми дверями, даже за воротами домов; и это бывает не у одних бояр, но и у крестьян в селах, ибо любовь и вера их к иконам весьма велики. Они зажигают перед каждой иконой по свечке утром и вечером; знатные же люди зажигают не только свечи, но имеют подсвечники с большими медными сосудами наверху, кои наполняют воском и вставляют в них фитили, которые горят ночью и днем в течение долгого времени.

Приходя к вельможам, мы дожидались, пока они не окончат свои моления, ибо службы вычитывают дома перед иконами, литургия же совершается в церкви. Войдя, мы молились,

по их обычаю, на иконы; боярин подходил к архимандриту под благословение, затем кланялся нам, и мы ему. Мы говорили чрез переводчика так: „отец владыка патриарх кир Макарий, патриарх великого града Божьего Антиохии и стран Киликии, Иверии, Сории, Аравии и всего Востока, послал нас передать твоему благородству благословение, привет и молитву и узнать о твоем здоровьи и благополучии“. Выслушав это, он кланялся в землю, ударяя головой, и говорил: „челом бью государю, святейшему патриарху Макарию Антиохийскому“[385], что значит: кланяюсь до земли господину моему, святому Макарию, патриарху Антиохийскому; затем принимал каждое блюдо и целовал его. По окончании (приема) мы молились на иконы вторично, архимандрит опять его благословлял, и мы кланялись ему. Он выходил провожать нас за двери, ибо таков у них обычай, если посетит их почетный иноземец: его встречают за дверьми и пропускают вперед во внутренние покои, в знак того, что он господин в доме; также и при уходе его опять выходят за ним. [Когда давали нам кубок с вином, боярин обыкновенно подавал его нам обеими руками — таков их обычай. Что касается водки, то лишь с трудом нас убеждали выпить ее, так как пить водку зазорно монахам][386]. Больше всего мы дивились их чрезвычайной скромности и смирению перед бедными и их частым молениям с раннего утра до вечера пред всякою встречною иконой. Каждый раз как они увидят издали блестящие кресты церкви, то, хотя бы было десять церквей одна близ другой, они обращаются к каждой и молятся на нее, делая три поклона. Так поступают не только мужчины, но еще более женщины.

Что касается их палат, находящихся в этом городе, то большая часть их новые, из камня и кирпича, и построены по образцу немецких франков, у которых научились теперь строить московиты. Мы дивились на их красоту, украшения, прочность, архитектуру, изящество, множество окон и колонн с резьбой, кои по сторонам окон, на высоту их этажей, как будто они крепости, на их огромные башни, на обильную раскраску разноцветными красками снаружи и внутри: кажется, как будто это действительно куски разноцветного мрамора или тонкая мозаика. Кирпичи в этой стране превосходны, похожи на кирпичи антиохийские по твердости, вескости и красноте, ибо делаются из песку. Московиты весьма искусны в изготовлении их. Кирпич очень дешев, ибо тысяча его стоит один пиастр, и потому большая часть построек возводится из кирпича. Каменщики высекают на нем железными инструментами неописуемо чудесные украшения, не отличающиеся от каменных. Известь у них хорошего качества, прочная, держат крепко, лучше извести алеппской. Окончив кирпичную кладку, белят ее известью, которая пристает к кирпичу весьма крепко и не отпадает в течение сотни лет. Поэтому кирпичное строение не отличается от каменного. Всего удивительнее вот что: вынув кирпич из обжигальной печи, складывают его под открытым небом и прикрывают досками; он остается под дождем и снегом четыре, пять лет, как мы сами видели, причем не подвергается порче и не изменяется.

Все их постройки делаются с известковым раствором, как в нашей стране древние возводили свои сооружения. Известь разводят с водой и кладут в нее просеянный песок, и только; смочив кирпич водой, погружают его в известковый раствор. Когда сложат обе стороны стены на некоторую высоту, заполняют (промежуток) битым кирпичом, на который наливают этот раствор, пока не наполнится; не проходит часа, как все сплочивается друг с другом и становится одним куском. Каменщики могут строить не более шести месяцев в году, с половины апреля, как растает лед, до конца октября.

Обыкновенно, все строения в этом городе скреплены огромными железными связями внутри и снаружи; все двери и окна сделаны также из чистого железа — работа удивительная. Над верхнею площадкой каждой лестницы воздвигают купол на четырех

столбах, с четырьмя арками; в средине каждой арки выступ[387] арочный, утвержденный прямо, с удивительным искусством: обтесывают камень в очень красивую форму и, просверлив его, пропускают сквозь него железный шест с двумя ветвями на концах, заклепывают их и закапчивают стройку над этим камнем, который представляется великим чудом, ибо висит в средине, спускаясь прямо. Эти чудесные постройки, виденные нами в здешнем городе, приводили нас в сильное удивление.

Возвращаемся. Большинство вельмож имеют титул „князь“, значение коего: бей, сын бея, от отцов и дедов. Женщины также называются „княгиня“. У вельмож такое установление, что они, даже наиважнейший между ними, не могут иметь под своею властью у себя в доме более трехсот человек. Когда же царь посылает кого-либо из них в поход, то снаряжает с ним тысячи ратников, сколько пожелает, ибо все распоряжение войском в руках царя. По этой причине среди вельмож вовсе не бывает бунтовщиков. Смотри, какое прекрасное распоряжение! Оттого же, когда мы являлись в жилище кого-либо из министров, то находили при дверях лишь немного людей; также, когда они ходили ежедневно к царю, то за ними следовали лишь двое или трое слуг. Они никогда не собираются друг у друга для совещания, но всякий совет происходит у царя, и если бы он прослышал, что некоторые из них собрались (для совещания), то рассеял бы их всех мечом.

В эту морозную пору вельможи ездили только на больших санях. Они очень тщеславятся шкурами медведей, белых и черных как ночь, которых в этой стране много и которые чрезвычайно велики; мы дивились на огромную величину шкур, часто большую, чем шкура буйвола. Белый мех очень красив, и только вельможи устилают им сани, причем одна половина меха сзади саней, а другая — под седоком. Жены вельмож зимою тщеславятся санями, на которые поставлены кареты со стеклянными окнами, покрытые до земли алым или розовым сукном; летом же они величаются большими каретами. Всего больше они гордятся белыми лошадьми и множеством слуг и невольников, которые идут впереди и сзади. Когда мы, бывало, приходили с подарками к вдовым княгиням, мы также видали у дверей их множество невольников и слуг, привратников и киайей (управляющих).

У богатых вдов в этой стране такой обычай, что когда умирает муж, вдова одевается во все черное, даже колпак и платки ее черного цвета; мало того, обивка мебели и подушки, карета и ее покрывало — все из черного сукна, даже лошади бывают черные. Таков их обычай. Вдова остается в таком положении всю свою жизнь, не снимая с себя черного платья, разве только представится ей случай, и она выйдет замуж. Если она княгиня, то выходит только за князя; если же не случится этого, и она выйдет замуж за другого, то лишается титула княгини; впрочем, ежели у нее есть дети (от первого брака), то не теряет этого титула.

Мы удивлялись на обычаи их детей, на то, что они с малых лет ездят верхом на маленьких лошадках, что у них множество слуг, таких же детей как они; на их отличные познания, понятливость; на то, как они раскланиваются на обе стороны с прохожими, снимая свои колпаки; на то, как хорошо они совершают на себе крестное знамение. Принято, что такие дети, как они, сыновья князей, ходят ежедневно к царю и садятся на тех же местах, где и отцы их, пока не придут в совершенный возраст и не получат отцовской степени. Так мы видели и удостоверились в этом после многих расспросов.

[Знай, что мало есть таких бедняков, которые ходят по этому городу, прося милостыню, ибо царь распределил их между вельможами по известному числу, для получения ежедневного пропитания по спискам; и каждый боярин содержит свое число бедняков. Существует много домов для помещения их и ежедневная выдача от царя и царицы; равно получают ее и заключенные][388].

Знай, что вельможи царя не считают своих владений, как это пронято у нас, по числу деревень, садов я виноградников, ибо в этой стране нет ни садов, ни виноградников; но считают по числу дворов, именно, говорят: такой-то князь имеет три тысячи мужиков[389], т. е. земледельцев, или десять или двадцать тысяч. В деревнях считают только дворы, каждый двор за одного мужчину, а сколько душ в нем, то известно Богу. С каждого мужчины берут оброка два, три пиастра в год и десятую долю овец, свиней, кур, гусей и т. п. Но крестьяне все равно что рабы, ибо для своих господ засевают землю, вспахивая ее своими лошадьми, перевозят ему хлеб на своих арбах, куда он пожелает, и (идут), куда бы он их ни позвал: для перевозки леса, дров, камней и для других подобных работ, для постройки, для службы при их домах и для всего, что ему нужно. Когда кто из бояр обеднеет или умрет, продают этих земледельцев за деньги тому, кто пожелает их купить. Таково у них установление. Угодья монастырские и церковные также бывают с крестьянами.

Когда потомство боярина прекратится и не останется ни одного наследника, то все его имущество переходит к царю, ибо царь наследник всех, как Случилось ныне во время моровой язвы: все жилища, коих обитатели вымерли, поступили во владение царя со всем, что в них было. Большинство богачей перед смертью завещали все свое имущество царю, по великой любви своей к царям, коих они чуть не равняют со Христом. Так поступил и тот значительный купец, который раньше дал царю, пред отправлением его в поход, огромную сумму денег: (завещал ему) свои палаты, с которыми могут сравниться лишь немногие в этом городе, и свою церковь, подобной которой нет даже во дворце царском, как мы удостоверились в этом своими глазами. Войдешь в нее — и все огорчения изгнаны из сердца. Я, убогий, пишущий эти строки, не имею силы описать хотя бы самую малую часть ее красот: ее высоту, возвышенность ее пяти куполов, кои зритель видит со всех сторон, откуда бы ни направил на нее взоры, вне города или внутри его, множество наружных изображений на ней, не говоря о внутренних, блеск обильной позолоты ее окон и дверей, ее разнородные живописные изображения и иконы, (представляющие события) от начала творения до сего времени; превосходный цвет ее мраморного пола, вывезенного строителем из страны немцев; оба клироса, единственные в своем роде, красоту и изящество которых не в силах постичь ни один ум — да и как может быть иначе, когда и их он также вывез из немецкой земли? — множество ее паникадил из желтой золоченой меди. Это не одна церковь, а две: большая — летняя, с мраморным полом, и малая — зимняя, пол которой, чтобы не было холодно ногам молящихся, сделан из деревянных квадратов, которые выпилены из стволов огромных деревьев и ничем не отличаются от каменных плит. Что касается ее галлереи с плитным полом и колокольни, то красота и обширный вид с них неописуемы. И как не быть (этой церкви столь прекрасной), если он, как говорят, потратил на ее сооружение более пятидесяти тысяч динаров (рублей)? Да помилует его Бог и да избавит от мучений адского огня за те добрые дела, кои он оставил миру![390] [Нам говорили, что он платил ежегодно в царскую казну сто тысяч динаров пошлины с товаров, вывозимых им из Европы, Персии и Сибири. В такое время, когда соболя были очень дороги, в его складах находилось, обыкновенно, более тысячи сороков самой высокой цены].

Глава VIII. Москва. — Царская милостыня патриарху Макарию и его спутникам. Приезжие греки и их хитрости.

Возвращаемся. Спустя несколько времени после нашего представления царю, он прислал, по обычаю, нашему владыке париарху подарки, назначенные по росписям: три сорока соболей высшего и низшего достоинства, большой серебряный кубок, бархата фиолетового, бархата синего и еще узорчатого, два куска фиолетового атласа и такой же камки и двести рублей. Это доставил главный переводчик со своими подчиненными. Архимандриту было дано: сорок соболей, камка и пятнадцать рублей; архидиакону вместе с дикеосом[391], второму диакону, он же казначей, и келарю, каждому по сороку куниц, камки и десять рублей; родственникам по сороку куниц только; драгоману четыре аршина простого сукна и два рубля; каждому служителю по две пары соболей, стоимостью более четырех рублей. Но царь выказал чрезвычайную щедрость к нашему учителю относительно стола, ибо его содержание, бывшее прежде двадцать пять копеек, определил во сто, т. е. в рубль, тогда как иерусалимский патриарх получал только пятнадцать копеек. Архимандритам, нашим спутникам, было дано каждому, как φίλημα χέρι (целование руки), по сороку соболей в двадцать рублей ценою и по двенадцати рублей деньгами, а под конец была дана им царская милостыня для их монастырей: по сороку соболей, ценою в сорок пли пятьдесят рублей, смотря по важности монастыря. Если они имели с собою χρυσόβουλλον, т. е. (грамоту) с золотой печатью от царя или его предков, такого содержания, что кто является с нею в Путивль чрез каждые три или шесть лет, того воевода должен пустить к царю без (особого) разрешения, то, по прибытии его и по допущении к руке царя, последний дает ему милостыню для его монастыря, назначенную в хрисовулле. [Многие монастыри, пользующиеся прочною славой, весьма любимы русскими; таков монастырь горы Синайской, имеющий хрисовулл], который монахи привозят в конце каждого трехлетия и получают свою милостыню. Такие же грамоты имеют большинство Афонских монастырей и некоторые другие, а также (храм) св. Воскресения, и чрез каждые три года иерусалимский патриарх присылает за получением своей милостыни архимандрита, диакона и келаря. Точно также александрийский патриарх, раз в несколько лет, присылает архимандрита с известным числом лиц за получением для себя милостыни. Равным образом, всякий раз как в Константинополе ставится новый патриарх, он посылает к ним одного из митрополитов, экзарха или архимандрита. Но этой причине те хорошо им известны, но не патриархи антиохийские, от которых в течение столь долгого времени, около ста лет, никто не являлся, вследствие чего память о них изгладилась у московитов. Другие патриархи, от времени до времени, посылают за милостыней, а антиохийский не посылал, ибо кто не ищет, не находит, как сказано в св. Евангелии, и потому они смотрели на нас, как на диво.

Возвращаемся. Обычная милостыня келарю архимандрита сорок куниц, стоимостью в десять рублей, и пять рублей деньгами[392]. Что касается белых священников из иностранцев, прибывших из далеких стран просить царскую милостыню, то им дали, как φίλημα χέρι одинаково с келарем, по сороку куниц и по пяти рублей, а под конец дали, как милостыню, по сороку соболей, стоимостью в тридцать, сорок рублей. Вот что достается на их долю в начале (по приезде) и в конце (при отъезде), как мы видели это собственными глазами, ибо у московитов все это записывается в книги с давних времен, и они не делают никаких изменений, убавляют, но не прибавляют[393]. Всякий раз, по приезде к ним патриарха, митрополита, архимандрита, священников или бедняков, они записывают,

что им дано, и отмечают дату; когда приезжают потом другие, они смотрят на прежнюю запись и поступают по ней. Так и ученикам антиохийского патриарха дали столько же, сколько ученикам иерусалимского. Беднякам, которые приехали с нами и с другими и имели при себе πανταχοῦ, т. е. окружной статикон, адресованный царю от патриарха константинопольского или иерусалимского, в удостоверение, что на них тысячи динаров долгу из-за веры и что они достойные люди, давали каждому по двадцати или двадцати пяти рублей, не больше. Вот что мы видели и в чем удостоверились, и Бог свидетель, что мы говорим правду.

После расспросов и разысканий мы нашли, что большинство приезжающих за милостыней в Москву архимандритов и светских лиц, не рассчитывая только на милостыню, привозят с собою деньги для закупки товаров: соболей, белок, горностаев и проч., которые могут принести им большой барыш в турецкой стране. В этих видах большинство их и приезжает, ибо, со времени въезда в Путивль до возвращения и выезда своего оттуда, они ровно ничего не тратят: если у них есть с собой товар, то не платят ни пошлины, ни за провоз на лошадях и не делают расходов на еду и питье, так как получают ежемесячно содержание, каждый по своему положению; очень бедные по четыре копейки в день и пива для питья. Поэтому они выгадывают большую пользу, если имеют с собою товары или много денег; иначе, если бы кто полагался на милостыню, которую он рассчитывает получить, то это дело далекое: Богу известно, что иные не покрывают и своих трат. Что касается архиереев, то если архиерей — митрополит большой, известной кафедры, едва ли получит от царя в начале и в конце и от вельмож около двухсот, трехсот рублей, может быть, менее, но не больше. Это мы видели и слышали от нескольких митрополитов.

Да будет тебе известно, брат, что все, что я написал и начертал, есть истина и правда, без лжи, и Бог свидетель моим словам. Я изощрил свою мысль и просветлил свой ум, так что написал и начертал все, что видел сам и что услышал от правдивых людей на свои многочисленные вопросы. Я имел при этом целью, если Бог смилуется надо мною, и я возвращусь в свой город, не быть вынужденным отклонить хотя бы один вопрос из предложенных мне кем-либо, но чтобы все было начертано в этом моем сборнике, ибо я не оставил ни одного факта, не записав его.

Глава IX. Москва. — Торжество в неделю мясопустную.

Возвращаемся (к рассказу). В воскресенье перед мясопустом имеют обыкновение совершать большое торжество; по-гречески его называют δευτέρα Παρουσία, то есть подобие дня Второго Страшного Пришествия. Итак, они зазвонили в колокола с раннего утра и спустя три часа ударили в большой колокол. Царь прислал пригласить нашего владыку патриарха, и он отправился в санях в собор, то есть в великую церковь; слово „собор» на их языке значит: кафолическая. Все мы облачились; облачились также оба патриарха вместе с архиепископом сербским, архимандриты, которые надели митры, все священники и многочисленные дьяконы, коих три чина: анагносты (чтецы), иподьяконы и полные (дьяконы); каждого чина десять человек и каждый чин имеет своего начальника. Анагносты — дети, иподьяконы — с усами, а некоторые с бородами, ибо всякий анагност, выросши, возводится в иподьякона. Все они носят стихари без орарей и каждому назначена какая-либо служба: один держит всегда посох позади патриарха, потому что патриарх здесь совсем не имеет обыкновения держать посох в руке[394]; другой держит таз, иной — кувшин, иной — полотенце, другие подкладывают орлецы, кои кладут под ноги патриархам, где бы они ни стояли, иные держат большое серебряное блюдо, на которое кладут митру патриарха, когда он ее снимает, и они держат ее, пока он ее опять не наденет; другие анагносты назначены держать свечи, иные — читать Апостол и канонаршить. Соборный протодиакон всегда поддерживает патриарха слева, а архидиакон справа; все (дьяконы) окружают его. Когда кончилось облачение, священники и дьяконы с хоругвями, крестами и иконами и с большою, великолепною иконой Страшного Суда вышли крестным ходом, и мы с ними, чрез южные двери церкви за алтарь на большую площадку, которую стрельцы усыпали желтым песком. Московский патриарх взошел и стал вместе со своими дьяконами на высоком помосте, на котором было поставлено кресло, лицом к востоку и трижды благословил народ. Еще раньше, после того как патриархи облачились, пришел в собор царь. Певчие пели ему многолетие, пока он не приложился к иконам. Он был с непокрытою головой; корону и посох его нес один из вельмож, за ним следовавший. Затем он подошел к патриархам и поклонился им, а они его благословили и окропили святою водой его и корону. Когда он поцеловал у них руку, они поцеловали его, по обычаю, в голову. После того как патриарх стал на своем помосте вне церкви, царь также стал на большом троне близ него, и как патриарший помост был устлан коврами донизу спереди, так и царский трон был покрыт соболями вдвое. Бояри стали рядами справа от царя, а прочие присутствующие разместились большим кругом. Наш учитель стад направо от царя на ковре, имея позади кресло с подушкой; сербский архиепископ напротив него, с другой стороны. Архиереи подходили попарно, делали дважды поклон головой царю и таким же образом патриарху и, пройдя, занимали свои места. То же сделали настоятели монастырей и все священники и разместились по обе стороны, имея иконы, хоругви и кресты впереди. Перед этим, екклесиарх со своими подручными поставил среди круга, прежде всего, три столика: на одном из них положили Евангелие, на другом — икону Влахернской Божией Матери, на третьем поставили серебряные водосвятные сосуды; из них главный — большой сосуд в виде восьмигранной чаши с высоким подножием и по своей величине похожий на крестильную купель, так как двое с трудом могли нести его за кольца. Вокруг него поставили чаши, ведерки узкогорлые и прямые и сосуды, похожие на мерки, как бы деревянные, но из серебра; был также сосуд для воды, наподобие большого подойника, который едва могут поднять четверо мужчин. Перед ними поставили в ряд большие,

серебряные, вызолоченные подсвечники. Между тем гремел звон в большие колокола, пока архидиакон, сойдя, взяв кадильницу и поклонившись патриарху, не возгласил, обращаясь к востоку: „благослови, владыко!“ на что патриарх сказал: „благословен»... Певчие начали петь канон водоосвящения, причем один из анагностов канонаршилъ[395]. Перед чтением Апостола выступил вперед также один из анагностов и прочел три паремии, относящиеся ко Второму Пришествию. При этом царь и патриарх сидели, пока он не кончил. Вышел другой анагност для чтения Апостола, сказал сначала прокимен его гласом, обращаясь к певчим, кои пропели его обоими хорами, как это всегда у них принято при каждом Апостоле; затем прочел Апостол громким голосом, отчеканивая каждое слово, по их обычаю. Потом сошел архидиакон и кадил вокруг Евангелия, на все иконы, кругом водосвятного столика, обоим патриархам, дарю и прочим присутствующим. Тогда дьяконы, взяв Евангелие, открыли его перед патриархом; архидиакон же стал перед другом Евангелием, лежавшим на аналое. Патриарх отверз уста и возгласил громким голосом, каждое слово раздельно: „премудрость, прости! услышим святого Евангелия“. Когда он сказал это, с него сняли митру и передали другим дьяконам, которые положили ее на серебряное блюдо. В ответ патриарху, тоже повторил архидиакон. Патриарх начал первый стих Евангелия, которое есть сегодняшнее евангелие о Страшном Суде из благовестия евангелиста Матфия, (и читал) стих за стихом протяжно и нараспев, в особенности перед точкой, пока не кончили Евангелия, прочтя одиннадцать стихов. Остановка делалась не больше как через семь, восемь слов, с чрезвычайным растягиванием и нараспев. Патриарху отвечал архидиакон, повторяя стих за стихом очень протяжно до конца. На патриарха надели митру; он сошел и, подойдя к царю, дал ему поцеловать Евангелие и опять поднялся на свое место. Затем, взяв крест, поднял его прямо и благословил им народ на все четыре стороны, держа его обеими руками и осеняя им трижды. Архидиакон, взявши в руки кадильницу, кадил патриарху трижды при каждом благословении, говоря: «Господу помолимся» и «Рцем». Патриарх благословлял на восток, запад, юг и север, и анагност, державший посох, оборачивался с ним позади патриарха в туже сторону, куда обращался тот. После ектении архидиакона патриарх прочел длинную молитву на освящение воды и слова: «и сохрани, Боже, раба Твоего, христолюбивого царя Алексия» повторил трижды, при чем оборачивался (в сторону царя) и благословлял его, затем помянул сына его, царицу, сестер царя и трех дочерей его, называя их по имени и по отчеству: Алексеевны; поминал всех православных архиереев и закончил молитву. После возгласа, патриарх, взяв крест с блюда, рукояткой его трижды провел над водой крестообразно и затем трижды погрузил его, поя: „Спаси, Господи, люди Твоя“ и т. д.; при словах: „победы царям нашим на сопротивные даруя“, он называл царя Алексия. Архидиакон держал в руке серебряный сосуд и собирал в него воду, стекавшую с креста. Затем патриарх, взяв маленькую чашу, зачерпнул ею три раза из большого сосуда и наливал в серебряный сосуд, в который собирали воду с креста; взяв губку, погрузил ее в эту воду и пошел с нею сначала к Влахернской иконе, вытер ее лик и ризу, то есть омыл ее этою водой; таким-же образом он обошел прочие иконы и икону Второго Пришествия. При каждом разе он выжимал воду из губки в тот же сосуд и вновь погружал губку, потом, возвратившись, вылил ту воду в большой сосуд, взял чашу и перемешал ею ту воду сверху донизу[396]: они, именно, считают (это необходимым), для того, чтобы вся вода освятилась — таково их убеждение. Так поступают всегда и священники. Потом он опять налил воды в тот сосуд, передал его архидиакону и брызнул ею кропилом на все четыре стороны. Это кропило заменяет собою пучок базилика, называемого греками василико, которого нет у них: не растет совсем; мы видели его в Путивле, по внутри страны он не встречается;

поэтому кропило делается из длинной свиной щетины, а рукоятка из хрусталя, с позолотой и драгоценными каменьями. После того как наш учитель приложился ко кресту и окропил патриарха Никона, а этот его, оба они подошли к царю, который, сойдя с трона, приблизился к ним, помолился и приложился ко кресту. Они благословили его, по обыкновению, и окропили, не касаясь, его и корону. Потом подходили его вельможи и настоятели монастырей, и патриарх окроплял их. В руке у патриарха Никона был крест, а у нашего учителя кропило, и один из дьяконов держал подле него сосуд со святою водой. Все подходили к патриарху Никону, который благословлял их крестом на чело и ланиты, прикладывались к рукоятке креста и правой руке патриарха и подходили к нашему учителю, который кропил их водой — и так до последнего. Закончили службу. Мы возвратились в собор, в предшествии хоругвей, крестов и икон. Когда мы вошли в храм, к патриарху подвели монаха, для посвящения во диакона, а он послал его к нашему учителю, чтобы он его рукоположил, дабы видеть, каковы наши обряды, и наш учитель рукоположил его.

После явления Даров, благословения патриархов и окаждения престола, патриарх Никон вышел из алтаря и стал на амвоне, окруженный всеми своими дьяконами, которые его поддерживали. Наш учитель стал слева внизу, на орлеце, ибо, как мы упомянули, к нему был приставлен один из дьяконов, который клал орлец ему под ноги, где бы он ни стоял. Прочие служащие разместилось опять по обе стороны. Царь стоял впереди патриаршего места с непокрытою головой, держа правую руку за пазухой, по причине бывшего в тот день сильного холода. Смотри, брат, что случилось теперь! мы увидели нечто, поразившее изумлением наш ум и понимание. Не достаточно было того, что (служба) затянулась до вечера — дьяконы принесли еще патриарху книгу поучений и раскрыли перед ним. Он начал читать поучение на этот день, относящееся ко Второму Пришествию, и не только читал поучение, но говорил наставления и толковал значение слов его, так что у нас душа разрывалась, пока, по милости Божией, он не кончил. Все стояли в молчании. Затем довершили службу. Войдя в алтарь, владыки сняли облачения, надели мантии и, выйдя, благословили царя и поздравили его со днем мясопуста. Он ушел. Приложившись к мощам святых, находящихся в этой церкви, и к иконе Богородицы, писанной евангелистом Лукой, мы вышли. Наш учитель сел в сани, и мы приехали в свой монастырь вечером. Не успели мы сесть за стол, как ударили к вечерне.

Что скажешь об этих порядках, от которых поседели бы младенцы, о царе, патриархе, вельможах, царевнах и знатных госпожах, кои стоят на ногах в этот день мясопуста с утра до вечера? Кто поверит этому? Они превзошли подвижников в пустынях. Но Творец свидетель, что я говорю правду.

Глава X. Москва. — Служение патриархов в дворцовой церкви. Царская трапеза. Патриарх Никон и перенесение им мощей св. Филиппа митрополита.

Во вторник сырной недели, который был 20 февраля, царь прислал за нашим владыкой патриархом сани с приглашением служить у пего в одной из дворцовых церквей, именно, в верхней, во имя Рождества Богородицы и св. Екатерины, по случаю празднования дня рождения его старшей дочери, но имени Евдокии, которая родилась 1 марта, когда бывает память св. Евдокии; но как этот день приходился на первой неделе великого поста, то царь совершил его празднование сегодня, по принятому у них каждогодно обыкновению. Мы прибыли, поднялись в церковь и служили в ней вместе с патриархом московским и архиепископом сербским, в присутствии царя, некоторых из его приближенных, а также царицы и сестер царя, которые стояли в нарфексе; дверь (нарфекса?) заперли за ними, чтобы никто не входил, и они смотрели на нас из-за решеток и маленьких окон. Эта церковь очень мала, древней постройки, но ее куполы позолочены. По предложению московского патриарха, наш учитель рукоположил священника и дьякона. Так как эта церковь предназначена собственно для царя в зимнее время, смотри, что он сделал. Сойдя с своего места, он обходил церковь и зажигал пред иконами свечи, как кандиловозжигатель. Это повергло нас в изумление и рассеянность. После великого выхода царь подошел к патриархам, и они благословили его крестом, по обычаю. Затем они пошли к царице и к бывшим с нею и также благословили их. После литургии также роздали им антидор.

По выходе нашем из церкви, царь повел троих владык в терем царицы, чтобы они благословили ее, его дочерей, сестер и благополучного сына. Когда они вышли от нее, мы пошли с ними на короткое время в патриаршие келлии. Царь прислал владыкам приглашение к трапезе, которая была устроена в той же палате, где и в первый раз. Происходило то же, что и в тот день, касательно раздачи сначала хлеба, потом кубков вина и меда всем присутствующим, затем блюд с яствами, которые гости отсылали домой. При этом царь никого не забывал. Под конец встали, и патриарх роздал первую круговую чашу за здоровье царя, вторую — за здоровье царицы и дочери его, третью — роздал царь собственноручно за здоровье патриарха (московского) и четвертую — за здоровье патриарха антиохийского. Затем встали, воздвигли, по обычаю, Панагию и прочли молитву над трапезой. Простились с царем, и мы вернулись в свой монастырь.

На другой день царь с своими боярами отправился на богомолье в знаменитый монастырь св. Троицы, как говорят, для того, чтобы заговеться у монахов. Обрати внимание на эту набожность и добродетель, которые мы видели при сем случае с его стороны!

В четверг сырной недели, рано поутру, патриарх пригласил нашего учителя вместе с сербским служить обедню в соборной церкви, в воспоминание усопших митрополитов и патриархов московских. По обычаю, ежегодно после литургии и поминовения накануне и в этот день бывает от патриарха большое угощение в его палате для настоятелей монастырей, семи соборных священников и дьяконов и всех, находящихся в городе архиереев, игуменов монастырей и греческих чужестранных монахов. Мы поехали в собор в царских санях. Когда вошел патриарх московский, помолился, преподал благословение и поздоровался с нашим учителем, оба они вместе пошли прикладываться ко всем иконам, в этой церкви находящимся, а также к мощам св. Филиппа, митрополита московского и чудотворца,

претерпевшего мученическую кончину. Теперешний патриарх, в бытность свою митрополитом над Новгородом, привез, по поручению царя, его (мощи) из монастыря свв. Савватия и Зосимы, известного под именем Солофоска (Соловецкий), — а греки называют его Соловка. Он находится на острове, среди моря-океана, называемого морем мрака, ибо в этом монастыре в мае, июне и июле день и ночь между собою одинаковы, то есть бывает свет без тьмы, и ночь отличается от дня только по темноте, которая продолжается меньше часа; в зимнее же время бывает непрерывный мрак, и монахи живут лишь при светильниках ночью и днем, как своими устами рассказывал нам патриарх и многие другие. Монастырь отстоит от Москвы более чем на две тысячи верст, и зимой, во время морозов, езды до него два месяца, а летом — полгода. В этот монастырь заточают провинившихся священников и греческих монахов, и некоторые из них рассказывали нам о тамошней жизни.

Патриарх Никон сначала был белым священником, оставил жену и пошел в монахи, затем некоторое время был игуменом, то есть настоятелем монастыря. Потом царь сделал его архимандритом монастыря Спаса, то есть Σωτηρ по-гречески, а по нашему Спасителя. Монастырь этот в честь божественного Преображения, а выстроил его отец нынешнео царя, в свое царствование, за городской) стеной. В характере Никона любовь к грекам и их обрядам. Он пробыл здесь три года, после чего царь назначил его митрополитом города Новгорода. Митрополит его — первый из митрополитов Московии, ибо именно в этот город приходил апостол Андрей и здесь проповедовал, и этот город первым в здешней стране после Киева принял веру христианскую. Поэтому он был удостоен степенью митрополии. Впоследствии мы сообщим сведения об этом городе, ибо, по воле Божией, мы потом ездили туда. Затем царь послал Никона привезти мощи святого Филиппа, знаменитого митрополита московского. Причиной было то, что этот святой со времени, как пострадал и был погребен в том монастыре, не явивший ни одного чуда, в настоящее время стал творить много чудес. Поэтому послали привезти его мощи сюда, во исполнение того, что он, многократно являясь во сне царю, говорил: „довольно мне столько времени быть в отдалении от места погребения моих собратьев-митрополитов; пошли привезти мое тело и положи меня вместе с ними“. Царь послал с митрополитом многих вельмож. Мощи были привезены, причем, со времени отправления посланных до их возвращения с мощами, прошло целых два года. Еще раньше чем их привезли, случилась кончина патриарха Иосифа, и все согласились на том, чтобы сделать патриархом Никона. Он долго отказывался, пока не было постановлено, что царь отнюдь не будет заниматься делами церкви и духовенства, ибо предшествовавшие цари этим занимались. Когда состоялось соглашение касательно этого, Никон издал царский указ о том, что слово его будет решающее и что никто не вправе ему противиться. Сделавшись патриархом, он немедленно сослал в заточение в Сибирь трех протопопов с их женами и детьми, из коих один был царским протопопом. Последний занимал такое положение, что мог наказывать, заключать в тюрьму и налагать оковы на священников без дозволения прежних патриархов. Когда это произошло, водворился мир и все стали бояться Никона. Он до сих пор великий тиран по отношению к архиереям, архимандритам и всему священническому чину, даже к государственным сановникам. Он ни за кого не принимает ходатайства. Он-то заточил епископа Коломны и рукоположил туда впоследствии другого. Прослышав о чьем-нибудь проступке, даже об опьянении, он немедленно того заточает, ибо его стрельцы постоянно рыщут по городу и как только увидят священника или монаха пьяным, сажают его в тюрьму, подвергая всяческому унижению. Оттого нам приходилось видать тюрьмы, переполненные такими людьми, кои находятся в самом скверном

положении, будучи окованы тяжелыми цепями по шее и с большими колодками на ногах. Бояре прежде входили к патриарху без доклада привратников; он выходил им навстречу и при уходе шел их провожать. Теперь же, как мы видели собственными глазами, министры царя и его приближенные сидят долгое время у наружных дверей, пока Никон не дозволит им войти; они входят с чрезвычайною робостью и страхом, причем, до самого окончания своего дела, стоят на ногах, а когда затем уходят, Никон продолжает сидеть. Любовь царя и царицы к нему неописуема. Вот сведения об этом патриархе, которые было кстати теперь сообщить; потом в своем месте мы расскажем о нем я об его истории подробно и по порядку.

Возвращаемся. Когда привезли мощи св. Филиппа, царь, патриарх и государственные сановники вместе с архиереями, всеми настоятелями монастырей и священниками и со всеми жителями города вышли для встречи их в облачениях, со свечами, хоругвями и иконами. Как нам все рассказывали, святой сотворил много чудес, открывая очи слепым, воздвигая калек и расслабленных и исцеляя помешанных, пока не внесли его в соборную церковь, где и положили с великою честью и уважением в раке из серебра и золота близ дверей пятого южного алтаря. Он до сих пор продолжает творить много чудес. По этой причине установили празднование его памяти вместе с их новыми святыми: праздник, акафисты и пр. Все приобретают его иконы, и живописцы днем и ночью заняты писанием дорогих икон его, а золотых дел мастера изготовлением чеканного серебра и золота для окладов на них. Во имя его тратят целые сокровища. Женщины имеют к нему великую веру: мы видали, как они ходили по иконному ряду и, купив его икону, приходили в ряд золотых дел мастеров, чтобы обложить ее серебром. Самая дешевая икона обходится в десять динаров (рублей). Вельможи и их жены украшают ее золотом и драгоценными каменьями.

Глава XI. Москва. — Заупокойное служение в Успенском соборе.

Возвращаемся. Оба патриарха вернулась и приложилась к местным иконам, что у дверей северного алтаря, затем вошли в алтарь, где жертвенник, и приложились к мощам св. Петра, первого митрополита московского, коего позолоченная рака вложена в стену между обоими алтарями. Этот именно святой прибыл из города Киева, после того как русские приняли веру христианскую чрез царя Василия Македонянина, пославшего туда свою сестру. На ней женился Владимир, царь киевский, после того как она окрестила в реке Днепре его, всех приближенных его и всю страну рукой этого святого Петра, который потом прибыл в Москву и совершил множество чудес, пока московиты не сделались христианами. Приложившись к нему, патриархи пошли в северный угол церкви и прикладывалвсь к мощам св. Ионы, который был третьим митрополитом после Петра, (ибо вторым был) св. Алексий, коего мощи находятся в Чудове монастыре. Потом они прикладывались ко всем иконам, кои находятся вокруг четырех колонн церкви, затем пошли в западный угол церкви, где есть красивое помещение с высоким куполом. Оно из желтой меди в прорезь, а внутри его каменный хрусталь[397]. В нем хранится хитон Господа Христа, присланный царю Михаилу, отцу нынешнего царя, кизилбашем, шахом Аббасом, который завладел им в Грузии. Для него устроили это чудесное, приличествующее ему помещение Внутренность ею имеет подобие гроба Господа Христа; на нем стоит изящный ковчег из позолоченного серебра, внутри коего другой ковчег из золота с драгоценными каменьями, а в нем упомянутый хитон, который мы видели впоследствии в день великой пятницы. Здесь ночью и днем горят лампады со свечами. Дверь этого помещения из желтой меди также со сквозным узором. Когда патриархи подошли к этой двери, чередной (священник) вынул для них упомянутый ковчег. Поклонившись ему и приложившись, они пошли в алтарь, и мы с ними: все дьяконы облачаются до прихода патриархов, дабы, когда те входят, поддерживать их под руки и обходить с ними (храм). Затем они помолились пред престолом и приложились к Евангелию и кресту, по их обыкновению. Патриарх взял крест в правую руку, и тогда начали подходить архиереи и архимандриты без клобуков вместе со священниками и прочими дьяконами, кланялись земно и лобызали крест и правую руку патриарха, до последнего, — таков их обычай взамен кирона, который бывает у нас и у греков вне (алтаря[398]). Затем патриархи вошли в алтарь, где жертвенник, помолились и приложились к чаше и дискосу, по их обычаю; потом подходили те и кланялись патриарху, который их благословлял до последнего. Но наш владыка патриарх впоследствии уничтожил этот обычай, убедив патриарха (Никона) не входить в алтарь и не благословлять архиереев и священников крестом, но, по существующему у нас обычаю, сидеть на своем патриаршем месте, причем те подходят и целуют только его правую руку. Затем они вошли в нарфекс, и патриарх (Никон) взошел на высокий помост, очень большой, в три ступеньки; он разбирается на четыре части; на нем разостлан большой ковер сверху его до конца нарфекса. Дьяконы начали облачать патриарха по обычаю, не отнимая мантии с его спины, чтобы никто не видел его без мантии, пока не надели, на него, во-первых, параманд, весь жемчужный, затем стихарь. Два дьякона справа и слева, стоя несколько в стороне, держали все части облачения в руках и надевали их осторожно на патриарха, который каждую из них благословлял, крестился, целовал крест на ней и надевал. Также надели на него саккос открытым и потом застегнули его с двух сторон. Все его саккосы имеют бубенчики и с золотыми кистями шнуры, которые завязывают. Прежде чем надеть митру, патриарх имеет обыкновение расчесывать себе волосы на голове и

бороду вещью, сделанною из свиной щетины. Потом надевают на него митру. По окончании облачения, когда он преподаст благословение народу, дьяконы сходят и, помолившись трижды на восток, поднимаются в патриарху для получения его благословления. Точно также после часов, архиереи, архимандриты и священники, выйдя из алтаря, подходили к нему попарно, кланялись малым поклоном, шли и становились на своем месте, во последнего. При своей многочисленности они достигали почти до алтаря. Четыре архимандрита были в митрах, остальные в клобуках.

В этот день опять происходило рукоположение священника и дьякона. Мы нашли, что этот патриарх имеет обыкновение служить в большую часть дней и ни одна обедня не проходит без рукоположения иерея и диакона, вследствие многочисленности пасомых и священников у них. Мы пробыли у них более года и видели, что за каждою обедней патриарх рукополагал иерея и диакона. И не только сам он рукополагал, но и всем находившимся у него архиереям посылал разрешение рукополагать в своей церкви, ибо епархия патриарха очень велика и он не успевает посвящать всех, к нему обращающихся, но отсылает, как мы сказали, (к другим), так что наконец стал присылать и к нам, и мы рукоположили весьма многих, о чем расскажем в своем месте. Посылал их также и к архиепископу сербскому. Они являются к патриарху из собственной его епархии со свидетельством от жителей своего селения или города в том, что он достоин (сана). Нам случалось видеть некоторых, приехавших с великими трудностями более чем за две тысячи верст. Каждый архиерей, обыкновенно, ответствен за свою паству и священников. Никон всегда предлагал нашему владыке патриарху, когда он служил с ним, совершить рукоположение, ибо искал в этом пользы, чтобы видеть, чьи обряды лучше, и постоянно спрашивал его о всяком предмете, дабы извлечь для себя пользу. Мы расскажем потом в своем месте о недостатках и неблагоприличных действиях, у них существующих, о том, чему научил их наш учитель и что он совершил у них под конец.

Возвращаемся[399]. [Архидиакон, сказав ектению „Рцем вси“, произнес ектению, возглашаемую ими за усопших: „помилуй нас, Боже“, и пр.; затем: „молимся о упокоении душ рабов Божиих, всех усопших митрополитов московских и всея России“. Он сказал ее, по их обычаю, в пяти прошениях, читая их имена по списку, а певчие при каждом прошении пели „Господи помилуй“. Потом он закончил, сказавши: „Господу помолимся“, а они отвечали: „Господи (помилуй)“, и патриарх возгласил: „ибо Ты еси воскресение и живот, покой и утешение рабов Твоих, братьев наших, митрополитов московских», поминая всех поименно, как обыкновенно они делают это на заупокойных обеднях, чему мы после были свидетелями. Потом архидиакон вошел в алтарь, а другой (дьякон) вышел и сказал: „оглашеннии, Господу помолитесь!“]. После литургии вышли (из алтаря) и закончили службу обычным порядком. Затем патриарх взошел на свое архиерейское место, где он облачался, наш учитель стал направо, а сербский налево от него, прочие же служащие, архиерей, священники и архимандриты, разместились по обе стороны. Перед этим, екклесиарх поставил посредине столик, на котором находились серебряное блюдо с медовою кутьей и чаша с вином, т.-е. μνημοσυνον, для поминовения всех усопших митрополитов и патриархов московских. Дьяконы стали подносить патриарху втрое скрученные свечи, а он раздавал их присутствующим. Архидиакон, взяв кадильницу, возгласил: „благослови, владыко!“ а патриарх: „благословен»... Архидиакон сказал большую ектению, на которой вместо имени царя и патриарха поминал имена усопших, не знаем, откуда они выдумали эту ектению. Затем анагносты начали канонаршить Блаженны до конца, а певчие пели их. При первой кафизме я вошел и сказал: „помилуй нас, Боже“ и пр., имея в правой руке кадильницу, коею окадил столик, и поминал всех усопших русских архиереев. Они

обыкновенно делят эту ектению на пять прошений, и на каждое прошение певчие пели „Господи помилуй“. [После этого я сказал: „Господу помолимся“, а они отвечали: „Господи (помилуй)“, и наш учитель прочел молитву]: „Боже духов и всякие плоти“ тихим голосом[400], по их обычаю, а затем сказал положенный возглас[401]. Патриарх (Никон) сошел и совершил каждение, после него кадил наш учитель; то же сделал и сербский.[402] Когда певчие кончили пение Блаженн, канопарх начал канопаршить стихиры канона, не каждую стихиру (отдельно), но читал их, а певчие пели только их конец, и так до последней. Патриарх сошел и совершил отпуст, поминая имена усопших по книжке, одно за другим, и им пели вечную память и вечный покой. Вошли в алтарь и сняли облачения.

Глава XII. Москва. — Обед у патриарха Никона. Появление на обеде людоедов. Их обычаи. Разговор с нимии Никона и угощение их.

Мы вышли и отправились с патриархом в его келлии, где был накрыт обеденный стол, а посредине, по их обычаю, стоял стол с серебряно-вызолоченными большими и малыми кубками и вокруг него стольники, к тому назначенные. Для патриарха Никона был поставлен отдельный стол на переднем месте[403], а другой близ него для нашего учителя, еще один для сербского, четвертый для архиереев, архимандритов и для нас; для прочих же приглашенных был накрыт стол по окружности столовой палаты. Оба патриарха помолились над трапезой. Принесли Панагию в чудесном серебряно-вызолоченном сосуде и прочли над ней молитвы; они и мы взяли от нее и затем сели. Пришел один из анагностов, поставил посредине аналой и начал читать по большой книге громким голосом (и читал) с начала до конца (обеда). Посох патриарха (Никона) держал другой анагност подле него; посохи же нашего учителя и сербского держали насупротив них. Затем патриарх выпил три кубка и поподчивал нашего учителя и нас, прежде чем принялись за еду. Стольники в дорогих одеждах стояли, готовые к проворным услугам: одни — для подачи хлеба, другие — блюд с кушаньем, иные — для подачи разнообразных напитков. При каждом обнесении кубки были другой формы и другой напиток. Первое, что патриарх роздал всем присутствующим, были, по обыкновению, длинные хлебы. Принимая их от него, стольники кричали: „такой-то!“ если он был архиерей, то называли имя его епархии, если архимандрит, то — имя его монастыря; стольник называл также и нас, говоря: „это тебе от щедрот патриарха Никона“. Гости вставали из-за стола и кланялись патриарху земно, принося ему благодарность. Первое, что подали на стол, была черная и красная икра. Затем сняли ее и стали подавать рыбные кушанья разных сортов и видов. Они не ставили одно кушанье вместе с другим, но сначала уносили поданное раньше и ставили другое, по обыкновению и обычаям царских обедов. Так, патриарх дарил блюда превосходного кушанья каждому из присутствующих, и прежде всех нашему владыке патриарху. Все, по обычаю, отсылали их со своими слугами к себе домой в виде благословения. Когда чтец уставал, подходили певчие и пели. Патриарх приглашал и нас петь по-гречески и по-арабски. Так продолжалось до вечера.

Он захотел доставить нашему владыке патриарху большое развлечение следующим. Царь посылал вызвать часть племени мученика Христофора, которое состоит под его властью. Имя его Лопани (лопари?). Эти люди едят человечье мясо, а также своих мертвецов. По-турецки их называюсь ябан адамысы, по-гречески ἀ᾽ γριοι ἀ᾽ νθρωποι, а по-арабски у нас баррийе шахшиие. Страна их лежит при море — океане, что есть море мрака, во ста пятидесяти верстах за Архангельским портом и в 1.650 верстах на восток от Москвы. От них пришло теперь на помощь царю более 17.000, а говорят даже 30.000. Этот народ восстал в древности против Александра, как мы узнали от них чрез переводчиков — ибо у них особый язык, и с ними есть драгоманы, знающие их язык и русский. У них нет домов и они вовсе не знают хлеба и не едят его, но питаются только сырою рыбой, дикими, нечистыми животными и собаками, коих они не варят — так они привыкли. У них нет лошадей, но есть животные, называемые по-гречески ἐ᾽ λαφος, что есть олень; он водится у них во множестве. Его употребляют для разных потребностей: для перевозки арб, питаются им и одеваются в его шкуру. Ежегодно они вносят в царскую

казну известное количество оленьих шкур, которые похожи на пергамент; московиты в них нуждаются.

[От самых дальних берегов Дуная до крайнего Севера олени водятся в большом изобилии, особенно в Валахии. На них охотятся и их едят, так как олень имеет раздвоенное копыто. Но московиты строго воздерживаются от употребления их в пищу, из уважения, как они думают, к Святому Духу].

Они не имеют домов, но бродят по горам и лесам; где остановятся, там и ночуют. Снег и холод не прекращаются в их стране, вследствие чего у них лицо и тело очень белы. Их одежда служит им покрывалом и подстилкой, и другой они не знают во всю свою жизнь, разве только, когда она изорвется в куски, они делают другую, и именно из шкуры упомянутых оленей, которая похожа на кожу верблюда и с такою же шерстью. Ее сшивают вдвое, именно коротким мехом внутрь и наружу; штаны для ног и покрывало для головы в виде капюшона пришиваются к платью. Эта одежда защищает их от холода. Что касается их богопочитания, то они, как нам говорили, поклоняются небу. Свои дорожные припасы — мясо диких зверей — они прячут в одежде за спиной. Их наружность пугает зрителя: когда мы взглянули на них, то затрепетали от страха — спаси нас, Боже! Все они малорослы, все как один: но отличишь друг от друга; сутуловаты, короткошеи и приземисты, ибо головы их сидят в плечах. Они все безбороды, — мужчин можно отличить от женщин только по pudenda — ибо сильный холод препятствует у них росту волос. Когда они идут, то их не отличишь от стада медведей или других животных — удивительно для смотрящего! Лица у них круглые, будто по циркулю, очень большие, плоские, сплюснутые и ровные; носы приплюснуты, глаза неприятные, маленькие, с длинным прорезом. По этой-то причине они наводят страх на зрителя. У нас не хватало смелости поближе рассмотреть их, ибо они далеки от гуманности и совершенно дики, а потому греки называют их σκυλοκε᾽ φαλοι, то есть собачелицые.[404] Старики у них ничем не отличаются от юношей.

Нам рассказывали служители Кирилло-Белозерского монастыря, на подворье которого мы теперь пребываем, что монастырю принадлежит, в виде угодий, значительное число подданных из этого народа, кои платят подать только оленьими шкурами, ибо кроме этого у них ничего нет.

Нам рассказывали об одном обстоятельстве, о котором упомянуть хотя неприлично, но необходимо, дабы читатель или слушатель подивились. В этом народе семя лишь у немногих бывает годно, ибо их pudenda скрыты и втянуты внутрь. Их жены любят, живущих с ними в соседстве, московитов. Говорят, что если кто из этого племени, придя в свою хижину, в которой он живет среди леса, найдет московита лежащим с его женой, то сильно радуется и от большой радости идет и добывает на охоте оленей, коих отдает московиту за благодеяние, ему оказанное, именно за то, что сделал его жену беременной, ибо, как нам говорило, семя лишь у немногих из них бывает годно. Впрочем, Бог знает больше.

Возвращаемся. Когда мы сидели за столом, патриарх Никон послал за начальниками этого народа, именно за тысяцкими, коих около тридцати человек. С ними был переводчик, говорящий (на их языке). Когда она вошли, собрание затрепетало при виде их. Они тотчас обнажили головы, то есть отбросили назад свои капюшоны, и поклонились патриарху странным образом, сгибаясь подобно свиньям целиком. Патриарх стал расспрашивать их об их образе жизни, о том, как они теперь приехали, и об их богопочитании. Они рассказали ему все, о чем мы сообщили (прибавив), что прибыли из своей страны пешком, а олени везли их арбы. Он спросил их: „Чем вы воюете?“ — „Луком и стрелами,“ отвечала они. —

„Правда ли, спросил он, что вы едите человечье мясо?“ — Они засмеялись и сказали: „Мы едим своих покойников и собак, так почему же нам не есть людей?"- „Как вы едите человека?“ спросил он. Они отвечали: „Захватив человека, мы отрезаем ему только нос, затем режем его на куски и съедаем.“ Он сказал нм: „У меня здесь есть человек, достойный смерти; я пошлю привести его к вам, чтобы вы его съели.“ Они начали усиленно просить его, говоря: „Владыка наш! сколько ни есть у тебя людей, достойных смерти, не беспокойся наказывать их сам за преступление и убивать, но отдай нам их съесть; этим ты окажешь нам большое благодеяние.“

Когда приехал сюда митрополит Миры, то за многие гнусные поступка его и его служителей и спутников — оказалось, что его архимандрит, а также его мнимые родственники и дьякон курили табак — немедленно всех их сослали в заточение. Только один митрополит избавился, по ходатайству патриарха Пателярия, а дьякон был впоследствии переведен в монастырь близь столицы. Патриарх до сих пор был в гневе на него, ибо никакое преступление у него не прощается. Теперь он послал привести его к собачелицым, чтоб они его съели, но его не нашли, ибо он скрылся.

Патриарх спросил их: „Что вы обыкновенно едите?“ Они отвечали: „Сырую рыбу, которую мы ловим, и диких зверей, которых убиваем стрелами и съедаем с кожей; из них мы берем с собою запас на дорогу в своей одежде.“ Патриарх дал с своего стола блюдо превосходной рыбы и хлеба, чтоб они это съели; они поклонилось ему и извинились и просили его, говоря: „Наши желудки не принимают вареного и мы к этому совершенно не привыкли; но если тебе благоугодно, дай нам невареной рыбы.“ Он велел принести. Им принесли большую рыбу, называемую штука (щука), — она была мерзлая, как чурбан, — и бросили перед ними. Увидев ее, они сольно обрадовались и много благодарили. Патриарх приказал им сесть, и они сели. Старшина их подошел и попросил[405] нож. Взяв рыбу, он сделал надрез кругом головы и снял кожу сверху до низу с такою ловкостью, что мы были изумлены. Затем он стал резать рыбу ровными ломтями, как режут ветчину, и бросал их своим, а те наперебой их хватали и съедали с бо%`льшим наслаждением, чем человек ест что-либо вкусное и редкостное из царских сластей. Так они съели ее всю с костями, кишками и головой, ничего из нее не отбросив. Попросили другую и так же распорядились с нею, выхватывая друг у друга из рук (куски) с дракой. Зловонный запах ее распространился по палате, и мы едва не лишились чувств от величайшего отвращения к ним и при виде того, как они обтирали руки о свои шубы.

Мы были очень рады этому неожиданному большому развлечению, ибо из этого народа только раз в несколько лет приходит к царю небольшое число, а теперь, на наше счастье, они пришли все, чтобы мы могли посмотреть на них.

Мы заметили, что они не осмеливались ходить по городу малыми партиями, но ходили большою толпой, из опасения обиды от детей московитов; кроме того, им не позволяли остановиться внутри города или под городом, но (поместили) в необитаемых равнинах, дабы они не ловили и не ели людей. Вот сведения о собачелицых, которых мы видели собственными глазами.

Книга VIII

Глава I. Москва, — О царе Иоанне Грозном и завоевании им Казани, Астрахани и Сибири.

Патриарх, отпустив Собачелицых, позвал других. Как раз в это время приехал (в Москву) воевода областей внутренней Сибири, называемой по-гречески βόρειος μέρος, то есть ени дунья, что есть Новый Свет. Она завоевана недавно, при нынешнем царе, шесть лет тому назад[406]. Причина ее завоевания была следующая. В передней сибирской стране живет многочисленный народ, именуемый казак, люди весьма храбрые; они-то покорили переднюю Сибирь во дни царя Иоанна, того самого царя Иоанна, коего имя хорошо известно в нашей стране. Он жил около 110 лет тому назад и перед своею кончиной принял монашество. До этого царя в стране московитов не существовало названия „царь“, но было название „князь“, которое, по степени, равняется, самое большее, великому бею, и царь мог набирать едва сто тысяч ратников. Вся страна московитов была в руках князей, из коих каждый владел отдельною областью (по наследию) от отцов и дедов, что походило на положение страны ляхов и ее правителей; каждый правит одною областью, а краль не имеет над ним власти. Точно в таком же положении были и московиты. Род теперешнего царя, по словам достоверных людей, ведет начало из Рима. Деды его дедов, около семисот лет тому назад, пришли по океану в эту страну и завладели ею. Смотри же, какой это благословенный род! с той поры и до сих пор не прекратился. Упомянутый царь Иван, воцарившись в этом городе, — а был он человек храбрый, обладавший ловкостью и хитростью, весьма склонный к гневу, любящий пролитие крови, так что, как говорят, собственноручно убил своего сына, — воцарившись, он хитростью заманил к себе семьдесят князей, кои правили всею страной московитов в семидесяти областях, всех их умертвил и завладел их сокровищами, богатствами, областями и войсками. Чрез это он усилился, воевал и победил еще двенадцать кралей франкских, завладел их сокровищами и странами, а их всех умертвил, как это изложено в повествовании о нем, ибо он был удачлив и ему на роду было написано (одержать) великие победы. Затем он пошел войной в страну Казань, которая была в обладании независимого царя из татар. Этот город, как нам рассказывали, очень велик и крепок: кругом обтекает его большая и весьма глубокая река. Он отстоит от Москвы на семьсот верст по суше. Гонцы на лошадях в зимнее время совершают путь в четыре, пять дней, а в летнее в семь, восемь дней, торговцы же в пятнадцать дней, а на судах по Москве-реке в пять недель или более. Царь осаждал его двенадцать лет, пока не прорыл ходы под землей и под упомянутою рекой, наполнив их порохом; тогда городские стены поколебались и обрушились на жителей. Царь вступил в город и перебил всех бывших в нем мечом, захватил его царя живым и отослал в Москву, где он оставался до своей кончины. Царь завладел всеми его сокровищами, но как он в них не нуждался, по той причине, что, в течение своей жизни, приобрел множество сокровищ, то все их пожертвовал на Божье дело, а именно — позолотил ими пять куполов великой церкви вместе с девятью куполами церкви Благовещения и всей ее крышей, (покрыв их) чистым накладным золотом. Мало того: все, что осталось из этих сокровищ, он обратил в слиток и сделал из него очень большой крест,— неведомо, сколько миллионов золотом он стоит, — и водрузил его на куполе церкви Благовещения. Он существует доселе, горит как солнце, в высоту более трех или четырех локтей и столько же в ширину. Вследствие обилия золота, коим были позолочены эти куполы, оно до сих пор кажется новым, хотя, в течение такого долгого времени, более ста лет, было под дождем, снегами и льдом из года в год непрерывно. Царь позолотил также купол высокой колокольни, которая видна с более

чем десятиверстного расстояния, а если место низменное, то и с бо%`льшего расстояния. Эта колокольня, по своим ярусам и подъемам, похожа па минарет Висячей мечети в Дамаске, но много выше и обширнее его. Под позолоченным ее куполом с высоким крестом идут кругом письмена в четыре строки, кои можно прочесть снизу: одному Богу ведомо, какова величина их букв, различаемых снизу. Все это покрыто обильною позолотой.

Возвращаемся (к рассказу). По причине обширности казанской области и (многочисленности) ее поселений, в главном городе живут трое воевод — важных визирей, кои правят областью, которая, как говорят, выставляет 400 тысяч ратников. Большая часть ее жителей — татары, обитатели степей, ибо[407] царь, покорив ее, оставил большую часть войск на прежнем положении с (прежним) их содержанием; говорят, в ней теперь шестьдесят тысяч мусульман, платящих подать. Царь Иоанн, по завоевании этого города, пошел на Астрахань и также осадил ее. Город был во власти другого большого царя, равным образом из татар, правившего всеми северными странами до внутренней Сибири. Поэтому жители Астрахани и Казани до внутренней Сибири — татары, знающие по-турецки. Они мусульмане[408], но теперь принимают крещение, так как, в виду их бедности, московские цари стали применять к ним такое лекарство: всякий, кто из них окрестится, получает высокое положение, ибо царь такового награждает: делает одних из них князьями, то есть правителями, (других) беками, агами, (зачисляет) в спаги[409], в простые ратники и пр. По этой причине они крестятся днем и ночью. Говорят, что они искренни в вере более, чем другие племена, чему мы сами были свидетелями, видев многих, которые были религиознее нас.

Рассказывают, что этот город Астрахань имеет семь громадных оград, построенных московитами из земли, дерева и камня. Город расположен на средине реки Волги, ширина которой, как говорят, четыре мили. Вокруг Астрахани есть шестьдесят укреплений также из камня, ибо она составляет большую область. В ней растут во множестве тутовые деревья, на коих производят шелк; его обрабатывают и ведут им торговлю с Москвой, весь шелк которой идет оттуда. По местоположению область эта жаркая; в ней много винограда, из коего выделывается вино, доставляемое собственно только царю, который рассылает его по всем своим областям для употребления на литургии, так как оно чистое, без примеси. Как мы раньше упомянули, до царя дошел слух, что вино, привозимое франками из их стран, оскверняется ими, в чаянии испортить божественные Дары. Поэтому царь немедленно приказал привезти на судах вино из Астрахани, о чем мы упомянули. Это вино красное, а вино франков крепкое, острое, подобно перцу, — мы его пробовали — ибо, если бы они не прибавляли к нему перца в своей стране, оно не могло бы сохраняться при лютости холода в стране московитов. Поэтому-то оно острое, весьма крепко и не имеет приятного вкуса. Оно носит разные названия; в особенности (известно) ренско (рейнское), белое, легкое и дороже других сортов.

Покорив Астрахань, царь овладел всем Персидским морем, Каспием, кроме небольшой его части, отнял у персов известный город Тарки, пристань на упомянутом море, и отвоевал от страны Узбеков множество городов, наложив на них ежегодную дань леопардами и львами. Покорив упомянутые народы, смирил их в конец: до сих пор все они платят ему десятину и большая часть их ходит с ним на войну.

Возвращаемся. Этот город Астрахань в древних книгах называется Тургатмишт, а татары называют его Аждархан (Аджитархан), по имени его владетеля: ажд(ар) значит «лев», а хан есть доселе имя царей татарских[410]. Царь Иоанн, осадив Астрахань, овладел ею по договору. Это очень большой город; он имеет, как говорят, семь оград из земли, дерева, камня и пр. По завоевании Астрахани, царь пошел в Сибирь и также покорил ее при

помощи казаков, о которых мы упомянули раньше, знающих по пядям те области, кои прежде были неизвестны[411] [и коих покорение еще продолжается. На татар, живущих в Сибири, он наложил подать, которую они ежегодно выплачивают охотничьими птицами, называемыми по-русски „кречет». Они белые и очень большие и подносятся московским царем в подарок всем его братьям-государям. Такую подать на татар возложено выплачивать ежегодно, в чаянии привести их к полной покорности. Таковы великие победы и доблестные подвиги, кои царь Иван совершил в течение своего царствования. Он держал скипетр власти в продолжение 80 лет, из коих три только, как говорят, провел на троне своем в городе Москве, остальные же семьдесят семь он ходил туда и сюда, ведя войны из любви к христианской вере и покоряя обширные страны, нами упомянутые, кои, прежде ослепленные лживым светом неведения, он привел к познанию истинного Бога, так что, быв странами варваров, неверия и суеверия, они стали преимущественным местом христиан, церквей и монастырей. В свое царствование он поставил под ведение митрополита московского двенадцать подчиненных митрополитов и архиереев. Первые из них — четыре митрополита, носящие белые клобуки, по примеру древних митрополитов. Мы спрашивали о причине этого, и нам отвечали, что им являлся Божественный Лик (?) точно так же, как монахи св. Пахомия Великого обыкновенно носили белые клобуки, согласно тому, как повелел ангел Господень. Первый из митрополитов — епископ города Новгорода, носящий саккос в присутствии патриарха, как мы это видели; второй — митрополит Казани, города, только что описанного нами; третий — митрополит Ростова; четвертый — Крутицкий, который постоянно, до конца дней своих, имеет пребывание в патриарших палатах; пятый — архиепископ Сибири, который, по причине отдаленности, никогда не оставляет своего престола для приезда ко двору; шестой — архиепископ Астрахани, который по той же самой причине никогда не посещает Москву; седьмой — архиепископ Рязани; восьмой — архиепископ Тверской; девятый — архиепископ Суздальский; десятый-архиепископ Вологодский; одиннадцатый — архиепископ Пскова и двенадцатый — архиепископ Коломны. Для каждого из этих двенадцати (владык) вышеупомянутый царь выстроил в городе Москве палаты с церковью, ему принадлежащею, и каждому из них назначил земли, доходы и милостыню. В каждом из этих епископских дворцов есть архонты и служители для служения при епископе и при церкви. Все порядки правления были установлены этим царем, даже и то, что касается милостыни и подаяний, и они остаются без изменения до настоящего времени. Совершив все эти славные деяния, он счел себя достойным принять венец и титуловаться царем, в виду свидетельства, данного ему другими государями, и их сообщения, что цезарь, император немцев (австрийцев) и германцев, послал ему корону и даровал титул царя, ибо цезарь занимает место Константина и коронует владетельных князей. Итак, со времени царя Ивана до сей поры, государи этой страны титулуются царями московскими. Вот что мы узнали из истории царя Ивана чрез расспросы, по мере возможности, и потом часто будем иметь случай пополнять эти сведения.

Глава II. Москва, — О сибирских мехах.

В стране сибирской водятся прекраснейшие соболи вместе с ценною чернобурою лисицей и разными породами горностая; кроме них, добываются и все другие сорта мехов. Порода соболя, как говорят, походит на кошачью. Он мечет много детенышей и живет в дуплах высоких деревьев. Для благоденствия этого животного требуется самое здоровое местоположение, ибо если какие-нибудь из них живут в местах, несвойственных их природе, и принуждены пить плохую воду, то они бывают слабы, а их мех короток и бел. Способ охоты на них следующий. Охотники, в сопровождении собак, приученных к этой охоте, отправляются в самые отдаленные части пустынь, гор и лесов, где, как им известно, обитают эти животные, и становятся все в засаду на тропинке, по которой соболь проходит к воде; при возвращении его в свою нору, охотники встречают его, а собаки бросаются за ним и хватают его, как приучены, за шею, чтобы не попортилась шкурка. Если соболь убежит от собак и вскочит на дерево, охотникам приходится высмотреть его там и стрелять в него из луков стрелами с костяным острием, поражая его под шею, чтобы не испортить меха. Животное падает; перерезав ему горло, охотники снимают с него шкуру с удивительною ловкостью. Мясо они едят и вознаграждают себя за свой труд продажей меха. Царские воеводы, пребывающие в той области, отбирают один из десяти, самый красивый и ценный, для царя. Многих из этих животных ловят живыми и подносят в подарок царю. Они имеют очень высокую цену. Спинка — самая лучшая часть соболя и очень дорога, нижняя же часть меха, покрывающая брюхо, продается дешево. Складывают по две спинки вместе с называют их „чет».[412] *Самый ценный соболь стоит сто динаров и идет для царя пониже достоинством имеют соответственную цену. Каждые сорок спинок, составляющие двадцать пар,*[413] *называются сороком, и каждые два с половиной сорока образуют полный мех. Самый низкий сорок стоит сорок*[414] *динаров, самый лучший — сто, двести и пятьсот; таковой принадлежит царю и не выпускается из казны его, но висит пред ним постоянно. Впрочем, чрез несколько лет его вывозят на продажу, ибо свойство его таково, что он ежегодно теряет в ценности: быв черным, как ночь, становится красным, а такой считается ниже достоинством. Для этого соболя нет ценителя, потому что он подобен драгоценному камню, который вводит в заблуждение самого проницательного знатока. Цвет его меняется ежечасно. Когда светит солнце, является настоящий его цвет, что выгоднее для продавца; в облачную же погоду цвет и красота его скрываются, и ценность его, быв весьма высокою, падает, и он становится дешевле, ибо облачная погода ему не благоприятствует, что выгоднее для покупателя. В этом состоит уменье распознать его. Соболь в своей земле очень дешев, но при перевозке его по дорогам нужно платить большую пошлину царю в нескольких городах, а наибольший расход зависит от громадного расстояния той страны (от Москвы), ибо не подлежит никакому сомнению, что для перевозки соболя потребно более трех лет, как это мы скоро разъясним.*

По причине вышесказанного, все цари мира посылают царю московскому свои сокровища, богатства и драгоценности, получая от него только меха. Что нам сказать об этом благословенном животном, которого хватает для всего мира и которое не водится и не существует нигде в мире, кроме страны сибирской? Соболь имеет свойство укреплять спину, полезен для зрения и укрепляет сердце; поэтому-то он и ценится так высоко. В нем щеголяют цари и носят его даже летом, ибо он холодит в жаркое время и греет в зимнее. У очень богатых московских купцов он находится в таком изобилии, что у иных бывает по

тысяче, и даже по нескольку тысяч сороков. Но мы видали подобных купцов одетыми в простое, очень бедное платье и считали их не иначе, как за бедняков, едва имеющих, чем прикрыться, ибо смиренность, которую мы наблюдали в этом народе, очень велика, так что даже государственных сановников мы видали в их палатах одетыми в платье, какое попалось, которое не согласился бы надеть (у нас) и простолюдин: они совсем не знакомы с гордостью и высокомерием.

Знай, что всякий соболь непременно имеет белые волосы. Жители Сибири носят его у себя, в своей стране, пришивая, как он есть, с передними и задними ногами и хвостом, поверх своей одежды и размещая их один подле другого, а напоследок его продают. В Москве есть умелые люди, которые вырывают из соболя белые волосы, получая по пиастру за каждый сорок, ибо у московитов много рабов. Еще отдают его другим мастерам для разглаживания и отделки, за что те получают по пиастру[415] с сорока, и они же сшивают его, складывая одну шкурку с другой. Так поступают все купцы.

Возвращаемся (к рассказу). В Сибири находится в большом количестве высокий сорт белой белки, очень ценной. Это маленькое животное, похожее на котенка. Мы видали его много раз в домах. Когда оно рассердится, то с ним трудно сладить. В бытность нашу в Коломне, одно из них убежало за город, за ним погналось много народу, но никто не был в состояния его поймать или убить палкой или чурбаном, ибо оно маленькое и бегает быстро; оно бросилось в реку и нырнуло в воду, его преследовали, но оно выскочило на берег и скрылось. Так ничего и не могли с ним поделать. Это животное водится во всей стране московской, даже в ближайших (к Москве) лесах и горах. Водится также горностай с белым мехом, который носят в нашей стране кади и муллы. Па мехе висит хвостик с черным кончиком. Мы видали это животное: оно похоже на кошку, но длиннее и худее ее. Охотятся на него таким образом. Охотники выслеживают его у озер, куда он приходит пить, расстилают по земле на берегу озера длинную сеть, держа ее за концы издали, а сами скрываются. Зверки, по своему обычаю, идут тысячами на водопой. Когда они напьются, охотники приподнимают концы сети прямо и крикнут, зверки бросаются бежать, но не находят другого хода, кроме как в сети, куда и попадают и запутываются головами в петлях. Охотники подходят, собирают их вместе и убивают дубинками, ибо невозможно схватить этого зверка живьем, потому что у него зубы очень остры и прогрызают руку человека и все, чем его хватают. Охотники с большою ловкостью, приводящею ум в изумление, сдирают с него шкуру, выворачивая ее, не разрывают, но снимают ее целиком.

В Сибири водится также черная лисица, известная своею ценностью и достоинством. Но высший сорт ее редок и мало встречается, а когда находят, то берут его в царскую казну, откуда он никогда не выпускается. [Никто, кроме царя, не носит никогда шубы из этого меха. Его превосходство в том состоит, что он очень черен и блестит ночью. Самый высокоценный соболь и эта черная лисица никогда не вывозятся в другие страны, и] никто не смеет торговать ими. Мы встречали мех этих лисиц, но не очень черный. Многие священники и дьяки носят его, ради щегольства, на своих колпаках, ибо он чрезвычайно дорог. Говорят, что цена каждой лисицы высокого сорта полтораста динаров (рублей) в своей стране, а здесь она стоить вдвое дороже. Для цельного меха требуется тридцать шкурок лисицы, чтобы вышла полная шуба, так как шкурки ее велики.

[Знай,[416] брат, что сведения, которые я сообщил, не подлежат никакому сомнению, ибо, когда я приезжал в Москву во второй раз из страны грузинской, сопровождая патриарха египетского (александрийского) и моего родителя[417], я основательно исследовал и подтвердил все эти известия.

Люди, о которых я упомянул[418], были посланники, но не знаю, откуда: от Алтун-

падишаха, т. е. султана желтых калмыков, или же то были посланники от царя Татарии. Вышеупомянутый город и холмы вокруг него находятся, наверно, во владениях царя Татарии, ибо я впоследствии писал историю той страны по верным и несомненным сведениям, выписанным из донесений посланников, которые были отправляемы туда царем Иваном в прежнее время и царем Алексеем, о каковых посольствах много говорено было в свое время, и они имели следствием верные и точные сведения].

Глава III. Москва. — О завоевании восточной Сибири, о тамошних народах и произведениях.

Затем патриарх Никон пригласил воеводу, приехавшего из Сибири. Он явился к нему, приведя с собою нескольких должностных лиц из почетных жителей той страны. То были посланные с казенною податью, которую они в настоящее время привезли. Мы весьма дивились на них, ибо они смуглого цвета и очень сухи, словно полено; лица у них широкие, а глаза маленькие; все они безбородые: мужчину не отличишь от женщины. Волосы на голове у них связаны, а у некоторых привязана к ним прядь из лошадиного хвоста, подобно тому как носят волосы женщины в нашей стране[419]. Одежда их из шелка, похожего на атлас и окрашенного в превосходные цвета. Она не сшита, а выткана так, что одна часть связывается с другой, как мы в этом удостоверились. На одежде спереди и сзади вытканы изображения драконов, — не дьяволов, — змей и диких зверей, страшных видом, с глазами из стекла и бровями из костей. Все это сделано из золотой канители. Они тщеславятся таким платьем: его носят только знатные люди и правители. Эти люди не из первой и не из второй Сибири, а из третьей, называемой ени дунья (Новый Свет), которую открыли казаки шесть лет тому назад. Именно, собралось около сорока тысяч казаков, которые занимались покорением той страны, и пошли с ружьями и другим оружием из своей земли по пустыням и степям на расстояние нескольких месяцев пути, с целью ловли соболей. Вдруг она увидели себя в обработанной и обитаемой местности, какой не ожидали встретить, ибо не думали, что за их страной есть места населенные, и полагали, что страна их составляет крайний север и конечный предел обитаемой земли. Осматривая местность, они заметили громадные каменные стены среди моря. При виде их, они были изумлены и затем скрывались, пока не увидели некоторых из обитателей этого места, и схватили их. Не зная их языка, повели с собою к берегу моря, вошли в лодки и, приблизившись к воротам города, выстрелили из всех имевшихся у них ружей. Люди, бывшие в городе, услыхав звук ружейных выстрелов, тотчас пали от страха на землю и сделались как мертвые. Казаки осмелились (напасть) на них и овладели городом; подчинив жителей, наложили на них подать, которую они выплачивали бы царю через каждые три года, и уведомили об этом царя.[420] Потом они обходили и осматривали это место и не находили ему конца, ибо, как говорят, все оно состоит из первозданных скал и имеет целых три месяца в окружности, которую составляют обломки больших гор, подобные городским стенам. Кругом его море-океан, и нет иного входа, кроме ворот, чрез которые вошли на судах казаки. Все посевы находятся во внутренности его. Там ростут во множестве тутовые деревья, на коих воспитывается шелковичный червь. Шелк у них дешев, а потому платье делается большею частью из шелка. По положению своему, это место близко к востоку, находясь между севером и востоком; по этой причине, как говорят, граница кизилбашей (персиян) находятся по близости оттуда. Как Рассказывается в новой греческой истории, шах Исмаил, сын Хайдера, овладев Фарсом, захватил также все места и страны пока не овладел Багдадом, странами татарскими и всеми морскими островами до океана. Это тот самый шах Исмаил, который жил во времена султана Селима (I), сына Баезида, и вел с ним войну, прежде чем тот отправился воевать с черкесами в Египте. Говорят, что граница того народа отстоит от персидской не более как на три дня пути. У них есть золотой рудник, и потому они выделывают из золота канитель, которую нашивают на свою одежду. Подать царю они платят соболями, рыбьим зубом и слитками золота, раз в три года.

[Сибирь есть великая татарская страна, простирающаяся до соединения с Китайскою империей]. Именно, первая Сибирь отстоит от Москвы на три, четыре месяца пути, и большая часть ее жителей мусульмане. Они ежегодно привозят царю свою подать охотничьими птицами, называемыми по-русски „кречет», по-гречески ἱέρακι, а по-турецки сункур (сунгар), коих цари московские дарят всем государям. Вторая Сибирь, из которой прибыл этот воевода, отстоит на тридцать тысяч верст, как Рассказывал он патриарху. Он говорил, что находился в отсутствии из Москвы девять лет, из коих три года ехал туда, три года пробыл там, а теперь три полных года был в дороге, пока не доехал (до Москвы), привезя с собою, по обыкновению, подать царю за три года. Подать, на сумму в 180 тысяч динаров (рублей), состояла из соболей, белок, горностаев и рыбьего зуба. Купцы этого го рода, которые ведут торговлю для царя, министров и вельмож, нам также рассказывали, что им нужно шесть лет на дорогу туда и обратно и что там они остаются только одну зиму, пока не сделают закупки. Царь Иван в свое царствование установил такой обычай и порядок, что каждый вое вода остается в том городе, куда он послан, не более трех лет, а воеводе сибирскому нужно девять лет для по ездки туда, пребывания там и возвращения. Это пространство столь велико, что ум не в силах его обнять. Говорят, что войска в Сибири более 200 тысяч и большая часть его казаки. Если бы мы не видели этих вещей собственными глазами и не слышали, то не поверили бы и не записали.

Жители тех стран вовсе не знают пшеницы и хлеба. Вся их пища состоит из жареной рыбы и мяса диких животных, ибо снег и мороз не прекращаются в их стране ни летом, ни зимой. Впрочем, говорят, что пред праздником Апостолов (Петра и Павла) лед тает и реки начинают течь, в праздник же Успения Владычицы выпадает снег и начинается мороз. Эти сорок дней составляют их лето. Поэтому-то самый большой подарок у них хлеб и пшеница.

Говорят, что поблизости Казани есть река, которая течет из Сибири, что она очень затруднительна для плавания и что это не одна река, а несколько различных рек или узких протоков. По каждой реке ходят ей свойственные суда. Рассказывают, что они входят в подземелья, высеченные в большой горе, в которой протекает вода, и идут там на расстоянии месяца пути, а затем выходят к большой реке, вода которой очень прозрачна, а ширина, как говорят, три дня пути. Достигнув этой реки, пловцы чувствуют облегчение; но мало судов доходит до нее и потому там мало ездят. На этих судах перевозят только зерновой хлеб. Говорят, что река Сибири течет к Астрахани вместе с рекой Архангельска и что английские франки, несколько времени тому назад, предложили нынешнему царю платить ежегодно двести тысяч динаров за дозволение проводить свои суда в Сибирь и не приходить в пристань Архангельска, ибо они открыли упомянутую реку, впадающую в море близ Сибири. Но царю неугодно было дозволить им проходить по его стране и видеть ее, потому что они враги. Говорят, что дорога в Сибирь довольно близка, если ехать кратчайшим путем на казанские степи, но она очень опасна от татар калмукидис (калмыков).

Возвращаемся (к Рассказу). Из сибирской земли вывозят много ревеня, который растет в стране Хота (Хотен). Его привозят (в Москву) и продают здесь по сорока динаров за нуд, т. е. за 13 ок, самого высокого сорта; а если он низкого сорта и легкий, то за пятнадцать. Московиты настаивают им водку, так как он окрашивает ее в желтый цвет и делает весьма пользительною. Лучший ревень тот, который тверд и очень весок, у которого сердцевина красная и который, когда смочишь его снаружи, окрашивает бумагу, как шафран. Мы видали, что так (испытывали его) греческие купцы, закупавшие его для

Константинополя; говорят, что они немного от него наживают[421]. Из Сибири вывозят еще чистый мускус. Что касается рыбьего зуба, то, как нам рассказывали, он получается от животного, по одним, сухопутного, а по другим, от морского. Когда реки замерзают и оно, томимое жаждой, приходит напиться и не находит (воды), то пробивает лед одним из своих клыков (как мы видели, его изображают с двумя клыками, подобно борову), чтобы добраться до воды. Его клык ломается во льду. Жители той страны приходят и подбирают клыки. Пуд высшего сорта стоит в Москве пятьдесят динаров (рублей) и менее, до десяти. Пуд у них содержит 40 фунтов, а каждый фунт 133 драхмы, так что пуд равняется полным 13 константинопольским окам. Сибирская подать, обыкновенно, доставляется ежегодно к празднику св. Николая или к Богоявлению. При самом прибытии ее в Москву, следующая подать уже выступает из той страны, дабы она получалась царем каждый год, без перерыва.

Затем патриарх стал расспрашивать тех людей чрез переводчика о положении их страны и насколько верст она отстоит от Москвы. Они сказали: «расстояние нашей страны сорок тысяч верст, и мы отсутствуем из нее более трех с половиной лет». По этой-то причине лица их были черны и сухи. Когда присутствующие услышали: «сорок тысяч верст», то были весьма удивлены, ибо расстояние в каждую тысячу верст требует месяца пути, особливо в летнее время при постоянных дождях и трудных дорогах; а в особенности при наступлении зимы путешественники сильно задерживаются, когда замерзнет земля, ибо грязь становится словно гвозди, что весьма затруднительно для ног лошадей, и делается удобопроходимою не раньше, чем выпадет обильный снег, который уравнивает землю. Вторая причина та, что они дожидаются замерзания рек, ибо реки быстро не замерзают, и только спустя некоторое время, когда лед утолщится и окрепнет, путешественники осмеливаются переходить через них. Перед самым замерзанием рек, суда по ним уже не ходят, ибо лед образуется на них слоями. Потом патриарх спросил их: „на чем вы ездите? Есть ли у вас лошади?“ Они отвечали: „нет, но у нас есть собаки, которых мы употребляем вместо лошадей. Они возят наши повозки и сани, дороги же зимой для нас легки“. — „Что вы едите?“ спросил их патриарх. Они отвечали: „когда увидим дикого зверя, отвязываем своих собак и спускаем на него, и когда оне его поймают, мы и собаки едим его сырым, не варя на огне. Это наша провизия и наша пища“. — „Что вы пьете?“ спросил он. Они сказали: „если не находим воды, едим снег, который заменяет нам воду; также и собаки, когда почувствуют жажду, то лижут лед». Он спросил их, кому они поклоняются. Они сказали ему, что они Эллины, т. е. почитают идолов и животных и поклоняются небу. Услыхав это, все присутствующие сильно удивились. Мы же, в особенности, были рады этим рассказам и тому, что видели и слышали: на наше счастье все эти народы приезжали (при нас). Затем патриарх отпустил их.

Мы видали упомянутых собак в домах государственных сановников, кои хвастают ими и строят для них деревянные домики подле ворот своих жилищ, привязывая этих собак толстою цепью за шею, ибо, Бог свидетель, каждая собака больше осла; голова же у нее больше, чем у буйвола, а пастью своею она может проглотить голову буйвола. Что касается их пищи, то им дают бычачьи головы, разрезанные пополам на обед и ужин. Богу известно, как сильно мы испугались, увидев их, ибо вид их ужаснее вида львов. Этих собак запрягают по две в маленькие сани, похожие бармэ[422] в Константинополе, с выступом спереди, где садится человек. Что бы он ни вез с собой, соболей и иное, упаковывает в кожаные мешки для предохранения от снега и дождя, и сам на них садится. Он погоняет собак длинным хлыстом, держа в (другой) руке возжи, и, как нам говорили, собаки бегут быстрее лошадей ночью и днем.

[В следующем году, когда мы находились в городе Москве по повелению царя, в те дни прибыли из области сибирской многие племена татар странного нрава; некоторые из них походили на узбеков по своим длинным бородам и широким одеждам, которые были особенно роскошны. Мы разговаривали с ними по-турецки, и они сообщили нам, что должны платить царю ежегодную подать в 8000 динаров, за каковую они привезли ему ревеня и мускуса первого сорта, которые он продает франкам. Они рассказывали, что дикое животное, от которого получается мускус, водится в пустынях, лежащих между Сибирью и Татарией. Здесь эти люди находятся в большом стеснении и не имеют дозволения ходить самовольно по городу: за ними непременно следуют стрельцы, и никто не смеет перемолвиться с ними ни одним словом, разве только в величайшей тайне, как делали мы. Представив свою подать царю, они начали тайно продавать мускусную воду, которую привезли с собою, по 22 динара за фунт. Московиты не любят ее и не пьют, почему она очень дешева. Персияне покупают ее у сибирских жителей по 10 динаров, но теперь ни одного из них не было здесь. Они рассказывали нам, что имели прежде каменные мечети с минаретами, но что теперешний патриарх Никон послал разрушить их. Они называют церкви монастырями, а христиан казаками]. Страну Китай они называют Чин и Мачин, а страну Хота Хотахоты, и говорят, что она отстоит от их земли более чем на три года пути. Они называют его — т. е. султана Хота и царя Китая — неверным султаном. Они говорили, что золотой султан находится по близости от них.

Эти вещи Бог удостоил нас, после великого желания, увидеть собственными глазами и записать поодиночке, на пользу слушателей, дабы нас поминали добром всегда, во веки веков.

Глава IV. Москва. — Завоевания казаков в восточной Сибири. Москва под владычеством татар и митрополит Петр. Дань татарам. Укрепления на южной границе.

Возвращаемся (к прерванному рассказу). В этот же раз патриарх сообщил нашему учителю о царице Хота и Хатай и о том, что она присылала недавно к царю с изъявлением покорности. Московиты называют на своем языке страну Хота и Хатай Китаске. Рассказывают, что из вышеупомянутых благословенных казаков, покоривших эти страны, отправилось около 400 человек с ружьями по направлению к востоку, из страсти к путешествиям. Употребив много времени на поход, они достигли до границы упомянутой страны. Войско, охранявшее границу, увидев казаков, очень испугалось, ибо казаки тотчас же выстрелили из ружей, и те все попадали ниц на землю. Вставши, они повели их учтиво к царице, которая, по их словам, была вдова и правила государством вместе с маленьким сыном. При виде казаков она сильно изумилась. Угостив их и оказав почет, царица просила их выстрелить из ружей, и когда они выстрелили, на жителей города напал страх пред казаками. Отыскали переводчика, и царица спросила казаков об их царе. Они сказали ей, что он могуществен и имеет много войска. Она удивилась, что во вселенной есть другой мир и страны кроме ее, ибо они думали, что они одни в мире. Да будет благословенно имя всевышнего Бога! Она сказала им: „у нас написано, что белый царь должен завоевать все страны; быть может, это ваш царь?“ — „Да, отвечали казаки, и он уже покорил большую часть земли“. Она стала просить их, говоря: „может быть, вы примете на себя посредничество между нами, для выражения ему нашей покорности, дабы он защищал нас от врагов и прислал нам с вашей стороны, для охраны, ратников с ружьями, как у вас, а мы пошлем ему казну“. Казаки попросили ее отправить посла и прибыли с ним к царю, имея с собою подарки — слитки серебра. Нам рассказывали, что в той стране серебро так (обыкновенно), как камень, и что в домах потолки делаются из серебра вместо камня и досок, так как вся почва в той стране (изобилует) серебром. Царь хотел послать привезти того серебра. Посол же (царицы), по оказании ему почета и обласканный царем, отправился в обратный путь. Сочли, что они были в пути целых шесть лет и что, если бы даже серебро было золотом, потребовалось бы расходов и труда больше, чем оно стоит, и потому от него отказались. Царь хотел послать царице ратников, но и этого не нашли возможным, по причине отдаленности той страны. И царица хотела прислать царю войско, сражающееся луком и стрелами, по также (отказалась от этого) вследствие дальности расстояния, так как сочли, что нужно шесть лет для пути туда и обратно, а это вещь невозможная. Казаки привезли с собою пленников, которые сообщили о своей стране, что там есть церкви и колокола, в кои постоянно звонят, и что они совершают поклоны, но никто не знает кому, ибо христианская вера, за давностью времени, ими забыта. В древнем тактыконе (уставе) антиохийского патриарха упоминается об одной из четырех кафолических стран в таких словах: „третья кафолическая страна есть Хота и Хатай“. Мы находим теперь очевидные признаки справедливости этого в том, что они звонят в колокола и совершают поклоны. Имея основание в своих книгах, мы сказали им, что они входят в состав области патриарха антиохийского, чему они удивились. Патриарх Никон сообщил, что он послал к ним пятьсот священников, которые крестят их ночью и днем. Он сказал: „они уведомили меня, что ежедневно крестят более двадцати тысяч». Так он рассказывал. Не знаем, правда это или ложь — Бог весть. Эта страна, как

говорят, лежит за морем-океаном и представляет ряд крепостей по берегу моря. Со стороны Московии нет туда иного пути, как только сушей. По этой причине, как говорят, король Испании завоевал часть этой страны и из нее получил свое серебро. Что касается золотого султана, то страна его близка к внешней (передней) Сибири (и лежит) между севером и востоком. Султан этот покорился при отце теперешнего царя: казаки завоевали его страну и привели его к покорности. Он ежегодно присылает в виде дани царю слитки золота, — ибо у него есть золотой рудник — седла, расшитые золотом и др., породистых лошадей и чудесные кольчуги из желтой меди, которая тверже стали. Говорят, что расстояние до его страны составляет около года пути. Жители ее безобразны лицом и более дики, чем Лопани; на шее у них всегда висят большие деревянные четки. Этого султана называют Алтун-падишахи (золотой царь). Говорят, что он ханифийского исповедания, так как, до времен царя Ивана, весь северовосточный угол был заселен ханифийцами, т. е. мусульманами.

Во дни Василия Македонянина, даже в самой Москве были татарские цари. Когда он прислал свою сестру к киевскому царю Владимиру и вся та страна приняла крещение от руки св. Петра, о коем мы уже рассказывали, святой прибыл в этот город, находившийся во власти татар, и совершил великие чудеса. По этой причине его очень полюбили и верили всему, что он говорил им. Видя, что они не веруют (во Христа), он сказал им: „вот, я пошлю от Господа огонь, который пожжет вас, и воду, которая потопит этот город; уходите из него на некоторое время“. Они поверили ему и ушли в пределы Казанской области, а святой немедленно послал за царем Владимиром и его войском и отдал ему во власть этот город вместе с другими, без труда и войны. Потом, усилившись, они завоевали много областей. Этот Владимир имел двенадцать сыновей и каждому из них дал во владение по области. Он построил много городов, и до сих пор существует город его имени, называемый Владимир. По этой-то причине с того времени владения раздробились, и стало, как мы уже упомянули, семьдесят областей, (что продолжалось) до времен царя Ивана. Затем св. Петр заключил договор между русскими и татарами, наложив в пользу последних дань, которую должны были вносить им ежегодно Владимир и его дети, чтобы татары утешились в потере своей страны, при чем произнес анафему на того, кто нарушит договор. Этот же самый святой построил вторую стену города вне дворца[423]*, ибо во времена татар не было ничего, кроме крепости, которая есть дворец. Договор оставался в силе между ними до времен царя Ивана, который пошел и завоевал Казань, откуда оставшиеся в живых татары ушли в Астрахань; когда же он и ее взял, они бежали в татарскую страну, которой владеют в настоящее время, именно, Крым, Бахчисарай, Кафу и иные. От Астрахани до Крыма, резиденции хана, расстояние только пятнадцать дней пути. Татары владели областями и городами, лежащими влево, если идти из Путивля в Москву, и теперь еще эта страна называется их именем. Цари московские захватили ее хитростью. На пространстве более чем в 40, 50 дней пути лежали пустые, заброшенные земли; каждый царь посылал построить там крепость и села и таким образом захватывал область, потому что у татар не было силы охранять ее; (так продолжалось) до времен теперешняго царя, который в свое царствование соорудил шестнадцать крепостей, назвав их своим именем, кроме крепостей и фортов, которые он построил на берегу рва, выкопанного им между его страной и татарской. Говорят, что этот ров очень велик и широк и имеет в длину пять тысяч верст; именно, (он тянется) от окрестностей Путивля почти до великой реки Волги. На краях рва утверждены связанные между собою бревна с удивительными приспособлениями. Царь выстроил на нем тридцать больших крепостей, а на расстоянии каждых тридцати верст по укреплению с 500 стражей.*

Говорят, что эта стража составляет около шестидесяти тысяч ратников; другие говорят, что не шестьдесят, а полтораста тысяч. Они сменяются чрез каждые шесть месяцев. Для них устроены там города и селения и заведены посевы на тех землях, которые были пусты и заброшены. По этой-то причине, со времен нынешнего царя, татары ни разу не переступали границы его земель, и многие области их, близкие к Московии, завоеваны московитами. Крым, резиденция хана, отстоял прежде от Московии на сорок дней пути, а теперь он отстоит от границы (московского) царства только на пять дней. Поэтому царь ежегодно дает хану и мурзам казну: денег, соболей, белок, горностаев, почетные платья и пр.; по словам некоторых, это обходится ему в 12000 пиастров, а другие говорят, что прежде, со времен св. Петра и позднее, дань была 40000 динаров, [но теперь, при нынешнем царе, все это прекращено, и он посылает татарам лишь весьма незначительную сумму, около 12000 динаров,][424] *да и то не из страха перед ними, а в виде арендной платы за их земли, которыми завладели московиты. Если бы не проклятие св. Петра, они бы всему этому положили конец. Прежние цари не умели устроить дело так, как нынешний царь, который оградил себя от татар упомянутым большим рвом, крепостями, фортами, башнями со множеством пушек и многочисленным охранным войском, стоящим постоянно на страже. Вот уже около десяти лет он царствует, и татары не переступали границы его владений и не взяли из них ни одного пленника: у них совсем не стало силы. В течение двух лет, как мы были в этой стране, царь хотел прекратить посылку казны, но между ним и его врагами ляхами возникла война, и потому он этого не сделал, зная, сколько миллионов золота ляхи обещали татарам, чтобы те пришли к ним на помощь. Впрочем, они только посмеялись над татарами и ничего им не дали.*

Глава V. Москва. — Татарские послы в Москве. Отношение русских к иностранным послам и вообще к иностранцам. Патриарх Никон и богатый армянин. Торговля англичан.

Для утверждения договора между московитами и татарами, ежегодно приезжает от татар посол, в сопровождении пятидесяти человек, и они остаются в Москве целый год в качестве заложников. Когда приезжает другой посол, первый берет казну и уезжает. И от московитов ездит к хану посол с письмом, в сопровождении переводчиков и свиты, и остается там целый год. Этого посла с его людьми татары не выпускают из своих пределов, пока не приедет к ним (другой) посол из Москвы, так что послы встречаются на дороге. Местожительство татарского посла в Москве находится за земляным валом. Его стережет многочисленная стража из стрельцов; отнюдь никому не дозволяется к ним входить, и когда кто из татар выходит на рынок в случае надобности, всегда за ним неотступно следуют стрельцы с палками и совсем не пускают в ворота крепости, т. е. дворца (Кремля). И мы видали, что за ними всегда ходят стрельцы, и никто не смеет с ними разговаривать. Когда посол является для представления царю, по приезде и пред отъездом, многочисленные стрельцы в своем красном одеянии становятся в ряд по дороге с обеих сторон [чтобы поразить его изумлением]. Посла везут назад не тем путем, которым он приехал из своей страны, но другим, ибо такой смышлености, как у московитов, такой хитрости и ловкости не встретишь нигде в другом народе, как нам рассказывали бывалые греческие купцы, которые в прежнее время приезжали с турецкими послами, когда существовала дружба между обоими народами. Говорят, что тем путем, которым привозили посла, отнюдь не возвращались с ним, дабы он не ознакомился с дорогами и городами, и везли его не прямым путем, а с большими поворотами, дабы показать ему этим громадность своей страны. Когда он приближался к городу (Москве), его встречали за семь верст, при чем стрельцы стояли в ряд с обеих сторон до царских палат, не считая тех, которые шли впереди; вся цель этого была та, чтобы поразить посла многочисленностью войска. Так поступали со всеми послами, которые приезжают от кизилбашей,[425] от цесаря, государя немецкого, из Швеции, Англии, Голландии и иных земель. Хотя бы послу путь был на один месяц, с ним кружатся на расстоянии нескольких месяцев пути. Татарскому послу назначаются ежедневно на прокорм лошади, которых татары режут и едят по своему обычаю, а равно овцы, куры, напитки и прочее. Турецкому послу ежедневно выдавалось десять овец, один бык, двадцать кур, пять уток и пять гусей, десять ок[426] масла и столько же меда, восковые свечи, дрова, напитки и пр., помимо ежедневной выдачи копейками ему и его людям. Таким же образом содержат посла кизилбашского и всех других послов, смотря по числу людей, которые с ними приезжают, и чего бы посол ни попросил, выдают ему. Со всеми этими послами они отнюдь не имеют сообщения, потому что считают чуждого по вере в высшей степени нечистым: никто из народа не смеет войти в жилище кого-либо из франкских купцов, чтобы купать у него что-нибудь, но должен идти к нему в лавку на рынке; а то его сейчас же хватают со словами: „ты вошел, чтобы сделаться франком». Что же касается сословия священников и монахов, то они отнюдь не смеют разговаривать с кем-либо из франков: на это существует строгий запрет.

В этом городе живет много франкских купцов из немцев, шведов и англичан, с семействами и детьми. Прежде они обитали внутри города, но нынешний патриарх, в высшей степени ненавидящий еретиков, выселил их по следующему поводу: идя по городу с

крестным ходом, он заметил, что они не сняли своих колпаков и не осеняли чела крестным знамением пред иконами и крестами. Удостоверившись, что они франки, переодетые в платье московитов, он заставил царя выселить их не только из этого города, но даже из всех других и из крепостей и укреплений, поселив их вне города; не выселяли лишь тех, которые крестились. Их церкви, принадлежавшие им издревле, разрушили, вместе с татарскими мечетями, и не дозволили построить другие за городом среди их жилищ. В особенности разрушали церкви армян, жителей Астрахани, и самих их поселили за городом. По этой причине они были вынуждены, вместе с другими племенами, открыто креститься ночью и днем. Рассказывают, что был один армянин, очень важный купец и переводчик в царском диване. Когда вышел из дивана царский указ от патриарха, чтобы армяне, сняв московское платье, которое они надевали, носили свое обычное платье и сбрили бороды по своему обыкновению, этот купец, имевший длинную, весьма большую седую бороду, постыдился ее сбрить и послал патриарху пятьдесят тысяч динаров, чтобы он оставил ему бороду, дабы не было ему стыдно и зазорно перед людьми на закате его жизни. Но патриарх отказал, ибо в деньгах он не нуждается, — да и как это возможно в стране столь пространной, управляемой лишь двумя: царем и патриархом? Он велел сказать в ответ купцу: „если он окрестится, то станет как всякий из нас». Но тот не пожелал, и тогда выгнали всех до одного армян. У нас были огромные каменные, подобные царском, палаты, веселящие сердце, которые они, вынужденные к тому патриархом, должны было продать московитам.

В этом городе постоянно живут консулы от королей английского и голландского, от Австрии и Швеции, как живут они и у нас в Алеппо. Когда, несколько времени тому назад, англичане восстали на своего государя и убили его, царь Алексей разгневался на них, так как они изменили своему государю, и велел выгнать их из всей своей страны, пока новый король не прислал важного посла, дабы расположить мысли царя к благосклонности. Мы ходили смотреть на него. Все их корабли приходят в Архангельск, царскую пристань на море-океане. Там есть большая крепость во имя св. Михаила архангела. Город прежде был в руках англичан, но отвоеван у них царем Иваном. Они привозят в Московию всякие товары: грузы критского вина, вина из Испании, Франции и из своей земли, всевозможных сортов, по полреалу за око; а также оливковое масло, маслины, орехи грецкие, леденцы, безделушки, стекло, кассию и другие предметы: ткани и прочие франкские товары. Отсюда они берут соболь с хвостами, белку и телятин, т. е. кожу для обоев, которую они в своей стране вытисняют золотом и привозят как к московитам, так и в нашу страну, вместе с рыбьим зубом. В праздник Успения Владычицы, 15 августа, бывает большая ярмарка с куплей и продажей; в это время московские купцы отправляются к англичанам (в Архангельск) со своими товарами, продают им и покупают у них. Московиты вывозят оттуда свои товары не раньше зимнего времени на санях, выезжая в праздник св. Димитрия и приезжая в Москву к празднику св. Николая. Царь получает от них большую пользу чрез пошлину, ибо, как говорят, купцы доставляют ему пиастры и золото большими бочками, вследствие того, что бывает много торговых сделок. Пошлину берут с десяти один, как с англичан, так и с местных купцов. Англичане вывозят на своих кораблях всего больше пшеницу и рожь, потому что пропитание всех франкских стран идет из запасов этой страны. Царь дает им пшеницу и рожь и берет от них чудесные железные брони, называемые джебаханэ, оружие и пр. В этом именно он нуждается от них. Говорят, что расстояние островов Англии от Архангельска, при попутном ветре, 15 дней пути. Это три огромных острова в море-океане, один близ другого, окружностью в восемь тысяч миль. Первый называется Инклитара, второй — Филондра, а третий — Скоция.

У царя есть люди, освободившиеся из плена, кои знают нашу страну по пядям, как и весь свет. По этой причине они делаются переводчиками. При нас постоянно был один из них, знающий двенадцать языков: арабский египетского наречия, турецкий, греческий и франкский; а родом он московит.

Знай, что в праздник Успения, 15 августа, бывает в четырех местах большая ярмарка: первая — в области Серкас; сюда приезжают купцы Барса; эта ярмарка называется Долян;[427] вторая — в знаменитом монастыре Печерском, в стране казаков; третья — в монастыре, в городе, называемом Синска (Свинек),[428] в управлении московитов, между их границей и границей ляхов; четвертая — в Архангельске. Все четыре ярмарки в четырех почитаемых монастырях, во имя Успения Владычицы.

Глава VI. Москва. — Известия о Грузии, о царе Теймуразе и царице Елене.

Покончив с известиями об этой северной стране, возвращаемся к окончанию известий об областях казанской и астраханской. Как мы упомянули, наибольшее татарское племя суть татары, называемые башкирдь (башкиры), ибо они обитают от пределов Казани до границ Сибири. Царь берет со всего этого племени харач, по одному из десято, именно: из лошадей, верблюдов, быков, овец и пр. Тамошние воеводы очень их притесняют. Город Багдад недалеко от города Астрахани. Из страны грузин есть два пути в Москву: один сушей, другой морем Каспием; но этот путь обилует опасностями, когда, достигнув пристани безопасности, доходят до Демпр-капу, т. е. Железных ворот, построенных Александром между двумя горами, коих закраина подобна мечу, — построенных для того, чтобы никто не проходил отсюда к границам резиденции татарского хана. Здесь он построил крепость, которая до сих пор в руках персов. Этими воротами непременно нужно проходить. От них до границы Грузии, (именно) до границы (владений) Теймураз-хана, пятнадцать дней пути. Дари московские, обыкновенно, посылают ему большую помощь деньгами, соболями, оружием и пр. За два года перед сим царь отправил к грузинам трех послов вместе, в сопровождении 700 человек, послав с ними 377 сороков лучших соболей, ценою каждый около 300 динаров (рублей), а также 40000 пиастр-реалов,[429] 10000 золотом, оружие, украшения и пр. Послов этих отправили к упомянутому Теймураз-хану на судах. По прибытии в Астрахань, они поехали оттуда по Каспийскому морю, и когда достигли средины его, поднялся противный ветер и сильная буря, и как это море очень опасно и труднопроходимо, обилует (подводными) камнями и узко, так что его называют озером и его волны (стеснены) в нем, то путешественники не нашли себе убежища, корабли их разбилась и все они потонули; спаслось только человек двадцать, тридцать, которые вышли на сушу нагими. Они пошла дальше и прибыли в город Шемаху, где была с почетом приняты его владетелем, так как между ним и царем большая дружба. Он послал известить шаха о случившемся, потому что этот город также состоит под его властью. Шах немедленно прислал ответ, чтобы владетель Шемахи принял путешественников с большим почетом и дал наказ по деревням, лежащим близ моря, собрать все имущество послов. Было собрано, что можно, и владетель Шемахи постал с путешественниками несколько человек проводить их к Теймураз хану. Известие о случившемся было послано ими также к царю. А Теймураз-хан очень опечалился, что не мог ничем помочь. Царь же, услышав об этом происшествии, отправил к нему другую казну с новыми людьми. Существует обыкновение, что, когда отправляют послов в страны столь отдаленные, то назначают трех послов, один старше другого, а также (по три) секретаря и переводчика; если одного из них постигнет смерть, его место заступает другой. Когда посланные высадились и приближалось к границам Грузии, случилось, что старший посол умер. Обрати внимание на злоключения, постигшие теперь Теймураз-хана! первое — убиение его сына, второе — захват кизилбашами его трона и страны, третье — то, что случилось с этими послами в первый и во второй раз. Обстоятельства принудили посланных отправить на место себя одного греческого монаха, бывшего при Теймураз-хане, гонцом к царю с известием о смерти посла и (с запросом) кого ему угодно назначить на его место. Монах этот приехал в Москву нынешним великим постом и посетил нашего владыку патриарха, которого он знал, когда тот был митрополитом в Алеппо. Мы спросили его, во сколько дней он прибыл из Грузии в Москву. Он сказал, что (совершил путь) в восемьдесят

дней хорошей езды, в качестве гонца, забирая лошадей в каждом городе, что он загнал пятнадцать лошадей и ехал в эти восемьдесят дней безпрерывно ночью и днем. Этот путь особенно затруднителен: (встречаются) огромные горы и большая опасность со стороны области черкесов, где есть множество разбойников, которые не только грабят (путешественников), но берут (их) в плен и продают кизилбашам и татарам. По этой причине предпочитают ехать морем, хотя это опасно. Часть страны черкесов подвластна царю, остальные же непокорны: каждый из них живет сам по себе, и никто не имеет власти над ними. Монах рассказывал, что его иногда провожали пятьсот всадников из подвластных царю, чтобы провести среди опасностей. Он сообщил, что путь от Москвы до Грузии почти равен пути от Константинополя до Москвы, ибо он проезжал по обоим путям. Под конец, после Пасхи, царь отправил с ним посла на судне по реке.

Когда до царя дошла весть о том, что кизилбаши напали на Теймураз-хана, покорили его страну и убили его сына Давида» то он сильно разгневался и тотчас отправил к шаху посла сказать: „с древних времен и до сей поры не возникало войны между нами; зачем же вы теперь пошли войной на страну, мне подвластную, и на людей, мне покорных?“ Видя, что царь сильно разгневан, шах стал отпираться и послал извиниться пред царем, говоря: „мы братья; я не имел известий о том, что случилось, но потом, узнав, что это сделал один из правителей, мне ослушных, я, ради тебя, послал ему приказ выйти из Грузии и возвратить Теймураз-хана на его место“. Как нам рассказывали, между московским царем и шахом всегда существует великая дружба с давнего времени: шах называет царя своим братом, потому что царь и шах одних лет: говорят, что они родились в один день — им теперь по 27 лет от роду. По причине большой дружбы, между ними существующей, дед нынешнего шаха, по имени шах Аббас, 32 года тому назад, когда завоевал Грузию и нашел (там) хитон Господа Христа в одной из больших церквей, немедленно послал его покойному царю Михаилу, отцу нынешнего царя, вместе со всеми загрaбленными священническими облачениями, осыпанными драгоценными каменьями и жемчугом. Прослышав об этом, французский король послал к шаху, обещая ему великую казну и два больших города со всем, что в них есть, в собственность, если он отдаст ему хитон. То же обещали ему прочие франкские государи, что вокруг него, но шах отказал, говоря: „я отошлю его к моему брату, царю московскому“. Мы раньше в своей стране слышали, что он разделил хитон на-двое, и одну половину отдал королю испанскому, а другую царю московскому; но это известие неверно, ибо мы впоследствии видели хитон в великую пятницу, покланялись ему и прикладывались. Он находится в своем первоначальном ковчеге, осыпанном драгоценными каменьями, с грузинскими письменами. Ковчег, по величине, менее маленького литургийного служебника, с эту исписанную страницу в 21 или 22 строки, и такой же ширины, даже, пожалуй, меньше и тоньше служебника. Божественный хитон из тонкого полотна, темного цвета, наполняет ковчег до верху, так что крышка с трудом закрывается. Вот какое бесценное сокровище, о коем вздыхают все цари христианские, приобрел московский царь!

Возвращаемся. Затем царь послал к Теймураз-хану с просьбой прислать к нему жену своего сына Давида, вдову, с ее сыном Николаем, дабы утешить ее и женить сына ее на своей старшей дочери Евдокии. Цари московские весьма любят этого Теймураз-хана и его детей и титулуют его царем, ибо знают, что он царской породы от своих предков. Когда мы приезжали в Грузию в 7173 году от Адама, нам Рассказывали, что род Теймураз-хана восходит до Давида, царя и пророка, ибо, как говорят, Давид.....[430], который воевал с греческим царем Василием Македонянином, был одним из его предков. Что же касается остальных четырех князей, находящихся в Грузии, то они не древнего рода, и, кроме того,

эти последние продают своих детей и подданных иностранцам, о Теймуразе же никогда этого не было слышно: напротив, он выкупает христиан из неволи. Вследствие этого цари посылают по временам ему и всем его вельможам, в виде вспомоществования, весьма значительную казну, подобную посланной ныне. Теймураз-хан послушался тогда царя и отправил свою невестку, по имени царицу Елену, вместе с царевичем Николаем, снарядив с ними большое число людей со множеством слуг и служанок. Когда они достигли средины опасных степей, то, как говорят, шах, прослышав о них, послал пятьсот всадников захватить их, представлявших собою великое сокровище, в плен, но обманулся в своем намерении.[431] *Посланные напали на них и сразились с ними, и так как с царицей было небольшое число людей, то победили их, большую часть умертвили, а всех (прочих) взяли в плен. Царица, видя случившееся, тотчас остригла свои волосы, оделась с сыном в бедное платье и убежала. Время было ночное, и это обстоятельство спасло ее вместе с несколькими из ее людей. Пока другие сражались, она спаслась и еще до наступления утра достигла турецкой крепости. Отсюда ее снарядили в Астрахань и далее в Москву. Царю послали известие о случившемся, и он прислал им для путешествия царские одежды и ратников. Когда царица приблизилась к Москве, царь, задержав их до наступления ночи, велел осветить все улицы и весь город свечами и яркими огнями [так что вся местность казалась покрытой рекой огня] и послал все войско, министров и всех вельмож встречать прибывших.*[432] *Царицу ввезли в город в царском экипаже, а сын ее ехал верхом с большим поездом. Очевидцы рассказывали нам, что то был день из таких, которые на счету в жизни. Прибывших поместили в доме одного из вельмож, где все покои, внутренние о наружные, были покрыты коврами и красным сукном, как приличествует царям и царицам. До сих пор царь оказывает им чрезвычайный почет и подобающее уважение.*

Спустя три дня, царь пригласил царевича к себе вечером, при чем точно также зажигали свечи и огни и расставили войско, и это продолжалось всю ночь. Царь сел с ним за царскую трапезу, исполненный великой, неоипсуемой радости; да и как не любить его? Блеск очей его, как мы видели это собственными глазами, являет царственное происхождение. Царь назначил ему и его людям на содержание ежемесячно по триста динаров, сверх еды и питья. Он также послал к шаху, сильно упрекая его, а тот, по обычаю известных правителей, кои не отличаются постоянством и не держат клятвы, от всего отперся. Достоверно известно, что та страна[433] *не принадлежит к его управлению, а находится во власти непокорных черкесов. К ним-то он и послал, надавав им множество обещаний, с тем чтобы они захватили царицу и ее сына. Впоследствии он прислал (в Москву) часть слуг и служанок, бывших с царицей, говоря: „я избавил их от рук разбойников». Вот что произошло.*

Мы потом ходили к ним с подарками от нашего владыки патриарха. Царица сидела на троне; все ее платье, мебель, даже ее подушка и ковер под ногами были черного цвета, по обычаю вдов. Сын сидел подле нее также в царском одеянии. При нашем входе, он снял свой колпак из уважения к пославшему нас. Поодаль стояли женщины, многочисленные служители и переводчики. Когда мы упоминали имя нашего владыки патриарха, они делали земной поклон, и мы кланялись им. Мы часто посещали их, по причине большой любви их к нашему владыке патриарху, так как они знали о нем, когда он был еще в Алеппо.

В пятую субботу поста, по приглашению царицы Елены, наш владыка служил у ней литургию, о чем мы расскажем в своем месте. Всякий раз, как мы приходили, сын ее подавал сам лично, собственными руками, рюмки с напитками, по обычаю московских вельмож, которые подносят обеими руками гостю напитки, причем делал поклон головою, на что мы отвечали тем же.

Глава VII. Москва. — Крещение иноверцев. Касимовский царевич и польский пан. Конец обеда у патриарха Никона.

Возвращаемся к нашим известиям о Казани и ее области. Патриарх Никон сообщил в этот день за столом нашему владыке патриарху, что кругом города Казани живут шестьдесят тысяч мусульман, которые платят харач и (всякие) поборы. Они крестятся днем и ночью. Он Рассказывал, что московиты считают их нечистыми и не сообщаются с ними, не едят с ними и не пьют. Кто из них окрестится, тот не смеет ходить к своим родным, а если пойдет по необходимости, то не ест с ними из одного блюда и за их столом, а из отдельного блюда и за отдельным столом, из опасения возбудить злобу московитов и подвергнуться наказанию от них за то, что он ел с мусульманами, ибо у них это считается чем-то отвратительным и весьма нечистым, именно (они думают), что крещение оставило его и он нуждается в новом крещении. Если жена окрестившегося также окрестится вместе с ним, то будет его женой, а если не пожелает, то отнюдь не дозволяют (ему) приближаться к ней, но разводят ее с ним и женят его на христианке. Крестившийся получает от щедрот царя одежду, сукна и много динаров, и один из государственных сановников бывает его крестным отцом. После крещения бросают все его платье и надевают на него новое, даже (новый) колпак на голову и (новую) обувь на ноги. Они твердо верят, что именно такой крестный отец избавляет его от мрака неведения и руководит к истинному свету. Впоследствии мы видели, как они крестили взрослых людей в нашем присутствии в Москве-реке. Священник, прочтя положенные молитвы, налил деревянного масла и раздел (крещаемаго), оставив его в одной сорочке, которую снял только тогда, когда ввел его в воду и погрузил, дабы не обнаружились его pudenda. Он поднимал и опускал его трижды при помощи пояса, пропущенного под мышки, затем вывел его, после того как трижды погрузил его с головой, тотчас одел во все новое, потом, по обыкновению, обошел с ним три раза кругом воды, поя положенную стихиру; при этом как он, так и все присутствовавшие имели в руках свечи. Мы увидели нечто чудесное: их лица, быв черными и мрачными, тотчас — о удивление! — преобразились в сияющия светом. Их было трое мужчин: двое из татар малдван (мордва), а третий из ханских татар. Они знают по-турецки. Крещение совершилось, после того как они у нас, в монастырской церкви, в течение всего великого поста, усердно посещали службы ночью и днем, при чем, как оглашенные, стояли вне церкви. Священник учил их крестному знамению, молитвам и тайнам веры. Один из них был старец. Мы дивились на московитов: они так высоко ставят, веру, что не крестят никого раньше чем он пробудет шесть недель, т.-е. 40 дней, в каком-либо монастыре, не входя в церковь. Так поступали теперь и с ляхами и крестили вторично, хотя это недозволительно: но московиты отнюдь не принимают их, не окрестив. Таким образом ляхи, поневоле, просят крещения, дабы их приняли и любили от всего сердца. Крестившиеся получают высокия должности.

Покойный царь Иван, когда шел походом на Казань, по дороге воевал с независимым татарским ханом, мусульманином знатного рода, правителем области Касимов и городов: Романов и Изар[434] (Инсар?). Страна эта заключает три крепости и представляет самостоятельную область, имеющую более десяти тысяч домов. Хан, будучи не в силах воевать с царем, изъявил ему покорность и передал всю свою страну. Поэтому царь Иван обошелся с ним милостиво и поставил его в стране с прежнею властью, дав ему царский указ, чтобы он ежегодно вносил царю подать, чтобы никто не отнимал у него владений и страна оставалась за ним и за его детьми до скончания веков. Затем царь пошел на

крепость Сиямска (Свияжск?), высокую, неприступную, поднимающуюся на вершине горы; она выстроена на берегу великой реки Волги и отстоит от Москвы на 600 верст. Рассказывают, что царь послал вперед на судах для покорения ее около двадцати тысяч, и когда бывшие в крепости узнали о них, то нарубили очень больших деревьев из тех, которые окружали крепость, и оставили их, пока все (нападавшие) не приблизились к основанию (горы), и тогда сбросили их; говорят, что эти деревья рассеяли суда и все войско. Царь Иван, услышав об этом, воспылал сильным гневом и отправился сам. Сделав подкопы и проведя подземные ходы под крепостью, наполнил их порохом и поджег. Стены ее рухнули; он вступил в нее и перебил всех, бывших в ней, мечом, а затем отстроил ее вновь и пошел на Казань.

Возвращаемся. Потомство этого хана продолжается до сих пор. Из него остался один только человек; мы впоследствии видели его: он очень приятный, был одним из турецких придворных служителей — и наружность его это показывает; хорошо говорит по-турецки с примесью персидского. Царь вызвал его к себе вместе с его женою, матерью и наставником, т.-е. шейхом, которого называют ходжа. При свидании с ним, царь просил его сделаться христианином и креститься, при чем он был бы его крестным отцом; если сделает это, он женит его на своей старшей сестре Ирине и прибавит ему областей сверх тех, которыми он владеет. Тот изъявил согласие и дал обещание. Царь, очень обрадованный, — потому что они его любят и называют василопуло, т.-е. царевичем,— послал его в один монастырь, дабы он пробыл там, по их обычаю, в качестве оглашенного, сорок дней. Что же касается Евы, т.-е. его жены, матери его и ходжи, то они не пожелали (креститься) и его уговаривали этого не делать и до того к нему приставали, что он отказался. Когда прошли сорок дней и царь прибыл в монастырь, чтобы его окрестить, тот обнаружил решительное нежелание, сказав царю: „Вот тебе меч и моя голова; я не хочу креститься“. Истощив все ласки, царь разгневался на него и посадил его в цепях в одну из келлий; здесь он находился в одиночном заключении и никто к нему не входил. Что ели монахи, тем и его кормили. В таком положении он пробыл со дня нынешнего Богоявления до конца июля месяца. Когда дошло до царя, что именно его жена, мать и ходжа препятствуют ему (креститься), то он, разгневавшись на них, послал жену его в заточение в женский монастырь в области Нижна (Нижегородской), мать заточил также в женский монастырь в стране Сибирской, а ходжу в монастырь св. Кирилла (Белоезерскаго), в подворье которого мы пребываем, приказав держать их с большими лишениями и принуждать к самым тяжким работам. А тот господин продолжал оставаться в крайних лишениях и тоске, пока не стал собственными устами просить крещения. Услышав об этом, царь уже не изъявил согласия, но сказал: „пусть он умрет на своем месте от горестей; когда я просил, ему это было не в угоду, а теперь хочет по неволе: это грешно“. И тот оставался в таком же положении до летнего времени, когда царь отправился в поход, о чем мы впоследствии расскажем. Патриарх, вследствие своей большой близости к царю, став ходатаем (заключеннаго), просил царя смиловаться, и после того как, в течение сорока дней, заставлял этого человека посещать службы, стоя вне церкви, и научил его крестному знамению и тайнам веры, окрестил его наконец в июле месяце и сам был ему крестным отцом. Он был знатный человек, из благородного дома, и имя его было Сейид Мохаммед. Патриарх дал ему имя Василид и облек его в царския одежды[435]. Он постоянно бывал у патриарха вместе с вельможами царя, которые ежедневно приходят к патриарху, при чем, обыкновенно, садился выше царского наместника и уполномоченного, потому что он царский сын. Его лицо просветилось и засияло. С дозволения патриарха Никона, он прихаживал к нашему владыке патриарху. Мы

заметили в нем большие совершенства, ученость, глубокую философию и уменье грамматически-правильно читать по-арабски, по-турецки и по-персидски. Но он просил нас не говорить, что умеет читать на этих языках, потому что московиты, как мы упомянули, до крайности ненавидят чтение и разговор на них. Мы видали у них пленников из восточных земель: из Требизонда, Синопа и их округов, из Еникёя, из татар; всех их захватывают в плен казаки...[436] называемые по-турецки тонун-козакы, т.-е. донские казаки: они плавают по Черному морю, берут в плен множество мужчин, женщин, мальчиков и девочек, привозят их сюда и продают по самой дешевой цене. Их немедленно крестят. Мы во множестве встречали их в домах богачей и даже простолюдинов. Когда мы заговаривали с ними по-турецки, они совсем нам не отвечали, из боязни своих господ, которые, услышав, что они говорят на своем языке, думают, что прежняя их вера еще в груди у них. По этой причине они вовсе не говорят на своем языке. Упомянутый господин умеет в совершенстве читать и писать по-русски. Он имел при себе амулет и Коран; их отобрали у него и прислали к нам, чтобы мы их прочли. Мы сказали, что в них содержится, но не знаем, что с ними сделали. Окрестившись, он послал разрушить все мечети, существовавшие со времен его предков, и все его люди, видя, что он крестился, принимают теперь крещение. Он живет в епархии архиепископа рязанского, о котором мы рассказывали, что он приезжал к нам в Коломну и что он окрестил многочисленный народ[437]. Затем послали известие его жене в монастырь о том, что он принял крещение и что, ежели она пожелает, пусть тоже крестится и приедет к нему. Но она не пожелала. Под конец патриарх велел ему ехать со своим войском к царю, который был в походе, чтобы царь порадовался на него. Он отправился с десятью тысячами татар, которые все состоят в его подданстве: они превосходные наездники.

Патриарх окрестил одновременно с ним важного вельможу из ляхов с женой и детьми и всеми его приближенными, после того как тот пробыл сорок дней в монастыре, а жена его в женском монастыре. Окрестив, патриарх одел их в превосходное платье московитов с широкими воротниками, распитыми золотом и драгоценными каменьями; воротники рубах, а также макушка их колпаков были унизаны крупным жемчугом. Причиной почета, оказанного царем этому вельможе, было то, что, когда войско отправилось на покорение той страны, этот человек, бывший великим беем, самостоятельным и владевший областями и крепостями, сдал их царю без битвы. Царь осыпал его великими милостями и наделил многими поместьями, подарил ему одного из своих коней и назначил ему на содержание ежедневно по динару, кроме (того, что было назначено) его жене и людям.

Обрати внимание, брат мой, на сии дела, кои мы слышали и видели от этого благословенного московского народа. Какое убеждение! какая вера! какая преданность Богу! Они даже не пускают чужестранца в свои церкви, думая, что он их осквернит; отнюдь не принимают и не любят людей другой религии. Мы уже рассказывали, что, когда идет к царю турецкий посол, то его не вводят со стороны церкви Благовещения, дабы он не осквернил ее. После того как он поцелует полу царской одежды, и царь положит свои руки ему на голову в знак дружбы, тотчас же, по выходе посла, он моет руки водою с мылом, думая, что они осквернены; затем призывают священников совершить водосвятие на том месте и окропить его, дабы оно очистилось, ибо осквернено. Мы дивились и изумлялись такой строгости. Да продлит Бог их (существование) до дня страшного суда и воскресения из мертвых!

Эти известия и удивительные вещи, кои мы пересказали, не были (сообщены) все в тот день, четверг Сыропуста, за столом; но мы привели их одно за другим, дабы они, как сюда относящиеся, составили одну главу. Да не сетует никто на нас за длинноту: из многого мы

рассказали лишь немногое.

Многочисленные чашнегиры продолжали подавать блюда с разного рода кушаньем и проч. Патриарх раздавал их присутствующим, которые вставали, кланялись ему и отсылали их к себе домой, как великое благословение, и (так шло) от начала трапезы до вечера. Встали, совершили моление над трапезой, сняли скатерти и собрали хлеб и куски в корзины по монастырскому обычаю. Затем архидиакон поднес Панагию с блюдом кучьи и поставил пред патриархами, подал своему патриарху кадило, похожее на корону, с рукояткой, и начали поминовенную службу со стихирами. Затем прочли молитву за упокой скончавшихся архиереев Москвы и всех стран русских, при чем патриарх кадил; он кадил также иконам и всем предстоящим издали. Потом совершил отпуст, отведал от Панагии и кутьи, о их роздали присутствующим. Подошел архидиакон и стал поддерживать его руки, а стольники начали подносить чаши с напитками. Он выпил и дал нашему учителю, а затем раздавал всем присутствовавшим, которые кланялись ему, по своему обычаю, принимая и отдавая чашу. Затем он подарил нашему владыке патриарху, как принято у патриархов, во-первых, икону Владычицы в серебряном окладе, ибо его кафедра, т.-е. соборная церковь, во имя Успения Владычицы; еще серебряно-вызолоченную чашу, фиолетового бархата и атласа, сорок соболей и пятьдесят динаров, при чом извинился; а нам роздал милостыню в бумажках. Затем патриархи попрощались друг с другом, пропели перед иконами „Достойно есть“, поклонились, облобызались, и мы вышли. Патриарх Никон послал всех, бывших у него, бояр, архиереев, архимандритов, священников и дьяконов провожать нас с большими свечами до нашего монастыря; нашего учителя посадили в сани. Большую приязнь и великую любовь оказал патриарх Никон в этот день по своему радушию и смирению, ибо все они смиренны, любят смиренных и ненавидят гордецов.

В пятницу царь возвратился из монастыря св. Троицы и постился в этот день до вечера, как делал в пятницу, ибо только к вечеру ударили к вечерне. Они не совершали литургии в эти два дня, вследствие великой важности, какую имеют у них эти дни.

Глава VIII. Москва. — Содержание духовенства. Набожность царя. Алексей Михайлович и бояре.

Все духовенство этого города получает содержание от царя; священник — два рубля в год, дьякон — один рубль, кандиловозжигатель — один рубль, просвирня — шесть копеек. На церкви бесприходные содержание идет от царя. Священники (приходских) церквей, несколько раз в год, собирают доход со своей паствы, обходя дома со крестом [438], начиная с праздников Рождества и Богоявления, а также в храмовой праздник, на Пасхе и в начале месяца.

Усердие всех московитов, больших и малых, к посещению церквей весьма велико, и любовь их к беспрерывным большим поклонам и к иконам свыше всякого описания; множеством своих молитв они превосходят, быть может, самих святых, и не только простолюдины, бедняки, крестьяне, женщины, девицы и малые дети, но и визири, государственные сановники и их жены. Если обладают такими добродетелями, как мы раньше о том упоминали, царь и царица, кои стоят во главе подданных, то каковы же должны быть эти последние? О добродетелях этого царя нам рассказывали, что во все дни года он имеет обыкновение, в день памяти каждого святого, во имя коего имеется церковь в этом городе, — а в нем есть церкви в честь святых и праздников на целый год, бывает даже более (одного праздника в день) — имеет обыкновение, в большую часть праздников главных святых, отправляться в их церкви, при чем идет пешком, не желая ехать, из любви и благоговения к ним. Он стоит от начала обедни до конца с непокрытою головой, как всякий другой человек, и непрестанно кладет поклоны пред иконой святого того дня, ударяя челом о землю с плачем и рыданием. Так поступает он пред людьми. Внутри же своего дворца он и царица, как рассказывают, ведут образ жизни превосходнейший чем святые, в постоянном бдении и молениях в своих церквах по целым ночам. То, что мы сообщили, составляет лишь малую долю слышанного нами о царе и виденного своими глазами. Впоследствии, в своем месте, мы скажем о том, что он делал на первой неделе поста. Переводчики рассказывали нам, что он спросил патриарха иерусалимского, беседуя с ним за трапезой: „о, батюшка! (этим словом, которое значит: о, отец мой! он обыкновенно зовет архиереев) дошло до меня о господаре молдавском Василии, что он очень богат, милосерд, очень любит воздвигать храмы и творит много благодеяний; но правда-ли, что он стоит в церкви в колпаке и не снимает его“? Патриарх отвечал: „да, это правда; ибо мы видела, что он никогда не снимает колпака, кроме как во время входа с Евангелием и великого выхода. Причина этого, как мы потом узнали, двоякая: одна — (что он делает это) по своей чрезмерной гордости; другая-потому, что он сед и красит постоянно свою бороду в черный цвет, чтобы казаться молодым, а потому совестится открывать голову, ибо волосы его седы, а борода окрашена в черный цвет». Обрати внимание., о ты, любящий Христа, на этот вопрос, который сделал царь московский по сему поводу! Рассказчик продолжал: когда царь удостоверился в этом из слов патриарха, то поднял руки к небу и, вздохнув из глубины души, сказал: „о, Долготерпеливый! как Ты не прекратишь жизнь того, кто осмеливается стоять так пред Тобою“? И это было пророчеством о Василии, ибо чрез короткое время с ним случилось то, что случилось. Обрати внимание на эти дела, от коих поседели бы младенцы! Ибо тот, как мы рассказывали раньше, не снимал колпака не только в церкви, но даже пред архиереем, садился всегда на троне в переднем месте, а нашего учителя сажал справа от себя, тогда как этот царь — и не он один, но и другие московские цари, его предшественники, — как в церкви стоит с открытою головой, точно

также постоянно и пред архиереями и священниками. Такой у них обычай от избытка их добродетели, смирения и отсутствия гордости. Нам также сообщали о царе, что государственные сановники, в царствование его родителя, не боялись царя, потому что он был человек простодушный, мягкий, слабого сложения, не любивший кровопролития и войны или подобного, так что его звали монахом. Но этот царь обуздал и смирил вельмож в конец и многих из них казнил. Нам рассказывали, что в самое недавнее время он убил собственною рукою одного из вельмож среди дивана. А именно: он послал его в одну область привести тамошних ратников для похода. Эти же, придя к нему, упросили его, подкупив деньгами, освободить их от похода и дать отсрочку до будущего года. Вернувшись к царю, посланный стал просить его, под разными предлогами, избавить их от похода. Царь тотчас понял, в чем дело, и немедленно послал одного из своих слуг, в качестве шпиона, разузнать от жителей той области, сколько они дали военачальнику, который к ним приезжал. Тот разузнал и, вернувшись, сообщил царю. Последний призвал того несчастного и, как он молод и весьма жесток, умертвил его своим мечом среди дивана. Московиты никогда не любили походов и воин, стремясь к спокойствию и безмятежной жизни, и говорили: „наша страна велика — хватит нам; наше царство очень обширно — с нас довольно“. Но теперешний царь[439] нашел, что они заблуждаются, и сам лично отправился в поход, дабы укрепить их мужество, ища, по его словам, победы ради своего возлюбленного Христа. При таковом его намерении, Бог даровал ему то, на что он надеялся, ибо в настоящее время он не только взял город, выстроенный его предками[440], но, как мы расскажем потом подробно, овладел всего страной ляхов и совершенно сокрушил их.

То, что́ мы сообщим сейчас, достаточно для довершения начатой нами главы. Царь обходился со своими вельможами так, что вместо спокойствия подвергал их большим трудам. Нам рассказывали, что в прошлом году он выехал с ними на богомолье в один загородный монастырь. Великая река Москва обтекает бо́льшую часть города: по дороге царя был мост; но царь оставил этот мост (в стороне), а съехал подле него в реку, которая очень глубока, переехал чрез нее и вышел на другой берег в совершенно промокшей одежде; затем крикнул своим вельможам: „кто не поедет за мной, тот лишается жизни“. Его целью было посмеяться над ними, ибо большинство их тучны и толсты. Уверенные в неминуемой беде и не видя от нее избавления, ни (возможности) бегства, они поневоле спустились в воду, отдав поводья своих лошадей. Так как они большею частью были тучны, то погрузились по шею и, как их лошади, приподнимали головы свои вверх. Царь смотрел на них и смеялся, пока они не перебрались через реку в самом жалком положении, в промокшей одежде, как пешие, так и конные. Они стали укорять царя, как будто он действительно имел намерение их погубить, но он ответил им: „моя цель — уменьшить этим ваши толстые животы, которые вы отрастили себе при моем отце, в покое и безопасности“. Затем он поехал с ними дальше, и наконец они вошли в монастырскую церковь и отстояли обедню от начала до конца, и царь с ними, в промокшей одежде, с которой струилась вода: он никому из них не позволил выйти до окончания обедни. Все пошли в его дворец и просили отпустить их, чтобы переменить платье, но он не пустил, пока не поднес им но три чарки за раз, говоря: „мы сегодня заслужили большую награду и крупную плату, затем что отстояли обедню утопленниками“, и не отпускал их, так что большая часть их дрожала от холода и у них зуб на зуб не попадал. Нам рассказывали о царе, что он в одно воскресенье, по обыкновению, был у заутрени. Бояре имеют обычай приходить из дому, чтобы вместе с царем присутствовать за богослужением. Случилось, что они не знали о том, что он будет у службы в этот день, и запоздали приходом. Он тотчас записал имена тех, которые не явились, и послал привести их из дому со связанными руками, отвел их на берег

реки Москвы, которая течет близ дворца, и велел бросить их всех в реку, схватив за руки и за ноги, в их парчевой одежде и со всем, что было на них, говоря: „вот вам награда за то, что вы предпочли спать с своими женами до позднего утра этого благословенного дня и не пришли отстоять заутреню вместе с царем».

О нем существует много подобных рассказов, но записаны немногие, для удовольствия внимательного читателя.

Глава IX. Москва. — Описание Успенского собора[441].

Утром в воскресенье Сыропуста московский патриарх пригласил нашего учителя отслужить вместе обедню в соборе, то есть в великой церкви, в присутствии царя. Мы поехали туда в царских санях. Вот описание этой церкви. Она четырехъугольная и очень высока. На каждой из трех стен — очертания четырех арок снизу до верху, а потому и кругом ее крыши идут арки, все из тесаного камня с железными связями. Церковь имеет пять высоких куполов, густо позолоченных. На каждом куполе крест с тремя поперечинами, на подобие креста Господня, как обыкновенно бывают все кресты у них. Снизу они кажутся маленькими; но недавно один из них сломался от ветхости и его спустили; мы смерили его длину, и она оказалась около четырех локтей; такова же длина его поперечин, а толщина его одна квадратная пядень. Средина крестов железная; а нижняя часть, которая вставляется в купол, имеет в длину около полутора локтя; поверх железа доски, и все покрыто медью, густо позолоченной. Что касается шара под крестом, то он так велик, что никто из нас не мог обхватить его руками, снизу же он кажется не больше яблока.

Церковь имеет три большие двери. С наружной стороны западной двери есть арки и купол, на коем изображено Успение Богородицы и весь Апокалипсис евангелиста Иоанна. На эту дверь, возвышаясь над нею, выходит высокий царицын дворец, на куполах которого водружены флюгера из позолоченной меди, кои вертятся от ветра. Насупротив этой же двери — красивая церковь во имя Положения пояса Владычицы; здесь проходит царица, когда спускается к службе в (великую) церковь, так что ее никто не видит. Патриарший дом находится ниже этих палат, и по этой причине, всякий раз когда патриарх выходит в церковь и возвращается из нее, он останавливается у этого прохода, поднимает вверх свои взоры и, отдав посох архидиакону, благословляет по направлению кверху, затем кланяется до земли, благословляет вторично и, вторично сделав поклон, уходит. Так же поступал и наш владыка патриарх всякий раз, когда приходил в церковь и мы поднимались в патриарший дом, ибо царица всегда смотрела на проходящих из своих стеклянных окон. Так поступали и все архиереи.

Другие две двери — с юга и с севера. Южная выходит к царскому дивану, к церкви Благовещения и на всю дворцовую площадку. Над этой дверью написан на стене над аркой образ Владычицы в большом виде, а по сторонам дверных створов два ангела с рипидами. Над всем этим арка из жести для защиты от дождя и снега. Перед этой дверью есть площадка, на которую всходят по лестнице; вся она выстлана плитами из железа, которое блестит как серебро; плиты четырех угольные и как будто из черного мрамора. Над северной дверью изображен ряд архиереев. Насупротив этой двери находятся палаты и дворец патриарха, выстроенные им в настоящее время.

Алтарей пять. Над каждым из них сделано чистым золотом свое особое изображение. Сзади главного алтаря наверху — изображение Отца, Сына и Святого Духа; позади других двух алтарей — изображение Святой Софии, Премудрости Божией, с красным лицом, сидящей[442] на престоле, с семью столпами, согласно изречению Соломона: „премудрость создала себе дом и утвердила его на семи столпах»; справа от Нея Пресвятая Дева, а слева (Иоанн) Креститель; сверху ангелы, парящие в небесах. В этом и ином роде имеются изображения и над другими алтарями[443]. Всякий, кто проходит здесь, непременно останавливается и молится на них издали. Великий алтарь имеет три больших окна, снаружи узких, снутри широких, с большими откосами, для того, чтобы свет ниспадал до

самого пола. Остальные четыре алтаря имеют каждый по одному окну. Большие окна этой церкви весьма многочисленны; они идут в два ряда, одни над другими, и все снутри широки, с большими откосами. По этой причине церковь весьма светла. Все окна имеют оконницы из стеклянного камня (слюды), чистого, разноцветного. Снаружи у них железные решетки. Точно также и двери церковные имеют снаружи решетку из чудесной желтой меди; внутрь ее вставлена слюда. Снутри же двустворчатая дверь из чистого железа.

Эта церковь поддерживается четырьмя выведенными кладкой колоннами, весьма толстыми и высокими. По окружности их четыре арки. Царское место — большое, высокое, с куполом, все из мрамора и кругом покрыто резьбой, представляющей воинов сынов Израиля; оно находится близ южной двери. Патриаршее место — налево от нею, с задней стороны правой колонны, насупротив алтаря. Позолоченное, чудесное царицыно место — налево от него, с лицевой стороны другой колонны, против алтаря, где жертвенник; оно постоянно завешено материей.

Главный алтарь очень велик, высок, открыт и светел. Пол его первоначально был в уровень с полом церкви, но в настоящее время патриарх (Никон) значительно поднял его, возвысив над полом церкви на четыре-пять ступеней, которые сделаны из железа. Престол велик, над ним большой серебряный куполъ[444], утвержденный на четырех высоких колоннах из желтой меди. Купол имеет четыре арки с зубчиками. У плеча каждой арки ангел из чистого золота, держащий в руке рипиду, коей он как бы веет насупротив своего содруга; на каждой арке по два ангела, так что число их всех восемь. По окружности купола большие венчики — все со сквозною резьбой. Купол четырехъугольной формы и увенчан крестом. Потолок его резной, фигурный, пластинчатый, со звездочками; фон — серебряный, а бруски, звездочки и гвозди — золоченые. Внутри купола железная решетка, а но окружности его четыре цепи из позолоченного железа, прикрепленные к стенам алтаря, для того чтобы купол не колебался. Говорят, что серебро этого купола весит четырнадцать пудов, а пуд, как мы сказали, равен тринадцати стамбульским окам. Кругом купола четыре занавеса, закрывающих престол, который всегда остается закрытым. Весь престол покрыт драгоценною парчой. В потолке купола висит серебряный вызолоченный голубь с распущенными крыльями, как бы спускающийся па престол[445]. Кафедра (горнее место) имеет три ступеньки, обитые зеленым сукном; посредине — высокий патриарший троп, покрытый всегда ковром до полу. Справа и слева от трона висят два очень больших креста и резные из слоновой кости иконы с изображениями всех господских праздников и большинства святых; они соединены между собой золотом. Подле каждого креста позолоченная рипида с изображением херувима. Позади престола досчатый проход, где поставлены древние иконы из серебра и между ними также большой крест. Эти три креста вместе с иконами всякий раз, когда идут в крестный ход, несут впереди всех. У стены, насупротив престола, направо от входящего в царские врата, стоит очень большое, великолепное зеркало, в раме из черного дерева с золотыми фигурами ангелов. Оно стоит больше пятисот динаров, ибо весьма роскошно и показывает человека во весь рост. По временам за литургией патриарх подходил к нему, смотрелся, расчесывал волосы на голове и бороду и оправлялся, и не только один он, но и все, даже маленькие дьяконы[446]. Они охорашивались, чтобы не подвергаться насмешкам мирян. В алтаре, где жертвенник, висят еще два зеркала, тоже для них, со щеткой из свиной щетины для расчесывания волос во всякое время.

Что касается двух алтарей, кои находятся с правой стороны (главного) алтаря, то один из них есть ризница церковная. В ней хранится драгоценная утварь церкви вместе с полными царскими облачениями патриархов, числом более ста, кроме тех, которые

изготовляются теперь. Патриархи, бывшие до Никона, надевали митры. Этот же сделал в настоящее время четыре митры-короны[447], истратив на одну из них более пятнадцати тысяч динаров. Эта митра ослепляет ум и взоры обилием драгоценных украшений: алмазов, разноцветных яхонтов, рубинов, изумрудов и иных, вместе с тысячью жемчужин, отборных, круглых, как будто точеных, крупнее раковинок больших четок. Впоследствии в своем месте мы скажем о его саккосах. Что касается парчевых стихарей и фелоней, унизанных обильно жемчугом и драгоценностями и предназначенных для архиереев этой церкви на всякий большой праздник, то каждые фелонь и стихарь сложены друг на друге в отдельном ящике налево от престола.

Третий алтарь, что насупротив царского места, во имя св. Димитрия. В алтаре есть благолепная икона, на которой изображены мучения и все чудеса святого; вся она вытиснена на вызолоченном серебре. Когда царь входит в алтарь, то обыкновенно проходит чрез дверь (этого алтаря) и становится в ризнице.

Что касается других двух алтарей, с левой стороны (главнаго) алтаря, то один, как мы сказали, есть алтарь, где находится жертвенник, а также чудесное место омовения рук и место, где неугасимо горит огонь. Пятый алтарь подле этого — во имя св. Петра. В нем, как мы раньше упомянули, почивают его мощи в раке из позолоченного серебра; снаружи она ограждена высокою, массивною серебряною же решеткой.

Все конхи этих алтарей, их стены и отделения, а также все стены церкви и куполы расписаны сверху до низу изображениями господских праздников и всех святых с их чудесами — все из чистого сусального золота, так что стен не видать, а как будто все золото да лазурь. По этой причине в Бозе почивший митрополит Иса[448] сказал в своем стихотворении, говоря о достопримечательностях этой страны: „в ней церкви из золота и серебра, алтари их украшены золотом, жемчугом и разновидными алмазами“. Под серебром и золотом он разумел изображения святых на стенах этой церкви и иных; слова его: „жемчугом и разновидными алмазами“ означают алмазы и прочие драгоценные камни на иконах святых в этой церкви и в других. Нет колонн из черепахи и иных, как он неверно описал ради того только, чтобы вышел правильным размер его касыды (поэмы).

Я не порицаю его — Боже избави! но все, что я видел собственными глазами, то пересказал правдиво, описывая каждый предмет по порядку, дабы, если читатель представит его себе в своем уме, нашел бы таким, как будто сам его видел. Иса и его спутники, как говорят, приезжали при царе Иоанне[449], когда государство было еще слабо; мы же прибыли в нынешнее время, когда государство сделалось в высшей степени богатым.

Место Ризы Господней, как мы упомянули раньше, находится справа от входящого чрез западную дверь церкви. Оно имеет вид кельи с высоким куполом и сделано все из чудесной желтой меди со сквозною резьбой. Снутри его слюда, дабы стоящие снаружи могли видеть внутрь, ибо лампадки и светильники горят неугасимо[450]. Близ него, по всей южной стене до царского места плут гробницы шести патриархов, кои занимали престол московский и всех стран русских. Гробницы окружены решеткой из луженого железа. На каждой гробнице лежит большой покров из черного бархата с большим крестом, на коем сверху до низу маленькие иконы из позолоченного серебра; крест имеет три поперечины и с обеих сторон его, по обыкновению, губка и копье. По окружности покровов идут письмена шириной в пять пальцев, из крупного жемчуга; (обозначено) имя погребенного и время его кончины.

В ризнице этой церкви есть чаша из зеленой яшмы с крышкой, с дискосом, лжицей и копьем[451]. Говорят, что их поднес в подарок царю один греческий купец, их оценили, и царь

дал ему стоимость их — 24.000 динаров (рублей).

По окружности церкви и вокруг четырех колонн размешены очень большия иконы, на которых ничего не видно кроме рук и лика, да с трудом можно заметить частичку одеяния, все же остальное — толстое чеканное серебро с чернью Большая часть икон греческие; между иконами есть благолепная икона Владычицы, серебряная, с каменьями; на ней грузинские письмена, ибо она из Грузии. Равно и при дверях всех алтарей стоят большие серебряно-вызолоченные иконы с деяньми вокруг, кои также вычеканены (на ризе). Некоторые из них, даже и все двери, серебряно-вызолоченные, с углублениями, как будто они из теста. Между ними помещаются иконы Господа и Владычицы, которые, как говорят, прислал в свое время московитам греческий царь Мануил Компен вместе с иконой Господа в рост, на Его евангелии греческие письмена — мы их читали. Подле притолоки царских врат есть шкаф, весь покрытый серебряными листами снаружи и снутри; он с аркой, на вершине которой крест, и имеет дверцу с арочным замком; в нем икона Владычицы, писанная евангелистом Лукой, чему ясным доказательством служит то, что она как будто воплощенная и очень древняя. На ней висят многочисленные привески из золота и драгоценных камней. Около нее стоит другая, малая икона, также Владычицы, в малом шкафу в виде церкви с куполами, очень почитаемая: говорят, что она современна их святому Петру.

Во всех московских церквах существует такой обычай, что икону Владычицы ставят справа от жертвенника[452], а икону Троицы слева. Но наш владыка патриарх под конец посоветовал им, и Никон уничтожил прежний обычай и сделал по нашему, и это по той причине, что патриарх Никон, чрезвычайно любящий греческие обряды, всегда просил нашего учителя, чтобы он, какую бы неуместную вещь ни заметил, сообщал ему о том для исправления. Как только наш владыка сказал им об этом, тотчас Никон вынул эту икону с ее шкафом с этой стороны и поставил налево на место иконы Троицы, а на ее место греческую икону Спасителя, принеся ее из конца ряда. Так он сделал и в большинстве церквей.

Двери алтарей вместе с арками, равно и колонны, покрыты чистым серебром чеканной работы.

Что касается величественного иконостаса, которому нигде нет подобного — по обширности, высоте и ширине, то он новый: его соорудил в недавнее время патриарх Никон. Он четырехъярусный. В первом ярусе посредине Господь Христос, сидящий на царском престоле; на главе Его большая, со сквозною резьбой, корона, осыпанная сверкающими драгоценными каменьями; говорят, что она весит пуд, 13 ок, частого золота. Справа и слева идет ряд апостолов с Владычицей и Крестителем; Павел держит меч насупротив Петра. Вышина этих образов более роста человека; живопись превосходная. Во втором ряду, над ним, посредине Воскресение, остальное — страсти Господни и Господские праздники до Пятидесятницы и Успения Богородицы. Над этим третий ряд с изображением Девы Платитера[453], в небесном круге, с отверстыми дланями; остальная часть этого ряда — пророки, кои о Ней предсказывали. В четвертом ярусе, что на самом верху, посредине Отец Савоф, „ветхий деньми“, в белом одеянии; на лоне Его сын, „сый в лоне Отчем», в виде младенца; оба они благословляют; Дух Святой, в виде голубя, веет крылами над головою Сына; вокруг главы Отца сияние, на подобие перстня Соломонова; трон, на коем Он восседает, не огражденный, т. е. открытый кругом, без перил. Вокруг них херувимы и „многоочитии“ серафимы. Остальное в этом ряду — цари и пророки, держащие в руках исписанные свитки, кои они поднимают в их сторону. Вот описание четырех ярусов, как они есть. Эти иконы не писаны сусальным золотом, но все сделаны из

позолоченного серебра чеканной работы, за исключением изображения и рам. Все иконы с венцами, по обычаю, принятому у московитов, которые помещают над головой каждого святого круглый венец. Перед каждой из этих икон — высокий подсвечник, как будто выточенный из позолоченного серебра. В подсвечниках зажигаются свечи. При четырех ярусах икон четыре ряда подсвечников; нижние больше двух с половиною локтей; а чем выше, тем они все ниже достоинством. Патриарх рассказывал, что вес всех этих икон с подсвечниками 370 пудов чистого серебра. Греки называют этот пуд греческим кинтаром, каким в древности цари мерили золото. Патриарх говорил, что на их позолоту потребовалось чистого золота более десяти тысяч динаров, кроме венца Господа, который, как мы упомянули, весит ровно пуд. Вот описание, нами составленное, некоторых красот этого великолепного иконостаса, подобного которому мы не видывали по величине икон и многоценности его. По истине, он поражает изумлением самый смелый ум.

Пред алтарными дверями нет больших мецных подсвечников, но стоят в каменных колонках большие, толстые разрисованные свечи. Для священников не имеется клироса со стасидиями — они стоят рядами. Архиереи вместе с архимандритами становились у большого столба, что близ места хитона Господня, ибо у этого столба царь, приходя, стоял в то время, когда облачался патриарх. Столб этот покрыт тонким красным сукном, и его образа новые и позолоченные.

Пол этой церкви, начиная от алтарей, состоит из четырехъугольных плит чистого железа. Как мы раньше упомянули, царь заказал их на железном заводе в городе Туле. Пол блестит, как черный мрамор. Но в зимнее время ноги отнимаются от сильного холода. Мы терпели от него в продолжение служб великие мучения. Если бы мы не надевало на ноги башмаков, какие носят греческие монахи, с деревянными подошвами и сукном, кои мы привезли из Константинополя с прочими вещами для защиты от холода, по совету знающих людей, сообщивших нам об этом обстоятельстве, прежде нам неизвестном, то мы давно бы искалечили себе ноги.

Вот что мы изложили, по мере возможности, для описания великой церкви.

Глава X. Москва. — Архангельский и Благовещенский соборы.

Насупротив этой церкви, с южной стороны, находится церковь Архангела, во имя св. ангела Михаила. Она изящнее собора и имеет пять куполов из жести. По окружности ее крыши идет род малых полуарок, весьма вогнутых, с прекрасными скульптурными украшениями в виде ребер. Церковь окружена широким навесом с арками. Мы уподобляли это место постройке текье[454]. Церковь имеет три двери: западная — против церкви Благовещения. Эту церковь воспел в Бозе почивший митрополит Иса, говоря: „о церковь в России, не имеющая себе подобной! в ней гробы всех царей русских, с того времени как они сделались христианами и построили себе церкви“. В этой церкви находятся гробницы князей и царей московских, с тех нор, как они сделались христианами, до сего времени, с их детьми. Над каждой гробницей находится изображение лежащего в ней, как он есть, каждая гробница окружена высокою железною решеткой и покрыта покровом из красного и черного бархата; на нем большой крест из серебряно-вызолоченных образков и кругом письмена, именно дата, широко вышитая золотом; это для будничных дней, по воскресеньям же и большим праздникам эти покровы снимают и кладут другие, украшенные иконами из чистого серебра, драгоценными каменьями н письменами из жемчуга. Над каждой гробницей стоит икона, осыпанная множеством драгоценных каменьев, и перед ней светильник, неугасимо горящий.

Как соборная церковь имеет семь священников и семь дьяконов и один из священников состоит протопопом над ними, а также бывает протодьякон над дьяконами, так и эта церковь имеет семь священников и семь дьяконов, и между ними есть протопоп и протодьякон, ибо в этой церкви обедня совершается неупустительно каждый день в обоих ее алтарях, а также ежедневно, утром и вечером, бывает кутья и вино, т. е. мнимосинон (поминовение), в память всех в ней погребенных. Здешнему протопопу назначены по этой причине поместья, доходы с которых поступают в его пользу, а равно идут в пользу товарищей его и дьяконов.

В этой церкви есть гробница одного из царских детей. Он почивает в великолепном гробе из позолоченного серебра. Его почитают и ему поклоняются как мученику. Нам рассказывали о нем, что он явился у них несколько лет тому назад. Визирь овладел царством после смерти царя, который был бездетен, и сослал его супругу-царицу в заточение в одну крепость. Царица была беременна и спустя немного времени родила мальчика. Он рос и достиг отроческого возраста. Услышав о нем, визирь послал своих воинов, и эти злодейски задушили мальчика. Говорят, что в это время он, как это бывает с детьми, держал в руке орехи, которые разбивал и ел; эти орехи остаются в его ладони до сих пор: никто не мог их вынуть. По этой причине его почитают как мученика, ибо он был убит безвинно.

Возвращаемся (к описанию). Этих двух протопопов мы не отличали от шейхов известной общины[455], ибо они носят рясы из ангорской шерсти фиолетового и зеленого цвета, весьма широкие, с позолоченными пуговицами сверху до низу, на голове бархатные колпаки сине-фиолетового цвета и зеленые сапоги. Они имеют у себя в услужении много молодых людей и держат породистых лошадей, на которых всегда ездят. Другие священники, проходя мимо них, снимают перед ними свои колпаки. При этом они тучны, толсты, с большим животом и жирным телом.

Возвращаемся (к описанию) Что касается церкви Благовещения, то между нею и тою церковью находится одно из царских казнохранилищ. У дверей ее галереи стоят стрельцы,

охраняющие диван. Местоположение этой церкви весьма высокое. Вся галлерея расписана чудесными изображениями с сусальным золотом. Плиты в ней весьма большие, из твердого, дикого камня. Говорят, что в Бозе почивший царь Иван велел привезти его зимою из Новгорода, где находятся ломки этого камня. Эта церковь имеет только две двери: одну с запада, другую с севера. Снаружи, при входах, чудесная решетка из желтой меди, а внутри ценные двери также из желтой меди с серебряными иконами. Это очень небольшая церковь, мрачная по причине малочисленности ее окон. Пол ее состоит из кусков мрамора прекраснейших цветов. В ней есть трон для царя, ибо он часто в ней молится. Что касается находящихся там икон, то никакой ювелир, превосходно знающий свое дело, не в состоянии оценить крупных драгоценных каменьев, алмазов, рубинов, изумрудов на иконах и на венцах Господа и Владычицы; в этом мраке они горят, как раскаленные угли. Позолота икон, сделанная чистым золотом, и превосходная разноцветная эмаль, исполненная с тонким, отчетливым искусством, поражают удивлением ум знатока. По этой причине, как говорят, ценность икон, в этой церкви находящихся, равняется нескольким казнам. Вместе с тем имеются частицы мощей святых, из числа наиболее чтимых останков, более чем в ста серебряно-вызолоченных ковчежцах, на которых отчеканены лики тех, коих мощи в них содержатся. Все это хранится в ризнице церкви, а потому ее окна заделаны из опасения, чтобы огонь не проник чрез них в ризницу, ибо близ нее находится крыша казнохранилища и других зданий, крытых досками.

Эта церковь имеет девять куполов, густо позолоченных. На среднем тот золотой крест, о котором говорят, что он стоит несколько миллионов золотом. Внутри каждого из остальных восьми куполов есть комнатка, т. е. часовня, вся внутри покрытая золотом и кругом с красивою решеткой из желтой меди. Эта чудесная, великолепная маленькая церковь, столь дорого стоившая, сооружена в Бозе почившим царем Иоанном, который издержками на нее из своих сокровищ превзошел многих, когда-либо бывших царей. От этой церкви до Успенского собора сделаны досчатые подмостки, по которым проходит царь, всякий раз как идет в нее молиться.

Близ соборной церкви, с южной стороны, находится большой каменный царский дворец, знаменитый своею красотой, высотой и обширностью, огромностью своих камней и своим возвышенным строением. Царь принимает в нем послов от великих государей, чтобы показать свое могущество над ними.

Глава XI. Москва. — Описание Ивановской и других кремлевских колоколен. Порядок звона в колокола. Приготовления к отливке колокола в 12.000 пудов.

Между собором и церковью Архангела, с восточной стороны, находятся прекрасные колокольни, из коих одна перед приказом, то есть диваном, где всегда заседают визири. Снизу она восьмиугольная, огромных размеров; в ней восемь арок, и в каждой арке висит чудесный колокол. Один из этих колоколов с резьбой; люди знают его звон: в него ударяют в тот день, когда хотят совершить крестный ход, и тогда собираются священники со своими иконами в собор. Над этими восемью арками второй ярус, шестиугольный, поменьше нижнего; вверху его также восемь арок, и в них также восемь колоколов. Над ними третий ярус, еще меньше; он круглый, и в нем много маленьких колоколов. Надо всем широкий пояс в четыре-пять аршин с четырьмя рядами золоченых письмен, а над этим высокий купол, также позолоченный вместе со своим огромным крестом. Лестница этой колокольни снизу до верху имеет 182 ступеньки: у нас спина чуть не сломалась, пока мы поднялись на верх. Кругом колокольни есть кельи. Как мы упомянули, она походит на минарет Висячей мечети в Дамаске, но величественнее и больше его.

Близ этой колокольни находится огромная башня старинной постройки, на высоком основании из больших камней. Внизу ее помещается царская казна, а наверху церковь в честь Рождества, с красивым жестяным куполом в форме груши. В этой церкви царь ежегодно слушает обедню в ее праздник. В ряд с церковью, справа и слева, висят два огромных колокола, подобных громадному колоколу, который мы видели в Киеве в Св. Софии. Один из них с древних времен называется царицыным; в него звонят под воскресенья и праздники, и по его звону всякий знает, что на другой день воскресенье или большой праздник. Второй колокол — патриарший, звуком ниже; в него ударяют ежедневно утром и вечером: все церкви и монастыри ждут удара в этот колокол, и как только в него ударят, — если это будет рано утром, после восьми часов дня, то в него ударяют языком его непрерывно целый час несколько человек, — ударяют за ним в Чудовом монастыре, а потом в других. Что же касается приходских церквей, то в них ударяют в колокола только по прошествии часа дня, а выходят из них в четвертом часу. Таков у них обычай во все дни года. Если же будет воскресенье или особенный праздник, то выходят (из церкви) после пятого часа, ибо чем важнее праздник, тем позже кончают обедню. Если патриарший колокол ударяет с вечера, то и все ударяют после него.

Близ этой колокольни[456] находится другая большая колокольня — четырехъугольная постройка с четырехъугольным же куполом, разукрашенная разноцветными изразцами. Эта колокольня имеет четыре арки наверху. В ее куполе висит самый огромный колокол. Когда мы увидели и услышали его, пришли в изумление. Мы измерили его окружность, и оказалось 62 пяди; толщина его края один локоть, а высота более пяти локтей. На нем висят с двух сторон, сверху до низу, весьма большие камни на веревках, дабы он не качался и звонить в него было легче. В известное время несколько человек снизу раскачивают эти веревки. Его железный язык, быть может, по объему равняется одному из больших колоколов в Молдавии: десять человек, стоя внутри, насилу могут раскачать его и ударять им о края колокола с той и другой стороны. Когда ударяют в этот колокол, он издает звук, подобный грому; не только стоящие подле не слышат, что кричат друг другу, но и те, которые находятся внизу, и даже те, которые стоят в соборе и в других церквах. Об этом

колоколе сказал приснопамятный митрополит Иса: „внутри дворец царский, насупротив великой церкви; в ней утвержден высокий, огромный колокол, перетягивающий всякий вес: тридцать юношей нужно, чтобы раскачать его веревками, скрученными из сердцевины конопли“. Да, это тот самый колокол. Но мы благодарим всевышнего Бога за то, что при нас был сделан другой, огромнее его: не было, не может быть и нет подобного ему в мире. О том колоколе нам сообщили, что вес его 4.000 пудов, как написано на нем, а этот весит более 12.000 пудов. В прошлом году мастера, по приказанию царя, сделали колокол в 8.000 судов, а железный язык его в 250 пудов. Над ним работали со всевозможным старанием непрерывно целый год, пока не окончили его; затем его повесили. Царь приказал звонить во все колокола в городе, потом зазвонили в этот колокол, и его звук покрыл все те. Царь послал всадников узнать, как далеко доходит его звук, и оказалось, как они нашли, около семи верст. Когда стали ударять в него сильнее, он вдруг разбился, как стекло, ибо его частицы не были хорошо очищены. Тогда его спустили, и царь приказал его разбить. Развели вокруг него сильный огонь, и он весь растрескался на куски. После того царь отправился в поход. Мастер же, который произвел эту великую редкость — одно из чудес света, умер во время моровой язвы.

Царь сначала вызвал мастеров из Австрии и поручил им сделать колокол. Они попросили у него пять лет сроку, чтобы его сделать, ибо, как потом нам пришлось видеть, труды по его изготовлению и приспособления, для этого требующиеся, весьма велики и бессчетны. Рассказывают, что явился русский мастер, человек малого роста, невидный собою, слабосильный, о котором никому и в ум не приходило, и просил царя дать ему только один год сроку. Говорят, что царь очень обрадовался и дал ему в помощь целые отряды стрельцов. Он сдержал свое слово и исполнил обещание, изготовив колокол ранее истечения года. Царь еще более остался им доволен и в награду дал ему во владение пятьсот крестьянских семейств, но тот отказался, говоря: „я бедный человек и не имею сил справляться с рабами; для меня достаточно ежедневной милостыни царя“. Тогда царь пожаловал ему по динару ежедневно до конца его жизни, а после него его детям. Когда он умер, и эта редкостная вещь осталась испорченною, явился еще один мастер из переживших моровую язву, молодой человек, малорослый, тщедушный, худой, моложе двадцати лет, совсем еще безбородый, как мы видели его потом, дивясь милостям всевышнего Бога, коими Он осыпает свои создания. Этот человек, явившись к царю, взялся сделать колокол больше, тяжеловеснее и лучше, чем он был прежде, и кончить (работу) в один год. Огромная яма была вырыта на этой площадке[457]*, и в настоящее время, то есть с начала сего месяца февраля, мастер приступил к изготовлению колокола. Упомянутая яма, по глубине и ширине, вдвое больше печи для обжагания извести. Всю ее, сверху до низу, выложили кирпичом и приступили к устройству внутри ее печи, которую топят со стороны, под землею, ночью и днем. Замешав глину, выложили из нее род купола, то есть составили сердцевину колокола, и обжигали глину огнем, который сделал ее твердой, как железо; при этом пламя поднималось выше купола. Это (обжигание) продолжали до тех пор, пока не окончили форму — а мы все время ходили на них смотреть. Потом наложили на купол второй слой, соразмерно с первой формой, то есть такой же толщины и такого же объема, около локтя или больше, и затем приступили к устройству верхней формы, окружающей колокол. Именно, привезли железные прутья, кривые, согнутые как лук, с крючками на концах, которыми их сплели между собою вокруг всей формы, на подобие того, как ткут цыновки. Потом их тщательно обмазали глиной снаружи и снутри и подвергали продолжительное время действию огня, так что все обратилось в одну (плотную) массу. После того форму крепко привязали сверху толстыми веревками к большим медным блокам*

на самом верху четырех столбов из крепкого дубового дерева, называемого по-гречески дранись. Каждый столб, по толщине, вышине и соразмерности, подобен минарету. Для этих четырех столбов копали землю очень глубоко, а затем в нижней их части просверлили по большому отверстию, в которое вставили большие бревна крест-на-крест, и засыпали их землей, чтобы столбы ни малейше не колебались. Их поставили не совсем прямо, а немного наклонно над ямой, дабы они не покачнулись. Между каждыми двумя столбами поставили еще по два бревна, подобных им, уперев в перекладину, находящуюся наверху. Затем, просверлив те длинные, большие столбы, внутрь каждого вложили очень массивный медный блок, укрепив его с обеих сторон длинным и весьма толстым гвоздем. От веревок, прикрепленных к форме, протянули кверху четыре конца и продели их в блоки, что внутри столбов над землею. Множество людей вытянули веревки за дворцовую площадку[458], туда, где было устроено шестнадцать колес[459] из упомянутого толстого дерева; нижняя часть их была глубоко впущена в землю и имела поперечные бревна, дабы колеса не качались. Привязали те веревки к этим колесам. При прежнем мастере таких колес было только двенадцать; теперь же число их увеличили и сделали шестнадцать, по восьми с каждой стороны. Затем множество стрельцов повернули некоторые из этих колес с двух сторон одинаково, и тогда крышка, которую сделали как верхнюю форму, поднялась кверху; под нее подвели на краях ямы множество толстых брусьев и поставили прямо. Туда вошел мастер и вырезал письмена и изображения, какие было нужно: на одной стороне изображения царя и царицы и Господа Христа над ними, на другой — изображение патриарха Никона. Когда он кончил, спустились (в яму), разрушили второй слой из глины, который сделали под конец, и хорошо очистили (форму). Когда спустило крышку, на месте слоя образовалась пустота, куда можно было впустить расплавленную медь. Затем как форму внизу, так и внутренность крышки, намазали обильно салом и жиром, дабы медь текла по ним быстро. Когда спустили (крышку) вниз, сошли (в яму) каменщики и сложили кругом формы, снизу до верху, прочную стенку из кирпичей в несколько рядов, дабы форма не поколебалась от тяжести и стремительного тока меди и таким образом эта последняя не пропала, вытекая наружу. Приступили к постройке на краях ямы пяти печей из кирпича, весьма прочных, связанных железом снаружи и снутри, обмазали их салом и сделали у них дверцы, опускающиеся и поднимающиеся посредством особого снаряда; дверцы эти железные; их обмазали с обеих сторон глиной, которую потом обожгли на подобие кирпича. Внизу каждой печи сделали отверстие, направленное к яме, дабы, когда расплавится медь внутри печей, вся она, по открытии отверстий, быстро потекла по пяти канавкам. Все это было устроено в течение нынешнего лета после праздника Пасхи, но мы рассказали об этом здесь и, Бог даст, докончим этот Рассказ в своем месте.

Что касается кусков меди от старого колокола, то, как мы видели, каждый кусок тащили веревками, при помощи снарядов, сорок-пятьдесят стрельцов с большим трудом, клали на весы и свешивали, а потом вкладывали в печь, пока не наполнили всех печей. Каждый кусок был подобен большому черному жернову. В каждую печь положили 2500 пудов, а всего 12500 пудов, и замазали печи глиной. Развели сильный огонь и поддерживали его непрерывно ночью и днем, пока не расплавилась вся медь и не стала подобна воде. Ее мешали чрез отверстия печных дверец железными прутьями, которые накалялись от сильного кипения и жара. Вот что произошло. Об остальном, как мы упомянули, обстоятельно расскажем в своем месте[460].

Возвращаемся (к описанию колокольни). Число ступеней этой колокольни, в которой висит огромный колокол, сто сорок четыре. Внутри башни, по окружности ее, также есть многочисленные кельи. Из этой башни можно проникнуть туда, где висят два колокола,

назначенные для (звона) в будничные дни и в канун праздников, в церковь Рождества, а также в вышеописанную высокую колокольню, ибо все они в одном ряду. Башни эти выстроил и снабдил колоколами в Бозе почивший царь Иоанн, пожертвовав в свое время 120 домов с достаточным содержанием для приставленных к колокольням людей, которые приходят по очереди еженедельно и неотлучно пребывают в упомянутых кельях ночью и днем для звона в колокола. В большие праздники и в дни крестных ходов, когда звонят во все колокола, звонари являются все и производят звон в следующем порядке. Должно знать, что у алтарного угла великой церкви снаружи висит маленький колокол, к которому приставлен человек. Когда наступает время звона в колокола, — если это зимою, то, как мы упомянули, после второго часа, а если летом, то после третьего или четвертого, — приходит тот человек и ударяет в этот колокол один раз. Находящиеся наверху люди, которые стоят уже наготове, в ожидании, услышав звон, ударяют в надлежащий колокол языком его около часа времени. Когда патриарх войдет в церковь, приходит тот человек и ударяет в маленький колокол два раза. Услышав его, звонари прекращают звон, пока не кончится чтение часов. Пред началом литургии выходит тот человек и ударяет в маленький колокол, чтобы звонари его услышали и знали, что наступило время литургии. Тогда начинают звон одиночными ударами. Им отвечают находящиеся в высокой колокольне приятным звоном в маленькие колокола, трогающим сердце слушателя. Затем им отвечают находящиеся под ними (звоном) во все средние колокола, а прочие (звоном) в свой ежедневный колокол. Это повторяется трижды. Если день воскресный или большой праздник, то заканчивают (звоном) во все большие колокола вместе с тем огромным колоколом, коею звон разносится подобно ударам грома. Так как местоположение крепости, где находится дворец, очень высоко и господствует над окрестностями, даже над отдаленными полями и селениями, ибо это место в древности была гора и со всех сторон к крепости ведет подъем и всход, то по этой причине звон колоколов доносится до отдаленных окраин города и до селений. Эта огромная, высокая колокольня с золоченым куполом представляет издали красивый вид. Если бы низменность вокруг этого города была безлесна, то колокольню можно бы было видеть на большом расстоянии при восходе и закате солнца, отражающегося на ее куполе. Мы же увидели ее на расстоянии десяти верст, на каковом — это два полных часа пути — различаешь ее взором, как неясный образ. По этой причине покойный митрополит Иса в своем стихотворении говорит: „внутри царского дворца двадцать пять куполов из золота или смолы (?), которые поблескивают издали на всем обширном пространстве“, и далее говорит: „ты слышишь его (колокола) звук на расстоянии трех дней пути“. Но мы услышали (колокол) и увидели (колокольню) только на расстоянии десяти наших миль — не более. Что касается двадцати пяти куполов, о коих он упоминает, то соборная церковь имеет их пять, Благовещенская — девять, церковь царицына наверху, во имя св. Екатерины, — два купола, близ нее церковь во имя св. Анны имеет также два новых купола; сзади дворцовой площадки высокая церковь во имя Рождества Богородицы, которую мы потом осматривали, имеет один большой купол, также позолоченный; на высокой колокольне — один; Чудов монастырь над гробом св. Алексия имеет два купола: один большой — над его гробом, другой малый-над алтарем; позади царицыных палат другая церковь с двумя куполами; вне Кремля, среди города, еще купол на церкви Введения Владычицы во храм. Таким образом число этих золоченых куполов — двадцать пять[461] *— остается с того времени до сох пор. Кончаем эту главу.*

Возвращаемся. Также и с вечера звон в колокола происходит по знаку, данному ударом в маленький колокол. Звонари ударяют небольшое число раз, пока патриарх не войдет в церковь, о чем тот человек дает им знать, и (тогда) некоторые из них немного позвонят,

ударяя вместе зараз: это служит знаком вечерни. Точно также ночью тот человек подает звонарям знак, и они ударяют долгое время в назначенный для того колокол, чтобы дать знать всему городу и чтобы церковники вставали и ударяли в колокола своих церквей, что продолжается беспрерывно от полуночи до зари, т. е. (звон) в приходских церквах. Люди, находящиеся наверху, по знаку, данному им стоящим внизу, о том, что патриарх вошел в церковь, прекращают звон до начала утрени, когда тот опять подает знак, и они начинают звон в назначенные большие и малые колокола, по обыкновению. Если день воскресный или господский праздник, то заканчивают, как мы сказали, продолжительным звоном в самый большой колокол. Также звонят вместе с ним во все колокола во время полиелея. При чтении Евангелия на утрени ударяют также зараз (во все). Что касается того, когда они встают к службе по ночам, то в зимнее время, когда ночь бывает длинная, если нет господского праздника, звонят в назначенный для того колокол в одиннадцатом часу; если же воскресенье или особенный праздник, то ударяют в девятом часу. В летнее время, когда ночи коротки, звонят к вечерне перед закатом солнца после девятого часа, а к утрене в четвертом часу ночи — это по будничным дням. Накануне воскресений и праздников звонят с вечера до истечения одного часа ночи. По этой причине мы испытывали страшное мученье: не спали по ночам и терпели большое беспокойство. Всего больше нас донимал колокольный звон, от гула которого дрожала земля, в канун воскресений и праздников, кои почти непрерывно следуют друг за другом, равно как и звон на заре, с полуночи до утра, ибо в этом городе несколько тысяч церквей и каждая церковь, даже самая малая и бедная, имеет над дверьми по десяти больших и малых колоколов, в кои звонят в воскресные и праздничные дни и в канун больших праздников, сначала поочередно, а потом во все вместе.

После многих расспросов я осведомился у архидиакона патриаршего о числе церквей в этом городе, и он ответил, что их более четырех тысяч, а престолов, на коих совершается ежедневно литургия, более десяти тысяч, ибо каждая церковь имеет по три и более алтаря Это весьма радостно для сердца. В Константинополе же и Антиохии, наверно, не было столько тысяч церквей и колоколов.

Глава XII. Москва. — Служение в воскресенье Сыропуста. Известия с театра войны. Назначение воевод.

Возвращаемся к нашему рассказу об утре воскресенья Сыропуста. Когда мы вошли в церковь и прибыл патриарх Никон, анагносты, инодьяконы и певчие пропели ему Достойно есть и многолетие, с поминовением его имени. Он облобызался с нашим патриархом, и все, по обыкновению, пошли прикладываться к иконам и мощам святых, вернулись и облачились в нарфексе. В это время вошел в церковь царь, и певчие пропели ему многолетие. Приложившись к иконам, что у алтарных дверей, он подошел к патриарху Никону, который, сойдя с архиерейского места, встретил его и благословил сначала правою рукой, а потом крестом на чело, окропив святой водой его и шапку его, которую нес на его посохе один из вельмож в некотором отдалении. Царь поцеловал у патриарха правую руку, а этот обнял его голову правою рукой и поцеловал в нее, как он обычно делает. То же сделал наш учитель, благословив царя правою рукой и крестом и окропив святой водой. Затем царь поклонился им, повернулся, пошел и, став у лицевой стороны большой колонны, которая была покрыта красным сукном, по близости от патриархов, посматривал на них, по своему обыкновению. Наш учитель, по приглашению патриарха Никона, опять рукоположил диакона и священника. Когда мы вошли в алтарь, царь также вошел, стал в ризнице и смотрел. Мы пропели Святый Боже один раз по-гречески, при чем нам помогали анагносты, которых патриарх учил молитвам по-гречески, из любви своей к этому языку.

В этот день пришло к царю известие, что злобный Радзивил, его враг, услышав о прибытии царя (в Москву), возвратился, после своего бегства, с двенадцатитысячным войском, чтобы осадить один из своих городов, взятый недавно царем, по имени Могилев, огромный и известный у купцов, которые знают его под названием города богачей, ибо все жители его — купцы. Когда царь взял его мечом, воевода, который был назначен Радзивилом, явился к царю и просил пощады, и царь даровал ее. Он просил, чтобы его окрестили, и царь окрестил его и оказал ему свою милость, оставив в этом городе и назначив по прежнему воеводой вместе с одним из воевод, который начальствовал царским войском в этом городе. Царь сделал это, после того как заставил его поклясться на кресте и Евангелии, что он ему не изменит. Но клятва у поляков ничего не значит, и этот именно грех был причиной уничтожения их могущества и их неустройств. Нет в них ни постоянства, ни верности клятвам и договорам, как поступали они много раз с гетманом Хмелем: когда он одолевал их и намеревался истребить, они давали ему твердую и верную клятву, и он обходился с ними милостиво и отпускал их; они же нарушали клятву и опять шли на него войной. Но грех ложной клятвы именем Божиим подрывал их силы, рука Божия была с Хмелем и тяготела над ними, ибо не слыхано было, чтобы в эти десять лет Хмель не побеждал их, а был побежден. Так как клятвопреступление за грех у них не считается, тот воевода тайно ночью бежал со своими людьми к своему наставнику Радзивилу и вместе с ним пришел осаждать город. Когда осада стала теснее, (жители) послали весть к царю с просьбой о помощи. Услышав об этом, царь сильно разгневался и тут же в церкви подал письмо патриарху для прочтения, ибо патриарх лучший поверенный его тайн. Они ясно увидели, что с возвращением царя (в Москву) у ляхов возродились надежды. В этом случае мы уподобляли ляхов мышам и крысам, которые выходят, когда в местах приличия[462] никого нет на ристалище, а как только заслышат шорох шагов вдали, тотчас убегают и скрываются в самых нижних своих норах. Таково и теперешнее положение ляхов: в то время, когда царь находился у них и его войско проникло

в глубь их земель, отвоевав у них более пятидесяти городов и взяв в плен много тысяч людей, никто из них не выступал против него и не выжидал его на битву — так было в этом году, так же было и в следующем. Царь решил теперь послать вперед себя в тот же день шестерых лучших из своих визирей, дабы они со своими полками нагнали войско злобного Радзивила, и принял твердое намерение выступить вскоре следом за ними, после того как весь народ был уже спокоен на счет того, что царь отпразднует Пасху с полною радостью и ликованием. Особливо мы разсчитывали на то, что он окончит все наши дела до Пасхи, а затем отправится и нас отпустит. Но никто не ведал закваски его сердца, ибо не в обычае царей открывать кому-либо свои тайны; в особенности же московиты таковы, что ни одно племя, ни один народ не сравнится с ними в коварстве и уменьи скрывать то, что им известно. Затем царь в церкви же написал собственноручно имена этих шести визирей. Но выходе обоих патриархов из алтаря, патриарх Никон стал на амвоне и прочел поучение на этот день, сказав при этом проповедь и поясняя весьма пространно его значение. Потом совершил отпуст и, сойдя, благословил царя, также и наш учитель, причем они поздравили его с Сыропустом. Тогда царь подвел собственною рукою шестерых визирей, сам лично выходя к западным дверям церкви и вызывая их поименно, одного за другим; подведя к патриархам, просил их прочесть над ними молитвы по случаю брани, дабы Бог споспешествовал и даровал им победу над врагами. Так они и сделали и прочли молитвы над каждым отдельно.

Обрати внимание на сии дела, коих мы были сегодня свидетелями со стороны этого царя — скорее, святого — ибо он не остался на своем месте и не позвал писца, чтобы записать имена воевод, но потребовал чернильницу и бумагу и собственноручно записал их имена; второе, не послал за ними кого-либо из слуг, но сам вышел, позвал их и привел собственною рукой к великому счастию, то есть под благословение патриархов и к молитве за них, так что мы были поражены величайшим изумлением пред великостью этого, превосходящего всякое описание, смирения, коего мы были свидетелями. Потом дали им приложиться ко кресту, окропили их святою водой, и они ушли.

На этой неделе прибыл митрополит Новгородский, о котором мы раньше упоминали, что он первый между митрополитами. В этот день он облачился в саккос, по своему всегдашнему обыкновению, вместе с митрополитом Ростовским (который облачился) в фелонь. Они прибыли от своих кафедр, чтобы поздравить царя с приездом, и каждый из них, отдав ему поклон, поднес десять серебряно-вызолоченных икон, в честь (праздника) своей кафедральной церкви, царю, царице, их сыну, сестрам и дочерям царя.

Мы вышли от обедни в этот день незадолго до заката солнца. Нам не верилось, что мы добрались до своего монастыря, до своих теплых келлий: мы умирали от усталости и стояния на ногах в сильный холод, бывший в тот день. Но за все нас утешило виденное нами в этот день, воскресенье Сыропуста, постоянство этого народа в выстаивании на железном полу с утра до вечера. Более того: не успели мы сесть за стол, как ударили к вечерне и к молитвам на сон грядущим, по обычаю.

Царь вместе с царицей был вечером за службой в женском монастыре, что насупротив нас, где, как мы сказали, находятся гробницы всех цариц.

Книга IX

Глава I. Москва. — Первая неделя Великого Поста. Строгость поста. Жестокие наказания за его нарушение. Монастырские подарки.

С раннего утра чистого понедельника до среды, в течение трех дней, не бывает у них ни купли, ни продажи, не открывают никаких лавок, ни масляных, ни, в особенности, таких, где продаются съестные припасы. По обычаю, царь и царица постятся эти три дня, усердно посещая службы в церквах ночью и днем, предаваясь молитвенному бдению, совершая поклоны и соблюдая строгое воздержание, как мы удостоверились теперь. Наконец, отстояв обедню в среду, царь разговелся сладким компотом, по всегдашнему своему обыкновению, при чем послал его для раздачи всем своим вельможам. Затем он опять постился от этой ночи до позднего утра субботы, когда отстоял обедню, приобщился св. Таин, вкусил антидор и затем позавтракал. Во всю эту неделю никто не видит его лица, разве только случится важное событие в государстве. Так же поступают, в течение этой недели, и все вельможи, неукоснительно посещая службы в своих церквах днем и ночью. Равно и все жители, в течение ее, не производят ни купли, ни продажи, но неопустительно присутствуют за богослужением в своих (приходских) церквах. Царские ратники обошли питейные дома, где продают вино, водку и прочие опьяняющие напитки, и все их запечатали, и они оставались запечатанными до истечения пасхальной среды. Горе тому, кого встречали пьяным или с сосудом хмельного напитка в руках! Его обнажали в этот сильный холод и скручивали ему руки за спиной; палач шел позади пего, провозглашая совершенное им преступление, и стегал его по плечам и спине длинной плетью из сырых бычачьих жил: как только она коснется тела, тотчас же брызнет кровь. В таком положении водят человека по городу и затем сажают в тюрьму на известное время, пока он не отбудет положенного срока. Особенно строгий надзор бывает за жителями в течение первой недели поста, по средам и пятницам, на Страстной неделе и в первые четыре дня Пасхи, чтобы люди не пьянствовали, а то их стегают без всякого милосердия и жалости. Царь со своими вельможами имеет обыкновение поститься также на Страстной неделе и вкушает пищу только вечером в Великий четверг, по принятии св. Таин, и снова постится до кануна Пасхи.

В этой стране большие и знаменитые монастыри, как-то: Троицкий и иные, имеют обыкновение присылать царю со своими монастырскими боярами, живущими в их подворьях, в столице, в виде благословения , от монастыря, прежде всего, огромный черный ржаной хлеб, каковы обычно бывают монастырские хлебы: каждый хлеб несут на руках четверо — пятеро человек, словно большой жернов. Это есть благословение, часть от хлеба отцов. Еще подносят боченок с квасом, который приготовляется из воды с рожью, — его употребляют как напиток — и бочку кислой капусты. Говорят, что царь, принимая хлеб, целует его, как благословенный. То же они дарили царице, царевичу, их сыну, трем сестрам и трем дочерям (царя), каждой отдельно, на ее имя. Так у них принято делать ежегодно. То же дарили своему патриарху и нашему владыке патриарху, по распоряжению, данному им от царя. Бояре подносили хлеб, держа его пред собою на руках и говоря: „Архимандрит такой-то, такого-то монастыря, бьет челом твоей святости до земли и подносит тебе от пищи своих братий-отцов», как у них принято. Наш учитель целовал хлеб, возлагал на него свою руку и брал от них. Точно также подносили боченок квасу и бочку кислой капусты. Они обошли и всех вельмож. Причина, почему они дарят этот

черный хлеб, та, что он у них в большой чести и что от употребления его в пищу получается благословение. Поэтому, первое, что кладут на стол за трапезой царя, есть этот хлеб. Также большинство их подарков своим вельможам состоит из этого хлеба: они говорят, что это их хлеб издревле и что прежде они не знали пшеницы; по этой причине предпочитают его белому, пшеничному хлебу. Мы видали, как вощики и другие простолюдины завтракали им, словно это была превосходная халва. Мы совершенно не в состоянии были его есть, ибо, по причине большой величины хлебов, внутри он не пропечен и бывает кисел как уксус, да и запах имеет такой же. Но московиты привыкло к нему: по их словам, он придает силу и питательнее белого хлеба.

Квас варится из ржи или ячменя и пьют его вместо воды, так как во всей этой стране вообще не имеют обыкновения пить воду, разве только по нужде, вследствие чего число больных у них невелико Мы под конец привыкли пить квас, потому что он холоден и питателен. Московиты, обыкновенно, им завтракают, как будто это вино или превосходный напиток. Наконец мы привыкли к нему и я его очень полюбил, ибо он весьма вкусен, освежает нутро, питателен и оставляет в глотке приятный вкус. Знай, что я, пробыв (здесь) семь месяцев, вовсе не пил воды, а все пил этот квас, мед, вишневую и яблочную воду. Московиты завтракают квасом с раннего утра, кроша в него хлеб, как в вино, и напиваются им допьяна.

Что касается меда, то, так как в нем распускают хмель, отнюдь не пьют его в течение этого поста, потому что он опьяняет. Поэтому нам доставляли от царя каждую субботу, взамен меда, большую бочку превосходнейшего напитка на все время поста, как было назначено.

Уксус в этой стране делается из отрубей и его называют борш (борщ?); делают его также из меда.

Что касается устава, их церквей, то в приходских церквах устав подобен монастырскому: ежедневно читают восемь кафизм из Псалтыря при рассвете, рано утром, по обычаю, и на каждом часе по кафизме. За вечерней и при каждом Аллилуия, взамен малых поклонов, они делали большие до земли; точно также каждый раз при Святый Боже и Приидите поклонимся. Мы кладем после трех больших двенадцать малых поклонов, а они делают все большие до земли, ибо в этот пост совсем не делают малых поклонов, но все большие до земли. Мы наблюдали в них веру, усердие и набожность чрезвычайные и многое другое кроме этого, из-за чего, делая это вместе с ними, ради подражания им, мы терпели мучения.

Так как на этой неделе и все государственные сановники не выходили из своих домов, постоянно предаваясь молитвам, то мы не имело возможности сходить к кому-либо из них с подарками. Они[463] приходили в церковь ежедневно, по звоне в колокола, после шестого часа и выходили не раньше как но восьмом или по девятом часе, потому что службы продолжительны, особливо чтение кафизм, при чем кладут все поклоны до земли.

Глава II. Москва. — Подарки от патриарха Макария митрополитам Новгородскому и Ростовскому. О епархиях и монастырях. О слюде.

В субботу мы пошли с подарком к митрополиту Новгородскому, первому среди митрополитов. Нас остановили у дверей, пока не испросили разрешения, осведомившись и узнав, что мы принесли с собой. Тогда нас ввели. Войдя к нему, (мы увидали, что) ради нас он был одет в мантии и клобуке и держал в правой руке посох. Он обернулся к киоту, пред которым горела свеча, и прочел Достойно есть, а его приближенные, в ответ ему, — после того как он поклонился им, и мы вместе с ним, и он обернулся к нам — пропели: Слава Отцу до конца, затем Господи помилуй трижды и Благослови владыко. Он совершил отпуст, мы поклонились ему и он нас благословил. Мы передали ему благословение и привет от нашего владыки патриарха чрез царского переводчика, который постоянно нас сопровождал. Митрополит сделал несколько земных поклонов, из уважения к нашему учителю, и мы ему также. Мы поднесли ему подарки, он целовал каждое блюдо и под конец сделал несколько поклонов, выражая благодарность. Затем он удалился во внутренние покои и вынес нам серебряные иконы во имя своей кафедральной церкви, которая в честь св. Софии, Премудрости Божией, и еще милостыню копейками в бумажках. Мы помолились на иконы и поклонились ему, он опять благословил нас и мы вышли.

Мы отправились также к митрополиту Ростовскому. Он служил в своей церкви, то есть в своем подворье, и рукополагал дьякона и священника. Как мы сказали, все двенадцать архиереев страны московской имеют каждый жилище, дворец с церковью, бояр и служителей и уполномоченных, которые постоянно проживают в его дворце. Митрополит Ростовский проделал в церкви то же (что и Новгородский): кланялся и благодарил за дары нашего учителя и также дал нам иконы в честь своей кафедры, что во имя св. Леонтия, митрополита Ростовского, который был родом грек, а также трех других митрополитов, бывших после него; их тела сохранялись до сих пор и творят чудеса. Мы узнавали имя кафедральной церкви архиерея только по иконам, которые он раздавал и которые также изображены на всех его облачениях: если это саккос, то икона вышита золотом на рукавах; равным образом, на омофоре, палице и епитрахили. Такие же иконы они подносят царю, как это у них ведется, ибо обычаем возложено на них приезжать к праздникам Рождества и Крещения для поздравления царя с поднесением икон, после чего они уезжают. Приезжают также к Пасхе.

Церковь митрополита Новгородского, как мы сказали, в честь св. Софии; митрополита Ростовского — во имя св. Леонтия и его преемников. Митрополит Казани — второй (после Новгородского); его кафедральная церковь, как говорят, к честь Благовещения; (митрополита) Крутицкого — в честь Петра и Павла; архиепископа Рязанского — в честь Успения Владычицы также (как в Москве); архиепископа Тверского — в честь Преображения Господня; архиепископа Суздальского — в честь Рождества Богородицы; архиепископа Вологодского — в честь Успения Владычицы; архиепископа Псковского — в честь Троицы; епископа Коломенского — в честь Успения Владычицы; архиепископа Астраханского — также в честь Успения Богородицы; архиепископа Сибири — в честь св. Софии и Спаса, то есть Спасителя. Вот имена кафедр их, мною собранные, дабы ты, читатель, увидел, как прекрасны церковные порядки в этой стране.

Не только каждый из этих архиереев имеет своего особого иконописца, который

пишет ему иконы для подарков, но и каждый архимандрит известного монастыря также имеет собственного иконописца, всегда при нем находящегося; и на его облачении, на поручах, епитрахили и палице — (иконы) имени монастыря его. Кто посетит его, в монастыре ли, в подворье ли, находящемся в этом городе, тому он также дарит икону в честь своего монастыря. Каждый известный монастырь в этой стране имеет подворье и своих особых слуг; говорят, Троицкий монастырь имеет в этом городе, 21 подворье: суди по этому об остальном! Обрати внимание на эти обычаи и прекрасные порядки, кои мы наблюдали: как они хороши! Но правду сказал наш владыка патриарх, говоря: „все эти обычаи существовали прежде и у нас, во дни наших царей, и мы их утратили; они перешли к этому народу и принесли у него плоды, коими он превзошел нас».

Наш владыка патриарх спросил однажды патриарха Никона о числе всех монастырей в Московском государстве. Он ответил: „более трех тысяч, кроме (тех, что) в стране казаков», и прибавил: „в нашей стране есть три очень богатые монастыря, великие царские крепости". Первый -монастырь св. Троицы; он больше и богаче остальных. Второй — монастырь св. Кирилла Нового, в подворье которого мы остановились; он известен у них под именем Кириллобелозерского, то есть Белого озера. Говорят, что озеро господствует над монастырем, по Божиею силою и попечением святого не вредит ему; вода его бела, как молоко. Монастырь больше и крепче Троицкого, ибо три громадные стены его сложены, как говорят, из огромных диких камней; а монастырь св. Троицы и его стены сделаны из кирпича и камня. Третий монастырь — Соловецкий, по-гречески Соловка. Он сооружен святыми Зосимой и Савватием среди острова на море-океане, как мы сказали раньше. Говорят, что его стены громадны, неприступны и сложены из больших диких камней; рассказывают, что эти святые заставили работать дьяволов над сооружением монастырских стен. По этой-то причине они изумительны по своей необыкновенной прочности, и люди описывают их с удивлением. Эти три монастыря возникли, при помощи Божией, в одно время и им уже более 400 лет.

В этом Соловецком монастыре есть рудник удивительного хрустального камня (слюды). Его выламывают в горе в виде досок. Он походит на стопу бумажных листов, лежащих один на другом: его снимают поодиночке, при чем он не ломается. [Его имя по-гречески схистос, а по-арабски Игажаръат-талк (камень разделения). Этим именем называют его также татары и кизилбаши]. Из него делают в этой стране все им потребное, напр., оконницы разного вида и размера. Персидские купцы вывозят их во множестве, равно купцы франкские и греческие и всякий, кто приезжает сюда, потому что этот камень имеется только здесь. Один из монахов этого монастыря нам рассказывал, что между островом и материком расстояние 40—50 верст и что от материка течет в море отдельно река пресной воды до самого монастыря, что из нее они берут воду для питья и что на ней их мельницы под землей. Он рассказывал, что это море замерзает, но никто по нему не ходит, потому что оно колышется от волн; таким образом путь к монастырю зимою прекращается. Он рассказывал, что кругом острова есть башни, которые препятствуют кораблям подходить к нему: они не имеют возможности войти, потому что кругом острова камни и весьма трудные проходы. Рассказывал, что и там есть рудник хрусталя, что это огромная яма, которая наполняется водой; в зимнее время они вычерпывают воду и наполняют яму дровами, разводя огонь в течение двух недель; затем открывают яму на неделю для охлаждения; люди спускаются туда на дно, находят хрусталь на подобие плит, лежащих одна на другой, и выносят его наверх.

[Что касается рыбьих зубов, то, как говорят, они получаются от морского животного,

которое выходит (из воды) и сидит на льду. Московиты подходят к нему и говорят: „гость пришел навестить тебя“, на что оно, разумеется, не дает никакого ответа. Тогда они бьют его копьями, к которым прикреплены мотки веревок, и как только животное побежит, его несколько раз притягивают назад и, убив, вырывают его большие зубы.]

Глава III. Москва. — Торжественное служение патриархов в Неделю Православия. Осуждение икон нового письма и двуперстия.

В первое воскресенье Великого Поста, рано утром, несколько раз ударили в большой колокол и в другие по порядку, дабы собрались в (Успенский) собор игумены монастырей, священники и диаконы вместе со своими иконами, назначенные для участия в имеющем происходить большом торжестве, особом чине и молении за царя. Позвонив немного в большой колокол, делают маленькую остановку, а затем ударяют в другие колокола один за другим по порядку.

Позднее, утром, трижды ударили во все колокола разом — в малые, большие и в самый большой, делая в промежутках одиночные удары, так что казалось, будто весь город поколебался. Этот день у них весьма почитается, и потому все жители с женами, дочерьми и малыми детьми в лучшей одежде поспешили в собор, с усердием и благоговением прикладываться к иконам и мощам святых. Таков их обычай из года в год. Большая часть русских прикладываются к иконам только в этот день. Женщины, когда лобызают иконы, снимают свои меховые шапки, под которыми они носят род белых повязок, плотно прилегающих к голове.

По приглашению царя, наш владыка патриарх отправился (в собор) в царских санях, в которых и мы поместились вместе с ним. В третьем часу (около 10 часов утра) прибыл патриарх (Никон). У них принято, что дьяконы в праздники, подобные сегодняшнему, надев стихари[464], отправляются в патриаршие палаты с большими свечами в руках и идут пред патриархом, поя тропарь, положенный на этот день, а другие, окружая патриарха, ведут его под руки и поддерживают концы его мантии. Архидиакон и протодиакон еще ранее патриарха пошли в собор; надев стихари, они вышли из алтаря и встретили его с кадилами. Затем он поднялся на патриаршее место и молился, делая поясные поклоны, пока не окончили „Достойно есть“ и певчие не пропели ему многолетия. Он благословил народ трикириями, сошел, приветствовал нашего учителя, и все пошли, по обычаю, прикладываться к иконам, к мощам святых, к ковчегу с ризою Спасителя, к алтарю, ко кресту, евангелию и жертвеннику. Затем мы вышли из алтаря и облачила их. Они благословили народ, и мы вышли вместе с ними чрез южные двери (собора) для встречи царя.

Царь шествовал в царском облачении и короне, при звоне всех колоколов. Священники и архимандриты с иконами из кремлевских церквей показались со стороны Благовещенского собора и попарно шли пред царем. Подойдя (к Успенскому собору), все они стали в ряд пред дверьми. Патриарх Никон, взяв кадильницу, окадил сначала иконы поодиночке, затем нашего учителя, потом царя и вельмож его, наконец архиереев и священников. Сняв митру, он приложился ко всем иконам по порядку; то же сделал наш учитель, а затем царь, который был с открытою головой. Потом оба патриарха благословили царя, и мы вошли в храм. Никон взошел на свое место, учитель наш стал по правую его руку, а архиереи и священники разместились по обеим сторонам, по обычаю. Архимандриты и священники, несшие иконы, стали в ряд пред патриархами с восточной стороны. Когда царь по обычаю приложился к иконам, при чем певчие пели ему „многая лета“, он подошел к патриархам и поклонился им, а они в ответ поклонились царю, благословили его, окропили святою водой, а свиту его издали, и по обыкновению поднесли ему крест для целования, после чего он стал

на свое обычное место у колонны.

Патриарх Никон предложил нашему учителю рукоположить священника и диакона (что им потом и было совершено).

После часов началась обедня, и мы вошли в алтарь. В этот день с патриархом служили пять архиереев: митрополит Новгородский и архиепископы Рязанский и Вологодский по правую его руку, а против них с левой стороны митрополит Ростовский и архиепископ Тверской, имея во главе архиепископа Сербского. Каждый раз, когда служит патриарх, вместе с ним служат четыре архимандрита в митрах со своими диаконами: первый — архимандрит Чудова монастыря, второй — Новоспасского, третий — Симонова и четвертый — Андроньева. С ним служат также протопоп этой церкви (Успенского собора) и протопоп Архангельского собора с младшими священниками (этих соборов). Дьяконов и иподьяконов служит с ним более сорока, так как при патриаршей литургии у них бывает большое торжество, — все равно, хотя бы это служение происходило в будничный день. Все упомянутые лица должны при этом находиться.

Окадив престол кругом, патриарх вышел и окадил царя. Перед пением Трисвятого вышел архидиакон и поднялся на амвон, где экклесиарх поставил для него покрытый пеленою аналой. Открыв Триодь, он стал читать синаксарий[465] этого дня приятным густым басом, так как они читают синаксарий не на утрени, а теперь: по этой причине и было устроено такое торжественное собрание. Он читал слово за словом ровным и тихим голосом, пока не дошел до святых, участников собора против иконоборцев. Произнося имя каждого из них, он останавливался, и тогда священники в алтаре и все служащие пели трижды: „буди память их вечной!“ а певчие на клиросах отвечали им, повторяя то же три раза. Когда архидиакон возглашал имя святого, соборный чередной священник вместе с дьяконами подходил с иконой святого к патриарху, который делал перед ней поклон и прикладывался; то же делал наш учитель. Потом выходила с тою же иконой к царю, который также делал поклон и лобызал ее. Царь стоял пред патриаршим местом с открытою головой, держа правую руку за пазухой по причине холода.

Знай, что в этой великой церкви, а также в соборах Архангельском и Благовещенском и во многих больших церквах и монастырях находятся ковчеги на подобие книги, крытые бархатом или парчой, посеребренные и позолоченные Они заключают в себе 12 изящных икон на тоненьких дощечках; на каждой иконе с обеих сторон изображены святые одного месяца; или ковчег заключает в себе шесть образов, и тогда на каждой стороне образа бывает изображение святых одного месяца. Эти ковчеги именуются годовыми, ибо в них заключаются иконы всех святых, коих память совершается в течение дней года, со всеми господскими праздниками, семью (вселенскими) соборами и иными праздниками и святыми, греческими и русскими. В каждой церкви имеется не один такой ковчег, но три и четыре, разных видов и размеров. Они хранятся на полках аналоев, покрытых пеленой и стоящих перед дверьми алтарей. Экклесиарх вынимает икону каждого месяца и кладет ее лицевою стороною (на аналой), оставляя до конца месяца. После того вынимает другую Перед ней всегда стоит свеча.

В церквах находятся не только эти годовые образа, сложенные как ласты в книге один на другом, но еще большая икона, разделенная на 12 частей, н каждая часть заключает образа всех святых и праздников одного месяца. Кто из усердия пожелает поставить свечу святому или празднику, втыкает ее перед ним на железный подсвечник, который можно поднимать, опускать и повертывать так, чтобы свеча приходилась пред желаемым образом. Непременно против этого образа на противоположной колонне должна быть такая же икона с изображением акафиста (Божией Матери), то есть 24 похвал, кон

читаются вечером на субботу пятой недели Великого Поста.

Возвращаемся к нашему предмету. После того как поднесли образ для лобызания царю, с ним возвращались в алтарь и подносило его для целования архиереям и всему служащему духовенству. Это делали при упоминании имени каждого святого, возглашая трижды в один голос: „буди память его вечной!“ Так продолжалось, пока не кончили возглашение имен наших святых и не начали возглашать имена своих новых святых. При этом, как и раньше, подносили для поклонения иконы своих святых. Когда поминали имена Новгородских святых, выходил митрополит Новгородский с их образами и подносил для целования патриархам и царю, а также всем служащим, как бы гордясь святыми своего города. То же делал митрополит Ростовский и другие. При этом архидиакон, помянув имя святого, возглашал: „буди память его вечною!“ трижды, а священника и служащие вместе с певчими пели то же три раза. Потом он поминал имена греческих царей, причисленных к лику святых, затем стал поминать имена всех своих царей (да помилует их всех Бог и да сделает нас участниками их блаженства!), кои царствовали в течение столь долгого времени, более 700 лет, как мы упомянули раньше. Среди них не появилось ни одного иконоборца, ни еретика, но все они были святые, как мы это усмотрели из изображений и из истории их жизни, не так, как большинство греческих царей, которые опозорили свое царство (да не окажет им Господь никакого милосердия!) гонением на иконы, тайными интригами, нововведениями и иным. Когда мы смотрели на изображение семи вселенских соборов, на тех царей-еретиков и иконоборцев, низвергаемых в ад, одному Богу ведомо, как нам становилось совестно пред московитами, пред их царем и вельможами, ибо они с презрением говорили о греческих царях и об их царстве: „взгляните на этих царей, от которых мы получили света истинной веры: как они поступали со святою церковью Божией в гонении на св. иконы и как их поступки были гнусны и жестоки! как они терзали патриархов, архиереев и весь церковный клир вместе с праведниками и святыми аскетами, хуже чем поступали идолопоклонники, каковы Диоклетиан, Максимиан и другие“. И разве иначе поступали греческие цари, когда они отдавали верующих во власть врагов веры, как делал это Лев Армянин и другие цари, погонщики ослов и конапатчики кораблей и т. п., происходившие не из царского дома и не из царского рода? Не лучше поступали и царицы, в роде Евдоксии с ее единомышленниками, которая заточила Златоуста и ради своих низких целей поступала с церковью Божиею так, как не поступали в свое время язычники. Так же действовали и другие царицы, кои бросали своих мужей, законных царей, умерщвляли их и выходили за других, возводя этих последних на престол, как рассказывает о том новая греческая история. О, если бы она не сообщала известий об их гнусных поступках, об их глупых забавах на царстве, одно упоминание о которых бросает в краску юношу!

Вследствие только что указанных и иных недостатков и пороков греков, кои всегда и везде они обнаруживают, мы решительно нигде не находили людей, им симпатизирующих, как мы в этом убедились собственными глазами. Так, в Молдавии притеснения и неправосудие сановников (господаря) Василия вызвали возстание всего народа, который изгнал Василия, перебил его клевретов и разграбил их имущество. То же самое, как мы слышали, ныне случилось с ними во всей Валахии. Казаки, как мы заметили, также их не любят. Московиты же принимают их только из сострадания, ради оказания им пособий. Скольких из них они послали в ссылку в Сибирь и в монастыри мрачного (северного) моря! Скольких не пустило и вернули назад воеводы Путивля! И всему этому причиной обилие их пороков и огромность творимого ими зла. В странах франкских не могут слышать равнодушно и самого имени греков, говоря, что они чрез свое дурное управление потеряли свое царство и помогали туркам, когда те покорили их, против других государств. О, что

это за народ! как гнусны его поступки! Если так действовали в древности их цари, то нечего удивляться теперь их низким поступкам всюду, где бы они и их архиереи ни находились. Бог да будет милостив к нам и к ним! Мы говорим это не в осуждение им, но так мы слышали о них везде, куда бы ни приходили, и сами от них видели множество скверных поступков. Однакож, они имеют и похвальные качества, кои выражаются в их привязанности к своим архиереям, монахам и священникам. Они видят их пороки, видят, что патриархи одних низлагают, других убивают, а иных топят, но они все это прикрывают и оказывают им подобающий их сану почет. Даже когда их архиереи, священники и монахи уклоняются от правой веры, что многие делают чуть не ежедневно, они остаются твердыми в вере и не осуждают свое духовенство, ни белое, ни черное. Они имеют много других таких же хороших качеств, за которые мы всегда их хвалили в подобных обстоятельствах. И за то, что они мало осуждают, и мало между ними таких, кои следят за поступками своего духовенства, люди умные и дальновидные предпочитают их нам.

Возвращаемся к предмету нашей речи. Архидиакон поминал имена всех царей и цариц с их детьми с того времени, когда они сделались христианами, до Михаила, отца нынешнего царя, и при возглашении каждого имени пели, повторяя три раза: „буди память его вечной!“ Затем стали поминать имена воевод и ратников, убитых под Смоленском и в других сражениях в этом году; их причисляют к лику святых и мучеников, ибо они воевали за правую веру. При возглашении их имен то же пели три раза.

Когда возглашали имена еретиков — патриархов, священников и иных — и царей иконоборцев, пели для каждого из них трижды: „анафема“, и проклинали их вместе со всеми франкскими исповеданиями и армянами, пока не перечислили всех[466].

Тогда архидиакон возгласил многолетие царю, произнося его имя и царский титул так: „Господь Бог да дарует многая лета царю могущественному, тишайшему, Богом венчанному, славе православных, Богом хранимому, величайшему из царей и князей, царю Московитов и всех стран Великой и Малой России, царю Казанскому, царю Астраханскому, царю Сибирскому, великому господину[467] *Новгорода и князю Псковскому“. Когда архидиакон окончил это возглашение, священники и все служащие пропели хором в алтаре весь этот титул сполна. То же самое пропели певчие на опросе. Это они называют многолетием. Во все это время царь стоял на ногах пред патриаршим местом. Но окончании многолетия, патриарх вышел к царю, поздравил его и пожелал ему много лет здравствовать. То же сделал наш владыка патриарх и чрез переводчика выразил царю свои благожелания. Вышли архиереи и сделали то же. Затем архидиакон, произнося титул царицы Марии, возгласил ей многолетие, которое также было пропето служащим духовенством и певчими. Затем он возгласил имя сына их Алексия, при чем было сделано то же. Потом возгласил имена трех сестер царя с их титулами: Ирины, Анны и Татьяны Михаиловны, и это также пропели в алтаре и на клиросах. После того возгласил имена трех дочерей царя: Евдокии, Марфы и Анны Алексеевны. При этом патриархи опять выходили к царю и, выразив ему свои благожелания, возвратились в алтарь.*

Помянув имена шести патриархов, предшествовавших Никону, архидиакон возгласил титул патриарха Никона, и это пропели служащие в алтаре и певчие на клиросе. Это составляет многолетие Никону. Но окончании его, царь подошел к патриарху, став против дверей алтаря, поздравил его, пожелал долголетия и поклонился ему, на что патриарх ответил также поклоном. Царь поцеловал у него правую руку, а патриарх поцеловал царя в голову, по обыкновению. Также поздравил его нащ владыка патриарх вместе со всеми служащими архиереями, священниками и диаконами, которые делали при этом поклон.

Затем царь подошел к архидиакону и приказал возгласить многолетие патриарху Антиохийскому, попросив на то дозволения у патриарха Никона. Так и было сделано. По возглашении имени патриарха пропели это в алтаре и на клиросе.

Тогда царь подошел к нашему учителю пред дверп алтаря, выразил ему благожелания и поздравил его (да продлит Господь Бог дни царя и да пошлет ему счастие и успех!) Только чрез переводчика мы могли узнать содержание его слов. Потом он поклонился нашему учителю, который ответил также поклоном; царь поцеловал у него правую руку, а тот облобызал царя в голову, по обыкновению. Также поздравляли его патриарх Никон и служащие архиереп, священники и диаконы.

Затем архидиакон возглашал имена участвовавших в служении архиереев, с поименованием их кафедр, и иных отсутствующих архиереев земли московской. Им также пели певчие, при чем служащие архиереи выходили и кланялись царю и патриархам, поздравляя друг друга.

Потом возглашал имена присутствовавших архимандритов, с поименованием их монастырей, и многолетие всем архимандритам и игуменам монастырей земли московской, и то же было им пропето. Потом возглашал многолетие священникам всей земли русской, и это было пропето; затем многолетие всем вельможам царя, его воинству и палате и всем православным христианам. Им пропели то же самое. Этим и закончили.

Мы были удивлены всем виденным и слышанным при этих обрядах и порядках, которые приводят ум в изумление. Мы забывали усталость от долгого стояния на ногах и сильный холод, утешаясь радостью, испытываемой нами от всего, что мы видели и слышали, а также способом чтения архидиакона, который читал голосом низким, густым, мягким, сладостным, размягчающим сердце. Все они так читают, также и греки, не так, как мы — высоким голосом. Патриарх и священники тоже читают голосом низким, трогающим душу, так что их возгласы бывают слышны только стоящим на хоросе[468]. Таков их обычай, и какой это прекрасный обычай!

Затем при пении Трисвятого патриархи осенили народ, по обыкновению, и мы окончили обедню, во время которой наш учитель рукоположил иерея и диакона.

Во время служения царь стоял то на царском месте, то пред патриаршим местом, то в ризнице в алтаре, где смотрел на служащих при священнодействии.

Когда престол был покрыт, патриарх Никон вышел и поднялся на амвон, а мы и прочие служащие разместились вокруг него. Мало ему было этой продолжительной службы и стояния на ногах до наступившей уже вечерней поры, но вот диаконы открыли перед ним Сборник отеческих бесед, по которому он стал читать положенную на этот день беседу об иконах. Он читал не только медленно, но еще со многими поучениями и пояснениями, причем царь и все присутствующие мужчины, женщины и дети стояли все время с открытыми головами при таком сильном холоде, соблюдая полное спокойствие, молчание и тишину. Во время проповеди Никон велел принести иконы старые и новые, кои некоторые из московских иконописцев стали рисовать по образцам картин франкских и польских. Так как этот патриарх отличается чрезмерною крутостью нрава и приверженностью к греческим обрядам, то он послал своих людей собрать и доставить к нему все подобные иконы, в каком бы доме ни находили их, даже из домов государственных сановников, что и было исполнено. Это случилось летом пред появлением моровой язвы. Никон выколол глаза у этих образов, после чего стрельцы, исполнявшие обязанность царских глашатаев, носили их по городу, крича: „кто отныне будет писать иконы по этому образцу, того постигнет примерное наказание“. Это происходило в отсутствие царя.

Так как все московиты отличаются большою привязанностью и любовью к иконам, то

они не смотрят ни на красоту изображения, ни на искусство живописца, но все иконы, красивые и некрасивые, для них одинаковы: они всегда их почитают и поклоняются им, даже если икона представляет набросок на бумаге или детский рисунок. У всех ратников без исключения непременно имеется на груди красивый образ в виде тройного складня, с которым он никогда не расстается и, где бы ни остановился, ставит его на водном месте и поклоняется ему. Таков их обычай, как мы это сами видели.

Видя, как патриарх поступал с иконами, подумали, что он сольно грешит, пришли в смущение и волнение и сочли его противником икон. В это время случилась моровая язва и солнце померкло перед закатом 2-го августа. Они подумали: „все случившееся с нами есть гнев Божий на нас за надругательство патриарха над иконами“. Образовались скопища, враждебные патриарху, которые покушались убить его, ибо царя в это время не было в Москве и в городе оставалось мало войска. В таком положении находилось дело, когда было получено патриархом повеление от царя увезти царицу со всею семьей в Троицкий монастырь, дабы она там оставалась во избежание моровой язвы. Они уехали, и царица пробыла в Троицком монастыре до наступления рождественского поста. Патриарх же, расставшись с нею, провел все это время в горах и лесах, скрываясь от лютости моровой язвы, удаляясь от людей, проживая в палатке под дождем и снегом, не имея себе иного утешения кроме огня. Так как у них более ста лет не было моровой язвы, то они сильно испугались. Большинство вельмож также бежали из города, и по Промыслу Божию большая часть их уцелела. Царь, приехав из Смоленска в Вязьму, послал повеление патриарху прибыть к нему с царицей. Они отправились и оставались там, пока не прекратилась язва в Москве, как об этом мы раньше упомянули.

В этот день патриарху представился удобный случай для беседы в присутствии царя, и он много говорил о том, что такая живопись, какова на этих образах, недозволительна. При этом он сослался на свидетельство нашего владыки патриарха и в доказательство незаконности новой живописи указывал на то, что она подобна воображениям франков. Патриархи предали анафеме и отлучили от церкви и тех, кто станет изготовлять подобные образа, и тех, кто будет держать их у себя. Никон брал эти образа правою рукою один за другим, показывал народу и бросал их на железные плиты пола, так что они разбивались, и приказал их сжечь. Царь стоял близ нас с открытою головой, с видом кротким, в молчании внимая проповеди. Будучи человеком очень набожным и богобоязненным, он тихим голосом стал просить патриарха, говоря: „нет, отче, не сожигай их, но пусть их зароют в землю“. Так и было сделано.

Никон, поднимая правою рукой икону, всякий раз при этом восклицал: „эта икона из дома вельможи такого-то, сына такого-то“, т. е. царских сановников. Целью его было пристыдить их, так чтобы остальной народ, видя это, принял себе в предостережение. После того Никон стал говорить о крестном знамении, ибо русские не крестятся подобно нам сложенными тремя пальцами, но складывают их подобно как архиерей, когда он благословляет. При этом Никон также сослался на свидетельство нашего владыки патриарха. Об этом предмете наш учитель еще раньше говорил Никону, что такое крестное знамение недозволительно; и теперь всенародно чрез переводчика сказал следующее: „в Антиохии, а не в ином месте, верующие во Христа (впервые) были наименованы христианами. Оттуда распространились обряды. Ни в Александрии, ни в Константинополе, но в Иерусалиме, ни на Синае, ни на Афоне, ни даже в Валахии и Молдавии, ни в земле казаков никто так не крестится, но всеми тремя пальцами вместе“.

После этого Никон совершил отпуст. Патриархи вышли к царю, поздравили его и благословили. В предшествии икон царь вышел в южные двери собора, чрез которые он

возвращается в свой дворец. Лица, несшие иконы, стали в ряд вокруг него Патриарх окадил иконы и, сняв митру, приложился к каждой отдельно; то же сделал наш учитель, а затем царь, и патриархи благословили его.

По правую и левую сторону царя находились двое юношей, родные братья; мы узнали по их лицам, что они татары. Они дети султана Сибирского. Их дед уступил свою страну царю Иоанну без войны, по мирному соглашению. Царь оставил ему власть, обязав его платить ежегодную дань. Из его потомства в настоящее время остались эти два брата. Царь вызвал их к себе и ласками, увещаниями, дарами и милостями обратил их в христианство. Патриарх их окрестил, а царь был восприемником. [Их имена прежде были Мухаммед и Ахмед, а теперь их зовут Иоанн и Алексий]. Глядя на них, мы дивились их чрезвычайному сходству. Они — самые приближенные к царю. Мы сказали себе: кто поверит, что дети диавола сделаются сынами Божиими? О, как это изумительно! Исполать нашим очам за то, что они видели, и нашим ушам за то, что они слышали!

Затем лица, несшия иконы, пошли перед царем при звоне всех колоколов. Мы же вернулись в алтарь и сняли свои облачения. Патриархи простились друг с другом, и мы в санях возвратились в свой монастырь, пораженные и изумленные выносливостью и усердием, присущими этому народу от царя до малых детей, ибо мы вошли в церковь, после того как часы пробили три, а вышли только в десятом часу; таким образом мы простояли с ними на ногах целые семь часов на железном полу, при сильном холоде и пронизывающей сырости. Но мы почерпали себе отраду в том, что видели у этого народа. Мало было патриарху продолжительной службы и длинного синаксария: он еще прибавил в конце проповедь и многие поучения. Бог да даст ему чувство меры! он не пожалел царя, ни даже нежных детей.

Я хотел бы знать, что бы у нас сказали и стали ли бы так терпеть... Но нет сомнения, что Творец (да будет прославлено имя Его!) даровал русским царство, которого они достойны и которое им приличествует, за то, что все заботы их духовные, а не телесные. Таковы все они.

Царь и патриарх прислали нам кушанья, но только-что мы сели за стол, полумертвые от усталости и пораженные изумлением, как ударили к вечерне...

Глава IV. Москва. — Огорчение по поводу решенного отъезда царя. Заупокойное служение патриархов в Вознесенском монастыре.

Возвращаемся (к рассказу). На этой неделе царь отправил шестерых бояр и с ними, как мы удостоверились, более 300.000 войска. Распространилась молва о том, что и сам он уедет вскоре после них, так как он сильно разгневался, когда получил два известия: первое — о нечаянном нападении проклятого Радзивила на город Могилев, второе — о том, что произошло в стране казаков: о разорении, пленении, убийствах и поджогах. Особливо же (он решил ехать), когда увидел присланных Хмелем пленных татар, ляхов, венгров, молдаван и немцев, и когда сообщили ему, как Бог даровал Хмелю победу, благодаря величию царя и страху пред его именем. Мы не верили скорому отъезду царя, потому что он не пробыл еще и месяца в столице; но когда убедились в этом, то наша радость но случаю его прибытия улетела, а наша печаль и наше огорчение по поводу его отъезда усилились. Мы начали из глубины сердца возносить мольбы против врага Бога и христиан, Радзивила, как прежде проклинали Стефана, господаря Молдавии, ибо, несомненно, Творец воздвиг этих двух людей в наказание христианам и ради умножения нашей печали, огорчения и расстройства, кои заставили нас бежать из своей страны и неотлучно нам сопутствовали. Одно (огорчение) что, как мы насчитали, из-за Стефана, во время мятежа, поднятого им против Василия, до „безмятежного“ вступления его на престол, было убито более ста тысяч христиан из молдаван, валахов, венгров, греков, сербов, болгар, арнаутов, турок, арабов, татар, поляков, казаков и иных народов. Мы плакали из-за этого, но плакали и из-за того, что не дано нам было сроку всего в пятнадцать дней, от четверга вербной недели до четверга пасхальной, когда Василий обещал нам всяких благ: уплату долгов, архиерейское облачение с дорогой митрой и пр., и если бы мы отпраздновали Пасху вместе с ним, то всем этим воспользовались бы; он отправил бы нас сюда без хлопот и затруднений (для нас), и мы наверно вернулись бы (теперь) в свою страну, а не оставались так долго здесь. Другое (огорчение), что этот проклятый Радзивил теперь выступил и возбудил спящий гнев царя, у которого в мыслях было отпраздновать Пасху здесь, и мы уже радовались, что он отпустит нас, устроив наши дела: ведь, мы едва верили себе, что видим его собственными глазами. Господи наш! воззри на наше положение! Доколе Ты будешь отвращать от нас свои взоры? Но мы благодарны Тебе, Господи Боже наш, за всякое положение. Не успели мы порадоваться, что избежали неприятностей (испытанных) в Молдавии, а они не покидают нас и до сих пор. Пошли, Боже, Радзивилу немощь и болезнь, продолжительные в такой мере, в какой он повинен в крови тысячей народа и в какой омрачил теперь нашу жизнь, о Творец! и за то еще, что этот проклятый был, как мы сказали, причиною всех теперешних зол, этот неудачник, не имеющий ни силы, ни счастья на войне, ни свободного поприща. Когда царь пошел на Смоленск более чем с 600 тысяч. этот важный господин явился для отражения его с тридцатью тысячами. Передовые отряды царского войска, столкнувшись с ними, тотчас рассеяли мечом их сборище. Да и как могло быть иначе? тридцать тысяч пришли воевать с сотнями тысяч. О, люди! (посмотрите) какое высокомерие, какая заносчивость! А этот проклятый, как только увидел их своими глазами, бежал (переодетый) в платье бедняка, чтобы никто не узнал его, бросив свое войско в беде, в руках врагов. Он убрался в самом жалком положении, и московиты захватили всех его приближенных, из коих лишь немногие бежали вместе с ним.

Недовольно было ему этого бегства: он возвратился теперь с 12 тысячами, чтобы отдать в их власть добычу. О ты, обладатель ума, доблести и проницательности! посмотри на эту гордость, самонадеянность и гнусность! Мы, после небольшого перерыва, докончим рассказ в этой же тетради, дабы ты знал, что всякая власть и главенство от Бога, и кто пользуется ими со смирением, тот овладеет правлением и господством, а кто гордится и надмевается, того Бог низводит до навозной кучи и мусорной ямы, а его приближенных и воинов повергает на попрание под ноги врагов его, как это теперь и случилось.

Накануне второй субботы поста, царь прибыл в женский монастырь, что насупротив нас, где, как мы говорили, находятся гробницы цариц, и пригласил нашего владыку патриарха, и этот, вместе с патриархом московским, надел полное облачение, по их обыкновению. Совершили в хоросе поминовение по матери царя. Архидиакон возгласил ектению о усопших, а патриарх Никон, сойдя, окадил кутью, алтарь, иконы, нашего учителя и всех служащих архиереев, архимандритов и священников, затем царя и всех предстоящих. Тоже сделал наш учитель. При этом певчие пели Блаженны и заупокойный канон, по обыкновению. Каждый из дьяконов говорил в своем месте: „Помилуй нас Боже“ и пр., до последнего. Пошли на могилу царицы и начали вторую службу. Архидиакон возгласил: „Помилуй нас Боже“ и пр., причем окадил ее гробницу. Патриарх Никон прочел про себя молитву „Боже духов», и все служащие пропели ее потихоньку, по их обычаю. Затем архидиакон покадил и передал кадильницу патриарху, говоря: „Σοφία, Премудрость“! а патриарх (прочел) заключительные стихиры, при чем окадил гробницу. Архидиакон возгласил: „царице такой-то, Богом помилованной, вечная память“! и то же пропели певчие. Потом патриарх окадил предстоящих и совершил отпуст. Патриархи вошли (в алтарь), сняли свои облачения и, выйдя, выразили царю свое соболезнование, при чем проводили его за врата церкви. Он заказал им обедню на другой день. Они попрощались с ним, и он ушел, а мы возвратились в свое жилище.

На другой день мы также отправились и отслужили обедню, при чем происходило рукоположение иерея и диакона. По окончании службы, пришли к гробнице царицыной и начали заупокойное служение. Архидиакон, патриарх и певчие сделали то же, что и накануне. Царь не присутствовал в этот день, потому что был занят, старательно готовясь к походу на другой день, что и случилось.

Глава V. Москва. — Служение патриархов в Успенском соборе. Подарок от царя патриарху Макарию. Просьба его отпустить их на родину. Проводы царя и отъезд его.

Рано поутру, во второе воскресенье великого поста, нас также пригласили, и мы отправились в собор. Приложились к иконам и облачились. Прибыл царь и, приложившись ко всем иконам и мощам святых, при чем певчие пели ему многолетие, направился к патриархам. Никон, сойдя с своего места, встретил его, благословил крестом и запечатлел святою водой. То же сделал наш учитель. Затем архидиакон принес большой золотой крест и другой малый. Патриарх Никон вторично благословил даря одним крестом и вручил ему, ради успеха на войне. Также и наш учитель благословил царя другим крестом и вручил ему, сказав чрез переводчика: „как Бог древле даровал царю Константину Великому победу над врагами помощью честного креста, так я молю Его даровать ее теперь тебе“. Царь отвечал: „аминь“! и поцеловал у нашего учителя десницу, а он поцеловал его в голову. То было пророчеством со стороны нашего владыки патриарха: именно, царь слышал раньше, что в одном из Афонских монастырей, известном под именем Пантократор, т. е. Вседержитель, есть подлинный крест царя Константина, пожертвованный греческими царями при хрисовуле (золотой грамоте). Царь просил монахов прислать ему этот крест, дабы он мог приложиться к нему, и в настоящее время, в праздник Пятидесятницы, они прислали этот самый крест, когда царь был в стране ляхов. Впоследствии мы его видели и прикладывались к нему, о чем потом расскажем. Царь, поклонившись патриархам, пошел и, ставши на своем царском месте, прислал нашему владыке патриарху с архидиаконом чудесный саккос, изумительный по тонкости работы, яркости цвета и блеску в темноте. Мы сняли с владыки прежний саккос и надели новый. Это нам доставило великую радость и огромный почет: да и как же иначе? то было пред множеством народа, и глаза всех обращались на нас в удивлении, при виде великой любви царя к нашему учителю. В такую минуту саккос стоил многих сокровищ: не богатство дает почет, а высокое положение. Да продлит Бог дни твои, царь, века! да даст тебе победу над врагами во всякое время и во всякий час! Не довольно тебе забот обо всем необходимом для войны, о величайший из царей земных, царь нового Рима, который есть Москва, самодержец Великой и Малой России и великий государь всех северных земель! Ты не забыл теперь и кир Макария, патриарха Антиохийского. Да даст тебе Бог победу над твоими врагами, дьяволами, и до увековечит твое царство во веки веков! Аминь.

Надев саккос, наш учитель пошел к царю, — и драгоман с нами — поклонился ему и благодарил за щедрость, помолился за него, благословил и, поцеловав его в голову, возвратился на свое место. В этот день также происходило рукоположение иерея и диакона. При малом входе, пред тем как дьякон возгласил: Премудрость прости, два дьякона подвели к патриарху Никону одного из служащих священников, который поклонился ему, а патриарх благословил его и прочел над ним молитву посвящения в архимандриты, именно, сделал его настоятелем монастыря, находящегося в этом городе, во имя Божественного Богоявления, надел на него поручи и подобие палицы, висящей на другом боку[469], затем митру и благословил его. Его свели вниз, при чем он сделал патриарху земной поклон, потом подвели его к нашему учителю, который также благословил его. Затем он обошел архиереев, архимандритов и священников с обеих сторон, целуя их в уста, по их обычаю, при чем они поздравляли его. Наконец он стал на своем месте. Архидиакон

возгласил: Премудрость прости. Мы отслужили пятую обедню в присутствии царя и седьмую в сослужении с патриархом московским. После того как Никон совершил отпуст, патриархи вошли в алтарь, сняли облачения и, выйдя, благословили царя. В этот час наш учитель обратился к царю с просьбой опустить его, но царь отвечал ему: „нет, отец мой, прошу тебя остаться здесь и молиться за меня, прося, чтобы Бог даровал мне победу над врагом, дабы я поскорее возвратился, занялся твоими делами и наделил тебя, как тебе приличествует». Наш учитель сказал на это: „господин мой! ты знаешь, что я больше четырех лет в отсутствии от своего престола и, к моему злополучию, замедлил столько времени на дороге в стране молдавской и валашской; если будет на то твоя царская воля, отпусти меня в путь“. Царь отвечал ему: „ты пробыл столько времени в чужих странах, пробудь и в моей столько же, дабы она освятилась твоим присутствием, ибо твоими молитвами и своим мечом я буду победителем над врагами моими“. Тогда наш учитель замолчал и не промолвил более ни слова. Царь же, взяв за руку нашего учителя, подвел его к патриарху Никону, говоря; „вот мой наместник; я поручаю тебя ему: чего пожелаешь, проси у него“. Затем он простился с ним и ушел, а мы отправились в свой монастырь.

Никон предупредил нас, чтобы мы вернулись чрез два часа проводить царя. Ударили в большой колокол, и все жители города поспешили для прощания с царем. Мы отправились в собор. Оба патриарха облачились в алтаре вместе с архиереями и архимандритами. Все вышли в нарфекс и стали, по обыкновению, в ряд кругом Никона. Колокола гремели. Когда царь сошел из дворца, зазвонили во все колокола, так что земля поколебалась и наши уши оглохли. Оба патриарха вышли на встречу царю и благословили его. Он был облечен в царское одеяние из чудеснейшей венецианской золотой парчи, ослепляющей взоры; кругом одеяния, на ширину в четыре пальца, как мы уже говорили, был жемчуг, драгоценные каменья и золото, согласно тому, как обыкновенно одевались греческие цари. Он не стал на своем царском месте, а пришел и остановился близ нас, за правою колонной, покрытой, как мы говорили, красным сукном. Тогда начали петь службу на брань, с канонархом, попеременно на обоих клиросах, приятным напевом. Затем царь подошел к патриарху Никону, который сошел вниз с архиерейского места, и вручил ему письмо, и тот прочел его. Драгоман перевел его нашему учителю. Оно было от воеводы Могилева и содержание его такое: когда их осадил проклятый Радзивил и завладел первым земляным валом города, царские войска храбро бросились на него и заняли позицию кругом всего города. От гетмана Хмеля прибыл один из близких к нему полковников, известный Золоторинскос (Золотаренко), и с ним 40000 отборных казаков. Напали на Радзивила с четырех сторон, а из города стреляли по нему из пушек. Когда беда окружила его со всех сторон, он переменил одежду, подобно дьяволам, и бежал с немногими людьми, покинув свое войско, из которого никто не спасся. Мы порадовались этой вести.

Когда наступило время чтения Евангелия, вышли из алтаря три дьякона: у протодьякона в руках было Евангелие, а другие двое несли свечи. Архидиакон сошел, взял Евангелие у протодьякона и открыл пред патриархом, который, сняв митру, прочел его. По окончании службы, оба патриарха пошли к дверям алтаря: царь подошел к ним и они его благословили и окропили святою водой; он вошел в алтарь, где прикладывался; также прикладывался ко всем иконам собора и простился с мощами святых. Точно также подходили все его вельможи, получили благословение от патриархов и Никон окропил их святою водой до последнего. Царь возвратился, наклонил голову, и патриархи прочли над ним молитвы брани и победы над врагами заступлением всех святых, древних и новых, коих поименовывали одного за другим. Потом они благословили царя, поклонилась ему, и он поклонился им, взяли его за руку и облобызали его, плача. Затем патриарх Никон стал перед

царем и возвысил свой голос, призывая благословение Божие на царя в прекрасном вступлении, с примерами и изречениями, взятыми у древних: подобно тому как Бог даровал победу Моисею над фараоном и пр., и в новой истории: о победе Константина над Максимином и Максенцием и пр., и (говорил) многое, подобное этому, в красноречивых выражениях, последовательно и неспешно, уподобляясь текущему источнику. Когда он запинался или ошибался, то долго обдумывал и молчал: некому было порицать его и досадовать, но все молча и внимательно слушали его слова, особливо царь, который стоял, сложив руки крестом и опустив голову, смиренно и безмолвно, как бедняк и раб пред своим господином. Какое это великое чудо мы видели! царь стоит с непокрытой головой, а патриарх в митре. О, люди! тот стоял, сложив руки крестом, а этот с жором ораторствовал и жестикулировал перед ним: тот — с опущенною головой, в молчании, а этот, проповедуя, склонял к нему свою голову в митре; у того голос пониженный и тихий, а у этого — толстый и громкий; тот — как будто невольник, а этот — словно господин. Какое зрелище для нас! Бог свидетель, что у нас сердце болело за царя. Что это за чрезвычайное смирение! Благодарим Всевышнего Бога и славим Его за оказанную нам милость тем, что мы видели эти чудные, изумительные дела! Окончив свое слово молитвенным благожеланием царю, патриарх поклонился ему и вторично облобызался с ним. Патриархи проводили царя за южные врата церкви, где возвышались царские знамена в руках ратников. Парь укрепил один из крестов, кои дали ему патриархи, на знамени, на котором с обеих сторон изображена Голгофа с лестницей, а на Голгофе крест — все из листового золота. Другой крест он укрепил на знамени соборной церкви, которая в честь Успения Владычицы. Затем патриархи вернулись и вышли чрез западные двери церкви большим крестным ходом, при чем священники и дьяконы несли хоругви и иконы. Мы встретили царя и пошли впереди него по досчатым мосткам, заранее приготовленным. Еще раньше стрельцы усыпали их все желтым песком до выхода из ворот Кремля. Горело множество больших свечей, так как время было вечернее; при этом звонили во все колокола, так что земля дрожала и наши уши оглохли. Наконец, мы вышли из кремлевских ворот на открытую площадь и поднялись на каменный круг, назначенный для молебствий. Певчие во время пути пели стихиры молебствия и окончили их здесь. Патриарх Никон прочел Евангелие и благословил крестом на все четыре стороны, затем, вместе с нашим учителем, благословил им царя и окропил его святою водой. Прочитав над ним молитвы на брань, они облобызались с ним. Равным образом подходили архиереи и архимандриты, кланялись ему, целовали его правую руку и подносили ему, по своему обычаю, позолоченные иконы. Потом подходили мы, дьяконы, после священников и целовали у него руку. Затем он попрощался с патриархами и сел в сани; дети султана Сибирского, как всегда, находились по правую и левую руку его, и он уехал с миром, сказав: „прости!“ то есть: простите меня[470]*. Влахернская икона была поставлена напротив него в санях; вокруг него зажгли множество свечей, ибо наступила темнота. Мы оставались и стояли до тех пор, пока не прошли все войска. С царем отправился Тверской архиепископ со многими священниками, дьяконами, монахами и иконописцами. Мы со свечами возвратились в собор, сняли облачения и отправились в свой монастырь. Царь же поехал ночевать в один из своих дворцов, отстоящий от города в трех верстах.*

Глава VI. Москва. — Численность и состав русского войска на месте военных действий. Союз со шведами. О государях вообще и о султане турецком в особенности.

Наш владыка патриарх спросил московского патриарха о численности войска, которое отправилось теперь с царем. Тот сказал: „триста тысяч собственного войска; из них сорок тысяч, в полных железных доспехах, постоянно находятся при царе“. Это кроме тех, которых царь послал со своими вельможами вперед себя, как мы сказали раньше. Патриарх продолжал: „я дал ему десять тысяч ратников с конями и оружием. От монастырей, находящихся в Московии, и от архиереев дано столько же, от каждого, сообразно с его средствами, с его угодьями и доходами; даже от самых малых монастырей царь взял по одному человеку с вооружением, лошадью, припасами и деньгами на расход, ибо все монастыри пользуются щедротами царя и пожалованными им угодьями, пока не наступит нужда, как ныне. Это сверх припасов, которые царь обязал их доставить в Смоленск».

Келарь монастыря св. Троицы сообщил нам, что они отправили с царем 10.000 ратников и послали ему в Смоленск припасов: пшеницы, сухарей, муки, ржи, ячменя, овса[471] для лошадей, масла и пр., около двадцати трех тысяч кейлей,[472] именно больших шомболей; каждые три кейля с трудом может везти лошадь на телеге. Сочли, что это сто́ит более двухсот тысяч динаров. Также (было взято) и от других монастырей, по их степени. Из монастыря Кирилла Белозерского, в (подворье) которого мы остановились, второго после Троицкого, прислали царю сто ратников и более чем на 10.000 динаров припасов, которые были доставлены в Смоленск. Из Соловецкого монастыря прислали ему пять тысяч динаров, по причине дальности расстояния.

Упомянутые триста тысяч составляют собственное войско царя; с боярами он послал еще около четырехсот тысяч, как сказал патриарх нашему учителю, и взял с собой двадцать тысяч из племени Собачелицых, которые своим видом пугают коней и всадников. Целью его было употреблять их не для войны, а для того, чтобы враги страшились его имени и могущества, когда уводят, что Собачелицые едят людей. Хмель, как мы сказали, прислал к царю полковника Золотаренко с 40.000 казаков, которым царь назначил ежегодное содержание из своей казны. Через две недели по отъезде царя, его наместники и министры отправили одного из высших сановников, по имени Василия Бутурлина, со 120.000 ратников, из коих 30.000 были пешие, а остальные — конные, и с ними еще 10.000 собачелицых Лопани. Большинство этих ратников татары, черемисы, мордва, монголы, башкиры, калмыки и пр. Мы ходили смотреть на них; это — народ с самыми разнообразными лицами: только по лицам и можно отличить, кто к какому племени принадлежит. Каждому народу дано особое оружие. Большинство ратников, а ратники царя все, снабжены в изобилии ружьями. Что же касается этих племен, то большая часть их была одета в красивые железные латы и имела на головах маленькие шапки на подобие шлемов; их руки, плечи и бедра (были покрыты железом), даже сапоги из железа; многие из них с копьями, секирами и иным оружием. Мы ежедневно, в течение этого Великого поста, ходили смотреть на них. Эти племена были посланы, по приказанию царя, к Хмелю, с тем, чтобы, взяв с собой еще 90.000 ратников из московитов, которые стояли охраной в городе Киеве, все отправлялись с Хмелем на войну к Каменцу, к Львову и в их области. Большую часть своего войска Хмель оставил в своей стране, чтобы охранять ее от набегов татар. У него собралось из московских ратников и казаков более 300.000, как мы достоверно узнали

потом от патриарха. Там оно завоевали множество городов, о чем мы скажем впоследствии в своем месте.

Царь послал одного из своих бояр со 100.000 войска для охраны границы государства от татар, кроме 60.000 (а говорят, 150.000), кои постоянно стоят охраной в тамошних крепостях и окопах. Потом царь послал одного из своих бояр в области Казанскую и Астраханскую взять бóльшую часть тамошних войск вместе с племенем калмыков, врагов хана и татар, дабы при их помощи сделать нападение на страну татар. Мы потом достоверно узнали, что их собралось на татар более двухсот тысяч.

Царь послал также приказ войскам городов Новгорода и Пскова и их областей, чтобы они шли к берегу моря и соединились со шведскими войсками, дабы окружить страну ляхов с трех сторон: с одной стороны, пограничной с Молдавией, Венгрией и частью Австрии, Хмель со своим войском; а с другой стороны земли ляхов должны придти по берегу моря войска из Новгорода и Пскова вместе со шведскими войсками. Дева, царица шведской страны, о которой мы говорили раньше, не пожелала выйти замуж, и когда жители восстали против нее, она покинула царство и избрала себе место для жительства, поставив на место себя царем своего племянника. Этот новый рига' (король) немедленно отправил к царю посла в знак дружбы, говоря: „я помогу тебе сам; ляхи силой завладели пятнадцатью городами нашей страны, и мое желание — освободить эти города от их власти“. Царь согласился. Впоследствии мы слышали от царя, что король пришел сущей и морем, отвоевал свои города и совершил в стране ляхов великие опустошения. Он послал морем пятьдесят больших гальонов с 25.000 ратников, и столько же ратников сушей, и прислал царю в настоящее время 24.000 ружей в ящиках, стоющих более ста тысяч динаров. Все эти короли, именно: английский, голландский, шведский и иные, присылают царю ежегодно военное оружие: ружья, панцыри и холодное оружие в изобилии, а он дает в обмен пшеницу и рожь (нужную) им для пропитания и запасов, ибо все суда франков, которые приходят в пристань Архангельска, не берут из этой страны ничего кроме хлебных запасов для пропитания: как мы удостоверились, все жизненные припасы во франкских землях идут из этой страны, подобно тому как жизненные припасы страны ляхов получались из земли казаков. По таковой причине все эти короли подносят царю великие дары и постоянно отправляют к нему послов ради поддержания дружбы; иначе, как только прекратится подвоз припасов, им нечем будет существовать, ибо страна их очень тесна и в ней мало посевов.

Значение слова ригá в этой стране ниже слова краль; оно значит: бей; в стране ляхов краль, в Венгрии краль, в Англии краль, а в Голландии король, или ригá, по причине малой величины этого государства; в Венеции также ригá, равно и во всех герцогствах. Что же касается царей, то, как мы удостоверились, первый (из них) — турецкий в Константинополе, второй — царь австрийский, именуемый кесарем, ибо, как утверждают, он, по смерти Константина, первый из царей возложил на себя корону и нарек себя кесарем; третий -царь испанский, четвертый — французский, пятый — персидский, шестой — индийский, седьмой — китайский, восьмой — абиссинский, девятый — Хота и Хатая (Татарии), десятый — царь той части Грузии, которая еще остается (независимой), одиннадцатый — московский, ибо он сделался царем после всех, во дни царя Ивана, как мы сказали. Считают раньше него также царя сибирского и царя Алтун-Падишаха, то есть султана золотой страны. Но над всеми превозносится царь турок по трем причинам: первая, что он царствует на месте Константина, который владел в свое время семью климатами и назывался автократором, то есть самодержцем; вторая, что турки убили семерых царей, кроме беев и иных властителей, и завоевали их земли: первый

— царь греческий, второй — египетский, третий — болгарский, четвертый — сербский, пятый — арнаутский, шестой — требизондский, седьмой-царь Херсонеса, что есть Кафа и страна татар. Царь турецкий завоевал все эти земли и убил их царей, и не только царей, но и (других) независимых владетелей. Он покорил государства валахов и молдаван и часть страны венгров и наложил на них ежегодную дань: они должны идти, куда он позовет их, и доселе состоят в его подданстве и его власть действует среди них. Он также взял Белград и Виддин из земель кесаря; покорил часть страны персидской до Багдада, Эриван, Ван и пр.; овладел окраинами страны Абиссинской и страной Емен, которая была независимым государством; завоевал большую часть островов Белого (Средиземнаго) моря, как-то: Кипр, Родос и двенадцать известных островов, которые управлялись самостоятельно, и покорил часть страны Грузинской. Его власть распространяется над всем государством магребитов, над большею частью Белого (Средиземнаго) моря, всем Красным и Черным морями и некоторыми частями других морей и над многими венецианскими городами на окраинах румелийской области, как-то: Салоники и иные. Все эти сведения мы получила от знающих людей, которые объехали бо́льшую часть света по суше и морю. Третья причина, почему турки превозносятся, та, что они владеют срединой мира, лучшими землей, водой, воздухом и продуктами. Главнее же всего то, что (в их обладании) гроб Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, чем они похваляются пред всеми христианскими царями, которые для посещения святых мест должны вступать в их владения. [473]

Глава VII. Москва. — Затруднительное положение поляков. Тщетные просьбы их о помощи. Еще сведения о числе русских войск. Донские казаки. Русская артиллерия.

Возвращаемся (к прерванному рассказу). Численность войска выступившего из Новгорода, Пскова и той области, которая находится вблизи границ Швеции, государства кесаря и страны ляхов, простиралась всего до 120.000, по точному исчислению. Они завоевали большую часть страны ляхов, ближайшую к ним, имея во главе своей отдельного воеводу, и не переставали брать на своем пути города и крепости, грабить, избивать и захватывать в плен жителей, пока не пододвинулись к царю. Это другая часть земли ляхов, (к которой примыкает) Швеция со стороны моря. Сам царь шел средним путем. Гнев Божий разразился над ляхами с четырех сторон, и они неудомевали, с какой им воевать; однако, по своей гордости и кичливости, не желали заключить мир и заплатить дань, но просили помощи у турок, докучая им многочисленными посольствами, и обещали им большие суммы, обязываясь платить ежегодно 30.000 динаров, быть под их властью и помогать им, когда те позовут их на войну, подобно венграм, молдаванам и валахам, и открыто говорили туркам: „вы имеете больше права занять нашу страну, чем московский краль, ибо, если он завоюет наше государство, то скоро пойдет и на вас, так как мы противостоим ему и отражаем его от вас и от вашей страны“. Для большого удостоверения в своей дружбе к туркам, они оставили у них заложниками двух сыновей прежнего краля, в обеспечение обещанных сумм и дани, ибо того краля, который поддерживал и подкреплял Хмеля, ляхи, как говорят, умертвили отравой и поставили на место него брата. Что же этот сделал? Он женился на вдове своего брата, с дозволения папы, — скверный поступок, какого не совершали в свое время даже идолопоклонники. Племянников своих он, как мы сказали, отправил к туркам. Равным образом ляхи посылали и к татарам, обещая большие суммы за то, чтобы те пришли к ним на помощь. Но турки, люди очень умные, не пожелали им помочь, выставляя две причины: первая: „вы христиане и у нас нет ничего общего с вами“; вторая: „если вы желаете, чтобы мы вам помогли и приказали татарскому хану венгерскому королю и беям молдавскому и валашскому, чтобы все они шли к вам на помощь против вашего врага, то давайте нам сумму дани, на основании которой вы заключили мир с вечной памяти султаном Османом: ежегодно 70.000 пиастров и 30.000 голов крупного и мелкого скота. Вот уже тридцать пять лет, как вы ничего нам не платите; уплатите нам все, что следует с вас, (если хотите) чтобы мы исполнили вашу просьбу“. Этим ответом они заставили ляхов молчать. Турки боялись вступить во враждебные отношения с царем: у них было сильное опасение со стороны Черного моря. Сношения между ними не прекращались до конца этого лета, как мы потом расскажем. Ляхи надеялись на помощь от цесаря, но царь первый отправил к нему посла для утверждения взаимной дружбы, и тот отказался помогать ляхам. Оно потеряло надежду на всех. Да будет благоугодно всевышнему Богу Творцу искоренить их в конец, в возмездие за то, что они сделали с бедными казаками в эти три года: за убийства малых детей и беременных женщин, которые не мыслят зла; за поджоги и немилосердное избиение всех, в особенности в ночи страстей Господа нашего Иисуса Христа!

Возвращаемся к нашему исчислению войск царя (действующих) в настоящее время. Как мы упомянули, он послал с боярами около 400.000, а с ним отправилось в поход 300.000; от Хмеля явилось к нему 40.000, а войск Новгорода и Пскова было 120.000. Собачелицых было

сначала 30.000, а потом явилось к царю летом такое-же племя, но еще более дикое, чем те, — мы видели их впоследствии — числом 40.000. Из ратников Архангельска, называемых казаками, пришли к нему 1500 юношей, подобных демонам, — да будет благословен Создатель их! Смотря на них, мы уподобляли их юношам друзов в нашей стране. Когда крестился царевич-мусульманин, то, взяв войско, ему принадлежащее, в числе 10.000, он, как мы сказали, отправился на помощь царю, будучи послан патриархом. В страну казаков царь отправил около 100.000, не считая войска Хмеля; послал так же одного из бояр, по имени Шереметева, со 100.000, стеречь границу со стороны татар вместе с теми 150.000, которые пребывают в башнях и укреплениях у рвов. У царя всегда имеется 30.000 немецких солдат, искусных в верховой езде и управлении пушками: они распределены между его войском с ежегодным жалованьем. Издавна царь имеет на жалованьи 1000 опытных солдат из ляхов; под греческим знаменем бывает в иные годы по 400 человек на его жалованьи. Затем царь послал другого князя взять ратников из Казани и Астрахани и калмыцких татар более 200.000, чтобы сделать с ними нападение на страну татар и помешать этим последним идти к ляхам, ибо Крым, резиденция хана, находится в расстоянии пятнадцати дней пути от Астрахани. Впоследствии прибыл на помощь царю один из черкесских беков, живущих близ Астрахани, с 20.000 храбрецов. Вот что мы достоверно узнали и что видели касательно царских войск, коих никто не может исчислить кроме Всевышнего Бога, ибо, как турецкий султан величается перед всеми царями многочисленностью своих подданных, так и этот царь еще более превозносится множеством своих. Удивительнее всего то, что все эти ратники вооружены огнестрельным оружием и у каждого не одно, а несколько.

Что касается донских казаков, которые ходят в Черное море, числом 40.000, то они также стоят под властью царя. Татары трепещут перед ними, ибо казаки всегда нечаянно нападают на их страну, забирают их в плен и привозят в страну московитов, где и продают. Так как татары наказание для христиан, живущих вокруг них, то Бог послал на них этих (казаков) в возмездие им (да увеличит Бог их силу над ними!). Также и турки на Черном море боятся казаков, ибо они весьма выносливы и храбры на войне — мы видали их — и не боятся смерти. Если доживем до будущего года, то расскажем о них.

Большую часть этих известий мы в достоверности узнали из уст патриарха, который сказал еще: „царь взял с собой с прошлого года три большие пушки, длиной каждая более 15 локтей; каждую пушку везут 1500 лошадей и при каждой 500 стрельцов. Этими пушками он сделал пролом в стене Смоленска, выстроенной из плит дикого камня“. Об этих пушках нам Рассказывали греческие купцы, которые видели их здесь; и мы видели пушки, похожие на банки и бочки, короткие и толстые; говорят, что при стрельбе из них заряд поднимается к небу и падает в средину города или крепости, производя пожар и сильное разрушение и глубоко взрывая землю. В настоящее время доставлены царю из франкских земель пушки, стреляющие без звука: они принадлежат к числу царских сокровищ.

Глава VIII. Москва. — Отношения к крымским татарам. Причины их безнаказанности. Пророческие слова митрополита Исы о татарах. Настоящее политическое положение.

Быть может, кто-нибудь спросит: „если у царя такое множество, сотни тысяч, войска, то почему он не пойдет и не истребит татар с лица земли, так как они постоянно переходят границу его страны, жгут, берут в плен жителей и совершают всякие ужасы? Так же поступают они с казаками, молдаванами и валахами; берут с них большие суммы и обманывают». На это мы ответим, что много раз расспрашивали об этом даже высокопоставленных лиц государства и удостоверились, что причина этого двоякая: первая — что ляхи, со времен своего усиления до сих пор, вовсе не держат слова и не соблюдают клятвы: сколько раз отец теперешнего царя и этот царь хотели идти на татар, но опасались, вероломного нападения ляхов на свою страну, ибо, когда эти последние овладели Смоленском и его округом, то между ними и городом Москвой оставалось только триста верст. Цари обладают большим умом, превосходнейшим нашего: никто не пойдет на врага, оставив другого врага позади себя. Это — первое извинение. Вторая причина та, что от татарской границы до московской расстояние более месяца хорошей езды, потому что вся дорога идет дикими, труднопроходимыми местами, имея болота справа и слева, и по ней нельзя ехать иначе как по одиночке. Но скверные татары выступают неожиданно и не берут с собою иной провизии кроме поджаренной муки в кожаных мешках. Каждый, даже бедняк, имеет при себе четыре-пять лошадей, и расстояние в пять-шесть дней пути они совершают в одну ночь. Где находят воду, кладут муки в сосуд, варят с водой и пьют, и это заменяет им хлеб и питье там, где вода плоха. Они режут лошадей и едят не варя и берут (мясо) про запас под седло своих лошадей. Что касается корма их лошадей, то татары собирают сухую траву в своей стране, крепко скручивают ее, как веревки, навьючивают на лошадей и этим кормят их в меру. При такой умеренности они достигают цели (своего похода). Куда бы они ни направлялись, они нападают внезапно, как дикие звери, поджигают жилища, ловят людей, (выбегающих) из домов, и увозят их на своих лошадях и арбах со всем имуществом, захваченным у них в добычу, и убегают с ними. Пленников они кормят скудно, лишь по необходимости, лошадиным мясом, которое сами едят; по этой причине многие пленники умирают на дороге от голода, жажды и усталости. Московиты не в силах выносить такой жизни в дороге и потому не могут пройти этого пути. Но сей благополучный царь, как мы сказали, со времени своего воцарения до сих пор, беспрестанно захватывает те дороги и устраивает на них крепости, города и рвы, так что между его границей и Крымом, резиденцией хана, расстояние составляет пять дней пути. Уже несколько лет, как он готовит там припасы и военные снаряды, чтобы предпринять поход в удобное время. Я утверждаю, что это время близко: если будет угодно Всевышнему Богу, (оно наступит) при жизни нашей.

Может быть, покойный митрополит Иса[474] в своем стихотворении изрек пророчество, говоря о татарах, которые едят лошадиное мясо: „если бы они, подобно арабам, не рассеивались по пустырям в темные ночи, то память о них исчезла бы и корень их погиб; но если угодно будет Богу — да возвеличится Его могущество! — их скоро постигнет неожиданное мщение: Он пошлет на них агу русских с войсками ляхов, с конницей, подобной бурному ветру, снесет их как зрелый посев на жатве и отдаст их тела в пищу диким зверям, и мы воскликнем: идем на помощь христианам! да погибнут

татары! нет (им) пощады!“ Вот что сказал в то время Богом помилованный. Вероятно, это было его желанием, и то, чего он желал, теперь достигнуто. Доказательства этого ясны. Со времен Богом помилованного царя Ивана ни один из московских царей не ходил ни на кого войной; они спокойно жили сами для себя, довольствуясь своим царством и своего страной. Слава имени Божьему! все ожидали прибытия Антиохийского патриарха. Когда мы приехали в Молдавию, весь свет восстал против Василия; подобное этому случилось и в Валахии. Татары, уже восемь лет находившиеся в братском согласии с Хмелем, отделились от него, так что он был принужден прибегнуть к царю. Большая дружба, существовавшая между царем и ляхами, была разорвана, так что, прежде чем мы прибыли к царю, он уже пошел на ляхов войной, и случилось с ними то, что случилось. Татары, также бывшие с ним в мире, стали врагами московитов, потому что нарушили границу земли казаков, которая сделалась царскою. Татары жаждут получить много денег от ляхов и боятся царя. Мы были поражены этими событиями, которые переплетаются между собой подобно сети, и недоумевали, радоваться нам или бояться. Бог да вынесет нас благополучно из этих стран, кои, если охватит их мятеж, никогда не умиротворятся! Не знаем, каков будет конец; может быть — но Бог больше знает — срок близок и мы находимся на исходе времени.

Глава IX. Москва. — Средства для содержания войска. Выпуск новой монеты. Беглецы из войска. Наказания за разные преступления.

Возвращаемся к тому, о чем мы говорили раньше. До сих пор царь совсем не открывал своих казнохранилищ для содержания войска, но снабдил его в прошлом году в достаточном количестве запасами из денег, собранных с домов торговых людей и вельмож царства. Говорят, что царь нашел в казнохранилище одной из крепостей, которую он взял в начале (войны), шесть миллионов динаров золотою монетой. В нынешнем году он получал большие состояния, вместе с домами и всею недвижимостью, из имущества богачей, которые умерли, не оставив наследников Кроме того, он в настоящее время выпустил новую монету, а именно: он разделил каждый пиастр-реал на четыре части и каждую часть отчеканил в монету со своим изображением верхом на коне. Эти монеты назвали четверть, то есть четыре (?) части. Таким образом каждый пиастр он обратил в два. Потом он отчеканил высокопробные пиастры со своим клеймом и изображением, сделав каждый из них равным двум. Также отчеканил пиастры из красной меди и выпустил вместо (серебряных) пиастров, объявив во всеобщее сведение о введении их в обращение при сделках, и платил ими за содержание войска. Вся выгода от этого досталась казне, по причине любви всех московитов к своему царю, равной любви их к всевышнему Творцу. Мы бывали свидетелями, что, когда мы им давали пиастр-реал, они не брали его, но плевали на него, то есть на изображение франков; когда же давали деньги с отчеканенным изображением царя, они целовали его, говоря: „сударь, то есть принимаем: это деньга нашего господина царя, лучше денег еретиков франков».

Когда царь отправился в поход и достиг Смоленска, некоторые из конных ратников, слабые и малоземельные, убежали тайком и возвратилось в свои дома без спроса, но не могли скрыться: их находили царские слуги, разъезжавшие по областям, и приводили в столицу со связанными за спиной руками, в оковах, к министрам и наместникам царя. Немедленно их обнажали и водили по всему городу, при чем позади шел палач с кнутом из длинных сырых бычачьих жил, провозглашал их преступление и при каждом шаге стегал кнутом: кровь брызгала — отвратительно человеку смотреть на такие дела! Бедняга кричал только: сударь, то есть имя царя, который может его избавить. Так продолжали идти с ними, пока не возвращались в приказ, так что его плечи и спина принимали вид, достойный плача: кровь лилась из них ручьем. Одних из них бросали в тюрьму, других вешали. Вот каким образом они мучают преступников. Если вор украл золотую или серебряную вещь, то ее вешают ему на язык, водят его по городу, объявляя его преступление при ударах кнутом, и затем бросают в тюрьму, (где он остается), пока не отсидит свой срок. За золотых дел мастерами существует весьма строгий надзор, какого мы не видывали нигде в других странах: они должны продавать только чистое серебро без обмана и подделки. Все серебряные вещи у них из каракушей[475], а золотые — из динаров. Чтобы ты ни пожелал купить себе, все найдешь в отчеканенном и готовом виде. За серебряную вещь кладут на противоположную чашку весов серебро же, и ты уплачиваешь сообразно с тем, сколько мастер согласится взять за работу; а если вещь позолочена, то он считает и золото. Если откроют, что мастер совершил подделку в изготовленной им вещи, то ее немедленно расплавляют и вливают ему в рот. Это хорошо известный, строгий закон. У них копейки ценятся гораздо больше, чем пиастры и динары.

Мы заметили, что они казнят смертью, без пощады и помилования, за четыре преступления: за измену, убийство, святотатство и лишение девицы невинности без ее согласия. При этом непременно оглашают преступление (водя преступника) по городу, пол кнутом, от чего многие умирают. Мы видали, что некоторым отрубали головы секирой на плахе, а не мечом: это были убийцы своих господ. Видели, что одного сожгли в доме, который сделали для него на площади; связали его и, подложив соломы, зажгли, и он сгорел: он умышленно поджег дом своего господина. Непременно сожигают также содомита. Прелюбодею, если царь и патриарх о нем не узнают, возможно спасение (от казни): после того, как его обведут по городу под кнутом, как мы это описали, заключают в тюрьму и налагают большой штраф. Также, кто поносит царя, никогда не спасется (от казни), как мы тому были свидетелями — Боже избави нас! — ибо как тот, кто хулит Бога, не может получить у них прощения, так и поносящий царя лишается головы. Если кто обвинит в каком-либо преступлении своего знакомого, то последнего подвергают всякого рода пыткам, чтобы он сознался; если сознается, так; а если не сознается и (значит) другой обвинил его ложно, то этого наказывают хуже первого и присуждают к уплате ему денег на расход по лечению ран, до его выздоровления. Горе тому, кто совершит преступление, богатый он или бедный! Никакое заступничество, никакой подкуп не принимаются, над ним совершают суд справедливо, но Божьему закону, как мы часто видали, обо до такой строгости, какая у них существует, не достигал никто из царей. Вот что мы могли теперь изложить точно и обстоятельно.

Глава X. Москва. — Порядок управления в отсутствие царя. Прием у патриарха Никона. Патриарший приказ и тюрьма. Патриаршие бояре. Доходы патриарха Никона. Его строгость к духовенству. Ссылка келаря Троицкого монастыря. Арсений Суханов.

Перед своим отъездом царь поставил на место себя полномочного наместника и нескольких министров. Из них на каждого возложено одно дело; высшее же решение принадлежит наместнику. Наблюдателем над всеми он поставил патриарха: ни одно дело, важное или незначительное, не делается иначе, как с его совета и по докладе ему министрами каждое утро. Обыкновенно, ежедневно, рано поутру, министры являлась в приказ, то есть диван, для рассмотрения, со всевозможною тщательностью, как государственных дел, так и народных, потому что никто, ни в каком случае, не ходит по делу к ним на дом. Так, мы видали своими глазами, что самый важный из них, царский наместник, приезжал в морозные дни в санях, задок которых покрыт шкурой белого или черного медведя; за ним следовали лишь двое-трое слуг; и он, и слуги была одеты в простые платья, ибо они обычно не любят дорогих платьев, а надевают что придется. Все министры, собравшись в диване, (оставались там), пока не прозвонит колокол патриарха: обыкновенно, дверь у патриарха всегда бывает заперта, от одной службы до другой, и охраняется привратниками, пока не прозвонит колокол; тогда патриарх выходит во внешний диван. Бояре стояли у его дверей на сильном холоде, пока патриарх не приказывал их впустить. Так мы видали их своими глазами, ибо наш владыка патриарх, во все время отсутствия царя, ежедневно отправлялся к патриарху Никону узнавать от него о здоровье царя и какие получены известия. Когда дозволение было испрошено и наш владыка входил к нему, то прежде чем приветствовать его, тот непременно вставал, оборачивался к иконам и пел Достойно есть, а его архидиакон — Господи помилуй трижды и Благослови, при чем они делали земной поклон; тогда оба патриарха, облобызавшись, садились для беседы, и толмач переводил их речи, пока не кончат. А бояре в это время сидели наруже, пока патриарх не позволит им войти. При входе их, он опять оборачивался к иконам, читая про себя Достойно есть, при чем все они делали земной поклон и оставались с непокрытою головой до самого ухода. Каждый из них, приблизившись, кланялся ему до земли, подходил под благословение и в заключение вторично делал земной поклон. Так подходили все под благословение, даже их маленькие дети поступали точно так же. Патриарх разговаривал с ними стоя, при чем они докладывали ему все текущие дела, на кои он давал ответ, приказывая им, что должно делать. Как нам случалось видать, государственные вельможи вообще не чувствуют особенного страха пред царем и не боятся его, а наверно патриарха больше боятся. Предшественники патриарха Никона никогда не занимались государственными делами, но этот патриарх, благодаря своему проницательному, острому уму и знаниям, искусен во всех отраслях дел духовных, государственных и мирских, так как он был женат и на опыте ознакомился с мирскими делами. По окончании приема, патриарх опять оборачивался к иконам, пел вторично Достойно есть и, обернувшись, благословлял бояр и отпускал их. Затем шел вперед них в церковь, ибо он, обыкновенно, никогда не пропускает службы в церкви, три раза, днем и ночью, присутствуя за обедней и вечерней, и в бóльшую часть дней совершает литургию. При входе и выходе многие подавали ему чолофитат (челобитные), то есть прошения по

своим обстоятельствам и делам, ибо никто не может видеть патриарха в его келлиях, за исключением бояр поутру. Но под его келлиями есть семь приказов, то есть диванов и судов, в коих заседают семь судей со многими писцами. Каждый диван назначен для своих особых дел: один — для монахов и монастырей, и в нем они судятся, другой — для священников, и кто является из областей, далеких или близких, чтобы сделаться священником, имея при себе свидетельство от своего города, тот представляет таковое боярину этого дивана, который состоит также патриаршим казначеем. Монах оставляет свидетельства у себя, пока не наберется их двадцать, тридцать, и тогда докладывает их патриарху в один день. Когда просители явятся к патриарху, он обходит их с какою-нибудь книгой: кто прочтет хорошо, на прошении того он делает помету: „достоен», а кто не сумеет прочесть, того он прогоняет, ибо значение патриарха здесь равно царскому. Мы много раз видали таких просителей, которые приезжали за тысячи верст, из областей, прилежащих к Сибири, и иных.

Патриарх и архиереи не получают годового сбора со своей паствы, а имеют содержание от пожалованных имений и получают ежегодно определенный сбор с каждого священника, смотря по его состоянию.

Есть еще приказ для наследств. С каждого наследства патриарх получает одну десятую, кроме того, что берут судья и его люди. Всякому новопоставляемому священнику приходится также делать большие траты при поставлении. Обо всех делах, происходящих ежедневно в этих приказах, судьи ходят докладывать патриарху и получают от него ответ, как ему угодно будет (решить). Челобитные, которые патриарх отбирает у людей, он уносит и читает в своих кельях. Всякий, кто получил ответ, удаляется, а чьего имени не было, тот знает, что его дело не исполнено.

Во всяком месте (пребывания архиерея) есть тюрьма, снабженная тяжелыми железными оковами и большими деревянными колодками. Если кто из настоятелей монастырей или важных священников совершит проступок, тот, будучи заключен в оковы, должен просевать муку ночью и днем при пекарне, пока не отбудет срок наказания: нам случалось их видать в таком положении.

Патриарха окружает множество бояр, из коих большую часть он делает теперь правителями (областей), каков, например, воевода Путивля и другие; из них же бывают уполномоченные, казначеи и келари для всяких дел: одни (надзирают) над казнохранилищем, другие над патриаршим домом, иные над доходами, иные над расходами. Патриарх не позволяет своим дьяконам входить во внутренние его келлии и (вообще) никому, кто умеет читать, дабы не прочли его тайных бумаг а прочего, что только у него есть. Он имеет своих собственных золотых дел мастеров, портных, кузнецов, каменьщиков, плотников, живописцев, по всякого рода мастерством. Все они получают ежегодное содержание, одежду, подарки и пр. Этот патриарх имеет большое влияние на царя, и потому, в то время как прежде было пожаловано от царя патриархии в угодье 10.000 крестьянских домов, Никон довел их число до 25.000, ибо, всякий раз, как умирает кто либо из бояр, патриарх является к царю и выпрашивает себе часть крестьян и имений умершего. Он взял также себе во владение много озер, кои приносят ему большой доход от соли и рыбы. Так действует он теперь, по распоряжению царя, получив хрисовул, (в силу которого) всякий раз как умирает боярин, не имеющий наследников, ему наследует патриарх. Таким образом он взял себе соляные озера, ежегодно приносящие ему большой доход, тогда как патриархи, бывшие до него, рыбу и соль приобретали покупкой. Он также воспретил всякому, кто этим торгует, платить пошлину — и все это в силу хрисовула. При продаже лошадей в столице и во всяком другом городе, царь получает две копейки с рубля, а монастырь Св.

Троицы одну копейку; такой порядок во всей стране московской: из пошлины один архонт берет для царя две части суммы, а архонтъ[476] монастыря Св. Троицы одну часть. Но патриарх Никон взял себе половпну дохода монахов, так что его ежедневный[477] доход составляет, как говорят, 20.000 рублей. Доход его с церквей этого города и окрестностей составляет 14.000 рублей в год; со всякой церкви (взимается), по числу ее прихожан, с самой бедной — рубль. Также получает он ежегодный сбор со всех церквей и священников своей области, который они вносят ему и своему архиерею. Доход монастыря Св. Троицы равен трети царского дохода, но патриарх Никон присвоил себе половину этого дохода, говоря: „патриарх имеет на это больше права“. Он взял также большую часть царских сокровищ монастыря (Св. Троицы), как мы потом увидели: — из них ни одного не было в патриаршей церкви, они даны в нее патриархом — облачения, обильно украшенные драгоценными каменьями и жемчугом, сосуды и пр. Монахам же осталось немного. Как человек с острым умом, Никон возвысился над положением иерарха и стал ведать государственные дела, и все начали его бояться. Тогда как (прежде) всякий архимандрит поставлялся и сменялся только по приказанию царя, патриарх Никон уничтожил этот закон: стал ставить и сменять их без спроса.

От того Бог отступился и тот навлек на себя Его гнев, кто совершил проступок и провинился пред патриархом: пьянствовал или был ленив в молитве, ибо такового патриарх немедленно ссылает в заточение. В прежнее время сибирские монастыри были пусты, по Никон, в свое управление, переполнил их злополучными настоятелями монастырей священниками и монахами. Если священник провинился, патриарх тотчас снимает с него колпак[478]: это значит, что он лишен священнического сана. Бывает, что он сам сжалится над ним и простит его, но ходатайства ни за кого не принимает, и, кроме царя, никто не осмеливается явиться перед ним заступником. Разгневавшись на многих священников, он по справедливости сбрил им волосы и отправил в ссылку вместе с женами и детьми, чтобы там они окончили свою жизнь в злополучии. Такою строгостью он всех устрашил, и его слово стало решающим. В последнее время он дошел до того, что отставил от должности келаря монастыря Св. Троицы и заточил его в один монастырь, хотя тот, по своему значению, был третьим правителем, ибо в этой стране считают трех правителей: царя, патриарха и келаря Св. Троицы. Нам случалось видать, что, когда он приезжал из монастыря или отправлялся куда-нибудь, то его сопровождало множество архонтов, служителей и ратников, чего нет и у патриарха. После такого сана патриарх сделал его мельником в том монастыре, куда он был заточен.

Нам рассказывали о монастыре Сифска (Сийский), что он находится среди озера, в некотором расстоянии от моря, и отстоит от Москвы на 1.500 верст. Его обитатели весьма злы и жестоки и нисколько не сострадательны к людям, туда сосланным: не дают им отдыха, так что большинство заточенных в него умирают от притеснений.

Причина заточения келаря была следующая: до сведения патриарха дошло, что келарь брал взятки с богатых ратников монастыря, чтобы им не идти в поход, и посылал вместо них бедных, у которых не было средств (содержать себя), ибо монастырю св. Троицы цари дали в пользование четыре полка ратников, каждый в 600 человек[479], дабы они по очереди держали стражу в нем и охраняли его интересы. Патриарх поставил на его место келарем архидиакона Арсения (Суханова), который приезжал в нашу страну с иерусалимским патриархом и из Алеппо поехал в Грузию. По прибытии его в Москву, патриарх и царь созвали собор[480] и послали Арсения на Св. Гору с обильною милостыней для монастырей и письмами на имя настоятелей их (с просьбой) дать Арсению, сколько они могут, древних

греческих книг, так как этот патриарх и царь, чрезвычайно любя греческие обряды, с течением времена заметили, что в их книгах произошли искажения. Они слышали, что на Св. Горе собраны все греческие книги, и послали этого человека приобрести из них все редкостные и замечательные. Он отправился и добыл около пятисот важных книг разного рода. Мы встретили его, когда он проезжал по Валахии. Затем он поехал в Константинополь, где все рассмотрел, а оттуда отправился в обратный путь, захватив с собой, по поручению патриарха, множество кипарисных досок для икон, ибо кипарис очень ценится в этой стране. Наконец, он приехал (в Москву), привезя с собой все эти вещи. Книги были помещены в особом хранилище. У московитов есть переводчики из греков, которые переводят книги одну за другой, печатают и выпускают в свет. За эти две услуги, оказанные архидиаконом Арсением, именно: что его посылали на Синай, в Египет, Иерусалим, в нашу страну и в Грузию, чтобы достоверно узнать положение этих стран, и за эту вторую услугу патриарх наградил его тем, что поставил на самую высшую степень. „Нет дара, кроме как от Отца светов».

Глава XI. Москва — День тезоименитства царя. Служение в Алексеевеком монастыре. Отпевание монахини в Новодевичьем монастыре. Описание монастыря.

Возвратимся к нашим сообщением о царе. Запасы съестного, питья и пр. для людей и животных, военные снаряды и оружие: мечи, ружья, кольчуги, порох и пушки не переставали отправлять к царю до конца лета. Все это мы видели постоянно своими глазами. [На этой неделе прибыло из Архангельска более трехсот подвод с железными латами, сделанными в полную человеческую фигуру, так что, когда их наденут, ни малейшая часть тела не видна, а также с мечами, копьями, ружьями и пр. без числа, все из страны франков, так как царь заказал их еще давно. Мы дивились на них, не видав ничего подобного в своей стране, ибо, как нас уверяли европейцы, они никогда не вывозят их в Турцию: такой вывоз запрещен. Царь платит за них хлебными запасами].

В третью субботу поста, которая пришлась 17 марта, была память св. Алексия, человека Божия. Так как благополучный царь родился в этот день — теперь ему исполнилось 27 лет од роду — и был наречен во имя св. Алексия, то он имеет обыкновение ежегодно в этот день заказывать литургию и делать трапезу для своих приближенных и для народа; бывает большая радость. С задней стороны дворца[481], близ второй городской стены, он построил монастырь во имя св. Алексия, человека Божия, и поместил в него большое число монахинь знатного происхождения[482]. Царь очень любит этот монастырь и постоянно посещает его с царицей. Если бы он в этот день присутствовал (в столице), то устроил бы большое торжество. Но патриарх сделал лучше, чем было бы в присутствии царя: он пригласил нашего владыку патриарха, и все вместе поехали в санях в монастырь. Подъехав к нему в сопровождении царского наместника и государственных сановников, патриархи вышли из саней подле ворот, откуда выступили им на встречу священники и дьяконы с иконами, крестом и кадильницей. Патриарх Никон благословил им народ. При этом дьякон кадил ему. Затем встретили его все монахини. Вошли в церковь, и патриархи совершили службу вместе с прочими архиереями и архимандритами, кои всегда служат с патриархом. По выходе их из алтаря, игуменья поднесла патриарху, по обычаю, серебряно-вызолоченную икону святого, во имя коего церковь. Патриарх простился с нашим учителем, после того как игуменья поднесла им два больших черных хлеба и они благословили всех монахинь. Патриарх сел в свои сани, обитые бархатом, оба митрополита сели сзади него, справа и слева, а бояре поехали позади и впереди. Мы возвратились в свой монастырь и нам прислала кушанья со стола царицы.

[В третье воскресенье наш учитель служил обедню в монастырской церкви и посвятил иерея и диакона, коих прислал к нему патриарх, потому что их было очень много. Точно так же в четвертую субботу он служил обедню и опять посвятил иерея и диакона. Так как на следующий день приходился праздник Благовещения, то царица прислала ему на подводах удивительно больших и прекрасных рыб разного рода, как у них принято].

В четвертое воскресенье поста, в которое приходился праздник Благовещения, рано утром ударили в великий колокол ради торжественности праздника. Патриарх, по обыкновению, служил в церкви Благовещения, а в (Успенском) соборе один из митрополитов. Если бы царь присутствовал, то было бы великое торжество. Наш учитель служил в монастырской церкви и рукоположил священника и дьякона.

В пятый вторник пригласили нашего учителя на отпевание одной княгини в

монастыре, отстоящем от города в трех верстах. Его называют Девичий монастырь. Он во имя Матери Божией „Тройное (?) Путеводительство“ (Одигитрия). Мы поехали туда в санях вместе с патриархом, архиереями и всем священным чином. Нас встретили священники и диаконы с иконой монастыря, с крестом и кадильницей, вместе с игуменьей и всеми монахинями. Мы поднялись в церковь и приложились к ее святыням. Это монастырь большой, окружен огромною стеной с десятью башнями и стоит на высоком месте, господствуя над окрестностью; близ него течет река Москва. Он имеет двое больших ворот и лежит с западной стороны города. В нем две церкви. В великую церковь входишь по очень высокой лестнице. Это обширная, высокая церковь с четырьмя колоннами, точь в точь похожая на церковь Креста[483]. Она имеет три двери. ее иконостас похож на иконостас (Успенскаго) собора, с тремя алтарями Сень над престолом чудесная, позолоченная, вся состоит из куполов, друг над другом, и поддерживается ангелами; кресты, чаши — как бы чеканной работы. Что касается иконы Владычицы, которая стоит справа от алтарных дверей, то она не имеет цены по причине обилия золота, алмазов, рубинов, яхонтов, изумрудов и жемчуга, коими она осыпана. То же и на прочих иконах, которые стоять в ряду с алтарными дверьми и перед серебряными подсвечниками, а также кругом церкви до дверей. Вокруг колонн церкви размещены маленькие серебряно-вызолоченные иконы в два ряда, одни над другими; многие из них украшены чистым золотом и разноцветными каменьями, коим нет цены. Даже во всех окнах церкви помещены иконы, одна над другой, за недостатком места, ибо церковь переполнена иконами: их, может быть, больше трех тысяч. Мы дивились и изумлялись на это, ибо наименее ценная из икон в этой церкви стоит пять динаров. Даже в царских церквах мы не находили таких украшений, как в этой церкви — патриарх Никон своими устами сказал нашему владыке-патриарху: „у нас нет монастыря, равного этому по богатству “- и это потому, что все монахини, которые в него поступают, княгини, жены государственных сановников, вдовы и дочери их, являются со своими богатствами и всем имуществом: драгоценностями, золотом и каменьями, и жертвуют их на монастырь, и потому он называется монастырем девиц. Кругом церкви идет огромная галерея.

Затем патриархи вошли в алтарь с архиереями и всеми служащими и надели полное облачение, все черного и фиолетового цвета: подризники, поручи, епитрахили, фелони, саккосы, и омофоры; корона патриарха и митры архиереев и архимандритов были старые, назначенные исключительно для отпеваний. Облачившись, все обратились к горнему месту, сделали три поклона и вышли в парфекс, где были поставлены носилки с телом, покрытые черным бархатом с большим крестом по средине и с рядом серебряно-вызолоченных икон, ибо умершая была монахиней. Потом, помолившись трижды на восток, стали в ряд, по обычаю, кланялись попарно патриархам и затем становились на свои места. Патриарху поднесли скрученные втрое свечи и он роздал их всем служащим, которые подходили попарно, кланялись ему до и после (получения свечи) по чину и в порядке, с почтением и уважением. Он роздал свечи также государственным сановникам, родственникам покойной, ее детям и женам бояр. Затем архидиакон, взяв кадильницу, окадил покойницу, говоря: благослови владыко, а патриарх: благословен, и архидиакон начал особенную ектению по усопшим, нам неизвестную, состоящую из десяти прошений, подобно большой ектепии, при чем кадил покойнице безпрерывно до конца, а певчие при каждом прошения пели Господи помилуй Патриарх сказал возглас: Ты еси воскресение, и анагносты начали канонаршить Блажени (непорочнии)[484] до конца, а певчие это пели. Патриарх сошел, окруженный дьяконами; перед ним несли серебряный подсвечник. Он отдал архидиакону свечу, которую держал в руке, окадил сначала покойницу, все время кланяясь, —

асвещеносец шел перед ним — затем вышел (из нарфекса), окадил церковь, местные иконы и предстоящих — при этом дьяконы поддерживали его все время под руки — и окадил все иконы. Потом архидиакон и его товарищ стали против него и он окадил их трижды, а они кланялись ему. Архидиакон взял у него кадильницу, а патриарх, отдав ее ему, трижды помолился на восток, благословил служащих обеими руками и поклонился им, а они все сделали ему большой поклон. То же сделал наш учитель и возвратился (на свое место). Когда певчие кончили, анагност прочел Апостол, а патриарх Евангелие, а потом положенную молитву и сошел для прощания. Тогда один из священников подошел с иконой Владычицы и стал с него по правую сторону носилок; патриарх помолился на нее и приложился к ней, открыл покров с покойницы и благословил ее крестообразно, положил ей разрешительную грамоту, возлил масло и возвратился на свое место. Стали подходить служащие по своим степеням попарно, кланялись ему и сделали то же; под конец подходили вельможи и родственники покойной [и, приложившись к образу, кланялись усопшей, проливая слезы]. Затем священник с иконой, подойдя к патриарху, стал слева от него, и игуменья с монахинями, а также родственницы усопшей, жены вельмож, подходили и прикладывались к иконе. Подошли монахини, подняли носилки и вынесли из церкви; оба патриарха и служащие следовали позади, пока не сошли в церковное подземелье, где ее и похоронили, по окончании обряда. Патриарх совершил отпуст и благословил ее могилу. Мы вышли и сняли свои облачения.

При уходе нашем из монастыря, игуменья поднесла патриархам каждому по большому черному хлебу; они возложили на него руки и благословили ее и сестер. Патриарх Никон сел в свои сани, обитые фиолетовым бархатом; архиереи окружали его. Мы также вернулись в свой монастырь. По дороге мы осмотрели площадку, которую велел устроить царь для исчисления своих войск, при чем он сидел в деревянном высоком киоске, покрытом жестяным куполом с позолоченным крестом на верхушке. Теперь он забит. Говорят, патриарх Пателярий при этом присутствовал и спросил о количестве войск, исчисленных царем; патриарх Никон ему ответил: „семьсот тысяч, получающих содержание“.

Глава XII. Москва. — Великопостные служения. Скудная пища. Собор в Москве. Служение патриарха Макария у грузинской царицы Елены.

Накануне четверга покаяния ударили в колокола в четвертом часу ночи, и мы пошли в монастырскую церковь. Начали утреню без полунощницы, первую кафизму из псалтыря; при этом все поклоны делались земные. Чтец закончил первое чтение, после чего начали канон Андрея Критского, который состоит более чем из 300 стихов, и при каждом стихе чтец и все присутствующие клали по три земных поклона — мы сочли, что они сделали более тысячи больших поклонов. После 3-ей песни и 7-ой читали житие Марии Египетской. Мы вышли из церкви лишь после восьмого часа, умирая от усталости и стояния на холоде. В этот пост мы переносили вместе с ними большое мучение, подражая им против воли, особливо в еде: мы не находили иной пищи, кроме мазари (размазня?), похожего на вареный горох и бобы, ибо в этот пост вообще совсем не едят масла. По этой причине мы испытывали великую, неописуемую муку. Мы извинили бы их, если бы они в этот пост ели не только рыбу, но и мясо: не было бы им греха и запрета, ибо у них, как мы сказали, не водятся и потому им неизвестны ни чечевица, ни овечий горох[485]; разве в домах франков (найдешь их), по цене дороже перца. Кроме этого (мазари) они знают только соленую капусту и соленые огурцы. У них есть бобы фиолетовые и белые, но цена фунта 3 копейки, т. е. каждые стоят пиастр-реал[486]. Помимо рыбы, у них нет ничего особенно дешевого, а потому, что есть бедному семейному человеку, если рыба ему запрещена? Кроме ратников, бедняков и крестьян, никто не ест рыбы; богатые никогда ее не едят: у них это считается большим грехом. Как часто мы вздыхали и горевали по кушаньям нашей родины и заклинали великою клятвой, чтобы никто впредь не жаловался на пост! ибо, Богу известно, наших кушаньев, которые едят постом здесь не бывает даже во время Пасхи и мясоедов: кроме рыбы, мяса и кваса, эти люди ничего не знают, — без сомнения, они истинно святые. Еще по приезде своем в Молдавию и Валахию мы недоумевали, что нам есть по средам, пятницам и прочим постам.

Возвращаемся (к рассказу). Патриарх Никон служил в этот день преждеосвященную литургию и рукоположил священника и дьякона, по нужде (в них). Накануне субботы Похвалы (Богородицы), после третьего часа, ударили в колокола, так что мир поколебался, и мы вошли в церковь. Начали полунощницу, затем утреню, прочли первую кафизму из псалтыря, потом часть из жития Богоматери Влахернской о том, что Она сделала в Константинополе с Хаканом[487]; затем прочли вторую кафизму и вторую часть жития. За сим наш владыка патриарх прочел шесть похвал из акафиста, после чего сели. Последовало третье чтение из жития о другом (событии). Встали, и чередной (священник) прочел еще шесть похвал. Сели, и последовало третье (?) чтение о чудесах св. Девы. Потом начали канон. При третьей песне другой священник прочел еще шесть похвал, затем чтец третье (?) чтение. Также при седьмой песне прочли еще шесть похвал в докончание акафиста и сели. Прочли синаксарь этого дня. О кончили канон и первый час и мы вышли из церкви в восьмом часу.

В этом месяце марте ночь и день равны.

Наш владыка патриарх поехал в царских санях к грузинской царице Елене, вдове Давида, сына Теймураз-хана, за которою, как мы говорили, царь посылал привезти ее с ее сыном Николаем, с целью женить его на своей дочери, — поехал служить у ней обедню. В этот

пост она несколько раз приглашала его, но он не находил свободного времени, — так как во вторую субботу поста служил обедню по матери царя, в третью субботу служил в день рождения царя, как мы говорили, в четвертую субботу с царицей случилась извинительная причина — до сего дня, пятой субботы. Она постилась первую неделю поста и желала приобщиться св. Таин из его рук, но для этого ей не представилось удобного случая до сего дня. Грузины веруют, что принятие Таин в день субботний имеет большое преимущество, а потому она желала (приобщиться) не за воскресною обедней, а за субботнею.

На этой неделе московский патриарх созвал собор вследствие указаний, которые сделал ему наш учитель, и совета, который он им дал касательно нововведении и разных погрешностей в делах веры: во первых, относительно того, что они не служат, как мы, на антиминсе с изображениями и с надписями, освященном мощами святых, а на куске белого полотна; во-вторых, что они, принося священную жертву, вынимают не девять чинов (частиц), а только четыре; в третьих, что они делают в нескольких словах ошибки в „Верую во единого Бога“; в четвертых, прикладываются к иконам только раз или два в году; в пятых, не принимают антидора; в шестых, касательно их крестного знамения при ином расположении пальцев; в седьмых, относительно крещения ляхов, ибо они крестят их теперь вторым[488] крещением, и относительно разных дел и обрядов, о коих мы уже говорили и будем говорить. Патриарх Никон послушался слов нашего владыки патриарха и перевел служебник литургия с греческого языка на русский, изложив в нем обряды и проскомидию в ясных выражениях, доступных пониманию детей, согласно подлинной греческой обрядности. Он напечатал этот служебник в нескольких тысячах (экземпляров) и роздал их по церквам всей страны; напечатал также более пятнадцати тысяч антиминсов с письменами и изображениями, освятил мощами святых и также роздал их по всей стране. Исправил многие ошибки, по царскому утверждению и повелению, на основании свидетельств закона и пророков. Заключили рассуждения на соборе (постановив), согласно мнению нашего учителя, что крещение ляхов недозволительно, как повелевается в Евхологии и Законе (Номоканоне), ибо ляхи веруют в Св. Троицу, крещены и не так далеки от нас, как прочие еретики и лютеране, как-то: шведы, англичане, венгры[489] и иные франкские народы, кои не постятся, не поклоняются ни иконам, ни кресту и т. п. Патриарх Никон, так как он любит греков, выразил согласие (на исправления) и сказал, обращаясь к архиереям и прочим присутствующим архимандритам и священникам: „я русский, сын русского, но мои убеждения и моя вера греческие“. Некоторые из архиереев ответили повиновением, говоря: „свет веры во Христа и все обряды религии и ее таинства возсияли нам из стран Востока“; а некоторые из них — ибо во всяком народе непременно есть люди грубого нрава и тупого ума — внутренно возроптали, говоря про себя: „мы не переменим своих книг и обрядов, кои мы приняли издревле“. Однако, они не смеют говорить открыто, ибо гнев патриарха неукротим: (доказательство) как он поступил с епископом Коломенским, ссылая его. Патриарх утвердил решение, что крещение ляхов недозволительно. Он передал нашему владыке патриарху шестерых священников из ляхов, рукоположенных кардиналом папским и проживавших в Вильне. Говорят, что они — священники русских, нашей веры. Одежда тамошних священников похожа на нашу, но они поминают папу; даже их служебник литургийный подобен нашему. Когда один из царских бояр, овладев каким-то городом, разрушал церкви ляхов и избивал их священников, эти умоляли его (о пощаде), говоря, что они православные. Он послал их к патриарху Никону, чтобы тот рассмотрел их дело. Приехав (в Москву), они прожили одиннадцать недель, причем, по причине множества занятий у патриарха, никто до сих пор не занялся их делом, пока Бог не послал им утешение чрез нашего учителя. Они готовились к службе с

вечера и всю ночь пели молитвы.

В этот день мы взяли их с собой в царицыну церковь. Когда наш владыка патриарх подъехал к ней, его встретили бояре царицы и уполномоченные царя, состоящие у нее на службе, и повели его вверх, где она находилась. Войдя к царице, он благословил ее и ее сына, утешал (в ее горе) и успокаивал. Она была одета в черном, по обычаю вдов этой страны, даже подушка и ковер были из черного шелка. Сын сидел подле нее на позолоченном кресле, покрытом красным бархатом, и был одет в парчевое царское платье с жемчугом и драгоценными каменьями. Затем мы встали и сошли в церковь, что во имя Св. Евангелиста Иоанна. Царица пришла с сыном и со всеми состоящими при ней людьми. Мы облачили нашего владыку патриарха, и он совершил водосвятие и окропил церковь, царицу, сына ее и всех предстоящих. Затем мы подвели к нему двоих из тех священников, сняв с них рясы, пояса и колпаки. Они сделали ему три земных поклона и стали перед ним с непокрытыми головами, а подле них стал драгоман. Наш владыка патриарх начал излагать им тайны нашей религии по порядку и исповеданию семи соборов. Они благословили то, что благословили соборы, и прокляли то, что они проклинали; прокляли затем всех еретиков и восьмой собор. Потом заставил их прочесть „Верую во единого Бога“ слово в слово и дал приложиться к иконам и кресту; они преклонились до земли, и он прочел над ними положенные в Евхологии молитвы, затем молитву миропомазания, и помазал их крестообразно только на голове. Тогда они, по нашему приказанию, поклонились ему трижды во второй раз. Мы повели их к царским вратам, и здесь они трижды поклонились, равно пред иконами Господа и Владычицы, (как бывает) при рукоположении. Мы взяли их под руки, но обычаю, произнося: „κε'λευσον, κελευσα᾽ τω, κε'λευσον, δε'σποτα ἁ᾽ γιε!“ Владыка благословил их и надел на них стихари и орари только, как на дьяконов, без прочтения молитвы, и сказал каждому из них: „да возрадуется душа твоя о Господе, ибо Он облек тебя в одежду спасения“ и т. д. до конца. Затем благословил их вторично, и они стали вместе с нами. Кроме них, он рукоположил в этот день дьякона и священника. [Прочтя Евангелие, я пошел и дал им приложиться к нему, по обыкновению. Мы также поминали их имена после поминовения царя, царицы, их сына, дочерей и сестер (царя)]. После великого выхода, наш учитель вышел с крестом, они подошли к нему, и он благословил их крестом, по обыкновению. Затем мы привели тех двух иереев, я они положили три земных поклона пред престолом. Владыка благословил их и надел на них епитрахили и фелони, произнося при этом только стихи, для того положенные вручил им служебник литургийный и велел облобызаться со священниками, по обычаю, и они стали вместе с ними. При выносе Даров, подошла царица для принятия Св. Таин из рук владыки. Сначала мы вышли с иконой, и она к ней приложилась, затем сделала три земных поклона, а два дьякона держали воздух чаши раскрытым. По принятии Св. Таин, дали ей антидор. По окончании службы, мы совершили поминовение по ее муже Давиде над сосудом с кутьей и сосудом вина. Потом владыка благословил их, и мы вышли из церкви и вернулись в свой монастырь. Вслед за нами царица послала своих бояр с трапезой, с царским золоченым кубком вина и кувшинами меда и прочего.

В этот канун воскресенья мы совершили бдение с большим торжеством, по случаю празднования памяти Марии Египетской.

В пятое воскресенье, рано поутру, ударили в большой колокол, и было совершено великое торжество, по случаю именин царицы, ибо она родилась 1 апреля и названа Марией. Она имеет обыкновение устраивать в этот день ежегодно большой праздник и трапезу для вельмож и их жен. Так было и теперь. Если бы царь присутствовал, то пригласил бы весь священный чин. Наш владыка патриарх служил в этот день обедню в монастырской

церкви и рукоположил священника и дьякона.

Глава XIII. Москва. — Лазарева суббота. Вербное воскресенье. Шествие на ослити.

В Лазареву субботу ударили в колокола с раннего утра к литургии для тех, кто постился со вчерашнего дня до сих пор ради причащения. Московский патриарх служил обедню у царицы в церкви во имя Лазаря, которая, как говорят, из железа. В этот день крестьяне привезли на санях ветви дерева, похожего на египетскую иву, которое дало почки без листьев. Его продавали на рынках, и священники покупали его для всех церквей, чтобы раздавать вечером народу. Обрати внимание на промысл Создателя и Его заботу о своем народе в этой стране, ибо, видя, что у них нет не только маслины, но что даже лесные деревья еще не распускаются, Он произрастил для них это благословенное дерево с ветвями, как будто у настоящей египетской ивы, дабы не было у них недостатка ни в чем в сравнении со всеми прочими христианами мира.

Вечером ударили в великий колокол к вечерне и звонили в него вместе с прочими, равно как и в полночь к утрене. Мы встали к службе, в то время как земля дрожала от звона в колокола вечером. После чтения Евангелия принесли большие пуки упомянутых ветвей, которые они называют, подобно грекам, вайи, и утвердили на них свечи. Наш владыка-патриарх окадил их кругом но обычаю, прочел положенную молитву, благословил и взял в руку одну ветвь, после чего священники и кандиловозжигатель начали резать для него ветви и к каждой прикрепляли зажженную свечу; он раздавал их всем присутствующим, и они держали ветви с горящими свечами непрерывно до третьей песни. Когда чтец начал положенное чтение, сели и потушили свечи, а когда он кончил, встали и зажгли — до седьмой песни; также зажгли их при девятой. Затем погасили и вышли из церкви, при чем каждый нес ветвь в руке до дому, как большое благословение. Они хранят их от года до года Если бы царь присутствовал, то патриарх вручил бы ему пальмовую ветвь: в этой стране никто, кроме царя, не смеет в сей день держать пальмовую ветвь.

Рано утром в Великое Вербное воскресенье зазвонили во все колокола по порядку, ударяя в каждый поочередно, по обыкновению, для сбора священников города и всех горожан, ибо праздник этого дня у них очень почитается, все равно как праздник Крещения. Они с великою торжественностью празднуют эти дни, даже с большею, чем Пасху и Пятидесятницу, как мы это видели.

Накануне патриарх (Никон) пригласил нашего владыку Макария для совместной с ним службы, а также и на обед, ибо в этот день у него бывает трапеза.

Мы отправились к нему. За неделю пред тем стрельцы стали исправлять путь от Великой церкви (Успенского собора) до места (церковь Василия Блаженного), находящегося вне ворот Кремля. Они сколачивали доски гвоздями, осушали песком грязь, так как на этой неделе снег начал таять и шел дождь.

Когда пробило три часа, патриарх вышел из своих покоев, облаченный в мантию из зеленого бархата; на ее скрижалях были вышиты херувим и серафим из золота, жемчуга и драгоценных камней. Две крайние белые полосы (струи) были из белого мелкого, чистого и превосходного жемчуга, а средняя, красная, была из драгоценных бус. На его голове был белый клобук, подобию митре украшенный золотом и драгоценными камнями. На клобуке крест, а спущенные концы его покрыты также золотом и драгоценными каменьями.

Еще раньте все диаконы, анагносты и иподиаконы, надев свои стихари в патриарших покоях, вышли пред Никоном со свечами и пели стихиры в честь св. Лазаря, направляясь в церковь, иеродиаконы же окружали его. Войдя в церковь, патриарх поднялся на архиерейское

место и помолился, при чем все диаконы вместе с певчими пели „Достойно есть“, а затем „Многая лета“. Никон благословил народ трикирием, сошел и приложился, вместе с нашим патриархом и архиереями, по обычаю, к образам, престолу, Евангелию, кресту и жертвеннику. Затем они вышли в нарфекс, и все здесь облачились.

После этого патриарху поднесли ветвь от упомянутого дерева, он взял только одну веточку, то же сделал и наш учитель Затем он роздал их всем служащим, а потом и всем вельможам царским, которые, по случаю торжества праздника, были в этот день одеты в одежды из золотой парчи. Затем, сойдя, патриарх вошел в алтарь и начал чин крестного хода. Он прочел положенную молитву, а архидиакон пред царскими вратами произнес большую ектению, после которой патриарх сказал возглас; затем патриарх взял кадильницу, окадил крест на престоле и, приложившись к нему, положил его на серебряный поднос, носимый одним из диаконов; он кадил пред маленьким вызолоченным Евангелием и взял его сам.

Все мы вышли из западных дверей храма, сначала хоругви, а потом священники, игумены монастырей, числу которых нет счета.

Перед всем этим крестным ходом везли большое дерево, которого ветви украшали с раннего утра до настоящего времени. К ним привязывали кисти из изюма, леденцов и множество яблок. Потом поставили дерево в сани и крепко привязали.[490]

Вокруг него прикрепили доски, на которые стали в стихарях шесть маленьких анагностов, поя очень высоким голосом стихиры[491] *в честь св. Лазаря. Всех их везла пара лошадей скорым шагом.*

С раннего утра снарядили 100 отроков[492] *из детей стрельцов, дали им, как это у них принято ежегодно, из царской казны сто кафтанов из сукна разных цветов: зеленого, красного, голубого, желтого и иных; каждый из них надел кафтан и приготовились к церемонии. Учить их и руководить ими было поручено особому сотнику.*

Потом подвели к патриарху лошадь, всю покрытую белым холстом, облегавшим корпус ее подобно рубахе, так что одни только глаза ее и были видны. Лошадь эта была дрессированная, умная и послушливая, и ее от года до года держали наготове для этого дня. На лошади, взамен седла, было устроено бархатное седалище в роде кресла, обращенное на одну сторону.

Патриарх Никон предложил нашему владыке сесть на приготовленную лошадь вместо него, но он не пожелал, дабы, в качестве зрителя, свободнее наблюдать удивительный обряд, который совершается у русских в этот день и от которого мы пришли в восхищение.

Тогда патриарху подали стул, покрытый черным сукном, и он, при помощи его, сел на лошадь в упомянутое седалище[493]*, свесив ноги с одной стороны, и прислонился к его спинке; в правой руке он держал крест, а в левой Евангелие.*

Вельможи и высшие государственные чины оказывали ему знаки должного почтения, и все они было одеты в парчевое платье с дорогими каймами, украшенными жемчугом и драгоценными камнями.

Затем подошел царский наместник и, взяв лошадь за длинную узду, повел ее, идя перед патриархом медленным шагом. Если бы в это время находился в Москве царь, то он бы сам правою рукой повел патриаршую лошадь, как он обыкновенно это делал. Мы направились по упомянутым выше длинным и удобным мосткам. С обеих сторон были выстроены стрельцы со своими шестисотенными начальниками.

Упомянутые отроки, по пяти человек с каждой стороны пути, спешили взапуски расстилать свои кафтаны, один рядом с другим, под ноги патриаршей лошади, и когда

лошадь проходила по ним, они быстро поднимали и, забежав вперед, снова расстилали их. Это было зрелище, смотреть которое мы пожелали бы всякому другу[494]. В это время все колокола неумолчно гудели, так что казалось, как будто дрожала земля. Патриарх осенял крестом народ направо и налево, а наш владыка шел позади Никона, а за ним архиереи; высшие же сановники и патриаршие бояре, вместе со стрелецкими начальниками, замыкали шествие, а также и окружали его с обеих сторон и шли впереди. Что наиболее привело нас в восторг, так это многочисленные отроки с разноцветными кафтанами и поспешность, с которою они расстилали их, что они продолжали делать, пока мы не вышли из ворот Кремля и не спустились на площадь.

Архидиакон с другим диаконом поодаль кадили патриарху, в то время когда он ехал и благословлял народ. Таким образом крестный ход достиг большого храма, единственного в мире здания по красоте постройки и его архитектуре о разноцветной окраске его куполов.

Это здание составляет не один храм, а как бы несколько соединенных вместе. Этот храм известен под именем церкви Пресвятой Троицы[495]. Приблизившись к этому храму, шествие остановилось и упомянутое дерево и хоругви остались внизу перед входом. Патриарху опять подали стул, покрытый сукном, и он сошел с лошади у ступеней лестницы и поднялся в один из приделов этого храма, во имя Входа Господня в Иерусалим, ибо все эти приделы уподобляются Вифании, а Кремль — Иерусалиму.

Здесь был совершен чин крестного хода. Патриарх прочел Евангелие, после чего взял крест обеими руками и, держа его прямо, трижды осенил им восточную сторону, при чем архидиакон окадил его трижды, возглашая: „Господу помолимся. Рцем вси“. Затем патриарх обратился с крестом к трем другим сторонам в также осенил их, а архидиакон также кадил ему трижды и повторял те же самые слова. Никон, приложившись ко кресту, положил его на поднос и, вместе с нашим учителем, приложился к иконе Входа Господня в Иерусалим, после чего прочтен был отпуст.

Мы вышли из церкви, патриарх снова сел на лошадь, и сани с „древом» и диаконы пошли вперед; и каждый из них занял свое место. Отроки опять постилали свои платья, пока мы не возвратились в соборный храм, сопровождаемые колокольным трезвоном. Мы вошли в храм, а с древом остановились перед южными вратами церкви. Патриарх взошел на архиерейское место, прочие же заняли места вокруг него; начались часы, и обедня была окончена рукоположением священника и диакона.

Затем взошли на амвон, и патриарх прочел поучение на этот день, совершил отпуст и, сойдя, вышел из южных врат храма, и мы с ним. Подойдя к древу, Никон окадил и благословил его. Две ветви, по его приказанию, были отрублены топором одним стрельцом и внесены в церковь. Здесь их разрезали на мелкие части и положили на серебряные подносы, вместе с изюмом, сахаром и яблоками, и патриарх послал это царице, ее сыну, дочерям и сестрам царя. Остальные части „древа“ разделил между собой народ.

Русские имеют большую веру в означенное „древо“ и берут части его с большим благоговением. Нам передавали, что оно приносит пользу во всех болезнях, в особенности при зубной боли; если положить кусочек его на больной зуб, то боль проходит.

Разоблачившись, мы все пошли с патриархом в его покои на трапезу, так как угощение в этот день идет от патриарха.

Прежде всего Никоне послал яства и напитки царице и всему царскому семейству[496], и только после этого он сел за стол вместе с нашим владыкой, архиереями и всеми архимандритами, а мы сели за трапезу, по правую его руку. Все высшие государственные чины заняло трапезу налево от Никона.

Если бы царь был в Москве, то он занял бы первое место за столом. При уходе царь

обыкновенно получает 100 золотых динаров в дар, как бы вознаграждение за свой труд, именно за хождение в крестном ходу и за то, что он вел поодаль своим мизинцем за повод патриаршую лошадь.

Нам передавали, что ежегодно эти сто динаров царь кладет в свою казну на хранение на издержки своего погребения, так как деньги эти заработаны его собственным потом и трудом.

Посмотрите на эти обычаи, как они прекрасны! Патриарх дает ему также три сорока соболей, два куска бархата и два куска атласа за его хождение, в то время как патриарх ехал верхом.

Затем в столовую привели нищих, слепых, увечных, безногих и поставили для них стол близ патриарха; он подзывал каждого из них, кормил и поил их с полным уважением. При виде всего этого, мы почувствовали тошноту.

Наконец патриарх поднялся, ему поднесли таз и кувшин, и он обошел нищих, умывая, вытирая и лобзая их ноги, всем по порядку, при чем раздавал им милостыню до последнего Мы дивились чрезвычайно, глядя на это, и были тронуты до слез. Говорили нам, что таков постоянно обычай их царей во время обедов. За столом оставались вплоть до вечера; мы возвратились в свой монастырь весьма удивленные всем виденным.

Что же касается до упомянутых отроков, то, когда возвратились и патриарх вошел в собор служить Обедню, они в это время ходили к реке, отмыли грязь на своих кафтанах и, надев их, стали на дороге, дожидаясь выхода патриарха. Когда он, по окончании, вышел из собора, все они громким голосом выразили ему свои благопожелания. Он приказал, по обыкновению, дать им обедать, после чего роздал каждому по пиастру.[497] *Они не переставали целый день до самого вечера, стоя пред домом патриарха, петь хвалебные гимны. Такая им бывает радость из года в год — получить кафтан и пиастр. Кроме детей стрельцов и чаушей, никто из отроков не смеет принять участие в крестном холу, и каждый год они исполняют свои обязанности поочередно.*

Вот описание того, что мы видели из удивительных вещей, о братия христиане, в стране московитов в Вербное воскресенье. Да увековечит Господь их царство во веки веков! Аминь.

Глава XIV. Москва. — Служения в среду и четверг Страстной недели в Успенском соборе.

В Великую середу, после чтения часов, патриарх Никон дал прощение и просил его у присутствующих, взял в руки крест и все стали подходить прикладываться ко кресту и просили у него прощения.

Вечером во всех церквах было отслужено великое повечерие, ибо русские всегда его совершают до кануна Пасхи, как мы это заметили. На этой неделе у них не бывает торговли иной как съестными припасами. Все они, в течение всех часов службы, предаются мотитве с великою набожностью и благоговением, со многими поясными и земными поклонами.

Рано утром в Великий четверг ударили в колокола. Наш владыка патриарх отправился к Никону, по его приглашению. После третьего часа все из патриарших покоев направились в собор, где оба патриарха облачились, по обыкновению, в нарфексе Архиереи, настоятели монастырей и прочие священники в своих облачениях вышли к патриархам и стали вокруг Никона в обыкновенном порядке. Еще раньше в средине храма екклесиарх поставил стол в виде стольца[498] из разноцветного франкскаю мрамора о четырех деревянных ножках, о покрыл его парчой с затейливою каймой. На четырех его углах он поставил по серебряному вызолоченному подсвечнику, а на средине стола — большой серебряный вызолоченный сосуд, наполненный маслом, с гранями и кольцами, за которые его носят, — на подобие большой чаши или мраморного резервуара[499]. Возле него поставил серебряный кувшин с вином и высокую с отвалом чашу, наполненную пшеницей; в нее было вставлено, по обыкновению, семь зажженных свечей и семь стручцев, обернутых ватой Все это было поставлено с левой стороны, а с правой положили св. Евангелие.

Когда патриарх Никон спросил у нашего владыки, все ли в этом обряде сделано как следует, тот ответил: „да, но одного только не хватает», при этих словах он взял кувшин с вином и налил на масло, как велит Ветхий Завет и Святое Евангелие, где говорится, что Господь — да будет возвеличено имя Его! — излил на раны человека, впавшего в руки разбойников, вино вместе с маслом. Никон согласился с этим замечанием и остался доволен.

Затем они начали службу „кандпла“, то есть чин елеосвящения. По обыкновению, пропели первые положенные тропари пред возглашением ектении, патриарх сошел и прочел положенную молитву над елеем, как это делается у греков; после этого архидиакон, взяв кадильницу, окадил елей, говоря: „благослови, владыко“, а патриарх произнес „благословенно“; затем архидиакон возгласил положенную ектению, а патриарх взошел на свое место. Пред чтением Апостола анагност произнес трижды прокимен, который был пропет на обоих клиросах, как это у них принято. Прочитав Апостол, он возгласил прокимен Евангелий его гласом: это также пропели в сопровождении „аллилуия“. Таков постоянный обычай их, как мы об этом говорили, что они не читают ни Апостола, ни Евангелия без прокимена, как это следует и по уставу. Затем диаконы поднесли патриарху Евангелие и архидиакон, совершив каждение, остановился пред патриархом и возгласил: „премудрость прости“ до конца. Тогда с патриарха сняли митру, также с нашего учителя, архиереев и архимадритов, и он прочел Евангелие. После этого Никон сошел с облачального места, ему надели митру и он прочел первую молитву над елеем. Архидиакон в ектении поминал имя царя, царицы, их сына, дочерей и сестер царя и всех православных христиан. Когда патриарх окончил молитву, в которой также назвал упомянутые имена, он взял из

сосуда с пшеницей один стручец и, благословив им крестообразно елей, зажег его и поставил опять на свое место; затем, взяв одну свечу, он погасил ее в елее и возвратился на свое место. Наш учитель также прочел Евангелие, а я сказал ектению с именами царствующего дома, после чего он произнес молитву над елеем и, изобразив другим стручцем крестное знамение, зажег его, потушил вторую свечу и возвратился на свое место; то же сделал сербский архиепископ и другие архиереи, до седьмого. После зажжения семи стручцев и погашения семи свечей, патриарх Никон сошел, имея подле себя нашего учителя. Архиереи раскрыли над их головами Евангелие у самого елея. Затем он взял изящную серебряную ложку и мешал ею елей сверху до низу, чтобы, как они думают, благословение проникло во всю массу. Потом он наполнил три стеклянные сосуда и один, затейливый, серебряный вызолоченный, который приказал принести из казны, чтобы послать его царю. Благословив сосуд, он прочел над ним молитву за здравие царя и просил то же сделать и нашего владыку, который благословил сосуд и прочел над ним молитву. Затем Никон запечатал сосуд и вручил его царскому наместнику. Позвали сотника, чтобы с ним послать его к царю. Здесь же, находясь на своем месте, Никон написал царю письмо; запечатав его, он благословил посланного, преклоняясь пред ним, что означало желание патриарха, чтобы тот также поклонился за него царю. Отпустив посланного, Никон обратился к нашему учителю и оба патриарха взаимно помазали друг друга елеем. Затем они оба стали с архиепископом сербским, а диаконы пред ними держали вышеупомянутые три сосуда, и они начали помазывать елеем всех присутствующих, от архиереев и священников до высших чинов государства и народа, с соблюдением полного спокойствия и тишины.

Когда окончили, они сели на короткое время на свои седалища, пока не убрали столица и стоявших на нем сосудов. У них раньше был обычай, в присутствии царя, по окончании этой службы, удаляться (на время) из церкви и затем опять приходить, но теперь, к нашему счастью, Бог внушил патриарху, чтобы все вошли в алтарь для омовения престола.

Все стали по порядку вокруг престола и сняли с него верхнюю парчевую одежду.

Вследствие сильной любви к греческим обрядам, патриарх Никон постоянно просил нашего владыку патриарха, чтобы он, всякий раз когда найдет какие-нибудь неточности в исполнении обрядов, указывал на них и сделать, как считает правильным. У них в обычае, при омовении престола, снимать только его верхнюю шелковую одежду и вытирать сверху мокрою губкой нижнюю льняную, так как все престолы у них деревянные. Но наш владыка патриарх приказал снять также и нижнюю белую срачицу. Затем они омыли престол губкой, как принято. При этом Никон держал в руках Типикон (устав) и постоянно в него заглядывал, проверяя по порядку обряд, как он у них принят. После того как вытерли и одели престол, вышли из алтаря и начали часы. Обедня была окончена рукоположением священника и диакона.

После этого мы вышли в нарфекс для совершения обряда омовения ног. Здесь уже раньше была поставлена длинная скамейка на левой стороне хороса, покрытая большим ковром, для священнослужителей, представлявших учеников Господа. На первом месте было приготовлено высокое седалище, покрытое также ковром; на него посадили нашего владыку на месте св. Петра, основателя его престола. Заметь это совпадение — да благословен будет Творец! Ниже, по левую руку, был поставлен стул, на который посадили архиепископа сербского. Архидиакон и другой диакон вошли в алтарь, вывели первым лицо, изображавшее Иуду, и посадили его на высокое седалище подле подсвечника, затем входили и выходили из алтаря, ведя попарно архиереев и настоятелей монастырей. Начиная от царских врат, диаконы, держа их под руки, делали вместе с ними легкий поклон

патриархам; пройдя шаг, они наклоняли им голову во второй, а пройдя еще, в третий раз. Затем они сажали их на приготовленную скамью. Поставлен был аналой для архидиакона против патриарха, внизу, на который тот положил Евангелие. Затем архидиакон кадил кругом, а другой диакон произнес: „премудрость прости“ и т. д. Архидиакон начал читать Евангелие и дочел до места: „Востав с вечери и положи ризы“. Тогда с Никона сняли митру и саккос, а когда диакон дошел до места: „И прием лентион, препоясася“, подали ему полотняный передник, с длинными завязками, и привязали ему их крепко под мышками, крестообразно спереди и сзади. Затем надели ему поручи из белого льна, также с завязками. Далее, при словах: „потом влия воду в умывальницу“, поднесли патриарху большой серебряный кувшин, взяв который, он отлил воды в другой маленький прекрасный кувшин. Пред ним понесли таз и он начал умывать ноги сначала лицу, которое изображало Иуду; кончив, облобызал его ноги и благословил его; то же сделал с остальными: омыл и облобызал им ноги, и благословил их самих, пока не дошел до нашего владыки патриарха; при этом он произнес известные слова к Петру, а переводчик переводил их слова. Затем патриарх взошел на свое место, а архидиакон докончил чтение Евангелия, которое поднес патриарху, по обыкновению. Затем патриарх прочел другое Евангелие с непокрытою головой. Окончив чтение, он сошел на средину церкви и стал той водой (которой омывал ноги) кропить всех, вместе с нашим учителем, кропилом из свиной щетины, начиная с архиереев и прочих священнослужителей, а также бояр и всех присутствующих.

Народ толпился около патриархов и они окропили издали всех до последнего.

После этого патриарх, взойдя на амвон, прочел поучение, положенное на этот день, до того пространное, что мы не чувствовали под собой ног от усталости, потому что и без того с ранней зари до сих пор мы все время были на ногах. Затем он совершил отпуст, и певчие пропели „многая лета“ сначала ему, а потом царю, как это принято.

Тогда вошли в алтарь, разоблачились и поздравили друг друга. Итак, мы могли выйти из церкви лишь после того, как часы пробили одиннадцать. Мы не в состоянии были придти в себя от усталости и наши ноги подкашивались. Да поможет нам Бог докончить эту неделю! Повидимому, ноги у них из железа, однако в этой стране нет иной заметной болезни, как только подагра и неизлечимая боль в ногах, начиная с царей и кончая бедняками, — все это происходит от их продолжительного стояния в церквах.

Большинство мирян, мужчин и женщин, исповедуются в этот день в своих приходах, где для них совершается и чин освящения елея. Нам рассказывали, что священник кладет на аналое пред исповедующимся крест, Евангелие и образ, чтобы устрашить его и заставить рассказывать по порядку все свои грехи. У них не дозволяется исповедоваться вне храма.

На этой неделе не открывают базаров, как мы говорили, потому что русские заняты исключительно говением, беспрерывною молитвой и поклонами. Вечером зазвонили в колокола и народ пошел слушать повечерие.

Глава XV. Москва. — Чин омовения мощей в Великую пятницу. Чин плащаницы в Великую субботу.

В канун Великой пятницы, во втором часу ночи, ударили во все колокола и встали к великому бдению. Когда мы вошли в церковь, всем присутствующим были розданы свечи, которые зажигали при каждом Евангелии. Дьякон кадил при каждом же Евангелии и возглашал: Премудрость прости и пр. При третьей песне прочли поучение, равно и при седьмой другое поучение с синаксарем, но не читали первого часа. Мы вышли позднею ночью. У них существует обычай, что канон не поется, как у нас постоянно, во все дни года, но читается вне (алтаря), а поют только ирмосы.

В Великую пятницу ранним утром, в третьем часе, ударили в колокола и мы отправились в Великую церковь (Успенский собор).

Еще раньше на хоросе был поставлен огромный стол, весь покрытый парчевою материей. Пред ним стоял другой, упомянутый нами вчера, мраморный стол, покрытый покровом, также расшитым золотом. Между этими двумя столами был оставлен проход. Пред последним из них поставлены были три высокие покрытые аналоя, один возле другого. Затем на мраморный стол поставили большие водосвятные сосуды, из которых два были серебряные, с гранями, на подобие бассейнов в банях[500] с принадлежащими к ним кувшинами, чашками и другою утварью. На северном (левом) аналое положен был киот с иконами годовых праздников, на котором было изображено Распятие. На правом аналое находились Евангелие и Крест.

Когда оба патриарха облачились с другими архиереями, архимандритами, иереями и диаконами, которым не было числа, Никон сошел (с облачального места) и мы с ним вышли из собора южными дверями храма в предшествии хоругвей и свечей вместе со священниками, которые шли попарно впереди. Архидиакон с другим диаконом кадили ему двумя кадильницами, чрез минуту сменяемые другими двумя, на место которых они снова являлось. Так это продолжалось, пока мы не поднялись в церковь Благовещения, в которой находятся мощи всех святых При этом звонили во все колокола, так что дрожала земля. Стрельцы стояли в ряд по обеим сторонам. Здесь же присутствовали царский наместник и все министры. Когда мы вошли в храм, оба патриарха, по обыкновению, приложились к местным иконам.

Пред царскими вратами на длинном столе, покрытом парчой, лежали в порядке небольшие продолговатые ковчежцы, серебряные вызолоченные. Только по изображениям на них с надписями можно определить, каких именно святых мощи находятся в них. Таких ковчежцев было тридцать пять. Во многих из них заключаются мощи нескольких святых, иконы и имена которых изображены на них с большим искусством. Здесь же на пятнадцати больших фарфоровых блюдах находились маленькие иконы, крестики, круглые образки с сиянием и привески, в которые также были вложены частицы св. мощей. Далее поставлены были десять больших окон с отверстиями, где находились части Св. Животворящего Креста и животочивое миро, а также и мощи святых. Вот сокровища, находящиеся в ризнице этой церкви. Что же касается драгоценных святынь, которые заключаются в сокровищнице царя, как об этом Никон теперь передавал нашему учителю, то им счету нет.

Никон, взяв кадильницу, окадил вокруг св. мощей и с непокрытою головой стал прикладываться по порядку к каждым из них. То же сделал и наш учитель, и я, грешный, с ним, благодаря Всемогущего Бога, который сподобил нас удостоиться столь великих

милостей — воочию узреть эти сокровища и честные останки и приложиться к ним в этот день Великой пятницы, ибо никто не удостаивается этой великой чести, кроме патриарха и присвоенного ему архидиакона, который всегда находится у него по правую руку.

Совершив каждение пред святынями, патриарх взял себе одну икону, другую вручил нашему учителю, а третью — архиепископу сербскому; затем он стал раздавать остальное архиереям, архимандритам и прочим священникам, пока не роздал все.

Оба патриарха, открывая шествие, вышли из церкви с обнаженными головами, неся на них иконы, а мы с их митрами шли около них. Пред патриархами, сменяясь, кадили диаконы. Архиереи вместе с прочими настоятелями монастырей и священниками следовали позади по два в ряд; при этом звонили во все колокола.

Толпы народа, обращаясь лицом к святыням, падали ниц во все время продолжения шествия, пока мы не вошли в Успенский собор, где патриарх Никон остановился пред большим столом, а наш учитель возле него.

Прежде всего они поставили в ряд иконы на противоположной от себя стороне стола, а потом, приняв ковчеги со св. мощами, расставили их кругом на столе, а посредине его — вышеупомянутые блюда. Когда все это было уставлено, Никон стал кадить кругом святынь. Сняв свою митру, он пошел, в сопровождении всех священнослужителей, туда, где находится сокровищница собора и чудесный медный купол, где помещается многоценное сокровище.

И в самом деле, что это за сокровище! это риза Господня, хитон Господа Христа — да будет прославлено имя Его! — с которым ничто не может сравниться ценой. Все цари земные томятся страстным желанием узреть эту святыню и облобызать ее.

Екклесиарх дал знать звонарям и они ударили во все колокола из уважения и почтения к этой святыне.

Патриарх с нашим учителем помолились пред позлащенным ковчегом, после чего Никон окадил и понес его на голове медленным шагом. Колокола продолжали звонить, церковь колебалась как от этого гула, так и от земных поклонов всех присутствующих, их плача и восклицаний: „Господи помилуй“. Дойдя до нарфекса, Никон снял с головы ковчег (поставил на стол) и вскрыл наложенную на него печать царя; отомкнув замок, он вынул оттуда нечто в роде маленькой и тоненькой золотой книжечки, украшенной многоценными каменьями, и положил с большим благоговением и трепетом на среднем аналое, покрытом великолепными покровами. Так как эта книжечка была на самом деле ящичком, то он приоткрыл немного крышку и оттуда показалась подлинная риза Господня. Он окадил ее, помолился и, сняв митру, приложился к ней. То же сделал и наш учитель и я, грешный, убогий, недостойный коснуться ее устами своими, ни даже взглянуть на нее издалека своими очами. Риза была из льняной тонкой материи темного цвета, поражала всех своим блеском и святостию, приближавшиеся к ней трепетали от благоговейного уважения и страха. Мы благодарим Бога, — да будет возвеличено имя Его! — Который удостоил нас, недостойных, по Своей благости и по богатству Своей милости и щедрот, облобызать и узреть ее именно в этот день, в подобный которому Он был распят на кресте и воины разделяли по жребию его ризы. Грузины утверждают, что воины, которым по жребию достался несшитый хитон Спасителя, были родом грузины. Когда грузины увидели чудеса, происходившие в то время, то они уверовали и принесли его в свою страну, проповедуя с ним (о Спасителе), как поступили волхвы. И хитон хранился до сих пор в их ризницах. Мы поверили им, ибо (в противном случае) царица Елена[501] имела бы больше прав на обладание ризой Спасителя, также как и другие государи Европы.

Нам грузины передавали еще, что у них также находится зарытый плащ Господа в ризнице под одною из церквей. Никто не осмеливается достать его, чтобы посмотреть, ибо говорят, что огонь, сопровождаемый землетрясением, выходит из земли, наводя ужас, и сожигает всякого, кто пытается посмотреть на него, как это случалось уже много раз. У грузин также сохраняется и хитон Божией Матери. Эти прекрасные сокровища находились у грузин и до сих пор находятся по милости Создателя к ним.

Возвращаемся к нашему рассказу.

Патриарх взошел на архиерейское место и все заняли свои места вокруг него. Начали читать первый час, — Никон прочел Евангелие, находясь на своем месте с открытою головой, по их постоянному обыкновению, произнося отчетливо каждое слово, при полной тишине Горе тому, кто кашлянет, высморкается или плюнет в это время, ибо патриарх с тем круто поступает, а потому народ держит себя замечательно спокойно и тихо, несмотря на то, что храм постоянно бывает переполнен молящимися обоего пола и детьми. Затем выступил протопоп и прочел поучение Иоанна Златоуста, положенное на первый час.

Когда кончил протопоп, начали третий час, наш владыка патриарх прочел назначенное на этот час Евангелие, а я при этом кадил. После этого вышел архидиакон и прочел поучение третьего часа. Начали шестой час. Сербский (архиепископ) прочел положенное Евангелие, после которого было прочтено также поучение. Стали читать девятый час, его Евангелие прочел митрополит Новгородский, который, сойдя со своего места, поднес Евангелие патриархам для облобызания, преклонив пред ними голову, после чего было прочтено поучение этого часа; следовавший за этим отпуст произнесен был протопопом. Приступили к чину водосвятия. Начали петь канон, после чего архидиакон произнес: „благослови владыко“, а патриарх: „благословен» и т. д. Начали, по обыкновению, петь канон и стихиры. После Евангелия Никон сошел и, став пред приготовленною водой, погрузил крест в оба сосуда трижды при пении „Во Иордане“ При пении третьего тропаря[502] поминали имя царя, после чего патриарх положил крест на блюдо.

Протопоп с двумя чередными священниками этой церкви стали подносить упомянутые иконы и фарфоровые блюда патриарху Никону, который погружал в воду святыни и выдающиеся части святых мощей. Затем подносили ему один за другим упомянутые ковчежцы, он читал имя святого, которого мощи заключались в каждом из них, певчие же пели соответствующий тропарь, в то время как патриарх погружал в оба сосуда видимые части святых мощей и лобызал их, потом давал целовать нашему учителю, при чем к ним прикладывался и я. Мы рассматривали их и передавали другим, которые обтирали их и вкладывали в ковчеги.

Таким образом подносили патриарху второй, третий ковчежцы, пока не поднесли все.

Вот названия мощей тех святых, которые мы могли удержать в памяти: лопата[503] Иоанна Крестителя; правая длань Евангелиста Марка и пять его перстов, которыми он начертал св. Евангелие, длань апостола Андрея, локтевая часть руки св. Стефана перводиакона, части мощей апостола Прохора, правая рука Иоанна Златоуста, правая рука царя Константина Великого, правая рука мученика Феодора Тирона, глава Феодора Стратилата, глава Григория Богослова, глава мученика Евгения, глава мученика Христофора с лицом точь-в-точь как у собаки, с длинным ртом; она тверда как кремень — наш ум был поражен изумлением: тут нет места сомнению! — правая рука Феодосия Великого, нога отца нашего Пимена, частицы мощей свв. Киприана и Иустины, частицы мощей св. Лукиана, пресвитера великой Антиохийской церкви, частицы мощей мученицы Евгении, — вот св. мощи, названия которых мы могли с трудом сохранить в памяти и

записать. Я имел большое желание записать имена всех святых (мощи которых мы видели здесь), но это не удалось мне по многим причинам. Во-первых, я боялся, чтобы кто-нибудь здесь не узнал о том, что я записываю все, что вижу: это дело очень не легкое и опасное, так как русские очень осторожны в подобных случаях: никто из них никогда не открывает нам своих тайн, так как мы для них чужеземцы и обитаем между разными (иноверными) народами; во-вторых, вследствие тесноты, бывшей в это время; притом, кто же имеет возможность удержать в своей памяти тысячи имен мощей и святых? Вот что удалось нам запомнить. Но, по-моему побуждению, наш владыка патриарх спросил патриарха Никона, говоря: „есть ли у вас список всех этих святынь?“ — „Да, ответил Никон, но он находится в казне царя“.

Возвратимся снова к нашему рассказу. Что касается частиц Животворящего Креста, вставленных в иконы и висячие образки, которые находились на тарелках, то число их было значительно.

Погрузив частицы в оба сосуда с водой, патриарх, при помощи губки, бывшей у него в руках, отирал с них пыль и копоть, после чего выжимал губку в эту же воду; особенно старательно он вытирал иконы и висячие образки. Взяв в руки ковчежец, в котором находилась Риза Господня, Никон приоткрыл его на половину и погрузил в оба сосуда, после чего отер его губкой, закрыл и положил на прежнее место. Затем, взяв серебряную кружку, патриарх стал мешать воду в обоих сосудах, от верха до низу, полагая, что только чрез это благодать сообщится всей воде.

После этого подошел к патриарху царицын управитель с фарфоровым блюдом, на котором были круглые образки царицы с лучами[504] кресты и привески из золота и драгоценных каменьев, принадлежащие царю и царице, их дочерям и сестрам царя. Никон погружал их в воду поодиночке, во-первых для того, чтобы вода ими освятилась, во-вторых, чтобы омыть и очистить от пыли частицы Животворящего Древа, которые были в большинстве этих крестов и образков. Омыв их таким образом, патриарх снова положил их на блюдо, которое управитель унес обратно.

Затем ему поднесены были серебряные сосуды малые и большие, и он наполнил их этою святою водой и послал царице, ее дочерям и сестрам царя и всем их приближенным. Но прежде всего Никон наполнил серебряный сосуд прекрасной работы, запечатал его и отдал царскому наместнику, а этот подозвал одного из сотников, передал ему письмо вместе с сосудом, с которым тот немедленно отправился к царю Патриарх наполнил также один сосуд и для нашего владыки патриарха, который мы сохранили с большою радостью. Затем он налил святой воды в особые сосуды для высших государственных сановников.

После этого он пошел в нарфекс и стал вместе с нашим патриархом, держа в руках крест. К нему начали подходить сперва архиереи и архимандриты, потом высшие сановники. Он давал им лобызать крест, а наш патриарх окроплял их святою водой. Потом все подходили с полным благоговением и смирением к ковчегам со святыми мощами, которые находились кругом на столе, и прикладывались к ним.

После этого подходили иереи, диаконы, монахи и все присутствующие в храме. Затем Никон обнажил голову, также как и наш учитель и прочие архиереи и архимандриты; окадив ковчег с Ризой Спасителя, он понес его на голове, при чем дан был знак звонарям, которые звонило во все колокола, пока Никон, идя медленным шагом, не донес Ризы до ее прежнего места, при пении Святый Боже. Здесь он запечатал внутренний ковчег и, положив его в другой вызолоченный, запер на замок, запечатал снаружи и поставил его[505]. Он окадил ковчег и помолился на него вместе с нашим владыкой патриархом, затем они вошли, взяли поставленный здесь покрытый стол, предварительно окадив его. На этом

столе постоянно находится упомянутый ковчег, пред которым горят лампады и который уподобляется Гробу Господню в настоящем храме Воскресения.

Никон с нашим патриархом понесли этот стол спереди, а архиереи сзади и с боков, пока не дошли до места пред царскими вратами, где и поставили его вдоль от врат алтаря к средине церкви пред столом, на котором находились ковчеги со св. мощами. На этот стол возлагается плащаница. После этого они вошло в алтарь и взяли с престола плащаницу, на которой золотом вышито было: снятие Господа со Креста, Иосиф, Никодим, Пресвятая Дева и жены. Они понесли ее на головах. Выйдя из алтаря, плащаницу положили на упомянутом столе, главою к западу, а ногами к востоку. Патриарх (Никон), взяв кадильницу, снова окадил ее и приложился к ней вместе с нашим учителем и прочими священнослужителями. После этого он взошел на архиерейское место, а остальные стали вокруг него и началась вечерня. Четыре диакона, держа в реках большие серебряные рипиды на таких же длинных древках, стали возле стола по двое с каждой стороны. Они искусно производили над плащаницей крест-на-крест веяние рипидами, подобно ангельским крыльям. Когда двое первых диаконов останавливались, другие два веяли у ног; этим они уподобляются ангелам, веющим своими крыльями. Мы пришли в удивление, поразились и заплакали, смотря на все эти обычаи. Кругом в ряд стояли с хоругвями, крестами и свечами. Пред Входом священники попарно брали кирон[506] и принимало участие во Входе. Войдя в алтарь, оба патриарха вместе со всеми ними пропели Свете тихий [507] . Чтец прочел паремии, а патриарх Евангелие на праздник, после чего была совершена остальная часть вечерни, в конце которой патриарх вышел из алтаря и прочел отпуст. Певчие пропели многолетие. Патриарх, взяв кадильницу, кадил вокруг ковчегов со св. мощами и роздал их все до последнего архиереям и священникам. Никон с нашим учителем с обнаженными головами открыли шествие, неся те же самые иконы, которые они вносили сюда, и мы направились в церковь Благовещения, при чем был звон во все колокола.

Войдя в церковь, все принесенное положили опять на том же столе, откуда взяли. Никон окадил святыни, и все мы помолились пред ними, после чего вышли из церкви и возвратились в собор, где мы сняли свои облачения.

Мы вышли из церкви только в двенадцатом часу[508].

Мы умирали от усталости, ноги наши подламывались от беспрерывного стояния с раннего утра до вечера. Но мир Божий да почиет на мирянах, мужчинах, женщинах, детях и девушках за их терпение, стояние, и твердость с раннего утра до сих пор!

Когда мы возвращались в свой монастырь, священники, выйдя из собора, отправились по своим приходам. Мало им было (сегодняшнего стояния). Заблаговестили к вечерне, и они пошли в храмы со своими прихожанами. В Успенском соборе также ударили в колокол к повечерию.

Вещи достойные изумления! Каких удивительных обычаев и поразительных подвигов мы были свидетелями среди этого народа! Что´ за крепость в их телах и какия у них железные ноги! Они не устают и не утомляются. Всевышний Бог да продлит их существование!

На заре в субботу света[509] ударили в колокола, и мы пошли в собор. Патриарх Никон, прочтя молитвы утрени, вошел в алтарь, и мы с ним, и все облачились. Прочие служащие окружили его. Затем ему подали зажженные тройные свечи; он взял одну из них себе, а другую передал нашему владыке патриарху, потом роздал свечи архиереям и архимандритам, которые, подходя попарно, вместе кланялись до и после вручения им (свечей); а также роздал свечи наместнику царя и всем государственным сановникам.

После этого архидиакон передал ему кадильницу, и он сошел и кадил вокруг иконы

праздника, положенной посредине (церкви) на аналое; на ней было изображено распятие, а также снятие со креста. Затем он кадил вокруг плащаницы. При этом перед ним шел архидиакон со свечей и анагносты со свечами в серебряных подсвечниках; большие же (диаконы) поддерживали его под руки и еще анагност нес за ним серебряный сосуд с ладаном. Потом он вошел в алтарь, окадил престол и же твенник и, выйдя, окадил патриарха, архиереев и прочих предстоящих на обе стороны, до последнего, взошел на архиерейское место и кадил всем присутствующим сверху, при чем они кланялись ему, а также окадил анагностов.

Тогда вышел наш учитель и сделал то же вполне по их чину; я же шел перед ним со свечей, пока он не возвратился. Нам было очень трудно, прежде чем мы ознакомились с их чином, особливо при незнании их языка. Потом он окадил плащаницу, образ и патриарха вторично и стал на своем месте. После этого вышел архиепископ сербский, сделал то же и возвратился.

Затем вышли два митрополита с двумя кадильницами и кадили вместе вокруг образа и плащаницы, один против другого; они разделили церковь: один (взял) всю правую сторону, а другой всю левую. Кончив, они окадили друг друга крестообразно. Это сладостное зрелище привело нас в умиление. То же сделали прочие.

Затем патриарх Никон сошел и приложился к иконе и плащанице вместе с другими. Вошли в алтарь, сняли облачения, надели мантии и, выйдя, стали вне (алтаря): патриарх Никон на своем (патриаршем) месте, а наш учитель вместе с архиереями у столба, где обыкновенно становился царь, ибо в этой стране в церквах совершенно не бывает хороса со стасидиями; но священники стоят на ногах рядами, лицом к востоку; нет ни сидении, ни чего либо, на что можно бы облокотиться, а стоят свободно. В это время дьяконы веяли рипидами над плащаницей.

Затем прочли четыре чтения, положенные на этот день, и совершили остальную часть утрени до Святый Боже. Оба патриарха вошли в алтарь со всеми священниками и облачились вторично. Патриарх Никон стал кадить вокруг престола, вторично роздал свечи присутствующим и, выйдя (из алтаря), окадил плащаницу и понес ее вместе с нашим владыкой патриархом, идя впереди, а архиереи шли вокруг него. Внесли ее в алтарь и положили на престол. Патриарх окадил ее вторично, взял в одну руку Евангелие и понес с нашим учителем плащаницу, держа ее другою рукой. Они обошли с ней кругом престола и вышли из дверей северного алтаря, где жертвенник.

Дьяконы шли впереди с хоругвями и свечами, мы же несли короны (митры) патриархов, вместе с дьяконами митрополитов, которые несли их митры, и с настоятелями монастырей. Мы вышли из западных дверей церкви и обошли кругом нее только один раз по деревянным мосткам, кои были сделаны нарочно для этого случая. При этом все пели Святый Боже.

Мы вошли в те же двери, причем восемь диаконов имели каждый по кадильнице, и четверо из них кадили обоим патриархам и плащанице впереди, переменяясь[510], а другие четверо кадили также сзади. Затем положило плащаницу на свое место пред алтарем. Патриарх опять окадил ее и взошел на свое место, а служащие стали перед ним кругом, по обыкновению. Потом, сойдя, он опять окадил ее, а также церковь, служащих и всех предстоящих. То же было сделано нашим учителем и архиепископом сербском в точности, по промеру Никона.

Затем вышли архиереи и кадили по два вместе, как прежде. Патриарх сошел, приложился вместе со всеми к плащанице и вошел в алтарь. После этого стало подходить государственные сановники и прочие люди и прикладывались к плащанице, по обыкновению.

После чтения паремии и апостола, патриарх прочел Евангелие на престоле, благословил народ и совершил отпуст. Сняло облачения; мы вышли из церкви и вернулись в свой монастырь при восходе солнца.

Патриарх сообщил в этот день нашему учителю о царе, что он проведет праздник в Смоленске, что он намерен идти оттуда против ляхов 9 мая и что теперь собралось у него 600 тысяч войска.

Возвращаемся (к рассказу). В этот день вышли от обедни только к вечеру. Мы не ходили к ним по причине сильной усталости, ибо, Бог свидетель, мы вернулись сегодня больными, будучи не в состоянии двигаться, в особенности я, бедный, был болен несколько дней. Но мы не избавились от обедни, так как патриарх прислал к нашему учителю двух (ставлеников); он отслужил литургию в монастырской церкви и рукоположил одного в иерея, другого — во диакона. Вечером ударили в колокола к молитве на сон грядущим.

Глава XVI. Москва. — Светлое Воскресение. Обычай христосоваться. Закрытие питейных домов.

В полночь под Великое Воскресенье Пасхи, которая была пятнадцатого апреля, раздался по городу колокольный трезвон во всех церквах, так что земля задрожала и поколебалась. Народ, по обыкновению, повалил в свои приходские храмы слушать пасхальную службу, которая была окончена задолго до рассвета.

Что же касается Великой церкви (Успенского собора), то в ней ударили в колокола только за три часа до зари. Мы отправились туда.

Пришел патриарх и все вошли в алтарь облачаться. Никон роздал свечи всем священнослужителям, после чего духовенство, обойдя престол крестным ходом, вышло из двери алтаря, где жертвенник, и чрез северные двери храма направилось к западной кафолической (главной), где и остановилось. Здесь был совершен, по обыкновению, чин Воскресения. Затем патриарх отворил двери и все вошли в храм. Никон взошел на архиерейское место, а остальные заняли свои места в хоросе и стали петь пасхальный канон.

Однако есть большая разница между этою службой и службой греков, и тем блеском, шумом, радостью и ликованием, которые бывают при этом в нашей стране[511]. Сойдя с архиерейского места, патриарх, имея в руке крест, окадил Евангелие и икону Воскресения, положенные на двух аналоях посреди церкви. Затем он кадил в алтаре, а потом пред местными иконами, а также окадил весь храм и всех присутствовавших. Когда он возвратился на свое место, наш учитель сделал то же самое. При этом я шел пред ним со свечей. То же делал и сербский (архиепископ), после которого кадили также другие архиереи подвое, держа кресты в руках. Пред пением седьмой песни канона, протопоп прочел синаксарь. При эксапостиларии все анагносты взошли на амвон и пропели его торжественным напевом, а при девятой песне патриарх опять кадил.

Затем все вошли в алтарь. Никон снял свой саккос, который очень трудно было носить вследствие его тяжести. Он сделал его недавно из чисто-золотой парчи желто-орехового цвета. Аршин ее сто´ит более 50 динаров (рублей). Кругом подола, рукавов и боков на этом саккосе шла кайма шириной в четыре пальца из крупного жемчуга, величиною с горох, вперемежку с кистями и драгоценными каменьями. Такое же украшение было и на груди саккоса в виде эпитрахили сверху до низу. Никон предложил нам поднять его и мы не могли этого сделать. Рассказывают, что в нем пуд жемчуга, то есть тринадцать стамбульских ок. Говорят, этот саккос обошелся в 30.000 динаров.

У Никона не один такой саккос, но более ста, перешедших к нему с древнейшего времени, и он заказывает еще новые, как мы скажем об этом впоследствии.

Затем патриарх надел другой легкий саккос, чтобы немного отдохнуть. Взяв в правую руку один крест, он даль другой нашему учителю, сербскому же архиепископу вручил Евангелие. Все они стали в ряд лицом к западу. Московский патриарх начал обходить всех. Он приложился ко кресту, который держал наш учитель, и облобызал его самого в уста, говоря: „Христос воскресе“. В это время архимандриты, имея в руках иконы, стояли в одном ряду с архиереями.

Облобызавшись со всеми, Никон стал во главе То же самое сделал наш учптель, целуя в уста всех и говоря: „Христос воскресе“, после чего он возвратился и стал около Никона. То же делали архиереи, а после них архимадриты.

Затем вышли и стали в обычном, порядке в нарфексе. Патриарху поднесли в коробах

красные яйца. Первому Никон дал нашему учителю три яйца когда с ним похристосовался, затем дал архиереям по два и архимандритам с иереями каждому по одному яйцу, когда их обходил.

Затем стали подходить к патриарху высшие сановники и, целуя крест и его правую руку, говорили „Христос воскресе“. За ними подходили монахи и все присутствовавшие в церкви. Некоторые подносила патриархам при этом яйца, а другим, бедным, патриархи давали сами. Рассказывают, что когда царь здесь присутствует, то он сам из своих рук раздает всем яйца, и всякий, кто получает от него яйцо, хранит его в своем доме как святыню, полученную из царских рук. В течение всей жизни они сохраняют в целости эти получаемые ежегодно яйца.

После христосования патриархи вошли в алтарь с прочими служащими, и когда диакон произнес ектению Помилуй нас, Боже и т. д., патриарх прочел на престоле Евангелие, назначенное читать в пасхальную заутреню[512]. Затем, выйдя на амвон, он прочел поучение и совершил отпуст.

После этого все вошли в алтарь и сняли свои облачения. Мы вышли из церкви при восходе солнца. Нам пришлось здесь быть свидетелями явлений, которые приводили нас в изумление. Русские не прекращают класть земные поклоны во все время до Пятидесятницы, хотя это не дозволяется, но таков их обычай.

Полезная заметка. Приехал сюда один из греческих архиереев, философ, известный своими познаниями и диалектикой. Есть обычай у московитов предлагать трудно разрешимые вопросы таким лицам и всячески испытывать их, а потому и вышеупомянутого архиерея они спросили, почему употребляются красные яйца во время Пасхи и есть ли на это указание в священном писании. Он привел в ответ свидетельство пророка глаголющего: „Кто сей, пришедый от Эдома, червлены ризы его от Восора“[513]. Услышав этот прекрасный ответ они замолчали.

Философ Лигарид, митрополит Газский, ученый из Рима[514], спрошенный нами о том же, сказал: это потому, что Мария Магдалина приехала в Рим жаловаться Кесарю на Пилата в платье, обрызганном кровью Христа.

К нынешней Пасхе повесили в соборе десять люстр, или полиелеев, из желтой меди, немецкой работы, редкостных но своей резьбе и другим украшениям. Подсвечники каждой люстры особого фасона и лучшие из них имеют форму морских раковин. Люстры большие, с гранями, и каждая из них будет больше шатра. Все оне приводят в удивление ум смотрящих на них. Стоимость каждой из этих люстр 500 динаров. Четыре из них были повешены пред дверями алтарей, но не на средине, куда предназначалась особая серебряная люстра, и четыре под каждой из четырех арок нарфекса. Каждая люстра имеет четыре красивых яруса свечей. Остальные две люстры из десяти привешены в двух куполах.

В день Пасхи, после третьего часа, заблаговестили в Успенском соборе. Наш владыка патриарх отправился в палаты патриарха Никона и пошел вместе с ним к царице для принесения ей поздравления. Они взяли с собою креста и святую воду. Дойдя до дверей царицы, попросили дозволения и вошли. Патриарх Никон прочел молитву Спаси Господи люди твоя, в которой упомянул имена всех святых вместе с бессребренниками и молился за царя, царицу, ее сына, дочерей, сестер царя, за весь царствующий дом и состоящих при них, затем он окропил святою водой покои и царицу и дал ей приложиться ко кресту, благословил ее и поцеловал у нее правую руку, окропил ее сына, дочерей и сестер царя и благословил их. То же самое сделал и наш владыка патриарх.

Затем она пригласила архиереев, стоявших вне (в сенях). Войдя, они земно кланялись ей, целовали ее правую руку и благословляли. То же делали и архимандриты, как об этом

рассказал нам после наш учитель.

От царицы патриархи пошли в собор, где приложились, по обыкновению, к (местным) иконам. Ударили во все колокола к обедне.

В этот день патриарх был одет в одежду из рытого красного бархата, длинную, до земли, с узкими рукавами, по принятому у них покрою. Сверх этой одежды на нем была надета мантия зеленого бархата, а (на голове) клобук, о которых мы упоминали раньше На ногах у него была зеленая обувь. Во все это время мы часто видели на нем обувь или сапоги зеленого, голубого или красного цвета. Подобную обувь носит не один он, но и большинство монахов, священников и монахинь, которые щеголяют башмаками и сапогами зеленого цвета, ибо большая часть обуви, привозимой сюда персидскими купцами, бывает зеленого цвета. Такую же обувь носят и многие из светских людей. Какая это прекрасная обувь!

При облачении обоих патриархов, Никон надел саккос св. Сергия, патриарха Константинопольского, и дал надеть нашему владыке патриарху саккос св. Фотия, также патриарха Константинопольского. Говорят, что эти саккосы были присланы впоследствии, как благословение русским, греческими императорами и патриархами того времени. Они из голубого атласа, снаружи и снутри все расшиты золотом; спереди и сзади на них вышиты иконы Господских праздников и изображения многих святых. Все надписи имен сделаны по-гречески. На каждом саккосе кругом, по краям боков и на подолах, вышит золотом весь Символ Веры большими буквами. Поэтому и на всех саккосах Никона имеются надписи, вышитые золотом или низаные крупным жемчугом[515]*.*

Стихари у них имеют четыре надставки из иной материи, чем та, из которой они сделаны, именно: рукава, четыреугольное оплечье и подол внизу Стихари, так сшитые, очень красивы. Фелони у русских священников делаются очень широкие, большие, низ их назади закруглен как бы по циркулю, и они имеют оплечья из особой материи и непременно широкую надбавку в виде каймы внизу кругом края подола.

У стихарей, надеваемых в большие праздники, рукава и заплечья, обыкновенно, бывают или унизанные жемчугом или густо вышитые золотом. Таким же образом украшаются и надставки на праздничных фелонях. Они щеголяют шитьем, украшениями из жемчуга и драгоценных каменьев и маленькими образками среди шитья на этих надставках, приводящих ум в удивление. Точно также и саккосы патриарха непременно должны иметь надставки к рукавам из другой материи или иконы, шитые золотом или низаные жемчугом и драгоценными каменьями, также бока и подолы должны быть из тяжелой материи с письменами, шитыми золотом или с крупными буквами из жемчуга.

Таковы облачения не только в земле московитов, но и во всей стране казаков. На всех облачениях обязательно имеется сзади крест из жемчуга или из массивной парчи, а потому и мы здесь сделали также на всех своих облачениях кресты, чтобы не смеялись над нами и над нашими обычаями.

Прекрасная предусмотрительность! Как часто остаются у нас обрезки материи и готовые кафтаны, которых не хватает на целый стихарь, фелонь или саккос. Если бы сшить из них по упомянутому образцу, как я поступил со своими стихарями, и надставить рукава, оплечья и подолы из другой материи, то хватило бы и было бы красивее, как вы это увидите, если доживем.

Возвращаемся (к рассказу). Затем они начали обедню, во время которой происходило рукоположение священника и диакона. Для чтения Евангелия архидиакон вышел на амвон, а патриарх стал у престола. Читали поочередно стих за стихом с протяжным распевом. Начал патриарх. По прочтении каждого стиха в семь, восемь или не больше, как в десять слов, ударяли в большой колокол один раз. Вот как это происходило. Пономарь становился у

выходных дверей против читающих, держа в руках деревянное било и всякий раз, как он слышал окончание стиха патриархом, ударял в било один раз. Его слышали с колокольни и отвечали также одним ударом в колокол.

По прочтении Евангелия звонили во все колокола. То же происходило и при великом выходе. Так делается только один раз в год, в этот день, как мы видели.

Во время великого выхода дьяконы несли впереди всех модель города Иерусалима, в средине которой находились храм Воскресения и Гроб Господень со всеми куполами и с крестами на верху, как они есть на самом деле, но все это было из серебра. Мы шли за ними с митрами патриархов, наши товарищи несли омофоры за нами, а за ними дьяконы архиереев и архимандритов с их митрами. Пред дискосом шли два дьякона с кадилами, также и пред священником (несшим потир). За дарами шли с четырьмя рипидами, которыми веяли над ними.

В конце обедни патриарх вышел на амвон, прочел поучение Иоанна Златоустого и совершил отпуст, держа в правой руке крест, а наш патриарх имел другой, ибо таков их обычай держать крест в течение всей этой недели; даже и священники не читают отпуста без креста в руке.

До сих пор у них вовсе не было в обычае раздавать (после обедни) антидор, но в этот день наш учитель уговорил патриарха раздать, и его роздали народу, когда прикладывались ко кресту. И вот с этого-то именно дня раздача антидора вошла в обычай.

Потом принесли от царицы подносы с очищенными крашеными яйцами и ломти хлеба, испеченного с шафраном. Никон прочел над ними установленную молитву, благословил их и отослал царице, а затем начал раздавать и боярам такие ломти и яйца.

Затем мы вошли (в алтарь) и сняла свои облачения. Мы вышли из церкви лишь в девятом часу.

В приходских церквах обедня была окончена рано утром.

Выйдя из собора, мы отправились с патриархом к нему на трапезу, которую он предложил у себя вместо царя.

Когда мы выходили из церкви, ударили во все колокола. Первое поданное за столом кушанье была черная и красная икра, а после этого подавалась разная рыба. Таков их устав, и к этому они привыкли. Какой дурной порядок! Нам казалось, как будто мы еще постимся и не разговлялись[516].

За столом пробыло более двух часов и после трапезы отправились опять в церковь, чтобы воздать благодарение Богу. При шествии обоих патриархов туда и обратно звонили во все колокола.

Совершив молитвы Панагии и вознеся благодарение, все простились, и мы отправились в свой монастырь. Мы не могли придти в себя от усталости, испытанной нами во всю эту неделю. После этого мы несколько дней прохворали от боли в спине и ногах.

На чужбине для иностранца не бывает праздников ни для кого, будь он хоть Александром (Македонским).

В продолжение всей этой недели, после обеда ходят в церковь воздавать благодарение при (поднятии) Панагии[517].

Во все дни этой недели мальчики и маленькие дети во всех приходах с большою радостью звонят в колокола беспрерывно днем и ночью, что представляет для них большую забаву и удовольствие. Да будет ведомо тебе, читатель, что Пасха у них продолжается до четверга Вознесения.

Всякий, встречаясь здесь с друзьями и знакомыми, даст им красное яйцо и целует в уста, говоря: „Христос воскресе“, точно также целуются при встрече и с тем, кто

возвратился из поездки.

Винные лавки и питейные дома с самого начала поста до Нового воскресенья (Фомина) оставались запечатанными, содержателям их никоим образом не разрешается на Святой неделе открывать свои заведения, ибо в продолжение ее за этим наблюдают гораздо строже, чем во время Великого поста. Равным образом и в течение всего года питейные дома, обыкновенно, остаются закрытыми от кануна воскресенья до утра понедельника, так же делается и во время больших праздников[518].

На этой неделе стрельцы рыскали по городу, как огонь, и если где находили пьяного, производящего беспорядок, то тащили его в приказ и засаживали под арест иа несколько дней, после нанесения многих ударов; это мы видели сплошь и рядом.

Что же касается патриарха Никона, то он на Страстной и на этой неделе ходил по тюрьмам и раздавал щедрою рукой милостыню заключенным. За сидевших должников он уплачивал долги и освобождал их. Если бы царь находился в Москве, то, по своему обычаю, делал бы то же самое.

Патриарх (при посещении нашего владыки) обошел нас и оделил праздничными подарками. Также анагносты и певчие приходили гурьбами поздравлять нашего владыку патриарха и пели ему Христос Воскресе и многолетие. Он оделял их деньгами и они уходили. Так это принято у них.

Также приходили архиерейские анагносты и певчие и делали то же.

Выпуск 4. Москва, Новгород и путь от Москвы до Днестра

От переводчика

Предлагаемым четвертым выпуском нашего перевода оканчивается путешествие патриарха Макария собственно по России и начинается обратный путь его на родину в Алеппо.

Глядя на чрезвычайное разнообразие и богатство материала этого памятника (не говоря уже о своеобразном характере его и сочувственном, местами даже восторженном, отношении автора ко всему им виденному, слышанному и пережитому в России), невольно приходит на мысль, почему этот памятник, должен быть, казалось, иметь широкое распространение, оставался до сих пор мало или почти никому неизвестным, даже историкам и специалистам по разным отраслям исторической науки: археологии, иконографии, этнографии и пр., почему, обладая тремя списками[519] этого памятника, имея его, как выразился один почтенный рецензент, «под носом», никто не взялся за перевод и издание его, хотя бы с английского (разумеется, с некоторыми исправлениями слишком очевидных ошибок английского переводчика). В Московском Архиве Министерства Иностранных Дел имеется почти дословный рукописный перевод его с английского, но и он не был издан, равно как и все, начинавшие перевод и издание этого памятника с английского, напр. о. Благово, остановились в самом начале своего труда.

Нам кажется, что на это существуют три причины: во-первых, некоторое предубеждение против восточного писателя и притом духовного лица; во-вторых, то обстоятельство, что памятник, при своем громадном объеме (более 1000 страниц), изобилует описями церквей и церковных служб, вследствие чего многие, начав читать его и встретив эти многочисленные и длинные описания, охладевали к нему и бросали его, хотя среди этих описаний разбросано множество ценных заметок бытовых, исторических и иных.

По-видимому, они разделяли высказанное отцом Благово в его предисловии к начатому им переводу мнение, что записки Павла Алеппского могут представлять интерес только для лиц монашествующих и любителей церковных служб и церковного благолепия. Третья причина, которая, несомненно, и останавливала в самом начале попытки перевести этот памятник с английского, — изобилие курьезов и несообразностей, допущенных английским переводчиком и иногда искажающих смысл подлинника. Сначала мы думали было собрать наиболее крупные из них и представить их в приложении к своему переводу, но потом, в виду их множества и существования рукописного перевода в Архиве Мин. Ин. Дел, мы отказались от своего намерения, тем более, что в напечатанной нами статье в Сборник Χαριστήρια (ошибочно названном в предисловии к 1-ому выпуску Συμμικτά, так как Сборник в то время еще печатался и предполагалось дать ему такое название) приведено около сорока примеров из одного лишь первого выпуска и десять из них в предисловии.

В настоящем выпуске Павел Алеппский доканчивает интересную историю отливки огромного колокола[520]. По этому поводу считаем нужным сделать некоторые замечания.

На царь-колоколе, находящемся в московском Кремле, имеются, как известно, три надписи: из них первая гласит следующее: «Блаженной и вечнодостойной памяти великого государя царя и великого князя Алексия Михайловича всея великие и малые и белые России самодержца повелением, к новособорной церкви Пречистой Богородицы честного и славного её Успения, слит был великий колокол, восемь тысяч пудов меди в себе содержащий, в лето от создания мира 7162, от Рождества же но плоти Бога Слова 1654 года; а из места сего благовестить начал в лето мироздания 7176, Христова же Рождества 1668 и благовестил

до лета мироздания 7208, Рождества Господня 1701 года, в которое месяца июня 19 дня, от великого в кремле бывшего пожара поврежден; до 7239 лета от начала мира а от Христова в мире Рождества 1731 пребыл безгласен».

Эта надпись была до сих пор единственным источником для истории предшественника царь-колокола; по крайней мере, ее повторяют неизменно все, писавшие о наших колоколах (Мартынов — «Московские колокола», Пыляев — «Исторические колокола», Рыбаков — «О церковном звоне в России» и др.), невидимому, вполне полагаясь на её достоверность.

Сведения, сообщаемые Павлом Алеппским, который был очевидцем всей работы по отливке и поднятию колокола с начала до конца, представляют историю его, как может видеть читатель, в совершенно новом виде. Они подтверждают известия вышеприведенной надписи лишь в том, что в 1654 г. действительно был отлит в Москве колокол в 8000 пудов, по в дальнейшем с нею расходятся. По словам Павла Алеппского, этот колокол, отлитый русским мастером, вскоре же от сильного звона раскололся и был спущен. Далее он подробно, как очевидец, рассказывает об отливке из обломков этого колокола другого, еще большего, и тоже русским мастером. Подготовительные работы начались в первых числах февраля и продолжались в течение лета и части осени. Колокол был отлит, вероятно, в начале октября[521]. Работы, под конец, велись очень спешно, под непосредственным наблюдением патриарха Никона, которому, очевидно, хотелось звоном в эту невиданную громаду меди достойно встретить царя при возвращении его из победоносного похода против поляков. И действительно, к его прибытию колокол был поднят и повешен над литейною ямой, на деревянных столбах, возле Ивановской колокольни. На лицевой стороне колокола, обращенной к Успенскому собору, находилось изображение царя и царицы, на задней — патриарха И Никона. В первый раз в колокол стали звонить 9 декабря, накануне въезда царя в столицу.

Павел Алеппский сообщает также размеры и вес этого колокола. Окружность его — 11 брасс, т. е. 64 фута (окружность царь-колокола — 60 ф. 9 д.). Толщина края — один брасс, т. е. 5 ф. 9 д., величина слишком большая; но надо полагать, что автор измерял толщину по скошенному краю колокола, отчего она, естественно, вышла больше настоящей (хотя, все таки, слишком велика)[522]. Вес колокола — 12000 пудов, а стоимость его, как он слышал от мастера и как сообщил патриарх Никон его отцу, 50000 рублей. Язык весил 250 пудов и был толщиною в обхват. Звонили в колокол сто человек.

Чрез шесть лет после Павла Алеппского был в Москве барон Мейбрберг и сообщает о том же колоколе следующее: «в Кремле мы видели лежащий на земле медный колокол удивительной величины, да и произведение русского художника, что еще удивительнее[523]. Этот колокол, по своей величине, выше Эрфуртского, и даже Пекинского в Китайском царстве.... Русский колокол вышиною 19 футов, шириною в отверстии 18 ф., в окружности 64 ф., а толщиной 2 ф.; язык его длиною 14 ф. На отлитие этого колокола пошло 440000 фунтов меди, угару из них было 120000 фунтов, а все остающееся затем количество металла было действительно употреблено на эту громаду.... Здесь речь идет о колоколе, вылитом в 1653 г., в царствование Алексия: он лежит еще на земле и ждет художника, который бы поднял его».

Мы не имеем никакого основания сомневаться в правдивости обоих путешественников. Но один из них говорит, что колокол был поднять тотчас по отливке и что в него звонили, а другой видел, несомненно, тот же колокол (судя но приложенному им рисунку) лежащим на земле. Нам думается, что это противоречие только кажущееся и что показания обоих путешественников легко примирить[524]. Мы представляем себе

историю этого колокола в таком виде. Колокол был отлит в 1655 г. из обломков другого, в 8000 н., сделанного за год перед тем. Тотчас же после отливки он был поднят и повешен на незначительной высоте, всего в рост человека, над литейною ямой (которая, конечно, была тогда же засыпана). Висел он, надо думать, недолго: в промежуток от 1655 г. до 1661 г. он или был спущен, по ненадежности постройки, быть может, временной, на которой висел, или же сам сорвался, но, упав с небольшой высоты на рыхлую землю, не потерпел никаких повреждений. Разные причины, каковыми могли быть: затруднительное финансовое положение после первой польской войны, раздор царя с патриархом Никоном, вторая, не совсем удачная, война с Польшей, отсрочили вторичное поднятие колокола до 1668 года. Эту дату, означенную на царь-колоколе, можно считать верной; по крайней мере, голландец Стрюйс., бывший в Москве в 1609 г. настал колокол уже висящим[525]. Равным образом Кольбергер в 1074 г. и Таннер в 1078 видели его висевшим на особенных деревянных подмостках, близ колокольни Ивана, Великого («спереди башни», как говорит Таннер)[526]. В большой пожар 1701 года этот колокол-великан сорвался и разбился. Спросят: почему вкрались ошибки в надпись на теперешнем царь-колоколе? Припомним, что надпись составлена спустя 80 лет по отливке первого колокола, и составлена, вероятно, по преданию, без справок с архивными документами; а предание легко могло смешать оба колокола, отлитые в такой короткий промежуток времени — двух лет. Для полного выяснения истории предшественника царь-колокола было бы весьма желательно отыскать о нем данные в наших архивных документах.

Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию.

Книга X. Москва и Троице-Сергиев монастырь

Глава I. Москва. Вскрытие и разлив Москвы-реки. Мосты. Москворецкий мост. Торговые ряды. Лавочные мальчики. Базары

В марте месяце день и ночь сравнялись; только после 10-го день начал прибавляться, так что на Пасхе, которая была 15 апреля, день стал в $15^{1}/_{2}$ часов, а ночь в $8\ ^{1}/_{2}$. На Пасхе же лед на реках растаял, и мы пошли смотреть реку Москву, протекающую под Кремлем и чрез середину города, а до сих пор мы её не видали, потому что она была загромождена горами снега и льда. Обыкновенно, весь сор и нечистоты, как в этом городе, так и в (других) селениях, по которым протекают реки, счищают и вываливают на лед реки; когда он растает, все уносится вместе с ним[527]. Когда, в этот день Пасхи, лед растаял от теплого воздуха, солнечного жара и дождя, мы увидели на реке вещь удивительную: по ней свободно плыли горы снега и льда Она в эту ночь значительно прибыла, так что сильным течением опрокинула наружную каменную стену Кремля, потопила и разрушила множество домов с немалым числом людей и вырвала с корнем большое количество деревьев. Прежде люди ходили по ней, а теперь стали плавать на лодках из улицы в улицу, от дома до дома, (что продолжалось) в течение нескольких дней, пока река не начала убивать и не вернулась в свое обычное положение, и в августе месяце её переезжали в брод на лошадях: так она стала мелководна!

На реке Москве несколько мостов, большая часть которых утверждены на деревянных сваях. Мост близ Кремля, напротив ворот второй городской стены[528], возбуждает большое удивление: он ровный, сделан из больших деревянных брусьев, пригнанных один к другому и связанных толстыми веревками из липовой коры, концы которых прикреплены к башням и к противоположному берегу реки. Когда вода прибывает, мост поднимается, потому что он держится не на столбах, а состоит из досок, лежащих на воде; а когда вода убывает, опускается и мост. Когда подъезжает судно с припасами для дворца из областей казанской и астраханской, с Волги, из Нижнего, из Коломны и тех областей, через которые протекает эта река — так как она течет по направлению к ним — когда подходят на судне к мостам, утвержденным (на сваях), то снимают его мачту и проводят судно под одним из пролетов; когда же подходят к упомянутому мосту, то одну из связанных частей его освобождают от веревок и отводят ее с пути судна, а когда оно пройдет к стороне Кремля, снова приводят ту часть (моста) на её место. Здесь всегда стоить множество судов, которые привозят в Москву всякого рода припасы: нам случалось видать суда, наполненные куриными яйцами, которые доставляются из вышеупомянутых местностей. На этом мосту есть лавки, где происходит бойкая торговля; на нем большое движение; мы постоянно ходили туда на прогулку. По этому мосту идёт путь в Калугу, Путивль, а также в Смоленск и в страну ляхов: по нему беспрестанно движутся взад и вперед войска. Все городские служанки, слуги и простолюдины приходят к этому мосту мыть платье в реке, потому что вода здесь стоит высоко, в уровень с мостом.

Река Москва течет с запада к востоку и изобилует разных пород рыбой; одна порода бывает всегда с брюхом полным вкусными мешочками красной икры, и (ловля её) не прекращается ни летом, ни зимой.

С северо-восточной стороны города идет другая река: она впадает в озеро, протекает по средине его, проходит по многим мельницам, огибает Кремль [и соединяется с рекой Москвой[529]. С трех сторон стены Кремля] окружены огромными рвами, наполненными

водой, вследствие чего стены то и дело разрушаются и их возводят вновь.

Этот город занимает открытое местоположение: куда бы ты ни пошел, видишь луга, зелень и деревни в отдалении, так как город расположен на нескольких холмах, высоко, в особенности Кремль. При каждом доме есть непременно сад и широкий двор; оттого говорят, что Москва обширнее Константинополя и более открыта чем он: в этом последнем все дома лепятся один к другому, нет открытых дворов, а дома в связи между собой; поэтому, когда случится пожар, его не могут скоро погасить; в первой же много открытых мест и её улицы широки, и когда случится в ней пожар, его быстро гасят.

Её торговые ряды находятся напротив площади Кремля, с восточной стороны. В начале этой обширной площади лежат две очень большие пушки, похожие на громадную пушку в Топханэ в Константинополе; а также и в конце площади две еще большие пушки, в которых человек может сидеть и шить; их каменные (ядра), величиною с купол, разложены на высоких сводах против церкви св. Троицы и Вербного Воскресения[530]. Зимою вставляют в окна, по их размеру, куски льда с реки, в виде оконниц: они просвечивают лучше хрусталя. Ряды разбросаны от одного края площади до конца её, и большая часть их выстроена из камня; ставни лавок из чистого железа, и даже двери складов (железные). Напротив рядов находятся винные погребки, построенные из кирпича и камня, холодные летом и теплые зимой. Для (продажи) книг есть особый ряд, для икон особый; есть ряд для (продажи) новых облачений, другой — для колоколов, кадильниц и водосвятных сосудов; есть ряд для (торговли) ладаном, другой — для (продажи) свечей. Что касается ряда золотых дел мастеров, то большая часть его предназначена для (продажи) серебряных окладов икон и их золочения. Есть ряд для (продажи) монашеских мантий, ряс и шапок и черных саванов с изображением крестов на них. В каждом ряду есть большие сторожевые собаки; от одного конца ряда до другого укрепляется длинная веревка, а на ней блок; когда наступит вечер, привязывают веревку к шее собаки, а также к (блоку) той (длинной) веревки, и собака без устали бегает от начала ряда до конца. Есть ряд для железных вещей: принадлежностей для дверей, окон и пр., больших котлов, половников, сковород — все из чистого железа, превосходной работы. Есть ряд для (продажи) чудесных выпуклых и гладких оконниц из каменного хрусталя (слюды), который не ломается, но гибок как бумага. Что касается безистана[531], то он состоит из двух больших рядов. Есть у них ряд, который они называют Бит базар [532] , т. е. он подобен Сук эль-камлэ в Алеппо; в нем продают всевозможную одежду, оружие и редкости новые и старые. Торговля московитов деспотичная, торговля сытых людей, так как от них не требуется, издержек, не взимается с них ни податей, ни каких-либо поборов. Говорят они мало, как франки. Бывало, когда мы торговали какую-нибудь вещь и торговец скажет ей цену, если мы давали ту цену, которую он назначил, случалось, что он делал скидку, а если мы начинали с ним торговаться и давали меньше назначенной им цены, он сердился и не уступал за назначенную им цену; если же мы возвращались к нему, то бывало еще хуже. Удивительнее всего то, что у них в устах один язык, так как, если станешь приценяться к какой-нибудь вещи, (идя) от начала ряда до конца, все говорят одну цену, и это приводило нас в изумление. Так действуют все. В большей части лавок есть маленькие мальчики, в которых мы замечали поразительную проницательность, ловкость, расторопность и уменье купить и продать, так как при продаже они надували нас хуже, чем их старшие. Большинство этих мальчиков — невольники, турки и татары из тех, которых берут в плен донские казаки; мы узнавали их по их глазам, лицам и волосам. Их хозяева ставят их в лавках торговать, потому что они превосходят их хитростью и ловкостью. Когда мы заговаривали с ними по-турецки, они приходили в замешательство и не отвечали нам из

боязни своих хозяев, которые окрестили их с малых лет и усыновили. Люди, достойные веры, сообщали нам, что никто из (последователей) франкских сект, приняв крещение по нашему вероисповеданию, не бывает таким хорошим (православным) христианином, как турки и татары, так как эти последние прилепляются к православию сильно, от всего сердца. Мы видали многих из них, которые пошли

в монахи, покинув мир, и являли подвижничество и добродетели, испрашивая у Бога милости для своих неверных родителей, которые произвели их на свет в прежней вере. Нас приводили в сильное удивление упомянутые мальчики, которые ловкостью и хитростью далеко опережают московитов, значительно превосходя их в этом: когда мы, бывало, спрашивали их через драгомана о каком-нибудь деле, они отвечали: «мы ничего не знаем», между тем как сердце их было полно знанием этого. При покупках мы часто одерживали верх над взрослыми людьми, но эти мальчики оставляли в дураках нас, и мы были против них бессильны. Один еврей, (по происхождению) от отцов и предков (евреев), принявший христианство, родом из Салоник, состоявший переводчиком по греческому и турецкому языкам при вратах царя[533], говорил нам, что евреи превосходят все народы хитростью и изворотливостью, но что московиты и их превосходят и берут над ними верх в хитрости и ловкости. Базар в этом городе бывает по средам и пятницам круглый год; на него съезжаются из всех деревень и составляют рынок для купли-продажи, причем открываются и все ряды. Базар происходит на этой площади и здесь бывает невозможная теснота от большого скопления народа. Покупают и продают все, потребное человеку, беспрепятственно. Если случится в среду или пятницу господский или (другой) выдающийся праздник, то лавок не открывают и не бывает торговли до окончания обедни.

Глава II. Москва. Описание Кремля, Китай-города и Белого города Земляной вал. Наказание шпиона

Что касается вида крепости царского дворца, то, как мы сказали раньше, она окружена большим рвом, по краям которого с обеих сторон идут две стены с зубцами, а за этими еще две очень высокие стены с башнями. Крепость имеет пять ворот и каждые ворота в своем проходе имеют 4—5 дверей и непременно решетчатую железную дверь, поднимаемую и опускаемую посредством ворота. Над большими царскими восточными воротами снаружи находится образ Господа Христа, стоя благословляющего: Его нижнее одеяние голубое с золотыми разводами, а верхнее — бархатное также с золотом. Этот образ называют Спас, т. е. Спаситель, Смоленский; именно так Он явился их святым Зосиме и Савватию. Внутри ворот, со стороны дворца, образ Девы па престоле с московскими архиереями в молении перед Ней. Над воротами возвышается часовая башня — огромное строение. На вторых воротах снаружи образ св. Николая, который держит в правой руке обнаженный меч, а в левой этот город, так как он избавил его от злобы неверного Тамерлана, о чем мы потом расскажем. Эти ворота называются Никольска фрата, т. е. ворота св. Николая. С внутренней их стороны образ Господа, пред которым в молении предстоит св. Леонтий со своими друзьями, архиереями Ростова. Третьи ворота с огромным укреплением, так как здесь ров очень глубок и воды много. У этих ворот длинный мост, в начале которого со стороны города огромная башня, служащая защитой как воротам, так равно и мосту. На мосту с обеих сторон также две стены с зубцами. Снаружи, на воротах упомянутой башни, стоит образ царя Константина, а над внутренними воротами образ царя Владимира. Что же касается ворот Кремля, то внутри их образ Владычицы Платитера (Знамения): вокруг Её небеса, ангелы и четыре евангелиста. Над этими воротами высится громадная башня, в коей находятся вторые железные часы; их бой слышат живущие с западной стороны Кремля, потому что часы помещены высоко. Так как эта башня и ворота возвышаются значительно, то подъем по упомянутому мосту весьма велик. По причине того, что напротив этих ворот, внутри (Кремля), находится подворье (монастыря) св. Троицы, где постоянно пребывает его келарь, над воротами помещена икона Троицы: Авраам, Сарра и трапеза. Четвертые ворота, возвышающиеся над царскими цветниками и садами, находятся с юго-западной стороны Кремля; на них образ Иоанна Крестителя. Пятые ворота, на южной стороне Кремля, имеют изображение Самарянки и Господа Христа у колодца: их называют Фодали фрата, т. е. Водяные ворота, так как чрез эти ворота ходят брать воду из реки Москвы, протекающей возле них; ими же проходят в день Крещения и 1-го августа для совершения водосвятия. Так как эта сторона, обращенная к реке, составляет край города, то имеет также четыре стены и огромную башню снаружи ворот. Напротив них, по ту сторону реки, находится много садов, принадлежащих царю, и обширная площадь для конницы с бесчисленным множеством пушек, разложенных на ней одна подле другой для украшения; некоторые из них тройные с тремя казенными частями; здесь идет дорога в Калугу и Путивль.

Внутри Кремля прежде не было воды, и для царской кухни воду доставляли посредством черпальных колес из упомянутой реки, но во дни нынешнего царя приехал один франк из немцев и соорудил на берегу реки огромную башню, куда провел воду посредством колеса, устроив колеса и приспособления, для того чтобы поднимать воду ночью и днем без всякого труда и снабжать ею царский дворец для всяких потребностей. Он выкопал 4—5

огромных колодцев, выстроил над ними купола, (провел) трубы и желоба н сделал снаружи железное колесо: если понадобится вода, поворачивают колесо одной рукой и вода течет в изобилии, когда это нужно. Вот что находится вокруг царских палат снаружи, что мы видели собственными глазами, а что внутри, того мы не знаем: чужестранец, хотя бы он был сам Христос, отнюдь не допускается внутрь их. Вот описание царской крепости. Что касается второй городской стены, то она начинается от угловой башни крепости с восточной стороны, на берегу Москвы-реки, а другой конец идет от другой угловой башни вдоль другой реки. Эта стена находится с восточной стороны крепости, окаймляет вышеупомянутую большую площадь и все ряды и имеет семь ворот: двойные у моста через реку, двойные же напротив них у конца площади, в самом начале другого моста чрез другую реку и озеро; остальные трое ворот одиночные. Каждые ворота имеют снаружи и внутри образ, именем которого называются: на одних образ Богородицы, (известной) под именем Казанской; на других — образ Марии Египетской, на третьих — образ св. пророка Илии; на остальных воротах другие иконы.

Третья стена города известна под именем Белой стены, так как она выстроена из больших белых камней; се построил царь Василий[534], сын в Бозе почившего царя Ивана. Две же первые стены кирпичные. Эту стену он вывел с южной стороны Кремля по берегу реки и кругом города. Она больше городской стены Алеппо и изумительной постройки, так как от земли до половины (высоты) она сделана откосом, а с половины до верху имеет выступ, и (потому) на нее не действуют пушки. Её бойницы, в которых находится множество пушек, наклонены книзу, по остроумной выдумке строителей: таких бойниц мы не видывали ни в стенах Антиохии, ни Константинополя, ни Алеппо, ни иных укреплённых городов, в которых бойницы идут ровно, (служа) для стрельбы над землею вдаль; а из этих можно стрелять во всякого, кто приблизится к нижней части стены, и это по двум причинам: первая, что стена непохожая на городские стены в нашей стране, снизу до верху ровные, легко разрушаемые, но она, как мы сказали, с откосом, а бойницы одинаково наклонены к визу стены. Конец этой стены доходит до угла второй стены. Таким образом эта белая стена окружает край города с западной стороны Кремля и большую часть города с востока и с севера, так как город имеет протяжение с востока на запад, и (с этой стороны) окружен двумя стенами; с юга же, где его защищает великая река Москва, идет одна стена. В белой стене более пятнадцати ворот, которые называются по именам различных икон, на них стоящих. Все эти надвратные иконы имеют кругом широкий навес из меди и жести для защиты от дождя и снега. Перед каждой иконой висит фонарь, который опускают и поднимают на веревке по блоку; свечи в нем зажигают стрельцы, стоящие при каждых воротах с ружьями и другим оружием. Во всех воротах имеется по несколько больших и малых пушек на колесах. Каждые ворота не прямые, как ворота Ан-Наср и Киннас-рин в Алеппо, а устроены с изгибами и поворотами, затворяются в этом длинном проходе четырьмя дверями и непременно имеют решетчатую железную дверь, которую спускают сверху башни и поднимают посредством ворота. Если бы даже все двери удалось отворить, эту нельзя открыть никаким способом: ее нельзя сломать, а поднять можно только сверху.

Что касается великого земляного вала, похожего на огромные холмы и имеющего рвы внутри и снаружи, то он окаймляет всю городскую стену и между ним и ею заключается большое пространство. Его построил патриарх Филарет, дед нынешнего царя. Окружность его тридцать верст. Он неприступнее всех каменных и кирпичных стен, даже железных, так как против них непременно найдется какое-нибудь средство: мина, разрушение, падение, а земляной вал ничем не возьмешь, потому что пушечные ядра в него

зарываются.

Вот точное описание города Москвы и её стен, как мы их видели собственными глазами, бросая на них взоры украдкой, так как стрельцы, стоящие у каждых ворот, как только заметят, что кто-нибудь пристально смотрит на стену или пушку, лишают его жизни, хотя бы он был из их же народа. На этой неделе схватили одного из таких, заметив, что он ходит и рассматривает городские стены, и представили его визирю, раздели до гола и обвели по городу со связанными руками, при чем за ним шел палач с кнутом из бычачьих жил, непрестанно крича, что это шпион и что таково ему возмездие, и бил его до полусмерти. Мы видели его спину и плечи — зрелище, от которого сердце сжимается, так как тело было изорвано и отваливалось клочьями, а кровь текла рекой. Под конец он лишился жизни, так как после этого истязания его бросили голого в тюрьму, где он замерз и умер.

Вследствие множества домов и жителей в этом городе, есть дома и дворцы даже за городской стеной и валом, и быть может больше чем внутри (стен), так как люди везде любят открытые места. Много раз, когда мы отправлялись с нашим владыкой патриархом за город, в одну из четырех сторон города, в санях или в карете, я замечал по франкским часам, которые имел в кармане, что от нашего местожительства, т. е. монастыря внутри Кремля, в средине города, до земляного вала более часа езды, а пешеходу потребуется, вероятно, больше полутора часа; таким образом протяжение этого города от запада к востоку, как определил я, убогий, три полных часа ходьбы. Деревни, примыкающие кругом к городу, бессчётны и находятся от него в расстоянии одной, двух, трех и семи верст: они были видны нам из города. Прежде многие из этих близких к городу деревень принадлежали вельможам государства, но нынешний царь взял их в свою собственность, и не только в этом городе, но и во всех областях своего государства, установив царский закон, в силу которого деревни ближе семи верст от города принадлежат царю, а дальше вельможам.

Глава III. Москва. Предосторожности от пожаров. Устройство пожарной части. Два боярина из турок. Сведения, сообщенные ими о приказах, областях и доходах

Возвращаемся (к рассказу). Для службы при дворе и его надобностей назначен великий субаши[9], который постоянно, день и ночь, оберегает дворец от пожара, а в городе поставлен другой субаши[535], который объезжает его ночью и днем, из опасения пожара. В это лето они запечатали лежанки и печи, которые открывают только по четвергам, чтобы жители могли испечь в них хлебы. Всякого, у кого заметят дым, выходящий из дома, тащат, бьют, заключают в тюрьму и берут с него большой штраф. Вся эта строгость существует ради (предупреждения) пожаров, и эта мера весьма стеснительна. Когда варят кушанье на открытом дворе, то боятся, чтобы ветер не разнес огонь и не загорелись окружающие дома, так как все дома в этой стране, как мы сказали, деревянные. Жизнь их очень мрачна, подобно как в Константинополе и его округе, даже хуже, так как много раз по ночам случался большой пожар: куда было бежать им, бедным обитателям этих домов и кварталов, и что делалось с их вещами? По этой причине (жители) каждой улицы держат свои сундуки в своей каменной церкви, из опасения подобного (бедствия). Если случится пожар ночью или днем, из того квартала (где пожар) дают об этом знать: спешат па колокольню и бьют в колокол об один край, чтобы услышали сторожа, находящиеся постоянно па кремлевской стене; именно: с четырех сторон кремлевской стены над каждыми воротами есть деревянная палатка, в роде келейки, господствующая высоко над окрестностями; там висит большой колокол, обращенный к одной из сторон города. Сторожа наблюдают постоянно летом и зимой, поочередно, ночью и днем, и как только заметят огонь, хотя бы за земляным валом, сильно звонят в колокол об один край, причем колокол издает весьма неприятный звук. Услышав его звон, все ратники, находящиеся в той стороне, тотчас узнают, где пожар, спешат с секирами и кирками, разрушают все, что кругом пожара, и тушат его. Если пожар велик, является и народ, а кто поленится и не придет, тот подвергается строгому наказанию от субаши и большому штрафу. Летом, как мы заметили, пожаров бывает больше чем зимой, так как зимой дома покрыты снегом, а летом от солнечного жара они как спички (легко воспламеняются).

Эти двое субашей — родные братья, родом турки из области Румелии, дети одного из тамошних пашей. Впоследствии мы близко познакомились с ними и между нами возникла большая дружба. Они знают греческий, турецкий и персидский языки. Они рассказывали нам, что отправились с визирем Хосров-пашой в поход на Багдад вместе со своим отцом, который был пашой румелийским. Когда визирь был разбит и отец их убить, кизилбаши (персияне) взяли их в плен и они сделались самыми приближенными слугами шаха. Непрестанно ухищряясь, они наконец бежали от него и в пятнадцать дней, с быстротою гонцов, (находясь в пути) день и ночь, прибыли в Грузию к Теймураз-хану. Оттуда они проехали в Молдавию, где их окрестил в Бозе почивший Феофан, патриарх иерусалимский, согласно их желанию и просьбе, и они получили высокое назначение у царя, а именно: когда царь узнал о них, Феофан отправил их с письмами к покойному Михаилу, отцу нынешнего царя. Он обрадовался им, возвел их на высокую степень и назвал по их сану князьями, т. е. сыновьями бея, так как цари обычно не оставляют втуне ничьего происхождения. Одного из них зовут князь Анастасий, а другого князь Феодор. Они часто приходили к нашему владыке патриарху и мы заметили в них набожность, усердие к молитве и уменье читать

по-русски большие, чем у верующих. Они несколько раз принимали нас в своих дворцах и сообщали нам о многом, но не хотели говорить по-турецки, ни читать на этом языке, так как приснопамятный патриарх Филарет, дед нынешнего царя, как они говорили, заставил их поклясться на Евангелии, что они не будут говорить и читать по-турецки, дабы снова не осквернить. Это малая часть из виденных нами чудес нашего века. На вопросы наши, они сообщили нам о числе стрельцов, составляющих стражу Кремля: таковых, по их словам, 600 человек, и они сменяются ежедневно. Они сообщили нам что внутри и вне Кремля есть около семидесяти приказов, т. е. диванов, по всем делам и тяжбам: несколько приказов (по делам) о наследствах, приказ для монахов и монастырей, приказ для конницы, приказ стрелецкий, несколько приказов для разного рода чинов правительственных и военных, на подобие военных судей[536] и иных; приказ для взимания государственных доходов, приказ для расходов, приказ но выдаче жалованья, приказ для послов и всех приезжих чужестранцев; в таком роде все семьдесят приказов. Всякий у кого есть какое-нибудь дело, отправляется в соответственный приказ, который и рассматривает его дело без затруднений и хлопот. Таково у них устройство.

Они рассказывали нам, что у царя двенадцать визирей; если один из них отсутствует, другой не может занять его место, и оно остается праздным. Они сообщили нам, что у царя есть семь областей, из которых в каждую он посылает двух визирей, называемых воеводами: первая — город Киев, т. е. вся страна казаков, которая еще в древности была в зависимости от Москвы; теперь она (опять) стала подвластной царю, и он назвался царем Великой и Малой России и патриарха назвал так же; вторая область — Новгород, третья — Астрахань, четвертая — Казань, пятая — Сибирь, шестая — Псков, седьмая — Архангельск. Вот эти семь областей, из которых в каждую царь посылает по двое воевод. Меньших областей мы не знаем. А низшие воеводы подобны правителям больших санджаков[537] и окружным судьям: не казнят смертью и не приводят в исполнение приговоров, как только по докладу царю, в самых маловажных и незначительных делах, даже но отношению к ворам. Число этих воевод более 1.500. Такое (воеводство) составляют область Коломны, заключающая более тысячи[538] селений, и Кашира, область которой содержит более тысячи селений и меньше коломенской. Каждый из этих воевод имеет под свою властью более двух тысяч селений, а наименьший из них — тысячу. Так сообщили нам братья. Жители в каждой области исчислены по спискам и никто не может выселиться без разрешения воеводы. Эти области принадлежат царю; города же, пожалование издревле государственным сановникам, бессчетны. Когда мы были в Коломне, к нам приезжал один из сельских священников этой области и сообщил, что в их селении свыше 20.000 душ и что из них, во время моровой язвы, умерло более 8.000. Высчитали также, что умерших в Коломне было более 20.000. Так многолюдны эти благословенные страны!

Некоторые из греков рассказывали нам, что ежегодный доход турок — 24 миллиона золотом (миллион = десять раз сто тысяч) и эту сумму они вымогают неисчислимыми беззакониями; а ежегодный доход московского царя, как сообщали (братья), по закону, справедливости и правильно (собираемый), составляет 36 миллионов. Все это получается от торговли пшеницей и рожью, которые продают во все франкские земли, и от перечеканки пиастр-реала в ходячие копейки (монеты). Мы взвешивали и находили каждый пиастр-реал равным 62 или 64 копейкам, а стоимость реала 50 копеек; прибавка идет в пользу государства. Третий (источник) доход — выкуривание водки, так как винокуренные заводы во всем государстве принадлежат царю. Выкуривают (водку)

ночью и днем в удивительных заводах, которых большая часть находится на берегу

рек. Вся их водка получается из размоченной в воде ржи, из которой делают хлеб. Никто, ни из вельмож царства, ни из простолюдинов, не смеет выкуривать водку в доме, но все покупают ее из казенных винных лавок. Каждое ведро обходится в 30 коп., а продастся за 100 или 120 коп.; эта прибыль тоже идет в пользу государства. Ведро содержит около 8 стамбульских ок. Царь получает большие суммы от таможни в Архангельске. Эти миллионы правительство собирает законным путем.

Вот что мы узнали от тех двух братьев за верное; кроме них, никто не сообщал нам тайн государства, ни из московитов, ни из драгоманов, так как со всех взята клятва на кресте и Евангелии никому никогда не сообщать их тайн.

Глава IV. Москва. Календарные сведения. Служение патриарха Макария. День именин царевны Ирины. Обилие ставленников. Служения и крестные ходы. Троицын день

Обозначение часов в стране московитов в течение 12 месяцев, как мы это выписала из их синаксаря.

Восьмого сентября день и ночь бывают равны; 24-го день бывает 11 часов, а ночь 13. 10-го октября день бывает 10 часов, а ночь 14; 26-го день 9 часов, а ночь 15. Ноябрь они не считают, потому что он остается без перемены. 11-го декабря день бывает 8 часов, а ночь 16; 27-го день 7 часов, а ночь 17. Первого января день бывает 8 часов, а ночь 16; 17-го января день 9 часов, а ночь 15. 8-го февраля день 10 часов, а ночь 14; 18-го день 11 часов, а ночь 13. 6-го марта ночь и день равны; 22-го день 13 часов, а ночь 11. 7-го апреля день бывает 14 часов, а ночь 10; 23-го день 15 часов, а ночь 9. 9-го мая день 16 часов, а ночь 8; 25-го день 17 часов, а ночь 7. Июнь месяц они также не считают, потому что он остается без перемен. 6-го июля день бывает 16 часов, а ночь 8; 22-го день 15 часов, а ночь 9. 7-го августа день 14 часов, а ночь 10; 23-го день 13 часов, а ночь 11. Конец.

Возвращаемся (к рассказу). В понедельник Пасхи наш владыка патриарх служил обедню в большой летней церкви монастыря, что в честь свв. Афанасия и Кирилла, патриархов Александрийских. Также служил в ней во вторник, среду и четверг. В пятницу пригласил его патриарх Никон и они вместе служили в соборе по случаю памяти св. Ионы, который был тертым митрополитом московским после Петра и Алексия. Но окончании обедни, совершили, по обыкновению, мнимосинон (молебен) святому. Мы пошли с патриархом к нему за трапезу, которая обычно бывает у него, всякий раз как случится память кого-либо из московских архиереев. Посредине был поставлен стол для нищих, увечных н слепых Патриарх непрестанно раздавал всем присутствующим блюда с кушаньем и чаши с напитками до конца (трапезы). Встали, воздвигли Панагию, и мы возвратились в свой монастырь.

В субботу пасхальной недели, в Новое (Фомино) воскресенье, в понедельник и вторник наш владыка опять служил в той же церкви и посвятил четырех священников и дьяконов. Первого мая день стал 16 часов. Накануне 2-го мая зазвонили в колокола патриархии в четвертом часу ночи, а потом в прочих монастырях и церквах, и совершили торжественную всенощную по случаю памяти св. Афанасия, патриарха Александрийского, в честь которого, как мы упомянули, соборная церковь монастыря, так как они его очень почитают. Когда мы вошли в нее, была отслужена полунощница, а затем прочли часть из жития святого. [После этого начали утреню. При каждой кафизме из Псалтыря они садились и прочитывали часть из жития святого. Во время полиелея принесли нашему владыке патриарху множество свечей и он роздал их присутствующим. После Евангелия, при начале канона, дьякон вышел со свечой, а священник с кадильницей кадить, и при девятом часе зажгли свечи. Во время Достойно есть, в конце канона, певчие собрались на средину и все вместе пропели, по их обычаю, Слава в вышних Богу]. Мы вышли только при заре. После третьего часа дня пошли к обедне, и когда облачился наш учитель, мы совершили сначала царский молебен, а затем водосвятие, по окончании которого игумен принес сосуды из воска, на подобие бутылок, и наш учитель наполнил их для него святой водой, дабы он раздал их вместе с просфорами и иконами прежде всего царю и всему его дому, а затем патриарху и боярам, так как такой обычай существует, как мы сказали

раньше, во всей этой стране: в каждом монастыре и в каждой церкви, составляющей кафедру архиерейскую, делают то же. Закончили обедню рукоположением священника и дьякона. Также па другой день наш учитель служил и рукоположил священника и дьякона.

Пятого мая, когда была память св. Ирины, ударили в великий колокол и совершили большое торжество во всех церквах не только в этом городе, но и во всей стране московской, по случаю именин старшей сестры царя, руководительницы его, Ирины, так как она родилась в этот день. Рассказывали нам о ней, что она образована, знакома с логикой и философией, мудрая и рассудительная; она именно руководила царем, пока он не пришел в совершенный возраст, так как при воцарении своем он имел 18 лет[539] от роду. Многократно она просила у него (позволения) постричься, но он не пускал ее. Он весьма уважает ее и слушает её советов, исполненных мудрости. Для неё отслужили молебен с многолетием. Если бы царь был в Москве, то устроил бы у себя трапезу. Патриарх Никон вместе с архиереями служил для неё в соборе, а наш владыка патриарх в церкви монастыря, при чем рукоположил священника и дьякона, так как по причине большой смертности священников во время моровой язвы стали являться из всех захолустьев (ставленники) с просьбами о посвящении. Их было такое множество, что патриарх и состоящие при нем архиереи, вместе с архиепископом сербским, не успевали рукополагать, так что он присылал их и к нашему владыке патриарху; но и мы едва успевали. Среди семи патриарших приказов есть, как мы сказали, один, назначенный для посвящений: когда набиралось двадцать, тридцать человек (ставленников), представивших свои бумаги казначею патриарха, который состоит судьей в этом приказе, он докладывал их прошения патриарху, и последний, прочитав прошения, выходил к ставленникам с книгой: кто не умел прочесть, того он прогонял, а кто читал хорошо, у того на бумаге делал пометку. Надписывал (также) следующее: «такого-то дня, месяца и года я послал подателя этой бумаги к нашему брату, патриарху Антиохийскому, для рукоположения». После рукоположения наш владыка патриарх делал на бумаге надпись, и (новопосвященный) отправлялся к упомянутому казначею, чтобы он внес его имя в книгу. Каждый священник платить, смотря по своему состоянию, прежде всего патриаршему казначею, его подчиненным и писцам, а также людям архиерея, который его рукоположил. Видя, что приближенные дьяконы архиерея явно берут (деньги)со ставленников, стали брать и мы. Некоторые из рукоположенных тратили более десяти динаров, иные — менее.

Возвращаемся (к рассказу). [В воскресенье Жен мироносиц, в понедельник и вторник наш владыка патриарх опять служил в монастырской церкви и посвятил трех священников и дьяконов]. В среду, в Преполовение Пятидесятницы, ранним утром стали ударять в великий колокол, делая одиночные удары, и в прочие колокола по порядку, для того чтобы собрались городские священники с своими иконами в собор, так как Преполовение у них большой праздник, подобно Пасхе. Было совершено торжественное служение. Патриарх облачился с архиереями и всеми священниками, и они вышли большим крестным ходом, при звоне во все колокола, за крепость. Дойдя до места молебствий, взошли на него и отслужили царский молебен. Так как в этот же день, 9-го мая, приходилась память перенесения мощей св. Николая, Ликийского чудотворца, из города Миры в город Бари, что в стране немцев (Австрии), то совершенно было ещё большее празднество, по причине великой любви их к этому святому. Праздник в память перенесения этих мощей содержится в книгах только у них и у казаков. Патриарх, по возвращении из крестного хода, отслужил обедню в соборе, а один из архиереев служил в церкви святого (Николая), что близ дивана. В этот вечер и на другое утро было совершено большое празднество по случаю памяти св. Христофора с собачьим лицом, и один из архиереев служил в новой

церкви во имя его, находящейся близ собора. [Что касается нашего владыки патриарха, то он служил каждый день от воскресенья Самаряныни до воскресенья Слепого и посвятил десять иереев и дьяконов].

В шестой понедельник (по Пасхе), 21-го мая, совершили большое празднество с крестным ходом, как в день Преполовения, по случаю праздника Божией Матери, именуемой Владимирской, — (Владимир) это один из (русских) городов, где раньше скрывалась Её икона, явилась и совершила много чудес. Ей установлен праздник в этот день. Патриарх со своими архиереями, всеми настоятелями монастырей, священниками столицы и с (жителями), мужчинами и женщинами, пошел в монастырь в честь Её. Там отслужили обедню и возвратились только после полудня. Обыкновенно, в дни подобные этому, торговая заведения в городе открываются только после крестного хода и обедни, как мы об этом сказали раньше. В среду перед Вознесением наш учитель служил в монастырской церкви [рукоположил священника и дьякона] и дал разрешение служить четырем священникам из страны ляхов, совершив над ними положенный чин, и препоручил их одному из монастырских иереев, дабы он обучил их, в течение нескольких дней, чину проскомидии и литургии.

В четверг Вознесения московский патриарх пригласил нашего учителя и они вместе служили обедню в церкви женского монастыря, что напротив нас, где, как мы сказали, находятся гробницы всех цариц. Сюда собрались все знатные люди столицы со своими женами. Монастырь в честь этого праздника. После обедни игуменья поднесла в церкви патриархам позолоченные иконы Вознесения; их послали также царице и всему царскому дому.

В пятницу, субботу и воскресенье после Вознесения наш учитель служил в монастырской церкви и рукоположил трех пресвитеров (кусус) и дьякона. В этой стране не знают названия хури и только настоятели монастырей возлагают палицу, прочие же нет; и ни в Греции, ни в Молдавии, ни в Валахии, ни в стране казаков не знают степени хури и не возлагают палицы, кроме настоятеля монастыря, дабы он отличался от священников (каханат): напротив все мирские священники — простые пресвитеры (кусус). Поэтому, мы заметили, что греки также порицали и осуждали нас за незнание обрядов и устава, так как все священники нашей страны суть хури и все носят палицу[540]*.*

В четверг пред Пятидесятницей московский патриарх опять служил обедню в церкви женского монастыря. С вечера, а также и после обедни, совершили поминовение по всем скончавшимся царицам, погребенным в этом монастыре. В субботу пред Пятидесятницей служили в церкви Архангела и также совершили поминовение, с вечера и после обедни, по всем князьям и царям московским, в ней погребенным, со времени обращения их в христианство.

Глава V. Москва. Троицын день. Рукоположение епископа Коломенского. Подарки новопоставленного архиерея. Власть архиереев

В день великой Пятидесятницы было совершено весьма большое торжество, при звоне в великий колокол; а после обедни звонили во все колокола, по случаю молитвы с коленопреклонением, потому что ее совершают в это время. Наш владыка патриарх служил в монастырской церкви, где также звонили в колокола после обедни. Каждый из присутствовавших в церкви принес с собою пучок листьев дерева, похожего на лавр; их разбросали по полу церкви и алтаря, чтобы на них становиться на колена. Еще накануне крестьяне привезли множество возов с этими деревьями и продавали по всему городу, и все жители покупали их для своих церквей.

В этот день патриарх Никон рукоположил нового епископа для Коломны, на место заточенного[541] который был еще жив. Обычай при рукоположении архиереев таков: будет патриарха пожелание, он избирает, кого ему угодно, а не то устраивает жребий для двенадцати лиц, которых имена пишутся на бумажках; бумажки прикрепляют к свече и кладут ее на престол. После совершения в течение трех дней литургий, призывают маленького мальчика: чью бумажку он вынет, тот и выбран. По избрании, назначают к нему четырех человек, одетых в красное суконное платье с широкими рукавами; на головах у них высокие шапки, а в руках палки; их называют халдеями [542] , т. е. они представляют людей Навуходоносора, когда он хотел сжечь трех отроков в Вавилоне. Мы не могли узнать, по какой причине эти люди ходят вместе с избранным перед его рукоположением, в течение трех дней, дабы всякий, кто видит его, знал, что он имеет быть рукоположенным в архиереи. Говорят, что когда царь находится в Москве, то в день рукоположения бывает великое торжество. При этом рукополагаемый несет большие расходы: для царя ставят высокий трон против патриаршего (облачального) места в притворе, и рукополагаемый, за свой собственный счет, доставляет красное сукно для покрытия трона до самой земли кругом, а также настилает для царя дорожку из тяжелой парчи от трона до южной двери алтаря, и с двух сторон дорожки из другой материи для прохода государственных сановников; от патриаршего же облачального места до царских дверей расстилает фиолетовый или черный бархат, а с двух сторон дорожки из зеленого сукна для архиереев. При наступлении времени Малого входа, когда патриарх входит в алтарь, все попирают эти материи, и царь, сойдя с упомянутого тропа, в короне и в царском одеянии, исключительно предназначенном для подобных дней, проходит по парче и становится на своем царском месте. Но окончании рукоположения, парча и красное сукно берутся для царя, материя идет сановникам государства, бархат в пользу патриарха, а зеленое сукно протопопу и служителям собора. Если рукополагаемый найдет эти материи в лавках, хорошо; а если нет, то берёт из царской казны, уплачивая их стоимость. После посвящения, четыре халдея в том же наряде опять ходят с ним в течение трех дней, при чем его сопровождают три боярина от царя. Они сажают его на лошадь, с крестом в правой руке, и обвозят его в первый день кругом Кремля внутри, дабы он благословил его; на второй день обвозят его вдоль второй городской стены, а на третий день — вдоль третьей стены, дабы от него, как от вновь рукоположенного, весь город получил благословение. Затем он подносит подарки, сначала царю; вот их перечень: во-первых, икону имени своей кафедральной церкви, в серебряно-вызолоченной ризе, и большую серебряно-вызолоченную

чашу; ежели архиерей, подобно этому епископу, имеет небогатую кафедру, то подносит царю в чаше 100 золотых динаров; затем, один сорок соболей во сто динаров и куски парчи, бархата, атласа, камки и других материй; если он митрополит пли архиепископ, то подносит больше, смотря по состоянию своей кафедры. То же подносит царице, но в половину: икону, меньшую чашу с 50 динарами, сорок соболей в 50 динаров и несколько кусков материй. Подносит подарки также царевичу, хотя бы он был дитя, так как, по отъезде ныне царя в поход, царские указы выходили не иначе, как от имени царевича Алексея, сына царя Алексея, и все тяжбы и судебные дела велись его именем; даже письма, которые царь присылал своему наместнику, были адресованы на имя царевича, благополучного сына его, а не на имя наместника. Так и все воеводы н правители городов присылали свои письма на имя его благополучного высочества — да сохранит его Бог! Какой это благословенный плод! все государства прибегают к нему за помощью и шлют ему свои благожелания.

Возвращаемся (к прерванному рассказу). Архиерей подносит дары также трем сестрам царя и трем его дочерям, так как каждая из них, хотя бы была ребенком, имеют свою отдельную казну. Кончив раздачу им подарков, он поднес дары, подобные царским, патриарху, а также одарил всех его приближенных, находившихся в (Москве) архиереев, архимандритов, священников и дьяконов. Равным образом он обходил всех государственных сановников и подносил им дары, смотря по их сану; затем поднес дары трем боярам, которые ходили с ним три дня по городу, каждому по его степени: динары, соболя и материи, а тем, которые пониже, куницу. Такие расходы несет архиерей в этой стране; епископу, как этот (Коломенский), не хватить 8000 динаров, а другим даже и 6000, как мы достоверно узнали.

По истине, архиерей в этой стране есть важнейший правитель, коему подчиняется воевода. В его руках имущество церкви и её сокровища. Но над ним есть блюстители и полномочные, которые сообщают о нем все в подробности. Три раза в году он приезжает (в Москву) для поднесения подарков: на праздники Рождества и Крещения, на праздник Пасхи и в праздник своей церкви. При этом требуются большие расходы и много трат, так как епископ, как этот (Коломенский), имеет при себе священников, дьяконов, монахов, анагностов, иподьяконов, певчих, чиновных лиц, поверенных, служителей и ратников, более ста человек; ежедневно они едят и пьют на его счет и два раза в год, летом и зимой, получают жалованье и одежду. Посчитай, сколько нужно на них расходов! Если случится, что царь отправляется в поход, как в нынешнем году, то он налагает на архиереев обязанность доставить людей, провизию и прочее, смотря по средствам каждого из них. Таково следствие хорошей распорядительности в этой стране. Архиереи и настоятели монастырей пользуются только титулом, а что касается богатств, то все они находятся в распоряжении царя — не так, как было при Гераклии, царе греческом, который, идя войной на персов, взял из церквей все сосуды и перелил их (в монету), за неимением денег в государственной казне. Здесь же управление вот какое: столько тысяч войска и миллионов расхода (потребовалось), и царь лично участвует в походе, который длится уже два года, а еще не открывали ни одного из казнохранилищ, но все получаюсь от архиереев, монастырей и других. Какой же смысл имеют хождения в нашей стране речи, что христиане не умеют править государством? Да, мы и греки не умеем управлять: это нам не по силам, как сказал один из знающих людей у нас: «Какое сравнение между плохим управлением греков и ослеплением их очей и сердец — [так как, в эпоху своего могущества, они позволили туркам выстроить крепость в заливе Чернаго моря [эту крепость мы сами видели), пока, при помощи её, те не покорили их, уничтожив их царство] — и здешним уменьем управлять,

так что иностранцу невозможно утаиться между ними, ни шпиону проникнуть в их страну!» Чужестранцу, хотя бы он был патриарх, они не сообщают своих сокровенных тайн, и (так делают) не только вельможи, но и простолюдины и малые дети. Все это происходит от того, что они знают о случившемся с греками и о потере ими царства. Да расширит Бог их разум и уменье управлять еще более того уменья и разума, которые мы видели! Пусть никто не говорит, что христианам господство не подобает, так как, кто не видел собственными глазами, того, быть может, не поверит этим известиям и описанным нами превосходным качествам, но Бог свидетель, что я лжи не говорю и не взял с них взятку за то, что так хвалю их: я хвалю их ум и хорошее управление.

Глава VI. Москва. Поднесение редисок патриарху Макарию. Длинные летние дни. Летние жары и холодные напитки. Поминовение на „убогих домах“

Возвращаемся (к рассказу). Первого июня часы били $18^{1/2}$ часов и солнце не сходило с куполов соборной церкви и с купола высокой колокольни. День оставался таким только до 6 числа этого месяца, когда начал понемногу убавляться. В этот день царица, вместо царя, прислала, по их обычаю, нашему владыке патриарху маленьких редисок на блюде, т е. начатки новых плодов. Боярин, принесший блюдо, поднес его с такими словами: «царевич Алексий, сын царя Алексия, кланяется твоей святости, блаженнейший, и подносит тебе эти редиски, начатки новых плодов,» и поклонился до земли. Наш учитель выразил царевичу, как подобает, свои молитвенные благожелания, сделав при этом также поклон, дабы вельможа так поклонился за него царевичу. Мы дали ему в подарок благовонного и алеппского мыла, и платок, также и сопровождавшим его лицам, проводили его за двери и он удалился.

Что касается колокольного звона, начиная с Пасхи и далее до лета, то по причине долготы дня звонили к вечерне в двенадцатом часу[543] или ранее, ночью в четвертом часу, а к утрене воскресений и праздников до или после первого часа ночи. Обрати внимание на эти порядки, посмотри, с какой поспешностью ходят они к службам в течение пятидесятидневных периодов, в летнее время вставая на молитву в полночь. А мы из-за этого испытывали горечь, стеснения и тяжкие труды, — не могли спать ночь, вследствие их обычая: они ложатся до заката солнца, чтобы встать ночью; мы же, по непривычке, не могли спать до ночи, как они. Не успевали мы заснуть, как приходилось вставать, а после службы мы уже не могли заснуть. Но на все воля Божия! Что касается положения солнца летом, то оно восходило, по обыкновению, с востока, но заходило не на западе, а на северо-(западе); таким образом мы с изумлением видели, как оно ходило кругом (по небу), не исчезая — по крайней мере ясный круг оставался в течение всей ночи, так как, после того как часы били 181/2, часов, ночного мрака не наступало, а была заря и много света, и нам казалось, как будто это день. Мы нарочно выходили на монастырский двор, где бегло читали греческие книги — а, ведь, нет шрифта мельче греческого. Отблеск солнца проникал к нам внутрь жилища, и мы видели, как оно подвигалось от северо-запада к северу, пока по утру не достигало востока и не начинался день. О, чудо! где оно ходит ночью и к какому миру удаляется? Хвала Богу, сотворившему его! Да не сочтет никто лживыми наши слова! Бог свидетель, что мы так видели. Заметив, как мы дивимся этому, многие из тех, которые ездили на английские острова, т. е. в Англию, рассказывали нам, что, начиная от Архангельской пристани, по направлению к Англии, ночь бывает только 21/2, часа, да и то не ночь, а день, так как темнота бывает небольшая и солнце остается видно и светит; чужеземец не сумеет отличить ночи ото дня. Таким образом купола собора и церкви Благовещения ночью светились и блестели, будучи густо позолочены, особливо же купол высокой колокольни, которая, как мы сказали, видна со всех сторон на далеком расстоянии, по причине густой позолоты своего купола. О удивление! в июне и июле мы просиживали до 18-го или 17-го часа — на целые три часа дольше, чем в своей стране — пока не наступал вечер; а на нашей родине люди в это время уже спокойно спали: здесь был день, а там ночь. Хвала и слава в вышних Богу!

В сравнении с суровостью и силой холода и морозов зимой, в декабре и январе, жара и

зной в эти месяцы, июне и июле, бывает сильнее. Мы томились от зноя в своих комнатах, а московиты, от богатых до бедных, находились, со всеми своими бочёнками напитков, в погребах на льду, который они набрали с рек в течение великого поста и наполнили им погреба. Продавцы рыбы также привозили ее не иначе как на телегах, наполненных снегом, в который она была зарыта, чтобы не портилась. По причине сильной студености их воды и напитков, которые держат летом в погребах, никто не мог вдоволь напиться, из опасения лишиться зубов.

Кончив об этом, возвращаемся к своему рассказу. В четверг по Пятидесятнице наш учитель служил обедню в монастырской церкви [и рукоположил священника и дьякона]. У жителей этого города есть обычай в этот день, четверг по Пятидесятнице, отправляться за город с царем, царицей и патриархом для раздачи милостыни и совершения служб и поминок по всем умершим, утонувшим в воде, убитым, а также по (умершим) пришельцам, с полной радостью и весельем; все торговцы города и рынков переносят свою торговлю за город.

Глава VII. Троицкий монастырь. Выезд патриарха из Москвы. Остановки и ночлег на дороге. Царские путевые дворцы. Встречи патриарха под монастырем. Остановка в Клементьеве. Поднесение еды и напитков от монастыря. Прием и встреча в монастыре. Торжественное служение в Троицком соборе

Наш учитель еще раньше просил у патриарха, у царя и его наместников разрешения отправиться, по обычаю патриархов, на богомолье в знаменитый монастырь св. Троицы, чтобы отпраздновать там Пятидесятницу, т. е. храмовой праздник этого монастыря. Если бы царь был в Москве, то поехал бы туда на праздник с царицей, патриархом, со всеми боярами и людьми со всего округа московского, т.к. там бывает великое торжество: посещение этого святого монастыря заступает у них место паломничества в Иерусалим ко храму Воскресения и ко всем (тамошним) святыням. Нам не пришлось провести там праздник (Пятидесятницы) и от царя не было до сих пор известий на этот счет, но сегодня уведомили нас, что мы можем отправиться туда завтра, о чем заранее было послано в монастырь известие. Сопровождать нас назначены были переводчик и важный сотник с десятью стрельцами. И нам привели подводы; московский патриарх прислал нашему учителю карету, а лошадей доставили с царских конюшен, чтобы, как говорили, царь также имел свою долю участия; две запасные лошади, из лучших царских коней, с двумя всадниками шли по обе стороны; всего было шесть лошадей. Снарядившись в путь, мы выехали из города в пятницу по Пятидесятнице, рано поутру, с десятью вооруженными стрельцами впереди. Я сидел, по обыкновению, в карете против нашего учителя. Монастырь находится от города в 60 верстах. Когда мы, миновав земляной вал, выехали в открытое место, то заметили, что села и деревни шли непрерывно по всей дороге от столицы до монастыря, и между ними лежал наш путь. Мы ехали до вечера, сделав 50 верст. По выезде из города, два раза отдыхали у речек, чтобы освежиться, и прибыли в село, по имени Здфижни (Воздвиженское), принадлежащее царю, с обширным дворцом, садом и большим озером, и с деревянной церковью, во имя св. Алексия, человека Божия. Тут мы ночевали, послав уведомление в монастырь. Большинство сел на этой дороге принадлежит царю; в каждом селе и деревне есть обширный деревянный дворец. Причиной (построения их) было то уважение, каким пользуется этот монастырь: говорят, что в Бозе почивший отец царя вместе с его матерью много раз ходили туда пешком из столицы; царь шел с боярами, а царица с их женами; такой же обычай и у этого царя и царицы. Поэтому-то с давнего времени построили по дороге эти многочисленные дворцы, чтобы проходить понемногу и отдыхать. Так как расстояние в 60 верст составляет один день езды, то пешком доходили до монастыря в три-четыре дня. Этот монастырь у них считается наравне с Иерусалимом, храмом Воскресения и всеми (тамошними) святынями. Всякий, кто сходит туда на богомолье, получает прощение грехов. Эти рассказы мы слышали много раз еще в своей стране.

Встав в субботу рано утром, мы проехали около восьми верст и, приближаясь к монастырю, увидели его купола. Между тем от архимандрита, келаря, казначея и прочей братии были высланы люди, в сопровождении монастырских архонтов[544] и служителей, встретить нас на дороге. Они спросили о здоровье нашего владыки патриарха и поклонились ему до земли от лица пославших. После них встретили нас уполномоченные от архимандрита, келаря и казначея в экипажах, в сопровождении множества ратников.

Сойдя с экипажей, они поклонились нашему владыке до земли, спросили о его здоровье и благоденствии и поздравили с приездом от имени пославших; при этом поднесли ему большой черный хлеб, большую соленую рыбу и бочонок меда, т. е. хлеб-соль, по их обычаю. Затем простились с ним и уехали.

Мы же, проехав, что оставалось до 10 верст, прибыли в большой посад, принадлежащий монастырю, по имени Климински (Клементьевский), и в его церкви отстояли обедню, т.к. нас дожидались. Нам отвели помещение — но какое ужасное! мы чуть не сгорели от жара огня, разведенного в печах в июне месяце, из уважения к нам. Удивляться надо любви этого народа к огню зимой и летом! Вся цель хозяев этого дома была оказать нам почтение — но какое это плохое почтение! Мы вышли вон и нам беды не было, но наш владыка патриарх не мог показаться среди людей. Спустя немного времени опять явились те, которые встречали нас на дороге, и принесли с собой роскошную царскую трапезу из 50—60 блюд разнообразных, превосходных яств. Их несли монастырские служители, стрельцы. Вошел казначей, поклонился и остался внутри (дома), а его уполномоченные стояли вне вместе с писцом, который держал в руках список и читал: начал перечислением хлебов, а потом перечислял блюда с кушаньем по их сортам, выкрикивая громким голосом: «блюдо такое-то с такой-то рыбой» — одно за другим, с величайшей точностью и подробностями. Его вносили внутрь и казначей подавал собственноручно: сначала черный хлеб, потом разные сорта белого, затем блюдо за блюдом, при чем он говорил: «архимандрит и прочие отцы подносят твоей святости, блаженнейший, то-то и то-то и т. д. до конца, как это установлено, в величайшем порядке, пока не покончил с кушаньями, после чего начал подносить напитки в больших оловянных кувшинах: разные сорта меда и пр. Потом поднес в медном ящике маленькие оловянные кружки и кувшины, до верху покрытые льдом. В каждом сосуде был напиток особого сорта. Мы не могли отведать их но той причине, что они были очень холодны. Вкусом с ними не сравнится критское вино, а сладостью они превосходят царские прохладительные напитки и иные. Таковы оказались, когда мы их испробовали, отменная приятность и вкус этих превосходных напитков, которые приготовляются из вишни, яблок и многих других (плодов), которых имен мы не знаем. Поднеся эти вещи нашему владыке патриарху, казначей начал подносить то же в меньшем количестве (нашему) архимандриту на его имя и потом мне, архидьякону, отдельно. Затем он поднес мед, квас и пиво для слуг, простился с нами и уехал. Мы же оставались (тут) до вечера, т.к. существует обычай, что, в случае посещения этого монастыря чужестранным патриархом, он не выезжает из города до пятницы, чтобы приехать (в монастырь), как это и с нами было, в субботу, незадолго до заката солнца.. Его приглашают и после малого повечерия угощают ужином. В начале ночи ударяют в колокола и служат всенощную до утра. Будят его: если он пожелает, то служит обедню, а если нет, то только присутствует за ней. Затем приглашают его к трапезе, а после неё подносят подарки. Перед вечером прощаются с ним и отправляют в дорогу. Ему позволяют оставаться в монастыре только одну ночь: таков у них обычай издревле и таково правило, и они его не нарушают Узнав об этом, мы прежде всего попросили дозволения пробыть долее, но убедились, что это невозможно и что это в высшей степени непристойно и никогда, с древних времен не бывало; все же добрые обычаи следует блюсти с уважением.

После 13-го часа дня ударили в большой колокол монастыря — мы услышали его — в знак прибытия к ним Антиохийского патриарха. Прислали приглашение, и владыка поехал в карете; мы шли пешком кругом неё, а стрельцы впереди. Так дошли до монастыря. Он стоит на ровном месте и не виден издали. Построен он на подобие крепости Дамаска и по

величине равняется, быть может с городской стеной Эмессы. Окружен огромной, высокой стеной новой постройки, белой как голубь. Кругом него сады, идущие непрерывно один за другим, большой город, женский монастырь[545] и несколько (других) монастырей и церквей, пруды и мельницы. Он совершен во всех отношениях, кроме двух вещей: первое, что близ него нет реки; второе, что он расположен в долине и не виден издали. Он имеет двое ворот с восточной стороны, больших и великолепных; над одними стоит огромный киот — это святые ворота, которые постоянно заперты и отворяются только, когда приедет патриарх или царь, для его входа. Вторые ворота назначены для народа и животных. Монастырь имеет еще потаенную дверь с западной стороны. Когда мы подъехали к нему при звоне во все колокола, наш владыка патриарх, по обыкновению, вышел из кареты и пошел, из почтения, пешком, по мосту огромного рва; помолившись у первых ворот перед киотом, вступил во вторые ворота, где встретил его архимандрит монастыря с иереями и дьяконами в великолепных облачениях, унизанных жемчугом. Он был в митре. Когда наш владыка помолился также и на иконы, стоящие над этими воротами, к нему подошел архимандрит и, сняв митру, поклонился ему, а наш учитель благословил его крестом, который дьякон нес рядом с ним[546] в серебряном ковчеге, сначала сам помолившись и приложившись к нему, и осенил им всех. Также подходили к нему под благословение келарь, казначей и прочие служащие иереи и дьяконы. Затем келарь и казначей взяли владыку под руки, а другие пошли впереди него попарно, при чем дьяконы кадили ему, пока, миновав великую церковь, не привели нас в церковь Троицы, которую выстроил св. Сергий, первоначальный устроитель монастыря. После того как наш владыка помолился и приложился ко всем иконам и к раке с телом святого, келарь привел его и поставил у западных дверей, где всегда становится патриарх [между тем как я, архидьякон, вместе со своими товарищами, дьяконами казначея, стал рядом с ним, по левую руку. Архимандрит же с товарищами заняли места со стороны северных дверей, и рядом с ними наш келарь и патриаршие родственники, — все в отличном порядке и с совершенной правильностью]. Начали малое повечерие. По совершении отпуста, повели нас в маленькую церковь рядом с Троицкой, во имя св. Никона, ученика св. Сергия, где почивает его тело в раке. Мы приложились к нему и вышли. Нас поместили в каменных кельях, где останавливается царица. Подали трапезу. [Келарь непрестанно подносил разнообразную царскую еду, снимая одни и ставя другие, пока не наступил вечер. Он также поставил перед нами в серебряных кубках вишневой воды, яблочной и меда всякого сорта и всех цветов, удивительного вкуса и студености, все в оловянных кружках и кувшинах, помещенных в медном ящике, наполненном льдом. Мы не могли, однако, вдоволь насладиться этими восхитительными напитками, при всей необыкновенной сладости их вкуса, так как они были до того холодны, что у нас зубы ломило и десна нарывала]. Откушав, мы встали ко сну, чтобы немного отдохнуть; но спать не пришлось, потому что комаров, блох и мух были мириады, больше чем пыли (на земле). В эти три месяца: май, июнь и июль, бывает их пора в здешних странах и они никому не дают покоя ни днем, ни ночью — Бог да не благословит их плодовитостью! От их множества на дороге мы не могли подышать воздухом. Днем мы закрывали свои лица руками, а ночью покрывали голову и глаза, чтобы спастись от их укусов. Их было такое множество, что покрывала не защищали от их, и они к нам проникали — Бог да не даст им множиться за то, что они нас мучили и терзали!

Пока мы таким образом тщетно старались заснуть, начали ударять ко всенощному бдению во втором часу ночи [и мы встали, говоря: «слава Богу, избавившему нас от зла и муки!"] Когда мы вошли в церковь, начали великую вечерню. Вечерний «псалом пели попеременно на обоих клиросах с сильным растягиванием. [Затем дьякон со свечой, а

священник с кадильницей вышли кадить, по обыкновению.] Совершили литию, прочли молитву над пятью хлебами и вином и, докончив вечерню, дали отпуст. [Прочли первую часть из жития святого и затем встали.] Зазвонили во все колокола и начали утреню. Пение и чтение по чину всенощного бдения не прекращалось до восхода солнца. [Мы сочли и нашли, что простояли на ногах целые шесть часов — и все это было сделано ради оказания нам почета. Но что за радость нам теперь в таком почете, если мы целый день и ночь не вкусили сладости сна!] Мы вышли из церкви как пьяные, чувствуя головокружение от бессонницы и усталости, и пошли немного отдохнуть до третьего часа дня, когда опять ударили в колокола к обедне.

Мы вошли в вышеупомянутую церковь. Нам дали надеть стихари и орари, все покрытые золотом, драгоценными камнями и обильным жемчугом; таковы же были и фелони. Затем мы облачили нашего владыку патриарха и совершили сначала царский молебен, а потом водосвятие. Архимандрит монастыря[547] также облачился. Это муж святой, добродетельный, ревностный к вере, неустанно совершающий службы; не смотря на то, что он старец 77 лет отроду, он читает без очков. Мы начали обедню и наш учитель посвятил дьякона. В этот день принесли чашу для литургии, дискос, купол[548] и лжицу из чистого, беспримесного золота с драгоценными камнями, а также три большие блюда для антидора, не имеющие себе цены. Что касается кадильницы, то никто не мог носить ее, потому что она, будучи из чистого золота, весит четырнадцать фунтов[549] — каждые 3 фунта равны 400 драхм. Она осыпана драгоценными камнями. Что касается Евангелия, то мы не видали подобного по обилию чистого золота и драгоценных камней и по его искусной отделке, приводящей ум в изумление. Никто не мог поднять его вследствие его тяжести от обилия золота. Когда мы вышли с великим выходом, множество священников шли с тремя плащаницами: одна — с изображением снятия Господа со креста, с узорами и письменами кругом — все из крупного жемчуга, которого так много, что, кажется, будто это рассыпанный горох; вторая плащаница вышитая: от превосходного цвета одежд и лиц кажется, будто это нарисовано красками; такая же и третья. Докончив обедню, мы пошли осматривать церковь.

Глава VIII. Троицкий монастырь. Церковь св. Троицы. Ризница. История препод. Сергия. Успенский собор. Святой колодезь

Церковь св. Троицы невелика, четырехугольной формы, с большим куполом над хоросом и так прекрасна, что не хочется уходить из неё. Она имеет три двери: одну с запада, а две другие ведут в хорос с юга и с севера; так, обыкновенно, бывает во всех здешних церквах. Царские врата красотой и блеском поражают ум: они серебряно вызолоченные, фигурные, как будто (вылеплены) из теста. На них изображено вверху Благовещение, а внизу четыре евангелиста-все из позолоченного серебра, лучше нарисованных кистью; от них видны только лики. Арка (царских) дверей с её колоннами в том же роде. Что касается икон при дверях алтаря, то большая часть их обложена чистым золотом с камнями, не имеющими себе цены. На иконах привески из золота и драгоценных камней и большие солнца с образками, вырезанными на зеленом изумруде и красном и голубом яхонте — вещь, поражающая ум и приводящая в изумление зрителя; ничего подобного мы не видали даже в царской церкви Благовещения. Каждая икона имеет соразмерную с своей величиной пелену, спускающуюся до земли; на ней вышито то же изображение, что на иконе, унизано жемчугом и драгоценными каменьями. Что касается иконы Троицы, стоящей по правую сторону алтаря, то драгоценности на венцах ангелов не имеют себе цены: на среднем венце круглый изумруд, величиною с пиастр-реял (полтинник); на изумруде вырезано изображение Троицы, т. е. три ангела, Авраам, Сарра и трапеза; он не имеет себе цены и привлекает взоры всех красотою и тонкостью работы. Мы больше всего дивились на пелены икон; нам казалось, что сверху до низу все икона, что изображение на доске и шитье на материи — одно и то же. Красота венца увеличивается множеством образков в виде маленьких золотых солнц среди драгоценных каменьев и жемчуга.

В этой церкви есть четыре ковчега с изящными, маленькими, серебряно-вызолоченными иконами на весь год; ковчеги стоят на четырех столиках и перед ними четыре больших серебряных подсвечника. В церкви большие, чудесные люстры из серебра и меди. Гроб св. Сергия находится с правой стороны алтаря в серебряно вызолоченном ковчеге с такой же крышкой, а большая решетка — из чистого серебра; на крышке точное изображение святого, шитое золотом, с жемчугом и драгоценными каменьями. Пол этой церкви — из дикого камня; плиты такие большие, каких нет и у нас в Алеппо. Камень походит на кремень; говорят, что его выписал из Новгорода в Бозе почивший царь Иван.

Три двери церкви — из чистого железа. За западными дверями длинный нарфекс от юга к северу, прекрасно расположенный, с двумя дверьми; в нем большие иконы, поражающие ум искусством исполнения: вид Иерусалима со всеми находящимися внутри и вне его церквами, монастырями и святыми местами, изображение всей горы Божией Синая и всей горы Афонской. В передней стене есть потаенная дверь; нас провели чрез нее туда, где находится ризница с драгоценной утварью монастыря. Здесь мы видели священнические облачения и утварь из золота и серебра с драгоценными каменьями — вещи, поражающие ум изумлением и удивляющие умного больше чем глупца (и как может быть иначе, когда царские дары с древних времен доселе все увеличивается?), ризы, пелены, кадильницы, чаши и дискосы из золота и пр., а также покровы на гробницы царей и цариц, погребенных в этом монастыре; большая часть покровов с письменами из крупного жемчуга, с узорами и с золотыми звездами, размещенными в виде больших крестов. Этих покровов множество, т.к. их меняют на гробницах каждое воскресенье, и на каждый большой праздник есть особый покров, как обычно для царских гробниц.

Затем мы приложились к посоху св. Сергия, который основал этот монастырь, к его ножу и ложке которыми он ел, к его фелони из льняной ткани цвета алойного дерева: она сохранилась с того времени до этого силою милосердного Бога. Нам рассказывали об этом святом, что его отец и мать были родом из Новгорода, где отец служил воеводой. Мать его, будучи бездетной, усердно молилась Богу, и Он даровал ей этот благословенный плод. Она зачала его по божественному откровению. Во время этой её беременности, когда она неустанно молилась и посещала службы, поведала своим соседям, что при Великом выходе младенец взыграл во чреве её и поклонился несколько раз. Тогда поняли, что от него явятся чудные дела. Когда он родился и вырос, то убежал от родителей в монастырь и сделался монахом, так как они не позволяли ему принять монашество; этим они сильно опечалились. Чрез некоторое время оба они умерли. Узнав об этом, он пришел и раздал все, ими оставленное, бедным, отпустил на волю многочисленных рабов и рабынь и, удалившись, поселился в пустынном месте, в одиночестве. Много претерпел он огорчений и искушений от дьяволов, пока, по внушению Духа Святого, не пришел сюда. Место этого монастыря было пустыней. Святой построил здесь себе келью и поселился в ней. По причине множества его чудес, к нему собралось много учеников, и при поддержке князей того времени он основал этот монастырь и скончался.

В его время жил св. Кирилл, известный под именем Белозерскаго, в подворье которого мы обитаем. Он также творил чудеса, ходил в Иерусалим и на Афон и, по возвращении, основал свой монастырь, существующий и поныне; он находится от этого монастыря около 500 верст.

В его же время явились святые Савватий и Зосима, которые основали знаменитый Соловецкий монастырь на океане. О нем мы говорили выше.

Также в его время явился св. Варлаам, который основал монастырь, известный под именем Хутынского, за городом Новгородом. Многие другие святые, кроме него, явились в то время, когда воссиял и разлился у них свет христианской веры. Творец явил им светильников веры для укрепления в ней новообращенных, как в нашей стране он воздвиг Симеона Столпника и его сподвижников. Со времени св. Сергия прошло более 400 лет.

В этом монастыре находится много сокровищ от времени прежних князей и следовавших за ними царей до этого времени, так как они перед своей кончиной отдавали все свои сокровища вкладом в этот монастырь, по любви к нему. Поэтому этот монастырь не имеет себе подобного не только в стране московской, но и во всем мире. Московский царь берет себе в доход со всех областей два динара (из трех), а этот монастырь один динар, поэтому в каждом городе есть таможенный сборщик от царя и другой от монастыря св. Троицы; царский сборщик берет с десяти динаров (рублей) 20 копеек, а монастырский сборщик десять, и оба выдают расписки. Но в конце концов все сокровища и доходы монастыря находятся в руках царя, так как, как нам говорили монахи, они израсходовали в этом году более ста тысяч динаров на разные расходы и на припасы для царя, доставленные в Смоленск, о чем мы раньше сообщали. По этому примеру можешь судить (об остальном).

Возвращаемся (к рассказу). По выходе из ризницы, вас повели в церковь св. Никона, ученика св. Сергия, где покоятся его мощи в серебряной раке. Церковь маленькая, с одним алтарем. Потом повели нас в великую церковь монастыря, называемую собором; она находится посредине монастыря, на возвышенном месте. Она выше, больше и длиннее собора столицы, но совершенно в том же роде, так как обе церкви построены при царе Иване. По обыкновению, она имеет три двери и пять алтарей, как Успенский собор. Главный алтарь во имя Успения Владычицы; два правые — во имя св. Варвары и мученика

Феодора Тирона; остальные два — один для жертвенника, другой — во имя св. Николая. В нарфексе этой церкви, за западными дверями, находятся могилы многих царей и цариц. Церковь немеет пять величественных куполов, которые по своей высоте только одни и видны извне монастыря. Близ собора находится изящная церковь во имя св. Духа, где царь празднует второй день Пятидесятницы; возле неё святой колодец, который вывел своими молитвами св. Сергий. В течение последних двух лет он скрывался, но вновь обнаружился по божественной силе. Этот колодезь не глубок, в локоть глубиною, вода его исцеляет больных, она вкусна и приятна. Колодец устроен в виде кельи, и при нем есть служители, которые постоянно теплят тут свечи; богомольцы делают ему приношения. Мы пили эту воду, она слаще меда — ясное доказательство, что это подлинно святая вода.

В этом монастыре семь церквей; из них мы перечислили четыре; остальные три — в честь их новых святых.

Глава IX. Троицкий монастырь.Трапезная и трапеза. Подарки от монастыря патриарху и его спутникам. Осмотр монастырских строений под руководством Арсения Суханова. Колодец. Стены. Погреба. Почки св. Сергия. Колокольня. Тюрьма и заключенные в ней. Главные ворота. Прощание и отъезд из монастыря

Затем повели нас в трапезную, которую отворяют» только в присутствии царя, чем оказали нашему владыке патриарху большой почет, согласно приказанию царя и патриарха Никона, так как они ничего не делают без спроса и приказа: им было велено оказать нашему владыке больший почет, чем иерусалимскому патриарху, что и было исполнено, т.к. иерусалимского водили в малую трапезу отцов, а нашего владыку патриарха в большую царскую. Мы не знали этого, но так нам сказали драгоманы. Эта трапеза как бы висячая, выстроена из камня и кирпича с затейливыми украшениями; посредине её один столб, вокруг которого расставлены на полках в виде лесенки всевозможные серебряно-вызолоченные кубки, как обыкновенно бывает в их столовых при посещении их царем или патриархом. Нашего владыку патриарха посадили на переднем месте, после того как он помолился и приложился к иконам красивой церкви, здесь находящейся. Мы сели ниже, а все отцы монастыря сели за отдельным столом по другую сторону. Чтец начал читать из жития св. Сергия. Стали подавать блюда с разными превосходными, царскими кушаньями, то и дело снимая поданные и поднося новые, одно за другим, до конца трапезы. Также подавали разного рода и цвета царские напитки, при каждом обнесении особого сорта и в других кубках. Все сосуды (с напитками) были охлаждены. Встав из-за стола, воздвигли, по обычаю, Панагию, после чего начали подносить подарки, т. е. милостыню от монастыря, которая дается тем, кто к ним приезжает (с особою целью), по принятому с древних времен обычаю, а в настоящем случае также по приказанию царя и патриарха. Сначала поднесли нашему владыке патриарху ценную икону Господа в серебряно-вызолоченном окладе, с венцом из каменьев и жемчуга и с пеленой, расшитой золотом и нанизанной жемчугом; затем икону Троицы, т. е. изображение св. Сергия и его ученика Никона, когда им явилась св. Богоматерь с апостолом Петром и евангелистом Иоанном и дала им наставления о всех монастырских порядках; а над ними изображение Троицы, т.е. трех ангелов; эта икона также в серебряно-вызолоченном окладе. Потом поднесли серебряно-вызолоченную чашу с 50 динарами, сорок соболей, ценою в сорок динаров, четыре куска атласа и фиолетовой камки, две черные рясы, разнообразные блюда и кубки из чудесного дерева, резные и позолоченные, с именем монастыря, на них написанным; это — благословение от монастыря и подобие сосудов святого, из которых он ел и пил; затем нож и ложку, подобные тем, которые употреблял святой и к которым мы прикладывались, а также деревянный посох, окрашенный в черный цвета, с шариками золоченными сусальным золотом — подобие посоха святого, к которому мы прикладывались. Затем стали подносить нам. Архимандриту дали икону Владычицы в позолоченном окладе, кусок камки, блюда, чашки и ложки, 10 динаров в бумажке и черную рясу. Двум архимандритам, которые нам сопутствовали, дали каждому по иконе, камки, блюда, кубки и 6 динаров. Мне, архидьякону, дали икону Господа в серебряно-вызолоченном окладе, камки, блюда, чаши, 10 динаров и черную рясу; моему товарищу, второму дьякону, и казначею-икону, камки невысокого достоинства, блюда, чашу, 5 динаров и черную рясу, и то же самое дали нашему келарю и племяннику, т. е. родственнику патриарха. Затем нашему собственному

драгоману дали икону без серебряного оклада и 2 динара; каждому из служителей такую же икону и один динар. Наконец боярину, который нас сопровождал, дали икону в позолоченном окладе, серебряную чашу и камки, но он не взял ничего кроме иконы. Царским переводчикам дали каждому по иконе и по несколько динаров — переводчику [550] больше чем толмачу. Вот что нам подарили. Мы исчислили это по порядку, не прибавляя и не убавляя. Все это записывается у них в книгах с древних времен, по точно установленным правилам: они не имеют права прибавить или убавить, не спросив царя, так как потом потребуют от них точного отчета и они должны показать, сколько ими израсходовано — не так, как мы слыхали в своей стране, будто сколько дает царь, столько же и монастырь св. Троицы, потому что, будет-ли то даяние царя или монастыря св. Троицы, все это доля из казны и собственности царя.

Возвращаемся (к рассказу). Наш приятель, келарь Арсений (Суханов), о котором мы говорили, что он приезжал в нашу страну[551], проявил к нам большое радушие и дружбу: он повел нас показать нам весь монастырь и все, что в нем есть. Сначала повел нас в келью св. Сергия, в которой он обитал. Она деревянная и сохранилась силою Божией до настоящего времени; от неё отрезают кусочки дерева, которые используют от боли коренных и (других) зубов. Потом повели нас к удивительной монастырской цистерне: это очень глубокий колодец; при нем большое, широкое колесо, края которого обиты досками, на подобие собачьих колес франков; употребляемых при жарении мяса; двое мужчин войдя в него переступают по его поперечным доскам, подобно тому как поднимается собака (в своем колесе), и оно быстро с ними вертится. На колесе (намотаны) весьма толстые веревки, которыми вытягивается с одной стороны очень большая бочка, по наполнении её водой, заменяющая ведро. Другие двое людей переливают ее в желоб, идущий к кухне, где варят мед, пиво и иные напитки.

Так как вне монастыря нет проточной воды для рыбы, то внутри его выкопали три большие пруда, наполняемые дождевой водой. В них водится много рыбы, которую ловят не только летом, но и зимой; когда пруды замерзают, разбивают на них лед и вылавливают много рыбы — заметь, что может создать могущество царей! Внутри монастыря много садов, так, как мы сказали, окружность его равна городу Эмессе. В нем есть дворцы для царя и царицы, в которых они останавливаются, когда приезжают в него на богомолье. Кельи в нем безсчетны, потому что в нем свыше 500—600 монахов.

Затем келарь показал нам помещения монастырских арсеналов, где хранятся пушки без счета, ружья большие и малые без числа, оружие во множестве: луки, стрелы, мечи, пистолеты, копья, кольчуги и железные брони, каких ни одной не найдешь в турецкой земле: нам говорили, что в стране франков существует строгое запрещение, под страхом проклятия, вывозить оружие и латы, подобные этим, в страну турок. Как сказал нам келарь, в этом монастыре оружия и снарядов хватит более чем на 30.000 человек, Есть порох в бесчисленных бочках, есть также ядра и голыши для железных пушек, цепи и пр.

Потом келарь повел нас вверх на огромную стену монастыря и обошел ее с нами кругом: стена громадна и поражает удивлением. Ее выстроил тот келарь, которого сослал патриарх Никон. По своей высоте, множеству отверстий и помещений, она превосходит окружные стены всего города Москвы. Стена эта в четыре яруса: нижний, в уровень с землею, состоит из комнаток, наполненных пушками, верхние ярусы назначены для помещения войска и для сражения. Толщина стены, соответствующая ширине свода, составляет около десяти локтей. Амбразуры по окружности её бессчетные и разных видов: одни с наклоном вверх, другие направлены прямо, а большая часть идет кругом, по низу, так что и птица не может укрыться внизу (стены). В каждой амбразуре пушка на

новых[552] колесах; число пушек, больших и малых, по окружности стены бессчетно. Что касается башен, то в стенах Антиохии не найдется ни одной им подобной по величине, высоте, по их восьмиугольной форме, по устройству, множеству камер, отверстий и амбразур с пушками. Башен четыре, да две над воротами. Мы очень дивились на это сооружение, на неприступность, крепость и обширность стен. Как в стенах Антиохии, так и здесь можно пройти по стене кругом, входя в одну башню и выходя в другую, при полном просторе и удобстве; наверно, всадник на лошади может беспрепятственно объехать по стене. Мы пожалели о том бедном келаре за тонкость ума его и громадный труд, так как, как нам сказали, он истратил на эту стену из монастырской казны, по приказанию царя, более 350,000 динаров. Одна сторона её еще не кончена. Прежде стены монастыря были низкие и от долгого времени пришли в разрушение, а потому упомянутый келарь и возобновил их в недавнее время, при чем сделал весьма больше. Ум не может представить их неприступность и красоту. Вокруг монастыря есть озера с рыбой.

Когда мы обходили монастырь, келарь принес нам стулья и, усадив напротив царских палат и садов, поднес нам множество кубков с критским и другими винами, при чем напомнил нам об Алеппо и о нашем радушии и гостеприимстве по отношению к нему. Потом он повел нас вверх к одной из башен, и мы спустились со свечами туда, где находятся бенимчат [553] , т е. монастырские погреба. Тут находятся повозки и бочки со всевозможными напитками, поставленные на лед. Нас ввели туда, где находятся две бочки, сделанные св. Сергием собственноручно; они до сего времени целы и невредимы. Ежегодно их наполняют медом, и сколько бы из них ни черпали, их содержимое прибавляется и мед в них никогда не пропадает. Из них черпают мед и вливают его во все (другие) бочки, чтобы снизошла на них благодать. Нам дали пить из них, ради благословения. Бочки покрыты материями и над ними стоят иконы, пред которыми всегда горят свечи. Выйдя отсюда, мы пошли осматривать колокольню. В ней есть колокол, подобный большому колоколу столицы. Говорят, что оба сделал один из царей. Его звук такой же громовый, как и у того.

Мы увидели в монастыре новую деревянную келью с одним только отверстием, без дверей; в ней заключены три человека. Мы осведомились о них и нам сказали, что это бывшие дьяконы, которые, когда умерли их жены во время язвы, оставили дьяконство и женились на других. Патриарх Никон, услышав о них, немедленно заключил их в оковы и прислал сюда, приказав построить для их заключения этот дом. Им не дают пищи, чтобы они умерли от лишений. Когда мы смотрели на них, они громко зарыдали, так что сердце у нас разрывалось, и подали нашему учителю просьбу о разрешении постричься в монахи, в надежде, что патриарх избавит их от злой смерти, которая им угрожала. Впоследствии, по ходатайству за них нашего учителя, патриарх их освободил.

Затем мы осматривали монастырские ворота: кроме железных дверей, они имеют большую железную решетку, которую, в случае опасности, спускают машиной и потом опять поднимают. По истине, монастырь вполне неприступен. Вход этих ворот похож на вход ворот Алеппской крепости. Пушки с той и с другой стороны выходят на рвы.

Когда мы все осмотрели, ударили в колокола для прощания. Нашему владыке патриарху поднесли дорожный запас: большие черные хлебы, соленую рыбу, бочонки с вином, медом и пр.; также и каждому из нас дали по одному хлебу, по рыбе и по маленькому бочонку, согласно составленной описи. Когда мы уложили свои вещи, нашего учителя повели в церковь, отслужили вечерню и простились с ним. [Он благословил их всех и они вышли и, попрощавшись с нами у ворот, возвратились]. Мы же тосковали и скорбели сердцем, так как нам хотелось пробыть в монастыре несколько дней, чтобы вполне насладиться.

Наш владыка сел в карету. Мы проехали до вечера десять верст и, остановившись па

берегу реки, ночевали под открытым небом. Встав поутру в понедельник (поста) Апостолов (Петрова), мы вечером прибыли в столицу и поместились в своем монастыре; на дороге мы три раза делали привал на берегу рек, чтобы отдохнуть. Стрельцам и конюхам, в вознаграждение за их труды и услуги нам, мы дали, по здешнему обычаю, денег и часть своих запасов.

Глава X. Москва. Свежие огурцы. Служение и крестные ходы. Московские иконописцы. Поминовение по царе Михаиле

На другой день, во вторник 12 июня, патриарх и царица прислали нам свежих огурцов на блюде — вторые новые плоды после редиски — так как никто не ест новых огурцов ранее царя и патриарха. Нам рассказывали, и мы сами видели, что огородники в великий четверть сеют огуречные семена в гряды и много труда полагают на уход за огурцами, прикрывая их во время холода и открывая при солнце. Один перед другим спешит выгнать раньше свои огурцы и представить их царю первым. Кто раньше всех представит огурцы, тому Бог покровительствует, так как у этого царя, как было и у его предшественников, есть обычай наделять такого человека большою милостью: ему дается во владение деревня с крестьянами. Так бывает ежегодно. При этом царь посылает огурцы патриарху, а если у них в это время находится (другой) патриарх, (то и ему), дабы они благословили первые плоды, как назначено в писании. Потом раздает их всем государственным сановникам. Обыкновенно, боярин, принесший плоды, получает щедрый подарок, равно и его люди. Мы подарили им платки, мыло и пр.

[Возвращаемся (к рассказу). Во вторую субботу по Пятидесятнице московский патриарх пригласил нашего учителя в церковь Архангела, где находятся гробницы царей, и они вместе отслужили обедню, в память кончины царя Ивана и его двух сыновей, которые погребены в правом приделе. После прошения: «милости Божия, царства небесного и оставления грехов его у Христа бессмертного царя и Бога нашего просим», певчие пели: «(по)дай Господи»[554] .По окончании обедни, (патриархи) стали рядом в притворе, где облачались. На столике поставили блюдо с кутьей и сосуд с вином, а также подсвечник со свечой, и было совершено поминовение по усопшим. Затем все пошли в придел, где находятся гробницы царей, окадили их, закончили службу и сняли свои облачения. Мы вышли к лестнице церкви Благовещения и, пройдя чрез её паперть, поднялись по лестнице дивана, где мы были раньше. Нас ввели в обширную палату, выстроенную из камня, где бывает трапеза. Тут были уже поставлены скамьи; серебряные сосуды: кубки, чаши и пр. были размещены на полках, поднимающихся ступеньками в средине комнаты, по обычаю. Все, знатные и простые, сели на скамьи и царский наместник, вместо царя, поднес собственноручно только патриархам, архиереям и архимандритам три круговые чаши превосходного вина, а стольники в то же время ходили кругом, подавая множество кубков и чаш всем нам, остальным, прежде чем мы съели что-нибудь, так что внутренность у нас горела. Затем они подали хлеб и потом подносили блюда с рыбой каждому по порядку, как бы подаяние за души усопших. Все, от патриарха до монахов и священников, отсылали свои доли домой. У большинства были с собой кувшины и иные сосуды, и они наполняли их напитками, которые им подавали, так как не выпивали своих кубков, а опоражнивали их в свои сосуды, вино на мед, а на это другие напитки, но все опьяняющие. Наконец встали, после того как мы успели поесть только хлеба. Певчие стали поодаль, в то время как патриарх воздвиг Панагию; он разрезал ее на мелкие куски, а архидьякон понес раздавать их всем присутствующим. Затем патриарх[555] взял кадильницу, похожую на корону, и окадил ею медовую кутью и сосуд с вином, говоря: «Помилуй нас Боже» и пр. и поминая имена усопших, а певчие при каждом прошении пели: «Господи помилуй». Затем пропели: «вечная память», с поминовением имен усопших громким голосом, при чем все молились на иконы. Потом поднесли еще круговую чашу, и мы пошли и спустились в церковь Благовещения, где патриарх совершил отпуст. Мы вышли и, когда патриархи попрощались друг с другом,

вернулись в свой монастырь].

Утром, во второе воскресенье по Пятидесятнице, зазвонили в большой колокол отдельными ударами, вместе с другими колоколами, для сбора настоятелей монастырей и священников, назначенных идти в крестном ходу, по совершении литургии в своих церквях. Все они пришли в собор. Патриарх вышел с архиереями большим крестным ходом за Кремль, с западной стороны, и за вторую, белую городскую стену, к церкви во имя св. Илии, близ Земляного вала. Здесь они служили и затем возвратились (в Кремль). А один из архиереев обошел также с крестным ходом кругом белой стены города с внешней её стороны и, возвратившись в соборную церковь, здесь служил. Наш же владыка служил в монастырской церкви [и посвятил дьякона; также служил и на следующий день, который был понедельник, и посвятил дьякона].

Накануне субботы 23 июня ударили в великий колокол по случаю празднования памяти перенесения иконы Владычицы из города Владимира в город Москву. Рано поутру ударили в него же вместе с другими много раз по порядку, для сбора настоятелей монастырей и назначенных священников. Они пришли со своими иконами в собор. Туда же отправился наш владыка патриарх и облачился с Московским. Они начали молебен и затем вышли с крестным ходом из западных дверей (собора) за ворота Кремля и поднялись на круглый помост для молебствий. Прочли Апостол и Евангелие. Архидьякон сказал ектенью, при чем поминал царя, весь царский дом и всех христиан. Затем мы сошли и отправились по средине площади к Никольским воротам, повернули на восток, а стрельцы шли с обеих сторон вместе с нами- и, выйдя из ворота второй городской стены, дошли до одного места за белой стеной. Когда мы проходили мимо какой-нибудь церкви, в ней звонили в колокола и священники её выносили иконы, чтобы к ним приложились патриархи, [между тем как дьякон кадил им]. Наконец мы вошли в монастырь с маленькой церковью. Говорят, что упомянутая икона Владычицы, когда ее принесли из города Владимира и несли, чтобы поставить в соборной церкви, не пожелала этого, но остановилась здесь и не двигалась с места. Тогда выстроили этот монастырь и эту церковь, где ее и поставили. Все остановились на монастырском дворе перед церковью, поставили водосвятные сосуды и начали петь канон водоосвящения. Патриарх Никон закончил службу по обыкновению, и окропил государственных сановников; оба патриарха окропили остальной народ и пошли в церковь служить обедню. Было совершено рукоположение иерея и дьякона. Но выходе (из алтаря) мы приложились к иконе, поставленной на правой стороне алтаря. Из изображения видны только два лика и руки: все остальное — золото, жемчуг, драгоценные камни и многочисленные привески; лик Богоматери сияет светом. Икона постоянно творит чудеса В каждой из церквей Москвы непременно имеется древняя икона этой Владычицы, которая творит чудеса по их великой вере. Затем мы вернулись назад, и когда проходили мимо церкви или городских ворот, патриарх окроплял их святой водой. Наконец мы вошли в собор. Архидьякон возгласил ектенью: Помилуй нас Боже, и закончили службу. [Оба патриарха, выйдя из церкви, проводили царские иконы, осыпанные драгоценными каменьями, которые блестели теперь на солнце; большая часть их были из церкви Благовещения и церквей царя, и удивительной красоты. Патриархи окадили их и приложились к ним. Затем мы вернулись, а с иконами пошли дальше, при чем звонили без умолку во все колокола, пока иконы не скрылись из виду, между тем как стрельцы провожали их до их церквей. Мы вышли из собора только после 8 часов дня].

Накануне 3-го воскресенья по Пятидесятнице [зазвонили в колокола ночью к бдению, а утром наш владыка патриарх отслужил обедню в монастырской церкви и посвятил иерея и дьякона; точно также в понедельник. Вечером] патриарх пригласил нашего учителя в

собор. После вечерни облачились в алтаре и вышли в нарфекс, где все разместились в обычном порядке вокруг патриарха. В средине поставили на столике блюдо с медовой кутьей и сосуд с вином. Совершили поминовение, то есть годовщину, по воинам, убитым в прошлом году под Смоленском во время приступа, что было в день, соответствующий завтрашнему, 25 июня. На ектеньи, вместо имен царя и патриарха, поминали имена убитых воинов, называя имя и прозвище каждого с именами его родителей, но книжке. [При каждом прошении певчие пели: «Господи помилуй!» Кончив, архидьякон кадил патриарху и, возгласив: «Господу помолимся», передал ему список. Патриарх сказал возглас: «так как Ты есть воскресение и живот, и покой рабов Твоих, мучеников, убиенных за Твою святую веру при осаде Смоленска, которых имена такие-то», и прочел их имена, одно за другим, до последнего, и пр.].

На другой день мы опять пошли (в собор). Служили оба патриарха. После обедни снова совершили, по обычаю, утреннее поминовение по убитым. Сняв облачения, пошли с патриархом к трапезе в царские палаты, [где произошла совершенно такая же церемония, какую мы раньше описали: выпили натощак несколько кубков напитков, которые были поднесены царским наместником, и всем присутствующим раздавалась рыба].

В четверг вечером, то есть в канун праздника апостолов (Петра и Павла), ударили в великий колокол в начале ночи ко всенощному бдению; а утром наш учитель служил обедню [и посвятил иерея]. Накануне субботы, вечером, нас пригласили в Архангельскую церковь. Все облачились и совершили поминовение по царе Василии, сыне царя Ивана, который соорудил белую стену города. На другой день в ней же была совершена литургия. К трапезе пошли туда же, где она была в предыдущий раз.

[В понедельник (воскресенье?) 1 июля вечером, зазвонили в колокола по случаю празднования Положения пояса (ризы?) Богоматери во Влахерне, и совершили бдение. На другой день было большое торжество; служили обедню в церкви, в честь этого праздника, находящейся перед собором, на царской улице].

6 июля, накануне субботы, нас пригласили на поминовение патриарха Иосифа, предшественника Никона, по случаю исполнившегося трехлетия со дня его кончины. Он погребен в соборе. На другой день патриархи также служили вместе, и мы пошли с патриархом Никоном к трапезе, которую он, по обычаю, устраивает у себя.

В воскресенье 8 июля ударили в колокола рано поутру для сбора настоятелей монастырей и священников, назначенных явиться с иконами в собор, так как в этот день совершается память явления иконы Богоматери, которая с давнего времени была сокрыта в земле в городе Казани, а в этот день принесена в город Москву. Для неё соорудили великолепную церковь в конце площади, перед Никольскими воротами, напротив двух больших пушек, и поместили в ней икону. В честь её установлено ежегодное празднество в этот день. Церковь и икона Владычицы именуются Казанскими. Из собора пошли к этой церкви большим крестным ходом, при звоне во все колокола. Патриарх совершил в ней литургию и водосвятие, и мы возвратились после полудня.

Накануне 10 июля ударили в великий колокол и совершили бдение, начиная с вечера, во всю ночь, по случаю памяти перенесения в этот день честные ризы Господа Христа из страны персидской в город Москву, тридцать лет тому назад, так как тот год был 7133 от сотворения мира — московиты, обыкновенно, считают года, как и мы, только от Адама — в 1622 году от Божественного Воплощения, в 13 год царствования царя Михаила. На другой день было совершено великое празднество, больше чем на Пасхе, при звоне во все колокола. Служил обедню патриарх Никон, надев большой саккос и драгоценную митру, которые он надевает на Пасхе. Он принес ковчег с хитоном на средину церкви, и когда все к

нему приложились, отнес его обратно на место; при перенесении и отнесении хитона звонили во все колокола. Если бы царь находился в Москве, торжество было бы еще больше.

[11 июля зазвонили в колокола к крестному ходу, и духовенство собралось со своими иконами в собор. Один из архиереев, в сопровождении духовенства, пошел в церковь, что позади Кремля, во имя Богоматери, именуемой Ржевскою, так как Она совершила чудо в том месте, и по этой причине празднуют Ей ежегодно в этот день. Патриарх, однако, не ходит туда сам, а посылает одного из архиереев с крестным ходом в эту церковь, и он совершает в ней водосвятие и обедню, после чего возвращаются, как было сделано и ныне.]

Знай, что иконописцы в этом городе не имеют себе подобных на лице земли по своему искусству, тонкости кисти и навыку в мастерстве: они изготавливают образки, восхищающие сердце зрителя, где каждый святой или ангел бывает величиною с чечевичное зернышко или с османи[556]. При виде их мы приходили в восторг. В церкви покойного главы здешних купцов мы видели маленькую икону из трех дощечек, т.е. с дверцами: фигуры ангелов на ней величиною с мух — работа изумительная. Жаль, что люди с такими руками тленны! Стоимость этой иконы 150 динаров (рублей), а вес её не доходит и до десяти пиастров, но по мастерскому исполнению она неоценима.

Икона Владычицы пишется ими в различных бесчисленных видах, и каждое изображение носит свое особое название, под котором оно у них известно: Греческая, Севастийская — Богоматерь на троне, Грузинская, Арабская (Арапетская?), Милостивая, Платитера — «Пространнее небес» — Богоматерь в средине небесного круга и ангелов[557], Казанская, Владимирская, Смоленская, Рязанская, Неопалимая Купина, как видел ее Моисей, Одигитрия, т.е. Тройное (?) Путеводительство[558], и иные разных видов со своими особыми именами. Точно также и изображения Господа Христа и иконы св. Николая (бывают разные). Что касается икон Рождества, Пасхи (Воскресения), Страстей Господа и Его чудес, а также изображения Троицы, то ум человеческий не в силах постигнуть их сущности и оценить их превосходное исполнение. Я приобрел

много икон, но мы могли покупать у них иконы только с большим трудом, ведь все у них дорого и ценно, а иконы в особенности. У иконописцев нельзя приобрести икон, а только в иконном ряду готовые — там можно купить все, что пожелаешь и увидишь — так как мастера в этом городе отнюдь не работают в своих лавках на базаре на глазах людей[559], ни золотых дел мастера, ни портные, ни столяры, ни башмачники, но работают у себя в доме; рыночные же торговцы скупают у мастеров и продают. Таков у них порядок.

Возвращаемся (к нашему рассказу). Накануне 12 июля нас пригласили в церковь Архангела. Все облачились и совершили поминовение по царе Михаиле, сыне Феодора, отце нынешнего царя. На другой день была обедня и совершили службу у его гробницы, которая была покрыта царскими покровами с жемчугом и драгоценными камнями. Потом повели нас к трапезе на верх[560]. В этот день исполнилось 10 лет со дня кончины царя Михаила. Обрати внимание на удивительное совпадение: он родился в этот же день, когда бывает память св. Михаила Малеина, именем которого он и был назван, по их обычаю. Он имел обыкновение ежегодно в этот день устраивать большую трапезу. Судьба свершила свой круг: после 36-летнего царствования он умер в этот самый день от подагры и боли в ногах, чем страдают все московиты.

Обыкновенно, по всем царям, погребенным в этой церкви, и царицам, похороненным в женском монастыре, совершают ежегодно поминовение в день их кончины. Служит патриарх и устраивается наверху поминальная трапеза по их душам. Это совершается сверх обеден и служб на их гробницах, ежедневно отправляемых семью священниками

церкви и теми, которые читают постоянно, ночью и днем, псалтырь на их гробницах. За это они получают содержание, которое каждые царь и царица назначают из оставшегося после них благоприобретенного имущества; даже из посуды, из которой они ели и пили, (отказывают) блюдо, чтобы класть на него кутью, сосуд для вина и серебряный подсвечник — эти вещи всегда бывают выставлены на их гробницах.

Знай, что внутри церкви Архангела и кругом неё двенадцать алтарей и в них служится ежедневно двенадцать обеден, как в церкви Благовещения, что возле неё, бывает ежедневно девять обеден в девяти алтарях, а в Чудовом монастыре, что напротив неё, семь обеден ежедневно. Большая часть бояр столицы и их жены ежедневно, рано поутру, приезжают в этот монастырь к обедне в приделе св. Алексия, митрополита Московского, где его мощи, по своей великой любви и вере к нему.

Глава XI. Москва. Транспорт ружей из Швеции. Испытание ружейных стволов. Известия с театра войны. Празднование побед в Москве. Служения. Дикари. Шутка патриарха Никона

Когда мы встали из-за стола, патриарх показал нашему учителю из окна этого помещения, откуда открывается вид на окрестные поля, множество телег, нагруженных ружьями, которые он посылает царю. Он сказал, что их пятьдесят тысяч и что они получены теперь в ящиках из шведского королевства. Мы подивились их множеству, а он прибавил, что у царя в Кремле мастера изготовляют для него ежегодно по семидесяти тысяч ружей, которые постоянно хранятся в кладовых. Это в столице, а сколько изготавливается их также для царя в большинстве других городов, то бессчетно; без числа привозят их ежегодно для него из франкских земель. Говорят, что англичане прислали ему три орудия — удивительные пушки, которые при стрельбе из них не издают звука; это одно из изобретений франкского искусства.

Каждый вечер в это лето мы ходили смотреть на ружейных мастеров, которые, собрав все ружья, ими изготовленные, размещали их рядами друг возле друга по склону кремлевского холма, обращенному к реке, наполняли их порохом, клали затравку на все лежащие рядом и зажигали ее длинным железным прутом, на каленным в огне. Те ружья, которые были прочны, оставались в целости, а непрочные тотчас разлетались в куски от большого количества пороха. Все войско царя, как мы говорили, снабжено огненным боем, т.е. ружьями.

Что касается известий о царе, то он оставался в городе Смоленске до 21 мая, когда бывает память царя Константина, и оттуда отправился в землю ляхов, разделив войско, с ним бывшее, на три части. Сам он пошел со средней, при чем, вследствие разлива рек и обилия грязи, слякоти и дождей, они очень запоздали, а (другие) войска, как говорят, опередили царя на три дня пути. Наконец подошли они к большой реке, называемой Барозофо (Березина?), которая прежде была границей между московитами и ляхами. Распространились слухи, что ляхи заняли тот берег, дабы русские не могли перейти реку, что они укрепили его земляными насыпями с пушками и со множеством войска и устроили по дорогам пороховые мины. Все это было сделано потому, что они были слабы и имели мало сил для встречи (лицом к лицу) с московитами. Тогда царь послал нескольких военачальников, и они перешли реку, в течение пятнадцати дней, в её верхнем и нижнем течении. Встретившись с войсками ляхов у переходов через реку и насыпей, они напали на них, всех их перебили и захватили все их пушки и имущество. Когда известие об этом дошло до царя, он велел сделать на упомянутой реке семьдесят деревянных мостов для перехода войска, а в средине построил большой мост с огромной, высокой деревянной башней, господствующей над всеми окрестностями, и снабдил ее пушками и войском, чтобы обеспечить от опасности все мосты и наблюдать за всеми дорогами. Сам же лично направился на город Вильну, столицу Радзивила. По причине трудности тамошних дорог, (обилия) лесов и гор, много больших пушек пришлось отправить назад в Смоленск, так как нельзя было их везти. Царские военачальники пошли вперед и, углубившись в страну ляхов, покорили много городов мечом и по договору. Если кто, запершись, защищался, то они (взяв город) избивали всех жителей мечом, предавали его огню и разрушению и совершали великие опустошения, дабы нагнать на ляхов страх и ужас. В этом году никто не выступал против московитов и не слышно было о ляхах, чтобы они собирались в каком-либо месте; ни

войска, ни сил (у них не было) и, казалось, самая память о них изгладилась совершенно. Ляхи до сих пор надеялись на помощь от турок и татар, которым они надоедали многочисленными посольствами, но никто на помощь не явился. Однако, по своей великой гордости и кичливости, ляхи не желали заключить мир, по с кем воевать, недоумевали: с царем ли или с его военачальниками, с войском ли новгородским, с королем ли шведским или с Хмелем. Бог определил им погибель: их планы оказывались несостоятельными, их решения превратными.

Всякий раз когда от царя получалось известие о покорении какого-либо города или поражении отряда (неприятельского) войска, тотчас начинали звон во все колокола патриархии, радовались и веселились. Патриарх приходил в собор, после обедни облачался со всеми присутствующими архиереями, архимандритами и священниками и совершали молебен, вознося молитвы за царя и благодарение Богу за помощь и победу. Не было ни стрельбы из пушек, ни барабанного боя, ни трубных звуков, ничего подобного, а только колокольный звон и молебен. Мы удивлялись этой набожности и вере; но таков у них обычай, как мы часто бывали тому свидетелями.

В это время начали привозить в телегах пленных ратников из ляхов в железных оковах. Их представляли патриарху и главному министру и сажали в тюрьмы, а также отправляли, по приказу царя, в разные города, оставляя их в оковах. Но до чего дошло дело, об этом расскажем позже.

В пятницу 13 июля наш учитель служил обедню в монастырской церкви и рукоположил священника и дьякона. В понедельник(?) ударили с вечера в великий колокол, а также ночью и на другой день, и было совершено большое торжество по случаю памяти св. равноапостольного Владимира, царя киевского и всей земли русской. Когда он уверовал во Христа чрез сестру Василия Македонянина, царя греческого, и крестился, то был наречен Василием и крестил всю страну Малой России, т. е. землю казаков, а впоследствии прибыл вместе со святым Петром, первым митрополитом Москвы, в здешнюю местность, завладел страной, изгнав из неё татар, и разделил ее между своими двенадцатью сыновьями. Он крестил большую часть жителей этой страны еще при своей жизни и выстроил большой город, назвав его своим именем Владимир; о нем мы раньше упоминали. Это тот самый город, о котором говорится в истории, что Тамерлан, придя в эту страну, выстроил в нем крепость и оставил в ней на хранение свои богатства. Об этом мы достоверно узнали, на мои расспросы по этому поводу, от касимовского царевича, который не так давно крестился.

Накануне четверга 19 июля патриарх пригласил нашего учителя, и оба они облачились, по обыкновению, в церкви Архангела и совершили опять поминовение на девятый день (с годовщины) по в Бозе почившем царе Михаиле, а на другой день литургию, после которой пошли в столовую во дворец. Когда мы сошли вниз, то встретили несколько человек из племени мученика Христофора, о котором мы раньше говорили: они стояли на пути патриарха, чтобы представиться ему. Их лица безобразнее, отвратительнее, чернее и короче, чем у тех Лобани (Лопарей), о которых мы говорили в неделю сыропуста. Их было сорок человек, каждый из них начальник тысячи. Одежда их состоит из кромок разноцветного сукна; на груди привешены солнца из желтой меди: это значит, что они князья, как мы удостоверились. Патриарх спросил об их числе; они отвечали: «нас пришло 40.000 на помощь царю по его призыву, а мы начальники над ними». Он спросил, как далеко их страна; «пять тысяч верст, сказали они: мы ехали сюда более четырех месяцев». Он спросил об их летах; оказалось, что между ними многие имеют более ста лет. Они питаются рыбой и дикими зверями в сыром виде, а также человечьим мясом, если

попадется. Поэтому они были размещены вне города в лесах и полях и над ними была поставлена наблюдать многочисленная стража. Патриарх спросил: «чем вы сражаетесь?» — Вот этими луками и стрелами, отвечали они. Мы рассматривали их стрелы: они удивительные — никто из нас не видал ничего подобного; их три или четыре рода: одни с двумя железными наконечниками, другие имеют позади наконечника два острия, направленные назад, на подобие наличника железных замков: когда стрела попадет в кого, то острия внедряются внутрь (тела) и никаким образом нельзя их извлечь; другие стрелы с очень длинными остриями. А что касается лука, то тетива его состоит из нескольких жил, крепких, как будто они из дерева, туго натянутых, так что лук может натягивать только мужественный человек. Патриарх, заметив, что я упрашиваю нашего учителя расспросить его о них и об их образе жизни и что мы дивимся на них, подошел и, взяв меня за руку пред министрами и народом, кликнул дикарей, говоря им в шутку, чтобы они съели меня; он хотел посмеяться и пошутить надо мной, а я оробел и сильно испугался. То же проделал он и с другими, отдавая их дикарям. Был между ними дьякон сербского (архиепископа): дикари схватили его и потащили, при чем изорвали на нем в клочья одежду; с трудом освободили его из их рук, только когда Никон дал им за него в виде выкупа много рыбы и денег. Бедняга дьякон от страха и испуга проболел долгое время.

Накануне праздника св. пророка Илии было совершено всенощное бдение. Утром, когда исполнилось три года со времени нашего выезда из Алеппо и год нашего пребывания в стране московской, зазвонили в колокола к крестному ходу, вместе с великим колоколом. Был совершен крестный ход и царский молебен, а обедня была отслужена в церкви во имя святого.

Глава XII. Москва. Торжество в Новодевичьем монастыре. Разговор с патриархом Никоном. Женский монастырь св. Саввы. Поездка в загородный дворец Никона. Крестный ход на воду 1 августа

В пятницу вечером (27 июля) патриарх прислал приглашение нашему учителю, и мы отправились с ним в каретах в находящийся за городом, в расстоянии трех верст, Новодевичий монастырь, о котором мы говорили раньше, так как на другой день, в субботу, совершалась память перенесения чудотворной иконы из Смоленска в этот монастырь. Мы остановились вне его. Патриарх разместился в большом шатре в виде нескольких палаток, соединенных одна с другой. Множество стрельцов стали на страже вокруг шатра. Приехали в каретах все жены государственных сановников, явилась большая часть горожан и остановились в деревенских домах вне монастыря. Было великое торжество; явились всякого рода торговцы и устроился обширный базар: у них это очень большой праздник. Этот монастырь пользуется большой любовью; поэтому все монахини в нем из боярынь, очень богатые девицы или вдовы, ведь в этой стране есть обычай, что в такой важный монастырь, как этот, принимают только таких монахинь, которые жертвуют в него большие деньги. Так как монахини в этом монастыре очень богаты, то и монастырь очень богат, как сказал нашему учителю в этот вечер патриарх Никон: «в московской земле нет женского монастыря богаче этого.» Мы слушали в нем малое повечерие. (На ночлег мы пошли в один из домов вне монастыря, а московский патриарх ночевал в своем шатре, прочие же мужчины и женщины в деревенских домах, так как в монастырь никого не пускают на ночлег, ни мужчин, ни женщин). Оба патриарха, облачившись вместе со священниками и дьяконами, вышли в нарфекс и отслужили царский молебен, по окончании которого сняли свои облачения. Дьяконы со свечами и певчие, поя, шествовали пред патриархом, пока он не вошел в свой шатер. После третьего часа ночи ударили в колокола, и мы встали к бдению и вошли в церковь. Начали петь вечерний псалом, по обычаю, попеременно. Архимандриты и священники пошли облачаться и, выйдя на Вход, вошли в алтарь при пении Свете тихий. Затем вышли на литию и стали в обычном порядке вокруг патриарха. Когда дьякон сказал ектенью благословения хлебов над пятью очень большими черными хлебами, старший из архимандритов[561] прочел положенную молитву. Затем подошла игуменья и поднесла патриархам каждому по хлебу, а остальные хлебы разрезала на куски и раздали боярам. По окончании вечерни, сели и прочли из жития Богоматери, потом встали. Зазвонили к утрени. Окончив ее, мы вышли и отправились в свои помещения.

В этот вечер патриарх Никон много беседовал с нашим учителем и между прочим сказал ему о золотом кресте церкви Благовещения при царском дворце, что он стоит сто миллионов (?) золотом и что не только крест, но и крыша церкви со своими девятью куполами, карнизами и желобами обложена чистым золотом, в палец толщиною. Мы не поверили этому, но патриарх не лгал, так как, заметив наше крайнее изумление, когда мы это услышали, он прибавил, что крест, крыша и купола потребовали таких же издержек и столь же большой казны, какие потратил царь Василий, сын царя Ивана, на построение белой городской стены. Подобные речи повторяются всеми. Крест снизу кажется маленьким, но когда сломался один из крестов собора и его чинили в нашем присутствии, мы поверили (словам патриарха), так как длина креста более четырех локтей, ширина три

локтя, а толщина одна квадратная пядень, и никто из нас не мог обхватить руками его шар или яблоко, которое у него снизу, — так оно велико! Когда же крест поставили на место, он показался маленьким вследствие высоты церкви. Не иначе и на церкви Благовещения, которая даже выше собора, потому что выстроена на очень высоких сводах. Крест. её не обложен золотом, как крест собора, а весь из чистого золота, горит как жар и весь резной; при основании его, над яблоком, полукруг концами вверх, похожий на луну. Мы слыхали от знатоков, что нет металла тяжелее золота и что кусок его длиной, шириной и толщиной в пядень весит один кинтар — не знаем: алеппский, дамасский, константинопольский пли греческий кинтар, который, как говорят, весит 44 ока, а око равно 400 драхм; а мы нашли, что каждый динар (рубль) весить 1 драхму и 2 карата — пусть читатель сделает вычисление. Я из сил выбился, расспрашивая вельмож, старших переводчиков и моих друзей, царских секретарей, и многих других, чтобы узнать, сколько кинтаров пли пудов весит крест, но никто из них не знал, так как это одна из тайн царя. Подобная редкость, составляющая одно из новых чудес света, есть сокровище города Москвы и его слава, на удивление всему миру.

Патриарх сообщил также, что на этой неделе он послал царю 40.000 пудов пороха.

Возвращаемся (к рассказу). Когда пробило три часа дня, патриарх пригласил нашего учителя к себе, в шатер, сел вместе с ним в свою карету, и они поехали в монастырь во имя св. Саввы, находящийся на полпути от города до (Новодевичьего) монастыря[562]. Его выстроила вновь царица и поместила в нем русских, то есть казацких, монахинь, которых царь привез из Смоленска и из города Могилева. Говорят, что Радзивил благоволил и был очень щедр к ним, так как жена его Мария, дочь Василия, государя молдавского, будучи православной, весьма любила этих монахинь и всегда бывала у них за службами. Царь, завоевав ту страну, побоялся за них злобы Радзивила и ляхов и привез их сюда с большим почетом. Их было около семидесяти. Они по большей части знатного рода, дочери вельмож; лица их блещут, как солнце, одежда — красивого покроя: они носят на лицах длинные покрывала, а мантии волочатся по земле. Они отличаются скромностью, совершенством и чистотою (нравов). Под конец царь, из боязни за монахинь, вывел их из тамошних монастырей и прислал сюда, так что число их дошло до трехсот. Он выселил из большого Девичьего монастыря московских монахинь и, разместив их по (другим) женским монастырям столицы, поместил в нем всех казацких монахинь, как принадлежащих к одной национальности. Он сделал это по великой к ним любви своей, равно как царицы и патриарха, и вследствие пристрастия к их пению и службам, которые изгоняют из сердца все печали, как мы расскажем о них впоследствии.

Когда мы подъехали к их монастырю, они вышли навстречу патриархам с пением и пошли впереди них в церковь. Оба патриарха облачились в ней. В это время пришел из города один из архиереев, в сопровождении священников и дьяконов с иконами, хоругвями и свечами, большим крестным ходом. Патриархи вышли им навстречу и все вместе пошли в монастырь. Пойдя в церковь, совершили водосвятие, а затем обедню. Патриархи вышли и проводили иконы за монастырские ворота; крестный ход пошел обратно в город. Обрати внимание на этот большой, подъятый ими, труд! Ми же возвратились (в церковь), сняли облачения и вышли из церкви. Игуменья, по обычаю, поднесла патриархам позолоченные иконы Владычицы, а также по большому черному хлебу с трапезы монахинь.

Затем патриарх Никон сел в свою карету, а нашего учителя посадил в другую, всю стеклянную, пригласив его в одну из своих деревень, где находится один из его дворцов, в семи верстах от города и в трех от этого монастыря[563]. Мы переехали реку Москву. Патриарх устроил царский пир всем государственным сановникам. Лишь около десятого

часа дня принялись за еду. Встали из-за стола перед закатом солнца и поехали в город. Патриарх, выйдя из кареты, сел на лошадь и поскакал, и все государственные сановники, его бояре, архиереи, архимандриты, священники и дьяконы, большие и маленькие, ехали верхом вокруг него, а стрельцы впереди. Когда мы приблизились к городу, патриарх сошел с коня и сел в свою карету. Лишь только мы въехали в город, как зазвонили в колокола, и патриарх пошел к вечерне в собор. Обрати внимание на эту крепость и выносливость!

[На другой день, который был восьмое воскресенье по Пятидесятнице, наш владыка патриарх служил обедню в монастырской церкви и рукоположил иерея и дьякона; также и во вторник].

Во вторник, последний день месяца июля, заговенье поста Владычицы (Успенского), вечером зазвонили в большие колокола и ночью совершили торжественное бдение, потому что у них бывает большой праздник и торжество по случаю дня Честного Креста и потому что в этот день в древности князь московский разбил татар, врагов христиан, одержав над ними великую победу. В этот же самый день в том же году случилось, что греческий царь Мануил Компен разбил войско сарацин, т.е. магребитов, когда они пошли на него войной; он сокрушил их в конец помощью Бога и силою Креста. Когда это произошло и когда московский князь и Мануил, царь греческий, услышали о том, какую помощь оказал им Творец, то, списавшись друг с другом, они согласились совершать в этот день, 1-го августа, большой праздник Честному Кресту, в благодарность Всевышнему Богу, (что продолжается) с того времени до нынешнего.

[Заметь, что греки называли мусульман, при их первом появлении, агарянами, т.е. сыновьями Агари, так как её имя Ажар по-гречески произносится Агарь. Слово «агаряне» имеет и другое толкование, а именно: «ревущий дикий зверь». Говорят, что мусульмане, услыхав об этом впоследствии, сказали: «мы сыновья не Агари, а Сарры; не агаряне, а сарацины», и они были названы этим последним именем и называются так до сего времени.]

[Возвращаемся (к рассказу). Утром 1 августа, начало поста Владычицы, зазвонили во все колокола для того, чтобы архимандриты и священники собрались, в облачениях и с иконами, в собор. Когда они собрались по обычаю, прозвонили трижды во все большие колокола, и мы пошли в собор, где оба патриарха облачились вместе с остальными архиереями. Архидьякон, держа в руке кадило, возгласил: «Благослови владыко» и пр., и крестный ход двинулся. Стрельцы уже раньше усыпали желтым песком весь путь от собора до реки и стояли рядами с обеих сторон, в то время как мы спускались к речным воротам, называемым Водяными воротами; над ними написано изображение Господа нашего Иисуса Христа и самарянки у колодца. Выйдя на берег реки, мы поднялось па обширный досчатый помост, который был воздвигнут стрельцами накануне над рекой. Кругом него был барьер, а в средине, к восточной стороне, водоем со ступеньками к нему. Оба патриарха стали пред водоемом, а прочие кругом него. Государственные сановники стали позади, а прочий народ, мужчины и женщины, смотрели со стен. Когда певчие запели, патриарх сошел, окадил воду, иконы кругом и предстоящих и затем вернулся на свое место. По прочтении им Евангелия и возглашении архидьяконом ектеньи, патриарх прочел молитвы с непокрытою головой, молясь при третьем разе за царя, царицу, их сына, за сестер и дочерей царя поименно. Затем он сошел и сначала вымыл руки в серебряном кувшинчике и тазу, потом взял крест и приблизился к воде; сделав над нею крестное знамение, он погрузил крест в воду и затем поднял его верхушкой вниз, по их обычаю, поя при этом: «Спаси, Господи, люди Твоя» и поминая имя царя. Певчие отвечали ему той же песнею, между тем как он омыл крест в сосуде, который держал архидьякон. Тоже сделал

он во второй и в третий раз. Тотчас служители царя и царицы и всего царского семейства взяли воды в красивые серебряные кувшины. Затем патриарх приподнялся и, взяв три большие витые свечи из рук тех, которые стояли с ним над водой, погрузил их в нее и погасил. Тотчас все присутствующие взяли воды в руки и брызгали ею себе на голову и в лицо. Многие дети и мужчины сошли и преклонились лицами к реке. Государственных вельмож, которые стояли подле патриаршего трона на помосте, патриарх окропил водой, ради благословения, и многие всадники с этой целью погружались в реку. Затем мы вернулись в собор и пр.]

[Знай, что время (созревания) моркови в этой стране есть август месяц. Она похожа на алеппскую морковь, кроме того, что ее продают с листьями, а редиску без листьев.]

Глава XIII. Москва Любовь патриарха Никона к постройкам. Икона Иверской Божией Матери. История её. Снятие списка с неё для Москвы. Иверский Валдайский монастырь

Должно знать, что теперешний патриарх Никон имеет большую любовь к возведению построек, памятников и к (церковному) благолепию. В бытность свою архимандритом монастыря Спаса, т.е. Спасителя, что близ этого города, он своими стараниями перестроил с основания как великую церковь, о которой мы расскажем впоследствии, так и кельи, окружную стену и все башни. Также, когда он сделался митрополитом Новгорода, то воздвиг там прекрасные здания, а сделавшись патриархом, он построил для себя патриаршие кельи или, лучше сказать, царские платы, не имеющие себе подобных во всей стране московской, о чем мы расскажем потом в своем месте. Кроме того, он своими стараниями воздвиг близ города Новгорода новый монастырь среди острова на великом пресноводном озере, соперничая в этом с постройками царских монастырей. А именно: будучи архимандритом, он чрезвычайно полюбил греческий народ и монахов Святой Горы и прослышал, что в числе её монастырей есть монастырь но имени Иверский, т.е. грузинский, названный так по чудотворной иконе Владычицы Портариссы, т.е. Привратницы. Во времена императора Льва иконоборца эта икона находилась в городе Никее у одной знатной вдовы, которая весьма ее почитала. Царские воины, разыскивая иконы, пришли и в её дом, и как она была женщина весьма мудрая и разумная, то, ласково приняв и угостив воинов, подкупила их, и они ушли. Затем, из опасения (за икону) она сделала отверстие с задней стороны поперечной дощечки иконы, положила туда три динара, прикрыла их и, помолившись на икону со многим плачем и рыданием, бросила ее в реку, потом сказала своему сыну: «сын мой! встань и уходи отсюда, чтобы тебя не схватили». Он встал и убежал с нею. Икона же — о чудо! — уйдя из города Никеи по морю, чрез некоторое время появилась против Святой Горы пред грузинским, т.е. Иверским монастырем, там находящимся. Монахи этого монастыря видели, в течение трех дней, ночью и днем светлый столп от моря к небу; дивясь на это, послали узнать, что это такое, и нашли икону Владычицы, стоявшую прямо на воде, а от неё исходил свет, подобный солнечным лучам. Они сообщили об этом настоятелю, тот собрал священников и братию и все пошли к иконе с фимиамом и свечами. Когда же приблизились к ней, она не пожелала, чтобы кто-нибудь коснулся её, но сама взошла на голову настоятеля и остановилась. Все чрезвычайно были удивлены этим, понесли икону со всевозможным благоговением в монастырь и поставили в алтаре. [Придя рано поутру, не нашли её там и изумились, стали ее разыскивать и обнаружили на одной из монастырских нив, взяли оттуда и, принеся назад, поставили на прежнем месте. То же сделала она и в эту ночь, и рано утром нашли ее в одном из монастырских виноградников и опять принесли в третий раз. В ту же ночь она явилась настоятелю монастыря и прочим отцам, говоря: «я пришла к вам не для того, чтобы вы меня охраняли, но чтобы вас охранять и чтобы вы поставили меня привратницей и стражем для вашей охраны, а потому поставьте меня на вратах монастыря». Пробудившись в страхе, они устроили для неё над монастырскими воротами маленькую церковь, называемую часовней, как это делают русские и московиты[564] над воротами своих монастырей, о чем мы неоднократно упоминали, и там поместили ее со всевозможным уважением. Спустя пятнадцать лет, сын той женщины прибыл на поклонение на Святую Гору и пришел в этот монастырь. Подойдя к иконе и молясь на нее,

он узнал се и громко зарыдал. Монахи сбежались к нему и стали его расспрашивать; он рассказал в точности всю историю и как эта икона была у них. Когда потребовали от него доказательств, он сообщил им о трех динарах, скрытых па задней стороне иконы. Увидев их своими глазами, они сильно дивились, а он немедленно принял у них монашество. Эта икона совершала и совершает множество чудес, знаменита во всем мире и все ее славят, и до этого времени она творит бесчисленные чудеса. На ней, как нам говорили, бессчетное множество привесок. Впоследствии грузинские цари, из любви к этому монастырю и по вере к этой иконе, с дозволения греческих царей, расширили его и перестроили. Поэтому он был назван их именем, т.е. Иверским монастырем Привратницы, как имеющий отношение к грузинам. Теперь в нем более пятисот монахов.

Наши братья, русские и московиты, имеют большую любовь как к этому монастырю, так и ко всем вообще монастырям Святой Горы, ведь большая часть их святых ходили туда и изучали тамошний устав. По этой причине нынешний патриарх Никон, в бытность свою архимандритом Спасского монастыря, просил уполномоченного от Иверского монастыря (он приезжает чрез каждые два года, как и другие, за царской милостыней, в силу хрисовулов, у них имеющихся со времен предков царя») написать для него точное подобие той иконы и привезти, что и было сделано. Он говорил им: «поезжайте в свой монастырь и скажите вашему настоятелю, чтобы он омыл ту святую икону водой, совершите над ней водосвятие и пусть иконописцы смешают с этой водой и замесят на ней краски». Так они и сделали. Услышав об этом, царица взяла икону от Никона, а он заказал таким же образом другую. Теперь ее доставили к нему, когда он уже стал патриархом. Мы видели ее и прикладывались к ней. Её ланита поранена и кровь течет из неё, так как, как рассказывают, магребиты, завладев Святой Горой, ударили по иконе ножом, и тотчас потекла из неё кровь. Патриарх Никон щедро наградил за это монахов Иверского монастыря и подарил им монастырь во имя св. Николая, что напротив царского дворца (Кремля), у иконного ряда [известный под именем Большая Глава, потому что в нем есть большая церковь], чтобы быть ему собственностью их монастыря. Потом он чрезвычайно украсил эту икону, а именно: вызвал самых искусных золотых дел мастеров, и они всю ее покрыли чистым золотом — и доску, и все одеяние, за исключением лика и рук. Как я узнал от людей, заслуживающих доверия, золота на иконе сорок фунтов или даже полтора пуда, т.е. около двадцати ок[565]. Он украсил ее еще жемчугом в количестве одного пуда, т.е. полных 13 ок, и тридцатью царскими алмазами, стоимостью более 12,000 динаров, а также изумрудами, яхонтами и рубинами разных цветов и возложил на главу, плечи и грудь Владычицы четыре солнца из алмазов, принадлежавших царю[566] Ибрагиму, так как все эти драгоценности привезены в недавнее время греческими купцами. Стоимость каждого солнца более тысячи динаров. Все это было сделано при нас. На шею Владычице он повесил полумесяц из чудеснейших изумрудов. Как мы достоверно узнали, он потратил на все это более 60,000 динаров. Это очень большая икона, внушающая благоговение; кровь течет из ланиты Богоматери. Заднюю сторону он всю покрыл бархатом и парчой. По всему этому икона превыше всякого удивления, поражает взоры и ум зрителя: нет подобной ей даже в сокровищнице царя, ни в его церквах, так как мы видели все иконы. Недостаточно было патриарху этого чрезвычайного почета, оказанного иконе — кроме того, что он запретил всем иконописцам писать с неё списки — он предпринял еще сооружение нового монастыря, соревнуясь в этом с царскими сооружениями. Монастырь находится на острове, среди большого пресноводного озера. Мы сейчас об нем будем говорить.

Когда царь вместе со Смоленском взял и Могилев, где, как мы сказали, были монастыри

мужские и женские, то, опасаясь за них со стороны войска и злобы ляхов, он перевез монахинь в загородный монастырь Владычицы Одигитрии[567], как мы упомянули раньше, а патриарх перевез тамошних русских монахов с их игуменом, в числе около семидесяти, и послал их на упомянутый остров, выстроив здесь для них деревянные помещения с красивой церковью, чтобы они тут жили, пока не будет окончена постройка монастыря[568]. По любви своей к греческим обычаям, он хотел одеть их в камилавки греческих монахов, но ни у кого не оказалось таких камилавок и клобуков, и потому он заказал для них камилавки из черного бархата, а клобуки из черного шелка, в том намерении, чтобы монахи этого монастыря отличались от московских.

Книга XI. Новгород и Москва

Глава I. Путь в Новгород. Успенский монастырь близ Клина. Прием в Твери. Торжок. Вышний-Волочек. Прибытие в Иверский Валдайский монастырь

Патриарх Никон, зная, что наш владыка патриарх очень соскучился пребыванием в Москве вследствие долгого отсутствия царя, предложил ему съездить для развлечения в новый Иверский монастырь и освятить его, так как он знал чрезвычайную приятность итого места и его прекрасное местоположение. Наш учитель попросил разрешения съездить при этом случае в город Новгород, чтобы и его посмотреть. Так и случилось. От Москвы до этого монастыря полных 400 верст, а от монастыря до Новгорода 150 верст. Патриарх Никон снабдил нас каретой и подводами, дал десять стрельцов, одного боярина от царя и другого от себя, а также заводных царских лошадей и простился с нами, отправив вперед нас известие о том, где мы будем останавливаться.

И так, мы выехали из Москвы в субботу 4 августа вместе с архиепископом сербским и с драгоманом, захватив с собою палатки, проехали 90 верст и в понедельник утром, в праздник Преображения, прибыли в древний каменный монастырь в честь Успения Владычицы, принадлежащий патриархии. Он занимает красивое местоположение; близ него селение, по имени Клин, где мы отстояли обедню. Выехав отсюда, мы заезжали в монастырь-крепость, в честь святого Рождества, и переехали великую, знаменитую реку Волгу. [Мы сделали еще 90 верст, а всего от Москвы 180] и прибыли в город с крепостью, по имени Тверь. Этот город-епископия, как мы упомянули, говоря ранее об его епископе. Не доезжая до него, мы были встречены настоятелями монастырей, представителем архиепископа, воеводой, городского знатью и священниками с хлебом-солью, по их обычаю. Нас повели в великую, каменную соборную церковь, в честь Божественного Преображения, где почивают мощи одного из князей, нового святого. Кругом нее еще четыре церкви. Помещение отвели нам в новых архиепископских кельях, которые выходят на сады и рыбный пруд. Сначала явились представители от царя и поднесли прекрасной рыбы разного сорта из реки Волги, протекающей около города; потом представители от воеводы, от архиепископа и от духовенства; вместе с тем они поднесли бочонки с напитками: медом, пивом, и иконы. Нам оказывали большой почет и гостеприимство, согласно приказам, которые царь и патриарх разослали вдоль этой дороги. На колокольне этой епископии есть железные часы. Нам сообщили, что в ведении здешнего архиепископа состоят четыре торговых города, где живут воеводы, и около 150 сельских церквей — а он еще говорит, что его кафедра очень бедна! В прошлом году был с царем (в походе) казанский митрополит, который и совершал для него службы и обедни в палатке на подобие царской церкви, а в этом году царь взял с собою здешнего архиепископа. На дороге мы встретили протопопа, который вез, по их обычаю, святую воду в восковых бутылках вместе с просфорами, чтобы поднести их царю, всему царскому семейству, патриарху и всем государственным садовникам; это, именно, была святая вода от праздника здешней церкви, Преображения. Поэтому пол ее был все еще усыпан зеленой травой взамен листьев лавра, которыми греки усыпают в праздники пол своих церквей.

Мы поднялись в четверг утром и переехали реку Волгу на судах. Нам дали другие подводы и простились с нами. Мы проехали 30 верст по огромному лесу из дикого ореха, сосен и елей, похожему на сады, и вечером прибыли в прекрасное селение, принадлежащее патриархии и отданное патриархом в угодье своему здешнему монастырю, называемое

Медное, при реке, именуемой Тверцою.

Встав в пятницу утром, мы проехали еще 30 верст и прибыли в торговый город с цитаделью и укреплениями, по имени Торжок. Здесь также мы были встречены воеводой, духовенством и горожанами с иконами, хлебом, рыбой и напитками. Нас повели в большую каменную церковь тоже в честь Божественного Преображения. Затем мы отправились в принадлежащий патриарху деревянный монастырь, в честь святого Рождества. Близ него есть другой монастырь в честь Введения Владычицы во храм. Оба монастыря за городом. Тут переменили подводы, мы выехали и, сделав еще 70 верст, прибыли в воскресенье в селение, по имени Вышний-Волочек, при реке, называемой Цна, по которой ездят на судах в Новгород. Здесь опять переменили подводы. Проехав еще 25 верст, мы прибыли в чудесное селение с приятным местоположением, по имени Коломна. При нем есть очень большое озеро с островами по средине, покрытыми густым лесом. Селение получило свое название по имени озера; и то и другое составляют угодье монастыря св. Варлаама, о котором расскажем впоследствии.

Встав поутру в понедельник, мы проехали 45 верст и вечером прибыли в деревню, также с большим озером, которую патриарх отдал недавно в угодье своему новому монастырю. Мы выехали из нее во вторник рано поутру, проехали еще 20 верст по очень каменистой местности и наконец прибыли к озеру вышеупомянутого монастыря. Таким образом наше путешествие было совершено с большой поспешностью, чтобы мы могли успеть к монастырскому празднику, то есть к Успению Владычицы, 15 августа.

Путь от Москвы до этого монастыря затруднительное дороги от Путивля и всех (других) дорог в стране московской, потому что весь этот путь представляет леса, овраги, грязь, топь и древесные пни. По этой дороге можно ехать только зимой в морозное время. [Не могу не выразить своего удивления на духовенство этой области и на бедняков, так как они постоянно приходили просит милостыню у нас, к нашему великому мучению: мы и сами прибыли сюда просить у них, а они просят у нас!] У нас сердце разрывалось всего больше при виде того, как мучились животные, несмотря на то, что мы через каждые два дня забирали (свежих) лошадей. Патриарх Никон, зная эту дорогу, велел в прошлом году исправить большую часть ее, потому что экипажи могли проезжать по ней лишь с трудом, вследствие ее узости и густоты лесов: вырубили деревья и расширили путь, употребив большинство срубленных деревьев на мосты. Но от этого дорога стала еще хуже и затруднительное, так как одинаково беспокойно было ехать и в экипажах и верхом, а только для пешеходов стало удобно. По истице, мы поседели от неописуемых мучений и трудностей этой дороги. Мы дивились премудрости Создателя — да будет прославляемо имя Его! — который послал этой стране в изобилии три вещи: лес и дрова по нужде их в этом во время холодов, множество вод: рек и озер, изобилующих рыбой, и зерновые хлеба.

Глава II. Иверский монастырь. Озеро. Встреча в монастыре. Трапезная и убранство ее. Монастырские часы. Служения. Соборная церковь. Дары монастырю от патриарха Никона. Монастырские угодья. Торжество закладки престолов

Возвращаемся (к рассказу). При нашем приближении к монастырскому озеру, выехали к нам на встречу настоятель и старшие монахи со служителями на превосходных лошадях. Мы проехали мимо двух деревень, лежащих на берегу озера, которые патриарх заселил польскими подданными, именно, русскими казаками, дабы они помогали монахам, будучи из их же рода, и отдал в угодье упомянутому монастырю[569]. Нас посадили в большую лодку, и мы поплыли по волнующемуся озеру или, скорее, большому морю. Вода в нем пресная, глубина его более 90 брасс[570]. Его называют на их языке «Святое озеро»[571], так как св. Дева явилась в нем воочию некоему монаху-пустыннику на одном из трех его островов, на котором теперь начали строить монастырь. Окружность озера 50 верст; от монастыря до суши, то есть от среднего острова, где монастырь, до берега, три версты. Все три острова на озере покрыты сосновым и еловым лесом. На среднем острове, на котором теперь приступили к сооружению монастыря, весь лес вырубили, а на других двух островах его рубят и разводят сады. Мы дивились на это благословенное место и его приятное местоположение: поистине, нет ему подобного в мире, и в будущем оно станет примером всем векам. Какой это неприступный монастырь! возле него пресноводное озеро, изобилующее рыбой; лес и дрова по близости, и ни с какой стороны монахам не грозит опасность. Мы потом докончим рассказ о них, а теперь возвратимся к прерванному. Через час мы высадились на берег и подошли к воротам новой стены. Тогда вышел настоятель со священниками и дьяконами в блестящих облачениях и стал пред нашим учителем напротив ворот, которые, вместе с их аркой, были украшены материями, земля же вся была усыпана песком. Открыв уста, он произнес на своем языке, по их обычаю, торжественное приветствие в похвалу нашему владыке патриарху, с выражением чрезвычайного уважения, приличествующего его сану, и весьма глубокомысленное; в нем он привел в пример Господа Христа: как Господь Христос — да будет прославляемо имя Его! — пришел в Иерусалим и освятил те места своим пребыванием, так произошло и теперь..... и привел много других примеров, которые за недосугом не перечисляю. Окончив свою речь, настоятель поклонился и вместе с другими подошел к нашему владыке под благословение. Затем они пошли впереди нас до монастырской площадки и ввели нас в деревянную церковь в честь Успения Владычицы. В ней мы отстояли обедню и вышли только около времени солнечного заката, еще ничего не евши: это у них наибольший почет, как мы потом расскажем. Мы пошли в трапезную, которую украсили всю, как стены, так и сиденья, облачениями армянских и польских священников из превосходной парчи и бархата. Царь прислал патриарху более ста облачений и мантий, принадлежащих армянам [и иезуитам], говоря ему: «делай с ними, что хочешь», так как считал их нечистыми — таково убеждение московитов. Получив их, патриарх не нашел для них лучшего употребления, как украсить ими трапезную этого монастыря и сиденья в церкви. Удивительно, что они даже не сняли с них серебряные пуговицы и крючки! Мы пожалели о них, так как даже идолопоклонники освящаются крещением, и эти материи, если они будут окроплены святой водой, разве не освятятся и не станут годными для церковных облачений? Но таких порядков держатся московиты, несомненно, потому, что у них

изобилие богатств. [Разве мы, в своей стране, не взяли бы парчовых одежд, даже если бы их носили евреи, и не переделали в священнические облачения? разумеется, взяли бы, по их редкости и дороговизне. Дай Бог, чтобы они подарили их нашему владыке патриарху, дабы переделать их в облачения и раздать архиереям и священникам в нашей стране, которые в них столь нуждаются! Но если бы он заговорил с ними об этом и стал просить их, то низко упал бы в их глазах, и они сказали бы: «посмотрите, как мала их вера»! Впрочем, если Богу угодно, да попустит Он, чтобы они разгневались на нас, лишь бы Он обогатил нас через них!]

[Возвращаемся. Затем они начали подавать русские кушанья, обильно приправленные царскими пряностями, и прекрасную рыбу, сваренную в сладких соусах, именно: с медом, сахаром и миндальным молоком. Были также кушанья из начиненных яиц, печеные и жареные, с пряностями и сладкими соками — чудеснейшее кушанье, какого и князья не могут предложить за своим столом. Нечего удивляться этой превосходной стряпне монахов, если принять во внимание, что они научились ей у богатых поляков, столь славящихся превосходством своих великолепных кухонь и мастерским искусством своих поваров.]

Возвращаемся (к рассказу). Вечером, накануне Успения Владычицы, совершили малое повечерие и встали к бдению в два часа ночи[572], когда пробили те благословенные железные часы. Они имеют кругом шесть колокольчиков; когда пройдет четверть часа, они ударяют шесть раз, по одному разу в каждый колокольчик до последнего, отчетливо и с приятным звуком; на получасе бьют 12 раз, на трех четвертях часа 18 раз, а при полном часе 24 раза. Их звуки приводили нас в восхищение: нам хотелось, чтобы они не умолкали — так они приятны! Потом (особый колокол) бьет часы.

Совершили чин освящения хлебов с приятными, сладкими напевами, продолжавшимися до конца утрени. После 4 часов дня мы пошли к обедне. Было совершено водосвятие молебен, а потом пошли к трапезе. Вечером этого дня также отслужили всенощное бдение по случаю празднования иконе Образа на плате (Нерукотворного образа). Затем мы осматривали этот остров, дивясь его превосходному местоположению и чистоте, обозревали большую каменную церковь, которую выстроили в это лето каменщики, которых было более трехсот. Она красивее, обширнее и выше соборной церкви в Москве. Церковь еще не была покрыта крышей. Вокруг нее выкопаны огромные основания для подвалов и хранилищ съестных припасов и напитков, для келий и пр. Теперь у них заготовлено более 500,000 кирпичей для возведения окружной стены. Ризница монастырская в настоящее время деревянная. Царь дал монастырю для охраны двести стрельцов, а патриарх прислал недавно множество ружей, пушек, пороху и броней. Патриарх так восхищается этим монастырем, что выписал для него из франкских земель люстру, т. е. большой полиелей, из желтой меди, величиною с большое дерево, с цветами, птицами и неописуемыми диковинками, ценою в 900 динаров (рублей). Он купил недавно около шестидесяти деревень с крестьянами за 60.000 динаров и пожертвовал их монастырю, сверх многих деревень, принадлежавших патриархии, а также нескольких монастырей-метохов. Говорят, что постройка этого монастыря обойдется ему деньгами более миллиона. Он дал в угодье монастырю 180 рыбных озер, которые, по словам настоятеля, дают, монастырю ежегодного дохода более 20,000 динаров, и 80 соляных озер для добывания соли.

Возвращаемся (к рассказу). Накануне одиннадцатого воскресенья по Пятидесятнице совершили опять всенощное бдение, а рано утром мы служили обедню, после которой вышли крестным ходом с молитвенным пением, пока не подошли к вышеупомянутой новой

церкви, чтобы совершить службу при водружении креста под престолом, прочесть молитвы над основаниями и окропить их. В каждом из трех алтарей была уже выкопана яма, как место для престола, и алтари украшены занавесами и иконами. Когда мы вошли, наш владыка окадил вокруг ямы, вырытой для престола главного алтаря, и назвал его в честь Успения Владычицы, при чем мы пели Ей тропарь. Затем, взяв разведенной извести, он положил ее в яму на подобие креста и бросил один камень; взял новый деревянный крест и водрузил его в яме; это был, именно, крест, на коем написаны имя, дата и имена патриарха и царя, как это положено в Евхологии. Затем он пошел во второй алтарь и то же сделал, назвав его во имя св. Филиппа Нового, митрополита московского. Точно то же сделал в третьем алтаре, назвав его во имя св. Иакова Нового, которого мощи почивают ныне в серебряно-вызолоченной раке в упомянутой церкви. Потом он окропил святой водой жертвенник, прочел евангелие Владычице, и мы вышли из этой церкви и возвратились в ту. Потом пошли к трапезе. Попрощавшись с монахами, мы выехали из монастыря на лодках; все они нас провожали вместе со стрельцами. Певчие пели [а стрельцы все время стреляли из ружей], пока мы не высадились на землю. Мы сели в карету и нас проводили верхами[573].

Глава III. Путь в Новгород. Трудности дороги. Известия о войне. Плавание но реке Мсте и озеру Ильменю

Мы проехали от Иверского монастыря семь верст, направляясь к городу Новгороду, и остановились на ночлег. Как мы раньше упомянули, от монастыря до города около 150 верст. По истине, дорога в Новгород есть дорога в самый ад: никаким языком не опишешь ее тягостей, затруднений и тесноты, как мы расскажем об этом особо. Митрополит, получив известие о нашем прибытии в монастырь, присылал туда разузнать о нас и сделал приготовления к нашему пребыванию в городе. Встав в понедельник утром, мы проехали 33 версты: по дороге видели большие и малые земляные холмы, поросшие большими деревьями, до сих пор нами невиданными от самой нашей страны. В здешних селениях мущины покрывают головы льняными платками. Вследствие обилия дождей у них, зерновой хлеб раскидывают с большим тщанием на деревянных подмостках, чтобы он скорее высох.

Путь от Москвы до Новгорода представляет большой спуск, а к Москве от всех городов Московии идет большой подъем, так как она лежит выше их всех, по этой причине холод и стужа в ней очень сильны. Когда мы находились в пути, к нам приехал гонец от патриарха и царя с письмами от них, в которых они сообщали, что, по святым молитвам нашего владыки, царь завоевал город Вильну, столицу Радзивила. Именно, когда царь подошел к ней, Радзивил послал сказать ему обманным образом, что город сдастся без боя, и все обманывали царя, откладывая со дня на день исполнение обещания, пока не пришел на помощь к жителям Радзивил с сорока тысячами. Он выступил на встречу царю. Последний, распределив свои войска по четырем сторонам города, разбил на голову Радзивила, так что из его войска уцелело, как говорят, не больше двух тысяч, которые с ним бежали Проклятый еще раньше устроил на своем пути мост и под ним положил множество бочек пороха. Перейдя теперь мост, он поджег их, мост сгорел и переход был прерван. Мост находится в пяти верстах от города. Ратники даря избивали и захватывали в плен (неприятелей), пока не дошли до моста, и так как не могли настигнуть Радзивила, то возвратились осаждать город и в тот же день взяли его силой меча. Множество жителей его было избито за то, что они смеялись над царем. Настоятель этого нового монастыря нам рассказывал, что в Вильне более 40.000 русских нашей веры, а в окрестностях города более двадцати деревень с татарским населением. Войско, вступив в город, разграбило там имущество (жителей): золото, серебро, драгоценные камни и (прочие) сокровища, которых не в силах описать ум человеческий — мы впоследствии видели их своими глазами на рынках — так как город этот был весьма богат и с древнейших времен до сих пор не подвергался неприятельскому нашествию. Мы дивились на серебряные пластинки сундуков, замки, гвозди и бляхи карет; дивились на дешевизну пиастров в Москве, вследствие их изобилия, так что цена пиастр-реяла стала менее цепы собачьего пиастра, а динар сделался равен полутора пиастр-реяла или двум львам. Что касается олова, меди и колоколов польских церквей, то, Бог свидетель, их продавали на московских рынках в продолжение целого года. Что же до разного рода часов, редкостей и оружия с украшениями из драгоценных каменьев, то этому счета нет. Пленники отдавались чуть не даром — мы скажем о них чуть позже. Царь велел сломать с дворца Радзивила семь куполов, покрытых золотом, и перевез их в Москву вместе со множеством колонн из красного и разноцветного мрамора, множеством плит и бессчетным числом столов — редкости, до этого времени невиданные московитами. Затем царь укрепил город: вырыл кругом него огромный ров, сделал земляной вал снаружи его каменной стены, а

внутри вывел деревянную стену. Оставив там воеводу с многочисленным войском, он сам направился к городу Варшаве, столице короля ляхов, до которой от Вильны пять дней пути. Он завладел многими крепостями и городами, так что истребил и самую намять о господстве проклятого Радзивила, который бежал к шведскому королю, ища у него безопасности, и там остался. Взятие этого города произошло в последний день июля. Обрати внимание, как скоро дошло до нас оттуда известие: только в пятнадцать дней — а расстояние от Москвы до Вильны составляет тысячу верст; так мы достоверно узнали от купцов, что расстояние от Москвы до Яссы равно расстоянию от Москвы до Вильны. Дальнейшие известия о царе мы сообщим позже.)

Возвращаемся (к рассказу). Вставши во вторник утром, мы проехали 35 верст по неописуемо трудным дорогам, по грязи, топям, под дождем, чрез леса и по бесчисленным деревянным мостам. В среду проехали 27 или 30 верст, всю дорогу по новым мостам. Когда мы переехали на лодках через реку, по имени Ниша (Щлица?), нас встретили шестеро архимандритов от новгородского митрополита с иконами, хлебом и напитками, по их обычаю, кланяясь от его лица и вознося благодарения (Богу) за наше благополучие и здоровье. Затем нас привезли к берегу реки, называемой Мета, которая течет из большого озера, по имени также Мста (Мстино). Слушай же, какие диковинные вещи нам пришлось теперь увидеть! Нас посадили на великолепное судно, присланное от митрополита и воеводы Новгорода, а наших спутников на другое, проплыли на веслах до вечера пять верст и, высадив нас на берег, поместили в шатре. Митрополит, имея в виду наши потребности на эту ночь, прислал нам лодку, нагруженную рыбой, хлебом и бочонками с напитками: с вином, вишневой водой, медом и квасом. Во всю эту ночь шел проливной дождь с сильным ветром и не дал нам вкусить сладость сна.

С раннего утра проплыли с нами 12 верст и привезли нас к весьма древнему каменному монастырю, во имя святителя Николая, находящемуся на острове, который окружен реками и озером. Затем, проплыв еще немного, вошли в озеро, но имени Волхово (Ильмень) — удивление! мы приехали по большой реке, которая вытекает из большого озера и впадает в еще большее. В длину и ширину оно имеет 40 верст и но своей огромной величине, округленности и сильному волнению походить па море. Но оно не везде глубоко: в нем есть короткие мели, на которых наши суда останавливались; при этом стрельцы и гребцы сходили (в воду), чтобы сдвинуть их на глубокое место. Вдали показался Новгород. Кругом озера множество древних каменных монастырей и церквей; говорят, что в древности, по окружности его, их было четыреста и что они сооружены богачами этого города. Большая часть их разрушена и покинута.

Глава IV. Новгород. История Новгорода. Апостол Андрей. Торжественная встреча патриарха в Юрьевом монастыре. Прибытие в Новгород

Город Новгород, па нашем языке мадинет-эль жадидэ (новый город), как говорят, основан Иафетом, сына Ноя; поэтому его строения, как мы это видели, очень древние. Он есть первый город в этой стране, после Киева, принявший христианскую веру чрез ап. Андрея, как об этом написано в их книгах. Рассказывают что, когда ап. Андрей к ним пришел и проповедовал, они, озлобившись, собрались на него и посадили его в очень горячую баню, нагретую до крайней степени, а затем стали лить сверху холодную воду: от плит поднимался пар, жар усилился, а также и потение святого, и он воскликнул по-гречески: «ἄ ἴδρωσα» т. е. «ах! я вспотел»; отсюда и произошло название этой страны «Россия». Тогда его вывели, стали почитать и уверовали чрез него. Посему жители этого города славятся пред всеми жителями страны московской своею великою набожностью и тем, что они издревле утвердились в вере, и они смеются над московитянами за то, что те уверовали позже них. С того времени до сих пор они не изменяли вере. Московские князья, когда еще были неверующими, постоянно ходили войной на них, как мы о том вскоре расскажем. По указанной причине и церковь св. Софии в этом городе точь-в-точь как настоящая и древнее чем такая же в Киеве.

Что касается св. ап. Андрея, то, когда он окрестил всех и они уверовали, он отправился в город Псков, отстоящий от этого города на столько же, на сколько новый монастырь патриарха, проповедовал жителям его, и они также уверовали. Он рукоположил для Новгорода митрополита, а для Пскова архиепископа. Так они рассказывают в своей истории. Говорят, что московитяне после уверовали, но скоро вернулись к своему неверию, а посему митрополит этого города выше всех митрополитов. Затем апостол возвратился в Киев, а оттуда в Синоп, где и скончался мучеником.

Возвращаемся (к рассказу). Наше путешествие по этому прекрасному и огромному озеру продолжалось на три версты. В конце его есть большая, широкая река, составляющая его исток, и город расположен на обоих берегах ее. Говорят, что она течет и впадает в озеро, имеющее в окружности тысячу миль, а оттуда течет в море океан, которое отстоит от этого города дня на четыре пути. Оттуда приходит к нему много франкских кораблей, так как этот город вместе с Псковом находится на границе со шведской землей. Отсюда вывозят, с дозволения царя, зерновой хлеб, потому что земля шведов камениста, и все припасы идут к ним из этих двух городов.

Возвращаемся (к рассказу). Мы подъехали к большому монастырю, во имя св. Георгия, отстоящему от города на три версты. Здесь вышел на встречу нашему владыке патриарху митрополит города со всеми настоятелями монастырей, священниками и дьяконами в облачениях, с воеводой, его приближенными, городского знатью и войском. Они встретили нас большим крестным ходом, дойдя до берега реки, высадили нашего учителя из судна с большим почетом и повели нас в монастырь и в церковь. После того как он приложился к иконам и благословил присутствующих, мы вышли из церкви, и нас опять посадили в судно и поплыли с нами в город, так как нас ждали к обедне — знак наибольшего почета у них.

У нас сердце радовалось этому величественному плаванию по прекрасной реке, виду монастырей справа и слева и ловли рыбы с обеих сторон реки, которые производятся большими морскими сетями: их забрасывали с лодок и вытаскивали без всякого труда

машинами с колесами, так как эта река весьма велика, да и как же иначе, если она составляет исток такого огромного озера, в которое, как говорят, впадают и изливаются 170 рек? Всего удивительнее вот что: как суда московитов все делаются совершенно без железных гвоздей, но целиком из дерева (сплоченного) деревом, так и в этой земле суда не сбиты деревянными гвоздями, а сшиты веревками из липовой коры, как шьют шелковые и иные одежды — искусство, поражающее ум изумлением. Хвала Богу!

Возвращаемся (к рассказу) Когда мы приблизились к городу, нас провезли на судах под огромным деревянным мостом, перекинутым через реку, так как Новгород, как мы сказали, состоит из двух городов: слева каменный, а справа деревянный, и между ними мост. Нас высадили из судна; войско стояло рядами справа и слева и собрались все жители города. Нас повели на мост, причем митрополит поддерживал нашего учителя с правой стороны, а воевода с левой. Мы вошли в городские ворота и пришли в церковь Св. Софии, где нас ждали к обедне. Помолившись и приложившись к иконам, наш владыка стал на митрополичьем месте. Подошел митрополит и, взяв кирон[574], вошел в алтарь и облачился вместе с четырьмя настоятелями монастырей, которые надели митры, а также с многочисленными священниками и дьяконами. Выйдя (из алтаря) и став в нарфексе, совершили молебен за царя. В конце его, архидьякон взошел на амвон и прочел радостное письмо царя с известием, что он разбил Радзивила и взял город Вильну и просить их помолиться за него Богу. Все возблагодарили Бога и испрашивали у Него постоянных побед для царя. Начали обедню, от которой мы вышли лишь перед закатом солнца — а мы еще ничего не ели, были измучены усталостью и качкой судна на воде. Наконец [по милости Божией], нас повели в трапезную, [где митрополит собрал большое общество, среди которого был воевода со своими дворянами. Тут было выпито много вина, и нам подавали свежие лимоны, привезенные из Швеции]. Нас поместили в обширных великолепных кельях, которые построил патриарх Никон в бытность свою митрополитом этого города. По обыкновению, встали в полночь к службе, а рано утром опять совершили молебствие за царя перед обедней. Ежедневно выходили от обедни лишь за полдень, что было с их стороны знаком великого уважения к нам.

Глава V. Новгород. Описание Софийского собора

В субботу, рано поутру, мы отправились с митрополитом поклониться церкви святой Софии. Вот ее описание. Она точь-в-точь как церковь св. Софии в Киеве; также имеет наверху галереи, но очень стара и обветшала от долгого времени. Она имеет огромную чудесную дверь с двумя створками, из желтой меди; на двери изображены фигуры людей, господские праздники и тому подобные тонкости искусства. Рассказывают, что правитель этого города, которому издревле дают титул князя, около 700 лет тому назад, ходил постоянно войной на страну сербов и греков; а другие говорят, что то был хакан, царь татарский, осаждавший Константинополь с бесчисленным войском; он ходил в Кафу, которую они называют на своем языке Карсуна, т.е. Херсон, как ее имя по-гречески, взял и разрушил ее и вывез оттуда эту дверь и другие вещи вместе с большими древними благолепными иконами греческими, которые целы до настоящего времени.

Внутри этой церкви очень мрачно, так как при ее величине, высоте и сложности постройки в ней мало света. Она имеет шесть алтарей, из которых большая часть в честь их святых; имеет пять величественных куполов, из которых средний позолочен, и несколько дверей[575]. В правом углу ее есть место на подобие гроба Господа Христа в Иерусалиме, покрытое пеленами, где постоянно горят (лампады) и свечи. Внутри за южными дверями гроб-саркофаг из чудесного красного мрамора, на подобие мяса со слоями сала — удивительно, откуда они его добыли! Мы приложились к мощам святого, который в нем покоится, до сих пор оставаясь в неизменном виде. Это один из сыновей царя Владимира равноапостольного[576]. Рассказывают, что, после того как он скончался и был здесь погребен, его сын, неверующий и отступник, пришел к этому его гробу и, ударив мечом по одному углу его, сделал надрез, и тотчас святой явил чудо, а именно: поднял правую руку и положил ее на свое лицо, как бы для того, чтобы защититься от удара, и — о чудо! — рука осталась в этом положении до сих пор. [В южном приделе есть другая рака с мощами св. Иоанна, древнего митрополита этого города; в честь его справляют великий праздник][577]. В северном углу церкви есть маленькая часовня, где находится саркофаг, в котором покоится тело св. Никиты, также митрополита этого города[578], он совсем без бороды. В их синаксаре о нем рассказывается, что он засадил дьявола в кувшин и запечатал; когда же тот просил освободить его, святой отпустил его лишь на таком условии, а именно: сел на него верхом и отправился в Иерусалим, в одну ночь поклонился святым местам и возвратился на нем же. Это хорошо известно. Все эти святые совершают чудеса до сих пор.

Возвращаемся (к описанию). Пол в этой церкви весь состоит из огромных плит, твердых и тонких, толщиною только в два пальца[579]. Ломки находятся в этом городе; камень добывают слоями, н каждый кусок может покрыть пол большой комнаты, подобно ковру. Поэтому плиты церкви в Троицком монастыре, как мы сказали, взяты отсюда. Пол в алтарях весь мраморный. Кафедра (горнее место) со своими ступенями — из чудесной дорогой мозаики, сделанной из эмалевого камня, из которого золотых дел мастера изготовляют разного рода и цвета превосходную эмаль. Точно также (выложен мозаикой) перед царскими вратами в хоросе, под большим куполом, на длину роста, амвон со ступеньками, назначенный для возглашения ектеньи, чтения Евангелия и Апостола; на нем же архиерей совершает отпуст[580].

Иконы в этой церкви весьма благолепны. Среди них есть икона Господа Христа на престоле, в серебряном окладе, с ясными евангельскими письменами на греческом языке;

еще икона Петра и Павла, большая, благолепная, в серебряно-вызолоченном окладе чеканной работы, с черным выжженным фоном (чернетью). Это та самая икона, о которой мы сказали, что ее привезли из Херсона[581]. Есть также новые благолепные иконы, сооруженные патриархом Никоном, в бытность его митрополитом; они поражают ум своим прекрасным исполнением.

Подъем на верхнюю галерею этой церкви весьма широк, так что по нему может въехать, если угодно, нагруженная арба, запряженная лошадьми. В церкви есть обширные царские крипты, поражающие удивлением; здесь скрыт алтарь во имя свв. Гурия, Самона и Авива. Словом, отделения этой церкви в верху и в низу безсчетны.

Когда мы вышли на крышу и приблизились к куполам, нам открылся вид на весь город, вследствие высоты церкви.

Глава VI. Новгород. Значении его. Власть новгородского митрополита. Посещение монастырей. Антониев монастырь. Сырков монастырь и крестный ход. Вяжицкий монастырь

Архиерейский дом очень велик, обширен, древен и великолепен и большею частью каменный. До сих пор остаются в нем кельи тех святых митрополитов, о которых мы упомянули. Патриарх Никон воздвиг нынче несколько зданий с железными часами. Этот каменный город заключает внутри себя только церкви, архиерейский дом и жилища воеводы и войска. Он менее Коломны, но имя его издревле громкое: московиты называют его на своем языке Фелика Новогради, т.е. великий Новый город. В нынешнем году из округов этого города и Пскова вышло, как мы сказали раньше, 120.000 ратников на помощь царю. В нем много богатых людей: мы видели, что один из них ссудил царю в помощь 200.000 динаров. Воевода этого города важнее всех воевод в этой стране: когда он бывает у царя, то садится выше всех.

Что касается власти митрополита, то, как нам теперь сообщили, она охватывает пространство более чем в 2.000 верст. Под его властью состоять Архангельский и Соловецкий монастыри. Говорят, что в его подчинении 400 благоустроенных монастырей и 2.000 священников, которые с самого бедного, получает в год один динар. Он владеет семьюдесятью рыбными озерами, не считая угодий, деревень и земель от государства. У него есть служители, писцы, ратники, дьяконы большие и малые (анагносты), священники, монахи и портные — всего триста человек, которым содержание и расходы на пищу и одежду идут от него. У него есть управляющие, поверенные и судьи в его диване (приказе), которые важные дела докладывают ему. Он имеет казначеев для своих казнохранилищ. Словом, митрополит больше воеводы. В нынешнем году он послал на помощь царю триста ратников.

Возвращаемся (к рассказу). После того как мы приложились к иконам и мощам святых в этот день, субботу, митрополит повез нас в большие монастыри, вокруг этого города находящиеся. Нас посадили на судно. Мы проехали около двух верст и пошли в монастырь, называемый монастырем Антониос Римска, то есть Атония Великого, который прибыл из Рима[582]. Этот святой жил во времена иконоборческой ереси. Родина его Рим; он был из богатого дома, пошел в монахи и сделался настоятелем в одном из монастырей города Рима. По смерти своих родителей, собрав все оставленное ими имущество: золото, серебро, драгоценные каменья, отдал его в монастырь. Когда клевреты иконоборцев явились в его монастырь, чтобы отнять святые иконы, он, получив внушение через божественное видение, сложил всю монастырскую утварь в бочку, запечатал ее и бросил в море-океан. Сам же сел на скалу дикого камня крепкой породы, похожую на лодку, и поплыл по морю. Ведомый Богом, вошел в эту реку Новгорода, которая, как мы сказали, впадает в море. Он продолжал плыть на этом камне, как будто на деревянной лодке, пока не достиг места, где стоит этот монастырь. Правителем, то есть князем, города был в то время христианин, который, узнав о происшедшем, пришел к Антонию и заговорил с ним, но тот. не мог ему отвечать по незнанию русского языка, так как язык жителей Рима франкский или греческий. Знаками он передал им свою историю. Тогда позвали св. Никиту, митрополита этого города, о котором мы выше упомянули. Он пришел, свиделся с Антонием и, не зная его языка, стал молить Бога сделать с ним подобное тому, что сделал св. Василий Великий с праведным Ефремом, и Творец даровал каждому из них знание языка. Святому Антонию

отдали место, где стоит теперь этот монастырь, для сооружения обители, и он начал ее строить. Потом он позвал рыбаков, чтобы они выловили для и его из реки вышеупомянутую бочку, и они выловили ее сетями вместе с рыбой. Но так как они не захотели отдать ее святому, то он пошел к правителю города и рассказал в точности об этом деле. Правитель призвал рыбаков, и святой перечислил по-одиночке все заключавшееся в бочке. Когда ее вскрыли, нашли, как он сказал, и изумились. Святой окончил строительство этого монастыря своими руками.

Возвращаемся (к рассказу). Когда мы вышли из судна на землю, нас встретил архимандрит монастыря в иерейском облачении и митре с прочими отцами и дьяконами, и они ввели пас в великую (соборную) церковь, в честь Рождества Богородицы. Нас ожидали к обедне и отслужили ее в нашем присутствии. [С архимандритом было много белого духовенства, над которым он главенствовал, по обычаю этой страны. После Достойно он вошел (в алтарь) и воссел на горнем месте, на подобие епископа. Значение слова «архимандрит» есть настоятель монастыря; он причащает св. Даров из чаши и только он надевает палицу и никто другой[583]. После обедни он вышел с ними в нарфекс и стал во главе их, и] они отслужили царский молебен. Прочли девятый час и совершили отпуст. Тогда мы обошли церковь и приложились к её иконам. В ней есть древняя великолепная греческая икона Владычицы, одна из тех икон, которые, как мы сказали выше, привез из Херсона новгородский князь вместе с дверями этой церкви, которые похожи на двери церкви св. Софии: они из чудесной желтой меди, с разными фигурами и изображениями господских праздников; но меньше древних дверей, так как были поставлены позднее. Тело упомянутого св. Антония положено, со всяким почтением и благочинием, в чудесной раке, обитой позолоченным серебром. Над ним много великолепных икон с серебром и золотом и в тройном подсвечнике пучок пальмовых ветвей, нижняя часть которых в серебряной оправе; говорят, что святой привез его с собой из Рима; они до сих пор остаются зелеными. В этой церкви несчетное число редкостей, сокровищ, подсвечников и икон серебряно-вызолоченных с драгоценными камнями, так как все жители этой страны имеют большую веру к святому и очень его почитают, великолепно украшают его иконы и празднуют ему несколько раз в году. Приложившись к его святым мощам, мы вышли за церковь, туда, куда выходит задняя сторона его могилы, и вошли в келью, где находится тот самый камень, на котором святой прибыл из Рима. При виде его, приходишь в трепет и, стоя перед ним, проливаешь слезы. Он похож на маленькую лодку, округло-продолговат, нижняя сторона его закруглена как у настоящей лодки, а верхняя расширена. На камне образ святого, к которому мы приложились. Затем мы возвратились в церковь и прикладывались к некоторым вещам, которые находились в бочке святого, именно: к потиру, дискосу, звездице и лжице, украшенным драгоценными камнями. На лжице обозначена дата на франкском языке: ей более 500 лет.

В этом монастыре есть еще четыре церкви: первая — в трапезе во имя св. Антония Великого; остальные: в честь Сретения Христова, св. Иоанна Крестителя и св. Николая.

Из церкви мы пошли к трапезе. После того как выпили кубки за здравие царя, патриарха и нашего учителя, поднесли подарки, благословение от монастыря: нашему учителю икону св. Антония в золотом окладе и милостыню, а нам, по числу нашему, милостыню в бумажках, как у них принято. Тогда мы встали, простились с ними и вышли из монастыря.

Сев опять на судно, переехали через реку и вышли на берег. Нашего владыку патриарха посадили в карету. Проехали одну версту и прибыли в монастырь в честь Успения Владычицы[584]. В нем есть икона св. Марии Египетской, кругом которой написано все

житие её с начала до конца. Приложившись к ней, мы тотчас вышли и, проехав еще шесть верст, прибыли вечером в монастырь во имя Владычицы Одигитрии, то есть Тройное Путеводительство[585]. Нас встретили, ввели в церковь и начали малое повечерие, так как в этот вечер у них пришелся храмовой праздник, и большинство жителей этого города, мужчины, женщины и дети, присутствовали в монастыре. Нам рассказывали, что когда Тамерлан, которого они на своем языке называют Темир-аксак, под конец своей жизни, пришел в эту страну с войском, многочисленным как песок, воевать с князьями московитов, которые в то время были весьма слабы, то московский князь с большим трудом собрал войско в числе не более ста тысяч, и когда вступил в жестокую битву, то помощью этого святого (Антония), Матери Божией Путеводительницы и заступлением св. Николая, Бог даровал ему победу над врагами, которые все были истреблены, так как неверных покрыла тьманапало на них помрачение, и они начали убивать друг друга; христиане же имели на своей стороне свет и день и перебили своих врагов. По этой причине московский князь велел построить этот монастырь и другие во имя Владычицы Одигитрии, так как Она избавила их, и потому они совершают Её память с большим торжеством ежегодно в этот день, то есть 25 августа[586]. Из города Новгорода выходит митрополит с настоятелями монастырей, со всеми священниками и дьяконами этого округа[587], после того как последние отслужат в своих церквах обедню рано поутру, равно со всеми жителями округа, женщинами, вельможами и детьми, направляясь большим крестным ходом пешком к этому монастырю, и слушают в нем обедню с водосвятием и молебствием, в полной радости и ликовании. Большинство приходит с вечера.

В этот день встали к обедне в полночь, и мы вышли от утрени только на заре. В четвертом часу[588] начался звон в колокола для встречи крестного хода, идущего из города, от которого до монастыря четыре версты, и — о, удивление! — все пришли пешком. Когда они приблизились к монастырю, вышел митрополит со священниками и наш учитель с сербским архиепископом в облачениях для встречи крестного хода за вратами монастыря. По причине большого стечения народа, церковь не могла всех вместить, хотя она очень велика. Это огромная, высокая церковь романского стиля, с двумя колоннами в средине и с тремя дверьми. Пол её выстлан четырехугольными плитами, похожими на твердый мрамор, весьма больших размеров, около 5—6 локтей каждая, тонкими и весьма красивыми. Мы уже говорили, что в этой местности есть гора из камня, похожего на кремень. Этот монастырь составляет метох(подворье) другого большого монастыря, во имя св. Николая, который находится от него в пяти верстах[589].

Когда мы вышли от обедни в это воскресенье, смотри, что с нами случилось: нас повезли в тот монастырь на обед, а не на ужин, мы же доехали только к вечеру под проливным дождем. Встретив нас, повели сначала в церковь св. Николая, которая очень высока, с лестницами кругом, потому что построена на сводах. Близ неё церковь в честь Благовещения; а третья церковь во имя Евфимия Великого, где находится рака с мощами св. Евфимия Нового, митрополита новгородского. Говорят, что он построил этот монастырь и впоследствии, оставив власть, поселился в нем и вел строгоподвижническую жизнь. Мы приложились к его телу, которое до сего времени остается нетленным, и к его поясу, состоящему из железной цепи, которой он опоясывался, и вышли. За стол мы сели только после десятого часа, не евши ничего с восьми часов предшествующего дня, так как ужинали в том монастыре и приехали сегодня обедать в этот. [Нам оказали величайшее радушие, и мы ели превосходный зеленый горошек за их столом]. После обеда подарили нашему владыке патриарху икону св. Николая со стоящим против него святым Евфимием,

упомянутым митрополитом новгородским, так как он причислен к лику святых и имеет службу и празднование памяти; а также серебряную чашу, кусок камки и милостыню. Также и нам всем раздали иконы без серебряных окладов и милостыню в бумажках.

В понедельник утром мы слушали обедню и были за трапезой. Монахи простились с нами и мы сели в лодку. Нас повезли назад, при чем, проезжая мимо монастыря, где накануне стояли обедню, мы приложились опять. Проехав десять с половиною верст, вечером прибыли в метох(подворье?) с палатами, принадлежащий митрополии. Их построил патриарх Никон, когда был митрополитом, вместе с красивою деревянною церковью. Здесь митрополит предложил нам трапезу.

Глава VII. Новгород. Хутынский Варлаамиев монастырь. Возвращение в Новгород. Свято-духов монастырь. Знаменский собор.

Во вторник, рано утром, нас посадили на судно на упомянутой реке, проехали с нами четыре версты и привезли в монастырь св. Варлаама, известный на их языке под именем Хутынский[590] *. Это монастырь очень большой, красивый, радующий душу, высокий, в прекрасном местоположении на возвышенности, при реке, которая течет перед ним и которая шире и глубже египетского Нила. По истине, жизнь монахов в этих монастырях весьма приятна, вследствие обилия воды и разного рода рыбы, которую ловят без труда, при помощи воротов, с обеих сторон реки, посредством особых приспособлений. Подлинно, наши сердца наслаждались в этом благодатном путешествии. Скажу еще: «да увеличивает Бог твое процветание, о город Новгород, до скончания веков, за избыток твоих удовольствий, твоих вод, рыбы, прекрасное местоположение, твою почву и приятность твоих монастырей, которые, поистине, не имеют себе подобных па земле!»*

Возвращаемся (к рассказу). Когда мы высадились, нас встретил, также вне монастыря, архимандрит в митре с прочими иереями и дьяконами и повел в великую церковь (собор), которая восхищает взор и сердце своей высотой, обширностью и великолепием, своими большими окнами и красивыми плитами пола. Она в честь божественного Преображения. В ней находятся мощи св. Варлаама Нового, который основал этот монастырь во дни святого Сергия, строителя великого Троицкого монастыря. Ему составлено большое служение, но житие его слишком длинно для пересказа. Московиты очень его почитают и имеют к нему великую веру, а потому стремятся на поклонение в этот монастырь из отдаленнейших областей. Монастырь весьма богат: в этой стороне нет монастыря, который мог бы сравниться с ним обилием богатств и угодий, так как ему принадлежит более 2000 семейств земледельцев и вокруг него большое селение с обширной площадью. Здание монастыря громадно. В нем свыше ста монахов, большая часть которых славятся своею добродетелью и святостью: мы видели собственными глазами, что некоторые из них носят на теле, по сорок лет, железные пояса из цепей; свои рубахи и платья они не меняют, пока те совершенно не истлеют на них. О удивление! мы обоняли от них запах подобный мускусу. Как они счастливы, блаженны и благополучны! Бог да сделает нас соучастниками их! Благодарим Всевышнего, который удостоил нас зреть в наши дни таких святых.

В монастырях московской земли, а особенно в монастырях этой местности, более всего тщеславятся великолепием, величиной и обширностью помещения трапезных, которые бывают просторные, высокие, каменные; под ними кухни, чтобы они зимой были теплые и согретые. В каждом из этих монастырей есть железные часы и в каждом помещении трапезной церкви. Трапезная церковь этого монастыря — в честь Благовещения. Колокольня очень велика, прекраснейшей архитектуры: снизу она восьмиугольная, очень широкая, с восемью балконами наверху; под каждым балконом с наружной стороны комнатка, а над ними, в средине колокольни, красивая церковка во имя св. Григория, епископа Армении, где имеется его икона со всем его житием, а также икона Косьмы и Дамиана и матери их Феодосии между ними со всем их житием; над этой церковью восемь арок, суженных и высоких, где висят колокола; над каждой аркой по две двускатных кровли; надо всем, купол, под которым железные часы. Над главными

воротами монастыря есть также красивая церковка во имя св. пророка Илии.

Возвращаемся (к рассказу). В этом монастыре есть больница для больных и немощных старцев-монахов. Мощи св. Варлаама покоятся в серебряно-вызолоченной раке. Отстояв обедню, мы приложились к ним, и нас повели к трапезе. Таким порядком шла наша жизнь ежедневно при посещении этих монастырей: именно, кроме однократной трапезы при закате солнца мы ничего не ели — в этом у них выражалось наибольшее уважение к нам. После трапезы поднесли дары нашему владыке патриарху: икону св. Варлаама в золотом окладе, серебряно-вызолоченную чашу, кусок атласа и кусок камки, а всем нам по иконе св. Варлаама и милостыню.

Накануне 29 августа было совершено бдение в полночь по случаю памяти Усекновения главы св. Иоанна Крестителя. От обедни мы вышли только после девятого часа[591]. После трапезы мы простились с монахами, сели в свою лодку, проехали три версты по направлению к городу и к вечеру прибыли в красивый монастырь в честь Воскресения[592]. Рассказывают, что св. Антоний, прибыв из Рима, высадился здесь на берег и прошел туда, где построил свой монастырь в необитаемом месте. Мы ночевали в монастыре. В четверг утром проехали по реке еще три версты и прибыли в город, ведь от монастыря св. Варлаама до города расстояние семь верст по реке.

Когда мы приблизились к земляному валу, нас высадили, и наш владыка патриарх сел в карету, там приготовленную, а для нас приготовили лошадей. Мы приехали в Монастырь , что близ городской стены, во имя св. Духа[593]. В нем три церкви: великая (собор) — в честь Пятидесятницы и Троицы, вторая — во имя св. Духа, третья — во имя Иоакима и Анны. В одной из них мы отстояли обедню. Настоятель этого монастыря — четвертый архимандрит. По окончании обедни, нас повели к трапезе, и после того как были выпиты здравицы за царя, патриарха и нашего учителя, как было в других монастырях, раздали подарки. Мы простились и приехали в митрополичьи келии, где были помещения.

В пятницу утром, последний день августа месяца, нас повели на поклонение в церковь в честь праздника иконы Владычицы Платитера (Пространнее небес), похожей на икону Влахернскую. Эта икона есть та самая, которая избавила город Новгород от жестокости московских князей и называется по-русски Знамения Богородицы. В то время когда жители этого города уже веровали (во Христа), а жители всей страны московской были еще неверными, последние постоянно ходили на первых войной и наконец собрались против Новгорода все князья страны московской с огромным войском и пришли воевать с ними. Когда жители находились в тесной осаде, митрополит этого города, как это было в Константинополе, когда (совершила чудо) Влахернская икона, вышел и сделал как патриарх константинопольский: обошел с упомянутой иконой Владычицы кругом городских стен большим крестным ходом и — о чудо! — Она повернулась лицом к городу, а тылом к врагам, которые его осаждали; на них напал великий гнев и они вернулись в самом несчастном положении, посрамленными и бегущими. Тогда жители Новгорода установили празднование этой иконе ежегодно 27 ноября, и не только они празднуют ее, но и все жители страны московской.

Мы отстояли обедню в этой церкви[594]. В ней пол из плит, удивительных в высшей степени: от дверей алтаря до хороса одна плита, а от хороса до дверей церкви такая же другая.

Глава VIII. Новгород. Торжество новолетия. Отъезд из Новгорода. Остановка в Юрьевом монастыре и описание его

На кануне 1-го сентября, начала 7164 года от сотв. мира, зазвонили в колокола в свое время по случаю торжественного празднования памяти св. Симеона Столпника, начала года и многолетие царю, и совершили малое повечерие. [Среди ночи встали при звоне колоколов. Начали пение вечерних псалмов. При Входе, настоятели монастырей облачились, по обычаю. Главным, который первенствовал над всеми ними, был архимандрит монастыря св. Варлаама; вторым был архимандрит монастыря св. Николая; третьим — архимандрит монастыря св. Антония; четвертым — архимандрит монастыря Святодухова. Эти четверо надевают митры, наравне с патриархом и митрополитом, и дают благословение, как епископы. При каждом из них два дьякона, которые постоянно поддерживают их под руки, как епископов. Когда они вышли на Вход, архимандрит св. Варлаама стоял в средине, а остальные вокруг него. Затем поставили пять хлебов, очень маленьких, в сосуде, вроде серебряного подсвечника, чрезвычайно красивом, и вокруг него поставили сосуды с вином и елеем. При Полиелее, митрополит с архимандритами облачились, как выше сказано, и поставили по средине годовую икону. Затем он сошел и окадил ее, также как и церковь, по обычаю. После этого наш владыка патриарх подошел и первый приложился к иконе; остальные последовали за ним. Когда пробило три часа дня, зазвонили в большие колокола. При входе нашем в церковь, певчие пропели многолетие нашему владыке патриарху, как всегда это делали. Мы облачили его в полное архиерейское облачение и пр.[595], так как в этот день у них бывает большое торжество, с совершением многолетия царю. Когда мы вышли из алтаря[596], положили под ноги нашему владыке патриарху, сербскому архиепископу и митрополиту три кружка с орлами (орлецы), на которые они стали, лицом к востоку, согласно всегдашнему обычаю архиереев в этой стране. После того, как наш владыка патриарх сказал возглас, мы вышли на площадку перед церковью, где были расставлены рядами скамьи и кресла и стояли стрельцы, составляя большой круг; в средине поставили аналой, на который положили Евангелие и крест. Духовенство разместилось вокруг аналоя, обратив иконы лицом к западу; подле поставили столик с водосвятною чашей. Нашего владыку патриарха поместили на высоком тропе во главе этого круга, при чем он был обращен лицом к востоку, а воевода города стоял справа от него. Архиепископ сербский с одною половиною архимандритов и духовенства стал по правую его руку, а митрополит с остальными архимандритами и духовенством поместился по левую руку; вся эта площадка была устлана коврами. При конце канона подали нашему учителю крест; он поднял его в руках и, согласно с их обычаем, движением его изобразил знамение креста по три раза на все четыре стороны, между тем как я, став перед ним, кадил ему, возглашая: «Господу помолимся». Затем принесли ему таз и кувшин; он умыл себе руки, сошел к водосвятной чаше и окадил ее. В это время священники стояли вокруг него и читали канон водосвятия, Апостол, Евангелие и молитвы. Тогда он взял крест и погрузил его в воду, поя: «Спаси, Господи, люди Твоя» и пр., трижды, и певчие, в ответ, пропели то же. Воду, стекавшую с креста, мы собирали в серебряный сосуд; к ней он прибавил воды из большой чаши, и когда ему подали губку, он погрузил ее в воду, пошел и отер ею лики икон и крест, вернулся и, выжав ее в воду, возвратился на свое место]. Затем подали сербскому архиепископу книгу, в которой есть молитва за царя, и он прочел ее, при чем перечислил города и владения царя по одиночке — это и составляет многолетие; прочел молитву за царицу, её сына, дочерей и сестер царя,

называя их поименно. Такое торжество и ликование в этот день происходят по случаю этого моления за царя.

Тогда выступил воевода, одетый в великолепную парчовую одежду с приподнятым сзади воротником, который был весь унизан драгоценным жемчугом, величиною с горох, и драгоценными камнями; шнуры на груди были еще ценнее (воротника). Подойдя к нашему владыке патриарху, он наклонился и выразил царю благожелания, говоря: «я раб царя славнейшего и достохвального», и много славил его, называя его титул и имя, и продолжал «я раб царицы» и славил со, называя её имя; «я раб их сына, царя, сына царя» и прославлял его также; «я раб сестер царя и дочерей его». Эти слова выходили из его уст как похвальная речь. Затем он испрашивал для них у Бога долгой жизни и многих лет и высказал им поздравление с наступлением нового благословенного года и много других пожеланий и похвал. Потом выразил благожелания нашему учителю, поздравил его с новым годом и поклонился ему, и то же сделал, обратившись к архиепископу сербскому и митрополиту.

Равным образом выступил сербский архиепископ и произнес многолетие, а также митрополит. После них подошли архимандриты и сделали то же. Затем все присутствующие начали поздравлять друг друга с новым годом, так как в этой стране день (новолетия) весьма велик, больше Пасхи. Все были одеты в лучшие свои платья, особенно женщины, и именно, по случаю нового года и по любви их к св. Симеону. Если бы царь находился в Москве, то сделал бы так же, как этот воевода. Так поступают и все воеводы в этой стране вместе с духовенством: описанным образом совершают в этот день моление за царя с многолетием.

Возвращаемся (к рассказу). Наш учитель окропил святой водой воеводу и прочих вельмож. [Затем мы вернулись в церковь. Начали часы и обедню. Митрополит в это время надел на себя панагию, так как митрополиты в этой стране, обыкновенно, не надевают панагии поверх облачения во всякое время, но никогда не снимают её при обычной одежде]. Когда наш учитель воссел на горнем месте, подвели к нему трех архимандритов, и он прочел над их головою молитву, даруя им власть, а именно: вручив им две зажженные свечи, дал дозволение, чтобы во время обедни постирали для них ковер и чтобы за ними шли с рипидами, когда они несут потир, — такое преимущество дает только патриарх и оно высоко ценится. Во время литургии дьяконы несли серебряное изображение Сионской церкви и храма Воскресения, [а священники подвое плащаницу на головах. Певчие пели чрезвычайно протяжно]. У них есть обычай, что анагносты в стихарях поют ответы на литургийные возгласы вне алтаря, а иподьяконы причастный стих на амвоне. Сильно мы скорбели, видя труды анагностов: их долгое стояние на ногах днем и ночью и усердную их службу, так как архиереи в этой стране, когда они стоят на своих архиерейских местах, не имеют обыкновения, как мы уже говорили, держать посох в руке; его держит один из анагностов, стоя рядом с архиереем от начала службы до конца: иногда они меняются.

Возвращаемся (к рассказу). В этот день мы вышли от обедни не раньше девятого часа, и (во все это время) народ стоял на ногах. Какое терпение и какая выносливость! Несомненно, что все эти люди святые: они превзошли подвижников в пустынях. Мы же вышли измученные усталостью, стоянием на ногах и голодом.

[После обеда зазвонили в колокола и пошли опять в церковь к вечерне.

На другой день митрополит также совершил обедню, в сослужении со всем духовенством города, и отслужил царский молебен, так что мы вышли из церкви и сели за стол не ранее девятого часа, именно таков у них порядок, и мы ни разу, во все время как пробыли у них, ни один день не нарушали своего поста ранее девятого часа.]

В понедельник, 3 сентября, поздним утром, мы простились с церковью святой Софии и

сели на судно. Митрополит и воевода нас провожали. Мы возвратились в монастырь св. Георгия, где нас встретили в первый раз. Перед этим, митрополит подарил нашему учителю большую позолоченную чашу и роздал всем им, на имя каждого, по иконе и милостыню. То же сделал и воевода при нашем приезде и при отъезде.

Возвращаемся (к рассказу). Монастырь св. Георгия[597] *величественный, красивый, и церковь его — великолепная, большая, просторная, радующая душу. Наверху ее κατηχούμενα (хоры) с двумя церквами: одна — во имя Св. Духа, другая — Благовещения. Отсюда мы поднялись на верх церкви и на крышу, откуда открывается вид на все окрестности. Купол ее громадный. Когда мы отстояли в ней обедню, нас повели в трапезную, которая превосходит все трапезные в этих монастырях своею красотой, обширными размерами и веселым видом.*

Вечером нас пригласил в один из своих поместий на той стороне реки тот самый купец, о котором мы раньше говорили, что он ссудил царю огромную сумму денег. Мы сели на судно вместе с митрополитом и воеводой. Купец принял нас с великим почетом и повел в свою церковь в честь Благовещения, где есть греческая икона Владычицы, привезенная, как говорят, из Херсонеса. Тут мы отстояли вечерню и затем поднялись в его жилище, украшенное разнообразными серебряно-вызолоченными кубками, чашами и пр. Он угощал нас красным вином превосходного цвета [и предложил нам разного рода сладкие кушанья, дыни и пр.] Затем мы возвратились в монастырь, где на другой день отстояли обедню.

Глава IX. Обратный» путь в Москву. Прощальный обед в имении митрополита. Остановка в Иверском монастыре. Тверь и монастырь св. Арсения Тверского. Волга. Встреча с патриархом Никоном

С раннего утра мы отправили своих спутников с вещами на судно. После завтрака мы простились с монахами и проплыли, в сопровождении митрополита и городской знати, около 20 верст по реке, жалея о разлуке с этою благословенною страной, с многочисленными великолепными церквами и монастырями по берегам ее озера, в которое впадает множество рек. Бог да продлит ее процветание до дня страшного суда и воскресения! Ибо она превосходит все страны не только Московии, но и всего мира.

Вечером привезли нас к мельнице, принадлежащей митрополиту, на берегу упомянутой реки (Волхова). Митрополит соорудил здесь за эти пятнадцать дней огромное деревянное помещение для нас, чтобы проститься с нами в эту ночь, и предложил нам великолепную трапезу. Встав поутру в среду, мы простились с ним и, проплыв шесть верст по той же реке, высадились в деревне, где в первый раз сели на судно. [Здесь мы взяли экипажи], проехали до вечера 15 верст и остановились. В четверг мы сделали 65 верст и, переменив лошадей[598], проехали еще 50 верст, спеша возвратиться поскорее в Москву до наступления дождливого времени, потому что беспокойство и утомление, испытанные нами по дороге сюда вследствие обилия дождей, были неописуемы. В субботу, в праздник Рождества Богородицы, мы прибыли в деревню (Иверского) монастыря. Архимандрит выехал на лодке и отвез нас в монастырь. Здесь мы отстояли воскресную обедню и в понедельник намеревались уехать, по не могли, по причине жестокой бури, поднявшейся на озере от сильнейшего ветра; волнение было как на море и продолжалось до раннего утра вторника, когда несколько утихло. Мы отправились, причем нас провожали. Проехав 90 верст, мы прибыли в селение Вышний-Волочек, где переменили лошадей, проехали еще 70 верст и в пятницу прибыли в базар (торговый город), по имени Торжок, переменили здесь лошадей и, сделав еще 60 верст, прибыли в воскресенье утром в Тверь.

Переночевав в деревянном монастыре в лесу, в честь Воскресения, мы отстояли обедню в епископской церкви и после обеда отправились посетить один из монастырей этой области, стоящий от города в четырех верстах, во имя св. Арсения, архиепископа Тверского. Церковь монастырская весьма изящна; в ней покоится честное тело святого. Алтари ее похожи на алтари в нашей стране; один из них в честь Успения Богородицы, второй — Изображения на убрусе (Нерукотворного образа) и третий — во имя св. Арсения. Приложившись к святыням, мы возвратились в город.

Отсюда мы выехали в понедельник рано поутру, вечером переправились через реку Волгу и ночевали в селении на берегу её, по имени Шоша, очень приятном, на прекрасном, высоком месте. Удивительную вещь мы видели! Мы видели здесь суда, идущие по реке в Тверь, так как река направляется туда, но они шли не на веслах, а их тащили на канатах лошади с берега. Затем мы сделали 90 верст, проехали мимо монастыря п сделали еще 70 верст. Патриарх выехал к нам навстречу в одну из своих деревень, стоящую от города в 20 верстах, и в этот день два раза присылал известить нас на дороге: он уже три дня нас дожидался. Когда мы подъезжали, он выслал навстречу нашему учителю сначала своих бояр, а потом митрополитов и настоятелей монастырей. Нас ввели в его келии. Тут он простился с нами и возвратился в город. Мы же переночевали здесь и в четверг на заре, 20

сентября, въехали в Москву, пробыв в отсутствии 47 дней.

Так мы совершили это чудесное путешествие, которого еще никто из чужеземцев не совершал до сих пор с древних времен.

Глава X. Москва. Служения. Известия от царя. Встреча послов австрийского и шведского. Возвращение войска. Польские пленники

Накануне субботы мы присутствовали в своих облачениях в монастыре монахинь, что напротив нас[599], на поминовении по супруге царя Ивана, а на другой день после обедни были за трапезой в высокой палате на верху[600]. [В пятницу 28 сентября наш учитель служил в монастырской церкви обедню, за которой рукоположил священника и дьякона. Вечером мы опять присутствовали в монастыре монахинь на поминовении по царе Михаиле и его двух сыновьях, а на другой день, после обедни, за трапезой в том же месте].

В канун понедельника и утром 1-го октября было совершено большое торжество, по случаю великого праздника у них, Покрова Богородицы, т. е. покрывала св. Девы. Это было видение святому Андрею Салосу и св. Роману. Собрались (в Кремль) все городские священники со своими иконами, и один из митрополитов вышел с крестным ходом из Кремля [к тому месту, где они совершают царские молебны, и, отслужив молебен за царя, совершил литургию в великой церкви там находящейся, в честь св. Троицы[601]].

Накануне понедельника 8 -го октября мы были в церкви Архангела на поминовении по князе Димитрии, сыне царя Алексея, его первенце, который умер восемь лет тому назад. На другой день рано утром зазвонили во все колокола и мы пошли в собор. Оба патриарха облачились вместе со всем священническим чином, и был совершен молебен с молитвой за царя, потому что пришло от него письмо с известием, что он завоевал девять крепостей в стране ляхов и что его бояре, бывшие с ним, взяли пять, а Бутурлин с Хмелем, со стороны Каменца, четыре крепости, при чем они захватили в плен великого гетмана, одного из четырех, находящихся в стране ляхов. Он из семейства Потоцких и имя его Павел. Его взяли со всем его имуществом и детьми и отправили к царю. После молебна патриарх взошел на амвон, прочел письмо царя и возвестил о завоевании упомянутых городов и о разрушении нескольких ляшских монастырей, мужских и женских, в которых монахи и монахини были взяты в плен, и о многих сражениях, происходивших между ляхами и московитами, при чем последние оставались победителями: он сообщил, что в одном сражении кровь лилась рекою с обеих сторон и убитые лежали на пространстве семи верст. Затем окончили службу и разоблачились. Спустя немного времени опять зазвонили в колокола к обедне, которая была совершена в церкви Архангела, а потом была, по обыкновению, трапеза во дворце.

В это воскресенье все жители столицы выходили встречать двух послов: один посол от Балодороса (Фердинанда) кесаря, царя алеманов и немцев (австрийского), а другой — от короля шведского. Мы раньше видели их в Новгороде, потому что они прибыли по морю-океану и по упомянутой реке Новгорода (Волхову). Ради них было устроено большое торжество и оказан им великий почет. Так как войска в городе было мало, то приказали купцам, торговцам и другим выехать блестящим поездом на конях, в вооружении, для встречи послов. Московиты имеют обыкновение устраивать подобные торжества только вечером, а не днем; так, обыкновенно, делал и царь при своих отъездах и приездах. Два царских боярина ехали по правую и по левую руку посла; тут выразилась большая острота ума московитов: именно, как бы из вежливости они помещают посла в средине, и он думает, что это сделано из почета к нему; однако, нет: цель та, чтобы показать, что их царь выше, а тот у него под рукой. Мы дивились на большую ловкость московитов в этот

день: как мы сказали, войска было мало, а послов встречали на расстоянии семи верст от города; при этом ратники выходили им на встречу отдельными отрядами и, возвратившись, переменяли свои знамена и опять появлялись, чтобы послы думали, что войска много. Никто не знал, с какою целью прибыли эти послы, пока не приехал царь, и тогда мы узнали, что они прибыли ради укрепления дружбы.

Возвращаемся к рассказу. Стали приходить известия, что царь собирается вернуться, так как случился неописуемый мор на лошадей, от чего войско ослабело. Поэтому царь дал ратникам якылма, т. е. отпуск, и распустил из них 80.000, которые, как он удостоверился, были бедны и лишились своих лошадей, и послал их домой отдохнуть до начала месяца марта, когда они должны были вернуться с новыми силами и рвением. Мы видели, как они приходили в столицу, ведя с собою бессчетное число пленников: ни одного из них мы не видали без одного, двух, пяти, шести и более пленных. По причине бывшей в это время сильной грязи н сляκоти и падежа лошадей, они большую часть пленных бросили на дороге умирать от голода и холода. В последствии патриарх Никон сообщил нашему учителю, что царь взял для себя из областей, которые не покорились мирно, 300.000 пленных; всех их забрали в горах и в лесах, чтобы заселить ими большую часть домов в столице и деревни, обезлюдевшие со времени моровой язвы. Так он и сделал. Счастье тем, которые сделались пленниками царя! так как он назначил каждому, даже на малых детей, ежедневно по четыре копейки на содержание, кроме пива, меда и дров, и разместил их в незанятых домах и опустевших деревнях. Намерением царя было обезлюдеть страну врагов и заселить свою, именно так поступили и ляхи, когда они обманным образом завладели этой областью (Смоленской): произвели в ней опустошения и разорения и перевели большую часть её жителей в свою страну, которая была пустынна, и ими заселили ее. Когда же колесо (фортуны) повернулось и наступило время правосудия и возмездия, их постигло худшее, чем то, что они совершили в чужой стране. Также и государственные сановники и конные ратники[602] наполнили свои селения пленниками, которых обратили в земледельцев: крестьяне, где бы они ни были, суть презираемые рабы; были прежде земледельцами у ляхов, сделались теперь земледельцами у московитов. У нас сердце разрывалось за них: бедные! мы видали как их маленьких детей продавали по четыре, пяти, шести, семи, восьми за один пиастр-реал (полтинник) — вещь, исторгающая слезы у зрителя. Все это постигло ляхов за злые дела их вельмож; вина за это на вые проклятого Радзивила, которому Бог впоследствии отплатил ужасною и быстрою гибелью.

Глава XI. Москва. Николин день. Слух о возвращении царя. Отливка большого колокола

Возвращаемся к рассказу. Святому Николаю празднуют три дня, по любви к нему, как мы о том говорили раньше. С кануна праздника до конца его, питейные дома бывают заперты. По приглашению патриарха Никона, наш учитель служил с ним в соборной церкви. После обедни Никон повел нас в свои гелии, где вместо царя устроил трапезу для всех присутствовавших. Если бы царь находился в Москве, то отстоял бы обедню в церкви во имя этого святого, что близ собора[603], и устроил бы у себя большой пир, так как московиты питают величайшую любовь к святому Николаю. В названной церкви служил один из архиереев. С вечера, после малого повечерия, совершили во всех церквах великое бдение в течение всей ночи. После трапезы встали и совершили чин Панагии[604]. [Патриарх взял кадильницу и кадил иконам и присутствующим, а затем сказал многолетие царю, царице, их сыну, его сестрам и дочерям поименно. Потом он налил собственноручно всем присутствующим круговую чашу меда за здравие царя,] и мы вышли. От патриарха мы достоверно узнали, что царь все еще находится в Смоленске, по причине грязи, слякоти и обильных дождей, которые шли в осеннее время и сделали дороги непроходимыми. Еще хуже было в Москве, так что экипажам и лошадям невозможно было проехать, и мы не могли ходить из дому на рынок, потому что грязь и слякоть были глубиною в рост человека. Оттого и цены в это время поднялись, вследствие малого подвоза из деревень. Все жители, а в особенности мы, молили Бога о том, чтобы земля за мерзла для облегчения его рабов. Поэтому-то и царь оставался в Смоленске из-за тяжестей, пока не замерзла земля, и тогда он выехал оттуда. Пришло известие, что он едет, и наконец сегодня патриарх сообщил, что царь прибыл и отстоял в этот день обедню в монастыре, на его пути находящемся, во имя св. Николая [обыкновенно называемого Можайским]. Этого святого они всегда изображают с обнаженным мечем в правой руке и с городом Москвой в левой, как он явился в видении князю московскому во время похода Тамерлана, о чем мы говорили выше. Монастырь находится в 90 верстах от столицы. Мы очень обрадовались этому известию. Затем царь из этого монастыря приехал в заново им отстроенный монастырь во имя св. Саввы Нового и отстоял в нем обедню в субботу.

В воскресенье[605], перед закатом солнца, ударили в новый огромный колокол, в знак того, что царь возвращается, и все стали готовиться для встречи его на другой день. Этот колокол есть тот самый, о котором мы упомянули раньше, рассказывая об искусных работах, приспособлениях и машинах, которые были произведены в течение лета множеством стрельцов вместе с опытным мастером, о разнообразной изобретательности которого мы также говорили. Они непрестанно работали над колоколом, начиная с февраля, как нами было описано, до нынешнего праздника св. Николая. Целью наших прогулок в течение лета было большею частью ходить смотреть на работавших. Перед нашим отъездом в Новгород они были заняты чрезвычайно трудной работой, именно, перетаскиванием громадных кусков меди, взвешиванием их и укладыванием в описанные пять печей. Каждый кусок с трудом передвигали 40—50 стрельцов, при искусных приспособлениях, клали на весы, взвешивали, а потом скатывали и сваливали в печи с величайшим трудом. Эту работу продолжали до нашего возвращения из Новгорода[606]. Тогда замазали дверцы печей и развели огонь, (поддерживая его) в течение трех дней, пока медь не расплавилась, сделавшись как вода. Ее мешали чрез отверстия печных дверей длинными железными прутьями, которые раскалялись от чрезмерного

кипения и жара. За тем собралось множество стрельцов и сняли крышу, сделанную из липовой коры, которая защищала то место от жары и дождя: боялись как бы не случился в городе большой пожар от жара пламени, подобного, по истине, геенне огненной. Прибыл один из архиереев, совершил над ямой водосвятие н благословил работы; тогда открыли пять нижних отверстий печей и вся медь потекла по желобам, ведущим к месту поверх ушей колокола. Это было ночью, и смотреть никого не допускали. Медь не переставала течь до конца этого дня. От большой своей тяжести она образовала внизу трещину и полилась между кирпичами, от чего уменьшился вес, назначенный мастером; но немедленно было доставлено множество меди и серебра и положено в одну из печей, которая еще была горяча; (металл) расплавился и был пущен на первый, пока форма не наполнилась совершенно. Понадобилось три дня, пока новый колокол не остыл. Тогда стали отнимать кирпичи и землю, бывшие вокруг колокола, (что продолжалось) долгое время. Когда прошел слух о том, что царь едет, стали работать ночью и днем, и патриарх постоянно приходил с царским наместником наблюдать за работами и усиленно поощрял работников. Часто он приглашал и нашего учителя посмотреть на работы. Вышел колокол редкостный, одно из чудес света по своей громадной величине. В течение долгого времени не переставали кирками отбивать от формы те места, по которым текла медь, и очищать их, (что продолжалось) до 1-го декабря, когда решили вынуть колокол из ямы и повесить. При шел один из архиереев со священниками и дьяконами великой церкви в облачениях: совершили вторично водосвятие, поставив подобие (церкви) Воскресения и Иерусалима, сделанное из серебра, и окропили колокол и само место. Машины и канаты были привязаны и приготовлены в нашем присутствии, и горожане сошлись на зрелище. Каждую из этих шестнадцати машин приводили в движение 70—80 стрельцов и над канатом каждой машины сидел человек, чтобы давать знать, как следует вертеть, чтобы тянули все одновременно. То был день зрелища, какие бывают в жизни на счету. Многие веревки полопались, но тотчас же были заменены другими. После величайших усилий и огромных, свыше всякого описания, трудов, по истечении трех дней совершили поднятие колокола и повесили его над ямой на высоту около роста человека, при всевозможных хитрых приспособлениях. Над отверстием ямы положили толстые бревна, закрыв ее всю, над ними наложили еще бревен, пока этот чудо колокол не стал на них, и тогда приступили к подвешиванию железного языка, который весит 250 пудов, а толщина его такова, что мы с трудом могли охватить его руками, длина же более полутора роста. Принялись очищать этот диво-колокол изнутри и снаружи, и полировать. При этом обнаружилось точное изображение царя и напротив него царицы, а над ними Господь Христос, их благословляющий. Они находятся на лицевой стороне колокола, обращенной к великой церкви на восток от неё; на задней же стороне колокола изображение патриарха Никона в облачении, в митре и с посохом, как он есть. Под плечами колокола наверху изображены херувимы и серафимы с шестью крыльями вокруг, а над ними идет кругом колокола надпись крупными буквами, а также есть надпись по нижнему его краю. Толщина края этого колокола более брасса[607], как я измерил и записал. Когда мы входили под него, нам казалось, будто мы в большом шатре. Сколько брасс составляет его окружность, никому не было известно, и никто не осмеливался его измерить, так как там постоянно стояли на страже стрельцы. Я же не переставал употреблять уловки и ласкательства, пока не сдружился с мастером, пригласил его к себе и, обласкав, выведал от него, как велика окружность колокола, если мерить веревкой, и оказалось 11 брасс; я мерил ее пядями и вышло ровно 93 больших пяди. Я спрашивал у мастера и о стоимости колокола, и он сказал: 50000 динаров, что также сообщил по секрету нашему учителю патриарх; спросил и о весе

его, и мастер сказал, что до 12500 пудов не хватает пятисот[608]. Мы сочли, что один пуд равен 131/2 ок, а каждая тысяча пудов равна 13000 ок с несколькими половинами; итак, 10000 пудов равны 130000 ок, отбрасывая половины, а две тысячи пудов, дополнение до 12000, равны 26000 ок; всего же около 160000 полных ок. Ничего подобного этой редкости, великой, удивительной и единственной в мире, нет, не было и не будет: она превосходит силы человеческие. Этот благополучный царь, соорудив ее в свое царствование, превзошел современных ему государей. К нашему счастью, это было сделало в нашем присутствии. Некто, бывший в стране франков, сказывал нам, что в городе Париже, столице государя французов, есть колокол, подобный этому новому колоколу, но окружность его только в 70 пядей. Они хвастаются им, говоря, что нет ему равного в мире. Но этот чудо-колокол на много превосходит тот.

Возвращаемся (к рассказу). В этот день, воскресенье, третий после праздника св. Николая, царь, выехав из своего монастыря (Саввина), прибыл в один из царских дворцов, отстоящий от города на 3 версты, и тут ночевал. Поэтому после обедни стали звонить в новый колокол. Привязали к языку четыре длинные веревки и около сотни стрельцов стали тянуть его с четырех сторон, чтобы довести его до края, — раздался гул, повергающий в изумление и приводящий в трепет, так как был подобен грому. Громадные бревна, на которых висел колокол, колебались от его движения и трещали. Мы далеко отбежали от них из опасения, что они сломятся и рухнут. В колокол не переставали звонить до вечера, в знак того, что на завтра прибудет царь.

В вечер этого воскресения патриарх с архиереями отправился к царю и, встретив его на дороге ночью, свиделся с ним, приветствовал его и возвратился на заре.

Глава XII. Москва. Приезд царя в Москву и торжественная встреча его

В понедельник 10 декабря, рано поутру, зазвонили в новый колокол вместе с другими поочередно и звонили весь день. Мы пошли в собор и, отстояв обедню с патриархом Никоном, поднялись в его келии. Когда пробило пять часов, все мы сошли (в собор) и облачились, при чем патриархи облачались в нарфексе. Патриарх Никон дал надеть нашему учителю один из своих саккосов, омофор, осыпанный жемчугом, и свою константинопольскую митру. Затем они вышли торжественным крестным ходом для встречи царя, с хоругвями и свечами, вместе со всеми священниками и дьяконами столицы. Икону владычицы Вратарницы (Иверскую), о которой мы говорили раньше, что патриарх Никон украсил ее драгоценностями и золотом, он дал нести монахам Святой Горы, здесь находившимся, и монахам монастыря казаков (Иверского), и они пели ей молебен по-гречески. Службу начали в (соборной) церкви: сказали ектенью, возглас, совершили каждение, и мы вышли из собора при звоне всех колоколов. Подойдя к царским воротам Кремля, мы увидели, что каменные помосты у стены и лестница с обеих сторон ворот покрыты зеленым сукном. Выйдя на площадь к каменному месту для молитв, совершили молитву (литию) и каждение, и патриарх благословил крестом на все четыре стороны. Мы сошли. Войско и народ стояли рядами с двух сторон. Мы направились к реке по дороге, ведущей в Калугу. Каменные помосты по обе стороны ворот второй городской стены были покрыты красным сукном. Перейдя через мост надо льдом и достигнув известной площади[609], мы увидели, что по средине её были устроены два высокие помоста с лестницей, также покрытые зеленым сукном. День был очень холодный и шел сильный снег, но весь народ был с открытыми головами. От царя ежечасно являлся к патриарху боярин с просьбой остановиться, где он находится, чтобы не устать от долгого пути, но патриарх не желал, и мы шли скорым шагом, при пении певчих, чтобы застать даря у земляного вала. Показались войска,

вельможи и заводные лошади с обеих сторон дороги — а мы шли по средине. Всякий раз как мы приближались к церкви, в ней звонили в колокола мальчики её окрестности и церковники, а её духовенство выходило с иконами, крестом и кадилом встречать патриархов. Так мы прошли расстояние в час времени. Близ земляного вала показался царь, и мы сошлись с ним. Он сидел в санях, и его осеняла хоругвь соборной церкви с превосходным изображением Успения Богородицы. Увидев нас издали, он вышел из саней и пошел к нам на встречу пешком, в сопровождении вельмож, с открытой головой, и, подойдя, остановился напротив патриарха поодаль. Его вельможи стояли слева, а по правую руку его архиепископ тверской держал крест Константина в подобии иконного киота с серебряно-вызолоченными дверцами, которые царь устроил вновь чтобы закрывать киот; один из архимандритов нес главу Иоанна Златоуста в серебряно-вызолоченном ковчеге, — как мы раньше упомянули, царь посылал за этими святынями на Святую Гору, другой архимандрит нес Влахернскую икону Владычицы, а прочие — остальные иконы. Близ них разместились в порядке хоругви и иконы, окружая царя. Архидьякон, взяв кадильницу, при всеобщем молчании возгласил: «благослови, владыко», а патриарх: «благословен....» Он прочел евангелие от Луки, по обыкновению, с непокрытою головой: «кто, имея сына, если тот попросит у отца хлеба, даст ему камень?» Когда он кончил, архидьякон поднес Евангелие царю приложиться и начал ектенью, при чем кадил царю и вельможам, иконам, обоим патриархам и всем присутствующим и поминал царя, царицу, их сына, его сестер и дочерей

поименно. При каждом прошении певчие, по обыкновению, пели Господи помилуй. Патриарх сказал возглас, совершить отпуст и благословил крестом на все четыре стороны, а архидьякон кадил ему при каждом благословении, возглашая: «Господу помолимся». За тем патриарх, сойдя, приблизился к царю и начал восхвалять и благодарить его, превознося его намерения примерами и хвалами: как Моисей поступил с Фараоном, как Гедеон, Авраам.... и (приводил) другие ветхозаветные истории; (говорил) о Константине, Максимиане и др. — то была речь обдуманная, с мудрыми изречениями, последовательная и длинная. Под конец он выразил много молитвенных благожеланий царю, повторив их не раз, и то же царице, их сыну, сестрам и дочерям царя, восхваляя их поименно. Зачем благословил царя крестом и окропил святой водой, что сделали также наш учитель и сербский архиепископ. Тогда царь с боярами приложился ко всем иконам и возвратился на свое место, а вельможи подошли к патриарху под благословение. Он стал восхвалять и славить их и благословил, говоря: «благодарю Бога за счастье, которое выпало вам на долю и за ваши победы над врагами» и пр. Тут подошел к нему царь и сказал: «довольно тебе, отец наш и владыка, утруждать себя. По истине, Бог даровал нам эту победу над врагами не нашей булавой и мечом, не нашим оружием и решимостью, а вашими великими, святыми молитвами за нас, совершившими то, что произошло, свыше наших ожиданий». Услыхав это, мы изумились силе такой веры и смирения. Тогда патриарх поднес царю позолоченную икону Владычицы и на серебряном блюде хлеб, на котором была прекрасная серебряная солонка с солью, и еще кувшин с вином, при чем, по этому поводу, привел много примеров. Царь, приняв икону, поцеловал ее и передал своим служителям; потом взял крест Константина, главу Златоуста и иконы и передавал их патриарху, как бы говоря: «пусть эти сокровища отселе находятся под твоей охраной». Патриарх, приложившись к ним, передал их архидьякону, и их понесли среди других икон. Вместе с царем стояли четыре царевича, а именно: сыновья сибирского царя справа и слева от него, и сын грузинского (царя), с лицом, блиставшим как солнце, стоял к нему ближе всех; он выезжал к нему на встречу вместе с новокрещенным касимовским царевичем.

Зачем крестный ход пошел назад, и когда мы немного отошли, царь сел в сани, и хоругвь соборной церкви была поднята над его головой. По прибытии нашем на площадь, архимандриты и дьяконы пошли вперед и стали на упомянутых помостах, имея при себе святую воду; они окропляли ею всех проходивших мимо на обе стороны, так как помосты и были устроены для этого случая. То же делали другие на помостах у городских ворот и у ворот дворцовой крепости (Кремля). Когда мы поднялись на круг для молитв, (прочие) разместились кругом него по порядку. Прибыл царь и стал чуть же, и архидьякон окадил его, возглашая ту же самую ектенью[610]. Затем мы спустились, вошли (в Кремль) и приблизились к соборной церкви при звоне всех колоколов. Из неё вышло множество людей со свечами, так как наступала ночь. Мы вошли (в собор) чрез западную дверь, чрез которую вышли, и патриарх Никон поднялся на свое архиерейское место, а прочие стали кругом него. Вошел царь, приложился ко всем иконам собора и к мощам святых, а потом к иконам, которые были у священников. Патриарх сошел и принес для царя ковчег с ризой Господней, при чем пришлось долго ждать, пока принесли ключи. Патриарх снял печать и вынул для царя ризу, приоткрыл (ковчежец) и, поднеся ему приложиться, отнес ее на место, запер и запечатал ковчег. Потом Никон проводил с кадильницами за врата собора иконы, принесенные городскими священниками. Их понесли на свои места, а он, вернувшись, совершил отпуст, проводил царя, благословив его и поздравив вместе с нашим учителем, и пошел в свои палаты.

Мы разоблачились вместе с прочими н вернулись в свой монастырь, когда уже прошел

час по наступлении ночи[611]. Мы были измучены и умирали от усталости, ходьбы, холода и голода. Не знаем, сколько нам придется это выносить. Да поможет нам Бог до конца! Больше всего мы дивились на царя, который прошел такое большое расстояние пешком с непокрытою головою и при всем том стоял, дожидаясь, пока принесли ключи от ковчега с ризой Господней, и прикладывался к ней и ко всем иконам с полною радостью. Он был в разлуке с женой целых десять месяцев — и даже не десять, а полный год, так как, как мы сказали раньше, она в прошлом году, в начале февраля, разрешилась дочерью, — и все таки ни о чем таком не думал. Да утвердить Бог его царство во веки веков! Аминь. От сильной радости по случаю прибытия царя, мы забыли все претерпенное нами в этот день, когда увидели лучезарное его лицо. О, удивление! оно сияло и блистало и очень пополнело от избытка радости по случаю победы, покорения городов и поражения врагов.

Глава XIII. Москва. Прием австрийского и шведского послов. Венецианский посол. Причина и цель этих посольств

Возвращаемся (к рассказу). В субботу, на шестой день своего прибытия, царь пригласил к себе цесарева посла. Стрельцы со своими знаменами стояли плотной линией, по обе стороны пути, от дома посла до дворца. Когда он проезжал мимо них, они направляли ему в лицо свои ружья, что значило: «если ты прибыл с предупреждением о войне, то вот мы готовы».

Послы, приезжающие к царю московитов, подвергаются большим стеснениям. Прежде всего ставят в месте его остановки стражу, которая караулит ночью и днем, сменяясь ежедневно, и никого из его людей не выпускает ходить одному по городу. И в настоящее время жилище этого посла стерегли с большою бдительностью и отнюдь не дозволяли никому из иностранцев входить к послу, ни даже в его жилище — все из опасения, нет ли среди них шпионов, которые тайком собирают известия и приносят ему или берут от него письма и пересылают в его страну. В день представления посла царю употребляют всевозможные старания, чтобы поразить его великолепием. Обыкновенно, когда приезжает посол как этот, отнюдь не разглашают причин его прибытия или цели его появления. К нему прежде всего являются приближенные царя, чтобы узнать сначала от него, с какою целью он прибыл, и, узнав причину, сообщают царю; приходят не один и не два раза, а много раз, прежде чем посол представится царю, дабы видеть, согласны-ли его ответы и речи с письмами, им привезенными, и находятся ли в соответствии с их содержанием. По этому предмету они делают такие обстоятельные расспросы, что я не в силах их передать. Когда пожелают пригласить его, как в этот день, чтобы он представился царю, то неустанно заботятся и хлопочут с утра до ночи. Обыкновенно, приводят для посла царские сани или лошадь, и как только приедут к нему и он сходит, чтобы сесть, посылают к царю быстрого гонца с известием, что посол спускается с лестницы, а также, когда он сядет, и беспрестанно посылают гонцов, быть может, 40—50 раз по причинам, способным навести болезнь на душу. Царские вельможи, обыкновенно, садятся (с послом) один справа, другой слева, по многим причинам.

Этот посол привез царю от цесаря маленькую шкатулку с драгоценными каменьями и в великолепном сосуде миро от мощей св. Николая Мирликийского, которого мощи, как мы говорили, находятся в стране немцев; они знают, какую цену оно имеет в глазах царя. Царь оказал этому послу большой почет. Мы узнали потом о причине его прибытия, и вот она: «по истине, я прославляю и благодарю Бога за то, что Он даровал тебе победу над врагами и что мы сделались соседями», так как от города Вильны до границы земли цесаря, как говорят, пять-шесть дней пути. Царь не любит ляхов и со шведами у него большая вражда и была непрерывная война в продолжение пятнадцати лет, в которой шведы остались победителями, ведь они очень храбры, и завоевали у него пятнадцать крепостей. Поэтому он, против своего, желания, заключил с ними мир и, как говорят, заплатил им дань.

Шведы до сих пор вели войну в союзе с царем, помогая ему, и взяли назад свои города, бывшие в руках ляхов, но их охватила жадность, в особенности, когда к ним приехал проклятый Радзивил с своим братом и, изъявив им покорность, передал им остававшиеся у него города и, с согласия ляхов, два города их, столицу и место коронования, то есть Варшаву и Краков. Шведы заняли их и укрепили. Вследствие этого они разорвали свою старую дружбу с царем, на свое несчастье, как об этом мы расскажем впоследствии, и согласились с ляхами вести нынче войну против царя Поэтому-то цесарь, узнав об этом,

отправил посла известить царя об их измене и просить его быть с ним за одно, на деле и на словах, во время войны со шведами, так как он выжидал случая, подобного теперешнему.

Говорят, что с этим послом были еще два посланника, отправленные к царю папой по вопросам о соглашении и дружбе и с заявлением желаний по делам, о которых Богу известно, мы же знать их не можем. Итак, царь заключил величайшую дружбу с цесарем, непоколебимую, сердечную, как мы увидели и узнали: впоследствии цесарь Фердинанд прислал царю письмо в ответь на почет, оказанный им нынче его послу, с выражением великой дружбы, и титуловал его в своем письме так: «как я цесарь народа франкского, так ныне ты показал себя достойным, чтобы я назвал тебя новым цесарем народа православных». Царь был очень обрадован этим новым титулом, его приязнь к цесарю и почет, оказываемый послу его, увеличились.

Потом, когда посол проезжал (обратно), стрельцы повернули ружья назад, в знак дружбы к нему, но направили их в лицо шведскому послу за его вражду и измену. Что касается шведского посла, то когда он летом был отправлен к царю своим королем, рига, с дружественными намерениями, как это бывало прежде, и ныне, по приезде, представляли ему, то имел с собою ценные, превосходные подарки. Мы видели, как 50—60 стрельцов несли впереди него серебряно-вызолоченные блюда на подставках, в виде человеческих фигур, с разнообразными ценными редкостями, изумляющими ум, так как, когда король посылал эти дары, между ним и царем еще не возникала вражда, и царь непрестанно оказывал почет этому послу и угодничествами оттягивал время со дня на день; когда же несомненно убедился во вражде короля, то разгневался на него, как мы потом расскажем, и послал приказ прекратить отправку всех припасов, которые, обыкновенно, шли в страну шведов и которыми поддерживалось их существование, так как все продукты идут туда из московской страны, как мы уже говорили раньше. Царь дал строгий приказ во все пристани и области отнюдь не продавать шведам никаких продуктов и таким образом прекратил к ним подвоз.

Возвращаемся (к рассказу). Когда царь в последнее время был в Смоленске, приехал к нему важный посол из Венеции. Он прибыл по морю-океану в пристань Архангельска и, по приглашению царя, отправился к нему в Смоленск, где и представился, причем поднес ценные дары и чудесные, редкостные вещи из сокровищ Венеции. Никто не знал, с какою целью он прибыл: никогда еще, с самых древних времен, не бывало, чтобы к московскому царю приезжал посол из Венеции. Царь не пожелал отправить его в Москву, дабы не получила огласку весть о нем, но послал взять из своей казны соболей, как мы достоверно узнали, более чем на сто тысяч динаров, для подарков ему со свитой и тому, кто их послал, взамен их подарков. Теперь, когда при был царь, я непрестанно разыскивал и разузнавал от моих друзей и приятелей о причине приезда этого посла, пока не узнал наверно, что причина такова: и прежде о царе знали в стране франков, а когда теперь услышали о совершенных им завоеваниях и доблестных делах и о покорении им великого города Смоленска, всесветно известного, второго Багдада, то пришли в изумление. Так как венецианцы ни с какой стороны не были уверены в безопасности и им надоела десятилетняя война с известным народом[612], то принчинос, то есть глава венецианцев, по соглашению с двенадцатью вельможами отправил к царю этого посла с письмами, в которых они весьма превозносили его и взывали к нему о помощи, так как узнали, что царь, вынужденный необходимостью, пошел войной на врагов, по убеждению (в своей правоте). Царь с большою радостью изъявил согласие помочь и написал им, чтобы они терпели и переносили до времени, как будет угодно Богу. Когда это дошло до них, они очень обрадовались, и их ученые составляли в похвалу царю стихотворения и поэмы на греческом языке, которые мы видели в

последствии. Венецианцы очень полюбили царя, о чем мы сейчас расскажем. В начале войны венецианцев с турками, когда сила турок была велика, венецианцы сильно страшились и отправили посла к прежнему королю ляхов с четырьмя стами тысяч динаров, упрашивая его помочь им, истратив эти динары на содержание кораблей и войска, которые следовало послать в Черное море, чтобы, напав на турок с той стороны, отвлечь их от венецианцев. Король, с одобрения своих вельмож, ответил согласием на просьбу венецианцев и приступил к делу. Но вероломные вельможи ляшские впоследствии нарушили свое слово, изменили и отказались, говоря: «мы живем в своей земле спокойно и не для чего нам будить спящее зло, не имеем надобности враждовать с турками». Король, истощив все усилия подействовать на них, потемнел в лице (от стыда) пред венецианцами, тем более, что упомянутые вельможи бесстыдно промотали все динары. Посол продолжал жить у них до самой смерти своей. Поэтому король разгневался на вельмож и прибегнул против них к хитрости: послал втайне известие Хмелю, гетману казаков, и подкреплял его намерения, пока тот, подняв восстание и напав на вельмож, всех их не перебил, при чем овладел большею частью их земель (и владеет ими) до сих пор. Вельможи, оставшиеся в живых, узнав все дело, стали строить козни против короля, пока не отравили его, и он умер, как мы сказали раньше. На место его поставили его брата, который теперь и управляет. Вот по какой причине венецианцы полюбили царя. Франки вообще его не любят, потому что он православный, но когда венецианцы увидели, что ляхи, которые их рода и веры, отказались помочь им [и, вероломно поступив с ними, промотали их деньги, тогда как царь, напротив, хотя столь далекий от них и враг их веры, дал им благоприятный ответ на их посольство и обещал помощь], то их расположение к царю усилилось. Под конец он отправил к ним от себя посла вместе с упомянутым послом цесаря, чтобы он проехал к ним по его стране.

Глава XIV. Москва. Служение патриархов в Успенском соборе в присутствии царя и царицы. Новые патриаршие палаты

Возвращаемся (к рассказу). В воскресенье Праотцов, рано поутру, патриарх Никон пригласил нашего учителя, и они вместе служили в соборе в присутствии царя и царицы, которая не являлась в собор со времени отъезда царя в прошлом году в Троицын день. Именно этот патриарх убедил царицу сходить в собор и устроил для неё особый трон; в прежнее же время царицы не имели обыкновения приходить в собор днем, а только ночью. Когда царица сошла из своего дворца, стрельцы разогнали народ с двух сторон. Впереди неё шли все жены бояр попарно, в удивительном порядке, на подобие шатырбашей и скороходов пред царем; каждые две были одеты одинаково, большею частью в черный или фиолетовый бархат.; на голове у них поверх колпака небольшое покрывало и на нем висит род лопастей из соболя или дорогой чернобурой лисицы, прикрепленных к голове и спускающихся назад. За боярынями вошла царица, которую вела за правую руку её мать, а за левую сестра, состоящая в замужестве за великим визирем. Прочие служанки и девушки шли позади неё; у замужних женщин головы были обернуты большим белым, покрывалом, а девицы имели на голове род тюрбана из соболя. Певчие пропели царице многолетие. Помолившись, она стала на своем троне., и с правой стороны от нее опустили занавес, чтобы народ не мог ее видеть. Отец и дядя царицы стали поблизости, а все жены бояр и служанки стали слева, возле северных дверей церкви, и опустили за собою шелковую занавеску от колонны до стены, чтобы никто их не видел, так что они были как, бы в закрытом со всех сторон помещении. Тогда патриарх подошел к царице, благословил ее крестом, окропил снятой водой и возвратился. После царицы пришел царь и, приложившись к иконам и мощам, по своему обыкновению, подошел к патриархам; они благословили его крестом и окропили святой водой его и шапку его, и он стал на своем царском месте. Начали часы, потом обедню. По прочтении Евангелия, архидьякон поднес его приложиться сначала патриархам, потом царю и царице, которые сошли с своих мест и приложились. [После Великого выхода патриарх Никон вышел и благословил царя и царицу крестом, а после обедни взошел на амвон и прочел поучение на этот день. Затем он раздал антидор царю, царице, большинству вельмож, священникам и монахам. Оба патриарха] вошли в алтарь, разоблачились и, выйдя, опять благословили царя и царицу. В это время царь встал и все иереи, дьяконы и певчие стали подходить к нему и целовали у него правую руку, то есть поздравляли его с благополучным прибытием. После того как патриархи проводили . царя и он ушел, удалили из церкви всех мирян и затворили двери, и патриарх шел впереди царицы, пока она прикладывалась ко всем иконам, мощам святых и к ковчегу с ризой Господней. Патриархи проводили ее, и она удалилась. Когда мы вернулись в свое помещение, нам прислали стол от царя и патриарха.

Знай, что здешний патриарший дом существует с очень древних времен, со времени св. Петра, первого митрополита московского. Он мал, тесен и не имеет двора; над ним высятся палаты царицы. Нынешний патриарх, любя строить и обновлять, выпросил у царя двор, находящийся близ патриаршего дома, с северной стороны собора. Царь подарил его, и патриарх приступил к возведению на нем огромного, чудесного здания. Его строили немецкие мастера. В нижней части здания патриарх устроил семь приказов, печь и огромную кухню, чтобы тепло поднималось наверх. Лестница, весьма красивая, устроена напротив старого пути к собору, где патриарх всегда останавливался и благословлял палаты царицы. Наверху он выстроил диван (приемную палату) и сделал от неё проход со

стороны царицыных палат, по которому иногда втайне проходит, и еще проход но направлению к своим прежним кельям. Внутри этой палаты он устроил маленькую церковь во имя новых московских святых, митрополитов Петра, Алексия, Ионы и Филиппа, которых велел написать над её дверью, а в церкви написать портреты шести патриархов, бывших со времен Иеремии Константинопольского[613]: первый из них Иов, затем Герман (Гермоген), Герасим (Игнатий?), Филарет, Иоасаф и Иосиф. Свой же портрет, точь-в-точь как он есть, велел нависать после тех, так как он седьмой патриарх. Он весьма украсил эту церковь и большею частью слушает службу в ней. Эта палата имеет огромные, с решетками окна, выступающие из здания и выходящие на царицыны палаты. Из неё входишь в другую большую палату, где ждут приходящие к патриарху, пока он разрешит им войти. Отсюда входишь в огромную палату, которая поражает своей необыкновенной величиной, длиной и шириной; особенно удивителен обширный свод без подпор посредине. По окружности палаты сделаны ступеньки, и пол в ней вышел на подобие бассейна, которому не хватает только воды. Она выстлана чудесными разноцветными изразцами. Огромные окна её выходят на собор; в них вставлены оконницы из чудесной слюды, украшенной разными цветами, как будто настоящими; с другой стороны окна выходят на двор старого патриаршего дома. В ней возле двери сделан огромный каптур (печь) из превосходных

изразцов. Все сооружение скреплено железными связями с обеих сторон. Никон назвал эту палату Христоб, т. е. христианская[614] палата. Внутри этого помещения есть еще покой, который служит нарфексом большой, прекрасной, весьма высокой церкви, устроенной патриархом в честь святой Троицы и выходящей на площадку Чудова монастыря. Наверху этой церкви сделаны κατηχούμενα (хоры) и в нарфексе её три прохода с лестницами: по одному патриарх стал ходить в собор, так как он напротив северных дверей его; другой ведет на новый двор, третий, выше этого помещения, представляет лестницу, ведущую на верх здания, где патриарх построил еще две церкви и кельи для дьяконов, откуда открывается вид на весь город. В углу Крестовой палаты есть дверь, ведущая к новому деревянному строению с многочисленными кельями, которые идут одна за другой и назначены для зимнего помещения, так как жители этой страны не любят жить в каменных домах, потому что, когда печи в них истоплены, то ударяет в голову и причиняется головная боль. По этой причине непременно строят для зимы, возле каменных, деревянные дома и но всему зданию закрытые проходы. Все двери таких помещений бывают обиты зеленым сукном.

Словом, это здание поражает ум удивлением, так что, быть может, нет подобного ему и в царском дворце, так как мастера нынешнего века, самые искусные, собранные отовсюду, строили его непрерывно целых три года. Мне рассказывали архидьякон и казначей патриарха, что он истратил на это сооружение более 50.000 динаров, не считая дерева, кирпича и пр. , подаренных царем и государственными сановниками, и того, что большая часть рабочих были его крестьяне.

Глава XV. Москва. Праздник св. Петра митрополита. Перемена клобука

Это редкостное сооружение было окончено постройкой и меблировано на этой неделе, но Никон до сих пор не переходил в него. Причина этому та, что в этот день, пятницу 21 декабря, случалась память преставления св. Петра, первого митрополита московского, мощи которого находятся в алтаре (собора). Московиты имеют обыкновение весьма великолепно праздновать его память в этот день, как мы упомянули раньше и как видели теперь, — торжественнее, чем праздник Рождества. Патриарх, обыкновенно, устраивает у себя после обедни большую трапезу для царя, его вельмож и всего священного чина. Случилось, что теперь были окончены его новые палаты, но так как память святого пришлась в этот день, пятницу, когда не позволяется есть рыбу, а у них пиршества не устраиваются и не могут быть роскошны без рыбы, то празднование святому отложили до следующего дня, т. е. до субботы. Никон дал знать нашему владыке патриарху, чтобы он приготовился служить в этот вечер вместе с ним всенощную в соборе, а завтра, после обедни, пожаловал бы к нему на трапезу в новые палаты.

Вечером, по обычаю, было совершено малое повечерие, а после 8 -го часа ночи прозвонили четырехкратно в большой колокол. Мы вошли в церковь в 9 -м часу. Пришли в церковь царица и царь.

[В эту ночь наш владыка патриарх представил царю просьбу, умоляя его отпустить его в дорогу; но царь ответил ему: « потерпи до после праздника Богоявления».]

Служба была большая, продолжительная и торжественная. Мы вышли из церкви лишь при восходе солнца, умирая от усталости и стояния на ногах от 9-го до 16-го часа. В эту ночь мы столько натерпелись от сильного холода и стужи, что едва не погибли, особенно потому, что стояли на железных плитах: Бог свидетель, что душа чуть не покинула нас. Что касается меня, бедного, то я хотел выйти и убежать из алтаря, но не мог, так как царь стоял перед южными дверьми, а царица перед северными, так что поневоле пришлось страдать. Когда я вернулся в свое помещение, Бог свидетель, что я, в течение трех дней, был совершенно не в состоянии стоять на ногах, хотя бы их резали железом. Я погружал их в нагретую воду и совсем не чувствовал тепла, а вода охлаждалась. В таком положении, страдая болью в ногах, я оставался, Бог свидетель, в продолжение почти двух месяцев. Но на все воля Божия. Что это за всенощные и бдения! Более всего нас удивляло, что дети и малютки, и притом не простолюдинов, а вельмож, стояли с непокрытою головой, неподвижно и не шевелясь, как статуи. Какая выносливость! какая вера! Вот нечто из того, что мы могли бы сказать о всенощных бдениях в стране московитов, известных всюду.

Спустя час, после нашего выхода из собора, зазвонили в колокола, и мы опять вернулись туда, измученные, умирая от усталости, дремоты и холода. Оба патриарха облачились, и с ними в этот день облачились три архиерея и десять архимандритов в митрах, двенадцать иереев монашествующих и мирских, двадцать взрослых дьяконов и более двадцати анагностов и иподьяконов: всех вместе с обоими патриархами и сербским архиепископом было более семидесяти служащих в алтаре. Пришла царица, а после нее царь. Во время Выхода, священники выносили покров с мощей св. Петра, похожий па плащаницу: он весь расшит золотом и жемчугом, и на нем изображен святой, как он есть, в облачении полиставрия (крестчатом). Когда кончилась обедня и мы сняли облачения, оба патриарха вышли к царю, чтобы его благословить.

Патриарх Никон, имея большую любовь к греческим камилавкам[615] и клобукам, сделал себе ныне новый белый клобук, по покрою клобуков греческих монахов, только над глазами вышит золотом и жемчугом херувим. Клобуки московитских монахов, их архиереев и патриарха весьма некрасивы: все они вязаные из шерсти, не имеют камилавок, но пришиты к скуфьям без кружка, а с меховой опушкой. Клобуки монахов очень велики, закрывают глаза и уши и ниспадают на плечи: из под них едва различишь их лица, [в особенности, когда они смотрят в землю. Что касается остальной их одежды, то она очень неопрятна, потому что они никогда не моют своих рубашек, а носят их постоянно, пока те не развалятся. Одеяние под их рясами бывает по большей части из зеленого сукна, а фуфайка и штаны делаются из зеленой бязи, которую привозят к ним персияне. Подобным образом одеваются монахини и игуменьи,] имея лица постоянно закрытые клобуками, как фатой. Таков их обычай. За спиною монахи носят деревянные кружки, прикрытые (одеждой), с изображением креста[616]: говорят, что это принято у них издревле для отличия от греческих монахов. Патриарх и архиереи носят скуфьи, обшитые мехом, как у монахов; их клобуки очень малы и плотно прилегают к голове, как клобуки сирийских (сиро-халдейских) патриархов. У них так велось издревле, со времен вышеупомянутого святого Петра, до сих пор.

Более удобного случая, как в этот день, патриарху Никону не могло бы представиться. Зная любовь к себе царя и пользуясь присутствием нашего учителя, одного из вселенских патриархов, он переговорил сначала с ним и втайне передал ему в алтаре упомянутой клобук, как обыкновенно, с камилавкой, прося его походатайствовать пред царем, чтобы тот возложил их на него, Никона, так как он сильно опасался, как бы миряне не стали говорить ему: «ты уничтожил древний наш обычай и одеяние наших первых святых архиереев». Так это и случилось с ним потом: именно, когда он надел новый клобук, на него сильно возроптали, хотя и скрытно, из боязни царя. Наш учитель, подойдя к царю, сказал ему так: «нас четыре патриарха в мире и одеяние у всех нас одинаково; с нашего разрешения поставлен этот брат наш патриархом московским, в равном достоинстве с римским напой, признак которого тот, что он отличается от нас белым одеянием. Если угодно твоему царскому величеству, я желал бы надеть на него эту камилавку и клобук, которые сделал для него вновь, чтобы он носил их подобно нам». Царь, по своей великой любви к патриарху Никону, был очень рад и отвечал нашему учителю: «батюшка, добро!» т. е. хорошо, принял их от нашего учителя, поцеловал, велел Никону снять старые клобук и камилавку и надел на него новые. Когда он возложил их на патриарха, лицо последнего засияло: этот греческий убор очень шел к нему, прежний же, как мы сказали, безобразил их, будучи скуфьей, а не камилавкой, и с клобуком малым, коротким и стянутым. Патриарх был очень рад, но присутствующие архиереи, настоятели монастырей, священники и миряне, видя это, сильно возроптали на Никона и говорили: «смотрите, как он переменяет одеяние архиереев, которое они приняли по внушению Святого Духа с того времени, как мы сделались христианами через св. Петра. Как земля не поколеблется под ним! так как, одеваясь до сего времени по-московски, он сделался греком.» Народ впоследствии сильно негодовал на него, но втайне, из страха пред царем. Под конец, все архиереи и монахи пожелали переменить свое прежнее одеяние, которое делало их смешными. Многие из них приходили к нашему учителю и просили его подарить им камилавку и клобук, но у нас не было лишних. Если бы в этом случае у кого-нибудь из монахов Святой Горы были целые воза камилавок и клобуков, то он распродал бы их по самой высокой цене. Кому удалось приобрести их и на кого возложил их патриарх Никон или наш, у тех лица открылись и сияли. По этому случаю они прерывая друг друга стали заказывать для себя камилавки из

черного сукна по той самой форме, которая была у нас и у греческих монахов, а клобуки делали из черного шелка. Они плевали перед нами на свои старые клобуки, сбрасывая их с головы, и говорили: «если бы это греческое одеяние не было божественного происхождения, не надел бы его первым наш патриарх». Нам рассказывали, что все монахи Троицкого монастыря, числом около пятисот, начали делать себе (новые) камилавки и клобуки и приготовились надеть их с дозволения патриарха. Когда наш владыка патриарх был в Новгороде, то воевода ходатайствовал перед ним за двоих из старших архимандритов, именно, архимандритов монастырей св. Варлаама и св. Георгия, чтобы наш владыка пожаловал им и возложил на них камилавки и клобуки. Этот добрый обычай ввел нынче у них наш владыка патриарх.

Глава XVI. Москва. Новоселье у патриарха Никона

Возвращаемся (к рассказу). Царь, взяв за правую руку нашего учителя, повел его к царице, чтобы он ее благословил. После ухода царя, опять затворили двери церкви, пока царица, как в тот день, прикладывалась, по обычаю, после чего она удалилась. Тогда все дьяконы, поя, пошли со свечами впереди патриарха, пока он поднимался в свои новые палаты, которые и открыл, поселившись в них в этот день. Когда он вступил в них, к нему подошел сначала наш владыка патриарх и поднес ему позолоченную икону трех святителей и большой черный хлеб с солонкой соли на нем, по их обычаю, поздравил его и пожелал ему благополучия в его новом жилище. После него подходили архиереи и сначала поднесли позолоченные иконы имени своих кафедральных церквей, а потом хлеб-соль, большие золоченые кубки, несколько кусков парчи и бархата и пр., при чем делали поклон. За ними подходили настоятели монастырей и даже их уполномоченные, проживающие в их подворьях в городе, именно, уполномоченные отдаленных монастырей. Также подносили ему подарки царевичи[617]. Затем подходили городские священники, купцы, сановники государства, ремесленники и подносили кубки, сорока соболей и пр. Но Никон от всех, за исключением архиереев и игуменов, принимал только иконы и хлеб-соль. Была большая теснота. Наконец патриарх послал пригласить царя к своему столу. Царь, войдя, поклонился патриарху и поднес сначала от себя хлеб-соль и сорок[618] соболей высшего сорта и то же поднес от имени царицы и своего сына, три хлеба и три сорока от своих сестер и то же от своих дочерей; всего 12 хлебов и 12 сороков соболей. В это время патриарх стоял в переднем месте палаты, царь же сам ходил к дверям и подносил упомянутые подарки собственноручно, принимая на себя не малый труд, крича на бояр, которые держали их, чтобы они подавали ему скорее: он казался слугой, и — о удивление! — когда подносил подарки от себя, то поклонился патриарху, говоря: «твой сын, царь[619] Алексей, кланяется твоей святости и подносит тебе...» Также, когда подносил подарки от царицы, назвал ее, и то же при поднесении остальных подарков. Что это за смирение, которое мы, стоя тут, видели в этот день! Разве нельзя было тебе, царь, (слава) своего века, стоять на своем месте и приказывать слугам, чтобы они приносили тебе подарки? но ты сам ходишь за ними! Да увековечит Бог твое царство за великое твое смирение и за приверженность к твоему патриарху! В правой руке царь держал черный посох с двумя маленькими разветвлениями.

После этого патриарх поклонился ему и извинялся, выражая свою благодарность; затем посадил его за (особый) царский стол, который раньше один из бояр уставил золотыми сосудами, на подобие чаш, солонками, кувшинчиками с уксусом и пр. Стол этот стоял в углу палаты, возле двух окон, выходящих одно на собор, другое па Чудов монастырь. Близ него, слева, был поставлен другой стол для патриарха, а рядом большой стол, который занял остальное пространство на этой стороне, обращенной к собору; за ним посадили всех бояр и сановников государства. Нашего учителя посадили за особым столом справа от царя и возле него сербского архиепископа. Грузинского царевича посадили близ них в этом переднем месте, также за особым столом, и близ же них трех (других) царевичей, то же за особым столом. К каждому столу отдельно было приставлено по несколько виночерпиев и слуг. Митрополитов, архимандритов и прочих настоятелей, соборных протопопов и священников посадили за большим столом на против бояр. Еще раньше возле чудесной, огромной печи этой палаты установили большой стол, на подобие высоких подмостков, со ступеньками, покрытыми материей, на которых разместили большие

серебряно-вызолоченные кубки и иные великолепные сосуды для напитков. На потолке этого помещения висели пять чудесных полиелеев (люстр); один, серебряный, висел близ царского стола, и внутри его яблока были скрыты часы с боем.

Когда уселись за стол и начали есть, пробило О часов дня, так что до вечера оставалось меньше часа. Обрати внимание на то, какое мучение мы претерпели в прошлую ночь и сегодня: целых 24 часа, стояли на ногах без пищи! Видя, какая здесь теснота, мы[620] *пошли в свое жилище, поужинали и вернулись, чтобы поглазеть. Когда принялись за еду, один из анагностов начал читать, по их обычаю, на аналое посредине (палаты) житие святого (Петра митрополита) высоким, нежным и мягким голосом. По временам выходили певчие и пели. Но наибольшее удовольствие патриарх и царь находили в пении детей казаков, которых царь привез много из страны ляхов и отдал патриарху, который одел их наилучшим образом, зачислил в свои служители, назначив содержание, и потом посвятил в анагносты. Они всегда имели первенство в пении, которое предпочитают пению певчих-московитов, басистому и грубому. Те пели один час, а эти после них. Когда певчие кончали, чтец продолжал житие. От начала трапезы до конца царь беспрестанно посылал нашему владыке патриарху со своего стола, блюда с кушаньем и много кубков с напитками и вел с ним беседу, выказывая к ему великое дружелюбие. Переводчиком между ними был сербский архиепископ. Царь просил помолиться за него Богу, как Василий Великий молился за Ефрема Сирина и тот стал понимать по-гречески: чтобы и царю также понимать этот язык. Вечером зажгли свечи в люстрах и палата ярко осветилась. Затем патриарх, пригласив царя и некоторых вельмож вместе с царевичами, нашего владыку патриарха и сербского, повел их в новое деревянное помещение, и здесь устроили большое веселье с превосходными напитками и пр. Патриарх поднес царю в подарок большой кусок Древа Честного Креста, частицу драгоценных мощей одного святого, 12 позолоченных кубков, 12 кусков парчи и пр. Затем, они вышли в наружное помещение и продолжали пиршество до восьмого часа ночи. Тогда царь поднялся и раздал всем присутствующим кубки за здравие патриарха. Выпив, опрокидывали их себе на голову, чтобы показать, что выпили здравицу до капли. Подобным образом и патриарх Никон всем дал выпить за здравие царя, при чем также опрокидывали кубки на голову, преклоняя колена перед и после. Затем пили за царицу, их сына и прочих. Наш владыка патриарх и прочие присутствующие встали и отправились к себе домой. Царь же оставался у патриарха до десятого часа, пока не ударили к заутрени, и они оба пошли в собор к бдению, по случаю памяти их святого, Филиппа, и вышли из церкви на. рассвете. Обрати внимание на эту твердость и выносливость!*

В это воскресенье, поздним утром, наш владыка патриарх ездил к московскому, чтобы, согласно с их обычаем, поблагодарить его вместе со всеми, бывшими у него накануне за трапезой. Многие, которые не могли одарить его вчера, поднесли свои подарки сегодня.

Глава XVII. Москва. Праздник Рождества. Христославы. Обедня в Успенском соборе. Описание царского одеяния

В понедельник, рано утром, в канун Тождества, зазвонили в колокола и все пошли к часам. Было совершено многолетие царю, царице и всему царскому дому, по обычаю, в присутствии царя. На отпусте, ушли, а потом возвратились к обедне, от которой вышли лишь при закате солнца.

В этот вечер и далее, в продолжение нескольких дней, патриаршие дьяконы, большие и маленькие (анагносты), вместе с певчими ходили толпою по домам архиереев, настоятелей монастырей и городской знати и пели рождественские тропари и после них многолетие, чтобы получить милостыню. Они приходили и к нашему владыке патриарху. Точно также ходили по домам дьяконы и певчие архиереев.

В канун праздника Рождества, в восьмом часу ночи[621], т. е. в полночь, зазвонили в колокола, и народа, поспешил в церкви. Между двумя колокольнями есть церковь в честь праздника, устроенная на подобие настоящей вифлеемской пещеры: как мы сказали раньше, царь Иван посылал человека осмотреть ту пещеру и построил эту церковь. Царь и его вельможи, обыкновенно, слушают в ней всенощное бдение в эту ночь, вместе с патриархом. Так как место кругом неё было теперь занято приспособлениями, в виде столбов, для колокола и строительными материалами, то царь и патриарх не пошли в нее ко всенощной, а послали туда одного из архиереев, сам же патриарх совершил службу в соборе, в присутствии царя и царицы. Звонили в новый колокол вместе с прочими при начале утрени, [при полиелее трижды и столько же при евангелии]. Царь с вечера присылал к нашему владыке патриарху одного из стольников пригласить его ко всенощной, обедне и трапезе, по обыкновению, но патриарх Никон, зная, чего мы натерпелись от сильной стужи н усталости в предшествующую ночь, не пригласил нас ко всенощной — это был благословенный час. Бог да ниспошлет ему свою милость!

Рано поутру зазвонили в колокола, и наш владыка патриарх отправился к патриарху Никону, который повел его к царю и царице; они благословили их и поздравили с праздником. Затем сошли в собор и облачились вместе. Что касается приходских церквей, то в этот день отслужили в них обедню на заре. Облачившись, патриархи сели и стали, по обыкновению, дожидаться царя. Никон в этот день надел, новый саккос, стоящий, как говорят, 7000 золотых. Сошла царица, и после неё явился царь в новой, чудесной короне. Его верхнее одеяние из тяжелой парчи походило на саккос, но имело узкие рукава, как у чекменя; кругом него был род каймы из драгоценных каменьев, жемчуга и золота, как обычно бывает на царских одеяниях, таково же было и нижнее платье. На плечах у него была порфира, т. е. царская пелерина, подобная той коже, которую носят на шее сеймены[622], чтобы держать на ней ружье; царь надевает ее только по большим праздникам. По виду она круглая, покрывает плечи, грудь и часть спины и состоит из золота, драгоценных каменьев и жемчуга, не поддающихся описанию: по окружности её — образки Господских праздников, величиною с ладонь, из зеленого изумруда с золотом; — резьба Господских праздников на изумруде поражает изумлением; между каждыми двумя изумрудами подобный же образок из чистого золота, чеканной работы, с черным, выжженным фоном[623] — превосходная работа, поражающая удивлением ум. У нас глаза разбежались при виде этих изумрудов и драгоценностей. На шее у царя висел большой драгоценный крест из белой кости, не знаем какого животного; на всем кресте вырезаны с обеих сторон господские праздники, как на крестах Святой Горы. Он висел на большой золотой цепи. В

этот день царь три-четыре раза переменял платье до окончания обедни. Его жезл власти (скипетр) из белой кости, именно, из рога единорога, большой, прямой, красивый, прислан ему, как говорят, кизилбашем (шахом), в числе других подарков. Один из вельмож держал этот скипетр близ царя, а другие двое стояли вместе с царем на царском месте и поддерживали его под руки. После обедни патриарх прочел на амвоне праздничное поучение и роздал антидор царю, царице и знатным людям, как учил их наш владыка патриарх.

По уходе царя и царицы, мы поднялись с патриархом в его новые палаты, причем все дьяконы шли перед ним в облачениях со свечами и пели. Пробыв здесь немного времени, мы пошли к царскому столу, который продолжался до третьего часа ночи, когда царь встал и простился с нашим учителем, послав некоторых из своих вельмож со свечами проводить его до дому. Зазвонили в колокола, и они пошли ко всенощной.

Глава XVIII. Москва. Известия о действиях Бутурлина п Хмельницкого. Гетман Павел Потоцкий

На другой день праздника Рождества пришло к царю известие о войске, которое он послал с боярином Бутурлиным к Хмелю. Они пошли вместе на Каменец. Когда они сильно стеснили крепость, жители прислали им из города с маленьким мальчиком письмо такого содержания: мы не будем воевать с вами; идите сначала воевать с нашим кралем, и если его убьете и овладеете его столицей, то мы подчинимся вам без войны. И дали в этом клятву. Стефан, господарь Молдавии, прислал царскому боярину со своими служителями множество даров: червонцы, бочки вина, быков, овец, хлеба и пр. Тогда они сняли осаду Каменца и пошли к городу Львову. Здесь им написали то же и поднесли множество червонцев и даров, чтобы они отошли от города. На своем пути они отняли у ляхов 28 крепостей и городов, и в том числе город, по имени Люблин, что на их языке значит: «город собраний», так как ляхи, в эпоху своего могущества, собирались в нем на совещания. Говорят, что в этом городе 80 каменных судебных диванов (палат) и дворцов и замечательные, большие дома. Весь город выстроен из камня и имеет три крепости. Когда московиты овладели двумя из них и сильно теснили внутреннюю, то осажденные заплатили им большую сумму денег. В этом городе с древних времен находился кусок Честного Древа Креста, в форме креста, который несомненно творил всегда чудеса. Ляхи гордились им и не отдали его даже римскому папе, который, как говорят, предлагал за него 400.000 червонцев. Боярин царя, узнав о нем, потребовал его у жителей, но они сказали, что у них его нет, и лишь с большим трудом признались в обладании им, чтобы спастись от смерти, и тогда получили уверение в безопасности. Все жители со своими священниками в облачениях, со свечами, вышли к Бутурлину, провожая это драгоценное сокровище, не имеющее себе цены, и оплакивая его со слезами и рыданиями. Московиты отошли от них и возвратились в город Киев со множеством добычи и пленных. Говорят, что Люблин отстоит от Киева почти на два месяца пути.

Они победили великого гетмана ляхов, именем Павла Потоцкого, который, при их удалении от Каменца, вышел, чтобы напасть на них с десятитысячным войском. Узнав об этом, московиты вернулись назад, и часть войска засела в засаду на пути гетмана в лесах и горах. Когда он проходил мимо, они напали на него со всех сторон, и ему ничего не оставалось, кроме бегства. Его настигли и захватили в плен, а войско истребили.. Говорит, что жена его, узнав, что он попался в плен, скоропостижно умерла от горя. Гетмана вместе с сыном отправили к царю.

Раньше ляхи заключили с татарским ханом договор, в силу которого он должен был придти к ним на помощь, а они его встретят, (выступив) из своей земли, чтобы с двух сторон напасть на Хмеля и царского боярина с их войсками. Ляхи приставали к хану, прельщали большою суммою денег и отправили к нему несколько послов. Наконец татары, в злобе и негодовании на Хмеля за то, что он подчинился царю, поднялись и пошли на землю казаков, производя опустошения, пожары и убийства. Узнав об этом, Хмель и Бутурлин поспешили напасть на хана, и между ними произошло сильное сражение, длившееся три дня. Под конец, видя себя побежденным, хан просил у них мира, обещая быть с ними заодно против их врагов. Еще раньше он взял в плен одного родственника Бутурлина: когда тот ехал в Москву, хан, встретив его на дороге, захватил в плен. Поэтому с ханом заключили мир и освободили пленника. Хан просил у Хмеля 1500 казаков проводить его до земли молдаван [и отдал ему в заложники несколько мурз, пока он не пройдет молдавскую землю].

И так он отправился в страну татар, и когда казацкий отряд вернулся, мурзы были отпущены.

Когда весть об этих происшествиях дошла до царя, он сильно разгневался на Бутурлина и послал приказ отрубить ему голову за его тройную измену: во-первых, за то, что он брал взятки с тех городов и крепостей; во-вторых, за то, что, покорив города и опустошив их, не удержал в своей власти; в-третьих, что заключил мир с ханом. Узнав о гневе царя на него, Бутурлин выпил яду и умер. Когда известие об этом дошло до царя, он послал приказ сжечь его тело: так он был разгневан на него; но потом, по неоднократной просьбе патриарха, позволил привести его в Москву, где его и похоронили.

Царь простил гетмана Павла Потоцкого, и последний, по его приказанию, пробыл в Пудовом монастыре шесть недель, т. е. 40 дней, в степени оглашенного. По окончании этого срока, патриарх окрестил его, при чем восприемником был царский тесть. Царь наградил гетмана чинами, почетными подарками, содержанием и пр. Гетман ежедневно являлся во дворец вместе с сановниками государства с большою пышностью, по свойственному ляхам высокомерию. И не он один, но и многие вельможи ляхов выразили покорность и подчинились царю, и он восстановил их в их степенях. Равным образом многих конных ратников и иных из ляхов царь разместил тысячами по своей стране между войсками, назначив им содержание. Поэтому они полюбили его, и множество их подчинилось ему. В это время торговые ряды столицы были переполнены сокровищами и редкостями из страны ляхов, которые продавались за бесценок. Пленников же продавали на рынке уничижения (невольничьем).

Когда царь покорил город Вильну, то прислал оттуда патриарху двадцать больших буйволов, которых доселе здесь не знали. Мы видали также на дворах вельмож много ослов, при веденных оттуда же. Осла называют на их языке, как по-турецки, ишак. Мы видели их и в царских конюшнях.

Глава XIX. Москва. Праздник Богоявления. Известие о победе. День св. Татияны

В субботу, в канун Богоявления, мы отправились в собор и служили с патриархом Никоном, а вечером снова пошли туда, к службе освящения воды. Всегдашний их обычай был подобен нашему, именно, они совершали службу водоосвящения два раза: с вечера в церкви и поутру на реке. Но патриарх Никон нашел в одной книге Святой Горы свидетельство Фотия, патриарха константинопольского, что освящение воды должно совершать только один раз. Так он и поступил, по приказанию царя. Начали вечерню. Все священники вошли в (алтарь) и облачились. Присутствовал и царь. Оба патриарха облачились и пошли к реке [большим крестным ходом, с хоругвями и свечами, так как наступили сумерки. За патриархами шел царь, облеченный в царское одеяние, назначенное для больших торжеств, в порфире, с крестом на шее и с короной на голове. Пройдя чрез Водяные ворота, мы пришли к большому, прочному помосту, сделанному накануне; в средине его был устроен водоем со ступеньками. Один из стрельцов, имея в руках нечто в роде продырявленного заступа с длинной рукояткой, счищал лед с воды, как скоро он появлялся на ней, и постоянно мешал воду, чтобы, на сколько возможно, воспрепятствовать ей замерзнуть. Царь, придя, взошел на помост, помолился и подошел под благословение к патриархам. Иереи с иконами и крестами, обращенными к востоку, стояли кругом воды, а государственные сановники кругом помоста. По обеим берегам реки расположились многочисленные стрельцы тесным строем, образуя большой круг поодаль, а на стенах и башнях толпились мужчины и женщины из всех частей столицы и из деревень. Три человека с тремя втрое скрученными свечами в руках стояли над водой. После «Благослови» и пр.[624] патриарху принесли большие и малые сосуды, и он наполнил их водой, а потом взошел[625] и окропил царя, вельмож и всех предстоящих. Зачем мы вернулись в собор, при чем патриарх нес крест на голове. Была уже ночь. Когда мы вошли в церковь, патриарх взошел на свое архиерейское место, а царь стал позади колонны. Сослужащие, поставив по средине стол, разместили на нем сосуды, наполненные святой водой и три большие чаши, из которых одну взял патриарх, другую наш учитель, а третью один из митрополитов. Царь и вельможи подошли и получили св. воды от обоих патриархов, набожно преклоняясь. Патриарх закончил церемонию, раздав воду архиереям и боярам; наш учитель раздавал ее остальному духовенству, а митрополит мирянам]. Затем совершили отпуст, и мы вышли. Когда мы вернулись в свой монастырь, царь прислал одного из своих бояр сказать, чтобы наш учитель приготовился к обедне на другой день и к трапезе у него. В полночь ударили в колокола и мы пошли в церковь, а поздним утром отправились в собор, где служили все вместе в присутствии царя, который был облечен в царское одеяние, порфиру и корону. По окончании обедни, Никон вручил нашему учителю одну из чаш со святой водой. Тогда царь подошел и выпил сначала этой воды из рук нашего учителя, а потом подошел к патриарху Никону и принял от него антидор. [То же сделали все вельможи и присутствующие.

Затем, патриарх взошел на свое место, а все сослужащие разместились кругом него; царь же стал за колонной, и] начали царский молебен с особым молитвословием, так как получено было известие, что войско ляхов явилось было по следам царя, чтобы взять обратно Вильну, но царский воевода, который находился там с войском, выступив против них, разбил их, истребил более 6000 и взял 28 знамен; более тридцати вельмож-воевод изъявили покорность. Царский воевода спросил их: «почему вы бежали без битвы?» Они

отвечали: «когда мы выстроились на битву, чтобы сразиться с вами, вдруг увидели на небе Алексея, царя московского, — над ним было написано его имя — и впереди него св. Михаила с мечом, на нас нападающего. Поэтому мы и были разбиты». Эти слова прочел теперь патриарх всему народу из письма, присланного виленским воеводой. При этом царь плакал от радости, по своему смирению. По прочтении письма, Никон сошел и, став против царя, выразил ему пространно молитвенные благожелания с примерами и изречениями, равно и его вельможам, а певчие пропели царю многолетие. В таком же роде и царь ответил патриарху, которому также пропели многолетие. Царю пели так: «великий царь Великой, Малой и Белой России — так как город Вильна есть столица Литвы, которая на языке московитов называется Белой Россией — и автократор», что по-гречески значит: «самодержец»[626]*. Также и царь*

именовал патриарха патриархом Великой, Малой и Белой России. Затем оба патриарха благословили его и мы, разоблачившись, пошли к царскому столу, за которым происходило то же, что в день Рождества, (и продолжалось) до ночи. Мы возвратились в свой монастырь со свечами. В этот вечер патриарх Никон поехал в свой новый (Иверский) монастырь для его осмотра, а также в Новгород.

В субботу 12 января ударяли в большой колокол с вечера и поутру, по случаю памяти св. Татияны и именем младшей сестры царя, которой имя Татьяна. Царь устроил для неё стол, с которого прислал кушанья и нашему владыке патриарху.

Книга XII. Саввин монастырь и Москва. Украйна

Глава I. Саввин монастырь. Пять монастырей, где служат приезжие патриархи. Обновление Саввина монастыря царем. Поездка туда патриарха Макария. Зимний путь. Торжественная встреча и обед. Разговор царя с патриархом и с его архидьяконо

Знай, что существует обычай для патриархов, приезжающих в эту страну, просить у царя разрешения посетить пять монастырей и служить в них ради получения милостыни и подарков: первый — монастырь Чудов, второй — монастырь монахинь (Вознесенский), третий — Спасский за городом, четвертый — Симонов, пятый — монастырь монахинь и девиц вне города (Новодевичий). Шестую обедню они служат, обыкновенно, в церкви Благовещения.

Этот царь недавно отстроил заново монастырь, находящийся к северо-западу от города, в расстоянии сорока верст, на берегу реки Москвы. Он во имя святого Саввы Нового, одного из их святых. Царь всю душу положил на его построение, чтобы сделать его подобным монастырю Троицкому, — и все это по любви своей к церквам, монастырям, монахам и всему священному чину. На этой неделе, в четверг 17 января, он отправился туда на богомолье со всеми своими боярами, чтобы отпраздновать там память этого святого и годовщину обновления монастыря, что приходится 19 числа этого месяца[627]. Еще перед его отъездом наш владыка патриарх подал ему челобитную с просьбою о дозволении ему посетить вышеупомянутые монастыри, а также и его монастырь, и царь дал ему на это разрешение. Прибыв в Саввин монастырь в пятницу, он вспомнил о нашем владыке патриархе и тотчас послал гонца к министру с приказанием немедленно снарядить нашего владыку в ту же ночь, в надежде, что он поспеет к праздничной обедне в субботу. Министр назначил пять человек стрельцов, которые должны были ехать перед нами. Переводчики привели для нас подводы, а для нашего владыки патриарха царские сани, запряженные воронымиlошадьми, и, кроме того, еще заводных лошадей. С нами было назначено ехать одному из переводчиков и толмачу. Мы выехали из города после четвертого часа ночи, надеясь поспеть к обедне. Впереди нас ехали с фонарями. До рассвета мы проехали 25 верст и остановились в одном из селений, которые следуют одно за другим от города до монастыря, — остановились, чтобы немного согреться, так как был сильный холод и шел снег, и чтобы дать отдохнуть лошадям. Затем мы поднялись и проехали остальные 15 верст, а всего сорок. Когда мы доехали до монастырского посада, отстоящего от монастыря на три версты, царь прислал одного из своих вельмож с несколькими людьми с поклоном нашему учителю и поздравлением с приездом, а спустя немного времени прислал с поклоном еще одного из своих приближенных. Монастырские стрельцы, стоящие там стражей, выстроились в ряд по обе стороны дороги на протяжении версты. Между тем царь беспрестанно присылал своих вельмож одного за другим с поклоном и приветствием от своего имени, пока мы не доехали до монастыря. Здесь перед воротами высадили нашего владыку из саней и, поддерживая его под руки, повели вверх. Навстречу к нему вышел архимандрит[628] в облачении и митре со всеми своими иереями и дьяконами. Наш учитель, помолившись на надвратные иконы, поклонился кресту, который был у них на блюде, приложился к нему и осенил им архимандрита. Последний взял владыку под руку. Когда мы поднялись по лестнице ко вторым воротам, — так как монастырь на вершине горы и окружен стеной, — вышел сам царь навстречу нашему владыке и поклонился ему, а наш учитель благословил его крестом.

Царь взял нашего учителя под руку справа, а архимандрит слева, и они ввели его на монастырскую площадку, а затем в церковь. Между тем колокола гремели с самого нашего приближения к монастырю. Мы не застали обедни, так как было около полудня. Войдя в церковь, наш владыка приложился, по их обычаю, ко всем иконам церкви и к мощам св. Саввы Нового, которые положены в серебряно-вызолоченной раке, находящейся в углу церкви направо, в помещении, похожем на место, где хранится риза Господня, с куполом и медной загородкой со сквозной резьбой кругом и слюдяной поволокой. Потом он благословил царя вторично, и они приветствовали друг друга чрез переводчика. Царь, уходя, велел отвести нашего учителя в покои царицы, находящиеся напротив южной стороны церкви; помещение же царя находится против северной стороны её[629]. В царицыных покоях мы и остановились.

Царь поднялся в трапезную, чтобы лично угостить отцов монастыря по случаю праздника. Смотри, читатель, какие чудесные и удивительные дела Бог сподобил нас видеть и как необычайно смирение царя! Именно, он сам до конца трапезы прислуживал всем монахам до последнего, а они сидели, ели и пили. Царь прислал одного из своих министров пригласить» нашего владыку патриарха, и когда мы поднимались по лестнице трапезной, сам лично вышел встретить нашего владыку наружу и поклонился ему; владыка благословил его, и царь, взяв его под правую руку, ввел в трапезную. Пропев, но обычаю, Достойно есть перед иконами, владыка помолился на них; царь подошел, поклонился и владыка вторично благословил его. Они оба сели за одним столом, а вельможи и приближенные царя отдельно за другим, с левой стороны; мы же с отцами монастыря за особым столом справа. На полу перед царем был поставлен стол для нищих, слепых, калек и иных, и он прислуживал им все время пищей и питьем до последнего. Иереи пропели застольную молитву. Нашему учителю поднесли Панагию, и он поднял ее, по их обычаю, в честь св. Троицы, раздробил на части и дал от нее царю, а я, пишущий эти строки, обошел с блюдом, раздавая ее всем вельможам и священникам. Когда благословили стол и сели, начали подавать блюда с яствами, часть которых царь передавал нашему учителю, чтобы он раздал их, по обычаю, кому пожелает из государственных сановников.

В этот день царь много и дружески беседовал с нашим учителем о причинах его отъезда из своего престола и стремлении к нему, царю, вследствие большой нужды, причем обнаружил подробное знакомство с его делами, как будто он был свидетелем его обстоятельств с начала до конца. Всего больше удивили нас следующие его слова: «я знаю, что главной причиной твоего отъезда из престола были зло и огорчения, причиненные твоей святости злополучным митрополитом Миры, в воздаяние за твои благодеяния ему». Наш владыка патриарх был очень изумлен этими словами, и мы потом подумали про себя: «кто сообщил и сообщает царю об этих делах?» Но от царей не может скрыться никакая тайна. Затем он сказал ему: «почему ты не сообщил мне о нем и об его злых поступках, когда он приехал к нам?»

Упомянутого господина мы встретили в Молдавии, и он, со смирением и покорностью, изъявлял нам большую дружбу; поэтому, когда он опередил нас прибытием в Московию, наш учитель не захотел написать о нем дурно и воздать ему злом. Митрополит просил рекомендательное письмо к царю, но Василий воевода, с которым мы посоветовались, отговорил нас, зная о гнусных их злых делах митрополита и об обидах, причиненных им нашему учителю. В виду этого, мы представили ему невозможность для нас удовлетворить его просьбу, и он уехал с патриархом Пателлярием раньше нас. По прибытии его в Москву, когда они пробыли здесь некоторое время, московиты заметили гнусные поступки его архимандритов, дьяконов и родственников, их злые дела и то, что

они курят табак, и их немедленно отправили в заточение, но митрополит, по заступничеству Пателлярия, избавился от наказания и выехал из Москвы. Когда он прибыл в Путивль, дошел до царя и патриарха слух об его скверных делах и пороках и о том, какое зло он причинил нашему учителю, и за ним тотчас отправили в погоню одного из переводчиков с нескольким гонцами. Его догнали в Красном, нервом городе страны казаков. Видя это, митрополит пришел в смятение и впал в отчаяние. Сознавая свою вину, он стал упрашивать посланного, заплатив ему более 200 динаров, смиловаться над ним и отпустить его, говоря: «скажи обо мне, что ты меня не догнал». Посланный возвратился в Москву с пустыми руками, но его поступок и обман не остались скрытыми, и узнав об этом, его обнажили и провели по городу под кнутом, оглашая его вину, а потом сослали туда, куда хотели заточить злополучного митрополита Миры.

Поэтому царь сказал теперь нашему учителю: «батюшка будь спокоен и не огорчайся, так как, хотя я и здесь, но мышца Господня, далеко досягающая, и моя рука достанут его и накажут, где бы он ни был». Нас поразили эти слова, так как это была царская речь и угроза. Бог да хранит его царство за его расположение к нам! От начала трапезы до конца царь не переставал беседовать с нашим владыкой. Под конец, жалуясь ему на смерть монахов этого монастыря во время моровой язвы, он сказал: «дьявол позавидовал мне; по моим великим грехам, умерли монахи моего монастыря, так как раньше их было более трехсот, а теперь осталось только сто семьдесят». Посмотри, брат, на этого царя и на эти слова: он горевал о смерти монахов и об их малочисленности! Какая благословенная душа! какая чистая отрасль! Царь, столь высоко стоящий, оплакивает смерть монахов! По истине, его ум и помыслы погружены в созерцание и пребывают в небесных, а не в земных делах. Какое счастье и какая радость нам, что мы видели и слышали эти чудесные, удивительные вещи, о которых потом будем рассказывать!

Затем стол убрали, и наш учитель опять воздвиг Панагию. Певчие пропели многолетие, и царь, по обыкновению, стал раздавать всем присутствующим кубки с напитками за здоровье московского патриарха, при чем стоял на своем месте, а стольники подносили ему кубки. Все, получавшие их, кланялись царю сначала и потом. Певчие пропели многолетие своему патриарху. Наш учитель возгласил пожелание всех благ царю, ему пропели многолетие, и наш учитель первый выпил здравицу за царя из особого кубка и передал его царю. Стольники начали подносить нашему учителю кубки с медом, и он раздавал их всем присутствующим. Царь подзывал отцов монастыря поименно, одного за другим, чтобы они выпили, говоря им: «сударь Иосиф, сударь Симеон, сударь такой-то», т. е. господин такой-то, и не только отцов монастыря и старцев, но позвал и простых монахов и поваров, так что мы дивились и изумлялись его необычайному смирению. Во время раздачи кубков архидьякон, обыкновенно, поддерживает патриарха под правую руку, чтобы он не утомился, но так как царь стоял теперь справа от владыки, то я постеснялся стать между ним и нашим владыкой и потому взял его левую руку. Увидев это, царь тихо позвал меня по имени и ласково велел мне стать между ним и владыкой, чтобы я поддерживал его правую руку. К этому времени он уже узнал, кто я таков, чему был весьма рад, и много раз выражал недовольство нашему учителю, что он с самого начала не познакомил меня с ним и не сказал ему обо мне. При начале трапезы он позвал меня по имени, заметив, что я стесняюсь, — я стоял сзади, поодаль — и посадил меня выше отцов монастыря. Он непрестанно посылал мне блюда с кушаньем и кубки с напитками до окончания трапезы, при чем каждый раз я, по обычаю, вставал и издали кланялся ему дважды, я был смущен и растерян и таял в своем соку.

Когда наш учитель окончил раздачу кубков, пропели многолетие царю, а потом нашему

владыке, по приказанию царя. Царь начал тогда раздавать заздравные кубки за нашего учителя всем присутствующим, к большому удовольствию. Он подозвал и меня, чтобы дать мне выпить; по обычаю, я сделал ему земной поклон и, приняв чашу из его рук, причем поцеловал у него правую руку, вернулся на свое место, идя задом, и выпил вино, после чего вторично поклонился ему. Он опять подозвал меня и много говорил со мной чрез переводчика. За это время я успел выучить по-русски ектенью, т. е. Миром Господу помолимся до конца, Рцем вси и пр. Не знаю, кто сообщил ему об этом, но он мне сказал: «прошу тебя прочесть завтра для меня ектенью и Евангелие по-русски», так как я уже начал читать русские книги. Я, тая в своем соку от смущения и великого почтения пред царем, обливался потом, (обильным) как море, и мог ответить ему только: «приказание царя будет исполнено».

Когда царь кончил раздачу кубков, пропели многолетие ему и патриарху Антиохии и всего Востока. Также пропели многолетие и пили за здравие царицы, её сына и всего царского дома, при чем один раз раздавал кубки царь, а другой раз наш учитель, пока не кончили; при этом они, по обыкновению, стояли на ногах. В заключение наш владыка прочел «Достойно есть» и благословил царя, который, взяв его под руку, вышел с ним из трапезной и послал всех своих вельмож проводить его до келий.

Глава II. Саввин монастырь. Всенощная. Эпизод с чтецом. Царь в роли уставщика. Он рассматривает арабский служебник. Обедня. Архидьякон Павел возбуждает общее удивление. Царь показывает мощи св. Саввы. Сосланный греческий дьякон. Обед у царя

Вечером зазвонили в колокола. Мы отстояли с царем малое повечерие и вышли. В десятом часу ночи[630] ударили ко всенощному бдению. Мы вошли в церковь. Пришел царь, приложился к иконам и подошел к нашему учителю, который его встретил и благословил, после чего царь стал близ места, где рака святого; он не имел для себя сиденья, а только под ноги ему подложили подушку из соболей, по царскому обычаю. Он приказал разостлать ковер рядом с собой, и наш учитель стал с ним рядом, близ дверей церкви; я же стал по левую сторону от него сзади, а наши товарищи, по своим степеням, стали слева от церковных дверей. Начали пение вечернего псалма и прочих молитв неспешно и протяжно. После Входа и прохождения архимандрита с прочими иереями и дьяконами и после «Спаси Господи люди Твоя», наш учитель прочел положенную молитву. Кончили службу, и чтец начал первое чтение из жития святого, сказав по обычном начале: «благослофи, оче»[631], как обыкновенно говорят настоятелю. В это время царь сидел на кресле, а наш учитель на другом. Вдруг царь вскакивает на ноги и с бранью говорит чтецу: «што кафари, мужик бл...н с(ын) (в этой стране у патриарха, царя и вельмож главное ругательство, обыкновенно: «мужик, бл...н сын» т. е. крестьянин, безумный, а слова: што кафари значат: «что ты говоришь»): благослофи, оче? и тут есть батриарх; скажу: благослофи, фладико«, т. е. «зачем ты говоришь: благослови, отче? тут патриарх; скажи: благослови, владыко». Чтец затрепетал и, пав в ноги царю, сказал: «сударь, прости»! т. е. «государь мой, прости меня!» Царь отвечал: «Бох бростит», т. е. «Бог простит тебя». Тогда чтец встал и повторил те же слова, а наш учитель произнес: «молитвами святых отец»....

Когда началось чтение, царь велел всем присутствующим сесть. От начала до конца службы он учил монахов обрядам и говорил, обходя их: « читайте то-то, пойте такой-то канон, такой-то ирмос, такой-то тропарь таким-то гласом». Если они ошибались, он поправлял их с бранью, не желая, чтобы они ошибались в присутствии нашего владыки патриарха. Словом, он был как бы антипиретик, т. е. учителем типикона (уставщиком), обходя и уча монахов. Он зажигал и тушил свечи и снимал с них нагар. Во время полиелея он попросил нашего учителя войти в алтарь и надеть полное облачение, по их обычаю. Так он и сделал: мы облачились и его облачили в алтаре и вышли. После

«Блаженны» наш учитель стал на возвышении, приготовленном для него в нарфексе. Монастырские иереи, числом до пятнадцати, и десять дьяконов вышли попарно; перед входом и после выхода (из алтаря) они кланялись царю и нашему владыке патриарху и размещались кругом него в обычном порядке. Затем поднесли нашему владыке патриарху свечи, из которых одну он вручил царю, другую архимандриту монастыря, остальные роздал вельможам царя и прочим служащим. Начали пение полиелея. Наш владыка патриарх, сойдя с своего места, совершил каждение. Когда окончили, вошли в алтарь и сняли облачения. Но царь попросил нашего владыку патриарха не разоблачаться, пока не прочтет евангелия утрени. Так и было. Затем мы сняли облачения, и наш учитель, выйдя, стал на своем месте. С начала службы до конца царь не переставал вести с ним беседу и

разговаривать. Потом царь, войдя в алтарь, попросил меня показать ему служебник литургийный, который мы имели с собою. Он удивлялся на его изображения и письмо, перелистывая его лист за листом, и, выйдя к нашему учителю, сказал ему с поклоном; «прости меня, что я рассматривал твой служебник и перелистывал его без твоего позволения». Затем царь опять позвал меня к себе; я поклонился ему сначала и потом и поцеловал его правую руку. Он сказал мне чрезвычайно ласково и посмеиваясь: «кавари, кавари», т. е. говори со мной. Я же, растопляясь в своем соку и трепеща пред его величием, отвечал: «ни знай бо руске» , т. е. не знаю по русски. Он был очень доволен мною и, ласково ободряя меня говорить, попросил прочесть Евангелие и ектенью по-русски. Я отвечал ему с поклоном: «все, что знаю, скажу». — Добро, сказал он. Я поклонился и отошел назад, представляя из себя колодец пота.

Мы вышли из церкви только на заре и поздним утром возвратились к обедне. Мы облачили нашего владыку патриарха на упомянутом возвышении, и когда пришел царь, владыка сошел встретить его. Царь, приложившись к иконам, подошел и поклонился владыке, а он осенил его крестом, и царь пошел и стал на своем месте. Начали часы, и по отпусте, при начале (обедни), я произнес ектенью по-русски таким образом, что привел в изумление: чтение московитов басистое, грубое, а я возгласил ектенью тонким греческим напевом, так что царь немало изумлялся и дивился на меня. Певчие при каждом прошении, обыкновенно, поют «Господи помилуй», но царь не позволил им возвышать голос, дабы различать, что я говорю, и, как мне сказали потом присутствующие, кивал головою с видом удивления. Когда я кадил во время Апостола в царских вратах крестообразно, то, не зная, что они имеют обыкновение кадить прежде всего месту, где мощи святого, я стал кадить сначала царю, а он показал мне пальцем со своего места, давая знать, чтобы я кадил сначала месту святого. Я смутился, но сделал так, а ему кадил после. Затем я вышел и прочел евангелие на воскресенье Закхея по-гречески, а праведникам, именно Евфимию Великому, по-арабски. Я уже выучился передавать его по-русски, но, стесняясь царя, не мог (прочесть как они), по незнакомству с их басистым и протяжным напевом. Это случилось к лучшему, так как царь очень удивлялся моему чтению на трех языках и потом еще по-грузински[632]. Я окончил чтение евангелий; после этого архидьякон, обыкновенно, подносит Евангелие, чтобы приложиться, сначала патриарху, [а потом царю; но я, в эту минуту смущения и трепета, направился прежде всего к царю,] а он знаком показал мне, чтобы я шел сначала к патриарху, что я и сделал, и, возвратившись к царю, поднес ему Евангелие приложиться, причем поцеловал его правую руку. Я с трудом мог нести Евангелие вследствие его тяжести и большого размера, при обилии золота и крупных драгоценных каменьев: изумрудов, голубых яхонтов, рубинов, алмазов и пр. Отделка его поражает ум удивлением; говорят, оно стоит 3.500 динаров (рублей)[633]. Когда я подносил Евангелие царю приложиться, то оробел пред его величием и руки у меня не могли двигаться. Потом я возгласил ектенью «Рцем вси» также по-русски, и все удивлялись мне, что я в последовательном порядке произнес имя царя, с его титулом, но их обычаю, имена царицы, их сына, трех царевен, дочерей царя, и трех царевен, его сестер, свободно, без запинки и без ошибки. Кончив, я вошел в алтарь. После того как один из дьяконов возгласил: «оглашеннии! Господу помолимся» и вошел в алтарь, я вышел и сказал: «оглашеннии! изыдите» и пр. по-грузински, так как выучил это раньше.

Потир, три дискоса, звездица и лжица, употребленные в этот день, были из чистого золота с резьбой, с черным, выжженным фоном (с чернетью) и осыпаны множеством драгоценных каменьев[634]. Когда мы выходили на Великом выходе, каждый из служащих

поминал своего патриарха, нашего и царя, а также всех нас (православных христиан).

После обедни наш владыка вышел и подал царю антидот и просфору, а также роздал его всем присутствующим. Затем мы вошли в алтарь, разоблачились и вышли. Царь, взяв нашего учителя за правую руку, подвел его к раке святого, открыл ее и показал ему тело, и он приложился к нему; при этом царь с удивлением говорил: «посмотри, какой прекрасный цвет этого черепа: истинно, он желт и тверд» и продолжал: «когда я вынул мощи святого из земли, чтобы положить их в эту раку, я заметил, что потерялся один коренной зуб, и я не переставал искать его, пока не нашел. В то время у меня болели зубы, я их потер им, и они тотчас исцелились».

В этот день произошел необыкновенный случай, а именно: дьякон митрополита Миры, о заточении которого мы раньше говорили, сосланный царем в этот монастырь, где он пребывал в полном довольстве,-не знаем, в чем он провинился и за что патриарх Никон запретил ему служить, — в этот день, поздним вечером, явился к царю, поклонился ему земно и просил дать ему разрешение служить обедню на другой день. Но царь отказал и ответил, ему: «боюсь, что патриарх Никон отдаст мне свой посох и скажет: возьми его и паси монахов и священников; я не прекословлю твоей власти над вельможами и народом, зачем же ты ставишь мне препятствия, но отношению к монахам и священникам?» Услышав эти слова от царя, ми изумились и подивились такой вере, благочестию и почтению к архиереям.

Возвращаемся к рассказу. Когда мы вернулись из церкви в свои келии, царь прислал чрез одного из своих министров приглашение нашему владыке патриарху к столу, в его помещение. Царь вышел встретить его на площадку двора и, взяв под руку, ввел внутрь и посадил возле себя. Он лично вышел наружу пригласить меня, назвав но имени, я же, архидьякон, трепеща, из почтительного страха пред царем, стоял вне; он взял меня за руку, — а я, смущенный и дрожащий, поклонился и поцеловал у него руку — ввел меня и посадил напротив себя вместе с иереями, нашими товарищами, за особым столом, [при чем непрестанно посылал нам кушанья и напитки до окончания трапезы.] Наш владыка патриарх, подняв Панагию, дал от неё царю и сам взял, я же роздал ее всем присутствующим. Мы оставались за столом недолго, только два часа; мясных яств вовсе не было, так как, как мы сказали раньше, у царя есть обычай, когда он бывает в каком-либо монастыре и садится за стол с архиереями, то не вкушает мясных яств перед ними, но довольствуется рыбой и монашескими кушаньями[635]. Впоследствии грузинская царица (Елена), свидетельствуя перед нами, рассказала нам, что когда она с царицею, убегая от моровой язвы, находилась в Троицком монастыре, где они пробыли четыре месяца, то царица вовсе не варила себе мясного, и прибавила: «я укоряла ее, говоря: не боишься-ли ты Бога? мы взрослые, но чем виноват царевич Алексей? он грудной младенец и ослабнет от поста». Но царица нисколько не убедилась этими словами.

Возвращаемся. Царь встал, роздал из своих рук кубки, по обычаю, [при чем вызывал меня по имени каждый раз, как подавал мне кубок,] и вышел проводить нашего учителя на монастырский двор, поддерживая его под руку, и возвратился, послав с нами двоих из министров, чтобы показать нам весь монастырь.

Глава III. Саввин монастырь. Осмотр монастыря. Стены и башни. Соборная и другие церкви. Монастырская трапезная. Больничный монастырь. Царь и патриарх посещают больных. Отъезд царя. Подарки от монастыря патриарху Макарию н отъезд его

Монастырь св. Саввы меньше Троицкого, но построен по образцу его. Как тот я назвал бы женихом, так этот невестой, и по истине это так, как мы видели своими глазами. Нас провели но верху (стены) кругом всего монастыря. Как мы сказали, он походит строением на Троицкий монастырь, по своей красоте, высоте, плану постройки, архитектуре и множеству амбразур и пушек, но стена того монастыря шире этой. Стена этого монастыря имеет наибольшее протяжение от востока к западу и с каждой стороны по три величественных башни, а всех башен восемь[636]. Искусное устройство стены со множеством хорошо приспособленных амбразур не поддается описанию; она точь-в-точь как стена крепости в Эмессе, в нашей стране. Между стеною и монастырскими кельями оставлен проход для военных целей. В стене нет ни одного куска дерева, но вся она выстроена из камня и кирпича. Кельи отцов, расположенные по окружности монастыря, очень хорошей постройки.

В монастыре четыре церкви. Великая церковь (собор), в честь Рождества Богородицы, древняя, существует со времен св. Саввы. Первоначально монастырь был малый и деревянный, но царь прекрасно возобновил и отделал церковь. Она имеет с западной и северной стороны двери из чистого железа. В ней царские[637] иконы, приводящие в изумление зрителя своей искусной работой, позолотой и превосходной разноцветной эмалью, в особенности икона святого Саввы. Кругом этой церкви изящная галерея, вся из каменного хрусталя (слюды), в конце которой, с южной стороны, есть небольшая придельная церковь, во имя св. Саввы. Купол собора и купол этой церкви покрыты удивительно блестящей позолотой. Третья церковь — в большой башне, что над монастырскими воротами, также придельная[638], во имя св. Сергия, основателя Троицкого монастыря. Что касается четвертой церкви, то о ней расскажем потом в этом описании.

Возвращаемся. После того как мы осмотрели все стены кругом, нас свели вниз во двор монастыря и повели в монастырскую трапезную, огромную, удивляющую зрителя своей стройкой, архитектурой, величиной, простором и обширностью своего изумительного свода; она не имеет подобной себе ни в описанном монастыре св. Троицы, ни в знаменитом новгородском монастыре св. Георгия. Она имеет кругом окна со стеклами; все углы её связаны железом и такие же связи идут арки до арки. Вся она утверждена на одном столбе, но толщина её фундамента и стен огромна. Удивительно искусство её постройки и её архитектура! Она построена среди монастырского двора. Когда клали её основание, то устроили в нижней её части бенимчат, т. е. погреба для монастырских напитков, — это первый этаж. Над ним второй этаж, где помещается монастырская кухня, кругом которой идут кельи для служителей. В них множество печей, которые, равно как и трубы от кухонной печи, все проведены искусно по стенам и выходят в трапезную палату, которая поэтому зимою всегда бывает теплой. Третий этаж — помещение трапезной, переднюю часть её занимает пятая малая церковь, еще не достроенная, во имя св. царя Владимира[639]. Потом повели нас на четвертый этаж, находящийся над всем остальным

(помещением), одинаковой величины с трапезной; он называется монастырской казной и имеет кругом многочисленные окна. Утверждают, что в случае, если даже монастырь будет осаждаем несколько лет, то одежды, облачения, редкостные украшения, мебель, материи, ему принадлежащие, не пострадают от плесени, моли и пр., так как под всем потолком здания сделана решетка из железных и деревянных балок, и на них расстилают одежды, ковры и облачения: воздух постоянно проникает в изобилии чрез окна, и вещи не портятся. В углу этого помещения есть тайник для сокрытия золота, денег, серебра, драгоценностей и пр. Одним словом, устройство этих четырех этажей не имеет себе подобного нигде: снизу до верху это как бы огромная четырехугольная башня или большая крепость[640]. Потом повели нас вверх по лестнице, длиною около ста ступеней, на три новые колокольни, которые своей красотой, архитектурой и стройкой превосходят колокольни столицы. Близ колоколов, но отдельно и выше их, находится помещение для часов, а помещения для колоколов друг над другом, но до сих пор там еще ничего по повешено. Все эти строения скреплены железными шестами и полосами от стены до стены и от угла до угла. Сойдя отсюда, мы осмотрели монастырские ворота. Как мы сказали выше, монастырь расположен на вершине горы: поэтому к нему ведет лестница, удивительно устроенная.

Затем царь прислал к нам других бояр, чтобы показать нам монастырское казнохранилище с его сокровищами. Слушай, брат мой, и дивись! Царь сделал пристройку к постройкам этого монастыря, в отличие от всех других монастырей, устроив новое здание, а именно: в одном углу монастыря он построил помещение в виде отдельного монастыря, с особыми воротами и многочисленными кельями, которые сообщаются друг с другом и приспособлены для лета и зимы. Среди них церковь во имя св. Иоанна, сочинителя «Лествицы добродетелей»[641]. Это помещение устроено для увечных, слепых, недвижимых и пораженных заразной болезнью из числа монахов этого монастыря, ради доставления им большего спокойствия и ухода. Царь поставил им игумена из их среды и такого же келаря, назначил служителей не из них, а иереев из их числа, чтобы совершать для них службы. Нас привело это в изумление; мы дивились святости царя, его смирению и любви к монастырям, священникам и монахам. Он назвал это место «Покоищем больных», как говорится в синаксаре. При виде этого мы много плакали. Царь был в это время в церкви, где архимандрит служил для него молебен. Когда мы вышли, он прислал звать нас к себе и спросил у нашего владыки патриарха, понравился-ли ему монастырь и его постройки. Услышав от него похвалы и видя его большое удивление, он сказал ему: «батюшка! всего удивительнее то, что вся эта прекрасная постройка была окончена в два года; это — большое чудо». Царь очень любит этот монастырь: как он рассказывал, ему раньше было чудо от святого, и по этой причине он всецело предался устроению монастыря. В настоящее время я все разузнавал о стоимости его постройки, пока наконец не пригласил к нашему владыке патриарху того самого вельможу, которому была поручена постройка, и его секретаря, и с трудом они признались по секрету, что сумма, истраченная на постройку этого монастыря, составляет, по записям, 378.000 динаров (рублей), а постройка еще не кончена. И это неудивительно, так, как мы видели своими глазами, монастырь представляет большую крепость, которая поразила нас изумлением.

Возвращаемся (к рассказу). Царь, взяв нашего учителя под руку, повел его, чтобы он благословил братьев Христовых и прочел молитву над ними, т. е. над расслабленными и больными монахами этого монастыря. Они еще находились в прежнем своем помещении, напротив дверей (соборной) церкви, в деревянных домах, и царь еще не перевел их в новый их монастырь, так как он не достроен. Царь ввел к ним нашего учителя. Войдя, мы от

сильного, отвратительного и зловонного запаха не могли оставаться в этом помещении, ни смотреть на больных, царь же попросил нашего учителя прочесть над ними молитвы, чтобы они исцелились, а по прочтении молитвы благословить их. Всякий раз как наш владыка благословлял одного из них, царь, вслед за владыкой, подходил к нему и — о удивление! — целовал его в голову, уста и руки, и так до последнего. Мы были поражены изумлением при виде такой святости и смирения, тогда как нам хотелось убежать отсюда. Не достаточно было этого царю: он ввел владыку в келью, находящуюся внутри этого помещения, где был больной, который, по словам его, уже восемь лет не владеет ногами: его ударило санями и разбило ему ноги. Он постоянно молит себе смерти, и когда царь, войдя к нему, спросил об его положении, тот стал молить смерти; царь с упреком прикрикнул на него и сообщил нашему учителю, что в этой келье было трое страдальцев, (двое) умерли на его глазах, и остался этот. Царь попросил нашего учителя помолиться над ним, и он прочел над ним несколько молитв, прослезившись. Удивление царя к нашему владыке еще более возросло и он потихоньку поманил рукою своих вельмож, обращая их внимание на святость нашего учителя, его слезы и смирение. Затем владыка благословил страдальца, утешал его и успокаивал, говоря ему, чтобы он благословлял Господа за эту милость, так как он испытал его и избрал, как испытывается золото в горниле и пр. Царь, которого восхищение еще более увеличилось, подошел к больному и, к нашему изумлению, поцеловал его в голову, уста и руки. Нам не верилось, когда мы вышли отсюда, что мы избавились от ужасного запаха, который там господствует.

Царь, по прежнему поддерживая под руку нашего учителя, вывел его наружу, выражая ему свою благодарность. Как нам сообщил впоследствии его великий визирь, царь возымел великую веру к нашему учителю и чувствовал большое удовольствие; по словам визиря, царь сказал: «я желаю золотыми буквами написать на воротах этого монастыря время прибытия в него владыки патриарха н благословения им монастыря и царя».

В этот вечер царь вознамерился отправиться из монастыря, и все монахи стали на пути его в ряд до монастырских ворот. Его казначей приготовил уже копейки в бумажках, и царь собственноручно роздал иереям по шести динаров, дьяконам по четыре, а (простым) монахам по три, не забыв и нищих. Простившись со всеми, он попросил нашего учителя прочесть над его головою молитву и преклонился перед ним, став на колени. Владыка много молился над ним, царь встал, и когда владыка благословил его в первый раз, сказал ему: «другой», т. е. вторично, и он благословил его вторично, царь сказал: «три» т. е. третий раз, и он благословил его в третий раз. Царь поцеловал его на прощанье и, уходя, сказал: «поезжай, когда хочешь». Архимандрит и монахи проводили его за ворота, где он сел в экипаж и уехал, а мы вернулись к вечерне. Царь, проехав 15 верст, ночевал также в монастыре. После вечерни явились архимандрит, келарь и казначей и поднесли от имени царя милостыню монастырскую нашему владыке патриарху в виде вознаграждения за его труд и обедню, им отслуженную: [четыре] сорока соболей, золотой образ святого (Саввы), позолоченную чашу, атласа, большие хлебы, бочонки с напитками и соленой и свежей рыбы для дорожного запаса.

В понедельник, рано поутру, после заутрени, мы помолились на прощанье в церкви и приложились к мощам святого. Монахи простились с нами и проводили за монастырь, а двести монастырских стрельцов сопутствовали нам на расстоянии около 30 верст. Мы ехали по реке Москве, так как она течет с восточной стороны от монастыря по направлению к столице, терпели холод, при ветре и обильном снеге, и видели на дороге замерзшего человека, который стоял на месте — страшно было смотреть на него! Вечером мы прибыли в город. Царь же приехал только во вторник поздним вечером, потому

что ездил на поклонение в третий монастырь. Что скажешь об этом человеке или, вернее, ангеле? Царь целый год находится в разлуке с женой и не стремится к ней, но весь свой ум и помыслы направляет на посещение монастырей, церквей и монахов. Я удивлялся, как он мог спать вдали (от своего дома). Несомненно, поэтому, что Творец исполнит все желания его сердца и вознесет его на высочайшую степень.

Так мы совершили эту вторую поездку, после поездки в Новгород, не в пример всем прочим патриархам, приезжавшим в эту страну.

Глава IV. Москва. Появление польских вельмож. Потоцкий. Возвращение натр. Никона. Приготовления к войне со шведами. Сибирские инородцы в Москве. Ревень и мускус. Набор. Свадьба сибирского царевича

На этой неделе явилось много вельмож из ляхов с выражением покорности царю от себя и своих земель и с просьбой о пощаде. В числе их был великий гетман из дома Потоцких, который имел под своим начальством 7000 ратников. Когда его окрестили, при чем тесть царя был его восприемником, царь пожаловал его правителем принадлежавшей ему области, но лишь после того как заставили его присягнуть и взяли от него в заложники, из опасения измены с его стороны, нескольких членов его семейства и родственников, которые и остались во власти царя.

В воскресенье фарисея и мытаря наш владыка служил в монастырской церкви [и посвятил иерея, ставленника от монастыря, называемого Печенгским, в честь Успения Владычицы, лежащего на острове в океане, в расстоянии тысячи верст от Соловецкого монастыря и трех тысяч верст от Москвы, как нам сообщил новопосвященный иерей, который, по его словам, выехал из своего монастыря в праздник Успения Владычицы, 15 августа, а в Москву прибыл в праздник Тождества. Большая часть пути была сделана по рекам. В их монастыре сорок монахов; близ него крепость на острове, называемом Кольским, епархии митрополита новгородского, близ Данска (Данцига?) на границе Германии, а не польского Данска.]

1-го февраля московский патриарх прибыл ночью из своего монастыря. Его люди сообщили, что он ехал от монастыря сюда четыре с половиной дня. Царь с вечера выехал к нему на встречу за 20 верст. Когда Никон приехал, все настоятели монастырей, по обычаю, поднесли ему иконы и хлеб.

В это время царь готовился к походу против шведов и начал отправлять вещи, снаряды, съестные припасы и тяжести в города Новгород и Псков. Как мы достоверно узнали, он послал 500.000 половинок свиных туш, что составляет 250.000 свиней. Мы уже говорили раньше, что московиты, обыкновенно, режут свиней осенью, разрубают пополам и вешают в высоких помещениях, чтобы они сделались как бастурма (вяленое мясо). Находясь в походе, отрезают от него куски и варят. Все эти приготовления вызывались многочисленностью войска, которое царь намеревался двинуть против шведов.

В это время были доставляемые царю со всех сторон запасы, в особенности из городов и областей Сибири. Жители их — татары-магометане, и среди них есть шерифы (благородные). Все они носят колпаки и, проходя мимо христианина, снимают их, а если увидят священника или монаха, то, снимая колпак, говорят ему по-русски: «благослови, отче!» так как знают турецкий и русский языки. Видя, что они так делают, мы дивились этому и немало изумлялись. Их лица безобразны; некоторые из них походят на узбеков по длине бород и платья. Они чистые сунниты. [Мы с ними видались тайком и разговаривали по-турецки]. Они сообщили нам, что обязаны платить царю ежегодно подать в 6.000 динаров, на такую сумму привозят ему ревеня и чистого мускуса. Ревень растет в Сибири. Это корень травянистого растения с большими листьями. [Некоторые персидские врачи говорили нам потом, что стебли этого растения составляют именно то, что мы называем рибас, а корни — ревень. Он растет в изобилии в Персии, но тот, который находится в Татарии, есть самый крупный и наилучшего качества]. Рассказывают, что

мускусное животное водится в степях между Сибирью и страной Хота (Хотен) и там на него охотятся.

Страну Сибирь они называют Чимбирь, страну Китай Чин и Мачин, а страну Хота Хота-Хоты и говорят, что она находится от их земли на три года пути. Они называют царя Китая кяфир (неверный) султан. Они сказывали нам, что Золотой султан[642] находится неподалеку от них, что христиан называют у них казаками, а церкви монастырями, что у них были каменные мечети с минаретами, но патриарх Никон велел их разрушить. В столице за ними строго смотрят: не пускают одних, но в сопровождении стрельцов, и отнюдь никто не смеет говорить с ними, разве только тайком, как мы делали.

Представив царю свою казну, они начали продавать бывшие у них ревень и мускус. Пуд лучшего ревеня, составляющий 13 ок, продавали за 30 динаров; худшего качества — дешевле, до 12 динаров. Пузырьки мускуса они продавали тайно, и мы покупали у них фунт за 22 динара. Как московиты ненавидят динары шерифские[643] и турецкие, так эти татары их любят и целуют. Московиты не любят мускуса, не берут и не покупают его; поэтому он был очень дешев, так как из персиян, которые скупают его у татар по 40 динаров, ни одного теперь не было. По этой цене царь продает мускус и ревень франкам. Московиты пьют водку не иначе как с ревенем, который кладут маленькими кусочками в посуду с водкой, и она делается желтой как шафран; ревень уничтожает её вред и делает ее весьма полезной. Высший и самый веский сорт ревеня скупают греческие купцы для Константинополя, где продают его с большим барышом.

Упомянутый народ покупает красный коралл и янтарь, которые у них высоко ценятся. Большая часть хаджей[644] похожих на узбеков, бывает из этих племен, и потому большинство их знает нашу страну и Дамаск. В это время царь наложил на всю страну душирма, то есть (набор) людей, в количестве 200.000, для нового войска, и роздал им оружие, пистолеты и ружья, и припасов па три месяца. Он послал привести войска из Казани, Астрахани и Сибири; созвал собор из архиереев и настоятелей всех монастырей и потребовал у них, чтобы они дали ему из монастырской казны, с угодий и деревень десятую часть, сказав им: «так как купцы дали мне десятую часть своих капиталов, того же и у вас прошу, так как я воюю за вас и из ревности к вере. Я не открою казны моих предков, пока не кончу поход и войну, а когда совершу его, возвращу вам вдвое». Также он послал сделать сбор со всех областей, с каждого дома по 25 копеек, в виде помощи для закупки припасов. [В это время патриарх Никон прислал нашему владыке патриарху в подарок, со своим архидьяконом, зеленую мантию из франкского сукна, которую он потом и носил постоянно, до нашего возвращения в Валахию.] [В канун праздника Входа во храм (Сретения) ударили в великий колокол, и патриарх пошел к повечерию в древнюю церковь, находящуюся в передней части дворцовой площадки и освященную в честь этого праздника. Царь, еще после полудня, присылал нашему владыке патриарху приглашение к обедне и к столу. В девятом часу ночи зазвонили в колокола и отслужили вечерню, а на рассвете утреню. Утром мы отправились с патриархом и вошли в эту церковь. Она стара н ветха; имеет три двери, а ход в нее по лестнице церкви Благовещения. Боковая сторона алтаря, где совершается поминовение и где жертвенник, и паперть церкви выходят на особую внутреннюю дворцовую площадку, недоступную для посторонних и которую мы раньше не видали. На ней малая церковь, скрытая и вросшая в землю, в честь Божественного Преображения; как говорят, она была первою, построенною в Москве[645]. В недальнем расстоянии от нее большая, высокая церковь с большим золоченым куполом, в честь Рождества Богородицы; мы её до этого времени не видали. Москва-река течет под

стенами с этой стороны, и никто из иностранцев не может выходить или входить здесь в ворота. Мне потом удалось видеть их и войти в них, равно как и на ту дворцовую площадку, благодаря переводчикам и некоторым моим друзьям из числа государственных сановников, так как все они познакомились с нами в течение нашего долгого пребывания здесь.

Возвращаемся. Пол церкви — черного цвета. Когда вошел царь, патриархи благословили его, по обыкновению. После обедни нас повели в столовую. Мы раньше упоминали, что царь в это время посылал вызвать все войска Сибири, которые, как говорят, составляют свыше 200.000 человек, войска Казани и Астрахани, тюркских племен и отряды из областей, за ними лежащих, на протяжении двух тысяч верст, дабы иметь в этом году совершенно новое и свежее войско и отослать домой то, которое было с ним в прошлом году и то, которое занимало завоеванные города. Так и было сделано, и теперь бояре и начальники этих войск с тысяцкими, явились поцеловать руку царя, когда он сел за стол перед нами. Он велел им сесть обедать. Нищих и увечных, которых он одел в новые платья, усадил за особым столом на полу подле себя Мы оставались за столом до наступления ночи и затем вернулись в свой монастырь.

Вечером под воскресенье, в которое приходилась память старца Симеона и пророчицы Анны, царь прислал нашему учителю приглашение к обедне и к столу, потому что его дочь Анна родилась в этот день в прошлом году. Патриарх Никон отслужил обедню в церкви царицы, что во имя св. Анны, а наш владыка патриарх с сербским архиепископом служил в соборе, так как царицына церковь слишком мала. Было большое торжество; присутствовали государственные сановники и множество народа. Я сказал ектенью по-русски, к общему удивлению. После обедни нас повели в большую царскую столовую в верхней части нового дворца — обширное и великолепное помещение, куда не позволяется входить иностранцам и где никто не может сесть за стол, даже на последних местах, кроме придворных царя.]

В это же воскресенье царь женил старшего сына сибирского султана на одной из боярских дочерей, находящихся у него в услужении. Жених со своими приятелями и несколькими лицами из государственных сановников явился в парчовой одежде, осыпанной жемчугом и драгоценными каменьями, и поцеловал руку у царя, который, по здешнему обычаю, заступал место отца невесты. Царь дал ему серебряную икону, и они вышли и возвратились к себе. Жених прислал царю, царице и всему царскому семейству на нескольких блюдах много драгоценных вещей и каменьев, по их обычаю. Вечером мы возвратились в свой монастырь.

Глава V. Москва. Встреча креста, привезенного из Люблина. Донские казаки в Москве. Завоевание ими Тамани. Их набег на Турцию

В понедельник 4 февраля зазвонили в новый колокол вместе со всеми другими и совершили весьма торжественное празднование, а именно: как мы рассказали раньше, когда Бутурлин взял Люблин и избивал его жителей, то находившиеся в третьей крепости просили его не убивать их, за что обещали вознаградить его великим сокровищем для царя, именно, крестом из древа Честного Креста, который и отдали ему лишь с большим трудом. Получив от него помилование, они вышли, чтобы вручить ему крест, и шли с ним на прощанье на расстояние трех верст, со свечами и кадильницами, плача и рыдая о потере этого великого сокровища. Бутурлин, прибыв в Киев, узнал о гневе царя на него за заключение мира с татарами и за другое, как мы уже рассказали, выпил яду и умер. Пустили слух, что он умер волею Божией, и его служители, набальзамировав (?) его[646], по обычаю московитов, положили в гроб, чтобы отвезти и похоронить в Москве. Услышав об этом, царь, сильно разгневанный на Бутурлина, приказал сжечь его тело на дороге, но узнав о сокровище, которое он приобрел для него, смиловался над ним, по ходатайству патриарха, и послал приказ привезти его; его привезли и похоронили в Чудовом монастыре.

Сегодня это сокровище было доставлено царю, который ему сильно обрадовался. Звонили в колокола, не переставая, так что тряслась земля. Царь сошел в собор в короне и в царском одеянии со всеми государственными сановниками; явились и все горожане в лучших платьях. Патриарх облачился и было совершено молебствие в благодарность Богу, даровавшему это сокровище. Затем стали подходить ко кресту, поклонялись ему и прикладывались со всяким благоговением и почтением. Его положили на покрытый аналой близ Влахернской иконы и креста Константина. Тогда же было установлено совершать его память и праздновать ему ежегодно в этот день. В эту ночь было совершено великие бдение от полуночи до зари, как обыкновенно бывает в большие праздники. На другой день патриарх Никон служил обедню в присутствии царя, который был в короне и царском одеянии, и всех государственных сановников. Все были преисполнены радости, ликовали и веселились. Мы пошли приложиться к этому честному кресту, который помещен в подобие книжки из серебра, закрытой хрусталем. Величина его с палец в длину и столько же в ширину; вокруг него четыре евангелиста.

В это время прибыли к царю несколько донских казаков со своим гетманом и доложили ему, что они покорили крепость Тамань, отстоящую от Кафы на 120 миль. Рассказывали, что они вышли в Черное море на сорока чайках. В каждой чайке бывает, обыкновенно, по 90 ратников, из которых половина гребет веслами, а другие сражаются, — попеременно. Они напали на крепость Тамань ночью и, взойдя на её стены по лестницам, спустились в нее, где перебили и взяли в плен более пяти тысяч человек. Сначала они послали к царю гонцов, испрашивая его распоряжений, как им поступить с нею. Царь приказал разрушить ее до основания по причинам государственным, какие я не в состоянии изъяснить. Казаки разрушили ее и сбросили в море её большие пушки, забрали там огромную добычу и пошли оттуда к Синопу, к Ризе и в тамошние области, где совершили большие опустошения и захватили много добычи и бессчетное число пленников. Когда они возвратились на Дон, свое местопребывание, явились родственники пленников и многих из них выкупили, избавив от неволи; с остальной же добычей и пленниками казаки прибыли в Москву, где и продали

их вместе с одеждами, вещами, серебром, золотом и османие[647], которые продавали не по цене их, а на фунты, и потом вернулись в свою страну.

Разговаривая с ними, мы дивились на них, на их мужественный вид и рост. Они называют вино, как турки, шараб, а водку араки.

Глава VI. Москва. Письмо от шаха. Челобитные и решения но ним. Царский титул в посланиях от шаха п султана. Печати. Служение. Трапеза у патриарха. Юродивый

В это время пришло к царю письмо от кизилбаша (персидского шаха) с тем послом, которого он отправил более двух лет тому назад по делу грузинского царя Теймураз-хана. Оно было написано по-персидски почерком «таалик» (висячим). Царь послал за мною, чтобы я прочел письмо. Вследствие нашего продолжительного пребывания у них, все меня знали и постоянно шутили со мной, в особенности патриарх, который всегда предлагал мне остаться у него; также царский наместник и другие визири и секретари говаривали мне: «оставайся здесь переводчиком по арабскому языку» — так как для всех языков есть в царском окружении переводчики, а для арабского нет. Я отвечал им: «если бы вы дарили мне все, что есть в Москве, и то я бы не согласился».— «Ты прав, говорили они, что не хочешь расстаться с женой». Все это говорилось ради шутки и смеха. Все время ежедневно я занимался делами нашего владыки патриарха: писал прошения и подавал их визирю, заседающему в посольском приказе, т. е. диване для послов со всего света, а также по делам архиереев, монахов, монастырей и пр. Визирь собирает эти челобитные, и если царь находится в Москве, то идет и докладывает их царю, который ставит на них свое решение, как ему заблагорассудится. Если же царя нет, то визирь докладывает прошения полномочному наместнику, потому что ничего не может делать иначе, как по его приказанию.

Люди, приехавшие из отдаленных мест, ждут выхода царя в собор в какой-либо из больших праздников, или когда он едет за город на охоту или на богомолье в какой-либо монастырь, они становятся на его пути и поднимают свои прошения, и царь приказывает одному из бояр собрать их. Таков же порядок у патриарха при его входах и выходах и такой же обычай у царицы, когда она идет в свои палаты. Царю докладывают все прошения, читая их перед ним; на каких пожелает, он делает надпись, чтобы было исполнено: если это милостыня, то просителю дадут из казны столько-то; а какие не пожелает удовлетворить, на тех челобитных пишет, чтобы по ним оставить без исполнения. Для челобитных существует особый приказ, где их собирает назначенное лицо, и всякий, кто подает челобитную царю, на другой день идет в тот приказ справиться о ней, и ее отдают ему: если сделана на ней надпись об исполнении, то он идет с нею к визирю в Посольский приказ и подает ее ему, и тот, сделав на ней надпись, передает одному из секретарей, который пишет на ней память, т. е. записку государственному казначею, чтобы он выдал тому человеку то-то, согласно приказанию царя, с обозначением года, месяца и числа. Если проситель архиерей или настоятель царского монастыря, то пишется его имя и имя его кафедры или монастыря, и он с этой запиской отправляется, в сопровождении одного из драгоманов, в царское казначейство получить то, что ему назначено. Что же касается челобитных, на которых царь сделал надпись, чтобы их не удовлетворять, то податели берут их назад, при чем на них делается надпись, что царю не угодно удовлетворить их просьбу, и это означает, что он не должны писать других. Обрати внимание на этот строгий порядок, эту точность и умную распорядительность!

Возвращаемся к окончанию рассказа о письме кизилбаша[648].

Когда меня позвали в особое помещение внутри приказа, чтобы я рассмотрел и прочел письмо, — так как они думают, что читать по арабски, по-персидски и по-турецки одно и

то же — я кое-что из него понял при содействии переводчика по языку кизилбашей, [и как вор, скопировал его в несколько минут, не будучи никем замечен, — Боже сохрани! если бы меня увидали. Затем,] так как переводчик по турецкому языку был мне приятелем, я пошел к нему и по моей просьбе он тайком достал много дел с посланиями от султана Мурада к Михаилу, отцу нынешнего царя, так как между ними существовала большая, искренняя дружба и велись беспрестанные отношения чрез послов. Знак султана, т. е. тугра, сделан на верху золотом, а под ним написано так: «опора достопочтенных вельмож общины Иисусовой и глава великих начальников народа Мессиева» и тому подобные хваления, «и он глава царств, какие есть: Владимирское, Казанское, Хаджитархан, т. е. Астраханское, Сибирское, и всей страны Московской царь, Михаил Федорович,» и прочие имена городов, хвалы и благожелания. Содержанием всех посланий была просьба запретить донским казакам выходить на своих чайках в Черное море и вредить странам Востока. Я был очень удивлен выражением: «и всей страны Московской царь», и узнал от упомянутого драгомана, что турки называют царя не малик, но чар, т. е. царь, по-русски. Он прибавил: «не удивляйся этому, так как и московский царь, обыкновенно, не называет турецкого государя царем на своем языке, но «наш друг, великий султан» на турецком, а не на своем языке». Пойми![649] Знай, что даже франкские государи не называют султана царем, но Gran Turco, т. е. великий турок, как мы теперь также узнали. [Один из царских драгоманов, который сопровождал посланника ко двору султана Ибрагима, сообщил нам, что турки называют московского царя как падишах, т. е. «белый царь», хотя в своих посланиях не титулуют его ни государем, ни кралем, но называют по-русски царем. Персияне называют его ак хан. Франки в своих посланиях именуют его императором, но в своей стране называют его Gran duca, т. е. великий князь, как турецкого государя называют Gran Turco. Сами турки называют своего государя пенаги, персидским словом, которое соответствует слову автократор (самодержец).]

Печать господарей Молдавии и Валахии на их официальных бумагах и письмах и над воротами их дворцов и принадлежащих им церквей и монастырей есть лишь бычья голова, как говорят, в честь евангелиста Марка. Что касается польского короля, то печать его, вытисненная на злотых и прочих предметах, есть двуглавый орел; такая же печать и у московского царя, как говорят, в честь евангелиста Иоанна, вернее же потому, что как орел есть царь птиц, так и царь есть величайший из государей. Печать на золотых грамотах, клеймах, копейках и пр. — с одной стороны двуглавый орел, а с другой царь верхом на коне, под ногами которого что-то в роде дракона, которого он поражает копьем, как св. Георгий — я не могу теперь объяснить этого. Печать Хмеля есть его собственное изображение в короткой одежде, с оружием и в колпаке, перевернутом для смеха (?)[650]

[В родительскую субботу патриарх служил обедню в соборе, а митрополит Крутицкий в церкви Архангела, по усопшим царям. Коломенский епископ служил в монастыре монахинь (Вознесенском) по усопшим царицам.

Утром, в воскресенье Мясопуста, царица отправилась в монастырь Одигитрии (Новодевичий) помолиться с монахинями. Зазвонили в новый колокол вместе со всеми остальными колоколами, для сбора духовенства и настоятелей монастырей с их иконами в собор, дабы совершить ту же службу как в прошлом году. Патриарх облачился с нашим учителем. Пришел царь в короне и в царском одеянии с порфирой. Благословив его, патриархи с крестным ходом вышли на открытую площадку за церковью, при звоне всех колоколов, и совершили службу такую же, как в прошлом году, при чем в этом году мне удалось пополнить свои наблюдения теми частями её, которые тогда я не мог увидеть. Затем вернулись в собор.]

После обедни патриарх повел нас к трапезе в Крестовую палату, т. е. свой новый диван. [Когда он сел за стол, царь прислал ему много прекрасной еды со своего стола, с одним из своих вельмож, которому патриарх подарил серебрящую икону.] В этот день патриарх посадил возле себя за стол нового Салоса, который постоянно ходить голым по улицам. К нему питают великую веру и почитают его свыше всякой меры, как святого и добродетельного человека. Имя его Киприан; его называют человек Божий. Патриарх непрестанно подавал ему пищу собственными руками и поил из серебряных кубков, из которых сам пил, при чем осушал последние капли в свой рот, ради освящения, и так до конца трапезы. Мы были изумлены.

В этот день после обедни, когда патриарх прочел житие и поучение и сказал проповедь, подошла одна больная монахиня и рассказала царю и патриарху, что она с давнего времени была больна и в этот вечер пришла в собор провести ночь возле раки нового святого, Филиппа, что он он ночью явился ей в своем архиерейском облачении, при чем ему прислуживали и кадили из кадильниц дьяконы; возвысив голос, он велел ей встать, и она тотчас исцелилась. Услышав это, царь пролил обильные слезы, а патриарх сказал длинное поучение народу по случаю этого чуда. По этой причине мы вышли в этот день от обедни не ранее вечера.

Глава VII. Москва. Служение патриарха Макария в Новоспасском монастыре. Описание монастыря Служение в Чудовом монастыре. Посещение Симонова монастыря и описание его

В понедельник Мясопуста мы отправились, по приказанию царя и патриарха, в монастырь Спаса за городом, чтобы посетить его, как раньше просили о том царя. Монастырь находится с юго-западной стороны[651] города в расстоянии более часа пути. Когда мы подъехали к нему, на встречу нашему учителю вышел архимандрит с монахами. Нас ввели в великую церковь. Мы отслужили в ней обедню, и нас в облачениях повели в самый низ церкви, чтобы прочесть молитвы над гробницами сановников государства, так как этот монастырь предназначен для их погребения. В нем находится могила бабки царя[652]. Все гробницы покрыты бархатными, расшитыми золотом покровами, с письменами из жемчуга кругом; у изголовья каждой гробницы икона и подсвечник с неугасимой горящей свечой. Ни на один день не прекращаются обедни за упокой погребенных здесь, после чего всегда сходят вниз, кадят и читают над ними молитвы. Нам рассказывали, что этот монастырь древний и был маленький, и что в Бозе почивший царь Михаил, отец этого царя, обновил и расширил его и построил его окружную стену, похожую на стену монастыря Троицкого и монастыря царева (Саввина). На ней восемь огромных башен; четыре по четырем углам, потому что монастырь четырехугольный, и другие четыре между ними; в стене множество бойниц с пушками. Три четверги монастыря находятся на берегу Москвы-реки, а потому местоположение его открытое, более чем всех других монастырей, находящихся вне этого города, по причине высоты места, на котором он стоить, и занимаемого им положения среди окрестностей. Близ него есть озера для рыбы. Мы уподобляли этот монастырь Шейху Абу Бекр в Алеппо. Великая церковь (собор) выстроена патриархом Никоном, в бытность его архимандритом этого монастыря. Она великолепная, красивая, душу веселящая: мы не находили в этом городе подобной ей по возвышенности и радующему сердце виду. Она имеет пять куполов, галерею кругом и три большие двери. Церковь эта в честь Преображения, а монастырь называется Спас, то есть монастырь Спасителя, по-гречески Σωτῆρος.

В этой церкви иконы великолепные, и среди них есть икона, величиною побольше листа бумаги, из одного куска белой, чудесной слоновой кости: на ней изображены резьбою все господские праздники, на подобие того, как делают кресты на Св. Горе, с величайшим совершенством искусства. Эта икона принадлежит к числу царских сокровищ.

Вся нижняя часть этой церкви представляет обширные склепы для погребения. Когда московиты узнали, что в церквах хоронить непозволительно, они, по остроте своего ума, придумали эту хитрость, а именно: стали делать церкви выше и погребать под ними усопших, дабы литургия совершалась над ними постоянно, во веки веков.

В этом монастыре есть еще пять церквей. Первая — вышеупомянутая (соборная); вторая — близ этой церкви, красивая, в честь Владычицы Одигитрии, над могилой одного князя. Ее построила жена его, княгиня, и пожертвовала на монастырь большую сумму денег. Эта женщина делала добро повсюду: говорят, в Троицкий монастырь она пожертвовала свыше 6.000 динаров; всем, приезжающим в этот город, патриархам, архиереям и монахам она непременно делает пожертвования: для нашего владыки патриарха она соорудила митру, шитую золотом и жемчугом по красному бархату, и

большую, расшитую золотом, палицу. Третья церковь, внутри трапезной, в честь Покрова Богородицы. Четвертая — в колокольне, во имя св. Саввы. Эта колокольня древняя, удивительная по своей архитектуре. Пятая церковь — на монастырской площадке, новая, во имя св. Сергия, основателя Троицкого монастыря. Шестая — в честь Благовещения в башне, что над воротами монастыря[653].

На площадке монастыря находится огромный новый колокол. Мы измерили его окружность, и оказалось около 50 пядей. Больше всего нас удивляло, каким образом перевезли его сюда из города.

В этом монастыре монахов до ста или более. Кельи в нем просторные и все новые; среди них есть кельи для царя и царицы. В нем есть просторные, веселые помещения с видом на город и реку. Словом, это монастырь неприступный, со множеством пушек, и виднеется из города как голубь, так как весь выбелен известью.

Когда мы пообедали, нам поднесли, по обычаю, подарки, простились с нами и мы возвратились вечером в город.

[Царь прислал нам извещение быть готовыми присутствовать с ним за бдением и утреней в Чудовом монастыре, по случаю памяти св. Алексия Чудотворца, 12 февраля, и в то же время, по случаю празднования дня рождения его сына. Зазвонили в колокола, и царь с патриархом отстояли повечерие, В седьмом часу ударили в новый колокол, и мы прибыли в монастырь. Сюда же явились царь, патриарх и все вельможи, в придел святого, где почивают его мощи, внутри трапезной. Начали петь вечерню весьма протяжно. При полиелее, оба патриарха облачились и, выйдя с митрополитами и священниками, стали вне алтаря. Здесь, по средине, поставили образ святого, и патриарх сошел и окадил образ, алтарь, царя и всех предстоящих, по обычаю, после того как роздал им свечи. То же сделал наш учитель, и затем они приложились к иконе и к мощам святого, что сделал и царь, а после него крещеные царевичи и все государственные сановники, по степеням и в порядке. Потом патриархи разоблачились, и медленное пение продолжалось без перерыва от седьмого часа ночи до утра следующего дня. Наконец мы вышли, умирая от стояния на ногах, бдения и усталости, но в тоже утро возвратились к обедне, откуда вечером нас повели в царскую столовую. В то время когда пили за здоровье царя и я приблизился поцеловать его руку, он улыбнулся мне и сказал: «ὦ ἅγιος ἀρχιδιάκονος, велико чолофик] первые два слова, по-гречески, значат: «о, святой архидьякон», а последние два, по-русски: «ты великий человек». Бог да продлит его царствование за великую его любовь ко мне!]

В среду мы поехали в знаменитый монастырь, называемый Симонов, по имени святого, который его соорудил в древности и который был братом св. Сергия, основателя Троицкого монастыря[654]. Монастырь этот- в честь Успения Владычицы, находится недалеко от монастыря Спаса и также расположен на берегу Москвы-реки. Наш путь шел от ворот, что у моста[655], по реке, кратчайшей дорогой, совершенно прямо. Посмотри, какая удивительная вещь: во святом Евангелии сказано, что апостол Петр ходил по воде один раз, а мы, Бог свидетель, путешествовали по воде, не замочив ног, не один раз, а несколько, особенно(когда ехали) от царского (Саввина) монастыря до столицы, на расстоянии целого дня пути.

Возвращаемся (к рассказу). Когда мы подъехали к монастырю, на встречу нам вышел, по обыкновению, архимандрит с иереями и дьяконами. Нас повели вверх в высокую церковь с одним куполом; в ней мы отстояли часы и вечерню. Облачив нашего владыку патриарха, мы вышли в нарфекс и отслужили царский молебен; наш учитель прочел молитву за царя, после чего совершили отпуст.

Эта церковь весьма высока, с тремя железными дверями. Что касается царских врат,

то мы еще не видывали подобных им, по их высокой ценности, так как они сплошь покрыты золотом, серебром и драгоценными камнями. Рассказывают, что один князь, по кончине своей, был погребен в этой церкви и что он завещал, чтобы все его драгоценности были пожертвованы на этот монастырь, и часть их была употреблена на эти врата: как говорят, они стоили более 2.000 динаров. Икона Успения Владычицы, еще более ценная, состоит из одного куска чистого золота; изображение сделано на ней чернетью, на удивление уму.

За этой церковью- новая, красивая церковь, построенная женою вышеупомянутого князя над его могилой, в честь Владычицы Платитера (Знамения), образ которой осыпан жемчугом и драгоценными каменьями: алмазами, рубинами, яхонтами и изумрудами, и, как говорят, стоит более 1.000 динаров; он небольшой. В подземелье этой великой церкви, как и в том монастыре (Новоспасском), все своды и склепы, (где погребены) знатные лица государства. В нем церковь во имя Владычицы Одигитрии, где ежедневно совершается литургия. Среди гробниц есть гробница царя Казанского[656], который был взят в плен царем Иваном и потом крестился и умер христианином. Жена его положена рядом. Близ него большая гробница; рассказывают, что погребенный в ней был великий богатырь и имел огромную фигуру; говорят, что два человека не могли нести его лук, а его железную кольчугу четверо не были в состоянии поднять.

В этом монастыре шесть церквей; из них мы описали три, четвертая — внутри трапезной палаты, во имя св. Сергия, пятая — в честь Преображения, шестая — в надворотной башне, в честь св. Креста (празднование которому) 1 августа, и семи Маккавеев[657].

Окружная стена монастыря больше, чем в монастыре Спаса и также (как и там) она новая; имеет трое ворот и шесть башен, из которых одна круглая, а другие- четырехугольные; на стене много пушек. Так как погода была очень холодная и ветреная, то мы не могли подняться на стену, чтобы ее осмотреть. В этом монастыре более 60 монахов.

После того как встали из-за трапезы, нам поднесли обычные подарки, проводили за монастырь, и мы возвратились вечером в город.

Глава VIII. Москва. Служение патриарха Макарии в Чудовом и Вознесенском монастырях. Обычай просить прощения пред наступлением поста. Служение патриарха Макария в Новодевичьем монастыре. Служение в неделю Православия. Смерть Радзивила

В четверг мы отправились в Чудов монастырь, служили в нем обедню и нам, по обыкновению, поднесли подарки.

На этой неделе царь и патриарх ходили по всем монастырям просить прощения у монахов и монахинь. В эти два дня, среду и пятницу, выходили из церквей не раньше как после полудня, так как здесь эти дни, по своему значению, равняются дням великого поста, и в них не совершается литургия.

[Утром в воскресенье Сыропуста наш владыка патриарх отправился к московскому патриарху, который взял его с собою к царю в его верхние палаты; мы сопровождали их. Царь вышел встретить их и повел их в самый верхний свой покой. Здесь, после того как патриарх помолился на иконы, царь преклонился перед ним, и он осенил его крестом и окропил святой водой. Наш учитель сделал то же, и затем они сели на короткое время. Вставши, патриарх прочел молитву за царя и весь царский дом и потом окропил всех присутствовавших тут государственных сановников, которые затем стали подходить к руке царя, что и мы сделали с ними. Когда мы вышли, наш учитель, по приказанию царя и патриарха, отправился служить обедню в монастыре монахинь, что напротив нас. По совершении её, ему поднесли серебряную икону Владычицы с обычной милостыней.]

Вечером царь с царицей прибыли в этот монастырь просить прощения у монахинь и затем посетили с тою же целью Чудов монастырь. Равным образом все государственные сановники являлись к царю и просили прощения у него и у патриарха. Некоторые из них приходили поздно вечером и к нашему владыке патриарху. Прочие люди просили прощения друга у друга, целуя в уста, по своему обычаю.

[Возвращаемся. В среду царь, разговевшись вечером, прислал нашему владыке патриарху со своего стола три кубка вина и не сколько блюд сладкого кушанья, похожего на арбуз в смеси с различными пряностями и медом; оно привозится для него из Астрахани и др. В течение этих трех дней[658] патриарх не сходил в собор и никому не показывался, запершись в своих покоях; и царь постился до субботы, когда за обедней причастился св. Тайн вместе с царицей. У всех государственных вельмож и богачей такой обычай, что на этой неделе они не дают работы и сами ничем не занимаются, а только присутствуют неукоснительно за службами в своих церквах, в особенности в пятницу, когда приносят покаяние в своих грехах, и читают и молятся беспрерывно, чтобы приготовиться к принятию св. Тайн на следующий день со всяким страхом и благоговением.]

В субботу, рано поутру, наш владыка. патриарх отправился, по приказанию царя и патриарха Никона, в Новодевичий монастырь, т. е. монастырь монахинь-девиц, вне города. О нем мы раньше говорили, что царь и патриарх перевели из него всех монахинь московиток и поселили в нем русских[659] монахинь. По своей великой набожности, они постоянно просили нашего учителя посетить их, благословить и отслужить у них обедню. При нашем прибытии туда, все они вышли нас встретить и пошли впереди нас, поя напевом, чарующим сердце, пока мы не поднялись в церковь. Владыка, по обычаю,

приложился к иконам, при чем монахини пели «Достойно есть». О удивление! как согласны и сладки их напевы! Наконец он благословил их всех. Затем мы облачили его в нарфекс [и молодые девицы начали чтение часов.] Они же пели во время обедни на обоих клиросах. Все они дивились на меня, как я читал и говорил ектенью по-русски. При выносе Даров, все монахини подошли и приобщились св. Тайн с великим страхом и благоговением, а потом получили антидор и вино: они постились со среды до сих пор. По окончании службы, владыка прочитал над ними молитвы отпущения грехов, при чем они простерлись на землю. Затем они предшествовали ему с пением в трапезную, где мы сели по принятому порядку. Игуменья, келарша, казначея и старшие монахини сели по своим степеням; каждая из них имела при себе служанку, которая подавала ей кушанье и питье. Другие служанки подносили нам, начиная с нашего владыки патриарха до последнего из нас, наилучшие постные кушанья, жареные, фаршированные и иные изысканные блюда, а также разнообразные напитки, каких не знают московиты. Одна из девиц начала положенное чтение нежным, приятным голосом, чинно и с порядком удивительным, лучше чем у мужчин. Мы встали из-за стола, исполненные удивления к ним, их опрятности и порядку. Когда наш владыка патриарх посылал какой-либо из них блюдо кушанья, она подходила и кланялась ему до земли, была ли то монахиня или из мирских женщин, так как в этом монастыре есть много русских, т. е. казацких, женщин, родственниц этих монахинь. Обрати внимание на следующее распоряжение: для отвращения несогласий назначили наибольших, служащих и должностных лиц из их же рода и из их среды. Затем встали из-за стола; наш учитель поднял Панагию. Подошла игуменья с своими товарками; они поклонились ему до земли и поднесли в благословение от монастыря красивую, позолоченную икону имени монастырского храма и четки, сплетенные из шелка; то же и нам. Затем все монахини подошли к нему под благословение вторично, вышли впереди нас с пением за монастырь и простились с нами, дав нам в запас на дорогу, по монастырскому обычаю, больших хлебов, и мы возвратились в город.

В первое воскресенье поста, рано поутру, зазвонили во все колокола для сбора городских священников и настоятелей монастырей с их иконами в собор. Патриарх Никон вошел в собор и облачился вместе с нашим учителем. Явился царь, в царском одеянии и короне, [и занял место позади столба, на своем троне, но заметив, что таким образом он стоит спиной к иконам, не хотел оставаться в этом положении, пока не унесли иконы позади него — замечательный пример его веры и набожности! После того как архидьякон возгласил анафему всем еретикам и певчие трижды пропели им «анафема», он стал поминать православных царей и затем поминал поименно всех князей, воевод и вельмож, которые были убиты недавно в сражениях за веру, а певчие пели трижды: «вечная намять!» Потом он прочел имена и титулы всего царского рода и пр. Перед ним поставили большой ящик с листами бумаги, по которым он стал читать имена всех простых ратников, сотников и полковников, убитых в последние два года за веру, — числом, как я думаю, тысяч сто или более — весьма медленно и протяжно, а певчие постоянно пели: «вечная память!» так что, под конец, мы чуть не падали от усталости и сильного холода, а ноги у нас совсем замерзли. После того произнесли проклятие на всякого, кто изменяет или изменил царю, и певчие трижды пропели им «анафема». Когда они кончили, я взглянул па часы, которые имел в кармане, и нашел, что это чтение продолжалось целых три часа.]

Мы вышли от обедни лишь после девяти часов, так как патриарх Никон после обедни прочел поучение на этот день и много проповедовал о разности у них в крестном знамении и о многих уклонениях среди них. Затем он вышел, провожая иконы с каждением, за врата собора и приложился к ним вместе с царем. Мы возвратились в собор, сняли облачения и,

вернувшись в свой монастырь, сели за стол лишь в десятом часу. В этот момент ударили к вечерне.

В это время пришло к царю известие и в народе распространилась молва, что проклятый Радзивил, который предался шведам и жил у них, был внезапно постигнут гневом Божиим: у него скривилась челюсть, как это случилось с Феофилом иконоборцем, и он погиб страшной смертью.

Во вторую субботу поста, 1-го марта, царь дал обед, — за которым мы присутствовали, по приглашению, присланному им нашему учителю, — по случаю дня рождения своей старшей дочери Евдокии.

Глава IX. Москва. Просьбы патриарха об отпуске. Задержки Прощальный прием у царя Сербский архиепископ. Подарки. Посещение визиря. Хрисовулы. Раздача разрешительных грамот

Со времени возвращения царя, мы не переставали надоедать ему частыми просьбами о том, чтобы он нас отпустил, и при каждом свидании с ним наш владыка патриарх просил и умолял его о том же, так как нам наскучило жить здесь столь продолжительное время: одному Богу ведомо, какую тоску и какую сильную горесть мы испытывали. Царь давал нам обещание, (но откладывал исполнение его) со дня на день, с недели на неделю — почему, незнаем. С того времени как наш владыка подал ему первую просьбу в день св. Петра перед праздником Рождества, и царь обещал (отпустить) его после Богоявления, мы и до сих пор все в том же положении, говоря про себя: «удивительно! какая ему нужда в нас, что он нас пе отпускает? Ведь столько ему нужно ежедневно расходовать на нас!» — так как наш владыка патриарх, как мы сказали, получал на свое содержание ежедневно по динару (рублю), а мы и служители 1 1/2 пиастр-реала[660], к этому еще рыбу, икру и пр. и напитки, что стоило, быть может, 2—3 динара, так что наше ежедневное содержание обходилось в 4—5 динаров пли даже более: сочти, сколько расхода в месяц,— около 150 динаров; а сколько расхода за целый год! Самое удивительное вот что: иерусалимский патриарх пробыл всего около семи месяцев, а царь послал ему сказать, чтобы оп ехал в свою страну; точно также он поступил и с Пателярием; нынче, в Богоявление, он прекратил выдачу содержания всем находившимся здесь настоятелям монастырей со Св. Горы и других мест и каждый день визирь посылал к ним, понуждая их собираться и ехать в свою страну, между тем как мы молим Бога внушить им, чтобы они нас отпустили. Наконец Господь внял нашей молитве, и им наскучили и надоели наши настойчивые просьбы. Потом мы узнали за верное, что царь откладывал наш отъезд со дня на день с целью удержать нас до после Пасхи, когда он отправится в поход, чтобы наш владыка патриарх благословил его и войско. Московиты, как мы уже говорили, очень хитры и коварны и достигают своей цели путем крайней медлительности: обещают исполнить дело того, кто обращается к ним, (но откладывают) со дня на день — их оттяжки выматывают душу. Если бы царь сказал нам: «оставайтесь у меня еще на год или до после Пасхи», мы были бы убиты горем, но он хитро, в ласковых словах, откладывал от одного срока до другого, и когда уже не находил более средств противиться нашей решимости и беспокойству на счет отъезда, то, по милости Бога, пославшего нам утешение, царь рано поутру, в среду третьей недели поста, прислал известить нашего владыку, чтобы он представился ему для прощания с ним. Это доставило нам неописуемую радость, счастье и удовольствие.

К вечеру приехал в царских санях старший стольник и повез нашего владыку и нас в палату, где происходит целование руки. Когда владыка подъехал к церкви Благовещения, сошли встретить его два боярина, с поклоном от царя, и, сказав царский титул, как сказал его ранее стольник, прибавили: «царь (следует исчисление его владений и весь его титул) приглашает твою святость, блаженнейший отец и владыка кир Макарий, патриарх великого града Божьего Антиохии и всего Востока, чтобы проститься с тобою», при этом они поклонились ему, он их благословил и они пошли впереди него. Точно также внизу у лестницы, что напротив дверей церкви Благовещения, встретили его два других боярина и сделали то же, что и те; равным образом и на верху лестницы вышли еще два боярина и сделали то же. У наружных дверей палаты вышли встречать все визири и государственные

сановники, и опять двое из них, открыв уста, громким голосом произнесли полный титул и имя царя и титул нашего учителя, как мы сказали выше; окончив, все поклонились ему, а он благословил их, одного за другим, и они, одни предшествуя ему, другие следуя за ним, повели его в палату царя. Царь сошел с тропа встретить нашего владыку патриарха, и он, пропев пред иконами «Достойно есть», помолился на них, поклонился царю, благословил его и присел на малое время. Тогда выступил визирь и, произнеся титул царя, при чем наш учитель встал, продолжал: «..... жалует твоей святости и твоему апостольскому престолу сию милость, а именно, пятьдесят сороков соболей, стоимостью в 3000 динаров», и поднес их ему, при чем каждую пару держал в руках один из стрельцов, которые один за другим подносили ему соболи и возвращались на свое место. Затем царь сказал ему: «отец мой! прошу твою святость, блаженнейший, принять это, как Христос принял две лепты вдовицы, и не взыскать с меня». Раньше еще наш владыка патриарх просил его сделать ему митру, полное облачение и другую церковную утварь; поэтому царь, взяв его за руку, отвел в угол палаты для разговора наедине, только с одним переводчиком, и извинялся перед ним, что не может удовлетворить его просьбу касательно вещей, при чем, в виде оправдания, приводил смерть мастеров и свои заботы о походе и о всем нужном для войны, и это было совершенно справедливо. Он много плакал и сказал с глубоким вздохом: «отец мой! расставание с тобою убивает меня, так как ты мой отец, а я твой сын». И много беседовал с ним. Наш учитель также плакал, видя таковое его смирение, благочестие и любовь — Бог да продлить его царствование! — и все присутствовавшие тут, глядя на это, тоже плакали. Потом царь подозвал всех своих вельмож, и они сделали земной поклон (нашему учителю). Царь попросил его прочесть большую молитву над боярами и над ним, наклонил голову, и наш учитель, исполняя его желание, [прочел молитву «Спаси, Господи, люди Твоя» и пр., в которой поименовывал всех святых. Когда он закончил молитву, мы пропели царю многолетие, после чего] все мы подошли и целовали его правую руку. Затем, взяв нашего учителя под руку, царь вышел с ним за наружную дверь палаты, где встречали нас бояре; при этом он много плакал и просил благословить его трижды три раза и облобызать в уста лобзанием Христа. Так и сделал наш владыка патриарх. В это время он держал наготове четыре просьбы царю: в одной просил уплатить за большое, из желтой меди паникадило, купленное нами за 120 динаров с тремя другими за 100 динаров; в другой просьбе просил у него икон, в третьей — некоторое количество рыбьего зуба и хрустального камня (слюды), и в четвертой — некоторое количество белки. Приняв просьбы, царь послал всех вельмож проводить его вниз до церкви Благовещения, где он сказал им поучение, благословил их и простился с ними. Мы вернулись в свой монастырь, исполненные радости и благодарности.

Сербский архиепископ, о котором мы раньше говорили, что его вернули назад и что он просил у патриарха разрешения остаться богомольцем за царя, как и случилось, видя, что патриарх Никон распоряжается им и кричит на него, как на одного из своих архиереев, наскучив этим, просил отпустить его и постоянно умолял царя разрешить ему съездить на поклонение в Иерусалим, после чего он возвратится. Царь, будучи кроток и милосерд, сжалился над ним, говоря про себя: «если мы не отпустим его, то он, пожалуй, будет проклинать нас, а не молиться за нас», и против желания патриарха отпустил его. Нынче, когда наш учитель вышел от царя, последний пригласил архиепископа для целования руки и наказывал ему, говоря: «если ты поедешь в Иерусалим, помолись за меня там, помяни меня в святых местах и привези мне святого елея (из лампады) над божественным Гробом». Затем дал ему четыре сорока соболей и 400 динаров и отпустил. Архиепископ, ни мало не медля, выехал из столицы и ехал до Молдавии спешно, оглядываясь назад. — посмотри, до

чего его довела гордость, надменность и притязания на патриаршее достоинство, так как то же было дано находившемуся здесь митрополиту святого престола Никеи: достоинство их было сочтено равным.

Возвращаемся (к рассказу). Когда мы вернулись в монастырь, пришел главный стольник, т. е. человек, который подносить царский стол, и принес нашему владыке патриарху великолепную царскую трапезу, состоящую более чем из пятидесяти блюд кушанья, из разнородных сластей, позолоченных кубков с вином и множества кувшинов с разнообразнейшими напитками. Поставив все это на стол, он немного посидел с нашим владыкой, простился и ушел. По окончании трапезы, явился начальник царских писцов с прочими писцами, состоящими при этом диване[661], и принесли упомянутые сороки соболей. Мы роздали всем им подарки вещами и деньгами, а также стрельцам, которые несли меха, поднесли им вина, и они удалились. Таков обычай, что всякому, кто приносил нашему владыке патриарху подарок, начиная с денег и кончая иконами, хотя бы даже редиску или огурцы при наступлении времени созревания плодов, он давал в награду одним деньги, другим подарки: алеппского мыла, благовонного мыла, шафрану и кроме того священные предметы, которые они принимали с большим благоговением; даже стрельцам, которые ежедневно приносили кушанья с царской кухни, мы каждый день давали в награду за труд напитков или деньги, так как они менялись ежедневно.

Возвращаемся (к рассказу). По уходе писцов, пришел сам визирь, присланный от царя с выражением почтения и с поклоном от него нашему учителю. Он сообщил, какую радость и удовольствие чувствует царь от его благословения и молитв и какую печаль и огорчение по случаю разлуки с ним, (и прибавил), что царь, когда мы от него вышли, сказал своим вельможам: «поистине, этот патриарх — муж святой, и печать святости видна на его лице»; о том же свидетельствовали все. Так сообщил нам теперь визирь и сказал: «когда ты расстался с царем, он вздохнул и сказал: молю Бога, прежде чем умру, видеть его в числе четырех патриархов служащим в Святой Софии и нашего патриарха пятым вместе с ними; и все присутствующие ответили: да услышит Господь!» Равным образом визирь, к радости нашего учителя, сообщил ему об исполнении всего, о чем он просил в своих просьбах. Раньше мы, между прочим, просили у царя дать нам пять хрисовулов, то есть золотых грамот, и он их нам дал. Первый хрисовул — для Апостольской Антиохийской Церкви, чтобы каждые три года приезжал архимандрит или архиерей с двумя-тремя монахами и слугами за царской милостыней, сколько Бог положит царю на душу, после чего они удаляются; другой хрисовул — для монастыря Белеменд в Триполи; третий — для монастыря св. Георгия Хмерэ[662]; четвертый — для Сайданайского монастыря[663], и еще хрисовул, пятый, для купца, который считался родственником одного из купцов[664] молдавских, на тот предмет, чтобы быть ему главою общества купцов и чтобы его не задерживали на границе. Воеводу, нашего земляка, родом из Дамаска, который был воеводой в Коломне, Кашире и Серпухове, мы восстановили (в его достоинстве): по ходатайству нашего владыки патриарха, царь сделал его пожизненно воеводой в Кашире. Некоторым бедным грекам мы доставили места переводчиков в приказе, [для других, служивших в войске, нам удалось исходатайствовать повышение в степень чаушей (курьеров).]

При прощании царь попросил у нашего владыки патриарха разрешительных грамот из тех, которые мы напечатали в Киеве по-русски, и велел ему раздавать их государственным сановникам, что и было сделано. Что касается царя, то я отправился (к нему), взяв для него девять грамот, на которых написал золотом имена его, царицы, их сына, дочерей и сестер его; а что касается вельмож, то, по приказанию царя, я обошел их дома, в сопровождении переводчика, и всем им роздал грамоты.

Глава X. Москва. Сборы в дорогу. Отделка и упаковка соболей. Беличьи меха. Царское хранилище икон. Стихарь архидьякона. Подводы

Мы стали собираться в дорогу. Один я в эти дни был в больших трудах и хлопотах ночью и днем: утром и вечером обходил вельмож, а днем занимался упаковкой соболей, надзирая за мастерами и опечатывая лапки всех шкурок царской печатью красным сургучом, а именно: на каждую лапку соболя накладывали печать и делали надпись по краям на задней стороне, чтобы нельзя было украсть его и убавить что-либо от его ширины, а печать, чтобы шкурки не подменили, то есть, взяв хорошую пару соболей, не положили бы на место её плохую. Эту хитрость придумали греческие купцы, так как большинство здешних мастеров — люди лукавые. Чтобы сделать надписи и приложить печати на шкурках, мы развязывали каждый сорок, который был связан, и отдали шкурки по счету мастерам, чтобы они, при помощи своих жен, детей и многочисленных рабов, вырвали щипцами белые волоски. После этого, мастера брали их смачивать, разглаживать и растягивать, чтобы мех стал больше в длину и ширину, а потом подбирали их, отсчитывая по сороку. За каждый сорок мастера получают по динару. Каждые десять сороков соединяют вместе и называют коробьею. Оценивают в ней каждый сорок отдельно и ставят на них нумера, от одного до десяти: первый — баш, то есть голова, второй ниже и т. д. до конца. После этого мы складывали каждые два сорока в мешок очень плотно, с большим трудом и старанием, как это принято, во-первых, для предохранения от дорожной пыли, которая сильно вредить меху, во-вторых, чтобы как можно более уменьшить кладь (для предохранения) от жара.

Раньше еще валашский господарь Константин прислал нашему владыке патриарху письмо, в котором убедительно просил его добыть ему из царской казны наилучший сорок соболей, самого высшего достоинства, самый темный и ценный; такие сороки никогда не выпускаются из царской казны. Наш владыка патриарх написал царю просьбу об этом, и царь приказал выдать из казны сорок соболей по его первоначальной сибирской цене. Разыскивая, нашли два сорока, из которых мы выбрали лучший и заплатили первоначальную его цену, написанную на нем в Сибири — 480 динаров; и взяли его. По этой причине я имел случай видеть хранилище соболей и любоваться им.

Также, по приказанию царя, дали нам 4.000 казанских белок. К нашему несчастью, в этом году не привезли белок из Сибири: как говорят, вследствие сильной жары, стоявшей этим летом, зверек убежал в глубь страны. Мех этих белок стоит динаров 20 и более. Он не дубленый и свернут волосом внутрь, а мездрой наружу. Мы отдали его для дубления мастерам по беличьему меху, так как никто так не умеет дубить как они, нигде, кроме как в этой стране: они выделывают его мягким как шелк. Его мочат в бочках с отрубями и морским маслом, называемым рыбьим жиром, которое получают из моря-океана. За каждую тысячу шкурок мастера берут четыре динара.

Все надзиратели и служители в государственных складах тому, кто знает кого-либо из них и подарит им, дадут лучшее из наличного запаса, а кого не знают, тому дают плохое, так как все в их руках; но это делается тайно. Так и мы давали им посулы и одаривали их.

Равным образом я ходил и взял рыбьего зуба и хрустального камня (слюды) из склада приказа по делам иностранцев, о котором мы уже говорили, где мы постоянно вели свои

дела; ходил также в царскую казну, находящуюся близ высокой царской палаты и назначенную для хранения икон, в сопровождении одного из переводчиков, приставленного ко мне. Войдя в нее, я был изумлен множеством икон, в ней находящихся, которые стоят большой казны и денег: все иконы, которые архиереи этой страны и настоятели монастырей дарят царю и всему царскому семейству, относятся сюда и здесь складываются. На задней стороне каждой иконы написано имя того, кто поднес ее, из какого города или монастыря и дата: день, месяц и год, и кому поднесена икона: царю, царице или всему царскому дому. Все иконы сданы по счету боярину и все, что есть в этой казне, занесено в книги. Боярин дал нам, согласно приказанию царя, тридцать позолоченных икон, которые мы дали отнести стрельцам и, прибыв в свое помещение, вознаградили их за труд.

Мы просили также у царя лошадь юрга, то есть иноходца, и он нам дал ее. Раньше я написал царю просьбу, в которой просил у него стихарь для себя, и он немедленно пожаловал мне его. Меня послали в склад материй, облачений и редкостей и хотели дать мне сшитый, готовый стихарь, по их покрою, так как из этого склада раздают фелони, епитрахили, стихари и иные предметы облачения и церковной утвари бедным священникам и небогатым монастырям, но я не пожелал, так что они опять доложили царю, и он прислал мне превосходный белой венецианской парчи, затканной узором в виде деревьев и ветвей из разноцветного бархата, пришивки к рукавам и подолу из такой же материи с желтым фоном и несколько динаров на расход по шитью, велев сказать: «бери и сам крои, как желаешь и как тебе нравится». Эта материя стоить около 100 динаров.

Нам дали также обычный прощальный подарок при целовании руки, как и в первый раз. Снарядившись в путь и увязав вещи, мы написали прошение о шестидесяти подводах для нас и наших вещей. Нам было бы достаточно двадцати, но за нами следовало множество бедняков, и, кроме того, нам хотелось облегчить лошадей. Нам привели подводы и назначили с нами переводчика и толмача сопутствовать нам до границы земли казаков и десять вооруженных стрельцов провожать нас от города до города; нам дали царские сани и дорожный запас, съестного и напитков, составлявших наше содержание до конца марта, то есть до приезда нашего в Путивль.

Глава XI. Москва. Прощание с патриархом Никоном. Отъезд из Москвы. Трудное путешествие до Волхова. Праздник Пасхи в Волхове. Архидьякон в гостях у воеводы

[Но впоследствии я желал, чтобы мы остались до Пасхи и не подвергались неприятной необходимости возвращаться назад по той же дороге, как это случилось. Вообще, как можно чужеземцам, которые, подобно нам, привыкли к удобствам у себя дома,] найти здесь покой, не имея возможности ходить в баню и брить голову[665]? ведь мы от самой Валахии, то есть целых два года, не ходили в баню[666].

Возвращаемся (к рассказу). Когда наш владыка патриарх доехал до пушечной площади, что напротив Кремля, то, по наставлению переводчиков, сошел с саней и, обратившись к Кремлю и к городу, прочел молитву с особым молением за царя и за всех жителей города, благословил на все четыре стороны и сел в сани. Все провожали нас за земляной вал, и мы, по здешнему обычаю, наделили каждого из переводчиков деньгами, в вознаграждение за их труды, от нашего владыки патриарха отдельно и от всех нас вместе, простились с ними и проехали на санях [семь верст. Мы спешили с своим путешествием, чтобы достигнуть Путивля по еще замерзшим дорогам и рекам. Однако, этого нам не удалось сделать, так как, при нашем прибытии в Калугу, лед на реке начал таять, вследствие чего мы были задержаны здесь на три дня, в продолжение которых лед и снег совершенно растаяли, реки выступили из берегов и дороги покрылись большими потоками воды. Нас было всех, считая наших спутников, стрельцов и ямщиков, т. е. владельцев подвод, восемьдесят человек, и соединенными усилиями мы устроили, с большим трудом, одиннадцать или двенадцать мостов, при помощи которых совершили трудный переход по дорогам и рекам и по страшно глубокой грязи, которой одной довольно было, чтобы остановить менее решительных путешественников. Всего более мы огорчались, видя, как мучились лошади. С крайними затруднениями мы совершили путь до Белева, и когда прибыли сюда, снег во многих местах совсем растаял, а в других был до того перемешан с грязью, глиной и водой, что путешествие на санях стало невозможным и мы стали покупать колесные экипажи. При каком бы то ни было способе путешествия, трудности дороги были необычайны. В тех местах, где еще лежал снег, мы видели, когда он медленно таял, как потоки воды, словно из источника, струились из-под сугробов, при чем каждое поле изливало свои потоки на дорогу, так что, сидя в санях, мы зачерпывали в кружки прекрасной пресной воды и глотками этой, по истине, ма оззоляль (чистой воды) оживляли в себе душу.]

Мы прибыли в Волхов только в Великий четверг и было решено отпраздновать здесь Пасху, что и случилось, так как ямщики, владельцы подвод, упросили нашего владыку патриарха позволить им отпраздновать Пасху у себя дома.

В день Пасхи, на заре наш владыка патриарх, [по приглашению воеводы и по просьбе греческих купцов, бывших с нами,] отправился в одну из церквей и совершил в ней пасхальную утреню. [После канона, он стал перед царскими вратами с крестом в руке, и при нем два священника: один держал Евангелие, а другой икону Воскресения. Все присутствовавшие стали подходить, по обычаю, и прикладывались ко кресту; прикладываясь затем к Евангелию и к иконе в руках священников, они целовали также последних в уста, при чем давали им, каждый, красное яйцо. Так делали мальчики и взрослые мужчины. После них подходили женщины и девушки всех сословий, от высших до низших. Мы горели от стыда, когда женщины и девицы целовали священников в уста, а

священники целовали их, говоря: Χριστὸς ἀνέστη, а на их языке: Христос воскресе, на что миряне и женщины отвечали: «во истину воскресе», и последние в то же время целовали в уста священников, без всякого стыда. Видя это, мы сильно изумлялись, в особенности греки, бывшие этому свидетелями; но таков обычай у московитов. Священники набрали множество красных яиц, так как ни один человек из их паствы, ни даже из детей, не забыл дать яйцо. Здесь также соблюдается обычай, что во время обедни на Пасхе приносят из дому блюда с хлебом, маслом и сыром в церковь, для того чтобы священник прочел над ними положенную молитву, после чего он берет себе половину, называемую пасхальным приношением. Другой обычай, о котором мы раньше упоминали, состоит в том, что, начиная с этого дня до Вознесения, всякий, при встрече с своим другом, целует его в уста, говоря: Χριστὸς ἀνέστη,. Но окончании всей этой церемонии, наш владыка патриарх совершил литургию.]

На этой неделе никто не путешествует и никуда не ездит, но все занимаются в своих домах едой и питьем и предаются безмятежному покою и посещению церковных служб. [Начиная с воскресенья до конца недели, священники в фелонях, с хоругвями и с крестом в руках, в сопровождении своих товарищей или учеников[667], которые несут икону Воскресения, храмовую икону и Евангелие, обходят своих прихожан, поя «Христос воскресе». Войдя в дом, священник читает Евангелие на Пасху и произносит ектенью, в которой поминает имена всех обитателей дома, затем говорит многолетие царю и патриарху и заключает службу, троекратно повторяя «Христос воскресе». Ему дают денег и провожают до дверей, а потом все предаются чрезвычайной радости и веселью. Когда процессия проходит мимо церкви, мальчики этого прихода звонят в колокола, так как удовольствие и занятие мальчиков на этой неделе — звонить беспрестанно в колокола. Священники приходили также к нашему учителю, и он отпускал их с обычным вознаграждением.]

В этот день меня с царскими переводчиками пригласил к себе воевода. Он сам подносил нам чарки с водкой, стоя на ногах, тогда как мы сидели. Они имеют обыкновение, поднеся гостю, передавать ему сосуд с водкой или вином и чарку, чтобы он налил и поднес им; так поступал и хозяин этого дома. Послушай, какие удивительные и диковинные вещи мы видели в этот день! Нам рассказывали об этом, но мы не верили, пока я не увидел собственными глазами. А именно: после того как был накрыт стол и мы сели,— воевода позвал свою жену, и она пришла со своими дочерьми и сыновьями в наилучших одеждах. Войдя, она приветствовала нас наклонением головы. Муж поставил ее посредине и просил нас подходить и целовать ее в уста святым пасхальным поцелуем, который, по их верованию, безгрешен, при чем говорят: «Христос воскресе!» Вперед меня подошли переводчики и поцеловали ее в уста, говоря «Христос воскресе», поклонились ей и возвратились назад; что же касается меня, то я стоял как истукан и таял в своем соку от стыда. Муж её настойчиво приглашал меня, но как я отказывался, то переводчики стали уговаривать меня подойти и поцеловать ее, а то муж рассердится. Со стыдом и с большим принуждением подошел я и поцеловал ее в уста, говоря «Христос воскресе»; я был словно лишенный зрения и разума, так как никогда ничего подобного не видел. Нам рассказывали, но я не верил, что не только в этот день Пасхи, но и когда угощают у себя постороннего человека, то приводят к нему свою жену, чтобы он и все присутствующие поцеловали ее в уста, при чем муж её спокойно смотрит на это, и никто не может ее не поцеловать, а то его выгонят из дому. [Возвращаясь на свое место, я поклонился хозяйке, и все присутствовавшие поклонились ей в то же время.] Затем хозяйка взяла сосуд с водкой и чарку, поднесла нам два раза и села с нами за стол — таков их обычай. Под конец обеда мы

выпили чаши за здоровье хозяина и хозяйки , осушая их до капли, ведь у них обыкновение, что кто не осушает чашу, тот считается отъявленным врагом, потому что не выпил за полное здоровье хозяина дома.

Глава XII. Волхов. Письмо от царя с просьбой возвратиться в Москву. Огорчение и недоумение путешественников. Обратный путь

Во вторник на Пасхе, когда мы готовились к отъезду в Путивль, прибыл быстрый гонец с извещением нашему владыке патриарху, что царь спешно послал к нему важного стольника, но с каким сообщением, мы не знали. Мы сильно испугались и изумились, думая и дивясь, какая может быть тому причина, и после того как радовались своему путешествию, впали теперь в беспокойство и тревогу, пока упомянутый стольник, тотчас по приезде в город, не прислал просить дозволения явиться к нашему учителю. Придя, он поклонился сначала и после и, стоя на ногах, сказал: «великий и святой отец, блаженнейший кир Макарий, патриарх града Божьего Антиохии и всего Востока! Твой духовный сын, христолюбивый царь, превозвышенный, наибольший из князей и величайший из царей, князь (?) Алексей Михайлович, бьет челом твоей святости до земли и молит тебя, если твоей святости будет угодно, пожаловать возвратиться к нему и не пенять на него за труды пути, потому что он имеет в тебе нужду для присутствия на новом, тайном соборе и для тайных, важных церковных дел царства. Он прост и молит тебя не взыскать с него за тягости пути и возвращения: награда твоя от Бога».

[Мы спросили стольника, в какое время он оставил Москву. Он сказал: «после вечерни, в великую пятницу, царь позвал меня к себе и дал мне это письмо с приказанием догнать твою святость, как можно скорее, и исполнить его поколение. Я подвергал опасности свою жизнь в водах и реках, мчась во всю прыть ночью и днем, так как царь настоятельно приказывал, чтобы я догнал вас, прежде чем вы достигнете Путивля». По истине, это замечательная вещь, что он проехал такое большое расстояние в три с половиною дня.]

Затем стольник вручил ему письмо царя, которое наш владыка патриарх поцеловал и вручил переводчику перевести, и он так перевел его на греческий язык, а я записал по-арабски точь в-точь. Вот его копия:

с Мы, Божией милостью наибольший из эфендиев[668] и князей, царь Алексей Михайлович, веся Великие и Малые и Белые России самодержец, многих восточных, западных и всех северных стран) по наследию от отца и преемству от предков, обладатель и государь, Макарию, Божией милостью патриарху великого града Божьего Антиохии и всего Востока. Наше царское величество кланяемся тебе, как отцу и пастырю. Ты уехал и покинул нас, выехав, твоя святость, блаженнейший, из царствующего града, (средоточия) обширного управления, чтобы отправиться в свой святой престол, великий град Антиохию. Немного времени прошло, как ты покинул наш город Москву, расставшись с нами, и еще не далеко отъехал, а у нашего царского величества случились в это время некоторые царские, тайные церковные дела, весьма важные, а посему обстоятельства требуют, чтобы ты возвратился к нам, блаженный отец, и удостоил нас, к великой нашей радости, лицезреть твое святое пастырское лицо, свидеться с тобою о возвеселиться о тебе малое время. Я, великий государь, возлагаю большую надежду на мудрость твоего архипастырского управления и (мню) что ты не воспротивишься нашему повелению указу, а посему прошу умоляю тебя, припадая к стопам твоего архиерейства, не оставить без внимания мою просьбу и моление, пожаловать к нам в город Москву без замедления, с наименьшими тяжестями и вещами. Наше повеление и распоряжение то, чтобы ты не привозил с собою ничего кроме архиерейского облачения и немногих слуг; все же остальные тяжести и вещи

и людей своих благоволи оставить в крепости, в которой тебя застанет это наше письмо и указ, посланный со стольником нашего царского величества Иваном Ивановичем. Если ты последуешь нашему указу и возвратишься к нам, блаженный отец, то удостоишь нас благословением твоей духовной благодати. Таково распоряжение нашего царского величества, что, когда ты прибудешь к нам, мы вскоре тебя отпустим, отблагодарив твою святость, блаженнейший; а за труды, подъятые тобою от тягостей пути, получишь награду от Бога. Мы отпустим тебя, как повелит и пожелает твоя святость: отнюдь не мысли ничего дурного, блаженный отец, по поводу своего возвращения к нам теперь.

Это письмо нашего величества писано в столице Москве 7164 года, вечером 4 апреля».

Когда мы поняли смысл этого письма, наша печаль была больше нашей радости, а радость больше печали: печаль — по причине возвращения назад, в то время как мы постоянно молим Бога о том, чтобы нам сделать шаг вперед, а радость — от этого смиренного моления со стороны царя, которому нельзя не повиноваться. [Среди таких чувств мы, в смущении и расстройстве, не знали в точности, что подумать об этом деле. Впрочем, хвала Богу, Который, по своей бесконечной мудрости, допустил, чтобы все эти перемены встретились нам на пути и случились при нас. Обыкновенно, патриархи, приехав, оставались никак не долее восьми месяцев; мы же, прежде всего, были совершенно остановлены волнениями в Молдавии, а по том, по той же причине, были задержаны в Валахии. В Московии мы застали поход, при личном ведении войны царем; то, чего не видано было со времен царя Ивана, к нашему великому несчастью случилось при нас. Затем, после того как мы надеялись, что пробудем четыре или пять месяцев только, мы были задержаны почти на два года, каковое время, под конец, в действительности и пробыли сполна. Теперь мы сильно бранили себя за то, что не остались в Москве провести пасхальные праздники, что было наилучшим советом, какой только нам был дан.

Замечательно, что при нас случилось столько удивительных вещей, далеко превосходящих числом и необычностью случившиеся с другими. Обыкновенно, патриархи только раз приезжали в Москву, мы же ездили дважды, и в пяти вещах мы превзошли предшествующих патриархов: первое — наше пребывание в Коломне в течение семи месяцев и то, что мы испытали способ путешествия по рекам: в то время, как другие путешествовали сухим путем, нас везли по реке на судах; второе — наше путешествие в Новгород; третье — посещение нами царского монастыря; четвертое — наше возвращение в Москву вторично, и пятое — то, что мы пользовались содержанием 24 месяца, или полных два года, как мы потом это поясним.

Было решено возвратиться в Москву, во исполнение царского указа, так как невозможно и непристойно оказать ослушание, еще находясь во власти и земле царя. Греческие купцы, ехавшие с нами, были очень раздосадованы, что должны с нами расстаться. Явился воевода, и мы пошли с ним и со стольником и поместили все свои подводы, вещи и тяжести внутри крепости, увязав их и приложив печати, и там же поместили прочих наших спутников и слуг. Воевода приставил к вещам большое число стрельцов для охраны их ночью и днем. Согласно приказанию царя, мы взяли с собою только самое необходимое и сундук с облачениями. С нашим владыкой патриархом поехали я, мой товарищ дьякон, архимандрит и трое слуг в семи экипажах. Обыкновенно, экипаж бывает в одну лошадь, мы же запрягли по две. Всех лошадей было сорок, для того чтобы переменять их во всякое время, чтобы они не измучились от трудностей пути. [Это распоряжение было сделано вследствие наказа от царя стольнику устроить все, для того чтобы мы поскорее к нему приехали. Переводчика мы взяли с собою, а толмача оставили].

Мы выехали из Волхова в среду на Пасхе в полдень [причем воевода проводил нас за город]. Мы ехали с крайней поспешностью [перенося величайшие неудобства от трудностей пути и глубокой грязи, образовавшейся вследствие разлития ручьев и рек. Реку Калуги мы видели при наибольшей её высоте: она разлилась в ширину почти на милю и, опрокинув стены новой крепости, которую мы раньше видели, как она строилась, унесла все дерево, на них употребленное].

Глава XIII. Москва. Остановка в Симоновке Слухи о ссоре царя с Никоном. Указ об убое скота. Патриарх Макарий и архидьякон Навел у царя. Рассказ о приеме царем греческих купцов на Пасхе и знаменательные слова царя о восточных делах. Польский посол. Послы от Молдавского господаря Стефана

[В среду на Фоминой неделе мы прибыли в селение, называемое Симоновка, в семи верстах от столицы. В нем множество садов с прекрасными яблонями. Оно составляет угодье Симонова монастыря, по которому и получило свое название. Все чужеземцы, приезжающие в Москву: патриархи, архиереи, монахи, купцы, ждут в этой деревне, пока их пристав не сообщит о них визирю и не приготовит им помещение, после чего он возвращается и провожает их в город То же сделал с нами и наш стольник, послав известить визиря и царя о нашем приезде, а между тем мы провели эту ночь в селении. Мы встретили на дороге несколько греческих купцов, возвращавшихся из Москвы, и спросили их, по какому случаю нас вернули назад. Они сообщили нам, что вечером в Великую пятницу царь поссорился с патриархом в церкви — по какой причине, никто в точности не знал; было только известно вообще, что ссора вызвана была высокомерием патриарха и его грубым обращением, так как он сделался чрезвычайно надменен. В праздник Крещения, когда он намеревался совершить службу водоосвящения только один раз и когда это его намерение дошло до сведения нашего владыки патриарха, последний отправился к нему и убеждал его, что такое действие неправильно, так как Никон постоянно просил нашего учителя, говоря ему: «если что найдешь достойное порицания в чине наших обрядов, скажи нам об этом, чтобы мы поступали, как должно», и, обыкновенно, принимал его советь с величайшим вниманием. Но в этом случае не захотел послушать его, отвергнув его авторитет по данному предмету. Царь, между тем, думал, что Никон, именно по совету нашего владыки патриарха, совершил обряд так, как совершил его; но теперь, когда до его сведения дошло, что дело было наоборот, он поспорил с ним и выбранил его, назвав мужик, бл . . . н сын, т. е. глупый крестьянин. Патриарх сказал ему: «я твой духовный отец, зачем же ты оскорбляешь меня?» На что царь отвечал: «не ты мой отец, а святой патриарх антиохийский воистину мой отец, и я сейчас пошлю вернуть его с пути». Немедленно он призвал визиря и стольника и отправил последнего в погоню за нами. Вскоре разнеслась в столице молва, что царь послал вернуть патриарха антиохийского, но никто не знал, зачем. Греки полагали, что он возвращает его для того, чтобы продержать у себя еще год, и наши друзья боялись, чтобы это не было началом какого-либо злополучного дела, но никто не знал настоящей причины; не знали её и мы до последующего времени.

В четверг посланец вернулся с ответом, и мы отправились к городу. Путь от этого селения похож на путь от хана Туман до Алеппо: все подъемы и спуски, холмы и долины. Город виден за 15 верст, восхищая взор своею красотою и величием, своею возвышенностью, множеством башен и стройных куполов церковных, сверкающих золотом. Въехав (в город),] мы остановились в Кирилловом монастыре, где жили раньше, и нам показалось, как будто мы выезжали из дому посетить кого-нибудь и вернулись домой.

К нынешнему празднику Пасхи вышел царский указ касательно способа убивания скота. В этом указе царь повелевает, чтобы скот резали, согласно правилам, так как, начиная с Валахии и Молдавии, в стране казаков и московитов скот не режут, как определено правилами, а закалывают, как это принято у франков. Поэтому, наш владыка

патриарх, в бытность свою в царском (Саввином) монастыре, сообщил царю об этом, и тот благодарил его и сделал по его словам, и теперь московиты, подобно нам, скот режут, но с большим ропотом, так как думают, что (их способ) противоположен способу убивания, принятому у агарян; однако они говорят неправду на них, и их речи неосновательны.

На другой день царь пригласил нашего владыку патриарха к торжественному столу. Когда он вошел, царь встретил его с поклоном и сказал: « отец и владыка! прошу тебя, как Христос простил грешницу и принял её слезы, простить так и мне и принять мои слезы и моления, что я вызвал тебя. Не сетуй на меня за тягости пути и беспокойство: я вознагражу тебя за все твои труды, как ты надеешься и попросишь». И так царь обнаружил большую радость при виде нашего владыки, и после того как он благословил его, подошли мы поцеловать руку царя. Когда я поцеловал у него руку, он сказал, улыбаясь: «Христос воскресе!» Я смутился, но ответил: «воистину воскресе». По уходе нашем с обеда, возобновили доставление нам припасов и денежного содержания.

Греческие купцы, здесь живущие, рассказывали нам, что царь, в день праздника Пасхи, рано поутру, по своему обыкновению, после того как роздал государственным вельможам красные яйца в церкви, подозвал после них греческих чужеземцев, здесь находящихся, и дал каждому по два яйца. Всякий, кто получает в этот день из рук царя яйцо, обыкновенно, хранит его у себя в доме как благословение — об этом мы раньше говорили. Оделив их яйцами, царь подозвал их поближе и сказал им: «хотите ли и желаете ли, чтобы я освободил и избавил вас от неволи?» Они поклонились ему и отвечали: «как нам не хотеть этого?» и выразили ему подобающие благожелания. Он продолжал: «когда вернетесь в свою страну, просите своих архиереев, священников и монахов молиться за меня и просить Бога, так как по их молитвам мой меч сможет рассечь выю моих врагов». Потом, проливая обильные слезы, он сказал вельможам своего царства: «мое сердце сокрушается о порабощении этих бедных людей, которые находятся во власти врагов веры. Бог — да будет прославлено имя Его! — взыщет с меня за них в день суда, так как, имея возможность освободить их, я пренебрегаю этим», и прибавил: «не знаю, как долго будет продолжаться это дурное состояние дел, но со времен моих дедов и отцов к нам не перестают приходить патриархи, архиереи, монахи и бедняки, стеная от обид, злобы и притеснений своих поработителей, и все они являются к нам не иначе, как гонимые великой нуждой и жестокими стеснениями. Поэтому я боюсь, что Всевышний взыщет с меня за них, и я принял на себя обязательство, что, если Богу будет угодно, я принесу в жертву свое войско, казну и даже кровь свою для их избавления». Они отвечали ему: «да даст тебе Господь по желанию сердца твоего!» Обрати внимание, читатель, на качества этого святого.

Возвращаемся. Нам также рассказывали, что в великую субботу прибыл к царю посол от короля и вельмож ляшских, умоляя его простить их, (обещая) признать его власть и исполнить все, чего он потребует от них. Царь принял их просьбу до поры до времени.

В это время прибыл к царю молдавский митрополит послом от Стефана воеводы, в сопровождении логофета и многочисленной свиты, кланяясь царю своей землей и обещая быть у него в подчинении, именно так решила вся страна, знатные и простолюдины, вследствие своего стесненного положения и бессилия противиться власти своих поработителей, в особенности татар. Царь был сильно разгневан на Стефана за то, что он несколько раз посылал ляхам помощь против казаков, так как между казаками и молдаванами большая вражда. Стефан непрестанно употреблял всевозможные ухищрения, пока не устранил вражду посредством даров, посольств и просьб, так что она обратилась в

большую дружбу. Царю он представил письмо от иерусалимского патриарха во свидетельство, что подчиняется ему от искреннего сердца; однако, царь не внял этим речам, говоря, что все это обман, и даже не принял ходатайства нашего владыки патриарха[669], но тот не переставал умолять его, пока царь не внял его просьбам и не смиловался над Стефаном. Послы имели с собою прошение от имени всей страны, в котором просят у царя десять вещей: из них одна та, чтобы царь помогал им своими войсками в опасности и в иных случаях; далее, чтобы он брал с них подать согласно тому, как положено в старинных книгах времен греческих царей; чтобы упомянутый господарь не был сменяем во всю жизнь, а после его смерти был бы поставлен господарь из его племени; чтобы царь снял с них подать на 10 лет; что господарь не должен казнить никого из бояр без разрешения царя. И так царь позвал их, они целовали его руку и представили ему в дар превосходного турецкого коня в полном, великолепном золотом уборе, осыпанном жемчугом и драгоценными камнями, а также поднесли ему ногу одного из сорока мучеников, Иоанна по имени. Патриарху они поднесли бархата, парчи и мощи святого. Царь же пожаловал им много подарков, назначил содержание и пр.

Глава XIV. Москва. Посвящение Иосифа, архиепископа Астраханского. Приготовления к войне с Швецией. Царь готовится к отъезду. Собор по вопросу о крещении поляков. Причины возвращения в Москву патриарха Макария

Возвращаемся (к рассказу). [В воскресенье Самаряныни мы отправились, по приглашению патриарха, в собор, чтобы присутствовать при посвящении кир Иосифа, архиепископа Астраханского. Сердца наши горели желанием видеть это прекрасное зрелище, и — хвала Богу! — по круговороте времени, наконец выпало нам на долю это счастье. Пока патриархи облачались, устлали коврами большой, высокий помост и поставили на него три кресла: для царя и для двух патриархов. От царского кресла до алтарных дверей разостлали красное сукно, а поверх его розовый бархата, чтобы царь ступал на него; а под креслами патриархов разостлали фиолетовое сукно, а поверх его синий бархат. Халдеи в длинных красных кафтанах, с широкими рукавами, с длинными палками в руках и в высоких красных колпаках, стояли, в числе шести, кругом амвона. Мы уже раньше упоминали, что при посвящении епископа их бывает, обыкновенно, четверо; при посвящении архиепископа шестеро; при посвящении митрополита — восемь, а при посвящении патриарха — двенадцать; но не знаем, как объяснить цель этого. Патриархи вышли из алтаря) и сели на свои кресла. Пришел царь и, приложившись, к иконам, направился к патриархам, которые сошли преподать ему благословение, после чего он поднялся и сел на кресло рядом с ними. Он был в короне, в царском одеянии и порфире и сидел по правую руку. Тогда архидьякон, с своими товарищами, вышел вперед и, вызывая архиереев, архимандритов и священников подвое, делал с ними метания[670] пред царем и патриархами. Архиереи рассаживались на уступах помоста с каждой стороны, до самого нижнего, по своим степеням; а архимандриты в митрах сели на креслах по обеим сторонам хороса. Вывели лицо, назначенное к посвящению, в облачении и митре: он был архимандритом одного монастыря в Астрахани. Поклонившись дважды царю и патриархам, как сделали другие, он стал перед ними поодаль, лицом к западу, и начал читать грамоту, данную ему жителями его области, а также произнес громким голосом исповедание соборов и символ веры, как это установлено в Евхологии, поминая имена царя и патриарха со многими хвалами. Они слушали его, сидя, по когда он начал читать символ «Верую во единого Бога», они поднялись и стояли. Кончив, он взошел к патриарху, и тот прочел над ним положенные молитвы и благословил его. По заключении этой церемонии, патриарх сошел к своему месту, и начали часы и обедню. При Трисвятом было совершено обычным образом посвящение архиепископа. Ему вручили Евангелие, он пошел и поднес его царю приложиться, а потом всем служащим.

После обедни мы поднялись в царскую столовую и видели, как архиепископ, сопровождаемый царскими боярами, проехал верхом, с крестом в руке, окруженный халдеями, и окроплял стены Кремля, после чего вернулся к столу. На другой день он окроплял вторую стену города, а на третий день все остальное, по обычаю московитов. Затем, он поднес царю и всему царскому семейству в подарок иконы, золоченые кубки, динары, соболей, шелк, парчу и пр.; а также сделал подарки патриарху, нашему учителю, нам, и всем присутствовавшим при его посвящении архиереям, настоятелям монастырей, священникам и большим и маленьким дьяконам.

Между тем царь послал приказ всем воеводам страны, чтобы они доставили ему

людей и пособие для похода, который вскоре должен быть и уплатили за каждого раба и служителя, которых желали удержать в своих поместьях, от 20 до 40 руб. с человека, взамен военной службы, при чем представили бы заместителей, пока те отсутствуют и отдыхают от трудов войны. Этот приказ строго приводился в исполнение не только относительно воевод и их рабов, но также и относительно всех бояр, живущих в своих домах по всей стране, при чем не делалось никакого исключения, хотя многие из них были старые и дряхлые.]

Царь опять готовился ехать в город Смоленск, чтобы видеть, на чем установится соглашение между ним и ляхами, и отправил вперед войско, припасы и тяжести. Против Швеции он послал трех больших князей с 300.000 ратников, и они пошли в Новгород и Псков, выступив из столицы с большою торжественностью и пышностью. Царь и цесарь согласились напасть на шведов, первый — с суши, второй — с моря; так было решено. После этого царь стал держать шведского посла в тесном заключении, поставив кругом его жилища два приказа - 1.200 стрельцов с ружьями стеречь его со всех сторон, как пылающий огонь. К ним отнюдь никого не допускали. Окружив их, отобрали все найденные у них мечи, ножи, а также перья и чернила, чтобы они не писали писем в свою страну, после чего переместили их в каменное здание, где ратники стерегли их с чрезвычайною бдительностью. Все это делалось из опасения, что они будут посылать письма в свою страну и что до них будут доходить оттуда известия.

В это время царь ездил на богомолье для прощания с монахами в монастыри, находящиеся внутри и вне города В наш монастырь он прибыл в понедельник вечером и прикладывался в его церквах к иконам. Наш владыка патриарх пошел к нему, благословил его и приветствовал; при этом царь сказал ему: «отец мой! молись за меня, так как я намерен скоро идти в поход», поклонился ему, попрощался и отправился посещать другие монастыри. [На следующий день, во вторник, зазвонили в колокола после обедни, и царь пошел в церковь. Здесь оба патриарха, с архиереями и архимандритами, облачившись, совершили для царя молебствие, по окончании которого вышли крестным ходом за кремлевские ворота туда, где находится каменный помост для молебствий. Совершив службу, простились с иконой Божией Матери Влахернской и с крестом Константина, которые были поручены охране Иосифа, митрополита Крутицкого, назначенного в этом году везти их пред царем: сначала они помолились на них и облобызали, и так расстались с ними на время.

Обрати внимание, читатель, на их веру и убеждение! они посылают эти священные сокровища пред царем, чтобы вести его к победе и отражению врагов.

Мы сняли тут же свои облачения, и наш владыка патриарх возвратился в своей карете, в сопровождении патриарха Никона, в наш монастырь.]

В воскресенье перед Вознесением наш владыка патриарх был приглашен патриархом Никоном. Отстояв обедню в соборе, мы поднялись к нему в палаты, где в этот день он созвал собор. Еще раньше было послано приглашение всем архиереям страны, вследствие чего прибыл митрополит Казанский. Причиной созыва этого собора был вопрос о крещении ляхов. Дело в том, что московиты, как уже нами сказано, крестили их, тогда как в правилах это воспрещается, за исключением четырех исповеданий, возникших в наше время: англикан, лютеран, кальвинистов и павликиан, которые суть последователи Павла Самосатского и составляют тридцать деревень в округе Тырнова. Наш учитель потребовал, чтобы московиты поступали, как написано в их церковных правилах. Мы раньше нашли в одной древней рукописной книге со Святой Горы все это вполне выясненным, и наш владыка патриарх списал эту главу в особую тетрадь н приложил свою

подпись. Теперь оп много спорил с архиереями, и они после долгих прений, волей-неволей, согласно свидетельству их правил, должны были признать истину. Наш владыка вручил послание об этом патриарху Никону; тот приложил к нему свою подпись и отдал царю. Его перевели на русский язык, напечатали и роздали, и согласно с ним, вышел царский указ, воспрещающий крестить ляхов и всех франков, последователей папы, так как они к нам ближе всех исповеданий. Так было решено, и собор был окончен.

Со времени нашего возвращения в Москву, мы, сколько ни расспрашивали, не могли узнать, для чего царь нас вернул; [по этой причине мы очень роптали про себя, в особенности, когда увидели, что нас задерживают дольше, чем обещали. Мы опять впали в прежнее беспокойство, и нас мучили обещаниями со дня на день, между тем как никто не умел дать нам определенного ответа,] пока, наконец, мы не узнали причину (нашего возвращения), которая была троякою: во-первых, вопрос о крещении ляхов, во-вторых, дело митрополита молдавского, и в-третьих, отлучение еретика, вновь явившегося у них, второго Ария, о котором мы потом расскажем.

Глава XV. Москва. Отъезд царя из Москвы и проводы его. Письмо царя из Можайска к патриарху Макарию. Отлучение протопопа. Освящение храма на подворье Иверского Валдайского монастыря

В четверг Вознесения подтвердилось известие о том, что царь в этот день отправится в поход. По его приглашению, наш владыка служил вместе с патриархом Никоном в Вознесенском монастыре, что напротив нас, в присутствии царя. После полудня начали звонить в колокола по порядку, отдельными ударами, для того чтобы собралось войско и государственные мужи, которые и стали стекаться. Мы пошли к патриарху. Под вечер государственные мужи начали выводить из Кремля через царские[671] ворота за город своих слуг и коней под седлами, знамена и украшения, по своим степеням и чинам, что составляло великолепный поезд. Слуги вельмож щеголяют одни пред другими отличным платьем и оружием и конями своих господ, наилучшей породы и в прекраснейшем уборе. Народ узнавал их и говорил: «эти слуги и лошади такого-то князя, такого-то боярина». Первыми появились слуги низших вельмож, а за ними следовали слуги князей и визирей. Они собирались со всего города и проходили чрез ворота св. Иоанна Крестителя[672], что в стене, позади дворца, с западной стороны, входили на кремлевскую площадь и выходили в ворота, что напротив церкви Благовещения. Здесь стояли священники в облачениях и окропляли их святой водой, когда они проходили мимо, от первого до последнего. При этом новый колокол гудел до самого вечера. Вечером царь пошел в (соборую) церковь, одетый в наилучшее царское одеяние; вместо короны на нем был высокий колпак, весь осыпанный жемчугом и драгоценными камнями, с султаном, на подобие пера, со многими ветвями, ниспадающими вниз, на которых висели алмазы величиною с горошину, в роде того, как висят ягоды смородины; они переливались и сверкали в церкви, так что ослепляли взоры и поразили нас изумлением, — подойдя поближе, я хорошо их рассмотрел. Я неотступно упрашивал нашего владыку патриарха уговорить патриарха Никона выйти провожать царя не в облачениях, но лишь в мантиях, епитрахилях и омофорах, чтобы нам хорошенько видеть зрелище. Так и было. Облачившись в соборе, они отслужили царю молебен, после которого патриарх Никон прочел над его головою молитвы на брань и победу и попросил нашего учителя также прочесть над ним молитвы, но царь не пожелал и сказал: «наруже». Затем они разоблачились и надели свои мантии, кроме нас, архиереев и священников, которые пошли впереди царя вместе с патриархами в своих облачениях, чтобы проводить его за Кремль. На помостах, покрытых красным сукном, по обе стороны царских ворот, стояли два архиерея и окропляли всех проходящих святой водой. При этом гудели все колокола, пока мы не дошли до круглого места для молебствий, которого стены кругом были убраны красным сукном, а на нем была разостлана парча. Народу было как песку морского. Царь пригласил и шведского посла, чтобы он видел и удивлялся. Затем царь подошел к нашему владыке патриарху, склонился перед ним, и он прочел над царем несколько молитв. Начали проводить породистых коней, то есть заводных: то были царские, прекраснейшие кони, приведенные из страны кизилбашей(персиян), из стран турок, немцев, татар и калмыков. Они были в великолепном уборе и многочисленны. За ними провезли множество царских экипажей, и прошли придворные воины и ратники, стольники и все придворные чины. Мы дивились, глядя на них и их убранство. Патриархи благословили царя и простились с ним; а архиереи и

архимандриты поднесли ему позолоченные иконы и все подходили к его руке, включая купцов города и нас. Царь простился с ними и, сев на коня, отправился. Войска не переставали двигаться за ним, как песок, в течение всей ночи. Царь поехал ночью в свою деревню, где есть дворец, в трех верстах от столицы.

В пятницу, рано поутру, патриарх Никон пригласил нашего учителя, и они, сев в экипаж, отправились, и мы с ними, в селение, принадлежащее патриарху, в семи верстах от города, чтобы встретить там царя, путь которого пролегал чрез это селение. Когда мы туда приехали, начали проходить экипажи, лошади и войска, и чрез малое время мы услышали три пушечных выстрела — знак, что царь выехал. Когда он появился в своим экипаже, оба патриарха встретили его и Никон повел его в свой дворец, находящийся в этом селении, где предложил ему и вельможам роскошную трапезу, продолжавшуюся до позднего вечера. Мы же стояли и смотрели на войска: то был день зрелища, какие в жизни на счету. Было чудом Божиим, что нам выпало счастье, возвратившись с пути, видеть такое зрелище.

Затем царь встал, и патриарх сошел с ним вниз и простился. Когда наш учитель благословил его раз, царь сказал: «второй», потом: «третий», поклонился ему и простился с ним. Мы опять поцеловали у него руку. Он сел в экипаж и уехал, а мы возвратились в город.

Царь, доехав до монастыря св. Николая, известного под именем «Можайский», в 40 верстах от его монастыря (Саввина.) и в 90 от столицы, прислал нашему владыке патриарху с одним из стольников письмо, в котором, после своего полного титула, говорит ему: «великий наш владыка и отец, милостью Божией святейший и блаженнейший патриарх великого града Божьего Антиохии и всего Востока, кир Макарий! Твой духовный сын, царь Алексей, кланяется тебе до земли и спрашивает о твоем здравии и благополучии. Отец мой! твоим благословением и твоими святейшими за наше царское величество молитвами, великий господин, мы прибыли, по милости Божией, здравыми и невредимыми, 10 мая, в крепость, именуемую Можайск». И внизу подписал своею рукою так: «твой духовный сын Алексей кланяется твоей святости». Все эти письма я перевел на греческий язык и сохранил у себя вместе с русским оригиналом, который имеет красную сургучную печать: двуглавый орел и посредине его царь верхом. После этого царь отправился в Смоленск и там остановился.

В воскресенье, после Вознесения, наш владыка патриарх служил в соборе вместе с патриархом Никоном, и они отлучили протопопа, который прежде состоял при царе. Это тот самый протопоп, которого Никон заточил, как только сделался патриархом, за то, что он уподобился Арию и стал еретиком, произнося хулу на четырех патриархов и говоря о них, что они, по причине порабощения их турками, лишились своей власти, и произносил также хулу на Духа святого. Этот несчастный, убежав из заточения, возвратился в столицу, где и скрывался. Патриарх тщетно разыскивал его, чтобы схватить, но пе нашел, потому что он постоянно менял свою одежду и перебегал с места на место. Наш владыка патриарх чрез драгомана говорил перед всем народом так: назвал его вторым Арием, так как тот был протопопом в Александрии, так этот был протопопом в Москве; анафематствовал его, проклял и отлучил, а также всякого, кто послушает его слов. Певчие и священники пропели трижды «анафема». После обедни мы пошли к патриарху обедать.

[В день Пятидесятницы наш учитель опять служил с ним обедню, после которой тотчас же совершили обычное коленопреклонение, при чем каждый подложил себе под колена, когда становился на них, принесенный с собою почек листьев. Патриарх прочел молитвы тихим голосом, с выражением смирения и сокрушения, и при этом плакал.

Окончив их, прочел поучение на этот день и потом сказал проповедь. Мы вышли от обедни лишь после седьмого часа, и патриарх предложил нам роскошное угощение. В этот вечер шел очень сильный дождь, сопровождавшийся большим холодом.

Патриарх Никон постоянно просил нашего учителя написать для него чин 'Ἐγκαίνια (обновления) храма и весь порядок этого чина, согласно обряду греков. Недавно он вступил во владение палатами одного из умерших визирей и, переделав их, обратил в подворье для своего нового монастыря (Иверского) — где, как мы уже сказали, он поместил казацких монахов — чтобы, когда они будут приезжать из монастыря в столицу, оно могло служить для них пристанищем. В самой верхней части этого помещения он устроил красивую, высокую церковь, которая была еще не освящена. По этой причине он побуждал теперь нашего владыку патриарха потщиться и составить чин действий при её освящении и «обновлении» по собственному мнению и в согласии с греческим обрядом, чтобы он мог видеть, согласуется ли таковой с их обрядом. По этому поводу мы очутились в большом затруднении, потому что чин «обновления храма» не содержится в печатных греческих Евхологиях, ни в арабских, ни в иных, но совершенно отсутствует в них, так как, после самых тщательных поисков, наш учитель не нашел его. Мы потом узнали от лиц, достойных доверия, что франки запрещают печатать многое: из числа этого одно есть «обновление храма», а другое — приготовление святого мира, и что это делается из ненависти к нам, но правда в том, что эти две службы достойны храниться лишь в сокровищнице патриархов. Проискав долгое время, мы нашли, по наитию свыше, в одной из книг Святой Горы, древнее греческое сочинение по этому предмету, и наш владыка патриарх с большим трудом перевел его с греческого на арабский. Как только он кончил это, патриарх Никон, по собственному побуждению, пришел к нему под вечер в понедельник Пятидесятницы и просил его освятить церковь и совершить всю службу по-гречески. Случилось, что в это самое утро наш владыка патриарх послал своего архимандрита вперед себя в новую церковь, чтобы сделать все приготовления, необходимые для «обновления», и патриарх Никон приказал своему эконому закупить все требуемые вещи, согласно указаниям нашего учителя. И так, около времени наступления ночи, мы отправились на место и, войдя в старую церковь, что рядом с новой, совершили в ней малое повечерие, согласно указаниям служебника. Затем наш учитель взял в руки мощи двух святых, во имя которых эти две церкви, и, поместив их в ковчежец, вошел и положил их на престол. По совершении им отпуста, мы пошли в новую церковь и совершили в ней великое бдение, продолжавшееся с вечера до рассвета, как обыкновенно длятся их бдения, при чем пели и читали все по-гречески. За службой присутствовал архидьякон московского патриарха с несколькими писцами, чтобы записать весь чин. При полиелее мы облачились и облачили нашего владыку, согласно обычаю московитов, и он окадил кругом церковь. Мы вышли из неё только после рассвета, полумертвые от ходьбы, стояния и бессонницы.

После трех часов дня зазвонили в колокола, и мы вошли (в церковь) и облачили нашего владыку патриарха в полное облачение и затем пошли большим крестным ходом в старую церковь; здесь владыка возложил ковчежец с мощами себе на голову, и мы пошли назад. Был дан приказ, чтобы, как только зазвонят у нас в колокола, тотчас звонили в колокола собора; по этому знаку московский патриарх со своими архиереями и духовенством, облачившись, вышел большим крестным ходом встретить нас у ворот монастырского подворья, куда мы все и вошли. Поднявшись в церковь, мы обошли кругом неё, при чем владыка нес на голове ковчежец с мощами, по мосткам, нарочно для этого устроенным, на подобие деревянного помоста, три раза, как предписано в упомянутой книге. По третьем обходе, мы вошли в церковь, где наш владыка патриарх поставил ковчежец с мощами на

аналой в нарфексе. Прочтя положенные молитвы и Евангелие, он окадил мощи, понес их далее внутрь церкви и положил на аналой пред царскими вратами. Затем он закончил службу и обедню, но обычаю, и, по благословению Божьему, мы были так счастливы, что успешно совершили весь чин[673]. Значительная часть ектений и пр. была прочитана мною. В этой церкви поместили теперь вышеупомянутую великолепную икону Владычицы[674]. Когда мы вышли из церкви, двери заперли и, запечатав их, поставили тут для охраны отряд стрельцов.

Затем мы пошли в трапезную, где в этот день патриарх Никон оказал великую честь нашему учителю, посадив его на свое место за столом. Архиереи, настоятели монастырей и знатные люди столицы, все сделали московскому патриарху значительные подарки иконами, золочеными кубками, соболями, материями, парчой и пр., поздравляя с освящением новой церкви, им самим построенной, так как торжество обновления храма весьма велико в глазах тех, кто сооружает церкви, и в такой день, как нынешний, они щедро раздают милостыню и подарки, предаваясь радости и веселью, так как их церковь без «обновления» осталась бы простым домом.

Патриарх сам раздавал подарки и деньги всем присутствующим: его казначей принес ему на блюдах золотые и серебряные монеты.] Нашему владыке патриарху за его труды он подарил позолоченную икону Владычицы, золоченую чашу, два куска парчи и два куска камки; роздал динары в бумажках всем архиереям и архимандритам, а также нам и нашим служителям, всем служителям молдавского митрополита и другим, [при чем обнаруживал большую радость и веселость. Сверх всех, он осыпал дарами государственных сановников.] Затем мы встали и возвратились в свой монастырь. По приказанию патриарха, архиереи приходили получить благословение нашего владыки патриарха, подносили ему подарки и прощались с ним. Также и царь приказал дать ему вторую милостыню в награду за его труды и нам выдали, вместе с деньгами на мелкие расходы в дороге, содержание по конец июня, когда исполнялось два года без двадцати дней (нашего пребывания здесь).

Глава XVI. Обратный путь. Летняя картина местности. Озимые посевы. Севский воевода. Прибытие в Путивль. Путь чрез Малороссию. Ярмарка в Прилуках. Приближение к Киеву. Радость путешественников

В среду по Пятидесятнице мы простились с патриархом. Нам привели подводы и в четверг 28 (29) мая мы выехали из города в карете, подаренной царем нашему владыке, потому что наша карета разбилась на обратном пути сюда, и мы ее отдали митрополиту Никейскому. [В этот день мы переехали через три реки по мостам, а на следующий день через две на лодках: одна называется Нара, на полпути между Москвой и Калугой, другая — Протва; последняя, когда мы теперь к ней вернулись, как оказалось, сильно прибыла и залила всю ту местность, так что мы почти целый день употребили, чтобы переехать ее на судах. Затем мы переехали шестую реку незначительной величины и прибыли в Калугу, где наши подводы готовыми для нас, так как визирь послал вперед нас приказ во все города по дороге до самого Путивля не задерживать нас ни на минуту. Мы только скорбели о трудах и утомлении десяти стрельцов, которые провожали нас от города до города, причем несли свои ружья и другое оружие и помогали вытаскивать экипаж в трудных местах дороги. Так как подводы были заготовлены для нас заранее, то мы ехали безостановочно. От Москвы до Калуги расстояние 180 верст. От Калуги сопровождавшие нас стрельцы вернулись домой, и их заменил другой отряд до Лихвина, а этих сменили другие до Белева, и потом опять новые до Болхова, где была оставлена наша кладь.

От Калуги до Болхова расстояние 110 верст. Здесь мы пробыли один день, укладывая свой багаж, и купили лошадей, для экипажей и вьюков, потому что ранее послали приказание продать тех, которых оставили в Путивле. Изумительно было видеть то, что мы теперь наблюдали, так как те самые земли, которые, при нашем выезде из Москвы, были совершенно покрыты снегом, а при нашем возвращении во второй раз представляли сплошную грязь и слякоть, теперь, как оказалось, когда мы проезжали по ним в третий раз, волновались высокою рожью, в рост человека, которая уже колосилась и чередовалась с ячменем и другими посевами. Мы уже раньше упоминали, что московиты имеют обыкновение сеять хлеб в августе и сентябре, и он вырастает на одну пядень или выше до наступления холодов в ноябре месяце. Между тем выгоняют на него скот, чтобы он кормился им и тучнел. Затем выпадает снег и покрывает посев, (что продолжается) беспрерывно от ноября до начала апреля, когда он тает, и так как земля размягчается, то посев всходит и в сорок дней достигает полной высоты. Нам об этом рассказывали, но мы не хотели верить, пока не увидали собственными глазами.

Затем нас проводили десять стрельцов от Волхова до Карачева, и потом другие до Севска — от Волхова до Севска 190 верста. Севский воевода весьма радушно принял нашего владыку патриарха и, будучи спрошен им о состоянии его области, отвечал: «я имею власть над восемью тысячами селений, большая часть которых поместья, пожалованные всадникам, и послал из них царю 8000 ратников». Мы удивились значительности доставленной им подмоги.

В сопровождении стрельцов, данных нам воеводой, мы оставили это место и прибыли в Путивль в четверг 12 июня, ровно через 15 дней по выезде из Москвы; расстояние от Севска до Путивля составляет 120 верст. Во всех городах мы пробыли около четырех дней, так что проехали дорогу в одиннадцать дней, имея возможность ехать с такой

быстротой, благодаря предварительному заготовлению подвод и большой продолжительности дня, который был 17 часов. Сверх того, большая часть дороги была легкая, и мы ехали даже быстрее, чем, обыкновенно, ездят гонцы, так как давали нашим животным отдыхать от города до города. Лошади здесь никогда не ходят шагом, но всегда бегут рысью или галопом и все-таки не утомляются. Расстояние от Москвы до Путивля, по нашему счету, составляет ровно 600 верст, но вследствие трудности пути увеличивается верст на сто. Благодаря усилиям наших лошадей, которых мы переменяли ежедневно, мы совершили этот путь за 11 дней, тогда как купцы, которые едут на своих лошадях, могут сделать его не менее чем в месяц.

Когда мы подъезжали к Путивлю, наш приятель, тамошний воевода, вышел нам на встречу с радостью и весельем, в сопровождении всего духовенства, и нас повели с большим крестным ходом сначала в церковь, а потом отвели в обширное помещение. Здесь к нашему владыке патриарху постоянно приходили посетители. Мы очень дивились на одно замечательное совпадение, а именно: когда мы, два года тому назад, сюда прибыли, был четверг; кода возвратились нынче в Москву и въехали в город, был тоже четверг; выехали из неё в четверг и теперь в четверг же прибыли опять в Путивль.

В третье воскресенье по Пятидесятнице, по приглашению воеводы, мы отслужили обедню, в его присутствии, в соборной церкви, а рано поутру в понедельник 16 июня воевода пришел проститься с нами, и мы выехали из Путивля на подводах, в сопровождении десяти всадников и драгоманов, согласно приказанию царя. Когда мы подъезжали к Корыбутову, сотник с своим отрядом и знаменами выехал оттуда нам навстречу на значительное расстояние: как говорили, гетман послал приказ во все подвластные ему города, чтобы везде выходили встречать нашего владыку патриарха и провожали его от города до города, что постоянно и делалось. Так мы прибыли в Корыбутов; здесь подводы, всадники и драгоманы оставили нас, чтобы вернуться назад, после того как мы сделали им подарки, в вознаграждение за их труды. С ними мы отправили благодарственные письма к царю и патриарху.

Теперь начали казаки везти нас далее на своих подводах от города до города, пока мы не прибыли в Прилуки, откуда вышел нас встретить пешком полковник, там стоявший. Мы остановились в своем прежнем помещении и любовались видом большой ярмарки, которая бывает здесь в праздник св. Иоанна Крестителя; на нее съезжается множество греческих купцов из Румелии и Карамании с шелками, шалями, персидскими коврами, белыми аба (плащами) и пр. В стране казаков ярмарки бывают непрерывно от начала года до конца: в каждый праздник, во всякое время года, бывает ярмарка в том или другом из их городов, как это введено еще во времена владычества ляхов. Мы купили на ярмарке несколько лошадей. В четвертое воскресенье по Пятидесятнице мы отправились, по просьбе настоятеля, в Густынский монастырь, о котором раньше говорили, и отслужили в нем обедню. Нас сопровождала большая толпа греков.

Во вторник мы выехали из Прилук, провожаемые полковником пешком, в предшествии музыкантов, игравших на польских флейтах, между тем как духовенство, окружавшее карету, пело священные песнопения, пока город не остался далеко позади нас; тут они простились с нами и вернулись. В пятницу вечером мы прибыли к берегу реки Днепра, напротив Печерского монастыря, и послали дать знать в Киев о нашем прибытии. У нас было с собою письмо от царя к воеводам с повелением им оказывать всевозможное внимание нашему владыке патриарху и везде устраивать ему встречу. В эту ночь мы спали на берегу реки в совершенном довольстве и спокойствии, так как с той минуты, как мы завидели Печерский монастырь, блестевший в отдалении своими куполами, и как только

коснулось нас благоухание этих цветущих земель, наши души вострепетали от радости и ликования, сердца наши раскрылись и мы изливались в благодарениях Господу Богу. В течение этих двух лет в Московии, замок висел на наших сердцах, а ум был до крайности стеснен и подавлен, так как в той стране никто не может чувствовать себя сколько-нибудь свободным или довольным, кроме разве коренных жителей, но всякий, подобно нам, хотя бы он сделался властителем всей страны, никогда не перестанет смущаться духом и тревожиться сердцем. Напротив, страна казаков была для нас как бы наша собственная страна, а её обитатели были нам добрыми приятелями и людьми в роде нас самих.

Глава XVII. Киев. Торжественная встреча. Посещение Софийского собора. Разрешительные грамоты. Стечение народа. Посещение патриархом митрополита. Портреты патриархов в его покоях. Златоверхо-Михайловский монастырь. Мощи св. Варвары. Прибытие в Печерский монастырь. Посещение Никольского монастыря. Выдубецкий монастырь. Отъезд

Утром, в субботу 28 июня, мы сели на судно и только после полудня приблизились к Киеву, так как Днепр волновался от сильного ветра и нам приходилось идти против течения. Когда мы подъезжали, воеводы выслали одного из бояр в лодке встретить нашего владыку патриарха и с поклоном от них высказать ему обычные приветствия. При нашей высадке, нас встретил митрополит города в митре, со всеми настоятелями монастырей, священниками, дьяконами и всем населением города, вместе с воеводами и всеми царскими войсками, здесь стоящими, с их знаменами и ружьями, и нас повели с великою пышностью в церковь, где была совершена обычная служба и наш владыка патриарх окропил присутствовавших святой водой. Нас проводили и поместили в большом, роскошном доме, простились с нами и ушли. В пятое воскресенье по Пятидесятнице, в которое пришелся праздник апостолов (Петра и Павла), митрополит прислал свою карету за нашим владыкой патриархом, чтобы он прибыл в церковь св. Софии. Здесь, в одном из приделов, во имя свв. Петра и Павла, мы присутствовали за литургией, после чего пошли к трапезе с митрополитом, а вечером съехали в город. В среду прибыл настоятель Богоявленского монастыря, находящегося в средине города, пригласить нашего владыку патриарха отслужить в нем обедню, в праздник чудотворного образа Владычицы, принесенного из страны ляхов. Мы отправились и отслужили обедню, в присутствии всех горожан, а потом пошли к трапезе. В шестое воскресенье по Пятидесятнице мы были у обедни в главной церкви города, называемой собором, а в понедельник 6 (7) июля подготовились в путь. При звоне всех колоколов, наш владыка патриарх отправился в своей карете в собор помолиться в нем на прощанье. Сюда стеклись все жители города, и он прочел над ними разрешительные молитвы и благословил их, так как все здесь имеют великую веру к патриархам и их разрешительным грамотам, и никто из них, ни вельможи, ни священники мирские н монашествующие, ни молодые и старые женщины, ни девицы, ни даже маленькие мальчики, никто не преминул придти, с его общего разрешения, к нашему владыке патриарху, чтобы он помолился над ними и благословил их, и чтобы получить от него разрешительную грамоту, так что мы дивились на их набожность, почтение и смирение. Некоторые женщины, у которых мужья были пьяницы и маловеры, обнаруживали заботу об их душе, беря разрешительные грамоты не только для себя, но и для своих мужей, так как считали такой дар величайшим и драгоценнейшим. Что может превзойти столь прекрасные религиозные чувства, которые свойственные не только киевским жителям, но, по истине, преобладают во всяком городе и селении, обитаемом казаками? Мы не имели намерения сколько-нибудь пробыть среди них, но не могли иначе, так как они стекались к нам толпами, запрудив не только покои и двор нашего помещения, но даже улицу вне его, стекались с утра до вечера, беспрерывно и неотступно, и мы не находили даже времени поесть хлеба[675].

Наконец, при звоне всех колоколов, нас проводили за город, и мы отправились посетить

митрополита Святой Софии. Мы поместились в его покоях, где имеются портреты четырех прежних патриархов на холсте, во весь рост. В этой стране всегда был обычай, что, когда приезжал к ним патриарх, снимали с него портрет точь-в-точь в таком виде, как он среди них появлялся чтобы иметь его подобие навсегда. Все эти четыре патриарха в облачениях, с посохами, панагиями и в митрах. Первый из них, к нашему приятному изумлению, был Иоаким, патриарх Антиохийский, по прозванию Свет (Дау); цвет лица у него очень темный, борода с проседью, клином. На портрете его имя написано по-гречески, и по дате мы сосчитали, что с того времени прошло 72 года. Рядом с ним Мелетий, патриарх Александрийский, с длинной седой бородой; рядом с ним Иеремия, патриарх Константинопольский, с красивым лицом и бородой, и возле Феофан, патриарх Иерусалимский, с длинной черной бородой. Все четверо почти в одно и то же время приезжали в эту страну, один вслед за другим.

Во вторник утром мы простились с митрополитом, и по приглашению архимандрита, отправились в монастырь св. Михаила, известный своим золоченым куполом. Здесь мы присутствовали за обедней в приделе св. Варвары Баальбекской (Илиопольской), так как они празднуют ей в этот день, 9 (8) июля, в воспоминание перенесения её мощей из Константинополя в этот город, когда царь Василий Македонянин прислал их с своею сестрою в подарок Владимиру, царю Киева и русских. Когда в первый раз мы прикладывались к мощам этой святой, то думали, что она — одна из новых московских святых, но теперь, услышав чтение её синаксаря и ознакомившись с её житием, мы ясно поняли, что она есть именно св. Варвара мученица Баальбекская. Мы опять прикладывались к её телу, которое как есть тело молодой девицы с маленькими ножками и ручками. Недавно устроили для нее прекрасную раку из черного дерева, обложенную серебром. По просьбе нашего владыки патриарха, архимандрит дал ему частицу от ребра её, и мы сохранили ее у себя.

После трапезы, к вечеру, мы прибыли в знаменитый Печерский монастырь, в сопровождении множества стрельцов, данных нам воеводой киевским. Обитатели его встретили нас с великим торжеством, в полном составе, с колокольным звоном. В среду мы отправились в монастырь св. Николая, по особому приглашению его архимандрита, так как мы раньше в нем небыли. Он находится с той стороны стен Печерского монастыря, которая обращена к Киеву, и обнесен деревянною стеной. Напротив ворот его, на дороге из Киева в Печерский монастырь, стоит столб из белого камня, поддерживающий золотое изображение св. Николая, — знак монастыря[676]. К монастырю надо спускаться но глубокой рытвине, подобной узкому входу в погреб, в глинистой горе, покрытой густым лесом. Он имеет деревянную церковь обширных размеров; в ней мы отстояли обедню, после чего поднялись в трапезную. Затем мы пошли осматривать монастырь. На месте его был прежде густой лес, его вырубили и тогда положили основание этому прекрасному строению. В средине его фонтан воды, который сбегает с горы и бьет вверх высокой струей. Это место совершенно окружено холмами, которые покрыты высокими деревьями. Река Днепр находится с восточной стороны монастыря, но её берега в этом месте очень узки и обрывисты. Когда мы простились с монахами, нас повели в винные подвалы монастыря, расположенные за воротами его. Они устроены в виде прекрасных сводчатых зданий, и проход к ним освещается красивыми куполами, вместо косых подвальных окон. Затем мы вернулись в Печерский монастырь.

В этот вечер было совершено большое торжество: зазвонили в колокола и совершили бдение, за которым мы присутствовали с монахами, по случаю памяти упокоения в Бозе св. Антония, основателя (монастыря), а малое повечерие отслужили в церкви, что на хорах, наверху. В четверг утром, 10 июля, наш владыка патриарх служил обедню, по особой

просьбе монахов, в присутствии всех жителей города; при этом он посвятил иерея и дьякона. В пятницу мы служили обедню в монастыре монахинь.

В субботу утром мы получили приглашение от настоятеля монастыря св. Михаила Архангела, находящегося к югу от Печерского монастыря, в расстоянии трех верст[677]. К нему ведут две дороги: одна по берегу реки Днепра для всадников, но она очень крута; другая идет извивами вверху по горам чрез рощи прекрасных плодовых деревьев, как-то: слив, яблонь, орешника и пр. По истине, это благословенные горы, похожие, как нам говорили, на возвышенности Святой Горы своею приятностью и уединенностью; они сами по себе производят пищу для отшельников и подвижников, которых здесь, по рассказам, очень много и которые питаются плодами этих деревьев. Этот монастырь также стоит на берегу реки Днепра, и путь к нему поэтому идет большим спуском и но глубокой рытвине. Он окружен крутыми холмами, которые покрыты дикими плодовыми деревьями, имеет много источников воды и церковь его походит на церковь Архангела, потому что зодчий и той и другой, как нам сказали, был один; но от продолжительности времени и от того, что основания алтарей заложены на берегу реки Днепра, столь высоком и обрывистом, сторона, обращенная к воде, на протяжении половины церкви, была низвергнута силою течения в средину реки, и поэтому монастырь был долго в запустении, пока, семнадцать лет тому назад, не явился теперешний его игумен, принявшийся за возобновление церкви. Он устроил алтари ближе к хоросу, выровнял камень и дополнил верхнюю часть церкви из дерева, покрыв его известью, так что вышло очень красивое здание с прекрасным наименованием, именно, в честь св. Михаила Архангела, которому празднество совершается 6 сентября. Мы отстояли здесь обедню, а когда встали из-за трапезы, пошли посмотреть на берег реки; по истине, страшно взглянуть вниз — так он высок: никто не в состоянии смотреть на него без содрогания.

Вечером мы возвратились в Печерский монастырь и здесь в воскресенье были у обедни, за которой присутствовал и воевода киевский. В понедельник мы простились с монахами; они проводили нас и расстались с нами на берегу реки Днепра за вышеупомянутым монастырем. Здесь мы переехали на судне реку во второй раз, направляя свой путь к Хмелю в город Чигирин.

Глава XVIII. Малороссия. Борисполь. История свв. Бориса и Глеба. Переслав. Церковь Успения. Черкассы. Прибытие в Чигирин. Описание города. Монастырь св. Троицы. Свидание с гетманом. Субботов. Вдова Тимофея Хмельницкого. Лисянка. Освящение церкви в монастыре. Посещение казацкого табора. Опасный путь по границе. Прибытие в Рашков на Днестре

Во вторник, в полдень, проехав пять миль, мы прибыли в торговое местечко, с цитаделью и укреплениями, по имени Борисполь, то есть город Бориса, сына царя Владимира. Как рассказывают, в нем была большая, древняя каменная церковь, во имя св. Глеба мученика, другого сына царя Владимира; ее разрушили ляхи и увезли её камни, дерево и железо в Киев, где выстроили из них большую, новую церковь, о которой мы раньше упоминали, но с ней им не посчастливилось. Мы уже говорили, что царь Владимир имел двенадцать сыновей, и все они исповедовали (христианскую) веру, за исключением одного, который остался неверным и питал вражду к своим братьям. Он пригласил к себе в дом двоих из них, Глеба и Бориса, названных по крещении Романом и Давидом, и хитростью удалось ему убить их собственною рукою. Так они стали мучениками, и русские и московиты празднуют их память и строят во имя их церкви. Их изображения всем известны: это два брата, стоящие рядом, в царском одеянии и в колпаках на голове.

Возвращаемся (к рассказу). Этот город очень красив, его сады бесчисленны, потому что при каждом доме есть сад, а также колодец пресной воды, которую поднимают при помощи колеса. Большая часть деревьев вишня, то есть красные вишневые деревья. В городе две церкви: Рождества Богородицы и си. Михаила, а вне его третья церковь, во имя св. Николая. Пробыв здесь короткое время, мы направились немного севернее и, проехав более шести миль, прибыли в большой город, который соперничает с Киевом своим великолепием и известен во всех этих странах, как столица и бывшее местопребывание краля. Имя его Переяслав. Он окружен бесчисленными земляными насыпями и имеет трое ворот в укрепленных стенах: одни выходят на сушу, а двое других напротив мостов, перекинутых чрез большое озеро, которое окружает город, имея своим источником реку, в него впадающую. Озеро заключено в искусственные берега, которые образуют плотины для мельниц и укрепления для пушек. Этот город — столица и митрополия всех городов н земель, принадлежащих казакам по эту сторону Днепра. Ляхи были в нем в очень малом числе — только лица правительственные, и потому город, как говорят, никогда, с самого своего основания, не был покорен, так как не бывал взять силою оружия, но всегда по договору, так как он, по истине, неодолим. Как только Хмель явился перед ним, казаки, в нем бывшие, предали смерти польских правителей и овладели городом без битвы и спора.

При нашем приближении к городу, на встречу нам вышел полковник с царским знаменем, с барабанами и польскими флейтами, а также духовенство и все горожане с хоругвями, крестным ходом, и проводили нас, с великою пышностью и торжеством, в большую новую церковь, выстроенную из дерева, в честь Успения Владычицы. Она еще не окончена, но возбуждает удивление зрителя своей замысловатой формой, возвышенностью, симметрией и своими пятью куполами. Она имеет вид креста, то есть состоит из четырех больших арок на четырех своих сторонах; на каждой арке еще две меньших и очень красивых арки с боков, так что всего их двенадцать. Великий алтарь образуется

главной аркой с двумя боковыми. В ней еще четыре алтаря; внизу, во имя Покрова Богородицы и Воздвижения Креста, и два над ними, на хорах: один — в честь Акафиста, то есть Похвалы Богородицы, другой — во имя свв. Петра и Павла. Эта церковь имеет двое хор: первые, по обыкновению, над западными вратами, для певцов, а выше них другой ряд хор, идущий кругом большого купола церкви, точь-в-точь похожий на хоры Святой Софии по устройству и столбам; они восхищают взоры зрителя и, хотя из дерева, имеют все подобие мрамора. Снаружи церковь оштукатурена с выведенными кругом полосами и дугами. Все это здание новое и еще не кончено, так как внутри стоят приспособления, при помощи которых поднимают материалы на канатах. Снаружи церкви идет большая галерея, охватывающая все восемь углов её, с точеными перилами. В городе есть еще четыре церкви: в честь Воскресения, Преображения, Троицы и св. Николая. Прежде была церковь, принадлежавшая ляхам; теперь ее обратили в монастырь, в честь Покрова Богородицы. Протопоп этого города, по его словам, имеет власть над двумя стами священников.

Возвращаемся (к рассказу). При нашем выходе из церкви, выстрелили, в знак великой радости, из пушек, так что земля заколебалась. В воскресенье, в которое пришелся праздник св. Илии пророка и исполнилось равно четыре года с нашего выезда из Алеппо, наш владыка патриарх совершил для жителей водосвятие после литургии и окропил их всех. Жители этого города имеют великую веру в разрешительные грамоты. Полковник сообщил нашему владыке патриарху, (принимая его) в своем доме, что его власть простирается на девять городов и более чем на пятьсот селений и что под его начальством сорок тысяч ратников, прибавив, что в случае большой нужды он может выставить сто тысяч.

Во вторник 22 июля мы выехали из этого города, при чем полковник и все население с барабанами и флейтами, а духовенство с пением, провожали нас на значительное расстояние. Проехав четыре мили, мы прибыли в торговое местечко с цитаделью, укреплениями и озером, по имени Гельмязов; в нем церковь в честь Успения Владычицы. Затем мы проехали еще четыре мили и прибыли в местечко, подобное первому, по имени Золотоноша, с двумя церквами, из которых одна в честь Успения Владычицы. Сделав еще три мили, приехали к реке Днепру, переправились чрез него, и, проехав две мили, прибыли в торговый город, место происхождения казаков, по имени Черкассы. Здесь они снаряжают суда, которые ходят в Черное море, так как река Днепр течет возле самого города. Здесь родился Хмель и здесь впервые появились казаки. Жители подобны диким зверям (?).

Затем мы проехали далее еще семь миль и прибыли в город, который составляет постоянное местопребывание Хмеля и называется Чигорин. С тех пор как мы переехали реку Днепр, мы видели по всей дороге, с обеих сторон, море песку — что составляет обычное свойство берегов этой реки на весьма значительном протяжении — в особенности же с той минуты, как приблизились к упомянутому городу, где песок оказался в глубину на рост человека и наши лошади падали от усталости. Все окрестности этого города такого же песчаного свойства. Писарь, то есть секретарь Хмеля, вышел нам на встречу с большим отрядом ратников и повел нас к городу по главной дороге, похожей на большую песчаную реку. Цитадель высотою и строением своим походит на крепость Алеппо и видна на значительном расстоянии. Когда мы приблизились к городу, младший сын гетмана вышел нам на встречу с процессией духовенства, и нас повели в длинную деревянную церковь, в честь Успения Владычицы, находящуюся возле дворца гетмана. Здесь в воскресенье, по его приглашению, мы отслужили обедню с одним епископом, который недавно прибыл послом от ляхов. После обедни мы пошли обедать к гетману.

В понедельник нас повезли в монастырь за городом, называемый Троицким

монастырем. Здесь мы отстояли обедню, после чего пошли обедать с писарем, так как он основатель монастыря. Церковь его во имя св. Иоанна Богослова. Затем мы вернулись в город. В нем есть еще четыре церкви, кроме вышеупомянутой. Его цитадель не имеет равной себе во всей стране казаков по своей высоте, величине возвышения, на котором она выстроена, по своей обширности и обилию вод и болот, ее окружающих. По этой причине она очень сильна, но в настоящее время находится в разрушении. Внутри её много утесов. Она имеет несколько удивительно красивых пушек, которые так светлы, что блестят точно золото; все они привезены гетманом из страны ляхов, на всех них надписи, гербы и другие знаки. В город ведет только один вход. Так как он расположен в долине, окруженной морем песка, то в нем чрезвычайно жарко. Мы спросили, почему гетман не живет в лучшем городе чем этот, и нам отвечали, что гетман выбрал его своей резиденцией потому, что он лежит на границе с татарами, между которыми и страною казаков расстояние в пять-шесть дней пути по безлюдным и пустынным местам Это — самое срединное место, и Днепр от него только в двух милях. Нам сообщили здесь, что в настоящее время эта страна выставляет 300.000 казаков, каждый с своим ружьем.

В субботу 2 августа Хмель приехал посетить нашего владыку патриарха, после чего мы выехали из города Сделав около мили, мы прибыли к огромному мосту, который тянется над озерами, болотами, островами и большими реками: на переезд по нему мы употребили более полутора часа. Мост направляется под цитаделью Чигорина и ведет по местам, которые заставляют путника содрогаться от ужаса. Проехав его, мы прибыли в соление, по имени Субботов, где, обыкновенно, жил покойный Тимофей, сын гетмана. Жители вышли нам навстречу крестным ходом и повели нас большую новую церковь во имя св. Михаила. В ней собраны сокровища армянских церквей, которые были разграблены и разрушены покойным Тимофеем в Сучаве, молдавском городе, о котором мы много раз упоминали раньше; в этой церкви гробница Тимофея. Жена его, дочь Василия, господаря Молдавии, несколько раз посетила нашего владыку патриарха; она была одета совершенно как черкесская невольница, в суконном колпаке, опушенном мехом, и ее сопровождали черкесские и молдавские девушки, одетые, как она, подобно невольницам. В воскресенье утром, после утрени, мы совершили в её присутствии поминовение по её супруге, над гробницею которого, по их обычаю, висит большая хоругвь, на которой написан весьма схожий портрет героя верхом на коне, с мечом в правой руке и с булавою в левой, и с изображением на переднем плане Молдавии, как страны, которую он пошел завоевать. Эта картина исторгала слезы зрителя. Его бедная жена, которая владеет четырьмя языками: валашским, греческим, турецким и русским, на которую отец её истратил целые сокровища, чтобы вызволить ее из Константинополя, теперь, вдали от своего отца, матери, братьев, народа и родины, живет среди чужих, во дворце своего супруга, кругом которого он выстроил укрепление с окопами, а теперь гетман, его отец, чтобы увеличить пышность дворца, строит напротив него, на возвышенности, каменную церковь во имя св. Илии пророка. Мы заметили в её строении несколько громадных камней, величина которых возбудила в нас изумление. На вопросы наши, нам сообщили, что камни эти привезены из города, принадлежавшего татарам, в пяти милях отсюда, где татары имели большую мечеть. Гетман разрушил ее и увез камни для сооружения из них этой церкви. Отстояв обедню, мы выехали отсюда, путешествовали по неровной и затруднительной дороге и прибыли в местечко, по имени Медведовка. По приказанию гетмана, сотники постоянно выходили нам навстречу со своими отрядами и знаменами и провожали нас от города, до города.

Проехав еще три мили, мы прибыли в торговое местечко, по имени Жаботин, а из него

в другое, но имени Смела, сделав десять миль. Отсюда, через милю, прибыли в местечко, называемое Балаклея, а еще чрез милю в местечко, по имени Орловец; отсюда, через две мили, в Вязовок, а затем, чрез полторы, в Ольшану. Вся эта дорога и все эти местечки составляют границу со страною татар. Из упомянутого места, сделав полторы мили, мы приехали в Тарасовку, а отсюда, через две мили, в четверг 7 августа, прибыли в Лисянку.

В субботу вечером сотник этого города просил нас об освящении нового монастыря, который он построил в предместье, и потому мы туда отправились. Монастырь расположен на вершине небольшого холма, окруженного прудами, озерами и болотами, обнесен деревянными стенами и укреплен валом с пушками. Он в честь св. Троицы и имеет красивую церковь во имя св. Игнатия. В ней мы слушали утреню от полуночи до рассвета, и, приготовив все необходимое для освящения, облачилось, и наш владыка вошел и окропил церковь, по обычаю. Но окончании обедни, сотник велел выстрелить из всех ружей, в изъявление своей великой радости, и, проводив нас назад в город, устроил нам пир в своем доме.

После обеда мы выехали и, сделав четыре мили, прибыли в торговое местечко, но имени Буки, а отсюда, еще через четыре мили, приехали, в воскресенье вечером, в Умань, где были встречены полковником и остановились в его доме. Во вторник мы простились с ним, и он выехал с нами к месту, где был табор, или стан казаков, так как на этих днях до них дошли вести, что хан сел на коня и выступает против них; поэтому они, с большою радостью и ликованием, готовились встретить его. При нашем прибытии в табор и тотчас после того как наш владыка преподал им благословение и прочел над ними молитву, они выстрелили из всех своих ружей, а когда провожали нас на прощанье, то три раза поднимали на дыбы своих коней, полагая, что это обеспечивало им здоровье и безопасность. Для нашего прикрытия они послали два знамени с их отрядами, и мы проехали чрез те города, которые в прошлом году сожгли и обезлюдели ляхи, в союзе с татарами. Поэтому дороги весьма, страшны и опасны, в особенности на протяжении одного дня пути перед тем, как достигнешь реки Днестра, как в месте пограничном, здесь можно встретить многочисленные шайки молдавских и иных разбойников. В пятницу 15 августа мы приехали в Рашков, вознося благодарность Богу за благополучное прибытие. Здесь мы порадовались хорошим вещам, в виду предстоявшего нам удовольствия поесть винограда в молдавских виноградниках и полакомиться молдавскими арбузами и другими плодами, которых мы не видали от самой Молдавии и по которым постоянно вздыхали. В этот праздник Успения Владычицы здесь бывает ярмарка, т. е. рынок для купли-продажи. В понедельник мы выехали отсюда, простившись с казаками, которые проводили нас и на прощанье выстрелили из ружей.]

Выпуск 5. Обратный путь: Модавия и Валахия. Малая Азия и Сирия

От переводчика

Арабская рукопись Путешествия патриарха Макария, по которой я сделал свой перевод, оканчивается нижеприведенным отрывком, мною опущенным в тексте, с заменой его переводом с английского, так как в этом последнем обратный путь патриарха от Молдавии на родину передан несравненно полнее, чем в нашей рукописи.

Вот окончание нашей рукописи, составляющее, как я думаю, набросок в первоначальном черновике, замененный впоследствии обстоятельным описанием, которое мне пришлось заимствовать из английского перевода:

«Возвращаемся. Мы снарядились в Галац и выехали из Букарешта 9 сентября 7167 г. от сотв. мира. Вечером прибыли в селение, по имени Сулеймани, а 17 сентября, в. пятницу вечером, приехали в Галац, и здесь пробыли 22 дня, ища судно, на котором мы могли бы отправиться по Черному морю в Синоп, но не находили. Наконец, с помощию Божиею, мы наняли судно и были вне себя от радости, когда наш багаж и все наши вещи были на него доставлены. Рано утром, в среду 13 октября, мы выехали из Галаца и по Дунаю вошли в пролив Черного моря[678]. Мы проехали 300 миль, миновав Константинопольский пролив, т. е. переехали из Румелийской области в Караманскую. В воскресенье заговенья Рождественского поста мы прибыли в Инеболи в радостной надежде достигнуть в ту же ночь Синопа, чтобы там заговеться, но этому не суждено было исполниться, так как лишь поздним утром в первый день Рождественского поста мы прибыли в Синоп. На судне мы пробыли 35 дней, из коих 20 на Дунае и 15 на море. От Галаца до Синопа мы прошли 1400 миль: от Галаца до пролива Черного моря 500 миль, а от пролива до Синопа 900, как исчислили это знающие люди.

В субботу рано поутру, в последний день января, мы простились с жителями Синопа, которые плакали, расставаясь с нами. Со всем своим багажом и вещами мы вошли в каик и в воскресенье мясопуста прибыли в город Энос, т. е. город вина. Все жители вышли нам навстречу. Путешествие наше от Синопа до названного города продолжалось 9 дней. Здесь я начал приготовлять вьюки, приспособляя их для перевозки на мулах. С нами был вьюк из восьми больших[679] собольих мехов, восьми ногат и двух с половиною горлатных. Из предосторожности, я, увязавши их, вложил в прочный холстинный мешок, а этот в другой, клеенчатый, и обернул все кожей. Из большого же тюка беличьих мехов я сделал другой вьюк. Равным образом я приспособил для вьюка ящик с кусками материи, парчей, венецианской камки, атласа и т. ц.

В четверг второй недели поста, навьючив своих мулов, мы отправились в дорогу, при пожеланиях благополучного пути со стороны провожавших нас, — Бог да помилует их и да увеличит их благоденствие! Затем мы прибыли в Токат, называвшийся в старину по-гречески Кококо[680]. Отсюда мы отправились на поклонение гробнице Иоанна Златоуста в Комане, где есть саркофаг из синего мрамора, в котором покоилось его тело. Из Токата мы прибыли в Сивас. На заре, в понедельник Пасхи, въехали в Мараш. Отсюда прибыли в Келиз. Здесь я написал письма в Алеппо, Дамаск и в другие города, извещая о нашем прибытии, и отправил их с гонцом. Отсюда мы прибыли в Алеппо, вознеся благодарение всевышнему и всехвальному Богу за благополучный приезд. Итак, мы вступили в митрополичьи келии, где предались отдыху, сбросив с себя заботы путешествия.

Благодарение Богу за наше благополучное возвращение и прибытие на родину, где мы свиделись с нашими приятелями, друзьями и братьями. Наш въезд в богохранимый город Алеппо произошел в четверг вечером, 21 апреля. Молим Творца — да будет благословленно и

прославлено имя Его! — дабы Он, подобно тому как благоволил даровать нам увидеться с нашими христианами, родными и друзьями, удостоил нас встретиться с ними и в царстве небесном! Аминь».

Из этого отрывка, а также из следующих мест: «я утруждал свои глаза, мысль и чувства, прилагал большие старания и много потрудился, пока не извлек его (свое повествование) из черновых тетрадей по истечении года от написания их», и «знай, брат, что сведения, которые я сообщил, не подлежат никакому сомнению, ибо, когда я приезжал в Москву во второй раз из страны грузинской, сопровождая патриарха египетского (александрийского) и моего родителя, я основательно проверил и подтвердил все эти сведения»[681], мы имеем полное основание заключить, что у Павла Алеппского существовали две редакции Путешествия: одна, которую он составлял во время пути и которую он называет черновыми тетрадями, и другая более полная, обработанная им по первой, уже по возвращении на родину. Арабская рукопись, по которой сделан английский перевод, несомненно составляет список с последней редакции, так как она во всех отношениях полнее нашей и, как оказывается по каталогу Британского музея[682], заключает, вслед за введением автора в список антиохийских патриархов, со времени переселения их из Антиохии в Дамаск, список, опущенный английским переводчиком, без упоминания об этом пропуске, что в начале заставило меня предположить, что этого списка нет в лондонской арабской рукописи.

В одной из имеющихся в здешней синодальной библиотеке грамот патриарха Макария к московскому патриарху Иоасафу от 22 июня 1669 г., подписанной рукою самого Макария по-арабски (как все его грамоты), сказано: «и прибыли мы в Иверию, оставались один месяц, и умер архидиакон Павел» (Kai hlJomen hmeiV eiV thn Uberian kai ekaJhsamen enan mhnan kai anparauJhken o archdiakonoV PauloV). Из этого места устанавливается несомненный факт, что Павел сопровождал своего отца и во второе путешествие, совершенное по приглашению царя для суда над патриархом Никоном, и что он умер на обратном пути в Тифлисе, где, вероятно, и похоронен. Это путешествие, как известно, было совершено иным путем чем первое, чрез Кавказ. Если вышеприведенное место, взятое из английского перевода: «знай, брат, что сведения, которые я сообщил, не подлежат никакому сомнению, ибо, когда я приезжал в Москву во второй раз из страны грузинской, сопровождая патриарха египетского (александрийского) и моего родителя, я основательно проверил и подтвердил все эти сведения», если это место справедливо и принадлежит самому Павлу, то нужно думать, что оно внесено в оригинал английского списка во время второго путешествия до приезда в Тифлис.

К концу этого выпуска присоединяются три приложения: 1) напечатанный мною в Сообщениях Импер. Православного Палестинского Общества (Дек. 1896) список антиохийских патриархов с биографией патриарха Макария до вступления его на антиохийский престол, и моим предисловием к этому списку; 2) помещенную мною в Сборнике Архива Министерства Иностр. дел 1899 г. статью о рукописи означенного Архива (по коей сделан перевод), в связи с другими, имеющимися в России, списками, а также известными нам, существовавшими или существующими, прочими списками Путешествия, с приложением фототипического снимка с последней страницы нашей рукописи, и 3) указатель личных и географических имен. Предметный же указатель я счел не столь необходимым, в виду того, что довольно подробное оглавление с указанием содержания каждой главы (чего в оригинале нет) даст возможность всякому желающему легко ориентироваться и отыскать нужное для него место.

Кроме того, прилагаю карту всего маршрута патриарха Макария с планом Москвы и

окрестностей Новгорода, обязательно составленную известным знатоком и специалистом по исторической географии, уважаемым А.И. Буниным, за что приношу ему искреннюю благодарность.

В начале этого выпуска помещается портрет патриарха Макария со снимком его собственноручной подписи по-арабски и печати. Портрет находится в Титулярнике 1672 года, принадлежащем Главному Архиву Мин. Ин. Дел (Госуд. Древлехр., III, 7), и относится к 1668 году, ко времени второго приезда патр. Макария в Москву, и потому патриарх представлен на нем уже довольно престарелым и как бы чем-то удрученным; не таким он, без Сомнения, был во время своего первого путешествия, еще бодрый и полный сил.

Вслед за оглавлением этого выпуска прилагаю список недосмотров, пропусков и неточностей, замеченных мною при пересмотре перевода, предпринятом для подготовления второго издания его вместе с арабским текстом. Издание текста, помимо научного значения, какое оно может иметь для ученых-арабистов, в виду особенностей языка верхней Сирии — родины Павла и его отца, является необходимым еще в виду темноты и очевидного искажения некоторых места в наших рукописях, каковые места, особенно если не будут выяснены путем сравнения с лондонским или иным более верным оригиналом, должны быть подвергнуты критической обработке, что возможно лишь при издании текста самого оригинала. Издание текста, несомненно, представит огромный интерес я для соотечественников патриарха Макария, которые и по настоящее время смотрят на Россию его же глазами и с теми же чувствами и, конечно, с чрезвычайным интересом будут читать его записки; и не одни православные, но и отделившиеся от них в сравнительно недавнее время униаты и другие христианские восточные вероисповедания, которые также привыкли соединять с Россией лучшие свои чаяния и упования.

Считаю долгом выразить свою признательность С.С. Слуцкому, который всегда так отзывчиво и сердечно относился к моей работе и не отказывал в своем содействии, в особенности при составлении мною описания архивной рукописи в связи с другими её списками, а также моим бывшим слушателям: А.М. Герману, составившему первоначальный, черновой указатель собственных имен и С.И. Соколову, который любезно помогал мне в переводе, при сличении его с английским, и держал корректуру, чем содействовал его улучшению.[683] Заканчивая свой настоящий труд, на который я смотрю как на дань благодарности по отношению к воспитавшей меня России, позволю себе коснуться автобиографии и прежних своих печатных работ, так как и то, и другое находится в тесной связи с моими занятиями настоящим памятником, которым я заинтересовался, еще будучи на студенческой скамье[684], видя в нем выражение идеалов, вынесенных мною из моего детства. Меня влек к нему двоякий интерес: близость его моему сердцу, как уроженцу той самой страны, из которой происходили Павел и его отец, и особые, исключительные семейные условия, в коих я находился в детстве. Для уяснения этих последних привожу часть из некролога моего отца, напечатанного в «Московских Ведомостях» 1882 г. № 65. Я считаю это, кроме того, долгом сына перед памятью покойного моего дорогого отца, который не пожелал отдать меня, еще в раннем детстве, в одну из прекрасно устроенных школ латинских и протестантских миссионеров на моей родине, ни отправить меня для дальнейшего образования в западную Европу, на что он имел возможность, но послал в Россию из предосторожности, чтобы я не заразился, как он говорил, иноверием, что случалось со многими сирийцами, обучавшимися в иноверческих школах или уезжавшими для образования на Запад и в Америку. Вслед за некрологом, помещаю хронологический список своих печатных работа, из которых главная и наиболее близкая моему сердцу часть посвящена церковно- политическим вопросам на Востоке и

отношению его к России.

Из Дамаска.

2 Февраля 1882.

20 минувшего Января скончался старейший член здешней православной общины, Авраам Георгиевич Муркос, на 76 году от рождения. Покойный был одним из первых двух христиан назначенных Ибрагимом-Пашой Египетским, во время управления его Сирией, представителями христианской общины в местных меджлисах (правительственных советах) и с того времени в течение почти полстолетия не переставал состоять членом разных междлисов вилайета коммерческого, уголовного и областного. Кроме того, он был постоянным членом народной комиссии при патриархате, другом и ближайшим советником нынешнего патриарха Антиохийского, блаженного Иерофея и его предшественника Мефодия, по завещанию которого он управлял всем патриархатом в продолжение слишком двух лет, от смерти Мефодия до вступления нынешнего патриарха Иерооея. Не смотря на все разнообразные столкновения, которые покойному приходилось преодолеть защищая православных в их тяжбах с мусульманами и христианами других исповеданий, особенно латинянами, столь могущественными на Востоке при покровительстве императорской клерикальной Франции, он был одинаково любим как теми, так и другими, что отчасти объясняется его неподкупною справедливостью и замечательною находчивостью. Рассказывают, что его товарищи по меджлису, узнав однажды, что он жаловался одному важному русскому путешественнику на их несправедливость к христианам в тяжбах, просили его рассказать им ответ Русского. Хотя вопрос был сделан в собрании меджлиса и совершенно неожиданно для него, он однако ж не растерялся; пошутив по своему обыкновению и взяв с них слово, что они не станут обижаться, он вложил в уста Русского следующий мнимый ответ: «Для вашего же блага вас обижают: еслибы с вами поступали справедливо, то все вы давно сделались бы мусульманами». Многие путешественники, бывавшие в Дамаске и далее встречавшиеся случайно с ним в Афинах, где он после бывшей в 1860 году в Дамаске резни пробыл с семейством более семи лет, сохранили об этой замечательной личности неизгладимое воспоминание. Но если Авраам Георгиевич во всем, что касалось внешних так сказать, интересов православной общины, в её столкновениях с мусульманами и иноверческими исповеданиями, имел на своей стороне сочувствие всей православной общины, то во внутренних — сочувствие общины не всегда было на его стороне. Главными его противниками были молодая, либеральная — если можно так назвать ее — партия, которая стремится вытеснить пришлый греческий элемент из среды иерархии, во главе которой стоит, конечно, сам патриарх, как Грек родом. В последнего рода столкновениях покойный был для патриархата незаменимою поддержкой; даже тогда, когда патриарху приходилось скрываться, от раздраженной толпы в доме греческого консула, один Авраам Георгиевич остался верным ему и предотвращал его низложение своим влиянием. Неудивительны, поэтому, те необыкновенные почести коими, по распоряжению патриарха, сопровождались его похороны и которые отчасти характеризуют положение православной общины в этих странах. Для примера укажем на несение пред его гробом от самого дома Знамени Креста. Знамя Креста состоит из длинного шеста, к концу которого прикреплен большой серебряный крест; на шесте же надета красная шелковая материя, в виде широкого мешка охватывающего шест, на которой также вытканно золотом изображение креста с надписями. Это Знамя в Антиохийской церкви, по древнему обычаю, выставляют только в праздник Пасхи и в особенно важных случаях. Процессия похорон

двигалась в следующем порядке: к 9 часам вечера по турецкому времени (около 3 пополудни) было назначено отпевание (заметим, что на Востоке не принято служить обедню если в церкви есть покойник). К этому времени в дом прибыли три наличные митрополита, со всеми городскими священниками, певчими и прочим духовенством, неся Знамя Креста. Пять кавасоб с серебряными булавами, от разных консульств и патриархии открыли шествие. За ними следовали в стройном порядке, попарно, ученики всех православных школ, распевая речитативом, написанные для сего случая старшим учителем, арабские стихи (покойный более 30 лет был попечителем православных школ Дамаска). За ними — духовенство, Знамя Креста и наконец черный гроб, несомый руками многих из почетных лиц города. В церковных вратах процессию встретил 90-летний маститый патриарх в полном облачении, что также составляло нововведение, так как отпевание мирян без заупокойной литургии, как сказано выше, совершается при мантии, эпитрахили и малом омофоре. При выходе из собора, толпы провожавших и любопытных настолько запрудили и без того узкие улицы, что процессия с трудом могла двигаться.

Маститый патриарх проводил гроб до патриаршего дома, где прерывающимся голосом, весь обливаясь слезами, читал очень длинные молитвы на своем (т.е. греческом) языке и простился с покойным троекратным поцелуем. В конце отпевания в кафедральном соборе митрополит Эдесский Агапий, кандидат С.-Петербургской Духовной Академии, сказал на арабском языке прочувствованное слово, вызвавшее у многих слезы на глазах. Так на дальнем Востоке, в колыбели христианства, была воздана последняя почесть этому человеку, более полустолетия потрудившемуся на пользу православия и своей родины, человеку ведущему свой род от древнейших православных арабских колен, на что отчасти указывают благочестивые приношения его предков, сохранившиеся в древних монастырях, время основания которых относится ко временам Юстиниана.

В заключение следует упомянуть, что покойный всегда гордился пожалованною ему Императрицей Марией Александровной золотою булавкой с шифром Её Величества из бриллиантов, которая и находилась на его груди во время похорон.

Вот перевод с арабского стихов, пропетых учениками пред гробом Авраамия Георгиевича:

Куда ты сокрылся, о старец любезный,
Оставив стенанье и плач за собой?
Душа Авраама дорогою звездной
Летит к Аврааму на вечный покой[685]
Любовью и миром душевным богатый
Он мир насаждал и в народе своем;
Мы все пострадали от этой утраты,
И плакало небо, печалясь о нем.
Он всем помогал, никого не обидел;
Мы свято должны его память блюсти.
Где сын его ныне? О, если б он видел.
Отца на последнем великом пути.
О ты, кто сиял добротою в народе,
И славную память стяжал о себе!
Оказывал милость ты ближним в невзгоде, -
Да милость окажет Господь и тебе!

Список других моих печатных работ в хронологическом порядке.

1) Некоторые отрывки об отношениях между мусульманами и не-мусульманами, извлеченные из Корана и других авторитетных у мусульман книг. Брош. в пользу раненых русских воинов. М. 1877 г.

2) Мнение православных арабов о греко-болгарской распре. (Православ. Обозрение, сентябрь 1880 г. и отдельной брошюрой).

3) Почтовые голуби на Востоке (Русский Вестник, дек. 1881 г.).

4) Интересы России в Палестине (посвящ. Православ. Палест. Обществу). (Моск. Вед. №№ 348, 349 и 350 1882 г. и отдельной брошюрой. Правосл. Обозр., февраль 1883 г., под заглавием: „Современное состояние и нужды Православия в Иерусалимской Церкви").

5) По поводу библиографической заметки о книге „Современные церковные вопросы" Т. Филиппова (Православ. Обозрение, май 1882 г.).

6) Фанариотские приемы и тенденции в русской газете (Православ. Обозрение, декабрь 1882).

7) Муаллака Имру-уль-Каиса. Арабский текст и перевод. Спб. 1885.

8) Новейшая арабская литература. (История всеобщей литературы, издан. Гиккера т. II, вып. 13 и 14 Спб. 1885 г.).

9) Об арабских рукописях Лазаревского Института восточных языков и малой Казы-Кумукской мечети в Дагестане. С арабским текстом. (Древности восточные. Труды Вост. Комиссии Импер. Моек. Археолог. Общ. 1889 г.).

10) О рукописном сборнике XVII века на разных восточных языках. С арабским текстом (I-ый т., 2-ой вып. Древн. Восточных Ими. Моск. Арх. Общ. М. 1891).

11) Одно из самых капитальных изданий Имп. Прав. Палестин. Общ. в области научной каталогизации: Ιεροσολνμιχη Βιβλιοθηχη νπο Α. Παπαοδοπονλον-ΚεραμεωϚ. (Библиографические записки № 6, 1892 г.).

12) Как совершился захват Иерусалимской патриархии святогробцами и кто были истинными хранителями палестинских святынь. Моск. Вед. № 21, 1892 г. и отдельной брошюрой.

13) Бессарабские и кавказские имения св. Гроба. (Эта статья печаталась в Московских Ведомостях за подписью „Русский Паломник" (Моск. Вед. 1892 г. №№ 59, 06, 81, 107 и 113, и отдельной брошюрой), но не окончена но независящим от автора и редакции причинам).

14) О служебнике Антиохийского патриарха Макария, находящемся на Афоне. С арабским текстом. (II т. Древн. Вост. Ими. Моск. Археол. Общ. М. 1895).

15) О ткани с арабской надписью в Московском Публичном музее. (Ibidem.)

16) Некоторые курьезы английского перевода Путешествия Антиохийского патр. Макария в Россию, в половине XVII века (Χαριστηρια, Сборник статей по филологии и лингвистике в честь О. Е. Корша, заслуж. проф. Моск. Ун. М. 1896).

17) О приписываемых халифу Али речах. (Сборник в честь заслуж. проф. Моск. Ун. Вс. Фед. Миллера. М. 1899 г.)

18) Приложенные к настоящему выпуску:

а) К истории Антиохийских патриархов и

б) Арабская рукопись Путешествия натр. Макария, принадлежащая библиотеке Моск. Главн. Архива Мин. Ин. Дел.

Книга XIII. Молдавия и Валахия.

Глава I. Молдавия. — Прибытие в Яссы. Служения. Содержание, назначенное патриарху. Отъезд господаря. Поездка патриарха в новостроящийся монастырь. Роман. Бакеу. Трудности дороги. Прибытие в монастырь. Описание его. Прощание с господарем и отъезд в Валахию. Прибытие в Тырговишт.

Когда мы переехали реку (Днестр), нас встретил иырколаб[686] и капитаны, от лица молдавского правительства, согласно данному господарем приказу. Они назначили нам два знамени каларашей, которые и провожали нас постоянно от города до города, когда мы ехали на подводах с почтовыми лошадьми, пока не прибыли в город Яш, или Яссы, в четверг 21 августа, при чем господарь выслал своих бояр встретить нас на дороге со всем почетом и уважением. Мы остановились в монастыре св. Саввы[687].

В понедельник, следовавший за нашим прибытием, было первое число сентября месяца и начало 7165 года от сотворения мира.

11 сентября наш владыка патриарх, по просьбе господаря, служил для него обедню в придворной церкви. В праздник Воздвижения Креста домна[688], в свою очередь, прислала приглашение нашему владыке, и он отслужил для неё обедню в её собственной церкви внутри её жилища. Затем в воскресенье, следовавшее за праздником Воздвижения, домна, отправившись в монастырь, называемый монастырем Домны[689], прислала приглашение нашему владыке патриарху, и он опять отслужил для неё обедню. Велика была щедрость, глубоки и существенны знаки внимания, выказанные господарем нашему учителю, ибо он назначил ему на содержание деньгами более динара ежедневно и припасами ежедневно же 20 ок[690] вина и 50 хлебов, воз сена и ячменя для тридцати пяти лошадей, воз дров и (бочку) воды[691]; кроме того, разного рода свеч и другие предметы домашнего обихода. В Молдавии мы начали чувствовать воздух своей родины и пошли в баню, которой были лишены двадцать семь месяцев, — в Течение всего итого времени мы не были в бане и не мылись; теперь мы переменили свою одежду, которая уже истрепалась и запачкалась. Впрочем, мы находились еще в большом беспокойстве, вследствие своего долгого отсутствия из дома.

В конце сентября господарь отправился в увеселительную поездку в город Хуш, а оттуда в Галац, чтобы посетить новый монастырь, выстроенный им близ этого города. Он взял обещание с нашего владыки патриарха, что тот приедет, к нему в монастырь, и потому, прибыв в Галац, он тотчас прислал известие нашему учителю. Его наместник и бояре снабдили нас подводами и прикрытием, и мы выехали из Ясс в среду 8 октября, при чем нас провожали с обычной пышностью до наружных ворот. Мы прибыли к холму Формоз, на коем находится каменный дворец; прежде чем достигнешь его, надо проехать но каменному мосту, где произошло последнее сражение между Василием[692] и теперешним господарем, в коем первый был разбить и принужден искать убежища в земле казаков. На земле, где происходила битва, виднелись еще черепа убитых. На следующий день мы прибыли в город, называемый Роман; здесь несколько каменных церквей и великолепный монастырь во имя св. Параскевы, очень красивое здание, воздвигнутое покойным Александром воеводой[693]; он служит местопребыванием епископа. В этом городе есть несколько прекрасных гостиниц, принадлежащих армянам, которые доставляют путешественникам подводы и все необходимое. Отсюда, по чрезвычайно неровным дорогам и переехав большую реку, чрез которую переправляются на судах, мы прибыли в другой

город, по имени Бакеу, с несколькими каменными церквами. От этого места, чрез леса и горы, по трудным дорогам, похожим па дороги в Московии, но только еще дичее, мы приехали в первую из деревень, принадлежащих теперешнему господарю, которые он получил в наследство от отца и дедов; это — самые лучшие и многолюдные селения: в каждом есть дворец и церковь.

Каждый уголок этой страны, от Романа до Фокшан, занят селениями и деревнями, и тут есть такие восхитительные места, орошаемые источниками и ручейками, что нет возможности описать их. Из всей Молдавии это самый прекрасный и самый населенный округ. От Романа до Фокшан пять дней пути; это пограничная линия с той частью Венгрии, которою владеют многочисленные саксы, кои суть франки, последователи папы, и имеют свои церкви, ибо в Венгрии, как нам сообщали, существует бесчисленное множество сект и вероисповеданий, так что в одном и том же семействе можно найти несколько религий: отец одной веры, жена — другой, а дети принимают, каждый сам-по-себе, веру, которая ему нравится. Краль и правители — кальвинисты; владетели крепостей — саксы.

Отправившись далее, мы нашли дороги крайне трудно проходимыми и вступили в леса, глуше и дичее чем когда-либо, и когда наступила ночь, мы провели ее среди них, не будучи в состоянии достигнуть жилья. Животных мы пустили пастись, где им угодно, и зажгли огни, которые поддерживали до утра. Затем, собрав своих лошадей, снова двинулись в путь и в понедельник прибыли в один из городков, принадлежащих господарю, называемый Багзана (Богдана)[694], каковое имя дано и монастырю, который он здесь строит. Это место расположено между горами в долине, образующей прекрасный луг, и со всех четырех сторон защищено горами. Чрез него протекает большая река, по имени Тратуш. Следуя приказаниям господаря, мы оставили здесь свою кладь и проследовали без помехи к господареву монастырю, находящемуся с одной стороны городка. Чтобы добраться до него, вступаешь в узкое ущелье, которое составляет единственный проход к монастырю, ибо ни сзади, ни спереди, ни где-либо кругом или близ него (нет другого), так как монастырь находится в одном углу той местности, где лежит городок, и окружен венгерскими горами и лесами, имея спереди большую реку, (текущую) в глубине ужасной долины. Едва мы проехали ущелье и стали приближаться к монастырю, как вступили на ровную зеленую поляну, обнесенную кругом окопами, в глубине которой стоить монастырь, окруженный многочисленными источниками пресной воды. Господарь прибыл сюда раньше нас со своей домной н вельможами с их женами. По этому поводу здесь устроилось большое панагири, или ярмарка, в особенности же по случаю памяти св. Параскевы, болгарской девицы, коей мощи находятся в монастыре Василия воеводы.

На следующий после нашего приезда день мы отслужили обедню, в присутствии господаря, в деревянной церкви, которую выстроили близ монастыря, и при ней кельи, на время, пока не будет окончено самое здание. После обедни нас угощали за столом до вечера. Вот описание монастыря. Он обнесен весьма высокой стеной с четырьмя башнями, но одной на каждом углу, кроме колокольни, находящейся над воротами. Все это здание сооружено в течение нынешнего лета и, как говорят, для этого было употреблено более восьмисот рабочих из чингана (цыган), здешних рабов; но строение церкви еще не кончено. Она — во имя двух архистратигов ангельского чина, Михаила и Гавриила, и прочих небесных сил. Господарь получил для этого монастыря от патриарха Константинопольского статикон (грамоту), коим он объявляется ставропигией, зависящим непосредственно от патриарха, и никто иной не может иметь власти над ним во веки. Такой же милости господарь просил и у нашего владыки патриарха, и наш учитель написал для него статикон на тот же предмет, с отлучением и анафемой и пр. Для

содержания монастыря господарь пожаловал ему несколько деревень и другие угодья в большом числе.

В среду господарь поехал назад и мы немедленно последовали за ним до малого города Богданы. В четверг, рано поутру, господарь прислал за нашим владыкой патриархом и имел с ним прощальное свидание: владыка прочел молитвы над ним и домной. После этого господарь отправился в Яссы, назначив к нам капитана с отрядом, чтобы проводить нас до Фокшан. Вечером мы прибыли в селение, принадлежащее великому ворнику[695] по имени Дабижа. Здесь, согласно наказу господаря, нам был оказал большой почет, что произошло и на следующий день в другом малом городе, принадлежащем тому же лицу. В нем есть большой дворец, находящийся на берегу значительной реки, на высоком пригорке, господствующем над окрестностями; сюда убежал господарь Стефан после своего первого поражения под Яссами Тимофеем и его казаками и здесь имел свое местопребывание, как в месте столь близком к Венгрии и Валахии. Для нас было предметом удивления, что мы теперь едем по такой дороге, по которой никто еще не путешествовал, ни даже монахи. У упомянутого ворника находится жена господаря[696], которого казнил господарь Василий. Она нашего рода и племени, происходя от Петра воеводы, который жил в ссылке в Алеппо[697].

В воскресенье мы прибыли в Фокшаны и здесь отпустили капитана, отправив с ним благодарственные письма к господарю. Тут встретил нас такой же отряд войска от господаря валашского и сопровождал в понедельник до Рымника, во вторник до Бузео, а в среду был длинный переезд, с раннего утра до позднего вечера, пока мы не достигли Плоешти. В четверг мы прибыли в монастырь постельника[698]. В пятницу митрополит Валахии, вместе с другими митрополитами, приехавшими в столицу, и со множеством бояр, вышел нам на встречу, согласно приказанию господаря, в сопровождении городского купечества, и в торжественной процессии нас ввели в Тырговишт. Мы сошли у монастыря Сталия, нашего прежнего местопребывания, но обычаю, при колокольном звоне.

Глава II. Тырговишт. — Свидание с господарем. Торжество в праздник Крещении. Пир у господаря. Обилие здравиц. Поездка патриарха в монастырь Арджиш. Описание монастыри. Пребывание в Кымполунге. Возвращение в Тырговшит.

В воскресенье, в праздник св. Димитрия, господарь Константин прислал за нами свою карету, приглашая пас к себе, и принял нас с величайшим радушием, почтением и гостеприимством. Точно также в праздник св. Михаила, 8 ноября, господарь прислал за нами, и мы отслужили для него обедню в придворной церкви, после чего он угощал нас за своим столом до вечера, наполняя свободные часы осушением кубков вина и раздачей почетных платьев. Мы вернулись в свой монастырь. То же самое происходило в праздник св. Николая и в праздник Рождества, включая и канун его, во время коих соблюдались те же веселые обряды. Равным образом и в праздник Крещения мы отправились в куртэ (дворец) и здесь облачились. Когда сошел господарь, наш учитель благословил его, по обычаю, и все архиереи и священники в облачениях и с крестами вышли на дворцовую площадку и тут разместились большим кругом. Затем вышли вместе наш учитель и господарь; последнему предшествовал постельник с серебряным жезлом, а я шел впереди нашего владыки с трикирием, пока господарь не проследовал к своему трону. Когда он стал на нем, наш учитель благословил его и стал на своем тропе, по левую руку господаря. Подле нашего владыки стал митрополит города, а затем тянулся влево ряд архиереев, архимандритов, священников и монахов; напротив них стояли государственные сановники, а двор был переполнен солдатами с холодным оружием и мушкетами. Домна и все жены вельмож находились на высокой галерее, откуда можно было нас видеть. После того как всем были розданы свечи, наш учитель сошел и кадил кругом аналоя, на котором лежала икона Крещения, и над столом, на коем были помещены серебряные сосуды с водой, крест и кропило. Я шел перед ним с трикирием, а мой товарищ с посохом. По прочтении евангелия и ектении, за коей следовали обычные молитвы и погружение креста, пошли впереди нас с хоругвями и знаменами к реке, находящейся в некотором расстоянии, и здесь наш учитель, по их обычаю, погрузил крест и образ в текущую воду. Свернув знамена, их также опустили в воду и наполнили его бесчисленное множество сосудов. В то же время было окрещено много младенцев. По возвращении, мы нашли господаря и вельмож сидящими в церкви. Наш владыка первый вошел в нее и окропил. В ту минуту, когда господарь подошел приложиться ко кресту, был подан знак, и музыканты ударили в бубны, заиграли на флейтах, рожках, трубах и всяких других инструментах, а все солдаты дали три залпа из мушкетов, так что уши у нас оглохли и сердце затрепетало от страха, ибо мы находились как раз в средине всего этого. Следует заметить, что по возвращении нашего учителя в церковь он поднялся, по желанию господаря, к домне на галлерею и окропил ее, женщин (её свиты) и всех жен сановников. После молитвы над кутьей и раздачи кренделей, но обычаю, мы пошли к столу, который был великолепен. Здесь есть постоянный обычай, что, когда слуги носят кушанья из кухни, их сопровождают музыканты, наигрывал на флейтах и бубнах. Пиршество в такой праздник, как этот, никогда не обходится без многочисленных круговых чаш. Прежде всего залегли свечу перед образом, который находится над головою господаря, и принесли кадильницу; встав из-за стола, я взял ее и окадил образ, господаря и всех присутствующих, которые оставались за столом, но стоя на ногах; а наш владыка прочитал молитву за господаря. Первую чашу господарь выпивает во славу Божию и

повторяет ее во второй и в третий раз. Вторую выпивает в честь праздника; третью за здоровье турецкого государя трижды. В ту минуту как господарь начинает пить, тотчас три раза стреляют из пушек и трижды играют на бубнах, флейтах, рожках и трубах. То же было, когда он пил четвертую круговую чашу за короля венгерского; потом пятую за здоровье его сына три раза; шестую за здоровье Стефана, господаря Молдавии, три раза; седьмую за здоровье Хмеля три раза; а восьмая и последняя круговая чаша была выпита за здоровье самого господаря и повторена три или четыре раза. При возглашении имен всех этих особ, стреляли из пушек, били в барабаны и извлекали согласные звуки из арф, рожков и всяких других музыкальных инструментов, как бы из одних уст. Таким же образом пили за здоровье нашего владыки патриарха три раза; за здоровье митрополита три раза, и трижды за здоровье высших сановников государства, которые сидели за столом. Словом сказать, я не имел никакой возможности пересчитать все чаши, кои были поданы и выпиты до дна, ибо кравчие ни от кого не принимали извинений и никто не мог ни отлить из своего кубка, пи возвратить его с остатком: на то был особливый приказ господаря. Таков у них обычай и таково гостеприимство. Поэтому, находясь среди них, мы были в великой беде. Под конец, разостлали ковер подле господаря, и высшие государственные сановники, встав со своих мест, по-двое подходили и становились на колени и затем выпивали каждый за здоровье господаря большую чашу, содержащую, вероятно, око, а может быть и два ока, вина, осушая ее до дна, так что мы содрогались при виде этого; потом они встают и целуют у него руку, а он целует их в лоб, и они занимают свои места. Сказать по правде, даже в Московии особенности этих празднеств не соблюдаются с такою точностью, как в Валахии. Из-за стола встали не ранее двух часов по наступлении ночи; по обычаю, были розданы почетные платья.

Господарь очень полюбил нас и, бывало, все шутил со мною, делая вид, что жалеет меня по причине моей долгой разлуки с семейством. Да хранит его Бог! На следующий день рано поутру пришли все музыканты со своими инструментами чествовать нас и получить хороший подарок; их сопровождали певчие, писцы, церковные служители и пр.

Мы слыхали еще прежде от многих, что в этой стране, Валахии, есть большой, великолепный монастырь, которому, как думают, нет равного по роскоши постройки, и нам говорили некоторые греческие купцы, торгующие с франкскими странами и с Венецией, что и там нет ничего подобного. Он называется Арджиш. Поэтому я пошел к господарю и просил у него позволения отправиться одному на поклонение в этот монастырь. Оп сказал: «нет, ты отправишься не одтин, а вместе с владыкой патриархом». Но владыка не имел желания к тому, не допуская никакого замедления для возвращения в нашу страну. Однако, господарь послал за настоятелем монастыря, который случайно был в городе вместе с настоятелями монастырей со всего княжества, и велел ему идти и пригласит нашего владыку патриарха в свой монастырь, и затем приказал ему отправиться вперед и приготовить для владыки помещение. Господарь был так настойчив потому, что упомянутый монастырь принадлежит к тому разряду, который называется эфендико, и его власти состоят в зависимости от господарей. Итак, настоятель поехал вперед нас, а мы, изготовившись в путь и заполучив эфендико, т. е. казенные сани с лошадьми, и капиджи, т. е. привратника, который должен ехать впереди нас, выехали из Тырговишта в понедельник 12 января и вечером прибыли в одну из деревень, принадлежащих великому логофету[699], называемую Голешти. В ней есть церковь с двойною кровлей, большая и красивая, воздвигнутая логофетом в честь св. Троицы; над нею возвышается колокольня, крепкое, неприступное здание. Дворец логофета — прекрасное, роскошное строение, защищаемое несколькими пушками. В нем мы переночевали, будучи приняты с великим

почетом и угощены царской трапезой. На следующее утро мы прибыли в торговый город, по имени Питешти; в нем десять церквей, каменных и кирпичных. Жители со всем своим духовенством вышли нам на встречу. Здесь выделывается прекрасное, сладкое вино, которое очень славится и лучшее изо всех вин, производимых в Валахии. Мы пробыли тут около часа и затем поспешно отправились дальше. Мы нашли здешние дороги очень трудными и опасными, так как они были затоплены водой из источников и рек и покрыты льдом, на подобие стекла, отчего лошади портили себе ноги, скользили и спотыкались; да кроме того, были частые подъемы и спуски. Продолжая свой путь до вечера, мы приблизились к городу, называемому Арджиш; в недалеком расстоянии от него нас встретили жители со свечами в руках. Здесь девять церквей: четыре — во имя св. Николая, пятая — в честь Введения Владычицы во храм, шестая — во имя св. ап. Петра, седьмая — во имя свв. Петра и Павла, восьмая — в честь Успения Богородицы и девятая — во имя св. Георгия. Дома в этом городе красивы и походят на. дома в стране казаков. Здесь проживают несколько греков, и с ними настоятель монастыря вышел нам на встречу. Мы проехали к монастырю, отстоящему от города на полчаса пути; но вдоль всей дороги идет непрерывный ряд домов, принадлежащих монастырю: это жилища качифалос (куцовлахов?), т. е. цыган, монастырских рабов[700]. Мы прибыли в него ночью и, будучи введены, помолились в церкви, откуда нас повели в трапезную. На следующее утро мы встали рано и пошли к службе.

Вот описание монастыря. Над воротами колокольня, выстроенная в недавнее время покойным Матвеем воеводой. Кельн, образующие круг, представляют прекрасное каменное здание с галлереей вверху и внизу. В средине стоит церковь, которая в действительности, как и рассказывали о ней, предмет удивления для ума и не имеет себе равной в монастырях этого княжества. Она выстроена покойным Нягоем воеводой[701],137 лет тому назад, как мы это нашли, разыскивая её дату. Так как в этой стране нельзя добыть никакого мрамора, то воевода, как рассказывают, употребил следующую хитрость, чтобы достать этот материал. Он выхлопотал от турецкого султана (Селима) хатти-шериф на сооружение мечети в городе Бодомп (Бодуне)[702] и таким способом вывез сюда из Турции мрамор и камень по реке Дунаю на судах. В то же время он пригласил, будто бы для построения мечети, зодчих и других мастеров по мраморным и камнетесным работам и приставил их к сооружению этой церкви. Возведение её он предпринял по внушению свыше. Место, на коем она стоит, было прежде прудом, образовавшимся от родников, в средине которого была обретена древняя икона Владычицы. Один из священников пришел и отнес ее в церковь города; церковь — во имя св. Николая и, как говорят, первая, в нем выстроенная; в ней мощи святой мученицы, молодой девицы, по имени Филота (Филофея). Рассказывают, что её отец был большим скрягой; в то время случилось бедствие — дороговизна припасов, и эта девица стала раздавать их, без ведома отца, из его складов беднякам. Однажды он неожиданно пришел и застал ее за этим делом, за что тотчас же отрубил ей голову. Её тело пребывает доселе нетленным; она имеет синаксарь, или особенную службу, и постоянно творит многочисленные чудеса. Мы прикладывались к её останкам. Потом вышеупомянутая икона вернулась на свое прежнее место, и по внушению Божию Нягое воевода пришел сюда и начал строить здесь этот монастырь, тем более, что, как говорят, местопребывание правительства Валахии находилось в древние времена в этом городе Арджише[703]. Так как место, намеченное для церкви, было, как мы выше упомянули, прудом, то он засыпал пруд камнями и углем. Когда церковь была окончена, она вышла бесподобной, по крайней мере по наружной красоте, как мы видели, ибо внешность её много красивее внутренности. Она — во имя Успения Владычицы. Кругом неё галлерея, огороженная

каменными перилами, число балясин в которых, 318, как думают, соответствует числу глав семейств, кои были назначены, по приказанию воеводы, для сбора и хранения денежных сумм на построение церкви. Основание лежит на громадных каменных глыбах и обведено кругом канавой, по которой, обыкновенно, течет и разливается вода. Что касается архитектуры, то никто не в силах дать соответствующее описание её: столь разнообразна резьба и изукрашенные окна, из коих одни удлиненно-продолговатые, другие — круглые, с каймой, подобно щитам. Над ними малые арки, в пазах которых круги, похожие на резные блюда, сделанные из камня; число их 84. Как рассказывают, на верхушке каждого из них воевода утвердил медную птицу с распростертыми крыльями, как будто она на самом деле летит. При сильном ветре эти птицы издавали свист по ветру, а колокольчики, подвешенные у них под крыльями, приходили в колебание. Две-три из них еще целы. Церковь имеет четыре купола: два из них, над дверьми, высокие и круглые, с спиральными ребрами; зрителю кажется, что они сейчас упадут, так как ему незаметно, на какой стороне они подперты. Большой купол над хоросом имеет кругом 70 колонок, соответственно, как говорят, числу семидесяти учеников (Христовых). На верхушке каждого купола крест, и на крыльях здания, на каждом из четырех углов, но кресту, так что всего двадцать крестов. В двух главных стенах церкви, южной и северной, между окнами, по шести столбов в каждой, из белого мрамора; половина их видна снаружи. Столбы эти, как думают, соответствуют числу двенадцати апостолов и составляют, во имя их, укрепу здания. Перед вратами церкви есть красивый купол на четырех мраморных столбах с базисами из золоченой меди. Кругом свода каждого из четырех куполов — большая, висячая балюстрада. Вся резьба и орнаменты на стенах и в куполах этой церкви покрыты золотом, лазурью и всякими иными красками. Стены кругом совершенно опоясаны двойной каймой. В церковь всходят по шестидесяти четырем мраморным ступеням; вход также весь мраморный. Самая дверь — двустворчатая, больших размеров и искусной работы, произведение художников константинопольских; на ней по гречески[704] *написано время построения здания. Войдя в эту дверь, надо подняться еще на три ступеньки до пола церковного, который весь вымощен прекрасным белым мрамором.*

Церковь состоит из двух отделений. Первое отделение, притвор, заключает двенадцать громадных, витых каменных колонн, каждая пара одной формы: две — перед наружною дверью, и между ними проходят входящие в церковь; две, им соответствующие, перед второю дверью, т. е. перед дверью хороса; четыре другие — с правой стороны и четыре — с левой, что составляет двенадцать, по числу двенадцати апостолов, как выше. Между каждыми двумя столбами — большая икона, работы критских художников, удивительной красоты, писанная на обеих сторонах: с лицевой стороны изображен мученик на коне, а с задней — какой-либо знаменитый подвижник. За колоннами направо находятся гробницы господарей Валахии и основателей монастыря с их женами; а на стене нарисованы их портреты. Дверь хороса — большая и красивая, из белого мрамора; она закрыта златотканной материей, на коей вышит сверху до низу образ Успения Владычицы. Этот покров, или занавесь, прекрасной работы и по истине великолепен; как говорят, он вышит рукою домны вышеупомянутого воеводы. Портреты её супруга и сыновей изображены, на той же материи, с правой стороны, а портреты её и дочерей слева, внизу занавеса. В хоросе две арки. На верху купола изображен Господь Христос; венец его из чистого золота. Икона Христа на алтарной двери — очень древняя и сделана из мозаики, наложенной на доску; это та самая икона, о коей повествуется в греческих летописях, что некогда она была поставлена при кладязе самаряныни в Св. Софии; пришел один еврей и ударил по ней мечом: тотчас брызнула из неё кровь и обагрила его одежду;

тогда еврей бросил икону в колодезь, и вода мгновенно поднялась и обратилась в кровь. Узнав об этом, схватили еврея, коего уличала кровь на его одежде. Вся эта история написана кругом по краям иконы: как она была поставлена, как еврей ударил по ней и бросил ее в колодезь, как его схватили и как свидетельство о сем было записано во всех греческих летописях того времени. Место удара находится пониже левой руки и тут еще остаются весьма ясные следы крови. Большая часть мозаики отпала и осталась голая доска; на другой стороне её написано распятие. Это -сокровище по истине достойное удивления, равно как образ Владычицы, обретенный в пруду, еще более древний. Он постоянно творит чудеса; рассказывают, что при внезапном нападении венгров на эту страну, когда они овладели этим монастырем и выкололи глаза у всех икон в этой церкви, бросили сей святой образ в огонь, но он остался невредимым. В хранилище мощей святых, имеющихся в этой церкви, мы прикладывались к трем главам: к двум главам — Сергия и Вакха и к главе Нифонта, патриарха Константинопольского, который скончался на Святой Горе, и ко многим другим мощам.

В одном углу здания ость красивый придел с двумя куполами, во имя свв. Петра и Павла.

Словом сказать, эта церковь — драгоценность в сем мире. Её щедрый основатель источил кровь сердца своего на её возведение и не щадил никаких издержек на её возвеличение и украшения. Он именно привез из Константинополя вышеописанную честную икону, и другие славные святыни, добыв их великою ценою. Для освящения этой церкви он пригласил упомянутого патриарха Нифонта и всех настоятелей со Святой Горы.

Трапезная монастыря очень обширна, и её башня не имеет себе равной, кроме разве в крепости, называемой Калах эль-Хусн[705], в нашей стране: она сверху до низу восьмиугольная и имеет повсюду отверстия, на подобие печати Соломоновой.

Здания келлий этого монастыря очень красивы; они сообщаются галлереями, идущими от одних к другим. Кругом ограды есть озера, служащие рыбными садками, и подле течет река Арджиш, весьма большая, от которой город и монастырь получили свое название. Монастырский праздник бывает в день Успепия Владычицы, и к нему стекается почти все население страны. На второй день праздника, после обедни, бывает поминовение и трапеза по основателям — Бог да помилует их души! Третий день назначен для служителей, которые прислуживали в два предшествующие дня.

Мы отслужили обедню в прекрасной церкви этого монастыря в четверг 15 января, при чем владыка посвятил для них диакоиа-анагноста, диакона-евангелиста и священника и возложил, во время Трисвятаго, палицу па игумена, — ибо у них есть обычай получать этот дар власти не иначе как от патриарха. В то же время владыка прочел над ним молитву и наименовал его архимандритом. По окончании обедни, нас повели к гробницам господарей, основателей монастыря, и других и, после того как совершили поминовение но усопшим, владыка прочел над ними молитвы разрешения и прощения грехов. Когда мы встали из-за трапезы, настоятель поднес нашему владыке патриарху, из сокровищницы монастырской, ковер и некоторую сумму денег, и такой же подарок сделал каждому из нас. В пятницу мы простились с ним и отправились в путь, после того как во второй раз поклонились святыням церкви.

Нашего учителя посадили в сани, и мы прибыли вечером в монастырскую деревню, где и переночевали.

Встав в субботу утром, мы нашли, что холод был очень силен и почти невыносим. Так как большие реки этой страны весьма быстры, то средина реки не замерзает, от чего, когда переезжали чрез нее на санях, в них, обыкновенно, вливалась вода, и — Бог свидетель — циновки и ковры склеивалось друг с другом и с санями слоями льда, образуя одну твердую

массу. Даже лошади страдали от жестокого мороза, хотя были в постоянном движении. Проезжая по неровным дорогам, чрез леса, по горам и долам с частыми подъемами и спусками, мы прибыли вечером в большой город, называемый Кымиолунг, в намерении посетить великий монастырь, здесь находящийся, в честь Успения Владычицы. Название «Кымиолунг» по-валашски значить: «длинный луг», и такова именно природа этого места, ибо это очень длинный город и по средине его течет река. Престол господарей Валахии в древние времена, как говорят, был утвержден здесь. Именно, валахи, обыкновенно, жили в городах мадьяр под властью краля, который имел комиса (графа) из их племени. Этот комис приходил пасти своих коней на эти земли, которые в то время были в обладании татар, по совершенно лишены обитателей. Итак, испросив дозволения у краля, он пришел и с помощью Божией изгнал татар из их владений и потом, укрепившись в силах, сделался верховным властителем всей этой земли. Его, обыкновенно, называли Негру воевода, или черный господарь[706] он-то и выстроил этот монастырь. В промежуток от того времени до покойного Матвея воеводы, здание пришло в разрушение, но этот воевода обратил на него внимание и восстановил, и потому теперь это — прекрасное, большое здание, совершенно новое. Церковь его красиво утверждена на четырех превосходных колоннах. Колокольня — большая и очень высокая. Этот монастырь с очень давней поры занят киновитами. Жители города вместе со священниками и монахами встретили нас за городскими воротами, и как только мы вошли в церковь, началась вечерня по случаю кануна воскресенья фарисея и мытаря. На следующее утро, в воскресенье, мы отслужили обедню, при чем владыка посвятил анагноста, иподиакона, диакона-евангелиста и священника. После обедни он вышел в облачении помолиться над гробницами основателей монастыря и прочел над всей паствой разрешительную молитву. Мы с некоторым удивлением наблюдали в жителях этого города великую набожность, подобную набожности казаков, ибо ни один из них, ни из мужчин, ни из женщин, ни из детей, не остался позади, но все стремились вперед, чтобы удостоиться благословения нашего владыки патриарха.

Намереваясь расстаться с ними в понедельник, мы увидали, что это невозможно: так неотступно они нас осаждали толпами; но рано поутру во вторник мы снова пустились в путь и прибыли на следующий вечер в новый монастырь в честь Тождества Богородицы, принадлежащий великому логофету и расположенный среди гор и обширного леса. К нему есть только один путь, верхом пли в экипаже, и когда в окрестной стране случится какая-либо тревога, жители бегут сюда со своими семьями и здесь скрываются. Это очень красивый монастырь; в нем два фонтана, которые снабжаются водой из источника, находящегося на вершине горы. Здесь производится вино из полыни, которое они называют пелино (pelinu), оно очень опьяняющее и бывает разного рода и качества. На следующий день мы поспешили пуститься в путь, такт как дорога стала легче от обильно выпавшего снега, b вечером прибыли в Тырговишт.

Глава III. Тырговишт. — Суровая зима. Монастырь Дялуль. Церемония прощения перед великим постом. Служение в воскресенье Православии. Кончина господарыни и погребение её. Вербное воскресенье. Церемония умовения ног в великий четверг. Служения патриарха.

В этом году зима была очень суровая и тяжело досталась поселянам и их скотине. Снег не переставал валить до первого дня великого поста, который был 9 февраля; множество скота погибло от недостатка корма, и река Дунай замерзала три раза: в первый раз до толщины в три пяди, после чего наступила оттепель и часть льда растаяла; потом она замерзла во второй раз и после этого, от снега, в третий раз, пока лед не достиг толщины в девять пядей. Для добывания воды из реки приходилось прорубать колодцы сквозь замерзшую поверхность. Говорят, что подобного случая не было уже тридцать лет.

Во вторник мясопуста, 3 февраля, мы отправились на поклонение в монастырь вблизи Тырговишта, во имя св. Николая, известный под названием Дялуль[707]. Он отстоит лишь на час пути от города, но находится на вершине горы, трудной для восхождения как летом, так и зимой, ибо летом дорога покрыта глубокой грязью и глиной вследствие множества ручьев, стекающих с вершины горы, а зимою она скользка от льда и снега. Монастырь расположен в очень открытой местности, господствующей над всей страной. Церковь его похожа па церковь монастыря Арджиш. Рассказывают, что зять Нягое воеводы[708], который ему наследовал, свез для построения этой церкви все, оставшиеся от постройки той церкви, камни и прочий материал. Но здесь куполы все покрыты снаружи мозаикой, стены обложены и обшиты прекрасным твердым камнем, а окна обрамлены белым мрамором. Все земли кругом этого монастыря засажены виноградниками и плодовыми садами, ему принадлежащими. Мы тут отстояли обедню и были вечером за трапезой, а потом вернулись в город.

Начиная с пятницы до воскресенья Сырной недели, преимущественно от часа пли двух по полудни почти до полуночи, вельможи, их жены, купцы и простолюдины толпами стекались к нашему владыке патриарху, ради того чтобы испросить у него отпущения грехов и чтобы он прочел над ними разрешительные молитвы, при чем они падали ниц перед ним с великим благоговением, страхом и почтением. Что касается самого господаря, то он пригласил нашего учителя после полудня в церковь, что внутри его дворца, и после вечерни повергся пред ним на землю вместе со своими высшими сановниками и всеми присутствующими, и владыка прочел над господарем и над прочими вышеупомянутые разрешительные молитвы. Затем мы поднялись в большую палату дворца, в сопровождении митрополита города и прочих архиереев, всех высших государственных сановников и всех придворных, и один из логофетов, выступив вперед, прочел по бумаге громким голосом нечто в роде похвального слова господарю с многолетием. По окончании его, он попросил прощения, согласно слову Господа нашего Христа в евангелии на этот день: «если прощаете своим братьям согрешения их против вас, простит вам и Творец прегрешения ваши». В заключение, наш владыка патриарх встал и благословил его, пожелав ему здоровья на великий пост, и все присутствующие подходили и делали то же, сперва кланяясь господарю, а потом целуя ему руку, и точно также поступали относительно нашего учителя и всех архиереев. После этого господарь встал и, взяв нашего учителя во

внутренние покои, долго беседовал с ним наедине. Затем владыка посетил домну, и мы вернулись в монастырь, где все важные купцы и другие люди собрались во множестве в церковь, дабы владыка прочел над ними разрешительные молитвы, при чем они простерлись ниц на землю. Вставши, все целовали у него руку с поклонами и пожеланиями и так продолжали следовать одни за другими почти до полуночи, как мы упомянули об этом выше.

В первое воскресенье поста, по желанию господаря, наш учитель отправился в митрополичью церковь и совершил в ней литургию вместе с архиереем. Во время Трисвятого, выставили аналой, по обычаю, и роздали свечи всем бывшим в алтаре; наш учитель сел па горнем месте и один из священников вышел на средину и начал читать весь синаксарь этого дня. При поминовении православных отцов и святых, когда трижды ответствовали: «вечная память!» наш учитель вставал и все бывшие в алтаре пели три раза: «вечная память!» Когда же называли еретиков и раскольников, они гасили свои свечи и пели трижды: «анафема!» потом, снова зажегши свечи, продолжали так до конца службы. Было совершено рукоположение иерея. Затем была большая трапеза в палате наверху, при чем пили много вина: во первых, во славу Божию, св. Девы и всех святых три раза, потом за господаря трижды, за нашего владыку патриарха и его спутников трижды, за вельмож трижды и за митрополита и его приближенных трижды. Таким образом мы встали из-за стола не раньше, как пресытившись и совсем отяжелев, и вернулись в свой монастырь в жалком положении.

В четверть покаяния[709] умерла домна Белаша, супруга господаря Константина, и мы выставили ее с большою пышностью под наметом на дворцовой площадке. Потом ее обнесли кругом церкви. На похоронах её присутствовало множество священников и монахов, кроме архиереев, и всем им была роздана щедрая милостыня. Усопшую погребли в притворе внешней придворной церкви, после чего была предложена большая трапеза присутствовавшим, как знатным, так и простым; беднякам и рабочим, тут бывшим, было роздано, как нам сказали, по крайней мере по десяти хлебов и кубков меда и вина. На девятый день, на поминках, соблюдалось то же самое.

В Вербное воскресенье, рано поутру, господарь попросил нашего владыку патриарха присутствовать за утреней. При полиелее принесли ему древесные ветви и он прочел над ними молитву. Тогда сошел господарь, и владыка дал ему ветвь; равным образом подходили все вельможи и получали ветви, между тем как писцы раздавали им всем восковые свечи. То же было роздано всем бывшим в церкви. Окончив обедню, мы пошли к столу господаря, за которым было предложено роскошное угощение.

В среду на Страстной неделе господарь пригласил нас, по обычаю, и мы совершили для него елеосвящение во дворце. В Великий четверг мы отправились в карете и облачились в дворцовой церкви вместе с митрополитом города. Как скоро сошел государь, они оба преподали ему благословение, и затем проследовали, — причем наш учитель шел рядом с господарем, — на дворцовую площадку, где были уже поставлены кругом длинные скамьи, покрытые коврами, и три кресла в средине, лицом к востоку, назначенные для господаря, нашего учителя и митрополита. Слева стали митрополит и настоятели монастырей, справа — вельможи. На аналоях были положены книги, содержащие чип умовения, серебряный таз и кувшин. Затем были розданы всем присутствующим восковые свечи, и наш владыка патриарх выступил вперед, между тем как я шел перед ним с его посохом и кадил, и пр.[710] Один из священников прочел Евангелие, обратившись лицом к западу, и когда дошел до места: «и положи ризы», мы сняли с нашего учителя саккос и прочее облачение, согласно обычаю, и опоясали его льняным полотенцем. Он пошел и, налив воды из кувшина в

таз, подошел сначала к лицу, которое представляло Иуду, — а был он то же самое лицо, что и в том году[711] и в таком же одеянии — и первому умыл ему ноги. Под ними был разостлан ковер. После него, он подходил к другим, пока не покончил со всеми. Митрополит города занимал при этом место Петра. Когда владыка окончил церемонию и мы снова облачили его в саккос, он подошел к чаше с водой, поставленной на столике и, погрузив в нее кончики пальцев, начертал ими на себе знак креста между глазами и преподал благословение господарю издали. Также подошел митрополит и сделал то же, равно господарь и др. Последний, при выходе с Дарами, вошел в алтарь и причастился св Таин.

Утром в Великую субботу, после того как мы совершили чин плащаницы в монастырской церкви, за нами прислали, около полудня, карету и мы поехали в дворцовую церковь. Когда мы облачились, сошел господарь; священники вынесли плащаницу и положили ее на столик, роздали всем присутствующим свечи и пр. Потом обнесли ее, с торжественным крестным ходом, один раз кругом церкви снаружи и, по возвращении, мы окончили литургию, при чем был рукоположен священник.

В пасхальное воскресенье, поутру, после того как мы совершили службу Анастасис (Воскресения) в монастырской церкви, за нами прислали карету, чтобы ехать в куртэ (дворец). Здесь повторились точь-в-точь те же обряды и служения, какие мы совершили и в тот (1654) год. После обедни, которая была отслужена в первом часу дня, нас угощали на верху за столом господаря. В первый четверг по Пасхе мы отправились с господарем, как и в том году, за город крестным ходом, по обычаю. Во вторую субботу по Пасхе мы отслужили в церкви митрополии для знатной вдовы одного из вельмож заупокойную обедню по её усопшем супруге. В четверг Вознесения мы опять служили в церкви митрополии в присутствии господаря и, по ежегодному обычаю, был пир, который продолжался до вечера. В день Пятидесятницы, после обедни, наш учитель совершил в монастырской церкви моление с коленопреклонением, по обычаю.

Глава IV.[712] Тырговишт. — Известия о войне царя со шведами. Союз их с Ракочи. Заносчивость Ракочи и поражение его войска татарами. Рассказ архидиакона о насилиях, совершенных венграми в Валахии.

Возвращаемся к известиям о царе. После того как мы расстались с ним, он отправился в Смоленск и, остановившись там, утвердил мир с ляхами и их королем, потому что они признали его власть; только король испросил позволение оставаться на троне до своей смерти, после чего страна переходит к царю. Но Хмель с казаками на этот мир не согласился.

Что касается шведов, то князь Трубецкой пошел на них с тремя стами тысяч со стороны Новгорода и Пскова. Шведы выступили против него и сразились. Бог даровал ему победу падь ними: он разбил их и отослал пленников в железных оковах в Москву, как нам сообщили наши тамошние друзья; отнял у них мечом большое число крепостей и перебил множество парода, чтобы навести на них страх и ужас, дабы они прекратили войну. Также и царь двинулся из Смоленска на их страну, ибо река Днепр ведет к ним. Говорят, что, услыхав об этом, шведы из четырех крепостей, которые находились па пути царя, очистили три и укрепились в четвертой, вследствие её неприступности. Подойдя к ней, царь трижды посылал требование сдаться миром, по они наотрез отказались и даже поносили царя; поэтому он сказал: «пусть же грех будет на их выях», и по его приказанию войско сделало юреш (приступ), крепость была взята мечом, при чем все в ней находившиеся были перебиты, — никого из них не осталось в живых, как нам сообщили.

Оттуда царь пошел к столице шведской страны, к городу, называемому Рига, известному в мире своей неприступностью и сильными укреплениями: как нам сообщали люди, туда ездившие, город защищают три прочных земляных вала, а четвертая — каменная крепость. Он имеет пристань на берегу моря и, быть может, до тысячи пушек. Подступив к нему, царь обложил его своими полками и не переставал осаждать, пока не взял мечом три земляных вала; при этом много людей из его войска было убито. Но не находя способов взять каменную крепость, в коей осажденные упорно сопротивлялись без всякой боязни, потому что съестные припасы доставлялись им морем, царь велел привести 300 чаек донских казаков, воюющих на реке Днепре (?), и пустил их в море, чем препятствовал подвозу провизии, и осада таким образом велась с суши и с моря. Вдруг наступила зима и начались морозы, и обстоятельства принудили царя возвратиться в столицу, что и случилось. Один из наших приятелей известил нас письмом оттуда, что царь взял у шведов в этом году двадцать восемь крепостей.

Когда шведский король удостоверился, что его положение стало безнадежным и что у него нет сил удержать оба города, Варшаву и Краков, и иные в стране ляхов, то послал заключить договор с королем венгров, так как у них одинаковое нечистое исповедание и поврежденная вера, именно, лютеранская, и, обещая передать ему упомянутые города, звал к себе на помощь, чтобы им обоим быть заодно; и это осуществилось к празднику прошедшего Рождества. Так как упомянутый король раньше оказывал одолжение и помощь, когда они в том нуждались, господарям Валахии и Молдавии, то послал требовать у них па помощь несколько тысяч, войска. Против своей воли, они дали ему помощь и он выступил в поход среди зимы, в сильные холода, от чего множество людей из его войска утонуло в реках или погибло от холода. Пошел он к упомянутым городам и занял их. Здесь

он соединился с шведским королем и чрез это усилился. Так было сделано по совету Хмеля, который дал ему в помощь 30.000 человек, вследствие чего никто из ляхов не осмелился на него выйти. Когда же он выступал из своей страны, с ним было, как нам сообщили правдивые люди, не больше 60.000 войска, ибо вся военная сила венгров составляет от 40 до 50 тысяч. Но он показал себя чрезвычайно высокомерным и преступил пределы справедливости: совершил в стране ляхов неописуемые злодеяния, разрушил множество церквей и монастырей и начал клеветать на Хмеля и поносить его, говоря: «теперь я завладел обоими государствами, Валахией и Молдавией, и они уже в моей власти; страна венгерская — страна моего отца и предков, и вот ныне я покорил своею силой страну ляхов и занял их столицу; остается мне подчинить только этого мужика, т. е. земледельца, Хмеля». И начал втайне избивать ратников его, казаков, чтобы их ослабить. Когда известие об этом дошло до ушей Хмеля, он сильно разгневался па короля и послал к хану, склоняя его идти на короля войной и отдать его в руки ему, Хмелю. Так и было. Именно, когда турки и татары услыхали о походе короля в страну ляхов, предпринятом без их спроса, и о том, что господари подали ему помощь, то сильно рассердились на них, так что между татарами и турками распространились слухи о том, что семь королей согласились вместе и намерены идти войной на эту страну в великое заговенье, и потому все были в большом беспокойстве, что продолжалось до нынешней Пятидесятницы, когда пришло известие, что хан выступил в поход и должен пройти по этой стране. Произошло сильное смятение и все приготовились бежать. На границе Турции, от устья Дуная до Будума (Буды), распространилась молва, что турки вместе с татарами идут войной на страну венгров и на своем пути опустошат и займут страну валахов и молдаван за то, что эти последние оказали помощь венграм. Тогда господарь созвал войска своей страны, и они стали снаряжаться и готовиться в поход, устраивая полки. Посланцы Хмеля к хану побуждали его выступить в поход, и когда он прибыл, Хмель дал ему дорогу. Как скоро это дошло до Ракочи, т. е. Георгия, короля венгров, он сильно испугался и выступил навстречу хану. Казаки покинули его. Три дня он бился с татарами, после чего они, в насмешку заключили с ним мир, признав неприкосновенность его владений, но обманули его, и он бежал один в свою страну. По рассказам, татары взяли в плен более 25.000 из его войска, не считая убитых, вместе с их начальником Кимъяиосом (Ян Кемени), величайшим из вельмож короля. С этими пленниками татары вернулись в свою страну с большим торжеством и великою радостью. Это случилось в конце июля.

Нет сомнения, что гнев Божий постиг венгров за их насилия над святыми домами Божиими, церквами и монастырями, и за избиение ими монахов, священников и (православных) христиан в Молдавии, без всякого милосердия и пощады. Я расскажу тебе, брат мой[713], о некоторых мерзких поступках их, коих мы были свидетелями, в то время когда они были при нас в Валахии. А именно: в Валахию прибыл один епископ из Румелийской области, человек очень бедный и несчастный. Он имел при себе только одну лошадь и повел ее на конный рынок продавать. Явилось несколько человек венгров и остановились против неё; один из них подошел и, взяв ее за повод, сказал: «эта лошадь моя», при чем подошли семеро его товарищей и засвидетельствовали, что лошадь его, и взяли ее, ибо в числе их мерзких и гнусных обычаев есть такой, что, если кому-нибудь из них понравится какая-либо вещь и он пожелает взять ее себе, то говорит: «эта вещь моя», и ежели семеро из его соотечественников засвидетельствуют, что вещь его, она становится его собственностью. Таков их обычай — Бог да проклянет их, ненавистников христианской веры, святых икон и славного креста! Мы видали, как они, входя в церкви, разбивали святые иконы и выкалывали им копьями глаза; видали и другие их гнусные дела, совершаемые ими по

ненависти к священникам и монахам, коих они избивали, как мы раньше говорили, рассказывая об их деяниях во времена Василия воеводы. Но возвратимся к рассказу. Бедный епископ начал плакать и рыдать по своей лошади, но ни у кого не находил защиты, пока некоторые из христиан не посоветовали ему пожаловаться на венгра его капитану. Он пошел и пожаловался, но капитан обругал его и выгнал. Тогда он пошел с жалобой к господарю; но как господарь был в их власти и ничего не мог против них сделать, то лишь обнадежил епископа, и когда к нему, по обыкновению, пришел капитан, он заговорил с ним об этом деле, но тот сказал ему: «семь человек засвидетельствовали, что лошадь принадлежит венгру; как же он может теперь отдать ее, когда у нас такой закон?» Господарь возразил: «но этот бедный епископ имеет 30 — 40 свидетелей, что лошадь его и приведена им из своей земли». Капитан отвечал: «наши свидетели раньше сделали заявление, и это дело конченное». Потеряв, надежду, господарь дал епископу одну из своих лошадей и с этим утешением отпустил.

За ними много таких гнусных дел, только я не имею времени их перечислить; между прочим, дозволены у них: убийства, прелюбодеяния, беззакония, кражи и пр.

Глава V. Валахия. — Причина промедлении патриарха в Валахии. Поездка его по монастырям. Рымник. Путь в монастырь Козия. Описание монастыря. Отшельник.

Возвращаемся к рассказу о своем положении.

Причиной нашего промедления все это время был случай с приснопамятным патриархом Константинопольским Парфением, который был умерщвлен визирем без всякой вины, беззаконно и не правосудно. Поэтому господарь, из опасения за нас, не пускал нас, и не давал разрешения ехать на родину, — ни он, ни вельможи его. Так как нам наскучило сидеть на одном месте, то наш учитель попросил у господаря дозволения объехать монастыри его страны. Господарь дал разрешение и назначил к нему портария, т. е. капиджи (привратника).

Мы выехали из Тырговишта в четверг 18 июня со всеми своими вещами, опасаясь, что произойдет возмущение: главной причиной нашего отъезда было желание скрыться с глаз и удалиться в страну безопасную, именно, в тот уголок, куда мы направились, так как, находясь вблизи венгерских гор, он неприступен, и туда убегает большинство жителей этой страны, о чем будет сказано. Мы прибыли к Питешти, оттуда в монастырь Арджиш, а затем в Рымпик, местопребывание епископа, и приблизились к великой, знаменитой реке Ольту, текущей из страны венгров; на ней большой мост, одно из сооружений, воздвигнутых щедротами покойного господаря Матвея. Здесь нас встретил низложенный митрополит Игнатий. Митрополичий дом весьма похож на таковой же в Тырговиште, по своей постройке, цветникам и садам, прудам и водам; но меньше того. Церковь его — в честь Божественного Преображения. Митрополит поехал с нами в знаменитый, большой монастырь, называемый Козия[714], к востоку от города, в расстоянии 3 — 4 часов пути, близ вышеупомянутой реки. Но путь туда — необычайный по своей непроходимости и трудности: это — ущелье, по которому может проехать только один всадник вдоль берега реки, и то с большим трудом, опасностью и страхом, ибо река протекает по глубокой, ужасной долине, загроможденной скалами, течет очень быстро, от чего её волны подобны морским, и ревет, пугая и ужасая своим шумом. Это — большая, широкая река, больше Аси (Оронта) в Хаме; на той стороне её — горы, покрытые огромными, непроницаемыми лесами и совершенно без дорог. Налево от дороги, т. е. влево от нас, находилась весьма большая, отвесная гора, вся из скал и покрытая обширными лесами. В таком роде продолжалась дорога, пока мы не достигли деревянного моста, искусно устроенного на ужасно высоком берегу реки, над бездной, при виде которой сердце у нас содрогнулось. В случае какой-либо напасти или осады, грозящей монастырю, снимают этот деревянный мост, коего один конец прибить гвоздями к двум большим, высоким деревьям, растущим из русла реки, а другой конец утвержден на краю горы. Когда снимут мост, на месте его образуется громадная, необъятная пропасть, чрез которую нет возможности перебраться; и к реке невозможно спуститься, чтобы перейти чрез нее, по причине вышины и отвесности её берегов, так как она течет, как мы сказали, из внутренности страны венгерской и течение её быстро. Нам рассказывали, что по этой реке привозят из страны венгерской потребные монахам предметы: вина и пр., когда им это нужно, но это сопряжено с большой опасностью. Как мы выше упомянули, гора совершенно непроходима и, по рассказам, нет пути ни сзади, ни кругом её, а только чрез это удивительное ущелье, создание Творца — да будет возвеличено имя Его! При виде его,

мы немало дивились, ибо, как скоро отнимут описанный мост, то, если даже небольшое число людей станет здесь с ружьями, они могут оказать сопротивление тысячам неприятелей. Этот благословенный, знаменитый монастырь обязан неприступностью своему местоположению.

Но возвратимся к рассказу. Так как дорога узка и идет по самому краю пропасти, то на нас напал страх, мы сошли с лошадей и продолжали путь пешком, пока, перейдя чрез описанный мост, не вышли на обширное открытое место, где были посевы, сады, виноградинки, и наконец приблизились к монастырю. Это — огромное здание, воздвигнутое на берегу упомянутой реки. Его окружают высокие, страшные горы, расселины которых загромождены необъятными лесами, так что кругом монастыря нет никаких путей, ибо это благословенное место находится в ущелье, на окраине страны, имея насупротив себя, с севера, страну венгерскую. Дорога (к нему) идет позади горы, с юга лежащей, весьма трудна и непроходима для вьючных животных.

Название этого монастыря «Козия» на языке валахов значит: «дикие козы», ибо они во множестве водятся па вершинах этих гор. В монастырь не пускают женщин, ни даже самок животных: такое установление сделано покойным воеводой Мирчей, который построил этот монастырь и церковь в нем в честь св. Троицы. Говорят, что он наименовал его в честь Троицы потому, что его окружают три горы: с востока, запада и юга. Насупротив святой церкви находится бассейн с водоемом, в который вода стекает с гор: она превосходна и услаждает сердце. По окружности бассейна четыре лица, из рта которых извергается вода: одно лицо — мадьяра, т. е. венгра, другое — турка в тюрбане, третье лицо — бея (господаря), четвертое — негра. В водоеме всегда бывает рыба. Кельи монастырские — большие, хорошо выстроенные одни над другими, с высокими галлереями кругом. На восточной стороне есть превосходные кельи с галлереями, выходящие на упомянутую реку; здесь помещается трапезная. Река тут течет на глубине в 40 — 50 раз больше роста человеческого, считая от верхнего этажа описываемого здания. Это такие живописные места, которые способны рассеять тоску и прощать меланхолию, просветлить мозг и исцелить больного. По истине, журчание этих ниспадающих вод и реки и горных ключей оживляет душу, а особливо вид гор и зелени и кушанья из чудесной рыбы, называемой пастрофос[715] , которая водится только в таких местах, в водах, стекающих с гор, потому что эта рыба размножается лишь в каменистом русле и не любить глубины и тины. Она походить на рыбу султана I Ибрагима в Триполийском округе, но в разрезе розовая; чиста, превосходна, приятна на вкус, вкуснее жареной курицы, — Бог свидетель, ее можно съесть со всем, что в ней есть: так она чиста и вкусна. Она славится в этой стране: ее солят и возят в подарок господарю и вельможам.

Сад этого монастыря превосходен; в нем есть столовая, где мы обедали днем, ужинали же в описанной галлерее, где имели помещение. Вино в монастыре отличное, чудесное, разных цветов. За монастырем, близ ворот, у подошвы горы есть труба, по коей течет вода, и над ней красивая церковь во имя Петра и Павла; это место называется «лечебницей болящих». Здесь мы отстояли всенощную в канун праздника апостолов (Петра и Павла). Перед этим местом проходить дорога; мы шли по пей около получаса до подошвы горы, где стоить красивая церковка в честь Рождества Иоанна Крестителя. Тут живет отшельником один странник, келья которого подле церкви и который совершает в ней обедню и прочие службы. Испросив у нашего владыки патриарха разрешения грехов, он попросил его посадить молодой отпрыск орехового дерева, т. е. маленькое ореховое дерево, на память для него, чтобы впоследствии всякий знал, что это дерево посажено, в благословение, патриархом кир Макарием Антиохийским; так владыка и сделал: взяв нож,

обрезал все кривые ветки, оставив одну прямую ветвь, и благословил ее. После этого мы ушли. То же он делал в садах всех монастырей, нами посещенных: таков у них обычай и прекрасный это обычай ради воспоминания, чтобы это служило указанием числа лет дерева и времени посещения монастыря патриархом. Мы нашли у них множество деревьев, носящих имена прежних патриархов, кои приезжали в эту страну.

Возвращаемся к рассказу. В понедельник, в праздник апостолов, рано поутру мы отслужили обедню в великой церкви, при чем было совершено рукоположение диакона-апагноста, диакона-евангелиста и священника. Владыка возложил на настоятеля одного из монастырей палицу и нарек его архимандритом. После обедни мы совершили поминовение по строителям монастыря. Затем мы, согласно приказанию господаря, сложили в этом монастыре все свои вещи на хранение в безопасное место.

Глава VI. Валахия. — Редкая книга толкований на псалтирь. Хлопоты архидиакона о снятии с неё списка. Пана Яни, искусный писец. Благополучное довершение дела. Паисий Газский и его книга. Список с неё.

Мы слышали раньше, что у кир тист[716] Константина Кантакузена, постельника покойного господаря Валахии Матвея, есть большая, превосходная книга из царского книгохранилища Св. Софии, а именно, толкование на псалтирь пророка Давида, выбранное св. Никитой, митрополитом Сереса, с большим трудом из всех книг святых учителей церкви и иных. Он собрал толкования каждого из них и составил из всего этого огромную книгу на греческом языке, листов в триста большого формата. Сказывал нам кир Паисий Хиосец, митрополит Газский[717], муж ученый и добродетельный, который в наше отсутствие приезжал из Иерусалима в Алеппо, когда мы находились в этих монастырях, и проповедовал в церкви Алеппо, как он нам сообщил потом, — сказывал, что он ездил во все франкские страны и долгое время пробыл в великом граде Риме, где видел книгохранилище папы, в коем общее число книг церковных и светских 72.000, и каждая из них только в одном экземпляре. Это вещь известная. Он рассказывал, что не нашел другого экземпляра этой книги, толкования псалмов, но что это единственный во всем свете. То же сказывали нам многие. Есть, правда, небольшие, отдельные книги толкований на псалтирь: Феодорита, епископа Кирскаго и других учителей; но св. Никита собрал все толкования и соединил их в одну книгу. Число учителей, написавших толкования на псалтирь, сорок, не считая других. Вот, напр., толкование первого псалма из псалтиря: «Блажен муж, иже не иде на советь нечестивых, и на пути грешных не ста, и на седалище губителей не седо», — это текст оригинала, к которому составитель присовокупляет: такой-то святой или ученый толкует это место, слово в слово, так-то, а другой сказал то-то и то-то, и приводить их имена на полях книги, и так до конца её. Эту книгу, принадлежащую к числу сокровищ, царскую и драгоценную, многие желали списать, но не могли, по двум причинам: во первых, владелец и хозяин ее этого не позволял, дабы не было второго экземпляра; во вторых, по причине огромных размеров и обширности содержания, те, которые начинали ее списывать, списав часть, теряли терпение, чему мы были свидетелями.

Услыхав похвалы этой книге, я, убогий, пишущий эти строки, приложил великие старания и, силою Господа Христа, при помощи моего родителя и по благодати его молитв, мы добыли себе эту книгу. По божественному устроению, нашли мы одного священника, по имени папа Яни (отец Иван) из Хиоса, отличного писца по-гречески, понимающего самые замысловатые выражения и обладающего большими знаниями. Его-то мы и засадили списывать книгу. Так как любовь к вину в природе греков, то я (пользуясь этим) не переставал уговаривать его, пока мы не привезли его в этот монастырь, где и заставили остаться и переписывать книгу, назначив ему ежедневно по два ока[718] вина на обед и ужин. Таким образом ум его прояснился и просветлел, и с помощью Божией он окончил книгу. Вышеупомянутый митрополит Газский составил для нас в начале и в конце книги предисловие и послесловие, где изложил сведения о ней, именно: в то время как это сокровище было скрыто п т. д. и т. д., Творец послал отца патриарха Антиохийского и сына его и они открыли и сделали его доступным ради снискания себе небесной награды и воздаяния и на пользу парода христианского и пр. Мы израсходовали на эту книгу, пока она не была окончена, около ста реалов. Впоследствии, по прибытии в свою страну, в Алеппо,

куда мы привезли и папа Яни, я заставил его сделать второй список книги, лучше первого, так как у нас явилось намерение, если Богу угодно и если будем живы, послать напечатать ее в страну франков, для пользы нашей и всех христианских народов. Если это состоится по соизволению Божию, то мы приступим к переводу её на арабский язык. Будем просить у Бога душевного спокойствия. Причиной написания второго экземпляра этой книги было то, что она может погибнуть на море или случится с ней какое другое несчастие, прежде чем она будет напечатана, и в таком случае мы лишились бы столь драгоценного сокровища. Нет, лучше пусть останется у нас второй список.

Мы добыли еще ось митрополита Газского другую греческую книгу, которую он составил в разных странах и из многих книг и назвал CrhsmoV, т. е. Книга предсказаний. Она единственная и не имеется другого списка её. Содержит в себе предсказания, (выбранные) из пророков, мудрецов и святых, касательно событий на Востоке: об Агарянах, Константинополе и покорении ими этого города — известия весьма изумительные; также о будущих и имеющих еще совершиться событиях. Я заставил того же писца снять с неё также два списка. С большим трудом митрополит дал нам ее для переписки, ибо он, т.е. митрополит Газский, не желал этого, пока я не добился его согласия при помощи подарков и потому, что ему стало совестно перед нами, и он разрешил нам списать ее. Кто прочтет эту превосходную книгу, будет поражен изумлением пред её пророчествами, изречениями и прочим содержанием. Впоследствии упомянутый митрополит прислал нам из своей страны известие, что, когда он находился в стране мадьяр, они ограбили его и взяли все, что с ним было, и в числе отнятого была вышеупомянутая книга. Он славил и благодарил Бога, что мы позаботились спять с неё копию, иначе бы она исчезла совершенно и весь его труд пропал бы даром. Оп умолял нас снять для пего список, а он, как мы сказали, был у нас уже написан Хвала Богу всегда и во всех обстоятельствах! Аминь.

Глава VII. Валахия. — Отъезд из монастыря Козия. Монастырь Остров. Золотые россыпи. Цыгане-золотопромышленники. Соляные копи. Монастырь Моноксило. Монастырь. Быстрица. Посещение пещеры.

Возвращаемся к рассказу. Мы простились с архимандритом монастыря Козия и с прочими монахами, убедительно прося их позаботиться об упомянутом папа Яни. Выйдя из теснины, по которой идет путь к монастырю, мы увидели, что вышеназванная река (Ольт) разветвляется надвое, и посредине её остров, куда мы переплыли на судах. На острове небольшой каменный монастырь для монахинь, в честь Рождества Богородицы. Его называет Остров[719]. Помолившись там, мы вышли и вернулись в Рымник.

Вся местность между Рымником и монастырем Козия покрыта запрудами воды, собранной между корнями деревьев, похожих на тополь. Корни выкапывают, счищают с них грязь и после промывки ее в воде получается золотая руда. Это известный к стране валахов золотой рудник, который составляет собственность домны, т. е. жены всякого, кто становится господарем, и назначен на её расходы. Он берется от неё на откуп цыганами, т. е. здешними золотопромышленниками и железниками, как говорят за тысячу динаров в год[720].

В четверг поутру мы выехали из Рымника, ехали около двадцати часов и прибыли в город с соляными копями. В стране валахов есть четыре места, где имеются соляные копи; арендный доход с них составляет ежегодно 150.000 реалов. Эта копь самая большая. Сюда приезжают из Турции и приходят корабли из Константинополя, закупают соль и отвозят к себе, ибо вся соль, потребляемая в Румелии и Константинополе, идет из этой страны. Способ выламывания её очень труден. Копают колодец на глубину во сто раз больше человеческого роста, пока не дойдут до соли; бывает и меньше Всякий разбойник или человек, попавший в немилость, ссылается сюда господарем в железных оковах. Ломкой соли занимаются по ночам, а днем ее вытаскивают. Каждый кусок, в виде большого камня, весить 200 — 300 ок; его поднимают на длинных канатах при помощи воротов, которые вертят лошади. Мы видели нечто разрывающее сердце: когда кого-либо из работников вытаскивали наружу, он казался нам выходцем из могилы, из среды мертвецов. Несчастные! да поможет им Бог! Некоторые из них работают за плату. Вся почва этой местности — соль; напр., как в колодцах Алеппо вода соленая, так здесь вода затвердевшая и составляет соль.

Этот город — базар (торговый) и заключает несколько церквей. Жители вышли нам навстречу. У пас не было иной цели для приезда сюда, кроме осмотра, и потому мы провели здесь лишь одну ночь и, вставши рано поутру, поехали назад, потому что в экипажах невозможно было проехать (дальше), и направились но дороге, большею частью затруднительной и лесистой, и после полудня достигли монастыря на той стороне реки, называемой Быстрица, имеющей быстрое течение; а монастырь называется «Кусок дерева»[721]. Б древние времена жил здесь отшельник; раз, пробудившись от сна, он увидел висевшую на дереве большую икону Владычицы, которая сказала ему: «я желаю, чтобы ты построил для Меня здесь церковь из этого дерева». Он встал, срубил дерево и начал строить маленькую церковь, которая вся, вместе с кровлей, из одного куска дерева. По этой причине ее называют «Церковью из одного куска дерева», по-гречески моноксило. Здесь совершилось много чудесь. Двадцать лет тому назад одному из государственных сановников полюбилась

эта обитель. Оставив ту церковь на верху горы, как она есть, он ниже её соорудил большой каменный монастырь с удивительно красивой церковью, в честь Успения Владычицы. В нем обитают монахини[722]. Отслужив здесь обедню, мы приложились к упомянутой иконе Владычицы: она большого размера и творит чудеса. Поднялись к описанной деревянной церкви и в ней помолились. Близ неё два величественных дерева; подле них, говорят, росло и то третье дерево. После обеда мы выехали из монастыря и ехали по очень трудной дороге, причем переезжали реку Быстрину более сорока раз.

Мы спустились по склону огромной горы и вечером прибыли в большой монастырь, тоже известный в этой стране своею неприступностью. Он называется монастырь Быстрица[723]; расположен одиноко в теснине, не имея позади себя владений[724], — точь-в-точь как та теснина, где стоить монастырь Козия. Он построен очень крепко. Церковь его также в честь Успения Владычицы; в ней великое сокровище, а именно, подлинные мощи св. Григория Баниасскаго[725], которого здесь называют Григорием Декаполитом. Строитель монастыря привез их из Сербии, приобретя за большие деньги. Мощи находятся в серебряно-вызолоченной раке, на горбообразной крышке которой точное изображение святого, чеканной работы, а кругом такие же изображения снятых и ангелов. Рака сооружена щедротами приснопамятной Белаши[726], домны Константина воеводы. Она заказывала ее в стране мадьярской, где есть искусные мастера; говорят, что за одну только работу она заплатила золотых дел мастеру 1500 реалов. При виде её, ум поражается удивлением. Когда святого открыли со свечами и кадильницами, при пении тропаря ему, обнажив головы, мы были поражены его видом и благоуханием и приложились к его святой деснице. [Мы отслужили в церкви литургию в понедельник 6-го июля, при чем было посвящение монаха и диакона; после того мы пошли в трапезную]. Начало построения этого знаменитого своею неприступностью монастыря таково. Один древний добродетельный отшельник заметил на верху горы, возвышающейся над монастырем с северной стороны, расселину и, непрестанно ухищряясь, сделал подмостки, добрался до неё и поселился там, построив церковь во имя св. Михаила. Поднимаясь для того, чтобы посетить и осмотреть эту пещеру, мы всходили, один за другим, по единственной тропинке с весьма трудным подъемом, при чем справа от нас был страшный, отвесный край до самой реки; поэтому на большей части дороги сделаны перила от одного дерева до другого. Мы добрались туда лишь с огромными усилиями и большим трудом. От края горы до пещеры, на расстояние брошенного камня, положены длинные, узкие доски с перилами, на подобие моста; когда грозит опасность, монахи снимают их и остаются там, и тогда сами дьяволы не в состоянии добраться до них. Поэтому господари, в случае если их постигнет беда, отсылают в эту пещеру свои сокровища и свое семейство. Пещера находится на средине горы, и от неё до дна ущелья 44 сажени, а сколько выше неё, до вершины горы, того никто не знает. Во входе две железные двери, чрез которые мы вошли, подобно животным, на четвереньках, и продолжали путь по подземелью со свечами, идя один за другим, пока, совсем измученные, не выбрались на ровную площадку, создание Милосердного. Мы помолились в церкви, близ которой находится небольшая келья, где всегда живет монах. На восток от церкви большая расселина ведет к открытому месту у ущелья, где, как говорят, солнце бывает видно лишь при восходе его, в начале дня. Тут есть огромное дерево, на котором висит длинный канат с воротом, коим поднимают воду из реки, а также вещи, тюки, тяжести — все, что складывают здесь на хранение, как мы сказали. Их проносят не по подземелью, по которому мы вошли, а потаенной дорогой от монастыря до места, ниже того (где дерево) и ниже рассеянны, у подошвы горы, и, принеся туда, поднимают их на упомянутом канате на верх. В пещере есть каменный бассейн

чистой, прекрасной воды, которая льется чрез края. Кругом пещеры нет простора, ибо перед ней огромная, крутая гора. Впрочем, пребывание в этой пещере болезненно действует на организм и вещи портятся, вследствие сильной сырости и обилия воды. Мы едва верили себе, когда вышли из неё и спустились в монастырь. Монастырь так построен, что его келии с восточной стороны выходят на упомянутую реку, низвергающуюся с горных вершин по скалам. В ней водится в изобилии вышеупомянутая чудесная рыба пастрофос (форель). Река неумолчно шумит, ибо, как мы сказали, она стремительно низвергается с горных высот, а внизу ущелья и кругом ее большие скалы, от чего и происходит её шум. Среди келий есть небольшая церковь во имя св. Николая, а вне монастыря третья церковь, в честь Преображения, для больных. Простившись с монахами, мы уехали.

Глава VIII. Валахия. — Монастырь Ариота. О главе св. Михаила, епископа Синодского. Мощи. Дальнейший путь. Римешти. Посещение отставного постельника. Тыргошил.

Во вторник мы поднялись в монастырь, высоко лежащий на самом верху горы, которая находится насупротив вышеописанного монастыря. Он во имя св. Михаила и называется Арнода или Арнота[727]. Путь туда весьма труден и доступен только для пешеходов, так как монастырь стоить на верху горы; однако мы въехали верхом. От монастыря Быстрица он отстоит к востоку на один час пути. Монастырь невелик. Рассказывают, что покойный отец Матвея воеводы, во дни свои, построил тут деревянную церковь. Когда он умер в Венгрии, сын его, господарь Матвей, заступив его место, послал привезти его кости, перенес их сюда и начал строить монастырь весь каменный, со стеною кругом, красивыми кельями и церковью, на которую пожертвовал перед своей кончиной множество утвари, украшений и ковчег с мощами святых. Мы прикладывались теперь ко всем им по порядку; в числе них правая рука св. Михаила, епископа Синадского, глава коего находится в одном из монастырей св. Горы. Как нам рассказывали, ее берут в те места, где появляется саранча: священники совершают водосвятие, освящая воду главою, окропляют этой святой водой поля и огороды и раздают ее жителям селений и городов; силою Божией и предстательством святого, саранча удаляется в море, и в тот год цены бывают низкие вследствие большого урожая. Это вещь известная в тех городах и округах.

Нам рассказывали, что несколько лет тому назад на острове Кипре, в течение семи лет под ряд, был большой недостаток припасов, по причине появления саранчи. Жители представили свое положение султану, испрашивая у него хаттишериф (указ) к обитателям упомянутого монастыря, чтобы они дали главу названного святого. Назначен был от султана ага с указом, который, прибыв в монастырь, потребовал от монахов главу. Монастырь имеет обыкновение и правило, действующее издревле, отпускать святую главу не иначе, как под обеспечение залогом, и киприоты оставили у них в заложники сорок важнейших архонтов из жителей Кипра на все время, пока возили главу на остров. Они совершили водосвятие, окропил и весь остров, и — о чудо! — саранча тотчас улетела с острова, и потонула в море. Жители привезли монастырю вместе с главой, в виде пожертвования, 5000 пиастров и, возблагодарив Бога, удалились. Говорят, что так поступают и все жители Румелийской области, мусульмане и христиане, ибо святой, при своей кончине, испросил у Бога эту милость, как другие испрашивают чего-либо иного. Известие это достопримечательно.

Возвращаемся к прерванному рассказу. Мы прикладывались еще к деснице св. ап. Филиппа, которая, как и десница св. Михаила, обложена золотом, а также к длани св. Марины мученицы, которою она ударила дьявола в темнице, — она помогает от ознобления кожи — к частицам мощей св. Иоанна Златоуста, св. Афанасия, патриарха Александрийского, мученика Пантелеймона, Кирика и матери его Иулитты, к мощам св. Николая и другим мощам мучеников и святых. Они запечатаны монастырскою печатью, записаны в книге и поручены настоятелю монастыря. Мы служили в этой церкви и святили воду в бассейне, что насупротив церкви. Говорят, что вода проведена с вершины горы, на расстоянии 144 сажень. На вершине горы, господствующей надь всей окрестной страной, господарь водрузил огромный каменный крест, как он поставил много других подобных крестов в иных местах и по дорогам, — да помилует его Бог! Вследствие

трудности пути, мы не могли подняться на вершину, к источнику воды, которая стекает в этот бассейн. Вне монастыря открывается вид на отдаленные места, так как местоположение его весьма открытое. Оттуда мы спустились пешком к монастырю, что внизу.

В четверг мы простились с монахами и отправились; проезжали по весьма трудным дорогам и проследовали чрез селение по имени Ринешти; это родина Стефана, теперешнего митрополита Валахии, который строит здесь каменную церковь. Рассказывают, что, придя в совершенный возраст, он сделался писцом в монастыре Быстрица, затем монахом, а потом игуменом знаменитого монастыря Тисмана и наконец митрополитом Валахии, еще при жизни Матвея воеводы, который впоследствии низложил его и поставил на его место Игнатия, епископа Рымникского, о коем мы выше упомянули. Теперь его возвратил Константин воевода.

Возвращаемся. После полудня мы прибыли в селение близ горы и подле реки Ольтец, принадлежащее одному из бояр, который был постельником, а теперь в отставке. Оно называется Бульфараж (Поливрас). Он строит здесь большой монастырь с крепостью, в честь Успения Владычицы, назначая его местом погребения для себя и своего потомства. Созвав в него монахов и священников, он разместил их, до окончания постройки, в домах (селения); пожертвовал монастырю это и иные селения, мельницы, сады и пр., как это в обычае у здешних вельмож, о чем мы уже говорили не один раз. Мы отслужили для него обедню в маленькой деревянной церкви близ монастыря. В полдень отправились и вечером, переехав несколько рек, прибыли в другой монастырь, по имени Красна, во имя св. Николая, также каменный[728]. На другой день совершили в нем водосвятие, а после обеда уехали и следовали по трудным дорогам, чрез леса и воды, до вечера, когда прибыли в маленький базар, по имени Тыргошил[729], потому что он лежит близ большой реки, называемой Шил: Тырго означает «базар», а Шил — название реки. В этой местности есть железный рудник, из которого много добывали во времена Матвея воеводы. Весь наш путь от Тырговишта до сих пор шел у подножия гор, отделяющих эту страну от венгерской, пустынной и безлюдной на пространстве одного дня пути, и закругляющихся наподобие половинки чаши; все упомянутые нами монастыри расположены на передней их стороне.

В воскресенье утром, отстояв обедню в вышеупомянутом базаре, мы выехали и переезжали чрез бесчисленные реки, числом, быть может, более тридцати, кои все стекают с венгерских гор и текут к реке Дунаю. Нам рассказывали, что двадцать семь рек, подобных великой реке Ольту, которую переезжают на судах, и известных по именам, текут по стране валахов, беря начало в земле мадьяр, и впадают в реку Дунай, не считая других рек, коим нет числа, — да будет благословен Бог! Вода во всех них пресная, вкусная, чудесная; дно их обилует камешками и манит испить воды. В этот день весь наш путь был очень затруднителен, по причине гор и лесов.

Глава IX. Валахия. — Монастырь Тисманский. Описание его. Тисовое дерево.

Под вечер встретил нас настоятель знаменитого монастыря Тисмана[730], и мы сошли у реки Тисманы, по обоим берегам которой лежит большой базар, угодье этого монастыря, свободный от податей. Приблизившись к нему, мы увидели монастырь, который расположен среди долины на двух выступах горы и окружен большими горами и лесами. Доступ к нему подобно как к монастырям Козия и Быстрица: нет иной дороги, кроме этой, идущей по средине реки, которую мы несколько раз переехали, вступив в большую теснину и поднимаясь к месту, где лежит монастырь. С этих гор быстро несутся многочисленные ключи, в виде речек, образуя большую реку на дне долины, где идет дорога к монастырю. Прежде чем достигнешь первых ворот монастыря, видишь над ним в горе келью отшельника и подле нее маленькую церковь, во имя св. Антония Великого; тут есть хелештеу, озеро для рыбы, в которое также течет с гор источник. Мы поднялись в монастырь лишь с большим трудом, вследствие быстрого течения упомянутой реки и множества деревьев и камней, кои она уносит с вершины горы во время дождей и постоянно выбрасывает их (на берега). Обогнув все монастырское строение, мы поднялись к первым железным воротам по узкой, искусственной тропинке. Здесь протекает по желобу источник воды. Над воротами множество бойниц, так как это огромная башня. Пройдя вторые ворота, также железные, с колокольней над ними, мы вошли в великую церковь, во имя Успения Владычицы. Это — превосходное, крепкое здание с двумя высокими куполами: один над нарфексом, а другой над хоросом, оба восьмиугольные. Церковная ризница помещается снаружи, справа от алтаря. Перед церковью течет по желобу чудесная вода, выходящая из пещеры под горой, где кладовые монастырские, то есть запасы солений. На пути к ним врыт в землю водоем, где держат наловленную рыбу, пока она не понадобится. Затем вода проходит мимо дверей кухни, а часть в бинимча (пивницы) монастырские, служащие для охлаждения сосудов с вином и сохранения всего потребного из овощей. Часть воды отведена в отхожие места, а остальная направляется к удивительной маленькой мельнице, которая постоянно в движении и мелет все потребное монахам (зерно), без всякого труда (с их стороны).

Таким образом, монастырь этот неприступен и не имеет себе подобных ни в здешней стране, ни в иных, по прекрасному местоположению, по изобилию вод и по своей неприступности, благодаря крепости окружающих его стен. Он принадлежит также к числу обновленных и отстроенных приснопамятным Матвеем воеводой. Монастырь был раньше кельей отшельника по имени Никодим. Родина его отца, грека, город Кастория, а мать его сербка. Он убежал от них и по внушению ангела, который указал ему это место, пришел сюда на гору, обилующую текучими водами, и построил себе келью, выдолбив ее под вершиной горы над землей; до сих пор в нее поднимаются по веревке. Он творил великие чудеса и отправился в город Буду, к королю венгров, где стал проповедовать христианскую веру. Король сказал ему: «я разведу сильный огонь, и если ты пройдешь чрез него в своей фелони и с Евангелием и останешься невредим, мы поверим тебе». Святой сделал так, прошел чрез огонь со своим дьяконом, который кадил, и потому к нему возымели великую веру. Король осыпал его великими дарами, дав между прочим тридцать деревень и большие средства для сооружения монастыря, который и был воздвигнут стараниями святого. Князь Лазарь, тогдашний государь Сербии, подарил ему большой город с шестьюдесятью селениями кругом, а воевода Валахии даровал ему все пошлины, собираемые по окружности

монастыря, и многое другое.

Упомянутый король соорудил для него также массивную серебряную кадильницу, которую мы видели: это — подобие крепости Буды с ее башнями.

Строение этого монастыря прежде было невзрачное. Приснопамятный Матвей воевода, убегая от Леона воеводы[731], пришел сюда и укрепился в монастыре. Леон пошел на него и осадил, но не мог овладеть монастырем. Потом Матвей, спасшись от врагов, отправился в Константинополь, где, при содействии визиря Абаза-паши, был назначен господарем и возвратился (в Валахию). Тогда первой его заботой было отстроить и укрепить как нельзя лучше этот монастырь, в благодарность за свое спасение, а также во исполнение данного обета. Поэтому монастырь обнесен стеной, которая, будучи возведена по выступам горы, приводит в трепет смотрящего на нее снизу, в особенности, вследствие падения вод, кои низвергаются сверху на дно долины. Мы до сих пор не видывали места с таким обилием вод, как здесь. В монастыре господарь поставил пять маленьких пушек у бойниц, господствующих над дорогой на далекое расстояние. В этом месте, в виде галереи, выходящей на долину и реку, нас и поместили.

В подвале монастырском есть огромная бочка, длиною в двадцать шесть пядей, а шириною в девять. Она вмещает 3.000 ведер вина, а ведро равно 12 окам[732], так что всего будет 36.000 ок. Ее наполняют вином через желоб, к ней приделанный и проведенный снаружи подвала. Вино остается в ней целый год, ради благословения, ибо святой, при жизни своей, сделал ее собственноручно из дерева, которое попадается только в окрестностях этого монастыря и называется тиса (тис). Оно походит на эбеновое дерево, но ударяет в красноту, и никогда не гниет. По имени этого дерева река и монастырь называются Тисмана. Оно чрезвычайно крепко и красиво; до сих пор делают из него никогда не портящиеся бочонки, обитые железными обручами. Я привез с собою два таких в Алеппо, и они до сих пор у меня целы.

Возвращаемся (к рассказу). Мы приложились к фелони святого, той самой, в которой он вошел в огонь, как мы рассказывали; она из камки красной с желтым; прикладывались к его омофору и к древнему Евангелию, которое святой написал своею рукою в Венгрии необыкновенно красивым почерком по-русски на превосходном пергаменте. Оно обложено серебром и в конце его дата: 6912 год; стало быть, ему теперь 253 года[733]. Тело святого сокрыто в земле, в церкви, из боязни мадьяр, чтобы они не украли его, так как живут по соседству и имеют к нему великую веру. Впрочем, для него сделана вне церкви, в галерее, гробница, покрытая пеленами, с решеткой и пр. У них находится только перст святого для лобызания. Мы прикладывались к нему и к мощам святых, у них находящихся, из числа патриархов антиохийских: один из них св. Игнатий, опоясанный Богом[734]; также к мощам св. Златоуста и других. Святой, при жизни своей, насадил виноградник и каштановые деревья на горе, что насупротив селения; виноградник существует и поныне. Вокруг монастыря, на горе, живет много пустынников и отшельников, которые в надлежащее время приходят (в монастырь) для принятия св. Таин. Теперь некоторые из них, извещенные о прибытии нашего владыки патриарха, явились сюда и просили у него разрешения грехов, и мы сподобились их молитв.

Глава X. Валахия. — Посещение медного рудника. Описание плавилен. Окрестные города. Придунайские пашалыки. Дальнейший путь.

Возвращаемся к рассказу. Мы служили у них во вторник 14 июля, при чем наш владыка рукоположил для них иерея и диакона, и возложил на игумена палицу, дав ему власть быть архимандритом, духовником и постригать в монахи. На другой день, простившись с ними, мы проехали расстояние в 3 — 4 часа до знаменитого медного рудника, находящегося на границе страны.

Как нам говорили и как мы видели, страна валахов походит на лук. От Фокшан, которые лежат близ Дуная, идут горы по направлению к монастырю Козия на протяжении четырех дней пути от Дуная; от монастыря Козия до места, где находится этот медный рудник, расстояние полдня пути; а от Тырговишта сюда четыре дня хорошей езды. Отсюда еще день пути до города, по имени Базар (Бая?), пограничного между страной валахов и мадьяр. Турки живут по ту сторону Дуная относительно земли мадьяр, где есть крепость Темешвар, которую взял у них султан Сулейман: в ней живет пограничный паша. Таким образом, протяжение страны валахов от Фокшан до Базара, в длину около десяти дней пути, а в ширину она, как мы сказали, не простирается далеко от Дуная.

Этот рудник был открыт во дни приснопамятного Матвея воеводы, а именно: один серб, охотясь, блуждал по лесам здешних мест, никому не известным, и нашел кучу черных камней, которые от долгого времени слились друг с другом в один кусок: они лежали тут со времен греков. Серб догадался, что здесь есть рудник, пошел к господарю, сообщил ему об этом и взял ту землю у него на откуп. По приказанию господаря, стали разрабатывать рудник и добывать (медь). Рудник находится на вершине горы. Вся почва в этом месте, как и горы, представляют белый камень и красную землю, точь-в-точь как земля в Алеппо. Воды здесь весьма изобильны. Место подобно тому, где соляная копь: это — глубокие ямы (шахты), куда опускаются и поднимаются при помощи воротов с веревками, вращаемых лошадьми. Днем и ночью копают внизу с огнем и с большим трудом выламывают черный камень; а тот, который не под силу выломать по причине его твердости, подвергают действию огня, а сами уходят. Когда остынет, спускаются и находят, что камень растрескался; его вытаскивают и поднимают наверх. Особенность руды та, что она имеет серо-зеленые жилки; а некоторые камни бывают легки и желтого цвета — это чистая медь. Но то и другое смешивают вместе и отвозят в плавильни.

Вот описание плавилен. Они очень обширны и высоки, с двускатными крышами; посреди каждой пять — шесть вогнутых печей (горнов) с подземными стоками. Позади каждого горна два большие меха, подобные кузнечным, приводимые в действие водою, и именно так: за плавильней есть ручей, вода которого падает на два большие колеса, находящиеся с обеих сторон плавильни снаружи; они вращают длинные толстые бревна, кои особым приспособлением поднимают и опускают доски мехов, при чем огонь разгорается с большою силою, а рабочие, тут стоящие, постоянно подкладывают уголь вместе с медной рудой. Огонь поддерживают ночью и днем с большим старанием и трудом, пока не накалится и не расплавится медь, которая, по своей тяжести, стекает в яму, вырытую в земле, и когда охладится, ее вынимают большими кругами, разбивают на мелкие куски и выносят из плавильни. Тогда приносят большое количество дров ивовых и

тополевых и располагают дрова и куски металла рядами, ряд дров и ряд кусков, на вышину роста, зажигают дрова с четырех сторон, и огонь не перестает гореть ночью и днем. Когда он потухнет, собирают металл и обжигают вторично, на другом месте, и так продолжают делать до шести раз. Затем снова кладут металл в плавильный горн и расплавляют вторично, при чем он вторично вытекает в яму. Однако, он еще не чист, так что, по охлаждении, снова кладут его в печь, чем и заканчивается все дело. Тогда металл течет, как вода; его отливают в формы, и он получает вид кругов воска.

Эта медь превосходная, — говорят, лучше кастамунской[735], ибо она мягка как чистое серебро. Купцы вывозят ее в Турцию, в Требизонд, Кастамуни и в Персию. Око ее стоит полреала. Рассказывают, что прежде в один год добывали по 600.000 ок, ибо ее было много на поверхности земли, а теперь добывают из глубины. В последние годы добывают ежегодно около 200.000 ок; но при этом требуются большие расходы и издержки: стоимость углей, плата рабочим, мастерам и прочие. Уголь идет только ивовый и тополевый, также и дрова, коими обжигают руду, но отнюдь не другой породы (деревьев), но каковой причине эти деревья исчезли из всей этой страны, тогда как прежде составляли огромные леса; теперь их привозят издалека. Давно мы имели сильное желание видеть это зрелище, что и удалось нам теперь. Мы спрашивали рабочих, почему камни в этой местности белые, как снег; нам отвечали, что это происходит от сильного огня и дыма при обжигании руды, как мы описали.

Говорят, что текущая здесь река, которая приводит завод в действие, выходит из подошвы горы, в которой находится рудник; поэтому в ней не водятся ни рыбы, ни лягушки, ни какие-либо черви и пиявки, тогда как прежде она кишела ими. Когда стали копать гору и открыли рудник, вода была отравлена, и рыба и другие (живые существа) исчезли, ибо в медной руде есть сера, из коей, как говорят, состоит все основание этой горы. В один год возгорелся огонь у подошвы горы, переходя с места на место, — как мы сказали, руду подвергают действию огня в месторождении ее — огонь продолжал гореть десять лет, и никто не был в состоянии потушить его. Удивительно, что при всем этом климат здесь приятный и благорастворенный.

Возвращаемся. Наш владыка патриарх совершил для рабочих водосвятие над отверстием шахт и окропил все место, а также прочел над заводскими горнами молитву благословения печей. Рабочие и мастера все сербы.

Нам рассказывали они, что по ту сторону Дуная, насупротив них, есть большой город, который в древности назывался Клавдиополис, т. е. город царя Клавдия, а теперь называется Кладова; турки же, овладев им, назвали его Фатхи Ислам (завоевание Ислама).

Город Белград отстоит от этого рудника на пять дней пути. Белград — слово русское, именно: Белогород т. е. белый город.

Город Буда отстоит на восемь дней пути или более. Его жители — мадьяры, т.е. венгры. Они были прежде подвластны кесарю, т.е. царю алеманов, он же государь немцев; столица его — город по имени Беч (Вена), в расстоянии пяти дней пути от Буды. Говорят, что Дунай берет начало в его стране и течет по ней на расстоянии месячного пути, а у Белграда сливается с другой, подобной ему, большой рекой, по имени Сава. От впадения в него множества больших рек он сильно увеличивается. Затем из владений немцев течет до Черного моря также на протяжении месячного пути. По берегу реки Дуная, составляющего границу турецкую, расположены пять пашалыков: наибольший из пашей — беглербег Буды, ибо он равен по достоинству беглербегу Египта; второй — беглербег Боснии, пограничной с владениями Венецианскими, насупротив Задры (Зары); он правит санджаком Инека, кафедры архиепископа Сербского; третий — паша Белграда; четвертый — паша

Софии, пятый — паша Силистрийский.

В пятницу мы простились с рудокопами и возвратились от рудника в низменности Валахии, покончив с горами. Мы въехали в округ Виддина, а потом Крайовы, где самостоятельно правит бан пятью округами[736]. Мы следовали берегом вышеупомянутой реки рудника около трех часов и прибыли в селение одного из бояр, где нас приняли с большим почетом. Тут мы пробыли до воскресенья, потому что нас не пустили, пока мы не отслужили обедни и не совершили для них водосвятия. После обеда мы выехали и вечером прибыли в одно селение, где и ночевали.

Глава XI. Валахия; — Монастыри Стрехайе, Гурамотро, Цинцарен. Необыкновенное обилие комаров. Страдания путешественников.

Встав в понедельник на заре, в праздник св. Илии, когда исполнилось ровно пять лет с отъезда нашего из Алеппо, мы проехали около трех часов и были встречены настоятелем достославного монастыря, называемого Стрехайе, в честь св. Троицы[737]. Мы вошли в него. Это великолепный монастырь, расположенный на низменности и принадлежащий к числу сооружений приснопамятного Матвея воеводы. Он похож на огромную крепость: имеет обширную стену со множеством бойниц. В нем есть прекрасный источник текучей воды, над коим возведена большая, прочная башня. Над воротами монастыря колокольня, удивительная по своей высоте и красоте. Монастырские ворота железные. Кельи превосходны; кухня и конюшни — все с каменными сводами. Говорят, что Матвей воевода прежде всего начал строить церковь подле селения, примыкающего к монастырю; потом, так как место понравилось ему, он приступил к постройке куртэ, т. е. дворца, для себя. Когда он был окончен, сказали ему: «следовало бы тебе обратить его в монастырь». — «Так и будет», отвечал он и докончил стройку. По этой причине строение монастырское чрезвычайно красиво, прочно и неприступно. Посредине его — пивница, т.е. подвалы для хранения солений и вина; над ними великолепные помещения и огромный зал с навесами кругом, служащий теперь трапезной. Все эти постройки выбелены известью снаружи и изнутри. В восточной части монастыря нет келий: она представляет лишь крепкую стену, над коей есть высокое, чудесное помещение с гостиной, откуда открывается вид на окрестности; здесь же столовая, сидя в которой, чувствуешь себя свободным от всех сердечных забот. Кругом раскинуты сады и течет ручей, берущий начало из источника и впадающий в близлежащее озеро. Церковь очень изящна, превосходно украшена и вся расписана внутри и снаружи. Словом, это монастырь великолепный, знаменитый в стране своею красотою и неприступностью, и поистине мы не видывали подобного ему. Площадка его двора радует душу.

Мы отслужили в нем обедню и после трапезы простились с монахами. Проехав расстояние в 3 — 4 часа, мы прибыли в древний монастырь св. Параскевы, называемый Гурамотро[738] , т.е. [устье] реки, ибо река рудника, называемая Мотро, протекает близ монастыря и снабжает его водой. Говорят, что он древнее монастыря Тисманского, потому что св. Никодим сначала, когда прибыл сюда, здесь вел отшельническую жизнь и построил церковь; и лишь много времени спустя пошел и выстроил монастырь Тисманский. Так как церковь была стара, мала и невзрачна, то один из государственных сановников этой страны, сломав ее, (он был ворником, т. е. великим судьей, и имя его Преда; он родственник Матвея воеводы; по наследству от отцов и дедов, владеет многими поместьями, монастырями, церквами и деревнями, и в том числе монастырем, о котором будет сказано подробно вслед за сим), выстроил ее вновь, и она вышла чудесной, сердцеуслаждающей. Церковь имеет три купола и вся крыта свинцом, которого, как говорят, пошло около 16.000 ок. Но местоположение этого монастыря весьма непривлекательное, по изобилию мошек и комаров.

Совершив водосвятие и поминовение по строителям монастыря, мы выехали после полудня, ехали около часа по направлению к югу и прибыли в монастырь св. Михаила, известный под именем монастыря Цинцарен[739], т.е. монастырь «царя комаров», — и это

справедливо. Он приписан к св. Воскресению в Иерусалиме, и потому игумен в нем грек и монахи из учеников Иерусалимского патриарха[740]. Монастырь находится на берегу реки Шиль у подошвы горы, и вследствие обилия растительности, зелени и лесов вокруг него и в нем, он кишит мошками и комарами в такой степени, что об этом толкуют по всей стране. Мы провели в нем две ночи. В первую ночь мы не вкусили сна; во вторую — мы поднялись и ночевали на вершине горы близ монастыря, где посажен новый виноградник и где есть высокая сторожка. Ни днем, ни ночью мы не находили спасения от комаров и переносили от них неописуемые мучения, — Бог да спасет посещающих этот монастырь! — несмотря на то, что разводили огонь кругом себя коровьим пометом и дым: все это не приносило нам никакой пользы, — напротив, комары вели с нами жестокую войну. Бог свидетель, что по этой причине мы летом, во время жаров в этой стране, спали, по большей части, всю ночь в сапогах, надевали на руки кожаные перчатки и закрывали лицо, и все-таки не могли избавиться от комаров.

Возвращаемся. Церковь в монастыре деревянная. Мы совершили в ней водосвятие и поминовение по строителям и затем простились с монахами.

Глава XII. Валахия. — Посещение патриархом одного вельможи. Похороны. Поминальный обед. Описание свадьбы.

Мы ехали около 1 1/2 часа в западном направлении и прибыли в селение, принадлежащее одному из государственных сановников, но имени Бояна. В нем есть дворец, ему принадлежащий, большое здание, поражающее удивлением. Этот вельможа, прослышав о нашем владыке патриархе, — а в то время случилась у него свадьба сына его сына — обрадованный этим, послал пригласить нашего учителя. Приехав к нему, мы застали их всех в хлопотах по случаю приготовлений к свадьбе. Посмотри же, что совершил Творец! Случилось, что старший брат жениха внезапно скончался, и их радость обратилась в неописуемую печаль и горе, а свадьба в похороны. В этой стране есть обычай, что младшего сына или дочь не обручают и не венчают прежде старшего. Но прибытие к ним нашего владыки патриарха значительно успокоило и утешило их, ибо он поучал их и уговаривал и после долгих речей убедил довершить свадьбу. Они послушались его беспрекословно. Мужчины и женщины уже снарядились ехать за невестой, чтобы привезти ее издалека, но при постигшем их горе отменили поездку. Однако когда владыка склонил их докончить начатое дело, они отправились в экипажах за невестой, по своему обычаю, с яствами: жених, его родственники, много вельмож и женщин. В то же время приступили к погребению покойника, при чем наш владыка с большим трудом уговорил их обрядить и похоронить его на другой день перед закатом солнца, чего им не хотелось. На следующий день, который был воскресенье, совершили поминовение и устроили большую трапезу: а именно, закололи четырех быков и пятьдесят баранов и наготовили бессчетное число хлебов. От средины дома за площадку двора разостлали, вместо скатертей, куски полотна, подобные кускам небеленой бумажной ткани; на них разложили рядами большие хлебы, а на каждый хлеб положили по куску мяса. Мы пошли посмотреть и определили число людей, которые уселись рядами друг подле друга, более чем в 1500 человек, ибо во всей этой стране есть обычай, что жители близлежащих селений, прослышав о свадьбе или похоронах, приходят обедать. Над каждой группой стоял человек с палкой для надзора, пока они ели и насыщались. Каждому из них поднесли по три чарки вина и дали по три бани[741] и они сидели, пока не кончили есть, а потом взяли, что осталось перед ними, в свои платки и с молитвой за усопшего ушли. Перед началом этой трапезы, наш учитель помолился над ней и благословил ее, прочтя «Помилуй нас Боже», и окадил, поминая имя усопшего. Когда мы сели за стол, нам подали множество блюд; мы встали, и наш владыка вторично прочел застольную молитву, по обычаю. Не только богатые творят подобную милостыню, но и бедные, если у них умрет кто-нибудь, несут за ним до могилы кушанья и хлеб и после погребения раздают присутствующим, дабы они помолились за усопшего. Какой это прекрасный обычай!

Возвращаемся. Вот описание свадеб в этой стране, хотя мы уже раньше рассказывали об этом. Рабы и крестьяне, посланные с телегами, привезли с гор множество сосновых ветвей. Заострив их снизу, воткнули их на стенах кругом, перед дверьми и на улицах с обеих сторон, а также от церкви до дома. Это служит у них знаком свадьбы. Мы спросили, какая тому причина, и нам сказали, что как листья этого дерева никогда не опадают и всегда оно зелено и несет плоды, так же да пошлет Бог жениху и невесте.

Возвращаемся (к рассказу). В понедельник явились гонцы с известием о приближении жениха, раньше которого приехали всадники обрадовать родителей вестью о его прибытии; им роздали платки. Показался жених со свитой, предшествуемый всадниками:

он ехал верхом на коне, которого подарил ему, по их обычаю, тесть, с седлом и украшением к нему и на холку; на голове у него был султан из белых перьев, как это обычно для всадников. Невеста ехала в карете, за которой следовали кареты с женами вельмож этой страны. С невестой прибыл брат ее. За нею ехали две телеги, наполненные вещами и приданым, потому что невеста приносит приданое жениху, а он ей ничего не дает. Отец записывает за ней приданое: деревни с крестьянами, рабов, виноградники и пр., смотря по своему состоянию. Если у нее будут дети, то все это имущество переходит к ее мужу; если же она умрет бездетной, то приданое возвращается целиком к ее отцу.

Когда жених въехал во двор дома, его, а равно и невесту, которая была с ним, встретили отец и мать, поднесли им обоим большие серебряные кубки с вином и пошли в церковь, а мы предшествовали им. Под ноги жениху и невесте постлали, по их обычаю, ковер; подле жениха стал дружка, а подле невесты подруга. Лицо ее было прикрыто розовой шелковой тканью. Я, смиренный, облачился, надел на учителя епитрахиль и омофор поверх мантий и окадил кругом аналоя, который был поставлен перед хоросом и на котором лежали крест и Евангелие. Во время обхождения кругом аналоя, жениха и невесту осыпали десертом: орехами, изюмом, жареным горошком и пр., а также монетами бани, которые, по обычаю, подхватывали присутствующие. По окончании службы, новобрачные помолились перед Евангелием, приложились к нему и к руке нашего учителя и вышли. Не было (сегодня) радостных криков, (как) не было стенаний и вчера — исполать им за их обычаи в печалях и радостях! Вечером мы были приглашены к столу, который был очень роскошен и состоял более чем из 500 — 600 блюд; при этом всякое вновь подаваемое кушанье ставили на прежнее.

Жених, обыкновенно, не снимает колпака с головы; как мы видали в Тырговиште, господарь, бывая посаженным отцом у детей вельмож, стоит в церкви и пред архиереем с открытою головой, а жених в колпаке.

Жених в этот вечер, обыкновенно, прислуживает гостям, подает кушанья и напитки; то же делает невеста относительно женщин. После стола принесли, по их обычаю, поднос с платками, шитыми золотом, при чем писец, пришедший раньше, записал имена сидевших за столом до последнего. К каждому платку был прикреплен клочок бумаги, па котором писец написал имя лица, коему предназначался платок, смотря по его важности, дабы платки не смешались. Теперь роздали их всем присутствовавшим, имена которых писец заносил в книгу. Затем стали подносить большое блюдо, и первым положил на него наш владыка патриарх, из уважения к ним, несколько пиастров, а после него клали другие гости. Кто имел с собою деньги, тот бросал на блюдо пиастры или динары, смотря по своему состоянию, а некоторые говорили писцу: «пиши за мной такую-то лошадь или быка, либо несколько овец или свиней, раба или несколько рабов- цыган и пр.» Когда кончился список, блюдо было уже наполнено деньгами. Точно так же подносят его и женщинам. Потом дед жениха подарил ему серебряную саблю в ножнах из парчи и атласа, а отец соболью шубу. Все собранные деньги сложили вместе в платок и запечатали. Когда невеста, в сопровождении женщин, подошла к нашему владыке патриарху и поклонилась ему, а он ее благословил, ей отдали платок с деньгами и все ключи от сундуков ее мужа, от комнат и бинимса (пивниц), т.е. погребов, где хранятся припасы, соленья, и напитки, — все ключи висели на серебряной цепочке — ибо в этой стране жена — хранительница имущества своего мужа, и ключи постоянно висят у нее на поясе. Она всегда сидит во главе стола, а муж ниже ее справа, как мы это видали много раз.

Было выпито множество круговых чаш: сначала во славу Божию, потом за господаря, далее за нашего владыку патриарха, за бана, т.е. правителя этой области, о котором мы

выше упоминали, за отца невесты, за деда жениха и за отца его, за него самого и его мать и за гостей. Так продолжали пить за полночь. Мы встали и пошли в свои палатки, ибо для нас они устроили на лугу, между церковью и домом, большой шатер и палатки. Нас приводили в удивление приятность их обращения и степенность их. На заре все гости разъехались по домам и никого из них не осталось.

В ночь на 27 июля и в следующую была сильная буря с громом и молнией, так что весь мир поколебался, и мы говорили: «наступает светопреставление!»

Нас едва отпустили только в среду и провожали далеко, выражая нам свою благодарность и после обеда одарив нас всех.

Глава XIII. Валахия. — Крайова. Монастырь Буковец. Селение Бранковани. Великий ворник Преда. Его богатство. Характеристика его. Гостеприимство и здравицы.

Мы ехали около двух часов и прибыли в селение, по имени Филишан, где и ночевали под заговенье поста Владычицы, а поутру, после завтрака, нас проводили. Часа через два мы прибыли в другое селение, принадлежащее одному боярину, и тут ночевали.

В пятницу поутру, сделав двухчасовой переезд, мы прибыли в город, называемый Крайова[742]; это вторая столица владений валашских. Прежде, при Матвее воеводе и предшествовавших ему воеводах, в нем был правитель, называемый баном, второй господарь, который творил суд, наказывал кнутом и смертью и вершил дела, не испрашивая разрешения у господаря, что продолжалось до настоящего времени, когда Константин воевода уничтожил эти порядки и этот сан, дабы не возникало от того неурядиц. Нас встретил за городом упомянутый бан, который остается таковым лишь по имени, со знатью и народом. Нас ввели в великолепную каменную церковь, которую воздвиг покойный Матвей воевода, во имя св. Димитрия. Она точь-в-точь походит на дворцовую церковь, утверждена на четырех столбах, высока и весьма просторна.

В субботу 1-го августа, рано утром, мы совершили для жителей водосвятие в этой церкви, простились с ними и к вечеру приехали в монастырь, лежащий на запад от города, в теснине среди леса, во имя св. Николая, именуемый на их языке монастырем Буковец [743]. Он управляется греческими монахами, потому что составляет метох знаменитого монастыря св. Варлаама в Румелии, о котором нам сообщили теперь, что он построен на вершине горы и что к нему нет никакой дороги, ибо гора возносится в пространство, как отдельная твердыня, имея четырехугольную форму. Когда кто приходит к подножию (горы), то берется за спущенную веревку, к которой вверху привязан колокольчик и дергает ее; монахи, услыхав звонок, если пожелают поднять этого человека к себе, спускают к нему ящик на веревках при помощи ворота: он садится в ящик и они втаскивают его к себе. Это огромный и величественный монастырь. Вода у них дождевая; наверху они имеют посевы и виноградники, но этого им не хватает, и потому у них есть еще посевы внизу на равнине, вследствие чего нужда заставляет их подчиняться правителям. А кого они не пожелают принять, на того не обращают внимания и не поднимают, будь он самый важный сановник, и он ничего не может с ними поделать.

Возвращаемся (к рассказу). Монахи, живущие в упомянутом метохе, меняются чрез каждые три года и из монастыря присылается другой игумен с монахами — таков их обычай. Церковь, маленькая, каменная, очень красива и вся расписана. Перед дверьми ее — источник воды, наподобие проточного колодца; над ним навес с высоким куполом. Мы совершили в нем водосвятие для монахов в воскресенье поутру, 2-го августа.

От этого монастыря до города Будума (Бодуна) второго[744] — один день пути; по-гречески он называется Виддин. В нем живет митрополит, под властью которого находится 500 селений — все болгарские. К вечеру мы простились с монахами, ехали два часа лесом и прибыли в монастырь во имя св. Димитрия, называемый Житьянь, потому что близ него протекает река Шиль. Он окружен большим озером-болотом, которое непроходимо: его можно только объехать кругом в два часа. Монастырь стоит среди леса. Покойная супруга воеводы[745] завещала некоторую сумму на построение новой церкви, и теперь ее строят о пяти куполах. [Наш владыка патриарх освятил ее, прочтя над нею

положенную молитву.]

Заметка. Мы нашли в этом монастыре одного виноторговца, родом из Сатралатиса в Сирии; имя его теперь Димитрий; по его словам, он из квартала султана Селима.

Мы выехали из монастыря после полудня и вечером прибыли в одну деревню, где и ночевали. Встав рано поутру, ехали около четырех часов, причем переправились чрез реку Ольт, и прибыли в селение, по имени Братошани, принадлежащее великому ворнику Преда, родственнику покойного Матвея воеводы; о нем мы упоминали раньше. Он весьма важный вельможа этой страны от отцов и дедов; его владения обширны — об этом скажем сейчас подробно. Около вечерен мы прибыли в селение, по имени Бранкован, где находится дворец названного вельможи и дома, принадлежавшие покойному Матвею воеводе, ибо он родом отсюда. Мы съездили также в монастырь близ этого селения, среди леса, в честь Успения Владычицы; он называется, по имени селения, монастырь Бранкован и принадлежит к числу сооружений покойного Матвея воеводы. Здесь мы отпраздновали праздник Преображения и окрестили, с великою радостью, мальчика-еврея.

Этот вельможа чрезвычайно богат: нет ему равного ни в этой стране, ни в иных. Говорят, что у него 12.000 кобылиц-жеребят; он имеет 200 деревень и в каждой деревне по табуну лошадей, у него 30.000 овец, из коих, как говорят, в этом году пало 5000, да разбойники украли 11.000, вместе с семьюдесятью эрдебами[746] пшеницы, во время возмущения, происшедшего среди войска при воцарении Константина воеводы. У него 4000 голов рогатого скота, 1000 буйволов, 4000 свиней и 300 пасек, из коих каждая заключает несколько ульев, дающих более бочки воску и около ста ведер меда; а каждое ведро стоит пиастр. Купцы приезжают и скупают для вывоза в Турцию. Ежегодно этот вельможа посылает со своими слугами 1000 голов рогатого скота в Константинополь, где продает его за 10.000 пиастров. Он имеет 1500 семей рабов-цыган. Говорят, ни у кого нет таких, как у него, владений, кроме монастыря Козия, который имеет 1000 цыган. С каждого дома он берет, в виде подати, шесть динаров в праздник св. Георгия и столько же в праздник св. Димитрия. Упомянутые цыгане большею частью ремесленники: золотопромышленники и железники. Говорят, что ежегодный доход, поступающий в его казну, за вычетом расходов, составляет 20.000 динаров.

При всем том, душа у него простая, что обнаруживается в особенности за столом, за которым он не пил раньше монахов. Он любит строить церкви и монастыри, любит священников, монахов и убогих, будучи необычайно милосерд. Ему принадлежит несколько монастырей, из коих одни построены им самим, причем он сделал им бесчисленные пожертвования рогатым скотом, овцами, лошадьми, пчелами, поместьями, мельницами, рабами; другие же монастыри основаны его отцом и дедами. Из них первый — Быстрица, основанный его предками, далее: женский монастырь Моноксило (из одного дерева), монастырь Арнота, Стрехайе, Садовский, Гурамотро, им построенный, и этот монастырь Бранкован. Теперь он строит монастырь в стране венгров, потому что краль очень его любит и называет своим отцом; как говорят, у него там много имений. Все монастыри, построенные покойным Матвеем воеводой, он взял в свое владение, потому он ему родственник и его национальности. Теперь он заведует ими, никому не позволяя тревожить тамошних монахов и посягать на их владения; смещает настоятелей, если они неправо поступают, и ставит на их место других, а господарь ни в чем ему не прекословит. Словом, у него много добра и много сооружений; он христианин в полном смысле слова, набожный и боящийся Всевышнего Бога. Мы видали, что он вставал к службам в полночь, с начала службы до конца постоянно занимался чтением псалтиря прор. Давида и прочих положенных молитв, стоя в углу церкви, не оборачиваясь ни направо,

ни налево, зажигал и оправлял свечи и исполнял прочие обязанности по церкви, как кандиловозжигатель (пономарь), от всего сердца и даже с большим усердием (чем делал бы тот). Мы дивились на него. Без сомнения, Творец — да будет прославлено имя Его! — потому и наделил его всем этим богатством, что он того достоин.

Когда мы, утром и вечером, садились за его стол, он постоянно оставался на ногах, прислуживал, наливал и подавал нам чарки. После того как выпьют чаши во славу Божию, во славу Господа нашего Христа, св. Троицы, св. Девы, празднуемого (в тот день) святого, за церковь, за здоровье султана, господаря, нашего владыки и всех гостей, мы успокаивались, говоря про себя: «слава Богу! избавились». Но этот вельможа сверх обычных здравиц придумывал для нас новые, никому не известные, именно: он пил за здоровье каждого из нас отдельно и за смиренного, пишущего эти строки; потом, спросив об именах моих детей, Анании и Константина, пил и других заставлял пить за здоровье каждого из них, а равно и за здоровье наших семейных. Тогда мы говорили: «слава Богу! кончил, избавились». Но он вставал, брал чашу и спрашивал»: «знаете, за кого эта здравица?» — Нет, отвечали мы. «Это здравица за уполномоченных владыки патриарха при его престоле», и пил и других заставлял пить. «Избавились», говорили мы, но не успевали мигнуть глазом, как он опять поднимал чашу и говорил: «за здоровье архиереев Антиохийского престола, за здоровье его священников, за здоровье его дьяконов, за здоровье его старейшин, за здоровье всей его паствы». И никто не осмеливался не пить, а нам было бы совестно перед ним отказываться, потому что он наливал собственноручно. Мы были готовы лопнуть от чрезмерного питья. Таков у них обычай при угощении и таково их необычайное гостеприимство. Мы сочли, что за его столом выпивали по 70 — 80 чарок вина.

Глава XIV. Валахия. — Монастырь Хотерен. Заметка о монастырях Св. Горы. Проводник из евреев. Его рассказы.

Возвращаемся (к рассказу). В пятницу он проводил нас на далекое расстояние. Мы поехали назад и прибыли в монастырь, называемый Хотерен[747] , в честь Собора ангелов. Монахи в нем греки и приписан он к монастырю Дионисия на Св. Горе. Большая часть дороги, по которой мы ехали, вымощена камнем: говорят, что она существует с языческих времен. Монастырь невзрачен.

Заметка автора о числе монастырей Св. Горы и о них самих.

Число их — 24 значительных монастыря; из них четыре разрушены, и остается двадцать, как сообщили нам люди, достойные веры, из числа монахов и настоятелей Св. Горы. Первый — Лавра, т. е. Киновия... — она во имя Афанасия Афонского. Второй — Ватопедский, т.е. терновый куст (отрока), в честь Благовещения. Третий — Хилиандарий, т.е. значит, что на его месте было сто ульев пчел; он в честь Божественного Вознесения и находится в руках болгарских монахов. Четвертый монастырь — Иверский, т.е. монастырь грузин, ибо они построили его во времена греческих царей; он в честь Успения Владычицы: в нем икона Ее, известная под именем Вратарницы. Пятый — монастырь Дионисия, в честь Усекновения главы Иоанна Крестителя; в нем частица ее. Шестой — мон. Симонетра, (названный так) потому, что он построен на вершине острой скалы: говорят, что ветер сильно колеблет кельи; он в честь Божественного Вознесения. Седьмой — Дохиарий, (названный так) по имени строителя его; он в честь св. ангела Михаила, который совершил здесь великое чудо: один из монастырских отроков нашел клад и указал на него двум монахам; они же, привязав на шею отроку камни, лежавшие у отверстия клада, утопили его, а клад взяли; когда отрок воззвал к св. Михаилу, тот избавил его и привел в церковь, при чем с его платья стекала вода; этим он обличил тех двух монахов, которые, желая прежде присвоить деньги себе, отдали их теперь на монастырь. Восьмой монастырь — Курталмыш; при сооружении его царем Никифором, старший мастер, турок, окончив постройку, сказал: «слава Богу! курталмыш», т.е. окончен, и потому монастырь назван этим именем; он в честь Божественного Преображения. Девятый — монастырь Сфигмену, т. е. узкое место, в честь Божественного Вознесения. Десятый — Ксиропотаму, (названный так) потому, что находится вблизи высохшей реки; он во имя сорока мучеников. Одиннадцатый — Пантократор, т.е. Вседержитель. Двенадцатый — Ставроникита, т.е. значит, что он приписан к Константинопольской патриархии и есть ставропигий. Тринадцатый — мон. Филофея. Четырнадцатый — мон. Зографу, т.е. живописца; он во имя св. Георгия, потому что к ним прибыла из Палестины икона св. Георгия, о чем существует длинное повествование; он в руках болгарских монахов. Пятнадцатый — монастырь мученика Пантелеимона. Шестнадцатый — Кастамонит. Семнадцатый — мон. Протато, т.е. значит, что он древний, (ибо существует) со времен царя Константина, как мон. Ватопедский. Восемнадцатый — мон. Григория. Девятнадцатый — св. Павла, в руках болгарских монахов. Двадцатый — мон. Руссик, также в руках болгарских монахов.

Возвращаемся (к рассказу). Портарий (придверник), которого назначил господарь сопровождать нас, был прежде хахам (раввин) еврей, а во дни покойного Матвея воеводы, крестившись, сделался христианином. Он чрезвычайно набожен. Мы видели с его стороны деяния и поступки, слышали от него истории, остроумные рассказы и анекдоты, не поддающиеся описанию. К числу их принадлежит то, что он рассказал нам о своем

происхождении. Родина его отца — Алеппо; он еврей из семейства Абуд. Отец его переселился на жительство в Константинополь, и он приехал в эту страну торговать, пока Бог не наставил его на правый путь. Он говорил, что много состязается с евреями, и многих из них обратил в (христианскую) веру, чему мы и сами были свидетелями. Однажды прибыл в Тырговишт еврей-купец. Увидев его, мы сказали в шутку портарию: «можешь ли ты его обратить?» — Да, отвечал он. И не успели мы опомниться, как на другой же день он является с ним к нашему владыке патриарху. По его наставлению, тот поклонился владыке и, исповедуя своими устами (веру) с выражением раскаяния, сказал: «прошу твою святость окрестить меня; благодарю Бога, наставившего меня на правый путь чрез этого христианина», разумея Афанасия. Мы были очень удивлены; наш владыка патриарх послал его со мною к господарю, и дело было кончено: мы окрестили его, причем господарь оказал ему много милостей, зачислил в войско с содержанием и женил его.

Портарий говорил евреям: когда еврей входит в синагогу, одетый в муталлий, то, обращаясь лицом к востоку, кланяется и говорит из псалтиря прор. Давида так: «я вхожу в Твой дом», обращается к западу и говорит: «и поклоняюсь во святом храме Твоем», обращается к югу и говорит: «страхом Твоим, Господи», и к северу и говорит: «руководи меня к правде Твоей», а это есть точь-в-точь образ креста.

Еврейского мальчика, которого мы окрестили в Крайове, также обратил и наставлял он. Далее он рассказывал: «я спросил однажды некоторых евреев: вы говорите, что Христос придет из племени Давида; но ваши колена прекратились, скажите же, откуда он может прийти?» Он рассказывал также: «однажды евреи спросили меня относительно антидора: вы, христиане, говорите, что принимаемые каждым христианином Дары суть подлинно тело Христово; в церквах тысячи народу и (стало быть) все они вкушают тело Христово в отдельности? Я ответил им: тело Христово уподобляется зеркалу; если оно цело, человек видит в нем свой образ, и точно так же, если оно будет разбито на тысячу кусков, он все-таки может видеть свое изображение в каждом куске. Этим они были пристыжены». Вот ответ, заграждающий уста и весьма остроумный.

Он также сообщил нам, что у евреев написано: когда придет Христос, им будет дозволено есть свинину, и что он постоянно поддразнивал их, говоря им: «мы, христиане, едим свинину, ибо веруем, что Господь наш Иисус Христос есть Мессия, пришедший в мир, и что исполнились предсказания пророков; вы же не уверовали в его пришествие, а потому и мучайтесь по свинине».

Он говорил также: закон кашидьяри и его последователей по-еврейски именуется габель, т.е. ляш, суета. Буква га, как число означает 5, буква ба — 2, а лям — 30. Первое есть пять положенных молитв, второе — два годовые праздника, третье — месяц поста. Все это псевмата (ложь) и псевстис (лжец).

Он рассказывал о Ефраисе, которая у него находилась, что он взял ее насильно, и потому она дала ему отраву. Когда конец его был близок, она пошла и позвала антробито, говоря им: «идите, спешите застать его в живых, потому что он намерен оставить вам в наследство закон». Они поспешно пришли к нему, и он начал делать им знаки, известные евреям, коих я не в состоянии описать. Достаточно.

Он сказывал также, что числа в еврейском языке такие же, как в арабском, что, когда при встрече с другом приветствуют его словами: ас-саляму алейкум, то по-еврейски это будет: алейхум салям. И много подобного он рассказывал. Его беседа доставляла нам большое развлечение, ибо мы находили немалое удовольствие в разговорах с ним и в его приятном обществе.

[Во всех этих монастырях и церквах сатана и его черти изображаются в текущей

огненной реке, с обозначением над ними их имен. В монастыре Житьянь мы видели сатану нарисованным в образе черного пляшущего медведя.]

Глава XV. Валахия. — Форташ. Каракаль. Монастырь Садова. Монастырь Калуйу. Описание его. Сокровища монастырские. Монастырь Станещь. Усердие жителей к монастырям. Портреты строителей. Дальнейший путь и прибытие в Букарешт.

Возвращаемся к рассказу о нашей поездке. Выехав из монастыря Хотерен, мы ехали около часа и прибыли в селение, принадлежащее великому стольнику, называемое Форташ. Здесь у него великолепные палаты. В субботу утром нас пригласил отставной комис[748] в новую деревянную церковь, им построенную, имени монастыря в честь свв. Петра и Павла, находящегося поблизости. Наш учитель окропил ее святой водой, и мы возвратились. Под вечер мы поднялись и прибыли в большой базар, по имени Каракаль, с большим дворцом, построенным покойным Матвеем воеводой незадолго до смерти, с деревянной стеной кругом, обширным виноградником и каменной церковью при дворце, к которой от него есть проход. Мы отстояли в ней вечерню и утреню, а обедню в каменной же церкви, построенной великим стольником. После полудня мы выехали и вечером прибыли в одно селение, где и ночевали. Весь этот путь идет параллельно Дунаю, в расстоянии от него на 3—4 часа; посему он пограничный и на нем мало селений. Большая часть жителей этой местности — воины вараш, т.е. всадники, носят красную одежду и охраняют границу.

В понедельник в полдень мы приехали в большой, знаменитый монастырь в лесу, похожий на монастырь Стрехайе и называемый Садова, во имя св. Николая[749]. Отстроил его заново, с основания, покойный Матвей воевода. Он окружен стеной с бойницами и укреплениями. Церковь его величественна и похожа на церковь монастыря Буковец. Он потому (так укреплен), что близ него, в расстоянии 1 1/2 часа, находится Дунай, как мы выше упомянули, а от базара Крайова он отстоит на один день пути. Монастырь принадлежит ворнику Преда, о котором мы раньше говорили. [Мы отслужили здесь обедню 11 августа.]

В среду, рано поутру, мы переехали на судах реку Шиль и вечером прибыли в селение, пожертвованное патриарху Александрийскому со времен Радула воеводы, называемое Шафаржа (Жигарче?). Оно занимает красивое местоположение, заключает много земель и угодий и дает ежегодно 500 — 600 пиастров дохода. В нем постоянно проживает монах, уполномоченный от патриарха и сменяемый через каждые три года, т.е. аколум. Рано поутру мы прибыли в монастырь Житьянь, проехали чрез Крайову, следовали по очень трудным извилистым дорогам, чрез горы, долины и леса, и с большим трудом к вечеру прибыли в монастырь во имя св. Николая, называемый у них Калуйу[750], обширный и крепкий. Здания его построены немецкими мастерами. Кельи идут кругом и имеют галереи. Церковь очень красива. Над воротами — колокольня, чудесное, изящное сооружение, франкской постройки: подобной ей по красоте архитектуры мы еще не видывали. Монастырь лежит в долине, окруженный горами, и потому незаметен, как и дорога к нему; мы уже доехали до него, но увидали его лишь тогда, когда входили в его ворота. Монастырь этот знаменит в здешней стране. В праздник Успения Владычицы, рано поутру, мы совершили для монахов водосвятие и приложились к кисти правой руки св. Николая; она подлинно благословляет своими перстами: одни персты вытянуты прямо, а другие сложены, — о чудо! — как на руке у живого архиерея. Эта драгоценность обделана в

золото. Приложились к частице главы Иоанна Крестителя, драгоценному сокровищу, обделанному в золото, в форме солнца; приложились ко кресту, который весь осыпан драгоценными каменьями, зелеными изумрудами, числом одиннадцать, из коих наименьший стоит 150 динаров. Крест весь золотой, немецкой работы, а с обеих сторон упомянутые драгоценные камни; стоимость его 3000 динаров. Он достоин храниться в царской сокровищнице: подобного ему доселе мы не видали. У них есть вышитый епитрахиль, весь унизанный жемчугом и драгоценными каменьями, стоящий более 1000 динаров. Строители этого монастыря, сделавшие в него эти вклады и щедрые пожертвования, были значительные вельможи, кои имели под своею властью половину страны валахов; они именно возвели на престол в Бозе почившего знаменитого Михаила воеводу[751], а потом изменили ему и убили. Этот монастырь мы желали взять и приписать к Антиохийской патриархии, подобно тому как другие патриархи имеют монастыри и угодья, но не нашли никого, кого бы могли поставить игуменом над ним с несколькими монахами.

В воскресенье после обедни мы простились с монахами и под вечер, путешествуя опять по трудной дороге и снова переехав реку Ольт, прибыли в селение, принадлежащее строителям этого монастыря. В нем каменная церковь во имя св. Прокопия. В ней на следующий день мы отслужили обедню и затем отправились в другой, также им принадлежащий, монастырь в честь Успения Владычицы, который они называют Станещь[752]. Он отстоит от того монастыря на два часа пути и расположен в долине среди густых лесов. Своим строением походит на монастырь Калуйу, в особенности колокольней, которая как будто та же самая, ибо этот монастырь строили те же мастера, что и тот.

В этой стороне ревность к построению монастырей весьма велика; на них жертвуют значительные угодья: села, поместья, виноградники, сады, мельницы, рабов-цыган и пр. Каждый монастырь служит местом погребения его строителей, коих изображения пишутся над дверьми церкви изнутри, именно: справа от входа изображены, один за другим, сам строитель, его сыновья, отец и братья, а слева — жена его с дочерьми и жены прочих изображенных с ее мужем мужчин с их дочерьми. У головы написано имя каждого. В этом между ними существует чрезвычайное соревнование, ибо спустя много времени может случиться, что дети детей их придут, будут смотреть на их изображения и скажут: «вот портрет нашего отца, нашего деда, нашей матери и пр.» Над дверьми изображен Христос Спаситель, а они все с обеих сторон простирают к нему свои руки с открытыми дланями, говоря: «прими от нас, Господи Христе, эту святую церковь, которую мы воздвигли в прославление имени Твоего, и вознагради нас за труд наш Твоим небесным царствием».

Возвращаемся (к рассказу). В этом монастыре есть водопровод, но он разрушен, так как владетели этого монастыря, построив его, преклонили его[753] Никифору, патриарху Александрийскому; после же его смерти никто в нем подолгу не живал. Мы совершили поминовение по строителям монастыря и возвратились в селение.

Во вторник мы отправились в путь, переехали реку Ольт на судне и, выехав из епархии епископа Рымникского, вступили в епархию митрополита столицы. Мы ехали по дороге, идущей чрез горы и долины, весьма затруднительной вследствие малопроходимости ее для экипажей, и в полдень прибыли в монастырь в честь Троицы, называемый Драгошин (Дрегошаны?), по имени того, кто построил его в недавнее время близ реки Ольта. Он недалеко от монастыря Станещь, но так как к нему нет колесного пути, то нас везли весьма длинным кружным путем в течение половины дня. Церковь красива; подле нее желоб, проводящий воду, и большая колокольня.

Возвратившись отсюда, мы прибыли вечером в селение Банокиркиш, а рано утром проехали чрез базар Слатину, подле которого течет река Ольт, переезжаемая на судах, и прибыли в монастырь во имя св. Михаила, называемый Клокочов[754] . Он похож на монастырь, посещенный нами вчера; в нем также есть желоб, проводящий воду. Настоятель и монахи — греки из монастыря Курталмыш на Св. Горе, к коему он приписан строителем его.

В четверг поутру, выехав отсюда, мы направились в Букарешт, к которому приближались. Путь наш шел прямо на восток, но был затруднителен вследствие обилия лесов. В субботу мы прибыли в монастырь в честь Благовещения, называемый Главочок. Он принадлежит к числу сооружений одного из прежних господарей, по имени Янко воевода, сообща с Петром воеводой. Построен он 117 лет тому назад. Церковь в нем огромная, красивой архитектуры, древняя, с двумя куполами: один над нарфексом, другой над хоросом. Над четырьмя арками четыре столба, а на них утвержден купол. Мы не видывали в этой стране подобной ей церкви; она похожа на церковь Адэ в Триполийской области. Кельи все каменные. С южной стороны монастыря большое болотистое озеро, Монастырь лежит среди обширного леса, и путь к нему незаметен. Мы отслужили в нем обедню в воскресенье, при чем возложили на игумена палицу, а в заключение рукоположили иерея и диакона. После трапезы мы простились с монахами и прибыли в дом одного вельможи, а оттуда в селение, принадлежащее некоей госпоже и называемое Петрашти; из него в монастырь, по имени Камшура, т.е. «убогий дом», в честь Введения Владычицы во храм. Он находится на берегу реки Арджиш, которую мы переехали. Миновав другой монастырь, во имя св. Николая, под вечер прибыли в славный город Букарешт, столицу господарей издревле, и остановились в монастыре св. Георгия, известном под именем подворья Воскресения[755]; в нем игумен и монахи от патриарха Иерусалимского.

Глава XVI. Букарешт. — Дворец. Посещение монастырей. Отъезд. Описание мельницы. Монастырь Комана. Селение Койень и дворец великого постельника.

Город Букарешт весьма большой и, как говорят, за несколько времени перед этим имел около 6.000 домов. В нем сорок церквей и монастырей. Чрез него протекает известная река Дымбовица. Мы отправились в куртэ (дворец). Это — великолепное здание, окруженное деревянною стеной. Дворец прежде был старый, но покойный Матвей воевода сломал его и возвел вновь превосходные здания, удивляющие ум и веселящие душу: они лучше и более открыты, чем дворец в Тырговиште. Церковь его в честь Успения Владычицы. Мы совершили в ней водосвятие. Затем мы поехали на окраину города, к высокому месту, господствующему над окрестностями, где нынешний господарь начал строить большой монастырь с обширной, чудесной, великолепной церковью, похожей изнутри на церковь Арджиша; но она из кирпича. По окружности нарфекса двенадцать колонн, по числу апостолов; каждая колонна из одного куска. Церковь имеет четыре величественных купола и снаружи обширную галерею. Кровля крыта свинцом, который, как говорят, весит 40.000 ок. Мы совершили в ней водосвятие, и наш владыка освятил ее, по обыкновению, потому что она была еще не докончена. Монастырь — во имя свв. Константина, ангела господаря, и Елены.

Потом мы поехали в монастырь во имя св. Екатерины, где настоятель и монахи с Синая. Здесь мы совершили водосвятие и поехали в монастырь во имя св. Иоанна Крестителя, а затем в монастырь во имя сорока мучеников, называемый «монастырь сорока». Он приписал к монастырю Успения Владычицы в области Янины. Потом отправились в монастырь во имя апостолов Петра и Павла, принадлежащий к числу сооружений Матвея воеводы; он приписан к одному из монастырей Святой Горы. Затем поехали в малый монастырь во имя св. Саввы, который его строители с самого начала приписали к монастырю св. Саввы в Иерусалиме, и теперь игумен его назначается от Иерусалимского патриарха.

В субботу мы отправились в монастырь во имя св. Николая, принадлежащий к числу сооружений приснопамятного Михаила воеводы. Он расположен на окраине города и так же на высоком месте, большой и великолепный, с тремя куполами. Здесь мы отслужили обедню, и наш владыка рукоположил иерея. В воскресенье, поутру, мы совершили водосвятие в церкви монастыря св. Георгия. В понедельник, последний день августа, мы поехали в монастырь в честь св. Троицы, одно из сооружений приснопамятного Радула воеводы[756], который некогда властвовал над Молдавией и Валахией. Этот монастырь находится также на окраине города, на возвышенном месте, окружен рекой и стоячими водами, и нет к нему иного доступа, как только по деревянному мосту, так что если этот мост разрушить, то к монастырю совсем не будет доступа. Он привлекателен и господствует над окрестностями. Церковь его — обширная, душу веселящая, весьма светлая; очень изящно украшена и вся расписана. На южной ее стороне — гробницы господарей из белого мрамора, покрытые парчовыми покровами; они имеют форму купола, поддерживаемого четырьмя железными колоннами. На стене портреты господарей. Этот монастырь приписан к Иверскому, то есть грузинскому, монастырю Св. Горы. Настоятель и монахи в нем греки и меняются чрез каждые три года. За городом есть еще монастырь, одно из сооружений Матвея воеводы. В первый день греческого года, 1-го сентября, на

память св. Симеона Столпника Алеппского, когда начался 7166 год от сотворения мира, мы выехали рано поутру из Букарешта и в полдень прибыли в селение теперешнего господаря, где он прежде проживал архонтом[757] в отставке. Впоследствии он был сделан сердарем войска. Селение называется Добрень[758], то есть «хорошее». В нем есть обширный и удивительно красивый дворец с комнатами и куполами, расписанными изображениями святых, сражений и пр. Из него открывается вид на огромный сад, подобный франкским садам, симметрично разделенный на цветники рядами черепицы. За ним большой пруд, через который перекинут мост от одного края до другого, а посредине пруда изящная беседка. Близ дворца каменная весьма красивая церковь в честь Успения Владычицы.

На следующий день, по совершении водосвятия, мы поехали по трудной дороге чрез густой лес и болотистое озеро, которое тянулось недалеко от дороги почти до самой реки Арджиш. Здесь есть большая, превосходная, красивая мельница, принадлежащая господарю: подобной мы еще не видывали. Она имеет шесть колес снаружи и шесть жерновов. Каждый жернов окружен ящиком, наподобие виноградного пресса; падающая мука попадает в мешки, подвешенные к желобкам ящика, так что нет надобности сметать ее, ибо жернов находится высоко над полом мельницы. Мельница дает арендной платы ежегодно 1.000 пиастров абу-келъб[759] , кроме годового запаса муки для потребностей господаря. Всего удивительнее остроумное приспособление, имеющееся в этой мельнице, а именно: мука падает отдельно, а отруби отдельно.

Мы имели намерение попросить господаря подарить ее, в виде милости, Антиохийскому престолу, потому что доход ее получается наличными деньгами, и мы посылали бы ежегодно человека за получением тысячи пиастров, не делая (особых) расходов: это лучше нескольких монастырей, для которых требуется столько хлопот, нужны монахи и слуги. Но мельница эта впоследствии сгорела вместе с упомянутым селением и дворцом, как об этом будет рассказано.

Возвращаемся (к рассказу). Мы переехали упомянутую реку по мосту и прибыли в селение одного из великих вестиариев в отставке, называемое Градиште[760] . Он построил здесь недавно высокую, большую каменную церковь в честь Успения Владычицы.

На следующий день, рано поутру, простившись с ним, мы поехали по трудным дорогам и большому горному проходу в монастырь во имя св. Николая, называемый Комана[761] , одно из сооружений покойного Щербаня воеводы, отца нынешнего господаря. Это большой, крепко построенный монастырь, окруженный каменной стеной. На четырех его углах четыре башни с галереями на арках кругом, чтобы можно было полюбоваться видами и подышать воздухом. Одна из них похожа на одну из башен Троицкого монастыря в Московии. Над воротами колокольня. Больше всего мне понравилась зеленая, поросшая травой лужайка, которая занимает всю монастырскую площадку; на ней колодец с удивительно приятной водой, а кругом кельи. Монастырь расположен на острове, окруженный болотистыми озерами, стоячими водами и неописуемыми топями, и к нему совершенно нет пути: мы переехали к нему на судне. Близ него река Дунай. Утверждают, что если бы сам государь[762] пришел на него со своим войском, то не одолел бы его, и это справедливо, ибо он совершенно неприступен, находясь среди упомянутых озер, не замерзающих даже зимою, среди болот и топей.

Перед закатом солнца, выехав отсюда, мы поехали назад и прибыли при закате в селение великого постельника Константина, лежащее на высоком месте, с которого открывается вид на реку Арджиш; оно называется Койень[763] . В нем есть обширные палаты, ему принадлежащие, похожие на константинопольские дворцы. Удивительно,

что архитектура двух домов, стоящих друг против друга, ничем между собою не разнится; дома с куполами и окраска их подражает волнообразным полосам разноцветного мрамора. На верхушке каждого купола круг, точь-в-точь похожий на щит из порфира, а прочее иных цветов, похожих на цвета мрамора. Комнаты и окна дивят ум тонкостями искусства. В этом жилище есть благолепная церковь во имя св. Николая.

Глава XVII. Валахия. — Продолжение поездки по монастырям. Селение Верещь и дворец в нем. Фрундзенещь. Монастырь Тинган и другие. Возвращение в Тырговишт.

Мы отправились отсюда рано поутру, переехали упомянутую реку на судне и прибыли перед полуднем в селение, по имени Верещь[764]. Здесь есть дома и палаты, принадлежащие брату домны Матвея воеводы, которая построила их для него; это дворец, не имеющий подобного в мире, разве в землях франков, ибо она выписала ученых мастеров из страны мадьяр, а камень из Турции, и они построили все здание из тесаного камня снаружи и изнутри; даже все подвалы, пивницы внизу и коридоры — все из тесаного камня (и сработано) с тонким искусством, повергающим зрителя в изумление. Палаты — в три этажа, один над другим. Они способны изгнать тоску из страдающего сердца: покой в этих зданиях и их устройство я не в силах описать. Внутри пола в этих домах есть удивительные тайники для сокрытия сокровищ; вход в них находится среди плит пола. Все кровли крыты черепицей. Нам говорили, что таковы все постройки в стране мадьяр. Счастливы их обитатели и владельцы! Впрочем, местоположение этого селения очень нездорово; местность изобилует терновником и весьма опасна, особливо по причине близости своей к земле турок. Я желал бы, чтобы это здание находилось в местности монастыря Козия, в тех надежных горах, которые совершенно обеспечены от опасностей.

Возвращаемся (к рассказу). Мы выехали отсюда после полудня и под вечер прибыли в монастырь в месте, называемом Негоешть[765]. Он во имя св. Михаила и прочих бесплотных сил и построен покойной Еленой, домной Матвея воеводы. Весь он новой постройки и находится близ рек Арджиша и Дымбовицы, которые здесь сливаются. В субботу на заре мы выехали отсюда и в полдень прибыли в великолепный монастырь, во имя св. Меркурия мученика, в месте, называемом Платарещь[766]. Его построил вновь покойный Матвей воевода, как нам рассказывали, по следующему случаю: во время одной войны с Василием воеводой он здесь воззвал о помощи к этому святому, и тот, явившись ему во сне, ободрял и укреплял его. Встав поутру, Матвей воевода обратил неприятеля в позорное бегство и по сей причине соорудил этот монастырь. Все его монастыри построены одинаково.

Брат господаря пригласил нас в принадлежащее ему селение, которое находится на острове среди большого, бездонного болотистого озера, куда не было доступа и пути. Место это называется Фрундзенещь. С большими трудами владелец нарочно устроил для нас дорогу, чтобы нам проехать. Он строит себе здесь большой дворец. Совершив водосвятие, мы после трапезы поднялись, ехали около двух часов и прибыли в монастырь, также на острове находящийся, среди большого болотистого озера. Мы переправились к нему на лодке. Монастырь этот древний и называется Тинган[767]; он во имя св. старца Симеона. После водосвятия, поминовения по основателям и последовавшей затем трапезы, мы выехали отсюда, ехали быстро и без остановок до вечера и прибыли в монастырь св. Николая, называемый «Волны». Он лежит на берегу реки. Как должны быть довольны и счастливы его обитатели и соседи! ибо эта река точь-в-точь река в Алеппо: вода ее такая же сероватая и такая же вкусная, и точно так же густой ивняк растет по ее берегам. Здесь мы ночевали и рано поутру совершили водосвятие и поминовение по строителям монастыря с прочтением разрешительной молитвы. Выехав из него, поехали назад и прибыли в жилище и палаты его строителей, а отсюда проехали в большой монастырь, путь к которому идет тесниной. Его окружает огромное болотистое озеро, бездонное и

безбрежное. Монастырь во имя св. Димитрия и называется Кадручан (Калдурушан); известен в этой стране как один из больших монастырей и принадлежит также к числу сооруженных покойным Матвеем воеводой. Строение это величественное и новое с основания; церковь обширна и необыкновенно красива, кельи великолепны. Кругом монастыря огромное озеро, и за исключением единственной плохой дороги, другой к нему нет: нет никакого средства добраться до него (кроме как по ней). В этом монастыре покоятся мощи св. Митрофана, патриарха Александрийского; мы приложились к его светлому черепу.

Выехав рано поутру, прибыли в другой монастырь, последний из посещенных нами. Это древний монастырь в честь Введения Владычицы во храм и называется Синагого (Цнагог); он принадлежит к числу сооружений покойных воевод Мирчи, Радула, Бассарабы и Петра. В нем есть еще две церкви, по краям келий: в честь Благовещения и Успения Владычицы. Монастырь также лежит на острове среди большого болотистого озера, через которое ведет к нему длинный мост. Совершив в нем водосвятие и поминовение по строителям, мы выехали в четверг поутру, 10 сентября, ехали быстро и вечером прибыли в Тырговишт, из коего наше отсутствие продолжалось 82 дня.

Вот монастыри страны валашской, находящиеся в епархиях ее митрополита и епископа Рымникского. Что касается монастырей в епархии епископа Бузео и его округа, то мы туда не поехали. Бог да даст им процветание во веки веков! Аминь.

Книга XIV. Валахия.

Глава I. Тырговишт. — Заметка о погоде. Свадьба господаря.

В конце октября наступили большие холода, выпало много снегу, и стояли сильные морозы в продолжение десяти дней. Затем это прошло, и наступила вторая весна: солнце, тепло, цветы и свежая зелень, после того как (в конце лета) все было выжжено. Пастухи лошадей, вьючных животных и домашнего скота вернулись с ними на пастбища вторично, тогда как перед этим пригнали их домой. При первых холодах погибло множество овец, рогатого и прочего скота вследствие неожиданного наступления морозов. Мы стали было топить печи ночью и днем, а теперь наступили сильные жары.

Полезная заметка. Мы нашли у валахов хорошую примету, по которой они узнают, будет ли зима суровая, или мягкая, а именно: 18 ноября у них бывает память св. Платона, которому они празднуют весьма торжественно, со множеством приношений и обеден, и ждут этого дня от года до года: что будет в этот день, то и служит предзнаменованием и признаком верным и несомненным: если в этот день будет снег и холод, говорят, что в этом году холода будут чрезвычайные, а если дождь и солнце, говорят, что в этом году не будет сильных холодов, но мягкая погода.

Вплоть до 9-го декабря шли дожди и светило солнце, а затем начались холода и пошел снег.

Возвращаемся (к рассказу). 8-го ноября наш владыка патриарх обвенчал Константина воеводу с невольницей-черкешенкой, которую при крещении назвали Неделей, т. е. Кириаки (воскресенье). Венчание происходило внутри дворца на женской половине, наверху. Наш владыка был посаженным отцом, а митрополит совершил венчание, но благословлял их в положенное время наш владыка патриарх. Для них были сделаны два золотых венца, и когда они ходили в них кругом аналоя, на котором лежали икона, Евангелие и крест, на головы им бросали, по здешнему обычаю, орехи, конфеты, монеты бика и динары[768]. По совершении венчания, посадили их на двух тронах в царских одеждах; на домне были великолепные украшения: золотые цепочки, жемчуг, солнца из драгоценных каменьев и пр. Вошли с поздравлением бояре: сначала поздравили наш владыка патриарх и митрополит столицы, затем прочие присутствующие и мы с ними. Подходили (и поздравляли) также жены вельмож. Потом новобрачных повели во внутренние покои, а мы вышли и сели за великолепную трапезу, данную в этот день. Было выпито много кубков при пушечных выстрелах, по их обычаю, что продолжалось до вечера. Давала представление плясунья но канату, индианка, отличавшаяся дьявольской ловкостью, — такой мы еще не видывали: она ходила по канату на голове, вверх ногами; потом воткнула обнаженные мечи в круглую доску, взошла на нее и, став на голове, начала кружиться, — ибо доска была устроена так, что могла вертеться на железном стержне; несмотря на такое кружение, плясунья встала без вреда, так что мы были изумлены этой отчаянной ловкостью и прочими необычайными, дьявольскими штуками ее представления.

В день праздника св. Николая господарь отправился провести его в принадлежащий ему и выстроенный его предками монастырь, во имя этого святого, называемый Кобие, близ Тырговишта[769]. В праздник Рождества был совершен весь обряд, по обычаю, как бывает ежегодно; равным образом в день Богоявления.

Глава II. Тырговишт. — Низложение господаря Константина и причина этого. Прибытие аги казначейства и отправление дани в Константинополь. Непомерные требования великого визиря.

В этот вечер пришло из Константинополя известие, что господарь низложен — случай небывалый со времен Матвея воеводы. Это сделалось причиной разорения и разграбления страны валахов, ее обнищания, а вместе с тем причиною и наших злоключений. Дело было так. В прошлом году, когда его величество султан Мохаммед — да хранит его Бог! — и великий визирь Мехмед-паша, известный под именем Кёпрюли, родом арнаут, вели войну с франкскими кораблями в проливе Белого моря (Архипелага), то упомянутый визирь послал требовать от господарей Молдавии и Валахии по тысяче кошельков с каждого, что составляет 500.000 пиастров, говоря им, чтобы они, всякий раз когда государь идет на войну, присылали ему подношение, подарок. Сверх того он потребовал от каждого по 5000 овец и по 300 лошадей для воинской службы. Услышав это, они встревожились и, по взаимному соглашению и с совета всех (знатных) жителей страны, собранных во дворце, послали по этому делу прошение его величеству султану, и он — да хранит его Бог! — принял их извинение и выбранил визиря, крича на него и говоря: «мы еще не избавились от войны с франками, а ты хочешь навлечь на нас новую войну». Визирь испугался и больше ничего не требовал от господарей. Каждому из них пришлось истратить втайне[770] до 5.000 пиастров, чтобы дело так устроилось и их прошение попало в руки государя. Они думали, что этот визирь так же быстро сойдет со сцены, как и другие, — бедные! они не знали, что он пробудет визирем целых пять лет, как мы об этом скажем. Визирь до времени затаил в душе злобу и отмстил господарям и стране их, как мы это подробно расскажем теперь, если Богу будет угодно.

Затем к ним прибыл ага казначейства, который ежегодно является за получением казны; при нем бывает 70 — 80 человек. Ему назначают содержание, как определено у них в книгах по закону, — ибо здесь не делают ничего иначе как по закону, — и, обыкновенно, он остается у них дней двадцать или больше. Эта казна, составляющая харач[771], собирается со всех вельмож страны, значительных людей и капитанов, соразмерно с их владениями и десятинным сбором, а простой народ ничего не платит, за исключением (арендующих) государственные земли, кои вносят и харач, и (арендные) деньги. Когда подать собрана, посылают за агой карету, обитую дорогим красным сукном и запряженную четырьмя лошадьми одной масти, и при этом лошадь юрга (иноходца); а в карету кладут девять кошельков, т. е. 4.500 пиастров, кусок тонкого сукна и атласа; это — подношение аге. Чиновникам же его и людям подносят один кошелек в 500 реалов и каждому по куску сукна, смотря по степени, от тонкого до грубого. Все это им раздает господарь, при чем существует такой обычай, что ничего не прибавляют и ничего не убавляют. Господарь, обыкновенно, несколько раз посещает агу. Рано утром его пригласили во дворец. Он собрался и, сев в экипаж, прибыл со всеми своими людьми во дворец. Здесь он поместился с господарем на возвышенном месте, выходящем на дворцовую площадку, чтобы видеть собственными глазами, как будут укладывать казну. Возчики привели девять крытых арб; каждая арба в 8, 10 или 12 лошадей. Музыканты начали играть на барабанах, флейтах и трубах. Толпа народа глазела. Подвели первую арбу, на которой стоял железный сундук, и солдаты начали таскать на плечах мешки из комнаты камараша, т.е. казначея, каждый по два мешка, и великий вестиарий[772] шел впереди них, поднимался на арбу и укладывал

мешки рядами в упомянутый сундук. В один сундук он положил 33 мешка, а в остальные по 32. Поверх мешков он клал рядами наилучшие сукна и атлас, пока не наполнялся сундук, и тогда запирал и запечатывал его своей печатью. Эту арбу отвозили и подводили другую, и так до последней. Сукно и атлас предназначались для подарков на месте[773]. Все это делалось по установленным правилам и по расписанию. Великий вестиарий, обыкновенно, отправляется с казной и сам сдает ее султану. Эта подать исключительно назначена на содержание янычар в Константинополе и получается ими за два дня до праздника Рамазана. На арбах не было ничего кроме упомянутых нами сундуков, но есть обыкновение отдавать (остающееся свободное место) внаймы купцам, которые нагружают его товаром, сколько можно свезти, ибо в этом случае никто не может воспрепятствовать им при переправе чрез Дунай, ни где-либо в ином месте. Из этого извлекают пользу возчики. Мы отправили в Константинополь много вещей со священником Саввой, игуменом монастыря Белеменд. О, если бы Бог — да будет прославлено имя Его! — не довел его благополучно до места! так как после стольких оказанных ему милостей за эти пять лет до дня разлуки, когда мы подарили ему сто пиастров на дорогу, он, однако, оказался сыном прелюбодеяния[774]. Да отплатит ему Бог и да будет Он судьей между нами и им!

Обыкновенно, когда казна приходит в Рущук, вестиарий отправляется с агой в судебную палату и там передает ему казну с законным документом, дабы, если окажется убыль из нее в Турции, был бы ответствен за это ага. Таков обычай.

Возвращаемся (к рассказу). Они отправились, и господарь с отрядом войска поехал провожать агу на далекое расстояние с барабанным боем и флейтами, после чего вернулся. В это время визирь находился при защите пролива Белого моря, и они поехали к нему туда. Визирь разгневался на упомянутого вестиария и прочих людей господаря, грозил им, по злобе, которую таил в сердце своем, и стал требовать от них овец, которых требовал раньше. Они послали донесение об этом господарю, и последний собрал вельмож своей страны и спрашивал их совета. После долгих споров, решили послать визирю стоимость овец, двадцать кошельков. Получив их, визирь потребовал еще лошадей, — и все это только для того, чтобы иметь случай к ним придраться. Поневоле они и на это согласились и собрали с отставных архонтов[775] 300 голов лошадей, которых и отправили визирю.

Тогда визирь послал в Константинополь сказать его величеству султану: «встань и отправляйся в Адрианополь и оставайся там, пока я не приду к тебе; тогда я наполню твой мешок и все твои сосуды золотом и пиастрами». Султан отправился и прибыл в Адрианополь, где и остался.

Как скоро это дошло до наших неудачников, т. е. господарей и краля мадьярского, они сильно перепугались. Визирь же приехал в Адрианополь и присоединился к государю, и они, согласившись, послали требовать от господарей по 1500 кошельков с каждого и столько же от краля мадьярского, — это было лишь предлогом, ибо визирь хорошо знал, что они не дадут и пяти кошельков, не желая вводить нового обычая, — если же не захотят дать, то пусть явятся к султану облобызать его руку, по обычаю прежних господарей. Как мы сказали раньше, эти два господаря достигли престола силою своего меча и чрез свои богатства и не являлись в Константинополь: как же возможно было им теперь чувствовать себя настолько в безопасности, чтобы отправиться, по желанию визиря, в Адрианополь, и как им было не бояться вероломства турок? Все эти требования от них имели целью найти предлог к их низложению, чего именно и желал визирь достигнуть каким бы то ни было способом, лишь бы им отомстить.

Между тем визирь отправил в страну мадьяр капиджи с хатти-шерифом к вельможам той страны и к саксам, кои суть главари страны и держат в своих руках семь

больших крепостей, твердыни страны мадьярской, как мы сказали раньше[776]. Содержание хатти-шерифа было следующее: если они желают покоя и мира и не хотят, чтобы турки пошли на них войной, то прежде всего должны низложить своего краля Ракочи и поставить другого, кого хотят; во-вторых, они должны отдать туркам две крепости, находящиеся в теснине близ города Буды, дабы турки держали в своей власти путь для похода сухим путем на Зару и Венецию; в противном же случае они навлекут на себя тяжкую войну. Тогда все вельможи составили сфат[777], т.е. совет и диван и, согласившись, низложили упомянутого краля и поставили на его место другого, по совету турок. Но он не смог долго удержаться, ибо прежний краль пошел на него войной и, прогнав его, сел, вопреки всем, на его место.

Когда дошло это до визиря, он сильно разгневался и сначала послал низложить Константина, господаря Валахии, — как мы уже сказали, известие о его низложении пришло в канун Богоявления — и отдал господарство одному человеку из царского дома, по имени Михня, т. е. Михаил, сыну Радула воеводы[778]. Удостоверившись в этом, жители сильно встревожились, а господарь пришел в ярость. Стало известно за верное, что визирь послал хатти-шериф к хану и татарам, повелевая им идти войной на Молдавию и Валахию. Тогда господарь немедленно разослал каларашей дать знать по всей стране, чтобы люди поднимались, очищали (свои жилища) и уходили в горы от татар. Так и было: вся страна пришла в волнение по этой причине, и селения опустели. Бедные жители! (они должны были бежать) в такой сильный голод и снег. Их положение было достойно слез и рыданий.

Глава III. Тырговишт. — Приближение турок и нового господаря. Тревога и бегство жителей. Приготовления к войне.

Все вельможи страны, с общего совета, решили послать прошение визирю, умоляя его простить их, не вводить у них нового обычая и не требовать у них того, что свыше сил их, (обещая) не выходить из повиновения узаконениям прежних султанов, полученным от них в виде стольких указов и хатти-шерифов. Но и эти речи не принесли им пользы: визирь упорно стоял на своем и посылал к ним одного капиджи за другим, чтобы знать, как обстоит у них дело. Бывало, когда капиджи являлся в диван, вельможи, в отсутствие господаря, обступив его, упрашивали ходатайствовать за них, дабы не смещали их воеводу, потому что вся страна им довольна; и даже на улицах простолюдины кричали и вопили ему в лицо, что не желают никого кроме него, — так подучил людей господарь. Но и эти речи пользы им не принесли. Наконец, поняв, что все это ни к чему не ведет, порешили не уступать и вести войну с турками, и тогда господарь начал набирать людей за жалованье: невыносимы сделались валахам притеснения турок и нарушения ими древних установлений, ибо, всякий раз как назначается новый визирь, он требует от них сверх положенного по закону, и таким образом вводится у них новый порядок. Господарь освободил всех жителей страны от поголовной подати, которую они, обыкновенно, платят ежемесячно, при чем с бедных взимается не более трех динаров в год, а с состоятельных не более шести, — освободил с условием, чтобы они готовились идти с ним в поход, когда он того потребует. Народ стремился к нему толпами; он раздавал им знамена и значки [для их капитанов и полковников, и все государственные сановники занимались записыванием их имен и числа. Митрополит города с утра до ночи оставался в церкви, приводя их к присяге на святом Евангелии и Кресте, что они не изменят своему воеводе, но будут все единодушно стоять за его дело. После того как они дали эту клятву, им были розданы ружья, (прочее) оружие и припасы. Было набрано более 10.000 солдат на жалованье. Также был произведен новый набор драбантов и сейменов, которые прежде подпали гневу господаря[779]*, и продолжалось это до тех пор, пока не было принято полное число. Когда их сосчитали, то оказалось, как сообщили нам достоверные люди, что число их достигает 110.000. Краль мадьярский прислал господарю на помощь много войска и свои пушки, потому что все, постигшее господаря, случилось из-за, него. Господарь послал также просить помощи у Хмеля и казаков и в настоящее время ожидал ее. Затем послал капитанов на дунайскую границу для ее охраны.*

Получилось несомненное известие, что Кадыри-ага, который впоследствии был пашой в Дамаске, уже прибыл в Рушук в качестве сеймен чауша, т.е. аги для возведения на трон нового господаря, и прислал к господарю своих людей сказать ему, чтобы он уходил немедля, так как (иначе) новый господарь опасается вступить (в столицу). Господарь растерялся, и вся страна встревожилась; однако, не обнаруживая вражды и ненависти к противной стороне, они стали затягивать дело, посылая просьбы с обещанием кошельков, к султану, визирю, паше Силистрийскому Фазли-паше, женатому на дочери султана Ибрагима, а равно и к вышеупомянутому аге, ибо здесь очень боятся войны с турками, зная, что она бесконечна, как это им известно по примерам бывшего ранее похода турок на Багдад, который продолжался 18 лет, причем турки не прекращали войны, пока не взяли этот город, и равным образом теперешнего морского похода на Крит, продолжающегося 13 лет. Распространилась большая тревога, и сильный страх напал на всех жителей страны: положение многих стало трудным, в особенности, по причине сильных холодов, снегов и

стужи, — бедные! куда им было бежать? Между тем турки переправлялись днем на этот берег Дуная, а ночью, под влиянием сильного страха, возвращались назад, и обе стороны готовились начать войну. Жители бежали на вершины гор; особливо же купцы и вельможи страны убегали в горные округа Кымполунга и монастырей Арджиш и Козия, находящиеся близ мадьярских гор. Большинство горных жителей этой местности занимается перевозкой на арбах, и когда случится тревога в стране, они тотчас являются в столицу и нанимаются перевозить вещи, кои потом складывают на хранение в известные им и купцам безопасные места. Берут они очень высокую плату, по пословице: «несчастие одного народа приносит пользу другому». Что касается нас, то мы оставались в Тырговиште до конца января.

Глава IV. Валахия. — Отъезд патриарха в Кымполунг. Вступление татар и турок в Валахию. Нерешительность господаря Константина. Он покидает Тырговишт. Занятие и сожжение Тырговишта татарами. Монастырь Сталия. Отступление господаря в Венгрию.

В начале февраля мы простились с господарем и переехали в Кымполунг, заранее отослав туда весь свой багаж и вещи, а также и съестные припасы, ибо все беглецы, куда бы они ни направлялись и ни бежали, брали с собою как съестные припасы, так и ячменя для своих лошадей. Мы остановились в знаменитом монастыре Кымполунга[780].

В это время распространилась весть о появлении в Браилове татар под начальством двух султанов. Прежде всего, обе стороны захватывают друг у друга языка, т.е. одни у других захватывают человека с целью узнать о числе неприятелей. Первоначально говорили, что татар 60.000, но, по словам большинства, их было 16.000. Они двинулись на страну и заняли ее, убеждая тех, которые бежали перед ними, безбоязненно оставаться в своих жилищах, ибо они подданные, покорные велениям своего государя. Однако, это была хитрость и обман: татары, при вступлении в неприятельскую страну, обыкновенно, не грабят и не берут в плен, а только захватывают лошадей и берут для себя припасы. Турки двинулись под начальством Фазли-паши, переправились чрез Дунай и пришли в Журжево, город страны валахов. Господарь же начал делать окопы на дороги в Кымполунг, с тем чтобы, в случае если постигнет его несчастие и он будет разбит, бежать туда и укрепиться там, а оттуда бежать в Венгрию. Домну вместе с женами вельмож и все свои богатства и сокровища, лошадей и все тяжести он отправил в селение, лежащее выше Кымполунга, на дороге в Венгрию, называемое Рукар[781]. Там она остановилась. Намеревался он и нас отправить вместе с нею, но мы не пожелали по той причине, что место, где будет находиться домна, станет целью, местом опасным, куда будут направлены все взоры, привлекаемые тем, что при ней было. Господарь решил не покидать Тырговишта, но сразиться здесь с неприятелем, — то было решение злополучное. Получив известие о приближении турок к Букарешту, он приказал войскам, там находившимся, сжечь весь город и дворец; при сем сгорели монастыри и церковь. И это было решение злополучное. Он думал, что когда придет новый господарь, то не найдет столицы, где бы мог поселиться и куда бы явились толпы народа из областей и войско для признания его и изъявления ему покорности. Причиной такого решения было сильное опасение, как бы народ не изменил ему, что потом и случилось. Затем он переменил решение и пошел назад в Букарешт, чтобы сразиться здесь с турками. Подойдя к хелештеу (пруду), им устроенному, он сел обедать. Тут пришла весть, что спатарь[782], которого он послал сражаться с турками в Букарешт, бежал и вернулся без битвы, потому что капитаны отказались сражаться. Потом получилось еще известие, что сеймены и драбанты, бежавшие от господаря в Турцию[783], идут впереди татар со стороны Бузео по горам, что близ Тырговишта, по дороге к монастырю Маржинень[784], второму монастырю постельника, и к его селению и что они спешат к Тырговишту с целью, спустившись (с гор), напасть на господаря с тыла, в то время как турки нападут спереди. Это было Божьим попущением. Тогда господарь вернулся в Тырговишт и устроил снаружи его окопы, чтобы укрепиться здесь, но потом, по причинам, одному Богу известным, и попущением Божиим на него и его страну, он, не

давши сражения, ушел в окопы, называемые на их языке шанцами, которые он устроил на пути в Кымполунг, и здесь остановился, оставив в Тырговиште спатаря с более чем 12.000 солдат. Это было в воскресенье Сыропуста. Смотри же, какое опять случилось злополучие! Господарь дал солдатам дозволение разграбить все, что оставалось в Тырговиште съестных припасов, вина и других напитков, чтобы ничего не осталось неприятелям, но в то время как они были заняты грабежом и пьянствовали, вдруг явилось около 300 татар, которые опередили главное войско, чтобы разведать о положении Константина. Они напали на валахов, которые при этом совершенно растерялись, и спатарь бежал со своим войском от татар, кои не переставали его преследовать до того места, где были шанцы господаря; еще немного, — и они бы захватили спатаря живым и взяли бы упомянутое укрепление, если бы сеймены не отстояли его, открыв ружейный огонь. Дивно определение Божие! Те, кого они боялись, то есть татары, сами боялись валахов, считая хитростью с их стороны, что они бежали от них и очистили страну, дабы, когда татары проникнут внутрь ее, возвратившись, напасть на них спереди и сзади. Однако валахи в самом деле бежали от татар, несмотря на свою многочисленность. Татары возвратились в Тырговишт, перебив всех пехотинцев, которых встретили на дороге и в городе; большинство их были пьяны и несли на спине награбленные вещи. Татары всех их перебили, в числе около 1.300, разграбили город и зажгли. В нем еще оставалась большая часть жителей, запершись в домах, ибо никто не думал, что Константин бежит, — напротив, полагали, что он будет победителем. Татары захватили здесь множество пленных. Когда известие об этом дошло до паши, начальствовавшего турками, он поспешил прибыть туда вместе с новым господарем.

Пожар начался в городе накануне великого поста. Монастырь Сталия упорно оборонялся, потому что в нем находилось несколько казаков с женами; они вступили в бой и до наступления ночи убили немало турок и татар, но видя, что неприятели подожгли монастырь, все, кто мог, бежали от пожара, под покровом ночи, в горы, где и рассеялись. Неприятели вошли в монастырь и избили более ста человек монахов, стариков, бедных и беспомощных, которые были не в силах убежать; кроме того, множество народа захватили в плен. Церковь была загромождена сундуками и вещами жителей; ее подожгли, и она обгорела вся изнутри и снаружи, стены и крыша; при этом — о горе! — сгорел и великолепный иконостас. У нас, в верхних монастырских тайниках, что под нашими кельями, сгорели два сундука с оловянными крандилями, наполненными миром, которое мы сварили в Молдавии, некоторое количество ртути и большие часы с боем, кое-какое платье и утварь, — чего мы не были в состоянии увезти, — все погорело вместе с вещами, которые были оставлены другими. Татары разрыли могилы и обнажили покойников, сожгли митрополию и ее церковь вместе с дворцовою, открыли гробницу Матвея воеводы, который завещал похоронить его в описанном нами монастыре Арнота, но Константин воевода этого не пожелал; разрыли могилы его жены и сына и домны Константина, обнажили их, взяв одежды, а их бросили и разбили их надгробные камни. Такие же неописуемые злодейства они совершили в городе. Пожар продолжался, пока не сгорела большая часть города.

Тогда татары поспешили в горы, чтобы захватить тех жителей, которые бежали, и много народа забрали в плен, особливо в цветущих округах на известной реке Яломице, которая течет выше Тырговишта до города Флоч, что близ Дуная. Эти города и селения подобны раю и, по изобилию садов и всяких земных благ, походят на плодородную долину Дамаска. Татары вконец разорили их, ибо жители считали себя в безопасности и тем более были в этом уверены, что татары вначале говорили им: «не бойтесь! вы подданные

султана, вам нечего опасаться».

Паша вместе с господарем вступил в Тырговишт во вторник (первой недели) поста. Говорят, что за неимением припасов они, то есть новый господарь и его войско, питались одним мясом, потому что не было хлеба, ни людей, (которые бы приготовляли его). Потом они вернулись в Букарешт; а Тырговишт и стены его — все вместе — паша приказал зажечь в отместку Константину за то, что он сжег древнюю столицу Букарешт. Что же касается господаря Константина, то он испугался и ушел из шанца, где был его лагерь, потому что его враги, служившие проводниками татарам, повели их к горным вершинам, чтобы, спустившись оттуда, занять дорогу у него в тылу, ибо дорога от Тырговишта до Рукара представляет узкий горный проход, идущий до самой страны мадьярской. И так, Константин ушел и прибыл к мосту, называемому Соколи, на знаменитой реке Дымбовице, текущей из Венгрии к Рукару, где находилась домна. Когда он вступил на дорогу, ведущую к Рукару, — дорогу, которая представляет собою очень трудный путь между двух гор, где может проходить только один всадник, то лишь с большими усилиями и затруднениями могли протащить пушки на колесах. Господарь пробыл в Рукаре несколько дней, устроив вне его другой шанец из деревьев, пока отправлял домну со всеми женами вельмож в страну венгров, а вслед за ними и сам отправился внутрь Венгрии, согласно приказанию краля. Они прибыли в принадлежащую кралю крепость Фогараш, что за городом Брашовым (Кронштатом), и здесь поселились со всеми своими людьми. Положение господаря было весьма позорное и постыдное — да не даст Бог насладиться ему миром за содеянное им! Краль сильно гневался на него за то, что он убежал, не сразившись. [Потом он купил для него замок, по соседству с страною немцев, за 20.000 динаров, и туда господарь отправился на житье. Однако краль, до тех пор пока не обобрал у него и его спутников всех лошадей, оружие, деньги и все имущество, которое было получено им в наследство от Стефана воеводы, не давал покоя ни ему, ни им, говоря: «все, что случилось с нами или случится, — все должно быть приписано вашему пребыванию среди нас».

Между тем татары приблизились к Кымполунгу, но потом удалились, производя грабежи, пожары и захватывая пленников. Большая часть войска ушла от Константина, пока он был в Рукаре, и рассеялась, а многих он взял с собою против их желания, но все они теперь раскаивались, ибо их отправление оттуда было для них горестным и бедственным, как мы поясним потом].

Глава V. Валахия. — Патриарх скрывает свое имущество в горных тайниках и уезжает далее в горы. Положение беглецов. Горцы. Мнение великого ворника.

Что касается нас, (то вот что с нами было). У епископа, живущего в монастыре, были люди, назначенные для наблюдения издали за дорогами, и они, узнав об этих происшествиях, дали весть. Мы уже раньше отправили в горы все свои вещи чрез этого епископа, который каждой партии из богобоязненных крестьян, живущих в тех горах, вручал один, два или три тюка за плату, чтобы их сберечь, скрыв в пещерах и тайниках, им известных, на вершинах гор. Как нам рассказывали, у них есть пропасти, наподобие бездонных колодцев, а в средине их род пещер: туда спускают на веревках тюк и с ним человека, чтобы спрятать тюк в пещеру. Каждое семейство и род имеют подобный тайник, неизвестный другим. За каждый тюк они получают по валашскому динару, то есть 1 1/2 пиастр-реала; тюк не должен быть велик, иначе не пройдет в отверстие тайника. Принимая вещи с ручательством и под свой надзор, они возвращают их в том виде, как приняли. Теперь мы были спокойны, потому что при себе оставили лишь немного денег на расходы, одежду и постели, а все, даже ящик с облачениями и с митрой, отправили. То же сделал епископ с монастырскими вещами и купцы, которые бежали вместе с нами.

Убедившись в верности известия о бегстве Константина из шанца, что на дороге в Кымполунг, мы поспешили выехать в воскресенье Сыропуста, рано поутру, и вечером прибыли в селение, по имени Корби Пиетра, то есть «каменный ворон», потому что тут есть огромная каменная гора, поднимающаяся стеной с восточной стороны. Внутри ее выдолблена древняя, маленькая, прекрасная церковь. Говорят, что она была заделана, но что ее отыскал один святой отшельник, по явленному ему откровению, пришел туда и открыл ее. В церкви доселе целы древние изображения. В ней совершают обедни. В селении большая река. В то время, когда мы здесь находились, прибыл к нам митрополит столицы, который также бежал. Во вторник, рано поутру, мы выехали отсюда и поднялись на высокую гору не без большого труда. На ней лежит древний, малый монастырь, называемый Гарадас. В нем мы остановились. При этом все остававшиеся у нас вещи, кладь и постели мы поручили крестьянам этого монастыря, так же чрез его настоятеля: так нам посоветовали, чтобы быть совсем налегке, готовыми к дальнейшему бегству, — Бог да избавит нас от нечаянного нападения! Мы отдали им также карету, и ее спрятали в лесу, дабы, если случится то, что может случиться, не напали на ее след и не узнали, что мы здесь были. Наши лошади оставались под седлом ночью и днем, и мы были готовы бежать на горные вершины, ибо опасались нечаянного нападения татар, особливо ввиду нашего громкого имени. Нам приготовили скрытое, недоступное место в лесу, неизвестное никому, кроме крестьян, чтобы, в случае тревоги, нам убежать туда одним. Мы и все беглецы испытывали большие бедствия и находились в сильном страхе: несмотря на обилие снега и сильную стужу и холод, никто не осмеливался зажечь огня, даже те, которые бежали вглубь лесов, — как они говорили, по той причине, что татары, заметив издали огонь, могут к нему направиться. Каково было положение этих несчастных и бедных людей, которые не имели с собой даже собак, из опасения, что они будут лаять! От страха мы не спали по ночам. Вся страна, до горных вершин, была потрясена. Когда татары дошли до Кымполунга, Творец — да будет прославлено имя Его! — поистине, помрачил их очи, так

что они вернулись назад.

Упомянутый монастырь находится на самом краю гор, соседних с Венгрией, и за ним нет обитаемых мест, ни дорог. Близ монастыря есть еще селение, по имени Никшура[785] , т.е. «деревня орехов», ибо здесь много ореховых деревьев. Селение лежит на вершине горы, и потому от него открывается вид на всю низменную часть Валахии, быть может, до самого Дуная. Здесь находилась большая часть жен вельмож этой страны. Да помилует Бог того, кто построил его, на самом высоком месте! ибо для нас оно было благодеянием, потому что мы имели кров, хотя помещались тесно, в маленькой келье, тогда как все прочие, не исключая и вельмож, оставались под открытым небом. Хвала Богу за все эти события и ужасы, коих мы были свидетелями до сих пор! ибо нам выпало на долю посетить и этот монастырь и узреть эти благословенные горы и земли. Как счастливы их обитатели, что живут в спокойствии и безопасности! Но так как у них нет равнин, где бы им можно было сеять хлеб, то они отправляются на своих арбах, нагруженных фруктами, которые растут у них в этих горах, ежегодно, в известное время, в низменные округа, близкие к Дунаю, и обменивают фрукты на зерновой хлеб для своего годового запаса.

[Заметка составителя этих записок. — Однажды я был в доме великого ворника этой страны, и он попросил меня сообщить ему кое-что о моей родной стране. Я исполнил его просьбу и сказал ему, что строения там каменные и есть укрепленные замки и что поэтому нам неизвестны ни страх (нападения), ни пожары, ни что-либо иное подобное. На это он отвечал: «ты сказал правду; но, тем не менее, мы благодарим всемогущего Бога, что не имеем в своей стране замков. Вместо замков и крепостей мы имеем эти горы и леса, против которых бессильны все враги. Если бы было иначе, если бы мы имели в своей стране замки, турки давно бы вытеснили нас отсюда». Без сомнения, именно по этой причине турки никогда не были в состоянии овладеть Валахией или утвердиться в ней, и, говоря это, ворник, конечно, был прав.

Глава VI. Валахия — Новый господарь и Букарешт. Его первые действия. Архидиакон на разведках. Постепенное возвращение жителей. Обмен письмами между патриархом и господарем. Набожность господаря. Возвращение патриарха в Букарешт.

Возвращаемся к рассказу о делах Константина. — Удаляясь в Венгрию, он, как мы уже упомянули, взял с собою внутрь этой страны большую часть бояр и сановников государства и значительную часть своего войска, несмотря на их неохоту и нерасположение; впоследствии они тайно, глухими дорогами, бежали от него, и при этом мадьяры многих из них перебили].

Михня воевода, новый господарь, поселился в Букареште в монастыре своего отца, т.е. в Троицком, и стал укреплять его, строя кругом него деревянную двойную стену, промежуток которой засыпали землей, — стал укреплять, чтобы в нем утвердиться. Жители и войска начали сходиться к нему и признавали его власть, представляя в свое оправдание, что все случившееся произошло против их желания, из боязни их пред Константином. Господарь простил их. Потом он отпустил Фазли-пашу, а по его отъезде, дал сеймен-чаушу за услугу более сорока кошельков, а капиджи-баши более двадцати и отпустил их. Затем по всем областям разослал послания, возвещая жителям безопасность и спокойствие и приглашая беглецов вернуться в свои жилища.

До нас постоянно доходили известия об этих происшествиях. Я, нижайший, ездил верхом, вместе с некоторыми из бывших с нами купцов, собирать вести в Нукушоре и Корби Пиетра; мы дошли даже до Кымполунга, после чего вернулись. Когда получились здесь послания нового господаря (с обещанием) безопасности и спокойствия, все ободрились, а когда убедились в справедливости этих известий и в том, что татары ушли с пленниками, которых, как говорят, было до 70 — 80 тысяч, а по другим, около 150.000, — многих из них выкупил новый господарь, а туркам он не дозволил взять ни одного пленника, кроме разве захваченных ими тайком, — тогда мы, вместе с другими беглецами, в понедельник третьей недели поста, возвратились в Кымполунг и остановились в монастыре. Большую же часть своих вещей мы оставили у крестьян и только около Пасхи взяли их обратно. Нам пришлось сделать немало расходов и трат, с включением платы за провоз, потому что во все это время мы ели и пили из собственного кошелька. Мы возносили к Богу хвалы и благодарения за то, что не увлеклись легкомысленно (предложением) ехать с домной Константина в Венгрию, ибо оттуда были бы не в состоянии выбраться: многие купцы и иные бежали с Константином в Брашов (Кронштат), и саксы не пустили их назад в Валахию, — вероломство и гнусность с их стороны! [Жестоко раскаивались те, которые не оставили своего имущества в Валахии.] Под конец, с великим трудом и большими потерями, им удались уйти оттуда. Было так же милостью Божией, что мы не отослали на хранение в Брашов часть своих вещей, как сделали это другие, ибо они испытали большие неприятности, когда добывали их оттуда обратно. Бедные (православные) жители Брашова и всей страны венгерской, как мы узнали, горели желанием, чтобы наш владыка патриарх к ним приехал, но это был вопрос трудноразрешимый. Все эти жители — земледельцы, православные; у них два епископа, подчиненные митрополиту Валахии, и, как мы сказали выше, более 1500 священников.

Затем новый господарь послал к венграм и их кралю (требование, подкрепленное) сильными угрозами, чтобы они отпустили бояр, которых взял с собою насильно

Константин вместе с их женами, а равно и всем бежавшим с ним валахам дозволили возвратиться домой, — ибо мадьяры заперли для них пути в теснинах и не пускали их: как мы уже говорили, все дороги, ведущие в землю мадьяр суть узкие теснины, над коими высятся крепости и башни, заграждающие вход и выход. Услышав угрозы господаря, мадьяры стали отпускать валахов маленькими партиями. [Сколько раз я, отправляясь в Рукар, видал целые толпы ратников и других беглецов, спасшихся из Венгрии глухими тропинками, причем между ними и мадьярскими солдатами завязывался жестокий бой!] Все возвращавшиеся выражали покорность новому господарю, который принимал их наилучшим образом и восстановлял в прежних степенях. [Господарь удержал при себе три или четыре конных татарских отряда и теперь послал их держать стражу в Рукаре по двум причинам: во-первых, чтобы мадьяр держать в страхе, а во-вторых, чтобы не было измены со стороны валашской стражи, которая, пожалуй, позволит Константину спуститься из Венгрии в Валахию и попытаться нечаянно захватить его, господаря, — ибо о таких намерениях ходила молва.] Тогда я сел на коня и отправился с несколькими люди в Тырговишт, видел убитых, рассеянных по дорогам, — несчастные! Потом, по приказанию господаря, выкопали для них огромную яму и зарыли в ней, насыпав большой холм, дабы он служил для вечного воспоминания. Мы плакали при виде того, что случилось с Тырговиштом, в каком он был положении: в нем не нашлось нам места для ночлега, кроме монастырского и других подвалов, а что касается строений, возвышавшихся над землею, то и следы их стерлись. То было, несомненно, гневом Божиим.

Наш владыка патриарх послал новому господарю поздравительное письмо, которое тот принял наилучшим образом и прислал ответ, коего содержание было то, что он, господарь, жаждет видеть его святость, имев к тому постоянное желание, но просит его оставаться на месте, в монастыре Кымполунга, пока он не отделается от турок и не настанет спокойное время, чтобы с ним свидеться.

Обрати внимание на события, случившиеся в то время, когда мы находились в этой стране: происшествие с Василием, господарем молдавским, и его низложение, а впоследствии и низложение Стефана; затем, кончина Матвея воеводы, низложение в настоящее время Константина и воцарение нового господаря, каковое событие было последним.

Возвращаемся (к рассказу). [У жителей Кымполунга существует обычай в праздник Вербного воскресенья совершать крестный ход вокруг города; то же делают они в праздник Благовещения, в Великий четверг, в воскресенье, понедельник и вторник Светлой недели; все они собираются толпою в монастырь, где совершается молебен с водосвятием, после чего расходятся по домам. В первый из упомянутых дней наш владыка патриарх не служил обедни; но в Светлое воскресенье он, по обычаю, совершил пред обедней крестный ход[786]. При этом случае нам сообщили о новом господаре, что в Вербное воскресенье он, с великим тщанием и благоговением, в точности исполнил все обряды, наблюдаемые при этом торжестве в Москве, и что к этому подвигли его великая вера, любовь к порядку и религиозное рвение. Более 25 лет прожил он в султанском дворце, среди турок, и однако никто не мог склонить его к отступлению от веры. Обыкновенно, в начале каждого месяца, — так рассказывали нам — приглашал он к себе священника, чтобы тот совершил для него водосвятие, выслушал его исповедь и причастил его святых таин. Кроме того, он постоянно ходил по церквам и никогда не нарушал заведенного порядка молитвы, ни утром, ни вечером. И таким образом, путем долгой привычки, он сделался строгим ревнителем веры, и поэтому он не был дружелюбно настроен к наводнившим страну врагам веры. И хотя Вербное воскресенье совпало с таким трудным временем, господарь, сознавая, сколь

пристойно, что царь московский принимает участие в торжестве этого дня, сам исполнил то же самое, хотя до него ни один господарь этого не делал. Итак, он собрал все христианское войско и, надев богатейшее платье, вышел с большою свитой. Митрополит этого города ехал на муле, в полном облачении, с евангелием и крестом в правой руке, а господарь вел мула под уздцы; с правой и с левой стороны, впереди господаря, выступали его служители, ведшие его верховых лошадей, а позади него следовали государственные сановники, ведшие каждый свою лошадь. И в таком порядке шествовали они, не обращая внимания на проливной дождь и глубокую грязь, пока не обошли вокруг всего города Букарешта; и тогда возвратились в монастырь, и здесь митрополит докончил обедню.

В праздник св. Георгия, по ежегодному обыкновению, в Кымполунге был крестный ход; наш владыка патриарх отправился вместе с жителями на окраину города в старинную церковь во имя св. Георгия, где совершил для них водосвятие, после чего возвратились к обедне.

Теперь мы стали собираться в дорогу, чтобы присоединиться к господарю, и чрез два дня выехали из Кымполунга и прибыли в Питешти, а 28 апреля приехали в Букарешт и поместились в монастыре св. Саввы.]

Глава VII. Букарешт. — Свидание патриарха с господарем. Крестные ходы. Коронация. Освящение церкви.

После Пасхи, по приглашению, присланному нашему владыке патриарху господарем, мы отправились к нему и имели с ним свидание, при чем поднесли ему подарки: [московскую икону, большую лампаду, зеркало и некоторые редкости, еще уцелевшие у нас.] Господарь назначил нам содержание. Его беседа и вопросы были все глубокомысленны, от божественного писания, о предметах веры. Имея величайшее желание видаться с нашим владыкой патриархом и беседовать с ним во всякое время, он перевел его из монастыря св. Саввы и поместил в своем монастыре. Это была милость Божия, ибо мы помещались в церкви монастырской, так как после пожара, здесь бывшего, ничего не уцелело кроме церквей, кои устроены со сводами и из камня; в них и помещались жители. Нам рассказывали о делах возмутительных, совершавшихся в них, ибо татары и турки, грабя и захватывая в плен, вторгались в самые алтари и совершали гнусности, попущением Господа, глаголющего, что когда Он гневается на народ, то не щадит и самых домов поклонения[787]*.*

В четвертый четверток после Пасхи, по повелению господаря, мы облачились и вместе с ним вышли за город торжественным крестным ходом, с зажженными свечами, по обычаю, ибо он совершал крестные ходы неупустительно каждый четверг. То же мы сделали в пятый и шестой четверток после Пасхи. Каждый четверг направлялись в какую-нибудь иную часть города, где было открытое пространство. На пути туда певчие пели молебен. Прибыв на место, составляли широкий круг, внутри коего ставилось два кресла: одно для господаря, другое для нашего учителя. Затем расстилали посредине ковер для нашего владыки, и он становился на ковер и читал особые молитвы о ниспослании дождя и обильной жатвы, после чего возвращались назад. Впереди господаря выступали служители или телохранители, числом 12: шестеро справа и шестеро слева; шестеро из них были турки, в шитых золотом тюрбанах, шестеро — валахи, в красных бархатных шапках со шнурами. Путь свой туда и обратно господарь совершал пешком, имея по правую руку нашего учителя; шествуя рядом, они вели между собою беседу. Когда ход шел назад, певцы пели пасхальные стихиры, пока мы не доходили до монастырской церкви, и в ней служили обедню.

В четверг Вознесения мы служили обедню по приглашению господаря, причем праздник справлялся с большою торжественностью. В следующее воскресенье мы снова служили обедню, и на этот раз в присутствии великого посла от краля польского, ехавшего к султану в Адрианополь. Он внимал службе с самым живым благоговением, и у нас с ним установились вполне дружеские отношения.

В Троицын день совершилось величайшее торжество, и была такая радость, какая редко бывала раньше; ибо господарь просил нашего владыку патриарха короновать его в этот день царским венцом, согласно чину, изложенному в великом царском Евхологии, и с обычным положенным для государей благословением. Итак, мы приступили к приготовлениям. Явился чухадар[788] *и разостлал по церкви ковры, от трона господарева до царских врат; после того как наш владыка патриарх с местным митрополитом облачились, явился постельник с камарашем*[789]*, и, испросив разрешения, они вошли (в алтарь) и положили на престоле корону особенной формы, которая была сделана для господаря в Константинополе, длинную и высокую, напоминавшую головной убор селевкийцев(?). Тулья ее была расшита золотым позументом и украшена султаном из*

больших великолепных перьев, наподобие цветущей ветви, из хрусталя и разного рода драгоценных каменьев. Господарь купил ее недавно за 2 000 динаров. Еще они поместили на престоле расшитый пояс и перевязь, а также позолоченную булаву.

Когда господарь вошел (в церковь) к Трисвятому, я вышел из алтаря, сопровождаемый митрополичьим архидиаконом, оба мы с трикириями, и став перед седалищем, или троном господаря, мы поклонились ему. Тогда подошли к господарю великий бан и великий логофет, взяли его под руки и, сведя вниз, шествовали с ним шаг за шагом, а мы шли впереди них; и я, сначала обратившись в сторону нашего владыки патриарха, возгласил: «повели!» затем мой товарищ произнес: «повелите!» а я повторил: «повели, владыко Святый!» уже в близком расстоянии от царских врат, из которых вышли два архиерея и, взяв господаря под руки, ввели его в алтарь. Здесь они велели ему сделать три земных поклона перед св. престолом, и когда он, с непокрытой головой, преклонил колена, я же возгласил: «вонмем», наш учитель возложил конец своего омофора на голову господаря, говоря: «божественная благодать, во всякое время исцеляющая недужных и несовершенных довершающая, возводит христолюбивого князя Михаила, сына Радула воеводы (господарь просил нашего владыку переменить его имя «Михня» на «Михаил»), на степень государя; помолимся ныне о нем, да снизойдет на него благодать Всесвятого Духа»; и мы троекратно воскликнули: «Господи, помилуй!» Затем владыка поднял его и, с помощью архиереев, сначала надел на него пояс, затем возложил перевязь и, наконец, препоясал его мечом. После этого он облачил господаря в царскую одежду, а именно в мантию, или парчовую одежду, отделанную собольим мехом; а вместо собольей шапки, какую носили прежние господари, владыка возложил на него сейчас описанную стамбульскую корону и укрепил на ней султан. Возлагая на господаря отдельные части одеяния, он каждый раз произносил: «облачаем раба Божьего... в то-то» и т. д.; и мы отвечали троекратным «аксиос!» Затем наш владыка благословил его и поцеловал; и оба архиерея взяли и передали его двум сановникам, стоявшим у дверей алтаря, и они возвели его на трон. Тогда наш учитель, выйдя из алтаря, принес господарю поздравление, благословил его и высказал ему молитвенные благожелания; за ним последовали архиереи, затем двенадцать первых сановников[790], священники, монахи и диаконы, а за ними остальные государственные сановники, пока все это не кончилось. Обедня завершилась рукоположением иерея. Стечение народа по случаю торжества было громадное. Господарь выписал себе из Константинополя огромный шатер, стоивший 20 кошельков, очень красивый, с тремя золотыми цепями; помимо этого он уже имел у себя два шатра. Все эти шатры он поставил рядом и обнес их стеною наподобие городской. Местность эта представляла открытое поле у ворот монастыря, окаймленное рекою, — которую господарь сделал широкою и многоводною, запрудив ручей, текущий во рвах, опоясывающих монастырские стены с третьей стороны, и прорыв для него более короткое русло, так что с каждой стороны поля были каналы с проточной водою. Само поле представляло приятное разнообразие песков и зелени; вокруг большого шатра господарь, по турецкому обычаю, поставил около семидесяти новых палаток для своей свиты, в том числе для вельмож и для служителей; ибо он получил указ от визиря и султана, повелевавший ему готовиться к походу вместе с ними на венгров. Как скоро церковь, по окончании обедни, опустела, мы все вместе отправились к этому месту. Все войска, разных чинов и степеней, были выстроены в боевом порядке, под ружьем: одни из них шли впереди господаря от церкви до выхода из монастыря, другие стояли строем вдоль его пути и охраняли шатер.

В этот день приехал еще посол венгерский, привезший пушки, которые Константин воевода захватил с собою, спасаясь бегством в землю мадьяр; ибо господарь послал

потребовать их назад, как собственность и боевое снаряжение княжества; и венгры, побуждаемые страхом, возвратили их немедленно. Когда мы пришли к шатру, и господарь занял свое место впереди, начала входить вся свита, чтобы вторично принести поздравления; и тут войска открыли пальбу из пушек, сделав три залпа. Пушек было числом пятьдесят три; ибо паша оставил господарю, для его защиты и охраны, все свои пушки; в числе их было три железных, каждая с семью жерлами. Все войска троекратно дали залп из ружей; и от грохота содрогнулась земля, воздух потемнел от дыма, так что ни видеть друг друга, ни слышать мы не могли. В этот день стола не накрывали до полудня. Много дивились мы, замечая способности этого господаря, ибо он беседовал без помощи толмача с польским и венгерским послами, с каждым на его языке; валашским языком он владел как своим родным языком, а кроме того, он говорил по-гречески, по-турецки и по-персидски.

Теперь господарь приступил к завершению постройки находящегося в этом городе монастыря Константина воеводы, которая еще не была окончена, — и поручил великому постельнику заготовить все потребное для освящения. О том же просил господарь и нашего учителя. Приготовившись к торжеству, мы прибыли в монастырь в воскресенье Всех Святых и облачились. Явился господарь в парадном одеянии. По прибытии его, начали литию и перенесение святых мощей из нижней церкви, в ковчежце, который нес на голове наш владыка патриарх, а за ним шествовал господарь; и в таком порядке мы возвратились к новой церкви и, обойдя сначала вокруг, вошли в нее и довершили обычный ход службы освящения. Когда наступило время освящать престол, принесли изображения четырех евангелистов, нарисованные на четырех листах бумаги; под каждым из этих изображений, на каждом из углов престола, положили некоторое количество смеси мастики с воском и мрамором, растопленной в тазу; господарь собственноручно приклеивал бумагу и накладывал на нее динар (червонец); он сделал это на всех четырех углах, Динары передавал ему протопоп. Первая монета случайно оказалась египетской; господарь с презрением отбросил ее в сторону и, выбранив казначея, приказал вместо нее подать другую, которая оказалась венгерской, следовательно, христианской.

Когда наш владыка патриарх вышел наружу, чтобы помазать миром стены церковные и столбы, господарь следовал за ним, держа в руке кисть с длинной ручкой, и шествуя следом за нашим учителем, рисовал растопленной смесью красивой формы кресты. Мы были поражены его ловкостью и сноровкою; казалось, что в свою жизнь он присутствовал при освящении тысячи церквей: так хорошо он знал и понимал предписания богослужебных правил и столь основательно был знаком с церковными книгами и законами.

Когда мы вышли от обедни, господарь расположился в палатке, за церковью, между тем как приближенные пили опьяняющие и сладкие напитки; затем мы возвратились на пиршество в палату.

Господарь не разлучался с нашим владыкою патриархом ни утром, ни вечером, и по большей части и обедал с ним и ужинал, предлагая ему вопросы и вступая с ним в прения, помимо множества других предметов, по вопросам, касающимся веры.

Глава VIII. Букарешт. — Приготовления к войне с венграми. Затруднительное положение патриарха. Архидиакон Павел отвозит кладь в Галац.

На праздник апостолов (Петра и Павла) мы служили обедню с тою же торжественностью, как и раньше; господарь причащался святых таин, так как получил повеление принять участие в походе против венгров, предпринимаемом ханом татарским, визирем, силистрийским пашою Кадыри-пашою (он же и сеймен-чауш) и господарем молдавским Гикою воеводою; ибо после бегства Константина визирь низложил и Стефана, господаря молдавского, а на его место возвел этого Гику, который состоял капу-киайей[791] Стефана в Константинополе. Господарь этот привел с собою полчище казаков, принявших участие в походе из ненависти к венграм, вызванной их действиями во время вторжения в землю ляхов, о чем мы уже говорили. Все эти движения были следствием дошедших до господаря (валашского) вестей, что Константин, не удовлетворенный тем, что удалось ему бегством спасти жизнь свою, в настоящее время собирает войска — и уже собрал более 10.000 человек! — и помышляет двинуться с ними в землю валашскую и опустошить ее всю, начиная с округа Кымполунга и далее, и причинить ей непоправимое зло. Тогда господарь сообщил это известие, как вполне подтвердившееся, визирю, вследствие чего тот сел на коня и двинул свои войска в поход против низложенного господаря и венгров; сначала из города Адрианополя визирь передвинул свои войска к Софии, а оттуда к Белграду, где и расположился лагерем. По рассказам, войско его состояло из 80.000 человек. Силистрийский паша с войсками, стоявшими в Добрудже и состоявшими преимущественно из татар, переправился через Дунай и вступил в землю валашскую, лежавшую на пути их похода. Прибыв в город, называемый Гергица, паша оставался здесь более сорока дней, пока для него со всей страны собирали запасы мяса, масла, сухарей, ячменя и т. п. Никому из своих ратников не позволял он обижать или притеснять кого-либо; тем не менее и господарь, и местные вельможи после стали сожалеть, (что вызвали) поход турок на Венгрию. Валахи, правда, не любят венгров, которые их заклятые враги; но они вовсе не желали, чтобы турки имели стоянки в их стране, опасаясь, что турки превратят Валахию и Молдавию в пашалыки и осуществят таким образом свое давнишнее намерение. Итак, валахи начали посылать прошения султану, умоляя его положить конец этой войне, дабы прохождением войск страна их не была разорена и доведена до крайнего оскудения запасов и гибели всей жатвы. Венгры также неоднократно посылали посольства, прося мира; но турки отвергли их просьбы, ибо саксы, властители семи крепостей (Седмиградии), восстали против ненавистного им краля и, не будучи в состоянии одними своими силами одолеть его, сильно желали прибытия турок, чтобы, соединившись с ними, избрать нового краля и изгнать прежнего. Вот что случилось потом. Визирь двинулся тогда из Белграда; передовые отряды его сделали нападение на венгров, чтобы вытеснить их из окрестностей Бодома (Буды), но не могли одолеть их. Вследствие этих движений вся страна валашская пришла в сильное смятение; к довершению смуты распространился слух о скором прибытии татар под предводительством хана, путь коих лежал через Валахию. Венгры укрепили всю пограничную линию и напрягли все силы, готовясь встретить войну.

Все это случилось к нашему злополучию. Константин воевода не заплатил нам сполна за соболей, которых мы привезли с собою из Москвы и отдали ему, и оставался должен нам девять кошельков реалов, кои он все время обещал нам уплатить. К тому времени, когда он

принужден был бегством спасаться из страны, долг еще не был уплачен, ибо он водил нас от одного дня до другого, от одного раза до другого, пока не постигло его то, что случилось: он был крайне скуп и не совсем честен. После окончательного удаления и бегства его из княжества, мы очутились бы в самом беспомощном положении, если бы уплату всех долгов, сделанных Константином, не взял на себя новый господарь, согласно установившемуся среди господарей обычаю, у которых сделалось правилом, чтобы всякий, преемлющий это звание, платил долги, оставшиеся неуплаченными после его предшественника. Согласно с этим обычаем, господарь дал от себя обещание нашему владыке патриарху и просил его молиться Всемогущему, дабы Господу угодно было направлять его разум, и не было ни войны, ни смуты, могущих задержать уплату. Итак, мы пребывали в тревожном ожидании; озабочивало нас также другое обстоятельство. Дело в том, что Константин и все вельможи государства валашского не разрешали нам оставить их землю в то время, желая, чтобы мы подождали, пока ход дел и обстоятельства изменятся, главным образом из-за силистрийского паши, которым был тогда Мелик-Ахмед-паша. Всемогущему Богу угодно было, чтобы паша этот был смещен; место его занял Фазли-паша, но вскоре был казнен визирем за то, что отказался выступить в поход против Константина, обещавшего ему огромную сумму денег, и за то, что по своему произволу поощрял одного и отстранял других. Затем визирь предоставил пашалык Кадыри-паше, как мы уже упоминали. — Неизменным намерением этого злополучного господаря было заплатить нам долг и, удовлетворив все наши нужды в пределах желаемого нами, ускорить наше дальнейшее путешествие; но обстоятельства не благоприятствовали его намерениям, и он был приведен в весьма стесненное положение, с одной стороны, неотступными и настоятельными требованиями дани со стороны турок, с другой — скудостью доходов вследствие разорения и опустошения страны. Мы сокрушались о нем и страдали в душе за него, особенно когда на наших глазах днем и ночью являлись к нему от визиря капиджи, понуждая его собираться в предстоящий поход. Ехали ли они в назначенное место, или возвращались обратно, они всегда заезжали на пути к господарю, иной раз направляясь от визиря к силистрийскому паше, иной раз от последнего к господарю молдавскому и хану татарскому с поручением торопить их к войне и поскорее поднять их в поход.

Большая часть населения Валахии опять оставила свои жилища и удалилась на вершины гор или в средину болот или больших озер по берегам Дуная, который пополняет убыль в них воды. Они переплывали на лодках и жили на островах, лежащих на средине их, боясь татар, истинной язвы этой страны. Затруднение наше вследствие этих событий было велико, и мы видели себя окончательно разоренными. Мы опасались за нашу личную безопасность здесь, но не могли найти никакого убежища, никакого средства избавления, кроме как оставить Валахию, чтобы спасти по крайней мере жизнь, если уже принуждены бросить свое имущество; ибо положение этой страны, опутанной беспрерывными войнами, погружалось все глубже в бездну смуты. Наши опасения главным образом основывались на рассказах сведущих людей, что города венгров — неприступные крепости, и что страна их представляет непрерывный ряд недоступных местностей. Итак, если бы турки и татары оказались не в силах быстро покорить их страну, то на зиму расположились бы там и в Валахии, и таким образом пресекалась последняя наша слабая надежда; и мы рассудили так: «доверить жизнь нашу и имущество случайностям судьбы лучше, чем подвергать наши сердца мучительным испытаниям зимнего бегства и бедствиям, сопряженным с перетаскиванием клади с горы на гору и с одного места на другое». Итак, мы порешили отослать сначала всю свою тяжелую кладь и пожитки

вообще в Галац, а отсюда переправить их потом на судах, с кем-нибудь из наших спутников, по Черному морю в Синоп, чтобы избавить себя от связанных с ними хлопот и затруднений, и чтобы самим нам было возможно укрыться до тех пор пока наступит время, благоприятное для устроения наших дел. К этой цели и была направлена наша деятельность. Однако на первых порах мы не могли раздобыть подвод для перевозки наших вещей, ни за деньги, ни понуждением; ибо когда господарь в пятницу 18 (9-го?) июля неожиданно уехал в табор, то есть лагерь, все купцы пришли в смятение, и невозможно было ни за какие деньги получить подводы для кого бы то ни было, так как подводчики, избегая принудительной службы — перевозки господарева обоза, — скрывались и прятались; теми же подводами, кои были собственностью господаря, он намеревался сам воспользоваться для того, чтобы увезти жену свою и детей. Итак, мы были повержены в смущение и замешательство, не могли найти никакого исхода, и положение наше вследствие этого было крайне бедственное. Букарешт был покинут жителями, и мы оставались одни. Все заботы наши были поглощены нашею кладью; не было никого, кто подрядился бы довезти нас до Галаца или дал бы нам какой совет в этом деле: столь напуганы были здесь приближением татар, путь которых лежал в этом направлении и с которыми мы — избави нас Бог! — могли на дороге встретиться. И это было действительно вполне основательное опасение. Вследствие тревог своих и беспокойства и постоянного лая собак, мы не могли спать по ночам. Наконец Господу было угодно облегчить нас, вложив в мысли господаря поручить нас покровительству своего уполномоченного, великого ворника, который отыскал нам две подводы, и мы, несмотря на противодействие хозяев их, нагрузили их. Мы нашли нескольких спутников, спасавшихся бегством по тому же направлению; и я, смиренный, пишущий эти строки, был отправлен вместе с ними из Букарешта во вторник 13 июля, после полудня. Мы ехали по безлюдным, далеким от проезжих дорог пустыням, по наводящим тоску заброшенным полям, так что поседели от страха. Кроме Всемогущего Бога и Его провидения не у кого было нам найти поддержки в продолжение нашего путешествия. Что касается татар, то мы решили, если они встретятся с нами, заявить им, что господарь посылает две подводы с подарками к хану; ибо случайно господарь назначил сопровождать нас одного служителя, нарочно определенного для передачи известий татарам и от них. Другой план, который мы составили себе, состоял в том, чтобы в случае, если мы будем стеснены или обеспокоены, держать наш путь к берегам Дуная, отклонившись или к пристани Флоч или к Корнистало (Корнизель?) насупротив Силистрии, или к Браилову. По милости Божией, неделю спустя мы переправились через реку Сереть, служащую границею, и достигли Галаца, находясь все время нашего путешествия в сильнейшем страхе, но — хвала и благодарение Господу! — мы не имели ни одной неприятной для нас встречи, и чрезвычайно обрадовались своему прибытию туда. Мы нашли здесь одно судно из Трапезунта, нагруженное зерном и нанятое для перевозки его в то место; мы вошли в соглашение с капитаном и, наняв судно, уложили свои пожитки в каюту. Мы оставили наших спутников на судне с запасом провизии; и с благословения Всевышнего, они подняли паруса.

Глава IX. Валахия. — Возвращение архидиакона из Галаца и новая его поездка для собирания долгов. Свидание его с господарем у Плоешти. Препирательство с вестиарием. Заговор вестиария. Умерщвление его и некоторых других бояр. Возвращение архидиакона в Букарешт. Отъезд патриарха в Галац. Слободзея.

Затем я нанял несколько человек, вооруженных ружьями, и, закупив съестных припасов на дорогу, тронулся в обратный путь. Все наши друзья весьма беспокоились за нашу безопасность; и нам самим опасения внушали главным образом турки, которые подвигались на соединение с пашою, ибо они грабили и убивали всех, кого только могли захватить на своем пути. Но больше всего нагоняло на нас страх поголовное выселение всего населения страны на пути нашего похода: от Галаца до Букарешта мы не встретили не только ни одного человека, но даже собаки или другого животного. На дороге мы наткнулись на несколько мертвых тел. Кроме всемогущего Господа в нашем странствовании мы не имели других спутников, и пока продолжалось оно, глаза наши постоянно озирали небосклон; и ночью мы могли спать только на открытых полях, вдали от дорог, из опасения, что враги проследят наши шаги и мы будем захвачены и умерщвлены. Букарешта мы достигли в субботу накануне поста Владычицы (Успенского), в последний день месяца июля, приблизительно через сорок дней (?), с сердцем, истерзанным постоянными тревогами, потеряв лошадей наших, коих мы загнали до изнеможения почти безостановочной ездой, продолжавшейся и днем и ночью. И хвала Господу, что нам хватило съестных припасов! Иначе нам пришлось бы погибнуть от голода, так как пополнить их мы не имели возможности. Нашего владыку патриарха в Букареште мы не застали, ибо он, ввиду постоянных тревог и опасений, царивших в городе, и полного оставления его жителями, покинул город и удалился в Питешти, которое он избрал своим местопребыванием, и здесь я присоединился к нему. Он был очень обрадован, что мы возвратились невредимыми, в чем все уже отчаялись: и действительно, мы избежали гибели только по милости Божией, благодаря святым молитвам и предстательству нашего владыки.

Потом я, в сопровождении отряда вооруженных служителей на конях, снарядился в путь, чтобы покончить с нашими делами и посетить все места, где мы имели деньги на хранении или долги за кем-либо, где мы брали, давали или меняли деньги у жителей. По причине теперешних смут, жители рассеялись по горам, и я начал разъезжать повсюду, разыскивая их. Но сначала заехал в Тырговишт и имел свидание с господарем в лагере у Плоешти. В этот день, в то время, когда я находился на пути к господарю, я видел прохождение хана с татарами в сопровождении Гики, господаря молдавского, и казаков. Господарь поднес хану много подарков. Во время моего представления господарю в этот день, я передал ему письмо от нашего владыки патриарха. Прочитав его, он позвал ворника и сказал: «Рассмотри, где надо получать деньги, принадлежащие патриарху; сведи с архидиаконом различные счета, по которым числятся долги ему, чтобы вы могли произвести уплату». Здесь было одно лицо, которое было должно нам сумму в 500 реалов. Это был гюмрюкчи, или сборщик пошлин; он разорился, и Константин воевода хотел его повесить, как недобросовестного. Явился к нам этот человек со своими друзьями и долго умолял нас; и когда они представили залог, мы одолжили им два кошелька. Один кошелек

мы получили обратно; но после того гюмрюкчи умер, оставив дочь и зятя. Они оспаривали наш иск, перенесенный на рассмотрение великого вестиария, который скорее держал их руку; и я вступил с ним из-за этого дела в сильные препирательства. Он постоянно твердил мне следующее: «Давайте, я напишу вам счет, дабы вы могли пойти и получить ваш долг с друзей и компаньонов покойного, так как они обязались и поручились за уплату этих денег». Я же возражал: «Нет, я хочу получить деньги только с наследника покойного; а пусть он взыскивает и улаживает дело с компаньонами». Между тем как мы таким образом спорили и препирались друг с другом, все вельможи приняли мою сторону и оказывали мне, сколько могли, поддержку против вестиария, который был большим тираном; именно, он коварно вел происки против Константина воеводы, когда последний послал его отвезти дань к визирю в Дарданеллы (как мы уже об этом раньше упоминали), несмотря на то, что сам Константин и возвел его на это место и в это звание. В своей беспредельной гордыне он теперь восстал и против этого господаря и сговорился с несколькими сановниками идти — и они действительно пошли — и принести Кадыри-паше такого рода жалобу на господаря: «Господарь замышляет измену против султана и вошел в соглашение с венграми, с коими он и поддерживал до последнего времени письменные сношения». Теперь это была правда; ибо господарь, рассердившись на визиря, который постоянно осаждал его непрестанными посланиями с требованием присылки ему кошельков денег, овец, лошадей и т. п., пока наконец не взвалил на него Бог весть какие издержки и жалованье турецкими солдатам, и который не давал ему ни минуты отдыха с тех пор, как послал его принять это достоинство, — господарь, негодуя на такое грубое обращение, заключил незадолго до того договор с кралем и венграми и условился с ними напасть на турок и татар с тылу и всех их перебить: так что втайне он был в союзе с венграми, хотя наружно являл себя их врагом. Прослышав об этом, паша вознегодовал на господаря и решил послать об этом уведомление к визирю. Господарь, чрезвычайно встревоженный, поспешил к паше и взяткою в 60 кошельков — так рассказывал мне один из его придворных — склонил пашу простить его и устроить примирение его с доносчиками. Но свою ненависть ко всем им господарь затаил в душе и скрывал вплоть до того времени, когда вышли препирательства у меня с вестиарием, и все очевидцы удивлялись, что я осмеливаюсь спорить с ним, ибо никто не был в силах бороться с ним, и даже господарь, к еще большей досаде своей, боялся его; ибо визирь был задушевным другом вестиария и условился с ним, чтобы тот наблюдал за господарем и постоянно писал ему отчеты о всех его действиях. Услышав о нашем споре, господарь прислал за вестиарием, чтобы тот пришел к нему в комнату, в его шатер, и между ними начался разговор. Вдруг, совсем неожиданно, явился отряд вооруженных татар, вышедших из маленькой двери позади шатра, и, поместившись рядом с комнатою, где разговаривал господарь с вестиарием, они стали настороже. В эту минуту один из моих друзей, которому известны были тайны господаря, приблизился ко мне и знаками дал мне понять: «выйди вон, ибо эти ратники призваны господарем, чтобы немедленно предать казни вестиария; не тревожься!» Еще не успел я выйти за наружную дверь, как поднялся крик, а за ним последовала страшная суматоха; татары, вытащив вестиария из комнаты господаря, изрубили его в куски. Присутствовавшие были охвачены паникой и, бросившись бежать, падали друг на друга. — Да вознаградит Господь любезного друга, который своим предупреждением подготовил меня к этому происшествию!

Затем они убили агу, то есть агу сейменов, и армаша[792], или субаши, и выбросили их тела. В это время я беседовал с большим приятелем нашим, постельником Евстратием, и только что простился с ним. Он проведал о чем-то еще ранее смерти вестиария и тайком приказал слуге привести ему лошадь; но как тот долго не шел, то постельник вдруг вскочил

на одну из лошадей, стоявших у дверей шатра, и ускакал. Едва я повернулся, как услышал крик, и когда спросил, в чем дело, мне сказали, что постельник бежал, и что конная стража бросилась за ним в погоню. Но наступившая ночь разлучила их; и несчастный беглец, соскочив с лошади, скрылся в лесу. Крестьяне скоро открыли его, и наутро привели, обнаженного, с поспешностью. Но еще прежде чем привели его к господарю, последний дал приказ отрубить ему голову, и, согласно этому приказу, его обезглавили.

Господарь также послал приказ удавить нашего тырговиштского друга, ворника Преду. — Да помилует Господь души обеих этих жертв, умерщвленных господарем за то, что они сделали донос о замышляемой им измене своему государю! — Не теряя ни минуты, господарь вступил во владение всем их имуществом и деньгами и из этих денег уплатил паше обещанную ему сумму. Всю эту ночь сильный ужас царил во всем войске; и я, в частности, ужасно терзался страхом.

Затем господарь вручил мне пакет собственноручных писем, предназначавшихся во все те места, где мы имели долги, чтобы понудить должников к уплате, и я возвратился в Тырговишт. Отсюда я проехал до Питешти, а потом до Рымника, где получил все деньги, которые мы имели за нашими должниками, всего тысячу динаров с лишком. Назад в Питешти вернулся я первого числа сентября месяца, к началу 7167 года от сотворения мира (1659 г. от Р. Хр.); и наш владыка патриарх выехал со всеми пожитками и свитою в Букарешт, откуда я снова выехал в Тырговишт. Возвратившись окончательно в Букарешт, я присоединился к владыке патриарху. Со своей стороны я не щадил усилий, чтобы ускорить наш отъезд из этой страны бедствий, — и в течение почти двух месяцев разъезжал на лошади день и ночь, подобно гонцу; за это время я выручил из нашего имущества все, что только мог.

Проживая в Букареште, мы пользовались гостеприимством господарева уполномоченного. Закончив наконец приготовления к отъезду в Галац, мы выехали из вышеназванного города (Букарешта) 9 сентября и прибыли в Фынтына-Рече[793], т.е. «Холодный ключ», селение, лежащее среди обширной равнины. Выехав отсюда, к вечеру достигли небольшого городка, называемого Солиман, который дает известность всей окрестной стране. На следующий день мы спустились к нескольким деревушкам, лежащим на реке Яломице, берега которой, как мы уже прежде упоминали, напоминают плодородную долину Дамаска. Деревушки эти были опустошены татарами. Отсюда мы продолжали наш путь вдоль берега реки до монастыря во имя архангела Михаила и прочих небесных сил, прозываемого «Слободзея Янаки», т.е. «Свободное поместье Янаки». Этот Янаки есть то самое лицо, которое построило монастырь св. Саввы в Яше, или Яссах, в Молдавии. Рассказывают, что он послал выкупить на свои собственные деньги в земле татарской толпу рабов-казаков, мужчин и женщин, и дал им свободу, поселив их, в качестве батраков, в окрестностях этого монастыря. По этой причине они назвали его «Слободзея», что на валашском языке означает: «Свободное поместье». Он расположен по ту сторону реки Яломицы, которая в этом месте достигает размеров моря или большого озера, благодаря множеству потоков, впадающих в нее. Через нее построен деревянный мост, по которому обыкновенно и переезжают: но мы переправились через реку в лодке. Монастырь, подобно замку, окружен толстыми каменными стенами и отстоит только на один день пути от Силистрии. В нем мы пробыли до праздника Воздвижения Креста, по причине постоянных проливных дождей, которые падали в течение этого месяца сентября и сопровождались сильными бурями с громом, молнией и градом. Затем мы двинулись далее чрез обширную равнину, среди всех прелестей и красот весеннего времени, проезжая по землям, которые славятся тем, что здесь разводятся и выкармливаются лошади, высоко ценимые за их

красоту и чистоту породы. На другой день мы прибыли к реке Серету и миновали город Браилов. Близ него лежит другой большой город, который мы оставили в стороне, переправившись в некотором расстоянии от него по мосту через реку, служащую границей между Молдавией и Валахией, при чем Браилов остался у нас вправе. От этого моста до Галаца остается два часа пути. Достигнув этого города, вечером в пятницу 17 сентября, мы остановились в монастыре св. Димитрия[794]. Затем я отправился в Яссы по некоторым неотложным делам, кои оставалось еще выполнить, и опять возвратился.

Глава X. Галац. — Продолжительная остановка за неимением судов. Сведения о ходе войны с венграми.

В Галаце мы пробыли двадцать два дня, разыскивая судно, которое доставило бы нас по Черному морю в Синоп; но не находили ни одного. Причина этого была та, что визирь, снаряжая и поднимая свое войско в поход против венгров, весь свой обоз и запасы пшеницы, ячменя, сухарей и других предметов пропитания, большие и малые пушки и прочие принадлежности снаряжения и вооружения переправил на судах из Константинополя по Черному морю к Дунаю, чтобы все это доставить вверх по реке к нему в главную квартиру его в Белграде. Не успел визирь начать свои действия против краля венгерского с этой стороны, как с другой собственные войска краля покинули его, изменив ему под влиянием чувства негодования на него, главным образом за то, что краль многих из своих солдат предал в плен татарам, как мы упоминали раньше[795]; а они были по большей части их родственники или члены их семейств. Затем, когда распространился слух об измене Михни воеводы и его тайном договоре с венграми против турок и татар, последний был вынужден совершить перед ханом, против своего желания, подвиг ревностной храбрости, открыв ему один из известных проходов венгерской земли, называемый Теляжин[796], обманным образом, ибо венгры имели к нему доверие. Татары, проникнув таким образом в страну огромным полчищем, разлились подобно наводнению и захватили много замков и укреплений. Говорят, что они ради забавы поджигали тамошние города и деревни, которые все построены из дерева, и в течение долгого времени пожар не переставал свирепствовать по всей области и был виден за несколько дней пути, и воздух на целый месяц потемнел от дыма. Таким образом, силы венгров были сломлены, и из их крепостей и замков уцелели только самые большие. Из Брашова[797] прислали богатые дары, состоявшие из значительной суммы серебра и золота, хану, казакам, Михне и Гике, каждому отдельно, чтобы склонить их прекратить войну и не опустошать окрестностей города; и подобным же образом присылали к ним посольства из прочих семи городов саксонских. Между тем татары подступили к крепости Фогарашу, куда, как мы упоминали, бежал Константин воевода; нам рассказывал один человек, который был в этом замке, что главные силы войска не могли приблизиться к нему, так как пушки его хватали на далекое расстояние; и говорят, что в неприятелей было сделано более ста восьмидесяти выстрелов, коими было убито большое число их. Но татары пленили несметное число поселян, пока наконец венгры, обратившись против них, не разбили их наголову; население страны заняло горы и проходы в тылу их и истребляло их сотнями. Между татарами, с одной стороны, и казаками и валахами, с другой, возникла сильная вражда, вызванная тем обстоятельством, что, в то время как последние шли в бой впереди и пролагали путь в замки и башни, татары, подходившие потом, вырывали у них добычу из рук. Вследствие этого они перебили множество татар, о чем весть дошла до визиря и весьма обрадовала его; ибо турки также питали вражду к татарам. Однако страна венгерская была наполнена неприятельскими войсками, повсюду пылали пожары, не переставшие, по крайней мере в течение целого месяца, дымом отравлять воздух. Зарево мы видели из Галаца, и отлично знали, что это такое, так как страна венгерская вся состоит из высоких гор, которые видны издалека.

Что касается краля, то он, как скоро увидел измену страны, бежал пред визирем вместе с воеводами Константином и Стефаном в одну очень сильную и знаменитую своею неприступностью крепость, по имени Бода (Боза?), и здесь укрепился. Вслед за тем часть укрепленных мест, бывших уже в руках турок во времена султана Сулеймана, а потом

отвоеванных у них венграми, сдалась визирю. Вскоре владетель этой части страны, великий бан, покорился с 5000 человек; визирь обошелся с ним милостиво и сделал его, с согласия мадьяр, кралем над ними, но с условием, что он будет оставаться (в этом достоинстве) в течение трех лет и в конце каждого трехлетия будет являться вместе с господарями молдавским и валашским целовать руку у султана, согласно правилам и обычаям: если султан утвердит их в их звании на второй срок, хорошо; если же нет, они остаются при дворе его, пока снова не придет их очередь. Дань, наложенная на венгров, состояла, обыкновенно, в поднесении султану 12.000 динаров, которые посол ежегодно, к празднику Рождества, отвозил ко двору султана. Здесь, чрез двенадцать месяцев, его сменял другой посол, который оставался в Константинополе до истечения полного года. Ему отпускались в изобилии кушанья и все другое от имени и за счет султана; по истечении же срока являлся другой посол и занимал его место. Этот же краль[798], вследствие большой своей власти и дерзости, прекратил на многие годы уплату дани туркам; но теперь визирь восстановил ее, в количестве 40.000 динаров ежегодно.

Между тем хан и господари не переставали брать укрепления и выигрывать сражения, пока не присоединились к визирю в том месте, где он находился, и между тем как визирь сосредоточил все свои помыслы и все свои усилия на одной цели — двинуться и осадить краля, совсем неожиданно к нему в течение одного дня, как говорят, явилось не менее семи гонцов, один за другим, с хатти-шерифами (указами) от султана, в коих повелевалось ему немедленно собраться и явиться пред лицо султана, без всяких спросов или извинений даже за самое краткое промедление, которые не были бы приняты, если бы даже можно было привести к султану живьем семерых кралей. Дело в том, что Абаза-Хасан-паша, который был агою туркменов и благодаря визирю назначен пашою алеппским, открыто объявил себя врагом этого последнего и, выступив самолично в поход, двинулся с войском на Бруссу и совершил много злодейств в этом городе. Говорят, вместе с ним было более двадцати пяти пашей. Он послал к его величеству султану просить дозволения судиться перед ним с визирем по делу о царящих повсюду смутах, возбуждаемых и затягиваемых войнах, — войнах, каких ни один из прежних султанов не поощрял, и т.д. Султан, получив эту просьбу, сильно разгневался на визиря, в особенности, когда враги визиря довели до сведения султана, что сам же визирь посылал уговорить названного Хасан-пашу представить султану свою просьбу, чтобы досадить «тебе, его законному повелителю, войска которого он (визирь) взял себе, к полному оскудению твоего величества, так что, когда к тебе, государь, придет эта просьба, вблизи тебя не найдется ни одного воина», — и это утверждение было совершенно справедливо. Визирь, которому дали понять, что посланию должно безотлагательно последовать, поневоле собрался и возвратился к султану; а все его войска, взяв известную крепость, по имени Биавофа (Папфалва?), которая сдалась им на условиях, удалились и собрались около своего повелителя, который из Адрианополя перенес свое местопребывание в Стамбул. Здесь, впереди Ускудара или Скутари, начал он рыть окопы и снабдил город пушками, чтобы Хасан-паша не явился и не разграбил его. В Константинополь он набрал войско и послал его оттуда к Бруссе сражаться с пашою. Паша разбил его, и, оказав пощаду всем, кто не был убит в сражении, он прочно утвердил свое положение, пока наконец султан не отрядил против него диарбекирского пашу Муртеза-пашу с несколькими другими пашами; а что затем случилось, об этом будет рассказано впоследствии.

Глава XI. Галац. — Наем судна патриархом и отплытие его из Галаца. Рени. Исмаил.

При отъезде своем, визирь сделал распоряжение об обратной перевозке в Константинополь всех припасов, вооружения, пушек и другой тяжелой клади, слишком многочисленной, чтобы ее описывать, на судах, так же, как они были доставлены сюда. Первоначально, он имел твердое намерение перезимовать в земле мадьяр, и теперь его возвращение случилось к их величайшей выгоде и счастью. Немедленно, для приведения в исполнение этого дела, были назначены капиджи. Направившись обратным путем с припасами и тяжелой кладью, они явились с быстротою огня, и переписав все суда, которые оказались на реке Дунае, от устья его до города Белграда, и по большей части стояли на якоре в маленьких пристанях Молдавии и Валахии, отправляющих зерно в Константинополь, числом около четырехсот судов, они наложили запрещение на все, зафрахтовав их для столицы; и таким образом мы были поставлены в величайшее затруднение и повергнуты в самую тяжкую беду, особливо в виду приближения зимы. Именно потому, что мы боялись переезда по Черному морю, опасного даже в самое благоприятное время года, мы прождали эти два года, выискивая случая, в надежде, что Господь облегчит нам средства путешествия через Румелию. Мы имели великое желание посетить Святую Гору, обитатели которой прислали приглашение нашему владыке патриарху и весьма желали, чтобы он приехал к ним. Владыка наш мог бы получить от них значительные выгоды, исповедуя их и давая им разрешительные грамоты; а оттуда мы могли бы отплыть прямо в нашу страну на каком-нибудь корабле, принадлежащем христианам, кои обитают у Белого моря (Архипелага). Но вплоть до настоящего времени не было никакой возможности облегчить нам путешествие этою дорогой.

Жители Галаца, видя наше беспокойство и бедственное положение, собрались все вместе и в один голос убеждали нас не уезжать теперь, в зимнее время, когда опасности морского путешествия так велики. Мы, однако, не прекращали поисков, пока не нашли судно, принадлежавшее одному христианину из Синопа и нагруженное ячменем, и согласились уплатить ему двести пиастров за доставку нас в эту гавань, каковое соглашение и осуществилось.

В это время жители Галаца также начали убегать, и, переправившись через Дунай, строили себе тростниковые хижины в стране турок, где поселились. Некоторые поместились на судах, стоявших на якоре в их пристани. Причиною этого было то, что когда визирь удалился, мадьяры сильно потеснили хана с его татарами и двух господарей, и они были принуждены также отступить. Как скоро весть об этом дошла до местных жителей, они поспешно удалились с пути их движения: а что касается нас, то мы были встревожены до того, что едва могли поверить себе, когда наконец уложили свои пожитки на корабль и сели сами, избавившись от грозившей опасности. Но Богу угодно было оказать нам помощь и руководить нами.

Из Галаца мы выехали утром в среду 13 октября и миновали Тимарово, известный город, который греки называют Эрине (Рени). Между ним и Галацем есть расширение реки, называемое Балкови (Вилков)[799]; тут мы были встречены сильной бурей и полной переменой погоды. Место это очень опасное во всякое время. Ходит рассказ, что в недавнее время один из рыбаков вырыл в береге углубление, чтобы там держать и прятать лодку, и что волны, беспрерывно вторгаясь туда, в конце концов прорвали берег, так что образовался большой остров.

Затем мы достигли крепости Исакчи, лежавшей вправо от нас, ибо с правой стороны у нас была область Румелийская; крепость эта построена султаном Османом, когда он шел воевать с ляхами. Здесь он переправился через реку, построив мост через Дунай, ширина которого в этом месте незначительна. Нам указывали место, подобное заливу или каналу, между двумя холмами, где еще видны остатки какого-то сооружения; как говорят, сооружение это было каменный мост. Дунай иногда принимал большую ширину, — быть может, в четыре или пять миль.

Затем мы прибыли к известному городу Смил, который турки называют Исмаилом, дав ему наименование, любезное их сердцу. Говорят, что в этом городе проживает более двенадцати тысяч семейств валахов и болгар, которые бежали от притеснений турок и поселились тут, ибо жизнь здесь приятна, и они пользуются справедливостью и безопасностью, а налоги, помимо харача, ничтожны. Единственное правительственное лицо — градоначальник. Этот город и гор. Рени составляют собственность монастыря Хассеки[800], а прежде составляли часть земли молдавской, но один из господарей отдал их туркам. От них до Галаца расстояние два дня пути. Прежде чем достигнуть этих городов, мы прибыли к месту, называемому Четал, или «Разделения»[801], откуда к Черному морю можно спуститься по трем отдельным рукавам, причем каждое из этих разветвлений Дуная совершенно независимо от остальных. Одно называется Сулинским проливом, или рукавом, другое — рукавом св. Георгия, а третье — то, по которому мы проехали до Исмаила. Из только что названного города мы проследовали к укреплению Калки (Килия), где услышали азан, или мусульманский призыв к молитве, после того как около шести лет не слыхали его, а слышали только колокола.

Глава XII. От Исмаила до Килии. — Способ рыбной ловли. Торговля осетром и икрою. Выход в Черное море.

Вскоре после отплытия из Исмаила мы достигли обширных равнин, представлявших сплошные безлюдные солончаки; летом они, как нам сказали, непроходимы вследствие бесчисленного множества комаров и мошек и наводняющих их разбойников на лодках. Это место, явно отмеченное гневом Божиим. Мы миновали насыпь или плотину, сделанную для ловли рыбы (преимущественно моруны[802], или осетра) и называемую телян[803]; здесь ловят рыбу для правительства, всегда по откупу пли договору. Через два дня прибыли мы к знаменитому укреплению Килия; это большой, великолепный замок, существующий с давнего времени и очень сильно укрепленный, ибо он построен весьма прочно и достаточно снабжен пушками. Рассказывают, что он был построен франками-генуэзцами, которых призвали к себе на помощь греки и отдали им этот замок вместе с замком Кафою; оба эти укрепления долго оставались в их руках. Здесь делается опрос относительно кораблей, их экипажа и груза. Тут конец румелийской Добруджи и исток рукава в Черное море. Жители его находятся в постоянном страхе пред донскими казаками и их разбойничьими судами, ибо они, по их собственным словам, многократно были ими ограблены. Все соседние деревни населены татарами; говорят, что здесь в окрестностях находится четырнадцать телянов для ловли рыбы и преимущественно осетра. Каждый год местные жители выстраивают их заново, так как, при таянии льда на Дунае, река силою разлива уносит колья. Поэтому работники отправляются на гору укрепления Сакпиджи и рубят там лес, тысяч до двенадцати бревен, для ежегодной перестройки телянов; каждое бревно обходится в тысячу османи[804]. Доставив их к Дунаю, они обтесывают концы их наподобие копейного острия и вбивают их в дно рядом, от одного берега до другого, оставляя с одной стороны лишь отверстие, достаточное для прохода лодки, а на дальнем конце устраивается узкий канал, который заключает в себе род небольшого домика, состоящего из деревянных кольев, вколоченных в дно. Когда моруна или другая рыба приблизится к этой загородке, то благодаря отличному приспособлению, она непременно попадает в нее, и толпа людей, приставленных к этому делу, бьет их длинными копьями, пока они не будут перебиты; ибо рыба не имеет возможности выйти назад. Тогда вытаскивают ее руками и, нагрузив ею лодки, привозят к таможенному начальнику, которому в этом округе вверено заведование доходами, получающимися от моруны и икры. Сюда постоянно приходит много кораблей из Константинополя и с островов для закупки осетра, которого солят и укладывают в бочонки; таким же образом они ведут торговлю икрою отдельно.

Нам рассказывали, что прежде, лет пять-шесть тому назад, обыкновенно улов рыбы бывал большой, когда с начала сентября месяца и до начала Рождественского поста, т.е. до наступления морозов, каждое утро в этой пристани обыкновенно получалось от трех-четырех до семи сот осетров. У амина, или уполномоченного, было в обычае посылать капитану каждого корабля, стоявшего в пристани, одну рыбу и, кроме того, куски для каждого из экипажа; но в недавнее время прибыл один проклятый уполномоченный, который отменил этот обычай. Таким образом, так как улов уменьшился, мы прождали три дня, пока не приобрели одну рыбу, весом около восьмидесяти ок[805], которую мы купили за четыре с половиною венецианских талера. Икру берет уполномоченный, и в Галаце она дешевле.

Человек, продавший нам рыбу, сообщил нам, что раньше такая рыба стоила не более одного талера, по самой высокой цене. Крупный осетр весит ок двести и более. Чтобы

приготовить впрок нашу рыбу, мы пригласили мясника, который всю ее разрезал на куски, и — слава Создателю! — ни одна часть рыбы не пропала, ибо потроха ее и все внутренности суть икра, которую берут и помещают отдельно на доске и, прибавив к ней некоторое количество соли, сверху нее кладут другую доску или плаху с большими камнями, чтобы выдавить кровь и синюю жидкость. Когда она сделается суше, ее укладывают в бочонки. Что касается туловища, то мы посолили его и положили под гнет из камней, пока не удалена была из него вся влага, и затем мы наполнили им два больших бочонка, причем не бросили, как бесполезное, ни малейшего кусочка. Кожа и хрящ даже лучше мяса; и вкус этой рыбы не поддается описанию. Когда мы желали сварить кусок ее, то наливали в котелок воды, прибавляя луковиц и шафрану; как только вода закипала, мы опускали туда рыбу; и удивительное дело! — как скоро рыба была сварена, на поверхности оказывалось плавающим большое количество жира, ибо мясо моруны пропитано чистейшим жиром.

Один христианин из Хиоса, поселившийся в этой местности и занимающийся приготовлением и продажей икры, рассказывал нам, что лет семь-восемь тому назад случился большой улов и среди рыбы оказался царь осетров, короткое, толстое животное, весом в сто двадцать ок. На брюхе у него были три отростка, наподобие рогов, выступавшие близко один от другого, а на спине его — прибавил он — нашли надпись на чистом, изящном арабском языке «Бог есть царь веков и троичен в лицах». Потом сняли с него кожу, и один из вельмож поместил ее в своем дворце и отказывается теперь показывать ее кому-либо; но случай не мог остаться скрытым. Это было знамение от Создателя, долженствовавшее заставить арабов молчать их собственным языком; ибо будь надпись на другом языке, ни один из них не поверил бы ей; и поистине, это было великое чудо!

Затем мы выехали из этого места и, пройдя на веслах около восемнадцати миль, прибыли к хорошо известному каналу или истоку в Черное море, где от шестидесяти до семидесяти кораблей, идущих к Нилу, в Дамиэтту и другие пристани Средиземного моря, уже более двух месяцев ждали попутного ветра, чтобы поднять паруса. Малые суда, как скоро погода становится благоприятной, уходят, не встречая никакого препятствия или задержки; но большие суда нанимают, каждое для себя, тамбаз; так называется на Дунае лихтер[806], лодка, имеющая сверху выпуклую крышу и вмещающая большое количество зерна. Лодку эту они ведут с собою из Килии и перегружают в нее часть корабельного груза, чтобы облегчить корабль при переходе через мелководье. Как скоро корабль благополучно вышел в море, снова перегружают зерно с лихтера. Пролив этот, или канал, называется на всех языках богаз[807] , и он значительной ширины. В том месте, где воды его вливаются в море, он делается подобен морю, и его пресную воду черпают на большом расстоянии от этого места, в особенности, когда ветер дует вниз по течению, тогда вода реки берет верх над соленым течением; но если ветер дует с моря, в таком случае верх берет морское течение.

Множество кораблей ждали благоприятного ветра и погоды, чтобы поднять паруса, и многие уже истратили свои путевые запасы и посылали за свежей провизией. Между тем как мы развлекались, наблюдая за судами, постоянно снующими туда и сюда, Богу угодно было явить нам свою милость: вдруг, в воскресенье, ранним утром поднялся попутный ветерок, хорошо знакомый морякам; и малые суда тотчас же распустили паруса и прошли мимо нас. Это придало бодрости капитану нашего корабля, и он последовал за ними, пока мы не пришли к двум деревянным колодам, употребляемым в виде знаков и помещаемым ежегодно в этих местах, с правой стороны прохода, для предупреждения кораблей, чтобы они не сели на мель: ибо в этом месте под водою много камней, и если бы ветер отнес судно

за эту границу, то оно бы наверное разбилось в куски или по крайней мере опрокинулось, вследствие малой глубины. Когда мы достигли этих бакенов, наш корабль оказался слишком нагруженным; а нанять тамбаз, чтобы облегчить его груз, капитан не позаботился. Следствием этого было то, что когда силою ветра судно приподняло из воды, оно, погрузившись опять, коснулось дна, получило удар и зашаталось. Все бывшие на корабле в один голос воззвали к Богу о помощи; но ветер продолжал еще кидать корабль, и он ударился три или четыре раза. Если бы судно не было недавно построено, оно разбилось бы вдребезги, и при всем том оно спаслось только чудом и по милости Божией, ибо льяло[808] *наполнилось водою, и бедные корабельщики работали день и ночь, вычерпывая ее ведрами, поочередно. Что касается нас, то рассудок у нас помутился и душа расставалась с телом, и наш владыка патриарх служил в каюте капитана молебен с водосвятием. Но как скоро вышли мы на глубину, в открытое море, ветер переменился и запер выход, ибо прилив с моря взял перевес над течением Дуная; и тут поднялась сильная буря. Все корабли, которые успели выйти, продолжали свой путь; а те, которые не успели сделать этого, возвратились, ждать другого благоприятного случая.*

Книга XV. Черное море, Малая Азия, Сирия.

Глава I. От устья Дуная до Синопа. — Каварна, Варна, Сизеболи. Гераклея, Амастрис, Инеболи.

Ветер, к счастью, был нам попутный, и через два дня и одну ночь, пройдя расстояние в двести пятьдесят миль, мы достигли скалы[809], и пристани на побережье Мангалии, Кюстендже и Калиакры, имя которой — Каварна. Здесь, по нашим усиленным просьбам и мольбам, обращенным к капитану корабля, он стал с нами на якорь. В море мы провели самую печальную ночь: дул сильный ветер, и вследствие качки корабля мы во всю ночь не могли вкусить сладости сна. Поистине мы погибали и умирали от действия морского воздуха, и в желудке у нас решительно ничего не держалось. Лишь только мы увидели утреннюю зарю, как обратились с просьбой к капитану, и он, уступая нашим мольбам, высадил нас на берег, и мы пошли в вышеназванный город, расположенный на вершине холма. Остановившись в доме одного священника, мы пробыли у него до полудня пятницы, ибо ветер переменился; и здесь мы пришли в себя и наслаждались, вдыхая свежий воздух. Как скоро ветер снова стал попутным, с корабля прибыли за нами люди, и мы пошли с ними, как будто шли на заклание.

На корабль мы возвратились с некоторым отвращением, и в субботу утром, проплыв расстояние в двадцать семь миль, мы прибыли к хорошо известному городу Варне с ее замком, расположенному также в области Румелии. На море между тем разыгралась сильнейшая буря. Из этого места мы отплыли в понедельник утром к городу Сизеболи, знаменитому своим монастырем Иоанна Крестителя, расположенным вблизи него на острове, — но впоследствии перемещенным турками, так как в каком-то году несколько человек донских казаков, измученные бурей на море, нашли убежище на этом острове. Турки немедленно выступили, чтобы напасть на них; но казаки, собрав свои силы в названный монастырь, перебили большое число турок, которые не могли одолеть их. Потом казаки сели на свои суда и удалились, Таким образом, монастырь, по повелению султана, был перемещен, чтобы казаки не могли в другой раз найти в нем убежище. Ветер носил нас теперь над пучинами моря, пока не приблизились мы к скале и пристани, лежащей от последнего города в расстоянии ста миль и носящей имя Карби; вблизи находится большой и хорошо известный остров, на коем расположена обитель Неусыпающих, о которой повествуется в житии св. Иоанна Кущника[810].

Проплыв еще около трехсот миль, мы пересекли пролив Константинопольский со стороны Румелии и, поравнявшись с берегом Караманнии, приблизились к городу, называемому Понто Гераклея (Эрекли). Это тот город, в котором св. Феодор Стратилат претерпел мучения, и это довольно известное место. В употреблении слова Понто смысл есть, так как все прибрежья Черного моря (и мы сами заметили это обстоятельство) представляют закругленные впадины; на это и указывает значение этого греческого слова. Капитан корабля намеревался держать свой путь от устья Дуная, чрез средину моря, мимо хорошо известного Змеиного острова, прямо к Синопу; но ветры не благоприятствовали этому намерению, и он, тем более что время было зимнее, отступил пред опасностью пускаться на средину и действовал по более безопасному плану, держа свой путь от одной пристани к другой. Мы уже жестоко страдали в продолжение нашего плавания по средине реки и во время нашего долгого пребывания на корабле до прибытия в Каварну; но теперь нас захватила бонанца[811], т.е. полное отсутствие ветра, или мертвый штиль, в продолжение которого море было совершенно спокойно, и в этом положении мы пробыли более восьми дней. Следствием этого было то, что у нас не хватило пресной воды, и мы

мучились от жажды, ибо капитан начал выдавать воду всем бывшим на корабле меркою и по порядку. Никаких свежих припасов, кроме капусты, у нас не оставалось; а между тем, в таком положении и при таких обстоятельствах, душа наша не чувствовала охоты ни к чему, кроме плодов, арбузов, гранатовых яблок и тому подобных вещей, которых достать нельзя было. Сердце теперь внутри нас горело от морской болезни, и мы начали терять надежду достигнуть когда-либо землю, ибо дуновение ветра гнало нас от нее. Нам очень хотелось посмотреть этот город, Понто Гераклею, и все чудеса, рассказываемые о нем, по поводу его мраморов, его зданий и древних памятников: ибо это греческий город глубокой древности. В течение трех дней продолжали мы носиться около него, постоянно отгоняемые ветром, пока всемогущий Господь не соблаговолил облегчить нас: поднялся сильный западный ветер, и с радостью оставив позади себя это место, мы прошли расстояние во сто миль, имея по правую руку горы и леса Карамании, и достигли славного города Амастриса, епископом которого был св. Георгий, коего память празднуется 12 февраля[812]. В окрестностях его когда-то был небольшой замок, теперь разрушенный и разоренный; остается только колокольня, в самой верхней части его; на ней, говорят, до сих пор есть один колокол, в который звонят, держа караул в летние ночи, из страха пред русскими[813]. Город этот расположен в весьма приятной местности.

От Понто Гераклеи, как уже сказано, мы шли берегом вдоль известных гор Карамании, покрытых дубравами и корабельным лесом. Лес этот в большом количестве вывозится в Константинополь, Египет и почти все другие страны, ибо он крайне дешев; и в самом этом городе, Амастрисе, строится множество кораблей, так как большинство жителей в этих горах искусные мастера во всех плотничных и судостроительных работах. Амастрис находится под управлением паши города Боли; вблизи него большая река, где находят себе приют зимою суда, по-гречески называемая Парфено, или Дева, по имени города, от которого она течет на протяжении восемнадцати миль до моря. Все эти области находятся в более или менее разоренном состоянии, и главное несчастие — притеснения со стороны их правителей. Но из всего самое худшее для них — нападения русских на судах с Дона, которые производят крайние опустошения. В расстоянии пятидесяти миль от этого Амастриса лежит город, называемый Китросом, куда приходит много кораблей из Константинополя, Египта и всех других стран, для закупки мачт, строевого леса, корабельных снастей и т.п., и это — место известное. Отсюда до другого города, называемого Инеболи, пятьдесят миль, а от этого места до города Синопа — сто. В продолжение зимнего времени, ежегодно, купцы и путешественники совершают в каиках плавание из Константинополя к Трапезунту и границам Грузии и считают это время самым благоприятным для путешествия. Когда море тихо и спокойно и свободно от бурь и волнения, они совершают передвижения; но лишь только настает дурная погода, они вытаскивают свои суда на сушу и остаются здесь в бездействии.

В Инеболи мы прибыли в воскресенье накануне Рождественского поста, льстя себя надеждой, что в этот же самый вечер мы прибудем в Синоп, справим здесь заговенье и поздравим друг друга со счастливым окончанием нашего плавания. Но такое счастие не выпало нам на долю: ибо на море весь день была полная тишина, и корабль без всякой цели кружился на одном месте. По этой причине нами овладела жестокая печаль и тяжкая скорбь, свыше всякого описания: так подавлены были мы страхом пред зимними бурями, жестокими опасностями на море и его вероломством, ибо море это, как мы упомянули прежде по одному поводу, отмечено прозвищем «Черного» за то, что черны все его деяния. Следствием нашего промедления было то, что заговенье мы справили не мясным кушаньем, а осетром. Однако, в начале вечера Господу угодно было явить нам свою милость; и вот на

небе появилась широкая и яркая красная полоса, что было признаком наступления ветреной погоды, благоприятной для продолжения нашего путешествия. Действительно, после полуночи подул свежий ветер, который понес нас по волнам с большою быстротою, так что к рассвету на следующее утро мы прошли расстояние во сто миль и достигли Ак-Лимана, находящегося всего в девяти милях от Синопа, в виду замка. Между тем крепкий ветер, все усиливаясь, превратился в совершенную бурю, и волны с такою силою ударялись о корабль, что каждое мгновенье он подвергался опасности пойти ко дну. Море разверзалось глубокой долиной, в которую судно, опускаясь, погружалось, казалось, навсегда, пока снова не поднималось наверх, вытягиваемое напором ветра на паруса. Мы были в сильном страхе и бросили в море частицу Панагии[814], той самой, которую архиерей воздвизает над св. чашею при пении: «Достойно есть», согласно обычаю христианских стран, о чем мы уже упоминали в своем месте по другому поводу. Мы поручили себя покровительству всех святых и особливо св. мучеников Гурия, Самона и Авива, коих память праздновалась в тот день[815] и к которым мы уже накануне вечером взывали о помощи и служили им молебен с особыми молитвами, чтобы получить попутный ветер. Как в тот раз они даровали нам желаемое, так теперь своим предстательством они исторгли нас из пучины и спасли от ударов морских волн, одного вида которых все мы, а особенно я, были совершенно не в состоянии вынести. Благодаря их святому предстательству, мы прибыли к задней стороне синопского полуострова, образующей бухту в некотором расстоянии от города. Это было утром в первый день Рождественского поста. Вознеся благодарения всемогущему Богу, мы немедленно сошли на берег, едва веря своим чувствам, что достигли земли, после того как тридцать пять дней пробыли в заточении на корабле; из них двадцать мы провели на реке Дунае, а остальные пятнадцать в открытом море. От Галаца до Синопа мы сделали переход в тысячу четыреста миль: пятьсот миль от Галаца до истока Дуная в Черное море, и отсюда до Синопа девятьсот — таковы вычисления географов. После этого мы прошли по суше расстояние в девять миль и вступили в квартал, населенный христианами, расположенный вне городских стен. Здесь мы поместились в доме одного важного архонта[816], где также помещена была наша кладь и устроились и наши спутники. Мы чрезвычайно радовались, что остались невредимы, и были очень довольны, что снова можем вкушать свежую рыбу из моря и свежие плоды земные, каковы: зеленые смоквы, гранатовые яблоки, баклажаны и т. п., видеть дикие смоковницы, растущие на горах и подле домов, масличные деревья, гранатовые, кустарники и травы нашей родной страны, как-то: дерево кундуль[817], богородичную траву..., которых мы не видели уже более шести лет. Мы провели блаженную ночь и были в таком состоянии, как если бы ожили снова после смерти. Самое большое благо, которое угодно было Господу даровать нам, состояло в том, что мы совершили переезд через Черное море до наступления зимы.

Что касается судьбы прочих кораблей, которые вышли вместе с нами из устья реки в открытое море, то мы должны сказать, что ветер разбросал их, и ни один из них не мог достигнуть Константинополя. Многие из них потерпели крушение, а прочие остались на зиму в окрестностях Сизеболи.

Что же касается до тех судов, которые не вышли вместе с нами из рукава, то они, вследствие отсутствия благоприятного ветра, остались там зимовать и могли тронуться в путь только после Крещенья.

Глава II. Синоп. — Описание города и церквей. Местные обычаи.

Положение города Синопа очень красивое. Это — полуостров или коса, протянувшаяся в море, подобно полуострову Константинопольскому, в виде языка. Замок, или укрепление, находится на самой оконечности, имеет очень большие размеры, простираясь за городские стены, и окружен двойной стеной с башнями и рвами. Он очень высок и крепок и снабжен в достаточной мере пушками; сверх того внутри он заключает второй замок. У начала косы, или на перешейке, находится третье укрепление, также очень сильное. Постройки его весьма прочные, старинные; это — сооружение франков-генуэзцев, которые завладели этим городом в то время, когда отняли Константинополь у греков[818]. Море ударяется о бока городских стен на севере и на юге, и именно с южной стороны глубже всего вдается оно в косу, так что волны совершенно окружают вышеупомянутый замок. Бухта от набережной до открытого моря простирается на расстояние перелета стрелы. Поверхность равнины сплошь песчаная, так что, если бы жители захотели, то могли бы прокопать через нее ров, и море совершенно окружало бы город. Стены поднимаются так высоко, что кажутся как бы висящими на вершинах гор, подобно стенам Антиохии. Когда входишь со стороны суши, то есть чрез вышеупомянутую песчаную равнину, то встречаешь тесный проход между двух стен, который ведет от одних ворот к другим, находящимся с внутренней стороны первых, и чрез который одновременно может пройти только одна лошадь, — поистине неприступное сооружение. Городом этим управляет паша кастамунский; только жители никогда не позволяют ему входить в него: таков у них порядок; и они не дают такого разрешения и прочим пашам. Они не позволяют даже капиджи, являющимся из Константинополя по делам султана, выполнять какие бы то ни было повеления его; даже не позволяют им вступать в их стены в числе большем трех или четырех человек одновременно. Таков господствующий у них обычай; и хотя многие паши употребляли разные хитрости, чтобы проникнуть в город тайком и с помощью переодеванья, но терпели всегда неудачу в этом, так как это вещь невозможная. Поэтому он наслаждается несказанно полным миром и правосудием. Дома христиан находятся вне городских стен, к западу, но весь полуостров составляет их собственность и владение, и многие из них имеют дома также и внутри городских стен, ибо в летнее время они пребывают в сильном страхе перед русскими[819] и, вследствие этого, не решаются оставлять какое-нибудь имущество в своих домах, лежащих вне стен.

Нам рассказывали, что сорок лет тому назад вышеупомянутые казаки обложили город и взяли его приступом, вместе со всеми укреплениями, захватив богатую добычу и большое число пленных. Здесь есть тэрс-ханэ, или верфь, на которой строят много кораблей и гальонов. В настоящее время занимались постройкою гальона весьма больших размеров: длина его равняется пятидесяти локтям, а ширина — двадцати пяти. Жизнь христиан в этом месте протекает в полном довольстве, счастии и безопасности. Подать и сборы, налагаемые на них, идут сполна на уплату жалованья войскам, стоящим гарнизоном в городе; и священники здесь как бы заменяют должностных лиц и правителей. Жители вообще любят держать рабынь-девиц и мамелюков, или рабов: в этом месте живет свыше тысячи христианских семейств, и в каждом семействе есть пять-шесть пленных мужчин и женщин, а то и больше. Здесь вне городских стен семь церквей. Первая — во имя Константина и Елены, вторая — в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы и Благовещения, третья — во имя св. Николая, четвертая — во имя св. Иоанна Богослова,

старинная, с высоким куполом; древнее этой не существует здесь церкви. Близ нее большая церковь во имя св. Кириаки. Шестая — во имя Иоанна Крестителя. Седьмая, на набережной у моря, — во имя мученика Феодора Тирона. В алтаре, на кафедре (горнем месте), есть мраморный камень, в виде седалища, на коем, по сказанию, сидел св. апостол Андрей, когда приходил в этот город и окрестную страну, жители которой приняли чрез него (христианскую) веру; и особенно гордится им население города Синопа. Однако именно они собрались мятежной толпой вкруг него и отъели ему большой палец: поэтому окрестные города осыпают их упреками и говорят им: «Это вы отъели палец у св. апостола Андрея в ожесточении своих сердец». В этой церкви скрыта гробница св. мученика Фоки Синопца. Утром и вечером они бьют в деревянные била в своих церквах, так как здесь нет среди них турецких домов. В квартале, где расположены дома христиан, на северной стороне полуострова, находится древний каменный царский дворец, который называют Палати, существующий со времен христианских императоров, великолепное здание, окруженное многими обветшалыми пристройками, принадлежащими христианам. Внутри его старинная церковь во имя Вознесения Господня. Все эти церкви построены по образцу церквей Константинополя и его области. Армян здесь очень небольшое число, и они слабы и бедны, не имея ровно никаких средств и никакого состояния. У них есть церковь, за которую они платят аренду грекам; именно, ежегодно они уплачивают двадцать пять пиастров в виде арендных денег за землю, ибо она есть угодье, принадлежащее церквам нашей общины, которая весьма презирает армян и от времени до времени требует от них землю, на которой стоит их церковь. Этот город подведомствен митрополиту Амасийскому, который пребывает здесь постоянно, так как его епархия, Амасия, разрушена и совершенно лишилась христианского населения. Расстояние от города Синопа до Токата составляет пятнадцать переходов. Поэтому те, которые желают проехать в Токат с тяжелой кладью, направляются морем к городу, называемому Энос, по-турецки Уние, отстоящему от него на двести миль и служащему скалой или пристанью для города Кафы; сюда приходят купцы из Молдавии, Валахии, страны казаков, Польши, Диарбекира и др., с красным камышом и сафьяном, из Алеппо с тафтою и индийскою синею тканью и с другими товарами, по причине близости его к Токату; ибо между этими двумя местами всего четыре дня пути. Случилось, что мы потом направились к этой пристани, которая находится в бухте, образуемой морем, вдающимся широким заливом в сушу.

В четверток второй недели Рождественского поста нас пригласили в церковь св. Николая, и здесь мы освятили немного елея, в присутствии духовенства и мирян, для одного лица, вознамерившегося совершить паломничество в Иерусалим; ибо у них существует обычай, что когда кто-либо из них намеревается предпринять путешествие, то исповедуется и приглашает епископа и духовенство в церковь, чтобы для него освятили немного елея. Он раздает всем присутствующим восковые свечи, ставит свечи в подсвечники и перед образами, возжигает все лампады в церкви, и пред началом молитв делает ряд метаний архиепископу и присутствующим, прося у них прощения, если с его стороны причинена им какая-либо обида, если он говорил непочтительно с кем-нибудь из духовенства, или если он пренебрег своими обязанностями по отношению к кому-либо из собравшихся. Тогда все они даруют ему прощение, говоря: «Бог да простит тебя!» и после этого он зажигает свои восковые свечи и причащается св. Таин. По окончании молитв он завещает, с клятвами и договорами, все, чем владеет и что ему должны, пред лицом и с засвидетельствования всего собрания. Таким же образом поступал и этот человек в настоящем случае. После того как мы вышли из церкви, поставили на церковном дворе для нашего владыки патриарха кресло; и когда все собравшиеся уселись, паломник обнес их

кушаньем и роздал всем кубки с водкою. Всем священникам и монахам он поднес денежные подарки. Сколь достоин замечания этот превосходный обычай! И таким образом он отправился в путь с благословения Божия, и с ним мы послали письма в нашу страну, чтобы уведомить своих о нашем скором возвращении.

В воскресенье, второе от начала Рождественского поста, мы служили обедню в церкви св. Кириаки, что близ церкви Иоанна Богослова. Мы также служили всенощную в третью субботу в церкви св. Иоанна Богослова; а на Рождество, когда митрополит этого города прибыл из Константинополя, мы присутствовали за обедней в церкви св. Николая.

У них существует обычай на праздник Обрезания посылать епископу или священнику, совершавшему богослужение, длинные пшеничные куличи не сдобные, вместе со сластями, состоящими из вареного миндаля, растертого с медом и пр. — подарок довольно значительный и по величине, и по ценности. Точно так же в канун Рождества и Крещения они приносят ему куличи, воск, ладан и немного денег, чтобы он в молитвах своих помянул об их имуществе.

На праздник Крещения мы облачились вместе с митрополитом этого города в церкви Иоанна Крестителя, которая также освящена в честь Крещения; и митрополит города приводил много извинений, прежде чем решился облачиться в саккос, говоря: «незаконно облачаться мне в него в присутствии твоей святости», и он говорил правду, так как у него не было фелони. Затем, когда кончилась утреня, мы направились из церкви к морскому берегу с крестным ходом и здесь совершили обычное служение, при чем наш владыка патриарх прочитал молитвы. После погружения креста в водоем он пошел и бросил изо всех сил деревянный крест в море, согласно их обычаю. Тотчас же несколько человек, уже раздетые, выступили и, нырнув в море, вынесли крест, — коему они воздавали, в присутствии турок и других, великие почести, превосходящие даже те, какие оказываются ему в христианских странах. После того как владыка всех окропил, мы возвратились и довершили обедню.

Глава III. Синоп. — Известия о событиях в Сирии. Битва Муртезы-паши с Хасаном-пашою. Осада Алеппо Сеид-Ахмедом-пашою и неудачная попытка Хасана-паши овладеть этим городом. Отъезд из Синопа. Самсун. Прибытие в Энос.

Мы располагали уже немедленно выехать, чтобы продолжать наше путешествие, и только вследствие далеко разнесшихся слухов о Джелали Хасане-паше и его единомышленниках и об открывшихся между его сторонниками и Муртезою, пашою диарбекирским, военных действиях, мы были принуждены несколько замедлить. Дело было в том, что визирь послал приказ этому последнему открыть военные действия против первого и разослал по всей стране предписания взяться за оружие, так что, по рассказам людей, достойных доверия, под знамена Муртезы-паши собралось на войну полчище более чем в сто двадцать тысяч человек, из туркменов, курдов и земледельцев. У Хасан-паши, как нам также сообщили, было только двенадцать тысяч человек, но все они были сильные и отборные воины из сарыджа и сейменов, ибо к нему примкнуло все войско Абшира-паши, с его начальниками и агами, вместе с Мирзою-Али, с помощью которого Абшир создал из них таких богатырей. Как скоро известие об этом обстоятельстве дошло до Хасана-паши, он выступил из Брусы и прибыл к Эскишегру; совершая поход к этому месту, он уничтожал все источники воды, находившиеся на пути между ним и Муртезою-пашою, и засыпал землею колодцы на пространстве трех или четырех дней пути; в то же время все текущие воды он направлял на дороги и поля, оставшиеся позади его войска, так что вся поверхность покрыта была грязью и вязкою глиною. Следствием этого было то, что когда неприятели сошлись с ним, они умирали от жажды и усталости и были тревожимы прикрывавшими его тыл наездниками; между тем как он (я разумею Хасана-пашу) и его войско были бодры и здоровы. В эту решительную мину ту он ударил на них и в завязавшемся сражении разбил их наголову, но в жару победы не мог удержать своих людей от резни, при всем своем желании, так как в отношении к султану он еще колебался между страхом и надеждою. Войско его, по рассказам, избило более семидесяти тысяч человек из войска Муртезы-паши, большая часть которого состояла, как мы уже упоминали, из земледельцев и из людей неопытных, совершенно незнакомых с военным делом. Что касается до Мирзы-Али, то он избил столько неприятелей, что нельзя ни описать, ни исчислить, пока не настиг Муртезу-пашу, и едва не захватил его живьем. Но Хасан встал между ними и упрашивал Мирзу и остальное войско, пока наконец удалось ему положить конец кровопролитию. Однако они отняли у Муртезы-паши и его войска все, что при них было, захватив всю их добычу и сняв с них одежду; а у паши они взяли всю его казну, полученную им от султана, и даже его шатер, его утварь и слуг, едва дав ему возможность спасти свою жизнь бегством в Ангору, где он укрылся под защитою городских стен. Те из его войска, которые избежали резни, в бегстве своем рассеялись по горам и долинам. После этого Хасан-паша с большим торжеством и ликованием возвратился в страну арабов, к Марашу и Айнтабу, где и расположился лагерем.

Хасан имел желание овладеть Алеппо и предаваться здесь произволу. У него был киайя, или управляющий, которого он, на время своего отсутствия, назначил своим наместником в Алеппо. Звали этого человека Хаммамджи-оглу; и Хасан неоднократно посылал к нему, побуждая его употребить всю свою хитрость, чтобы овладеть городом. Но милость Всемогущего спасла Алеппо от этого вторичного разорения, ибо он уже достаточно

пострадал от того, что причинил ему Сеид Ахмед-паша, прибывший из Константинополя, чтобы в качестве паши принять в свое управление город. Однако знатные люди ни за что не хотели передать в его руки власть и не признали его своим мутеселлимом, или правителем, так как его сопровождало множество аг и большая часть вышеупомянутых войск Абшира-паши, которых они сильно опасались, зная, как они вели себя в Алеппо прежде и каких насильственных и злодейских поступков были они виновниками. Поэтому паша выступил в поход и осаждал Алеппо в продолжение сорока дней; за эти дни он вырубил деревья во всех фруктовых и иных садах, чтобы достать себе топлива, так как время было зимнее, и погода стояла чрезвычайно холодная, и делал в земле подкопы. Был в это время в Алеппо справедливый судья, или кади, по имени Мусалла Эфенди. Этот почтенный человек созвал всех жителей и увещевал их защищать город, и сам начал таскать землю с горы, что в Мазар Сегри, покрытую розовыми кустами; и мало-помалу перенеся всю эту груду, он устроил в углу городской стены, насупротив того места, которое она занимала раньше, большую насыпь, известную с тех пор под его именем, и с нее они стреляли из расставленных им пушек. Тогда Сеид Ахмед-паша захватил дома, лежащие вне стен, в христианских кварталах, и войска его разграбили их, учинив кроме того жесточайшие насилия, ибо жители навлекли на себя в сильнейшей степени его злобу и вражду, так как обитатели внутренней части города принудили население предместий вести с ним бой с кровель домов; и если бы Бог не внушил ему снисходительности, произошло бы много ужасов. Наконец, Алеппцы послали своего представителя в Константинополь заявить об их нежелании принять этого пашу; и в ответ на это пришло уведомление, чтобы он снял осаду и удалился от Алеппо; вместо управления этим городом ему поручен был Белградский пашалык. И он немедленно удалился. Тогда Хаммамджи-оглу поспешно послал приказ удалить всю стражу от городских ворот и заместил ее своими собственными войсками; но это тотчас же дошло до ушей аги, или начальника крепости, который встревожился и держался настороже, охраняя крепость. Поэтому первый потерпел неудачу в своих замыслах; и говорят, один из его аг порицал его, говоря ему так: «Если ты хотел захватить замок, то должен был бы посоветоваться с нами и мы составили бы и пустили в ход верный способ, какой употребил в прежние времена Джанбулад-оглу[820], вполне осуществив этим захват крепости. План состоял бы в том, что ты сковал бы двадцать из нас, аг, по рукам и ногам и послал бы отвести нас в темницу в крепости, и каждого из нас вели бы двое, так что всего нас было бы шестьдесят человек, тогда как у ворот крепости людей немного, и с помощью этой хитрости мы захватили бы ее без труда». Прибавляли, что Хаммамджи-оглу сильно жалел о том, что сделал. Однако это была милость и особое благоволение всемогущего Бога к жителям Алеппо, как мы сказали раньше. Впоследствии они восстали против этого Хаммамджи-оглу, когда он прибыл в качестве мутеселлима, или наместника, от Махмуда-паши, паши Аданы, и выгнали его из Алеппо; и в то время как он был в дороге, его умертвили, прежде чем он успел присоединиться к Хасану-паше.

Как скоро известия об этом достигли Синопа и окрестных городов, жители успокоились и дороги сделались безопасными, тогда как до этого они терзались страхом и опасениями; толпы путешественников и караваны опять двинулись в путь, и мы, с своей стороны, усиленно занялись приготовлениями к путешествию. Так как нам наскучило пребывание здесь, в Синопе, то мы уже три раза нанимали судно, чтобы оставить его и отправиться в Энос; но жители не пускали нас, пока не подтвердились настоящие благоприятные известия; тогда они попрощались с нами, и мы отплыли в субботу утром, в последний день января. Жители Синопа плакали, расставаясь с нами. Мы поместили все свои вещи и сами все поместились в каике, нанятом нами за шестнадцать пиастров. Мы

предпочли такое судно оттого, что чувствовали страх при мысли сесть на корабль, и считали для себя каик более безопасным и более приятным судном, так как мы будем идти вдоль морского берега, близко к земле, и в случае, если корабельщики увидят, что на море поднимается сильный ветер или буря, они направят судно в бухту и вытащат его со всем, что в нем есть, при помощи ворота и канатов, наверх на берег, где мы будем в безопасности. Таким путем мы прошли расстояние в восемнадцать миль и прибыли к небольшому городу, называемому Герзе, в котором находится несколько прекрасных, больших домов, старинная церковь во имя архангела Михаила и другая, недавно выстроенная, на берегу моря во имя св. Параскевы. Выехав отсюда, мы прибыли в одно место, где освятили и дали имя новому кораблю, пересекли реку у впадения ее в море, называемую Кара-Богаз, затем другую реку, называемую Кызыл-Богаз[821]. Пересекая их, мы испытывали великий страх вследствие быстроты их течения. Вскоре после этого мы проплыли мимо города Амизуса[822] и миновали реку Волчью, знаменитую тем, что имя ее связано с именем св. Григория чудотворца, и называемую по-турецки Чаршенбе[823]. Затем мы проплыли мимо города Джаника, славящегося своим небеленым полотном, и прибыли к древней церкви, во имя св. Николая, выстроенной на высоком утесе. Мы помолились в этой церкви, находящейся очень близко от Эноса (Уние), а в этот город, или «Город вина», вступили мы в воскресенье на Масленой неделе, встреченные всеми обитателями.

Глава IV. Описание Эноса. — Занятие его жителей. — Город Аргости.

Наше плавание от Синопа до Эноса продолжалось девять дней; ибо мы встречали большую задержку вследствие дурной погоды и бурности моря. Сначала нас провели в церковь св. Николая, великолепное каменное сооружение, а затем в церковь Владычицы, окруженную каменными стенами. Нас пригласили в ограду этой последней церкви, к которой принадлежит прекрасный сад, заключающий в себе низкие плодовые деревца с широкими листьями, напоминающими листья каперсового куста, и едва отличимые от него. Здания в этом городе каменные, большие и прочные: они красивее построек в Синопе; и жители более почтительны и набожны, ибо мы заметили в них благоговение и набожность, горячую ревность к молитвам и церковной службе, покорность и смирение пред нашим владыкою патриархом, каких мы никогда не видели в свою жизнь; и что замечательнее всего, пока мы жили у них, нам ни разу не пришлось покупать что-нибудь на рынке, ибо женщины наперебой с мужчинами приносили нам обеденные приборы, хлеб, разного рода кушанья, одно за другим, водку, вино и другие напитки, в таком количестве и столь разнообразных качеств, что это превосходит всякое описание. Все они, днем ли, ночью ли, были готовы к нашим услугам. Вино в этой стране превосходное: оно — темно-красного цвета и приготовляется из черного винограда, который вьется по деревьям, и очень дешево.

Занятие женщин в Синопе и в этом округе, и вообще всего населения этих пределов состоит в производстве полотна. Ни один из жителей не преминул прийти и представить свою жену и семью нашему владыке патриарху, и они получали от него разрешительные грамоты. Мы провели у них много больше дней, чем это было бы необходимо при других обстоятельствах, дожидаясь каравана, который должен был прийти из Токата, — ибо в это время года караваны отправляются, обыкновенно, беспрерывно, составляясь из купцов кафских, молдавских и польских, как мы об этом упоминали раньше, — так как мы желали возвратиться домой вместе со своим вьючным скотом, и таким образом его можно было вести без труда, с удобством для него, и не прибегая к найму. Но никто не приходил.

Дело, однако, не терпело отлагательства, и жители, видя наше нетерпеливое желание уехать, посоветовали нам написать письмо и послать его в населенный христианами город, лежащий по соседству с городом Неокесарией и называемый Аргости, жители которого все нанимаются в погонщики, и попросить у них двадцать мулов. Пока посланный ездил к ним, я принялся готовить вьюки, придавая узлам форму, удобную для перевозки на мулах: ибо уже более шести лет мы ничего не возили на вьючных животных, а наполнив мешок до краев и зашив его, обыкновенно бросали его в повозку. В настоящем же случае мы принуждены были неустанно работать, составляя вьюки и затем обертывая их сверху выкроенным просмоленным холстом, ибо время было зимнее и снег покрывал землю, а мулы не могут нести более семидесяти ок клади. У нас был тюк соболей, состоявший из восьми больших мехов, восьми лапчатых и двух с половиною горловых. Опасаясь за их целость, я уложил их в мешок из грубого холста, поверх его надел мешок из навощенного полотна, и все это вложил в кожаную сумку. Подобным же образом я поступил с тюком цельных беличьих шкурок, заделав их в один вьюк, и с ящиком с кусками парчи, венецианского бархата, атласа и тому подобного. На всех этих тюках были надеты кожаные мешки, при чем внутренние мешки были старые или из грубой дерюги; мы надевали на них первые и зашивали их, так чтобы никто не мог рассмотреть, что это

такое, или позариться на них в мыслях. Дабы они производили противоположное действие, я придал им дрянной и жалкий вид, и если бы кто-либо взглянул на, них, они, наверное, не остановили бы на себе его взоров. Точно так же, чтобы уложить разную утварь, я сделал для нее, соответственно форме и размерам, сумки из навощенного полотна; все это делалось из опасения, чтобы дождь не коснулся их. Но так как без особой уловки мне невозможно было бы отличить один вьюк от другого, или знать, что в каком находится, я вышил на каждом красною или желтою шерстью одно-два слова, чтобы показать, что в нем содержится; но таким образом, что сам не мог на близком расстоянии разобрать, что это такое, а тем более, разумеется, кто-либо другой. Остальную одежду, утварь и всякую всячину я уложил таким же образом. Ящик, в коем находилось облачение нашего владыки патриарха, который я заказал по образцу сундука для облачений патриарха московского и который был обит кожею и жестью и запирался замком на ключ, где кроме того помещались его митра и кадило, облачения для священника и диакона и другие принадлежности богослужения, — ящик этот я уложил в один вьюк, так что если бы он понадобился, его легко было бы достать.

И вот к нам явились упомянутые возчики, в сопровождении своих священников, готовые услужить нам со всею радостью и охотою. Эти люди не знали другого языка, кроме турецкого. Нас просили отслужить обедню в Эносе в первое воскресенье Великого поста; но им не удалось получить согласие митрополита синопского, который, найдя нас среди них, почувствовал некоторую зависть при виде их любви и расположения к нашему владыке патриарху. Город этот не состоит в ведении митрополита, но он взял его на откуп у секретарей и духовных сановников константинопольского патриарха, к епархии которого он принадлежит, так как доходы собираются его чиновниками. Итак, между нашим учителем и митрополитом вышли несогласия вследствие запрещения, наложенного этим архиереем на патриаршее служение. Но митрополит скоро раскаялся в своем поведении и впоследствии домогался прощения. Эти бедные люди, однако, сколько ни добивались патриаршего служения, не достигли исполнения своего благочестивого желания. Затем, в четверг второй недели Великого поста, мы навьючили мулов и выступили из этого города, провожаемые мужчинами, женщинами и детьми, — всем населением города, которые плакали и горевали по поводу нашего отъезда, на значительное расстояние, после чего распрощались с нами, пожелав нам благополучного прибытия. Бог да осчастливит и да возлюбит их!

Затем мы по неровной и очень узкой дороге, по грязи и слякоти, перевалили чрез горные хребты, так как, по мнению жителей, этот путь был безопаснее, чем дороги на Токат, ибо им мало кто пользуется; но на этих хребтах мы встретили столько снега, что и описать трудно. Во всех деревнях в этих округах дома разбросаны поодиночке, подобно тому как это существует в стране друзов. Обитателей их называют рабами; и большая часть из них составляет собственность Хасана-паши Джелали, местопребыванием которому, а равно и визирю, служит в настоящее время, согласно полученному нами сообщению, деревушка по имени Кубули, на дороге из Токата в Синоп. Потом мы переправились через большую реку, называемую по-турецки Или Вараси[824] . Да избавит нас Господь от других таких переправ! так бурно было ее течение, и так далеко разбросаны ее скалы и камни. Ночью мы не имели другого места, где бы соснуть, кроме как под сводом неба, с горящими кострами кругом, под охраной бедных погонщиков — да помилует их Бог! Через три дня с трудом добрались мы до упомянутого города Аргости, лежащего на вершине бесплодного холма, подверженного жестоким холодам и сильным морозам. По этой причине ни в самом городе, ни вблизи него виноград не растет. Дома большие, есть церковь во имя св. Николая, в которой мы

присутствовали за обедней, во второе воскресенье поста. Священники служат и читают молитвы на греческом языке, не понимая, что говорят: ибо язык у всех их турецкий, как мы уже заметили. Что касается до их положения в государстве, то нам говорили, что они сверх харача платят правительству ежегодно не больше, чем мусульмане; что мусульмане всякий раз, когда к ним является новый ага из Константинополя, платят ему, каждый от себя, ... в двадцать пиастров или немного менее, и что они подвергаются неописуемым притеснениям, так что предпочли бы платить подать скорее как евреи и христиане, чем как магометане, и это было бы для них легче.

Глава V. Описание Неокесарии. — Деревня Омала. — Комана. — Токат.

Мы расстались с жителями Аргости во вторник рано утром, так как в понедельник были задержаны большим количеством выпавшего снега. Они повели нас вниз в обширную долину с большою покатостью, по плохой узкой дороге (и да помилует Господь душу того, кто случайно поскользнулся бы, ибо гибель его была бы неизбежна), пока наконец не спустились мы к городу Неокесарии, по-гречески называемому Хрисаносия, а теперь по-турецки Никсар. Крепость раскинута по вершине холма, и вода в нее течет из окрестностей города Аргости, проведенная, как нам говорили, по искусственному каналу. В этом городе есть озера и сады, и положение его приятное. Все его сады и плантации орошаются искусственно, и хлеба бывают высокие, так как это замкнутая долина, окруженная со всех сторон горами. Мы не осмелились явиться сюда в качестве христиан, ибо большая часть населения — военные люди и книжные магометане; и мы вздыхали, что не можем посетить разрушенные церкви, кои мы видели издали, самой величественной архитектуры, с еще уцелевшими куполами, как рассказывается об этом городе, его красотах и церквах в Новых Летописях Эль-Дженаби, который говорит: «Мудрый государь Ахмед Гази, совершив много завоеваний в Карамании, выступил для осады Хрисаносии, он же город Никсар, Жилище Счастия»; и по его словам, это был один из самых больших городов в мире. Среди населения распространено убеждение, что горячий ключ, называемый Эбоас и ныне находящийся на расстоянии нескольких миль от города, прежде был в самой средине города. В этом месте находится удивительно большая церковь, самой величественной архитектуры, называемая QaumatourgoV, со многими сохранившимися еще памятниками. Мусульмане долго сражались и бились, пока не овладели городом, и разграбили все его сокровища. Беседки из виноградных лоз здесь низкие и небольшие.

Затем мы прошли через весь город и переправились через большую реку Эддиб (Волчью)[825], протекающую по долине на краю города, и к вечеру достигли деревни, населенной греками и армянами и называемой Омала. Здесь виноград растет так же, как и в нашей стране, и жители все виноделы. Вокруг деревень растет много деревьев магляб, которые по виду очень напоминают дерево грецкого ореха; только их листья и плоды принимаются от ствола, наподобие волос.

Отсюда мы послали гонца в Токат к одному именитому христианину, по имени Хаджи Симеон, спросить его совета относительно въезда нашего в этот город; ибо мы сильно опасались, так как большая часть жителей — армяне или евреи; и мы, хотя нас было небольшое общество, вызывали большие толки в стране. Итак, мы пришли к единодушному решению и послали свою тяжелую кладь и вьюки со слугами, в качестве купцов, собственников клади. Они явились в Токат и остановились в хане; а мы остались позади без клади, оставив при себе только узел с ризами и необходимой одеждой. Мы условились войти ночью и согласно с этим выступили из Омалы только после полудня. На пути мы прошли мимо Команы, о которой упоминается в житии Златоуста: это небольшой город, вправо от дороги. Только начиная с Никсара, опять увидели мы кирпичные дома, плоские земляные кровли и софы.

Вечером мы вступили в Токат, в старину называвшийся по-гречески Kwkasw, — ныне имя одной местности, лежащей вне его, и остановились поблизости церкви, древней, с очень маленьким куполом; в ней мы служили обедню в третье воскресенье поста. Но все дома вокруг церкви принадлежат евреям. Дома христиан разбросаны, в числе сорока или

пятидесяти. Впрочем, вокруг города есть много христианских деревень. В понедельник вечером мы отправились осмотреть большую старинную церковь во имя Успения Божьей Матери в лежащей близ города деревне, называемой Какси, жители которой все христиане и армяне. Осматривая церковь, мы были поражены ее величавой архитектурой: она имеет величественные размеры, и ее высокий купол покоится на четырех колоннах из синего мрамора, из соседних каменоломен; она исполнена величия. Существует мнение, что это — сооружение императора Феодосия Великого. Мы совершили в ней водосвятие, и владыка окропил всех присутствовавших. Утром мы отправились посетить гробницу св. Иоанна Златоуста, с величайшим благоговением и усердием. Гробница находится на дороге, по которой мы прибыли из Омалы в Токат, и другого пути к ней нет. Прежде чем мы, подвигаясь вперед, достигли деревни Команы, нам указали груду камней в поле, подле дороги, в которой, как говорят, был найден саркофаг, заключавший тело святого. В ней постоянно горит светильник, а кругом нее разрушенные основания монастыря, который, должно быть, был большой. Вблизи Команы также находится, подле дороги, огромная скала большой высоты, та самая, которую перенес сюда св. Григорий. В ней вырыто несколько келий, а на вершине изображение этого святого чудотворца, как о том упоминается в его житии и известно всем доселе. Другие говорят, что ее перенес сюда Златоуст. На вершине ее нечто вроде гробницы, куда мы взобрались, так же, как поднимались и к кельям, в которые входили и молились в них. На гробнице лежит старинная греческая книга, которой мы не могли читать, так как она от долгого времени сильно обветшала. Мы были поражены великим удивлением пред таким необыкновенным чудом, как обломок горы, стоящий на поверхности земли. «Дивен Бог во святых своих, и вся хотения Его в них».

В Комане показали нам среди виноградника древнее здание с куполом, где, как нам сообщили, была гробница мученика Василиска, поверх которой было положено тело Златоуста; гробница эта посещается и в настоящее время. Из Команы мы прошли в деревню, называемую Бизари, лежащую насупротив Омалы, на вершине холма. Между обеими деревнями пролегает дорога. Все жители Бизари — армяне. В деревне этой находится старинная византийская церковь, на большинстве камней которой имеются кресты. Она в честь Воздвижения Креста; поддерживается четырьмя колоннами и имеет высокий купол, в котором еще сохранилось изображение Спасителя, с золотом. У нее есть еще другой купол с изображениями двух святых, имена коих написаны по-гречески. Престол остается до сих пор в своем первоначальном виде; он имеет вид основания колонны, разрисован и отделан под мрамор. Саркофаг, в котором заключено было тело св. Иоанна Златоуста, из синего мрамора, и помещается с правой стороны перед вратами третьего алтаря, подле самой стены. Говорят, что когда император Аркадий взял тело святого, саркофаг был без крышки; но недавно, лет шестьдесят тому назад, святой явился ночью одному некнижному пожилому человеку и сказал ему: «на таком-то поле зарыта крышка моего гроба. Скажи жителям города Бизари, у которых находится моя гробница, чтобы они пошли и взяли ее и положили на мою гробницу». Человек этот в изумлении проснулся и рано поутру отправился и стал рыть на том месте, которое указал ему святой. Это то самое место, о котором мы только что упоминали, как о груде камней на поле. Здесь и была найдена крышка. К этому рассказу прибавляют, что одно из важных лиц в Токате пыталось перевезти ее в этот город, но буйволы не хотели двинуться с места или сделать хоть один шаг по направлению к этому городу, а только в направлении к вышеупомянутому Бизари. Люди устали бить их, и, наконец, предоставили им идти своим путем, и буйволы шли, ни разу не останавливаясь, пока не прибыли в это последнее место; и этим самым, говорят, святой явил чудо, ибо всех буйволов было пять или шесть. Мы совершили у

гробницы святого молебен, со многими метаниями и с возжжением в большом числе восковых свеч, и приложились к ней. Янкосам (?) мы дали немного денег.

Направо от этой церкви есть другая, во имя св. Георгия, и как раз за ней находится малая церковь во имя св. Григория чудотворца, принадлежащая нашей общине. Посему нам пришло на мысль, что монастырь, разрушенные основания которого видны близ Команы, рядом с грудой земли и камней, в которой была найдена крышка от гробницы святого, должен быть действительно и несомненно тем монастырем, где прежде находился священный саркофаг, и когда монастырь был разрушен, гробницу, должно быть, перенесли сюда. По этой стране разбросано много остатков зданий церквей и монастырей, относящихся, говорят, ко временам Златоуста, который, обратив жителей в христианскую веру и окрестив их, построил для них эти церкви, которые они знают и называют по именам до сего времени. Весьма вероятно, что тело Златоуста было перевезено по той дороге, по которой мы прибыли из Эноса в Токат; так обыкновенно рассказывает местное население; а для перенесения из Эноса поместили святые мощи на царский корабль и таким образом доставили их в Константинополь.

После этого мы возвратились в Токат, а в пятницу наш владыка патриарх отправился в другую деревню близ Какси, называемую Бискави, и служил здесь обедню в четвертое воскресенье, в церкви во имя св. Михаила. В этом городе есть еще церковь во имя Пресвятой Девы. Жители чрезвычайно набожны: ни один из них не преминул исповедаться. У них мы наняли вьючных животных и погонщиков, приготовившись уже заранее к продолжению нашего путешествия, и затем возвратились в Токат.

Глава VI. Описание Токата. — Паолос. — Сивас. — Казнь Хасана-паши в Алеппо и истребление его сторонников.

Город Токат построен в долине между двух холмов. Вода здесь в изобилии, источники ее близко, под рукой, среди домов, но по свойствам своим она в то же время довольно тяжела. Крепость выстроена мусульманами, на гребне холма. Это — важное торговое место, куда стекаются со всего света. Базары его красивы, и все улицы, большие и малые, вымощены. В нем много армян, и у них в городе семь церквей. Была и восьмая церковь, на возвышении, господствующем над городом, но ее разрушили мусульмане. Здесь кругом города есть также византийские монастыри, из которых я посетил, не помню, сколько.

Затем мы наняли погонщиков из Келиза и выехали из Токата вместе с караваном во вторник пятой недели поста, после того как распрощались со всеми христианами, которые, во главе со своим митрополитом, проводили нас за город. Вечером мы прибыли к разрушенному хану, в недалеком расстоянии от Токата. В среду утром прибыли к другому хану, вблизи христианского города, называемого Паолос; а в четверг мы прибыли по неровной дороге к большому новому хану, похожему на ханы, что на пути в Константинополь, с бойней и горячими банями, по соседству с городом, который называют Енишехр, так как он напоминает одноименный город около Бруссы, о котором мы говорили в начале нашего путешествия.

В пятницу, приближаясь к Сивасу, мы страдали от холода, пронзительного ветра и мороза, превосходящего всякое описание; ибо это место известно своим холодным климатом и летом и зимою. Как холоден воздух здесь, так же холодны земля и вода, и во всей стране не видно ни зеленой травы, ни какой-либо другой зелени, за исключением вечнозеленых высокоствольных деревьев. Здесь не растет виноград, нет плодовых деревьев; а дынь, огурцов и других овощей не бывает до самого Троицына дня.

Прибыв в город, мы сложили нашу кладь в хане, а сами поместились в одном из домов, принадлежащих христианам, которых было сорок — пятьдесят. У этих христиан есть каменная церковь с высоким куполом, во имя св. Георгия, которую они выстроили совсем заново, в царствование покойного султана Мурада. Площадка ее и просторный двор окружены обширной кирпичной стеной, и вокруг нее находятся их могилы вместе с могилами армян. Нас принудили отслужить для них обедню в этой церкви, в пятое воскресенье поста; и наш владыка патриарх рукоположил им диакона. Они истинно набожные христиане. Этот город — тот самый, который по-гречески называется Севастия; а от этого имени назвали его по-арабски Сивас. В этом именно городе пострадали сорок мучеников. Место, где было озеро, ныне представляет высохшее дно. Причина та, что место это, как мы заметили на пути к нему, расположено в низкой впадине, значительно ниже города, который расположен на высоком возвышении, и воды последнего и его отбросы обыкновенно стекали в нее и, не имея оттуда выхода, образовали обширное озеро; ибо эта местность обилует водами. По-видимому, впоследствии, когда Тамерлан разрушил этот город и его стены, оставив ему теперь только следы былого величия, вода из озера вытекла, и оно превратилось в высохшее дно, каковым является ныне. Что касается места, где были помещены мученики, то это полукруглый свод, заметный издали, наполненный внутри водою, так как вблизи него находятся несколько источников воды, вытекающих из двух различных мест. Эту воду до сих пор называют агиасмой, и мы пили ее, дивясь своему счастию, что удостоились такой благодати. Нам рассказывали, что ежегодно, утром в день праздника мучеников, из нее появляются две

рыбы, как чудесное знамение. Потом провели нас к месту, где были сожжены их святые кости: оно находится за стенами, и на этом месте была большая церковь, от которой еще видны обломки колонн и краеугольных камней. Здесь-то члены нашей церкви и армяне роют могилы. Некоторые из этих гробниц древние, с покатыми крышками; и там, где видны следы алтаря, горят восковые свечи. В день праздника мучеников христиане приходят со своими священниками, совершают молебен и поют им службу. В этот день мы отправились осмотреть большое училище, довольно замечательное, отличающееся красотою своих колонн и мраморных украшений. Все оно выстроено из материалов вышеупомянутой церкви мучеников; основано оно великим эмиром Шахиншахом, как написано в истории, в соответствующей главе, в 670 году. Оно было сожжено до основания: говорят, его поджег знаменитый Кара Языджи. В непосредственном соседстве с ним находятся развалины другой церкви и небольшой часовни во владении турок. Мы дали служителю подарок, и когда он пропустил нас, помолились в ней, так как, по рассказам, здесь находится могила св. епископа Власия, в которой доныне сохраняется его тело; но могила эта скрыта. Город имеет крепость на холме, находящуюся в развалинах; в ней был дворец Абшира-паши и жены его, грузинки Марии. Пониже расположен сад, принадлежащий к дворцу, с вишневыми и персиковыми деревьями. Воздух этого города, поистине, холодный и сухой, а стужа, которой он подвержен, хорошо известна. Был конец марта месяца, и однако вследствие жестоких холодов, мы не могли выходить из своего помещения. Кругом этого города несколько монастырей, которые раньше были во владении нашей византийской или греческой церкви, а теперь в руках армян. Я посетил из них, не помню, сколько.

В этом городе мы удостоверились в истине слуха об умертвлении Хасана-паши Джелали в Алеппо и всех бывших с ним пашей, а также о прибытии туда Эль-Кебелли, зятя визиря, назначенного пашою этого города.

Дело было так, что Хасан-паша, расположившись в Айнтабе, получил уведомление, что Муртеза-паша идет со своими войсками к Алеппо, и немедленно послал против него татарина Ахмеда Элба, столь прославившегося своим мужеством, с тысячью храбрых воинов, пресечь ему путь у замка Богаз[826], близ Бейлана, и задержать его движение. Итак, он отправился в Келиз, ел, пил и отдыхал там несколько дней, как вдруг до него дошло известие о прибытии Муртезы-паши в Антиохию, а потом в Алеппо, при чем жители предместий перевезли все свои съестные припасы и весь домашний скарб во внутренность города, и все его население было повержено в крайний страх и смятение. Муртеза-паша остановился в доме Эрменези, а прочие паши и ратники разместились в других домах. Теперь Муртеза послал к Хасану-паше, стараясь заманить его письмами, обещаниями и клятвами, чтобы он пришел и явился к нему без страха и опасения; клялся ему святою книгою и мечом султана, что в отношении к нему никакого вероломства не совершит, и уверял его, что возьмет его с собою и примирит с султаном, со стороны которого ему нечего бояться. Между тем Хасана-пашу обуяла ярость и досада на поведение его войск, над которыми он утратил всякую власть. Они сделались наглы и мятежны и разбрелись по стране, грабя, совершая насилия и унося все, что им было угодно, ни от кого не встречая себе препятствия, пока наконец не пришли в одну из принадлежавших Хасану-паше деревень, вблизи Келиза, где он, обыкновенно, жил, и сделали на нее нападение. Проникнув в стойла, они рассекли саблями ярмы быков и увели их, а также разграбили запасы зерна. Хасан, воочию увидев эти неистовства с их стороны, осыпал их проклятиями и, в гневе вскочив на коня, внезапно отправился в Алеппо, не боясь последствий. Напрасно его офицеры употребляли всякие мольбы и убеждения, чтобы побудить его вернуться назад: он

упорно продолжал свой путь, пока не прибыл в Алеппо, где известие о его приближении сначала исполнило Муртезу ужасом. Но вскоре страх паши перешел в радость; и после свидания с Хасаном он отвел ему комнату в своем собственном доме, поместив в то же время каждого из сопровождавших его пашей вместе с кем-нибудь из своих офицеров равного чина и в обращении со всеми ними выказывая свое удовольствие и радушие, пока однажды, послав внезапно распоряжение, не приказал своей страже немедленно предать Хасана-пашу смерти, и они отрубили ему голову. Подначальным же офицерам своим он послал свитки бумаги, и каждый из них убил одного из приверженцев Джелали и принес его голову вместе с телом паше. Затем их взяли и отнесли и бросили кучей за воротами Банкоса. По поводу этого события была великая радость, и благодарения возносились Господу по всей стране и во всех мечетях. Паша распорядился не погребать тел, а оставить их на пожирание псам; головы же он немедленно отправил в Константинополь, наткнутыми на концы копий; и по такому особенному случаю там также было большое торжество и радость. К каждой голове был прикреплен клочок бумаги, на коем значилось имя того, кому она прежде принадлежала. Вслед за тем вышел указ об отобрании в казну имущества мятежников и о преследовании и поимке всех, кто был соучастником Хасана-паши, с повелением сравнять с землею их дома, умертвить их детей, а жен продать в рабство. Предписано было казнить сарыджа и сейменов, где бы их ни нашли, без всяких формальностей или допроса, названия же их и знамена уничтожить[827]*. Все это было приведено в исполнение, пока и самые остатки этих мятежников не были стерты с лица земли и мир очищен от их гнусности.*

Глава VII. Отъезд из Сиваса. — Улаш. Кангал. Эльмагайр. Описание города Дерендэ.

Мы выехали из Сиваса ранним утром в понедельник шестой недели поста, и вследствие неровной местности, резкости воздуха и глубокого снега на хребтах ее хорошо известных гор мы вытерпели столько лишений, что и описать невозможно. После полудня мы прибыли в одну армянскую деревню, имеющую два деревянных хана, и называемую Улаш. Здесь мы пробыли два дня вследствие падавшего в изобилии снега, так как дорога от этого места до ближайшей стоянки, называемой Кангал, очень трудная, представляет из себя узкое ущелье, которым не могут пройти два каравана, идущие в противоположных направлениях: настолько оно тесно, как мы об этом еще скажем. Через два дня мы выехали и снова страдали от холода, льда и резких порывов ветра, превосходящих всякое описание. Лица у нас стали черны как у негров; и когда мы поднялись на вершину горы, носящей название Деликли Кайя, мы встали в тупик и сбились с дороги, и глаза у нас смерзались от снега, сыпавшегося вокруг нас без конца, а дорога исчезла из глаз. Но Бог умилосердился над нами, послав нам избавителя в лице гонца, ехавшего впереди нас и отыскавшего нам новую дорогу. Вьючный скот наш изнемогал от утомления и падений; и некоторые из погонщиков поистине надрывались от тяжелой работы, поднимая животных и снова навьючивая, когда они погружались со своими ношами в снег. Точно так же лошади с их всадниками проваливались и скрывались в снегу; и всаднику невозможно было ехать, опустив ноги, ибо когда ступала его лошадь, он погружался так низко, что снег доходил ему выше поясницы. Скоро мы прибыли к большому ущелью, представляющему дорогу, где есть место только для прохода одного вьючного животного, где нельзя ступить в сторону, ни вправо, ни влево; ибо если бы нога животного соскользнула с тропинки, оно исчезло бы со своею ношею, как если бы упало в пучину моря; и вытащить его было бы невозможно никакими средствами, ибо оно закопалось бы и задохлось в снегу. Поэтому жители Кангала, обыкновенно, обсаживают эту дорогу высокими деревьями, наподобие палаточных шестов, по обе стороны, справа и слева, от одного конца до другого, чтобы они указывали всю дорогу от Деликли Кайя до Кангала; иначе, без этих примет, в снежную погоду вовсе невозможно было бы отыскать эту дорогу. Этот замечательный проход хорошо известен по всей Персии, в Константинополе и, как нас уверяли, по всему свету. Правда, что он весьма необычайный: ибо мы, видавшие и путешествовавшие так много, никогда не видели дороги ужаснее этой. У Кангала мы встретили всадников, которые, сменяясь поочередно, наблюдают и дают знать, беспрерывно разъезжая взад и вперед, чтобы предупреждать встречу отдельных отрядов в этом проходе и останавливать один отряд на месте, пока пройдет другой, как они должны были бы сделать и сегодня, когда, по их небрежности, вследствие столкновения двух караванов, шедших навстречу друг другу по этой узкой тропинке, вьюк ударился о вьюк, и одно из животных неизбежно упало в глубокий снег, и произошло неописуемое смятение и беспорядок, и даже обнажены были мечи. Итак, мы переносили великие лишения; никто из нас не осмеливался ехать верхом, опасаясь подобных падений, и в этот день все шли пешком большую часть пути. Нам рассказывали, что в прошлом году один караван погиб целиком. Погонщики, не будучи в состоянии дольше выносить тяжелую работу поддерживания вьюков, вследствие большой глубины снега и жестокого холода, сбросили тюки купцов и бежали вместе со своими вьючными животными. Но так как они окоченели от холода, то, несмотря на все усилия уйти, они были настигнуты купцами, которые, чтобы спасти жизнь свою, сами теперь оставили

свое имущество, на сумму, как говорят, в двенадцать тысяч пиастров: ибо на пути от Улаша до Кангала нет ни деревни, ни пещеры, ни лесной заросли; многие из них лишились рук и ног, вследствие омертвения. Жители отдаленных хуторов, услышав об этом происшествии, пришли и разграбили покинутое и унесли эти богатства в своих мешках. Недавно еще, когда Эль-Кебелли, паша Сиваса, возвращался туда из Алеппо, его войско, как передают, потеряло более двух тысяч лошадей на пути из Малатии в Улаш. С большим трудом достигли мы к вечеру Кангала, и пришли в себя, только выпив вина, которое имели с собою. Утром мы снова отправились и прошли половину расстояния до следующей стоянки по снегу, как и раньше, страдая от суровости холодного ветра, достаточно сильного, чтобы заморозить нас и засушить. В округе Кангала при хуторах и хижинах имеются под землею погреба, служащие убежищем от мороза. Наши погонщики свернули в сторону от дороги в Малатию, ссылаясь на то, что она очень неровна, и повели нас по дороге в Дерендэ: и Бог смилостивился над нами, и мы прибыли в страну благополучия. Теперь мы миновали снега и начали видеть землю; раскинули свои палатки и эту ночь спали здесь. Вставши на следующее утро, чтобы продолжать путешествие, мы более уже не видали холода. К вечеру прибыли в местность, называемую Эль-магайр. Весь наш путь в продолжение обоих этих дней лежал вдоль долины и реки текучей воды, которою орошаются соседние луга и засеянные поля. Говорят, эта река идет из окрестностей Ангоры и Тусии и соединяется с рекою Альбостана, которая называется Джихан: на ее берегах растут бесплодные деревья ююбы[828]*.*

Утром в Вербное воскресенье мы поднялись на какие-то высокие горы, и при приближении нашем к городу Дерендэ эти возвышенности напомнили местность Малулы в области Дамасской и дороги в тех местах; но только эти крайне неровны. Почва своею красною глиною и утесами напоминает почву алеппскую. В полдень мы спустились к городу и его бесчисленным садам. Водою он снабжается из большого потока, вытекающего из скалы внизу крепости. Стены домов и садов все кирпичные, подобно постройкам в Кара. Крепость его — прекраснейшее обширное сооружение, на вершине большого высокого холма, с равными сторонами. Нам сообщили, что османы исторгли ее из рук курдов. В нем много благотворительных учреждений; всякого рода плодов в изобилии; ибо жителей в нем мало, а садов много. Мы покупали око сушеных тутовых ягод за два османи.

Утром в понедельник на Страстной неделе мы оставили этот город и прошли через обширную низкую равнину, где все засеянные поля подвергаются орошению. Вечером мы остановились на ночлег в одной из деревень на Альбостане[829]*. Местность этой страны очень красива, и воды тут в изобилии. Лежит она очень низко, усеяна хижинами и окаймлена горами.*

Глава VIII. Город Алъбистан. — Опасная переправа через реку Джихан. — Место поклонения Сурб-Карапет. — Зейтун.

Утром во вторник на Страстной неделе мы переправились через реку Альбостан и вступили в город с тем же названием. Это небольшой городок, но в старину он был знаменитый город, и в истории известен под именем Альбистана[830]. Название его реки — Эль-эзрек, или Голубая река, и это та же самая река, что и Чиган или Джиган, источники которой находятся неподалеку, вблизи армянской деревни. Этот город прежде имел стены, как об этом передастся в историческом сочинении, озаглавленном: «Жемчужина из ожерелья Турецкого царства»; а именно, что в 754 году гиджры, во дни султана Эль-Ашрафа Салах (Эддина), сына султана Эн-Насыр Мохаммеда Ибн-Калауна, выступил эмир Сейф-уд-дин Аргун Элькамили, блюститель султанской власти в Алеппо, и с ним алеппские войска походом на город Альбистан, против эмира Караджа, сына Дильгадира, князя или главы туркменов, чтобы схватить его и забрать всех, кого они найдут с ним, рассеять скопище его полчищ и ускорить отсечение его корней и ветвей[831]. Прибыв к городу, они нашли его покинутым сейменами: ибо князь, как только дошла до него весть, бежал со всеми своими приближенными и спасся. Завоеватели немедленно разместились в его дворцах и ежедневно выходили отсюда, чтобы разрушать стены города и срывать его памятники. Скоро его улицы стали как сон прошедшей ночи, и оживление его — как следующий день после отправления каравана. Однако заметны еще следы его древних зданий, и местоположение его церквей и монастырей отмечено грудами камней.

Здесь мы пробыли два дня и выступили утром в Великий четверг, и, пройдя два часа пути, пришли к берегу реки Джигана, чтобы перейти ее бродом, который известен только местным жителям. Она была в пору своего наибольшего разлива, вследствие таяния снегов, и так как оказалось невозможным переправить нас бродом, то сняли тюки с вьючных животных, и окрестные крестьяне, которые все туркмены, раздевшись донага и распределив между собою вьюки поменьше, перенесли их на своих головах через реку. Что касается до более тяжелых, то они принесли два больших бревна и связали их вместе, сделав из них подобие лодки или плота, и на этот плот и другие подобные ему поместили тюки, и с помощью буйволов дотянули их нагруженными таким образом от берега реки до самого глубокого места; а затем, отвязав буйволов, доталкивали плоты до противоположного берега и, выгрузив тюки, возвращались за другими, пользуясь таким же способом передвижения, пока не перевезли всю нашу кладь. Многие занимались до самого наступления ночи перевозкою своих пожитков на лошадях. Оставались я, наш владыка патриарх и митрополит Герасим, внушивший нам мысль переправиться в лодке, которую должны были тянуть бечевою для нас, что было безопаснее и удобнее. Едва буйволы дотянули ее на глубину, как она накренилась с нами сначала направо, потом налево, при чем обдало нас водою с обеих сторон выше пояса. Тюки попадали со своих мест, и не будь помощи от нескольких армян, бывших в воде, и милости Всемогущего, мы потонули бы непременно. Зрители восклицали: «о горе!» и, считая нас погибшими, вопили и кричали, ибо река течет быстрым и глубоким потоком. Все, кто мог, бросились к нам на помощь и, благодаря предстательству всех святых, спасли и вынесли на берег нас, лишившихся чувств, как бы мертвых. Придя в себя, мы проклинали свое положение, испытав страх, ужас и потопление. Мы сняли с себя всю нашу одежду и прикрылись только мантиями, почти погибая от холода; и для нас это была особенно горестная ночь, тем более что мы не могли достать топлива, и все другие наши рубашки и одежды были упакованы. Однако

мы не щадили издержек на приобретение того, что только можно было купить, дабы возвратить нам жизненную теплоту; но нам невозможно было подняться с места, на котором мы сидели, и мы оставались тут, как сели, до следующего утра.

Ранним утром в Великую пятницу караван двинулся вперед, а мы остались позади вместе с теми конными путешественниками, поклажа которых попадала в воду. Исходив все окрестности, они подрядили крестьян вытащить их кладь. Это замедление было для нас очень кстати, ибо мы, почти вплоть до полудня занимались просушиванием на солнце своих пожитков и платья. Затем мы сели на лошадей и в этот день снова испытывали великие тягости вследствие неровности дороги. Поистине, до сих пор мы не видели ничего подобного ей: ибо эта дорога на Зейтун (хорошо известный армянский город) заведомо плохая, во весь путь от Альбистана до Мараша. Она извивается по гребням холмов и по долинам, дно которых покрыто быстро текущими потоками, ниспадающими с горных вершин; там и сям попадаются ключи, извергающие воду подобно рекам. При всем этом тропинка узка и дозволяет проходить только одной лошади за раз, и если вьючное животное случайно, не дай Бог, пошатнется и нога его соскользнет, оно полетит по всему скату, вместе с ношею, на дно долины. И сколько вьюков унесено рекою Джиганом! ибо по всему берегу этой реки нет ни малейшей отлогости, чтобы образовать отмель. Мы прибыли к стоянке только после наступления ночи; и без сомнения, нас довели ангелы. Эта дорога почти непроходима днем; так каким же образом мы могли уцелеть на ней ночью? Мучительные трудности пути были особенно тяжки для нашего владыки патриарха, человека дородного. И идя пешком, невозможно было избежать тряски, ибо, сойдя с лошадей, чтобы идти пешком, мы натыкались на ручьи, свергающиеся с высот с стремительностью больших рек, и мы не могли их перейти, не садясь опять на своих лошадей. Таким путем достигли мы, наконец, стоянки, расположенной у мельницы, между двух гор посредине долины; но и мы и наши лошади почти умирали от усталости. Как скоро наши спутники, которые большею частью ехали впереди нас, узнали о нашем приближении, они вышли встретить нас на некоторое расстояние с фонарями и факелами. Эти две ночи по своей мучительности и тягости были равносильны всему тому, что испытали мы за все время нашего отсутствия из дому: о делах судят по их последствиям.

Утром в Великую субботу мы встали рано, чтобы продолжать наш путь, пролегавший по горным хребтам, покрытым глубоким снегом; поэтому в тех местах, где солнце производило свое действие, была такая же глубокая грязь. И этой горной дорогой мы следовали до полудня, когда спустились в долину Зейтуна с его виноградниками. Мы миновали место поклонения Сурб-Карапет[832], т.е. Мар-Иоанна, или св. Иоанна Крестителя, которое посещается армянами из Алеппо. Это — старинное сооружение среди горячих ключей; толпа армян, которые были с нами, отправилась туда купаться. Воды эти целительны от всех застарелых недугов. После полудня мы поравнялись с Зейтуном и здесь остановились. Зейтун расположен на плоскости холма, и дома его построены из кирпича. Мы послали в город за вином, но не могли достать здесь ни яиц, ни сыра, ни мяса, которые были нужны нам для следующего дня, Светлого воскресенья: ибо люди Хасана-паши разграбили всю эту страну. Мы удивлялись названию этого города «Зейтун», предполагая, сначала, что назвали его так от множества оливковых деревьев[833], окружающих его. Но на деле оказалось совершенно обратное; ибо действительно его окружают обширные леса, но ни одного оливкового дерева не видно в его окрестностях.

Глава IX. Мараш. — Осман-Дада. — Бурдж. — Митрофан, митрополит алеппский. — Прибытие в Келиз.

В праздник Пасхи утром мы двинулись дальше, Завтрак наш состоял из сыра, один круг которого мы сберегали с тех пор, как оставили Валахию, и из сала, которое нам дали в Сивасе. Дорога наша в этот день опять была очень затруднительна, чрез огромные горы, стоящие подобно стенам, на которых, как сообщили нам, рубят лес для Алеппо. Большею частью мы следовали вдоль берега реки Джигана, и сколько раз случалось, вследствие узкости тропинки и сильного переполнения реки, что дорога наша была совершенно покрыта водою, и вьючные животные, вместе с их ношею, случалось, были сносимы потоком и только некоторые с большими усилиями бывали спасены! После полудня мы прибыли к мосту через Джиган, вблизи Мараша, и здесь сошли с лошадей. Начиная с этого места, мы видели красную алеппскую почву и дубы, миндальные, оливковые и гранатовые деревья в плодовых садах; теперь мы вдыхали алеппский воздух. Мараш — большой город, обильный водою, с прекрасной крепостью, расположенной на плоскости холма. Здесь мы ели салат, зелень и трюфели. Мы оставили его во вторник утром и, не переходя вброд реки Ак-Су, или «Белая Вода», боясь ее глубины от разлива, обошли кругом по мосту, и нам пришлось делать большие усилия, чтобы пробраться через рисовые поля, ибо все эти земли лежат под водою, ради посевов риса. После полудня мы пришли к старинному каменному минарету, где, по рассказам, прежде был большой город, называвшийся Османджик или Осман-Дада, и подле колонны находится старинный хан.

В среду утром мы продолжали свой путь, и снова терпели большие затруднения вследствие обилия грязи, слякоти и вод на рисовых полях. Несчастные вьючные животные, обыкновенно, вязли по шею, и вьюки падали у них со спины, и тогда погонщики должны были в одежде пробираться по грязи и воде, чтобы вытащить их и перевьючить; и только с величайшим трудом перебрались мы и вступили в знаменитый проход или теснину Дерендэ, представляющий тесное ущелье между двух гор. Миновав его, мы прибыли на вершину горы, к месту разветвления двух дорог, к Айнтабу и к Келизу, где часть каравана отделилась от нас, взяв направление на Айнтаб, между тем как мы присоединились к тем, которые направлялись в Келиз. Скоро мы прибыли к виноградникам, принадлежащим к обоим округам, и после полудня достигли города, называемого Бурдж, знаменитого своею башнею.

Утром в четверг после Светлого воскресенья мы миновали город виноградников и прибыли к пределам келизских виноградных насаждений и земель. Туркмены собирались теперь со всех сторон нашей страны, направляясь в область Сиваса на лето в свои летние стоянки. Мы смотрели на них с большим любопытством, и зрелище было величественное; поистине, они то и суть возделыватели земли и ее плодов и источник нашей радости и благоденствия. К вечеру я один прибыл в Келиз гонцом… как благовестник, но тут не хотели верить мне, и когда глядели на меня, то походили на людей, приведенных в недоумение и не доверяющих своим чувствам: ибо всякие известия от нас прекратились, и о нас уверяли, что мы были убиты в Валахии во время войны Константина, историю которой мы передали, и во время которой были беспощадно умерщвлены все, находившиеся в монастыре, в коем когда-то жили и мы. Они обрадовались нашему прибытию к ним, и мы слились с ними в вознесении благодарений Господу и в восхвалении Его святого имени за наше спасение.

Немедленно я написал письма в Алеппо, Дамаск и другие города Сирии, и мы послали их

с гонцом, чтобы уведомить о нашем приближении, и наше возвращение этой дорогой было самым счастливым шествием; ибо первоначальным нашим намерением было идти из Токата к Кесарии, а оттуда к Адане, Антиохии на Мадике и Антиохии Сирийской; только мы не нашли попутчиков для этой дороги, но вовсе не имели намерения идти в Алеппо. Это случилось вследствие множества беззаконных и позорных деяний, совершенных среди христиан врагом Божиим, Митрофаном, сыном священника Бишары (Евангелия), митрополитом Алеппским, поставление коего на эту епархию было судом Божиим над ее народом. Для какой иной цели воспользовался он удобным временем отсутствия нашего владыки патриарха, как только для злых дел, для притеснения своею властью, для многочисленных обманов и вымогательств? Особливо, во время правления Абшира-паши он предъявил иск, что они[834] должны ему шесть или семь тысяч пиастров, — так рассказывали нам; и он побудил пашу собрать с них эти деньги. Паша сделал это при помощи палочных ударов и казней, превратив митрополичий дом во временное жилище своих аг, в палату вымогательства, в темницу; меж тем как сам митрополит не чувствовал сострадания ни к кому из своей паствы и с жестокостью продолжал свои притеснения и гнусности, пятная своими поступками архиерейское достоинство и постоянно нанося вред интересам христиан. Однако Абшир все эти деньги взял себе и употребил их на уплату жалованья сарыджа и сейменам, не давши митрополиту ни одного пиастра. Взгляни на поступки этого нечестивца, оставленного Богом! Взгляни на его безбожие и лицемерие, в котором он дошел до таких пределов, что простер свой обман и лихоимство до злоупотребления списком шелка-сырца, собираемого ежегодно на праздник Рождества Христова с христиан в пользу бедных — превосходный обычай, существовавший со времени предыдущего патриарха Евфимия, известного под прозвищем Карама, и распространившийся при нашем владыке патриархе, когда он был митрополитом; но теперь этот безбожник стал причиною того, что обычай был оставлен по указанному нами поводу, ибо, пользуясь росписью, начали придираться к христианам, говоря им: «ты дал в прошлом году шелку-сырца в размере (положим) стоимости пяти одежд (или: ты дал больше или меньше), и это показывает ценность твоего имущества, так как считается, что ты давал десятину того, чем владеешь». В таких-то и иных столь же гнусных действиях был он повинен в такой степени, что продолжать описание их было бы утомительно. Он сделался дерзким и бесстыдным в своих пороках и бесчинствах, в пьянстве и других излишествах, обращая самое слово и имя «православный» в позор и посмешище у других народов. Во времена патриарха Карамы он заведовал церковными доходами и самовластно управлял имуществами Церкви; но при вступлении на митрополичий престол нашего владыки ему посоветовали назначить сорок векилей или уполномоченных, из коих двое ежегодно должны были стоять пред Богом и служить церкви, от дня праздника сорока мучеников до его годовщины. И когда это дело было поставлено таким образом, доходы Церкви стали преуспевать с благословения Божия: подвалы ее из года в год были наполнены маслом, в ее складах были запасены восковые свечи, и сокровищница ее была снабжена всем потребным вплоть до дней того лица, о котором мы говорим, и вступления его на митрополичий престол, которое явилось для нее как бы испытанием от Господа. Тогда дело изменилось таким образом, что векили стали назначаться при посредстве лиц, власть имущих, по распоряжению паши, в силу перевеса в борьбе и распрях, и благодаря весу кошельков с деньгами и протекций, к отягощению Церкви тысячами долгов — да отплатит им Господь, как они того заслужили! Все эти дела и обстоятельства дошли до нашего слуха в Келиз; и мы были крайне раздражены, в особенности наш владыка патриарх, который не переставал

проклинать митрополита и клясть его, от всей души призывая на него (Божие) мщение.

В начале его управления митрополией, когда он только начал обнаруживать свои пороки и гнусности, владыка послал лишить его священства; но он явился к владыке в Хаму и обратился ко многим лицам, прося их ходатайствовать за него, обещая перед Богом и давая самые ненарушимые клятвы, что он откажется от вина, водки и всяких хмельных питий; и после того как мы на сей конец составили и взяли с него узаконенное поручительство, скрепленное подписью именитых жителей Хамы и наставников, владыка простил его. Поэтому он предъявил иск к властям о взыскании пени с алеппских христиан за то, что они прочитали статикон (грамоту) о его отрешении и отлучении, при чем в этом иске его поддерживали сын его и родственники. Впоследствии, возвратившись вместе с нашим владыкою патриархом в Алеппо, он снова впал в свое прежнее состояние и втайне нарушил свои клятвы. Таким образом он постоянно бесчинствовал, и вследствие его постоянного злоупотребления опьяняющими напитками, его поразили болезни и недуги; но тем не менее он не унимался, пока наконец Господь не поразил его дизентерией, как это вскоре будет видно при дальнейшем ходе этого рассказа.

Между тем я написал письмо и послал его с гонцом своим домашним, предупреждая свое семейство не распространять известий о нашем прибытии, но выразил желание видеть своих сыновей, Ананию и Константина, дабы удовлетворить моей страстной тоске по ним после столь долгого промежутка времени, так как прошло уже семь лет без трех месяцев, как я расстался с ними: ибо мы твердо решили не идти в Алеппо, а держать путь наш из Келиза на Дамаск. Однако, едва дядя мой, ходжа Илия, выехал с моими сыновьями и присоединился к нам, как весть эта распространилась по Алеппо, и немедленно множество друзей, христиане, священники, диаконы и другие сословия поспешили в Келиз, чтобы нас посетить, и приветствуя нас самым сердечным образом, просили нас ехать в их город, (говоря), что редкость посещений их нашим владыкою патриархом служит в укор их доброму имени, и что они будут опозорены перед всеми прочими городами, так как все уже прослышали о его близости к их городу, и вдруг он удаляется в сторону от него, хотя это — его родной город и область. Что касается до покойного митрополита, отступника от Господа, хищного волка, рассеявшего стадо Христово и предавшего его в пасть волчью, то, едва прослышал он о нашем прибытии, как заболел лихорадкой и, по всем видимостям, умер, но оказалось, что это был обморок, оправившись от которого, он прислал извинение, что не может по нездоровью нас встретить.

Глава X. Торжественный въезд в Алеппо. — Поведение митрополита Эмесского. — Прибытие митрополитов.

Мы служили обедню в Келизе в Новое (Фомино) воскресенье, при всеобщей радости и ликовании. Тут мы пробыли две недели. Вследствие настойчивых убеждений посетителей из Алеппо, священников и почетных лиц, являвшихся за благословением, владыка патриарх наконец уступил их желанию и согласился отправиться в Алеппо, но с условием, что он возьмет с них следуемый ему сбор и что все, что он издержал для выражения почтения паше, и все подарки будут отнесены на их счет, и в этом они поручились друг перед другом. Итак, мы выехали из Келиза с немногими вещами, оставив в нем остальные, и, приблизившись к Алеппо, остановились в деревне Билирмун, чтобы пробыть тут до вечера и войти в город негласно; но христиане, быстро прослышав о нашем приближении, вышли целыми общинами всех вероисповеданий встретить нас, и стекались к нам во множестве, толпа за толпою. Если бы мы вступили в Алеппо, как только подошли к нему, это было удобнее и спокойнее; ибо, пока мы имели остановку в деревне, стечение и наплыв народа увеличились, и обстоятельства неминуемо вынуждали нас подняться и двинуться к городу. Женщины вышли до Ханакии, и мы не могли пройти через мост Баш Куббе вследствие давки толпы и стеснения встречавших нас, и не будь янычаров и ясакчи, которые шли впереди нас с палками, мы вовсе не могли бы проехать. Прибыв к христианскому кладбищу, мы увидели издали, что площадь совершенно переполнена народом, и только с большим трудом мы подвигались вперед. Пройти в церковь, согласно установившемуся обычаю, мы нашли невозможным и по причине скопления народа, и потому, что наступил вечер, хотя священники разных общин приготовились из любви и уважения к владыке патриарху встретить нас в облачении — да ущедрит их Господь! Митрополит, о котором было уже столько говорено, также явился встретить нас, трясясь и дрожа вследствие своего состояния, на которое он громко жаловался и плакался, и — Бог свидетель — мы, вследствие перемены в его лице и наружности, не узнали бы его. Он шел пешком, и его поддерживали четверо носильщиков, когда он опустился на колени и просил (прощения); и будучи окружен толпой, едва не был растоптан под ногами народа. Таким образом мы вступили в митрополичий дворец, где предались отдохновению, выбросив из головы все заботы, связанные с путешествием, славя Богу за свое спасение и благополучное прибытие в родную страну и за то, что мы снова соединились с дорогими нам лицами, с товарищами и друзьями. Наш въезд в царственный и богохранимый град Алеппо произошел в четверг вечером, 21-го апреля.

В канун следующей субботы мы совершали шествие со всем духовенством, с диаконами, во время Входа, согласно обычаю этой страны, по случаю торжественного чествования памяти св. мученика Георгия, праздник которого приходился на следующий день; и таким образом наш владыка патриарх в этот канун был встречен всеми священниками различных общин в ризах, и они вводили его в свои церкви с величайшим почетом и уважением. На следующий день мы совершали обедню с торжественным крестным ходом, при чем были розданы свечи всем молящимся; и христиане — да благословит их Господь и дарует им благоденствие! — собрались вместе, с большой торжественностью, чтобы оказать честь нашему владыке патриарху, которого они наперерыв один перед другим угощали обедом и ужином, условившись между собой, что когда он пообедает в одном месте, ужинать будет в другом, и так горячо добивались чести принять его, что иногда случалось, что двое или трое в одно и то же время готовили

угощение. Не менее многочисленны и обильны были их благодеяния и милостыни. На своего митрополита они явились с жалобами за его поступки с ними, и владыка патриарх горевал об их деле, меж тем как сам митрополит пребывал распростертый на одре болезни.

Гонец, которого мы посылали в Дамаск, теперь вернулся и принес нам известие о великой радости тамошних христиан по случаю вашего приближения и нашего спасения, которую они высказывали нам в письмах, выражая просьбу, чтобы наш владыка скорее явился к ним принять в свои руки бразды правления и заведывание их делами: ибо они стали подобны виноградным лозам после сбора винограда. В то же время они жаловались на митрополита Эмесского, сына Амиша, второго Иуду, на гнусности, которые он совершил среди них, и на обиду, которую он им причинил, ибо они послали к нему и пригласили его жить у них в качестве уполномоченного, и он пришел и совершал служение в патриархии, занимая патриарший престол, нося саккос, рукополагая в священные степени и становясь на кафедре (горнем месте) — все это без дозволения хозяина епархии. Они обвиняли его в венчании незаконных браков за деньги и в совершении великих гнусностей, больших даже чем гнусности хамасца, митрополита Алеппского. Услышав о приближении нашего владыки патриарха, он было растерялся и смутился, ибо постоянно распространял о нас слухи, что мы убиты и никоим образом вернуться не можем; и говорил народу, что теперь он то лицо, которое должно пользоваться над ними властию патриарха: столь неблагодарным изменником выказал он себя по отношение к своему владыке и учителю, который рукоположил его во священника и посвятил во епископа. И как митрополит Алеппский был подвержен страсти к пьянству, так этот человек стал добычею искушения к накоплению денег, черствости сердца и скупости, как об этом мы расскажем в истории о нем, которую, если будет угодно Господу, мы дадим в полном объеме.

Впоследствии он бежал из Дамаска и удалился в Сейданайский монастырь, где и остался; и опасаясь ярости жителей Дамаска, которую они питали против него, так как он принуждал их платить большие суммы денег правителям, и зная об их жалобах на него своему духовному владыке, он принялся писать, во вред им, прошение за прошением к правителям из своего сейданайского убежища, пока мы не послали ему письмо с приказанием собраться и явиться в Алеппо. Сюда также приехали принести нам поздравления кир Мелетий, митрополит Триполийский, кир Николай, митрополит Аккарский, и кир Неофит, митрополит Лаодикийский. Между тем из Дамаска приходили письма за письмами с просьбою, чтобы владыка патриарх собирался и ехал к ним со своими спутниками. Наконец намерение было принято нами, и, послав привезти остальную нашу кладь из Келиза, мы начали укладываться и готовиться в путь к Дамаску. Тут явились некоторые из алеппских христиан, прося нас взять от них их митрополита, чтобы они могли вздохнуть и успокоиться в его отсутствие, хотя бы на малое время. Наш владыка патриарх созвал собрание по поводу этого и по делу уполномоченных, которых он всех устранил от их обязанностей, заместив другими; и при счете долгов, остающихся за алеппскою церковью, оказалось, что их было на семь тысяч пиастров. Все церковное имущество, ризы и богослужебные принадлежности были отданы в залог заимодавцам. Все эти хищения были учинены митрополитом ради того, чтобы добыть себе денег, сверх и помимо тех сумм, которые были уплачены ему и за него по счету. Что же мог сделать с ним владыка патриарх? Он отдал его в руки правосудному правителю, чтобы тот воздал ему должное и наказал его. Теперь митрополит стал просить владыку позволить ему отправиться с ним в Дамаск, но владыка отказал, по действию промысла Всемогущего Бога, как это обнаружится впоследствии; и мы предоставили его сынам сатаны.

Глава XI. Отъезд в Хаму. — Прибытие в Дамаск. — Перестройка патриаршего дома.

Мы выступили из Алеппо вместе с меккскими паломниками в четверг, 21 июня, и по прибытии в Хаму были встречены счастливыми известиями. Дело в том, что в Дамаске были два сильных человека из именитых людей города: один — по имени Абд-ус-Салам, киайя янычаров, другой — Абд-уль-Баки, языджи (секретарь) янычаров. Эти люди были очень непокорны и строптивы по отношению к султанскому правительству и поддерживали тайные сношения с Хасаном-пашою Джелали, в противодействие визирю. Когда упомянутый Хасан-паша погиб, визирь послал грамоту Кадыри-паше, паше дамасскому, о котором мы упоминали уже раньше, как о паше силистрийском, приказывая ему, прибегнув к хитрости, отрубить им головы. Вследствие этого он пригласил их во дворец и, обезглавив их, послал их головы в Константинополь; и теперь в Хаме мы увидели людей, которые их везли. Мы очень обрадовались этому: то было для нас необычайным благодеянием, судя по тому, что нам рассказали потом об этих людях: именно, что они сторожили час прибытия нашего владыки патриарха, а мы далеко не имели столько, чтобы могли удовлетворить их жадность. Но Господу угодно было положить конец их существованию. Итак, когда те лица, которые были зачинщиками мятежа, погибли, визирь, прислал настоятельные предписания названному Кадыри-паше отрубить голову всем тем беднягам-янычарам, которые давно были замечены в закоренелой враждебности к султану и его визирю: и многие из них были обезглавлены, а остальные бежали в Йемен, Египет и другие области Аравии. Еще ранее этого, визирь послал двух чорбаджи-капыкулей с их людьми — один чорбаджи двадцать шестой ода, другой — тридцать второй ода[835] *— с шестью или семьюстами человек; и отстранив дамасских янычаров от караулов крепости, он поставил в нем стражу из одних этих. Поведение первых было теперь подвергнуто строгому расследованию, и гнев Божий поразил их за бесчисленные деяния тиранской жестокости, кои они совершали над жителями, не обуздываемые правительственной властью и не имея никакого начальника: и таким образом Бог даровал визирю поступить с ними по своему желанию; и все это случилось к нашему великому благополучию — хвала и благодарение Всемогущему!*

Когда мы прибыли в Эмессу, злочестивый митрополит этого города, второй Арий, вышел к нам навстречу, ибо он выехал из Сейданаи, прибегнув к обману и лицемерию; но мы не делали ему никаких упреков ни за что, — напротив, мы встретили ею с веселой улыбкой, взяли его с собой и успокоили его сердце для того, чтобы достигнуть своей цели в отношении к нему и совершить свой суд над ним в присутствии его противников, созвав синод по поводу его поведения и его личности. Когда мы отъехали на два дня от Эмессы, я наедине начал увещевать и выговаривать ему, напоминая ему об его преступных деяниях, по порядку; но он встретил мои упреки увертками и отнекиванием.

Наконец мы вступили в укрепленный город Дамаск, в пятницу утром, 1-го июля, встреченные христианской общиной со всяким почтением и уважением, с радостию, весельем и ликованием. Прежде всего, мы начали с засвидетельствования почтения паше, посетив его; посетили также всех почетных лиц города и поднесли им в подарок восковых свечей, сахару и тканей. Затем мы приступили к уплате наших долгов. Первым в списке наших должников был долг дому Хаджи Насыр-уд-Дина, общий итог которого, по определению суда, равнялся девяти тысячам пиастров с лишком, и его мы уплатили, написав расчет между нами и ими; другому кредитору мы были должны две тысячи

пиастров, и мы уплатили их ему; третьему — две тысячи пятьсот, четвертому — тысячу и пятому — пятьсот: и таким образом мы заплатили пятнадцать тысяч пиастров. Патриарший дом также требовал некоторой суммы денег, материй, мускуса, мехов и тому подобного. Мы истратили на пашу и на остальных именитых лиц более трех тысяч пиастров. Дом патриарший со своим залом обратился в развалины, ибо был построен главным образом из кирпича, а дерево сгнило за давностью. Мы срыли его до основания и построили новый дворец, приличествующий нам, с кельями для духовенства, с галереями, отхожими местами с проточною водою, кладовыми и мощеными дворами. Зал мы вымостили материалами разного рода и разных цветов; и я посылал в Алеппо за желтой и зеленой черепицей, истратив на это замощение и на водоем посредине около шестисот пиастров. С передней стороны дворца я облицевал его черным и белым камнем, с основания до верхушки, и устроил при нем фонтан и водомет, из пестрой мозаики и цветного мрамора, выбрасывавший воду, которая, рассыпаясь в своем падении, чарует своим журчаньем сердце и ум и прогоняет грусть с души. При постройке его я воздвиг две мраморных колонны, перевитые и закругленные по образцу древних греческих колонн; ибо я взял мастера и показал ему некоторые колонны у дверей мечети, называемой Дженезари, что за воротами Тума (Фомы), основания коих древообразны, как основания греческих колонн. Две колонны с их подножиями обошлись в тридцать пиастров и служат в настоящее время предметом величайшего удивления для зрителя. Все это имело отношение к словам того, кто сказал, что «мастера сего времени и века неспособны производить работы, подобные древнему искусству». В средине этого места я поместил порфировую доску длиною в полтора локтя и шириною в три, с рамкою вокруг нее, из белого мрамора и черного камня, и на этой черной и белой облицовке я поместил обозначение времени, в три строчки стихов, составленных из прекрасных черепиц со свежей глазурью, таким образом, что никто не мог бы переделать их или придать им иной смысл в каком-нибудь месте, от начала до конца. Над дверью галереи я поместил желтую плиту с обозначением на ней времени построения на греческом языке и греческими буквами, чтобы его могли читать и сыны Греции. В зале было темно, и поэтому я проделал в ней два высоких окна. В углу летнего помещения, называемого Мишрака, я построил отхожее место с высоким куполом и арками и водоемами кругом, в подражание отхожим местам дамасских вельмож, которые они строят из дикого камня. В зале я проделал большое окно и устроил в нем прочную железную раму со щеколдою, весом в тридцать шесть фунтов, тогда как прежде на ее месте была деревянная. Вблизи нее я проделал потайную дверь, ведущую в портик из дикого камня, и сделал эту дверь подобной окружающему материалу, так что, когда она затворена, никто не догадывался, что это дверь. Я расширил и сделал выше ворота двора, построив их из дикого камня. Все ворота и двери были обрамлены деревом сирийской и белой шелковицы, дабы они не обветшали с течением времени; это была прочная работа. Портик позади зала был весь сводчатый, и я расширил двор и вымостил его черным мрамором. Здесь было водохранилище, прочно выстроенное из черного мрамора и сосредоточенное мною в одном месте, на место нескольких, существовавших, обыкновенно, в домах соседей, и вблизи него была проделана особая дверь для прислуги. Из зала была вынута целая гора земли, ибо мы удалили землю и наложили на ее место камня. Постройки в Дамаске производятся с цементом и красной землей, так как земля здесь обожженная, и не походят на постройки алеппские, с их особенною землею и известью. Ста пиастров было недостаточно нам для того, чтобы измельчить землю. Водоем в этом месте был очень большой, окруженный со всех сторон садиком, но я уменьшил его размеры и рас-ширил открытое пространство для прогулок. Для лимонных и

померанцевых деревьев я сделал каменные окаймления, наподобие устьев колодцев, с бордюром, — прекрасное произведение искусства; и кругом них настлал пол такой же, как и на всей площадке зала. Вдоль всех стен я устроил приступок из черных и белых плит, где можно было бы сидеть народу: и все это место из тесного и узкого сделалось просторным и обширным. Красота зала с его водоемом и водометом была предметом разговоров в городе Дамаске, и многие из именитых людей нередко приходили посмотреть на него[836]. Мы истратили на всю эту постройку около трех тысяч пиастров. Из всех ее украшений ничто не было бы так достойно возбудить в тебе, мой брат, желание и зависть, как красивые ряды нарциссов, гиацинтов и других цветов, размещенных на порожках водомета, от верха до низу, с рассыпающеюся посреди них водою, и по краям водоема, кругом, бутылки вина, вперемежку с кувшинами воды, — и потом видеть нас сидящими в новой галерее с лицевой стороны и пьющими во славу Божию, с кубками в руках. И я молю Всемогущего, да подвигнет Он всякого читателя моего убогого рассказа и всякого слушателя посетить святой Иерусалим и поглядеть на это восхитительное место, которое я сумел так хорошо устроить: и конечно, если бы в нашем обладании была целая сокровищница золота, она в наших руках подверглась бы полному израсходованию, и это сооружение стояло бы памятником для будущих поколений, дабы люди просили блаженства и награды для нас у щедрого Владыки мира, ибо хотя деньги, имевшиеся у нас, составились из даяний христиан, но употребление их на эти хорошие дела, несомненно, есть весьма похвальное деяние.

Глава XII. Перестройка патриаршего хана в Дамаске. — Смерть митрополита Алеппского. — Постройка диван-ханэ в Алеппо.

Патриархии принадлежал хан, отказанный ей по завещанию, находившийся насупротив дверей портика патриаршего дворца; и над ним этажами были помещения для бедных, но в последнее время он сделался жилищем безнравственных женщин; и многие попытки выгнать их, за их лицемерие, пороки и гнусности, которые они постоянно творили, не имели успеха. Но я их выгнал сразу; и сравняв все здание с землею, воздвигнул его заново с самого основания и сделал его в два этажа: нижний этаж состоял из девяти больших, просторных мастерских, а верхний из восьми, несколько красивее и более обширных. Ежегодный доход от хана, прежде равнявшийся только двадцати пяти пиастрам, теперь возрос до ста двадцати слишком. Много потрудился я над его перестройкой, в особенности вследствие большого количества земли, бывшей внутри его, — и да избавит нас Господь от дамасских зданий! — едва вы сделали щель в своде, как вся стена, от верха до низа, превращается в развалины. На этот хан мы истратили около двух тысяч пиастров. Сотни пиастров оказалось нам недостаточно для одного только раздробления и просеивания земли. В этом здании я сделал небольшую дверь, наподобие двери митрополичьего дворца в Алеппо, и над входом в одну из лавок написал дату его постройки.

В наше отсутствие в старом патриаршем доме поместился ага и сделал его своим жилищем, будучи допущен через ворота хлебопекарни[837]; и только с большим трудом мы выгнали его оттуда. Затем я заложил обои ворота камнем и сделал одни только новые ворота для входа; снаружи они были красивее и глубже, чем ворота митрополичьего дома в Алеппо, были сложены из больших обтесанных камней, и в воротах была калитка; и другие подобные им были изнутри, так что обои вместе они походили на ворота крепости. И теперь — благодарение Господу! — обитатели уже больше не страшились, что кто-нибудь вломится через них; ибо ничья рука не была в силах сокрушить ворота: столь глубоки их выемки, глубоки настолько, что могут скрыть всего человека. Что касается до остального, то мастера и искусные работники трудились около двух лет над постройкой дворца; но мы употребили все усилия, чтобы закончить хан до наступления зимы, увеличив число мастеров и работников, которых всего было человек шестьдесят или семьдесят; и он был окончен в течение восьмидесяти дней, чему сильно дивились знатные мусульмане; ибо если бы эта работа делалась для них, то рабочие не выполнили бы ее и в два года; но так как все они были христиане, то им стыдно было нас и они работали со всем усердием над этим благотворительным предприятием, тем более что это делалось для их соотечественника, для их церкви и для их патриарха.

Обыкновенно, еще со времен прежних патриархов, для патриаршего дома получалось каждую неделю две партии вина из Сейданаи. Обычай этот за время нашего отсутствия прекратился; но я много трудился и старался, пока снова не ввел его.

Вскоре после нашего прибытия в Дамаск, сюда явились к нам митрополит Сидонский, митрополит Бейрутский, митрополит Баальбекский и митрополит Триполийский, чтобы принести поздравление нашему владыке патриарху; и владыка наш разослал их потом по разным направлениям, чтобы собрать ему нурию, или десятину, согласно обычаю. Сам он отправился посетить Сейданаю, первого сентября, когда наступил 7168 год от сотворения мира (1660 г. от Р. Хр.); а я остался вместо него в Дамаске.

Через шесть дней после праздника Воздвижения Креста к нам прибыл из Алеппо гонец

с важными известиями, полными радости и веселия, и уведомил нас о смерти митрополита Алеппского, 13-го сентября, после краткой болезни, опорожнившей дочиста его желудок, от которой он испустил дух в слезах и рыданиях. Все радовались его смерти; и Господь посетил свой народ, освободив и избавив его от испытаний и искушений. Прибытие гонца к нам случилось после полудня; я немедленно отправил конных гонцов в Сейданаю, отвезти известие нашему владыке патриарху, и он получил его после ужина, раньше чем отошел ко сну. Он преисполнился радости, находя удовольствие не в смерти митрополита, но в избавлении жителей Алеппо от его злочестия; и встав, немедленно отслужил параклисис (молебен) Божией Матери, вознеся благодарения и хвалу Ей, принесшей ему эти счастливые известия в Своем монастыре[838]. Затем я послал сообщить радостное известие остальным епархиальным архиереям, которые все были крайне раздражены против митрополита.

В это время нашему владыке патриарху пришла мысль заняться в этом году мироварением, и не только по обыкновенным причинам, но и потому, что мира, приготовленного покойным патриархом Иоакимом Ибн-Зиядэ, оставалось немного более одного галлона[839], поэтому мы теперь записали названия снадобий и благовонных корней в книгу и начали покупать и собирать их, послав в Египет достать бальзамного масла.

В начале Рождественского поста я переехал в Алеппо, где оставался до 10-го марта. Здесь я начал также строить диван-ханэ (судебная палата), который был безусловно необходим, и два подвала для темницы и для съестных припасов, как по причине тех страхов, ужасов, тревог, грабежа и расхищения, которые произошли в мое отсутствие через эфенди Ахмеда-пашу, о чем мы упоминали раньше, так и вследствие недавнего страха перед Хасаном-пашою и Муртезою; а также потому, что мне удалось купить прекрасный мраморный столб, который можно было расколоть на плиты, вместе с тремя каменными арками из дикого, желтого и черного камня, по сходной цене, за тридцать два пиастра. Таким образом, предприятие удалось, и здание было выполнено согласно с планом. Я производил в Дамаске упомянутую постройку в то же самое время, как в Алеппо продолжали в мое отсутствие вести эту постройку. Потом я вернулся в Дамаск, в обществе иерусалимских паломников, и присоединился к моему родителю и, преклонив колена перед владыкою, получил его благословение.

Глава XIII. Приготовление св. мира. — Шесть отдельных варок.

Теперь мы принялись за выполнение дела мироварения, и собрав все припасы и сосуды к Вербному воскресению или к Страстной неделе, мы растерли снадобья в ступке, для пяти варок. Мы растирали составные части каждой варки и помещали их отдельно на большом листе бумаги, надписав на них названия.

Составные части первой варки были следующие: цветов дерева кундуля сто двадцать драхм; красного дерева кассии шестьдесят драхм, якутийского амома[840] шестьдесят драхм, солодкового корня тридцать драхм; ирного корня тридцать драхм. Мы растолкли и размельчили те из них, которые требовали того, как было обозначено в книге; затем они вымачивались в святой воде и старом вине, будучи покрыты ими на глубину двух или трех пальцев, в чистом сосуде, с кануна Вербного воскресенья, чтобы на следующий день подвергнуться варке. В подлинном списке предписания определена только одна часть, — например, цветов кундуля сорок драхм, — тогда как мы взяли их втрое больше, именно сто двадцать драхм, и так же поступали и с прочим. Как я указал составные части первой варки, так укажу их и для других варок.

В пятницу, накануне Лазаревой субботы, наш владыка патриарх после утреннего богослужения проследовал вместе с архиереями и священниками в церковь св. Николая и, совершив молитву над очагом, с водосвятием, окропил св. водою место и два новых очага, помещенные к востоку, посредине названной церкви, на помосте, который по этому случаю покрыли глиною, чтобы он не попортился; и сюда были принесены два большие медные сосуда, предварительно вылуженные.

Утром в Великий понедельник, по совершении молитв, владыка патриарх пришел, как и раньше, с архиереями, священниками, диаконами и мирянами в упомянутую церковь и начал службу. Затем мы принесли снадобья для первой варки, которые мочили всю ночь в святой воде и старом местном вине, в чистом сосуде, и они были перелиты в большой котел. На них было налито двадцать восемь фунтов чистого масла и столько же старого дамасского вина, со святою водою; и каждый раз, когда владыка прибавлял какую-либо составную часть, он произносил нараспев: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, Единого Бога». Затем он положил один лист лаврового дерева, один лист мирта, один лист розмарина и небольшое количество мужского(?) розмарина. Старого вина и святой воды он влил для того, чтобы предупредить возгорание масла в котелке, а лист лаврового дерева и розмарина положил для запаха. На помощь себе мы пригласили двух врачей этого города и дали им указания, так как выполнение подобных действий составляет их искусство и занятие, ибо иначе, без такой помощи, кто мог бы достигнуть цели? так как священные наставления божественного предания были забыты по прошествии многих лет.

Мы приготовили и раскололи на топливо сухих дубовых дров. Первая вещь, которую взял в руки наш владыка патриарх, были три полена дров, с тремя пучками пакли и тремя зажженными свечами, которые он положил в очаг. Затем он полил часть оставшихся дров горячею святою водою, которая для этого была поставлена на другой очаг, а потом положил их на зажженные свечи с частью пакли, окропив очаг святою водою, и зажег огонь в обоих очагах. Один из священников сел на стул против очага, чтобы поддерживать огонь, при чем поливал дрова, каждое полено, вышеупомянутой горячей водою и зажигал их мало-помалу, чтобы только поддерживать легкое пламя, как это установлено в книге, которая гласит: «Необходимо, чтобы находящийся при огне был бдителен и поддерживал его горение в умеренной степени. Когда очаг раскалится, он должен покропить его теплою

водою, но остерегаться брызгать на него холодною водою, и должен, не переставая, все время помешивать». Согласно этому наставлению действовал и священник, постоянно помешивая деревянной лопаткой с длинной рукояткой, дабы жидкость не вскипала и не перелилась через, воспламенив все кругом. По временам он прибавлял в нее некоторое количество вышеупомянутой теплой святой воды, как это указано в книге: «Всякий раз, когда воды убудет, должно прибавлять к ней тепловатой воды, понемногу каждый раз; но остерегаться употреблять холодную».

С той минуты, когда огонь начал гореть, наш владыка патриарх в епитрахили и омофоре, архиереи в епитрахилях и омофорах и священники в епитрахилях читали святое Евангелие; а диаконы, в орарях, читали нараспев послания, книги пророков и псалмы Давидовы и все другие песнопения и молитвословия, при чем все были с обнаженными головами, с самого возжжения огня вплоть до вечера. Точно так же диаконы своими рипидами веяли на котел, сменяя друг друга; перед очагом в подсвечнике горела большая свеча.

Если желаешь знать, исчезла ли вся вода, которая была смешана в котле с маслом, кипящем на огне, указание на это дает наблюдение, что пока масло с бульканьем выделяет пузырики, до тех пор вода еще остается в нем; но как скоро пузырики прекращаются и исчезают в нем, и масло находится в покое, тогда время прибавить к нему горячей воды, сколько тебе требуется. Когда ты помешал смесь и находишь, что благовонные вещества и духи хорошо смешались с маслом, и когда замечаешь, что крепость этих благовонных веществ и духов перешла в масло и его запах приятен, то снимаешь его с огня и оставляешь его на всю ночь до следующего дня, чтобы оно остыло. Так мы и сделали; и, закрыв отверстие котла большим полотенцем, крепко обвязали его, чтобы в него не попало чего-нибудь. На утро мы процедили масло через чистую салфетку и перелили его в другой сосуд, как предписано в подлинном наставлении. Благовонные вещества были просеяны, как просевают зерно, и положены отдельно в другой сосуд.

В этот день мы собрали составные части второй варки; это были: лучшего горького коста[841] шестьдесят драхм; красной иракской или бенгальской розы, очищенной от стеблей, шестьдесят драхм; белого макасарского сандала шестьдесят драхм; ладанной камеди, бензойного (?) ладана, имбиря, гвоздики и алоэ, каждого по одной драхме, и сухого коста тридцать драхм; все это мелко истолкли, причем особое старание было приложено на измельчение дерева; и поверх всего этого было налито достаточное количество святой воды, чтобы покрыть эту массу, которую мы вымачивали таким образом от полудня Великого понедельника до утра вторника, когда мы взяли и налили ее на масло, которое было сварено за день до этого. Владыка патриарх зажег огонь так же, как описано для первого раза; помешивание продолжалось, и когда надо было, прибавляли понемногу теплой святой воды, и кипячение продолжали ровно четыре часа. Затем мы сняли эту смесь и оставили ее остывать до послеобеденного времени, когда мы процедили ее, как и прежде, и отложили снадобья к снадобьям первой варки. Между тем архиерей и священники читали молитвы, а диаконы с рипидами менялись до самого конца.

Мы вымачивали составные части третьей варки в этот день с раннего утра, и принесши их, положили в масло, так как оно было уже сварено и очищено; и владыка патриарх снова зажег огонь. Количество составных частей третьей варки таково: зарнаба шестьдесят драхм; очищенной коры красной кассии двадцать драхм; мускатного ореха пятнадцать драхм; лучшей лаванды тридцать драхм; лучшей гвоздики тридцать драхм; мускатного цвета тридцать драхм; и мы варили их от послеобеденного времени до вечера вторника. Затем мы сняли смесь с огня, чтобы остудить и процедить ее, по обыкновению,

в среду утром, отделив и отложив кучкою благовонные вещества.

Мы растолкли все потребное для четвертой варки во вторник; это были: киннамома (корицы) и гвоздики тридцать драхм; лучшей красной аравийской смирны шестьдесят драхм; отборного алойного дерева, т. е. алойного ладана, тридцать драхм; лучшего иракского шафрана тридцать драхм. Из них мы растолкли те, которые требовали этого, и налив на них воды, так чтобы она покрыла их, и еще несколько, мы вымачивали их в святой воде в течение всей ночи вторника до утра среды, когда мы положили их в трижды прокипяченное масло, и снова кипятили его, на обычном медленном огне, с утра до полудня. Соблюдались те же обряды, что и в первом случае, а именно: пение стихов, веяние рипидами и т. д.; и затем мы сняли смесь с огня, чтобы остудить, процедили ее и отложили кучкою благовонные вещества отдельно.

Затем мы собрали составные части для пятой варки, которые были следующие: лучшей красной стираксы фаляк сто двадцать драхм, которые мы положили в прокипяченное масло вместе с тремя фунтами очищенного меду и со святою водою, как и прежде. Затем мы поставили все это на огонь, в среду после обеда, до вечера, пока исчезла из него вся водяная влага, и пузырики совершенно прекратились, и запах его был хороший. Доказательство и проба этого заключались в том, что врач, надзиравший за этим делом, взяв новую светильню, обмакнул ее в сваренное масло, поднес к пламени свечи, и когда зажег, то она не трещала и не бросала искр. Итак, теперь мы знали, что вся водяная влага испарилась из смеси, и потому сняли смесь с огня. В течение этого времени мы растолкли составные части шестой варки, которые были следующие: циннамома или корицы сто восемьдесят драхм; самой лучшей благовонной лаванды шестьдесят драхм; лучшей красной очищенной коры кассии тридцать драхм; мускатного цвета двадцать четыре драхмы; лучшего какулийского алойного дерева шестьдесят драхм. Их мы превратили в порошок, который просеяли через шелковое сито, и потом владыка патриарх высыпал это в кипяченое масло и смешал их вместе. Затем врач прибавил бальзамного масла, коего было полтораста драхм в бронзовом сосуде, который он держал на огне, пока оно не распустилось. Вместе с ним он прибавил четырнадцать мискалей (золотников) чистейшего мускуса в порошке и равное количество лучшей амбры, размешав и то и другое вместе в таком же количестве старого мира; а владыка патриарх вылил его в сваренное масло и все это размешал; и мы покрыли смесь до утра.

В эту ночь великое и очевидное чудо явилось от некоторых образов у алтарных дверей этой церкви, а именно: вскоре после наступления темноты они источили из себя благодать, которая капала с них подобно струе воды, чем мы были поражены.

Глава XIV. Освящение мира. — Сооружение нового амвона. Касыда Ибн-уд-Диба.

Перед полуднем в Великий четверг владыка патриарх присутствовал в церкви и начал наливать миро в новые стеклянные сосуды, которые еще не были в употреблении, между тем как все, с обнаженными головами, пели тропари, «Господь пасет мя» и пр., а мы ставили сосуды в стороне рядами. Затем архиереи, священники и диаконы пошли и облачились с нашим владыкою патриархом и, пришедши, понесли сосуды поодиночке и попарно, в торжественном шествии, со свечами впереди и семью парами рипид позади, которыми веяли диаконы, и все пели: «Помилуй мя, Боже» и т. д., пока не вошли с ними во внутреннюю церковь (Девы) Марии, и поместив их на св. престоле, начали обедню. Во время выхода со св. Дарами священники несли впереди сосуды с миром, как это положено делать; а диаконы следовали с рипидами, и затем, возвратившись в алтарь, снова поместили сосуды на святом престоле; и тогда владыка патриарх, преклонив главу, прочел над ними до конца обычные положенные молитвы. После обедни мы поставили сосуды под св. престол до утра Светлого воскресенья, когда взяли их и поставили в хранилище для мира.

К этому празднику Пасхи я заказал новый амвон, с четырьмя красивыми позолоченными столбами и куполом, для внутренней церкви Марии; и первое, что я прочел на нем, было евангелие на Пасху. Раньше этого я посылал привезти из бейрутской церкви мраморную плиту, — большой четырехугольный обтесанный камень, и положил его на престол. Прежний маленький престол я снял, а вместо него устроил новый с арками и столбами; поставил посредине мраморную колонну, на коей написал дату, и поместил на нее упомянутую плиту, и престол вышел чрезвычайно красивым. Точно так же, в следующем году я устроил над ним каменный купол, на четырех мраморных столбах, красивой восьмиугольной формы, с бронзовыми кольцами, казавшимися золотыми, с пилястрами внизу и вверху, из того же металла, напоминавшими работу древних римлян и оканчивавшимися головками у всех одинаковой формы, с четырьмя карнизами с лицевой стороны со всех боков; на передней стороне одного из них я написал обозначение времени. Мы скрепили купол двумя железными стержнями, от одной арки до другой, чтобы он не качался; и на все вместе мы истратили более четырехсот пиастров.

Я также воздвиг другой большой столб из прекрасного мрамора, восьмиугольной формы, с водоемом на нем, для священников, чтобы они могли умывать руки. Три алтарных двери я сделал из тутового дерева так, что они затворялись и запирались, не так, как прежние, простые двери. Хранилище мира находится в притворе придела свв. Киприана и Иустины, который выходит к ризнице, в основании стены, построенной римлянами, и оно было большой глубины. Теперь я сделал в нем разделивший его на двое помост, с опускною дверью из орехового дерева и поставил большую склянку с миром внизу, а меньшие сосуды вверху; и сделал в нем дверь из чистого железа, с замком, чтобы запирать ее, а снаружи каменную дверь, которую покрыли известью, чтобы нельзя было узнать его место.

Один дамасский священник, хури Иоанн Ибн-уд-Диб сочинил стихотворение по поводу всех этих обстоятельств и событий, и в частности по поводу изготовления мира, представляющее касыду, в котором он превозносит похвалами нашего отца и владыку, патриарха кир Макария Антиохийского, в следующих словах:

«Если желаешь, о брат! познакомиться с приятною повестью, которая может доставить тебе преумножение благодати,

Послушай! Предмет мой — начало и продолжение патриаршества владеющего

золотым словом

Отца и владыки патриарха, кир Макария Антиохийского, алеппца.

Когда приблизился смертный час покойного патриарха, предшественника его,

Евфимия грека, родом хиосца,

Он послал и призвал его в Дамаск, и назначил его своим преемником

На апостольском престоле Петра, высшем по положению, с согласия архиереев области, почтенного клира,

Собрания церковнослужителей и всей христианской общины.

Это было в одиннадцатый день месяца октября,

В семь тысяч сто пятьдесят шестом году от сотворения первого человека.

Он оставался в Дамаске в течение почти девяти месяцев и выехал, чтобы посетить свою область.

Он возвратился в Дамаск из Алеппо, после того как прошло два года его патриаршества,

И снова пребывал здесь в течение трех лет,

После чего он выехал в город Алеппо, предприняв путешествие в страну христиан,

В обществе своего сына, благословенного архидиакона Павла,

И тех священников, диаконов и учеников, которые присоединились к ним.

Причиною этого было накопление и умножение долгов и залогов,

Опутавших его престол вследствие действий обманщиков.

Продолжительность его отсутствия равнялась ровно семи годам,

В течение которых он встречал всякого рода злоключения и гнетущие бедствия;

Но под конец Бог привел его назад невредимым, когда надежда была уже потеряна;

И в пятницу утром, в первый день месяца июля, в семь тысяч сто шестьдесят седьмом году, скорбь прекратилась.

Поистине, это был день, полный великой радости,

Когда печали и заботы уступили место постоянному ликованию.

Лишь только наш слух был приветствован гласом его восхитительного наставления,

Как души наши ожили после долгого оцепенения.

Он много хлопотал по поводу уплаты долгов

И выкупил все священные сосуды, бывшие в залоге.

Накануне начала месяца ноября,

Архидиакон, его сын, послал письма в город Бейрут

И привез к нам, по повелению своего отца, красивый камень, совершенно белый и обтесанный,

Которым он обновил святой престол в блестящем алтаре Матери Божией;

И снова мы начали радоваться о Господе, ликовать и веселиться,

И ходить с пиршества на пиршество с полным наслаждением.

Затем он начал собирать сосуды, снадобья и благовонные коренья

Для варения святого мира, досточтимого и почитаемого;

И совершил благое дело, за которое его будут поминать до скончания века, подающее благодать всякому, кто помазуется с верою.

Он осведомился, сколько осталось мира, изготовленного патриархом Ибн-Зиядэ,

И нашел не больше одной полной склянки.

Он начал занятие в Великий понедельник, первый день Страстной недели,

Продолжая его до вечера Великой среды, когда оно была окончено.

Она совершилась в присутствии собора епископов, почтенных иереев, диаконов,

служителей и монахов.

Патриарх был облачен в омофор и епитрахиль,

И читал евангелия вместе с славословиями, «Господи помилуй!» и «Аллилуия».

Точно так же архиереи, одетые подобным же образом,

Читали, вместе со священниками, евангелия, послания и псалмы нараспев.

Некоторые из священников и диаконов сидели, наблюдая за огнем;

Другие занимались помешиванием смеси, не забывая в то же самое время славословить Бога;

Диаконы главным образом веяли рипидами и пели Аллилуия;

И все, и внутри и вне церкви, были в восхищении.

И теперь церковь св. Николая стала подобна царскому саду,

Разукрашенному и доведенному до совершенства во время этого великого и блестящего таинства.

И о! какие чудеса произошли в ней накануне Великого четверга,

Когда божественная благодать обильно истекла из образов;

И все собрание, от мала до велика, взирало на это

И прославляло Всемогущего Бога во святой Его Троице.

После этого вся христианская Церковь, вместе с женами и детьми, теснилась вперед,

Чтобы прославить Бога и испросить благословение патриарха.

Некоторые из них брали золу на счастие себе и для охраны своих детей;

А некоторые брали отбросы снадобьев для исцеления недугов;

Другие брали то, что было снято с мира и накипь,

Для освящения лежащих на одре болезни и для исцеления от паршей.

В Великий четверг, который был 16-го апреля,

В семь тысяч сто шестьдесят восьмом году от сотворения мира,

Наш владыка патриарх совершил большой крестный ход;

И архиереи и священники несли сосуды с полным благоговением,

Между тем как диаконы несли рипиды и четки и веяли среди песнопений и гимнов.

Они отнесли миро из церкви св. Николая во внутреннюю церковь

И поместили его на главном престоле, называемом Аль-фадыла.

При Великом входе они несли его вокруг и вторично обнесли его с крестным ходом

По всей великой церкви и возвратились к возвышенному алтарю;

И после того, как владыка патриарх прочел над ним положенные молитвы,

Мы поставили его под блестящим высоким престолом.

В Великую субботу архидиакон воздвиг новый позолоченный амвон

В красивой и чтимой великой внутренней церкви,

И на нем он прочитал в первый раз пасхальное евангелие,

Когда в тот день в этом здании совершалась обедня.

Потом сосуды с миром были перенесены в назначенное для него хранилище,

И оно было поставлено, по обыкновению, на старом приготовленном для хранения его месте,

Которое находится позади двери придела свв. Киприана и Иустины.

Здесь архидиакон сделал новый второй помост,

И поместил все миро, в том числе и старую склянку, под ним и на нем.

На сосудах я надписал крупными буквами время приготовления.

Архидиакон сделал для упомянутого хранилища железную дверь,

На которую повесил для безопасности замок.

Это было окончено и совершено в настоящую счастливую пору,

В тысяча шестьсот шестидесятом году от воплощения нашего Господа Мессии.

О, как прекрасны три вещи, сделанные недавно для нас: св. престол, божественное миро и амвон нашего проповедника!

И мы благодарим нашего Господа и Спасителя Иисуса Христа

И молим Его предстательством Его всехвальной Матери,

Да продлит Он для нас жизнь нашего владыки патриарха

В здоровье и крепости, свободною от всякого сомнения и подозрения,

И да сохранит он архидиакона, его высокоценимого сына,

Даруя ему исполнение всех его благих надежд и совершенствуя его благочестие и благость;

И да сохранит Он ему его отпрыск, его возлюбленного Ананию диакона,

И да даст ему упиваться сильной радостью на своего, достойного удивления, сына Константина.

Пусть всякий читающий или слушающий это сочинение молит награды для его творца,

Имя которого хури Ханна, сын Ризк-Уллага, Ибн-уд-Диб».

Глава XV. Синод для суда над митрополитом Эмесским. — Отлучение и смерть его.

Что касается до митрополита Эмесского, Ибн-Амиша, то не подобает пройти молчанием посрамление, которое пало на него; ибо мы созвали по его делу синод, на котором присутствовали: Мелетий, митрополит Триполийский, Филипп, митрополит Бейрутский, Иеремия, митрополит Сидонский, Николай, митрополит Аккарский, Неофит, митрополит Лаодикийский; Герасим, митрополит Зебданский, и Григорий, митрополит Хауранский; все дамасские священники, все священнослужители и почетные лица, в церкви св. Николая. Все судили его и постановили против него, в его присутствии: что он, во-первых, становился на кафедру (горнее место); во-вторых, что он облачался в нарфексе по обычаю владык (патриархов); в-третьих, что он рукополагал священников и диаконов; в-четвертых, что он постриг в монахини одну мирянку, нарекши ей имя Симеона (ибо не найдя монахини, которая была бы за нее поручительницей или воспреемницей, он заставил некоего монаха, по имени Симеона, быть ее воспреемником), и это было сделано после того, как она уже умерла и дух ее отлетел, из-за ее наследства; в-пятых, что он постоянно разглашал и говорил: «Патриарх Макарий ни в каком случае не доживет до возвращения; я — ваш патриарх»; и в-шестых, что он венчал незаконные браки, в четырех степенях родства, и в городе и в области, чтобы получить деньги. Таких беззаконий и злых дел, как эти, приводили против него без числа; и все единодушно приговорили его к лишению священного сана и к отлучению, пока он не раскается. Изложено это было в виде статикона (грамоты), который был разослан по всей епархии, и все обрадовались этому, ибо он со своим языком был для всех их бритвою. Изложение было таково:

«Хвала Богу во веки!

«Макарий, милостию Всемогущего Бога, патриарх Антиохии и всего Востока. — В воскресенье 28-го числа благословенного месяца Аба, семь тысяч сто шестьдесят седьмого года от сотворения мира, соответствующего месяцу августу и месяцу Зиль-Хидже тысяча шестьдесят девятого года Гиджры, в городе Дамаске, в церкви св. Николая, происходил священный синод в присутствии меня, приложившего свою подпись и печать вверху и внизу, и в присутствии архиереев области Антиохийской, подписи и печати которых присоединены в конце, и собрание их и постановление было направлено против Афанасия, митрополита Эмесского: что он прибыл в Дамаск и занимал патриарший трон без дозволения патриарха и без их совета или согласия; что он служил обедню в патриаршей церкви и надевал его облачения вне (алтаря) в нарфексе; что он рукополагал священников и диаконов без разрешения господина епархии; что он становился на кафедру, на которую не всходит никто кроме патриарха; что он дерзал распространять ложь относительно своих собратьев-архиереев; что он совершал незаконные браки в городе и в области и объявлял их законными, получая за это деньги; при чем эти обвинения против него были доказаны при нем, в присутствии упомянутого священного синода, иереев города, разных чинов священнослужителей и почетных лиц общины; далее, что он, удалившись в Сейданайский монастырь, всходил на кафедру и служил обедню без разрешения, уже после того, как иереи, священнослужители и почетные лица общины послали запрещение ему делать это, а он не захотел сдержаться. Еще до этого были засвидетельствованы многие его гнусности и занесены в ведомости, быв установлены в его присутствии. Посему я, Макарий, патриарх Антиохийский, в согласие с постановлениями христианского закона, по повелению Всемогущего и султана, присудил: этого человека, т.е. вышереченного Афанасия, лишить

всех и в частности степеней священства, дабы он не имел власти или силы совершать литургию или какую-либо иную священническую обязанность, или возлагать на себя епитрахиль; буде же преступит он наши запрещения, то да будет он предан анафеме и отлучен от славы Отца, и Сына, и Святого Духа, и от священных соборов, пока не возвратится и не раскается и не восстановит своей чести, возвратив награбленное им себе с патриархата, с церкви, с денежных вкладов, с поместий, с живых и с мертвых. — И после сего священный синод разошелся. Аминь».

После этого митрополит ночью бежал из Дамаска и удалился в Алеппо, где оставался год и два месяца, упорствуя в своем лицемерии, пока Всемогущий не наслал ему погибель 11-го ноября, отрешенному и отлученному: и арабская страна потеряла бачмана (?), — я хочу сказать, Ибн-ахмаха (ахмак?), — и да воздаст ему Создатель по делам его! Его собственные гонцы принесли нам весть о его кончине.

Глава XVI. Патриарх объезжает свою епархию. — Чрезвычайная дороговизна жизненных припасов. — Новая перепись в Дамаске для харача.

Что касается до нашего владыки патриарха, то он, пробыв в Дамаске год и четыре дня, отправился в ночь на пятое июля в Сейданаю, откуда проехал в Рас, Бейрут, Триполи и Хаму, всецело занятый делами своей паствы. В Алеппо он прибыл 17-го мая, проведши праздник Пасхи в Хаме и поставив там митрополита в лице хури Неофита, хиосца, бывшего одним из диаконов патриарха Евфимия и его соотечественником. Торжество это совершилось в светлый понедельник, на второй день честной Пасхи, в 7169 г. (1661 г. от Р. Хр.), в присутствии Антония, митрополита Баальбекского, и Герасима, митрополита Зебданского. Прибытие патриарха в Алеппо было источником счастия, ликований и радости; ибо в этом городе был паша, по имени Эль-Хассеки, притеснитель и лихоимец, который дошел до неслыханных крайностей в угнетении жителей Алеппо. А в этом году случился великий неурожай, распространившийся на большую часть областей, даже, как нам рассказывали, на Румелию, Валахию и Молдавию, и в особенности постиг он Аравию, так что цена макука, или одиннадцати с четвертью фунтов пшеницы в Алеппо доходила до ста пиастров, да и то негде было ее достать, и точно так же и другое зерно. Таково было положение в Сирии; но Господь — да будет благословенно Его имя! — был милосерд к Дамаску, в лице паши его, который в то время им правил. Это именно Ахмед-паша, сын визиря Кёпрюли, послал привезти из Египта большое количество пшеницы, риса и другого зерна, — обстоятельство, которое раньше никогда не случалось, ибо никогда не бывало примера, чтобы пшеница вывозилась из Египта: но он, визирь, сын визиря, подал его, и в то время как мешок туземной пшеницы продавался местным жителям за восемьдесят пиастров, он покупал его по сорока пиастров и дешевле. Если бы он не продавался по этой цене, то люди поели бы друг друга. Действительно, были дни, когда цена фунта хлеба, приготовленного из всякого рода зерна, из опилок костей, из навоза и тому подобного, поднималась (Господь да будет милосерд к нам и да избавит нас!) до трех пиастров, и даже до трех с половиною, да и по этой цене нельзя было достать его, так как пекарни осаждались толпами народа. Между тем как паша дамасский совершал те дела милосердия, о которых мы упомянули, Эль-Хассеки делал совершенно обратное; и наш владыка патриарх, опасаясь его притеснений, проводил время в Хаме и в окрестной стране. Но вскоре, когда нечестие этого притеснителя дошло до высших пределов, Господь навлек на него возмездие; ибо султан (да поможет ему Господь!) и визирь, уведомленные о его насилиях, разгневались на него и послали взять его и предали его смерти, и на Алеппо и его жителей излилось утешение от Всемогущего, и теперь наш владыка патриарх вступил в их среду с спокойным сердцем. Жители Алеппо были в восторге от его прибытия; и случилось, что в этот же самый вечер повесили человека, по имени Абу-Юсуф Бави, в доме которого проживал атаман разбойников. Этот человек погиб вместе с Иудою, и его казнь была радостью для всего населения города.

Что касается до меня, то я оставался наместо моего родителя в Дамаске, в качестве его уполномоченного, посещая, по обычаю, сына визиря и поддерживая сношения со всеми его агами и киайями. Когда проезжал чиновник, собиравший харач, евреи пожаловались на пребывавшего в Дамаске дефтердара, который собирал харач на паломников, что он взял с них в прошлом году на тысячу пиастров больше, чем сколько было приказано султаном.

Сын визиря рассердился на него за это и, потребовав у него отчет, решил произвести новую перепись христианам и евреям.

Наш владыка патриарх еще раньше вычеркнул из списка плательщиков харача в Газе сто сорок одно имя, во времена Абшира-паши, ибо этот паша очень его любил; и каждый паша дамасский уполномочен уменьшать харач с Газы на сто одно имя и даже больше. Газские христиане большею частью обратились в мусульманство, и однако были обложены харачем покоренных[842]. Итак, они собрались вместе и, пришедши, пали к ногам нашего владыки патриарха, который был тронут состраданием к ним и вычеркнул харач с них, о чем мы уже упоминали, так что в их списке осталось имен сорок, не больше. Но на это он истратил около двух тысяч пиастров, однако сбавки достиг. Когда об этом услышали дамасские христиане, они все пришли в волнение и сказали патриарху: «ты освобождаешь от поголовной подати людей, не принадлежащих к твоей области; как же тогда поступать тебе с нами?» Поэтому он употребил все свои старания и усилия и вычеркнул из них сто двадцать имен; из жителей Кары пятнадцать имен; из населения Мазунии пятнадцать имен; и на этот предмет истратили от четырех до пяти тысяч пиастров. Затем, вследствие отсутствия нашего владыки патриарха в течение этих лет, так как не было доброго человека, который бы помешал нарушению этого установления, вышеупомянутый дефтердар, прибыв в Дамаск и разузнав об этом, пользовался этим против жителей, как предлогом ежегодно брать с них, после уплаты харача, тысячу пиастров и больше, вплоть до настоящего времени. Итак, теперь выехал мутрибджи(?) визирского сына, назначенный производить перепись, в сопровождении письмоводителя, который был с нами заодно, сердце которого мы ублаготворили, так что он писал согласно нашему желанию; и это была милость Божия; ибо иначе, если бы он считал священников, диаконов, детей и недоносков, как указано в буюрулду, или султанском указе, которым он был снабжен, то было бы дело плохое. Поголовный харач христиан дамасских в это время был во сто восемьдесят имен, харач жителей Баальбека — в двадцать, и населения Кефрбей-гима — такое же число. Чиновник продолжал перепись с таким рвением, что поток людей являлся пред ним, когда он ходил, в сопровождении некоторых старшин, из улицы в улицу и из дома в дом. Тайком мы предупредили их, чтобы они удалили с глаз слабоумных и недоносков. Между тем ага располагался у входа в квартал или в начале улицы и делал напоминания, предупреждения и угрозы главным лицам, наиболее известным и влиятельным в том квартале, чтобы они никого не скрывали. Поэтому, кто был смел душою и не был занесен в списки, будучи известен только нам, проходил незамеченным; а робкие попадались, выдавая сами себя. Языджи имел при себе книгу из белых листов, вверху каждой страницы которой были написаны имена различных родов дамаскинцев отдельно и родов населения области и кочевников отдельно; и под соответствующим заголовком он записывал имя каждого лица. Если он был холост, не имел братьев, был не-женат и не имел никакого имущества, ага пропускал его; но он записывал каждого, кто был холост... и имел собственность. Таким образом мы, укрепив наши сердца силою всемогущего Господа, составили список дамаскинцев не более как в четыреста семьдесят человек; и они освободились от ежегодных вымогательств дефтердара. Жителей Баальбека было много; но большую часть их мы вычеркнули и записали из них, с согласия аги, не более сорока трех имен; хотя их было больше полутораста, но они бедны до крайности. Население Кефрбейгима, которое состояло приблизительно из двухсот человек, в городе и в округе, мы поставили только в шестьдесят человек; и таким же образом мы поступали с остальными отделами. Что касается до положения юношей, близких уже к годам возмужалости, то всякий раз, когда аге попадался такой юноша, мы ходатайствовали за

него и ублаготворяли агу одним пиастром или двумя, при чем брали у него записку с его подписью в знак того, что он не может притянуть его вторично: ибо по окончании своей переписи ага со своими служителями пускался на розыски и, захватив первого попавшегося ему, налагал штраф на его семейство и жителей квартала за необъявление его имени. Мы, насколько было в нашей власти, ублаготворяли его сердце до окончания дела и до полного сбора харача: только я потратил много труда; и все это было ради снискания небесной награды и воздаяния. Если бы Господу не угодно было, чтобы я присутствовал в сем году при этом деле, то бремя сильно увеличилось бы; но вследствие великой любви к нам аги и его тесной дружбы с нами, снисканных подарками, подношениями и угощениями, он не хотел слушать, во вред нам, речей наших врагов и еретиков, которые из ненависти и зависти нашептывали самые злые наговоры против нас. Таким образом закончилась перепись, при чем остались довольны нами как дефтердар, так и все киайи и аги, которые все поручили нас благосклонности мутрибджи.

Глава XVII. Назначение визирского сына великим визирем. — Упорядочение различных церковных дел архидиаконом. Прибытие его в Алеппо к патриарху.

Вскоре после того произошло перемещение паши с его должности, так как отец прислал за ним, чтобы поставить его визирем на свое место; и он выступил с гонцами и со ста пятьюдесятью лошадьми. Еще раньше он завязал войну с родами Маан и Шахаб[843], при чем поставил условием, для получения прощения, что они должны заплатить пятьсот кошельков его величеству султану; и для принятия этой суммы оставил на месте Каплана-пашу, пашу триполийского, с его собственными войсками и с войсками дамасскими. В два дня он достиг Хамы и путешествовал день и ночь, пока не прибыл в Адрианополь, где увидел своего отца, по смерти которого должен был, как было положено, наследовать его звание визиря.

В течение этого года, когда я был, совместно с кир Николаем, митрополитом Аккарским, патриаршим наместником, умерли пятеро из дамасских священников. В начале патриаршества нашего владыки Макария здесь было тридцать священников, из которых до настоящего времени умерло пятнадцать — Господь да помилует их души! На похоронах пяти священников и после их погребения я совершал все обряды, принятые в этой стране, раздавая присутствующим вино и сухари и заставив их выпить три круговые чаши за упокой души усопших. На могиле или склепе священников я полагал большой обтесанный камень, на котором написал по-гречески обозначение времени. Так же и на могиле монахов я помещал большой черный камень, чтобы отметить место.

Я установил обычай вести список имен умерших, положив в алтаре книгу, в которую записывались имена, умерших изо дня в день, в течение всего года, так что они, благодаря этому, поминались на каждой обедне; и друзья покойного предупреждались о сороковом дне, о полугоде и о годовщине, для того, чтобы отслужить по нем панихиду или обедню. По прошествии года, его имя вычеркивалось. Это установление должны были поддерживать кандиловозжигатели (пономари).

Служащие священники имели обыкновение вторгаться в недельное служение один другого, погребая умерших, крестя детей и освящая свечи без разрешения чередного священника недели и без дозволения патриаршего наместника; но я запретил им это, предписав, чтобы всякое церковное дело, возникшее в течение недели, отправлялось служащим священником той недели, с одобрения наместника; и следствием этого явилась прямая выгода для всех, сохранение надлежащей правильности и уничтожение прежних несогласий и вражды. Я также запретил сельским священникам исполнять обязанности городского духовенства и вторгаться в их область и принудил их ограничиться исполнением дел своих общин в деревнях и сельских округах.

Я подкрепил обычай, что архиереи кадят над покойником и кругом его тела, затем присутствующим, согласно обычаю этой страны, и потом духовенству.

Христиане имели обыкновение по праздникам стремиться к причащению святых тайн, без исповеди; поэтому я послал к нашему владыке патриарху и получил от него статикон, после чего заставил духовников составить список с подписями своих имен и подписывать записки, которые они должны были выдавать своим ученикам, исповедующимся у них, как мужчинам, так и женщинам; и священники, и диаконы никого не причащали святых тайн без записки с печатью: и таким образом в Церкви был водворен

порядок.

В Дамаске были надсмотрщики харача, служившие с давних пор, злые нечестивцы, Бога не боявшиеся, которых оказывалось невозможным сместить с их должностей, так как ежегодно они ухитрялись подкупить хараджи, или сборщика, и благодаря его покровительству обеспечить за собою свои места; поэтому они надменно пользовались своею властью над бедными и несчастными, из года в год ведя роскошную жизнь на счет кошелька христиан. Однако я употребил теперь все свои старания и, добившись их удаления, заместил их четырьмя другими, почтенными по своему старшинству, людьми набожными и богобоязненными; и благодаря им, в этом году было великое спокойствие и много выгод бедным.

Обыкновенно, шейх, или старшина, христианских округов был христианин и назначался с согласия патриарха и своих собратьев-христиан; но в наше отсутствие власть эта над ними была захвачена одним окаянным, отступником от Бога, оскорблявшим и рукою, и языком, который внес в дела христиан много путаницы и совершенно ниспроверг всякий порядок и правильность, вследствие своей страсти к вину и укрывательства в то время, когда его отыскивали; и никто не имел силы удалить его. Однако мы удалили его, совершенно отрешив его от должности, и я назначил другого на его место, человека, который, пока оставался на этом месте, восстановил повсюду мир и спокойствие.

Каждый раз, когда являлся новый паша, обыкновенно от христианского округа требовалось доставить известное число помещений. По прибытии сына визиря, я приложил усерднейшие старания и, истратив наличные деньги и заложив несколько тюков с товарами, купил несколько домов, которые я обставил и устроил по образцу самых почтенных домов, так что таким путем и лица свиты были удовлетворены и удовольствованы, и христианские дома были избавлены от разорения субаши и его служителей и от вторжения старшины квартала. В то же время я отверз руку щедрости, угощая их яствами и напитками, как подобало действовать патриаршему наместнику и как приличествовало патриаршему дому: и следствием этого было то, что слово мое имело вес у каждого, и вообще все, что сказал диакон, считалось общепризнанным. Все это делалось по желанию моего родителя.

Во время похода сына визиря против родов Шахаб и Маан, все их сородичи, были ли то христиане, мусульмане, или евреи, подверглись сильным грабежам и потерпели большие убытки; но я, насколько было в моей власти, помогал нашей общине и ограждал их от этих обид.

У христианских женщин существовал отвратительный обычай, который они ввели в наше отсутствие; заключался он в том, что, когда кто-либо умирал или приходило известие о смерти кого-нибудь, они в начале ночи выбегали вместе со своими семьями и подругами, неся свечи, и при беспрерывных возгласах: «вайлах!» обходили все дома своих родственников. Итак, я послал и получил от нашего владыки патриарха статикон об отлучении всякого, кто будет делать это; и если кто-либо оказывался упорствующим и продолжал делать это, я не позволял священнику совершать похоронный обряд над мертвым телом, пока оно не начинало издавать зловоние, и пока они не уплатят пени в пользу Церкви Божией, и в конце концов я вывел этот дурной обычай.

В этот благословенный год я понес большой убыток и чрезмерные издержки по причине необычайной скудости припасов и проистекшей из этого осады патриаршего дворца бедняками, которые ломились в него, при чем я не имел силы преградить им путь или не пустить их; точно так же и по поводу харача, о чем уже было упомянуто. Еще до

истечения двенадцати месяцев, я не выдержал и, подавленный усталостью и тоскою, сделал усилие, чтобы выбраться из этого мучительного положения: я выехал из Дамаска в четверг вечером, 4-го июля, через четыре дня после сына визиря, в обществе его киайи Салиха-аги, которому было приказано следовать за ним с его тяжелой кладью, пожитками и казною. Между этим чиновником и мною бывали частые сношения; и я усиленно ходатайствовал перед ним за христианскую общину. Между прочим был один священник, заключенный в оковы вместе с десятью лицами из Маалулы, в каковом месте был убит один из далатиев (?) сына визиря. Как подозреваемые виновники убийства, эти люди были привезены и заключены в темницу крепости, где бедняки оставались целый год, ни разу не постригши себе головы, в величайшей нужде, и где двое из них умерли: ибо на них был наложен штраф, только часть которого они выплатили, но полной уплаты не произвели. Также и в темнице паши было большое число из страны друзов; и многие другие, по одному подозрению, были заключены, подобно вышеупомянутым, в течение почти целого года, теснясь друг на друге. За всех их, как христиан, так и мусульман, я не переставал ходатайствовать, пока он не сжалился над ними и простил их, представив их список для помилования сыну визиря; и по внушению Божьему, тюремщики выпустили всех их на свободу.

Итак, я отправился с ним из Дамаска, в сопровождении наших друзей; и мы вступили в Алеппо вслед за ним в понедельник, 15-го июля. Здесь мы присоединились к нашему владыке патриарху и получили благословение от его святости.

Да сохранит Господь всякой славы и Бог всякого величества, по нашим мольбам, его драгоценную жизнь! Да продлит Он его жизнь до преклонных лет, обильною добрыми делами и исполненною душевного спокойствия, освободив его от долгов и избавив от тягостных опасений! Да удостоит Он нас благодатию его святых молитв, и да направляет Он его чистые мольбы ко благу нашему и ко благу всей остальной паствы Христовой; и да не укажет Он ему на нас и не укажет нам на него в день судный, предстательством Владычицы нашей Пресвятой Девы, непорочной Матери Божией, святого Петра, первоверховного апостола, и всех святых! Аминь.

Хвала Богу во веки!

Приложения. К истории Антиохийских патриархов

Вновь найденный отрывок из введения Павла Алеппского к путешествию Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII столетия.

В рукописи путешествия Антиохийского патриарха Макария в Россию, имеющейся в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных дел [844], я натолкнулся на целый отдел, которого нет в английском переводе Бельфура и, вероятно, также в лондонской арабской рукописи, из коей он сделал свой перевод, лет 70 тому назад. В нашей рукописи вслед за введением идет перечень Антиохийских патриархов от переселения их из Антиохии в Дамаск до Макария, отца архидиакона Павла, автора упомянутого путешествия.

Преосвященный Порфирий Успенский[845], этот поистине «соглядатай Востока», как он себя называет, вывез оттуда немало материалов по истории восточных церквей, которые частью им самим были обнародованы, а частью и теперь, после его кончины, выходят в печати. Из числа обнародованных им материалов по истории Антиохийской церкви заслуживают особенного внимания два списка Антиохийских патриархов, составленные двумя священниками Антиохийского престола, Иоанном Жеми в 1756 г. и Михаилом Бреком около 1767 г. Оба эти труда, написанные на арабском языке и изданные Преосвященным Порфирием в русском переводе в Трудах Киевской Духовной Академии 1874 и 1875 годов, до сих пор, сколько нам известно, представляют капитальные православные источники для истории патриархов Антиохийской церкви с самого основания ее до второй половины XVIII века.

На основании упомянутых двух списков и иных греческих и латинских источников, Преосвященный Порфирий составил более подробный и проверенный в хронологическом отношении список патриархов этой церкви от Св. Евода, рукоположенного апостолом Петром, до Иерофея, занявшего Антиохийский престол во время пребывания Преосвященного Порфирия на Востоке в 1850 г. Этот список также обнародован в трудах Киевской Духовной Академии 1875 и 1876 годов и представляет краеугольный камень, на котором должен основывать свое исследование всякий, кто пожелает заняться историей этой древнейшей из христианских церквей.

В предисловии к обнародованному в русском переводе Брекову списку Преосвященный Порфирий подробно рассказывает, как он узнал об этом списке (вместе с другим арабским памятником: Сказание об униатах сирийских, также изданным им на русском языке в Трудах той же академии за 1875 г.) и как снял с них копии и перевел на русский язык чрез посредство заказанных им в Дамаске и Константинополе двух переводов — на греческий и итальянский языки, подражая в этом случае царю Птоломею, который рассадил толковников в разных местах и переводы их проверял один другим. Далее он говорит, на основании показаний Брека, что этот последний, при составлении своего списка, имел под руками готовое пособие, именно: Сказание об Антиохийских патриархах, составленное Антиохийским же патриархом Макарием, тем самым, который в 1666 — 67 годах судил и осудил нашего патриарха Никона; что блаженнейший Макарий, во время продолжительных путешествий своих по России, Польше и другим землям, написал 15 книг на греческом языки и сам же перевел их на свой родной язык арабский [846]; что свое сказание о патриархах он довел до 110-го патриарха Иоанна, или до конца XI-го века, а сын его Павел продолжил до 125-го патриарха, о 131-ом же, Иоакиме Джума, и преемниках его до Евфимия повествовал тот же Макарий, и что деяния остальных владык Антиохийских до

Даниила (в 1767 г.) описаны уже самим Бреком. Затем Преосвященный Порфирий приводит параллельные места из разных источников для показания некоторых неточностей в обнародованном им списке.

На основании вышеозначенных данных оказывается, что Брекова список антиохийских патриархов состоит из четырех частей: во-1-х, из списка патриарха Макария, доведенного до 110-го патриарха Иоанна; во-2-х, из списка, взятого Бреком из Книги архидиакона Павла[847]; в-3-х, из списка того же патриарха Макария от Иоакима Джума до Евфимия Хиосского, и, в-4-х, из списка самого Брека, доведенного до 146-го патриарха Даниила.

Что касается первого списка, приписываемого Бреком и с его же слов Преосвященным Порфирием Макарию и будто бы написанного им на греческом языке и им же переведенного на арабский, то, судя по словам архидиакона Павла, этот список был составлен им, Павлом, в виде отдельной книги, на основании материала, который ему удалось собрать из исторических книг патриаршей церкви, из православных и латинских источников. Вот как говорит об этом сам Павел: «я старался собрать эти разрозненные сведения и, проверив их, составить из них последовательную хронику, подобно тому как я раньше, с таким же старанием, сочинил повествование о первых патриархах Антиохийских со времени Св. Петра, главы апостолов, до времен Илии и Христиана, латинских патриархов, кои сделались патриархами в Антиохии, когда она была завоевана франками».

Далее, что патриарх Макарий не настолько хорошо знал греческий язык, чтобы составить и написать на нем пятнадцать книг, как утверждает Брек и за ним Преосвященный Порфирий, можно видеть между прочим из одного места его путешествия, где рассказывается о первом представлении Макария Алексею Михайловичу, из которого видно, что он с трудом объяснялся по-гречески, так как лишь недавно стал обучаться этому языку[848]. Что однако Макарий знал достаточно греческий язык, для того чтобы переводить с него знакомые ему богослужебные книги, можно видеть из сделанного им нового перевода служебника, который впоследствии послужил для исправления славянского при патриархе Никоне. Второй список, о коем Брек говорит, что он взят им из книги архидиакона Павла, почти одинаков с соответственною частью обнародываемого нами теперь списка, за исключением незначительных разностей, которые можно приписать отчасти неточности греческого и итальянского переводов, коими пользовался Преосвященный Порфирий. Впрочем есть одна разница, которую нельзя объяснить таким образом; а именно, в списке Павла говорится: «После него (патриарха Марка) сделался патриархом Пахомий и умер 19 декабря (1386 г.) 6895 г. от сотворения мира. После него сделался патриархом Никон и скончался 11 января (1395 г.) 6903 г.». Соответствующее место у Брека читается так: «После него (Марка) опять возвратился Пахомий, пастырствовал несколько времени и умер 9 декабря (1394 г.) 6903 г. После него был Нил 8 лет и умер 21 января (1403 г.) 6911 г.» Во всяком случае, книга архидиакона Павла, о которой говорит Брек, есть не что иное, как путешествие его отца, патриарха Макария, и, стало быть, список патриархов находился в ней уже с самого начала и по неизвестной нам причине пропущен в лондонской рукописи или выпущен ее переводчиком Бельфуром, впрочем без какого-либо указания на сделанное им опущение.

Третья составная часть Брекова списка, от Иоакима Джума до Евфимия Хиосского включительно, нужно думать, несомненно принадлежит патриарху Макарию, так как он сам в нескольких местах заявляет об этом категорически. Вот эти места: «перед смертью (патриарх Евфимий) назначил преемником себе Мелетия Хиосца, завещав ему, что когда он будет патриархом, тогда пусть из Алеппо вызовет меня, смиренного сочинителя настоящего сказания, и рукоположит во архиерея Алеппского, что и было»; и

далее: «они (священники и весь клир) избрали преемником его (Евфимия Хиосского) меня, смиренного составителя настоящего сочинения, меня, Мелетия.»

Теперь спрашивается: что представляет нового обнародываемый нами Павлов список? В ответ на это приведем несколько параллельных мест из издаваемого нами теперь списка Павла и соответствующего ему списка Макария у Брека.

По списку Павла:

По списку Макария:

1) По возвращении (из путешествия в христианские страны) он (Иоаким Дау) пробыл на патриаршестве 12 часов.

Потом Иоаким... возвратился... в Дамаск, где и пробыл довольно долго, пася народ.

2) Затем патриарх Иоаким отправился в область Хоранскую, где был мученически умерщвлен, и там похоронен.

Затем патриарх сей отправился в Хоран... и там скончался и погребен.

3) После него (Иоакима Дау) целый год престол оставался без патриарха, пока не был поставлен... кир Иоаким, митрополит Эмесский.

На место его (Иоакима Дова) избран был Эмесский епископ Иоаким. (О междупатриаршестве не упомянуто).

4) Он (Иоаким Ибн-Зиядэ) уехал в Египет и скончался в Синайском монастыре, где и похоронен.

VIатриарх Иоаким ушел... в Александрию, где и умер. Александрийские монахи перенесли его тело в Синайский монастырь, где он лежит поныне.

5) Что касается упомянутого Кирилла (анти-патриарха), то эмир Ибн-Маан на него разгневался и послал его в заточение в известную Пещеру монаха близ села ал-Хармиль в области ар-Рас. Там его могила.

Эмир же Маан, взяв Кирилла из Дамаска в цепях по приказанию тамошних властей, обезглавил его, а тело бросил в так называемый Колодезь Калуеров близ деревни Хермель.

На основании приведенных сопоставлений и вообще из сличения обоих текстов, кажется, можно безошибочно заключить, что Павел составил новый список, но что, при составлении его, имел под рукою список своего отца, который он частью сокращал, частью дополнял и изменял, на основании имевшихся у него под руками, по-видимому, новых данных, им же собранных и неизвестных его отцу, как он подробно об этом рассказывает. О предшественнике своего отца, Евфимии Хиосском, о котором в списке Макария сказано всего несколько слов, он распространяется потому, что это было ему необходимо, чтобы рельефнее выставить заслуги своего отца и права его на занятие Антиохийского престола.

Вслед за списком патриархов Павел подробно рассказывает биографию своего отца: что он был сначала священником Иоанном аз-Заим, а потом сделан митрополитом Алеппским под именем Мелетия, и затем сообщает о замечательных событиях, случившихся во время его 12-летнего управления Алеппской епархией: о двоекратном приезде в Алеппо патриарха Евфимия, о поездке Мелетия с шестьюдесятью духовными и светскими алеппцами на богомолье в Иерусалим, о проезде чрез Алеппо султана Мурада IV при походе на Багдад, о курьезной встрече привезенной из Персии воды самармара для истребления саранчи. Подробно описывает он выбор и возведение на Антиохийский престол своего отца под именем Макария и объезд им епархии, с исчислением всех посещенных им городов и селений, из коих некоторых, по-видимому, теперь не существующих, мы не могли отыскать на имеющейся у нас подробной карте Сирии на арабском языке. Всего этого нет в Бельфуровом переводе путешествия Макария и, нужно думать, в лондонской арабской рукописи и нами теперь обнародуется в первый раз.

Перевод. Я пожелал сделать в начале этого сочинения[849], чтобы придать ему большее значение, перечень позднейших патриархов Антиохийских, которые пребывали в городе Дамаске, со времени их переселения в него до настоящей поры. Просим у Всевышнего Творца (да будет Он возвеличен!) помощи и содействия.

С помощью Всевышнего Бога, обладателя полного совершенства, начинаем прежде всего с разыскания причин пребывания Антиохийского патриаршего престола в городе Дамаске Сирийском.

Когда моя опора и мой владыка, всесвятейший родитель мой, был избран патриархом над упомянутым городом, как об этом будет подробно рассказано по достоверным данным, я начал пересматривать все книги патриархата от великого града Божьего Антиохии до богохранимого Дамаска. Но, не достигнув цели и не удовлетворив своему желанию, я снова обратился к разыскиваниям в старинных исторических книгах, стремясь к той же цели и предмету относительно причины, вызвавшей это перенесение. Наконец, передо мною выяснилось то, что было совершено царем Аззахиром Бейбарсом Бундукдари, знаменитым султаном Египта, когда он, совершенно неожиданно для жителей Антиохии, устремился на нее в 666 году хиджры, как об этом рассказывается в хрониках. Он пришел туда с быстротою гонца в начале месяца Рамазана и расположился станом подле города. Некоторые из жителей вышли к нему и просили пощады, предложив условия, коих он не принял, но подступил к городу и завладел им в субботу 7-го Рамазана (21 Мая 1268 г.)[850]. Историк рассказывает, что, идя на Антиохию, и сам султан, и эмиры, и войско полагали, что ее можно взять только спустя целый год и что осада ее затянется без всякой для них пользы. Войско простояло под городом три дня и намеревалось поставить для осады метательные орудия, но приставив деревянную лестницу к городским стенам, они поднялись по ней и, не находя никого, кто бы с ними сражался, завладели городом без ведома его жителей. Они разграбили имущество, материи, коней, верблюдов, скот, рабынь и рабов, чего ни описать, ни исчислить невозможно. Нигде они не получали такой добычи как здесь. Они избили более сорока тысяч жителей, сожгли и разрушили вконец их церкви, известные во всем мире, а остальных жителей забрали в плен и переселили в Египет. Таким образом им досталось там на долю владычество и благоденствие.

Другая хроника гласит, что бедствий и несчастий, постигших Антиохию и ее жителей, невозможно ни описать языком, ни исчислить на страницах повествований, ибо султан превзошел всякую меру в ее разрушении и разорении: изгнал жителей, разрушил церкви, изгладив самые следы их и рассеяв ее сынов-христиан по Египту и другим странам.

Вышесказанного достаточно для совершенного убеждения в том, что нам желательно и потребно. Я уверился, что по причине разорения у христиан не осталось сил восстановить патриарший престол в Антиохии по обычному порядку. Для меня стало ясным, что причиной перенесения престола послужило это смятение, и когда я в том убедился после трудов и стараний, у меня возникло другое намерение: я удвоил свои старания, желая знать, кто был первым патриархом в Дамаске. Я надеялся найти подробную и последовательную их хронику, в которой бы сообщалась их непрерывная преемственность и время патриаршества каждого из них; но и этого также я не нашел, а отыскал разрозненные заметки в старинных достоверных книгах, заключающие в себе упоминание обо всех патриархах и о времени их правления до наших дней, именно от (6)874 г. от Адама до 7156 г. от сотворения мира, — год, в который мой родитель был поставлен патриархом. Я старался собрать эти разрозненные сведения и, проверив их, составить из них последовательную хронику, подобно тому как я раньше, с таким же старанием, сочинил повествование о первых патриархах Антиохийских со времени Св. Петра, главы

апостолов, до времен Илии и Христиана, латинских патриархов, кои сделались патриархами в Антиохии, когда она была завоевана франками-французами в 1247 г. от Р. Хр. После этих патриархов, когда ее покорили мусульмане, как рассказывают церковные хронографы, которые мы перевели с латинского языка, неизвестны имена других патриархов, там бывших, кроме только четырех, кои суть:

Феодор Вальсамон, о котором в греческом номоканоне передается, что он был дьяконом и книгохранителем Св. Софии, великой церкви в Константинополь, а затем был избран и рукоположен патриархом града Божьего Антиохии и всего Востока.

Иоаким, Иерофей, Афанасий.

После этих мы не могли более отыскать никаких известий об антиохийских патриархах ни во франкских, ни в греческих, ни в арабских книгах и хрониках. Последний из них (Афанасий) был патриархом пред покорением Антиохии царем Аззахиром, о чем нами уже упомянуто. С того времени известия о патриархах совершенно прекратились за неимением нового историка, который бы продолжал хронику, веденную учеными мужами православного народа. Всему этому причиной было умножение забот и печалей, пленение и стеснения, кои постигли сынов крещения. Но я нашел некоторые сведения в конце одной старинной книги, именуемой: Большой сборник, из книг города Кары, писанной рукою монаха Пимена в Дамаске, который окончил ее 18 апреля (1216) 6724 г. от Адама, соответствующего по арабскому летосчислению концу месяца Зильхиджа 604 г., во дни патриарха, великого аввы Симеона Антиохийского. Все, что мне удалось собрать из исторических церковных книг и что я нашел в наших книгах и в историях латинян, — все это я собрал и привел в порядок, составив отдельную книгу, дабы всякий желающий ею пользовался, ибо здесь не имею возможности привести ее, чтобы не выйти из пределов поставленной нами цели.

Что касается того, кто первый сделался патриархом в городе Дамаске сирийском, то я нашел между некоторыми книгами патриаршего дома очень старую книгу по истории, писанную рукою приснопамятного патриарха Михаила. В ней он говорит так: начало утверждения патриархов в богохранимом Дамаске произошло следующим образом: когда скончался патриарх Игнатий в Кипре, занимал престол после него, в течение двух лет, Пахомий, митрополит Дамасский, и затем был низложен.

Как мне кажется, когда царю Аззахиру удалось покорить Антиохию, приснопамятный Игнатий бежал после покорения ее в Кипр и там скончался, как сказано.

Возвращаемся к нашему предмету.

После Пахомия сделался патриархом Михаил в (1368/9 г.) 6877 г. от сотворения мира. Он пробыл на патриаршестве; 7 (?) лет и умер 17 Августа (1373) 6881 г. от сотворения мира.

После него утвердился на престоле Пахомий, пробыл два года и был опять низложен.

Затем прибыл в Дамаск из Константинополя патриарх Марк, пробыл два года и умер 10 Апреля (1378) 6886 г. от сотворения мира.

После него сделался патриархом Пахомий и умер 19 Декабря (1386) 6895 г. от сотворения мира.

После него патриаршил Никон[851] и скончался 11 Января (1395) 6903 году.

Потом утвердился на патриаршестве Михаил, сын Михаила, митрополита Босры, 6 Февраля в Воскресенье (недели) блудного сына в (1395) 6903 г. от сотворения мира, спустя 16 дней по кончине Никона и 6 лет без одного месяца по кончине отца его Михаила, митрополита Босры, и чрез 21 с половиною год по кончине дяди его Михаила, патриарха Антиохийского. Он собственноручно написал эти известия, был свидетелем того, что

произошло в годину Тамерлана: разграбления своих облачений, церковной утвари и всего имущества, и бежал в Кипр в 803 г. хиджры, а записал это 9-го благословенного Августа (1404) 6912 г. Мы списали эти известия с собственноручной его записи, как об этом уже упомянуто. После него другою рукою записано о нем, что он скончался 8 Апреля (6) 969 г. (?). Я нашел в конце старого Апостола, в богохранимом граде пишущего сие, дарственную запись, сделанную рукою того же приснопамятного патриарха Михаила и помеченную месяцем Декабрем (1396) 6905 г. от сотворения мира.

После него сделался патриархом Пахомий Хоранский, который был митрополитом Эмессы, возведен на патриаршество в воскресенье 1 Июня и скончался в Воскресенье 9 Октября (1412) 6921 г. от сотворения мира.

Я нашел также в конце одной старинной книги следующее:

В (1424/5) 6933 г. от сотворения мира скончался владыка патриарх кир Иоаким Антиохийский.

В другой книге нашел, что в (1426/7) 6935 г. управлял Антиохийским престолом патриарх кир Марк, коего современниками были: кир Иосиф, патриарх Константинопольский, кир Филофей, патриарх Александрийский, и кир Феофил, патриарх Иерусалимский.

В (1434/5) 6943 г. правил Антиохийским престолом кир Дорофей, который был родом из благоденствующего Седная и епископом в нем. Во дни его состоялся восьмой собор у франков в городе Флоренции, на котором присутствовать Иоанн, царь Константинополя, так как он еще не был покорен мусульманами, Иосиф, патриарх Константинопольский и многие архиереи: Антоний, митрополит Ираклийский, уполномоченный патриарха Александрийского кир Филофея, Исидор, митрополит Киевский и всех стран Российских, уполномоченный Антиохийского патриарха вышеупомянутого кир Дорофея, Дорофей, митрополит Монемвасийский, уполномоченный кир Иоакима, патриарха Иерусалимского. Этот собор состоялся в 6948 г. от сотворения мира, соответствующем 1440 году от Р. Хр. и 843 году хиджры. Скончался этот вышеупомянутый патриарх в день Рождества Богородицы 8 Сентября (1451) 6960 года от сотворения мира, соответствующего месяцу Шаабану 855 г. хиджры.

Тогда после него община города Дамаска избрала патриархом кир Марка, епископа Седнайского (Селевкийского), во Вторник, в день Воздвижения Креста, в начале 6960 г. от сотворения мира, в присутствии владык архиереев: Иоакима, митрополита Босры, Кирилла Берутского, Марка, митрополита ал-Хосна, Иоанна, митрополита Евхаитского, Ефрема, митрополита Хамы (Епифании), Михаила, епископа Забданского (Авидского), Иоакима, епископа Ябрудского, Макария, епископа Кары, Арсения Аккарского (Аркадийского) и иных, и нарекли ему имя в патриаршестве Михаил.

В (1497/8) 7006 г. от сотворения мира правил Антиохийским престолом кир Дорофей, известный под именем Ибн-ес-Сабуни (сын мыловара).

В (1523/4) 7032 г. правил Антиохийским престолом кир Михаил Ибн-ел-Маварди (сын торговца розовой водой).

В (1530/1) 7039 г. правил Антиохийским престолом кир Дорофей, который был низложен бывшим в Иерусалиме собором по причине некоторых совершенных им дел и проступков.

На место его был поставлен патриархом кир Иоаким[852]. Это случилось во дни патриархов кир Илии Константинопольского, кир Иоакима Александрийского и кир Германа Иерусалимского, кои и составили собор против Дорофея, находясь на богомолье в Иерусалиме.

В (1553/4) 7062 г. от сотворения мира правил Антиохийским престолом патриарх кир Иоаким. О нем говорят, как после нам передавали в странах христианских, что он пробыл на патриаршестве 70 лет[853].

Здесь оканчиваются известия о приснопамятных патриархах, кои были в Дамаске. С большими трудами мы собрали, при помощи Божией, известия о них, какие только возможно было отыскать. Кто после нас найдет какое-либо известие о ком-нибудь из них и присоединит его к нашему сборнику, да будут они ходатаями за того в сей и в будущей жизни. За сим последуют известия об остальных патриархах, составленные в порядке их следования друг за другом, как мы и будем писать и как мы нашли. Да поможет нам Бог!

В (1542/3) 7051 г. от сотворения мира скончался патриарх Антиохийский кир Михаил, который отправлялся на поклонение в Иерусалим в годину разногласий между христианскими общинами в (1538/9) 7047 г., и на место него сделался патриархом Иоаким, митрополит Берутский, известный под именем Ибн Джума, который был митрополитом Берута 11 лет. В свое время он созвал поместный священный собор, на который собрал всех своих архиереев, по вопросу о выдаче замуж дочерей христиан, сколько давать приданого наличными деньгами и имуществом и прочее. Собор решил этот вопрос и произнес отлучение на всякого, кто воспротивится его постановлению, которое он велел начертать на пороге врат великой древней церкви Свв. Киприана и Иустины. Патриарх достал от остальных трех патриархов грамоты отлучения в подтверждение своего постановления. Он был муж добродетельный и пробыл на патриаршестве 33 года. Между ним и Ибн-Хилялем, епископом Кары, были споры из-за патриаршества. Упомянутый Ибн-Хиляль скончался несколько ранее Ибн-Джума, который умер в (1575/6 г.) 7084 г. и был похоронен в Дамаске.

После него был сделан патриархом Макарий, родом из Хамы, епископ Евхаитский, получивший имя Михаил. Он пробыл на патриаршестве 4 года и был низложен вследствие возникших из-за него замешательств; а между христианами вражда и соблазн продолжались целый год.

Вместо него был поставлен патриархом Дорофей, митрополит Триполъский, по прозванию Дау, и был наречен Иоаким. Он ездил в страны христианские, куда ездили и мы, и где видели его портрет. По возвращении он пробыл на патриаршестве 12 часов. Вышеупомянутый приснопамятный патриарх Михаил, родом из Хамы, скончался за несколько лет раньше него на острове Родосе, где и похоронен. Затем вышеупомянутый патриарх Иоаким отправился в область Хоранскую, где был мученически умерщвлен, и там же погребен.

После него целый год престол оставался без патриарха, пока не был поставлен на место него кир Иоаким, митрополит Эмесский, он же Ибн-Зияда. Он пробыл на патриаршестве 11 лет и лишился зрения. Этот добродетельный муж варил Святое миро и освятил его по обыкновению в великую Среду (1594/5) 7103 г. от сотворения мира, соответствующего 1003 году хиджры.

Когда он лишился зрения во дни шейха Георгия, сына Самора, усилилось недовольство против него, и на место него был поставлен патриархом кир Дорофей, известный под именем Ибн-Ахмара, дамаскинец и рукоположенный при жизни Иоакима митрополитом патриаршего дома. Что касается Ибн-Зияда, то он уехал в Египет и скончался в Синайском монастыре, где и похоронен. Патриарх Дорофей пробыл на патриаршестве 8 лет и скончался в селении Хасбея в Вади ат-Тим и там погребен.

После него был сделан патриархом Афанасий, по прозванию великий Ибн-Даббас, бывший митрополитом в Хоране. Он пробыл на патриаршестве 8 лет. При нем случались

частые смятения и распри до самой кончины его великим постом в богохранимом Триполи, вне которого он погребен в монастыре Кефтип.

После него сделался патриархом брат его кир Кирилл, также митрополит Хоранский, который был возведен на патриарший престол в Триполи в Воскресенье недели Самаряныни. В этот же самый день в Константинополе тамошний патриарх Тимофей, не зная о поставлении Ибн-Даббаса в Триполи, поставил также патриархом Антиохийским Игнатия, митрополита Сидонского, известного под именем Атыет.

Игнатий прибыл в качестве патриарха в Дамаск, и тогда между ним и вышеупомянутым Кириллом возникли частые и непрестанные усобицы и распри, от которых христиане терпели большие и многочисленные потери в продолжение 7 лет. Вследствие этого, обстоятельства вынудили всех архиереев Антиохийской церкви собраться у эмира Фахруддина Ибн-Маана, знаменитого правителя сирийских областей, так как он был большим защитником христиан и очень им сочувствовал. Они составили синод с его разрешения в селении ар-Рас для рассмотрения оснований обоих патриархов и утверждения того из них, который окажется правым. Кирилл этого желал. Когда же списались с ним, приглашая его прибыть на собор, он не захотел быть среди них. Так как он причинил много убытков христианам Дамаска и иных городов, то упомянутый эмир силою привел его из Дамаска на собор, против него составленный. На этом соборе было постановлено его свержение и низложение в силу нарушенных им статей священных законов, тем более, что он сделался патриархом без согласия своей паствы и много вреда и убытков нанес всем христианам. Протоколы этого поместного собора и составленные на нем правила и постановления были записаны по примеру предшествующих соборов и до сих пор находятся в книгохранилище патриархии, а также у смиренного раба, пишущего эти строки. Что касается упомянутого Кирилла, то эмир Ибн-Маан на него разгневался и послал его в заточение в известную Пещеру монаха близ села ал-Хармиль в области ар-Рас, и там могила его. Это случилось в (1626/7) 7135 г. от сотворения мира. Собор утвердил патриаршество за Игнатием, который правил престолом 7 лет. В начале войны османского правительства с упомянутым эмиром Фахруддином и возникших вследствие того смятений в стране, в то время как вышеназванный патриарх, переодевшись ратником, тайком бежал из Сидона в Берут, друзы убили его среди дороги у реки ад-Дамур, не зная, кто он. Это случилось в (1634/5) 7143 г. Так он погиб, умер и был погребен в деревне повыше Берута, именуемой аш-Шувефат.

Тотчас известие об этом было доставлено в Дамаск, а оттуда в Алеппо, со скороходами, тамошнему митрополиту Мелетию, по прозванию Карама, родом из Хамы, который раньше был в монастыре Св. Саввы в Иерусалиме монахом и оттуда приехал в Алеппо. Жители этого города, из любви к нему и его животворным поучениям, отправились с ним в Дамаск в бытность патриархом Афанасия Ибн-Даббаса, который с их согласия рукоположил его митрополитом в Четверг 12 Февраля (1612 г.) 7120 г. По возвращёнии в Алеппо он пробыл там митрополитом 22 года и, как должно, вел свою паству по пути спасения. После того как город Алеппо в течение многих лет, коих число неизвестно, был покинут христианами, стали прибывать в него верующие со всех стран и окрестных мест, ибо слышали о красоте божественных поучений и речей и животворных проповедях Мелетия. Насаждение зрело, приносило плоды, разрасталось, увеличивалось и размножалось. Он обогатил бедность их душ духовным богатством, а также осчастливил их хорошим мирским управлением, соорудил превосходный митрополичий дом с большими удобствами, прочной постройки, с высокими стенами, редкостный по своему устройству и крепкий в основаниях, и единственно его старанием было доведено до конца это

сооружение, которое он оставил по завещанию в наследие последующим иерархам. Затем между ним и патриархом кир Кириллом Ибн-Даббасом возникли большие распри, причинившие христианам значительные убытки. Из-за этого он подвергся разным неприятностям и 12 дней просидел в тюрьме в крепости Алеппо. Эти обстоятельства принудили его отправиться в Константинополь, где он выхлопотал высочайший султанский указ. Он не переставал хлопотать и трудиться до той поры, пока не был умерщвлен упомянутый Кирилл, как нами выше пояснено. По кончине вышеназванного патриарха Игнатия, о чем мы уже рассказали, как только скороходы доставили Мелетию в Алеппо известие об избрании его жителями Дамаска в патриархи, он отправился к ним, и они поставили его патриархом над собою, при чем он получил имя Евфимий. Когда лучи его света показались и засияли в Антиохийской церкви, и его светило поднялось до зенита, и солнце его добродетелей взошло на небосклон христианской веры, он стал прилагать великие старания, дабы осчастливить всю свою паству хорошим управлением и твердой рассудительностью, ввести среди нее согласие и всех наставлять на общеполезный путь правды. Чрез короткое время внезапно приключилась с ним водяная болезнь и постигла его смерть, после семимесячного патриаршества. Его ожидания и надежды не были тщетны, ибо, по словам Премудрого, сын праведного рождается для жизни и с его добродетелей снимается плод справедливости. Это изречение несомненно исполнилось над сим добродетельным мужем и его обоими сынами, т.е. его учениками, коих он усыновил и родил духом, как говорит апостол, и в обоих достоинствах и местах после себя оставил наследниками. Первый из них — священник Иоанн, сын священника Павла, мой достопочтенный родитель (да продлит Бог дни его!). Патриарх еще ранее того имел его в виду и, по оставлении Алеппской митрополии, обещал ее моему родителю, и как прекрасно было это назначение! Так как патриарх очень его любил и поддерживал, и он с юных лет был его учеником, то рукоположил его диаконом, пресвитером и священником и возвел в степень духовника. Другой был Мелетий Хиосский, иконописец, которого он привез из монастыря Св. Саввы в Иерусалиме для украшения церкви иконами, а затем, чувствуя приближение своей кончины, сделал своим преемником, поставив его патриархом еще при жизни своей и дав ему свое имя Евфимий. Оба эти сына шли его достохвальным путем и подражали его похвальному образу действий и благополучному управлению. Они были счастливы и доставили покой и благоденствие своей пастве. В день Обрезания и нового года Евфимий скончался, переселившись из здешнего мира (да помилует его Всевышний Бог и покроет своим милосердием!).

После него на патриаршестве был утвержден, в конце Декабря (1634) 7143 г., упомянутый Евфимий Хиосский, человек деятельный. Он пробыл патриархом 13 лет без нескольких дней.

Что же касается жителей Алеппо, то они в день праздника Воздвижения Креста, в начале (1635) 7144 г. от сотворения мира, собрались в митрополичьем доме, священники, старшины, и богобоязненный клир вместе с прочими христианами, и единогласно выбрали вышеупомянутого родителя моего, священника Иоанна, своим митрополитом, с согласия священников, старшин, почетных людей и всех прочих христиан, и отправили его с караваном в Дамаск в сопровождении священников и мирян. По прибытии его в Дамаск здравым и невредимым, отец владыка патриарх Евфимий рукоположил его митрополитом Алеппо в воскресенье 27 октября и по своему большому расположению к Мелетию и в уважение к его воле и завещанию покойного учителя своего (патриарха Евфимия Карама) сделал Мелетия католикосом[854], отличив его пред остальными епископами своего престола, и дал ему звание экзарха, то есть уполномоченного блюстителя над городами

Амидскими (Диарбекирскими) и их областями, а также над городом Антиохией, престолом патриарха, и ее окрестностями. При этом он дал ему позволение случить в ней, когда ему там случится бывать. Затем патриарх возвратился вместе с ним в Алеппо с радостью и ликованием. Христиане встретили и приняли его с великой радостью и почетом. Там он пробыл митрополитом полных 12 лет, шествуя по стопам прежде бывших владык, славных по своей благочестивой жизни, и пас христиан на пастбище спасения, исполняя все заповеди Всевышнего Бога без умаления. Он правил ими твердо и разумно, устрояя их благополучие, и шел по следам предшественников, превзойдя их на этом пути. Здание общины расширилось. Он увеличил ее преуспеяние больше прежнего, ибо как орел принял ее в свои объятья, посвятив ей все свои силы. На четвертом году его архиерейства, в (1639) 7147 г. от сотворения мира, или в 1049 г. хиджры прибыл султан Мурад (Мурад IV.) с войском из Константинополя в Алеппо, куда он вступил в четверг 12 июля, намереваясь идти на Багдад. Все христианские общины вышли к нему навстречу с разнородными дорогими материями, кои они расстилали вдоль дороги. С ними был отец владыка митрополит, священники и прочие христиане вместе с ремесленными цехами. Они растянулись от караван-сарая Туман до самой площади ал-Медан. Это был славный день, каких немного бывает в жизни и память о которых сохраняется в будущие времена до скончания века. Султанша, его жена, франкского рода, приехала тремя днями раньше в принадлежащих ей куджиях, то есть повозках, со своей свитой. Султан пробыл в Алеппо 16 дней, которые прошли, как сонное видение. С его прибытием появилось в городе великое множество благ и изобилие всякого рода произведений земли, и с его присутствием высоко поднялась счастливая звезда Алеппо. Город ни в чем не терпел нужды, несмотря на многочисленность прибывших с ним войск, по своему множеству подобных каплям падающего дождя. Затем все они выступили по направлению к Багдаду многими тысячами, не поддающимися определению и исчислению. Придя к нему с могуществом своим и развернув знамена победы над ним, султан сорок дней осаждал его неослабно и неотступно и завоевал, отняв из рук Кизилбашей[855], которых он отразил и уничтожил поголовно острием своего меча. Радостные известия о победе разнеслись по всем городам, которые при великом ликовании народа были разукрашены по-праздничному в течение 7 дней. Затем он возвратился со славою в свою столицу победителем, пробыл в Константинополе полгода, умер и сделался обитателем вечного мира.

По воцарении его брата, султана Ибрагима, на пятом году архиерейства моего родителя, в 19 день августа прибыл в Алеппо отец владыка патриарх кир Евфимий Хиосский в сопровождении некоторых из наших приятелей. Здесь он рукоположил священника Иосифа Алеппского митрополитом Аккарским (Аркадийским), снабдил его необходимым для пути и затем послал в христианские страны, благоустроенные и гостеприимные. Он доехал до города, называемого Путивль, на границе Московии и подле него скончался, переселившись в близость Господа своего. А владыка патриарх, пробыв в Алеппо ровно сто дней и собрав положенный денежный взнос, уехал во вторник, 12 декабря, того же года. С ним отправился его преосвященство, мой родитель, и я; мы проводили его до Хамы, где простились с ним, обогащенные святыми его молитвами и богоугодными пожеланиями.

В седьмой год архиерейства моего родителя, в (1641/2) 7150 г. от сотворения мира, он отправился на богомолье в Св. Иерусалим в сопровождении 60-ти алеппцев, между которыми были священники и диаконы. Какое это было прекрасное паломничество! оно принадлежит к числу тех славных событий в жизни, которые вспоминаются и впоследствии как самые светлые и вожделенные. Мы проводили это время в радости о

Господе и в веселии душевном, славословя, прославляя и восхваляя Бога в непрерывном пении и чтении нараспев молитв. Мы с поклонниками составляли большой и многолюдный караван. Они следовали за нами и шли, когда мы шли, и останавливались там, где останавливались мы. У Кары мы с ними расстались, направились в Ябруд и посетили его славные во вселенной церкви и келии св. мар Конона огородника, иссеченные в горе, того самого, который заключил дьяволов в стене. Сады Ябруда многочисленны и знамениты, плоды их вкусны и обильны; и как нам не хвалить их, когда похвала им встречается в священном писании, где сказано: «и подобно садам Памфилии», ибо так Ябруд именовался в древности. Оттуда мы прибыли в Селевкию сирийскую, называемую теперь Малула, где посетили церковь первомученицы Феклы, коей святые мощи почивают там под спудом, а также монастырь св. Сергия, известного своими необычайными чудотворениями. Город обилует ключевою водой. Оттуда мы прибыли к предмету наших стремлений, твердыне Господа нашего[856], для поклонения Владычице мира, Госпоже рода человеческого, Матери Иисуса Христа ожидаемого. Души наши оживились, и все горести тотчас отошли от нас. Затем мы прибыли в богохранимый Дамаск по дороге через Менин и здесь свиделись с отцом владыкой патриархом. Жители встретили нас с радостию: все ликовали и веселились, ибо ждали нашего прибытия. Нас радушно приняли и поместили в благополучном патриаршем доме. Пробыв тут десять дней, мы выехали из Дамаска, направляясь к Сиону, куда стремились с великим усердием. Наше прибытие туда совпало с приездом всемилостивого владыки его, всечестного отца патриарха кир Феофана, который находился в отсутствии 7 лет, ревнуя о благоустроении и возвеличении своей Церкви. Он принял нас со всяким вниманием и радушием. О, если бы наше совместное пребывание продлилось долее!

Светлый праздник Пасхи был 10 апреля, и мы довершили посещение всех святынь и священных мест по всей стране; два дня пробыли в монастыре св. Саввы и обошли келии той долины, которая, по рассказам, заключает их 14.000; все они высечены в скалах, как мы достаточно убедились собственными глазами. В четверг после Фомина Воскресенья мы выехали из Иерусалима и в воскресенье недели Расслабленного возвратились в Дамаск, куда прибыли на утренней заре. Мы присутствовали за литургией в его благолепной церкви, а в следующее воскресенье Самаряныни наш учитель служил обедню с дозволения владыки патриарха, который велел ему сказать поучение пастве. Он исполнил его повеление с должным послушанием и повиновением и сказал проповедь по силе-возможности. Души слушателей исполнились радости, оживились его словами и были восхищены его животворным и сладким поучением. Он кончил проповедь благодарением владыки патриарха с усердною молитвой и благими пожеланиями. В этот день он рукоположил смиренного, пишущего сии строки, в иподиакона. Мы простились с патриархом и отправились в путь к своему городу. Кир Максим, католикос Грузинский, от самого Иерусалима ехал вместе с нами. В четверг в Вознесенье мы въехали в Алеппо. Нашему владыке учителю была сделана прекрасная встреча со стороны его паствы, иноверных исповеданий и всех общин с большим торжеством и оказанием всякого почета и уважения. Мы нашли город аш-Шахба[857] (да сохранит его Бог от всяких зол и бед!) обилующим земными плодами, при дешевизне их, и в полном благоденствии. Он наслаждался правосудием и благорастворением воздухов. Правителем его тогда был Хусейн паша, сын Насух паши. Никаких притеснений и насилий мы до сего дня не видели, и Боже нас сохрани, чтобы мы утверждали противное.

В том же году вышло предписание и повеление привезти из персидской земли воду самармара, по принятому издревле обыкновению привозить эту воду для уничтожения саранчи, ибо в том году она появилась во множестве, а упомянутой воды не было наготове.

Когда возвратились посланные и привезли воду, то ее подняли с посудой над воротами часовни шейха Абу-Бекра, ибо вода сохраняет свою силу лишь в том случае, если не прошла под потолком или перекладиной. Приказано было тогда, чтобы вышли ей навстречу все находящиеся в городе мусульмане, христиане и евреи. Впереди шли мусульмане, взывая: «нет Божества кроме Единого Бога!» за ними христиане, поя на греческом языке. Все они в полном порядке обошли кругом городской стены, пока не дошли с водою до ворот упомянутой часовни, где ее приняли сверху ворот в ее медном сосуде с величайшей осторожностью. В таком же порядке мы шли перед нею, пока не донесли ее до городской крепости, и тогда подняли ее поверх крепостных ворот и повесили под навесом минарета, не проходя с нею под перекладинами его дверей, дабы не пропала ее чудодейственная сила и не уничтожилась ее польза. В то время когда саранча вылуплялась из яиц и летала в пространстве, сосуд с наговоренной водой приводили в сотрясение и тотчас слетелись в громадном количестве птицы, называемые самармар, а саранча пропадала, так что ни одной не осталось в живых. Эта птица по виду черная, маленькая, величиною с воробья. Саранчу, которая уже успела вылупиться на прилежащих к Алеппо землях, в особенности с южной его стороны, паша велел собрать в мешки, возложив это дело на земледельцев и жителей города и окрестностей. Ее собрали 14,000 мешков и мужчины побросали ее в глубокий колодец против крепостных ворот.

На 9-ом году архиерейства (моего родителя) прибыл в Алеппо во второй раз владыка патриарх Евфимий. Мы вышли к нему навстречу до Хамы, где приняли его с радостью и удовольствием и с великой любовью. В первый день февраля совершилось его вступление в Алеппо. Радость христиан удвоилась с его прибытием. Владыка родитель мой повелел мне вступить в брак и венчал меня в воскресенье недели Блудного сына; это было 7 февраля, и я имел тогда от роду 17 лет. Патриарх собрал с паствы обычный канонический взнос с миром, и уехал 17 марта по истечении полных ста дней, спеша в Хаму и Триполи. Потом он возвратился в Дамаск.

В начале 13-го года архиерейства (моего родителя) постигла владыку патриарха кир Евфимия тяжкая болезнь, и все потеряли надежду на его выздоровление. Тогда собрались священники и клирики и, совершив над ним таинство елеосвящения, спросили его совета: в случае его кончины, кому быть после него? Он же (да помилует его Бог!) ответил им согласно с своими надеждами и намерением «если вы желаете упорядочения ваших дел и устроения ваших обстоятельств, не делайте никого, кроме митрополита Алеппского, своим патриархом». Это похвальное мнение исполнило слово Св. Евангелия, что ученику приличествует быть подобным своему учителю. Он поступил так же, как его предшественник: как тот избрал и рукоположил его, так и он избрал и призвал к служению митрополита Алеппского. Услышав от него эти слова, они обрадовались, тотчас написали послание о случившемся и представили его патриарху, который собственноручно его пометил, находясь в описанном положении. Послание было отправлено со скороходом к упомянутому митрополиту, коего убеждали ехать скорее и спешить прибытием. Дойдя до Алеппо, скороход не нашел там митрополита, так как он оттуда удалился по причине многих насилий и обид, кои начались со стороны правителя Алеппо, Кара Хусейн паши, который стал угнетать налогами и вымогательством. Скороход направился в области Маары и Ханака и возвратился в Келиз, постоянно расспрашивая и разузнавая о митрополите, пока не достиг цели. Когда же встретился с ним и передал письмо, тот прочел и узнал, чего желают. Его опечалило такое обстоятельство, в особенности когда он удостоверился в тяжкой болезни патриарха. Он не захотел тогда отправиться и послал в ответ извинение в неприбытии. Когда дошло до патриарха, что он отказался и не

послушался, тот сильно разгневался, а был он в то время при последнем издыхании. Он приказал послать ему второе письмо с извещением, что, если он не явится и не приедет поспешно, то будет от него под запрещением и отлучением. Когда это второе послание дошло до него, обстоятельства вынудили его дать ответ, что он идет без замедления. Итак, он отправился в Дамаск против воли. Я, смиренный, был при нем постоянно и неотлучно. Дойдя до Хамы, мы встретили третьего скорохода с письмами, согласными с прежними посланиями, от священников и старшин Дамаска, призывавшими нас и извещавшими о кон-чине патриарха в ночь на 11 октября. Заклинали владыку митрополита прибыть без вся-кого замедления, дабы он не оставался под запрещением (Боже, избави от такой великой опасности!) и дабы от медлительности его не произошло раздоров, соблазна и обмана, в особенности потому, что тотчас по смерти патриарха были написаны с общего согласия денежные документы и акты от имени Макария, сообразно с завещанием покойного Евфимия (в то время пашою в Дамаске был Махмед паша Кёпрюли, который впоследствии сделался великим визирем), дабы не возникло разногласия во мнении общины и от некоторых событий не воспоследовали другие. Они просили, чтобы мы привели с собою митрополита Хамы, приснопамятного Мелетия, и приснопамятного Филофея, митрополита Эмесского. Оба они отправились вместе с нами. В Седнайском монастыре мы застали кир Иоасафа, митрополита Кары. Рано утром мы вступили в Дамаск, где нашли Григория, митрополита Хоранского. С общего согласия они рукоположили моего родителя патриархом и он, поднявшись на высшую степень, стал главою Антиохийского патриархата по несомненному божественному внушению, 12 декабря месяца в (1647) 7156 году бытия тленного мира. Вслед за этим собрался синод для обсуждения и совещания, и был подведен итог всех долгов, записанных в книгах, именно тех, кои остались после покойного патриарха. Всего оказалось около 6000 пиастров со включением процентов. Сочли и то, что было издержано на его похороны, на приготовления к ним, отпевание, и то, что было им израсходовано на получение обычного буюрулды (указа) от паши на имя нового патриарха, а также то, что истратили на закрепление всего этого законными актами с согласия всех пасомых. Это было сделано с целью устранения споров и раздоров, из опасения возобновления минувших событий. Весь этот расход составил около 4000 пиастров, и таким образом сумма сочтенных долгов составляла ровно 10,000, кои все и были занесены в книгу. Их переписали вновь с процентами на имя заимодавцев. В короткое время их стало с лишком 13,000 пиастров. В обеспечение этого долга отдали в залог четыре митры: древнюю, большую, Алеппскую и Константинопольскую и прочие облачения и священные сосуды.

Патриарх разослал от себя послания с благословением и молитвами, по обычаю, по всем городам и во все концы.

21 ноября он нарек и рукоположил священника Михаила, сына священника Бшара Алеппца, который при нем находился, митрополитом Алеппо, назвав его Митрофаном, и туда его отправил. Вместе с ним он рукоположил смиренного, пишущего эти строки, архидиаконом над обоими городами, Дамаском и Алеппо, и всеми странами арабскими: он присвоил и великодушно даровал ему это достоинство. Затем он отправился на богомолье в монастырь Владычицы Седнайской, дабы получить благословение и испросить благих даров от Пречистой Девы. Оттуда проехал он в Селевкию сирийскую, которая есть Малула, и в Памфилию, которая есть Ябруд, и в Кару. Потом вернулись в селения Айн ет-Тинэ и Наж и в остальную часть округа Жабат Асаль. 15 февраля он избрал, нарек и рукоположил священника Авраама Дер-Атани, мужа добродетельного и аскета, епископом Ябруда и Малулы, наименовав его Афанасием. Затем, кончив богомолье, возвратился в Дамаск, где

рукоположил своего ученика, иеродиакона Гавриила Алеппца, иереем и возвел его в сан архимандрита, послав его вместе с некоторыми другими экзархом, т. е. уполномоченным со своей стороны, в Грузинские страны.

16 июля владыка патриарх выехал из Дамаска с целью объехать свою епархию, собрать положенные денежные взносы и обозреть положение своей паствы. Он отправился в ближайшие к Дамаску города, Тир и Берут, а также в область Шуф. В этот день он переночевал в деревне Димас, откуда поехал в Айси, потом в Карун, из Каруна в Машгару, оттуда в Кафр-Мульку и затем в Сидон, куда прибыл в четверг. Потом он поднялся в Аал-Хару и Ибру, а оттуда вернулся в Сидон, где пробыл всего 12 дней. Затем, выехав из Сидона, направился в вади ел-Лямун, отсюда в Бирку, из нее в Кафр-Бет и Кафр-Хатту, а затем снова в вади ел-Лямун, откуда поехал в Бсиру и Анбаль, затем в Бааклин, селение Эмира Мелхема, с которым он там встретился. Потом, вернулся в Анбаль, оттуда поехал в Арифе, ал-Мазро, Айн-Кание, Аматур, Батир и Ниху, известную своею крепостью, в коей укрылся эмир Фахруддин, когда его осаждал там Ку-чук Ахмед, паша Дамаска, который его захватил и отправил в Константинополь, где он был казнен. Оттуда мы выехали в Баадран, ал-Хузебе, в ал-Маасыр, Таблун, ал-Фаридис и в ал-Барук, где мы любовались источником. Оттуда мы поехали в Айн-Зхалте, в Басын, Бурнош, Айн-Вазбе, ес-Самаканию, затем в ад-Дин и еш-Шувефат. Здесь патриарх служил в тринадцатое воскресенье по Пятидесятнице. 21 августа он выехал в богохранимый Берут. Между тем я, смиренный, после Пасхи съездил в Алеппо и, пробыв там некоторое время, возвратился в Дамаск, и догнал владыку в Беруте, где и присоединился к нему. Из Бейрута мы выехали 21 сентября и поднялись на гору Кесраван. Мы прибыли в деревню Бекфея, потом в Мхедсе, в церкви которой совершили службу. Это было в первое воскресенье (чтения) от Луки. Мы прибыли в монастырь пророка Илии, где служили, и отправились в деревню аш-Шуэр, а оттуда в Бисканту под горой Ливаном и служили в ее церкви. Затем приехали в Кафр-Акаб и служили в его новой церкви, после того как мы ее освятили и привели в Порядок ее алтарь. Это было в воскресенье в начале октября. Мы возвратились в Мхедсе и тут также служили два раза; приехали в Бекфею, а затем, в пятницу 16 октября, в Берут, откуда, в сопровождении его митрополита Иоасафа, выехали в море 16 октября и на утро были в Триполи, вышли на пристань и поехали в Алеппо, куда прибыли в первый день июня 7158 г. или 1650 г. от Р. Хр. Оттуда владыка выехал в Дамаск.

Арабская рукопись путешествия антохийскаго патриарха Макария в Россию. (Описание рукописи, принадлежащей библиотеке Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел.)[858]

С приложением фототипии последней страницы рукописи.

У книг есть своя судьба. Памятник столь исключительный, обширный и важный для истории русского быта XVII в. и для истории сношений наших с востоком — до сих пор не был во всей полноте доступен русскому читателю. На родине Павла им, как и следовало ожидать, интересовались, переписывали его, благодаря чему были и имеются известными списки арабского подлинника, сделанные в начале и в конце XVIII века. Один из таких списков был вывезен с Востока в Англию графом Гильфордом и издан, в английском переводе Бельфура «Фондом для восточных переводов» в 1829—36 гг. Русские исследователи знали Павла по переводу Бельфура и по немногим частичным переводам и изложениям, сделанным по Бельфуру. (Начало перевода о. Благово в Чтениях Императорского Общества Истории и Древностей Российских за 1875 г.; перевод архим. Леонида (Краснопевкова) о поездке в Саввин монастырь; обзор почти всего путешествия патр. Макария, составленный Аболенским в Трудах Киевской духовной академии за 1876 г. и вышедший отдельно; сведения о Киеве в Сборнике материалов по истории топографии Киева и т. д.). В Московском Архиве Министерства Иностранных Дел был сделан полный русский перевод с английского перевода Бельфура, хранящийся в рукописи.

В конце 1840-х и 1850-х годов, наконец, появились в России три арабские списка «Путешествия Макария», все три списанные, по-видимому, с одной и той же старой дамасской рукописи. Список Моск. Архива Мин. Иностр. Дел сделан в 1859 г., вероятно, по почину директора Архива, князя М.А. Оболенского, известного любителя и знатока русской старины, составившего превосходную, отборную библиотеку по русской истории, которая ныне, в силу завещания его, украшает Архив. Тогда же, очевидно, была сознана недостаточность английского перевода, и князь Оболенский предпринимал шаги для издания «Путешествия» в арабском оригинале с переводом прямо с арабского на русский язык: в 1863 г. князь ходатайствовал о причислении к Архиву проживавшего в Москве сирийца, Спиридона Михайловича Аббуда, воспитанника Московской духовной академии, с целью поручить ему этот труд. Министерство Иностранных Дел не встретило к тому препятствий, но сам Аббуд раздумал браться за это дело.

Между тем, действительно, перевод Бельфура и доступен лишь немногим, и далеко недостаточен. Он представляет собою библиографическую редкость, которая в России мало у кого была в руках. Но и этих немногих русских читателей, по-видимому, затрудняло малое знакомство с английским языком, вследствие чего, при большом объеме книги (1000 убористых страниц in 4°), в массе литургических и архитектурных описаний трудно отыскивались ими, тонули, рассыпанные там и здесь, драгоценные исторические и бытовые указания. Так, о. Благово в предисловии к начатому им переводу с Бельфура писал — мнение, которое представляется столь странным теперь, — что записки Павла могут быть интересны только для монашествующих и любителей церковного благолепия; так, С.М. Соловьев не знает рассказа Павла о самоубийстве воеводы Бутурлина на пути из литовского похода в 1656 г.; так, никто из исследователей не заметил перерыва в тексте у Бельфура в т. II, 29, где неожиданно стоит: «число ступеней этой колокольни...» хотя

раньше ни одним словом о колокольне не упоминается (ныне оказывается, что здесь пропущено большое описание кремлевских соборов и начало описания Ивановской колокольни[859]).

Но помимо малой доступности книги Бельфура, перевод этот и не вполне удовлетворителен, и далеко недостаточен. Не говоря уже о трудности для иноплеменника переводить с живой, народной арабской речи, какою писал Павел (вследствие чего у Бельфура явилось множество отдельных промахов и ошибок, нередко совершенно искажающих смысл места[860]), Бельфур намеренно, как сам предупреждает, выпустил ряд литургических описаний и описаний церквей, как подробностей мало интересных и утомительных для английского читателя — и между тем драгоценных теперь для русской археологии и истории быта[861]. Далее, арабский подлинник Бельфура местами отличался редакцией: в нем есть важные дополнения сравнительно с нашими рукописями, но есть и недочеты; в нем некоторые разногласия в отдельных фразах у Бельфура и в наших списках заставляют предполагать уже не простую ошибку переводчика, а разночтение подлинника.

Все эти соображения делали желательным появление русского перевода «Путешествия Макария» непосредственно с арабского подлинника, что и сделано в 1896—1898 г. (в полном виде в Чтениях Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Императорском Московском Университете, а также и отдельными оттисками). Для меня лично, как уроженца той же страны и той же Церкви, к которой принадлежали Павел и отец его, было особенно дорого и особенно близко сердцу, чтобы памятник, оставленный Павлом, сделался действительно известен русским ученым и вообще русским читателям, и притом в своем полном объеме и в своем настоящем свете. Насколько мне это удалось, — судить не мне.

Ныне, в виду близкого окончания печатания этого труда, считаю благовременным дать на страницах Архивного «Сборника» описание той, принадлежащей Архиву, рукописи, по которой совершен мой перевод.

Рукопись Московского Главного Архива Мин. Иностр. Дел, переведенная мною, писана на бумаге обычным арабским почерком нэсхи. Страницы имеют в длину 20,5 сантим., а в ширину 17 сант.; письмо же занимает 16 сант. в длину и 11 сант. в ширину.

Во всей рукописи 869 страниц[862]. Количество строк на страницах не одинаково; но в среднем можно считать 24. Письмо также не везде одинаково: на одних страницах крупнее, на других мельче, и в общем настолько мелко, что два другие списка той же рукописи, одного с нашей формата, имеют свыше 1000 страниц. Рукопись Учебного Отделения Министерства Иностранных Дел, которой я пользовался во все время моих занятий переводом, заключает в себе 1022 стран. и имеет по 21 строке на странице[863]; а так как она переписана тем же почерком и тем же лицом, Иоанном Георгиевичем Сарруфом, которое переписывало Порфирьевскую рукопись, эта же последняя, как видно из отчета за 1883 год Императорской Публичной библиотеки о приобретенных ею рукописях преосв. Порфирия, имеет также по 21 строке на странице, то следует считать одинаковое количество страниц в обеих этих рукописях.

Как наш, так и два упомянутые сейчас списка сняты в небольшой промежуток времени, очевидно, с одного оригинала — 1700 года, как это обозначено на нашем списке, — сгоревшего, вероятно, во время резни в Дамаске в 1860 году. Именно, наш список снят в 1859 г., список Учебного Отделения в 1847 г.; Порфирьевский же в 1849 г., как обозначено в вышеупомянутом отчете Императорской Публичной библиотеки.

Кроме оригинала наших рукописей, имеются или имелись еще два: один, с которого

сделал свой перевод Бельфур[864], был приобретен графом Фридериком Гильфордом в Алеппо в начале нынешнего столетия, а писан был в 1765 году; виденный Сенковским в 30-х годах в Айнтуре на Ливане у известного ученого Ариды, был написан грамотой кершуни, т.е. по-арабски сирийскими буквами. В предисловии к своему переводу Бельфур говорит, что он сам делал безуспешные попытки отыскать другую рукопись в Смирне, Каире и Константинополе: нельзя не пожалеть, что он направил свои поиски не в Алеппо, место родины Макария, или в Дамаск, его кафедру и местопребывание, или на Ливан, где Сенковский видел список Ариды, и вообще в пределы антиохийской и иерусалимской патриархий и их монастыри, где несомненно имелись списки и знали о путешествии Макария. Вернувшийся недавно из Сирии, А. Е. Крымский сообщил нам, что он приобрел неполный список этого путешествия, принадлежавший Сейданайскому монастырю[865].

Рукопись, с которой сделан английский перевод, хранится ныне в Британском Музее. Она писана прекрасным почерком на бумаге, в лист, на 375 листах и разделяется на четыре части[866]. Эта рукопись полнее наших списков: она заключает в начале описание путешествия патриарха Макария из Алеппо по Малой Азии до Константинополя, пребывание его в этом городе и дальнейший путь морем до Молдавии, а в конце подробное описание обратного пути патриарха по Черному морю и Малой Азии и действия его и архидиакона Павла в первое время по возвращении на родину. Всего этого в наших списках нет. Но с другой стороны, такой факт, как начало описания Ивановской колокольни с середины, указывает, может быть, на дефектность списка в этом месте (незамеченную, впрочем, переводчиком), — хотя при обильных намеренных пропусках Бельфура трудно знать, выпущено ли известное место им, или отсутствовало в арабском подлиннике его. Сам Бельфур не всегда предупреждает о делаемом им пропуске: так мы только из Каталога Британского Музея узнаем, что и в Бельфуровом оригинале, как у нас, вслед за введением имеется, опущенный в английском переводе, исторический обзор Антиохийских патриархов со времени перенесения резиденций их в Дамаск, в 1267 г., но 1650 г.[867]

Наша рукопись — в цельном черном сафьянном переплете, имеющем с обеих сторон тисненую кайму шириною в палец и продолговатый орнамент в восточном вкусе по средине; на корешке вытиснены серебряные поперечные линии с розетками между ними. Это — изящный и дивный дамасский переплет.

Рукопись писана черными чернилами, но точки, которые далеко не всегда стоят на месте, и оглавления на полях и в тексте писаны киноварью. Далее на полях же находятся, написанные черным, примечания и дополнения Павла, нередко довольно обширные и часто вводимые словами: «знай», «заметь» и т. п. или и прямо: «примечание». При обрезе полей рукописи, для переплета, ни одно из примечаний не пострадало, хотя некоторые из них значительно выходят из размеров переплета: такие, выступающие примечания бережно, умело и красиво вырезаны и загнуты. Затем изредка видим на полях пополнения случайных пропусков переписчика и исправление его ошибок. Наконец на поле же, вверху, приблизительно на каждой 20-й странице, стоит киноварью, а иногда чернилами, отметка: «сличена тетрадь 1, 2» и т. д. Эти пометки сделаны разными руками, причем очевидно сходство одного из почерков с почерком некоторых поправок.

К особенностям нашей рукописи принадлежит и то, что в ней сохранен нетронутым язык текста: народный, грамматически неправильный, с местными, областными словами, употребляемыми в Алеппо и в верхней Сирии.

На последней странице, вслед за окончанием текста, переписчиком написан следующий стих (его нет в списке Учебного Отделения):

«Если ты найдешь ошибку, исправь ее.

«Да будет возвеличен Тот, в Ком нет недостатков и Кто выше всего!»

Затем переписчик говорит: «выполнение и докончание переписки этой редкостной книги и удивительной истории было совершено 15-го благословенного февраля, одного из месяцев 1859 года христианской эры, рукою нижайшего и смиреннейшего из рабов, недостойного того, чтобы имя его было упомянуто, по причине множества его грехов, Илии, сына Иосифа, Жибара. Он просит всякого, читающего эту книгу, снисходительно смотреть на описки его пера и вкравшиеся в его листы ошибки и молить милости его родителям, дабы и самому получить подобное от Всещедрого и Милосердного. Слава Богу во веки!».

С правой стороны этой надписи тою же рукой приписано: «дата (т.е. окончания переписки) от Адама 7367 г.»; а с левой стороны поставлено: «списано с книги Ниматулла, сына священника Георгия, сына Салима, дата ее — от Адама 7208 г.».

Кроме приписок переписчика есть еще шесть других: четыре — на арабском языке, одна на греческом, и одна на турецком. В конце настоящей статьи прилагаем фототипию с последней страницы, на коей находятся все вышеуказанные приписки. Наиболее важны две: Михаила Аббуда по своей обстоятельности и протоиерея Иосифа по важному значению этой личности.

Последняя приписка, находящаяся под припиской переписчика слева, гласит следующее: «эта книга, которая описывает путешествие приснопамятного Макария, патриарха Антиохийского, в страны русские, списана со старинного списка и сличена с ним в точности. Убогий священник Иосиф Муханна Аль-Хаддад».

Протоиерей (из скромности он всегда называл себя простым священником) Муханна Аль-Хаддад (т.е. железник) — личность замечательная, высоко-христианская и просвещенная, память о которой доселе жива в Дамаске и на всем арабском православном Востоке. Это был выдающийся проповедник и наставник, создавший целую школу убежденных ревнителей православия. Лучшими его трудами считаются новые переводы Отцов Церкви и исправления прежних; им же переведен катехизис митрополита Филарета с греческого на арабский. Умер мученическою смертью во время резни в Дамаске в 1860 г.

В правом нижнем углу приписано по-арабски: «верно: эту книгу, которая заключает в себе историю путешествия патриарха Макария Антиохийского в страны христианские, я, убогий, нижеподписавшийся с приложением печати, позаботился списать со старинной, изветшавшей книги, помеченной 7208 годом от сотв. мира. Эта книга есть вклад; она старинная, пришла в ветхость и не может быть перенесена из города в город, ибо близка к уничтожению.

Ввиду того, что к нам обратился с просьбой возлюбленный брат наш синьор Испир (Спиридон) Аббуд достопочтенный и поручил нам, чтобы мы позаботились снять с нее список для него, мы тотчас же приступили к делу, согласно его приказанию, и заказали снять с нее копию, истратив на это, что потребовалось; и сличили ее со старым списком слово в слово, строка в строку и лист в лист, со всевозможной точностью и тщательностью, согласно желанию вышеупомянутого брата нашего. Прошу всякого, кто заглянет в эту книгу, испрашивать у Бога для меня и моих родителей прощения грехов и отпущения прегрешений. Аминь. — Писавший это — убогий Георгий (сын) Михаила Аббуд, православного исповедания и дамаскинец родом».

Ниже этого приписано по-турецки: «имеющий обратить внимание на эту книгу (да знает), что искренний раб Михаил, сын Георгия, Аббуд старательно сличил ее со старым и древним списком».

С правого бока вверху приписано вкось по-гречески: «рассмотрена эта книга, история приснопамятного Макария Антиохийского, переписанная с арабского оригинала точь-в-точь, и подтверждается нижеподписавшимся. — Протонотарий патриарха Антиохийского Иоанн Попандопуло».

С левого бока приписано вкось по-арабски: «верно; прочел содержание ее и понял смысл. — Яков, сын Михаила, Аббуд».

Последняя приписка, в самом низу, гласит: «эту книгу прочел я, подписавший свое имя и приложивший внизу свою печать, Константин, сыне Михаила, Маллук».

При всех подписях, кроме Якова Аббуда, приложены именные печати лиц писавших: у Попандопуло греческая, у остальных — арабские. Особенно интересна печать Попандопуло, на которой изображен византийский двуглавый орел в короне, а с четырех углов его надпись в сокращениях и вязью: «Иоанн Попандопуло протонотарий, 1842».

Заказавший эту рукопись, Спиридон Аббуд, был, как нам известно, воспитанником Московской Духовной Академии, кончил курс в Академии в 1856 году (двадцатый выпуск), в 60-х годах еще жил в Москве, и есть основание думать, что копию эту он заказал по поручению князя М. А. Оболенского. Георгий Михайлович и Яков Михайлович Аббуд, подписавшиеся под рукописью, были его родные братья; а подписавшийся в турецкой пометке Михаил, сын Георгия, нужно думать, был их отец. Протонотарий Иоанн Попандопуло был женат на родной сестре братьев Аббуд; он был родом грек с острова Кипра. Об этом Попандопуло упоминает преосв. Порфирий Успенский, что ему и вышеупомянутому протоиерею Муханна Аль-Хаддаду Антиохийский патриарх Мефодий, по его, Порфирия, просьбе поручил перевод рукописи Михаила Брека с арабского на греческий (См. «Восток Христианский» преосв. Порфирия, епископа Чигиринского, Киев, 1874).

Когда эти свидетели столь официально ручаются, что список, лежащий перед нами, верен «слово в слово, строка в строку и лист в лист» с дамасской рукописью, то этому следует вполне верить.

Точность, с которой сделан наш список, не оставляет сомнения, если сравнить его с другими рукописями. Так, в рукописи Учебного Отделения, писанной в 1847 г., переписчик мудрствует: поправляет язык, заменяет народные формы книжными, и почти все примечания внес с полей в текст, порой отмечая их в тексте киноварью словами: «знай», «примечание» и т. п., порой совсем не отмечая. В архивской рукописи народные формы языка сохранены неприкосновенно, примечания оставлены на своем первоначальном месте, и таким образом соблюдена точность, действительно, не только в отдельных словах, но и в размещении строк на странице. Вероятно, и самая неравномерность числа строк на страницах нашей рукописи объясняется старанием поместить на одной и той же странице все то, что было помещено на одной и той же странице в подлиннике.

Вообще, наш список носит следы той добросовестности, с какою старались в нем соблюсти точную передачу дамасского оригинала, и потому позволительно думать, что он более других близок к оригинальному тексту Павла Алеппского.

С этой именно рукописи мы и сделали свой русский перевод записок Павла Алеппского, в полном виде изданный Императорским Обществом Истории и Древностей Российских при Московском Университете в его Чтениях за 1896 г. кн. 4-ая (выпуск 1-й), за 1897 г. кн. 4-ая (выпуск 2-й), за 1898 г. кн. 3-ья (выпуск 3-й) и кн. 4-ая (выпуск 4-й) и за 1900 г. кн. 2-ая.

Примечания

1

Патр. Макарий, в бытность свою в Москве, участвовал на соборе 1655 г., который был созван для исправления богослужебных книг и на котором занимались рассмотрением древних греческих и славянских рукописей. К ним патр. Макарий присоединил свой служебник, на греческом и арабском языках, по коему был исправлен наш, и другие книги. Об этом служебнике, разсмотренном мною в Ватонедском греческом монастыре на Афон и неизвестно как туда попавшем, см. мою статью: „О служебнике" Антиохийского патр. Макария, находящемся на Афоне во II томе Трудов Восточной Комиссии Императорского Моск. Археол. Общества, 1895 г. «В этой статье» приведены в арабском подлиннике и русском переводе, предпсловие и помещенная в конце служебника любопытная дарственная запись (то и другое писано на одном арабском языке), подписанная рукою самого Макария и датированная 7155 годом от сотв. мира.

2

Множество интересных подробностей о том, как русские скрывали от иностранцев самые заурядные вещи и как нарочно объясняли им все неправильно, см. в статье проф. Брикнера: „Россия и иностранная печать в XVI-XVII ст. ”.

3

Приведем нисколько примеров неточности этого Перевода из числа собранных в нашей статье: „Некоторые курьезы английского перевода Путешествия антиохийского патриарха Макария…”, помещенной в сборнике статей но филологии и лингвистике, под заглавием ΣΥΜΜΙΚΤΑ, в честь проф. θ. Е. Корша.$1) Иб кунту — бнан таби’йјан.$Я... был родным сыном.$I was natural son.$(Я... был побочным сыном.)$ 2) λă ʾawahаша — ллфhу иин латāфати нагматиhим.$Да не лишит нас Бог приятных их (колоколов) звуков!$мая God not be startled at the noisy pleasantness of their sounds!$(Да не тревожится Бог при шумной приятности их звуков!)$3) ʾинна ктатанатhум тахружу куддāма- λ-мансири.$Их священники являются главарями разбойничьих шаек.$Their priests are carried out to execution.$(Их священнников выводят на казнь.)$4) θумма ʾahдару лит-трāбūδа мāʾи датан кабūратан мин сāʾири-т-таʿāмāти θумма салūкатан.$Они (родственники усопшего) доставили к трапезе множество всевозможных яств с кутьей.$... by bringing to the table a large tray of all kinds of meats with boiled flesh.$(... доставив к столу длинный ряд блюд всякаго кушанья с вареным мясом.)$5) θумма јаhаефуу ʿала сāʾири хазāʾиниhи wa јактулūhу.$Овладели бы его (Василия) сокровищами, а самого убили.$... and dragging him down into a cellar, should put him to death.$(... и затащив его в подвал, предали бы смерти.)$6) wa ʿаммāл(у) (б)-јактубу ријжā λан ʿајдан.$Он набирает еще новых людей.$He employed himself in writing to the people.$(Он занимался тем, что писал к народу.)$7) wa јатадаhhūна фи- λ-куддāси.$Поздно начинают обедню.$…and dine during the mass.$(...и обедают во время литургии.)$8) wa кāну јадʿūна λаhу wa ли-шабāбиhи.$Призывали благословение Божие на него и его молодость.$They used to call him Welishbaba.$(Они обыкновенно называли его Велишабаба.)$9) бāрака ʾa λајhи сајјидуна-λ-батраку wa бāрака λаhу фи-интисāбиhи.$Наш владыка патриарх благословил его и поздравил с восшествием на престол.$Our Lord the Patriarch blessed him, as he stood erect.$(Наш владыка патриарх благословил его, когда он стоял.)$10) фа рāдūhум ʾан мūрā θи маттa.$Постарались удовлетворить их (турок) за наследство Матвея.$They granted them the inheritance of Matthi.$(Они уступили им наследство Матвея.)

4

Этим памятником пользовались авторы следующих статей, помещенных в Киевской Старине:$1) „Исторические заметки о Киеве” II. Л-ва (о пребывании у митрополита Сильвестра Коссова в 1654 г.). Окт. 1884 г.$2) Того же автора: „София, Премудрость Божия, в иконографии севера и юга России” (о храмовой иконе Софийского собора). Дек. 1884 г.$3) С. Голубева: „Древния и новыя сказания о начале Киевской Академии” (о портретах восточных патриархов в доме Сильвестра Коссова). Январь 1885 г.$4) „По вопросу о начале Киевской Академии“ (о тех же портретах), II. Л. Февраль 1885 г.$5) П. Лебединцева: „Киево-Печерская Лавра в ея прошедшем и нынешнем состоянии“ (описание лавры и ея порядков). Июнь 1886 г.$6) В той же статье: о пещерах. Август.$

А именно: Празднование вербного воскресенья в Москве, Церковное служение в среду и четверг на страстной седьмице, Чин омовения мощей в великую пятницу, Церковное служение в Светлое воскресенье и отрывок, помещенный в майской книжке Русскаго Обозрения за 1895 г., в котором описывается совместное служение Макария и патр. Никона в воскресенье Православия в присутствии царя Алексея Михайловича; при этом служении произошел печальный акт осуждения Никоном двуперстного крестного знамения, а также „оба патриарха, как рассказывает Павел, предали анафеме и тех, кто станет изготовлять подобные (франкским) образа, и тех, кто будет держать их у себя», при чем в обоих случаях Никон сослался на свидетельство Макария.

Ранее этого он был митрополитом Алеппским и назывался Мелетием, при чем носил титул ка θоликоса, который, сколько нам известно, никогда не давался епархиальным архиереям, но был исключительно при- своен иерархам, находившимся вне пределов Византийской империи и самостоятельно управлявшим своею церковью. См. об этом мою статью: „О рукописном сборнике XVII в. (принадлежавшем известному немецкому ориенталисту Равиусу) на разных восточных языках из собрания графа А. С. Уварова» (Древности Восточный Импер. Моск. Археол. Общ., т. I, вып. II, 1891).

7

Мост на р. Аси (в древности Оронт), по дороге из Алеппо в Антиохию, называется теперь Джиср аль-Хадид (железный мост). Слова ha did и djedid на письме мало различаются.

8

Бельфур называет почему-то Симеона Столпника „the Sailor» (моряк), что мы, для некоторого правдоподобия, переводим „покровитель плавающих». В другом месте он правильно перевел арабское ʾámūди „the Stylite”.

9

Александретта.

10

У Бельфура кабариса (множ. ч. от киброси-киприот) оставлено почему-то без перевода.

11

В древности Мопсуестия.

12

Вероятно Сейхун. Реку Джихан путники должны были переезжать ранее прибытия в Миссис.

13

Вероятно Гюлек.

14

Вероятно Яйлак, т.-е. летний стан, Рамазан-оглу (Сильвестр де- Саси, Journal des Savants, август 1830). Туркменская династия Рамазан- оглу в течете двухсот лет, с конца XIII до конца XV века, владычествовала в горах Тавра, на границе Сирии и Малой Азии (см. Hammer, Hist, de l'Empire Ottoman, т. 4, кн. XX).

15

Быть может Алнакаш.

16

В настоящее время ритл или ратл = 1,38 ф.

17

У Бельфура это место выражено буквально так: „во имя пяти лун или светил, Евгения и его товарищей“. Несомненно здесь надо разуметь пять мучеников: Евстратия, Авксентия, Евгения, Мардария и Ореста, память которых совершается 13 декабря.

18

Автор описывает гробницу знаменитого суфи и мистического поэта Персии Мевлана Джелал Эддина Руми († 1273 г.), основателя Мевлеви, ордена дервишей-мистиков. Имя Хандкар есть, вероятно, искаженное персидское прозвище ходавендгар-тоже, что арабское мевлана-господин (Сильвестр де-Саси).

19

Каплыджа по-турецки значит теплые купанья.

20

Это гробница Ходжи Наср Эддина, известнаго восточного шута.

21

Сейид Эль-Гази, где показывают гробницу Сейид Баттала, знаменитого богатыря, любимого героя турецких сказаний.

22

Бельфур оставил здесь без перевода греч. слово корони, неверно прочитанное им вместо кирон.

23

Так у Бельфура; по слово муляффака (которое он ставит рядом) скорее значит: построена из обломков (древних зданий).

24

Вероятно Картал.

25

Бириджи по-турецки то же, что греч. Проти. На Мраморном море, в 12 мил. от Константинополя, есть группа островов, из коих первый, когда подъезжаешь от города, называется Проти. Но из описания острова, к которому приставал патриарх Макарий, видно, что это не мог быть остров Проти, где нет ни города, ни деревни, а есть лишь монастырь. Вероятно, это был Принкипо, самый большой остров этой группы и первый, к которому он приплыл, следуя от Мудании (Бельфур).

Вероятно Фанар — Капу (Фанарские ворота).

27

Капу Кяхия Молдавии и Капу Кяхия Валахии были представители князей этих двух областей, жившие в Константинополе для ведения политических и церковных дел своих государей с Портой и патриархией (Бельфур).

28

Здесь Бельфур оставил без перевода слово аль-джандарийин; если читать слово аль-джадарийин, то оно значит: Гадаринцы, т.-е. жители страны Гадаринской, где Иисус Христос исцелил бесноватых.

29

Метания-слово греческое,-означает глубокий поясной, иногда земной поклон.

30

В греческих церквах обыкновенно устраивается на северной или на северной и южной стороне возвышенный амвон, или кафедра, куда всходят по спиральной лестнице. На нем диакон читает евангелие во время литургии и с него говорят проповеди.

31

Синапти есть ектения, начинающаяся словами: „Миром Господу помолимся» и известная под именем великой ектении. Бельфур переводит это место очень неясно.

32

Духовное лицо при патриархе, которое обыкновенно ведёт все дела патриархии.

33

У Бельфора “всецело исполнена рукой нашей Владычицы (?)”

34

У Бельфура по-гречески без перевода: Θεόφιλος ἐν Χρίστῳ πιστὸς βασιλεύς Ρωμαίων καὶ αὐτοκράτωρ

35

Правильно: Нёв Дикилли Таш (новый водруженный камень). Автор описывает обелиск Феодосия.

36

Иерроглифы.

37

Это так-называемая Змеиная колонна. По преданию, она поддерживала в Дельфийском храме Аполлонов треножник, обетное приношение греков после победы над персами.

38

Имя искаженное; правильно-Кёсэм-Кадын. Эта султанша была матерью не Мурада III (котораго называет здесь автор), а Мурада IV и Ибрагима, и убита в правление внука своего Мохаммеда IV в 1651 г. (см. Hammer, Hist, de l'Emp. Ottom., т. 10, кн. LI).

39

Колонна Аркадия.

40

Сладкие воды Европы — дачное место в окрестностях Константинополя, в долине реки Барбизес (по-тур. Су-Кяад-Ханэ), впадающей в Золотой Рог.

41

Здесь у Бельфура оставлено без перевода арабское слово, неверно прочитанное им вместо джорн-купель.

Антиохийский патриарх Евфимий Карама, ум. в 1653 г.

Правильнее: Серай — Бурну (мыс Сераля).

44

Автор, вероятно, разумеет под этим так-называемое Шейтан — акиндиси, опасное течение в Босфоре.

45

У Бельфура это место передано очень запутанно. Предполагая, что автор разсказывает (быть-может не совсем точно) об известиом чуде касательно Трисвятой песни, мы в этом смысле видоизменили непонятный перевод Бельфура.

Бельфур опустил описание этих служений, приведя из него отрывок на арабском языке, который мы даем в переводе: „Тогда патриаршие певчие и их товарищи, присутствовавшие (в храме), пели от начала службы до конца очень протяжно и весьма благозвучно. По седьмой (песне) оба патриарха сошли, приложились к евангелию и благословляли народ, как мы уже прежде сказали об них. Архвдакон константинопольский кадил при девятой (песне). Потом вошли второй и третий диаконы и приняли благословение от патриархов с неоднократными метаниями, за ними вошли и тоже сделали я, архидиакон антиохийский, и третий диакон; после нас вошли вместе великий эконом Константинопольской церкви и великий эконом Антиохийской церкви, за ними протосингелы обоих патриархов; наконец три других священника, дополнившие число их до семи, а нас, дьяконов, было пять-шесть. Старосты церковные вынули в этот день еще два серебряных подсвечника, длиною в два локтя с половиною, больше прежних, о которых мы упоминали, и кроме того два подсвечника с подножиями, которые были поставлены на престоле, также очень большой крест и двое рипид. Равным образом они поставили пред дверями церкви под ковчегом, в котором хранятся мощи святых, большой стол, на котором разместили разнородные потиры, дискосы, кадила и два серебряных подсвечника-все вещи очень ценные и редкостные. У них здесь такой обычай, что они становятся с писцами патриарха и записываюсь церковные доходы. После „Всякое дыхание“ патриархи, сойдя с места, прикладывались к св. иконам, за ними митрополиты, священники и остальные присутствующее по обычаю. При первом часе пришел экклесиарх и разостлал ковры в алтаре и на кафедре. Вечером разостлал он от царских врат до средины церкви, то есть между патриаршими местами, красное сукно и от одного места до другого ковры. На них поставили два франкских кресла, обитых красным бархатом с серебряными вызолоченными гвоздями. Тогда мы, архидиаконы константинопольский и антиохийский, вышли из алтаря с трикириями в руках и орарями, завернутыми на левое плечо. Затем вышли вторые два диакона, каждый с крестом, а патриархи сошли с своих седалищ одновременно и долго молились пред иконами с земными поклонами, потом благословили народ и сели на упомянутые кресла. Вышли два третьих диакона с двумя патриаршими митрами на блюдах, покрытых золотыми платками. Также вышли два священника, и каждый в руках держал узел с облачением. Три диакона и священник стали с одной стороны, и три с другой. Тогда все присутствовавшие митрополиты, по степеням, подходя к одному патриарху делали перед ним малый поклон и целовали у него правую руку, и потом подходили к другому; патриархи же привставали для них со своих мест” и т. д.

47

Бельфур ошибочно принял греческое прозвище спангос (редкобородый, по-турецки кёсэ) в значенни Испанец (Сильвестр де-Саси).

48

В тексте: Паталарон.

49

Константинопольский патриарх Кирилл Лукарис, казненный в 1638 г. по интригам веррийского митрополита Кирилла.

50

Слово „и пр.“ показывает, что английский переводчик опустил описание служения и обеденной церемонии.

51

Отсюда начинается перевод с арабского, с которого переведено также введение.

52

У Бельфура: Иглица.

53

На родина автора есть только дикие свиньи.

Автор вместо господарь везде употребляешь турецкое бей.

Молдавский господарь Василий Лупул (т.-е. волк), от 1634 до 1654 г.

Пателярию.

Окружной начальник.

У Бельфура: Вастатакоджо. Такоджо не есть-ли Текуч? .

59

Пространство между архиерейским местом в амвоном.

Хелештеу-пруд, рыбный садок. Автор, по-видимому, принимает это слово за собственное имя.

61

Молдавский господарь Мирон Бырновский (1626—30).

62

Начальник дворцовых служб. Автор (и английский переводчик)везде называет его «сальджар».

63

У Бельфура: „святого Воскресения“.

У Бельфура: „почетные жители всей страны”.

65

Около 4 час. утра.

Весь этот отрывок до красной строки не имеется в английском переводе.

67

Великий постельник — министр иностранных дел.

68

Хорос-пространство между архиерейским местом и амвоном.

69

Нарфекс — притвор. или трапеза церкви.

70

Этот отдел до конца главы не имеется в переводе Бельфура.

71

Синаксарем называется избранное из Четиих-Миней и творений церковных историков сокращенное изложение праздника или жития святого.

По-румынски доробанцу-слово, происходящее вероятно от персидскаго дарбан-привратник.

73

Этот список пропущен в нашей рукописи и потому взят нами из английского перевода.

Министр юстиции.

В настоящее время око = 3⅛ фунта.

76

Этого описания в английском переводе нет.

77

Город в Малой Азии.

78

Остав иконостаса.

79

У Белфура: „Стефан воевода и его третья сестра, которые потом были взяты в Россию “.

У Бельфура: „господарь вставал с места и снимал колпак”.

81

Дополнено по английскому переводу.

82

Откинуть назад голову и приподнять брови-обычный знак отрицания па юге (в Греции и пр.).

Главный начальник войска.

В подлиннике: „дети (или мальчики) казны”.

85

Верхняя домашняя одежда, надеваемая на подрясник, похожая на рясу, но короче её.

Описание монастырей выпущено в английском переводе.

87

В подлиннике: “отлетали у нас ногти”.

В подлиннике: Луавиш.

89

В подлиннике многолетие написано по-гречески и по-арабски сбивчиво и сокращенно. Полный его текст следующий: „такому-то (имя рек), блаженнейшему, божественнейшему и святейшему патриарху великаго града Божия Антиохии, Сирии, Аравии, Киликии, Иверии, Месопотами и всего Востока, отцу отцов, пастырю пастырей, архиерею архиереев, тринадцатому из апостолов, многая лета!”.

90

Снаряд, употребляемый при наказании палками по пятам.

Разумеется отнятие завесы царских врат пред выносом Даров.

Велмч. Иаков Перс., пам. 27 ноября.

Описание этих служений почти целиком пропущено английским переводчиком.

94

В тексте стоит ʿукар. Такого слова нет, а есть близкое к нему по произношению укар, которое в народном языке смешивается с первым.

95

Род пехотного войска.

В подлиннике вместо этого ошибочно: «Господи помилуй».

По другому чтению не архидиакон, а патриарх, выступив вперед стал под полиелеем.

Дннамис» (сила) говорить дьякон при архиерейском служении, обращаясь к хору, чтобы он пел Трисвятое в третий раз с бóльшей силой.

Т.-е. монастырь господаря, именуемый Формоза, и монастырь домины.

100

Четверг на 5-ой неделе поста, когда читается на утрени весь покаянный канон Андрея Критского.

101

В подлиннике: «Мати Божия, спаси нас!»

В подлиннике: синапти.

103

Здесь в английском переводе имеется следующая вставка, пропущенная в наших рукописях: „знай, что в средине этого месяца марта здесь сажают персиковые деревья и т. п., равно розовые кусты и иные в этом роде, и сеют бобы, лук, чеснок и пр. В это время привозят из Румелии лимоны, которые складывают в погреба, каждый-обернутый в кусок пергамента. Око гранатовых яблок стоит полпиастра, ибо мало что производится в этих странах”.

В подлиннике: «Мати Божия, спаси нас!»

105

Сабахийе справляется на другое утро после погребения.

106

У Бельфура: „предоставил наследникам разделить между собою наличное имущество, но уплате всех долгов”.

107

В рукописи Учебного Отделения: “не выходил”.

Начальник конницы.

109

Ракочи II, бан Трансильвании.

110

Отдел, завлеченный в скобки, не имеется в наших рукописях и заимствован из английского перевода.

111

Диптихи — синодник, или помянник, поминанье.

112

Здесь в английском переводе имеется, пропущенный в нашей рукописи, перечень высших правительственных лиц в Молдави:$„Степени высших сановников государства, кои помогают в правлении господарю Молдавии, следующие:$Великий логофет, который есть великий дефтердар, или верховный канцлер, под ним второй логофет, потом третий.$Великий вестиар, который есть рисманджи и махасибджи, или государственный казначей; потом второй вестиар и третий.$Ворник, который есть судья и имеет под своим начальством коллегию судей.$Бахарникос (пахарник), который есть виночерпий или дворецкий в прислуживает господарю в праздничные дни; у него под начальством разносители напитков, или саки, кои служат господарю в обыкновенные дни в течении года.$Великий бостеник (постельник), который всегда носит пред господарем серебряный жезл; у него под начальством второй бостеник и третий, кои также постоянно стоят со своими жезлами в присутствии господаря.$Точно также великий спафар, или главнокомандующий войском, постоянно носит меч и палицу подле господаря; под ним первый спафар (т.-е. силяхдар), или оруженосец; а также второй спафар.$Затем грамматикос, или секретарь господаря.$После него армаш (т.-е. субаши), который подвергает казни и пытке.$Силяхдар также заведует бойнями.

Т.е. к сторонникам Василия.

Т.е. господарь и патриарх.

115

Что монастыри в бывших господарствах, Молдавии и Валахии, не принадлежала восточным церквам и патриархам и не составляли их собственности, а были лишь преклонены им, т. е. отданы под их надзор с правом пользоваться частью с остатков их дохода в виде вознаграждения за надзор, см. об этои ряд наших статей за подписью „Русский паломник“ (прерванных по независящим от нас обстоятельствам), с несколькими нашими же передовыми по тому же поводу, в Моск. Вед. 1892 г.

116

Этот отрывок до конца главы выпущен в английском переводе.

117

В подлиннике это прошение написано погречески и не весьма вразумительно.

118

Род сливы.

119

Дополнено по английскому переводу.

120

Автор хочет сказать каламбур, называя кальвинистов „кальбиин“-слово, которое напоминает арабское „кальб», собака.

121

Рашково, Подольской губ.

122

В этом месте в нашей рукописи есть пропуск, который мы пополняем по рукописи Учебного Отделения до слов: „равно и к заутрене».

Т.е. восторгались его молодечеством.

Вартапет — наставник, настоятель.

125

Принятое наименование константинопольской церкви Великою Церковью в арабском языке передается обыкновенно не словом кабира, как в тексте, а азыма, хотя оба слова синонимичны. Нам кажется странным, что Павел мог употребить одно вместо другого.

126

В английском переводе перечислены предметы, составляющие этот подарок: „пара подушек, ковер, сосуд с миром, или ароматическим маслом, мыло двух сортов”. Впрочем первый предмет английский переводчик передает словом “плащи“ и ставить его вместе со следующим, непонятным словом в примечании арабскими буквами.

В другом месте он назван Орхай; вероятно Оргеев в Бессарабской губернии.

В английском переводе; это место передано совершенно верно: „я узнал, что в стране Немса есть большой город, именуемый Иванополис (т. е. город Иоанна), который владеет подлинным телом Иоанна Эль-Рахумъ“ (Милостивого). Между тем г. Савельев, автор известной статьи о путешествии патриарха Макария, составленной на основании английского перевода, переводиь это так: „я узнал, что в земле Немсе есть большой город Иванополис, который находится во владении Иоанна Милосердого, Юханна Эль-Рахум“. Исказив совершенно смысл, г. Савельев высказывает остроумную догадку, что архидиакон Павел говорит о Нарве, которая в старину называлась Ивань-город, и что его Иоанн Милосердый есть будто бы Иоанн III, король шведский. Известно, что мощи св. Иоанна Милостивого, патр. Александрийского, почивают в Пресбурге.

129

По английскому переводу. В здешней рукописи это место совершенно искажено.

Разрешение (вина и елея).

131

На Востоке архиереи при патриархе не носят ни митры, ни мантии, не держат посоха и не благосдовляют трикириями.

132

Здесь пишется следующая вставка: „знай, что господарь назначал нам каждую неделю двух драбантов в ранге сержантов, так как они носило красную суконную одежду. Они приходили в воскресенье утром прислуживать нам: кололи дрова, разводили огонь, чистили рыбу, мыли посуду, приносили назначенную нам провизию и напитки и оставались до вечера субботы; тогда они уходили, причем наш владыка патриарх давал им на водку, а другие приходили. Таков обычай”.

133

По рукописи Учебного Отделения: „Дева днесь“.

Разумеется, мусульмане.

Аль-Джалиль (Галилея) или Аль-Халиль (Хеврон)? .

У Бельфура правильнее: Василий.

137

Отрицат. частица пропущена в нашей рукописи, но имеется в рукописи Учебного Отделения.

Так по рукописи Учебного Отделения, а по здешней: „в таком положении“.

139

Начальник округа, или уезда. Название пырколаб впоследствии вышло из употребления и заменилось русским исправник.

140

Полицейский офицер.

141

По рукописи Учебного Отделения: “во Иордане крещающуся”.

В подлиннике: “ковры”.

143

В подлиннике: „трон“. Это слово иногда употребляем и мы в своем переводе, но только по отношению к месту господаря.

144

Особые сиденья, называемые формами, которые до сих пор имеются во многих монастырях.

Разумеется, с наружной стороны церкви.

Фарджия — род сутаны, большей частью без застежек.

147

Вероятно остров Брацца (в древности Brattia) у берегов Далмации.

148

По петербургской рукописи: сербский, что вероятнее.

149

Когда читается покаянный канон Андрея Критского.

Т.е. в монастыре.

151

На Востоке в церквах имеются особые аналои для чтения с горизонтальной доской и шкапчиками для хранения книг.

152

Копья названы крестообразными не потому-ли, что иногда при основании наконечника имели с одной стороны крюк, а с другой — род секиры.

153

Т.-е. мусульман, ведущих летосчисление по эре гиджры.

Т.-е. на галеры.

155

В тексте: „его подданные”, т.-е. подданные Матвея; но это не вяжется с последующим.

156

В английском переводе прибавлено здесь: „мы проследовали на расстояние, как между Алеппо и Айн Аттилем или почти как между Дамаском и Кабоном”.

157

В подлиннике ошибочно сказано: «10 раз миллион».

158

В подлиннике: тимар сапаһиси. Владелец его был обязан отправлять на свой счет военную службу на коне.

159

Ежегодная подать за право жизни и собственности, обязательная по закону Мохаммеда для всех покоренных мусульманами народов, не принявших ислама.

160

Нусерийскую веру исповедуют ансарии, живущие в Нусерийских горах (Джебель Носайрие) в Верхней Сирии. Это мусульманская секта, сущность вероучения которой недостаточно изучена.

161

Украинская миля равнялась 7, 8 верстам.

Как понять слово «малая» миля? В Сирии только одна миля.

То есть оказывая ему принятые знаки почтения.

Это слово не арабское (вероятно, турецкое ясак), но принятое в арабском языке, значит: стража, караул.

165

Здесь, очевидно, говорится о битве под Жванцем (7 декабря 1653 г.), где польский король Ян Казимир был осажден в своем укрепленном лагере. Измена хана Ислам-Гиран относится к той же битве.

166

Автор, по-видимому, не знал, что Киев по-арабски называется Куяба. Под этим именем Киев был издревле известен восточным писателям.

То есть национальный герб.

168

В подлиннике: груш эль-кельбг, «собачий грош (или пиастр)». Сильвестр де-Саси (Journal des Sarants, 1832) высказывает предположение, что простой народ принимал по ошибке изображенного на монетах льва за собаку и потому называл их «собачьими» грошами.

Злот в 30 грошей равнялся 15 коп. сер.

170

Автор, в своем негодовании, сближает иезуитов с езидами, которых он, конечно, считал поклонниками дьявола.

171

Автор смешивает запорожских казаков, о которых здесь идет речь, с донскими.

172

Откуда Павел Алеппский заимствовал этот анекдот о трех братьях, трудно сказать, — быть может, из слышанных, но плохо понятых им рассказов о восстаниях Наливайка, Павлюка и Остраницы.

173

У Бельфура: «учредили свои собственные знамена и начальников».

Это произошло в 1620 г. Патр. Феофан, возвращаясь из Москвы, рукоположил в Киеве, по просьбе гетмана Петра Сагайдачного, митрополита и нескольких епископов и таким образом восстановил православную иерархию, расстроенную унией. Сагайдачный с 3000 казаков провожал патриарха до молдавской границы.

См. Hammer, Histoire de l’Empire Ottoman, т.8.

По рукописи Учебного Отделения; по нашей: «просили их с ласкательствами».

177

В Коране? .

То есть к запорожцам.

179

В обеих рукописях сказано: «испугались». Вероятно, это ошибка.

180

Под этим именем автор, очевидно, разумеет селение, имеющее базарную площадь с лавками.

181

Здесь имеется следующая вставка: «знай, что во всех этих странах всегда бывает протопоп, который занимает первое место между священниками при возглашении и прочем».

182

Едва ли в Малороссии употреблялось это венгерское название, которое автор слыхал в Молдовалахии.

183

Автор имеет при этом в виду, по всей вероятности, главный город друзов Дейр эль-Камар (близ Бейрута). Местоположение его в высшей степени живописно: дома построены на крутых скатах и над ними высятся громадные скалы; но всего замечательнее его сады, устроенные на уступах, — истинное чудо трудолюбия и терпения.

Так по нашей рукописи. В английском переводе: «кто не приходит"…

185

Хан (постоялый двор) Туман в трехчасовом расстоянии к юго-востоку от Алеппо; в настоящее время в развалинах.

186

Вероятно, палисад, или тын.

Павел называет Хмельницкого везде Хмелем (собственно Ихмиль, по свойству арабского произношения). Так же он постоянно именуется в хронике о восстаниях казаков, на древнееврейском языке, автором которой был современник Хмельницкого, заславский еврей Натан Моисеев Ганновер. Эта хроника издана в 1895 г. в немецком переводе доктором Манделькерном в Лейпциге. Нужно думать, что Хмель было настоящей малорусской фамилией знаменитого гетмана, переделанной потом на польский лад в Хмельницкий.

188

Название какого-то вьющегося растения. По мнению Сильвестра де-Саси, это то же, что лебляб, phaseolus niger.

189

В рукописи (лондонской) стоит вероятно слово фариза. Но этим словом автор несомненно называет рожь, а не овес.

Перед великим постом.

191

Описываемая церковь была, вероятно, раньше польским костелом, и потому в ней имелся орган. Но довольно странно, что он употреблялся и при православном богослужении, как видно из слов автора.

В подлиннике: «после чтения».

193

Поверенный в делах.

Сильвестр де-Саси (Journal des Savants 1832) полагает, что фариза есть искаженное русское слово просо. Но из описания этого растения, которое впоследствии дает автор, почти несомненно явствует, что этим именем он называет рожь.

195

Джебель Семан в Верхней Сирии. У подошвы ее находятся развалины Калаат Семан: они лежат на скале, вершина которой искусственно выровнена, и заключают остатки стен и дворца, соединенного крытым ходом с церковью, довольно хорошо сохранившейся. По преданию она была посвящена св. Симеону Столпнику.

196

Маара — большое селение также в Верхней Сирии, к югу от Алеппо. Близ него есть развалины древних городов.

197

По подлиннику неясно, находился ли сад внутри стены, или снаружи.

Слово румынское, то же, что итальянское carrozza, экипаж, карета.

199

По петербургской рукописи: «вода этой страны действует так, что ни одна женщина не остается бесплодной».

200

В подлиннике: райя. Называя их так, Павел, конечно, полагал, что они, подобно турецким райям (подданные-немусульмане), не несли военной службы.

Эта миля равняется 7—8 верстам.

В Подольской губернии.

203

Пропуск в рукописи.

То есть «царский», по мнению автора.

Печерского, в бытность в котором автор, очевидно, писал эти строки.

206

Автор приравнивает иезуитов к езидам, которые считаются поклонниками дьявола.

207

Хелештеу — рыбный садок. Автор слыхал это венгерское название в Молдавии.

В то время архимандритом был Иосиф Тризна.

209

В тексте: «со шляпой».

210

Слово «царский» автор часто употребляет в смысле «великолепный».

211

В подлиннике «знаки». Это так называемые скрижали и источники (слово в печатном тексте неразборчиво — Thietmar. 2011).

212

Очень тонкие сухие лепешки, употребительные на Востоке.

213

Название растения. Автор, по всей вероятности, описывает смородину.

Все это описание пропущено английским переводчиком и по этой, несомненно, причине протоиерей Лебединцев в своей статье «Киево-Печерская лавра в ее прошедшем и нынешнем состоянии» (Киевская Старина, 1886), заимствуя у Павла Алеппского (по английскому переводу) все, касающееся этой обители, замечает, что, будто бы, «ни внешний, ни внутренний вид великой церкви не описаны диаконом Павлом». На самом деле это описание — и, как увидит читатель, довольно подробное — оказалось в арабском подлиннике. Ввиду интереса, который оно представляет, будучи единственно обстоятельным описанием печерской церкви до пожара 1718 г., совершенно видоизменившего ее и извне и внутри, считаем нелишним напомнить вкратце историю этого древнейшего памятника нашего церковного зодчества. Построенная в период от 1073 по 1089 год, она, по-видимому, мало уступала Софийскому собору: это была «небеси подобная церковь», как называет ее летописец. Первоначально великая печерская церковь имела форму прямоугольника с тремя апсидами, длиною в 16, шириною в 11 сажен. Купол был один. На северо-западном углу здания была устроена башня с внутренней каменной лестницей, которая вела на хоры. В конце главного алтаря была изображена мозаикой Богоматерь, а в дне купола, так же мозаикой, Спаситель. Стены церкви были украшены фресками. Пол был выстлан плитами красного шифера. Во время нашествия Батыя Киево-Печерская лавра испытала общую участь города: она была разорена. Но полное запустение этой обители не было продолжительно, судя по немногим историческим свидетельствам о состоянии ее в XIV и XV столетиях. Впрочем, в особенно благоустроенный вид она была приведена лишь в 1470 году усердием киевского князя Симеона Олельковича; тогда была возобновлена великая печерская церковь, украшена стенным писанием и снабжена богатой утварью. Отстояв свою независимость от покушений униатских киевских митрополитов, Печерская обитель в начале XVII века с титулом лавры начинает свою просветительную деятельность в защиту православия: в ней учреждается ученое братство и заводится типография. Около того же времени, при митрополите Петре Могиле, возобновлена древняя фресковая живопись великой церкви. Как видно по описанию Павла Алеппского, великая церковь в половине XVII века, еще сохраняла отчасти свой первоначальный объем и некоторые из древних украшений: были целы мозаичные изображения в апсиде главного алтаря, разноцветные мраморные полы и барельефы, вероятно, также современные основанию храма.

215

Так автор называет, вероятно, двускатную или четырехскатную кровлю.

Остатки, вероятно, этих самых барельефов, уцелевшие от пожара 1718 г., ныне вделаны в стену лаврской типографии, над входом.

217

Автор описывает, вероятно, гробницу князя Константина Острожского.

218

Красный шифер.

219

Кинтар содержит 100 ритлов, или 15 пуд. 25 ф.

220

Преп. Иулиания дева, княжна Ольшанская. Мощи ее сгорели в пожаре 1718 года и остатки, сложенные в гробе, поставлены в Антониевой пещере.

Место это нами передано слово в слово.

Агрест, крыжовник.

223

Петр Могила.

224

Один из трех минаретов Большой мечети, вышиной около 80 метров.

225

Этот колокол, весом в 200 пудов, называется Балык и доселе висит на лаврской колокольне.

Кинтар = 15 пуд. 25 ф.

227

Иоанн Многострадальный.

Преподобные Иоанн и Феофил.

229

12 братьев, первых каменоздателей великой Печерской церкви. Имена их неизвестны.

230

Автор говорит о Дальних пещерах.

Вероятно, ошибка переписчика. В купине явился Моисею сам Господь.

Вероятно, свв. Леонтий и Геронтий.

233

Преп. Феофил, архиепископ новгородский, современник Иоанна III и Марфы посадницы, удалившийся в Киев после заточения в Чудовом монастыре.

Ритл равняется 6 1/4 фунтам.

235

По Петерб. рукописи. В нашей ошибочно: «малую».

236

В тексте греческое слово с арабским окончанием: просомият.

237

В подлиннике: «царских».

238

По тексту лондонской арабской рукописи, приведенному в английском переводе в примечании.

239

Так по нашей рукописи. По петербургской: «ценных».

(3 1/2 фунта.)

241

Это «и» кажется лишним, потому что сам автор отождествляет землю казаков с Малою Россией.

242

В Эмессе (Хомсе) изготовляются лучшие ступки из особого медного сплава.

243

Это заглавие находится в арабском подлиннике.

244

События, о которых рассказывает автор, настолько хорошо известны, что нет надобности исправлять его грубые ошибки.

245

Кашидьяри — название дьявола. По объяснению, которое дает в другом месте Павел Алеппский, оно соответствует еврейскому Habel habalim «суета сует».

В рукописи эта фраза не докончена.

В подлиннике: «Божественного Погребения».

О третьем алтаре Павел не говорит.

Теперь этой иконы в соборе нет, и о подобном изображении св. Софии не упоминается в статье Д.Г. Филимонова: София, Премудрость Божия (Вестн. Общ. древнерус. искусства, 1871). Нужно думать, что ни одной такой иконы не уцелело.

250

В Эмессе (ныне Хомс) существует поверье, что св. Илиан является по ночам больным, ударяя в ступу, и исцеляет их. В этом городе занимаются изготовлением медных ступок.

251

Так автор называет, вероятно, двускатную или четырехскатную кровлю.

В подлиннике: «в шляпе».

253

В подлиннике: «башня весов», а может быть (по другому чтению) «башня куполов».

Отсюда до красной строки пропуск в английском переводе.

255

Имя Сатаны.

256

Автор описывает Братский монастырь. По мнению покойного М.А. Максимовича («Объяснительные параграфы о Киеве») Богоявленская церковь в нем была построена гетманом Сагайдачным, который пожертвовал все свое состояние на восстановление братства и школы после пожара 1614 года, и потому весьма возможно, что монастырь назывался в то время, в честь храмоздателя, монастырем Сагайдачного.

257

В подлиннике: «из кедров».

Т.е. до реки Сейма.

259

Здесь идет речь, несомненно, об Иеремии Вишневецком, самом деятельном и отважном предводителе поляков в войне с Хмельницким. Он, однако, не был убит, как рассказывает Павел, а умер естественной смертью в 1651 г.

260

Этот монастырь был основан в начале XVII ст. на острове р. Удая, издавна называвшемся Густынью, тремя иноками Межигорского монастыря. В 1787 году он был упразднен, но в 1848 году восстановлен, с возведением в степень 3-го класса. Он издревле славился чудотворною иконой Божией Матери и пребыванием в нем св. Димитрия Ростовского (см. Материалы для истор.-топогр. Описания монастырей Рос. Империи, Зверинского).

261

В котором остановился патриарх в Прилуках.

То есть роскошных.

263

Сообщение Павла Алеппского о щедром пожертвовании, сделанном господарем Василием на возобновление Густынской обители, находит себе подтверждение в свидетельстве «Летописца Густынского монастыря», составленного иеромонахом его, Михаилом Лосицким, в 1670 г. и обнародованного покойным О.М.Водянским в Чтениях в Императ. Обществе Истории и Древностей Российских № 8, 1848 г. О пожертвовании же царя Алексия Михайловича в этом Летописце не упоминается. Вот что в нем сказано: «Посла отец (игумен) ко благочестивому государю Иоано (по Павлу Аллепскому, перед именем господаря всегда ставится как титул «Иоано») Василию воеводе Молдовлахийскому, моляще его, да ущедрит милостыню обитель святую, и молитвами Пресвятыя Девы Богородица, таже и блаженного нашего отца, вложи Бог в сердце благоверному государю милость и любовь ко святой обители и дал милостыню потребную не токмо пенязьми, но и апператами, и инда вся нужная…».

264

Автор уже не раз, желая похвалить живопись в той или другой церкви, уподобляет ее критской, как мы переводим стоящее в подлиннике слово икритош. Остров Крит, как известно, весьма долгое время (с 1204 по 1669 г.) принадлежал венецианцам, и можно думать, что под их влиянием тамошняя церковная живопись греков отступила от византийских образцов и приблизилась к итальянской. Несомненно, иконы такого письма попадали на родину автора, в Сирию, и он имел случай видать их.

265

Так Павел называет, по всей вероятности, икону Божией Матери, получившую в России название Знамения. Что касается имени Платитера (пространнее), то оно, может быть, заимствовано из слов церковной песни: «чрево Твое пространнее небес содела!» Таково наше предположение, но протоиерей Тихомиров в своей книге «Сказание о Новгородской чудотворной иконе Знамения Богоматери» замечает, что древнее греческое название этой иконы, вероятно, было Одигитрия (Путеводительница) по сходству с изображением Лиддской Богоматери, носившей такое же название в Лиде.

266

Во всех церквах Востока стоят на клиросах подобные шкапчики; внутри их хранятся церковные книги, которые во время службы вынимают и кладут наверху их, но читают книги, обыкновенно, держа их в руках.

267

Вероятно, ошибка. Нужно думать, судя по современному порядку, что каждый дьякон кадил с одной стороны.

268

В тексте употреблено слово бурголь. Это мелкая крупа из толченой пшеницы, предварительно сваренной и высушенной. Каша из нее всюду в большом употреблении на Востоке, особенно в деревнях.

269

По точному переводу стоящего в тексте слова аль-китаб.

270

В обеих здешних рукописях вместо лагоати «клобуки» стоит лулу «жемчуг». Предполагаем ошибку переписчиков (ибо эти слова немного сходны по начертанию), основываясь на английском переводе, где употреблено слово «cowls».

271

Вероятно, стрельцы.

Слово «царский» употреблено здесь, вероятно, в смысле «роскошный».

273

В подлиннике это отчество выражено в одном месте алексийе, в другом алексеиж.

В английском переводе за этим следует: «значение Алексио (Алексеев, Алексеевич) — объясняя его далее — имеет отношение к рождению и семейству, и это имя, сопровождая первое, равнозначуще Никита, сын Алексея. Таков обычай по всей этой стране московской, что не зовут никого, ни царя, ни подданного, ни великого, ни малого, ни богатого, ни бедного одним именем, данным ему при крещении; но царя они называют Алексей Михаиловици (Михайлович), а его первого министра Иван Васили (Васильевич), с прибавлением отчества, и таким образом зовут всякого, как мы ясно об этом были осведомлены из их собственных уст».

275

Около 2 ч. пополудни.

276

За 3 часа до заката солнца.

277

Добавлено по английскому переводу.

То есть к мусульманству и его языкам.

279

Мы оставляем без перевода это слов, употребленное в подлиннике (где оно написано арабскими буквами); но в этом и подобных местах оно, очевидно, значит: киот, божница.

280

Дом важного или должностного лица.

281

В Путивле замечательны остатки древнего укрепления, известного под именем городка. Собственно городком называется утесистый холм среди города между рр. Сеймом и Путивлькою, укрепленный высоким валом и рвом с северной и южной сторон. С ним не очень давно соединился другой высокий вал с 3 воротами, которые вели в эту ограду; со стороны площади была деревянная башня, а к речке Путивльке — тайник. (См. Географ.-статаст. словарь Росс. Империи, П.Семенова, Т.IV, вып.1)

Перечисление церквей пропущено в английском переводе.

Седнайский женский монастырь в Сирии, близ Дамаска.

284

В Истории канонизации святых русской церкви проф. Голубинского (1894) упоминается о двух Паисиях: Угличском, основателе Покровского Паисиева монастыря близ Углича, и галичском, игумене и устроителе Успенского Паисиева монастыря близ Галича; но ни о том, ни о другом не упоминается, чтобы они назывались милосердными. Что может значить слово халиба, (можно читать также: хлеба или хлиба), трудно сказать; если оно означает слово «хлеб», то не стоит ли это прозвище в такой же связи с милосердием как прозвание «калита» (мешок с деньгами», данное великому князю Иоанну Даниловичу. Быть может, св. Паисий раздавал бедным хлеб, как Иоанн Калита деньги.

Для сравнения приведем сведения о церквах и монастырях Путивля из географическо-статистического словаря Российской империи, П.Семенова (т.IV вып.1): в 1779 г., когда Путивль был сделан уездным городом Курского наместничества, в нем было 19 церквей, из коих три каменных, и мужской Молчанский монастырь. В 1865 г. в городе оставалось 11 церквей (из них 9 каменных) и тот же монастырь. В древности здесь был еще Спасский монастырь, существовавший в XIII веке в крепости, но неизвестно когда основанный и упраздненный. В нем был похоронен путивльский князь Всеволод Игоревич; надгробная плита его видна и до настоящего времени. Кроме того, около города существовал другой монастырь — Духов мужской с 2 церквами; когда он основан и упразднен, неизвестно, но в 1677 году он еще не существовал.

286

Это слово написано в тексте по-русски (но, конечно, арабскими буквами), и потому сопровождается пояснением.

287

В английском переводе за этим следует: «у всех них, как у мужчин и женщин, так и у детей, висели на шее кресты из серебра или другого металла».

288

В тексте: Алексиосфитзи. Окончание фитзи есть, очевидно, не что иное как вич. Но возможно допустить, что упоминалось слово «цесаревич», от которого Павел сохранил только окончание, на что указывает приводимое им вслед за этим пояснение: «фитзи у них значить: царский сын».

289

Молчанский монастырь. Первоначально был основан в 20 верстах от города и существовал там до 1593 г., когда татары разорив его принудили монахов поселиться в самой крепости, где находились принадлежащие им церкви. В главной церкви этого монастыря есть чудотворная икона Жировицкой Богоматери с польской надписью.

По синодику Молчанской обители, епископ Неофит.

291

В подлиннике: «образа плата».

В английском переводе первые названы испанскими талерами, а вторые венецианскими.

293

Так Павел называет польские гроши.

294

В английском переводе здесь есть небольшая разница с нашим текстом, именно: «второму келарю пять, драгоману шесть и одиннадцати служителям по три».

295

В параллель к этому замечанию автора, мы укажем на автокефального архиепископа кипрского, который и по настоящее время подписывается только красными чернилами, в силу привилегии, дарованной ему одним из византийских императоров.

Дополнено по английскому переводу.

297

На Востоке пашут и на коровах.

Правильно: вриза, что значит по-гречески: рожь.

299

31 1/4 фунт.

300

Здесь впервые употреблено слово руси, русский. Обыкновенно же автор употребляет слово москоф.

301

Вероятно, капуста.

302

Автор говорит, вероятно, о браге. Буза, как известно, приготовляется из мелкого проса, называемого по-татарски кунак.

303

Дополнено по английскому переводу.

304

В арабском тексте: эрз, кедр. Автор, очевидно, смешивает сосну с кедром, который сплошными лесами встречается только в северо-восточной России.

Celtis australis? В арабском тексте: мейс.

306

В подлиннике: каголид, что значит: то, за что везут (экипаж).

307

В тексте употреблено турецкое слово чарук; поэтому автор прибавляет пояснение.

308

Этим словом автор называет, вероятно, изразчатые печи, служащие только для нагревания комнат. Оно употреблено им впервые при описании домов в Молдавии.

309

Верхняя одежда вроде плаща.

Т.е. глава на трибуне.

311

Ратл равен 6 1/4 фунтам.

312

Поговорка.

Приходский священник.

314

Со времени завоевания Сирии султаном Селимом I, курдская фамилия Джанбулад («сталь души» по-персидски) владела на ленных правах санджаком Келиз недалеко от Алеппо. В начале XVII в. Хусейн Джанбулад был сделан губернатором Алеппо. Когда он был умерщвлен турецким военачальником во время похода в Персию (в 1605 г.), его брат Али Джанбулад, мстя за его смерть, поднял восстание против Турции, разграбил Дамаск и объявил себя независимым от Порты. (См. Hammer, Histoire de l'Empire Ottom. т.8 кн.XLIII). На это событие, несомненно, намекает Павел Алеппский. О Джемблатах, как о партии среди друзов в Ливане, возникшей в начале XVII в., упоминает Базили в своей книге: Сирия и Палестина, но имеют ли эти Джемблаты какую-нибудь связь с фамилией Джанбулад, из его книги не видно.

Об этих патриархах и о Георгии, сыне Самора, который, очевидно, был весьма важным лицом христианской общины Дамаска, Павел Алеппский рассказывает в своей хронике антиохийских патриархов. (См. перевод ее в моей статье: К истории антиохийских патриархов, помещенной в Сообщениях Импер. Прав. Палестинского Общества, декабрь, 1896 г.).

316

В 1616 году.

317

То есть собор в Кашире.

Весь этот эпизод об обрусевшем арабе пропущен почему-то в здешних рукописях и потому взят нами из английского перевода. Примечания к нему принадлежат нам. Павел, к сожалению, не называет имени своего земляка; но несомненно, что это не был стольник Даудов, как полагает г. Аболенский, автор статьи: Московское государство при царе Алексее Михайловиче и патриархе Никоне, по запискам Павла Алеппского. Из сведений о Даудове, опубликованных в Летописи занятий археографической комиссии (вып. V), на которые ссылается г. Аболенский, с полною очевидностью вытекает, что земляк Павла и стольник Даудов два совершенно разных лица. Последний, по всей вероятности, был армянин, родился в Персии в 1620 г. и выехал в Россию вместе с русским посольством.

319

По английскому переводу. В наших рукописях, очевидно, ошибочно: «то есть более 40 миль пути».

По-видимому, искаженное русское слово.

321

Разумеется, в иконостасе, у царских ворот.

Павел Коломенский, известный противник нововведений патриарха Никона.

323

Арабское название реки Оронда, «непослушная», ибо течет не прямо к морю, как все реки Сирии, а сначала удаляется от него.

По петербургской рукописи: мученицы Анисии.

Описание церквей до сего места выпущено в английском переводе.

326

В тексте: пиастрами (гуруш) и динарами.

327

Наверно, эти слюдяные рамы были постоянно вставлены в окна, а не ставились лишь на день, как говорит автор, хотя непонятно, как он мог впасть в такую ошибку, прожив в Коломне всю осень и большую часть зимы.

Т.е. приказа, канцелярии, где епископ занимается делами и творит суд и расправу.

329

Вероятно, Павлом Коломенским.

330

В календаре Рубана на 1776 г. (выписка из него в Чтениях в Общ. любит. дух. просвещ., сент. 1878) сказано: «в оном городе (Коломне) ныне церквей каменных соборных 3, в архиерейском доме 2, при коих церквей 6, приходски церквей каменных 15, деревянных 3. В том же городе трое каменных ворот с башнями, кои именуются: Спасские, Богоявленские и Косые».

331

Еще во второй половине прошлого столетия, как видно из календаря Рубана на 1776 г., базар в Коломне бывал по тем же дням.

332

В тексте: динар. Автор выше (кн.V, гл.10) замечает, что «русские называют динар рублем».

333

В тексте: аль-мухит (арабское название океана).

Собор, за которым последовали низложение и ссылка Павла Коломенского, был созван в марте или апреле 1654 г. в царских палатах и происходил в присутствии царя. (См. Ист. Русск. Церкви митр. Макария, т.XII, стр. 139—146). Что же касается грамоты к патр. Парфению, то она была отправлена еще предшественником Никона, патриархом Иосифом, и, по получении ответа, им же был созван собор (См. там же, стр.114), Очевидно, Павел Алеппский смешал эти два собора.

335

В тексте: «протопопу священников и великой церкви». На Востоке может быть только один протопоп, и именно старший из священников по времени рукоположения. Они именуются протопопами и в том случае, когда не получили на то особого посвящения.

То есть, за 3 часа до заката солнца.

Или спутниками. Павел Алеппский разумеет, вероятно, греческих архимандритов, которые им сопутствовали.

То есть, 7 часов до заката солнца.

339

В подлиннике: «поддерживали его полы».

В английском переводе: «фонари на шестах».

341

«В переводе на арабский», прибавлено в тексте. Слова эти мы опускаем, как не имеющие смысла в русском переводе.

342

За 4 часа до заката солнца.

343

В тексте прибавлено: «по-арабски это значит».

344

В подлиннике: «самодержце ключей».

345

В тексте: пророчества. Так называют всякое чтение из книг Ветхого завета.

Т.е. такая же правительственная монета, как и та, которая ходит в Турции и чеканится оттоманским правительством.

347

За 9 часов до заката солнца.

«И упокоение», прибавлено в тексте.

349

Слова эти написаны в тексте по-русски, но переведены по-арабски почемуто: «Слава в вышних Богу».

350

Если сделать в тексте небольшое исправление, выпустив союз «или», то место это следует передать так: При (возглашении) ектении дьяконом, священники отворяют и пр.

351

Предполагая ошибку в арабском тексте, делаем небольшое исправление.

352

В тексте написано по-русски.

Все эти подробности, сообщаемые архидиаконом, о русских церковных обрядах и о русской набожности выпущены в английском переводе.

Отсюда и до конца главы пропуск в английском переводе.

355

Дополнено по английскому переводу.

В английском переводе: зуб.

357

В рукописях ошибочно: 7173, а в английском переводе: 7136.

Соловьев (Ист. России, т.X), перечисляя количество жертв моровой язвы в разных городах, почему-то не упомянул о Коломне.

359

По английскому переводу. В здешних рукописях вместо этого, очевидно, ошибочно: «из земли казаков».

В подлиннике: «при дверях (баб) патриарха».

361

Собственно, так назывались арабы-единобожники, предшествовавшие исламу; ханифийство есть до-магометанское мусульманство. Но название это употреблялось и в значении «мусульмане», каковое имеет, несомненно, и здесь.

Выше (кн.V гл.X) автор упомянул, что реал стоит 50 коп.

Слова эти написаны в тексте по-русски (арабскими буквами).

В английском переводе: при девятой.

365

11 ч. утра.

Первопрестольный. Странным образом название это отнесено автором не к кафедре, а к самому митрополиту. Жизнь митр. Петра настолько известна, что не находим нужным указывать на грубые ошибки автора.

Если Рождество Христово случится в воскресенье или в понедельник (последнее именно и было в 1654 г.), то царские часы поются в предыдущую пятницу.

Слова в скобках взяты из английского перевода. Они необходимы для смысла, но почему-то пропущены в обеих наших рукописях.

369

Верхнее платье из сукна или шерсти.

370

В арабском подлиннике здесь, как и в других аналогичных местах, сказано: «пропел втайне», но как видно из следующих слов, патриарх пел не про себя, а так, что его могли слышать.

371

Как выше замечает автор, реал стоил 50 коп.

Снегирев („Памятники Московской древности“, стр. 4) говорит об этом: „при царе Алексее Михайловиче, (собор) возобновлен и святолепно украшен и в 1652 г. сент. 9 освящен был Никоном, который, как сам свидетельствует в грамоте своей, „построил многия священные вещи Государевым жалованьем и своим келейвым избытком» “.

Оне напечатаны в „Русской Истор. Библиотеке“, издав. Археогр. Комиссиею (СПб., 1876 г. Т. III).

374

Автор описывает Кремль.

375

Кирилловское подворье находилось в Кремле, влево от Спасских ворот, против Вознесенского монастыря.

По Петербургской рукописи: „что в стране... много жителей“.

377

В тексте перед словом „Фисташки“ стоит слово кумбаз, которое, по всей вероятности, означает особый сорт их, В английском переводе оно передано словом cinnabar, киноварь.

378

До Петербургской рукописи: «внушая благоговейный страх».

379

Выше (кн. V, гл. 10) автор пояснил, что остававшийся во имя царя получал от него содержание, но не мог уже выехать из России.

Достойно замечания, что Павел, совсем не зная русского языка и приводя русския слова арабскими буквами, сделал различие между словами „княгиня“ и „княжна“.

381

Пробующие кушанья. Автор, употребив русское слово „стольник», прибавляет пояснение его.

Слова эти написаны в тексте по-русски.

383

По Петербургской рукописи. По здешней: «и иных видов».

384

Антиохийский патриарх Иоаким Дау, родом араб, приезжал в Россию за милостыней в начале царствования Феодора Иоанновича. (См о нем в нашей статье „К истории антиохийских патриархов» в Сообщ. Имп. Правосл. Палест. Общ., дек. 1896 г.). — Английский переводчик, неправильно прочитав слово Дау (свет), называет эгого патриарха Нано.

385

Слова эти написаны в тексте по-русски арабскими буквами и с большими искажениями.

Дополнено по английскому переводу.

387

В арабском тексте ријзль, нога. Это архитектурное украшение называется „пандантив».

Дополнено по английскому переводу.

389

Это слово написано в тексте по-русски.

390

Жаль, что Павел Алеппский не упоминает ни имени купца, ни названия церкви, построенной им.

Он же именуется у Павла протосингелом (См. кн. V, гл. 10).

392

В тексте: „копейками“.

393

Так в ваших рукописях. В английском переводе: «не убавляют и не прибавляют», что логичнее.

394

На Востоке патриарх держит посох обыкновенно и тогда, когда стоит на своем патриаршем месте или на архиерейском среди церкви и когда кадит.

395

Отсюда до новой строки пропуск в английском переводе.

396

Дело происходило, повидимому, так: Никон, зачерпнув маленькою чашей воды и высоко подняв ее, выливал воду в большой сосуд; в силу тяжести она стремилась на дно и таким образом вся вода перемешивалась.

397

Вероятно, слюда.

398

Кирон — благословение священнослужителей патриархом, который в это время стоит на возвышении среди церкви, где он облачается.

399

Все, что заключено в прямые скобки, взято из английского перевода для пополнения пропусков, которые оказались в здешних рукописях.

400

В тексте стоит: сирран (втайне), по мало вероятно, чтобы патриарх читал молитву про себя.

401

В английском переводе: громко сказал возгласы „Ты еси воскресение и живот, покой и утешение рабов Твоих, братьев наших, митрополитов московских, Христе Боже наш» и пр.

В английском переводе церемония каждения описана гораздо подробнее, чем в наших рукописях, а именно: „.... (патриарх) кадил вокруг столика, на алтарь, престол и жертвенник, обернулся и кадил на горнее место и иконы. Затем вышел и кадил на царския двери и на все местные иконы справа и слева, а потом приблизился и кадил на икону, которая была над головою нашего учителя, затем окадил его и весь ряд предстоящих с ним, после того певчих. Точно также он кадил сербскому и бывшим с ним. Затем он пошел кругом и окадил иконы во всем храме, одну за другой, трон царя и царицы и всех предстоящих. Архидиакон, имея в правой руке свечу, предшествовал ему всюду, куда он шел, пока (патриарх), возвратившись, не стал на свое место, а два дьякона поддерживали его под руки, пока он не кончил, окадив вторично царския врата, затем столик кругом и нашего учителя, после чего взошел на свое место с кадильницей в руках. Тогда все дьяконы сошли вниз и стали в ряд перед ним, и он окадил их, между тем как они кланялись ему; точно также он кадил обоим клиросам певчих, между тем как эти кланялись ему, затем анагностам и архидиакону, которому и отдал кадильницу. После этого он трижды помолился на восток и преподал благословение обоим клиросам. Тогда архидиакон, окадив его, отдал кадильницу мне, и я кадил сначала патриарху московскому, а потом нашему учителю, передал ему кадильницу, взяв из его рук свечу, чтобы носить передь ним, и онь пошел кругом кадить таким же образом, как делал тоть, и возвратился на свое место. Ту же церемонию совершил архиепископ сербский“.

Т. е. прямо против входа.

404

Вернее, собачеголовые.

405

Здесь стоит в тексте совершенно непонятное слово, которое автор переводит словом «нож».

В английском переводе: «в течение трех лет».

Отсюда до точки дополнено по петербургской рукописи.

В тексте: „исповедуют Единого Бога“.

409

Спаги — кавалерия.

Толкование автора неверно. Название Аджитархан состоит из арабского слова аджи (или хаджи), пилигрим, и татарского тархан, рынок, ярмарка.

411

Здесь в обеих наших рукописях имеется пропуск в две страницы (оне оставлены чистыми). Пополняем его по английскому переводу. По принятому нами обыкновению, мы заключаем р прямые скобки все Места, взятые из английского перевода.

Здесь кончается пропуск, пополненный по английскому переводу.

413

В английском переводе: «чет» (по-русски).

414

В английском переводе «пятьдесят».

415

В английском переводе: „по два пиастра“.

Отсюда до конца главы дополнено по английскому переводу.

Считаем не лишним обратить внимание на это обстоятельство, досих пор, повидимому, остававшееся неизвестным, что Павел Алеппский сопровождал своего отца патриарха и во второе путешествие его въМоскву в 1666 году.

418

Автор упомянул о них в самом начале первой главы. Этот отрывок, взятый из английского перевода, по смыслу относится скореек следующей главе.

419

На родине автора, в Сирии, женщины заплетают волосы в несколько прядей и для укрепления завязывают на конце шнурком, а если волос мало, то привязывают еще пряди, но, конечно, не из конского волоса.

420

Этот Рассказ, повидимому, имеет отношение к случившемуся незадолго перед тем занятию Амурского края и города Адбавина казаками под начальством Хабарова.

421

В английском переводе: „получают большие барыши“.

422

Вероятно, название экипажа. В английском переводе: barmia.

423

Под именем дворца автор разумеет весь Кремль; следовательно, стена, построенная, по его словам, святым Петром, есть стена Китай-города.

Дополнено по английскому переводу.

425

Персиян.

Око — фун.

Мы не могли в точности определить, о какой ярмарке говорит здесь Павел Алеппский; думаем, что эта ярмарка происходила в Черкасове на Дону. В половине XVII в. этот город, будучи довольно значительным и находясь на самой границе, близь устья Дона и турецкого Азова, мог получить важное торговое значение, как складочное место товаров, перевозимых по Дону. Цветущее состояние Черкасска окончилось лишь в начале нынешнего столетия, когда в 1803 году главное управление Войска Донского было переведено в Новочеркасск. Что касается купцов Барса, о которых автор счел нужным упомянуть особо, то это, вероятно, Парсы из Индии. Они издавна приезжали в Астрахань, а при Алексее Михайловиче „Индийцы получали право посещать не только Астрахань, по столицу и внутренние города России“ (см. Костомаров: Очерк торговли Моск. Госуд., стр. 52). И они воспользовались этим правом, судя по тому, что в 1650 г один индусский купец приезжал с товарами даже в Ярославль. Мы приняли чтение петербургской рукописи; но в здешней, вместо Серкас, стоит Сирс. В этом случае можно было бы думать, что автор говорит о ярмарке на р. Свири, близ Александро-Свирской пустыни; эта ярмарка была весьма значительна в XVII в. и туда приезжали, между прочим, шведские купцы (см. Костомаров: Очерк торговли и пр., стр. 111). Что же касается названия Долян, или Дулян, которое одинаково написано в обеих рукописях, то нам не удалось пока найти объяснение его. Для решения как этого, так и некоторых других вопросов, оставленных неразъясненными, дабы не задерживать печатание перевода, мы будем продолжать изыскания и результат их приложим в конце перевода в виде отдельных примечаний.

Костомаров (Очерк торговли Моск. Госуд. в XVI и XVII ст., стр. 138) сообщает об этой ярмарке следующее: „в Брянском уезде в конце XVII века славилась Свинская ярмарка. Об ней упоминается под 1681 г. В объяснении гостей и торговых людей, данном по поводу указа о выборе в таможенные чиновники, говорится, что из разных городов посадские лучшие люди отъезжают к юроду Арханиельску, и на Макарьевскую, и на Свинскую, и на иные ярмарки для торговых своих промыслов и в домы свои не приезжают многое время. Из этого видно, что Свинская ярмарка, поставленная в числе первоклассных торжищ, была значительна и привлекала к себе многих торговцев». Эта ярмарка происходила близ Свинского, или Свенского, как теперь его называют, монастыря, в 2 вер. от Брянска. (См. также Аксаков: Исследование о торговле на украинских ярмарках, 1858, стр. 10).

429

Так называет автор иностранные монеты, бывшие в то время в обращении в России, ценою в 50 коп.

430

За этим именем следуют в наших рукописях слова, не имеющие смысла в данном месте. В английском переводе: „David of Kerbela“. По всей вероятности, это Давид I Куропалат (ум. в 881 г.) Английский переводчик неправильно прочел его прозвище.

431

Здесь в английском переводе есть вставка, которой нет в наших рукописях: „впоследствии, когда мы, по приказанию царя, ехали из Грузии в Московию во второй раз, мы узнали, что напавший на них был эмир, именуемый Шамхал, правитель Дагестана, страны, населенной племенами лезгинов и кумуков и простирающейся от границ Кахта и Тоша почти до реки Ганама, предела турецкой крепости“.

432

Окончания этой главы, начиная отсюда, и всей следующей нет в английском переводе.

Т.-е. страна, где произошло нападение.

434

Город Романов находился на среднем течении реки Воронежа. Изар не есть ли Инсар (в Пензенской губ.)? .

435

Рассказ Павла Алеппского о крещении касимовского царевича подтверждается свидетельством другого иностранного путешественника, который был в Москве через год после Павла, в 1657 г. Этот путешественник, итальянец Альберто Вимеяа да Ченеда, сообщает следующее: „придают также двору (московскому) много блеску два варварские князя, коих московитяне называют царевичами... Один из пих называется Грузинский... другой, Касимовский, крещенный за год перед сим татарин, коему от роду около 25 лет. Первому из них обещана в супружество дочь Великого Князя... второму же одна из его сестер, которую хотели было выдать в замужество за графа Вольдемара, сына покойного Датского короля Христиана IV40;“ (след., речь идет о царевне Ирине, см. Отеч. Зап. 1829 г. Апрель, стр. 84). С другой стороны, по русским источникам известно, что тогдашний Касимовский царевич Сеид Оурган (а не Сеид Мохаммед, как называет его Павел) принял крещение, в бытность свою в Москве, во второй половине 1653 г., при чем был наречен Василием (См. Шишкин: История гор. Касимова, стр. 82).

В арабском тексте казак ал-лазак. Если вместо ал-лазак читать аль азак то это значит: казаки Азовские, потому что Азак есть турецкое название Азова. Павел Алеппский называет Донских казаков Азовскими не потому-ли, что они, незадолго перед этим, прославили себя знаменитым „азовским сиденьем»? .

437

Рязанский архиепископ Мисаил был убит в апреле 1656 г. мордвою, жившею в пределах Касимовского царства, из которой он крестил более 4000 человек.

В подлиннике: „с многолетием».

„и патриарх», прибавлено в английском переводе.

т. е. Смоленск.

441

Этого описания, а также следующего за ним описания Архангельского и Благовещенского соборов, нет в английском переводе.

В арабском подлиннике: „сидящего“, в мужеском роде; следовательно, Премудрость изображена в виде мужчины. О значении символической Фигуры Премудрости на этом изображении Ю. Д. Филимонов говорит в своей статье: Очерки русской христианской иконографии, София Премудрость Божия (Вести. Общ. древнерус. искусства, 1874, 1—3, стр. 9): „что иконописцы не имели в виду даже в XVII веке переносить этот символ на Богоматерь, это очевидно и из того, что место этого символа занято изображением Спасителя на иконе Софии Премудрости Божией в одной из алтарных арок наружной стены Московского Успенского собора“.

443

Автор говорит о наружных изображениях над алтарными апсидами.

Сень.

Для сравнения приводим описание сени над престолом из описи 1638 года: „Над престолом сень, столпы меденые, литые, золочены сусальным золотом, меж столпов на дцках 4 выимки серебрены, на них на проем резаны травы; на тех же выимках 8 ангелов серебреные, чеканные, золочены. На верху у сени корунки меденые золочены. Шатер покрыт серебром, через доску золочено. На верху сени крест серебрян золочен. В той же сени, в подволоке, 16 полотенец, серебреные, резаны на проем травы, около полотенец каймы и посереди полотенец бруски серебреные золочены чеканные; вверху подволоки, в выимках, 4 завеса камки куфтерные розных цветов, околосени 4 завеса тафтяные, розных цветов. Над престолом голубь золот». О последнем подробнее в описи 1701 года: „да над престолом в сени на железной проволоке голубь весь золотой, крыле до половины, с чернью, а в нем полагается святой агнец. А шатер по углам прикреплен к стенам ченми железными“ (Русская Истор, Библиотека, т. III. СПб. 1876).

Анагносты, чтецы.

В первом случае Павел Алеппский употребил греческое слово митра, которое означает только архиерейскую митру, а во втором случае арабское слово таж, которое означает и митру и корону. Е патриаршей ризнице сохранились от времени патр. Никова две митры, средняя и большая, обе 1653 г., и две короны: одна 1653 г., другая, большая, 1655 г. На приведенных в „Указателе для обозрения московской патриаршей ризницы“, Саввы, епископа Можайскаго, изображениях митр и корон патр. Никона короны имеют кругом венцы.

448

Митрополит Иса (Иисус) был в Москве вместе с Антиохийским патриархом Иоакимом Дау в 1686 г. и, по словам Павла Алеппскаго, составил стихотворное описание своего путешествия на арабском языке.

449

Они приезжали в начале царствования Феодора Иоанновича.

Ранее, в другом месте, автор подробно описал место Ризы Господней (ко. VII, гл. XI). В описи 1038 года: „На гробе Господне ковчег серебрян золочен, на ковчеге образ Распятие Господа нашего Иисуса Христа резной; а в том ковчеге другой ковчежец серебрян, золочена, с каменьем, а в ковчежце риза Господа нашего Иисуса Христа“.

451

Автор говорит, очевидно, о сосудах Антония Римлянина.

Следовало бы сказать: от престола.

453

В описи 1638 года: „в третьем тябле образ пречистые Богородицы Воплощение“.

Монастырь дервишей.

Т. е. мусульманской. Восточные христиане, говоря насмешливо о мусульманах, обыкновенно, из предосторожности не называют их прямо мусульманами.

В подлиннике; „близ этого колокола“.

Вероятно, на Ивановской площади.

458

Так как автор часто называет дворцом весь Кремль, то под именем „Дворцовой площадки“ надо, скорее, разуметь Ивановскую площадь.

459

То есть воротов.

Автор сдержал обещание. — До сих пор пропуск у Белифура.

461

В арабском тексте: „двадцать четыре“, очевидно, по ошибке.

462

Тик называют на Востоке, из благопристойности, отхожие места.

„Они“ означает здесь, вероятно, вообще русских.

В подлиннике здесь стоит отрицание не, но мы думаем, что оно попало по ошибке переписчика, ибо едва ли дьяконы могли быть без стихарей, когда они шли со свечами в руках пред патриархом, облаченным в мантию.

465

По книге священника Константина Никольского: „Анафематствование, совершаемое в первую неделю Великого Поста“, где обстоятельно изложено историческое исследование чина Православия, вторая часть этого чина, которую обыкновенно читает протодиакон, называется синодиком. Название же синаксарий у него не упоминается.

В совершаемом ныне в России чине Православия предаются анафеме лишь древние ереси и ересиархи, каковы: Арий, Несторий, Евтихий и др., осужденные на семи вселенских соборах. Неупомянание Армян при анафематствовании было тем более желательным, что, как доказали последние исследования Хиосского митрополита Григория и знатока армянской богословской литературы, покойного Н. О. Эмина, особенно в его переводе на русский язык „Шаракан, то есть богослужебные каноны и песни армянской восточной церкви“, мнения отдельных армянских католикосов или даже поместных соборов, несогласные с учением Православной Церкви, „никогда не имели обязательного значения для всех последователей армянской церкви“, но составляли личный их взгляд на тот или другой предмет, так как в церковных песнопениях, сложенных между V и VIII веками, непременно отразилось бы монофизитское учение, если бы таковое составляло общее верование армянской церкви.

467

В подлиннике употреблено слово эфенди, что́ по-гречески значит: господин.

468

Пространство между архиерейским местом и амвоном.

469

Автор разумеет под этим, вероятно, набедренник, что довольно странно, так как архимандриту дается палица, а не набедренник.

Автор, употребив русское слово, прибавляет его пояснение.

471

В подлиннике: фрум, вероятно, новогреческое вроми, овес.

472

В настоящее время 1 кейле — приблизительно 1,3 четверика. Здесь в обеих рукописях прибавлено: „хлеба, сухарей, ржи, ячменя и овса около 120 000 кейлей“.

Последняя Фраза передана нами по английскому переводу, потому что в наших рукописях это место, очевидно, искажено.

Митрополит Иса (Иисус), о коем не раз упоминает Павел Алеппский, сопровождал в Россию Антиохийского патриархи Иоакима Дау, который прибыл в Москву в 1586 г., в начале царствования Феодора Иоанновича, (а не в конце царствования Иоанна Грозного, как ошибочно сказано в нашем примечания к гл. VI, кп. VII). Этот митрополит составил стихотворное описание своего путешествия.

475

Выше (кн. V, гл. X) автор называет эту монету каракуш риял, то есть орлиные реалы.

Под этим словом, которое часто встречается у Павла, здесь разумеется один из служилых людей. В других случаях мы переводим его словом „боярин», которое автор не употребил ни разу.

477

Очевидно, ошибочно вместо: ежегодный. Впрочем в английском переводе также: ежедневный (daily).

478

Это татарское слово стоит в подлиннике.

479

В английском переводе: в 300 человек.

По английскому переводу; в обеих же наших рукописях: „он созвал собор для патриарха и царя“.

Т. е. Кремля. Именем дворца автор обозначает весь Кремль.

482

Алексеевский монастырь, бывший на месте храма Спасителя и в 1837 г. переведенный к Сокольникам.

Т. е. на церковь в монастыре св. Креста близ Иерусалима, за Яффскими воротами.

485

Cicer aruetunum, pous cliiche.

Око = 3,13 ф. Пиастр-реал = 50 коп.

487

Какь известно, чтение акафиста Богоматери на утрени установлено в память чудесного заступления ее при осаде Константинополя аварамив 620 г, под начальством хакана, т. е. хана. Икона, пред которой происходило чтение акафиста в Константинополе, ныне находится в Успенском соборе и называется Влахернской.

По английскому переводу; в обеих же наших рукописях: «третьим».

489

Автор уже во второй раз называет венгров лютеранами.

490

По словам нашего почтенного ученого Ивана Егоровича Забелина, известного знатока русской истории и древностей, экипаж, на котором устраивалась верба, назывался санями, хотя и был на колесах. См. его Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии, часть 1. Москва, 1872 года, стр. 361.

491

В подлиннике, вместо слова „стихиры“, стоит „гимн, восхваление“; мы перевели его „стихиры“, потому что в только что цитированной нами книге И. Е. Забелина оно встречается в параллельном описании. Вот это место: „На санях под деревом за перилами стояли и пели стихиры цветоносью патриаршие певчие, поддъяки меньших станиц — мальчики лет двенадцати, в белых одеждах».

492

Число отроков, по словам почтенного автора книги Домашний быт русских царей XVI и XVII ст. Ив. Ег. Забелина, изменялось. Он говорит: „Число стрелецких детей, участвовавших в обряде (шествия к церкви Василия Блаженного), не всегда было одинаково и увеличивалось или уменьшалось, смотря по обстоятельствам. Разумеется, великолепие в обстановке обряда более всего зависело от состояния погоды. При царе Михаиле Феодоровиче, когда вообще в обрядах было менее пышности, число детей простиралось от 50 до 100; при царе Алексее Михайловиче оно доходило до 800, а при царе Феодоре до 1.000 человек, из которых 800 стлали сукна, а 200 кафтаны“.

493

Константин Никольский, автор книги „О службах Русской Церкви, бывших в прежних печатных богослужебных книгах» (С.-Петербург, 1885 г.), уверяет, что в это время, то есть во второй половине XVII столетия, и даже раньше, обряд шествия на ослити был восстановлен в надлежащем виде, то есть патриарх в это время ездил не от Успенского собора к церкви Василия Блаженного и обратно, а только возвращался верхом от последней церкви к собору.

Вот как описывает это же самое И. Е. Забелин в цитированном нами выше его труде: „По всему пути во время этого шествия дети стрельцов, мальчики от 10 до 16 лет, постилали перед государем и патриархом сукна разных цветов, преимущественно красные и зеленые. Сукна были сшиты кусками по 6 арш. в длину и по 4 арш. в ширину; у каждого куска детей было но шести человек, по три с каждой стороны. Когда одни из них расстилали эти сукна, другие по сукну стлали суконные же однорядки и кафтаны, также ярких цветов, красные, зеленые, голубые и т. п.“

495

В древности, до Иоанна Грозного, на месте собора Покрова Пресвятой Богородицы, известного более под именем церкви Василии Блаженнаго, стоял деревянный храм во имя Пресвятой Троицы Этот храм заменен был, при постройке собора, особым приделом также во имя Пресвятой Троицы, который сохраняется и доныне в числе верхних приделов.

По словам И. Е. Забелина, кушанья государю и ею семейству в этот день посылались патриархом не перед началом трапезы, как рассказывает Павел, а по окончании ее. Вот это место: „После стола патриарх посылал к царю и ко всему царскому семейству со столами, то есть с полным количеством кушаний, составляющих обед».

497

Об этом И. Е. Забелин говорит так: „Всех стрелецких детей, которые стлали путь, патриарх приказывал также поить и кормить до воли и жаловал им из своей казны по две гривны каждому“.

498

Так в уставь называется квадратный маленький столик, употребляемый в церкви при некоторых службах.

499

Этот сосуд в уставе имеет особое название „кандило“.

500

На Востоке повсеместно в банях употребляются для мытья довольно большие каменные бассейны, с которыми Павел сравнивает виденные им сосуды. Эти бассейны высекаются из цельного куска крепкого гранита или мрамора и имеют вид больших кубков вышиною приблизительно в 1 метр, с круглым водовместилищем внутри. С наружной стороны они бывают или совершенно гладки или имеют четыре граненые угла в виде столбиков, высеченных с бассейном из одного куска.

501

Речь идет, конечно, о царице Елене, матери императора Константина.

В подлиннике сказано „при пении третьего отрывка“. Что именно разумел Павел под этими словами, трудно определить. Из дальнейших его слов, что в этом отрывке было упомянуто имя царя, нужно думать, что идет речь о тропаре Св. Животворящему Кресту. На это мы находим указание в приведенном в книге „О службах Русской церкви, бывших в прежних печатных богослужебных книгах», К. Никольского, на стр. 284: „чине иже омыти мощи святых или крест мочити“, из Потребника 1625 года, где говорится: „Таже иерей омывает мощи святых или крест, влагая в воду, глаголет тропарь крещению, глас И. Во Иордане крещающуся Тебе Господи весь до конца. Та же тропарь Кресту, глас И. Спаси Господи люди Твои и благослови достояние Твое“.

503

Здесь очевидно ошибка; в числе частиц святых мощей, находящихся в Благовещенском соборе, действительно, имеется частица мощей Иоанна Крестителя. Что же касается до лопаты Иоанна Крестители, то она не может существовать на самом деле. Только иносказательно, в применении к Иисусу Христу, это слово упоминается у Евангелиста Луки, в проповеди Иоанна Крестителя (Луки 3, 17).

504

В подлиннике: солнца.

505

В подлиннике сказано „на его место“, но это очевидно ошибка, ибо из дальнейшего изложении видно, что стол, на котором постоянно находился ковчег с Ризой Господней, был тотчас же отнесен на средину церкви для возложения на него плащаницы.

506

На Востоке все священники, находящиеся в церкви во время службы, накануне воскресенья и больших праздников, пред малым Входом делают земные поклоны пред царскими вратами, и если в храме присутствует архиерей или патриарх, то они подходят к нему под благословение и затем, облачившись в алтаре только в епитрахиль и Фелонь, принимают участие в малом Входе и в пении Свете тихий. Эти земные поклоны пред царскими вратами и подхождение под благословение к архиерею называется «кирон». Кстати заметим, что когда при этом в храме отсутствует патриарх или архиерей, то духовенство, после поклона иконам, кланяется архиерейскому месту, которое по большей части бывает у последней правой колонны пред алтарем.

507

На Востоке, когда в малом Входе участвует не один только священник, а несколько, то пение Свете тихий начинается всеми среди церкви (на „хоросе‘‘) и продолжается священнослужителями при шествии в алтарь, где и оканчивается.

По восточному счислению, т. е. за час до заката солнца.

509

Автор называет Великую субботу субботой света, потому что в этот день в храме Воскресения в Иерусалиме, как известно, сходит небесный огонь.

Но тексту неясно, каким образом происходила эта перемена или чередование.

511

На Востоке и до сих пор па первый день Пасхи пред началом утрени, когда в первый раз раздается пение: „Христос Воскресе“ и отворятся западные двери, выходящие обыкновенно на паперть с одним только навесом, в толпе происходит шум и радостные клики и нередко слышатся среди нее ружейные и пистолетные выстрелы.

512

Я нигде не мог найти указания на то, что в то время в пасхальную заутреню читалось Евангелие. В „Русской Исторической Библиотеке, издаваемой археографическою комиссиейи и в книге К. Никольского „О службах русской церкви, бывших в прежних печатных богослужебных книгах» ничего об этом не говорится. На Востоке, как известно, Евангелие читается в пасхальную заутреню пред пением пасхального канона на паперти, пред неоткрытыми еще западными дверями.

513

Исаия, гл. LXIII, стих 1.

Слова „ученый из Рима“ есть дословный перевод арабского подлинника, но по данному ниже Лигаридом ответу и но сложившемуся общему мнению относительно его убеждений, которое, по-видимому, разделял и Павел, нам кажется, можно придать этому месту значение: „придерживающийся римских или западных воззрений“.

515

В „Указателе для обозрения Московской патриаршей ризницы и библиотеки“ архим. Саввы (Москва, 1858) не упоминается о саккосах константинопольских патриархов свв. Сергия и Фотия ни между теми, которые теперь находятся здесь на лицо, ни в числе тех, которые в разное время были розданы или утратились. Из находящихся в ризнице указывается на два саккоса митрополита Фотия, кои но описанию сходны с названными Павлом. О них в описи1686 года говорится, что Фотий митрополит, поставленный в Константинополе на Российский престол, оттуда „привез с собою сия два саккоса... в лето 6970 (1408) от сотворения мира“.

516

Как известию, на Востоке безбрачное высшее духовенство, состоящее, за редкими исключениями, из непринявших полного монашеского пострижения, употребляет в скоромные дни мясную пищу.

Очевидно, здесь, как и несколько выше, Павел смешал обряд поднятия Панагии с обрядом употребления артоса. См. об этом „Русск. Истор. Библиот., изд. Археограф. Коммиссиею“, Т. III, Спб., стр. 131и 132.

518

К сожалению, теперь совсем наоборот.

См. об этом в предисловии к первому выпуску и подробно в нашей статье: „К истории Антиохийских патриархов“ в Сообщениях Имп. Прав. Палест. Общ., дек. 1896 г.

См. выпуск 3-й , стр. 111—113.

521

Павел Алеппский точно не указывает времени отливки колокола.

Весьма возможно, что здесь переписчик оригинала наших рукописей, по ошибке, написал ба, брасс, вместо дира, что значит: локоть или фут.

523

В другом месте он говорит, согласно с Павлом Алеппским, что мастер был молодой человек 24 лет.

Оба они дают для окружности колокола одинаковую величину (6 4 ф .), но расходятся в определении его веса; по Павлу Алеппскому, колокол весил 12000 пудов, а по Мейербергу, 8000 п. Но последний говорит, что на колокол употреблено было сначала 11000 пудов меди и что угара было более 3000 п. Очевидно, такой процент угара слишком велик. С другой стороны, можно думать, что Павел Алеппский преувеличил вес колокола, о чем он мог знать лишь со слов других. Таким образом, вес колокола можно принять около 10000 пудов.

Вот что он сообщает об этом колоколе (Русский Архив 1880 г. I): „Возле этой башни (т. е. Ивановской колокольни) стоит другая, на которой висит колокол необыкновенно тяжелый, потому что, как говорят, он весит, 394000 фунтов (т. о. около 10000 пудов). Он имеет в поперечнике 23 королевских фута"(след., окружность его=66 ф. — величина, близкая к той, которую дают Павел Алеппский и Мейерберг), а толщиною целых 2 фута. Чтобы звонит в него, необходимо сто человек, (совершенно согласно с Павлом Алеппским) но 50 с каждой стороны; в него звонят только в большие годовые праздники, да при въезде иностранных послов».

0 том же, невидимому колоколе упоминает Корба в 1699 г. В его книге (Дневник Иоанна Георга Корба, М. 1868 г.), есть изображение этого колокола — с обозначением размеров и веса. Первые весьма близки к тем, которые дают другие путешественники, но вес показан слишком малым.

527

Эта фраза стоит в наших рукописях далее и совсем не на месте.

Т. е. стены Китай-города. Речь идет о Москворецком мосте.

529

Речка Неглинная.

530

Покровский собор или церковь св, Василия Блаженного.

531

Собственно, так называется на Востоке место, где продают хлопчатобумажные ткани; на самом же деле в безистане торгуют разными редкостями, особенно старинным оружием.

532

Значит, по-татарски, вшивый рынок (как и следующее арабское название), а также: ветошь, старье. Автор подразумевает, вероятно, Ветошный ряд.

533

Автор употребил это выражение в соответствие с турецким Баб али, Высокая Норта.

Она построена при царе Феодоре Иоанновиче.

Субаши — полицейский офицер.

Кади-аскер, военный судья, занимает место непосредственно после шейх-уль-ислама. В настоящее время таких судей два: один для Европейской, другой для Азиатской Турции.

537

Часть пашалыка.

538

Так в обеих наших рукописях. В английском переводе: более двух тысяч.

В английском переводе: 12. Как известно, Алексею Михайловичу было тогда 16 лет.

540

На Востоке не всякий, с получением степени священства (каханат; одного корня с кахин — священник; иерей, во мн. ч. каханат), получает и право исповедовать: это право, обыкновенно, дается особенно, причем священник получает палицу и называется тогда хури ; до тех пор он киссис, во множ. ч. кусус. Мы решились передать это последнее слово через „пресвитеры» (условно отличая здесь это название от „священники», которым мы переводим слово каханат). некоторым основанием для этого выбора послужило нам то, что, например, при переводе посл. Як. 5, 14: „да призовете пресвитеры церковные», а у арабов стоит кусус; наоборот в тексте: „Ты еси священник во век но чину Мелхиседекову» (Евр. 5:4) стоит слово кахин.

Павла Коломенского, известного противника нововведений Никона.

Эти „халдеи» были, как известно, действующими лицами в церемонии „Пещного действа” , которое было отменено патриархом Никоном.

543

На Востоке счет суток (именно часов ночи) начинается с заката солнца; 12 часов спустя после заката начинается счет дня. В мае солнце заходит в Москве в 8 — 8 1/2 час.; следовательно автор говорит здесь о звоне к вечерне, по нашему счету, в 8-м часу вечера, к утрени- в полночь, и к воскресной или праздничной утрени в 8 — 9 часов накануне с вечера, т.е. вслед за вечерней.

Этим греческим словом автор обозначает, вероятно, светских чиновников, состоявших на служб монастыря.

545

Подольный Пятницкий монастырь, около 1660 г. обращенный в приходскую церковь (см. о нем у проф. Е. Голубинского: Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра, стр. 263 — 265).

т. е. возле архимандрита.

Архимандритом в это время был Андриан, из игуменов Ярославского Толгского монастыря.

Так называется в верхней Сирии звездица.

549

В английском переводе: 14 пудов (!). В лаврской ризнице хранится золотое кадило, украшенное драгоценными камнями, вклад царя Михаила Феодоровича; но вес его лишь несколько более 5 1/ 2 фунтов.

550

Автор употребил здесь русское слово „переводчик», желай по видимому, указать на различие между переводчиком и толмачом; вероятно, это нечто в роде штатного и нештатного переводчика или современных драгоманов и простых переводчиков при посольствах; возможно также, что русским термином «переводчик» автор обозначает лицо, данное от московского правительства и имевшее официальный характер, а толмачом — того переводчика-грека, который приехал с нашими путешественниками из Молдавии; переводчик должен был заниматься письменным переводом, а толмач — устным.

551

Келарь Арсений Суханов, как известно, был послан на Восток, главным образом по настоянию Никона, для собирания древних греческих рукописей. Он был и в Сирии, где познакомился с патриархом Макарием, в то время еще митрополитом Алеппским. (См. о нем обстоятельное исследование С. А. Белокурова «Арсений Суханов».)

552

Вероятнее „железных». Слово жадид, новый, различается на письме от слова хадид, железо, только одной точкой под буквой х.

Написание „бинимча“ есть посильная арабская передача слова „нивница“ , т. е. погреб (так нужно понимать и соответствующее примечание в вып. I, стр. 72).

554

Написано по-русски.

Вероятно, архидиакон, а но патриарх.

556

Мелкая монета.

557

Этим именем автор называет икону Знамение.

558

Одигитрия значит: Путеводительница. Невидимому, автору в слове Ὁδηγήτρια принимает τρία в значении числительного.

559

Как на Востоке.

Т.е. во дворец.

561

В английском переводе: „патриарх.»

562

Ныне приходская церковь св. Саввы Освященного, близ Девичьего ноля, в Саввинском переулке.

563

Вероятно, село Троицкое-Голенищево (на речке Сетуни, недалеко от Воробьевых гор). Оно прежде принадлежало патриархам, и в XVII веке здесь находился дворец патриархов, который нередко посещали и цари; теперь этот дворец не существует.

Под именем русских Павел Алеппский всегда подразумевает малороссов, которых он называет также казаками, а великороссов называет постоянно московитами.

565

Око=31/8 ф.

566

В подлиннике греческое βασιλεύς арабскими буквами.

Т.е. Новодевичий.

568

Белорусские монахи, поселенные Никоном в Иверском Валдайском монастыре, были не из самого Могилева, а из города Орши, Могилевской губ., из тамошнего Кутенского монастыря.

569

Вероятно, поселенные в монастырской деревне крестьяне были из белорусов (которых автор, очевидно, смешивает с казаками, т. е. малороссами); следов., они были земляки монахам.

570

Брасс = 5 фут. 9 д.

571

Написано по-русски арабскими буквами.

т. е. спустя 2 часа после заката солнца.

573

Архимандрит Леонид в своем Историческом очерке Иверской Свято-озерской обители в ее патриарший период (с 1653 по конец 1667 г.), говоря о знатных посетителях Иверской обители, рассказывает, на основании английского перевода, о посещении этой обители патриархом Макарием, но при этом: 1) не упоминает о самом главном — закладке престолов патр. Макарием; 2) ошибочно говорит, будто „Павел (или его английский переводчик?) называет Иверский монастырь Валаамским“. Этого нет в английском переводе, где ясно сказано, что Коломенское озеро и селение принадлежат монастырю св. Валаама, the convent of St. Barlaam , т.е. Хутынскому (т. И, стр. 178). О Валаамском монастыре, который в то время был в запустении, Павел нигде не упоминает и, вероятно, совсем и не слыхал о нем. 3) Точно также ошибочно утверждает автор, что Павел называет Валдайское озеро Коломенским и что будто это последнее принадлежит Иверскому монастырю. (Русская Историч. Библиотека, издав. Археогр. комиссией, т. 5: Акты Иверского Святоозерского монастыря (15 82 — 1706), собранные архим. Леонидом. СПб. 1_78.)

Т.е. испросил у патриарха благословение начать службу.

575

Нынче на соборе шесть глав: пять на средине, а шестая на юго-западной оконечности, над приделом свв. Гурия, Самона и Авива. Входов в собор теперь три.

576

Автор говорит о гробнице св. кн. Мстислава, правнука Владимира Мономаха. Он преставился в 1180 г. и был положен в мраморной гробнице, над которою и сейчас, в приделе Рождества Богородицы, на южной стороне, поставлена с мощами его рака. Мрамор, из которого устроен гробь св. Мстислава, следует считать красноватым шифером, употреблявшимся в то время для гробниц. (См. Археолог. описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, соч. архим. Макария. Ч. 1, М 1860 г., стр. 70 и примеч.)

577

Взято из английского перевода, потому что в наших рукописях пропущено. Св. Иоанн, архиепископ Новгородский, преставился 7 сентября 1186 г. и погребен в северном притворе, где после устроен Предтеченский придел. Мощи его обретены в 1440 г. и положены в раке у южной стены этого придела.

578

Св. Никита, епископ Новгородский, преставился 31 января 1108 г. Мощи его находятся не на северной, как говорит Навел, а на южной стороне собора, тогда как мощи св. Иоанна, наоборот, с северной, а не с южной стороны.

579

В настоящее время пол в соборе чугунный.

Мозаика сохранилась до этого времени лишь в главном алтаре собора. О ней сказано следующее в вышеназванной нами книге архим. Макария: „что касается до мозаики, то она находится только в главном алтаре Софийского собора вокруг горнего места, по обеим его сторонам. Когда украшен ею соборный алтарь. неизвестно. Во всяком случае, она если не может быть признана современною Новгородскому Софийскому собору (1052), должна по крайней мере относиться к древнейшим временам его и быть признана за произведение византийских художников. По виду она подобна разноцветному стеклу, т.е. состоит из стекловидных плиточек желтого, зеленого и кофейного цвета: фигуры на ней вроде окон с полукружиями и крестами».

581

Об этой иконе см. у архимандрита Макария, ч. I, стр. 93 — 95. Там же (стр. 98 — 100) об иконе Спасителя, которая представляет лишь список, а подлинник был взят в 1561 г. царем Ионном Грозным в Москву и находится в настоящее время в Успенском Соборе.

582

Новгородский Антониев мужской монастырь находится близ самого Новгорода, в трех верстах от новгородского Кремля, вниз по течению реки Волхова, на правом берегу её. Основан в 1106 году преподобным Антонием Римлянином.

583

В английском переводе (откуда взято это место): «только он кладет камень п никто другой». Ошибка английского переводчика произошла, очевидно, от того, hажар, камень, и hижр, палица, пишутся по-арабски совершенно одинаково.

584

Успенский Колмов мужской монастырь (ныне упраздненный) находился близ Новгорода, на север в трех верстах, на левом берегу реки Волхова вниз по течению и на правом ручья Колмова, от которого и название свое имеет. Основан в 1310 году.

585

Название „Одигитрия», Путеводительница, Павел Алеппский постоянно переводит словами: „Тройное путеводительство», принимая, по видимому, слово τρια в этом греческом названии в значении «три». Монастырь, о котором он говорит, есть Сырков, ныне женский, монастырь в шести верстах от Новгорода к северу; но соборная церковь в нем в честь Владимирской Божией Матери, а не Одигитрии.

586

Крестный ход в Сырковом монастыре ежегодно совершается в день храмового праздника (Владимирской Божией Матери), 26 августа.

587

По английскому переводу. В наших рукописях: „со всеми московскими священниками и дьяконами.»

588

За 8 часов до заката солнца, по восточному исчислению. На Востоке закат солнца всегда полагают в 12 часов.

589

Вяжицкий Николаевский мужской монастырь, в 12 верстах от Новгорода к западу. Первоначальное основание монастыря относится к XIV веку.

590

Хутынский Варлаамиев, Спасо-Преображенский мужской монастырь находится в 10 верстах от Новгорода, вниз по течению реки Волхова, на правом ее берегу. Основан в 1192 году.

591

Менее чем за три часа до заката солнца.

592

Деревяннцкий Воскресенский мужской монастырь находится близ Новгорода на правом берегу реки Волхова и речки Деревяницы, расстоянием от города к северу по течению реки в четырех верстах. Основан в 1335 году.

593

Свято-Духов женский, а прежде мужской, монастырь находится на окраине Новгорода близ большого земляного вала, у С.-Петербургской заставы, расстоянием от Кремля на запад около версты. Существовал уже в XII веке.

594

Знаменский собор на Торговой стороне. Первоначальное основание его относится к XIV веку.

595

Слово „и пр.“ указывает, несомненно, на пропущенное английским переводчиком перечисление других лиц, которые облачались в алтаре вместе с патриархом.

В английском переводе (из которого мы заимствуем этот рассказ, за пропуском его в наших рукописях) сказано: „из церкви», но это невероятно, потому, что сейчас следует, видно, что из церкви вышли лишь после возгласа патриарха.

597

Новгородский Юрьев мужской монастырь находится на левом берегу Волхова, при устье ручья Княжева, впадающего в Волхов, расстоянием по прямой линии от Новгорода к югу в трех верстах. Основание Юрьева монастыря относится к 1030 году.

В подлиннике: „даровых» лошадей.

599

В Вознесенском монастыре.

т.е. во дворце.

601

Покровский собор.

602

В подлиннике: спагы и тимарии — конные воины у турок, получавшие за свою службу поместья в пожизненное владение. В соответствие с этим, Павел Алеппский называет так дворян и боярских детей, которые также отправляли конную службу.

603

Церковь св. Николая Гостунского, ныне в Филаретовской пристройке Ивановской колокольни.

604

Панагия, т.е. всесвятная, есть просфора в честь Божией Матери. В монастырях панагию, вложенную в панагиар (род складного ковчежца, имеющего с одной стороны икону Божией Матери, а с другой — Спасителя или св. Троицы), возносили за трапезой с известными обрядами и молитвами, в воспоминание явления Божией Матери апостолам по вознесении Её на небо. (См. Пособие к изучению устава богослужения правос. церкви, Конст. Никольского, стр. 69).

605

Здесь автор доканчивает начатый им раньше (см. вып. III, стр. 111 — 113) рассказ об отливке колокола.

606

Патриарх Макарий выехал в Новгород 4 августа, а вернулся в Москву 20 сентября.

607

В подлиннике бá, мера равная 5 ф. 9 д.

Последующие путешественники, барон Менерберг в 1661 г., Стрюйс в 1669 г. и другие, говоря об этом колоколе, дают почти те же размеры, что и Павел Алеппский, но вес указывают несколько меньший, а именно, около 10.000 пудов. Подробные пояснения к рассказу об отливке колокола см. в предисловии к этому выпуску.

609

Площадка на другом берегу Москвы-реки, напротив Кремля; здесь стояли пушки и производилось ученье войску.

т.е. ту же, которую он говорил при встрече царя.

т.е. спустя час после заката солнца.

т.е. с турками

613

Как известно, патриарх Иеремия был в Москве в 1588 г. и поставил патриархом митрополита Иова.

614

Крестовая палата, где нынче совершается мироварение.

615

В подлиннике: куба, капюшон, колпак, но здесь, очевидно, подразумевается камилавка, хотя для обозначения её в современном языке есть особое слово.

616

Параманд. Это четырехугольный плат с изображением креста, носимые на персях или на раменах. Параманд шнурами, пришитыми к углам ею объемлет плечи монаха и обвивает и стягивает одежду.

т.е. царевичи грузинский, касимовский и сибирские, жившие в то время в Москве.

618

Но Петербургской рукописи: „два сорока», и это вернее, так как автор дальше говорит, что всего было 12 сороков. Но относительно хлебов ошибка, очевидно, в самом оригинале, с которого сняты наши списки.

619

Слово „царь» стоит в подлиннике по-русски.

т.е. Павел с прочей свитой патриарха Макария.

621

Считая от заката солнца, который в это время бывает около 4 ч.

Пехотинцы в Молдовалахии.

т. е. с чернетью.

Английский переводчик, очевидно, опустил описание самого чина водоосвящения.

625

Перед этим патриарх, вероятно, спустился к воде.

626

Титул этот написан в подлиннике по-русски, по обыкновению, арабскими буквами.

627

Память обретения мощей св. Саввы Сторожевского.

628

Никанор (1654 — 1658). Сделавшись приверженцем расколоучителей Лазаря и Аввакума, он перешел в Соловецкий монастырь и, по взятии его царскими войсками, был казнен.

629

Сохранившийся доныне царский каменный двухэтажный дворец стоит с западной стороны собора. Его еще не было при посещении монастыря патриархом Макарием.

т. е. в третьем часу утра.

Эти слова и весь последующий разговор царя с чтецом в подлиннике записаны по-русски арабскими буквами. Достойно замечания, что произношение на а (кафари) совершенно согласно с теперешним московским.

По-грузински Павел сказал потом ектенью.

633

Это Евангелие пожертвовано царем Алексеем Михайловичем в 1049 г.; ныне в монастырской ризнице. (См о нем Истор. описание Саввина Сторжевского монастыря, С. Смирнова, М. 1860 г., стр. 55).

Равным образом вклад царя Алексея Михайловича в 1651 г.

635

Раньше Павел Алеппский, описывая обед у царя в воскресенье мясопуста (т. е. в заговенье перед Масленицей), с умилением замечает, что в этот день у него не было ничего мясного за столом, из уважения к патриархам, которые присутствовали на обеде.

636

В настоящее время их шесть.

637

Слово „царский» автор часто употребляет в смысле „великолепный» или „роскошный».

В подлиннике она названа часовней, как и предыдущая, св. Саввы. Эта церковь в 1825 г. переименована в честь св. Троицы, а имени преп. Сергия посвящен храм во втором ярусе колокольни, прежде освященный в честь св. Троицы.

639

Нынче при трапезе церковь в честь Преображения Господня, построенная царевной Софьей в 1693 г.

640

В 1806 г. своды в верхнем этаже трапезной обрушились, а в среднем были близки к падению, и потому трапезная была переделана и верхний этаж был снят. Теперь в этом здании помещаются классы Звенигородского духовного училища.

т. е. Иоанна Лествичника (писателя „Лествицы»). Церковь эта за ветхостью разобрана в 1782 г. Нынче на этом месте монастырский сад.

642

А лунь-падишах. Так назывался владетель богатой золотом области в горах Алтая и Даурии.

643

Вероятно, монеты с именем Меккского шерифа.

Пилигримы в Мекку.

645

Спасо-Преображенский собор, или Спас на Бору.

646

В английском переводе «having performed over him the last offices», что можно бы передать словами: „обрядив его“.

647

Турецкая монета.

За этими словами в английском переводе следует: „оно было написано на шелковой бумаге почерком „таалик», и на верху его, в виде вступления, были следующие слова», и далее (стр. 263 — 264, т. II) приведено в подлиннике самое письмо, но с весьма большими искажениями, делающими его неудобопонятным. В наших рукописях оно пропущено.

649

Как известно, султаны (как и всякий мусульманин но отношению к не мусульманину) в своих грамотах и посланиях никогда не величают христианских государей такими титулами и в таких выражениях, какие они присваивают себе.

650

Не значит-ли это: „надетом набекрень“? .

651

Он находится на юго восточной стороне.

Инокини Марфы.

653

Из церквей, перечисленных Павлом Алеппским, существуют нынче, кроме соборной, следующая: церковь Знамения (по Павлу, Одигитрии) перестроена в 1793 г.; внизу её склеп фамилии Шереметьевых; церковь Покрова Богородицы с трапезой выстроена в 1673 (скорее, перестроена в этом году, потому что Павел видел ее в 1655 г.); церковь преп. Сергия находится нынче в среднем ярусе колокольни (с 1787 г.). Церковь Саввы Освященного не существует, а есть придел его имени в церкви Покрова Богородицы и Николая Чудотворца. Последняя не названа Павлом, хотя она построена при больничных кельях в 1652 г. — Резного на кости образа, описанного Павлом, по видимому, уже не существует.

654

Основателем Симонова монастыря был Феодор, племянник преп. Сергия (см. о нем в „Источниках русской агиографии» Н. И. Барсукова, Спб. 1882, стр. 591 — 592). Название же Симонова монастырь получил но урочищу, на котором был основан.

655

т. е. от ворот, в настоящее время не существующих, в стене Китай-города, против Москворецкого моста.

Симеона Бекбулатовича.

Из переименованных Павлом Алеппским церквей, кроме собора, остаются до настоящего времени следующие: трапезная, нынче во имя Тихвинской Божией Матери, и Происхождения Честных Древ над западными воротами,

Т. е. первых трех дней первой недели великого поста.

659

Так Павел Алеппский называет жителей Малороссии и Белоруссии, в отличие от великороссов, которых всегда именует московитами, москоб.

75 коп. Пиастр-реалом Павел Алеппский называет полтинник, а динаром рубль.

т. е. при Посольском приказе.

Монастырь св. Георгия по дороге из Триполи к Ливану.

663

Древний монастырь близ Дамаска.

В английском переводе: „вельмож».

665

В прежнее время на Востоке женатое духовенство, к числу которого принадлежал и Павел Алеппский, брило себе голову, в чем, несомненно, отражалось влияние мусульман, у которых бритье головы составляет дело благочестия (потому что, как известно, сам Магомет брил голову), как у нас в до-петровское время, и теперь у староверов, считалось делом, противным благочестию, брить бороду, а тем более голову.

666

Вероятно, из невольного подражания русским монахам, которых Павел называет неопрятными, замечая, что они не переменяют белья до тех пор, пока оно не развалится у них на плечах.

Под этим именем подразумеваются остальные члены причта.

668

Это греческое слово, означающее „господин» употреблено в подлиннике.

669

Когда патр. Макарий уезжал из Молдавии, Стефан просил его хода ходатайствовать за него пред царем, и патриарх обещал ему.

670

Метание — слово греческое. Это малый земной поклон, при чем касаются земли не челом, а рукой.

671

Под словом „царские» здесь разумеется, вероятно, Спасские ворота.

672

Боровицкие ворота.

673

Следующая за этим фраза передана английским переводчиком, очевидно, неверно и смысл её трудно угадать: „все собрание было затем переписано, и наш владыка патриарх приступил к размещению их по местам, внутри и вне®. Быть может, следовало бы передать так: „вся церемония была записана, и наш владыка патриарх приступил к размещению икон по местам®...

674

Вероятно, икону Иверской Божией Матери, устроенную патриархом Никоном для Иверского Валдайского монастыря.

675

Эта последняя фраза — одна из тех немногих отрывочных фраз, которые имеются в наших рукописях и касаются обратного пути патриарха от Москвы до Днестра. Вместо неё в английском переводе стоить: „и мы не находили места для всех хлебов, которые они нам приносили».

676

Киево-Слупский Николаевский монастырь. Во второй половине XVII в. на поле против Пустынно-Николаевского монастыря, находившегося на Аскольдовой могиле, стоял каменный столб (слуп) с образом св. Николая; название Слупа перешло и на построенную здесь около 1715 г. церковь св. Николая. В 1 8 3 1 г. сюда переведен штат Пустынно-Николаевского монастыря.

Выдубецкий монастырь.

678

Под этим именем архидиакон разумеет Дунайские гирла.

679

Следует понимать, из полного сорока.

680

В византийскую эпоху этот город назывался Евдоксиа.

681

См. вып. III, стр. 30 и 66. Последнее место взято из английского пере вода, за пропуском его в нашей рукописи

См. Catalogue codicum manuscriptorum orientalium qui in Museo Britannico asservantur. Pars secunda, codices arabicos amplectens. Londini 1871. Supplementuin IV pag. 366

Не принимая на себя критику или защиту Павла, позволю себе отметить показавшийся мне странным факт, что тогда как почти все органы нашей светской печати (Византийский Сборник т. III 1890 г., т. IV 1897 г., т. V 1898 г., т. VI 1899 г.: Историч. Вестник май 1897 г. [∑.], апр. и сент. 1898 г. [С.], февр. 1899 г.; Русская Мысль лек. 1890 г., март и сент. 1898 г.; Русский Вестник янв. 1897 г. и март 1899 г. [под заглавием: „В старой Москве"]; Русское Обозрение апр. 1897 г.; Археологич. Известия и Заметки №№ 1. 9 — 10 и 11 — 12 1898 г. [А. К]; Наблюдатель Л; 2 1898 г.; Киевская Старина авг. 1899 г. [г. Савва]: Москов. Вед. 1895 г. № 126 и 1896 г. № 313; Русские Вед. 1896 г. №320 и 1898 г. №№ 88, 137 и 296; Новости 1896 г. №359; Кремль 1897 г. №4; Новое Время 1895 г. №6893 и Прибавление к №8146 1898 г. под заглавием: „В Москве XVII века»), несмотря на различие направлений, отнеслись серьезно и сочувственно к труду Павла, нельзя этого сказать о духовных журналах. Так, орган Москов. Духовной Академии, Богословский Вестник в библиографической статье о вышедших уже четырех выпусках приходит к следующему заключение: „записки Павла Алеппского, несомненно, преувеличивают добродетели и благочестие казаков, особенно же московитов... Павел — свидетель подкупленный в пользу русского народа богатой милостыней, вывезенной его отцом из нашей земли“. (См. Богослов. Вести., сент. 1899 г.). Не говоря о том, что это прямо противоречит следующему месту у Павла (вып. IV. стр. 21): „Бог свидетель, что я лжи не говорю и не взял с них взятку за то, что я так хвалю их“, оно неверно уже по одному тому, что Павел писал дневник для своих соотечественников, и ему, конечно, никогда в голову не приходило, что его записки будут читаться в России. Неоднократно в них он жалуется, что принужден писать украдкой, из опасения, чтобы московиты не узнали, что он ведет записки и описывает, что ему приходится видеть и наблюдать. В его записках немало юмора и не совсем лестных для нас отзывов. Непростительно также Душеполезному Чтению (авг. 1898 г.) в своей довольно обширной статье, озаглавленной: „Святая Русь“ и состоящей почти исключительно из выписок, сказать, что Павлу и его отцу „приходилось поневоле участвовать во всех постах и богослужениях, чтоб не лишиться щедрой царской милости“. Подобного суждения нельзя вывести из постоянных жалоб Павла на продолжительность и утомительность русских служб и строгость постов, и оно находится в противоречии с самым положением Павла и его отца, как патриарха. Из настоящего выпуска журнал узнает, какую милостыню получил патриарх от Алексея Михайловича и на что оп ее употребил.

Это можно видеть из возникшей, при окончании мною курса в университете, переписки по этому поводу между Петербургским университетом и Учебным Отделением Азиатского Департамента, которое, однако, не находило тогда возможным предоставить Университетской библиотеке на некоторое время для моего пользования принадлежавший ему список Путешествия патр. Макария. Порфирьевский же список в то время еще не поступал в Публичную библиотеку.

685

Это четверостишие повторяется в виде припева, после каждой строфы

Комендант.

687

Монастырь св. Саввы основан около 1625 г. и вскоре преклонен Св. Гробу. Ныне приходовав церковь.

Господарыня.

689

Некоторые сведения о монастыре Домны находятся в книге „Акты русского, на св. Афоне монастыря св. влмч. Пантелеймона», Киев, 1873.

690

Око — 3 1/8 ф.

Для потребления армян», прибавлено в английском переводе; полагая здесь ошибку переводчика, мы опустили эти слова, как не имеющие смысла.

Господарь Василий Лупул, 1634 — 1654 г.

693

Церковь св. Параскевы основана в 1550 г. Господарь Александрь (По-нушняну) правил дважды: 1552—1501 и 1564—1566.

694

Ныне село в округе Бакеу.

695

Министр юстиции, по Палаузову (см. Румынские господарства, стр. 213). Но у А. Накко (История Бессарабии, ч. 2, стр. 107) сказано, что великий ворник, (или дворник) есть министр внутренних дел.

696

Начальник конницы.

697

Вероятно, Петр II Хромой, о котором у Палаузова (стр. 32, прим. 14) сказано, что он в 1567 г. был изгнан в Малую Азию. Из Павла же Алеппского узнаем теперь, что он был сослан в Алеппо, в верхней Сирии.

Министр иностранных дел.

699

Министр внутренних дел (см. у Палаузова, там же). Но у А. Накко (см. там же) великий логофет есть министр юстиции.

700

Цыгане в Молдавии и Валахии были крепостными и разделялись на государственных, монастырских и боярских.

701

Нягое Бассараба, господарь Валахии (1513 — 1521 г.).

702

Бодун — венгерское название Виддина. Впрочем, именем Бодом (или Будум) Павел Алеппский называет также город Буду.

703

Этот город был столицей в правление Раду Негру, основателя независимой Валахии.

На самом деле по-славянски.

т. е. „красивая крепость» — величественные развалины в верхней Сирии, на пути из Триполи в Хаму.

Раду Негру (Черный), первый независимый правитель Валахии (около 1241 г. — 1264 г.)

707

Основан около 1500 года Раду Великим, который там и похоронен.

Зять Нягое — господарь Раду Великий, женатый на его дочери Руксанде.

Четверг 5-ии недели поста, когда читается покаянный канон св. Андрея Критского

Слово „и пр.“ указывает на сделанный английским переводчиком пропуск.

т. е. в 1654 г., когда, в первый приезд свой в Валахию, патриарх Макарий также совершил в Тырговиште церемонию умовения ног. (См. вып. I, стр. 133). — Эта фраза, не понятая Вельфуром, приведена им по-арабски п оставлена без перевода.

712

С этой главы начинается перевод с арабского.

713

Это — обыкновенное обращение к читателю; но в данном случае Навел, вероятно, имел в виду дьякона Гавриила, который упросил его вести дневник и которого он так восторженно восхваляет в своем введении.

714

Монастырь Козия один из древнейших монастырей Валахии; основан господарем Мирчей Старым в 1386-м году.

715

Румынское название, точнее: пестрев, форель.

716

Румынское слово тист, заимствованное с венгерского, означает чин военачальника, нем. Vorgesetzte dor Trabanten.

717

Известный Паисий Лигарид, впоследствии участвовавший в суде над патриархом Никоном.

718

Око = 3 1/8 ф.

719

Монастырь Остров (рум. Ostrovul) расположен на острове у правого берега реки. Основан господарем Нягоем в 1522-м году.

720

Цыгане, принадлежавшие правительству, подразделялись на несколько классов, из которых первый и едва-ли не многочисленнейший составляли так называемые аурари, или золотопромышленники. Им принадлежало исключительное право промывания золотоносного песка, которым обилуют некоторые реки Валахии: Арджиш, Ольт и Дымбовица. Эти цытане-золотопромышленники обязаны были уделять правительству часть добываемого ими золота, которая называлась булавочным налогом, идущим на туалет господарыни. (См. Палаузов, Румынские господарства, Молдавия и Валахия, стр. 223).

721

Но румынски Dintr’ un lemn т.е. из одного куска дерена. Монастырь находится в округе Вылъча (Valcea) и основан до 1579-го года. Теперь — женский.

По английскому переводу; в нашей рукописи: „монахи».

723

Монастырь Быстрица в округе Выльча; основан в 1498-мь году баном Барбу Крайовеску Басарабом.

В английском переводе: „дороги», и это вернее.

725

Баниас — город в Сирии; в древности Кесария Филиппова.

726

По-румынски Белаша то же, что Елена.

727

Монастырь Арнота (рум. Arnota) находится на горе, над монастырем Быстрица; основан в средине XVII в. В нем погребен Матвей Басараб, его жена и др. лица.

728

Монастырь Красна в округе VIрахова возобновлен в 1824-м году священником Раду Норложя, посвященным в монахи под именем Кесария.

729

Ныне Тыргушор, городок в округе Ирахова.

730

Монастырь Тисмана в округе Горж основан Мирчей Старым в 1392-м году. Возобновлен в 1855-м году.

Лев Томша, господарь Валахии (1630 — 1633 г.)

732

Около 40 ф.

733

Ныне хранится в Национальном Музее Древностей в Букареште.

734

Сколько нам известно, так именуется у православных арабов Игнатий Богоносец.

735

Кастамуни — город в Малой Азии.

736

Бан Крайовский занимал второе место после господаря по достоинству и председательствовал в его совете.

737

Монастырь Стрехайе (рум. Strehaie), в округе Мехединц на р. Мотре, построен в 1646-м году господарем Матвеем Басарабом, что видно из надписи над входом в церковь. Колокольня, о которой говорит Павел, — башня от древней крепости. Теперь упразднен.

Монастырь Гура-Мотро (рум. Gura-Motrului), в том же округе при впадении р. Мотра в р. Жиу (или Шиль), основан Матвеем Басарабом и возобновлен великим ворником Предой в 1653-м году. Теперь упразднен.

739

Монастырь Цинцарен (рум. Tintareni) в том же округе на р. Мотре-Нижнем (Motrulйїu-de Giosu). Получил свое название от слова tintaru, комар.

740

На Востоке монахи и ставленники, обыкновенно, именуются учениками того лица или иного начальника, которым они пострижены или посвящены.

741

Мелкая монета.

742

Городок Крайова (рум. Crajova) в округе Долж (Doljй) на р. Околе, прежняя столица банов Олтении или Малой Валахии. В нем есть несколько древних монастырей и церквей.

743

Монастырь Буковец (рум. Bucovăţ) в том же округе на р. Думбраве. Основан в 1425-м году сербскими монахами с Афона. Ныне упразднен.

744

Бодун есть венгерское название Виддина. Павел называет его «Бодун второй» потому, что этим же именем обозначает город Буду.

т.е. господаря Константина.

Эрдеб равен 8 1/2 пудам.

747

Скит Хотерен (рум. Hotarani) в округе Романац (рум. Romanati) возле села того же имени. Он во имя св. архангела Михаила. Время основания неизвестно; первое по времени возобновление относится в 1594-му году.

Обер-шталмейстер.

749

Мон. Садова в округе Долж основан господарем Матвеем Басарабом в 1633 г., в память победы над турками. Теперь упразднен.

750

Монастырь Калуйу (рум. Călуйи) в округе Романац возле села с тем же названием; ныне упразднен.

Михаил Храбрый, господарь Валахии (1592—1601).

752

Скит Станещь (Stănescĭ) в округе Выльча возле села с таким же названием.

О значении этого слова см. наше примечание в I выпуске, стр.96.

754

Монастырь Клокочов (рум. Clococĭovŭ) в округе Ольта основан в 1645 году. Ныне упразднен.

Т.е. принадлежащего храму Воскресения в Иерусалиме.

756

Раду X был господарем дважды: 1611—1616 и 1617—1623. Он же был назначен господарем Молдавии с 1623 по 1626 г. и известен под именем Раду I Великого.

757

Это слово мы, обыкновенно, переводим «вельможа» или «боярин»; но в данном месте оно, вероятно, выражает известную должность.

758

Селение Добрень (рум. Dobrenĭ) в округе Ильфов, недалеко от Букарешта.

759

То есть с изображением собаки.

760

Селение Градиште (Gradişte) в окр. Ильфов, теперь собственность правительства.

761

Монастырь Комана в округе Влашка (рум. Vlaşca), основан в 1590 году господарем Щербаном Кантакузеном.

т.е. султан

763

Селение Койень (рум. Coiepĭ) в округе Ильфов.

Селение Верещь (рум. Vărăscĭ) в том же округе Ильфов.

765

Монастырь Негоешть (рум. Negoeștĭ) в том же округе, основан в 1650 году господарем Матвеем и женой его Еленой. Ныне упразднен.

766

Монастырь Платарещь (Plătăresci) в округе Ильфов, возле села с тем же названием. Ныне упразднен и обращен в тюрьму для женщин.

767

Монастырь Тинган (рум. Tinganu) в округе Ильфов, основан в 1476 г. господарем Раду Красивым.

768

Серебряные и золотые монеты.

769

Монастырь Кобие (рум. Cobie) в округе Дымбовица (рум. Dambovita) на речке с тем же названием, основан господарем Щербаном Кантакузеном в 1605-м году. Ныне упразднен.

т.е. на подкупы.

771

Так называется в Турции подать с подданных-немусульман.

Министр финансов.

Т.е. в Константинополе.

774

Ругательное выражение.

775

Т.е. бывших сановников, так называемых мазилей.

776

Автор разумеет Семиградию, часть которой населена немецкими выходцами, так называемыми саксами.

777

Сфат (sfatu) первоначально в значении совет, совещание, затем — обмен мыслей на совете, возражения, ссора. В последнем значении в болгарском языке свада — ссора.

778

Михня III (1658—1569), родом грек. Он был сыном слесаря, и настоящее имя его было Франца. Убежав от своих родителей, он прибыл в Константинополь и обратился к Синан-паше, выдавая себя за сына Раду X и за внука Михни II. Говорят, что он сорок лет служил туркам, узнал все извороты турецкой политики и, покровительствуемый Портою, достиг наконец господарского достоинства (Палаузов, Румынские господарства, стр.48.)

779

В начале правления Константина произошло восстание этих ратников, и они были почти все истреблены.

780

Монастырь в Кымполунге (рум. Campul-Lung), в древности Долгополье, основан Раду-Негру в XIII веке, возобновлен в 1633 году Матвеем Басарабом и в 1832 году на средства правительства. Ныне упразднен.

781

Рукар (рум. Rucaru) — селение в округе Мущел (рум. Muscelu) возле горного прохода в Трансильванию с таким же названием. В древности — римская крепость Ruconium.

Главнокомандующий.

783

т.е. те бунтовавшие ратники, которые уцелели при усмирении их восстания.

784

Монастырь Маржинень (рум. Margineni) в округе Прахова основан фамилией Кантакузенов.

785

По всей вероятности, Нукушора (рум. Nucusoara), селение в округе Мущел (рум. Muscelu) на границе Трансильвании, возле горного прохода и пограничного пикета с тем же названием.

Разумеется крестный ход в начале пасхальной утрени.

Здесь кончается перевод с арабского. Все остальное переведено с английского.

788

Придворная должность. Обязанность чухадара, собственно, была надевать господарю обувь.

789

Казначей

790

Бояре в Молдавии и Валахии разделялись на три класса. Бояре 1-го класса носили бороду и в торжественных случаях серебряный посох; их было шесть: 1) великий бан Крайовы, 2) великий ворник, 3) великий логофет; 4) великий спатарь, 5) великий вестиарий и 6) великий постельник. Бояре 2-го класса так же имели серебряный посох, но бород не носили; их было тоже шесть: 1) великий ага (начальник охоты), 2) великий ключарь (начальник по продовольственной части), 3) великий каминар (начальник дворцовой стражи), 4) великий пахарник (кравчий), 5) великий стольник и 6) великий комис (обер-шталмейстер). Бояр третьего класса было семь.

791

Поверенный в делах, представитель господаря при Высокой Порте и патриархии.

792

Главный начальник артиллерии, председательствовал в уголовном суде и был инспектором тюрем; ему были также подведомственны господарские цыгане.

793

Рум. Fintina-rece. Теперь местность возле села Оревица в округе Мехединц.

794

Основан господарем Лупулом в 1648 г. Разрушен во время Гетерии и возобновлен в 1829 г. Ныне упразднен.

См. выше, кн. XIII, гл. IV.

796

Рум. Telejinu, с. в округе Прахова. С таким же названием известны находящиеся у села возвышенность, река и пограничная гора.

Брашов — румынское название гор. Кронштадта.

т.е. Ракочи.

799

Посад Вилков в Бессарабской губ. Измаильского уезда, населенный старообрядцами-рыболовами.

Разумеется, монастыря дервишей.

801

Четал, татарское слово, собственно значит: вилы. Четал — один из трех больших островов, которые вместе с 16 меньшими составляют дельту Дуная.

Румынское название осетра (Accipeuser huso).

803

Телян, татарское слово, значит собственно: добыча.

804

Очень мелкая монета.

805

Более 6 пудов.

806

Лихтер или плашкот — малое судно, посредством которого разгружают большие, в случае если последние не могут подойти близко к гавани.

807

По-турецки значит «горло», ср. рус. гирло.

808

Самая нижняя часть судна, интрюм.

809

Итальянское слово (искаженное турками в искеле) собственно: лестница. Так назывались в прежнее время торговые пристани в Леванте.

810

Обитель Неусыпающих, как видно из жития св. Иоанна Кущника, находилась в Вифинии, в Малой Азии.

811

Вероятно, искаженное итальянское слово bonaccia, штиль.

812

Память св. Георгия, епископа Амастридского, совершается не 12-го, а 21-го февраля. Амастрис — ныне Амасра.

813

Этим именем Павел Алеппский, как известно, называет казаков.

Богородичная просфора.

815

15 ноября.

816

Почетное лицо христианской общины.

817

Колючий кустарник, из цветов которого получается превосходное масло.

818

Генуэзцы утвердились, собственно, в Галате, предместье Константинополя; это было в 1216 г., вскоре после взятия его крестоносцами. Но Синоп не принадлежал генуэзцам, а входил в состав Требизондской империи.

819

То есть казаками.

820

Могущественная курдская фамилия Джанбулад владела на ленных правах санджаком Келиз, близ Алеппо, и один из членов ее, Хусейн-Джанбулад, был в начале XVII века губернатором Алеппо (см. об этом наше примечание во II-м выпуске, стр. 139.

То есть устье реки Кызык-Ирмак.

822

Ныне Самсун; этот город «сменил древний Амизус греков, который лежал в 2 километрах севернее, и от которого уцелели еще молы и остатки набережных, окаймляющие аллювиальные земли, на которых разведены сады». (Реклю, Хемля и люди, т. IX, стр. 480).

823

В действительности, реку Ешиль-Ирмак (в древности Ирис); река же Волчья (Ликос, ныне Келкид или Гермилю-чай) составляет лишь приток ее.

824

По дороге из Уние в Никсар путники должны были переправляться через реку Термэ-чай (в древности Термодонт), отличающуюся, действительно, быстрым течением, как говорит и архидиакон.

825

В древности Ликос, ныне Келкид или Гермилю-чай.

Вероятно, проход, известный в древности под именем Pylae Syriae (Сирийские ворота).

827

Сарыджа и сеймены (или сегбаны) были милицией, которая составлялась из добровольцев, пользовавшихся за свою службу свободой от податей. Эта милиция была окончательно уничтожена только в 1737 году.

Zizuphus vulgaris.

т.е. на реке Джихане.

830

Главный город в верхнем бассейне Джихуна, часто обозначаемый игрой слов под именем Аль-Бостан, или «Сад»; он и в самом деле утопает в зелени (Э.Реклю, Земля и люди т. IX, стр.556).

831

Павел Алеппский не совсем верно передает известие о походе египетского войска против татар, овладевших Сирией. Поход случился при султане Эн-Насыр Мохаммеде Ибн-Калауне, который был не отцом, а дядей султана Салах-Эддина. Татары были разбиты и прогнаны за Евфрат (в 1302—3 году.)

Св. Креститель, по-армянски.

833

Зейтун по-арабски значит: оливковое дерево.

т.е. его паства.

835

Янычарское войско делилось на орта, батальоны, которые подразделялись на ода, роты (собственно: комнаты). Их начальники носили названия, заимствованные от домашних работ: агиджи, повар, сакка, водонос и т.п.

836

Зал, об украшении которого так много заботился архидиакон, видимо, обладавший изящным вкусом, составляет необходимую принадлежность всякого богатого дома в Дамаске и вообще в Сирии и имеет много общего с древнеримским атриумом.

837

На Востоке хлебопекарная печь помещается в отдельном здании.

838

Сейданайский женский монастырь близ Дамаска — во имя Божией Матери; в нем находится Ее чудотворный образ.

839

3 штофа.

840

Род имбиря.

841

Кост — растение Аравии и Индии, из которого добывается благовонное масло.

842

Как мы уже не раз имели случай заметить, харачем в Турции называется поголовная подать с подданных немусульман. — Следует заметить, что все это место темно и возбуждает сомнение в верности английского перевода.

843

Могущественные друзские роды на Ливане.

См. следующее приложение.

Епископ Чигиринский.

Вот подлинные слова Брека: в первое путешествие свое он (Макарий) написал пять книг, а во второе — десять, но не на арабском, а на греческом языке; однако сам он перевел их по-арабски. (См. Восток Христианский, Преосв. Порфирия, стр.97).

Об этом Брек говорит: я, смиренный иерей Михаил Брек… остальную историю блаженнейших патриархов нашел в одной книге, известной под названием: Книга архидиакона Павла (См. Вост. Христ. стр.74).

Вот это место в переводе с арабского: Говоря с драгоманом по-гречески, патриарх несколько запинался, ибо греки говорят быстро, а мы, хотя и научились их языку, не в состоянии говорить на нем так же бегло как они; им это легко. Царь спросил драгомана: почему патриарх не говорит быстро? Тот ответил: потому что он стал обучаться этому языку недавно: но он знает по-турецки, и если царю угодно, то будет говорить на нем. Царь сказал: нет, Боже сохрани, чтобы такой святой муж осквернял свои уста и язык этой нечистой речью! Ненависть их к туркам велика. Несколько раньше Павел замечает, что греческому языку они научились, «когда вращались в обществе греков». Имеющиеся в Москов. Синодальной библиотеке и в Архиве Министерства Иностр. Дел грамоты патр. Макария, хотя писанные по-гречески, подписаны им, однако, собственноручно по-арабски.

Путешествия патриарха Макария.

850

Хотя 21 Мая 1268 г. приходилось в Понедельник.

851

В списке Брека: Нил.

В списке Брека: Иеремия.

Это явное смешение с Иоакимом, патриархом Александрийским.

См. об этом в Древностях Восточных Имп. Моск. Археол. общ. 1891, т.I, вып.2: О рукописном сборнике XVII в. на разных восточных языках из собрания графа А.С.Уварова.

855

Персиян.

856

Под этим именем разумеется Седнайский женский монастырь Пресвятой Богородицы, который, находясь на вершине горы, имеет вид неприступной крепости и неоднократно служил надежным убежищем для христиан и для сокрытия церковных сокровищ патриархии.

857

Сероватая — прозвание Алеппо.

858

Предисловие к этому описанию мы опускаем, так как в общем оно аналогично с нашим предисловием к 1-му выпуску.

859

См. предисловие к III выпуску нашего перевода.

См. статью нашу в сборнике Caristhria, Москва 1896 г.: «Некоторые курьезы английского перевода Путешествия антиохийского патриарха Макария» и предисловие к I-му выпуску нашего перевода.

861

Сюда относится, напр., описание великой церкви Киевской лавры, единственное предшествующее пожару 1718 года и представляющее храм таким, каким он был при Петре Могиле (см. у нас вып. II, 46—54 и примеч. на стр. 46—47); описание московских кремлевских соборов, колокольни, отлития большого колокола (III, 97—114) и т. д.

862

Страницы пронумерованы уже в России (нашими цифрами), и на последнюю страницу пришлась цифра 883. Но это произошло вследствие того, что нумера поставлены также на четырех белых страницах (7 и 8, 27 и 28, где переписчик, по ошибке, перевернул сразу по два листа), и вследствие того, что после 489 сразу, ошибкой, поставлено 500. Между стр. 466 и 467 оставлены две рядом страницы белыми. Конец фразы (полстроки), перенесенный с 466 стр. на оборот, указывает намеренность пробела. В тексте здесь пропуск, восполняемый по Бельфуру (см. наш перевод, вып III, 61). В рукописи Учебного Отделения тот же пропуск и так же пробел на две страницы, но начинающийся (и кончающийся) с середины страницы. Отсюда видно: а) что наша и петербургская рукописи восходят к одному оригиналу, в коем, в этом месте, утрачен был лист; б) что размещение текста по страницам, по крайней мере около данного листа, совпадало в нашей рукописи и в ее оригинале. Далее, в самом начале книги, первая (ненумерованная у нас) страница заполнена началом же текста, но с пропуском, после заглавного слова: «Предисловие», вступительных слов: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа»; очевидно по причине этого пропуска, страница эта оставлена втуне, над ней сделана переписчиком надпись: «не считать», затем пропущены три страницы белыми, и затем уже снова начат текст, опять со слова «Предисловие» (черным) и на этот раз со славословием (киноварью).

863

См. Les manuscrits arabes de l’Institut des langues orientales, par le baron Victor Rosen, №70: Voyages de Macarius dans la Turquie et la Russie, decrits par l’archidiacre Paul d’Alep.

864

The travels of Macarius, patriarch of Antioch, written by his attendant archdeacon, Paul of Aleppo, in Arabic. Translated by F.C.Belfour. London 1829—1836.

865

К сожалению, нам не пришлось видеть этот список, несмотря на наши просьбы и данное нам обещание.

866

Catalogus codicum manuscriptorum orientalium qui in Museo Britannico asservantur. Pars secunda, codices arabicos amplectens. Londini 1871. Supplementum IV, pag. 366: DCCCII. Codex chartaceus in fol., ff.105: luculenter exaratus A. D. 1765. — Paulus Archidiaconus Aleppensis… (опускаем арабский текст). Relatio itinerum Macarii, Patriarchae Antiocheni, per Turcarum et Moscovitarum terras, ab anno mundi 7160 ad annum 7167 (A. D. 1652—1659), in quibus auctor, Macarii filius, patrem comitatus est. [Обозначение это не вполне точно: в рукописи изложены и события по возвращении, по 15 июля 1661 г.] (Anglicam hujus relationis versionem, ad fidem codicis nostri, public juris fecit F.C.Belfour: "The travels of Macarius, Patriarch of Antioch, written by his attendant, Archdeacon Paul, of Aleppo". London 1829—1834). [Надо: 1836]. Init… Hoc tomo pars operis prima continetur, scil. ab initio usque ad haec verba… (Vide vers. Angl., tom. I, p. 227). Inter praefationem et Relationis initium inseruit auctor historiam compendiosam Patriarcharum, qui Antiochiae primatum, ex quo sedes ejus Antiochia Damascum delata fuit, ad sua usque tempora, scil. ab anno Hijrae 666 ad annum 1062 (A. D. 1267—1652), obtinuerunt. (Haec operis pars a paraphraste Anglico omissa est.) Add. 18, 427. DCCCIII. Codex chartaceus in. fol., ff. 82: eadem manu exaratus, ac praecentens. Ejusdem operis tomus secundes, primum continuo excipiens, et his verbis desinens... Add. 18, 429. DCCCIV. Codex chartaceus in. fol., ff. 87: Scropturae ejusdem. Tomus tertius, quo superior continuatur usque ad haec... Add. 18. 429. DCCCV. Codex chartaceus in. fol., ff. 101: eadem manu exaratus. Tomus quartus, quo opus absolvitur. In fine... "Obtigit finis exscribendi hujus libri hic die, decimo nono mensis Ayar, e mensibus anni millesimi septingentesimi quinti ab Incarnatione Dei". Add. 18, 430.

867

Председатель Императорского Московского Археологического Общества графиня П.С. Уварова, по поводу прочитанных мною в Обществе рефератов о некоторых пропущенных в английском переводе отделах (список Антиохийских патриархов, описание великой церкви Киево-Печерской лавры и описание Успенского и других кремлевских соборов), любезно приняла на себя труд снестись с Королевским Азиатским Обществом в Лондоне для получения сведений о рукописи гр. Грильфорда: но в полученном ответе, к нашему удивлению, сообщено, что за прекращением рода графов Гильфордов Обществу неизвестно, в чьем владении находится теперь принадлежавшая гр. Фредерику рукопись.